This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

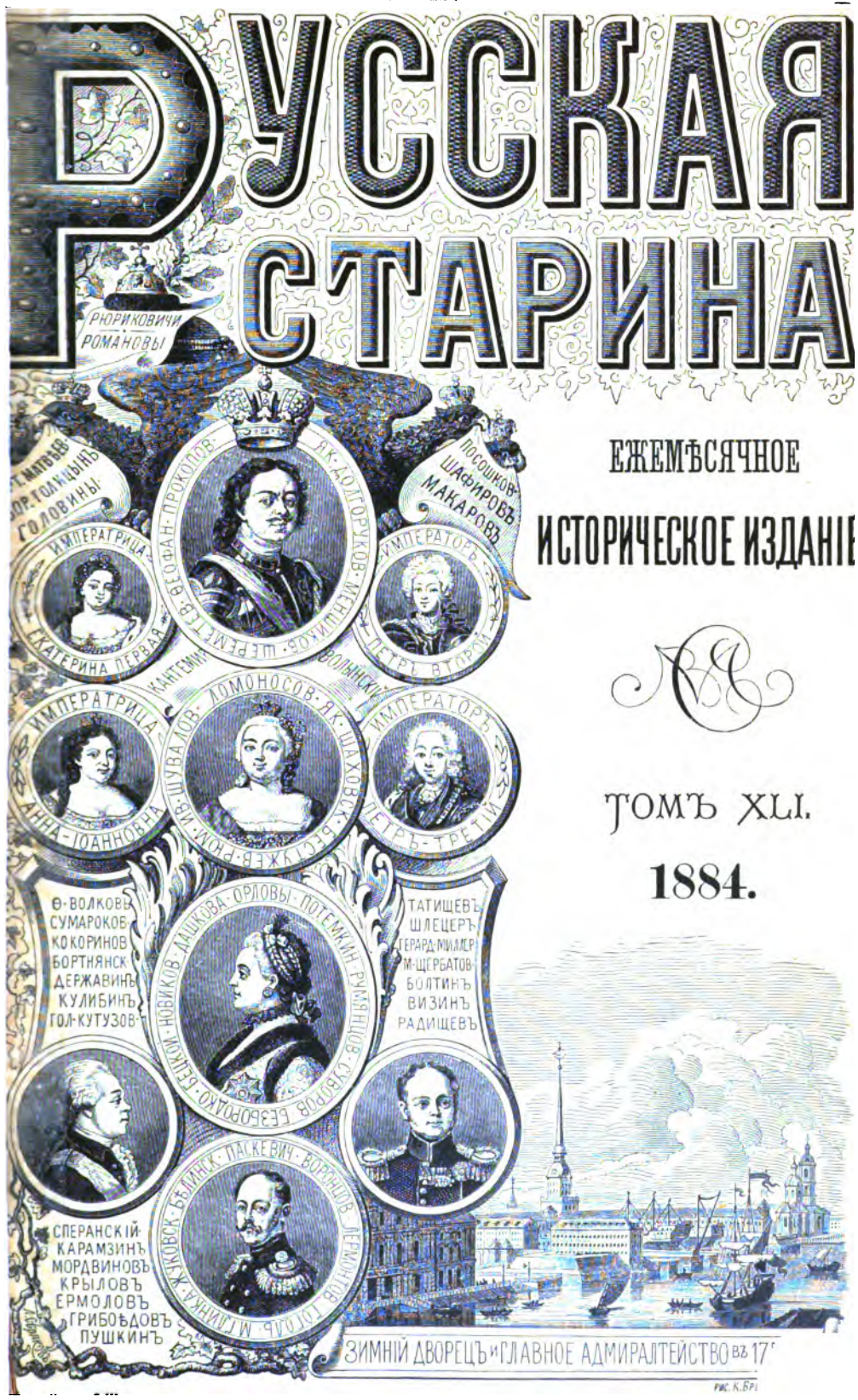
PSlm 605.25

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

or journalism

pp 217 – 223

РУССКАЯ СТАРИНА



ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ТОМЪ XLI.

1884.

P Slav 605.25
~~Slav 25.10~~
1884

Harvard College Library
Jan. 1[illegible], 1902
PIERCE FUND.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY
NOV 1 1974

8234
44

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ пятнадцатый. ЯНВАРЬ. 1884 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Въ Прибалтійскомъ краѣ.** Изъ записокъ русскаго чиновника. (Окончаніе). 1

II. **Виленскіе очерки** 1863—1865 гг. (Окончаніе). 15

III. **Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ** и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг. Сообщ. бар. А. Е. Розенъ 61

IV. **Дневникъ Вильгельма Карловича Кюхельбекера,** 1831—1845 гг. Глава VII: въ Свеаборгѣ, 1834 г. 71

V. **М. Ю. Лермонтовъ** на Кавказѣ въ 1840 г. Сообщ. П. Висковатовъ. 83

VI. **Война съ польскими мятежниками въ 1831 г.** въ перепискѣ имп. Николая I съ гр. Дибичемъ. . 93

VII. **Разсказы** кн. **Александра Николаевича Голицына: Александръ I** и его время 123

VIII. **Императоръ Николай Павловичъ** и его время, 1831—1849 гг. . 135

IX. **Николай Васильевичъ Гоголь** въ письмахъ къ Арк. Ос. Россети, 1843—1847 гг. Сообщ. П. И. Мальяръ. 163

X. **Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ** въ письмахъ къ М. А. и П. А. Милютинымъ, 1867—1875 гг. Сообщ. М. А. Стаалъ (Милютина). . . 175

XI. **Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой** въ письмахъ къ Якову Петровичу Полонскому. 195

XII. **Николай Герасимовъ. Помяловскій.** 199

XIII. **Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ,** 1845—1849 гг. Воспомин. бывш. юнкера. 203

XIV. **Гр. Каподистрія и гр. К. В. Нессельродъ,** 1820—1821 гг. Сообщ. гр. Д. К. Нессельродъ. 219

XV. **Императрица Елисавета Алексѣевна** † 4-го мая 1826 г. . 225

XVI. **Матеріалы и замѣтки:** Земскіе и Затрапезные. Сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій (217).—К. В. Чевкинъ (160).—Вл. Христіани. Граве (161).—Николай I въ 1842 г. (60).—Ив. Серг. Тургеневъ въ полицейской части въ апрѣлѣ 1852 г. (173).—М. И. Глинка и В. А. Жуковскій (194).—М. Ю. Лермонтовъ, вновь найденный его портретъ.—Музей (239 и 240).—Храмъ Воскресенія Христова въ С.-Петербургѣ (237).—О памятникѣ на могилѣ Вольшскаго (224).—Поправки къ шуткѣ-поэмѣ гр. А. К. Толстого (198).

XVII. **Библіографическій листокъ.**

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ императрицы **Елисаветы Алексѣевны** † 4-го мая 1826 г., гелиографическій снимокъ, исполненный Экспедиціей заготовл. гос. бумагъ съ гравюры Клаубера 1798 г.—II. Портретъ **Михаила Юрьевича Лермонтова,** вновь найденный и впервые изданный, рисов. съ натуры бар. Палемъ, гравир. художн. Ив. Ив. Матюшинъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1884 г.

Цѣна ДЕВЯТЬ руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, д. № 1.

1884.

1-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1884 г.

1783—1883. В. А. Жуковскій. ...ствованіе его памяти въ С.-Петербургѣ 29 и 30 января 1883 года. Изданіе Н. И. Стояновскаго. Съ приложеніемъ портретовъ В. А. Жуковскаго и его супруги. Спб., 1883 г., въ 8 д., стр. 84. Цѣна 1 руб.

Чествованіе памяти того или другого изъ нашихъ первоклассныхъ писателей въ высшей степени благотворно вліяетъ на оживленіе славной памяти таковыхъ людей въ современномъ обществѣ. Собраніе сочиненій поэта Жуковскаго, въ прекрасномъ изданіи, выпущенномъ И. И. Глазуновымъ, подъ редакціею П. А. Ефремова, разошлось почти сполна именно послѣ празднествъ, устроенныхъ въ ознаменованіе столѣтней годовщины дня рожденія поэта. Въ историческихъ журналахъ, въ особенности на стр. «Русской Старины», явилась масса подлинныхъ писемъ и замѣтокъ Жуковскаго. Вышла въ свѣтъ книга докт. Зейдлица, посвященная очерку жизни и характеристикѣ Василія Андреевича. Н. И. Стояновскій издалъ изящную и весьма обстоятельно составленную вышеназванную брошюру. Здѣсь собраны рѣчи, стихи, привѣтственные адресы, обозрѣніе выставки портретовъ, автографовъ, изданій В. А. Жуковскаго; брошюра украшена двумя превосходно исполненными портретами; одинъ изъ нихъ, портретъ Жуковскаго въ гравюрѣ г. Паннемакера, былъ приложенъ нами къ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г. Вообще изданіе Н. И. Стояновскаго очень хорошо уже тѣмъ, что сохранитъ для грядущихъ поколѣній русскихъ людей описаніе достопамятныхъ дней 29 и 30 января 1883 г., въ которые петербургское общество воздало должное писателю, поэту и наставнику великаго Государя-Освободителя.

Лермонтовскій музей Николаевскаго кавалерійскаго училища. 1883 г. Составилъ А. А. Бильдерлингъ, начальникъ училища. Въ б. 8 д., стр. 82, съ прилож. 7 фототипій и 2 автографовъ.

Изящно изданный каталогъ вполнѣ достоинъ драгоцѣнныхъ коллекцій, вошедшихъ уже въ составъ этого музея. Г. Бильдерлингъ не только любитель отечественной словесности, но и хорошій художникъ,—поэтому не мудрено, что онъ обставилъ настоящее изданіе вполнѣ художественно: здѣсь красками отпечатанный гербъ Лермонтова, снимки съ его почерка, снимокъ съ рисунка профес. Зичи: Демонъ, снимокъ ...аго рисунка самого Лермонтова ...мъ листѣ юношеской его ... вести; затѣмъ нѣсколько весьма хорошихъ рисунковъ А. А. Бильдерлинга: Хаджи-Абрекъ, купецъ Калашниковъ надъ ... помъ опричника, Герой нашего времени, юнкеръ М. Лермонтовъ, Лермонтовъ убитый 15 іюля 1841 г. Въ началѣ каталога помѣщенъ рисунокъ дома, гдѣ жилъ Лермонтовъ въ с. Тарханахъ, Пензенской губ., и церкви, гдѣ онъ похороненъ. Содержаніе каталога распадается на шестнадцать отдѣловъ, изъ которыхъ состоитъ въ настоящее время музей. Таковы: Подлинныя рукописи Лермонтова;—копіи съ рукописей и корректуры;—картины и рисунки работы Лермонтова; — документы о его службѣ; — изданія его сочиненій; — журналы и сборники, въ которыхъ помѣщены его произведенія; – переводы;—книги, журналы, сборники, въ которыхъ помѣщены статьи и отзывы о Лермонтовѣ, его произведеніяхъ, переводахъ, портретахъ и рукописяхъ;—портреты М. Ю. Лермонтова.

Въ числѣ четырехъ оригинальныхъ, писанныхъ съ натуры портретовъ Лермонтова, ред-ръ «Русской Старины» пожертвовалъ ему принадлежащій акварельный портретъ, писанный съ Лермонтова въ сент. 1839 г. художникомъ Клиндеромъ, хромолитографическій снимокъ съ котораго, исполненный въ Парижѣ у Лемерсье, приложенъ къ IX кн. «Русской Старины» изд. 1875 года.

Не перечисляемъ сокровищъ, собранныхъ уже въ Лермонтовскомъ музеѣ. Они перечислены въ вышедшемъ въ свѣтъ каталогѣ, съ требованіями на который желающіе могутъ обращаться въ С.-Петербургъ, въ Николаевское кавалерійское училище, къ генералу А. А. Бильдерлингу.

Значеніе таковыхъ музеевъ громадно и въ отношеніи воспитательномъ ко всему современному обществу, и въ отношеніи прямо къ сохраненію всего, что относится до талантливаго вожака всего, что есть лучшаго въ нравственномъ строѣ этого общества. Въ виду этого, не слѣдовало-ли бы Петербургскому университету, не откладывая въ даль, отвести въ своей библіотекѣ шкафъ, да двѣ-три витрины для основанія Тургеневскаго музея, въ честь питомца этого университета, сильнаго талантомъ автора «Записокъ Охотника». Стоитъ только положить начало—и, несомнѣнно, горячо отзовутся русскіе люди на вклады въ таковой музей. Профессорамъ

"RUSSKAIA STARINA"
41
1884

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1884

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLI.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА,

† 26 мая 1826 г.

ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

Изъ записокъ русскаго чиновника.

1856—1876 г.

VIII [1]).

Лютеранская церковь въ Россіи вообще и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ въ особенности.

1876 г.

Изложенное выше, въ главахъ VI и VII, находится въ связи съ общимъ вопросомъ о положеніи лютеранской церкви въ Россіи,—гдѣ лютеранство принадлежитъ къ числу терпимыхъ исповѣданій,—и въ частности въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ оно практически господствуетъ. Имѣвъ случай изучить этотъ вопросъ, на ряду съ другими, касающимися нашихъ окраинъ,—я хочу изложить тѣ выводы, къ коимъ привело меня это изученіе.

Протестантскихъ исповѣданій у насъ числится два: евангелическо-лютеранское (аугсбургское) и евангелическо-реформатское. По численности протестанты (по календарю Суворина за 1876 г.—2.683,000), занимаютъ, послѣ католиковъ (до 7½ мил.), первое мѣсто въ ряду иностранныхъ исповѣданій.

Большинство протестантовъ принадлежитъ къ лютеранскому исповѣданію; сюда относятся: масса населенія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и почти всѣ нѣмцы, разсѣянные по всей Россіи въ качествѣ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, помѣщиковъ, купцовъ, аптекарей, булочниковъ, сапожниковъ, управляющихъ имѣніями и мастеровыхъ; кромѣ того сплошное, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ во-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1882 г., томъ XXXV, стр. 59—90; изд. 1883 г., т. XL, декабрь, стр. 553—572.

сточныхъ и южныхъ губерній, населеніе колонистовъ. Кромѣ прибалтійскихъ эстовъ и латышей, почти всѣ лютеране—русскіе подданные—считаютъ себя нѣмцами, хотя бы сами они и даже дѣды ихъ родились и жили въ предѣлахъ Россіи. Есть изъ обжившихся въ Россіи образованныхъ нѣмцевъ-лютеранъ такіе, которые, подобно обрусѣвшимъ православнымъ нѣмецкихъ фамилій, сроднились вполнѣ съ новымъ отечествомъ, считаютъ русскій языкъ роднымъ языкомъ и русскіе интересы ставятъ выше нѣмецкихъ; но они составляютъ исключеніе. Большинство лютеранъ-нѣмцевъ считаютъ себя, въ новомъ отечествѣ, представителями германской расы, высшей культуры или хоть просто высшаго умѣнья пользоваться обстоятельствами въ свою пользу. Они любовно относятся къ далекому гезамтъ-фатерланду и болѣе равнодушно и даже иногда пренебрежительно ко всему русскому; поддерживаютъ другъ друга на службѣ и въ общественной дѣятельности; служатъ правительству по обязанности, обществу по совѣсти или по разсчету; словомъ, если они, не забывая себя, добросовѣстно ведутъ свое дѣло и несутъ свои обязанности,—все же для нихъ интересы и достоинство Россіи менѣе близки къ сердцу, чѣмъ для настоящаго русскаго. Если такое настроеніе русскихъ нѣмцевъ и такое отожествленіе, на практикѣ, если не по принципу, лютеранскаго вѣроисповѣданія съ нѣмецкою національностью,—и можетъ быть признано, въ извѣстной степени, элементомъ для сепаратистскихъ стремленій,—изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы лютеранское духовенство играло, въ этомъ отношеніи, роль, сколько нибудь сходную съ ролью католическаго духовенства по отношенію къ польскимъ стремленіямъ и чтобы дѣятельность департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, по завѣдыванію дѣлами лютеранскаго исповѣданія, могла имѣть какое-либо существенное политическое значеніе, въ смыслѣ парализированія сепаративныхъ стремленій нашихъ нѣмцевъ. Во первыхъ, внѣ Прибалтійскихъ губерній, обособленіе русскихъ нѣмцевъ не можетъ, по ихъ разбросанности, имѣть никакого политическаго значенія. Нѣмцы могутъ обособляться, пользоваться выгодами взаимной поддержки и привиллегированнаго положенія, утѣшать себя сознаніемъ своего превосходства, кичиться званіемъ представителей германской расы, культуртрегеровъ, родичей гражданъ могущественнаго государства; но не могутъ, внутри Россіи, мечтать ни о политической самостоятельности, ни о присоединеніи къ Германіи какой-либо отдаленной мѣстности, гдѣ сошлось много нѣмцевъ—напримѣръ Саратовскихъ колоній! Если большее сближеніе нѣмцевъ-колонистовъ съ русскими жела-

тельно, то не въ политическомъ, а въ экономическомъ отношеніи, чтобы была достигнута основная мысль учрежденія колоній—научить русскихъ лучше хозяйничать. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, большинство населенія—эсты и латыши не считаютъ себя вовсе нѣмцами, хотя (за исключеніемъ одной пятой ихъ части въ Лифляндіи, принявшихъ православіе) исповѣдуютъ лютеранскую вѣру; стало быть большинства населенія даже не коснулось тамъ замѣчаемое въ русскихъ нѣмцахъ отожествленіе религіи съ національностью. Во вторыхъ, въ лютеранскомъ духовенствѣ вовсе нѣтъ той корпоративной замкнутости, того политическаго властолюбія, того единства въ стремленіи къ достиженію своихъ особыхъ мірскихъ цѣлей, путемъ религіознаго вліянія на массы и на отдѣльныхъ лицъ,—вліянія, поддерживаемаго исповѣдью и полнымъ подчиненіемъ воли экзальтированныхъ женщинъ и фанатизированныхъ мужчинъ руководству своего directeur de conscience,—которые отличаютъ духовенство католическое, дѣлая изъ него status in statu—политическую партію, имѣющую свою особую политическую программу. Лютеранскія консисторіи состоятъ на половину изъ свѣтскихъ лицъ и еслибы въ дѣйствіяхъ ихъ было замѣтно какое-либо нежелательное направленіе (положимъ хоть въ смыслѣ онѣмеченія эстовъ и латышей), то въ этомъ случаѣ духовенство только слѣдовало бы за движеніемъ въ средѣ дворянства, а не руководило бы этимъ движеніемъ. Пасторы подчинены консисторіямъ въ дѣлахъ оффиціальныхъ, въ отправленіи служебныхъ обязанностей; но они самостоятельны въ личныхъ политическихъ убѣжденіяхъ. Если пасторъ является русофобомъ, то онъ является таковымъ самъ по себѣ, или какъ представитель мѣстной нѣмецкой интеллигенціи, а вовсе не какъ служитель лютеранской церкви. Вообще лютеранское духовенство у насъ не образуетъ особой клерикально-нѣмецкой партіи; не имѣетъ общихъ корпоративныхъ стремленій, въ чемъ либо противныхъ правительству; занимается своимъ дѣломъ, печется о своей паствѣ и по своей организаціи поставлено къ правительству въ удовлетворительныя отношенія; но, разумѣется, нѣмецъ, дѣлаясь пасторомъ или генералъ-суперинтендентомъ, не перестаетъ быть нѣмцемъ и до извѣстной степени проводитъ, въ сферѣ своей дѣятельности, свои личныя воззрѣнія. Пасторы, въ большинствѣ, по уровню своего образованія, стоятъ выше духовныхъ лицъ другихъ исповѣданій; имъ чужды грубые пороки и пьянство; они часто, лично, люди почтенные; многіе изъ нихъ, особенно въ городахъ, искренно преданы попеченіямъ о своей паствѣ, дѣламъ проповѣди, назиданія, благотворительности, обученія дѣтей бѣдныхъ прихожанъ.

Церковныя школы, при лютеранскихъ киркахъ, привлекаютъ къ себѣ иногда и православныхъ учениковъ. Не говоря объ извѣстной Петершулэ въ Петербургѣ, даже въ Царскомъ Селѣ, въ маленькой школѣ при лютеранской церкви, обучаются и православныя дѣти, для преподаванія коимъ закона Божія приглашенъ православный священникъ; но прочіе предметы преподаются по нѣмецки. Въ Прибалтійскомъ краѣ крестьяне обязаны первоначальнымъ развитіемъ между ними грамотности—пасторамъ; они же первые стали разработывать мѣстныя нарѣчія; составили эстонскіе и латышскіе буквари и грамматики; стали издавать на народныхъ нарѣчіяхъ дешевыя книжки и газеты. Въ одномъ можно упрекнуть отчасти сельскихъ пасторовъ—они изпановались, т. е. стали барами; въ нихъ мало христіанскаго смиренія; они держатъ себя гордо и далеко отъ народа, пользуясь такимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, которое приравниваетъ ихъ къ помѣщикамъ. Вообще говоря, правительство можетъ, мнѣ кажется, оставаться къ лютеранскому духовенству въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, оказывая ему поддержку и содѣйствіе въ его духовныхъ нуждахъ, вездѣ, гдѣ это возможно, не ставя только лютеранскаго исповѣданія въ привиллегированное, относительно господствующей православной церкви, положеніе и настаивая единственно на соблюденіи духовенствомъ нашихъ законовъ и на непротиводѣйствіи ко введенію русскаго языка въ обученіе и даже въ проповѣдь тамъ, гдѣ это будетъ признано полезнымъ. При умѣренности въ требованіяхъ правительства и при твердости его въ настоянiи на своемъ тамъ, гдѣ это дѣйствительно необходимо, можно легко вести дѣла лютеранскаго вѣроисповѣданія, не мудрствуя лукаво и сохраняя къ представителямъ сего вѣроисповѣданія самыя лучшія отношенія, которыя могутъ служить примѣромъ для католическаго исповѣданія. Излишняя уступчивость правительства (напримѣръ, въ устраненіи русскаго языка изъ колонистскихъ народныхъ школъ) можетъ быть настолько же вредна, по отношенію къ самому дѣлу и даже для поддержанія добрыхъ отношеній къ лютеранской церкви,—какъ и непомѣрныя требованія, ибо слабость правительства возбуждаетъ чрезвычайныя притязанія, опирающіяся на полученныя уступки,—и дѣло позже кончается бо́льшимъ разладомъ, чѣмъ въ случаѣ своевременнаго настоянія на справедливыхъ требованіяхъ правительства. Я, впрочемъ, допускаю возможность столкновенія между желаніями лютеранскаго духовенства и правительства только по двумъ, покуда, вопросамъ: по введенію русскаго языка вообще и по охраненію интересовъ правительства въ Лифляндской губерніи.

Разумѣется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что люди, считающіе нѣмецкій языкъ роднымъ языкомъ, въ правѣ желать молиться въ церквахъ и слушать проповѣди на родномъ языкѣ. Но нельзя-же людямъ, живущимъ въ Россіи, не учиться русскому языку въ народныхъ школахъ. Между тѣмъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ пасторы противодѣйствуютъ введенію въ обученіе русскаго языка, стараются придать народнымъ школамъ — характеръ чисто церковныхъ, нѣмецкихъ школъ и въ дву-классныхъ школахъ готовить себѣ только помощниковъ-кистеровъ и школьныхъ учителей. Земство и сами колонисты смотрятъ на дѣло иначе, и правительство должно ихъ поддерживать противъ притязаній пасторовъ. Точно также въ Прибалтійскихъ губерніяхъ правительство должно бы всѣми мѣрами содѣйствовать удовлетворенію желанія сельскаго населенія обучаться въ школахъ русскому языку. Замѣчательно, что въ менонитскихъ школахъ обученіе русскому языку введено по желанію самихъ менонитовъ, у которыхъ, вмѣсто присланныхъ лютеранскою консисторіею пасторовъ, есть только свои, выборные наставники. Съ другой стороны, приведу разсказанный мнѣ лично, съ гордостью, однимъ пасторомъ, примѣръ того, чего можетъ достигнуть, посредствомъ школы, одинъ нѣмецкій пасторъ-культуртрегеръ. На Кавказѣ есть колонія, образованная изъ шотландцевъ-сектаторовъ, выселившихся изъ отечества въ царствованіе королевы Елизаветы или позже, вслѣдствіе стѣсненій, коимъ они подвергались со стороны господствующей церкви. Колонисты привезли съ собою своего проповѣдника; но потомъ, по смерти его, не имѣя въ своей средѣ кѣмъ его замѣнить, просили лютеранскую консисторію прислать имъ пастора, который согласился бы соблюдать ихъ обряды. Явился пасторъ-нѣмецъ въ среду шотландцевъ, окруженныхъ армянскимъ, грузинскимъ и татарскимъ населеніемъ. Пасторъ ввелъ въ мѣстной школѣ преподаваніе нѣмецкаго языка и понемногу сталъ замѣнять прежніе обряды колонистовъ — чисто лютеранскими. Преемники его шли далѣе тѣмъ же путемъ и не прошло ста лѣтъ, даже, кажется, шестидесяти лѣтъ съ назначенія перваго нѣмецкаго пастора, — и шотландскіе сектаторы, бросившіе родину изъ ревности къ ученію своей секты, переродились, въ кавказской глуши, вдали отъ нѣмецкаго населенія, въ чистыхъ нѣмцевъ-лютеранъ, забыли свой родной языкъ и ученіе своей секты, и это достигнуто упорными, но одиночными, усиліями пасторовъ, которые, вмѣсто того, чтобы самимъ научаться языку своихъ прихожанъ, съумѣли заставить ихъ, посредствомъ обученія въ школахъ двухъ-трехъ поколѣній, промѣнять свой родной языкъ на нѣмецкій.

Такихъ же результатовъ могли-бы достигнуть пасторы и относительно эстовъ и латышей, если-бы они давно еще, при крѣпостномъ правѣ, принялись серьезно за ихъ онѣмеченіе. Но въ то время это не входило въ программу мѣстныхъ пасторовъ, сдѣлавшихся зажиточными и гордыми помѣщиками и смотрѣвшихъ на крѣпостное мѣстное населеніе съ слишкомъ большимъ пренебреженіемъ, чтобы думать о поднятіи ихъ, образованіемъ, до уровня нѣмцевъ. Лучшіе-же, наиболѣе дѣятельные молодые пасторы заинтересовались забитымъ народомъ и его особыми нарѣчіями и стали, изъ любви къ наукѣ, разрабатывать эти нарѣчія. Теперь, когда эсты и латыши стали свободнѣе и развитѣе, когда у нихъ есть уже своя народная литература, когда они стремятся къ изученію русскаго языка, для сближенія съ своими покровителями русскими и для полученія льготъ по образованію, при поступленіи въ военную службу,—онѣмечивать ихъ уже поздно. Что касается до введенія русскаго языка въ лютеранскую проповѣдь и богослуженіе, то правительству, по моему мнѣнію, слѣдовало бы не настаивать на этомъ, вопреки желанію прихожанъ и пасторовъ; ограничиться оказаніемъ особаго вниманія и поощренія тѣмъ пасторамъ, которые, зная хорошо русскій языкъ, употребляютъ его въ проповѣди и богослуженіи, коль скоро онъ понятнѣе нѣмецкаго для большинства прихожанъ (какъ дѣлаетъ это [1]), на Петербургской сторонѣ, пасторъ Мазингъ,—сынъ одного изъ пасторовъ, много потрудившихся по обработкѣ эстонскаго языка), — или, по крайней мѣрѣ, могли бы произносить русскія проповѣди при особыхъ случаяхъ, когда въ церкви больше русскихъ, чѣмъ нѣмцевъ, напримѣръ: при погребеніи русскихъ чиновниковъ и офицеровъ-лютеранъ, когда на похороны собираются ихъ сослуживцы, вынужденные любоваться на восторженную жестикуляцію пасторовъ, сопровождающую непонятную слушателямъ рѣчь. Кажется, на этой почвѣ, могли бы вполнѣ сойтись лютеранское духовенство и правительство и идти всегда дружно объ руку, показывая тѣмъ примѣръ другимъ исповѣданіямъ,—ибо духовенство это in corpore (если не безусловно въ лицѣ всѣхъ его членовъ) чуждо всякихъ враждебныхъ правительству интригъ и происковъ; а достиженію прямыхъ цѣлей духовенства—возможно лучшаго обезпеченія духовныхъ нуждъ всѣхъ лютеранъ—правительство не можетъ не сочувствовать и должно отдать справедливость усердію, въ этомъ отношеніи, лютеранскихъ духовныхъ учрежденій.

Переходя къ частному вопросу о православныхъ крестьянахъ

---

[1]) Это относится къ 1860—1876 гг., когда писаны эти Записки.

Ред

въ Лифляндіи, я не буду распространяться о началѣ обращенія эстовъ и латышей въ православіе, ибо дѣло было не при мнѣ и его лучше меня изложилъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Скажу только, что, независимо отъ сочиненій Самарина, которыя я читалъ гораздо позже,— прочтеніе всей оффиціальной переписки по этому вопросу развило во мнѣ полное убѣжденіе, что тутъ не было ни малѣйшей правительственной подготовки, ни малѣйшаго участія, ни явныхъ, ни какихъ-то тайныхъ, будто-бы, агентовъ правительства; что для правительства движеніе эстовъ и латышей было такимъ-же сюрпризомъ, какъ и для остзейскихъ бароновъ и пасторовъ и что, какъ только это движеніе охватило массы и грозило принять, помимо религіознаго, аграрный характеръ, правительство искренно и безъ заднихъ мыслей озаботилось охраненіемъ общественнаго спокойствія и даже постановленіемъ нѣкоторыхъ преградъ и формальностей, умѣрявшихъ и ограничивавшихъ присоединеніе крестьянъ цѣлыми массами къ православію. Но, съ другой стороны, надо сознаться, что движеніе не имѣло исключительно религіознаго характера; что не догматическое превосходство православія, — котораго понять и вполнѣ усвоить себѣ не могли-бы темные и забитые крестьяне,—влекло ихъ къ нашей вѣрѣ. Я объясняю себѣ корень движенія слѣдующимъ образомъ. Побывавшіе внутри Россіи эсты и латыши, въ особенности отставные солдаты, разсказывали о житьѣ-бытьѣ русскихъ православныхъ крестьянъ— государственныхъ, т. е. крестьянъ свободныхъ, получившихъ отъ казны достаточный надѣлъ за весьма умѣренный оброкъ,—тогда какъ въ Лифляндіи, хотя крестьяне и считались свободными, но оставались подъ строгою опекою помѣщиковъ и даже крестьяне казенныхъ имѣній несли довольно тяжелую барщину въ пользу арендаторовъ этихъ имѣній, хотя размѣръ барщины въ казенныхъ имѣніяхъ и былъ ограниченъ вакенбухами. Переводъ крестьянъ казенныхъ лифляндскихъ имѣній на умѣренный денежный оброкъ, взносимый непосредственно въ казну, состоялся гораздо позже. Подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ, представлявшихъ бѣднымъ эстамъ и латышамъ быть русскихъ православныхъ крестьянъ въ преувеличенно-розовомъ свѣтѣ,—родилась у нихъ мысль, будто русскіе крестьяне заслужили у царя эти милости тѣмъ собственно, что они его единовѣрцы и будто эсты и латыши, принявъ православіе, также получатъ отъ казны хорошія земли, за легкій оброкъ, если не въ самой Лифляндіи, то на югѣ Россіи, куда ихъ переселятъ на казенный счетъ. Достаточно было такого слуха, чтобы поднять на ноги цѣлую массу болѣзненно жаждавшихъ улучшенія своего быта эстовъ и латышей.

«Was man wünscht, glaubt man gern», говорятъ нѣмцы. Да и кому было разувѣрить и вразумить крестьянъ? Помѣщикамъ они не вѣрили, тѣмъ болѣе, что тѣ были лично заинтересованы въ удержаніи даровыхъ рабочихъ. Пасторамъ они также не вѣрили, потому что они держали себя слишкомъ близко къ помѣщикамъ и слишкомъ далеко отъ народа; къ тому же пасторы тоже пользовались барщиною, какъ съ крестьянъ, водворенныхъ на пасторатскихъ земляхъ, такъ и съ крестьянъ помѣщичьихъ и казенныхъ имѣній—въ видѣ церковныхъ повинностей, о коихъ говорено выше (глава VI). Мѣстныя власти, частью выборныя изъ тѣхъ-же помѣщиковъ и вообще державшія сторону помѣщиковъ противъ крестьянъ, не могли также внушить крестьянамъ довѣрія. Когда движеніе крестьянъ приняло серьезные размѣры, правительство попробовало сперва его урегулировать, ввести въ извѣстныя формы, задержать и выдѣлить крестьянъ, легкомысленно и подъ вліяніемъ ложныхъ слуховъ, а не по искреннему и твердому намѣренію стремившихся къ православію. Въ этихъ видахъ велѣно было записывать всѣхъ желающихъ принять православіе и лишь годъ спустя послѣ такой записки приступать къ муропомазанію тѣхъ, кои между тѣмъ не измѣнятъ своего намѣренія. Но крестьяне на эту самую записку стали смотрѣть какъ на составленіе, заблаговременно, списковъ желающихъ переселиться на казенныя земли, для принятія мѣръ къ приготовленію земель этихъ и способовъ къ водворенію поселенцевъ. Батраки пошли записываться цѣлыми семействами; крестьяне же хозяева предпочитали иногда удержать за собою свои участки и, оставаясь сами лютеранами, посылали записываться сыновей своихъ, за исключеніемъ одного, оставляемаго наслѣдникомъ отцовскаго участка. Были случаи, что, когда одинъ изъ братьевъ былъ занятъ работами, за него ходилъ записываться другой, объявляя братнино имя вмѣсто своего; тоже повторялось даже при муропомазаніи. Изъ этого выходила такая путаница, что муропомазаны были одни, а записаны другіе и въ списки попали такіе, которые православія не принимали. Между тѣмъ, по прошествіи двухъ-трехъ лѣтъ, когда крестьяне убѣдились на дѣлѣ, что переходъ въ православіе не доставилъ имъ ни надѣла казенной земли, ни другихъ какихъ-либо льготъ, а только подвергъ ихъ послѣдствіямъ особаго нерасположенія къ нимъ пасторовъ и помѣщиковъ и когда, въ то же время, приняты были нѣкоторыя общія мѣры къ улучшенію положенія крестьянъ и размѣръ барщины ихъ былъ ограниченъ и облегченъ, возстановленіемъ нормы опредѣленной въ вакенбухахъ,—движеніе крестьянъ пріостановилось и разочарованіе

нѣкоторыхъ изъ присоединившихся къ православію побудило ихъ тянуть обратно въ лютеранство, хотя число такихъ и было весьма ограничено, благодаря нерасположенію крестьянъ къ пасторамъ и слабой привязанности ихъ къ прежней вѣрѣ, мало говорящей воображенію простыхъ, неразвитыхъ людей, по отсутствію въ ней внѣшней обстановки и пышной обрядности. Тутъ пошла ликвидація всей операціи и сведеніе счетовъ. Пошли повѣрять списки, распредѣлять крестьянъ по приходамъ и рѣшать по документамъ: кто долженъ считаться православнымъ и кто лютераниномъ. Изъза путаницы въ спискахъ, возникла сложная переписка, пререканія и споры между православнымъ и лютеранскимъ духовенствомъ о нѣсколькихъ десяткахъ душъ, принадлежность коихъ оказывалась сомнительною. При рѣшеніи этихъ споровъ, не думали спрашивать предметъ спора—живыхъ людей: «къ какой вѣрѣ они хотятъ принадлежать»; а руководствовались только письменными документами, какъ будто бы дѣло шло о недвижимомъ имуществѣ. Если же крестьяне, признанные по документамъ православными, сами продолжали считать себя лютеранами, то ихъ оффиціально признавали совратившимися изъ православія. Рѣшеніе послѣднихъ изъ этихъ споровъ отгянулось до времени моей службы по остзейскимъ дѣламъ, т. е. до начала 1860-хъ годовъ.

По этому вопросу были тогда въ Ригѣ и Петербургѣ совѣщанія, при участіи рижскаго архіепископа Платона. Я имѣлъ тогда случай познакомиться съ почтеннымъ и умнымъ преосвященнымъ Платономъ. Я безусловно сочувствовалъ взгляду, съ коимъ согласился и самъ преосвященный, рѣшившійся отказаться отъ нѣсколькихъ десятковъ латышей, записанныхъ православными, но лично желавшихъ быть лютеранами. Тѣмъ и покончены были эти дрязги, ронявшіе достоинство православія. Администрація наконецъ поняла, что не полицейскими мѣрами, канцелярскими придирками и оффиціальными увѣщаніями можно удержать и укрѣпить въ православіи перешедшихъ въ него эстовъ и латышей, а устройствомъ для нихъ приличныхъ церквей и школъ, улучшеніемъ состава и обезпеченіемъ содержанія православнаго духовенства. Въ первое время положеніе православнаго духовенства и его паствы въ Лифляндіи было поистинѣ тяжелое. Все надо было заводить и устроивать вновь: за неимѣніемъ церквей, службы отправлялись въ наемныхъ домахъ и сараяхъ, при самой жалкой обстановкѣ. Священники выбраны были хорошіе и имъ дано было порядочное, сравнительно съ внутренними губерніями, содержаніе—по 600 рублей въ годъ, а потомъ и болѣе. Но они не

знали мѣстныхъ нарѣчій и были сперва какъ въ лѣсу въ чужой сторонѣ, гдѣ ихъ встрѣтило недоброжелательство пасторовъ, помѣщиковъ, нѣмцевъ-чиновниковъ и отчасти даже крестьянъ-лютеранъ. Прихожане ихъ были большею частью бѣднѣйшіе изъ крестьянъ, мало развитые, притомъ разочарованные въ прежнихъ ожиданіяхъ, отставшіе отъ лютеранской церкви, но вовсе не знакомые еще съ православіемъ. Матеріальное положеніе православныхъ священниковъ незавидно, потому что не легко жить въ деревнѣ на 600 рублей, безъ всякаго дохода отъ бѣдныхъ прихожанъ, человѣку семейному, когда у него нѣтъ ни клочка земли, ни огорода, ни выгона, и каждый кочанъ капусты, каждую кринку молока нужно покупать за деньги, какъ въ городѣ, да и купить-то не всегда легко по близости, коль скоро у православныхъ батраковъ ничего у самихъ нѣтъ; а лютане-хозяева и помѣщики продаютъ священнику по мелочи не охотно и дорого и усадьбы ихъ разбросаны на большомъ разстояніи, а не скучены деревнями, какъ у насъ. При такихъ условіяхъ, священники смотрѣли на свои приходы какъ на ссылку и, прослуживъ лѣтъ пять — десять, усиленно хлопотали о переводѣ во внутреннія губерніи. Такимъ образомъ паства лишалась часто успѣвшихъ ознакомиться съ мѣстными нарѣчіями и освоиться съ краемъ священниковъ, коихъ смѣняли новые, начинавшіе снова то же изученіе края и языка. Лишь постепенно, послѣ многихъ лѣтъ, устроенная въ Ригѣ семинарія успѣла образовать мѣстныхъ священниковъ изъ латышей, эстовъ и обжившихся въ краѣ русскихъ; а правительство успѣло построить церкви для значительной части приходовъ и обзавести ихъ необходимымъ; но и тогда многіе приходы оставались безъ церквей, церкви безъ многихъ необходимыхъ предметовъ, селенія — безъ школъ, а школы—безъ хорошихъ учителей, пока, въ послѣдніе уже годы, не возникли церковныя братства и дѣлу не пришла на помощь общественная поддержка православныхъ братій изъ всей Россіи. Если, при такой обстановкѣ православныхъ церквей и духовенства, при разочарованіи принявшихъ православіе крестьянъ, — не только не получившихъ за это никакихъ льготъ, но подвергавшихся, нерѣдко, непріятностямъ со стороны помѣщиковъ, — число колебавшихся и желавшихъ возвратиться въ лютеранство не превышало нѣсколькихъ десятковъ душъ и было ничтожно въ сравненіи съ общею массою новообращенныхъ—до 120,000 душъ,—то это ясно доказываетъ, что православное духовенство успѣло таки стать ближе къ своей паствѣ, чѣмъ лютеранское; успѣло болѣе привязать крестьянъ, въ нѣсколько лѣтъ, къ новому исповѣданію, чѣмъ лютеранское, имѣвшее на то

ва столѣтія. Въ пасторѣ крестьяне видѣли барина, въ священникѣ находили совѣтника, руководителя, при случаѣ и ходатая въ своихъ нуждахъ; видѣли въ немъ такого-же труженика, какъ они сами, не отказывавшаго имъ ни въ молитвѣ, ни въ словѣ утѣшенія, назиданія и сочувствія. Примѣромъ священникамъ въ этомъ случаѣ служилъ преосвященный Платонъ, ходатайствовавшій за крестьянъ, когда могъ, передъ генералъ-губернаторомъ и не упускавшій случая выказать имъ свое сочувствіе. Вотъ, для примѣра, эпизодъ, слышанный мною отъ очевидца. Проѣзжая разъ, при объѣздѣ епархіи, мимо лютеранскаго кладбища, преосвященный Платонъ замѣтилъ группу крестьянъ около гроба и вырытой могилы и былъ пораженъ отсутствіемъ пастора при погребеніи. Онъ остановилъ экипажъ и подошелъ къ крестьянамъ, отъ которыхъ услышалъ, что они одни, безъ обряда и молитвы, хоронятъ своего товарища, потому что, по бѣдности его, не только пасторъ, но и кистеръ отказался обезпокоиться придти проводить покойника до могилы. «Если такъ», сказалъ онъ, «желаете-ли вы, чтобы вмѣсто лютеранскаго кистера, православный архіерей прочелъ молитву и благословилъ могилу, чтобы собратъ вашъ былъ погребенъ по христіански, а не безъ молитвы и благословенія былъ просто зарытъ въ землю». Крестьяне, разумѣется, съ радостью и благодарностью приняли предложеніе и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ случай произвелъ на нихъ глубокое впечатлѣніе и не остался безъ огласки въ околоткѣ.

Теперь, слава Богу, положеніе православія въ Лифляндіи, улучшилось и упрочилось: почти всѣ приходы имѣютъ приличныя, а нѣкоторые прекрасныя церкви и хорошія школы, куда стремятся иногда и лютеране, въ видахъ изученія русскаго языка; священники, кромѣ денежнаго содержанія, получили, большею частью, участки земли отъ казны, могутъ имѣть своихъ коровъ и лошадей, свои овощи и сдавать часть земли въ аренду, подобно пасторамъ. Прихожане ближе ознакомились и сроднились съ православіемъ и я смѣю думать, что если бы даже обстоятельства такъ измѣнились, чтобы матеріальные разсчеты могли побуждать лифляндскихъ православныхъ крестьянъ къ обратному переходу въ лютеранство, то они не такъ легко измѣнили бы теперь православію, какъ 30 лѣтъ назадъ отпали отъ лютеранства.

IX.

Вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ и исповѣданіи дѣтей, рожденныхъ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, отъ родителей разныхъ исповѣданій.

Въ 1861 году, остзейскій генералъ-губернаторъ, князь Суворовъ, испросилъ Высочайшее повелѣніе объ образованіи особой коммисіи для пересмотра постановленій о вѣротерпимости въ Прибалтійскомъ краѣ. Поводомъ къ этому послужили жалобы мѣстнаго дворянства на то, будто бы нѣкоторыя общія, примѣняемыя въ томъ краѣ, постановленія противорѣчатъ началу вѣротерпимости и нарушаютъ мѣстныя, дворянскія привиллегіи, обезпеченныя Ништатскимъ мирнымъ договоромъ. Цѣль дворянства заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы добиться разрѣшенія крестить по лютеранскому обряду дѣтей, рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ лютеранами. По этому вопросу составлена была въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подробная записка, гдѣ разобраны, исторически, развитіе нашего законодательства по этому предмету, существующія о семъ постановленія и отношенія ихъ къ общему принципу вѣротерпимости. Вообще составитель записки, съ которою мнѣ удалось ознакомиться, держался того взгляда, что, въ видахъ ближайшаго подчиненія нашихъ узаконеній началу вѣротерпимости, можно бы допустить въ нихъ нѣкоторыя измѣненія вообще для всей имперіи, именно: разрѣшить начальникамъ губерній освобождать иновѣрцевъ, вступающихъ въ бракъ съ православными, отъ обязательства крестить дѣтей въ православную вѣру, если ходатайство о томъ основано на искреннемъ желаніи вступающихъ въ бракъ, а не на настояніи иновѣрнаго духовенства (подобно тому, какъ испрашивались такія разрѣшенія для иностранныхъ подданныхъ, вступающихъ въ бракъ съ русскими, съ тою разницею, что для нихъ требовалось каждый разъ Высочайшее разрѣшеніе), и устранить вообще преданіе уголовному суду совратившихся изъ православія. Но, по смыслу записки, признавалось вовсе неумѣстнымъ давать такое разрѣшеніе въ видѣ исключительной привиллегіи для остзейскихъ губерній, такъ какъ прежнія ихъ привиллегіи имъ на это права вовсе не давали и было странно обращать вѣротерпимость въ новую, исключительную, сословную привиллегію для остзейскихъ бароновъ и бюргеровъ, признавать за прежними привиллегіями значеніе, какого онѣ не имѣли, и созидать новый въ законодательствѣ пунктъ для обособленія Прибалтійскаго края отъ остальной Россіи. Все это докладывалось, вы-

слушивалось и обсуждалось; а между тѣмъ, какъ оказалось впослѣдствіи, просто выжидался удобный случай для рѣшенія вопроса келейнымъ образомъ, на основаніи личной сдѣлки, угодной нѣмцамъ и помимо всякихъ юридическихъ, историческихъ, государственныхъ и законодательныхъ соображеній. Но пока удобное время не пришло, нужно было поддерживать видъ, будто вопросъ изучается и разработывается серьезно и добросовѣстно и для этого заказана была эта мертворожденная записка, стоившая, вѣроятно, не мало труда, — и для этого тоже, согласно съ объявленнымъ княземъ Суворовымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, были собраны министромъ внутреннихъ дѣлъ въ особое засѣданіе три остзейскихъ губернскихъ предводителя дворянства. Слышалъ я объ этомъ засѣданіи такой разсказъ: прочли докладъ, справки и проч. и затѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ произнесъ рѣчь, въ которой высказывались общіе гуманные взгляды на вѣротерпимость и консервативныя увѣренія въ смыслѣ уваженія къ привиллегіямъ, но не сказано было ни слова о томъ: когда и какимъ порядкомъ полагаетъ министръ подвинуть возбужденный вопросъ къ желаемому баронами разрѣшенію; равно не было проронено ни словечка о томъ, что министръ считаетъ данную минуту неудобною для проведенія этой мѣры и полагаетъ ее отложить до другого времени. Выслушали предводители эту рѣчь, молча встали, поклонились и вышли. Предводители потомъ высказывали неудовольствіе на то, что имъ прямо не сказали, что дѣло нужно отложить; а собирали и морочили ихъ понапрасну. Какъ бы то ни было, дѣло въ то время на этомъ и остановилось. Было составлено что-то въ родѣ протокола о предоставленіи предводителямъ указать: какія именно постановленія и въ чемъ именно противорѣчатъ ихъ привиллегіямъ; они представили длинныя записки съ цитатами и натяжками; но никакого дальнѣйшаго хода въ законодательномъ порядкѣ дѣлу дано не было. Много же времени спустя, вдругъ явилось, испрошенное какъ-то келейно, — помимо государственнаго совѣта, комитета министровъ и даже Остзейскаго комитета, — Высочайшее повелѣніе, коимъ разрѣшалось, собственно въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, при вѣнчаніи лютеранъ съ православными, не требовать отъ вѣнчающихся браковъ подписокъ о крещеніи дѣтей въ православіе. Такимъ образомъ этой мѣрѣ не только данъ характеръ мѣстной привиллегіи; но еще при этомъ какого-то тайнаго изъятія изъ дѣйствія остающагося формально въ своей силѣ общаго закона, ибо разрѣшеніе это не было объявлено сенату, нигдѣ не обнародовано, а только сообщено министромъ внутреннихъ дѣлъ генералъ-губернатору, а по вѣдомству

синода — прибалтійскимъ православнымъ священникамъ черезъ ихъ архіерея. Можетъ быть, въ глазахъ администраціи, c'est de la haute politique: достигнуть цѣли безъ шума и огласки, не раздражая обскурантовъ ультра-русской партіи! Но я остаюсь при мнѣніи, что обходить законъ и, не отмѣняя его явно, дозволять нарушеніе его во вниманіе къ мнимымъ привиллегіямъ въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ и безъ того русскій законъ мало уважается,—вдвойнѣ худо.

1876 г.

ВИЛЕНСКІЕ ОЧЕРКИ

1863—1865 гг.

Воспоминанія очевидца.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ [1]).

Съ 25-го мая 1864 года.

I.

Возвращеніе ген. Муравьева въ Вильну. — Мѣры по отношенію къ римско-католическому духовенству.—Увеличеніе средствъ православнаго духовенства въ Сѣверо-Западномъ краѣ.—Увольненіе ген. Крыжановскаго.—Хрущовъ.—Императоръ Александръ II въ Вильнѣ.—Назначеніе М. Н. Муравьева шефомъ Пермскаго полка.—А. Л. Потаповъ.—Графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ.—Открытіе древней плащаницы.

Генералъ Муравьевъ возвратился въ Вильну въ 7-мъ часу утра, 25-го мая, и, несмотря на столь ранній часъ, на станціи желѣзной дороги ожидала начальника края торжественная встрѣча. Еще не доѣзжая Вильны, когда поѣздъ проходилъ чрезъ станцію Безданы, я былъ пробужденъ оглушительными криками собравшагося на станціи народа и солдатъ, вышедшихъ на встрѣчу генералъ-губернатору по распоряженію военнаго начальника Виленскаго уѣзда, князя Хованскаго. Въ Вильнѣ весь дебаркадеръ былъ убранъ цвѣтами, гирляндами, флагами и вензелями. На платформѣ стоялъ почетный караулъ и собрались всѣ высшія

[1]) См. «Записки графа М. Н. Муравьева-Виленскаго» и прилож. къ нимъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., т. XXXVI, ноябрь, стр. 387—432; декабрь, стр. 623—644; изд. 1883 г., т. XXXVII, январь, стр. 131—166; февраль, стр. 291—304; мартъ, стр. 615—630; т. XXXVIII, апрѣль, стр. 193—230; т. XL, октябрь, стр. 181—200; ноябрь, 389—406; декабрь, стр. 573—629.

служебныя лица, имѣя во главѣ генерала Крыжановскаго, коменданта Вяткина и губернатора Панютина, а также многіе предводители дворянства и помѣщики. При появленіи поѣзда заиграла музыка и раздалось громкое привѣтствіе, сопровождавшее начальника края до самаго экипажа, у котораго тѣснилась толпа простого народа. Конвой изъ гвардейскихъ казаковъ при офицерѣ былъ выстроенъ на площадкѣ противъ входа въ станцію и поскакалъ за каретой. Съ какимъ-то болѣзненнымъ чувствомъ смотрѣлъ я на знакомые дома и улицы, съ которыми недавно еще надолго прощался и снова, какъ и въ первый разъ, былъ пораженъ роскошною растительностью зелени, тѣмъ болѣе поразительною, что въ Петербургѣ во время нашего отъѣзда едва лишь начинали распускаться блѣдно-зеленыя деревья. Во дворцѣ было сдѣлано много поправокъ, все подчищено и подкрашено и чиновники бродили по заламъ, распрашивая возвратившихся и ожидая пріема.

Дня черезъ три по прибытіи нашемъ, прослѣдовалъ черезъ Вильну императоръ Александръ II съ государынею и нѣкоторыми великими князьями, отправляясь на довольно долгое время за границу. Впрочемъ самъ государь императоръ, выразивъ намѣреніе возвратиться въ началѣ іюля мѣсяца, изъявилъ желаніе на возвратномъ пути остановиться въ Вильнѣ и сдѣлать смотръ войскамъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ того проѣхалъ чрезъ Вильну съ остальными великими князьями цесаревичъ Николай Александровичъ, которому не суждено уже было увидать свое отечество.

Не теряя времени, начальникъ края приступилъ къ приведенію высочайше одобренныхъ мѣръ въ исполненіе; по мѣрѣ того какъ получались изъ Петербурга въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ высочайше утвержденныя мнѣнія комитета министровъ по разнымъ предметамъ его записки, немедленно разсылались губернаторамъ циркуляры. Такъ, въ эти два мѣсяца былъ изданъ рядъ циркуляровъ, съ цѣлью ограниченія свободы дѣйствій ксендзовъ и вообще римско-католическаго духовенства. Имъ воспрещалось, безъ особыхъ разрѣшеній военныхъ начальниковъ, разъѣзжать за предѣлы деканатовъ [1]); воспрещалось строить новые

[1]) Деканатомъ называется благочиніе, имѣющее во главѣ декана; ихъ бываетъ нѣсколько въ уѣздѣ; деканаты дѣлятся на парафіи, или приходы; при каждомъ парафіальномъ костелѣ, кромѣ настоятеля, имѣется одинъ или

и возобновлять старые костелы и каплицы. По составленнымъ сравнительнымъ таблицамъ оказалось, что римско-католическое духовенство въ годы усиленной пропаганды употребляло всевозможныя средства для возведенія новыхъ филій и каплицъ, даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ рѣшительно въ нихъ не было нужды по исключительности православнаго населенія. Закрыты домашніе алтари въ домахъ разныхъ помѣщиковъ, устроенные безъ разрѣшенія или подлежащіе закрытію за смертію лицъ, коимъ лично дано было разрѣшеніе на ихъ устройство. Приказано было всѣхъ клириковъ, живущихъ по монастырямъ и составляющихъ самое вредное, праздношатающееся сословіе, возвратить въ семинаріи, а тѣхъ, которые не окажутся достойными или способными къ продолженію въ нихъ курса, обратить въ тѣ общества, откуда они прибыли. Вообще изданъ рядъ мѣръ, ограничивающихъ права высшей римско-католической духовной іерархіи и подчиняющихъ ея дѣйствія контролю правительства [1]). Начальникъ края приказалъ собрать всѣ циркуляры по этому предмету, и, храня ихъ у себя, постоянно слѣдилъ за ихъ исполненіемъ.

Къ сожалѣнію, надо сказать, что большею частью эти мѣры имѣли характеръ временный и были принаровлены къ существовавшему тогда военному положенію, а потому, какъ я уже выше сказалъ, онѣ лишь слегка коснулись ксендзовъ, которые не думали разставаться съ враждебными противъ Россіи замыслами.

Въ это же время состоялся указъ о надѣленіи землею батраковъ и обезземеленныхъ незадолго до изданія положенія 19-го февраля крестьянъ, находившихся въ самомъ жалкомъ и зависимомъ положеніи, и преимущественно въ Инфляндскихъ уѣздахъ Витебской и въ такъ называемыхъ нѣмецкихъ уѣздахъ Ковенской губерніи, т. е. именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ преобладало просвѣщенное прибалтійское хозяйство.

По случаю наступленія рабочей поры и совершеннаго усмиренія края, окончательно была распущена сельская стража, содержавшаяся на счетъ контрибуціонныхъ сборовъ и обходившаяся весьма дорого.

нѣсколько викарныхъ ксендзовъ, для замѣщенія въ случаѣ нужды настоятеля и для службы въ филіяхъ, т. е. приписныхъ къ приходу костелахъ, а равно въ каплицахъ или часовняхъ, разбросанныхъ по краю въ большомъ количествѣ.

[1]) См. первую часть „Виленскихъ Очерковъ“ въ „Русской Старинѣ“ 1883 г.

Въ то же время послѣдовало высочайшее повелѣніе объ увеличеніи средствъ православнаго духовенства въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, гдѣ оно имѣло лишь самыхъ бѣдныхъ прихожанъ изъ крестьянъ и чиновниковъ и находилось еще не задолго до мятежа въ рабскомъ угнетеніи у ксендза и помѣщика. Не стану здѣсь распространяться объ этихъ униженіяхъ, такъ какъ объ этомъ было столько написано въ послѣдніе годы. На всѣ губерніи было назначено распредѣлить ежегодной прибавки 400,000 руб., и велѣно было выдать прибавку и за вторую половину 1864 года, которая уже истекала.

Такимъ образомъ, содержаніе городского приходскаго священника увеличено въ годъ до 400 руб. сер., (въ губернскихъ городахъ до 700), а сельскаго въ общей сложности не ниже 220 руб., тогда какъ нѣкоторые получали до того времени лишь по 80 руб. въ годъ жалованья—и, конечно, не могли собрать съ прихожанъ такой же суммы. Постоянное уваженіе и вниманіе, оказываемое какъ самимъ начальникомъ края, такъ и прибывшими въ край русскими дѣятелями православному духовенству, придало сильное оживленіе этому важнѣйшему въ томъ краѣ сословію. Но нигдѣ такъ сильно не пробудилось духовенство, какъ въ Минской губерніи. Тамъ оно быстро сознало предстоящія ему—значеніе и дѣятельность, и съ другой стороны все ничтожество польскаго вліянія въ губерніи. Руководимое многими въ высшей степени замѣчательными по уму и характеру пастырями, какъ напр. благочинные Еремичъ и Русецкій и многіе иные, оно учредило съѣзды въ благочиніяхъ, на которыхъ опредѣлило отказаться вовсе отъ употребленія польскаго языка въ своихъ семействахъ и наблюдать за своими сочленами, придерживающимися нѣкоторыхъ обрядностей, завѣщанныхъ уніею и не свойственныхъ православію. Духовенство это въ концѣ 1864 года прислало отъ себя депутацію къ начальнику края съ представленіемъ въ знакъ признательности святой иконы и весьма знаменательнаго письма, за подписью множества священниковъ Минской епархіи.

Надо замѣтить, что движенію этому не мало способствовалъ престарѣлый архіепископъ Антоній, жившій въ Минскѣ на покоѣ. Въ этой губерніи въ теченіе 1864 года совершилось безъ всякаго со стороны правительства вмѣшательства, при пробужденіи лишь самого духовенства, нѣсколько значительныхъ обращеній въ

православіе цѣлыми деревнями. Тамъ же въ глубинѣ Игуменскаго уѣзда появился молодой ксендзъ Заусцинскій, краснорѣчиво проповѣдывавшій крестьянамъ, что они русскіе и что только въ единеніи съ господствующею въ государствѣ народностью и церковью они могутъ быть счастливы. Смѣлая рѣчь его произвела сильное впечатлѣніе. На него сначала не обращали почему-то вниманія. Время однако показало, что молодой ксендзъ не увлекался, а выдерживалъ всевозможныя стѣсненія и преслѣдованія отъ своего начальства, былъ переводимъ изъ прихода въ приходъ, (конечно въ худшіе); но вездѣ неизмѣнно слѣдовалъ своему побужденію. Впослѣдствіи онъ былъ вызванъ въ Вильну, но и тамъ правительственные прелаты хотѣли его затереть; однако на него было обращено вниманіе и, хотя до-времени, по крайней еще его молодости, всѣ предположенія его оставлены безъ послѣдствія, ему дали весьма значительный приходъ въ Виленской губерніи [1]).

Я привелъ этотъ эпизодъ для того, чтобы показать на сколько правительство, въ предпринятомъ имъ обрусѣніи того края, опирается на мѣстныя потребности и природныя силы и что задача наша въ томъ краѣ, особенно въ нѣкоторыхъ частяхъ его, не такъ сложна,—она затемняется только по нашей собственной нерѣшительности. Если мы будемъ постоянно послѣдовательны и серьезно глядѣть на государственное дѣло, то край этотъ, безъ всякихъ насилій, сдѣлается не въ дальнемъ будущемъ на самомъ дѣлѣ русскимъ.

Уклонившись нѣсколько отъ нити моего разсказа, возвращаюсь къ тому, что происходило въ Вильнѣ въ первые мѣсяцы по возвращеніи начальника края изъ Петербурга. Весьма понятно, что съ возвращеніемъ Михаила Николаевича въ край на неопредѣленное время должно было измѣниться положеніе генерала Крыжановскаго. Онъ не могъ оставаться вѣчно помощникомъ, имѣя тѣмъ болѣе въ виду, что начальникъ края избралъ себѣ помощника по гражданской части. Нѣкоторое время положеніе было самое натянутое; но болѣзнь генерала Крыжановскаго ускорила развязку; онъ сильно занемогъ, доктора опасались за его жизнь. Начальникъ края почти каждый день навѣщалъ больного. Гене-

[1]) Теперь (1867 г.) снова начинаютъ говорить и писать о Заусцинскомъ. Хотя все вокругъ него перемѣнилось, онъ, повидимому, остается вѣренъ себѣ и своему высокому призванію. Авт.

ралу Крыжановскому было разрѣшено отправиться для излеченія болѣзни за границу съ увольненіемъ отъ должности помощника. Его принесли на креслѣ до вагона и докторъ сопровождалъ его до Берлина. Какъ извѣстно, онъ впослѣдствіи поправился и его ожидала славная дѣятельность на востокѣ нашего отечества.

Помощникомъ командующаго войсками былъ назначенъ начальникъ 5-й дивизіи генералъ Хрущовъ, севастопольскій герой, гроза мятежниковъ въ Царствѣ Польскомъ, съ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самый скромный и добродушный человѣкъ. Онъ прибылъ въ край лишь въ августѣ мѣсяцѣ, т. е. по пріѣздѣ уже ген. Потапова, и держалъ себя все время совершенно въ сторонѣ отъ дѣлъ.

Между тѣмъ во 2-й половинѣ іюня мѣсяца начались приготовленія къ пріѣзду государя и къ смотру. Войска, т. е. нѣсколько полковъ пѣхоты, полевой артиллеріи и казаковъ стягивались въ Вильну, гдѣ и заняли лагерь въ Закретѣ и на обширномъ полѣ за Зеленымъ мостомъ по дорогѣ въ Верки. Начались ученья, пальба изъ орудій. Солдатики, не смотря на постоянныя передвиженія и погоню за повстанцами, имѣли бодрый видъ и подправлялись къ смотру. Начальникъ края озаботился составить расчисленіе сколько издержано правительствомъ на содержаніе подъ стражею, производство дѣлъ и отправку при двухъ жандармахъ въ отдаленнѣйшія губерніи ксендзовъ, католическихъ монаховъ и монахинь и т. п. Число всѣхъ этихъ лицъ простиралось слишкомъ до 200, считая и тѣхъ, которыя еще содержались подъ стражею, и по среднимъ выводамъ оказалась сумма въ 68,000 руб., которую начальникъ края предположилъ взыскать съ оставшагося на мѣстѣ духовенства въ видѣ вычета изъ годоваго жалованья по третямъ. Лица, оказавшія противодѣйствіе мятежу, были изъяты отъ этихъ вычетовъ; всѣ же прочія, не исключая и епископовъ, ему подвергнуты. Впрочемъ, не смотря на то, что римско-католическое духовенство обезпечено правительствомъ несравненно болѣе, чѣмъ православное, жалованье составляетъ для него лишь часть доходовъ, и потому вычетъ этотъ былъ имъ почти вовсе нечувствителенъ.

Такъ прошелъ іюнь мѣсяцъ; въ первыхъ числахъ іюля было получено изъ императорской главной квартиры въ Киссингенѣ увѣдомленіе, что его величество прибудетъ въ Вильну 7-го ве-

черу, а 8-го рано по утру изволитъ смотрѣть войска и затѣмъ отправится далѣе. Немедленно начались приготовленія во дворцѣ генералъ-губернатора. Для его величества очищенъ былъ весь нижній этажъ, т. е. жилыя комнаты. Все семейство генералъ-губернатора выѣхало на эти дни. Дворцовый дворъ и садъ были убраны гирляндами и разноцвѣтными фонарями; комендантомъ дворца и завѣдующимъ пріемомъ назначенъ былъ состоящій при управленіи генералъ Абрамовичъ. На Замковой горѣ приготовляли фейерверкъ; улицы города убирались флагами, вензелями и т. п. Къ сожалѣнію, въ день пріѣзда съ полудня начался дождь, не переставшій лить цѣлый день. Часовъ въ 8 вечера начальникъ края со всѣмъ своимъ штабомъ и высшими военными и гражданскими чиновниками отправился на станцію желѣзной дороги.

Императоръ Александръ II прибылъ поздно, около 10-ти часовъ вечера. Городъ весь былъ залитъ огнемъ иллюминаціи, не смотря на безпрерывный дождь. Вдали ударили въ колоколъ, на крѣпости выстрѣлили изъ пушки, началась пальба, загудѣли колокола во всѣхъ церквахъ и костелахъ. Громкіе „ура“ слились въ отдаленіи въ неясный гулъ; но вотъ шумъ все ближе, восклицанія отчетливѣе; за дворцовыми воротами проскакалъ одинъ казакъ, другой, промчался полиціймейстеръ—и затѣмъ, при слабомъ освѣщеніи разноцвѣтныхъ фонарей, показалась изъ воротъ коляска на бѣлыхъ коняхъ. Водворилось молчаніе. Изъ экипажа вышелъ Государь Императоръ въ сопровожденіи генерала Муравьева. Поздоровавшись съ карауломъ, Его Величество быстро обошелъ ряды и, вставъ подъ балкономъ, приказалъ пропустить роту по отдѣленіямъ мимо себя. Его Величество окружали: генер. Муравьевъ, шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ, намѣстникъ Царства Польскаго графъ Бергъ, (прибывшій съ Государемъ изъ Эйдкунена на прусской границѣ, куда онъ выѣхалъ за два дня на встрѣчу) генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ 2, командиръ л.-гв. Литовскаго полка, нѣкоторые другіе генералы и флигель-адъютантъ Рылѣевъ. Осмотрѣвъ войска, Его Величество направился во дворецъ и пригласилъ къ себѣ начальника края. Докладъ продолжался около часа. Его Величество отправилъ въ Красное Село собственноручную телеграмму къ Великому Князю Александру Александровичу съ извѣщеніемъ о прибытіи въ Вильну. Между тѣмъ на верху супруга начальника края принимала графа

Адлерберга, князя Долгорукова и намѣстника Царства. Министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Горчаковъ, тоже прибывшій вмѣстѣ съ Государемъ, посѣтилъ начальника края на другой день въ 7-мъ часу утра.

На слѣдующій день, рано по утру, Государь Императоръ принималъ на дворцовомъ дворѣ различныя депутаціи отъ крестьянскихъ обществъ, собравшихся къ этому дню въ Вильну, чтобъ выразить своему благодѣтелю безпредѣльную любовь и благодарность. Затѣмъ въ 8-мъ часу утра, вмѣстѣ съ начальникомъ края, Его Величество отправился во Свято-Духовъ монастырь, гдѣ собралось все виленское духовенство и гражданскіе чиновники. Митрополитъ Іосифъ со крестомъ въ рукахъ встрѣтилъ Государя на паперти и привѣтствовалъ краткою рѣчью.

Изъ собора Его Величество черезъ весь городъ проѣхалъ за рѣку Вилію, гдѣ на обширномъ полѣ ожидали его войска. Сѣвъ на коня, Государь почти шагомъ объѣзжалъ ряды для того, повидимому, чтобы начальникъ края могъ за нимъ слѣдовать тоже на конѣ. Когда окончился церемоніальный маршъ, Государь Императоръ, подъѣхавъ къ Пермскому 101-му пѣхотному полку, приказалъ взять на караулъ и, лично дѣлая салютъ, поздравилъ Михаила Николаевича шефомъ полка. Начальникъ края былъ такъ взволнованъ, что до самаго отъѣзда Его Величества, не могъ хорошенько понять въ чемъ дѣло и лишь черезъ нѣсколько дней онъ убѣдился въ своемъ назначеніи шефомъ, прочитавъ о томъ въ приказѣ.

Въ 11-мъ часу утра, Государь Императоръ, прослѣдовавъ снова черезъ весь городъ въ сопровожденіи начальника края и помянутыхъ мною лицъ, а равно многочисленнаго конвоя, отправился по желѣзной дорогѣ въ Динабургъ, гдѣ тоже произвелъ смотръ, остался всѣмъ доволенъ и приказалъ телеграфировать о томъ начальнику края въ Вильну. Напрасно виленское римско-католическое духовенство въ полномъ облаченіи и съ хоругвями вышло на встрѣчу Его Величества подъ портикъ каѳедральнаго собора. Государь проѣхалъ мимо.

По случаю Высочайшаго посѣщенія Вильны начальникъ края испросилъ многимъ чиновникамъ значительныя награды, въ особенности же членамъ губернскихъ присутствій, повѣрочныхъ коммисій и мировымъ посредникамъ.

Немедленно по отданіи въ приказѣ о назначеніи генерала Муравьева шефомъ Пермскаго полка, всѣ офицеры этого полка явились представиться своему шефу. Черезъ нѣсколько дней весь полкъ былъ приглашенъ начальникомъ края на праздникъ во дворецъ. Въ огромной залѣ былъ накрытъ столъ для офицеровъ, а внутренній дворъ былъ уставленъ столами и скамьями для солдатъ, убранъ березками, зеленью и флагами. Посрединѣ двора на возвышеніи, окруженномъ зеленью, помѣстился хоръ музыки. Во дворцѣ происходилъ торжественный пиръ, а вечеромъ начальникъ края съ многочисленной свитой отправился въ Закретскій лагерь и провелъ нѣсколько часовъ въ кругу офицеровъ, слушая пѣсенниковъ и любуясь солдатскою пляскою.

Вообще это было время, когда Михаилъ Николаевичъ достигъ апогея; край былъ усмиренъ, Государь былъ видимо къ нему милостивъ. Изъ всей Россіи сыпались къ нему привѣты и адресы, а въ краѣ онъ былъ боготворимъ всѣми русскими. Повсюду сельскія общества ставили въ церквахъ иконы съ надписями въ память славнаго его управленія.

Въ іюлѣ же мѣсяцѣ прибыла изъ пограничныхъ съ Сѣверо-Западнымъ краемъ уѣздовъ Смоленской губерніи депутація, состоявшая изъ 8—10 почетнѣйшихъ крестьянъ, чтобы представить виленскому генералъ-губернатору икону Смоленской Божіей Матери въ благодарность за спасеніе ихъ отъ угрожавшаго имъ вторженія мятежниковъ. Драгоцѣнная икона эта была осыпана жемчугомъ и каменьями и вокругъ нея была вычеканена благодарственная надпись.

Начальникъ края былъ глубоко тронутъ этимъ привѣтомъ простыхъ русскихъ людей, изъ коихъ многіе были свидѣтелями отечественной войны 1812 года. Старшины и головы въ парадныхъ кафтанахъ, обшитыхъ золотыми галунами и кистями, собрались въ большую гостинную и, поднеся икону начальнику края, присоединили къ ней безхитростную благодарственную рѣчь. Сцена этаго пріема была въ то же время срисована находившимся въ то время въ Вильнѣ художникомъ Тихобразовымъ, а съ депутатовъ снята фотографическая группа, которая и хранится въ семьѣ Михаила Николаевича Муравьева.

Жандармскому офицеру Медвѣдеву было поручено показать православнымъ гостямъ всѣ святыни и достопримѣчательности въ

Вильнѣ. Черезъ нѣсколько дней депутаты отправились къ себѣ. Михаилъ Николаевичъ не остался передъ ними въ долгу и въ началѣ 1865 г. отправилъ въ смоленскій соборъ отысканные въ землѣ въ одномъ изъ уѣздовъ Августовской губерніи остатки древняго напрестольнаго креста и серебряной чаши, принадлежавшіе, судя по надписи, уцѣлѣвшей на чашѣ, смоленскому храму Пресвятой Богородицы, и захваченные во время польскаго нашествія въ 1612 году.

Еще до отъѣзда изъ Петербурга, начальникъ края, чувствуя необходимость леченія, испросилъ Высочайшее соизволеніе на 2-хъ мѣсячную отлучку въ деревню, въ томъ предположеніи, что генералъ Потаповъ въ скоромъ времени прибудетъ въ Вильну. Генералъ Потаповъ освободился однако лишь въ концѣ іюля и немедленно пріѣхалъ въ Вильну; но такъ какъ нужно было еще нѣкоторое время, чтобы ознакомиться съ дѣлами, то начальникъ края, отмѣнивъ свою поѣздку, рѣшился пить воды въ Вильнѣ въ теченіе августа; тѣмъ временемъ и полковникъ Черевинъ постоянно просился, тоже для леченія, за границу, но отпускъ его былъ откладываемъ до прибытія генерала Потапова.

На слѣдующій день по прибытіи генерала Потапова, всѣ гражданскіе чины ему представлялись. На слѣдующій, кажется, день былъ большой пріемъ во дворцѣ, по случаю дня рожденія Государыни Императрицы (27 іюля).

Въ тотъ же день я распечаталъ всю приходящую почту и отправился вечеромъ съ докладомъ. По отъѣздѣ полковника Черевина, мнѣ довелось исправлять его обязанности.

Я ходилъ съ докладомъ, какъ и полковникъ Черевинъ, рано утромъ и вечеромъ въ концѣ 8-го часа. Вечерній докладъ, обыкновенно самый продолжительный, сталъ съ этого времени еще долѣе тянуться, такъ какъ генералъ Потаповъ при немъ присутствовалъ, и иногда продолжался съ ½ 8-го до 11-ти часовъ, но за то онъ сдѣлался чрезвычайно интересенъ; начальникъ края, знакомя своего помощника съ дѣлами, останавливался почти надъ каждой бумагой, объясняя ему весь предшествовавшій ходъ дѣла, не говоря о множествѣ замѣчаній, мыслей и мнѣній, высказывавшихся по этому случаю и которыхъ я бы никогда не услыхалъ при иныхъ условіяхъ.

Ген. Потаповъ съ большимъ вниманіемъ выслушивалъ началь-

ника края и лишь съ осторожностью дѣлалъ свои замѣчанія; но уже въ нихъ въ скоромъ времени стала проглядывать его бюрократическая личность, передъ всѣмъ останавливающаяся тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать.

Вся текущая переписка по общей канцеляріи, сношенія съ губернаторами и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ министрами, а также по крестьянской коммисіи и политическому отдѣленію была возложена на генерала Потапова; но всѣ вступавшія бумаги, даже и на его имя, по прежнему докладывались генералъ-губернатору, который и клалъ на нихъ свои резолюціи,—такъ что генералъ Потаповъ только подписывалъ часть бумагъ, исполняемыхъ по резолюціямъ генералъ-губернатора, которыя я разсылалъ по разнымъ канцеляріямъ. Потапову ужасно не нравилось, что я пишу резолюціи и онъ неоднократно, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, выдерґивалъ у меня доложенныя уже бумаги и дѣлалъ самъ отмѣтки въ слѣдующемъ родѣ: тамъ, напримѣръ, гдѣ я коротко писалъ: его высокоп—ство прик. отказать, онъ писалъ очень аккуратно: его высокопревосходительство не изволилъ признать возможнымъ удовлетворить означенное представленіе такого-то губернатора, — можно изъ этого судить сколько у него пропадало напрасно времени за этимъ занятіемъ. Я охотно уступалъ ему свои права, хотя самъ начальникъ края искоса поглядывалъ на это нарушеніе принятаго уже порядка; но когда вернулся полковникъ Черевинъ, то онъ рѣшительно изъ-за этого съ нимъ не поладилъ.

Во второй половинѣ августа мѣсяца долженъ былъ снова прослѣдовать чрезъ Вильну обратно за границу Государь Императоръ. За день до прибытія его пріѣхалъ въ Вильну намѣстникъ Царства Польскаго, графъ Бергъ. Въ тотъ же день онъ обмѣнялся визитомъ съ генералъ-губернаторомъ.

На слѣдующее утро свита намѣстника представилась начальнику края; между прочими тутъ находился генералъ-адъютантъ Паткуль, бывшій С.-Петербургскій оберъ-полиціймейстеръ. Тутъ сравнивалъ я, глядя на него въ пріемной, когда онъ дожидался, прежнюю его осанку, когда онъ былъ въ силѣ и въ созвѣздіи любимцевъ, съ настоящею. Такъ всѣ люди измѣняются, незамѣтно для себя самихъ, отъ обстоятельствъ.

Графу Бергу и его свитѣ былъ данъ начальникомъ края обѣдъ

въ семействѣ; а вечеромъ они отправились на дебаркадеръ для встрѣчи Государя. На этотъ разъ Его Величество пробылъ на станціи лишь около получасу, милостиво принялъ начальника края, а графъ Бергъ отправился вмѣстѣ съ нимъ до границы.

Въ этотъ разъ между графомъ Бергомъ и генераломъ Муравьевымъ состоялось предварительное соглашеніе о возвращеніи Августовской губерніи въ управленіе Царства Польскаго, и всеподданнѣйшій объ этомъ докладъ генерала Муравьева, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бумагами, былъ переданъ графу Адлербергу для поднесенія во время пути и, черезъ нѣсколько дней, состоялось объ этомъ высочайшее повелѣніе. Въ первой части я говорилъ о томъ, какъ жители Августовской губерніи, особенно крестьянское населеніе, сожалѣли, разставаясь съ временнымъ управленіемъ Виленскаго генералъ-губернатора. Дѣйствительно, много было получено имъ оттуда благодарственныхъ заявленій.

Къ этому времени относится весьма знаменательный эпизодъ обрѣтенія древней плащаницы, принесенной три столѣтія тому назадъ въ даръ монахинями московскаго Новодѣвичьяго монастыря (незадолго передъ тѣмъ основаннаго) смоленскому епископу Гурію, похищенной изъ Смоленска во время польскаго нашествія 1612 года и вмѣстѣ со многими драгоцѣнностями, подаренной королемъ польскимъ бывшему въ Вильнѣ Базиліанскому монастырю.

Открытіе это произошло по слѣдующимъ указаніямъ.

Священникъ Антоній Пщолко, ревностный сотрудникъ начальника края въ дѣлѣ возстановленія православной святыни, отыскалъ въ одномъ археологическомъ журналѣ, издававшемся въ Вильнѣ въ 1820-хъ годахъ настоящаго столѣтія, описаніе и изображеніе этой плащаницы, составленное однимъ монахомъ по случаю того, что орденъ незадолго передъ тѣмъ поднесъ плащаницу эту, въ видѣ презента, знаменитому Адаму Чарторыжскому для коллекціи древностей его Пулавскаго музея.

Начальникъ края, разсмотрѣвъ это описаніе, твердо рѣшился отыскать святыню, замѣчательную и по изяществу работы и по своимъ историческимъ странствованіямъ. Немедленно сообщилъ онъ всѣ необходимыя указанія намѣстнику Царства, который поручилъ разысканіе плащаницы бывшему тогда генералъ-полиціймейстеру Трепову.

Не мало было труда отыскать ее. Пулавскій музей въ 1831 г.

былъ разграбленъ. До возстанія драгоцѣннѣйшіе предметы были вывезены оттуда въ Галицію и частію къ графамъ Замойскимъ, родственникамъ Чарторыжскихъ.

Офицеръ, которому поручено было разслѣдованіе, наводилъ самыя точныя справки въ Клеменсовскомъ замкѣ Замойскихъ въ Люблинской губерніи; но тамъ ему объявили, что когда въ 1850 году Замойскіе отстроили свой варшавскій палацъ, то лучшія вещи изъ Клеменсова были ими перевезены туда; палацъ же этотъ былъ конфискованъ и разграбленъ послѣ покушенія, сдѣланнаго изъ него на жизнь графа Берга.

Но это не остановило дѣятельнаго офицера. Въ разысканіяхъ своихъ онъ напалъ на одного стараго слугу, натиравшаго въ замкѣ 30 лѣтъ сряду полы. Старикъ этомъ припомнилъ, что дѣйствительно видѣлъ въ прежнее время огромное шитое золотомъ и шелками изображеніе лежащаго во гробѣ Спасителя, но драгоцѣнныхъ камней на немъ уже не было и гдѣ оно теперь—сказать не могъ.

Упомянутый офицеръ неоднократно осматривалъ клеменсовскія рѣдкости и постоянно наводилъ рѣчь на знаменитую шелковую картину. Старшій дворецкій все уклонялся. Но однажды, взявъ съ собою всѣ мѣстныя власти и обязавъ дворецкаго явиться съ ключами отъ всѣхъ тайныхъ складовъ, нашъ археологъ рѣшился на послѣднюю попытку. Все было осмотрѣно; даже старые флигеля съ библіотекой и старыми картинами; но за библіотекою хранились еще два тайные склада, отворяемые лишь весьма рѣдко, когда пріѣзжали въ замокъ члены семейства Замойскаго и когда при нихъ вывѣтривали старинныя вещи. Въ первомъ складѣ нашли какія-то картины, японскій фарфоръ, старыя люстры и туалетныя принадлежности, словомъ сказать, всякій хламъ; но когда вошли во 2-й складъ, то увидали тамъ множество знаменъ, ковровъ, турецкихъ палатокъ и попонъ—трофеи предковъ Замойскихъ. Между ними одинъ коверъ съ блестящими углами, тщательно согнутый, висѣлъ на перекладинѣ, и когда офицеръ подошелъ къ нему, старый слуга, шедшій за нимъ, тихо сказалъ: это онъ.

Радостно бросились искатели на указанный предметъ и, бережно развернувъ его, увидали передъ собою шитое золотомъ и шелками изображеніе лежащаго во гробѣ Спасителя и учениковъ

его, преклонившихся надъ Нимъ. Лишь одинъ уголъ каймы съ надписью былъ оторванъ, а вся плащаница была невредима, хотя и безъ драгоцѣнныхъ камней.

Графъ Бергъ прислалъ эту драгоцѣнность генералу Муравьеву и когда на слѣдующій затѣмъ день она положена была въ пріемной на двухъ большихъ столахъ и отецъ Антоній явился съ рисункомъ, который послужилъ къ ея отысканію—всѣ были удивлены: снимокъ былъ сдѣланъ совершенно сходно; на немъ были ясны всѣ надписи, нѣсколько потускнѣвшія въ подлинникѣ.

Немедленно же, при трогательномъ письмѣ, начальникъ края препроводилъ священную плащаницу эту съ особымъ чиновникомъ къ московскому митрополиту для торжественнаго возвращенія въ ту обитель, гдѣ за 300 лѣтъ передъ симъ надъ нею трудились инокини.

Поставленная сначала въ Успенскомъ соборѣ, плащаница, по вторичномъ освященіи, была въ слѣдующее же воскресенье торжественно отнесена при крестномъ ходѣ въ Новодѣвичій монастырь, откуда вышли ей на встрѣчу священнослужители и монахини съ крестомъ и хоругвями.

Черезъ годъ обитель эта отблагодарила ревностнаго поборника православія, которому обязана была возвращеніемъ этой святыни, отправивъ ему въ Петербургъ, по увольненіи его отъ управленія краемъ, драгоцѣнную икону Смоленской Божіей матери, риза которой была вышита жемчугами, во свидѣтельство того, что и въ наши дни искусство шить жемчугомъ также процвѣтаетъ въ этой древней обители.

II.

Реформы въ учебномъ вѣдомствѣ Виленскаго округа. — Лица, стоявшія во главѣ управленія православною церковью въ Сѣверо-Западномъ краѣ. — Упраздненіе католическихъ монастырей въ краѣ. — Василій Ѳедоровичъ Рагчъ и его труды по составленію описанія мятежа въ Сѣверо-Западномъ краѣ —Развитіе общественной жизни въ Вильнѣ.—Театръ.—Посѣщеніе Вильны сенаторомъ гр. Дм. Андр Толстымъ.

Въ теченіе всего августа мѣсяца начальникъ края лечился водами и старался менѣе заниматься, пользуясь помощью генерала Потапова. Съ сентября онъ бросилъ леченіе, которое однако значительно ему помогло, и снова сталъ засиживаться за дѣлами

далеко за полночь. Къ этому времени возвратился изъ заграницы полковникъ Черевинъ, вступившій въ отправленіе прежнихъ своихъ обязанностей.

Сдавъ ему дѣла, я могъ болѣе предаться общественной жизни Вильны того времени. Въ это время общество было уже весьма многочисленное; ко многимъ пріѣхали жены, дамы лучшаго круга; Катерина Васильевна Потапова собирала у себя часто по вечерамъ избранный кружокъ, гдѣ по временамъ встрѣчалось и нѣсколько лицъ изъ высшаго польскаго общества. Въ проѣздъ его высочества принца Ольденбургскаго въ домѣ ея былъ данъ концертъ, для чего приглашены были какія-то мѣстныя знаменитости. Въ русскомъ клубѣ стали еженедѣльно давать семейные вечера; съ рождества появились неизбѣжные маскарады, пошли интрижки, поѣздки на тройкахъ и вообще все стало походить на обыкновенную жизнь.

Въ это же время я имѣлъ случай сблизиться со всею учебною частью Виленскаго округа, вслѣдствіе расположенія ко мнѣ попечителя. У Ив. Петр. Корнилова очень часто собирались на обѣды его дѣятели со всѣхъ концовъ края, и эти обѣды имѣли характеръ совершенно исключительный. Тутъ только и говорилось объ учебномъ дѣлѣ, о распространеніи образованія въ народѣ, о пресѣченіи польской пропаганды и т. п.

Я выше сказалъ уже, что совершенный переломъ въ учебной дѣятельности Виленскаго округа совершился по возвращеніи начальника края изъ Петербурга, гдѣ были утверждены многія изъ его предположеній по этой части. Къ осени стали поступать изъ Петербурга и приводиться въ исполненіе окончательныя высочайшія повелѣнія. Многія гимназіи и прогимназіи, имѣвшія до того польскій характеръ, упразднены и замѣнены двухклассными народными училищами. Вообще былъ данъ толчекъ образованію народа, въ строгомъ смыслѣ слова. Сколько школъ открыто, сколько учителей и семинаристовъ выписано изъ Россіи! Учреждена въ м. Молодечнѣ, Ошмянскаго уѣзда, Виленской губерніи, учительская семинарія; увеличены учебныя средства; учреждены стипендіи,—словомъ, много пожертвовано было на учебное дѣло и, можно сказать, что едва-ли не болѣе всего сдѣлано было для обрусѣнія края этимъ законнымъ путемъ.

На постройку церквей были отпущены новыя суммы. Сколько

мнѣ помнится, во всемъ краѣ, до конца 1864 года было ассигновано свыше 700,000 рубл. на разныя церковныя постройки. Академики Резановъ и Чагинъ не успѣвали разсматривать проектовъ, поступавшихъ изъ уѣздовъ. Была рѣчь въ то время объ учрежденіи въ Вильнѣ духовной академіи; но дѣло это, къ сожалѣнію, осталось безъ послѣдствій, хотя отъ него ожидали большой пользы.

Во главѣ управленія православною церковью стояли тогда нѣкоторыя весьма замѣчательныя лица. Литовская епархія заключаетъ въ себѣ три губерніи: Виленскую, Гродненскую и Ковенскую. Въ первой изъ этихъ губерній православныхъ до 200,000, въ Гродненской свыше 400,000, на Жмуди же считаютъ ихъ едва 20,000 при милліонномъ католическомъ населеніи.

Литовскій митрополитъ Іосифъ управлялъ епархіею и имѣлъ двухъ викаріевъ: брестскаго—Игнатія, живущаго въ Гроднѣ и ковенскаго—Александра, постоянно пребывавшаго въ Вильнѣ и непосредственно участвовавшаго въ дѣлахъ управленія. Онъ былъ тогда человѣкъ еще молодой, весьма живого ума.

Изъ членовъ консисторіи выдавался болѣе всѣхъ молодой, энергическій и чрезвычайно просвѣщенный отецъ Антоній Пщолко, всею душею преданный новымъ стремленіямъ, благодатно повѣявшимъ на православную церковь въ Западномъ краѣ. Мы всѣ его любили и уважали и много онъ помогалъ начальнику края въ разъясненіи разныхъ вопросовъ, касавшихся нуждъ православнаго духовенства въ краѣ.

Въ Минской губерніи, составлявшей отдѣльную епархію, былъ тогда архіепископомъ Михаилъ, также прежній уніатъ, получившій вскорѣ послѣ возсоединенія санъ епископа, а въ 1840-хъ годахъ Минскую епархію съ 800,000 бѣдныхъ православныхъ бѣлоруссовъ.

Осенью 1864 года начали приводить въ исполненіе Высочайшее повелѣніе объ упраздненіи католическихъ монастырей, состоявшееся въ концѣ іюля мѣсяца. Ближайшее распоряженіе въ этомъ дѣлѣ было предоставлено генералъ-губернатору. Ему разрѣшено было тѣ католическіе монастыри, которые принимали какимъ бы то ни было образомъ участіе въ мятежѣ или содѣйствовали ему, закрывать, принимая мѣры къ распредѣленію монашествующихъ.

Въ то время въ Сѣверо-Западномъ краѣ было всего 40 мона-

стырей штатныхъ и 6 заштатныхъ; послѣдніе сами собою должны были упразднiться, когда число настоящихъ монаховъ уменьшится до 8-ми. Поэтому дѣло шло о 40 штатныхъ монастыряхъ, изъ коихъ 10 было женскихъ. Больше всего ихъ было въ самой Вильнѣ, на Жмуди и въ юго-западной части Минской губерніи (уѣзды Слуцкій, Новогрудскій и Минскій).

Къ сожалѣнію, въ этомъ дѣлѣ произошла ошибка. Такъ какъ собиравшіяся о монастыряхъ свѣдѣнія касательно участія ихъ въ мятежѣ, а равно и о числѣ и составѣ монашествующихъ, поступали неодновременно, то и закрытіе монастырей продолжалось болѣе года, что естественно поддерживало броженіе умовъ и возбуждало ропотъ. Къ сожалѣнію, нельзя было заранѣе рѣшить сколько монастырей упразднить и сколько оставить, куда и какъ распредѣлить монашествующихъ и т. п. Такимъ образомъ нѣкоторые монахи раза по три совершили путешествія, переѣзжая безъ нужды изъ одного упраздненнаго монастыря въ другой.

Мнѣ помнится, что до весны 1865 года было закрыто всего 24 штатныхъ монастыря и 3 заштатныхъ; но извѣстно, что упраздненіе ихъ, хотя не въ тѣхъ уже размѣрахъ, продолжалось и въ управленіе генерала Кауфмана; такъ что въ настоящее время (1867 г.) едва ли осталось въ краѣ 12 католическихъ штатныхъ обителей и въ томъ числѣ не болѣе 5-ти женскихъ.

Въ числѣ мѣръ, одобренныхъ въ маѣ мѣсяцѣ 1864 г. въ Петербургѣ, заключался переводъ самогитской католической епархіи изъ м. Ворни въ г. Ковно. Только по упраздненіи въ этомъ городѣ нѣкоторыхъ монастырей и по приспособленіи ихъ подъ помѣщеніе епископа волончевскаго и его капитула, совершилось это перемѣщеніе, не вызвавшее ничего, кромѣ сожалѣнія и досады въ членахъ капитула, вынужденныхъ покинуть свой земной рай, свое маленькое царство. Народъ остался довольно безучастенъ къ этому дѣлу.

Всѣ ворненскія запустѣвшія зданія остались собственностью римско-католическаго духовенства.

Только съ перемѣщеніемъ епископа въ Ковно уменьшилось его вредное противодѣйствіе. Здѣсь онъ былъ постоянно на виду и значеніе его естественно ослабѣло отъ совмѣстнаго пребыванія съ сильною свѣтскою властью.

Въ Минской губерніи дѣлу закрытія монастырей противо-

дѣйствовалъ епископъ В***, тѣмъ не менѣе посылавшій начальнику края, при каждомъ торжественномъ случаѣ, письменное поздравленіе, почерпнутое, по большей части, изъ стариннаго письмовника. Для устраненія его вліянія, въ Минскую губернію посланы были дѣйствительный статскій совѣтникъ Стороженко и адъютантъ В. Ѳ. Самаринъ. Оба они привезли оттуда много интересныхъ свѣдѣній. Первый же изъ нихъ, г. Стороженко, извѣстный и въ нашей литературѣ, составилъ много краснорѣчивыхъ описаній этого довольно дикаго, болотистаго и своеобразнаго края, представилъ отчетъ о состояніи православныхъ храмовъ и древнихъ монастырей и написалъ, напечатанное впослѣдствіи, сочиненіе: Сонъ въ Несвижѣ.

Несвижъ—богатое мѣстечко Слуцкаго уѣзда, древняя резиденція фамиліи Радзивилловъ. Тамъ донынѣ сохранился старинный замокъ, гдѣ жили причудливые владѣльцы Несвижа и княжествъ Слуцкаго, Мира и Олыки. Подъ впечатлѣніемъ старины, авторъ засыпаетъ въ древнемъ замкѣ, гдѣ ему отвели помѣщеніе, и переносится во время сна въ минувшее. Изображенные на стѣнахъ разные Радзивиллы выходятъ изъ портретныхъ рамокъ и подымаютъ страшный шумъ. Они распоряжаются въ своемъ замкѣ, но никто не является на ихъ зовъ, кромѣ стараго дворецкаго они требуютъ отцовъ бернардиновъ — имъ отвѣчаетъ дворецкій, что ихъ разослали по другимъ монастырямъ. Они собираются идти къ королю въ Варшаву; имъ говорятъ, что его уже нѣтъ; хотятъ въ изступленіи взяться за оружіе—имъ напоминаютъ, что Муравьевъ въ Вильнѣ; при этомъ случаѣ тонко указывается на значеніе и могущество Михаила Николаевича,—и бѣдные Радзивиллы уходятъ къ утру въ свои рамки.

Г. Стороженко первоначально читалъ свое сочиненіе въ разныхъ кружкахъ и вездѣ оно было встрѣчено съ любопытствомъ и участіемъ, такъ какъ въ немъ довольно живо изображены польское чванство и прошлое ихъ величіе въ сравненіи съ печальной дѣйствительностью.

Около того же времени начальникъ края поручилъ генералу Василію Ѳедоровичу Ратчу (извѣстному въ нашей литературѣ статьями объ историческомъ развитіи артиллеріи въ Россіи и объ Аракчеевѣ) составить описаніе послѣдняго мятежа въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Съ этою цѣлью ему открыты были всѣ

сокровища политическаго отдѣленія генералъ-губернаторской канцеляріи, ему разрѣшено было присутствовать во всѣхъ слѣдственныхъ коммисіяхъ при допросахъ, бесѣдовать со всѣми политическими преступниками, особенно же съ осужденными, объ ихъ взглядѣ на мятежъ и получать отъ нихъ разныя указанія.

Самые богатые матеріалы были въ рукахъ генерала Ратча. Онъ былъ снабженъ денежными средствами, получилъ въ помощь одного артиллерійскаго офицера для собиранія, по его указанію, разныхъ данныхъ и былъ освобожденъ отъ большей части лежавшихъ на немъ прямыхъ обязанностей. Сочиненіе должно было быть написано по заранѣе одобренному плану. Размѣры его были самые широкіе и это, къ сожалѣнію, было причиною того, что ген. Ратчъ не могъ и до настоящаго времени (1867 г.) справиться съ разнообразными своими матеріалами.

Къ тому же начальникъ края торопилъ его, постоянно требовалъ что нибудь имъ написанное и отъ этого выходили иногда скороспѣлки. Изъ цѣлаго сочиненія его нынѣ напечатаны наиболѣе удачныя его части: „Мятежъ въ Могилевской губерніи“ и „Польская эмиграція со временъ присоединенія Польши къ Россіи“ [1]). Статьи эти помѣщались въ разныхъ книжкахъ „Вѣстника Западной Россіи“, издававшагося г. Говорскимъ, который, при содѣйствіи Михаила Николаевича Муравьева, перенесъ въ 1864 году свою резиденцію изъ Кіева, гдѣ онъ терпѣлъ гоненія, въ Вильну.

Сейчасъ было сказано о томъ, что генералъ Ратчъ присутствовалъ въ слѣдственныхъ коммисіяхъ. Дѣйствительно, въ это время онѣ представляли высокій интересъ. Въ нихъ допрашивались не какіе нибудь повстанцы, а члены революціонной организаціи края — крупные вліятельные помѣщики, высшія должностныя лица. Не мало тутъ было людей весьма образованныхъ, слово которыхъ много имѣло значенія для уразумѣнія истины.

Сѣть все болѣе и болѣе распутывалась. Тайная работа, ведущаяся съ давнихъ лѣтъ, выходила наружу; но только въ началѣ 1865 года было обнаружено положительное участіе петербургскихъ дѣятелей и извѣстнаго Огрызко въ дѣлѣ послѣдняго мятежа.

Много интереса представило также открытіе организаціи но-

[1]) В. Ѳ. Ратчъ уже издалъ нынѣ въ свѣтъ 1-ю часть своего труда (1867 г.).

вогрудскаго уѣзда Минской губерніи. Одинъ изъ задержанныхъ помѣщиковъ, человѣкъ богатый, предпочитавшій свое спокойствіе всему на свѣтѣ, выдалъ всѣхъ своихъ прежнихъ сообщниковъ, сборщиковъ народной офяры, изъ коихъ многіе уже успѣли перейти на сторону правительства, какъ ни въ чемъ ни бывало, и, до нѣкоторой степени, пріобрѣсти общее наше довѣріе. Досада ихъ была жестокая; но по большей части они поплатились краткимъ арестомъ и тройнымъ взысканіемъ того, что было ими пожертвовано въ пользу мятежа.

Позднею осенью 1864 г., когда русское общество стало пополняться прибывающими изъ уѣздовъ членами повѣрочныхъ коммисій, общественная жизнь замѣтно оживилась [1]).

Къ нашему временному обществу стали примыкать и мѣстные русскіе, долго недовѣрчиво державшіеся въ сторонѣ—и подъ конецъ довольно сблизившіеся.

Постоянно неутомимо трудясь надъ упроченіемъ русскаго значенія въ краѣ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ всѣми силами старался соединить русское общество и поддержать общественную жизнь въ Вильнѣ. За Вильною послѣдовали Ковно и Гродно, гдѣ, говорятъ жили, дѣйствительно весело и непринужденно, какъ всегда бываетъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ слишкомъ сильной власти. Виленцы постоянно ѣздили въ гости къ своимъ ковенскимъ и гродненскимъ друзьямъ, благодаря желѣзной дорогѣ.

Виленскій театръ былъ въ то время въ полномъ блескѣ. Изъ Петербурга и изъ Москвы нѣкоторые второстепенные актеры переселились въ Вильну. Изъ польскихъ актеровъ остались только

---

[1]) Позволяемъ себѣ вспомнить, что въ числѣ предсѣдателей одной изъ повѣрочныхъ коммисій, именно въ Минской губерніи, былъ въ это время, 1864–1870 гг., братъ нашъ, Петръ Ивановичъ Семевскій, молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ Михайловской Артиллерійской Академіи и послуживший уже предъ тѣмъ дѣлу освобожденія крестьянъ въ Великолуцкомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, въ званіи кандидата мироваго посредника. П. И. Семевскій былъ вызванъ на службу въ Сѣверо-Западный край, въ числѣ многихъ другихъ дѣятелей, приглашенныхъ по крестьянскому вопросу гр. М. Н. Муравьевымъ изъ разныхъ губерній Россіи. П. И. Семевскій прослужилъ съ полнымъ усердіемъ и энергіей вплоть до замѣны этихъ дѣятелей другими лицами по распоряженію генерала А. Л. Потапова. Ред.

лучшіе, хорошо знавшіе по русски; но кромѣ того, на всю зиму былъ приглашенъ за весьма приличное содержаніе г. Васильевъ 2, имѣвшій незадолго передъ тѣмъ непріятности съ петербургской дирекціей. Подъ его руководствомъ устроились два весьма порядочные спектакля любителей въ пользу пріютовъ.

8-го ноября повторились почти въ такомъ же видѣ, какъ и въ прошломъ году, заявленія и демонстраціи въ честь Михаила Николаевича Муравьева. Въ этотъ же вечеръ была назначена свадьба одного изъ его адъютантовъ съ дочерью виленскаго губернатора. Весь городъ собрался по этому случаю въ дворцовую церковь, а оттуда въ домъ С. Ѳ. Панютина. Начальникъ края провелъ едва ли ни единственный этотъ вечеръ въ гостяхъ.

Въ концѣ года генералъ Потаповъ отправился въ объѣздъ губерній: Витебской, Могилевской и Минской. Полковникъ Черевинъ снова уѣхалъ въ отпускъ и я вновь остался одинъ при генералъ-губернаторѣ. Въ это время вечерніе доклады были уже не столь продолжительны. Иногда случалось даже, что въ 11-мъ часу всѣ занятія кончались и тогда начальникъ края слушалъ чтеніе „Исторіи польскаго возстанія 1831 года“ извѣстнаго Смита, обращая особенное вниманіе на событія въ Литвѣ, Самогитіи и юго-западныхъ губерніяхъ и сравнивая ихъ съ событіями послѣдняго мятежа.

Въ декабрѣ 1864 г. посѣтилъ Вильну сенаторъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой (нынѣ, 1867 г., министръ народнаго просвѣщенія). Извѣстное сочиненіе его „Le catholicisme Romain en Russie“ незадолго предъ тѣмъ произвело большое впечатлѣніе и было признано однимъ изъ самыхъ серьезнѣйшихъ сочиненій въ этомъ родѣ. Графъ Д. А. Толстой провелъ въ Вильнѣ два или три дня, осмотрѣлъ всѣ возникавшія и обновляемыя православныя святыни и сообщилъ много интересныхъ данныхъ о католическихъ монастыряхъ и чтимыхъ католиками святыняхъ въ Западномъ краѣ.

Такъ кончался 1864 годъ. Казалось, все благопріятствовало начальнику края продолжать начатое имъ дѣло. Вѣсти изъ Петербурга, къ которымъ такъ чувствительны во всѣхъ генералъ-губернаторствахъ, были самыя удовлетворительныя.

Между тѣмъ мы всѣ уже совершенно освоились съ Вильной, и никакъ уже не предполагали, что наше тамъ пребываніе приходило къ концу.

III.

1865 годъ.

Костюмированный балъ въ Вильнѣ.—Дѣло Іосафата Огрызки.—Отправленіе за границу виленскихъ монахинь-визитантинокъ.—Печатные списки лицамъ, высланнымъ изъ края.

Новый годъ начался рядомъ праздниковъ и вечеровъ. Общее вниманіе въ то время было поглощено готовившимся 6-го января, въ залахъ клуба, костюмированнымъ баломъ въ огромныхъ размѣрахъ, на который должно было съѣхаться гродненское и ковенское общество.

Цѣны за входъ были весьма высокія. Ужинъ былъ приготовленъ на 250 человѣкъ, а всего явилось къ вечеру до 400 лицъ. Трудно было достать билетъ на ужинъ, ибо не хватало уже мѣста. Мужчины преобладали на этомъ праздникѣ; но за то между ними мало было костюмированныхъ. Дамы же, за исключеніемъ пожилыхъ, явившихся въ домино, всѣ были въ довольно изящныхъ костюмахъ; тутъ были и амуры со стрѣлами и ночь, и солнце, и Мари-Антуанетъ; но, какъ и слѣдовало ожидать, преобладалъ русскій сарафанъ.

Начальникъ края желалъ, чтобы всѣ его окружающіе были на этомъ маскарадѣ и провелъ вечеръ въ своемъ дворцѣ одинъ-одинехонекъ.

Вслѣдствіе перемѣнъ, происшедшихъ въ петербургскомъ управленіи, Михаилъ Николаевичъ хотѣлъ немедленно ѣхать въ Петербургъ, чтобъ убѣдиться можетъ ли онъ оставаться на своемъ мѣстѣ; но назначенный съ 15-го января рекрутскій наборъ и ожидавшіеся при этомъ безпорядки и волненія задержали его мѣсяца на два. Наборъ обошелся совершенно благополучно; предназначенные по жребію къ сдачѣ были распущены по домамъ и явились всѣ къ сборнымъ пунктамъ въ назначенный срокъ. Въ народѣ не ходило никакихъ толковъ и только на Жмуди произошло два или три случая побѣга.

Предвидя петербургскую поѣздку, мы старались, по направленію, даваемому дѣламъ, уловить мысль начальника края и опредѣлить: намѣренъ-ли онъ оставаться, или нѣтъ. По всему видно было, что онъ не предполагалъ такъ скоро совсѣмъ покинуть

Вильну: онъ постоянно возбуждалъ новые вопросы, предпринималъ разныя преобразованія, требующія времени; противъ обыкновенія, откладывалъ нѣкоторыя распоряженія до возвращенія изъ столицы и вообще не спѣшилъ ничѣмъ.

Въ это время въ Петербургѣ надѣлало многу шуму дѣло Огрызки. Онъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ (акцизъ) и завѣдывалъ нѣсколькими отдѣленіями на правахъ вице-директора. Управляя въ прежнее время дѣлами г-жи Карамзиной (мать г. Демидова) и дѣлая крупные обороты, онъ пріобрѣлъ значительныя связи. Постоянный ходатай за поляковъ въ петербургскомъ обществѣ, онъ устроилъ на деньги г-жи Карамзиной (взятыя для поправленія своихъ дѣлъ) польскую типографію и отпечаталъ новымъ изданіемъ „Volumina Legum“—полное собраніе польскихъ законовъ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ одинъ только разъ Огрызко скомпрометировалъ себя, издавая въ Петербургѣ польскую газету „Słowo“, которая была закрыта по распоряженію правительства. Передъ началомъ мятежа, по случаю учрежденія акцизныхъ управленій, онъ своимъ вліяніемъ опредѣлилъ многихъ единомышленниковъ на должности по акцизу въ западныхъ губерніяхъ и въ Россіи, гдѣ это было нужно и удобно.

Еще въ самомъ началѣ управленія Михаила Николаевича Муравьева было найдено при одномъ изъ обысковъ письмо, которое кидало на Огрызко тѣнь сомнѣнія. Все письмо было загадочное, хотя въ сущности въ немъ заключалась лишь рекомендація одного чиновника нѣкоему Оскеркѣ, который впослѣдствіи оказался однимъ изъ главныхъ дѣятелей мятежа. Тогда же было сообщено объ этомъ въ Петербургъ; но оттуда полученъ сухой отзывъ, что Огрызко находится не въ томъ департаментѣ, какъ пишетъ генералъ Муравьевъ, и признается, по словамъ начальства, однимъ изъ благонадежнѣйшихъ чиновниковъ.

Въ концѣ же 1864 года, во время раскрытія революціонной организаціи, имя Огрызки стало появляться чаще и чаще въ разныхъ видахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживались и нѣкоторые другіе петербургскіе пособники мятежа. Начальникъ края только и ждалъ этого и сталъ энергически требовать задержанія Огрызко и доставленія его въ Вильну. Неоднократно петербургскія власти отклоняли это его намѣреніе; но наконецъ, уже въ началѣ 1865

года, онъ настоялъ на своемъ, хотя проволочка эта дала возможность Огрызко уничтожить передъ арестаціей всѣ бумаги. Привезенный въ Вильну, Огрызко долго упорно молчалъ; но одинъ изъ членовъ слѣдственной коммисіи, капитанъ Гоголь (написавшій впослѣдствіи прекрасную брошюру: „Іосафатъ Огрызко и петербургскій жондъ въ дѣлѣ послѣдняго мятежа") съумѣлъ, какъ говорили, обойти его и ловко исторгнуть изъ него своею обходительностью нѣкоторыя весьма важныя признанія.

Процессъ этотъ тянулся очень долго, едва-ли не цѣлый годъ и при всемъ томъ, Огрызко, сознаваясь лично, не дѣлалъ никакихъ сторонихъ указаній. Только при генералѣ Кауфманѣ онъ былъ осужденъ къ смертной казни; но сосланъ на 20 лѣтъ въ каторжную работу.

Въ Петербургѣ многіе были скандализированы дерзкою арестаціей высшаго должностнаго лица. У нѣкоторыхъ была душа не на мѣстѣ передъ пріѣздомъ въ столицу генерала Муравьева. Другіе же радовались обнаруженію петербургскаго содѣйствія мятежу и ожидали новыхъ важныхъ открытій и арестацій между петербургскими поляками-чиновниками.

Въ бюрократическихъ же сферахъ были увѣрены, что Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ погорячился, и если ничто не откроется, то онъ себя окончательно скомпрометируетъ.

Послѣдствія извѣстны: оказалось, что Іосафатъ Огрызко съ давнихъ поръ тайно содѣйствовалъ польскимъ революціонерамъ и во время мятежа стоялъ во главѣ петербургскаго революціоннаго отдѣла, пользуясь значительною властью надъ революціонерами въ краѣ. Такимъ образомъ онъ олицетворялъ въ себѣ одновременное служеніе двумъ противоположнымъ началамъ и стремленіямъ: законному правительству и вооруженному мятежу.

Незадолго до поѣздки нашей въ Петербургъ, именно 5-го марта 1865 г., совершилось отправленіе виленскихъ монахинь-визитантинокъ заграницу—во Францію.

Виленскій монастырь этого ордена былъ единственный въ Россіи. Правила монашествующихъ отличались нѣкоторыми особенностями и вообще бо̀льшею строгостью. Посторонніе вовсе не допускались въ монастырь. Бесѣдовать съ родственниками монахини могли лишь чрезъ двойную рѣшетку; также присутствовали онѣ и при богослуженіи, невидимыя для стоящихъ въ храмѣ. Настоя-

тельница ежегодно избиралась ими самими и, по окончаніи срока служенія и по избраніи другой, исполняла самыя тяжкія обязанности новиціатки.

Не смотря на столь строгія правила, въ монастырь этотъ поступали почти исключительно вдовы и дѣвицы изъ лучшихъ фамилій, съ наибольшимъ образованіемъ и религіозною ревностью. По бо́льшей части онѣ дѣлали значительные вклады и сохраняли свои капиталы до смерти за собою. Рядомъ съ этимъ монастыремъ, находящимся на краю города, былъ домъ престарѣлой графини Чапской, съ самымъ большимъ и роскошнымъ садомъ въ Вильнѣ. Любимая дочь ея была въ монастырѣ и сама графиня почиталась какъ бы его покровительницею. Когда впослѣдствіи я осматривалъ это дотолѣ сокрытое отъ нашихъ глазъ зданіе, то увидалъ крытый монастырскій ходъ, ведущій къ внутренней оградѣ сада, и въ концѣ его калитку. Графиня Чапская пользовалась одна привиллегіею посѣщать инокинь.

При всей строгости монастырскихъ правилъ, съ началомъ мятежа городскіе обыватели стали усиленно посѣщать монастырскую аудиторію. Визитантинки сдѣлались оракуломъ. Онѣ предвѣщали побѣды, увѣщевали быть стойкими въ борьбѣ съ врагами церкви и т. п.

Въ началѣ 1865 года, когда уже упразднили многіе монастыри, визитантинки, опасаясь, чтобъ и ихъ не постигла такая же участь, вступили въ переписку съ своими заграничными друзьями, съ главнымъ монастыремъ того же ордена во Франціи—въ Аннеси. На этотъ призывъ къ помощи отозвалось французское духовенство. Изъ нѣсколькихъ монастырей ордена визитантинокъ къ нимъ посланы приглашенія. Равнымъ образомъ архіепископы Орлеанскій—Дюпанлу и Ліонскій—кардиналъ де-Бональ собственноручными письмами обѣщали виленскимъ визитантинкамъ пріютъ и покровительство. Всѣ эти письма были задержаны на почтѣ и доставлены главному начальнику края.

Весьма вѣроятно, что визитантинки были бы оставлены въ покоѣ, такъ какъ не было законнаго основанія упразднять ихъ монастырь; но, войдя въ сношенія съ иностранными правительственными лицами, онѣ подали поводъ къ недовѣрію. При всемъ томъ имъ не было сдѣлано никакихъ стѣсненій со стороны мѣстныхъ властей; сами визитантинки были напуганы и хотѣли оста-

вить Россію. Въ Парижѣ, повидимому, приняли въ ихъ дѣлѣ живое участіе и папскій нунцій при французскомъ дворѣ просилъ содѣйствія посла нашего г. Будберга къ спокойному и безпрепятственному удаленію визитантинокъ за границу.

Ходатайство это не осталось безъ послѣдствій. Немедленно было поручено губернатору объявить затворницамъ, что со стороны правительства нѣтъ препятствія къ ихъ удаленію, и всѣ онѣ единогласно изъявили на это свое желаніе ѣхать за границу. Имъ дозволено было взять съ собою всѣ ихъ частные капиталы и все движимое имущество. На отправку и шитье одежды дано было довольно времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждой изъ нихъ было выдано по 50 руб. сер. деньгами на путевыя издержки, а до границы онѣ были отвезены безвозмездно въ двухъ особыхъ вагонахъ.

Заграничный поѣздъ отходилъ тогда рано утромъ, часовъ въ 6½. Поэтому назначена была въ 4 часа ранняя обѣдня (тихая мша), послѣ которой онѣ должны были отправиться на путевой дворъ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими чиновниками генералъ-губернатора, я присутствовалъ при этомъ трогательномъ прощаніи визитантинокъ съ родиной. По окончаніи обѣдни, когда было еще темно, мы вошли чрезъ сѣни въ галлерею, гдѣ всѣ онѣ собрались. Теплыя одежды ихъ были подъ платьемъ и онѣ отправлялись въ путь въ обыкновенномъ своемъ нарядѣ съ деревяннымъ распятіемъ поперегъ груди. У самаго входа въ корридоръ одна высокая монахиня въ большомъ бѣломъ чепцѣ держала въ поднятой рукѣ плоскій ночникъ, обдававшій слабымъ мерцаніемъ догоравшей свѣчи группу печальныхъ женщинъ и рабочихъ, выносившихъ ихъ домашній скарбъ. Когда все было сложено на телѣги, началось прощанье. Прислуга, состоявшая изъ нѣсколькихъ старушекъ, горько заливалась слезами; но ни одного вздоха не вырвалось у визитантинокъ. Молча цѣловали онѣ порогъ своего жилища, покидая его. Онѣ держали себя спокойно, съ необыкновеннымъ достоинствомъ. Мы разсадили ихъ по каретамъ, приготовленнымъ на дворѣ—и поѣздъ тронулся. Ѣхать было скользко, въ гору, по гололедицѣ, лошади спотыкались. Солнце еще не проглянуло. Кое-гдѣ мерцали фонари.

На желѣзной дорогѣ ждали монахинь губернаторъ и прелатъ Немѣкша, назначенный сопутствовать имъ до границы. Нѣкоторыя изъ нихъ, не выходившія изъ обители болѣе 20-ти лѣтъ, были изумлены при видѣ вагоновъ и съ любопытствомъ насъ о нихъ распрашивали.

Офицеръ, сопровождавшій ихъ до границы, разсказывалъ, что въ Эйдкуненѣ нѣмцы обступили ихъ, привели женъ и дѣтей и, нисколько не стѣсняясь, курили сигары и смѣялись надъ бѣдными путницами. О дальнѣйшей судьбѣ визитантинокъ и о пріѣздѣ ихъ во Францію ничего не было извѣстно ни изъ газетъ, ни изъ разсказовъ.

Хотя съ точки зрѣнія государственной пользы и необходимости ослабленія католицизма въ краѣ и можно оправдать удаленіе смиренныхъ отшельницъ; но этимъ въ то время не удовольствовались и во что бы то ни стало старались представить ихъ руководительницами мятежа.

Въ мартѣ были окончены печатаніемъ подробные списки лицамъ, высланнымъ изъ края. Въ спискахъ этихъ, сосланные раздѣлялись на слѣдующія категоріи: 1) лица, сосланныя безъ суда и слѣдствія по распоряженію главнаго начальника края,—такихъ было всего до 270 человѣкъ; 2) лица, сосланныя административнымъ же порядкомъ на жительство во внутреннія и отдаленныя губерніи, но по суду, или по слѣдствію, когда не представлялось юридическихъ доказательствъ къ ихъ обвиненію, но тѣмъ не менѣе имѣлись данныя относительно ихъ содѣйствія мятежу; лицъ этихъ двухъ категорій было до 1,260, и, наконецъ, 3), лица сужденныя военными судами и приговоренныя къ наказаніямъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ правъ состоянія и съ конфискованіемъ имѣнія; такихъ лицъ вмѣстѣ съ Августовскою губерніей было до 2,000 и въ томъ числѣ казненныхъ въ 6-ти губерніяхъ сѣверозападнаго края 127 человѣкъ, а въ Августовской губерніи около 50.

Печатные списки эти были разосланы во всѣ присутственныя мѣста и въ уѣзды, какъ для точнаго конфискованія имѣній, которыя были внесены въ списки, такъ и для наблюденія за наложеніемъ секвестра на имѣнія лицъ, сосланныхъ административнымъ порядкомъ. Эти-то послѣднія, указомъ 10-го декабря 1865 года, и были обязаны продать свои имѣнія русскимъ. Кромѣ помянутыхъ лицъ, вошедшихъ въ печатные списки, была еще категорія высланныхъ, и самая многочисленная,—это переселенцы изъ шляхетскихъ околицъ, отправленные для водворенія за Уралъ. Ихъ насчитывалось всего свыше 5,000 человѣкъ обоего пола.

Передъ поѣздкой въ Петербургъ всѣ эти числовыя свѣдѣнія были сообщены чрезъ военнаго министра для всеподданнѣйшаго доклада.

IV.

Отъѣздъ ген. Муравьева въ Петербургъ.—Аудіенція его у императора Александра II.—Генералъ Кауфманъ.—Высочайшій рескриптъ объ увольненіи ген. Муравьева отъ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ и о возведеніи его въ графское достоинство.—Отъѣздъ въ Вильну новаго ген.-губернатора Сѣверо-Западнаго края,—ген. К. П. Кауфмана.

Отъѣздъ генералъ-губернатора въ столицу былъ назначенъ на 18-е марта въ четвергъ на 5-й недѣли великаго поста. Подобно какъ въ 1864-мъ году, были сдѣланы на время его отсутствія письменныя распоряженія объ управленіи краемъ, на этотъ разъ болѣе сложныя, такъ какъ часть гражданскихъ дѣлъ ввѣрялась генералу Потапову, вмѣстѣ съ правомъ конфирмаціи по слѣдственнымъ и военно-суднымъ дѣламъ; но важнѣйшія отрасли управленія остались въ рукахъ начальника края, не смотря на его отъѣздъ. Генералъ Хрущовъ долженъ былъ вступить по закону во временное командованіе войсками округа.

Утромъ въ день отъѣзда, во дворецъ собрались всѣ власти и начальникъ края передавалъ имъ приказанія. Съ генералъ-губернаторомъ отправились почти тѣ же лица, за исключеніемъ адъютанта и ординарца, которые на этотъ разъ были другіе. Поѣздъ тронулся въ 5 часовъ и снова провожавшая генералъ-губернатора толпа чиновъ кричала ему: „до свиданья!“, но на этотъ разъ они его уже не дождались.

Въ Вильнѣ никто не предполагалъ, что Михаилъ Николаевичъ оставитъ управленіе краемъ и думали, что онъ вернется недѣли черезъ три съ новыми полномочіями. По домашнимъ распоряженіямъ, сдѣланнымъ во дворцѣ, можно было предполагать, что и самъ генералъ-губернаторъ думалъ возвратиться въ край.

Въ Петербургѣ на этотъ разъ онъ былъ встрѣченъ только близкими знакомыми и безъ всякихъ заявленій. Къ тому же отъ дороги онъ совершенно расхворался. Когда на слѣдующій день мы всѣ явились къ генералъ-губернатору, онъ сидѣлъ въ углу кабинета на мягкомъ креслѣ, совсѣмъ больной и разстроенный, сильно кашлялъ и отпустилъ насъ всѣхъ по домамъ. Нѣсколько дней не могъ онъ почти ничѣмъ заниматься; его посѣщали наиболѣе въ это время министры: государственныхъ имуществъ, ген.-адъют. Зеленый, и военный—Д. А. Милютинъ.

Первую аудіенцію у Государя генералъ Муравьевъ имѣлъ лишь черезъ недѣлю по пріѣздѣ и вынужденъ былъ тутъ же отказаться отъ управленія краемъ. Государь просилъ его повременить немного для пріисканія ему преемника. Въ то же время рѣшено было отправить на мѣста, для устраненія разныхъ недоразумѣній и собранія свѣдѣній о настроеніи умовъ, директора канцеляріи военнаго министерства, генералъ-адъютанта Кауфмана, который неоднократно въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ былъ посылаемъ въ Вильну, Варшаву и Ригу, какъ для соглашенія между собою тамошнихъ главныхъ начальниковъ, такъ и по устройству военно-окружнаго управленія.

Между тѣмъ наступала 4-го апрѣля Пасха и уже былъ заготовленъ приказъ объ увольненіи генерала Муравьева съ возведеніемъ въ графское достоинство; но въ страстную субботу къ вечеру пріѣхалъ изъ Вильны генералъ Кауфманъ, доложилъ Государю о положеніи дѣлъ и вручилъ письмо отъ генерала Потапова съ просьбою разрѣшить ему пріѣздъ въ столицу. Поэтому ожидаемыя перемѣны были отложены, а генералу Потапову разрѣшено было пріѣхать.

Генералъ Потаповъ пріѣхалъ ввечеру въ самый Свѣтлый праздникъ и на слѣдующій день происходило у Государя Императора совѣщаніе по дѣламъ Западнаго края.

Въ это же самое утро, т. е. въ понедѣльникъ на Святой, 5-го апрѣля, часа за два до съѣзда, происходившаго во дворцѣ, имѣлъ свой послѣдній всеподданнѣйшій докладъ въ качествѣ генералъ-губернатора Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Онъ представилъ только о награжденіи незначительнаго числа самыхъ близкихъ своихъ чиновниковъ и записку о томъ, какія мѣры считаетъ онъ необходимыми для упроченія въ Западномъ краѣ нашего могущества. Это была его лебединая пѣснь.

Въ это утро ничто еще не было рѣшено; но въ 2 часа получена была Государемъ телеграмма изъ Ниццы съ извѣщеніемъ о безнадежномъ почти состояніи здоровья Государя Наслѣдника Цесаревича. Его Величество назначилъ, вслѣдствіе этого, отъѣздъ свой въ тотъ же вечеръ и, предназначивъ на мѣсто Михаила Николаевича Муравьева—генерала Кауфмана, призвалъ его въ тотъ же день и приказалъ ему поѣхать къ генералу Муравьеву объявить о предстоящемъ его назначеніи, которое должно было послѣдовать изъ Ниццы.

Я описываю въ самомъ сокращенномъ видѣ это весьма интересное время потому, что всѣ событія эти, происходившія въ сферахъ правительственныхъ, весьма подробно описаны въ оставшихся послѣ графа Муравьева запискахъ, которыя рано или поздно должны будутъ появиться въ печати [1]).

Здѣсь я позволю себѣ однако сдѣлать маленькую оговорку; въ запискахъ своихъ покойный графъ старается выказать, что назначеніе генерала Кауфмана состоялось по его представленію; смѣло можно опровергнуть это заявленіе, сдѣланное съ цѣлію показать свое вліяніе на Государя. Я положительно помню, что Михаилъ Николаевичъ никакъ не ожидалъ этого назначенія, которое въ первое время ему было непріятно; но онъ, скрѣпя сердце и изъ необходимости поддержать солидарность свою съ генераломъ Кауфманомъ и дабы не оттолкнуть его отъ своей системы, радостно привѣтствовалъ его назначеніе и былъ до конца постояннымъ оффиціальнымъ его защитникомъ. Можно полагать, что Д. А. Милютинъ, въ виду возникшихъ затрудненій, и старался узнать мнѣніе графа о Кауфманѣ передъ тѣмъ, чтобъ рекомендовать его Государю и что Его Величество тоже спрашивалъ о немъ генерала Муравьева, въ отвѣтъ на его представленіе о Хрущовѣ; но Михаилъ Николаевичъ не придавалъ этому особаго значенія, хотя, конечно, хорошо отозвался о личности Кауфмана на запросъ Государя.

Такимъ образомъ Милютинъ обвелъ (??) старика, котораго онъ въ то же время забавлялъ разными игрушками, какъ напр. проектомъ устройства изъ упраздненныхъ въ Ковенской губерніи монастырей постоянныхъ казармъ въ центральныхъ пунктахъ для наблюденія за краемъ въ политическомъ отношеніи.

Имѣя постоянною цѣлью, какъ онъ выражался, распластать Жмудь, Михаилъ Николаевичъ совершенно увлекся этимъ проектомъ, составилъ всѣ соображенія и постоянно бесѣдовалъ объ

---

[1]) Записки графа Михаила Николаевича Муравьева напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., томъ XXXVI, ноябрь и декабрь, стр. 387—432 и 623—644 и въ изд. 1883 г., томъ XXXVII, январь и февраль, стр. 131—166, 291—304.

Записки гр. М. Н. Муравьева напечатаны съ небольшими лишь пропусками особенно рѣзкихъ строкъ въ отзывахъ его о государственныхъ дѣятеляхъ Россіи. Пропуски не превышаютъ, всего-на-все, трехъ съ половиною печатныхъ страницъ. Ред.

этомъ съ Д. А. Милютинымъ, который очевидно хлопоталъ только о Кауфманѣ.

Такъ какъ приказъ объ увольненіи графа Муравьева состоялся въ Ниццѣ 17-го апрѣля и былъ опубликованъ въ Петербургѣ лишь 25-го, то Михаилъ Николаевичъ еще 3 недѣли управлялъ краемъ; но въ дѣйствительности онъ уже ко всему относился равнодушно, какъ бы нехотя занимался и ждалъ только поскорѣе развязки.

Увольненіе его состоялось почти незамѣтно, ибо въ этотъ промежутокъ времени, 12-го апрѣля, скончался въ Ниццѣ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ—и событіе это, поразившее всю Россію, изгладило впечатлѣніе рескрипта, даннаго графу Муравьеву.

Рескриптъ этотъ былъ полученъ съ фельдъегеромъ изъ Ниццы, 24-го апрѣля 1865 г., ввечеру, и генералъ-адъютантъ Д. А. Милютинъ поспѣшилъ лично доставить его нововозведенному графу.

Рескриптъ былъ въ высшей степени важный и величавый; въ немъ описывались не служебныя только дѣла, а великіе гражданскіе подвиги и въ концѣ сказано было, что генералъ Муравьевъ возводится въ графское достоинство, въ увѣковѣченіе памяти о заслугахъ его предъ престоломъ и отечествомъ.

Не смотря на то, что награда эта была уже задолго передъ тѣмъ оглашена, радость въ семействѣ графа Муравьева была общая. Въ тотъ же день, какъ рескриптъ появился въ газетахъ, т. е. 25-го утромъ, всѣ близкіе графу лица и прежніе многочисленные его сослуживцы посѣтили его. Нѣкоторые изъ близкихъ его чиновниковъ, невѣрившіе его увольненію, не смотря на всю очевидность этого, были сильно огорчены и бродили какъ тѣни. На другой день къ нему собрались всѣ офицеры Преображенскаго полка, который былъ особенно обласканъ и отличенъ графомъ во время усмиренія мятежа. Трогательно было видѣть этого старца, быстро перешедшаго изъ самой оживленной и могущественной дѣятельности къ жизни частнаго человѣка, окруженнаго семьею своихъ бывшихъ сотрудниковъ. Управленіе было такъ ему сродно, что, казалось, будто у него отняли что-то ему принадлежащее. Онъ былъ ласковъ и веселъ, окруженный людьми доброжелательными; но какая-то грусть въ немъ просвѣчивалась. Подчасъ онъ забывался и съ нѣкоторыми изъ приходящихъ начиналъ вдаваться въ проекты и давать рѣшенія по дѣламъ, отъ

него уже болѣе не зависѣвшимъ. Лица эти дѣлали видъ совершенной покорности, щадя старика, въ которомъ, при всей его суровости, была какая-то притягательная сила добродушія и ума.

Можно себѣ представить какое впечатлѣніе произвела въ Вильнѣ и во всемъ краѣ вѣсть о его увольненіи. Свершилось наконецъ то, чему многіе не хотѣли вѣрить. Друзья его и недруги сознали въ одинъ мигъ все значеніе этого необыкновеннаго человѣка; адресы, письма и телеграммы самаго трогательнаго содержанія какъ отъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и отъ обществъ буквально посыпались изъ всѣхъ концовъ края. Многіе хотѣли оставить край, но графъ ихъ удерживалъ отъ этого, объясняя имъ, что теперь-то они и должны выказать свое мужество, продолжая съ постоянствомъ поддерживать и проводить принятую въ краѣ систему.

Можно безошибочно сказать, что только съ увольненіемъ его окончательно восторжествовала какъ въ жизни края, такъ и во взглядахъ правительства его идея, въ которой, чтобы ни говорили, было много справедливости и истины.

Графъ Михаилъ Николаевичъ успокоивалъ всѣхъ русскихъ Сѣверо-западнаго края, испуганныхъ нѣмецкою фамиліею новаго генералъ-губернатора, и имѣлъ съ нимъ довольно частыя бесѣды. Дня черезъ два послѣ увольненія своего, графъ представилъ у себя на квартирѣ генералу Кауфману всѣхъ находившихся при немъ въ столицѣ чиновниковъ и военныхъ, которые пожелали возвратиться въ край. Въ семействѣ графа было дано два обѣда, и на первомъ изъ нихъ былъ также генералъ К. П. Кауфманъ.

1-го мая 1865 года, ровно черезъ два года послѣ назначенія Михаила Николаевича Муравьева Виленскимъ генералъ-губернаторомъ, новый начальникъ края отправился въ Вильну и на этомъ я заканчиваю мои Виленскіе очерки, которые въ послѣдней главѣ невольно превратились въ Петербургскіе. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами и я оставилъ въ то время Сѣверо-западный край.

* * *

23-го апрѣля 1867 г.
въ Ригѣ.

КОНЕЦЪ „ВИЛЕНСКИХЪ ОЧЕРКОВЪ“.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

Высочайшій рескриптъ, данный на имя генерала отъ инфантеріи графа Муравьева 2-го.

Графъ Михаилъ Николаевичъ. Я призвалъ васъ къ управленію сѣверо-западными губерніями въ то трудное время, когда вѣроломный мятежъ, вспыхнувшій въ Царствѣ Польскомъ, распространялся въ ихъ предѣлахъ и уже успѣлъ поколебать въ нихъ основныя начала правительственнаго и гражданскаго порядка.

Не смотря на разстройство вашего здоровья, вслѣдствіе котораго, незадолго предъ тѣмъ, я долженъ былъ снизойти на просьбу вашу объ увольненіи васъ отъ одновременнаго управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ, департаментомъ удѣловъ и межевымъ корпусомъ, вы съ примѣрнымъ самоотверженіемъ приняли на себя ввѣряемыя мною вамъ новыя обязанности, и при исполненіи ихъ оправдали, въ полной мѣрѣ, мои ожиданія.

Мятежъ подавленъ; сила правительственной власти возстановлена; общественное спокойствіе водворено и обезпечено рядомъ мѣръ, принятыхъ съ свойственными вамъ неутомимою дѣятельностью, распорядительностью, знаніемъ мѣстныхъ условій и непоколебимою твердостью. Вы обратили вниманіе на всѣ отрасли управленія во ввѣренномъ вамъ краѣ. Вы осуществили и упрочили предначертанное мною преобразованіе быта крестьянскаго населенія, въ огромномъ большинствѣ вѣрнаго своему долгу и нынѣ снова ознаменовавшаго глубокое сознаніе древняго и неразрывнаго единства Западнаго края съ Россіей. Вы озаботились улучшеніемъ быта православнаго духовенства, возстановили въ народной памяти вѣковыя святыни православія, содѣйствовали устройству и украшенію православныхъ храмовъ, и вмѣстѣ съ умноженіемъ числа народныхъ училищъ положили начала преобразованія ихъ въ духѣ православія и русской народности. Подвиги ваши вполнѣ мною оцѣнены и пріобрѣли вамъ то всеобщее сочувствіе, которое столько разъ и съ разныхъ сторонъ вамъ было засвидѣтельствовано.

Къ крайнему моему прискорбію, ваши непрерывныя и усиленныя занятія еще болѣе разстроили здоровье ваше, и вы снова заявили мнѣ о невозможности долѣе исполнять лежащія на васъ многотрудныя обязанности.

Снисходя къ желанію вашему, и съ сожалѣніемъ увольняя васъ отъ занимаемыхъ вами должностей и званій, кромѣ званія члена государственнаго совѣта, я вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ознаменованіе моей къ вамъ признательност

и въ увѣковѣченіе памяти о заслугахъ вашихъ предъ престоломъ и отечествомъ, указомъ, сего числа правительствующему сенату даннымъ, возвелъ васъ, съ нисходящимъ потомствомъ, въ графское Россійской имперіи достоинство.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Величества рукою написано: «Искренно вамъ благодарный Александръ».

Ницца.
17-го (29-го) апрѣля 1865 г.

II.

Вопросъ польскій.

Рукопись Сигизмунда Сѣраковскаго, казненнаго въ Вильнѣ въ маѣ 1863 года

Имя Сигизмунда Сѣраковскаго пріобрѣло печальную извѣстность въ исторіи послѣднихъ безпорядковъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Рукопись принадлежитъ къ 1862 году, когда Сѣраковскій возвратился изъ второй своей заграничной поѣздки, сдѣланной для обзора тюремъ; первая его поѣздка была совершена въ 1860 году на статистическій конгрессъ въ Лондонъ.

Послѣ всего, что сбылось въ Царствѣ Польскомъ и западной Россіи съ 1863 по конецъ 1864 года, можно оцѣнить по достоинству записку Сѣраковскаго. Распространяя ее, Сѣраковскій прокладывалъ дорогу для успѣха будущаго мятежа. Вотъ почему этотъ документъ имѣетъ интересъ и историческое значеніе. Онъ извращаетъ исторію;—подъ личиною серьезной, почти научной статьи,—онъ застилаетъ и отуманиваетъ историческую правду; онъ обманулъ многихъ изъ молодыхъ образованныхъ поляковъ и привелъ ихъ къ погибели.

Вотъ нѣсколько фактовъ изъ біографіи автора этого лживаго мнимо историческаго очерка: студентъ Сѣраковскій, въ 1848 году, будучи схваченъ на границѣ Волынской губерніи за намѣреніе бѣжать въ Австрію, былъ опредѣленъ рядовымъ въ 1-й Оренбургскій линейный батальонъ; здѣсь успѣлъ онъ выучиться по англійски и вошелъ въ милость своего ротнаго командира, преподаваніемъ (вмѣстѣ съ политическими же преступниками и рядовыми того же батальона Лещинскимъ и Гордономъ) тремъ дочерямъ капитана—французскаго языка, математики и танцованія,—да, танцованія (такъ пишетъ самъ Гордонъ въ своихъ воспоминаніяхъ).

Сѣраковскому, одному изъ трехъ, дѣйствительно повезло. Онъ произведенъ въ офицеры; успѣлъ перейти въ драгуны и прикомандироваться къ штабу гвардейскихъ войскъ для приготовленія въ Николаевскую академію генеральнаго штаба.

По выпускѣ изъ академіи, Сѣраковскій былъ два раза, съ ученою цѣлію, за границею; печаталъ въ офиціальномъ изданіи статьи объ арестантскихъ ротахъ, имѣлъ порученія и командировки, и вдругъ, когда онъ уѣхалъ для исполненія послѣдней, въ мартѣ 1863 года, было получено въ Петербургѣ извѣстіе, что Сѣраковскій, начальствовавшій бандою мятежниковъ подъ именемъ Доленго, разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Конецъ Сѣраковскаго извѣстенъ.

Еслибъ къ Россійской имперіи принадлежало только такъ называемое Царство Польское, вопросъ польскій не представлялъ бы особенныхъ затрудненій. Послѣ Наполеоновскихъ войнъ, занятое силою оружія, признанное за Россіей по вѣнскому трактату, въ вознагражденіе за ея содѣйствіе къ низверженію Наполеона, Царство Польское принадлежитъ Россіи: 1) по праву сильнаго, 2) на основаніи договора; на томъ же основаніи, напримѣръ, какъ Ломбардо-Венеціанское королевство принадлежитъ Австріи. Вслѣдствіе будущей войны, на основаніи новаго договора, Царство Польское можетъ быть вновь отдѣлено отъ имперіи. Это вопросъ времени и политическихъ комбинацій, не представляющій никакихъ особыхъ затрудненій. Мы въ правѣ сказать, что этотъ вопросъ столь же затруднителенъ, какъ, напримѣръ, вопросъ венеціанскій и т. п.

Между тѣмъ, глубже вникнувъ въ смыслъ этого дѣла, оказывается, что польскій вопросъ едва ли не самый важный изъ всѣхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ предстоитъ Европѣ, въ ближайшемъ будущемъ,—едва ли онъ не важнѣе восточнаго вопроса.

Причиной этого, такъ называемыя, западныя губерніи.

Нынѣшнее Царство Польское составляло только часть великаго цѣлаго—бывшей Рѣчи Посполитой польской.

Извѣстно, что въ исходѣ XIV столѣтія Польша соединилась съ Литвою, что эта политическая унія завершилась въ 1569 году при Сигизмундѣ Августѣ на Люблинскомъ сеймѣ.

Не смотря на всѣ противные возгласы, подлинные акты доказываютъ, что эта политическая унія была добровольной,—что эта была федерація трехъ народовъ Польши, Литвы и Руси (югозападной), что Литва и Русь (земля Волынская и княжество Кіевское) соединились съ собственной Польшей—«какъ равный съ равнымъ и какъ вольный съ вольнымъ», съ тѣмъ, «чтобы федерація автономій и автономія федераціи ни въ чемъ и никогда не нарушала» («żeby pospolitość osobliwości, a osobliwość pospolitości niwczym i nigdy nieujmowała»).

Исторія указываетъ, что главной причиной разрушенія этого безпримѣрнаго, въ новой европейской исторіи, федеральнаго союза были внутреннія

смуты, причиненныя кознями іезуитовъ, послѣ такъ называемой Брестской религіозной уніи (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ Люблинской политической), вслѣдствіе которой высшіе духовные представители восточной церкви соединились съ западною.

Впрочемъ, не смотря на всѣ происки іезуитовъ, на то, что короли изъ дома Вазовъ находились подъ ихъ вліяніемъ, сеймъ 1609 года и всѣ послѣдующіе постоянно постановляли, что «уніяты дызуніятовъ и, обратно, дызуніяты уніятовъ никакимъ образомъ и ни подъ какимъ предлогомъ притѣснять и преслѣдовать не въ правѣ, подъ опасеніемъ взысканій 10,000 злотыхъ и отвѣтственностію передъ трибуналомъ» (см. конституція 1609 года и послѣдующія V. L., т. 2-й).

Не смотря на эти благоразумныя постановленія сеймовъ, внутреннія смуты, порождаемыя религіозною нетерпимостію, продолжались. Онѣ главнымъ образомъ были причиной казацкихъ войнъ и отпаденія Малороссіи; онѣ дали предлогъ въ XVIII-мъ столѣтіи сосѣднимъ державамъ, принимая сторону диссидентовъ, мѣшаться въ польскія дѣла и вслѣдствіе того были одной изъ главныхъ причинъ паденія Рѣчи Посполитой.

Въ XVI столѣтіи Польша стояла выше не только другихъ славянскихъ народовъ, но во многихъ отношеніяхъ опередила западно-европейскіе.

Политическія права полноправныхъ гражданъ, судебныя учрежденія, автономія провинцій представляютъ столь высокую степень развитія и выработанности, что даже въ будущемъ онѣ могутъ служить неоцѣненной сокровищницей для другихъ, въ особенности для славянскихъ народовъ.

Мы сказали о правахъ полноправныхъ гражданъ. Правда, что полноправнымъ было только такъ называемое рыцарское сословіе (шляхта); но оно составляло почти десятую часть народонаселенія. Къ рыцарскому сословію принадлежали около милліона душъ (см. Лелевель и другіе).

Вспомнимъ, что въ конституціонной Франціи временъ Лудовика Филиппа всего 200,000 гражданъ пользовались политическими правами, что въ настоящее время въ пресловутой своимъ политическимъ развитіемъ Англіи едва ли наберется милліонъ людей, пользующихся этими же правами. При томъ рыцарское сословіе не было замкнутое, не было кастой. Еще въ началѣ XVII-го столѣтія сеймы давали въ награду за отличіе цѣлымъ хоругвямъ, цѣлымъ военнымъ отрядамъ, права полноправныхъ гражданъ, права политическія; такъ, напримѣръ, послѣ Клушинскаго дѣла.

Наконецъ извѣстно, что по конституціи 1791 года крестьяне изъяты изъ подъ власти помѣщиковъ.

Но тогда уже было поздно.....

Мало того, что Польша развивала и совершенствовала свои учрежденія, вполнѣ сознавая ихъ внутреннее достоинство, она стремилась къ тому, что-

бы посредствомъ добровольныхъ союзовъ, съ другими сплеменными народами—распространять эти учрежденія.

До сихъ поръ многіе удивляются почему передовые люди Литвы и Руси желали союза съ Польшей. Но это весьма понятно: Ягелло былъ самодержцемъ и неограниченнымъ владыкою Литвы и Руси. Мы знаемъ, что его предшественники ни мало не церемонились въ выборѣ средствъ. Травля дикими звѣрями, пытки и всякаго рода истязанія,—вотъ что предстояло каждому литвину и русину, навлекшему на себя гнѣвъ великаго князя. А между тѣмъ, благодаря вліянію поляковъ, Ягелло на Городельскомъ сеймѣ 1413 года призналъ высшему и среднему классу на Литвѣ и Руси—тѣ же полныя политическія и гражданскія права, которыми пользовались, безконечно выше развитіемъ стоявшіе ихъ, поляки.

Ягелло совершилъ едва ли не безпримѣрный въ исторіи подвигъ. Вспомнимъ, что политическія и гражданскія права высшаго и средняго класса въ тогдашней Польшѣ ни мало не уступали англійскимъ настоящаго времени.

Послѣ того понятно, почему высшій и средній классъ въ Литвѣ и Руси дорожилъ союзомъ съ Польшей; почему онъ совершенно слился съ польской шляхтой,—принялъ ея стремленія и направленіе.

Мыслящіе люди на Литвѣ и Руси не могли не сознавать, что благодаря союзу съ Польшей они сокрушили могущество Тевтонскаго ордена (Грюнвальдъ и Таненбергъ), не страшились завоевательныхъ плановъ турокъ, и, главное, имѣли обезпеченныя права, обезпеченное развитіе.

Передовые люди Литвы и Руси столь сильно были поражены благотворными послѣдствіями союза Литвы съ Польшей, который, какъ извѣстно, начался избраніемъ Ягелла на польскій престолъ, что ни мало не опасаясь вліянія совершенно противуположныхъ началъ, господствовавшихъ тогда въ Московіи, во 2-й половинѣ XVI столѣтія, многократно (послѣ смерти Сигизмунда Августа, отреченія Генриха, а также послѣ кончины Баторія) предлагали избрать царя московскаго Ивана Грознаго на престолъ Ягеллоновъ. Люди эти, не подлежитъ сомнѣнію, (каждому, кто изучилъ направленіе, господствовавшее тогда въ Литвѣ—это извѣстно), весьма дорожили своими правами и свободами, но были вполнѣ убѣждены, что царь московскій, сѣвъ на престолѣ Ягеллоновъ, не въ состояніи будетъ нарушить ихъ правъ, напротивъ, по примѣру Ягеллы, силой обстоятельствъ, будетъ вынужденъ дать тѣ же права политическія и гражданскія московскому народу.

Итакъ, мысль соединенія двухъ славянскихъ государствъ, Литовско-Польскаго и Московскаго, возникла еще въ XVI вѣкѣ.

Мысль эта проявилась съ новой силой въ началѣ XVII; ее поддерживалъ знаменитый гетманъ Жолкѣвскій и его партія.

Мысль эта нашла многочисленныхъ поборниковъ въ Московіи, иначе нельзя удовлетворительно объяснить избранія Владислава.

Мысль эта состояла въ томъ, чтобы два эти государства соединились, по примѣру Литвы съ Польшей, «какъ равный съ равнымъ, какъ вольный съ вольнымъ».

Сигизмундъ III, своими стремленіями подчинить себѣ и, такъ сказать, завоевать Московію, главнымъ образомъ былъ тогда причиной ея неосуществленія.

Исторія, казалось, хотѣла дать урокъ, что прочное соединеніе этихъ двухъ славянскихъ государствъ невозможно по праву сильнаго.

Полъ-столѣтія спустя Алексѣй Михайловичъ снова заговорилъ о соединеніи, но, разумѣется, что по тогдашнимъ обстоятельствамъ соединеніе значило бы подчиненіе Польши Московіи, и потому лучшіе люди въ Польшѣ воспротивились этому и отстояли ея независимость.

Въ исходѣ XVIII-го столѣтія конфедераты Тарговецкіе (Потоцкіе, Ржевускіе, Браницкіе) притворялись, что дѣйствуютъ въ духѣ соединенія, но они искали только собственныхъ выгодъ и потому имена ихъ и дѣйствія остались опозоренными и ненавистными всѣмъ честнымъ людямъ въ Польшѣ и въ Россіи.

Послѣ паденія Наполеона, Александръ I-й, казалось, дѣйствительно возмечталъ и имѣлъ возможность осуществить завѣтную мысль XVI столѣтія—соединить литовско-польскій народъ съ россійскимъ, какъ вольный съ вольнымъ, какъ равный съ равнымъ.

Но Россія не была еще тогда къ тому подготовлена.

Тогдашніе русскіе передовые люди не поняли всей важности и благотворности подобнаго единственно-прочнаго соединенія.

Органъ ихъ, Карамзинъ, мечтаетъ, какъ грекъ временъ Наполеоновской войны, не о федераціи, но о гегемоніи.

Дальнѣйшія бѣдствія Польши, пагубно отразившіяся въ Россіи—пріостановленіемъ гражданскаго развитія русскаго народа — были необходимымъ послѣдствіемъ стремленій, выраженныхъ въ брошюрѣ Карамзина (О старой и новой Россіи), къ осуществленію которыхъ русское правительство употребляло свои усилія въ послѣдніе годы царствованія Александра и въ первые Николая (Новосильцевъ въ Вильнѣ; стѣсненія въ Варшавѣ).

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ значительная часть не только правительственныхъ органовъ, но даже русскихъ ученыхъ и публицистовъ, придерживается, повидимому, мнѣній Карамзина.

30 лѣтъ продолжался военный терроризмъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Западныхъ губерніяхъ.

Онъ ничего не создалъ.

1861 годъ доказалъ, что не только Царство Польское, но и западный край, насильно прикованные къ имперіи,—остаются ей чуждыми.

Что такое западный край?

Высшій и средній классъ въ немъ составляютъ поляки или, говоря точнѣе—литовцы и русины, принявшіе добровольно польскій языкъ, польскія стремленія, однимъ словомъ польскую цивилизацію.

Все, что думаетъ объ общественныхъ дѣлахъ, все, что читаетъ и пишетъ въ западномъ краѣ,—все это совершенно польское.

Не будемъ спорить о цифрахъ; положимъ, что чисто-польскій элементъ составляетъ $^1/_{10}$ часть—милліонъ жителей въ западномъ краѣ.

За то кажется ни одинъ добросовѣстный человѣкъ не станетъ же утверждать, что простой народъ въ западномъ краѣ состоитъ изъ великоруссовъ.

Правда, что многіе русскіе публицисты считаютъ западный край Россіею на томъ основаніи, что простой народъ въ этомъ краѣ православнаго вѣроисповѣданія и что онъ говоритъ русскимъ языкомъ.

Вотъ нашъ отвѣтъ: мы не отвергаемъ, что въ исходѣ XVI столѣтія Брестская религіозная унія подготовлена была искуственнымъ образомъ, что прямо или косвенно, но польское правительство, не смотря на постановленія сеймовъ, не признавало одинаковыхъ правъ и преимуществъ дызунія-тамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ надѣемся, что никто изъ честныхъ, добросовѣстныхъ людей не будетъ отвергать факта, свершившагося на нашихъ глазахъ, а именно искуственнаго возсоединенія и жестокихъ преслѣдованій, которымъ подвергались уніяты въ предъидущее царствованіе.

И потому мы въ правѣ сказать, что довольно значительная часть жителей западнаго края (мы разумѣемъ простой народъ) только по дѣламъ консисторіи значится православною. Они на столько же православные, на сколько можно назвать православными раскольниковъ одной изъ великороссійскихъ губерній, которые по спискамъ причислены также къ православію.

Относительно языка—каждый филологъ, каждый, практикой изучившій славянскія нарѣчія западнаго края, не можетъ не признать, что нарѣчія, на которыхъ говоритъ въ этомъ краѣ простой народъ (украинское праваго берега Днѣпра, волынское, бѣлорусское съ малыми оттѣнками), если не ближе къ польскому, чѣмъ къ великорусскому—по крайней мѣрѣ занимаетъ между ними средину.

Каждый крестьянинъ западнаго края пойметъ все, что ему говорится по польски. Слушая великороссійское нарѣчіе, онъ не рѣдко нуждается въ переводѣ. Наконецъ, называющіе западный край Россіею забываютъ, что ремесленникъ мало-мальски грамотный, что крестьянинъ разжившійся дѣлаются въ этомъ краѣ поляками, но не великоруссами;—что польскій элементъ, что польская цивилизація проникли въ плоть и кровь жителей этого края.

Доказательствомъ можетъ служить также то, что дѣти великоруссовъ, служившихъ долгое время въ этомъ краѣ, дѣлаются поляками. Не дѣлаются же они татарами въ Казани, или башкирцами въ Оренбургѣ. Какая причина подобныхъ явленій, которыя можетъ оспаривать развѣ тотъ, кто совершенно не знаетъ настоящаго положенія западнаго края. Чтобы объяснить эти явленія необходимо признать, что польская цивилизація стоитъ выше другихъ въ западномъ краѣ, что она лучше всего соотвѣтствуетъ современнымъ стремленіямъ болѣе развитыхъ личностей этого края.

Слѣдовательно, для того чтобы вытѣснить польскій элементъ, польскую цивилизацію изъ западнаго края, остается испробовать одно еще средство: попытаться возбудить рѣзню, jacquerie, попытаться—нельзя ли крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, поднять противъ высшихъ и среднихъ классовъ.

Въ настоящее время, время разныхъ соціальныхъ контрастовъ, завоеватель, занявъ силою какую-нибудь страну, почти вездѣ довольно легко можетъ это сдѣлать (одно развѣ исключеніе составляетъ. Швейцарія). Прудонъ въ послѣднемъ сочиненіи: La paix ou la guerre указываетъ какъ легко англичанамъ подавить Францію, отдавъ ее на жертву голоднымъ пролетаріямъ, какъ еще легче французамъ сдѣлать то же самое въ аристократической Англіи.

Но при этомъ, умалчивая о гуманныхъ препятствіяхъ, двѣ предстоятъ опасности.

Если подобная рѣзня произойдетъ въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ—тогда цѣль не будетъ достигнута. Если она сдѣлается всеобщей въ западномъ краѣ — тогда едва ли не распространится на всю имперію; — въ послѣднемъ случаѣ послѣдствій нельзя расчитать. Вторая опасность состоитъ въ слѣдующемъ. Допустимъ, что можно вырѣзать всѣхъ землевладѣльцевъ въ западномъ краѣ; но вырѣзать милліонъ жителей, составляющихъ чисто польскій элементъ въ немъ, рѣшительно не возможно.

Этотъ-то элементъ всегда останется, и крестьяне, вырѣзавъ землевладѣльцевъ, по всей вѣроятности проникнутся этимъ элементомъ и сами примутъ польскую цивилизацію. Почему? потому, какъ мы уже сказали, что она выше другихъ въ западномъ краѣ, потому что она лучше всего отвѣчаетъ современнымъ стремленіямъ болѣе развитыхъ личностей въ этомъ краѣ.

Въ чемъ же заключается преобладающій характеръ польской цивилизаціи?

Не подлежитъ сомнѣнію (съ исторіей въ рукахъ можно это доказать): въ стремленіи къ гражданской свободѣ, въ высокомъ уваженіи къ личности,

въ стремленіи дать ей какъ можно болѣе правъ и преимуществъ,—слѣдовательно обезпечить ея свободное развитіе; въ ненависти ко всякимъ принудительнымъ мѣрамъ, ко всякой регламентаціи. Эти начала составляютъ лучшую сторону польской цивилизаціи.

Они проявляются на каждомъ шагу польской исторіи.

Злоупотребленіе этихъ началъ составляетъ темную сторону исторіи польской жизни.

Въ этомъ отношеніи цивилизація и историческія судьбы польскаго и великорусскаго народа составляютъ двѣ крайнія противуположности.

Въ Польшѣ обезпеченіе правъ личности и добровольное ея содѣйствіе къ достиженію общественныхъ цѣлей, — было первымъ условіемъ всѣхъ начинаній.

Въ Россіи государственное начало подчинило себѣ все — раздавило все. Вопросъ слѣдовательно состоитъ теперь въ томъ: нельзя ли примирить этихъ двухъ началъ? Заимствовать изъ Россіи государственное начало — централизаціи; изъ Польши начало — самостоятельности (если можно такъ выразиться) — автономіи личности, округа, провинціи, и стремленіе къ свободному ихъ развитію, — и, примиряя эти два начала, разрѣшить вопросъ польскій, — подготовить разрѣшеніе славянскаго вопроса.

Мы сказали выше, что для того, чтобы земли бывшаго королевства Польскаго могли быть прочно соединены съ Россіей — одно условіе необходимо: союзъ этотъ, какъ нѣкогда союзъ Литвы съ Польшей, долженъ быть «какъ равныя съ равными, какъ вольныя съ вольными»; другими словами: польская и русская народности должны пользоваться совершенно одинаковыми правами — должны имѣть совершенно одинаково обезпеченное свободное развитіе.

Еслибъ это начало равноправности признано было священнымъ и необходимымъ, ясно, что примѣненіе его не встрѣтитъ препятствій въ Царствѣ Польскомъ; но можетъ быть затруднительно или, по крайней мѣрѣ, оспариваемо въ западныхъ губерніяхъ, и потому постараемся объяснить нашу мысль:

Западный край составляетъ звѣно, связывающее Москву съ Варшавой; въ этомъ краѣ встрѣчаются двѣ цивилизаціи, двѣ народности. Край этотъ представляетъ въ настоящее время главное затрудненіе для рѣшенія польскаго вопроса.

Москва и Варшава, или, по крайней мѣрѣ, многіе люди въ Москвѣ и въ Варшавѣ смотрятъ на этотъ край съ недоумѣніемъ или съ подозрѣніемъ. Но намъ кажется, что еслибъ начало равноправности и свободнаго развитія народностей было принято и вполнѣ примѣнено къ дѣлу, западный край

служилъ бы естественною связью Москвы съ Варшавой, Великороссіи съ Польшею.

Теперь связь эта поддерживается совершенно искуственнымъ, внѣшнимъ только образомъ,—мы въ правѣ сказать, что связуетъ или, вѣрнѣе, приковываетъ Варшаву къ Москвѣ Новогеоргіевская крѣпость и Александровская цитадель.

При полномъ и совершенномъ примѣненіи начала свободнаго развитія народностей, западный край будетъ связью гораздо болѣе прочною, чѣмъ крѣпости и цитадели.

Постараемся еще болѣе объяснить эту мысль;—въ западномъ краѣ, какъ мы сказали, сходятся и встрѣчаются двѣ цивилизаціи, двѣ народности; какъ провести пограничную черту между ними?

Вильно, безспорно, связано интересами и симпатіями съ Варшавой, но оно связано также съ Кіевомъ; каждый польскій ребенокъ знаетъ, что въ тысячные годы послѣ Рождества Христова виновникъ могущества Польши, Болеславъ Храбрый, былъ покровителемъ Кіева.

Между тѣмъ, Кіевъ связанъ также внутренними, духовными узами съ Москвою, и потому Вильно, имѣя обезпеченное свободное развитіе, если бы ему предложено даже было соединиться съ Варшавой, само не захочетъ этого сдѣлать, чтобы не прерывать связи съ Кіевомъ, отъ котораго не можетъ отречься Москва.

Итакъ, Кіевъ и Вильно могутъ служить гораздо болѣе прочными связями союза Москвы съ Варшавой, чѣмъ теперь крѣпости и цитадели, (разумѣется, что здѣсь словъ—Кіевъ и Вильно — не слѣдуетъ принимать буквально: подъ словомъ—Вильно мы разумѣемъ ту часть западнаго края, которая менѣе связана съ Польшей; подъ словомъ Кіевъ—ту часть, которая тяготѣетъ, такъ сказать, къ Россіи; но такъ какъ эти части западнаго края, не смотря на противуположныя стремленія, все таки тѣсными внутренними узами связаны между собою, то, имѣя обезпеченное развитіе, онѣ могутъ служить самой надежной связью Россіи съ Польшей).

Мы сказали, что въ западномъ краѣ встрѣчаются двѣ цивилизаціи, двѣ народности.

Мы знаемъ, что подобныя встрѣчи обыкновенно причиняютъ борьбу.

Но можемъ также указать примѣры совершенно противные.

Въ Швейцаріи, по числу душъ, преобладаетъ значительно народность германская, послѣ нея занимаетъ второе мѣсто народность французская, наконецъ является самая незначительная числительность—итальянская, и, между тѣмъ, всѣ эти три народности нимало не враждуютъ между собою. Почему? Потому что всѣ онѣ имѣютъ совершенно равныя права.

Всѣ три языка: нѣмецкій, французскій и италіанскій считаются государственными,—такъ напримѣръ, каждый депутатъ на сеймѣ имѣетъ право говорить на одномъ изъ этихъ языковъ. Предъ трибуналами каждое слово произносится на такомъ языкѣ, на какомъ начинается искъ; въ школѣ преподаваніе происходитъ на томъ языкѣ, на какомъ говоритъ большинство слушателей.

Послѣдователи реформатской, лютеранской и римско-католической церкви имѣютъ совершенно одинаковыя права.

Примѣните тѣ же начала къ западному краю и вы увидите, какія огромныя будутъ отъ этого послѣдствія. Вы увидите, что величайшія затрудненія сами собою разрѣшатся.

Разсмотримъ каждый пунктъ отдѣльно:

Языкъ: 1) На губернскихъ и уѣздныхъ съѣздахъ и собраніяхъ каждый имѣетъ право говорить на языкѣ польскомъ или русскомъ (малороссійскомъ).

2) Всѣ лица, служащія по судебной части, должны знать языки польскій и русскій (малороссійскій). Въ дѣлахъ гражданскихъ судъ производится на томъ языкѣ, на какомъ представленъ искъ; въ дѣлахъ уголовныхъ—на такомъ, на какомъ свободнѣе объясняется подсудимый.

3) Въ школѣ чтеніе производится на такомъ языкѣ, какимъ говоритъ большинство слушателей, такъ напримѣръ, на Волыни, Подоліи и Украйнѣ, въ низшихъ школахъ, слѣдуетъ читать по малороссійски, кромѣ того можно учить грамотѣ русской и польской.

Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ большинство учениковъ въ настоящее время поляки, чтеніе должно производиться на польскомъ языкѣ. (Разумѣется, если въ какомъ нибудь среднемъ заведеніи, напримѣръ, въ г. Кіевѣ, большинство учениковъ—малороссы, чтеніе производится на малороссійскомъ).

Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, напримѣръ, въ Кіевскомъ университетѣ, каждый профессоръ можетъ читать по россійски, по польски или по малороссійски; слушатели, при окончательныхъ экзаменахъ, отвѣчаютъ на какомъ хотятъ нарѣчіи. Желающіе поступить въ государственную службу въ западномъ краѣ должны доказать, что знаютъ нарѣчія, на которыхъ говорятъ въ этомъ краѣ.

Религія: каждый имѣетъ право принадлежать восточному или западному вѣроисповѣданію. Правительство равно покровительствуетъ обоимъ Вѣроисповѣданіе дѣтей, родившихся отъ смѣшанныхъ браковъ, опредѣляется по добровольному соглашенію между родителями.

Уроженцы западныхъ губерній имѣютъ право, безъ всякихъ ограни-

ченій, занимать, по своимъ способностямъ, административныя, судебныя и ученыя должности въ своемъ краѣ.

Вотъ условія, необходимыя для того, чтобы мыслящая часть людей въ западномъ краѣ за-одно дѣйствовала съ правительствомъ.

Чтобы вполнѣ высказать нашу мысль, скажемъ какія вообще преобразованія, по нашему мнѣнію, желательны:

Центральное правительство заправляетъ только дѣлами, относящимися ко всей имперіи, заграничными сношеніями, войскомъ, флотомъ и финансами.

Дѣла, относящіяся исключительно къ извѣстной провинціи, рѣшаются на мѣстѣ.

Въ судебной и по возможности въ административной части преобладаетъ выборное начало; представителями уѣзда и губерніи—выборные отъ всѣхъ сословій.

Они утверждаютъ бюджетъ уѣзда и губерніи и дѣлаютъ раскладку части государственнаго бюджета, причитающуюся на ихъ округъ.

Всѣ чиновники отвѣтственны предъ судомъ самостоятельнымъ и независимымъ.

Центральное правительство опредѣляетъ, указываетъ начала;—примѣненіе ихъ предоставляется представителямъ каждаго округа.

Однимъ словомъ, центральное правительство указываетъ чего не дѣлать и minimum того, что необходимо сдѣлать, предоставляя полный просторъ доброй волѣ каждаго округа, каждаго сословія сдѣлать болѣе.

Мысль эта требуетъ поясненія: такъ, напримѣръ манифестъ 19 февраля 1861 года опредѣлилъ основанія освобожденія крестьянъ. Въ западномъ краѣ всѣ высшіе административные начальники тотчасъ же стали употреблять всѣ усилія, чтобы показать крестьянамъ, что эта реформа сдѣлана противу желанія помѣщиковъ, желая такимъ образомъ привлечь ихъ на свою сторону и посѣять раздоръ между ними и высшимъ классомъ общества, и все это дѣлалось не смотря на то, что Государь Императоръ въ рескриптѣ и при другихъ случаяхъ выражалъ благодарность дворянству, въ особенности Литовскихъ губерній. Мы понимаемъ, что центральное правительство, опредѣляя реформу, объемлющую милліоны людей, въ правѣ пренебрегать разнородными предразсудками и дѣйствовать даже наперекоръ извѣстному отставшему сословію.

Центральное правительство въ подобныхъ случаяхъ можетъ вполнѣ расчитывать на то, что на его сторонѣ будутъ всѣ мыслящіе, всѣ лучшіе люди.

Такъ именно было во время занятій редакціонной коммисіи.

Всѣ забыли, что они поляки, малороссы, великороссы. Все общество раздѣлилось на двѣ части: поборниковъ освобожденія и его противниковъ.

Поборники освобожденія не скрывали своей преданности правительству. Тоже самое будетъ всегда происходить, когда правительство только станетъ итти во главѣ какой нибудь важной реформы.

Но правительственные органы не въ правѣ сѣять несогласія между сословіями, не въ правѣ стараться забрать все въ свои руки и не допускать извѣстное сословіе дѣлать уступки и пожертвованія въ пользу другого.

Между тѣмъ, такъ именно поступили и поступаютъ правительственные органы въ западномъ краѣ послѣ манифеста 19-го февраля: они обѣщали крестьянамъ, чрезъ два года, золотыя горы,—вотъ главная причина ихъ броженій, отказа составить уставныя грамоты и т. п. [1]).

Мы должны снова напомнить, что раздувая ненависть между сословіями въ западномъ краѣ, можно причинить неимовѣрныя бѣдствія всей имперіи.

Въ настоящее время, честные люди уроженцы западныхъ губерній принуждены отказываться отъ занятія высшихъ должностей, даже по учебной части въ этомъ краѣ,—потому что ихъ положеніе было бы невыносимо, при общемъ нерасположеніи, и можно сказать ненависти, лицъ, стоящихъ во главѣ мѣстной администраціи края, къ высшимъ и среднимъ классамъ туземнаго народонаселенія. Но пусть правительство обнародуетъ программу, основанную на началѣ свободнаго развитія народностей,—пусть поставитъ во главѣ управленія краемъ людей, вполнѣ соотвѣтствующихъ этой программѣ (они найдутъ себѣ сотрудниковъ на мѣстѣ), пусть рѣшительно приступитъ къ осуществленію новой программы—и всѣ затрудненія сами собою изчезнутъ.

Намъ могутъ возразить, что военное положеніе не дозволяетъ приступить къ исполненію подобной программы, если бы она даже en principe была принята. Пусть же правительство ее обнародуетъ, пусть выскажетъ свой взглядъ на всѣ жизненные для этого края вопросы. Пусть военное положеніе будетъ лишь угрозою въ будущемъ, для тѣхъ, которые бы стремились къ совершенному отдѣленію этого края отъ имперіи.

---

[1]) Примѣчаніе. Намъ могутъ возразить, что правительственные органы вынуждены были сулить золотыя горы крестьянамъ, чтобы парализировать всѣ дѣйствія высшихъ классовъ въ западномъ краѣ, обнаружившія ихъ симпатіи къ Варшавѣ.

Но и это возраженіе несправедливо Симпатія въ Варшавѣ стала обнаруживаться гораздо позже опубликованія манифеста, въ исходѣ весны. Между тѣмъ происки мѣстной администраціи начались тотчасъ при его опубликованіи. С С.

Подобная угроза понятна. Теперь военное положеніе не имѣетъ смысла и служитъ только къ безплодному раздраженію жителей.

Можно поручиться, что каждый мѣсяцъ военнаго положенія отодвигаетъ на цѣлые годы возможность дѣйствительнаго умиротворенія.

Сигизмундъ Сѣраковскій.

(1862 г.).

Посѣщеніе импер—мъ Николаемъ I исправительнаго заведенія въ 1842 г.

Смотритель исправительнаго заведенія, полковникъ Наксарій, 9-го марта 1842 г., донесъ своему начальству:

«Сего числа, въ половинѣ втораго часа пополудни, государь императоръ Николай Павловичъ изволилъ посѣтить ввѣренное мнѣ заведеніе и учрежденную въ оном временную больницу для черноробочихъ [1]), и по обозрѣніи изъявилъ свое монаршее удовольствіе по всѣмъ частямъ его устройства; при чемъ высочайше повелѣть соизволилъ: въ 3-мъ этажѣ, гдѣ находятся малолѣтніе, и въ 4-мъ, гдѣ содержатся долговые арестанты, оставить только по одному часовому изъ военнаго караула, вмѣсто бывшихъ двухъ, и излишнихъ затѣмъ 6 человѣкъ, отъ двухъ помянутыхъ постовъ, отправить немедленно въ свой полкъ, что уже и исполнено».

---

[1]) Нынѣ больница св. Николая Чудотворца, у Бердоваго завода.

МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ

И ЕГО УЧАСТІЕ ВЪ ТАЙНОМЪ ОБЩЕСТВѢ

1816—1821 гг.

Очеркъ барона Андрея Евгеніевича Розена.

Объ этой замѣчательной личности прочитавъ въ первой книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за январь 1874 года статьи полковника Д. А. Кропотова, подъ заглавіемъ: „Изъ біографіи графа Мих. Никол. Муравьева“—нашелъ я обмолвки и неправильные выводы касательно Тайнаго Общества вообще и участія, принятаго гр. М. Н. Муравьевымъ въ основаніи и устройствѣ Общества отъ 1816 до 1821 гг., что вызвало меня приступить тотчасъ къ возраженіямъ. Но различныя обстоятельства помѣшали мнѣ во-время это исполнить, что теперь, когда со всѣхъ сторонъ умножаются дополненія и разъясненія по сему предмету, представляютъ мнѣ удобный случай обратиться опять къ печати, чтобы выставить неправильныя нареканія.

Выше означенный эпизодъ времени отъ 1816 до 1821 года для нѣкоторыхъ лицъ чрезвычайно щекотливъ. Названная книга—„Изъ біографіи гр. М. Н. Муравьева“—напомнила мнѣ книгу Ег. П. Ковалевскаго—„Графъ Блудовъ и его время“: авторъ, желая въ ней отстранить или стереть обвиненіе Николая Иван. Тургенева, только усилилъ и скрѣпилъ заслуженный укоръ. Истинныхъ заслугъ и достоинствъ ни у кого отнять нельзя; ихъ было множество у составителя „Донесенія слѣдственной коммисіи“ (впослѣдствіи графа) Д. Н. Блудова; но при всѣхъ добродѣтеляхъ грѣшокъ все-таки остается грѣшкомъ, сколько-бы ни старались оправдать или разукрасить, особенно когда отъ него пострадали другіе.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, пробывъ три года членомъ Тайнаго Общества, достигнувъ извѣстности какъ отличнѣйшій офицеръ, получивъ значительное прибавочное жалованье и чинъ подполковника, пренебрегъ всѣми ласковыми отговариваніями высшихъ своихъ начальниковъ, и вышелъ въ отставку въ концѣ 1820 г. послѣ происшествія въ л.-гв. Семеновскомъ полку. Въ это время послѣдовали его примѣру много членовъ Тайнаго Общества изъ гвардіи: кто перешелъ на службу въ армейскіе полки, кто вышелъ въ отставку подъ предлогомъ болѣзни или по домашнимъ обстоятельствамъ, только чтобы удалиться изъ центровъ Тайнаго Общества. Молодые офицеры въ оберъ-офицерскихъ эполетахъ, съ огромнымъ запасомъ тогдашняго либерализма и филантропическихъ и космополитическихъ идей, дослужившись до штабъ-офицерскихъ эполетъ и до вакансіи въ отдѣльные начальники, въ полковые командиры, и, наконецъ, убѣдившись, что Пав. Ив. Пестель и сообщники его не шутятъ и не забавляются голословными совѣщаніями на съѣздахъ и сходкахъ, а весьма серіозно увлеклись дѣломъ Общества,—часть изъ нихъ умудрилась и послѣдовала примѣру М. Н. Муравьева.

Авторъ книги—„Изъ біографіи М. Н. Муравьева“—нѣсколько разъ недоумѣваетъ и тщетно ищетъ объясненій къ дѣйствительнымъ побужденіямъ къ основанію Тайнаго Общества и къ вооруженному возстанію. Тутъ два вопроса о разнородныхъ предметахъ: на первый вопросъ всѣхъ лучше могъ-бы отвѣтить самъ М. Н. Муравьевъ, на второй уже отвѣтилъ Кондр. Ѳедор. Рылѣевъ. (Смотри „Записки Декабриста“ изд. 1870 г.).

На замѣчаніе автора, въ началѣ его 32-й страницы, скажу только, что жестокосердіе Аракчеева побудило Рылѣева уже въ 1819 году написать и перевести элегію „Временщикъ“ и что вредныя дѣйствія Магницкаго и Рунича подробно описаны барономъ Влад. Ив. Штейнгелемъ въ письмѣ его къ императору Николаю I, изъ Петропавловской крѣпости, отъ 11 января 1826 года. Проэкты названныхъ ученыхъ представлены были въ 1819 и 1821 гг., нѣсколько лѣтъ спустя послѣ основанія Тайнаго Общества, слѣдственно не могли служить поводомъ къ основанію Тайнаго Общества, но, напротивъ того, содѣйствовали къ поддержанію его и, не смотря на выходъ многихъ членовъ, Общество замѣтно все возростало до 1825 года.

Авторъ на страницѣ 35-й сообщаетъ, что на квартирѣ князя Серг. Петр. Трубецкаго и Серг. Ив. Муравьева-Апостола собирались будущіе декабристы—замѣчу только, что изъ нихъ Трубецкой, пять Муравьевыхъ, Якушкинъ, кн. Шаховской были съ 1816 года членами Тайнаго Общества, слѣдственно за четыре года до происшествія въ л.-гв. Семеновскомъ полку, которое не могло быть причиною основанія Тайнаго Общества: оно уже раньше было основано, и напротивъ того послужило поводомъ къ охлажденію и удаленію многихъ членовъ. На той же страницѣ во второй выноскѣ сказано, что князь Ил. Вас. Васильчиковъ получилъ отъ одного лица сообщеніе, для донесенія государю о существованіи обширнаго тайнаго политическаго общества. Это обстоятельство, равно какъ и высочайшее замѣчаніе генералу С. Гр. Волконскому послѣ смотра, особенно же доносъ управляющаго канцеляріей комитета 15 августа о раненыхъ воинахъ, Грибовскаго, генералъ-адъютанту и начальнику гвардейскаго корпуса И. В. Васильчикову, много содѣйствовали къ выходу членовъ изъ Тайнаго Общества.

На 42-й страницѣ авторъ спрашиваетъ: „не имѣло ли вліянія на учрежденіе Тайнаго Общества возстановленіе Царства Польскаго?“ — Безъ всякаго сомнѣнія оно имѣло громадное вліяніе; кто-же отказался бы отъ подобныхъ правъ и преимуществъ!

Далѣе на 44-й страницѣ авторъ продолжаетъ:— „изъ декабристовъ Кондратій Рылѣевъ, въ думѣ своей „Иванъ Сусанинъ“ и въ небольшомъ отрывкѣ изъ поэмы „Исповѣдь Наливайки“ осмѣлился идти противъ общаго теченія, на сколько тогда было возможно“. Тутъ авторъ „Изъ біографіи“ упустилъ изъ виду, что дума и отрывокъ поэмы были написаны гораздо прежде переговоровъ, возникшихъ въ Тайномъ Обществѣ по польскому вопросу и начавшихся только въ 1825 году, съ делегатами, имѣвшими инструкціи отъ Патріотическаго Варшавскаго Общества. Переговоры эти были прекращены въ томъ же 1825 году, и рѣшено было опять съѣхаться въ Кіевѣ въ 1826 году во время контрактовъ [1]).

Дѣло о тогдашнемъ польскомъ вопросѣ запутано въ новѣйшее время не только одною частью нашихъ журналовъ и газетъ, но

[1]) Смотри „Journal de St.-Petersbourg“, №№ 297—312, изъ донесенія варшавскаго комитета отъ 3-го января 1827 г., и „Записки декабриста“ 1870 г., страницы 70—75. Вар. А. Р.

и нѣсколькими бывшими членами Тайнаго Общества, которые совершенно забыли, что въ 1825 году Царство Польское, конгрессовка, имѣла тогда свой отдѣльный сеймъ, свою армію, свои финансы, своихъ министровъ, однимъ словомъ, было вполнѣ автономно. Для разъясненія противоположныхъ мнѣній достаточно будетъ только припомнить, что Польша 1825 года была не Польша 1831 и 1863 годовъ.

На страницѣ 46-й замѣчено въ выноскѣ:—„въ позднѣйшихъ запискахъ декабристовъ, изданныхъ въ шестидесятыхъ годахъ, встрѣчается совсѣмъ иной болѣе зрѣлый взглядъ“ и прибавлено—„время умудряетъ“. Затѣмъ приводится въ примѣръ бесѣда Никиты Муравьева съ однимъ пріѣзжающимъ о полномъ невѣжествѣ членовъ Тайнаго Общества, не знавшихъ даже первыхъ основаній политическихъ наукъ. Что касается подготовки членовъ для политической дѣятельности, то кажется, что достаточно подготовлены были Пестель, Тургеневъ, Юшневскій, Батенковъ, Корниловичъ, фонъ-деръ Бриггенъ, А. Н. Муравьевъ, М. Н. Муравьевъ, Никита Муравьевъ, Матв. Ив. и братъ его Серг. Ив. Муравьевы-Апостолы, М. Ф. Орловъ, С. Г. Волконскій, С. Петр. Трубецкой, М. Ф. Митковъ, Ив. Дм. Якушкинъ и другіе. Въ особенности тѣ изъ членовъ, которые вышли изъ Тайнаго Общества, и потомъ на дѣлѣ, на практикѣ, доказали вскорѣ послѣ 1825 года свои знанія, способности, подготовки административныя. Профессоры политическихъ наукъ, ученые писатели по части политической экономіи, полезны въ университетахъ, но вообще въ заговорщики не годятся, да и гдѣ же набрать ихъ для Тайнаго Общества въ слишкомъ 600 членовъ, все однихъ профессоровъ политическихъ наукъ; да и во всей Европѣ не найдется и сотой части такихъ ученыхъ. Большинство или масса членовъ Тайнаго Общества никогда и не думала, не мечтала быть законодателями, представителями, администраторами, они приняли на себя работы саперовъ, піонеровъ, мостовщиковъ. Тутъ вспомнилъ я невольно отвѣтъ Вас. Ив. Давыдова слѣдственной комиссіи, докучавшей ему допросами о Тугендбундѣ—„я не членъ Тугендбунда, а просто бунта“.

На страницѣ 47-й авторъ спрашиваетъ нетерпѣливо: „гдѣ же наконецъ слѣдуетъ искать дѣйствительныхъ причинъ основанія Тайныхъ Обществъ?“ — На этотъ вопросъ все же самъ М. Н. Муравьевъ, какъ членъ и основатель Тайнаго Общества, долженъ

былъ отвѣтить всего положительнѣе, и могъ дать отвѣтъ самый ясный и удовлетворительный, когда вскорѣ послѣ казни и ссылки своихъ прежнихъ товарищей, былъ губернаторомъ въ трехъ губерніяхъ различныхъ полосъ Россіи, слѣдовательно тогдашніе внутренніе безпорядки были ему видимы и осязательны. Нѣкоторыя другія причины основанія Тайнаго Общества изложены въ „Запискахъ декабриста“ 1870 г. Здѣсь въ замѣткѣ повторю только опредѣленіе Наполеона I: — „Une armée hors des frontières, c'est l'état qui voyage!“—Наша армія провела слишкомъ два года въ чужихъ краяхъ, и цѣлый корпусъ кн. М. С. Воронцова три года стоялъ во Франціи,— офицеры наглядѣлись и наслышались вдоволь. Еще долженъ напомнить, что основаніе тайныхъ политическихъ обществъ было тогда эпидеміей во всей Европѣ, какъ теперь стачки и союзы соціальные у раздавателей и принимателей работъ, у рабочихъ артелей, у кредитныхъ и акціонерныхъ обществъ по банкамъ, фабрикамъ и желѣзнымъ дорогамъ.

На 48-й страницѣ читаемъ краснорѣчивый укоръ:—что „декабристы забыли завѣщаніе господина Великаго Новгорода!“—а мнѣ напротивъ того кажется, что они слишкомъ хорошо помнили главный пунктъ завѣщанія, о коемъ упоминаетъ даже историкъ Карамзинъ. На той же страницѣ еще другое ошибочное нареканіе, что „эксцентрическій способъ исправленія нашихъ гражданскихъ неустройствъ былъ пущенъ въ ходъ преимущественно тѣми изъ декабристовъ, которые воспитывались не въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и подъ руководствомъ иноземныхъ наставниковъ“.— Противъ этой замѣтки скажу, что Пестель воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, Юшневскій въ Московскомъ университетѣ, Норовъ въ Пажескомъ корпусѣ, Корниловичъ въ Одесскомъ ришельевскомъ лицеѣ, фонъ-деръ Бригенъ въ училищѣ св. Петра въ Петербургѣ, Батенковъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, баронъ Штейнгель въ Морскомъ корпусѣ, Митковъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, Никита Муравьевъ въ Московскомъ университетѣ, Александръ и Михаилъ Николаевичи Муравьевы въ Москвѣ въ отцовскомъ училищѣ колонновожатыхъ, Матвѣй и Сергѣй Ивановичи Муравьевы-Апостолы въ училищѣ Путей Сообщеній генерала Бетанкура, Якушкинъ въ Московскомъ университетѣ, Фонвизинъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ...

На страницѣ 60 читаемъ:—„Мысль объ освобожденіи кре-

стьянъ не была у декабристовъ плодомъ наблюденія дѣйствительной жизни, но случайностью, навѣянною извнѣ"... Тутъ представляется или грубая ошибка, или полное невѣдѣніе автора, извлекшаго свои главныя показанія изъ донесенія слѣдственной коммисіи. При всѣхъ сходкахъ и съѣздахъ членовъ Тайнаго Общества, Николай Ив. Тургеневъ такъ настойчиво требовалъ эмансипаціи, такъ обстоятельно излагалъ необходимость и различныя средства къ тому, что даже наскучалъ своими проэктами. Сверхъ того, хорошо извѣстно и дознано, что объ этомъ освобожденіи уже давно прежде основанія Тайнаго Общества думали въ Россіи передовые люди Екатерининскихъ временъ. Въ царствованіе Александра I, крестьяне прибалтійскихъ губерній были освобождены изъ крѣпостной зависимости, когда крѣпостные люди еще водились въ Виртембергѣ, въ Мекленбургѣ, въ Лузаціи, въ Гогенцоллеръ-Зигмарингенѣ. Вопросъ этотъ былъ не тайный; тотъ-же Н. Ив. Тургеневъ по этому дѣлу подавалъ свои проэкты Александру I, и только Александръ II совершилъ то, чего на основаніи доказанныхъ и искреннихъ желаній Екатерины II, Александра I и Николая I не умѣли и не могли исполнить.

Кажется, что уже довольно ясно засвидѣтельствовано было, почему это важное дѣло пропущено въ донесеніи слѣдственной коммисіи, и если-бы авторъ сочиненія „Изъ біографіи М. Н. Муравьева" не указалъ-бы на посторонніе источники, то я воздержался-бы отъ всякаго возраженія, потому что уже давнымъ давно опредѣлено значеніе и невѣрность названнаго донесенія всѣми людьми, свѣдущими и уважающими истину.

Все, что напечатано отъ 61—65 страницы противъ характера и противъ дѣйствій П. И. Пестеля, почерпнуто изъ мутныхъ источниковъ. На стран. 63 изобличается двуличіе и вѣроломство Пестеля не фактическими его дѣйствіями, но предположеніями, какъ поступилъ-бы онъ со всѣми заговорщиками-убійцами, для отклоненія себя и друзей своихъ отъ всякаго подозрѣнія въ гнусномъ злодѣйствѣ. Это укоризненное обвиненіе или подозрѣніе такъ грязно, такъ низко и такъ лживо, что я смѣло могу поручиться, что самъ составитель донесенія слѣдственной коммисіи этому не повѣрилъ. Мнѣ не трудно нѣсколькими словами уничтожить такое злословіе, такъ что не останется никакого заподозрѣнія; мнѣ стоитъ только обратиться къ читателямъ безпри-

страстнымъ: — допустимъ, что Пестель въ самомъ дѣлѣ былъ такой безсовѣстный, подлый и коварный злодѣй, то сознайтесь, что онъ не былъ такъ глупъ, чтобы кому-бы то ни было высказать такое злодѣйское намѣреніе.

Къ числу низкихъ обвиненій принадлежитъ и другая клевета— на жестокое обращеніе Пестеля съ солдатами: въ Вятскомъ пѣхотномъ полку его долго служилъ маіоръ Гноевой, дядя бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ Тройницкаго. Маіоръ этотъ вовсе не раздѣлялъ политическихъ мнѣній своего полковаго командира: въ многолѣтней службѣ своей пріобрѣлъ онъ много опытности, пережилъ много полковыхъ командировъ, и отзывался о Пестелѣ, какъ о начальникѣ справедливомъ, который обходился съ солдатами какъ нынѣ въ новѣйшее время съ ними обходятся. Если вы въ донесеніи слѣдственной коммисіи не найдете правды по этимъ обвиненіямъ, то невольно сознайтесь, что въ такомъ важномъ актѣ, какъ донесеніе слѣдственной коммисіи, нельзя-же обвинять подсудимаго за тайныя его мысли, за его предположенія, и вы, при нѣкоторой проницательности, легко узнаете тѣхъ друзей и пріятелей, которые взваливали всю бѣду и отвѣтственность на Пестеля, чтобы уменьшить свою виновность. Если за всѣми указаніями остается у кого хотя малѣйшее еще сомнѣніе на счетъ личности Пестеля, тому укажу на послѣдній день жизни главнаго его предателя, которому суждено было опровергнуть клевету самымъ разительнымъ образомъ и запечатлѣть ее своею кровью. Смотри „Русскій Вѣстникъ“ 1872 г. за іюль мѣсяцъ: очерки Кавказа и послѣдній день жизни полковаго командира, полковника Майбороды.

Недоразумѣнія или несогласія между Никитою Муравьевымъ и Пестелемъ имѣли совсѣмъ другія начала: вожаки двухъ отдѣльныхъ частей единаго Тайнаго Общества, по коимъ одинъ неустанно и ретиво рвался впередъ, а другой—осторожно и нерѣшительно замедлялъ и тормазилъ движеніе, они естественнымъ образомъ не могли сойтись въ выборѣ средствъ къ успѣшному единовременному общему дѣйствію. Въ продолженіи восьми лѣтъ, проведенныхъ въ мѣстахъ забайкальскихъ заточеній, въ Читѣ и въ Петровскѣ, гдѣ мы такъ широко пользовались единственною намъ предоставленною свободою живого слова, какъ ни въ какомъ парламентѣ европейскомъ, я никогда не слыхалъ ни еди-

наго слова презрительнаго и унизительнаго противъ Пестеля и Н. И. Тургенева. Въ донесеніи слѣдственной коммисіи все взваливали на Пестеля, также и на Никиту Муравьева; были сдѣланы ложныя показанія противъ Н. И. Тургенева, какъ объяснилось послѣ приговора суда. Я видѣлъ почти всѣхъ, имѣвшихъ очныя ставки съ Пестелемъ, никто не упрекнулъ его въ вѣроломствѣ: на первомъ допросѣ онъ отперся отъ всего, по данному обѣщанію своему предъ послѣднимъ выѣздомъ своимъ въ Тульчинъ, сказавъ Заикину и Бобрищеву-Пушкину I: — „спрячьте мою Русскую Правду, а я ничего не открою". Когда-же въ слѣдственной коммисіи нахлынули чистосердечныя показанія, вынужденныя признанія, раскаянія, разоблаченія частныхъ и дружескихъ бесѣдъ, даже грезы и пугалища темничныхъ сновидѣній; когда съ больной головы сваливали все на здоровую, тогда Пестеля почти ежедневно, даже по нѣсколько разъ въ день, водили къ допросамъ и на очныя ставки, тогда раскаяніе многихъ подсудимыхъ и физическія страданія, и желаніе освободиться выдавали за истину несбыточныя предположенія, о коихъ упомянуто выше.

Отъ страницъ 63—81 Мих. Никол. Муравьевъ выставленъ ангеломъ хранителемъ, всячески подвизающимся за спасеніе старшаго брата своего Александра и всѣхъ увлеченныхъ имъ несчастныхъ жертвъ легкомыслія и невѣдѣнія. Авторъ книги „Изъ біографіи Мих. Н. Муравьева" ясно намъ указываетъ на заговоръ его противъ заговора. На сторонѣ оппозиціи Мих. Н. Муравьевъ занимаетъ хотя и не первое мѣсто, но довольно видное по первому основанію Тайнаго Общества, занявшись переводомъ устава Тугендбунда. Первое и главное мѣсто въ оппозиціи принадлежитъ основателю Тайнаго Общества, старшему родному брату его, Александру, который, усомнившись въ своемъ предпріятіи, перемѣнилъ свой образъ мыслей, и откровенно прервалъ всѣ свои сношенія съ Тайнымъ Обществомъ двумя годами прежде брата своего, Михаила Николаевича.

Выходъ изъ Тайнаго Общества былъ совершенно свободный; вышли очень много членовъ, особенно изъ болѣе зрѣлыхъ и болѣе въ чинахъ и орденахъ, особенно въ 1821 году, по примѣру Мих. Фед. Орлова, кн. Долгорукова, Граббе, Ѳ. Н. Глинки, и сверхъ того много такихъ членовъ, которые даже не были ни арестованы, ни допрашиваемы, короче сказать—всѣ добровольно

удалившіеся и уже больше никогда не принимавшіе участія въ совѣщаніяхъ; къ числу удалившихся принадлежалъ осторожный Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

На страницѣ 65 есть указаніе на письмо генералъ-адъютанта Павла Христофоровича Граббе, напечатанное въ „Русской Старинѣ“ изд. 1872 года. Тутъ я долженъ высказаться на прямикъ, что я многими доказательствами убѣжденъ въ полной правдивости П. Хр. Граббе; въ такой же степени я убѣжденъ въ правдивости Якушкина, братьевъ Фонвизиныхъ и Бурцова. Разногласіе показаній могло произойти отъ неясности изложенія по этому обстоятельству: условія Мих. Фед. Орлова, о коихъ писалъ Ив. Дм. Якушкинъ, могли быть заявлены не формально, не въ полномъ собраніи всѣхъ членовъ съѣзда, иначе П. Хр. Граббе слышалъ бы ихъ; но предложенныя условія еще до открытія засѣданія были сообщены Якушкину и Фонвизинамъ, почему при прощаніи Орлова съ послѣдними, онъ указалъ не на собраніе членовъ, а только на Якушкина, и прибавилъ: „вотъ кто никогда не проститъ мнѣ моего проступка!“ Предложенныя условія были до крайности революціонныя, и какъ они были отвергнуты, то послужили ему предлогомъ къ выходу изъ Тайнаго Общества. Но какъ личность Орлова заманила многихъ къ поступленію въ Тайное Общество, то послѣ рѣшеній судебныхъ приговоровъ одно очень важное лицо сказало своимъ приближеннымъ:—„Орлова слѣдовало бы повѣсить перваго!“—Всѣ прочіе члены, покинувшіе Тайное Общество, не имѣли никакой надобности объясниться или прибѣгнуть къ проискамъ для побудительныхъ причинъ своего выхода; они вступили въ Общество, они отсторонились, вышли изъ него, они не были изъ числа основателей.

Не знаю для чего, по словамъ автора „Изъ біографіи Мих. Н. Муравьева“, упоминается о почтенномъ А. М. Бакунинѣ:—„что въ его кабинетѣ выработался планъ похода протихъ Пестеля?“—развѣ для того, чтобы составить заговоръ противъ заговора.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ имѣлъ такой умъ положительный, математическій, что онъ въ этомъ дѣлѣ самъ былъ для себя лучшимъ совѣтчикомъ; а въ случаѣ неожиданной развязки или безвыходнаго положенія, онъ все еще могъ руководствоваться своими правилами, или обратиться къ всеразрѣшающему въ то время графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву. Хорошо

помню, какъ члены, не вышедшіе изъ Тайнаго Общества, въ походѣ 1821 и 1822 гг. въ Минскѣ, въ Вильнѣ и въ Бѣшенковицахъ напѣвали пѣсенку, которою поминали бывшихъ своихъ товарищей себѣ на умѣ и устрашившихся новаго оборота дѣйствій.

Въ заключеніе остается мнѣ благодарить Д. А. Кропотова, (нынѣ, впрочемъ, уже покойнаго), автора статьи „Изъ біографіи Мих. Н. Муравьева"—за доставленный мнѣ случай пояснить затемненные эпизоды давно прошедшаго времени. Надо воздать справедливость и Мих. Н. Муравьеву, что онъ послѣ прерванія всѣхъ сношеній съ Тайнымъ Обществомъ и послѣ вторичнаго заговора противъ Пестеля, дѣйствовалъ всегда прямо и, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Гродно, выказалъ себя на чистоту предъ созваннымъ дворянствомъ:—suum cuique!—Что же касается его рѣшительныхъ мѣръ, какъ усмирителя возставшихъ малолюдныхъ бандъ или ватагъ бунтовщиковъ 1863 года, то на его автобіографію слѣдуетъ выжидать разбора свѣдѣній о подстрекавшихъ его внутреннихъ сторонникахъ, такъ равно и свидѣтельства усмиренныхъ мятежниковъ.

Сообщ. баронъ А. Е. Ровенъ.

Г. Изюмъ.—Викнино.
Февраль 1874 г. октяб. 1883 г.

ДНЕВНИКЪ ВИЛЬГЕЛЬМА КАРЛОВИЧА КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

1831—1845 гг.

VII [1]).

Бальзакъ.—Булгаринъ и великія нравственныя силы.—И. П. Шульгинъ.—Боплант: Путешествіе по Украйнѣ въ XVIII ст.—Замѣтки на Исторію Карамзина.—«Венеціанскій купецъ» Шекспира.—«Есть что-то знакомое, близкое мнѣ...».—Катенинъ и Пушкинъ.—«Не виномъ заздравной чаши...».—Библ. для чтенія 1834 г.—Сеньковскій: его повѣсти и критика.—Ѳадей Булгаринъ.—Загоскинъ.—Сказка Пушкина.—Слово о Полку Игоревѣ.—Отеч. Зап. 1823.—Смерть кота Васьки.—Державинъ.

1834 г.

12-го іюля.

Вотъ опять роковой день 12-го іюля; этотъ разъ я почти его не замѣтилъ; болѣе всего занимала меня мысль, что завтра можно мнѣ будетъ ужъ сказать: до срока осталось менѣе 7-ми лѣтъ [2]).

Въ «Сынѣ Отечества» прочелъ я превосходный отрывокъ изъ Бальзакова романа: La peau de chagrin. Этотъ отрывокъ нѣсколько напоминаетъ курьозную пляску стульевъ, вѣшалокъ и столовъ Вашингтона-Ирвинга;—быть можетъ, арабескъ американца подалъ даже Бальзаку первую мысль,—но разница все же непомѣрная: у Ирвинга хохочешь, у Бальзака содрогаешься. О Поль-де-Кокѣ ни слова: отрывокъ изъ его Монфермельской молочницы довольно забавенъ, но въ немъ ничего нѣтъ новаго. Стиховъ хорошихъ въ «Сынѣ Отечества» не много: но достойны примѣчанія сцены изъ драмы Розена: Баторій и Россія.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 333—382, 490—531; томъ XIV, стр. 75—91; изд. 1883 г., томъ XXXIX, іюль, стр. 101—128; августъ, стр. 251—272.

[2]) Въ ночь съ 12-го на 13-ое іюля 1826 г., т. е. весьма рано утромъ, совершенъ приговоръ верховнаго уголовнаго суда надъ декабристами. Въ 1834 году Кюхельбекеръ находился въ заключеніи въ крѣпости Свеаборгъ. Дневникъ записывался имъ въ прошнурованную комендантомъ крѣпости тетрадь весьма грубой бумаги. Изъ рукописи печатаются здѣсь лишь выдержки, имѣющія общій интересъ. Ред.

13-го іюля.

Съ нѣкотораго времени, написавъ письма къ моимъ милымъ кровнымъ, чувствую нѣчто похожее на ту пустоту, которая бываетъ, когда остаешься одинъ, послѣ сильнаго наслажденія, наприм. послѣ хорошаго театральнаго представленія или разговора съ человѣкомъ умнымъ и съ душою.

20-го іюля.

Невозможно порою удержаться отъ горькой насмѣшки, когда читаешь русское произведеніе, подобное повѣсти въ «Сынѣ Отечества»: «Полуденный жаръ», или нѣкоторымъ безтолковымъ разсужденіямъ, какія нерѣдко встрѣчаются въ «Сынѣ Отечества». Но эта насмѣшка горька для самаго насмѣшника, потому что больно видѣть слабоуміе тамъ, гдѣ малѣйшій признакъ ума и дарованія радовалъ бы всякаго благомыслящаго втрое болѣе, чѣмъ въ области словесности чужой, иноязычной. За то и прямо хорошее гораздо живѣе дѣйствуетъ на душу русскаго, если оно русское. Такъ, напримѣръ, съ наслажденіемъ прочелъ я вчера же Взглядъ на состояніе Римской Имперіи при появленіи Христіанства, статью Соснина.

25-го іюля.

Пишу о Бальзакѣ, потому что послѣ его прелестной повѣсти: Г-жа Фирміани, не могу тотчасъ заняться чѣмъ-нибудь другимъ. Это въ своемъ родѣ chef-d'oeuvre; тутъ все: и таинственность, и заманчивость, и юморъ, и высокая, умилительная истина; я влюбленъ въ эту Фирміани!—Какъ бы я желалъ своему Николаю встрѣтить въ жизни подобную женщину! И какъ хорошъ самъ Бальзакъ! Что за разнообразный, прекрасный талантъ! Признаюсь, я бы желалъ узнать его покороче. Булгарина письма о русской литературѣ—само по себѣ разумѣется, что тутъ нѣтъ даже Полеваго,—однако, не смотря на многое и многое Фальстафское,—заключаютъ въ себѣ кое-что, по крайней мѣрѣ что-то похожее на нѣсколько шутовскую, порою почти безстыдную—искренность;—сверхъ того отголосокъ нынѣшнихъ требованій, если и не людей мыслящихъ ясно, отчетливо, самостоятельно, все же людей хотя чувствующихъ порою силу прекраснаго, способныхъ порою быть увлеченными вдохновеніемъ поэта.... Современность имъ нужна?—Но что такое современность? Ихъ современность ужъ не будетъ современностью 20-го столѣтія;—а Шекспиръ и Рапсоды вѣчные современники всѣхъ столѣтій.—Что такое современность нынѣшняя?—Отвѣтъ у Булгарина короткій и ясный: презрѣніе къ человѣчеству!—И вся она тутъ?—И это не одна сторона нашей современности? И нѣтъ еще другой, болѣе свѣтлой?—

Впрочемъ судить Булгарина слишкомъ строго, право, совѣстно. Спасибо ему за доброе намѣреніе, да за одну неоспоримую истину, имъ сказанную: «Есть и будетъ множество подражателей Пушкина,—но не будетъ слѣдствія Пушкина, какъ онъ самъ есть слѣдствіе Байрона». Разумѣется, если онъ самъ ограничится быть только слѣдствіемъ. — Но въ хваленномъ Демонѣ Пушкина нѣтъ самобытной жизни,—онъ не проистекъ изъ глубины души поэта, а былъ написанъ, потому что «должно же было написать что-нибудь въ этомъ родѣ». Вотъ вамъ и современность и ея требованія!—И этого-то Демона Г. Булгаринъ ставитъ выше Полтавы, выше Цыганъ, выше прекрасныхъ сценъ въ Годуновѣ!

Не слушай, другъ Пушкинъ, ни тѣхъ ни другихъ, ни журналистовъ, готовыхъ кадить тебѣ и ругать тебя, какъ велитъ имъ ихъ выгода,—ни близорукихъ друзей твоихъ! Слушайся вдохновенія—и отъ тебя не уйдетъ ни современность, ни безсмертіе!

Упрекаетъ Булгаринъ, между прочимъ, друзей Пушкина за то, что они хотѣли сдѣлать изъ него только артиста, живописца и музыканта—и говоритъ, что «писатель безъ мыслей, безъ великихъ философическихъ и нравственныхъ истинъ, безъ сильныхъ ощущеній—есть просто гударь, хотя бы и пр.». Но безъ сильныхъ ощущеній и мыслей можно ли быть и музыкантомъ, можно ли быть и живописцемъ? А что Булгаринъ разумѣетъ подъ великими нравственными истинами - мы знаемъ! Его вліяніе не слишкомъ-то велико, а, кажется, ему нужна дидактика въ новомъ платьѣ, отъ которой да сохранитъ насъ Богъ!

26 іюля.

Получилъ большой пакетъ писемъ. Братъ мой женится или, вѣроятно, ужъ женатъ. Трудно выразить, какое впечатлѣніе произвело на меня это извѣстіе. Дай Богъ ему счастія! Дай Богъ радость нашей старушкѣ (матери)! [1])

Не прибавляю ничего: слова не выразятъ ни желаній моихъ, ни надеждъ, ни уповаю на Господа! — совершенно неосновательныхъ опасеній! И такъ, быть можетъ, удастся же мнѣ воспитывать, лелѣять, нянчить малютокъ, и малютокъ не чуждыхъ мнѣ, дѣтей роднаго брата и, скажу, въ добавокъ друга! О, если бы!—но. . . . . Зачѣмъ не могу заснуть сегодня вечеромъ и проспать безконечныя семь лѣтъ, послѣ которыхъ могу надѣяться, что отпустятъ меня къ родному!

---

[1]) Михаилъ Вильгельмовичъ Кюхельбекеръ, лейтенантъ, сосланъ былъ въ Сибирь за участіе въ декабрьской смутѣ 1826 г.; дожилъ до возвращенія въ Европейскую Россію въ 1856 г. Ред.

29 іюля.

Пріятно замѣтить хорошее, особенно, когда оно встрѣчается у людей, которыхъ мы знавали, любили. Шульгинъ—человѣкъ съ дарованіемъ; взглядъ его на исторію не безъ глубокомыслія,—слогъ у него иногда истинно прекрасенъ, напр. въ статьѣ: Состояніе историческаго міра въ V и VI столѣтіяхъ.

1-го августа.

Прочелъ неконченнаго Шиллерова Самозванца.

3 августа.

По утру собиралъ свѣдѣнія о Самозванцѣ. Изъ показаній, снятыхъ В. И. Шуйскимъ объ убіеніи Димитрія, почти совершенно для меня ясно, что въ смерти царевича не участвовали и не могли участвовать ни Битяговскіе, ни Качаловъ, ни кто другой изъ приставленныхъ Годуновымъ къ несчастному младенцу, а что всѣ они пали жертвами злобы Михаила Нагаго и несправедливыхъ подозрѣній вдовствующей царицы. Въ самомъ дѣлѣ, утѣшительно думать, что въ этомъ злодѣйствѣ великій человѣкъ, какимъ должно же признать Бориса,—невиненъ. Послѣ обѣда нашла на меня неодолимая тоска.... О, если бы творческая мысль! вдохновеніе! Я бы все забылъ.

4 августа.

Боюсь даже отмѣтить, что я сегодня началъ трагедію: Димитрій Самозванецъ; ходъ у меня будетъ почти тотъ же, что у Шиллера, — иныя сцены даже просто переведу; — за то характеръ главнаго лица предполагаю представить совершенно въ иномъ видѣ.

8 августа.

По утру во второй разъ занимался своею трагедіею, которую назову Григоріемъ Отрепьевымъ, а не Димитріемъ Самозванцемъ et c'est pour cause. Пока есть запасъ изъ Шиллера, мнѣ нужно только прилежаніе, авось затѣмъ придетъ и вдохновеніе.

10 августа.

Принялся за переводъ Венеціянскаго купца.... И такъ мой Григорій Отрепьевъ или Димитрій Самозванецъ опять останется однимъ благимъ намѣреніемъ. Но переводу надѣюсь лучшей участи: онъ меня занимаетъ; побѣжденныя трудности возбуждаютъ охоту къ работѣ.

14 августа.

По утру переводилъ; послѣ обѣда читалъ Боплана. Переводится con amore. Вѣрно и въ старину французы были французами, напр. Бопланъ увѣряетъ, что въ Россіи отъ морозовъ кишки могутъ замерзнуть или, по крайней мѣрѣ, могутъ быть озноблены въ брюхѣ живаго человѣка.

18 августа.

Нынѣшній день для меня былъ днемъ воспоминаній: перебиралъ я свои старыя тетради и перечелъ кое-какія изъ лирическихъ своихъ стихотвореній,—нѣкоторыя духовныя и Посланіе къ брату. Онѣ сильно на меня подѣйствовали: въ нѣкоторыхъ почерпнулъ я утѣшеніе, подкрѣпленіе, въ которомъ, признаюсь, нуждался. Когда меня не будетъ, а останутся эти отголоски чувствъ моихъ и думъ,—быть можетъ, найдутся же люди, которые, прочитавъ ихъ, скажутъ: онъ былъ человѣкъ не безъ дарованій;—счастливъ буду, если промолвятъ: и не безъ души.

20 августа.

Каковъ же нашъ Николай Михайловичъ Карамзинъ! У него на страницѣ 22-й тома VI-го Іоаннъ Великій Устюжанамъ, пробившимся сквозь Казанцевъ, «прислалъ двѣ золотыя деньги въ знакъ особеннаго благоволенія!» Въ текстѣ однако сказано довольно ясно: «послалъ дважды по деньгѣ золотой»,—т. е. каждому воину дважды, два раза по деньгѣ, что точно знакъ особеннаго благоволенія;—этому вовсе не противорѣчатъ слова: «а они обѣ отдали попу Ивану»; ибо каждый отдалъ обѣ свои.

22 августа.

Добродушіе и простодушіе высокія добродѣтели, только не въ историкѣ. Нашъ Николай Михайловичъ искренно вѣритъ, что Менгли-Гирей требовалъ у Ивана III Васильевича своего брата Нордоулата (NB. сверженнаго Менгли-Гиреемъ съ престола и старшаго) по родственной нѣжности, желая съ нимъ подѣлиться властью; вѣритъ также, что великій князь отказалъ ему въ томъ потому, «что долгъ пріязни есть остерегать пріятеля и не соглашаться на то, что ему вредно». А я, грѣшный, полагаю, что Менгли-Гирей требовалъ Нордоулата, чтобъ—по азіятскому обыкновенію—задушить его, и что великій князь не выдалъ Нордоулата, чтобъ имѣть на всякій случай, чѣмъ бы можно было и пугнуть добраго пріятеля.

23 августа.

По утру переводилъ; потомъ читалъ Карамзина. Надобно же замѣтить, что я обзавелся кошкою. Была у меня прежде, т. е. дней съ пять тому назадъ полосатая, какъ тигръ,—только не ужилась; теперь пестрая, бѣлая съ черными пятнами—пренроказница.

25 августа.

Кончилъ сегодня переводъ перваго дѣйствія Шекспирова Венеціанскаго купца и дочелъ VI томъ Карамзина.

«Не знаю», говоритъ Карамзинъ въ замѣчаніи 611,—«что зна-

читъ у него» (т. е. Герберштейна) «Veston qui ambas partes praescriptis conditionibus ad duellam committit».—Мнѣ кажется ясно, что здѣсь Veston наше русское слово: вѣщунъ въ смыслѣ глашатая, герольда. Вслѣдъ за слишкомъ короткою выпискою изъ чрезвычайно любопытнаго путешествія Аѳанасія Никитина, исторіографъ говоритъ, что 84 вѣры или секты будуистовъ, о которыхъ упоминаетъ нашъ странствователь,—гражданскія степени или касты индусовъ; сверхъ того при Буту (Буду) въ скобкахъ поставлено Брама. Нѣтъ сомнѣнія, что Буду сначала было только новымъ названіемъ Брамы или, лучше сказать, что секта Буду ничто иное, какъ искаженный простонародный брамаизмъ; однако нынѣ и вѣроятно ужъ и при Никитинѣ между понятіями о Брамѣ и Буду существенная разница, а 84 вѣры будуистовъ вѣрно не касты индусовъ, но точно религіозныя секты будуизма, изъ которыхъ и намъ нѣкоторыя извѣстны, напр. секта Кутухту, Фо, Далай-Ламы etc. Этихъ сектъ, особенно если еще и брамаизмъ и отрасли его считать только древнѣйшимъ, чистѣйшимъ будуизмомъ, быть можетъ, и болѣе 84.

27 августа.

Читалъ VII томъ Карамзина. Первая глава этого тома, особенно конецъ, у него изъ лучшихъ: это трагедія, и какая!

30 августа.

Грусть и грусть—разница! Какъ бы счастливъ я былъ, еслибы и нынѣ могъ сказать, сказать изъ глубины души и съ вѣрою, какъ бывало: «Вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя? Уповай на Господа, яко исповѣмся Ему: спасеніе лица моего и Богъ мой!» Но я нынѣ и этого утѣшенія лишенъ. Причины — т. е., что обыкновенно называютъ причиною, нѣтъ,—а между тѣмъ давно мнѣ не было такъ тяжко. Впрочемъ приму и это: не остави меня только до конца, Господи Боже мой! спаси меня отъ самого меня!

Кончилъ сегодня первое явленіе втораго дѣйствія Венеціанскаго купца.

Ханъ Бабуръ, основатель имперіи Великаго Могола, названъ въ нашихъ лѣтописяхъ Падшею. Карамзинъ полагаетъ, что Падша значитъ Паша; мнѣ кажется, что это испорченное имя Пади-Ша.

1 сентября.

Слѣдующею небольшою пiэсою обязанъ я чтенію 3-й книги Чайльда-Гарольда, которая обворожительна даже въ прозѣ французскаго перевода.

Есть что-то знакомое, близкое мнѣ
Въ пучинѣ воздушной, въ небесномъ огнѣ;
Звѣзды полуночной таинственный свѣтъ
Отъ духа роднаго несетъ мнѣ привѣтъ.

* *
*

Огромную слышу ли жалобу бурь,
Когда умираютъ и день и лазурь,
Когда завываетъ и ломится лѣсъ,
Я такъ бы и ринулся въ бездну [1]) небесъ.

* *
*

До нѣльзя постыли мнѣ тина и прахъ;
Мнѣ тамъ въ золотыхъ погулять бы поляхъ,
Туда призываютъ и вѣтеръ и громъ,
Перунъ прилетаетъ оттуда посломъ.

3 сентября

Есть у меня нѣкоторыя сочиненія, отъ которыхъ, такъ сказать, не могу отстать, которыя то и дѣло выправляю: когда-то я каждый годъ или черезъ годъ передѣлывалъ Святополка; теперь его смѣнили Семь спящихъ отроковъ. Я ихъ пересмотрѣлъ сегодня и кое-что сократилъ и выбросилъ, напр. весь эпилогъ второй части.

4 сентября.

По утру занимался, но довольно лѣниво, своимъ переводомъ. За то пересмотрѣлъ до обѣда же начало Вѣчнаго Жида; выправить ничего не выправилъ,—но что хуже всѣхъ возможныхъ недостатковъ, цѣлое показалось мнѣ—скучнымъ.

9 сентября.

Читаю Вертера. Не смотря на многое, искренно признаюсь, что это твореніе Гёте предпочитаю инымъ изъ его позднѣйшихъ: въ Вертерѣ теплота не притворная, есть кое-что называемое нѣмцами: excentrisch; но по крайней мѣрѣ нѣтъ холодной чопорности, притворной простоты и безстыднаго эгоизма, встрѣчающихся въ его запискахъ, Wilhelms Wandelʼjahre etc.

10 сентября.

Поэтической жизни въ Вертерѣ пропасть: но отъ Гёте — автора Вертера, до Гёте, сочинителя напр. Эпименида, разстояніе не меньше, чѣмъ отъ Вертера до его благоразумныхъ друзей: не стану спрашивать, кто изъ нихъ лучше; но безъ сомнѣнія Вертеръ и авторъ его привлекательнѣе чиннаго автора Эпименида и людей, которые въ жизни то, что авторъ Эпименида въ поэзіи. Жаль только, что Вертеръ слишкомъ много хнычетъ.

[1]) Надъ строкой: „волны“.

12 сентября.

Надобно сказать, что IX томъ Исторіи Государства Россійскаго лучшее твореніе Карамзина: жаль только, что кое-гдѣ замѣтны натяжки и желаніе блеснуть.

14 сентября.

Читалъ я по утру Пушкина легкія стихотворенія; а послѣ обѣда и вечеромъ прочелъ Кукольника драму. О Пушкинѣ ни слова: надобно бы было сказать слишкомъ много; о Кукольникѣ на сей разъ скажу, что у него начала лучше окончаній.

Кромѣ того, прочелъ я еще Катенина сцены изъ комедіи: Вражда и любовь; тутъ подражаніе Шекспирову: Much ado (Много шуму изъ ничего); но подражаніе геніальное, а стихи превосходны.

15 сентября.

Прочелъ я Тартини Кукольника и первую главу Онѣгина; кромѣ того нѣсколько мелкихъ стихотвореній Пушкина и (П. А.) Катенина. А что ни говори, любезный братецъ Павелъ Александровичъ, ты конечно человѣкъ съ большимъ дарованіемъ, но все не Пушкинъ; ты поэтъ—художникъ, онъ поэтъ—человѣкъ; твое искусство холодно,—у него душа поэтическая. Да и несносно твое самолюбіе: ты, кажется, не пропустилъ ни одного четверостишія, сочиненнаго тобою,—чтобъ только всѣ твои дѣтки были вмѣстѣ, чтобъ ты могъ сказать: «се азъ и стихи, яже мнѣ далъ еси».

18 сентября.

Сегодня я возвратился къ старику своему Карамзину. Онъ рѣдко бываетъ глубокъ. Вотъ почему меня особенно поразила слѣдующая мысль, мысль глубины ужасной, но едва ли его собственная: «Есть»,—говоритъ исторіографъ на 354 стр. IX тома,—«кажется, предѣлъ во злѣ, за коимъ уже нѣтъ истиннаго раскаянія; нѣтъ свободнаго, рѣшительнаго возврата къ добру: есть только мука, начало адской, безъ надежды и перемѣны сердца».

22 сентября.

Вотъ еще два куплета къ пьесѣ, внесенной въ дневникъ 1 числа.

Туманъ бы распутать мнѣ въ длинную нить;
Да плащъ бы широкій изъ сизаго свить;
Предаться бы вихрю несытой душой;
Средь тучъ бы летѣть подъ безмолвной луной.

* * *

Все далѣ и далѣ—и путь бы простеръ
Я въ бездну туда за сафирный шатеръ!—
О, какъ бы нырялъ въ океанѣ свѣтилъ;
О, какъ бы себя по вселенной разлилъ.

23-го сентября.

Давно я не сочинялъ; сегодня выходилъ я слѣдующіе куплеты, которымъ однако нужно продолженіе:

Не виномъ заздравной чаши,
Не за шумнымъ пиромъ я
Встрѣчу имянины ваши...
Нѣтъ! — души моей друзья.

* * *

Смѣху, играмъ и веселью
Не въ тюрьму же заглянуть;
Имъ въ страдальческую келью
Загражденъ судьбою путь.

* * *

Но что есть и что отъято,
Что въ грядущемъ мнѣ свѣтло,
Что въ минувшемъ сердцу свято
Предъ душой моей всплыло.

Дневникъ мой не исповѣдь; но не хочу казаться лучшимъ, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ: вотъ почему искренно признаюсь, что на поприщѣ своемъ въ послѣдніе мѣсяцы я не шагнулъ впередъ, а напротивъ. Да простятъ мнѣ, если не говорю въ чемъ я именно недоволенъ собою: людямъ до этого нѣтъ нужды. Тебя же, мой Боже милосердый, молю: нашли мнѣ, если это нужно, скорбь, стыдъ, униженіе, всѣ возможныя земныя бѣдствія, но спаси мою безсмертную душу! Эту мольбу произносилъ я со страхомъ, но Ты знаешь искренно, нѣсколько разъ въ теченіи двухъ послѣднихъ мѣсяцовъ въ тайнѣ; теперь пусть она стоитъ здѣсь написанная — мнѣ въ устрашеніе и напоминаніе. Если же умъ мой помрачился, исцѣли меня, Боже! не предай меня сему ужасному злосчастію: буди мнѣ помощникомъ противъ самого себя!

25-го сентября.

Благодаря Господа, я этотъ день провелъ и физически, и нравственно лучше многихъ ему предшествовавшихъ. Не жалѣю я даже, что, такъ сказать, исповѣдовался въ письмахъ своихъ къ Наташѣ и Сашѣ: это было мнѣ необходимо, разъ потому, что не хочу казаться моимъ милымъ лучшимъ, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ, а во вторыхъ, потому что считаю подобныя признанія единственною эпитиміею, какую могу налагать на самого себя.

27-го сентября.

Несправедливость Карамзина къ Шуйскому истинно возмутительна. Я въ состояніи написать апологію сего великаго человѣка, котораго единственная вина — несчастіе. Всего несноснѣе фразы

Карамзина, напримѣръ: «Василій взялъ святое бремя» (т. е. тѣло Димитрія) «на рамена свои etc. какъ бы желая симъ усердіемъ и смиреніемъ очистить себя передъ тѣмъ, кого онъ столь безстыдно оклеветалъ въ самоубійствѣ». Какъ будто девятилѣтній ребенокъ можетъ быть самоубійцею.

1-го октября.

Благодарю Милосердаго Бога: я счастливо началъ этотъ мѣсяцъ, хотя здоровье мое все еще не поправилось, но сочиняю, а это для меня большое счастье. Сегодня написалъ я первую сцену своего Ляпунова.

5-го октября.

Книга Каменскаго (Словарь достопамятныхъ людей русской земли) довольно занимательна; особенно статьи: Меньшиковъ, Остерманъ, Шафировъ, Яковъ и Василій Долгорукіе.

19-го октября.

Былъ у меня мой любезный пасторъ: и такъ я лицейскій праздникъ провелъ не одинъ.

Написалъ я по утру письма къ матушкѣ, сестрицѣ Julie и Наташѣ. Въ Библіотекѣ прочелъ Пушкина сказку: Пиковая дама,— Отрывокъ изъ записокъ Гомозейки (кн. В. Ѳ.) Одоевскаго и критику драмы: Рука Всевышняго Отечество спасла и Самозванца, (А. С.) Хомякова. Въ сказкѣ старуха графиня и Лизавета Ивановна написаны мастерски, Германъ хорошъ, но сбивается на модныхъ героевъ.

Одоевскаго отрывокъ—отрывокъ Одоевскаго, т. е. сочиненіе человѣка, который пишетъ не свое. Съ критикою я не совѣмъ согласенъ: я бы Кукольника драмѣ произнесъ приговоръ и построже, и поснисходительнѣе; къ Хомякову рецензентъ просто, кажется, несправедливъ. Приведенная имъ сцена между Мареою и Антоніемъ безподобна: равной силы нѣтъ ни одной у Кукольника ни въ фантазіи, ни въ драмѣ, ни въ Тартини.

20-го октября.

Изъ Библіотеки я узналъ, что есть еще другой Торквато Тассо, кромѣ Кукольникова. Она же меня увѣдомила о смерти Гнѣдича, Сомова, Мартынова. Всѣхъ болѣе мнѣ жаль Гнѣдича: мы когда-то были друзьями, потомъ поссорились; онъ умеръ, не помирившись со мною.

22-го октября.

Прочелъ я повѣсть барона Брамбеуса: Вся женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ; въ слогѣ этой повѣсти есть что-то, напоминающее Марлинскаго, — но гораздо менѣе бойкости; — впрочемъ

нѣкоторыя картины истинно прелестны. Кукольникъ плодовитъ; онъ написалъ еще фантазію: Санназаръ; очень хорошъ отрывокъ, помѣщенный въ Библіотекѣ въ довольно неудовлетворительномъ разборѣ этой пьесы. Je me trompe beaucoup—или эти разборы пишетъ (Вас. Тимоф.) Плаксинъ [1]): критики Полевыхъ—Николая и Ксенофонта—конечно также нѣсколько въ этомъ родѣ,—но все же не то: въ нихъ есть и новыя мысли, и свѣдѣнія, и логика: а тутъ одни кумовскіе толки (du commérage) о личныхъ ощущеніяхъ самого рецензента.

23-го октября.

Библіотека—журналъ очень занимательный, только критиками я не слишкомъ доволенъ; къ этимъ критикамъ, между прочимъ, принадлежитъ статья о книгѣ Галича: Картина человѣка. Осмѣять, и даже остроумно, можно и величайшаго генія, но насмѣшка не доказательство: нельзя не хохотать, когда читаешь, какъ Вольтеръ цыганитъ Шекспира и греческихъ трагиковъ; да уронилъ ли онъ ихъ? Замѣчу однако, что мнѣніе автора о сомнамбулизмѣ очень примѣчательно: онъ не считаетъ сомнамбулизма сномъ, а бдѣніемъ, въ которое вмѣшиваются нѣкоторыя явленія, свойственныя обыкновенному сну. Повѣсть Булгарина: Первая любовь довольна пошла; за то его статья: Чухонская кухарка—очень и очень забавна. Булгаринъ надѣленъ истиннымъ дарованіемъ, но часто берется не за свое: Теньеровскія картины ему удаются; вотъ его родъ! У него есть и чувство и подчасъ глубокое чувство: доказательство—его сиротка въ первыхъ главахъ Выжигина. Но Булгаринъ несносенъ, когда вздумаетъ важничать, выдумывать, когда корчитъ человѣка съ воображеніемъ поэта, романтика!

Прочелъ я нѣсколько стихотвореній (Ив. Ив.) Козлова: его Молитва истинно прекрасна и стоитъ того, чтобъ ее вытвердить, по крайней мѣрѣ лучшія строфы.

25-го октября.

Читалъ я сегодня и Жизнь Наполеона, и Библіотеку. Въ Библіотекѣ статью: Брамбеусъ и Юная словесность. О юной словесности, можетъ быть, судитъ Брамбеусъ вообще довольно справедливо;—но напрасно, кажется, допускаетъ такъ мало исключеній. Въ самомъ Бальзакѣ найдутся повѣсти самой чистой, высокой нравственности, напримѣръ Madame Firmiani. Впрочемъ цѣль поэзіи не нравоученіе, а сама поэзія: вотъ что повидимому строгіе осуди-

[1]) Василій Тимофѣевичъ Плаксинъ, преподаватель русской словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, былъ, между прочимъ, учителемъ М. Ю. Лермонтова въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Ред.

тели нынѣшней поэзіи или, если угодно, словесности совершенно забываютъ. Однако я слишкомъ худо знаю нынѣшнюю школу и потому воздерживаюсь отъ рѣшительнаго сужденія о ней и о толкахъ о ней.

28-го октября.

Прочелъ въ Библіотекѣ Загоскина Вечеръ на Хопрѣ и нѣсколько довольно пустыхъ рецензій. У Загоскина примѣтно въ его трехъ сказкахъ желаніе тянуться за Марлинскимъ,—но ему до Марлинскаго далеко: однако, послѣдняя сказка его не дурна;—только терпѣть я не могу этихъ поясненій, истолкованій etc., которыми хотятъ они, кажется, предохранить читателя отъ суевѣрія,—намѣреніе весьма похвальное, но весьма не поэтическое.

29-го октября.

Въ Библіотекѣ прочелъ я примѣчательную сказку Пушкина въ стихахъ: О мертвой Царевнѣ и семи богатыряхъ; механическая часть этой сказки превосходна,—размѣръ и слогъ совершенно соотвѣтствуютъ предмету. Сверхъ того, хорошъ отрывокъ изъ записокъ Дениса Давыдова: Знакомство съ Каменскимъ. Разборъ Мазепы, Булгарина, какъ всѣ разборы этого рецензента, мнѣ не очень по-нутру, хотя и замѣтно, что онъ человѣкъ очень не глупый.

31-го октября.

Извѣстіе о посмертныхъ сочиненіяхъ Гёте очень занимательно, особенно по выпискамъ изъ послѣдняго тома его: Dichtung d. Wahrheit. Я сошелся въ мысляхъ съ Гёте: и я лучшія свои произведенія, напр. Ижорскаго, считаю болѣе произведеніемъ природы, нежели искусства; произведеніемъ, если угодно, моей природы, произрастѣніемъ моей почвы, — но собственно не дѣломъ произвола, не слѣдствіемъ холодно обдуманнаго предначертанія и отчетливаго труда.

1-го ноября.

Жуковскій переложилъ экзаметрами Шиллеровъ: «Ein frommer Knecht war Fridolin». Истинно не знаю, что объ этомъ сказать, однако не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ измѣненіемъ формы прелестной баллады нѣмецкаго поэта и характеръ ея, не смотря на близость перевода, совершенно измѣнился.

3-го ноября.

Съ историческимъ изслѣдованіемъ Погодина объ Іоаннѣ Грозномъ, напечатаннымъ въ Библіотекѣ, я совершенно согласенъ: характеръ этого человѣка мнѣ всегда представлялся точно въ томъ видѣ, въ какомъ его представляетъ авторъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

въ дѣйствующемъ отрядѣ генерала Галафѣева, во время экспедиціи въ Малую Чечню

въ 1840 г.

Высочайшимъ приказомъ отъ 13-го апрѣля 1840 года Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, поручикъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, былъ, за дуэль съ де-Барантомъ—переведенъ тѣмъ же чиномъ въ тенгинскій пѣхотный полкъ, стоящій на Кавказѣ. По пріѣздѣ Лермонтова въ главную квартиру, его назначили въ дѣйствующій отрядъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. Смѣлыя дѣйствія Шамиля на рѣкѣ Сунорѣ, доставившія ему нѣкоторый успѣхъ, и зимнее (1839 г.) движеніе генералъ-маіора Пулло для сбора податей, да преждевременная попытка обезоружить чеченцевъ, взволновали населеніе. Малая и Большая Чечня, ичкеринцы, качалыковцы, галашевцы и карабулаки постепенно поднимали оружіе и приставали къ партіи Шамиля. Въ 1840 году рѣшено было приступить къ исполненію еще прежде предположеннаго перенесенія Кубанской линіи на рѣку Лабу и заселенію пространства между Кубанью и Лабою станицами казачьяго линейнаго войска. Исполненіе этого предпріятія положено было раздѣлить на періоды съ тѣмъ, чтобы въ продолженіи перваго года возвести на Лабѣ, въ необходимѣйшихъ пунктахъ, укрѣпленія, дабы потомъ, подъ ихъ прикрытіемъ, водворить казачьи станицы.

Вслѣдствіе этихъ предположеній, на линіи составлено было два отряда. На правомъ флангѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Засса—лабинскій отрядъ; на лѣвомъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Галафѣева, чеченскій отрядъ Общее наблюденіе поручено было генералъ-адъютанту Граббе.

6-го іюля отрядъ генерала Галафѣева, состоя изъ шести съ половиною баталіоновъ, 14 орудій и 1500 казаковъ, двинулся изъ лагеря подъ крѣпостью „Грозной“. Съ разсвѣтомъ переправился онъ за р. Сунжу и взялъ направленіе чрезъ ущелье Ханъ-калу на деревню Большой Чеченъ. Непріятель сталъ показываться на пути шествія, но ограничиваясь лишь легкими перестрѣлками, исчезалъ, не вступая въ серьезный бой. Въ средѣ вышедшаго изъ „Грозной“ отряда находился Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Боевая жизнь приходилась ему по нраву. Онъ давно мечталъ о ней и отдался ея сильнымъ впечатлѣніямъ со всею пылкостью удалой своей натуры. Не задолго передъ тѣмъ выбылъ изъ дѣйствующихъ рядовъ раненымъ извѣстный въ свое время безпашабашный Руфинъ Николаевичъ Дороховъ, человѣкъ неудержимой удали, раза три, кажется, разжалованный за „шалости“ въ солдаты. Дороховъ образовалъ отборную команду охотниковъ человѣкъ въ сто, бо́льшею частью изъ казаковъ, закаленныхъ въ бояхъ смотрѣвшихъ на войну и грабежъ не хуже любаго чеченца. Съ своимъ безстрашнымъ вожакомъ люди эти приносили пользу разъѣздами и развѣдками. Огнестрѣльное оружіе не было у нихъ въ употребленіи. Они безъ шуму, какъ снѣгъ на голову, появлялись среди непріятеля или въ аулахъ его, и рѣзались шашками и кинжалами. Этотъ-то отрядъ раненый Дороховъ передалъ Лермонтову.

Въ послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ Михаилъ Юрьевичъ разсказывалъ А. А. Краевскому объ этой командѣ своей и подарилъ ему кинжалъ, служившій поэту въ столкновеніяхъ и стычкахъ съ врагами [1]). Левъ Васильевичъ Россильёнъ [2]) сообщилъ мнѣ по поводу Лермонтова слѣдующее:

— „Лермонтова я хорошо помню. Онъ былъ непріятный, насмѣшливый человѣкъ, хотѣлъ казаться чѣмъ-то особеннымъ. Хвастался своею храбростью, какъ будто на Кавказѣ, гдѣ всѣ были храбры, можно было кого-либо удивить ею!

---

[1]) Кинжалъ этотъ переданъ А. А. Краевскимъ въ „Лермонтовскій музей“ при Николаевскомъ кавалер. училищѣ (см. „Русскую Старину“ декабрь 1883 г., статья г. Бильдерлинга).

[2]) Скончался въ концѣ 1883 г. въ Дерптѣ.—Сестра покойнаго барон. Россильёнъ вышла за мужъ за Гельмерсена, начальника Лермонтова по школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Поэтъ въ юности бывалъ у нея, также какъ и его бабушка Арсеньева. П. В.

„Лермонтовъ собралъ какую-то шайку грязныхъ головорѣзовъ. Они не признавали огнестрѣльнаго оружія, врѣзывались въ непріятельскіе аулы, вели партизанскую войну и именовались громкимъ именемъ Лермонтовскаго отряда. Длилось это не долго впрочемъ, потому что Лермонтовъ нигдѣ не могъ усидѣть, вѣчно рвался куда-то и ничего не доводилъ до конца. Когда я его видѣлъ на Сулакѣ, онъ былъ мнѣ противенъ необычайною своею неопрятностью. Онъ носилъ красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядѣла почернѣвшею изъ подъ вѣчно растегнутаго сюртука поэта, который носилъ онъ безъ эполетъ, что впрочемъ было на Кавказѣ въ обычаѣ. Гарцовалъ Лермонтовъ на бѣломъ, какъ снѣгъ, конѣ, на которомъ, молодецки заломивъ бѣлую холщевую шапку, бросался на черкесскіе завалы. Чистое молодечество, ибо кто же кидался на завалы верхомъ! Мы надъ нимъ за это смѣялись".

Не себя-ли описывалъ Лермонтовъ, когда въ стихотвореніи „Валерикъ" говоритъ:

„Верхомъ помчался на завалы
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня".

Баронъ Россильёнъ вообще съ антипатіей относился къ поэту нашему, какъ и большинство знавшихъ его поверхностно людей. Извѣстно какъ немногимъ онъ открывалъ свою душу. Извѣстно также какъ мало было людей, способныхъ понимать этого необыкновеннаго человѣка, страшно любившаго выказывать себя съ дурной стороны, какъ бы пародируя тѣмъ ходульность большинства людей, любящихъ показать себя въ самомъ привлекательномъ, не согласномъ съ истиною видѣ.

Николай Павловичъ Граббе сообщалъ мнѣ, что отлично помнитъ какъ знаменитый отецъ его очень высоко цѣнилъ умъ и бесѣду Лермонтова, но удивлялся невообразимой его склонности къ выходкамъ и шалостямъ всякаго рода. Достаточно было во время самой серьезной бесѣды войти въ комнату лицу незнакомому или недостаточно серьезному или просто ему несимпатичному, чтобы Лермонтовъ вдругъ, какъ перерожденный, начиналъ нести невообразимый вздоръ, по большей части оскорблявшій слушателей, не рѣдко видѣвшихъ въ такомъ поведеніи неумѣстное презрѣніе „молодаго ничѣмъ не заявившаго себя офицера".

Николаю Павл. Граббе казалось будто въ запискахъ отца его, которыхъ во время разсказа не имѣлъ подъ рукою, гдѣ-то говорится о Лермонтовѣ и о такъ называемой „командѣ его". Это выяснится когда будутъ сполна напечатаны записки Павла Христофоровича.

Въ неизданномъ еще письмѣ Михаила Юрьевича къ другу его Алексѣю Александровичу Лопухину встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто:

„Милый Алеша, пишу тебѣ изъ крѣпости Грозной, куда мы, т. е. отрядъ, возвратился опять послѣ двадцатидневной экспедиціи въ Чечнѣ. Не знаю, что будетъ дальше, но пока судьба меня не очень обижаетъ. Я получилъ въ наслѣдство отъ Дорохова, котораго ранили, отборную команду охотниковъ, состоящую изъ ста казаковъ, разный сбродъ: волонтеры, татары, и проч.; это нѣчто въ родѣ партизанскаго отряда...".

Изъ всего этого видно, что Лермонтовъ дѣйствительно былъ человѣкъ лихой храбрости, но не хвастунъ, какимъ его выставляютъ нѣкоторые изъ современниковъ. Онъ не распространяется въ разсказахъ о своихъ подвигахъ. Такъ, въ письмѣ своемъ послѣ сраженія подъ Валерикомъ, которое приводимъ ниже—онъ ничего не говоритъ о личномъ дѣятельномъ участіи своемъ, хотя, по донесенію начальства и представленію его къ сравнительно большой наградѣ, видно, что молодымъ офицеромъ были оказаны услуги во время упорнаго боя. Въ стихотвореніи, въ коемъ Лермонтовъ такъ подробно описываетъ бой, онъ тоже ничего не говоритъ о своихъ подвигахъ.

Трудно мнѣ было согласовать разсказы барона Россильёна о нечистоплотности Лермонтова съ описаніемъ его личности, сдѣланной Боденштедтомъ, встрѣтившимся съ поэтомъ въ томъ же 1840 году.

Въ Москвѣ, во время обѣда, въ компаніи молодыхъ офицеровъ, между коими находился и знаменитый германскій поэтъ Боденштедтъ, вошелъ незнакомый ему офицеръ.

„У вошедшаго была гордая, непринужденная осанка, средній ростъ и замѣчательная гибкость движеній. Вынимая при входѣ носовой платокъ, чтобы обтерѣть мокрые усы, онъ выронилъ на полъ бумажникъ и при этомъ нагнулся съ такою ловкостью, какъ будто былъ вовсе безъ костей, хотя плечи и грудь были у него довольно широки. Гладкіе бѣлокурые, слегка вьющіеся по обѣимъ сторонамъ волосы, оставляли совершенно открытымъ не-

обыкновенно высокій лобъ [1]). Большіе, полные мысли глаза, казалось, вовсе не участвовали въ насмѣшливой улыбкѣ, игравшей на красиво очерченныхъ губахъ молодаго человѣка.—Одѣтъ онъ былъ очевидно не въ выходномъ своемъ платьѣ: на шеѣ небрежно повязанъ былъ чорный платокъ, изъ подъ котораго сквозь не вполнѣ застегнутый, не новый уже, военный сюртукъ безъ эполетъ, глядѣла ослѣпительной бѣлизны рубашка..... Во время обѣда онъ не пряталъ подъ столъ своихъ нѣжныхъ, выхоленыхъ рукъ и т. д.".

То, что во время похода и начальствуя надъ командою дороховскихъ молодцовъ, Лермонтовъ казался нечистоплотнымъ, вѣроятно зависѣло отъ того, что онъ раздѣлялъ жизнь своихъ подчиненныхъ и, желая служить имъ примѣромъ, не хотѣлъ дозволять себѣ излишнихъ удобствъ и комфорта. Баронъ Россильёнъ ставилъ Лермонтову въ вину, что онъ ѣлъ съ командою изъ одного котла и видѣлъ въ этомъ эксцентричность и желаніе пооригинальничать. Между прочимъ, баронъ возмущался и тѣмъ, что Лермонтовъ ходилъ тогда небритымъ. На портретѣ [2]) дѣйствительно видно, что поэтъ въ походѣ отпустилъ себѣ баки и повидимому далъ волю волосамъ расти и на подбородкѣ. Это было противъ правилъ формы, но растительность у Лермонтова на лицѣ была такъ бѣдна, что не могла возбудить серьезнаго вниманія строгихъ блюстителей уставовъ. На другомъ портретѣ, находящемся у меня и писанномъ поэтомъ съ самого себя, видно, что и волосы на головѣ онъ носилъ на Кавказѣ тоже не согласно съ уставомъ—носилъ ихъ не зачесывая на вискахъ и довольно длинными.

Выступивъ въ Малую Чечню отрядъ генерала Галафѣева прошелъ черезъ Чахъ-Кери къ Гойтинскому лѣсу и Урусъ-Мартанъ, выжигая аулы, уничтожая хлѣба и болѣе или менѣе успѣшно перестрѣливаясь съ горцами въ незначительныхъ стычкахъ.

Но въ этихъ сшибкахъ удалыхъ
Забавы много, толку мало.

—говорилъ Лермонтовъ—

---

[1]) Описывающіе наружность Лермонтова называютъ его то брюнетомъ, то блондиномъ. — Онъ имѣлъ темно-русые волосы, но могъ казаться блондиномъ, потому что на верху головы надо лбомъ находилась прядь свѣтлыхъ волосъ.

[2]) Оригиналъ приложеннаго портрета передалъ я въ „Лермонтовскій музей". П. В.

Прохладнымъ вечеромъ, бывало,
Мы любовались на нихъ
Безъ кровожаднаго волненья
Какъ на трагическій балетъ.

Въ такихъ „забавахъ“ прошло нѣсколько дней. 10-го іюля подошли къ деревнѣ Гехи—близь Гехинскаго лѣса и, предавъ огню поля, стали лагеремъ. Непріятель пытался было подкрасться къ лагерю, но былъ открытъ секретами и долженъ былъ ретироваться. 11-го іюля отрядъ выступилъ изъ лагеря, имѣя въ авангардѣ три баталіона Куринскаго егерскаго полка, двѣ роты саперъ, одну сотню донскихъ и всѣхъ линейныхъ казаковъ, при 4-хъ орудіяхъ. Впереди, кромѣ того, шли два орудія и восемь сотень донскихъ казаковъ. Авангардомъ командовалъ полковникъ Фрейтагъ. Въ главной колоннѣ слѣдовалъ обозъ, подъ значительнымъ прикрытіемъ. Колонною командовалъ капитанъ Грекуловъ.

Арьергардомъ, состоявшимъ изъ 2-хъ баталіоновъ пѣхоты, 4-хъ орудій и сотни казаковъ, командовалъ полковникъ Врангель. Въ такомъ порядкѣ отрядъ слѣдовалъ къ Гехинскому лѣсу. Непріятель не только не сопротивлялся, но и не показывался. Когда же войска вошли въ лѣсъ и пошли по узкой лѣсной дорогѣ, они встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны засѣвшихъ въ завалахъ черкесовъ. Однако завалы были взяты и непріятель вытѣсненъ. Но опасность ждала впереди. Приходилось пройти большую окаймленную со всѣхъ сторонъ лѣсами поляну. Впереди виднѣлась рѣчка Валерикъ, протекавшая по самой опушкѣ, въ глубокихъ, совершенно отвѣсныхъ, берегахъ. Она пересѣкала дорогу подъ прямымъ угломъ. Правый берегъ ея, обращенный къ отряду, былъ совершенно открытъ, по лѣвому же тянулся лѣсъ, прорубленный около дороги на небольшой ружейный выстрѣлъ. Вотъ тутъ-то конечно было удобное мѣсто для непріятеля. Онъ могъ устроить завалы и стать твердою ногой за рѣчкою, какъ за бастіономъ съ глубокимъ водянымъ рвомъ. Подойдя къ мѣсту на картечный выстрѣлъ, артиллерія открыла огонь. Полное молчаніе. Ни одного отвѣтнаго выстрѣла; ни малѣйшаго движенія не было замѣтно. Мѣстность казалась вымершею. Обозъ тоже выѣхалъ на поляну. Весь отрядъ двинулся еще впередъ и подошелъ къ лѣсу на ружейный или пистолетный выстрѣлъ. Было рѣшено сдѣлать привалъ; пѣхота же должна была проникнуть въ лѣсъ

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

НА КАВКАЗѢ

СНИМОКЪ СЪ КАРАНД. НАБРОСКА, СЪ НАТУРЫ.

и обезпечить переправу. Но едва артиллерія начала сниматься съ передковъ, какъ чеченцы внезапно со всѣхъ сторонъ открыли убійственный огонь.

Въ одно мгновеніе войска были двинуты впередъ съ обѣихъ сторонъ дороги. Добѣжавъ до лѣса, они неожиданно остановлены были отвѣсными берегами рѣчки Валерикъ и срубами изъ бревенъ, приготовленными непріятелемъ за трое сутокъ впередъ. Отсюда-то онъ и производилъ убійственный огонь. Били на выборъ офицеровъ и солдатъ, двигавшихся по открытой мѣстности. Войска кинулись впередъ черезъ оврагъ, помогали другъ другу, перебираясь черезъ рѣчку по грудь въ водѣ. Начался упорный рукопашный бой частью въ лѣсу, частью въ водахъ быстро текущаго Валерика. Кинжалъ и шашка уступили, наконецъ, штыку. Въ лѣсу за рѣчкой бой, или, по крайней мѣрѣ, перестрѣлка, длилась еще много времени.

Таково описаніе, взятое мною изъ офиціальнаго донесенія генерала Галафѣева, а вотъ какъ Лермонтовъ описываетъ бой этотъ:

...„Едва лишь выбрался обозъ
Въ поляну—дѣло началось.
Чу! въ арьергардъ орудья просятъ:
Вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ,
Вотъ тащутъ за ноги людей
И кличутъ громко лекарей...
И вотъ изъ лѣса, изъ опушки,
Вдругъ съ гикомъ кинулись на пушки
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
Отрядъ осыпанъ... Впереди же
Все тихо... Тамъ, между кустовъ,
Бѣжалъ потокъ; подходимъ ближе;
Пустили нѣсколько гранатъ;
Еще подвинулись... Молчатъ!
Но вотъ надъ бревнами завала
Ружье какъ будто заблистало,
Потомъ мелькнули шапки, двѣ—
И вновь все спряталось въ травѣ.
То было грозное молчанье;
Недолго длилося оно,
Но въ этомъ страшномъ ожиданьѣ
Забилось сердце не одно...
Вдругъ залпъ... глядимъ: лежатъ рядами.
Что нужды? Здѣшніе полки
Народъ испытанный... Въ штыки!..
Дружнѣе!—раздалось за нами.

Кровь загорѣлася въ груди!
Всѣ офицеры впереди;
Верхомъ помчался на завалы
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня.
Ура!—и смолкло... Вонъ кинжалы...
Въ приклады!.. и пошла рѣзня...
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко
Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь...
Ручей тѣлами запрудили.
Хотѣлъ воды я зачерпнуть—
И зной и битва утомили
Меня—но мутная волна
Была тепла, была красна".

Это дѣло подъ „Валерикомъ" было дѣло небольшое, но кровавое. Въ неизданномъ письмѣ къ А. А. Лопухину, писанномъ вскорѣ послѣ дѣла и пришедшемъ въ Москву, какъ гласитъ почтовый штемпель, 12-го сентября 1840 года, Лермонтовъ говоритъ: „у насъ были каждый день дѣла, и одно довольно жаркое, которое продолжалось шесть часовъ сряду. Насъ было всего 2,000 пѣхоты, а ихъ (враговъ) до шести тысячъ; и все время дрались штыками. У насъ убыло 30 офицеровъ и до 300 рядовыхъ, а ихъ 600 тѣлъ осталось на мѣстѣ — кажется хорошо! Вообрази себѣ, что въ оврагѣ, гдѣ была потѣха, часъ послѣ дѣла еще пахло кровью"..... Въ официальномъ донесеніи говорится, что съ нашей стороны въ этотъ день было потери убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими 13 офицеровъ и 316 нижнихъ чиновъ. Чтобы погибло столько горцевъ—сомнительно, потому что они стрѣляли изъ-за заваловъ и прикрытій. Лермонтовъ въ стихотвореніи своемъ скептически относится къ извѣстіямъ о количествѣ падшихъ непріятельскихъ воиновъ. Онъ у кунака своего, мирнаго чеченца, спрашиваетъ:

„Какъ мѣсту этому названье?"
Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Валерикъ—
А перевесть на вашъ языкъ,
Такъ будетъ—рѣчка смерти; вѣрно
Дано старинными людьми!"
— А сколько ихъ дралось примѣрно,
Сегодня?—„Тысячъ до семи".
— А много горцы потеряли?
„Какъ знать! Зачѣмъ вы не считали?"

— Да будетъ, кто-то тутъ сказалъ,
Имъ въ память этотъ день кровавый!
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ [1]).

Хотя, какъ уже было замѣчено, Лермонтовъ ни въ стихотвореніи, ни въ письмахъ не упоминаетъ о роли, какую игралъ онъ самъ въ бою, но была она не безъ значенія. Лермонтову поручено было сохранить связь между авангардомъ и другими частями, окруженными со всѣхъ сторонъ врагами, и онъ неоднократно, подъ градомъ непріятельскихъ пуль, скакалъ отъ одной колонны къ другой. Генералъ Галаффѣевъ, въ донесеніи своемъ къ генералъ-адъютанту Граббе отъ 8-го октября 1840 г., говоритъ о Лермонтовѣ такъ:

„Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, во время штурма непріятельскихъ заваловъ на рѣкѣ Валерикѣ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, не смотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы“.

За дѣйствія во время экспедиціи Лермонтовъ былъ представленъ къ наградѣ, въ то время считавшейся весьма высокой для офицера въ чинѣ поручика, а именно къ ордену св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Представленіе не было уважено и Лермонтову назначенъ орденъ Станислава 3-й степени [2]).

Любопытны мысли, которыя занимали молодого офицера, только что выказавшаго отчаянную храбрость и презрѣніе къ опасности, только что какъ бы упивавшагося тревогою сильныхъ ощущеній. Едва замолкъ бой, Михаилъ Юрьевичъ уединяется, погрузясь въ глубокую думу. Вокругъ еще слѣды битвы... Кровь течетъ

---

[1]) Кстати считаю нужнымъ замѣтить, что стихотвореніе „Валерикъ“, посвященное В. Л., относится къ 1840 году и невѣрно въ изданіяхъ причисляется къ 1841-му году.

[2]) Неизвѣстно получилъ-ли онъ и этотъ знакъ отличія. П. В.

струею дымною по каменьямъ; тѣла убитыхъ стащены въ кучу; окрестный лѣсъ синѣетъ въ пороховомъ туманѣ—но покой уже разлился среди равнодушной природы. Молодой воинъ замѣчаетъ:

И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?...

Послѣ битвы подъ Валерикомъ отрядъ генерала Галафѣева вернулся въ укрѣпленіе „Грозное“. Но уже 17-го іюля онъ вновь выступаетъ встревоженный недобрыми вѣстями о дѣйствіяхъ Шамиля. Черезъ „Внезапную“ отрядъ двинулся къ Міатлинской переправѣ, гдѣ и расположился лагеремъ. Вскорѣ затѣмъ онъ направился къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, а тамъ вернулся для окончанія работъ укрѣпленія Герзель-аула. Серьезныхъ столкновеній уже не было. О жизни, каковую велъ Лермонтовъ, мы не знаемъ. Изъ немногихъ писемъ видимъ, что въ сентябрѣ онъ былъ въ Пятигорскѣ, гдѣ лѣчился, и вновь выѣхалъ въ дѣйствующій отрядъ, который долженъ былъ быть въ походѣ цѣлую зиму. Лермонтовъ надѣялся тутъ хорошенько „раскусить“ дороховскихъ удальцовъ. Къ концу 1840-го года онъ въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

Пав. А. Висковатый.

С.-Петербургъ.
18 го декабря 1883 г.

Война съ польскими мятежниками 1831 года

въ перепискѣ императора Николая I-го съ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ.

Переписка императора Николая съ графомъ Дибичемъ, за время командованія имъ дѣйствующею арміею въ 1831 году, не появлялась до сихъ поръ въ печати, ни одинъ историкъ этой эпохи ею не пользовался. Между тѣмъ достаточно одного бѣглаго обзора помѣщенныхъ ниже драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ, чтобы убѣдиться въ первостепенной важности этой переписки злополучнаго фельдмаршала съ державнымъ вождемъ русской арміи.

Въ воспоминаніяхъ о польской войнѣ 1831 года Д. В. Давыдова встрѣчается нижеслѣдующая характеристика Забалканскаго героя: „Дибичъ былъ человѣкъ умный,—это безспорно, но умъ, подобно безумію, имѣетъ многія степени. Кажется, что ему была бы по плечу какая нибудь войнишка съ какимъ-нибудь гессенскимъ курфирстомъ, но врядъ ли онъ могъ бы управиться даже съ королемъ саксонскимъ“. Не смотря на всю рѣзкость этого отзыва, переписка императора Николая съ графомъ Дибичемъ 1831 года служитъ только краснорѣчивымъ подтвержденіемъ вѣрнаго военнаго взгляда нашего славнаго партизана. Дѣйствительно, безпристрастная исторія должна произнести свой неумолимый приговоръ: мантія полководца была не по росту Дибича. Въ этой печальной истинѣ пришлось, къ сожалѣнію, убѣдиться и самому императору Николаю, и къ тому же въ войнѣ, отъ которой, по мѣткому выраженію государя, зависѣло: „политическое бытіе Россіи“.

„Prouvez que Vous êtes encore le старый Забалканскій“, писалъ императоръ Николай 27-го мая 1831 года. Но увы! желаніямъ государя не суждено было осуществиться. Новый противникъ графа Дибича не слѣдовалъ примѣру чалмоносцевъ въ 1828 и 1829 годахъ, которыхъ графъ Несельроде, въ своей перепискѣ, не даромъ называлъ иной разъ: „ces bons Turcs“. Польскіе генералы, напротивъ того, дѣйствовали рѣшительно и съ знаніемъ дѣла, превосходно пользуясь ошибками русскаго главнокомандующаго. Императоръ Николай такъ и не дождался воскресенія стараго Забалканскаго. 1-го іюня государю пришлось заключить переписку съ своимъ фельдмаршаломъ горестнымъ восклицаніемъ: „Faites enfin de façon que je puisse Vous comprendre“. Но это письмо не было уже прочитано графомъ Дибичемъ: 30-го мая 1831-го года фельдмаршалъ скончался отъ холеры въ с. Клешовѣ около Пултуска.

Н. К. Шильдеръ.

I.

Дибичъ—императору Николаю.

Динабургъ. 24-го декабря 1830 г.

(Перев. съ франц.). Ваше величество! Благополучно прибывъ сюда 21 ч., въ 4 ч. вечера, я получилъ, еще дорогою, различныя донесенія отъ генераловъ: Корсакова, Храповицкаго, Розена, Каблукова и Крейца. Главное содержаніе ихъ заключается въ указаніяхъ на то, что въ Вильнѣ и во всѣхъ вновь присоединенныхъ губерніяхъ бывшаго Царства Польскаго все совершенно спокойно и не замѣчается даже признаковъ какого-либо волненія. Нѣкоторыя личности, прибывшія изъ Царства Польскаго и которыя были тамъ задержаны, утверждаютъ, что тамъ существуетъ недовольство, что диктаторъ вынужденъ, въ значительной степени, подчиняться наглымъ требованіямъ революціонной партіи, что войско и чиновники не исправно получаютъ жалованье и что всѣ почти помѣщики и порядочные люди противъ революціи. Мятежники, между тѣмъ, приближаются къ нашимъ границамъ, по обѣ стороны Нарева. Имѣющіяся о нихъ свѣдѣнія, однако, не достаточно подробны: кажется только, что центръ ихъ находится въ окрестностяхъ Венгрова, а передовые кавалерійскіе отряды достигаютъ Сбуцена на правомъ флангѣ и Августова на лѣвомъ. Главная-же квартира диктатора со свитой изъ депутатовъ и студентовъ ожидается на этихъ дняхъ въ Сѣдлецѣ.

Такъ какъ авангардъ 28-ой дивизіи приходитъ только сегодня въ Брестъ, то я счелъ нужнымъ ускорить движеніе 2-ой пѣхотной дивизіи, которая прибудетъ 26 — 28 въ Гродно, а такъ какъ Паленъ можетъ быть отрѣзанъ движеніемъ мятежниковъ на Бѣлостокъ, то я направилъ его со 2-ой бригадой 1-ой пѣхотной дивизіи и тремя полками гусаръ къ Мерецу, куда онъ можетъ прибыть 27-го, оставивъ одну пѣхотную бригаду и 4 эскадрона гусаръ, а также казаковъ, возвращающихся изъ Пруссіи, для прикрытія Ковна и низовьевъ Нѣмана. Я ускорю также движеніе гренадеровъ, которыхъ я нашелъ въ отличномъ состояніи и въ наилучшемъ расположеніи духа повсюду, гдѣ только встрѣчалъ ихъ на пути. Самъ-же, лично, я надѣюсь прибыть въ Гродно 28 ч. сего мѣсяца. Особенно необходимыми казались мнѣ всѣ эти мѣры на тотъ случай, если-бы мятежникамъ вздумалось идти на Брестъ, съ цѣлью помѣшать вступленію 3-го кавалерійскаго корпуса, хотя силы ихъ, повидимому, еще такъ разбросаны, что подобный маневръ, какъ-бы благоразуменъ онъ ни былъ, представляется, тѣмъ не менѣе, мало вѣроятнымъ; точно также

не вѣрю я и въ возможность нападенія на Розена. Въ случаѣ же, если-бы таковое и было произведено отдѣльными отрядами, то онъ обладаетъ вполнѣ достаточными силами, чтобы разбить каждый изъ нихъ по одиночкѣ. Если-же мятежники, наоборотъ, сосредоточатъ свои силы, то мы выиграемъ время и при медленномъ отступленіи Розена къ Гродно, къ 28—29, я буду располагать тамъ 55-ю баталіонами и 52-мя эскадронами, съ 200-ми слишкомъ пушекъ. Авангардъ 3-го кавалерійскаго корпуса прибудетъ 31-го декабря въ Брестъ, послѣдніе кирасиры—8-го января въ Кобринъ, а 5-ый кавалерійскій корпусъ расположится, къ тому-же времени, между Луцкомъ и Устюлугъ. Я разсчитываю ввести его въ Польшу въ то время, когда мнѣ удастся сосредоточить всѣ войска, такъ что я буду имѣть возможность начать свое наступленіе дней черезъ 5—6 послѣ прибытія Гейсмара, который, по всей вѣроятности, отвлечетъ вниманіе мятежниковъ въ сторону Люблина и Замостья.

Здоровье мое довольно удовлетворительно, но я не выхожу еще изъ комнаты, во избѣжаніе простуды. Если не найду ничего интереснаго въ Вильнѣ, то буду имѣть честь отправить перваго курьера изъ Гродно.

Нашъ храбрый и достойный Толь, снова принявшійся за дѣло, съ обычной своей энергіей, повергаетъ себя къ стопамъ в. и. в.

Осмѣливаюсь, ваше величество, просить васъ повергнуть меня къ стопамъ ея в—ва императрицы и соблаговолите, государь, принять изъявленія искренней признательности и совершенной преданности, съ коими имѣю счастье быть в. и. в. всепреданнѣйшій и всепокорнѣйшій вѣрноподданный и слуга, И. Дибичъ-Забалканскій.

На подлинномъ письмѣ собственною государя рукою написано карандашемъ: „Tout est excellent“. („Все превосходно“).

II.

Гродно. 31-го декабря 1830 г.

(Перев. съ франц.). Прибывъ сюда благополучно и, благодаря Бога, въ добромъ здоровьѣ, 28 ч. вечеромъ, я являлся вчера къ е. и. в. великому князю. Возвратясь съ этого свиданія, о которомъ буду имѣть честь дать отчетъ в. и. в., считаю долгомъ отправить этого курьера.

На всемъ моемъ пути нашелъ я все въ отличномъ состояніи и порядкѣ и нѣтъ никакихъ рѣшительно симптомовъ, указывающихъ на какія-либо тайныя козни.

Судя по нѣкоторымъ отдѣльнымъ ротамъ и по гвардейцамъ литовскихъ и виленскихъ резервныхъ баталіоновъ, которыхъ мнѣ удалось видѣть, можно сказать, что они, повидимому, и не помышляютъ о какомъ-либо волненіи умовъ.

Стрѣлки 2-ой дивизіи, отряды которыхъ встрѣчались мнѣ дорогою, по пути къ мѣсту своего назначенія, бодры и веселы на видъ и имѣютъ мало больныхъ, но мнѣ кажется, что обмундировка ихъ нѣсколько пострадала, въ особенности у 4-ой роты; впрочемъ таковъ бываетъ почти всегда, въ большей или меньшей степени, результатъ продолжительнаго и усиленнаго похода. Движеніе войскъ продолжается и происходитъ повсюду въ полнѣйшемъ порядкѣ; также не могу я пожаловаться на недостатокъ жизненныхъ припасовъ и фуража. Одинъ изъ адъютантовъ генер. Крейца, который прибылъ сюда сегодня, увѣряетъ меня, что они ни въ чемъ не нуждаются въ Волыни и вполнѣ обезпечены на все время своей стоянки.

Здѣсь, у насъ, цѣны возросли страшно и курсъ бумажной ассигнаціи упалъ значительно. Я сдѣлаю все возможное, чтобы уничтожить первое зло въ самомъ корнѣ, что-же касается до втораго, то слѣдовало-бы, чтобы министръ финансовъ выдалъ намъ, по крайней мѣрѣ, третью часть ассигнованныхъ намъ суммъ серебряною монетою. Свѣдѣнія, имѣющіяся у насъ относительно мятежниковъ, не представляютъ почти ничего новаго: поговариваютъ о движеніяхъ по направленію къ Сѣдлецу и къ Мендержицу,—но гораздо болѣе толкуютъ о движеніи къ Ломзѣ. Очень можетъ быть, что ихъ привлекаютъ туда слухи о возможности пробраться въ Ковно; тѣмъ лучше, если имъ вздумается идти въ эту ловушку.

Говорятъ, что диктаторъ, по возвращеніи Вилидзенскаго (Wilizensky), снова созвалъ сеймъ на 5 (17) января. Говорятъ также, что манифестъ в. и. в. совершенно искаженъ польскими газетами и что въ нихъ говорится объ угрозѣ истребить всѣхъ мятежниковъ. Революціонный энтузіазмъ должно быть еще не охладѣлъ въ Варшавѣ, но онъ совершенно отсутствуетъ въ странѣ и даже, какъ утверждаютъ, въ войскахъ. Завтра будутъ у меня здѣсь Розенъ и Паленъ. Я усердно работаю, вмѣстѣ съ Скробицкимъ и Самбурскимъ, но, къ несчастью, первый изъ нихъ заболѣлъ. Если мнѣ удастся окончить эту работу, то я надѣюсь, съ первымъ-же фельдъегеремъ и, въ крайнемъ случаѣ, со вторымъ, представить на разсмотрѣніе в. и. в—ва различныя предположенія относительно возможнаго хода военныхъ дѣйствій.

Нашъ храбрый Толь проситъ повергнуть его къ стопамъ в. и. в.

Нейгардтъ тоже пріѣхалъ сюда, а также и Обручевъ съ

Горчаковымъ. Всѣ они преисполнены усердія и я, вообще, не могу достаточно нахвалиться помощниками, которыхъ в. в—ву благоугодно было назначить мнѣ.

Благоволите, государь, и проч. Дибичъ-Забалканскій.

III.

Гродно. 31-го декабря 1830 г.

(Перев. съ франц.). Ваше величество! Возвратясь вчера вечеромъ изъ Брестовица, считаю своимъ долгомъ представить в. в—ву отчетъ относительно подробностей моего свиданія съ его выс—чествомъ, великимъ княземъ цесаревичемъ (Константиномъ Павловичемъ). Дѣйствуя согласно высочайшимъ приказаніямъ в. в—ва, я счелъ нужнымъ, тотчасъ по моемъ пріѣздѣ сюда, отправить адъютанта къ его выс—ству, долженствовавшему прибыть въ Брестовицъ на слѣдующій день, 29 ч., съ письмомъ, написаннымъ въ духѣ тѣхъ чувствъ, которыя я питаю къ его выс—ству уже цѣлыхъ 25 лѣтъ, и въ которомъ я испрашивалъ позволенія явиться къ нему. Его выс—ство, посредствомъ милостиваго отвѣта, тотчасъ-же разрѣшилъ мнѣ это, и вчера, 30 ч., передъ обѣдомъ, я прибылъ въ Брестовицъ, который находится въ 53 в. разстоянія отсюда. Его выс—ство встрѣтилъ меня передъ ротой, назначенной въ караулъ для моей встрѣчи (1-ой р. волынскихъ карабинеровъ, подъ командой штабсъ-капитана Гильденштуббе) [1]), съ рапортомъ отъ варшавскаго отряда. Рота состояла изъ 36 превосходныхъ рядовъ; люди встрѣтили меня съ видимою радостью обычнымъ: ура! при чемъ казались бодрыми и веселыми на видъ. Несмотря на всю свою усталость и на различныя лишенія, они хорошо выглядѣли подъ ружьемъ, были прекрасно одѣты и, наконецъ, на нихъ не осталось и слѣдовъ случившейся съ ними гибельной катастрофы. Его выс—ство, повидимому, остался весьма доволенъ всѣмъ, что я высказалъ по этому поводу, и просилъ меня довести объ этомъ до свѣдѣнія в. в—ва, также, какъ и о томъ особенномъ удовольствіи, съ какимъ онъ изволилъ представить мнѣ генералъ-маіора Герштенцвейга, который въ качествѣ дежурнаго генерала или скорѣе начальника штаба отряда, выказалъ столько же усердія, сколько и знанія своего дѣла. Его выс—ство изволилъ повторить мнѣ нѣсколько разъ свое желаніе, чтобы я довелъ объ этомъ до свѣдѣнія в. в. Затѣмъ, онъ, точно также, изволилъ повторить еще разъ, что вполнѣ доволенъ всѣми своими войсками, въ

[1]) Нынѣ членъ государственнаго совѣта. Ред.

особенности-же Волынскимъ полкомъ. Когда мы остались одни, то его выс—ство передалъ мнѣ всѣ подробности варшавскихъ событій, но такъ какъ гр. Алексѣй Орловъ долженъ былъ лично дать по этому поводу самый точный и подробный отчетъ в. в—ву, то я считаю долгомъ избѣгать повтореній. Его выс—ство выразилъ живѣйшую признательность за все то, что в. в. благоугодно было сдѣлать, какъ для него лично, такъ и для его усердныхъ помощниковъ. Потомъ его выс—ство отозвался съ глубочайшимъ умиленіемъ о самоотверженіи, преданности и даже дѣйствительной помощи въ дѣлахъ, оказанныхъ ему княгиней Ловичъ, несмотря на ея нездоровье и на то ужасное положеніе, въ какомъ они находились. При этомъ его выс—ство выяснилъ мнѣ причины, обусловившія его образъ дѣйствія въ то время и вызвавшія приказъ, отданный имъ русскимъ войскамъ, при началѣ революціи, не дѣйствовать наступательно. Самыя главныя изъ этихъ причинъ заключались въ томъ, что это могло еще болѣе возбудить и, такъ сказать, до нѣкоторой степени оправдать военный лозунгъ мятежниковъ, что «русскіе бьютъ поляковъ!»; что его выс—ство боялся, какъ-бы въ случаѣ неудачи, не говоря уже о гибели всего русскаго отряда, не разжечь и не возбудить еще болѣе ненависть всей страны, подобно тому, какъ это было, напримѣръ, въ Бельгіи, послѣ неудачнаго похода принца Фридриха въ Брюссель; что къ тому-же его выс—ство уже въ то время не довѣрялъ польскимъ войскамъ, даже тѣмъ изъ нихъ, которыя находились внѣ Варшавы, гдѣ обширный заговоръ охватилъ собою подпрапорщиковъ и молодыхъ офицеровъ, и что его выс—ство не могъ предвидѣть въ то время на что они рѣшатся, если русскими будетъ взята сама Варшава, причемъ, неминуемо, погибло-бы множество поляковъ.

Хотя, въ качествѣ военнаго, я и не могу согласиться съ этими доводами, имѣющими, конечно, значеніе въ политическомъ отношеніи, однако я промолчалъ, такъ какъ сдѣланнаго все равно не поправишь, а возможность повторенія подобнаго событія представляется совершенно невѣроятною. Послѣ этого его выс—ство подробно распрашивалъ меня о предполагаемомъ маршрутѣ войскъ и о моихъ намѣреніяхъ и остался повидимому вполнѣ доволенъ всѣмъ, что я высказалъ по этому поводу. Его выс—ство показалъ мнѣ рапортъ, полученный имъ отъ Розена, замѣтивъ, что онъ продолжаетъ получать ихъ, но не знаетъ имѣетъ-ли на то право. Я тотчасъ-же воспользовался этимъ случаемъ, чтобы передать его выс—ству то, что в. в. приказали мнѣ передать, и въ особенности то обстоятельство, что в. в. принуждены были, какъ можно скорѣе, ввѣрить кому-либо общее командованіе надъ всей арміей, принимая во вниманіе неизвѣстность, въ которой

в. в. находились, относительно времени возвращенія его выс—тва, не имѣя съ нимъ никакихъ сношеній и особенно послѣ только что сдѣланнаго имъ предъ этимъ заявленія о своемъ нежеланіи командовать арміей, предназначенной для войны; что в. в., назначая меня главнокомандующимъ, предоставляете на усмотрѣніе его выс—ства оставаться во главѣ прежнихъ его войскъ, или принять на себя командованіе русской гвардіей, либо наконецъ заявить какое-либо иное рѣшеніе. Его выс—ство остался, повидимому, вполнѣ доволенъ этимъ объясненіемъ, но не высказалъ по этому поводу ничего, вполнѣ опредѣленнаго. Мнѣ думается, впрочемъ, что онъ писалъ объ этомъ в. в. черезъ кн. Орлова и что пока онъ желаетъ оставаться во главѣ прежнихъ своихъ полковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его выс—ство повторилъ мнѣ, что мое прибытіе успокоило его, что онъ очень радъ служить со мною и при этомъ весьма лестно отозвался, какъ о моихъ дѣйствіяхъ вообще, съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю честь быть ему извѣстнымъ, такъ и о моемъ образѣ дѣйствій въ настоящемъ случаѣ.

Когда вышла княгиня Ловичъ, то тутъ уже былъ г. Опочининъ (Ѳедоръ Петровичъ), который и присутствовалъ за обѣдомъ, въ качествѣ 4-го лица. Княгиня Ловичъ приняла меня съ самою благосклонною любезностью. Я передалъ ей порученія в. в. и ея в. императрицы, которыя и были приняты ею съ самою живѣйшею благодарностью и съ глубокимъ умиленіемъ. Его выс—ство, съ своей стороны, самымъ искреннимъ образомъ присоединился къ этимъ заявленіямъ и оба они вторично выразили свою признательность, еще съ большей силой послѣ обѣда, когда разговоръ коснулся того участія, которое в. в—ва приняли въ томъ критическомъ положеніи, въ какомъ они находились. Что касается до меня, то я не нашелъ, чтобы княгиня очень сильно измѣнилась послѣ лѣта, особенно послѣ того, что ей пришлось вынести, а его выс—ство выглядитъ совершенно здоровымъ и, повидимому, совершенно оправился отъ своего утомленія. Во время обѣда, разговоръ касался, главнымъ образомъ, Любецкаго: удивлялись тому, что онъ не высказалъ ничего положительнаго относительно своего порученія, которое заключалось въ томъ, чтобы испросить у в. в., какъ законнаго права, точнаго выполненія всей конституціи и, какъ милости, на которой не хотѣли настаивать, такую-же администрацію для вновь присоединенныхъ польскихъ областей, какая существуетъ въ самомъ Царствѣ. Я сказалъ, что понимаю совершенно, что г. Любецкій не могъ вполнѣ опредѣленно сформулировать эти просьбы (хотя онѣ и были изложены въ адресѣ временнаго правительства), заявивъ, что явился въ качествѣ министра в. в., несмотря на привезенныя съ собою бумаги и на тѣ, которыя ему съ

разныхъ сторонъ адресовались, а также и на все то, что онъ говорилъ и писалъ его выс—ству. Къ этому я присоединилъ разсказъ о томъ, какъ в. в. неоднократно прижимали его къ стѣнѣ, по этому поводу. Когда-же, послѣ этого, разговоръ снова коснулся минувшихъ событій, то княгиня спросила у меня, вполнѣ-ли я одобряю образъ дѣйствій его выс—ства во время возстанія, требуя, чтобы я отвѣчалъ ей съ обычной моей военной прямотой, которая ей такъ хорошо извѣстна уже столько лѣтъ. Я никогда не буду въ состояніи скрыть свои чувства въ подобномъ случаѣ и потому я отвѣтилъ ей съ полной откровенностью, что очень можетъ быть я сдѣлалъ-бы ошибку въ политическомъ отношеніи, но что, какъ человѣкъ военный, я-бы непремѣнно тотчасъ-же съ самаго начала открыто напалъ на мятежниковъ всѣми силами, и надѣялся-бы подавить этимъ способомъ движеніе въ самомъ его зародышѣ. Его выс—ство нисколько не разсердился на меня за этотъ отвѣтъ и снова привелъ мнѣ тѣ доводы, о которыхъ я упоминалъ выше; я замѣтилъ на это, что высказалъ откровенно свое мнѣніе, какъ военный, что оно можетъ быть не вѣрно съ политической точки зрѣнія, но что я опасаюсь, что старанія уменьшить поводы къ взаимной ненависти между двумя націями не будутъ достигнуты. Послѣ обѣда его выс—ство продержалъ меня у себя еще около двухъ часовъ. Одна только княгиня Ловичъ присутствовала при этомъ. Кромѣ многочисленныхъ подробностей о минувшихъ событіяхъ, которыя не настолько важны, чтобы ихъ стоило передавать здѣсь в. в—ву, и разсказовъ о своемъ полку и о поведеніи нѣкоторыхъ лицъ, уже извѣстныхъ в. в—ву, его выс—ство выразилъ надежду, что если-бы удалось найдти нѣсколько надежныхъ лицъ для отправки къ польскимъ войскамъ, покинувшимъ Варшаву, то можно было-бы вернуть многіе полки къ своему долгу, такъ какъ, если-бы революціонная масса перестала оказывать на нихъ давленіе, то начальники ихъ, которые большей частью люди благонамѣренные, могли-бы больше повліять на нихъ. Я сказалъ, что приложу всѣ усилія къ тому, чтобы достигнуть успѣха въ этомъ предпріятіи, но что я опасаюсь, что не удастся найти подходящихъ для этой цѣли лицъ, пользующихся довѣріемъ съ ихъ стороны, такъ какъ безъ этого условія они все равно не будутъ приняты. Я отдалъ также его выс—ству прокламаціи. Онъ оставилъ ихъ у себя, чтобы прочитать ихъ послѣ. Я думаю отправить ихъ не ранѣе, какъ дней черезъ 10. Такъ какъ разговоръ снова коснулся затѣмъ Литовскаго полка, то я воспользовался минутой, когда княгиня Ловичъ вышла изъ комнаты и сказалъ его выс—ству, что не нахожу возможнымъ, въ настоящее время, отдѣлить гренадеровъ отъ полка, для котораго они

составляютъ естественный резервъ, а также, что я испрашиваю у него позволенія посылать свои приказы прямо къ Розену, дабы избѣгнуть потери времени, но обѣщаюсь тотчасъ-же сообщать ихъ и е. выс—у. Великій князь отвѣтилъ, что это легко устроить и что онъ во всемъ рѣшительно полагается на меня. Какъ ни лестно для меня это довѣріе и какъ высоко ни цѣню я милости, оказанныя мнѣ его выс—ствомъ, но я всегда буду находить такое положеніе вещей крайне щекотливымъ, а между тѣмъ, ни въ какомъ случаѣ, не могу посовѣтовать его выс—ству возвратиться къ Литовскому корпусу. Оставаясь на своемъ посту, е. в—во великодушно отрекается отъ всякаго личнаго самолюбія, но невозможно предположить, чтобы перемѣна не была ему пріятна. Я думаю, что ему будетъ даже тяжело разстаться при этихъ обстоятельствахъ съ нѣжно-любимой и больной супругой и еще больнѣе будетъ видѣть какъ станутъ сражаться съ нами тѣ, которыхъ онъ готовилъ для вашей, государь, службы. Я позволю себѣ прибавить къ этому, что принимая во вниманіе духъ времени, которому я, конечно, никогда не посовѣтую дѣлать уступки, но котораго не слѣдуетъ также напрасно раздражать, по моему мнѣнію, не желательно и даже вредно, для успѣха праваго дѣла, чтобы кто-либо изъ царственныхъ особъ лично шелъ усмирять своихъ возмутившихся подданныхъ, за исключеніемъ, конечно, того случая, если они находятся сами на мѣстѣ возстанія, такъ какъ въ такомъ случаѣ все зависитъ отъ рѣшенія, принятаго въ первую минуту, и первое лицо, случившееся при этомъ, обязано подать собою и первый, и благородный примѣръ. Но если дѣло принимаетъ видъ заранѣе обдуманной кампаніи, то присутствіе особъ царствующаго дома только еще болѣе раздражаетъ возставшихъ, какъ это было въ Бельгіи, и не въ состояніи доставить имъ пріятной для нихъ военной славы, такъ какъ она всегда будетъ связана съ весьма тяжелыми воспоминаніями. Поэтому, мнѣ кажется, что вызовъ его выс—ства для свиданія съ в. в—мъ, куда бы то ни было, является мѣрой, наиболѣе желательной въ настоящее время. В. с—ву легко будетъ найдти тысячу предлоговъ для того, чтобы избавить его выс—ство отъ такого тягостнаго положенія. Если-же в. в—во признаете необходимымъ оставить его выс—ство въ настоящемъ его положеніи, то было-бы необходимо рѣшить: останется-ли за его выс—ствомъ титулъ главнокомандующаго и притомъ со всѣми-ли военными полномочіями, присвоенными этому сану, или безъ оныхъ? Первый случай было-бы совершенно невозможно совмѣстить съ единствомъ командованія, составляющимъ условіе sine qua non для успѣха военныхъ операцій. Второй случай, почти фиктивный, во время войны, уменьшилъ бы то значеніе, которое привыкли

придавать самому дѣйствительному знаку довѣрія со стороны верховной власти, значеніе, которое въ Россіи нерѣдко являлось причиною успѣховъ нашего оружія, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ, и особенно въ Австріи, противоположная система приводила ко многимъ неудачнымъ кампаніямъ. Можетъ быть можно было-бы избѣгнуть недоразумѣнія въ этомъ случаѣ, напечатавъ въ дневномъ приказѣ по арміи, по указу в. и. в., росписаніе, въ смыслѣ представляемаго мною при семъ проэкта.

Его выс—ство, намѣреваясь отправить сегодня г. Опочинина, не далъ мнѣ больше никакихъ приказаній для передачи въ Петербургъ. Вѣроятно, онъ также будетъ писать подробно обо всемъ этомъ в. вел—ву.

Позвольте мнѣ, государь, въ заключеніе этого длиннаго посланія, въ которомъ я счелъ долгомъ передать всѣ подробности, повергнуть къ стопамъ в. в. и ея в. императрицы мои искреннія пожеланія по поводу наступающаго завтра новаго года, вмѣстѣ съ тѣми чувствами глубочайшей благодарности и преданности, съ коими имѣю счастіе быть, государь, в. и. в., всепокорный, всепреданный слуга Дибичъ-Забалканскій.

Росписаніе арміи.

(Приложеніе къ всеподданнѣйшему письму графа Дибича отъ 31 декабря 1830 г.).

1) Войска подъ предводительствомъ е. и. в. цесаревича.

6-й пѣхотный корпусъ, Литовская гренадерская бригада (г.-м. Муравьевъ). } Подъ начальствомъ ген. отъ инф. барона Розена.

Гвардейскій варшавскій отрядъ—г.-л. Кнорринъ.

По прибытіи лейбъ-гвардіи къ дѣйствующей арміи присоединяется къ гвардейскому корпусу гвардейскій варшавскій отрядъ и весь гвардейскій корпусъ поступаетъ равномѣрно подъ начальство е. в.; 1-я уланская дивизія присоединяется тогда къ гренадерскому корпусу.

2) 1-й пѣхотный корпусъ—ген. отъ кав. графъ Паленъ 1.

3) 2-й пѣхотный корпусъ—ген. отъ кав. графъ Паленъ 2.

4) Гренадерскій корпусъ—ген. отъ инф. князь Шаховской. По прибытіи 1-й уланской дивизіи она соединяется съ гренадерскимъ корпусомъ.

5) 3-й резервный кавалерійскій корпусъ—ген. отъ кав. графъ Виттъ.

6) 5-й резервный кавалерійскій корпусъ — г.-л. баронъ Крейцъ.

7) Резервная артиллерія, — составлена изъ № 3-хъ легкихъ ротъ всѣхъ армейскихъ пѣхотныхъ дивизій и изъ вторыхъ же конныхъ ротъ бригадъ при 1-й и 2-й гусарской, 1-й и Литовской уланской дивизіи, находящихся подъ главнымъ начальствомъ начальника артиллеріи.

IV.

Гродно, 7-го января 1831 г.

(Перев. съ франц.) Ваше величество! Я возвратился третьяго дня вечеромъ изъ 6-го корпуса (corps d'armée), но такъ какъ фельдъегерь изъ Петербурга не прибылъ сегодня, какъ я надѣялся, то я отправлю курьера завтра утромъ, чтобы не запоздать со своими донесеніями.

Я надѣюсь, что в. в—во также останетесь довольны общимъ положеніемъ дѣлъ, какъ я былъ доволенъ, увидя тѣ славныя, храбрыя войска, которыя в—му в—ву благоугодно было ввѣрить мнѣ. Считаю долгомъ прибавить къ оффиціальному моему, вполнѣ искреннему, донесенію, нѣсколько замѣчаній, которыя показались мнѣ тамъ неумѣстными и которыя я выскажу со всей откровенностью, составляющею, быть можетъ, недостатокъ моего характера, но которой я не въ силахъ измѣнить по отношенію къ в. в—ву.

Выправка и внѣшній видъ войскъ, вообще, вполнѣ удовлетворительны, но мнѣ показалось, что то естественное взаимное довѣріе между начальниками и подчиненными, которое въ тѣхъ и другихъ возбуждаетъ самоотверженіе и энергію, составляющія могущественный двигатель вашихъ войскъ, государь, гораздо слабѣе въ гренадерской бригадѣ и въ мушкетерскихъ полкахъ 25-й дивизіи (за исключеніемъ Минскаго полка) и между уланами, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ полкахъ, среди которыхъ особенно выдаются двѣ бригады егерей и вся артиллерія. Это нисколько не означаетъ, что я сомнѣваюсь въ благонадежности этихъ полковъ, напротивъ того, послѣ всего, что я видѣлъ, я позволяю себѣ ручаться за нихъ передъ в. в—мъ, за исключеніемъ, конечно, какого-либо частнаго, а потому и не имѣющаго особеннаго значенія, случая. Но я полагаю, что необходимо будетъ въ особенности озаботиться о томъ, чтобы поднять довѣріе солдата къ офицеру, такъ какъ оно составляетъ первое условіе дисциплины и военныхъ успѣховъ. Я старался положить этому первое

основаніе во всемъ, что было говорено мною войскамъ и буду впредь прилагать къ этому всѣ старанія. Генералъ Розенъ дѣйствуетъ совершенно въ томъ же смыслѣ. Въ наше время болѣе, чѣмъ когда либо, необходимо упрочить уваженіе подчиненныхъ къ начальникамъ. Только въ такой арміи, которая утратила его, видя передъ собою примѣры недостойнаго поведенія высшаго начальства, возможно то явленіе, что старинные служаки, утративъ вліяніе, которое доставляло имъ уваженіе, обратившееся въ привычку, вынуждены уступить мѣсто молодымъ безумцамъ, смѣло дѣйствующимъ на страсти. Я не боюсь, впрочемъ, чтобы это могло оказать большое вліяніе на поведеніе войскъ, если обратить на это вниманіе теперь же, тѣмъ болѣе, что начальники такъ хороши, что каждая минута колебанія тотчасъ же будетъ исправлена. Духъ войскъ, въ смыслѣ вѣрности и усердія, одинаковъ во всѣхъ полкахъ, причемъ молодые солдаты, набранные почти всѣ въ русскихъ губерніяхъ, склонны къ этому въ силу врожденнаго имъ патріотизма, а старые служаки—по славной привычкѣ служить и сражаться подъ побѣдоносными знаменами в. в., всѣ же остальные, повидимому, также безъ различія раздѣляютъ эти чувства. Вѣскимъ доказательствомъ этого убѣжденія служитъ, по моему мнѣнію, тотъ фактъ, что не было еще ни одного случая дезертированія въ дѣйствующихъ баталіонахъ Литовскаго полка, съ того времени, какъ они двинулись въ походъ. Среди молодыхъ офицеровъ конечно есть нѣсколько такихъ, которые испорчены духомъ времени, ставящимъ тщеславіе на мѣсто чести, но они не имѣютъ вліянія на солдатъ и этотъ недостатокъ вліянія служитъ даже въ ущербъ служебнымъ интересамъ, какъ я уже замѣтилъ выше. Штабъ-офицеры и въ особенности командиры полковъ отличаются испытанною вѣрностью, также какъ и старшіе изъ оберъ-офицеровъ.

Мнѣ не удалось видѣть татарскаго полка, который находится на передовыхъ постахъ и который, говорятъ, отличается наилучшимъ духомъ. Я также не могъ видѣть литовскихъ уланъ, такъ какъ они стояли слишкомъ далеко и по той же причинѣ видѣлъ однѣ только гренадерскія роты Бѣлостокскаго полка. Говорятъ, что офицерскій корпусъ въ уланскомъ литовскомъ полку хуже остальнаго, но Влодекъ, которымъ я былъ доволенъ во всѣхъ отношеніяхъ, отвѣчаетъ мнѣ за него, также какъ и за другихъ.

Настроеніе народа въ Бѣлостокской губерніи также удовлетворительно, какъ и повсюду. Губернаторъ производитъ впечатлѣніе умнаго, но также и очень хитраго человѣка. Я высказалъ ему откровенно свое неудовольствіе по поводу возвышенія цѣнъ, сказавъ, что это

вынудитъ меня прибѣгнуть къ реквизиціи, которая, понятно, ляжетъ главнымъ образомъ на крупныхъ собственниковъ (а онъ самъ принадлежитъ къ числу ихъ). Я также объявилъ ему въ отвѣтъ на одинъ глупый вопросъ съ его стороны, что я не могу дѣлать никакихъ различій для тѣхъ подданныхъ в. в., которые живя частью въ Царствѣ, частью въ имперіи, не принимали присяги въ этой послѣдней, если они будутъ въ рядахъ возставшихъ, и что измѣна в. в. какъ императору, или какъ королю, составляетъ одно и то же государственное преступленіе. Мнѣ передавали, что зять губернатора принадлежитъ къ людямъ этой категоріи.

Всѣ послѣднія извѣстія подтверждаютъ, повидимому, дошедшіе до насъ слухи о томъ, что регулярныя войска мятежниковъ стягиваются къ Варшавѣ. Нѣкоторые евреи утверждаютъ даже, что нѣсколько отрядовъ направилось къ Плоцку, но я не могу довѣрять подобнымъ извѣстіямъ и ожидаю сраженій, даже довольно упорныхъ, прежде нежели многочисленная, конечно, но нерѣшительная партія нашихъ сторонниковъ рѣшится выступить на сцену. Пироговъ прибылъ сюда сегодня и завтра я ожидаю Абакумова. Только послѣ серьезныхъ совѣщаній съ ними, по поводу устройства продовольственной части въ арміи, я буду имѣть честь представить в. в. мои предположенія относительно тѣхъ военныхъ операцій, которыя откроютъ кампанію.

Графъ Толь повергаетъ себя къ стопамъ в. в. и я осмѣливаюсь просить васъ, государь, повергнуть меня къ стопамъ ея в. императрицы и благоволите, государь, и проч. Дибичъ-Забалканскій.

V.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

Петербургъ, 8-го января 1831 г.

(Переводъ). Тысячу, тысячу разъ, благодарю васъ, любезный другъ, за оба ваши славныя, длинныя и разборчивыя письма изъ Вильны и изъ Гродно. Не могу достаточно отблагодарить васъ за вашъ искренній и честный образъ дѣйствія какъ въ Вильнѣ, такъ и у моего брата, и который произвелъ повсюду наилучшее впечатлѣніе. То, что вы мнѣ говорите о состояніи войскъ, доставляетъ мнѣ дѣйствительное удовольствіе и признаюсь вамъ, что мнѣ было бы грустно услышать противное, такъ какъ я не могу допустить мысли, чтобы тѣ, кто носитъ зеленый мундиръ, были въ состояніи

его опозорить, все равно, будь онъ съ краснымъ, или съ желтымъ воротникомъ. Вашъ откровенный и прямой образъ дѣйствія отниметъ даже у равнодушныхъ ихъ равнодушіе и довершитъ остальное.

Я жду, чтобы братъ мой окончательно высказалъ свои желанія, такъ какъ кромѣ заявленнаго имъ желанія не разставаться со своей гвардіей, онъ сказалъ мнѣ, что не хочетъ ни во что вмѣшиваться. Я писалъ ему на дняхъ и даже не далѣе какъ сегодня, чтобы вполнѣ дать ему понять, что гвардія должна идти и что, если ему это непріятно, то онъ можетъ дождаться здѣшней гвардіи, но что я не могу лишить армію подобнаго резерва въ такую минуту, когда нужно пустить въ ходъ всѣ наши силы. Толь пишетъ, что вы желаете имѣть пики, я согласенъ на это для кирасировъ, для гусаръ и для стрѣлковъ, но не для драгунъ, такъ какъ они должны составлять конную пѣхоту и въ особенности должны быть раздѣлены на отряды и перемѣшаны частью съ казаками и со стрѣлками. Я даже прикажу снабдить пиками 1-ю кирасирскую, если мы убѣдимся, что это отличное оружіе для нихъ. Я узналъ сегодня, что 6 казацкихъ полковъ съ Власовымъ должны были быть 5-го числа въ Луцкѣ. Я предполагаю, что вы оставили четыре казацкіе полка Крейцу и Гейсмару, такъ какъ они имъ будутъ очень нужны для успѣшнаго выполненія даннаго имъ порученія. Вы увидите изъ донесеній Дюрана и Шмидта, что происходитъ въ Варшавѣ; я сильно сомнѣваюсь, чтобы дѣло обошлось безъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Красинскій, который на нашей сторонѣ, говоритъ вслухъ, всѣмъ и каждому, что Польшу спасти нельзя и что она погибла. Можетъ быть я пришлю его къ вамъ, такъ какъ онъ только и желаетъ быть полезнымъ, но проситъ, чтобы его не заставляли сражаться противъ своихъ, развѣ въ томъ случаѣ, если польскія войска вернутся къ своему долгу, и что онъ готовъ вести, куда прикажутъ.

10-го числа пріѣхалъ Микулинъ и все, что онъ говоритъ о 2-мъ корпусѣ, превосходно: 35 тыс. челов. находятся подъ ружьемъ и воодушевлены однимъ и тѣмъ же духомъ. Но ихъ обозы, т. е. лошади убійственны и я устраиваю теперь съ Чернышевымъ, чтобы отправить имъ половину суммы на всѣхъ лошадей, что, по его словамъ, достаточно.

Извѣстія изъ Парижа и Лондона хороши. Пруссаки имѣли глупость или подлость доставить въ Польшу 120,000 тыс. экю и 68 слитковъ золота изъ банка, о которыхъ просилъ Алопеусъ и которые король приказалъ задержать. Наша гвардія продолжаетъ

выступать въ отличномъ порядкѣ. Доставляйте мнѣ свѣдѣнія о маршрутѣ тѣхъ войскъ, которыя идутъ къ вамъ на соединеніе.

Кланяйтесь Толю, Нейдгардту, Розену и Палену. Прощайте, любезный другъ, да направитъ васъ Всевышній и да внушитъ Онъ вамъ осторожность, стойкость и милосердіе и съ нами Богъ.

Вашъ навсегда искренно преданный вамъ Н.

St.-Pétersbourg, le 8 janvier 1831.

Mille et mille grâces, mon cher ami, pour vos deux bonnes, longues et lisibles lettres de Wilno et de Grodno; je ne puis assez vous remercier pour la manière franche et loyale dont vous avez agi tant à Wilna, que chez mon frère et qui a fait partout le meilleur effet. Ce que vous me dites de l'état des troupes me fait un plaisir réel, et je vous avoue que j'eus été peiné de savoir le contraire, ne pouvant croire que ceux qui portent l'habit vert puissent le déshonorer, fut-il à collet rouge ou jaune. Votre manière franche et ouverte ôtera même aux tièdes leur tièdeur et fera le reste.

J'attends que mon frère me dise finalement ce qu'il désire, car, excepté le désir prononcé de ne pas quitter sa garde, il m'a dit ne pas vouloir se mêler de rien. Je lui ai écrit encore dernièrement et même aujourd'hui, pour lui bien faire entendre que la garde doit marcher, et que si cela lui est désagréable il peut attendre celle d'ici, mais je ne puis priver l'armée d'une reserve pareille dans un moment où il faut user de tous nos moyens. Toll écrit que vous désirez des lances; j'y consens pour les cuirassiers, les hussards et les chasseurs, mais pas pour les dragons, car ils doivent être infanterie à cheval, et surtout partagés en parties mêlées aux cosaques et chasseurs. Je ferais même donner des lances à la 1-re cuirassiers si nous serons persuadés que c'est une excellente arme pour eux. J'ai appris aujourd'hui que 6 régiments de cosaques avec Wlassof devaient être le 5 à Loutsk; je suppose que vous en auriez laissé 4 à Kreutz et Geismar, car ils en auront bien besoin pour bien faire leur besogne. Vous verrez par les rapports de Durand et de Schmidt ce qui se passe à Warsovie; j'ai peine à croire que cela puisse s'arranger sans coups de canon. Krassinsky qui est des notres, nous dit à tous et haut, que la Pologne n'est pas à sauver, et que c'est fini d'elle. Peut-être vous l'enverrais-je, car il ne demande pas mieux que d'être utile, mais prie que l'on ne le fasse pas se battre contre les siens, à moins que de la troupe polonaise ne revienne à ses devoirs, et qu'il est prêt à conduire on l'on voudra.

Le 10 Mikoulin est arrivé et tout ce qu'il dit du 2 corps est par

fait. 35,000 hommes présents sous les armes et l'esprit unique. Mais leurs trains c. a. d. les chevaux pitoyables et j'arrange avec Чернышевъ de leur envoyer la moitié de la somme pour tous les chevaux, ce qu'il dit suffire. Les nouvelles de Paris et Londres sont bonnes. Les Prussiens ont eu la bêtise ou l'infamie de faire passer en Pologne 120,000 écus et 68 lingots de la banque, qu'Alopéus a demandé et le Roi ordonne d'arrêter. Nos gardes continuent de partir et parfaitement. Tenez moi au courant des marcheroutes des troupes qui vous joignent.

Mille choses à Toll, Neithardt, Rosen et Pahlen. Adieu, mon cher ami, que Dieu vous conduise et vous inspire prudence, fermeté et clémence et съ нами Богъ. A vous pour la vie.

Votre sincèrement affectionné N.

VI.

С.-Петербургъ, 14 января 1831 г.

(Переводъ). Благодарю васъ, любезный другъ, за ваше хорошее письмо отъ 7-го января, которое я получилъ третьяго дня вечеромъ. Я въ восторгѣ отъ всего, что вы мнѣ говорите по поводу вашего смотра 6-му корпусу. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ, при первомъ-же случаѣ, оправдаетъ тотъ хорошій отзывъ, который вы о немъ сдѣлали и котораго я, признаюсь, ожидалъ, видѣвши эти войска два года сряду. Я надѣюсь, что вы мнѣ скажете тоже самое о первомъ корпусѣ и въ особенности о моихъ гренадерахъ; зная васъ, я боюсь, что вы въ нихъ влюбитесь. Кстати, объ нихъ: я узналъ съ сожалѣніемъ, что вы не оставили ихъ вмѣстѣ и что даже бригады разъединены. Вы-бы доставили мнѣ удовольствіе, избѣгая этого, гдѣ только возможно; гренадерскій корпусъ долженъ всегда оставаться вмѣстѣ, нераздѣльно и составлять вашъ резервъ; отдѣльныя части втораго корпуса настолько близко расположены одна отъ другой, что можно тотчасъ же взять одну бригаду 5-й, и въ особенности 6-й дивизіи, чтобы оставить ее гарнизономъ въ Вильнѣ, куда въ скоромъ времени должна прибыть остальная часть этого корпуса. Прибывшій сюда Микулинъ увѣряетъ, что они въ состояніи драться и тѣмъ болѣе, значитъ, стоять въ гарнизонѣ. Устройте это, любезный другъ, какъ можно скорѣе.

Вся гвардія выступила и сегодня утромъ двинулся Финляндскій баталіонъ; это самый послѣдній эшелонъ; первыя колонны пѣхоты будутъ завтра въ Дерптѣ. Впрочемъ, у меня нѣтъ теперь ничего важнаго для сообщенія вамъ.

Холера, повидимому, совсѣмъ прекращается въ Москвѣ. 8 числа гамъ никто не заболѣлъ и оставалось только 71 чел. больныхъ. За го я очень опасаюсь ея въ Подоліи и въ Волыни и, признаюсь, буду счастливъ, когда узнаю, что 5-я резервная вступитъ въ Польшу; я предполагаю, что вашъ первый курьеръ увѣдомитъ меня объ этомъ.

Посылаю вамъ моихъ адъютантовъ Трубецкаго, Ламсдорфа и Кутузова, для оставленія ихъ при васъ; они будутъ вамъ полезнѣе, нежели тѣ трое, которыхъ вы у меня просили, изъ числа которыхъ я не могу дать вамъ Бѣлосельскаго и Кочубея, въ особенности послѣдняго, который еще не настолько заслуженъ, чтобы удостоиться подобнаго назначенія, такъ что это имѣло бы видъ протекціи, оказанной его отцу, вещь, которую я не терплю и которую, какъ вамъ извѣстно, не допускаю. Вотъ, любезный другъ, что я считаю необходимымъ напомнить вамъ. Не знаю, право, что вы станете дѣлать съ Тиманомъ, но однако я озаботился, чтобы онъ былъ отправленъ къ вамъ. Какъ только возвратится Закревскій, такъ я пришлю вамъ Энгеля для временнаго правительства и предлагаю вамъ присоединить къ нимъ Гурьева и Александра Строгонова; послѣдній, въ особенности, будетъ пригоденъ для этого и я чрезвычайно доволенъ имъ; отвѣчайте мнѣ съ первымъ курьеромъ, будетъ-ли это для васъ удобно.

Извѣстія изъ Лондона и изъ Парижа хороши.

Жена моя вамъ кланяется. Кланяйтесь Толю, Нейдгардту, Палену, Горчакову и Розену. Прощайте, любезный другъ, да научитъ и да направитъ васъ Господь, вашъ навсегда, отъ всего сердца искренно вамъ преданный Н.

Я жду съ нетерпѣніемъ извѣстій о томъ, какимъ образомъ вамъ удастся обезпечить продовольствіе арміи для наступленія; это будетъ не легко устроить, такъ какъ поляки, повидимому, нарочно истощили страну, черезъ которую намъ придется идти, во время пребыванія тамъ своихъ войскъ, чтобы оставить намъ страну безъ всякихъ рессурсовъ.

St.-Pétersbourg, le 14 Janvier 1831.

Je vous remercie, mon cher ami, pour votre bonne lettre du 7 Janvier qui m'est parvenue avant hier soir. Je suis enchanté de tout ce que vous me dites de votre revue du 6-e corps; je ne veux pas douter qu'à la première occasion il saura justifier le bon rapport que vous m'en avez fait, et auquel je l'avoue je m'attendais, ayant deux années de suite vu ces troupes. J'espère que vous m'en direz autant de celles

du 1-r corps et surtout de mes grenadiers; je crains que vous n'en deveniez amoureux, vous connaissant. A propos de ceux là, j'ai vu avec regret que vous ne les aviez pas laissés ensemble, et que même les brigades se trouvent partagées. Vous me feriez p'aisir en évitant cela le plus possible; le corps des grenadiers doit toujours rester ensemble, intact et former votre réserve. Les troupes du 2 corps sont assez rapprochées pour prendre de suite une brigade de la 5-e, mais surtout de la 6 division pour en faire la garnison de Wilna, le reste du corps arrivant sous peu. Микулинъ arrivé, répond, qu'ils sont en état de se battre, à plus forte raison, de tenir garnison. Arrangez cela, cher ami, le plus tôt que vous pourrez. Toutes les gardes sont parties, et ce matin le bataillon Finois, tout dernier échelon; la tête de l'infanterie est déjà demain à Dorpat. Du reste je n'ai rien à vous dire d'important. Le choléra parait tout à fait cesser à Moscou; le 8 personne n'y est tombé malade, et il ne restait plus que 71 malades. Par contre, je le redoute beaucoup en Podolie et Wolhynie et serais, je l'avoue, heureux quand je saurais que le 5-e de reserve sera entré en Pologne; je suppose que votre premier courrier m'en instruira. Je vous envoie pour rester près de vous mes aides de camp Troubetskoy, Lamsdorf et Koutousof; ils vous serviront mieux que les trois que vous m'avez demandés et desquels je ne puis vous donner Béloselsky ni Kotchoubey; surtout le dernier, qui n'est pas assez distingué pour le mériter et ce qui aurait l'air d'une protection pour son père, chose que je hais et que je ne souffre pas, comme vous le savez. Voilà, mon cher ami, ce que je ne puis pas m'empêcher de vous rappeler. Je ne sais pas trop ce que vous ferez de Tieman; cependant j'ai pensé qu'il vous fut envoyé. Dès que Zakrefsky sera de retour, je vous enverrais Engel pour le gouvernement provisoire et je vous propose d'y adjoindre Gouriéf et Alexandre Strogonoff; le dernier sera excellent pour cela et j'en suis extrêmement content; répondez par le premier courrier si cela vous convient. Les nouvelles de Londres et de Paris sont bonnes. Ma femme vous dit mille choses. Mes amitiés à Toll, Neithardt, Pahlen, Gortchakof et Rosen. Adieu, mon cher ami, que Dieu vous inspire et vous guide; à vous pour la vie de tout mon coeur.

Votre sincèrement affectionné N.

Je suis impatient de savoir comment vous aurez assuré l'approvisionnement de l'armée pour l'offensive; il ne sera pas aisé de le faire, car il parait que les Polonais ont exprès épuisé le pays que nous devons traverser, par le séjour de leurs troupes, pour nous laisser un pays sans ressources.

VII.

Графъ Дибичъ—императору Николаю.

Гродно, 15 января 1831 г.

[Переводъ съ франц.]. Ваше величество! Фельдъегерь, прапорщикъ Васильевъ, привезъ мнѣ вчера, послѣ полудня, письмо, которое в. и. в. удостоили написать мнѣ 8 ч. сего мѣсяца.

Я очень счастливъ, что в. в. остались довольны моими донесеніями и моимъ образомъ дѣйствій и молю Господа даровать мнѣ силы и благословить мои старанія къ достойному выполненію задачи, которую вамъ благоугодно было возложить на меня, государь, дабы доказать в. в—ву мою постоянную признательность, прилагая къ этому все усердіе и всю преданность, которыя я долженъ питать къ в. в—ву по столькимъ причинамъ.

В. в. узнаете изъ польскихъ газетъ, что варшавскій сеймъ, послѣ недостойныхъ рѣчей, произнесенныхъ Солтыкомъ, Островскимъ и Чарторижскимъ, изъ коихъ первый въ особенности ясно указываетъ на то, что революціонно-республиканскія идеи одержали теперь верхъ, — назначилъ сенатора князя Михаила Радзивила командующимъ военными силами мятежниковъ, послѣ чего его понесли на рукахъ, съ тріумфомъ, при крикахъ: до Литвы, до Литвы! Не знаю, вдохновятъ-ли его эти крики, но насколько онъ мнѣ извѣстенъ, выборъ этотъ представляется мнѣ непостижимымъ. Не знаю, какъ онъ будетъ принятъ остальными генералами и войскомъ, которому этотъ новый начальникъ неизвѣстенъ и которому еще такъ необходимъ твердый и искусный организаторъ.

Генералъ Хлопицкій также не командовалъ ранѣе сколько нибудь значительными силами, но это былъ испытанный воинъ, человѣкъ рѣшительный и привыкшій, по крайней мѣрѣ, къ командованію отдѣльной бригадой, въ военное время. Къ счастью для него и для насъ, генералъ (Хлопицкій) возвратился снова на путь чести и вѣрности, уклоненіе съ котораго, считая его всегда за честнаго человѣка, я видѣлъ съ безконечнымъ сожалѣніемъ, такъ какъ, не смотря на всѣ приводимые въ этомъ случаѣ доводы, объ общественной пользѣ, я никогда не буду въ состояніи допустить, чтобы долгъ могъ казаться сомнительнымъ и чтобы цѣль могла когда-либо освятить собою незаконныя средства.

Весьма возможно, что новый главнокомандующій, желая угодить страстямъ массы, сдѣлаетъ наступательное движеніе, въ такомъ случаѣ я сосредоточусь уже къ Бѣлостоку съ 76 баталіонами и 102 эскад-

ронами, которые мнѣ возможно будетъ собрать, и пойду ему прямо на встрѣчу. Если-же, наоборотъ, они останутся въ настоящемъ положеніи, то я назначилъ 24 и 25 ч. сего мѣсяца для перехода границы; рѣшеніе это было принято послѣ совѣщаній съ начальниками различныхъ корпусовъ, съ интендантами Абакумовымъ и Пироговымъ, а главное съ моимъ славнымъ и неутомимымъ помощникомъ Толемъ. Оба фланговые корпуса перейдутъ границу однимъ днемъ раньше, нежели главныя силы; я вынужденъ былъ сдѣлать это измѣненіе въ первоначальномъ общемъ планѣ, вслѣдствіе того, что преждевременное и не совсѣмъ рѣшительное вступленіе войскъ подняло-бы на ноги всю страну, гдѣ милиція распущена по домамъ, съ приказомъ собраться по первому требованію. Такимъ образомъ я воспользуюсь въ то же время 9-ю полками гренадеръ, которые идутъ ко мнѣ черезъ Ковно, а дѣйствія Гейсмара окажутъ вліяніе на главныя силы мятежниковъ, не отвлекая его отъ цѣли, которую 5-й кавалерійскій корпусъ долженъ преслѣдовать.

Шаховской, двигаясь эшелонами, организуетъ намъ Августовское воеводство, а Гейсмаръ, котораго я двину въ Владово, пройдетъ въ одно время съ Крейцомъ въ Устьюлугъ, съ тѣмъ чтобы дѣйствовать на крайнее правое крыло-непріятеля, или же отодвинуться къ Люблину или къ Понлаву, смотря по обстоятельствамъ.

В. в. увидите по оффиціальной бумагѣ и по маленькимъ картамъ, прилагаемымъ къ этому письму [1]), составъ и первоначально предположенныя движенія различныхъ колоннъ. Я постарался удержать вблизи отъ себя, не далѣе одного усиленнаго перехода, 90,000 солдатъ съ 300 слишкомъ пушекъ, съ тѣмъ чтобы они могли быть сосредоточены въ случаѣ надобности и направлены мною для рѣшительнаго дѣла, смотря по обстоятельствамъ. Около 18 тыс. чел., подъ командой храбраго Шаховскаго, пойдутъ къ нимъ на соединеніе, очищая, въ то же время, плодородное Августовское воеводство, а 10 тыс. человѣкъ съ лѣваго фланга будутъ дѣйствовать рѣшительнѣе (plus en hussarde), но постоянно будутъ на готовѣ соединиться въ воеводствахъ Люблинскомъ и Сѣдлецкомъ.

Слѣдуя повелѣніямъ в. в., предписаннымъ какъ военною мудростью, такъ и великодушною умѣренностью, я дождался прибытія къ арміи 2-й гренадерской дивизіи, 3-я бригада которой составитъ мой аріергардъ, но я думаю, что позволительно идти впередъ съ сосредоточенными силами, состоящими болѣе, чѣмъ изъ 80 баталіоновъ и 100 эскадроновъ, вполнѣ русскихъ по составу и потому сильныхъ

[1]) Картъ этихъ при нашихъ копіяхъ не имѣется. Ред.

своей преданностью и боевыми воспоминаніями, противъ мятежниковъ, которымъ съ трудомъ удастся при благоразумныхъ распоряженіяхъ, которыя я всегда любилъ предполагать въ своихъ противникахъ, сосредоточить и половину этихъ силъ, поддерживаемыхъ несчастными крестьянами, идущими противъ своего желанія вооруженные косами. Получивъ военную подготовку въ кампаніяхъ противъ величайшаго полководца, когда-либо существовавшаго, и противъ армій, гордыхъ своими 20 лѣтними слишкомъ побѣдами, я не привыкъ презирать своего врага, но исторія и мое собственное дѣтство уже доказали мнѣ, что могли сдѣлать, подъ предводительствомъ безсмертнаго Суворова, преданность (constance fidèle), безграничное самоотверженіе вашихъ доблестныхъ русскихъ, государь. Это никогда не сдѣлаетъ меня самонадѣяннымъ, но, съ Божьей помощью, я буду это помнить, поручая себя особенно великому: съ нами Богъ, разумѣйте языцы—со всей силой моей христіанской вѣры.

Я предпочелъ движеніе массою въ центрѣ тому, которое я имѣлъ въ виду сначала по первымъ извѣстіямъ о расположеніи войскъ мятежниковъ. Сосредоточеніе ихъ силъ къ Варшавѣ не обѣщаетъ намъ болѣе возможности такъ легко отрѣзать ихъ отъ ихъ стратегическаго центра безъ новыхъ ошибокъ съ ихъ стороны, которыя могутъ быть вызваны, по моему мнѣнію, только энергичной демонстраціей противъ ихъ праваго фланга, что впрочемъ будетъ для насъ лишь незначительною потерею времени, ибо мы должны ожидать прибытія резервовъ къ правому флангу и поэтому отнюдь не могли бы перейти границу при Драгоцынѣ ранѣе 1-го февраля, тогда какъ намъ удастся, какъ я надѣюсь, переправиться черезъ Бугъ при Нурѣ приблизительно около того же числа, если мы двинемся въ этомъ направленіи. Стянувъ войска между Ломжею и Нуромъ, дальнѣйшее направленіе нашихъ главныхъ силъ будетъ обусловлено расположеніемъ и движеніемъ мятежныхъ войскъ. Если непріятель сосредоточитъ свои силы на лѣвомъ берегу Буга, выстроившись эшелонами по направленію къ Варшавѣ, что по моему мнѣнію было бы съ его стороны наиболѣе благоразумнымъ, то я перейду на тотъ же берегъ, дабы вынудить его вступить въ городъ какъ можно скорѣе, подготовивъ въ то же время, при содѣйствіи Гейсмара и Крейца, надежную переправу на верхнемъ теченіи Вислы. Если мятежники останутся на теперешнихъ позиціяхъ, то я постараюсь отрѣзать ихъ войска, стоящія на Наревѣ, и буду тѣмъ энергичнѣе дѣйствовать на тѣхъ, которые стоятъ на Бугѣ, ибо иначе нашъ 5-й кавалерійскій корпусъ можетъ быть отрѣзанъ непріятелемъ.

Если же, напротивъ, сверхъ всякаго ожиданія, ихъ главныя силы

заняли бы правый берегъ Нарева, то ихъ позиція и положеніе страны покажутъ мнѣ: отбросить ли мнѣ ихъ къ Пруссіи, переправившись неожиданно черезъ Наревъ, или же, маскируя лѣвый берегъ этой рѣки, не могу ли я окончить дѣло при Варшавѣ, прежде нежели они могли бы туда придти.

Если, наконецъ, что кажется мнѣ довольно вѣроятнымъ, судя по полуоборонительнымъ и при томъ боязливымъ дѣйствіямъ руководителей мятежниковъ, они сосредоточатъ свои силы между Венгровомъ и Сѣдлецомъ по направленію къ Бресту, то, перейдя во всякомъ случаѣ Бугъ, я буду маневрировать моимъ правымъ флангомъ, чтобы принудить ихъ къ рѣшительному дѣлу прежде, нежели они углубятся въ лѣса между Калушиномъ и Варшавою. Вотъ мои предварительные планы, государь; движенія непріятеля могутъ измѣнить ихъ, но главныя ихъ черты всегда останутся тѣ же самыя: держать главныя силы сосредоточенными, чтобы разбить непріятеля или на лѣвомъ берегу Буга, или на правомъ берегу Нарева, стараясь, сколько возможно, отдѣлить его отъ Варшавы; но если это не удастся, то, пройдя верхнюю Вислу, окружить самое ядро мятежниковъ и заставить ихъ покориться или голодомъ, или энергичною атакою, сдѣлавъ какъ для того, такъ и для другого случая необходимыя приготовленія.

Я имѣю честь представить в. в—ву маленькій списокъ войскъ, прибывающихъ въ Гродно. Сегодня осматривалъ я съ великимъ удовольствіемъ одинъ эшелонъ, въ особенности 2-ю бригаду 2-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріею и два эшелона..... 5-ую егерскую бригаду и полкъ Кутузова съ 3-ею легкой батареей 3-ей бригады первой артиллерійской дивизіи, 3-ю бригаду первой пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріей и Ольвіопольскій полкъ съ летучей артиллерійской ротой № 1. Съ слѣдующимъ курьеромъ я пришлю объ этомъ донесеніе в. в—ву. Но я могу сказать в. в. напередъ, что я былъ всѣми доволенъ; въ особенности конная рота № 1, Ольвіопольскій гусарскій полкъ, легкая рота № 3-й 1-ой бригады и 1-ый егерскій полкъ отличаются замѣчательною выдержкою и бодростью. Затѣмъ 2-ой егерскій полкъ, полки Ревельскій и Естонскій и рота № 2-я 2-ой бригады находятся также въ весьма хорошемъ состояніи; полкъ князя Кутузова, рота № 3-й 3-ей бригады и въ особенности 5-й егерскій полкъ менѣе бодры, но также весьма хороши.

Мы чрезвычайно заботимся здѣсь объ обезпеченіи нашего продовольствія, тѣмъ болѣе, что извѣстія изъ Польши до нельзя плохи.

Къ счастью жатва въ губ. Гродненской и Виленской была хороша; жатва Бѣлостокская уже истощена.

Позвольте мнѣ, государь, рекомендовать при этомъ случаѣ Аба-

кумова: будучи совершенно больнымъ, онъ однако прибылъ немедленно и съ величайшимъ рвеніемъ предоставилъ себя къ вашимъ услугамъ, государь. Надѣюсь, что счеты 2-й арміи сравнительно съ счетами предшествующихъ войнъ будутъ у него весьма выгодны и осмѣливаюсь утверждать, по крайней мѣрѣ относительно войны 1829 года, что никогда армія не была лучше снабжена. Я испрашивалъ для него, государь, орденъ св. Александра. Осмѣливаюсь еще повторить мою просьбу, дабы этимъ поощрить ревностнаго слугу; я приму этотъ знакъ благоволенія какъ особую милость в. и. в —ва.

Его высочество великій князь цесаревичъ продолжаетъ принимать съ величайшею благосклонностью всѣ мои распоряженія; но личное его положеніе, равно какъ и положеніе княгини, кажутся мнѣ все-таки весьма тяжкимъ.

Графъ Толь и Паленъ и генералъ Нейдгардтъ повергаютъ къ стопамъ в. в. глубокую признательность за вашу память о нихъ. Я не премину сообщить о вашей благосклонности также и барону Розену.

Удостойте, государь, повергнуть къ стопамъ ея имп. величества мое глубокое почитаніе и благоволите, государь, и проч. Ив. Дибичъ-Забалканскій.

VIII.

Диспозиція для перехода войскъ въ Царство Польское.

24 и 25 чиселъ сего января переходятъ войска предводительствуемой мною арміи чрезъ границу, именно: отряды при Ковно, Гродно, Брестѣ, Влодавѣ и Грубешовѣ 24 числа; а главныя силы—при Гикочинѣ, Желткахъ Суражѣ, Пенткове, Цехановцѣ и Гранѣ 25 числа.

Отрядъ при Ковнѣ.

Подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи князя Шаховскаго.
Сборный пунктъ Ковно.
Отрядъ сей переходитъ рѣку Немань 24-го числа.

	Батал.	Эскадрон.	Сотень.	Орудій.
2-я бригада 3 гренадерской дивизіи.	4	—	—	—
5-й карабинерный полкъ	2	—	—	—
Лубенскаго гусарскаго полка . . .	—	4	—	—
Батар. № 2-й рота 3-й гренадерской артил. бригады.	—	—	—	8
Полурота батар. № 1-й роты 1-й пѣшей артил. бригады	—	—	—	6
Конной № 2-й роты.	—	—	—	2
7-го коннаго Черноморскаго полка .	—	—	3	—
Итого . . .	6	4	3	16

Отрядъ сей слѣдуетъ:

25 числа въ Скауце,
26 » въ Маріенполь,
27 » въ Калвари

и далѣе чрезъ Сувалки, Райгородъ, Щучинъ до Ломжи.

	Батал.	Орудій.
За симъ отрядомъ слѣдуетъ эшелонами, переправясь при Ковно же 25 числа, карабинерный князя Барклая-де-Толли полкъ и полурота легкой № 3-й роты 3-й гренадерской артил. бригады.	2	4
26-го числа 1-й карабинерный полкъ и полурота легкой № 3-й роты оной же бригады.	2	4
30-го 2-я бригада 1-й гренадерской дивизіи	4	—
1-го февраля 1-я бригада оной же дивизіи и вся 1-я гренадерская артил. бригада.	4	24
Итого	12	32

Остальныя сотни 7-го коннаго Черноморскаго полка распредѣляются къ эшелонамъ такъ, чтобы при каждомъ находилась часть оныхъ для разъѣздовъ.

Отрядъ близъ г. Гродно.

Подъ командою генералъ-маіора Мандерштерна.
Сборный пунктъ Домброво.

	Батал.	Эскадр.	Сотень.	Орудій.
1 бригад. 1-й пѣх. дивизіи и 3-й батал. 48 Егерскаго полка. . .	5	—	—	—
Клястицкаго гусар. полка. . . .	—	2	—	—
Легкая № 2-й рота 1-й артиллерійской бригады	—	—	—	8 [1]
Конной артил. № 2-й роты . . .	—	—	—	4 [2]
Донской казачій Грекова полкъ .	—	—	5	—
Итого . . .	5	2	5	12

Сей отрядъ переходитъ границу 24 числа, и въ одинъ маршъ идетъ до Августово, которое и занимаетъ — и оставя въ ономъ баталіонъ 48 Егерскаго полка и 2 легкія орудія, послѣ дневки 25 числа слѣдуетъ:

26 числа въ Райгородъ.
27 » въ Щучинъ.

---

[1]) Остальныя 4 орудія, при проходѣ роты чрезъ Гродно, остаются въ семъ городѣ и поступаютъ подъ начальство генералъ-маіора Никитина.

[2]) Сіи 4 орудія, при проходѣ роты чрезъ Гродно, отдѣляются отъ оной и слѣдуютъ въ Новый-дворъ съ однимъ изъ полковъ 1-й бригады 1-й пѣхотной дивизіи.

I-й пѣхотный корпусъ.

Подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Палена 1-го переходитъ границу 25 числа двумя колоннами въ 2-хъ пунктахъ въ Тикочинѣ и Желткахъ.

Правая колонна.

Сборный пунктъ Кнышинъ и Крибно.

	Батал.	Эскадрон.	Сотень.	Орудій.
2-я и 3-я бригады 1-й пѣх. дивизіи.	8	—	—	—
1-й саперный батальонъ	1 [1])	—	—	—
Клястицкаго гусар. полка. . . .	—	4	—	—
Батар. № 1-й роты 1-й пѣш. артил. бригады	—	—	—	6
Легкой № 3-й рота оной же бригады.	—	—	—	12
Конной № 2-й роты.	—	—	—	6
2-го коннаго Черноморскаго полка.	—	—	2	—
Итого . . .	9	4	2	24

Лѣвая колонна.

Сборный пунктъ Хорощъ и Желтки.

Авангардъ, подъ командою генералъ-лейтенанта князя Лопухина.

	Батал.	Эскадрон.	Сотень.	Орудій.
3-я бригада 2-й пѣх. дивизіи. . .	4	—	—	—
1-я бригада 1-й гусар. дивизіи . .	—	12	—	—
Конно-арт. № 1-й рота	—	—	—	12
2-го коннаго Черноморск. полка .	—	—	3	—
Итого . . .	4	12	3	12

За онымъ слѣдуетъ:

1-я и 2-я бригады 2-й пѣх. дивизіи.	8	—	—	—
и 2-й артиллер. бригады	—	—	—	36

Авангардъ переходитъ границу въ Желткахъ, идетъ по направленію къ Тикочину.

Правая колонна переходитъ при самомъ Тикочинѣ, а лѣвая при Желткахъ, и обѣ колонны идутъ по направленію къ заводамъ, гдѣ располагается корпусная квартира, а авангардъ, составъ котораго уже тогда зависитъ отъ корпуснаго командира, по направленію къ Монженину.

26 числа весь корпусъ идетъ въ Рудки, а авангардъ по направленію къ Ломжѣ.

27 числа авангардъ и правая колонна въ Ломжу и далѣе за сей городъ, а лѣвая колонна въ Замбровъ.

---

[1]) Саперный баталіонъ съ понтонами слѣдуетъ за правою колонною.

6-й пѣхотный корпусъ.

Подъ начальствомъ генералъ-адъютанта барона Розена.
Переходитъ границу 25 числа въ двухъ пунктахъ: въ Суражѣ и въ Пенткове

Правая колонна.

Сборный пунктъ Суражъ.

	Батал.	Эскадр.	Сотень.	Орудій.
24-я пѣхотная дивизія	12	—	—	—
Гренад. бриг., при 6-омъ корпусѣ состоящая	6	—	—	—
1-я бриг. Литовской уланской див. .	—	12	—	—
24-я артиллерійская бригада . . .	—	—	—	36
Гренад. арт. бриг. (батар. и легкой роты)	—	—	—	24
Конно-арт. рота № 32-й	—	—	—	12
Одинъ казачій полкъ	—	—	5	—
Итого . .	18	12	5	72

Лѣвая колонна.

Сборный пунктъ Топчево.
Авангардъ подъ командою генералъ-лейтенанта Вlодека.

	Батал.	Эскадр.	Сотень.	Орудій.
Два баталіона 25-й пѣхотной дивизіи (по усмотрѣнію корпуснаго командира)	2	—	—	—
2-я бриг. Литовской уланской дивиз..	—	12	—	—
Конно-артил. № 31-й рота . . .	—	—	—	12
Одинъ казачій полкъ	—	—	5	—
Итого . .	2	12	5	12

За онымъ слѣдуетъ:

Шесть батал. 25-й пѣхотной дивизіи	6	—	—	—
и 25-й артиллерійской бригады . .	—	—	—	36

Авангардъ переходитъ при Пенткове и слѣдуетъ чрезъ Посвѣтно на Косцельны, занимая правымъ флангомъ Мазуры, по дорогѣ отъ Соколы къ Высоко-Мазовецкому лежащей.

Послѣ того переходятъ обѣ колонны и слѣдуютъ въ Соколы, гдѣ и соединяются.

26-го числа 6-й корпусъ переходитъ въ Высоко-Мазовецкое, а авангардъ въ Чижевъ.

27-го числа 6-й корпусъ переходитъ въ Чижево; а авангарду дано будетъ направленіе.

Примѣчаніе 1. № 3-й бригада 25-ой пѣхотной дивизіи присоединяется къ 3-му резервному кавалерійскому корпусу и поступаетъ временно подъ начальство графа Витта.

Примѣчаніе 2. Генералъ-адъютантъ баронъ Розенъ оставитъ въ Драгочинѣ сотню казаковъ подъ командою расторопнаго офицера для охраненія сего пункта.

3-й резервный кавалерійскій корпусъ.

Подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи графа Витта.

Переходитъ границу 25-го числа въ двухъ пунктахъ: авангардъ при Грана, а главныя силы при Цехановцѣ.

Авангардъ подъ командою генералъ-маіора Бердяева.

Сборный пунктъ Дрошчинъ.

Составъ: изъ 2-ой бригады 3-й уланской дивизіи съ полуротою артиллеріи—12 эскадр. 6 орудій.

Отрядъ сей идетъ 24-го числа въ Грана, гдѣ 25-го переходитъ границу и слѣдуетъ въ Стердынъ.

Главныя силы.

Подъ личнымъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи графа Витта.

	Батал.	Эскадр.	Орудій.
3-я кирасирская дивизія съ артиллеріею .	—	24	24
1-я бригада 3-й уланской дивизіи съ артил.	—	10 [1])	12
Полурота конной № 20-й роты	—	—	6
3 я бригада 25-й пѣхотной дивизіи . . .	4	—	—
Итого . . .	4	34	42

Войска сіи собираются въ Цехановцѣ, гдѣ и переходятъ границу 25 числа.

Егерская бригада идетъ до Нура, гдѣ и занимаетъ и устраиваетъ переправу черезъ Бугъ; 1-я уланская бригада идетъ въ Чижево, а кирасирская дивизія располагается на правомъ берегу Буга около Нура, тѣсными квартирами.

26 го числа авангардъ идетъ по дорогѣ къ Венгрову, а 3-я кирасирская дивизія переходитъ въ Стердынъ; 1-я бригада 3-й уланской дивизіи въ Косовъ; 3-я бригада 25-й пѣхотной дивизіи остается въ Нурѣ для прикрытія моста.

5-й резервный кавалерійскій корпусъ.

Подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Крейца.

Переходитъ границу 24-го числа въ двухъ пунктахъ во Влодавѣ и Устилугѣ.

Правая колонна.

Подъ командою генералъ-адъютанта барона Гейсмара.

Сборный пунктъ передъ Влодавою.

---

[1]) Украинскаго уланскаго полка два эскадрона назначаются въ особенный отрядъ въ Брестъ-Литовскій.

	Эскадр.	Сотень.	Орудій.
2-я конно-егерская дивизія съ принадлежащею къ ней артиллеріею.	24	—	24
Два полка казаковъ	—	10	—
Итого	24	10	24

24-го числа приходятъ въ Грабовку.
25-го — Рудня.
26-го — Раджинъ.
27-го — Луковъ.

Лѣвая колонна.

Подъ личнымъ начальствомъ г.-л. барона Крейца.
Сборный пунктъ Устилугъ.

	Эскадр.	Сотень.	Орудій.
2-я драгунская дивизія съ ея артиллеріею. . .	24	—	24
Полкъ казаковъ	—	5	—
Итого	24	5	24

24-го числа приходятъ въ Грубешевъ.
25-го „ „ „ Войславище.
26-го „ „ „ Красный Ставъ.
27-го „ „ „ Пяски.

Изъ Грубешева отдѣляется одинъ полкъ, 4 орудія и 2 сотни казаковъ для наблюденія за крѣпостью Замостье. Сему отряду расположиться на дорогѣ, къ Красному Ставу ведущей, и оставаться во всегдашнемъ сношеніи какъ съ Владиміромъ на Волынѣ, такъ и со 2-ю драгунскою дивизіею.

Отрядъ подъ командою полковника Анрепа.

Сборный пунктъ—Брестъ-Литовскій.

Два эскадрона Украинскаго уланскаго полка, коимъ прибыть въ Брестъ 21-го числа.

Донской казачій Ильина полкъ, 5 сотень.

Переходитъ границу 24 числа и слѣдуетъ въ Бало.

25-го числа въ Мендзиржицъ.

Назначеніе сего отряда состоитъ въ томъ, чтобы связать дѣйствія 3 резервнаго кавалерійскаго съ 5 резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, почему оному тотчасъ открыть сообщеніе съ генераломъ графомъ Виттомъ и съ генералъ-адъютантомъ барономъ Гейсмаромъ.

Полковникъ Анрепъ оставитъ 25 казаковъ при начальникѣ третьихъ баталіоновъ Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ для разъѣздовъ. Резервные баталіоны располагаются въ Тирасполѣ и приводятъ мостъ въ совершенную и прочную исправность.

Резервъ.

Подъ начальствомъ его императорскаго высочества цесаревича.
Сборный пунктъ Бѣлостокъ.

	Батал.	Эскадр.	Орудій.
Гвардейскій отрядъ (Бѣлостокъ)	4	12	24
Литовскій саперный баталіонъ.	1	—	—
1 и 2 бриг. 2 гренад. дивиз. (Васильковъ) . .	8	—	—
3 пѣхотной дивизіи (Заблудовъ, а великолуцкій полкъ Бѣлостокъ).	10	—	—
Бат. № 1 и лег. № 3 роты 3 пѣшей артил. бригады.	—	—	24
Итого	23	12	48

Резервъ сей переходитъ 25 числа въ Суражъ.

26 числа въ Высоко-Мозовецкъ, гдѣ и остается 27 числа, исключая 3-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріею, которая переходитъ 27 числа въ Замбровъ на соединеніе съ своимъ корпусомъ.

3-я бригада 2-й гренадерской дивизіи приходитъ 26-го въ Бѣлостокъ; 27 числа днюетъ, а 28-го выступаетъ на присоединеніе къ своей дивизіи чрезъ Суражъ. Паркъ № 2-й слѣдуетъ вмѣстѣ съ 3-й бригадою и 2-й гренадерскою дивизіею 6-й карабинерный полкъ со 2-ю гренадерскою артиллерійскою бригадою и легкою №№ 2-й и 3-й пѣшею артиллерійскою бригадою прибываетъ въ Бѣлостокъ 30 числа, гдѣ получитъ дальнѣйшее повелѣніе.

Маршруты для соединенія войскъ къ сборнымъ пунктамъ, для каждой части особенно, у сего прилагаются, исключая для 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, для коего командиръ онаго прикажетъ таковые составить.

Прибытіе войскъ къ самой границѣ должно быть сдѣлано скрытно, почему сколь можно долѣе оставлять казачую цѣпь, которой усугубить осторожность; равнымъ образомъ всѣ войска, 24 и 25 чиселъ къ границамъ собирающіяся, нисколько не должны быть выказываемы, но расположены такимъ образомъ, чтобы со стороны Царства Польскаго оныхъ ни видѣть, ни предполагать не можно было.

Подобное квартирное росписаніе на сборныхъ пунктахъ для войскъ 1-го и 6-го пѣхотныхъ корпусовъ, для гренадерскихъ полковъ 2-й гренадерской дивизіи и для гвардейскаго отряда, въ свое время, имѣетъ быть доставлено; для прочихъ же войскъ гг. начальники сами прикажутъ таковое составить.

Переходъ всѣхъ войскъ чрезъ границу долженъ быть сдѣланъ за два часа до разсвѣту.

При встрѣчѣ съ польскими войсками, тотчасъ выслать къ нимъ офицера и требовать повиновенія ихъ законному государю; если же ими сіе предложеніе не будетъ принято, въ такомъ случаѣ поступить съ оными какъ съ непріятелемъ—напасть рѣшительно и разбить.

Толпы вооруженныхъ жителей должны быть непремѣнно разсѣеваемы и обезоруживаемы, и тѣ, кои защищаются, взяты въ плѣнъ.

Всѣмъ войскамъ наканунѣ перехода чрезъ границу совершить богослуженіе съ колѣнопреклоненіемъ. Да ниспошлетъ Всевышній свое благословеніе на покореніе мятежниковъ и да водворитъ Онъ въ Царствѣ Польскомъ порядокъ и спокойствіе—единственную цѣль всѣхъ нашихъ усилій.

Приказъ мой, объявленный по арміи въ 1-й день сего года за № 1-мъ, вмѣняется гг. частнымъ начальникамъ въ непремѣнную обязанность прочесть во всѣхъ ротахъ и эскадронахъ тотчасъ послѣ богослуженія.

Главная квартира моя находиться будетъ 25-го числа въ Царствѣ Польскомъ въ Соколахъ, а 26-го въ Высоко-Мазовецкѣ; всѣ гг. частные начальники съ перваго перехода отправляютъ ко мнѣ наиноспѣшнѣе подробное донесеніе обо всемъ вообще, въ особенности же о расположеніи и силѣ непріятеля и о духѣ жителей. Подлинное подписалъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій. Съ подлиннымъ вѣрно: генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ.

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

РАЗСКАЗЫ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

записанные Ю. Н. Бартеневымъ [1].

I.

По приходѣ моемъ къ князю я принялся читать ему послѣдія четыре записки [2]), коими повидимому онъ остался доволенъ, бо нашелъ ихъ вѣрными въ изложеніи того, что было сказано мъ въ прошлый разъ. Въ иныхъ мѣстахъ однако поправлялъ ои небольшіе промахи, особенно въ фамиліяхъ лицъ, для меня овсе неизвѣстныхъ.

Но если гдѣ въ сихъ запискахъ излагалось сужденіе о самомъ немъ, гдѣ уже я самъ бралъ на себя собственнымъ усмотрѣніемъ опредѣлять характеръ князя, оттѣнки его привычекъ, иногда даже противорѣчія въ обычныхъ и свойственныхъ ему дѣйствіяхъ.

---

[1]) Разсказы эти составляютъ, какъ отмѣчено на обложкѣ тетради, изъ которой мы ихъ беремъ, главу вторую записокъ. Глава эта была „нѣсколько разъ прочитана князю А. Н. Голицыну".

Примѣч. Ю. Н. Бартенева.

22-го ноября 1840 г.

[2]) Записками и вмѣстѣ программами я называю на скоро составленные мною черновые сколки князевыхъ импровизацій. Поистинѣ всякій разсказъ князевъ можно назвать импровизаціею: полнота, послѣдовательность, одушевленіе, точность въ подробностяхъ, часто доходящая до пуризма, суть непремѣнныя условія всякаго, сколько нибудь продолжительнаго, разсказа князева. Намѣренныхъ обмолвокъ и неясностей князь вовсе не терпитъ; я не люблю, говаривалъ мнѣ неоднократно князь, тѣхъ анекдотовъ гдѣ истина перемѣшана съ вымыслами; такіе жалкіе разсказы не имѣютъ въ глазахъ моихъ ни малѣйшаго интереса. И вотъ моя мнительность, и безъ того уже всегда озабоченная, подстрекала меня безпрестанно подставлять предъ глаза князевы написанное мною.

Ю. В.

въ то время князь молчалъ, но слушалъ прилежно. Мои сужденія могли быть иногда дерзновенны, но всегда добросовѣстны. „Какъ вы думаете, в. с., спрашивалъ я иногда его; вѣрно ли я подмѣтилъ не уловимыя для всякаго другаго свойства ваши; достойно ли я изобразилъ ихъ?“ Князь на такіе вопросы отвѣтствовалъ мнѣ всегда одинаково:

— „Я не могу, говорилъ онъ, быть судьею въ дѣлѣ, столь для меня близкомъ, не могу ничего перемѣнить здѣсь, ибо ты усматриваешь, такъ пусть и будетъ по твоему усмотрѣнію“.

— „Надобно тебѣ разсказать главное, сказалъ князь, а именно объ обращеніи моемъ и блаженной памяти государя Александра къ христіанству; но я желалъ бы только, чтобы все, что ты писать будешь о покойномъ государѣ, дѣлалъ бы то съ нѣкоторою скромностію, ибо память его для меня священна; пусть изчезавшіе еще во время жизни его человѣческіе недостатки покроются на всегда священнымъ покровомъ безмолвія“.

Я осмѣлился замѣтить князю, что ничего не надобно искусственнаго и изысканнаго въ нашихъ частныхъ и откровенныхъ бесѣдахъ. „По мѣрѣ того, какъ память ваша внушитъ вамъ что нибудь сказать мнѣ, тогда и говорите, а я постараюсь записать это“.

— „Я теперь же бы хотѣлъ поговорить съ тобою, сказалъ мнѣ князь,—желаешь ли ты и расположенъ ли слушать меня?“

— Я весь вниманіе, отвѣчалъ я князю.—И вотъ вельможный повѣствователь на просторѣ и съ нѣкоторымъ увлеченіемъ сердца началъ мнѣ разсказывать занимательнѣйшія подробности своей и общей государственной жизни.

Когда изъ московской ссылки я возвратился въ Петербургъ, началъ князь, то государь въ скорости призываетъ меня къ себѣ и говоритъ мнѣ съ нѣкоторою серіозностію: „Послушай, князь, мнѣ кажется, что тебѣ не ловко быть безъ публичной должности: вся петербургская публика знаетъ, какъ ты у меня коротокъ, а между тѣмъ ты еще все до сихъ поръ не служишь“. И вотъ тутъ же государь и предлагаетъ мнѣ мѣсто въ сенатѣ, чтобы я на первый разъ поступилъ туда за оберъ-прокурорскій столъ, въ вѣдѣніи оберъ-прокурора Резанова [1]).

---

[1]) Камергеръ двора Николай Петровичъ, который послѣ былъ въ Японіи. Ю. Б.

Предложеніе Александра показалось мнѣ какъ-то непріятно; я былъ разсѣянъ въ обществѣ; былъ лѣнивъ и признаюсь, что неохотно выслушалъ такое назначеніе [1]). Въ это же время и на подобное мѣсто государь помѣстилъ камергера своего двора, графа Павла Александровича Строгонова [2]).

Также вскорѣ случилось, что тотъ же графъ Строгоновъ занялъ уже мѣсто товарища министра внутреннихъ дѣлъ, а я поступилъ на мѣсто его и, кромѣ перваго, мнѣ порученъ былъ и третій департаментъ сената. Императоръ Александръ велъ меня такимъ образомъ для того, чтобы я, по словамъ его, научился и впослѣдствіи подготовился къ высшимъ назначеніямъ. Въ это же время Николай Николаевичъ Новосильцовъ, будучи меня моложе чиномъ, поступаетъ, по волѣ государя, въ товарищи министра юстиціи. Канцлеръ Воронцовъ, наблюдая служебные порядки, счелъ тогда за нужное внушить государю о нѣкоторой несовмѣстности стоять мнѣ ниже Новосильцова въ одномъ и томъ же родѣ службы, и вотъ однажды по этому случаю государь позвалъ меня къ себѣ обѣдать въ Таврическій дворецъ—мы обѣдали съ нимъ только вдвоемъ.

— „Я бы очень желалъ, сказалъ тогда мнѣ императоръ Александръ,—чтобъ ты занялъ мѣсто оберъ-прокурора въ синодѣ. Яковлевъ, который числится теперь въ семъ званіи, не совсѣмъ хорошъ; далеко, чтобъ онъ могъ удовлетворять моимъ требованіямъ и ожиданіямъ; притомъ и духовенство совершенно имъ недовольно; мнѣ кажется, что онъ неспособенъ быть на этомъ мѣстѣ. Жалобы на него безпрестанныя; мнѣ бы хотѣлось, продолжалъ государь, чтобы преданный мнѣ и мой, такъ сказать, человѣкъ занималъ эту важную должность. Я никогда къ себѣ не допускалъ Яковлева, никогда съ нимъ вмѣстѣ не работалъ,

---

[1]) Это было въ 1802 г., см. біографію кн. А. Н. Голицына въ словарѣ Каменскаго, изд. 1847 г.

[2]) Онъ давно былъ камергеромъ, послѣ пошелъ въ военную службу, къ которой имѣлъ всегдашнюю наклонность; впослѣдствіи былъ генералъ-адъютантомъ, имѣлъ втораго Георгія, Александровскую ленту. Государь его очень жаловалъ. Вскорѣ послѣ сего оберъ-прокуроръ Резановъ вызванъ былъ для предпринимаемаго имъ путешествія въ Японію, а на его мѣсто сдѣланъ былъ исправляющимъ должность оберъ-прокурора графъ Строгоновъ.

Ю. В.

а ты будешь имѣть непосредственно со мною дѣло, пото
что вмѣстѣ съ симъ я назначаю тебя и моимъ статсъ-сек
таремъ".

Признаюсь, сказалъ мнѣ князь, я не мало встревожился
этого предварительнаго назначенія, хотя и ожидалъ отъ госуда
чего-нибудь подобнаго.

Разсѣянная жизнь, продолжалъ князь, дворскія привычки,
селый сгибъ моего характера, вовсе неумѣстительный съ тѣ
мрачными понятіями, какія я имѣлъ тогда объ этомъ зван
словомъ, все приводило меня въ смущеніе. При томъ и
вершенное незнаніе дѣла не очень располагало меня прин
эту готическую должность синодальнаго оберъ-прокурора.
кой я оберъ-прокуроръ, думалъ я самъ про себя,—я ниче
не вѣрю.

— „Помилуйте, ваше величество, сказалъ я наконецъ государ
что вы со мною хотите дѣлать? развѣ вамъ неизвѣстно, что пр
нявъ назначаемую вами обязанность, я рѣшительно ставлю се
въ ложное отношеніе сперва къ вамъ, потомъ къ службѣ, да
къ самой публикѣ. Вамъ не безъизвѣстенъ, продолжалъ я, образ
моихъ мыслей о религіи и вотъ, служа здѣсь, я буду прямо уж
стоять на перекоръ совѣсти и вопреки моихъ умственныхъ по
нятій.... Позвольте мнѣ, ваше величество, хорошенько объ этом
подумать", прибавилъ я съ нѣкоторымъ настояніемъ.

Александръ согласился, а я радъ былъ и потому, что на первы
разъ хотя выигралъ время и могъ посовѣтоваться съ пріятелем
моимъ Гурьевымъ [1]).

И вотъ по прошествіи трехъ дней государь снова зоветъ мен
въ Таврическій дворецъ, а мнѣ неудалоеь еще поговорить о моем
дѣлѣ съ Гурьевымъ, который, какъ будто, нарочно тогда уѣхал
въ Гатчино и не успѣлъ воротиться. Въ томъ же Таврическом
дворцѣ мы обѣдаемъ опять вдвоемъ съ государемъ.

— „Ну, Голицынъ, сказалъ мнѣ Александръ,—какъ же ты ду
маешь о своемъ мѣстѣ? Рѣшаешься-ли?"

— Ваше величество! я еще не успѣлъ посовѣтываться съ Гурье
вымъ, потому что его нѣтъ въ Петербургѣ.

---

[1]) Онъ былъ тогда начальникъ кабинета. Ю. В.

Государь замѣтно огорчился, даже съ нѣкоторымъ упрекомъ сказалъ онъ мнѣ тогда, что, бывши моимъ истиннымъ другомъ, онъ былъ бы въ правѣ ожидать отъ меня большей къ себѣ довѣренности: „мнѣ, продолжалъ Александръ, прискорбно видѣть, что ты совѣты Гурьева болѣе предпочитаешь моимъ указаніямъ".

Выслушавши такую рѣчь изъ устъ государя, я готовъ былъ уже на все согласиться, на что только ему было угодно. Однако я осмѣлился тутъ же замѣтить Александру, что цари обыкновенно смотрятъ на подобныя избранія какъ бы съ какой высоты, и обыкновенно взглядъ ихъ не достигаетъ тѣхъ неровностей, той шероховатости, кои непремѣнно надлежитъ встрѣтить на семъ пути ими избранному и которыя всегда лучше видитъ тотъ, кто стоитъ ниже.

Наконецъ я дѣлаюсь оберъ-прокуроромъ святѣйшаго Синода.

Скажу тебѣ о первомъ принятіи моей должности, о первыхъ, такъ сказать, впечатлѣніяхъ, которыя она во мнѣ произвела. Вотъ я отправляюсь на Васильевскій островъ въ синодъ; вхожу въ готическую храмину, вижу синодскій декоръ, вижу на другой сторонѣ зерцала—служебное распятіе, вмѣстѣ съ симъ глазамъ моимъ встрѣчается какой-то византійскій тронъ изъ позолоченнаго дерева; входя, крѣплюсь, стараюсь быть важнымъ, степеннымъ, приступаю къ слушанію дѣлъ; случилось же, что для перваго моего прихода слушаны были такія дѣла, которыя во всякомъ случаѣ могли служить богатою канвою для самой соблазнительной хроники. На тотъ разъ предложены были процессы о прелюбодѣяніяхъ во всѣхъ ихъ подробностяхъ и хорошо еще, если бъ все это вводило меня только въ безвкусіе; но можетъ быть, я былъ въ другомъ расположеніи духа и слѣдовательно мнѣ надлежало притворяться.

Послѣ сего перваго засѣданія въ синодѣ, я отправляюсь обѣдать къ государю; мы опять съ нимъ остаемся вдвоемъ. Александръ приказываетъ мнѣ пересказать ему о впечатлѣніи, полученномъ мною при вступленіи въ должность. Этого мнѣ и хотѣлось. Въ то время я имѣлъ еще претензіи на остроту. Расположеніе къ насмѣшкѣ было тогда моимъ обычнымъ расположеніемъ. Меня любили за мою неподдѣльную веселость и я, бывало,

разливался въ саркастическихъ насмѣшкахъ и колкихъ замѣчаніяхъ на все, что только ни попадало мнѣ подъ руку. Мои сарказмы конечно выбирали предметомъ смѣшную только сторону людей, но часто они поражали и то, что долженствовало всегда быть неприкосновеннымъ для всякаго честнаго человѣка. Невѣрственная школа XVIII столѣтія пустила глубокіе корни въ моемъ сердцѣ. Деизмъ, который въ то время былъ признакомъ людей высшаго общества и хорошаго тона, былъ, такъ сказать, моя раціональная принадлежность и составлялъ все мое вѣрованіе. Иногда въ злоупотребленіи своего разума я доходилъ до такихъ крайностей, о которыхъ воспоминаніе поражаетъ меня и доселѣ горькою и справедливою скорбію.

Мнѣ припоминается теперь одинъ случай, который, кстати, я разскажу тебѣ для примѣра.

Въ обществѣ нашихъ общихъ знакомыхъ былъ нѣкто князь Тюфякинъ, человѣкъ, котораго нравственность вовсе была не лучше моей. И вотъ однажды, находясь у него въ домѣ, бывши уже оберъ-прокуроромъ синода, я вымолвилъ такое несовмѣстное, такое дерзновенное богохульство, что очень тѣмъ соблазнилъ моего Тюфякина, который не мало даже отъ того и встревожился и просилъ меня его пощадить. Вотъ какого блюстителя имѣлъ во мнѣ святѣйшій синодъ!....

Но я уклонился отъ моего разсказа, кажется, на томъ мѣстѣ, что государь спрашиваетъ меня о впечатлѣніи, какое сдѣлалъ на меня синодъ.

— Не затаю предъ вами, ваше величество, отвѣчалъ я ему, что онъ произвелъ на меня впечатлѣніе самое невыгодное, чтобъ не сказать вамъ чего болѣе. Мрачный видъ этой присутственной и закоптѣлой каморы, продолжалъ я, эти чернецы еще въ мрачнѣйшихъ своихъ рясахъ, вмѣсто украшенія стоявшее распятіе, навѣяли на меня грусть могильную, мнѣ уже казалось, что причетъ готовъ отпѣвать меня заживо!.... Кромѣ того, даже самое свойство дѣлъ, тамъ трактуемыхъ, было вовсе не по мнѣ; ибо оныя совершенно различествовали отъ тѣхъ, къ которымъ я привыкъ, служа по сенату.

Мой разсказъ не произвелъ однакожъ ожидаемаго мною дѣйствія на государя; ибо по мѣрѣ словъ моихъ Александръ прини-

малъ на себя видъ болѣе и болѣе серіозный, такъ что я уже нашелся принужденнымъ сей же часъ замолчать, считая уже не приличнымъ и даже не смѣя продолжать разговоръ мой въ такомъ тонѣ.

И вотъ съ тѣхъ поръ, продолжалъ князь, установились мои регулярныя посѣщенія синода.

Я хотя и ѣздилъ въ синодъ, но сердце мое не перемѣнялось, страсти крѣпко обуревали мою душу и я любилъ тогда поддаваться особенно тѣмъ изъ ихъ изысканныхъ нелѣпостей, гдѣ занимаемое мною званіе, званіе по справедливости столь важное, могло служить наибольшимъ упрекомъ моего тогдашняго поведенія. Иногда въ чаду молодаго разгулья, въ тѣсномъ кругу тогдашнихъ прелестницъ, я внутренно любилъ смѣяться своей странной случайности; мнѣ очень тогда казалось забавно, что эти продажныя фрины никакъ не соображали, что у нихъ на этотъ разъ гоститъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода. Милосердный Боже! прибавилъ со вздохомъ князь, сколько ты терпѣливъ былъ ко мнѣ, и сколько разъ милость Твоя меня щадила! Ну если бы тогда пресѣклась жизнь моя, чтобы тогда было со мною, слѣпымъ и несчастнымъ грѣшникомъ!

Я снова обращаюсь къ своему разсказу: и такъ я сталъ ѣздить въ синодъ; началъ отправлять свою должность съ языческою, такъ сказать, добросовѣстностію. Но здѣсь я пока оставлю эту матерію, продолжалъ князь, чтобъ передать тебѣ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя не менѣе любопытны.

Помнишь, что мы говорили о графѣ Павлѣ Александровичѣ Строгоновѣ, который изъ-за оберъ-прокурорскаго стола такъ скоро сдѣланъ былъ настоящимъ оберъ-прокуроромъ, и потомъ еще скорѣе того товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.... Ты, я думаю, также не забылъ и Николая Николаевича Новосильцова, который и чиномъ и службою бывъ меня моложе, также скоро былъ сдѣланъ и такимъ же товарищемъ министра юстиціи. Эти скорыя возвышенія могутъ тебя удивить, но я раскрою тебѣ настоящую ихъ причину.

Вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ, Александръ поспѣшилъ обставить себя нѣкоторыми изъ людей, отличавшимися тогда свободою мыслей, непризнаніемъ религіи, отраженіемъ того

духа либерализма, который взволновалъ умы всей почти Европы То были, не однажды уже упомянутые мною, графъ Павелъ Александровичъ Строгоновъ, Николай Николаевичъ Новосильцовъ и князь Адамъ Чарторижскій.

Этотъ троичный союзъ составлялъ такъ называемый тайный комитетъ государевъ, обыкновенно собиравшійся у него въ послѣобѣденное время. Здѣсь императоръ любилъ на просторѣ бесѣдовать съ этими господами; они звенѣли (?) ему безкорыстіемъ усердія, философскими утопіями народнаго управленія и апоѳегмами пользы и добра отечеству; но все это былъ сущій вздоръ и крушеніе духа.

Графъ Строгоновъ былъ человѣкъ не такъ далекій, хотя воспитателемъ его былъ знаменитый по тогдашнему времени демагогъ Ромъ, который, вмѣсто обыкновеннаго счисленія времени по недѣлямъ, ввелъ во Франціи извѣстную декаду.

Князь Адамъ Чарторижскій, хотя по наружности и считался произведеніемъ князя Адама же, нѣкогда фельдмаршала австрійскихъ войскъ, но онъ просто былъ прижитъ матерью его съ нашимъ княземъ Репнинымъ, нѣкогда также главноначальствовавшимъ нашею арміею въ Польшѣ. Доказательствомъ сего могло служить, между прочимъ, и то, что онъ былъ вылитое подобіе князя Репнина, и отецъ и сынъ повидимому это хорошо знали, ибо часто случалось, что во время болѣзни молодаго Чарторижскаго, князь Николай Васильевичъ, бывши такимъ знатнымъ бариномъ, не затруднялся однакожъ ходить къ юношѣ на квартиру и подолгу сидѣть у него. Князь Адамъ служилъ тогда въ нашей гвардіи офицеромъ и за то были возвращены ему тѣ большія помѣстья въ поступившихъ къ намъ отъ Польши губерніяхъ, которыя были отобраны у его отца. Смѣтливый полякъ за тѣмъ и пріѣхалъ въ Петербургъ, за тѣмъ и вступилъ на службу, чтобъ прибрать въ руки конфискованное въ казну имѣнье, не смотря, что мать его, политическая интригантка и гулливая полька, подъ страшною клятвой обязала сына не любить Россію и постоянно противиться ея пользамъ и величію.

Кстати о матери князя Адама: вдругъ слышитъ она, что въ Варшавѣ проявился какой-то магъ, который съ подробностію высказывая всю прошедшую жизнь, будто бы въ то же время показы-

ваетъ и желанный гороскопъ будущности. Княгиня Чарторижская, какъ вѣрная дочь пра-матери Еввы, допытывается узнать, гдѣ живетъ такой необыкновенный отгадчикъ, который, по отзывамъ знатныхъ придворныхъ госпожъ, передалъ имъ всю ихъ подноготную, все, что зазнало ихъ сердце отъ интриги исполненной до интриги предположенной.

Княгиня доискалась наконецъ до сего пребыванія. Въ одномъ отдаленномъ предмѣстіи Варшавы, въ одномъ изъ верхнихъ жильевъ какого-то дома, жилъ этотъ скромный чародѣй дамскій; къ нему Чарторижская лично къ нему является и видитъ человѣка, украшеннаго почтенною сѣдиною и котораго живописно-окладистая борода есть достаточное поручительство могучаго таланта. Можетъ быть еще съ недовѣріемъ приступала къ нему сластолюбивая полька съ своими вопросами, но что же, какъ она была должна удивиться, когда всевѣдущій чародѣй вытянулъ, такъ сказать, предъ нею весь длинный свитокъ и политическихъ, и любовныхъ интригъ дворской дамы. Откровеніе такъ было полно, съ такими изумительными подробностями, съ такимъ мастерскимъ знаніемъ мѣстности, что моя княгиня пришла, можетъ быть, сперва отъ того въ восторгъ, а потомъ въ ужасъ и замѣшательство.

Но скептицизмъ ея этимъ еще не угомонился; опытная и ловкая интригантка вызвала на новый бой разгадавшаго ея волхва: узнаешь-ли, говорила она ему, что я намѣрена сдѣлать въ эту наступающую недѣлю?

— Посмотримъ, отвѣчалъ таинственный мужъ.

И вотъ Чарторижская, и безъ того уже на это время замышлявшая рядъ новенькихъ интригъ, интересныхъ свиданій и тому подобнаго, имѣла прекрасный случай употребить, такъ сказать, свои шалости, чтобъ повѣрить знанія колдуна; на этотъ разъ однако она думала это сдѣлать при условіяхъ болѣе скромныхъ, что и исполнила на самомъ дѣлѣ съ надлежащею скрытностію и осторожностію, какъ подобаетъ знатной дамѣ и опытной полькѣ. По прошествіи назначеннаго времени, является моя княгиня къ своему уже знакомому чернокнижнику, не безъ робости же она подступаетъ къ нему съ выученными вопросами. Вотъ опять также повторяется исторія: чернокнижникъ пересказываетъ ей все свершившееся; говоритъ даже ей о неисполненныхъ ожида-

ніяхъ, объ обманувшихся надеждахъ. Княгиня моя уже не на шутку приходитъ въ ужасъ, какъ магъ вдругъ захохоталъ во все горло и снимая парикъ свой и накладную бороду, онъ ей показываетъ въ особѣ своей дражайшаго ея супруга и повелителя, такъ удачно подшутившаго и надъ нею, и надъ ея легковѣрными подругами, которыхъ секреты какъ ему было не знать, живя при дворѣ; слѣдовательно изумительная вѣрность подробностей была совершенно разгадана, особенно для жены его.

Княгиня Чарторижская, продолжалъ князь, кромѣ элемента страстности и влюбчивости, была одержима еще духомъ честолюбія. Въ этой полькѣ и самыя страсти дѣлались проводниками для ея политическихъ плановъ; уловлять мужчинъ въ силѣ и случаѣ, дабы впослѣдствіи подчинять ихъ своему вліянію и своекорыстнымъ внушеніямъ, было любимымъ занятіемъ молодыхъ лѣтъ ея.

Но честолюбіе не оставляло княгиню и въ преклонныхъ лѣтахъ жизни. Во время пребыванія своего въ Варшавѣ для коронаціи, государь императоръ Николай Павловичъ не могъ не замѣтить, что она не явилась на сіе торжественное событіе, не смотря на то, что сынъ ея, о которомъ теперь идетъ рѣчь, проживавшій тогда въ Варшавѣ, государевою милостію возведенъ былъ въ оберъ-камергерское достоинство.

— „Вотъ я уже возвращался изъ Варшавы, сказывалъ мнѣ самъ императоръ, и, подъѣзжая къ мѣстечку Пулавѣ, одному изъ любимыхъ мѣстопребываній князей Чарторижскихъ, еще сидя въ коляскѣ, вижу, что на паромѣ, имѣющемъ перевозить меня на ту сторону рѣки, пестрѣются дамскіе костюмы; вереница женщинъ готовилась встрѣчать меня при моемъ выходѣ; приближаюсь и вотъ старуха Чарторижская, стоя на паромѣ, привѣтствуетъ меня съ глубокими изъявленіями своей преданности; мнѣ бы весьма пріятно было, продолжала она, еслибъ ваше величество удостоили посѣтить домъ мой; теперь время обѣда; августѣйшій братъ вашъ всегда мнѣ дѣлалъ эту честь и проч. Я отвѣтствовалъ княгинѣ просто и довольно сухо, сказавши ей, что обѣдать теперь у нея не могу, по той причинѣ, что обѣдъ уже назначенъ на одной изъ слѣдующихъ станцій; но еслибъ

это было въ Варшавѣ, прибавилъ я, и княгинѣ вздумалось позвать меня тогда, то, можетъ быть, я и нашелъ бы еще время доставить ей это удовольствіе. Я видѣлъ, что отказъ мой для княгини былъ очень непріятенъ, но я не перемѣнилъ своего намѣренія".

Государь очень постигъ, примолвилъ князь, затѣи хитрой старухи; своей польской публикѣ она показала бы, что не поторопилась ѣхать на коронацію, а посѣти ея Николай, то она той же публикѣ подъ рукою дала бы замѣтить, какъ еще готовы русскіе монархи показывать вниманіе къ ея высокому аристократическому значенію въ Польшѣ.

У князя Адама Чарторижскаго эта аристократія была какъ-то непомѣрна и даже нелѣпа; извѣстно, что въ головѣ его всегда роились странные и несбыточные планы; онъ находилъ какую-то возможность сочетовать республику съ королевскимъ званіемъ; ключъ такого чудовищнаго соединенія демократіи или, лучше сказать, олигархіи, съ царскою властію, состоялъ у него въ томъ, что ему самому издавна хотѣлось власти царской вслѣдствіе безумно тщетнаго его надѣянія управлять поляками.

Но я уклонился отъ моего предмета, и вотъ тороплюсь досказать тебѣ о третьемъ лицѣ тайной думы государевой. Это былъ, какъ я выше объяснилъ, Новосильцовъ. Онъ не болѣе какъ маіоръ при Екатеринѣ (прибавлено другою рукою „при Павлѣ"), удалился въ Англію, будто бы для того, что не могъ сносить деспотизма Павлова, вдругъ выплылъ при самомъ началѣ царствованія Александра съ запасомъ англоманіи и самыхъ свѣжихъ идей, на хартіи основанныхъ; мнѣ сдается, продолжалъ князь, что онъ никогда не имѣлъ въ себѣ истинныхъ качествъ высшаго государственнаго сановника и впослѣдствіи, уже старикъ, но еще волнуемый страстями, волокитствомъ, можетъ быть, даже и безполезнымъ, онъ подъ часъ упивался на обѣдахъ и невольно долженъ былъ представлять изъ себя Гистріона. Даже не задолго до своей смерти, во время одного изъ тѣхъ праздниковъ, которыми обыкновенно англійскій клубъ тѣшитъ свою публику, старикъ чрезъ чуръ подпилъ и до того развеселился, что пошелъ вмѣстѣ съ другими въ присядку. Такая несовмѣстность поведе-

нія въ предсѣдателѣ государственнаго совѣта очень огорчила государя.....

— Какъ, сказалъ я, неужели государь это узналъ?

— „Нашъ государь все знаетъ!—отвѣчалъ мнѣ князь съ нѣкоторою значительностію“.

(Записалъ Ю. Бартеневъ).

Сообщ. графъ П. А. Валуевъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ЕГО ВРЕМЯ

1831—1849 гг.

I.

Письмо прусскаго генерала Мюфлинга къ ген.-адъют. Нейдгарту по поводу Польскаго возстанія.

20-го сентября 1831 г.

[Переводъ 1831 г. съ нѣмецкаго]. Примите, в. п—ство, искреннѣйшее поздравленіе мое съ достославнымъ окончаніемъ нынѣшней войны. Съ самаго открытія оной, я съ живѣйшимъ участіемъ наблюдалъ за ходомъ происшествій, начиная отъ самой побѣды при Гроховѣ, которая соединеннымъ дѣйствіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, сверхъ всякаго человѣческаго чаянія, не имѣла тѣхъ послѣдствій, которыя, казалось, она имѣть долженствовала и отъ дѣйствій Польскаго главнокомандующаго по направленію къ Сѣдельцу, которыми вы на время приведены были въ оборонительное положеніе до перехода изъ сего положенія въ наступательное чрезъ битву при Остроленкѣ.

Поистинѣ, всякаго вниманія достойно стеченіе столь многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и та удивительная твердость и постоянство, съ коими вы превозмогали оныя. Къ симъ обстоятельствамъ преимущественно принадлежать мятежи, въ тылу арміи возникшіе и прервавшіе всѣ три коммуникаціонныя ея линіи, ибо небо, увѣнчавшее наконецъ усилія ваши полнымъ успѣхомъ, показало, что оно справедливо; ибо кто дѣйствуетъ какъ вы, тому должна принадлежать побѣда.

По участію, которое я принимаю во всемъ лично, до васъ касающемся, мнѣ особенно пріятно было получать свѣдѣнія о важныхъ услугахъ, вами оказанныхъ.

Къ счастію великаго князя, его высочество [Михаилъ Павловичъ] не участвовалъ въ первоначальныхъ неудачныхъ дѣйствіяхъ и такимъ образомъ до самаго взятія Варшавы являлся постоянно блистательно на поприщѣ сей войны. Можетъ быть его высочеству предстоитъ важное участіе въ управленіи Царствомъ Польскимъ при настоящемъ новомъ образованіи всѣхъ онаго соотношеній; въ семъ случаѣ не невозможно; вѣроятно даже, что и вы на нѣкоторое время останетесь въ нашемъ сосѣдствѣ. Крайне бы я самъ былъ обрадованъ, ибо могъ бы питать надежду когда либо съ вами опять увидѣться; по крайней мѣрѣ Польша не такъ отъ насъ удалена, какъ Россія.

Вліяніе Франціи на общественное мнѣніе относительно Польши до того невѣроятно велико, что въ Италіи, Венгріи, всей Германіи и даже у насъ въ Пруссіи большое число людей не иначе называетъ поляковъ, какъ благородною, несчастною и угнетенною націею. Всѣ старанія людей благомыслящихъ дать общему мнѣнію справедливое направленіе, остаются тщетными, ибо единожды возбужденныя страсти повсюду порождаютъ недовѣрчивость.

По моему мнѣнію противъ сего остается одно средство: изданіе безпристрастнаго и основательнаго сочиненія о Польской революціи, которое представило бъ въ совершенной ясности ходъ и прямую цѣль оной.

Нельзя не сознаться, что тайная россійская полиція и нѣкоторымъ образомъ крутое управленіе великаго князя Константина Павловича были тягостны безпокойнымъ и недовольнымъ, но съ другой стороны, пусть скажутъ что дѣлать правительству, когда существованіе заговоровъ ему извѣстно, участники коихъ никакими благодѣяніями преклонены быть не могутъ и совершенно къ нимъ не чувствительны, потому что они покушаются на ниспроверженіе правительства, основываясь на превратныхъ нравственныхъ началахъ, а не вслѣдствіе общественнаго или частнаго угнетенія.

Не то ли самое было въ Польшѣ? Личныя качества императора Николая и собственное благосостояніе Польши ни малѣйшаго не имѣли вліянія на тамошнюю революцію. Она должна была возгорѣться независимо отъ благоденствія или злосчастія націи.

Такого рода твореніе, на французскомъ языкѣ изданное, произвело бы желаемое дѣйствіе и я предлагаю в. п. мѣру сію, какъ истинно весьма полезную. Здѣсь намъ вовсе невозможно предпринять сего труда, хотя предметъ онаго имѣетъ интересъ совершенно европейскій; для сего нужно имѣть основательныя свѣдѣнія въ законодательствѣ Царства Польскаго и находиться въ Варшавѣ, гдѣ самыя достовѣрныя извѣстія о всѣхъ событіяхъ могутъ быть собраны.

Французскіе революціонеры распространяютъ повсюду мнѣніе, что польскіе мятежники имѣли единственною цѣлію: «свободу».

Французы и легкомысленные германцы не мало бы изумились, еслибъ подобное сочиненіе открыло имъ глаза, удостовѣривъ ихъ, что мятежники не только не искали свободы личной, но не заботились даже объ обезпеченіи правъ собственности и что вся революція была произведена однимъ лишь дворянствомъ.

Я любопытенъ знать на что рѣшится государь императоръ; ему предстоитъ разрѣшеніе трудной задачи.

Не легко въ короткое время возвратить въ границы народъ польскій, находящійся въ крайнемъ нравственномъ развращеніи. Примите и проч.

Изъ исторіи священнаго союза.

1832 годъ.

(Перев. съ франц.). Краткое изложеніе инструкціи, которую е. в. соблаговолилъ дать лично ген. Нейдгардту по поводу его секретнаго порученія въ Берлинъ, данной 4-го (16) апрѣля 1832 г.

1) Е. в. глубоко убѣжденъ въ томъ, что континентальная война неизбѣжна и что все сдѣланное до сихъ поръ для поддержанія мира могло лишь отсрочить это столкновеніе.

2) Въ случаѣ разрыва между Франціей и великими союзными державами, е. в. не желаетъ иначе принять участіе въ войнѣ, какъ имѣя 200,000 войска.

3) Е. в. желаетъ, чтобы его армія находилась въ центрѣ, между прусской и австрійской арміями; русская армія не должна разъединяться, но е. в. согласенъ на то, чтобы одинъ или даже два корпуса были отдѣлены отъ нея и присоединены къ прусской арміи и обратно, чтобы доказать этимъ тѣсную дружбу, связующую обоихъ монарховъ. Е. в. согласенъ также соединить гвардейскіе корпуса русской и прусской арміи, если это будетъ найдено нужнымъ, чтобы образовать большой резервъ изъ отборныхъ частей обѣихъ армій.

4) Главное направленіе, по которому е. в. желаетъ, чтобы слѣдовала его армія, идетъ приблизительно черезъ центральную Германію на Франкфуртъ на Майнѣ, исключая тѣхъ измѣненій, какія потребуетъ обсужденный уже планъ похода и тотъ планъ, который придется составить съ нашей стороны.

5) Такъ какъ порученіе, возлагаемое на генерала Нейдгардта, не

имѣетъ иной цѣли какъ разъясненіе вышеупомянутыхъ пунктовъ, то онъ совершенно не будетъ касаться политическихъ вопросовъ.

6) Е. в. уполномочиваетъ ген. Нейдгардта переговорить съ полной откровенностью и довѣріемъ съ тѣми личностями, которыхъ е. в. король прусскій соблаговолитъ указать ему. Онъ можетъ даже познакомить ихъ съ положеніемъ нашихъ войскъ и съ ихъ настоящимъ расположеніемъ.

7) Ген. Нейдгардту поручено собрать свѣдѣнія о приготовленіяхъ, сдѣланныхъ въ Пруссіи на случай войны. Между прочимъ онъ можетъ спросить эти свѣдѣнія у тѣхъ личностей, на которыя ему укажетъ король.

8) Оффиціальная цѣль его поѣздки присутствовать, проѣздомъ черезъ Берлинъ на воды, на весеннихъ маневрахъ и изучить въ подробности способъ практическаго образованія молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба въ Пруссіи.

9) Е. в. уполномочиваетъ ген. Нейдгардта употреблять для работъ, требующихъ особаго довѣрія, ген. Мансурова и полковника Рамзая.

10) Всѣ депеши должны быть адресованы графу Чернышеву и отправляемы съ курьеромъ.

С.-Петербургъ. 6-го апрѣля 1832 г.

Е. в., найдя это краткое изложеніе инструкціи совершенно согласнымъ съ тѣми приказаніями, какія ему благоугодно было дать лично генералъ-адъютанту Нейдгардту, касательно его секретнаго порученія, подтверждаетъ его какъ инструкцію, могущую служить основаніемъ и руководствомъ въ тѣхъ преніяхъ, въ коихъ ген. Нейдгардту придется принять участіе. Сверхъ того императоръ желаетъ, чтобы въ случаѣ разрыва съ Франціей, ген. Нейдгардтъ предложилъ бы е. в. королю прусскому послать моремъ цѣлую дивизію гвардейской пѣхоты, которая могла бы сойти на берегъ въ Штеттинѣ, соединившись такимъ образомъ съ прусской арміей гораздо прежде, нежели императорская армія можетъ выступить въ походъ (entrer en ligne). Е. в. уполномочиваетъ ген. Нейдгардта потребовать у кого слѣдуетъ конфиденціальныя свѣдѣнія относительно всѣхъ приготовленій, дѣлаемыхъ Пруссіей, на случай войны съ Франціей, и въ замѣнъ сообщить все то, что ему будетъ извѣстно о количествѣ и дислокаціи нашей арміи. Такъ какъ поѣздка, предпринимаемая ген. Нейдгардтомъ, мотивируется главнымъ образомъ его разстроеннымъ здоровьемъ, то оффиціальная цѣль, о которой говорится въ 8-мъ пунктѣ этой записки, можетъ быть измѣнена, что будетъ окончательно рѣшено до его отъѣзда. Графъ А. Чернышевъ.

Résumé de l'instruction que S. M. a daigné donner de vive voix au gén. Neidhardt pour sa mission secrète de Berlin en date du 4 (16) avril 1832.

1) S. M. a la conviction intime qu'une guerre continentale est inévitable et que tout ce qui a été fait jusqu'à présent pour le maintien de la paix n'en est qu'un ajournement.

2) En cas de rupture entre la France et les grandes Puissances Alliées, S. M. ne veut autrement prendre part à la guerre qu'avec une masse de 200,000 hommes.

3) Elle désire que son armée soit au centre, entre l'armée Prussienne et entre l'armée Autrichienne; l'armée Russe restera ensemble, mais S. M. consent à ce que un ou même deux corps d'armée en soient détachés pour être réunis à l'armée Prussienne et vice versa, afin de donner une preuve de l'alliance intime qui unit les deux souverains. S. M. consent aussi, si on le trouvera nécessaire, de réunir les corps de la Garde Russe et Prussienne pour former une grande réserve de troupes d'élite pour les deux armées.

4) La direction générale que S. M. désire donner à son armée serait à peu près par l'Allemagne centrale sur Francfort S. Main, sauf les modifications que demanderait le plan de campagne déjà discuté et à combiner de notre part.

5) La mission du Gén. Neidhardt n'ayant d'autre but que celui de se concerter sur les points ci dessus mentionnés, toute question politique lui reste étrangère.

6) S. M. autorise le Gén. Neidhardt à parler avec confiance et franchise aux personnes auxquelles S. M. le Roi voudra bien l'adresser. Je peut même leur faire connaître l'état de situation et l'emplacement actuel de nos troupes.

7) Le Gén. Neidhardt est chargé de prendre des informations sur les préparatifs déjà faits en Prusse pour le cas d'une guerre. Entre autre peut-il aussi demander des renseignements sur ces objets aux personnes auxquelles il sera adressé.

8) Le but ostensible de son voyage est celui d'assister en passant par Berlin pour aller aux eaux, aux manoeuvres du printemps et de connaître en détail le mode d'instruction pratique des jeunes officiers de l'état major en Prusse.

9) S. M. autorise le Gén. Neidhardt d'employer pour un travail de confiance le Gén. Manzouroff ainsi que le Colonel Ramsay.

10) Toutes les dépêches doivent être adressées au comte Czernicheff et expediées par courrier.

St.-Petersbourg, le 6 Avril 1832.

L'Empereur trouvant ce résumé entièrement conforme aux ordres qu'il lui a plut de donner directement à l'aide de camp général Neidhardt concernant sa mission secrète, S. M. le confirme comme devant servir de base et de règle de conduite dans les discussions auxquelles le Gén. Neidhardt sera appelé de prendre part. L'Empereur désire en outre, que pour le cas de rupture avec la France, M. de Neidhardt propose à S. M. le Roi de Prusse l'envoi par mer de toute une division de l'infanterie de la garde, qui pourra débarquer à Stettin et de cette manière se joindre à l'armée Prussienne bien avant que l'armée Impériale ne puisse entrer en ligne. S. M. autorise le Gén. Neidhardt de demander à qui de droit, communication confidentielle de tous les préparatifs et arrangements faits en Prusse pour le cas d'une guerre avec la France, en réciprocité de tous les renseignements qu'il pourra fournir sur la force de nos armées et leur dislocation. Le voyage qu'entreprend le Gén. Neidhardt, étant motivé principalement sur l'état de sa santé, le but ostensible dont il est question dans l'article 8 de cette note est susceptible de modification, ce qui sera déterminé avant son départ. C-te A. Czernicheff.

Ген.-ад. Нейдгардтъ — гр. А. И. Чернышеву.

Берлинъ. 4-го (16) мая 1832 г.

(Перев. съ франц.). Графъ, важныя извѣстія, полученныя сегодня по утру изъ Лондона, побудили Рибопьера доставить ихъ въ Петербургъ съ эстафетой и я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сообщить в. с—ву о ходѣ даннаго мнѣ порученія.

Мое появленіе здѣсь, какъ я имѣлъ уже честь извѣстить васъ въ моемъ предъидущемъ письмѣ, возбудило нѣкоторый страхъ. Всѣ думали, что я долженъ буду присутствовать на совѣщаніяхъ, которыя будутъ происходить между генералами Кнезебекомъ, графомъ Кламомъ, Гертигомъ и Мангольдомъ съ цѣлью сдѣлать распоряженія относительно 7-го и 8-го корпуса Германскаго Союза. Но послѣ объясненій моихъ съ генералами Вицлебеномъ, Кламомъ и Кнезебекомъ, когда я заявилъ имъ, что инструкція, данная мнѣ, не уполномочиваетъ меня вступать въ переговоры съ виртембергскими и баварскими генералами, но что е. в. императоръ Россіи посылаетъ меня къ е. в. королю прусскому съ тѣмъ, чтобы переговорить объ общемъ планѣ кампаніи съ тѣми лицами, на которыя укажетъ мнѣ е. к. в., то всѣ затрудненія были этимъ устранены и я надѣюсь, что мнѣ удастся

исполнить то порученіе, которымъ е. и. в. угодно было почтить меня. Однако, я не могу еще сообщить в. с—ву ничего положительнаго и чтобы быть вполнѣ точнымъ, скажу вамъ только, что я предвижу лишь возможность достигнуть этой цѣли. Не передавая вамъ въ подробности моихъ бесѣдъ съ генералами Вицлебеномъ, Кламомъ и Кнезебекомъ, я долженъ однако сообщить в. с—ву, что мнѣ не особенно легко было освоить ихъ со своею мыслію и убѣдить ихъ, что тремъ державамъ не только нужно, но даже необходимо условиться заранѣе на счетъ тѣхъ мѣръ, какія слѣдуетъ принять на случай войны, и что конференціи съ членами Германскаго Союза составляютъ предметъ второстепенный, и поэтому не входятъ въ его порученіе. Мнѣ кажется, что осторожность иныхъ вызвана опасеніемъ, что 200,000 русскаго войска будутъ слишкомъ большимъ противовѣсомъ въ этомъ случаѣ [1]). Мнѣ обѣщали сообщить на дняхъ все, что сдѣлано до сихъ поръ, увѣряя меня, что отчетъ этотъ уже составляется, и что онъ будетъ представленъ королю прежде, нежели его передадутъ мнѣ.

Въ Потсдамѣ е. в. король прусскій говорилъ со мною лишь о постороннихъ предметахъ, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ; е. в. соблаговолилъ освѣдомиться о моемъ здоровьи и о томъ, какими водами я намѣренъ пользоваться. Князь Витгенштейнъ и генералы Кнезебекъ и Вицлебенъ высказали мнѣ, что, по мнѣнію короля, слишкомъ продолжительное пребываніе мое здѣсь можетъ возбудить подозрѣніе и, какъ они думаютъ, можетъ вызвать даже рѣшительныя дѣйствія со стороны французскаго правительства, если оно дѣйствительно ищетъ предлога къ разрыву; чтобы предупредить собирающуюся грозу, и не имѣя возможности представить на эти доводы никакого убѣдительнаго возраженія, я воспользовался этимъ случаемъ и настаивалъ на необходимости начать и кончить все какъ можно скорѣе. Такъ какъ маневры окончатся 13-го (25) мая, то мнѣ придется можетъ быть выѣхать отсюда 18-го (30) мая и такъ какъ это обстоятельство можетъ поставить меня въ весьма затруднительное положеніе, то я убѣдительно прошу в. с—во снабдить меня инструкціями.

Между тѣмъ я совѣтовался съ Гуфландомъ о моемъ здоровьи и онъ также совѣтывалъ мнѣ морскія купанья, поэтому я намѣреваюсь пользоваться ими въ Добранѣ или Травемюнде.

---

[1]) На полѣ приписка: „Какое заблужденіе! Эти-то несчастные разсчеты и были причиною того, что первыя войны революціи оказались такъ гибельны для человѣчества!“

Если бы отъѣздъ мой сдѣлался неизбѣжнымъ до полученія отвѣта отъ в. с—ва, то я отправлюсь тѣмъ временемъ на поклонъ къ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ и проѣздомъ оттуда въ Добранъ совершенно естественно могу вновь посѣтить Берлинъ.

В. с—во были столь добры, пообѣщавъ мнѣ сообщать о всѣхъ перемѣнахъ, какія могутъ произойти въ расположеніи войскъ. Убѣдительно прошу васъ, графъ, сдѣлать распоряженіе по этому поводу и увѣдомить меня въ то же время, по сколько орудій будетъ въ каждой батареѣ при выступленіи въ походъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть, графъ, в. с—ва всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга Александръ Нейдгардтъ.

Отмѣтка гр. Чернышева: «Сію минуту получилъ я это письмо и спѣшу довести его до свѣдѣнія в. в.; въ то же время прошу сообщить мнѣ приказанія в. в. по поводу того, что мнѣ слѣдуетъ предписать ген. Нейдгардту».

Отмѣтка Николая I: «Не имѣя отъ короля ни слова въ отвѣтъ на то, что я писалъ ему, я не могу ничего сказать; пусть Нейдгардтъ остается въ Берлинѣ, притворяясь больнымъ. Все это крайне прискорбно». (Tout cela est du dernier pitoyable).

Berlin. Ce 4 (16) Mai 1832.

Monsieur le Comte. Les nouvelles importantes arrivées ce matin de Londres ont décidé M-r de Ribeaupierre de les faire parvenir à St.-Petersbourg par estafette et je profite de cette bonne occasion pour soumettre à V. E. où j'en suis avec ma mission.

Mon apparition iei, comme j'ai déjà eu l'honneur de vous l'annoncer dans ma dernière lettre, avait produit une espèce de crainte. On s'imaginait que je dusse assister nécessairement aux conférences qui vont avoir lieu entre les Généraux Knesebeck, le C-te Klam, Hertig et Mangold et dont le but est de prendre les arrangements pour le 7-me et 8-me corps de la Confédération Germanique. Mais après les explications que j'ai eues avec les Généraux Witzleben, Klam et Knesebek où je leur déclarai que mon instruction ne portait pas d'entrer en pourparlers avec les Généraux Wurtembergois et Bavarois, mais que S. M. l'Empereur m'avait envoyé près de S. M. le Roi pour me concerter sur le plan général avec les personnes auxquelles S. M. voudrait bien m'adresser, les difficultés furent levées et j'ose espérer de pouvoir remplir la commission dont S. M. l'Empereur a daigné m'honorer. Toutefois je ne puis encore annoncer à V. E. rien de positif et pour être plus exact je dirai, que je prévois seulement la possibilité d'arriver au but. Sans

vous entretenir en détail des conversations que j'ai eues avec M. M. les Généraux Witzleben, Klam et Knesebeck, je dois pourtant ne pas laisser ignorer à V. E. qu'il ne m'a pas été tout à fait facile de les faire entrer dans mon idée et de les persuader qu'il etait non seulement nécessaire, mais urgent de se concerter d'avance de la part des trois puissances, pour les mesures à prendre en cas d'une guerre et que les conférences avec les membres de la Confédération Germanique n'etaient qu'un objet secondaire et par conséquent indépendant de ma mission. Il me parait que la réserve de la part des autres est motivée par la crainte que 200,000 Russes sont un poid trop fort dans la balance [1]). On m'a promis qu'un de ces jours, on me communiquerait tout ce qui a été fait jusqu'à présent, en m'assurant qu'on travaille déjà à ce résumé et qu'il sera soumis au Roi avant de m'être remis

A Potsdam S. M. le Roi ne m'a parlé que de choses indifférentes et en présence de plusieurs personnes. Elle a daigné me questionner sur l'état de ma santé et sur les eaux que je dois prendre. Le Prince de Wittgenstein et les Généraux Knesebeck et Witzleben m'ont fait sentir, que d'après l'opinion du Roi, un séjour fort prolongé ici pouvait donner de l'ombrage et à ce que pensaient ces messieurs amener même des démarches décisives de la part du gouvernemént français, si tant est, qu'il veuille en venir à une rupture, pour prévenir l'orage qui se forme; ne pouvant opposer aucun raisonnement valable à ces objections, j'ai profité de cette circonstance et appuyé sur la nécessité de commencer et finir le plutôt possible. Les manoeuvres n'allant pas au de là du 13 (25) Mai, je serai peut être obligé de partir d'ici le 18 (30) Mai et comme ce cas pourrait être fort embarassant pour moi je supplie V. E. de ne pas me laisser sans instructions.

En attendant j'ai consulté M. Houffland sur l'état de ma santé, qui m'a également conseillé les bains de mer, que je compte prendre soit à Dobran soit à Travemünde.

Si mon départ devenait indispensable avant même, que je n'eusse de réponse de la part de V. E., j'irai faire en attendant ma cour à S. A. I. M. la Grande Duchesse Marie et mon voyage à Dobran me raménerait à Berlin d'une manière assez naturelle.

V. E. a eu la bonté de me promettre de me tenir au courant des changements qui pourraient subvenir dans l'emplacement des troupes. Je vous supplie, M. le comte, de donner vos ordres la dessus et vouloir

---

[1]) Quel aveuglement. Ce sont ces misérables calculs qui ont rendu les premières guerres de la révolution aussi désastreuses pour l'humanité!!!

(Помѣта гр. Чернышева).

bien m'informer en même temps à combien de pièces toutes les batteries se mettront en campagne.

C'est avec le plus profond respect que j'ai l'honneur d'être, M. le C-te, de V. E. le très humble et très obéissant serviteur Alexandre de Neidhardt.

Отмѣтка гр. Чернышева: «Je reçois cette lettre au moment même; je m'empresse de la porter à la connaissance de V. M. et de la supplier de me donner Ses ordres sur ce que j'ai à prescrire au Gén. Neidhardt».

Отмѣтка Николая I: «N'ayant pas un mot de la part du Roi en réponse à ce que je lui ai écrit, je ne puis rien dire, si non que Neidhardt doit rester à Berlin faisant le malade. Tout cela est du dernier pitoyable».

Графъ Чернышевъ—императору Николаю.

Отъ 13-го мая 1832 года

(Перев. съ франц.). Желая какъ можно скорѣе исполнить приказанія, которыя в. в. соблаговолили дать мнѣ для передачи генералу Нейдгардту, я обратился къ вице-канцлеру съ цѣлью узнать не будетъ ли въ скоромъ времени надежной оказіи въ Берлинъ; графъ Нессельроде извѣстилъ меня сегодня утромъ, что завтра будетъ такая оказія, ибо днемъ отправляется пароходъ, съ которымъ и онъ намѣренъ послать свои депеши.

По этому случаю я поспѣшилъ написать прилагаемое при семъ письмо къ ген. Нейдгардту; если в. в. соблаговолите одобрить содержаніе его, то мнѣ было бы необходимо узнать по этому поводу приказанія ваши сегодня вечеромъ или завтра рано утромъ. Гр. А. Чернышевъ.

(Собственной рукой его величества на запискѣ написано карандашемъ):

«Совершенно одобряю ваше письмо; вы можете прибавить еще, что генералъ Нейдгартдъ можетъ высказать конфиденціально, что зная мой характеръ, онъ считаетъ долгомъ предупредить, что если на мою готовность отзовутся недовѣрчиво и въ особенности, если отнесутся съ недовѣріемъ къ искренности моихъ намѣреній, то онъ увѣренъ [1]), что я не позволю ни одному русскому перейти границу и предоставлю Европу участи, которую она себѣ готовитъ.

---

[1]) Три раза подчеркнуто государемъ.

Désirant remplir au plûtot les ordres que V. M. a bien voulu me donner pour le Général Neidhardt, je me suis adressé au Vice-chancelier pour savoir s'il n'avait pas d'occasion sûre et prochaine pour Berlin; le Comte Nesselrode m'a averti ce matin, que le départ du pyroscaphe dans la journée de demain lui en fournirait une par laquelle il expédiait les propres dépêches.

Je me suis empressé de tracer la lettre ci-jointe à l'adresse du G. Neidhardt; si V. M. daigne en approuver le contenu, il serait nécessaire que je reçoive ses ordres sur ce sujet ce soir ou demain matin de bonne heure. C-te A. Czernicheff.

(Собственною рукою его величества на запискѣ написано карандашемъ):

«J'approuve parfaitement votre lettre; vous pouvez ajouter encore que le Général Neithardt peut faire sous entendre confidentiellement, que connaissant mon caractère, il devait prévenir, que si l'on repond à mon empressement par de la méfiance et surtout si l'on me laissait apercevoir de la défiance sur la sincérité de mes intentions, il était sûr [1]) que je ne permettrais pas à un seul Russe de passer la frontière et que j'abandonnerai l'Europe au sort qu'elle se prépare».

Г.-а. Нейдгардтъ—графу А. И. Чернышеву.

Берлинъ, 30-го апрѣля (12 мая) 1832 г.

(Переводъ съ франц.) ...Обсуждались основные пункты оборонительнаго образа дѣйствій со стороны Германіи на случай нападенія на нее; съ этою цѣлью прибылъ уже виртембергскій генералъ Мангольдъ, начальникъ главнаго штаба, и ожидается въ самомъ непродолжительномъ времени прибытіе одного баварскаго генерала... Мое появленіе здѣсь совершенно неожиданно... Я нахожусь въ Берлинѣ въ качествѣ больнаго путешественника.

Берлинъ, 19-го (31) мая 1832 г.

.... На одномъ изъ ученій, е. к. в. угодно было подозвать меня въ то время, какъ его многочисленная свита находилась поодаль... Болѣе продолжительное пребываніе съ моей стороны могло возбудить подозрѣніе... Хотя вообще принято, чтобы генералъ адъютанты е. в., находясь здѣсь съ особыми порученіями (en mission), пользовались экипажемъ отъ двора, но онъ [2]) не счелъ удобнымъ отдать приказаніе по этому поводу, дабы устранить всякое подозрѣніе, которое могло быть возбуждено моимъ появленіемъ въ Берлинѣ.

---

[1]) Три раза подчеркнуто государемъ.

[2]) Король Фридрихъ Вильгельмъ III.

Берлинъ, 30 апрѣля (12 мая) 1832 г.

.... On était à poser les bases d'un plan défensif pour l'Allemagne pour le cas d'une agression et que pour cet effet était déjà arrivé le Général Wurtembergeois Mangold, chef de l'Etat Major, et qu'on attendait incessament l'arrivée d'un Général Bavarois.... Mon apparition ici est tout à fait inattendue.... Je suis à Berlin comme voyageur malade.

Берлинъ, 19 (31) мая 1832 г.

.... A un des exercices S. M. le Roi a daigné m'appeler dans un moment où sa nombreuse suite était éloignée.... un séjour prolongé de ma part pouvait donner de l'ombrage.... Quoiqu'il fut d'usage que les aides de camp Généraux de S. M. en mission ici eussent d'ordinaire un équipage de la cour, Elle [1]) n'avait pas jugé à propos de donner ses ordres là dessus, afin d'écarter toute espèce de soupçon, que pourrait faire naître mon apparition à Berlin.

Графъ А. И. Чернышевъ—г.-а. Нейдгардту.

С-Петербургъ, 14 го (25) мая 1832 г.

(Переводъ съ франц.). Любезный генералъ, е. в. остался доволенъ вашимъ поведеніемъ и вполнѣ оцѣнилъ трудность вашего положенія. Прежде всего я долженъ высказать вамъ тѣ прискорбныя чувства, которыя мы испытали, узнавъ объ удивленіи и объ опасеніяхъ, вызванныхъ вашимъ появленіемъ въ Берлинѣ, тогда какъ эта мѣра, принятая нашимъ августѣйшимъ монархомъ, должна бы послужить только несомнѣнной гарантіей къ сохраненію порядка и спокойствія въ Европѣ. Впрочемъ, вамъ хорошо извѣстно, чѣмъ именно было вызвано возложенное на васъ порученіе. Сообщеніе, полученное нашимъ кабинетомъ относительно предполагаемыхъ оборонительныхъ мѣръ, которыя обсуждаются Австріей и Пруссіей совмѣстно съ Германскимъ Союзомъ на случай войны съ Франціей, было принято императоромъ съ удовольствіемъ, ибо е. в. находитъ, что подобное согласіе внушено здравой политикой, и что только организація громадныхъ оборонительныхъ средствъ представляла, можетъ быть, возможность предупредить эту войну и ограничить духъ пропаганды, сдѣлавшій уже столь опасные успѣхи. Такъ какъ е. и. в. желаетъ содѣйствовать общимъ оборонительнымъ мѣрамъ, то весьма естественно и даже не-

[1]) Король Фридрихъ Вильгельмъ III.

ходимо было императору высказать, какимъ образомъ ему благо-
годно будетъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, отнюдь не съ цѣлью
ызвать этимъ войну, а съ тѣмъ чтобы приступить къ рѣшительнымъ
оеннымъ дѣйствіямъ въ пользу союзниковъ въ случаѣ, еслибы враж-
ебныя дѣйствія начались по причинамъ, отъ нихъ независящимъ.
акова была цѣль возложеннаго на васъ порученія, любезный гене-
алъ, въ такомъ именно смыслѣ вы должны представить его кому
лѣдуетъ; вопросъ о томъ слѣдовало ли вамъ присутствовать на со-
ѣщаніяхъ съ германскими генералами былъ совершенно лишній;
се, что относится до организаціи и внутренняго устройства корпу-
овъ, принадлежащихъ Германскому Союзу, насъ не касается; ваше
ѣло обсудить лишь общія мѣры обороны, вмѣстѣ съ генералами
незебекомъ и гр. Кламомъ, и такъ какъ 7 и 8 корпуса должны
ойти въ общую систему обороны, то можно надѣяться, что вамъ
сообщатъ конфиденціально все то, что будетъ рѣшено по поводу
тихъ корпусовъ, дабы согласовать это съ общимъ планомъ военныхъ
ѣйствій. Такъ какъ этотъ планъ и общія мѣры принимаются лишь
а всякій случай и могутъ быть намѣчены лишь въ общихъ чертахъ,
е вдаваясь особенно въ подробности, то я полагаю, что въ основ-
ыхъ чертахъ все это можетъ быть рѣшено довольно скоро, лишь бы
всѣ сошлись во мнѣніяхъ относительно главнаго направленія и той
оли, которую будутъ играть выдвинутые корпуса. Особенно важенъ
этотъ послѣдній пунктъ и онъ заслуживаетъ серьезнаго обсужденія;
го, что сказано вамъ по этому поводу, могло бы только повлечь за
собою самыя пагубныя послѣдствія; предоставить германскія войска
ихъ собственнымъ силамъ, заставить ихъ вынести всю тяжесть на-
паденія со стороны Франціи въ первую кампанію, значило бы по-
вторить ошибки, сдѣланныя во время первыхъ войнъ революціи, под-
вергнуть себя пораженію по частямъ и въ особенности рисковать
всѣмъ тѣмъ, что можетъ породить въ самой Германіи появленіе по-
бѣдоносныхъ французскихъ войскъ и пропаганда ихъ принциповъ.
Самыя коренныя правила войны подсказываютъ намъ повидимому
совершенно другія соображенія; было бы разумнѣе назначить для
нѣмецкихъ корпусовъ извѣстные пункты, въ которыхъ они могли бы
сосредоточиться въ тылу (en arrière), съ тѣмъ чтобы лучше обусло-
вить возможность наступленія и дать имъ средство получить под-
крѣпленіе, не будучи еще разстроенными; поэтому военныя дѣйствія
союзниковъ должны бы представлять двѣ отдѣльныя фазы: первая
фаза, исключительно оборонительная, т. е. сосредоточеніе въ
тылу тѣхъ изъ выставленныхъ корпусовъ, которымъ угрожала бы
опасность быть разбитымъ по отдѣльности, и вторая—чисто насту-

пательная, когда придется двинуть всѣ наличныя силы союзниковъ или, по крайней мѣрѣ, когда придется выстроить ихъ эшелонами такимъ образомъ, чтобы онѣ могли поддерживать и подкрѣплять другъ друга.

Я вдался въ эти подробности лишь съ тѣмъ, чтобы вы знали какъ отнесся е. в. къ извѣстіямъ, полученнымъ нами изъ Берлина. Теперь мнѣ остается поговорить съ вами о намекахъ, дѣлаемыхъ по поводу необходимости сократить ваше пребываніе въ Берлинѣ; императоръ, не имѣя еще отвѣта е. к. в. на письмо, отправленное съ вами, желаетъ, въ случаѣ, если настоящее письмо застанетъ еще васъ въ Берлинѣ, чтобы вы остались тамъ подъ предлогомъ болѣзни до тѣхъ поръ, пока императоръ не узнаетъ настоящихъ мыслей своего августѣйшаго тестя по поводу этого важнаго предмета; и такъ руководствуйтесь этимъ соображеніемъ и дѣйствуйте съ тѣмъ тактомъ и съ тою осторожностью, коими вы всегда отличаетесь. Впрочемъ, если вамъ удастся окончить все скоро и хорошо, основываясь исключительно на словесной инструкціи, которую вы удостоились получить, то это значительно могло бы содѣйствовать успокоенію тѣхъ, кому ваше пребываніе въ Берлинѣ внушаетъ столько опасеній.

P. S. Оканчивая это письмо, я считаю долгомъ присовокупить еще одно весьма серьезное и весьма важное соображеніе, дѣлая это лишь въ интересахъ Европы и самихъ союзниковъ. Вы знаете характеръ императора; я увѣренъ, что нельзя найти характера болѣе благороднаго, болѣе честнаго, смѣю сказать даже болѣе прямодушнаго и искренняго во всѣхъ отношеніяхъ; таковымъ характеромъ и прямотою души его запечатлѣны, по моему мнѣнію, всѣ его политическія сношенія и на его слово можно положиться вполнѣ; за то и онъ, съ своей стороны, имѣетъ право требовать того же отъ другихъ.

Если бы, къ несчастію, съ нимъ поступили иначе, то все было бы потеряно; всѣмъ извѣстная твердость императора не можетъ оставить по этому поводу никакого сомнѣнія! Поэтому я считаю весьма важнымъ, чтобы вы дали понять конфиденціально кому слѣдуетъ, что зная превосходно характеръ нашего государя, вы считаете долгомъ предупредить, что если желаніе его содѣйствовать общему дѣлу будетъ встрѣчено недовѣрчиво и въ особенности, если будетъ выказано недовѣріе къ прямотѣ и искренности его намѣреній, то вы убѣждены, что е. в. не дозволитъ ни одному русскому солдату перейти границу, что бы ни случилось съ Европой!!! Остается взвѣсить послѣдствія, могущія изъ этого произойти, и сообразить, что можетъ грозить опасностью монархамъ, ихъ правительствамъ и всему соціальному строю вообще.

С.-Петербургъ, 14 (25) мая 1832 г.

Mon cher Général. S. M. a été satisfaite de la conduite que Vous avez tenu et apprécie la difficulté de votre position. Avant toute chose je dois V. exprimer les sentiments pénibles, que nous avons eprouvé, en apprenant l'éspèce de crainte et d'étonnement qu'a pro luit votre apparition à Berlin, lorsque cette démarche de notre auguste M. n'aurait dû être considérée que comme une des plus fortes garanties pour la conservation de l'ordre et de la stabilité en Europe. D'ailleurs Vous n'ignorez point ce qui a motivé la mission qui vous a éte confiée. La communication qu'a été faite à notre cabinet des mesures éventuelles de défense que concertaient l'Autr. et la Prusse avec la Conférence allemande, pour le cas d'une guerre avec la France, a été acceuillée avec plaisir par l'Empereur, parce que S. M. a trouvé qu'un pareil concert était dicté par une saine politique et l'organisation de formidables moyens de défense était peut être l'unique ressource de prevenir cette même guerre et de mettre des bornes à l'esprit de propagande qui a déjà fait des progrés si dangereux. Comme S. M. I. était (?) à coopérer aux mesures générales de défense et qu'on y avait même assigné un role à un corps de troupes russes, il était non seulement tout simple, mais même indispensable que l'Emp. enonçat de quelle manière il lui plairait d'y prendre part, non pour provoquer cette guerre, mais pour rendre les op. mil. décisives en faveur des alliés, en cas que les hostilités commencent par des causes indép. de leur volonté. Tel à été le but de votre mission, mon cher G-l, telle est aussi la manière dont Vous devez la faire envisager à qui de droit; la question à décider si Vous avez à assister aux conf. avec les gen. allemands n'en devait pas être une; tout ce qui a trait à l'org. et aux arr. int. des corps appartenant à la Conf. Germ. ne nous regardent pas; votre mission est de Vous entendre sur les mesures générales de défense avec les Gen. Knesebek et C-te Clam et comme les 7 et 8 corps doivent entrer dans le syst. gen. de défense, il est à espérer qu'on Vous communiquera confid. ce qui aura été décidé à leur égard, afin de pouvoir le combiner avec l'ensemble du plan d'opérations. Ce plan et ces vues générales ne pouvant être qu'éventuels et tracés à grands traits, sans s'apesantir sur trop de détails, je ne pense pas qu'il soit fort long d'en arrêter les bases, pourvu qu'on tombe d'accord sur les princ. directions et sur le rôle que doivent jouer les corps avancés. Ce dernier point est très important et mérite de graves reflexions; ce qui Vous a été dit sur ce sujet ne pourrait produire que les cons. les plus désastreuses; abandonner les troupes germ. à leur propre force, leur faire supporter tout le poids d'une agression de la France durant la prem. campagne serait répéter les fautes commises dans les premières

guerres de la révolution, s'exposer à être battu séparément, et de plus courir toutes les chances que l'apparition victorieuse des Fr. et la propagande de leurs principes peuvent faire naître dans le sein de l'Allemagne elle-même. Les vrais principes de la guerre semblent devoir dicter d'autres combinaisons; il serait plus sage de désigner aux corps allemands des points de concentrations en arrière afin de mieux constaler l'agression et les mettre à même de pouvoir être secourues sans s'être laisser entamer; les op. des alliés devraient donc avoir deux époques, la pr. toute déf., c. a. d. la concentrer en arrière des corps avancés et qui pourraient courir le risque d'être écrasé séparément, et la seconde periode, toute off., entreprise déjà avec la presque totalité des forces alliées ou du moins echelonnées de manière à ce qu'elles puissent se soutenir et se renforcer réciproquement.

Je ne suis entré dans ces détails que pour Vous faire connaître la manière dont S. M. a envisagé les nouv., qui nous sont parvenues de Berlin. Il me reste actuellement à vous parler des insinuations qui Vous ont été faites sur la nécessité d'abréger votre séjour à Berlin; l'Emp. n'ayant point encore reçu de réponse de la part de S. M. le Roi à la lettre dont Vous avez été le porteur, désirerait que si la présente Vous trouvait encore à B., V. V. y arrêtiez sous pretexte de maladie, jusqu'à ce que l'Emp. connaisse la véritable pensée de son Auguste Beau Père sur cet objet important; prenez donc cela pour règle et agissez avec le tact et la prudence qui V. dist. si parfaitement. Du reste si en conséquence de l'instr. verbale dont V. avez été honoré, V. pouvez parvenir à finir vite et bien, ce sera autant de gagné pour la tranquillité de ceux à qui votre séjour à B. inspire tant d'inquiétudes.

P. S. Avant de fermer ma lettre je crois en conscience devoir ajouter encore une considération bien grave et bien important et je ne le fais que dans l'intérêt de l'Europe et des alliés eux mêmes. V. connaissez le car. de l'Emp.; je défie qu'on puisse rencontrer un caractère plus noble, plus loyal, j'oserais dire même plus chevaleresquement franc et sincère à tous égards; j'imprime son caractère et sa belle âme à toutes ses relations politiques et l'on peut compter sur sa parole, mais aussi il a droit d'exiger une pleine et entière réciprocité. Si malh. on en agissait autrement vis à vis de Lui, tout serait perdu et la fermeté connue de l'Emp. ne laisse aucun doute à cet égard! Je pense donc, qu'il est très essentiel que V. fassiez sous entendre confid. à qui de droit, que connaissant parfaitement le car. de notre A. M., il était de votre devoir de prevenir, que si l'on répondait à son empressement de cooperer à la cause commune par de la méfiance et surtout si on lui laissait appercevoir de la défiance sur la droiture et le sincérité de ses inten-

tions, Vous êtes sûr que S. M. ne permettrait pas à un seul Russe de passer la fr., quelque chose qu'il arrive en Europe!!! On n'a qu'à peser la cons. d'une part determinables et cons. d'où peut venir le danger pour les souverains, leurs gouv. et l'ordre social en général.

Записка кап. Веригина.

Берлинъ, 11 (23) мая 1823 г.

Капитанъ Веригинъ и. ч. почтительнѣйше донести е. с., что, при отправленіи сего донесенія, его пр. Александръ Ивановичъ одержимъ былъ сильнымъ лихорадочнымъ припадкомъ, который едва-ли позволитъ ему выѣхать сегодняшняго числа изъ дома, для собранія извѣстныхъ е. с. свѣдѣній. — Его пр. лежитъ въ постелѣ, а по словамъ доктора, болѣзнь его не столь маловажна, дабы пренебрегать оною.

Князь М. Д. Горчаковъ въ Брюнѣ на австрійскихъ маневрахъ.

(Изъ отчета его кн. И. Ѳ. Паскевичу).

1834.

Варшава, 11-го сентября 1834 г.

При отъѣздѣ моемъ изъ Брюна, императоръ австрійскій (Францъ I) приказалъ мнѣ довести до свѣдѣнія е. и. в., что онъ принялъ съ чувствами искренней признательности привѣтствіе, ему оказанное Г. И. присылкою меня къ нему съ поздравленіемъ о благополучномъ его прибытіи въ Брюнъ, и что былъ бы весьма счастливъ видѣться еще разъ съ е. и. в.

Здоровье австрійскаго императора (Франца I) весьма хорошо, судя по его лѣтамъ. Онъ проводилъ во время ежедневныхъ смотровъ по 3, 4 и даже по 5-ти часовъ на лошади.

Императоръ, какъ извѣстно, весьма любимъ народомъ; но безпокойствія, въ Венгріи начинающіяся, его тревожатъ. Онъ неоднократно говорилъ мнѣ, что въ Венгріи дѣла идутъ дурно. Вообще видно, что онъ опасается и наружной войны, и послѣдствій вольнодумства, въ Венгріи распространяющагося. О духѣ италіянскихъ провинцій я не имѣлъ случая слышать его сужденія. Относительно прочихъ областей и въ особенности о войскахъ онъ отзывается всегда съ величайшею похвалою. Армію свою, не взирая на составъ цѣлыхъ полковъ изъ италіянцевъ и поляковъ, онъ считаетъ совершенно преданною: извѣстно, что въ польскихъ и италіянскихъ полкахъ бо́льшая

часть унтеръ-офицеровъ и почти всѣ офицеры изъ нѣмецкихъ уроженцевъ. Изъ всѣхъ его словъ видно, что въ трудныхъ обстоятельствахъ, коихъ скораго приближенія ожидаетъ не скрывая, онъ считаетъ первѣйшею опорою союзъ Г. И. Онъ повторилъ мнѣ въ разныхъ разговорахъ, можетъ быть болѣе десяти разъ, что находится въ авангардѣ, и что полагаетъ величайшимъ счастіемъ имѣть могущественнаго союзника, который не только подастъ ему руку помощи въ случаѣ наружной войны, но, если нужно, содѣйствуетъ къ прекращенію внутреннихъ безпорядковъ (разумѣя Галицію и Венгрію). «Вашъ государь, говорилъ онъ неоднократно, въ случаѣ нужды не только будетъ дѣйствовать дружно со мною, но обезпечитъ мой тылъ».

Замѣтно также, что австрійскій императоръ имѣетъ самое живое желаніе видѣться еще разъ съ е. и. в.

При отъѣздѣ моемъ императоръ приказалъ мнѣ довести до свѣдѣнія е. и. в. все, что я видѣлъ хорошее и дурное..... Императоръ былъ вообще весьма доволенъ осмотромъ войскъ и произвелъ командовавшаго оными графа Моцукелли въ генералы отъ кавалеріи.

Во все время пребыванія моего въ Брюнѣ, императоръ былъ весьма милостивъ ко мнѣ. Я откланялся ему въ день послѣднихъ маневровъ 4 (16) сентября. Императоръ остался послѣ сего въ Брюнѣ еще на два дни для свиданія съ герцогинею Ангулемскою, предполагая потомъ отъѣхать на нѣсколько дней въ Ольмюцъ, для осмотра крѣпостныхъ работъ, и потомъ, возвратясь еще на сутки въ Брюнъ, взять обратный путь къ Вѣнѣ.

....Вообще можно сказать про австрійскую армію, что она по весьма многимъ частямъ имѣетъ очень хорошія основанія, но нужно бы, какъ говорится въ Россіи, взять ее въ руки и перевернуть.

....Одиночная выправка весьма некрасива и не единообразна, но вообще не замѣтно безобразныхъ людей. Шагъ весьма некрасивый: въ австрійской арміи имѣется два шага: обыкновенный 90 шаговъ въ минуту и удвоенный (для построеній и быстрыхъ движеній) въ 120 шаговъ. Во время движенія симъ послѣднимъ шагомъ, безпрестанно бьется барабанъ, для означенія такты.

О стрѣльбѣ въ цѣль и ружейныхъ пріемахъ я не могу судить, ибо не имѣлъ случая видѣть ни отдѣльнаго баталіоннаго ученья, ни стрѣльбы въ цѣль.

....Я присутствовалъ при трехъ военныхъ маневрахъ. Движенія, впрочемъ несложныя, производились вообще въ порядкѣ и безъ торопливости. Общія предположенія главнокомандующаго генерала графа Мацукелли, можно сказать, были нѣсколько ошибочны; ибо онъ предположилъ два раза, что непріятель будетъ обманутъ его

фальшивыми атаками, тогда какъ съ непріятельской позиціи всѣ его движенія были видны очень ясно, и сверхъ того при одномъ маневрѣ онъ назначилъ главной кавалерійской массѣ движеніе, вовсе несоотвѣтственное ни съ мѣстностію, ни съ свойствомъ самаго оружія. Отъ сихъ ошибокъ потерпѣло и самое исполненіе. Кромѣ того замѣтно, что въ корпусѣ, при Брюнѣ собранномъ, не было дано войскамъ ясныхъ понятій о совокупномъ употребленіи разныхъ оружій. Кавалерія и пѣхота стояли часто перемѣшанными въ нѣсколькихъ линіяхъ; артиллерія не приготовляла атакъ своимъ огнемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ не поспѣвала на должныя мѣста, даже и къ самой минутѣ натиска. Безпрестанное употребленіе развернутыхъ линій, одна за другою, и движенія пѣхоты и кавалеріи колоннами на полныя дистанціи, часто даже бокомъ къ непріятелю, безъ всякаго прикрытія передъ собою, ясно доказывали невыгоды малой тактики, въ Австріи употребляемой, и придавали движеніямъ излишнюю медленность и большую военную неправильность.

Главнокомандующій въ Италіи графъ Радецкій, почитающійся лучшимъ генераломъ въ Австріи, кажется чувствуетъ помянутыя невыгоды. Онъ предложилъ разныя новыя введенія по части тактики, но оныя еще не приняты. Сколько я могъ узнать изъ разсказовъ, предположенія его состоятъ во введеніи большаго употребленія густыхъ колоннъ и боевыхъ порядковъ, подобно употребляемымъ въ Россіи; но онъ принимаетъ за единицу не дивизію, а бригаду..... Кн. М. Горчаковъ.

Всеподданнѣйшая записка князя Паскевича.

24-го мая 1844 г.

Безпрестанно открываемыя поползновенія молодыхъ людей здѣсь къ вреднымъ дѣйствіямъ противъ правительства происходятъ между прочимъ и отъ того, что боясь общаго мнѣнія, они не идутъ въ военную службу и не хотятъ служить по гражданской части въ имперіи; а поелику въ Царствѣ Польскомъ гораздо болѣе людей, нежели мѣстъ для кончившихъ науки въ гимназіяхъ, и пріобрѣтшій познанія выше состоянія своего не имѣетъ средствъ къ приличному содержанію себя, ибо чтобы попасть на какое нибудь штатное мѣсто, хотя въ 1,200 злотыхъ или 180 р. серебромъ годоваго оклада, онъ долженъ пробыть нѣсколько лѣтъ безплатнымъ апликантомъ,— то наука демократовъ всего скорѣе наполняетъ его воображеніе и представляетъ виды достиженія чего нибудь лучшаго въ политическихъ перемѣнахъ.

Принимая все это въ соображеніе, и дабы уменьшить въ краю подобныхъ мечтателей,—я опредѣляю таковыхъ, ежели по формальному слѣдствію и по собственноручному сознанію, они оказываются виновными въ какомъ нибудь легкомъ политическомъ преступленіи,—въ военную службу, въ зачетъ рекрутскаго набора.

Мѣра эта представляетъ двѣ выгоды: избѣгавшій службы, по ложному направленію, имѣющій притомъ способности къ оной и получившій достаточное образованіе, найдетъ себѣ дорогу къ заслугѣ; а спокойный житель, коему слѣдовало бы служить по конскрипціи, и вмѣсто коего поступилъ человѣкъ вредный мирному простому сословію, видитъ въ этомъ справедливость и благословляетъ правительство.

Собственной рукой Николая I написано: „прекрасно".

Письмо князя Варшавскаго—императору Николаю

о возмущеніи поляковъ въ Краковѣ и о высочайшихъ предначертаніяхъ для его усмиренія.

Варшава, 19 го февраля (3-го марта) 1846 г.

Вс. г—рь. Въ Царствѣ Польскомъ спокойно. Войска наши двигаются, сегодня должны быть подъ Краковымъ. Я думаю Краковъ сдастся [1]) безъ защиты.

Странная претензія пруссаковъ, чтобы ихъ генералъ командовалъ въ Краковѣ, заставила меня послать г.-ад. Ридигера, не такъ какъ командира отряда, а чтобы быть тамъ и наблюдать за произшествіями, не отдаваясь въ команду, не брать оной. Главное разсужденіе мое въ томъ, что австрійцамъ скорѣе всего предлежитъ имѣть команду, ибо бунтъ у нихъ въ Галиціи, а пруссаки и мы должны посему быть въ ихъ распоряженіяхъ; притомъ г. Ридигеръ въ послѣднюю войну тамъ командовалъ, знаетъ мѣстоположенія, людей тамошнихъ и войну. Фонтонъ свѣтреничилъ, предлагая команду.

Безпрестанные, такъ сказать, вспышки [2]) къ бунту въ Царствѣ Польскомъ сдѣлали то, что нужно [3]) было дать отдѣльнымъ воинскимъ начальникамъ и даже ротнымъ командирамъ, въ кругу ихъ расположенія, власть брать кого хотятъ и представлять за карауломъ. Преступниковъ необходимо казнить смертію и судить ихъ по полевому положенію. Это и выдачи большихъ суммъ для войскъ заставили меня просить объявить Польшу въ военномъ положеніи. Распоряженіе, которое даетъ теперь власть даже ротнымъ командирамъ, есть

---

[1]) Образчикъ орѳографіи Паскевича: „здасци".

[2]) „Въ спишки".

[3]) „Нуждно".

одно средство удержать неистовое дворянство и шляхту въ повиновеніи; они, дворяне и шляхта, болѣе мѣсяца держутъ въ страхѣ хорошихъ и честныхъ гражданъ. Тѣмъ же надобно и имъ отплатить. За страхъ—страхомъ. Надобно, чтобы онъ, вечеромъ засыпая, боялся ночью не быть взятымъ подъ караулъ. А какъ въ продолженіи дня дѣла его и слова почти всегда противузаконны, то онъ уснетъ очень дурно. Такимъ образомъ не годъ, не два, но три, четыре продержать ихъ въ страхѣ, и тогда возвысятся военные всѣ русскіе и честные граждане, а дворяне, шляхта и другіе, терпя всегдашнюю опасность, смирятся; разумѣется, что нѣкоторыя изъятія личныя будутъ.

При семъ имѣю счастіе представить два отношенія эрцъ-герцога Фердинанда ко мнѣ; положеніе дѣлъ въ Галиціи удивляетъ тѣмъ болѣе, что крестьяне такъ горячо взялись и истребили въ началѣ бунтъ. Посылаю адъютанта моего графа Коновницына для объясненій лично о галиційскомъ дѣлѣ. Замѣчательно, что жиды въ сіе возмущеніе стрѣляли изъ оконъ въ Краковѣ, большое охлажденіе къ сему бунту показали, такъ что извѣстія, самыя невѣрныя, были во все время въ мѣстахъ, гдѣ бунтовщики были; а въ прежнюю войну почти каждый шагъ мы знали о бунтующихъ. Въ прокламаціи жиды отъ бунтовщиковъ названы братьями поляками-израильтянами.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и съ таковою же преданностію имѣю счастіе быть в. и. в. вс. г—ря вѣрноподданный князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій.

Записка Николая I по поводу возстанія въ Краковѣ

1846 г.

Новый бунтъ можетъ имѣть разныя послѣдствія:

1) Все кончится взятіемъ Кракова и разсѣяніемъ тамошнихъ шаекъ, чѣмъ утихнутъ попытки въ Галиціи.

2) Австрійцы усмирятъ бунтовщиковъ въ Галиціи.

3) Австрійцы будутъ изгнаны изъ Галиціи.

4) Австрійцы, послѣ своего изгнанія, вновь войдутъ и одолѣютъ бунтовщиковъ.

5) Бунтъ распространится на Венгрію, австрійцы одни не будутъ въ состояніи бороться и одолѣть оба бунта, и призовутъ чужую помощь.

Мы должны усмирить Краковъ во что бы то ни стало и оставаться въ немъ, покуда обстоятельства не объяснятся совершенно. Но къ сторонѣ Галиціи только быть зрителями, но готовыми къ немедленному дѣйствію.

Ежели дѣла австрійцевъ сей часъ не кончатся успѣшно, должно армію приводить въ военное положеніе:

2-й корпусъ какъ нынѣ стоитъ.

3-й— уже почти на военномъ положеніи.

4-й—стягиваясь на право ближе къ Кременцу.

1-й корпусъ тамъ, гдѣ есть.

Но ежели 2-й и 4-й корпуса тронутся, то и 1-й долженъ перейти на ихъ квартиры, такъ чтобъ 1-я и 2-я дивизіи смѣнили 2-й корпусъ въ Литвѣ, а 3-я заняла Кіевъ.

Рига должна остаться занятою или 1 полкомъ 2-го корпуса, или Гренадерскимъ полкомъ, до сбора и прихода резерв. бат. 1-го корпуса.

Ежели австрійцы будутъ изгнаны изъ Галиціи и сверхъ того дѣла ихъ примутъ дурной оборотъ, тогда должно сейчасъ 2-й корпусъ ввести въ Царство, дабы войска 3-го корпуса вмѣстѣ съ 4-мъ корпусомъ могли быть готовы къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Безсрочно отпускные, къ арміи приписанные, должны быть собраны сейчасъ, когда подтвердится извѣстіе объ рѣшительной неудачѣ австрійцевъ. Тогда всѣ они должны быть собраны и зачислены не по нормальному росписанію, а къ тѣмъ корпусамъ, которые въ сихъ губерніяхъ или ближайшихъ расположены.

Гренадер., гвард. и кавал. на первый случай не сбираются.

Ежели Австрія призоветъ насъ къ дѣйствію, участвовать въ оном должны 3-й и 4-й корпуса. 2-й занимаетъ Царство, а 1-й Литву и Кіевъ. Тогда же должны быть призваны къ сбору резервные бат., батареи и эскадроны войскъ, участвующихъ въ дѣйствіяхъ, и расположиться бат. 3-й резерв. дивизіи на квартирахъ, занимавшихся 1-мъ корп., а резервн. дивизіи 4-го корп. въ Кіевѣ; артил. бат. при своихъ дивизіяхъ, а эскадроны въ воен. поселеніи, гдѣ по росписанію имъ назначено.

Тогда же долженъ послѣдовать дополнительный наборъ съ западной полосы въ уравненіе съ восточной, неисключая и губерній, по неурожаю изъятыхъ отъ набора сего года. Рекруты сіи поступятъ предпочтительно въ собранные резервные бат. и эскадроны; остальные въ мѣстные бат. внутр. стражи въ запасъ къ резервнымъ.

Ежели обстоятельства политическія еще болѣе обратятся къ худшему, тогда 6-й корпусъ перейдетъ на квартиры, временно занятыя 1-мъ, и резерв. дивизіи 1-го и 2-го корпусовъ равномѣрно должны собраться, и тогда всѣ 4 резерв. дивизіи займутъ квартиры постояннаго квартированія своихъ корпусовъ.

Гренадер., гвард. и резерв. кавал. корпуса не трогаются.

Москва займется резерв. дивизіею 6-го корпуса, которая для сего также должна быть собрана.

По приходѣ резерв. дивизій на назначенныя имъ мѣста, рекруты, уже выбранные и оставленные при бат. внутр. стражи, сдаются въ остальныя резерв. дивизіи.

Рукою графа А. И. Чернышева написано: «Копія съ собственноручной записки в. в., составленной по случаю отправленія ген.-ад. Берга въ Варшаву».

Отмѣтка императора Николая: «записку эту писалъ я собственно для своей памяти, третьяго дня вечеромъ».

Рукою гр. Чернышева: «21-го февр. 1846 г.».

Отмѣтка: «е. в. соизволилъ высочайше отозваться, что записка сія составлена въ видѣ предположенія и не должна еще быть, принята за окончательное объявленіе высочайшей воли. Февраля 21».

Указъ императора Николая отъ 19-го марта 1848 года

по случаю мятежа въ сопредѣльныхъ Россіи польскихъ провинціяхъ, принадлежащихъ Австріи и Пруссіи.

Виленскому военному, гродненскому, минскому и ковенскому генералъ-губернатору, г. ген.-лейт. Мирковичу.

Секретно.

По поводу возникшихъ въ сопредѣльныхъ имперіи нашей державахъ: Австріи и Пруссіи безпорядковъ и мятежей, стремящихся къ ниспроверженію законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства, на случай, еслибы сверхъ ожиданія нашего, кто-либо изъ обывателей ввѣреннаго вамъ края обнаружилъ дѣйствія, противныя долгу присяги и совѣсти, предоставляемъ вамъ принимать всѣ необходимыя къ охраненію общественной безопасности мѣры, не испрашивая особыхъ на то разрѣшеній, и признавая нужнымъ облечь васъ властію, отд. корпусному командиру въ военное время присвоенною, уполномочиваемъ васъ:

1) Примѣняясь къ утвержденнымъ нами 17-го іюля 1831 г. правиламъ для слѣдственныхъ коммисій, кои учреждены были во ввѣренныхъ вамъ губерніяхъ по дѣламъ виновныхъ въ мятежѣ того года, раздѣлять и нынѣ всѣхъ лицъ, кои бы на новое злоумышленіе противу правительства покуситься дерзнули, на три разряда: въ 1-й долженствуютъ быть помѣщены предводители бунта, во 2-й—участвовавшіе въ дѣйствіяхъ противъ войскъ и вообще противъ законной власти и въ 3-й—подписавшіе возмутительные акты и всѣ причастные къ возмущенію, хотя дѣятельнаго и непосредственнаго участія въ ономъ не принимавшіе.

2) Лицъ, ко всѣмъ этимъ разрядамъ причисленныхъ, по степени участія въ преступныхъ замыслахъ, предавать военному суду на правилахъ полеваго уголовнаго уложенія.

3) Судебные приговоры надъ мятежниками перваго разряда, т. е. надъ зачинщиками и предводителями бунта, не представляя на утвержденіе наше, окончательно конфирмовать вамъ самимъ и приводить въ исполненіе силою настоящаго нашего повелѣнія, – руководствуясь статьями 595 и 596 кн. 1-й в. угол. устава.

4) Судебные приговоры о лицахъ, ко 2-му разряду мятежниковъ причисленныхъ, приводить также въ немедленное исполненіе, донося намъ о тѣхъ изъ числа осужденныхъ симъ образомъ преступниковъ, кои принадлежатъ дворянскому сословію. Вмѣсто же заслуженной преступниками сего рода смертной казни, отъ коей они нами освобождаются, предоставляется вамъ присуждать ихъ къ ссылкѣ въ Сибирь на работу или на поселеніе, смотря по важности вины.

5) Судебные приговоры о лицахъ, кои по степени участія въ мятежѣ будутъ причислены къ 3-му разряду, представлять на окончательную конфирмацію главнокомандующаго дѣйств. арміею.

6) Вмѣстѣ съ преданіемъ суду лицъ, къ помянутымъ тремъ разрядамъ отнесеннымъ, въ то же время имѣнія, принадлежащія всѣмъ имъ, подвергать секвестру, а преступникамъ первыхъ двухъ разрядовъ и немедленной конфискаціи.

7) Впрочемъ предоставляется вамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вина которыхъ либо изъ преступниковъ второго разряда, въ отношеніи къ нравственной ея важности, уменьшается особенными заслуживающими уваженія обстоятельствами, входить къ намъ съ особыми представленіями какъ объ отмѣнѣ преданія суду и конфискаціи ихъ имѣній, такъ и о смягченіи или отмѣнѣ наказаній, коимъ они по судебному приговору подвергаться будутъ.

8) Если бы въ предѣлахъ ввѣренныхъ вамъ губерній появились заграничные эмисары, то тѣхъ изъ нихъ, которые взяты будутъ съ оружіемъ въ рукахъ, судить по полевому уголовному уложенію и судебные приговоры объ нихъ представлять на окончательное утвержденіе главнокоманд. дѣйств. арміею и приводить въ исполненіе по его предписаніямъ; тѣхъ же изъ иностранцевъ, которые хотя и не будутъ взяты съ оружіемъ въ рукахъ, но явно будутъ изобличены въ распространеніи возмутительныхъ возваній и преступныхъ сношеніяхъ съ заграничными нарушителями общественнаго порядка, подвергать строгому заключенію и о дальнѣйшей ихъ участи, съ представленіемъ о проступкахъ ихъ слѣдственныхъ дѣлъ, испрашивать разрѣшенія главнокомандующаго дѣйствующей арміи.

9) Наконецъ, что касается до тѣхъ лицъ, кои хотя и не будутъ

изобличены участниками въ мятежѣ, но навлекутъ на себя подозрѣніе образомъ мыслей или какими либо непозволительными сношеніями, то вы не оставите принять зависящихъ отъ васъ мѣръ къ учрежденію строгаго надъ ними надзора и къ отнятію отъ нихъ всѣхъ способовъ къ дальнѣйшимъ, во вредъ правительству дѣйствіямъ.

Николай.

Спб. 19-го марта 1848 г.

Такого же содержанія и того же числа секретный указъ посланъ былъ: 1) кіевскому военному, подольскому и волынскому генералъ-губернатору, ген.-ад. Бибикову; 2) испр. д. новорос. и бессар. генер.-губер. г.-л. Федорову (съ измѣненіями въ пунктахъ 5-й и 8-й).

Примѣчаніе Ред.: Любопытно, что при изложеніи преступленій 2-го разряда, для руководства лицъ при рѣшеніи дѣлъ, читаемъ нижеслѣдующее:

Преступленія.

1) Добровольное присоединеніе къ мятежникамъ и принятіе участія въ ихъ дѣйствіяхъ, съ присовокупленіемъ къ тому одного или нѣсколькихъ другихъ поступковъ, кои суть:

.....ж.) Намѣреніе отправиться въ Америку [1]).

Высочайшій указъ военному министру графу Чернышеву.

Господину военному министру.

Секретно.

Отъѣзжая къ арміи и за отбытіемъ любезнѣйшаго сына моего, е. и. в. государя наслѣдника цесаревича, поручаю вамъ въ случаяхъ чрезвычайныхъ, которые могли бы потрясти общественное спокойствіе, принять главное начальствованіе надъ столицею и надъ войсками, въ С.-Петербургѣ и окрестностяхъ расположенными, съ властію, присвоенною званію главнокомандующаго въ военное время. По всегдашнему къ вамъ довѣрію моему, предоставляю сіе повелѣніе мое предъявить когда востребуетъ надобность. Николай.

С.-Петербургъ, 2-го мая 1849 года.

Примѣчаніе. Значительное большинство вышенапечатанныхъ бумагъ сообщено намъ въ 1870—1872 гг. покойнымъ другомъ нашимъ А. Ѳ. Гильфердингомъ, въ свою очередь получившимъ ихъ, въ копіяхъ, отъ своего отца, сенатора Ѳедора Ивановича Гильфердинга († 1864 г.), весьма долго служившаго при кн. Паскевичѣ и пользовавшагося его дружбою и уваженіемъ. Ред.

---

[1]) Выписка изъ постановленій о мятежникахъ западныхъ губерній.

КОНСТАНТИНЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ ЧЕВКИНЪ

о запискахъ Д. В. Давыдова о польскомъ возстаніи 1830—1831 гг.

(Замѣтка К. В. Чевкина для ред. „Русской Старины“).

10 іюня 1875 г.

Записки Д. В. Давыдова весьма любопытны по событіямъ, до коихъ относятся, и по личности автора; онѣ любопытны, но мало полезны для исторической истины и еще менѣе для доброй славы Дениса Васильевича,—до такой степени факты дѣйствительные перемѣшаны съ вымышленными или искаженными, а мысли дѣльныя съ пустыми и неосновательными. Такое, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе оставило во мнѣ чтеніе сихъ записокъ [1]). И знавъ и любивъ лично Дениса Васильевича, я никакъ не могъ и не могу понять, что сынъ его не видитъ до какой степени этотъ памфлетъ, исполненный самохвальства, неправды и желчи, вредитъ доброй памяти его родителя. Записки Д. В. Давыдова названы весьма напрасно „Mémoires inédits de Denis Davidoff“: благо, что присовокуплено было, что онѣ изданы княземъ Петромъ Долгоруковымъ; засимъ лучше было бы оставить и на его многогрѣшную душу и сей послѣдній плодъ его желчной мести противу многихъ сподвижниковъ славы русской, къ числу коихъ нельзя же не причислить и Забалканскаго и Эривано-Варшавскаго. Къ великому сожалѣнію, сынъ Дениса Васильевича не избралъ такого скромнаго, но благоразумнаго пути, а слѣдуя самолюбивымъ увлеченіямъ своего родителя, думаетъ содѣйствовать доброй его репутаціи остроумнымъ порицаніемъ другихъ; вмѣсто того, для людей безпристрастныхъ и ближе съ событіями того времени знакомыхъ онъ исполняетъ установившуюся долго еще до смерти Дениса Васильевича поговорку, что репутацію военную сдѣлали ему литераторы, а литературную — люди военные. Еще разъ дозволю себѣ, какъ весьма давній почитатель Дениса Васильевича Давыдова, партизана отечественной войны, повторить мое убѣжденіе, что для всецѣлаго сохраненія доброй памяти этой легендной личности, славной для Россіи эпохи, надлежитъ оставить вовсе въ забвеніи позднѣйшія его дѣйствія, а тѣмъ паче остроумныя порицанія дѣйствій другихъ, при томъ еще на основаніи сущей неправды.

К. В. Чевкинъ.

---

[1]) Сужденіе это основываю я въ особенности на многомъ изложенномъ въ Запискахъ о событіяхъ 1827, 1828, 1829, 1830 и 1831 годовъ, лично и коротко мнѣ извѣстныхъ, по служебному состоянію моему во время войнъ персидской, турецкой и польской при Дибичѣ и Паскевичѣ, — въ непосредственныхъ близкихъ отношеніяхъ. К. В. Чевкинъ.

ВЛАДИСЛАВЪ ХРИСТІАНОВИЧЪ ГРАВЕ.

1847—1850.

Мой родной дядя Владиславъ Христіановичъ Граве служилъ адъютантомъ у покойнаго Государя Императора Александра II, когда онъ былъ еще Наслѣдникомъ. Представляю на стр. „Русской Старины“ два собственноручныя письма Незабвеннаго Мученика къ дядѣ моему и третье къ матери моей. Оба драгоцѣнныя письма эти получены покойнымъ дядей въ Петербургѣ, куда онъ возилъ опредѣлять меня въ училище Правовѣдѣнія пансіонеромъ Цесаревича, — третье же къ матери, получено въ имѣніи, гдѣ и теперь живу.

Въ письмахъ говорится о Владимірѣ Ивановичѣ – рѣчь идетъ о Назимовѣ.

Кстати замѣчу, что кромѣ этихъ писемъ у меня есть много служебныхъ писемъ: графа Аракчеева, барона Меллера-Закомельскаго и другихъ современниковъ покойнаго моего дѣда. Равнымъ образомъ у меня есть еще духовное завѣщаніе пращура, на которомъ имѣется подпись гетмана Мазепы. Всѣ эти документы будутъ помѣщены въ „Русской Старинѣ“.

А. К. Мартосъ.

Г. Ананьевъ,
Херсонской губ.

I.

С.-Петербургъ. 1-го мая 1847 г.

Пользуюсь отъѣздомъ нашего добраго Владиміра Ивановича, чтобы отвѣчать вамъ, любезный Граве, и благодарить васъ за ваше милое письмо. Вчера окрестили мы нашего маленькаго драгуна; онъ, благодаря Бога, здоровъ, равно и жена, которая поручила мнѣ вамъ кланяться. Недѣли черезъ четыре отправляемся мы моремъ за границу, сначала въ Дармштадтъ, а потомъ въ Киссенгенъ. Странно мнѣ будетъ быть въ дорогѣ безъ васъ, довольно мы съ вами изъѣздили! Дай Богъ, чтобы здоровье ваше скорѣе совершенно возстановилось и для того прошу васъ убѣдительно слѣдовать и покоряться во всемъ совѣтамъ докторовъ.

Обнимаю васъ мысленно отъ всего сердца Александръ.

II.

Москва, 13-го апрѣля 1849 г.

Владиміръ Ивановичъ вручилъ мнѣ, любезный Граве, письмо ваше отъ 2-го марта; не имѣя тогда никакой возможности отвѣчать вамъ, я просилъ его написать вамъ сколь искренно я сожалѣю, что здоровье ваше принуждаетъ васъ меня оставить.

Теперь повторяю вамъ тоже; самъ прибавлю только, что мнѣ крайне больно съ вами разставаться, ибо вы знаете, любезный Граве, какъ я васъ искренно люблю и уважаю!

Прощаясь теперь съ вами, дайте мнѣ васъ мысленно обнять и душевно поблагодарить за все время, проведенное при мнѣ.

Дай Богъ, чтобы силы ваши укрѣпились и здоровье ваше возвратилось по прежнему. Если тогда захотите вновь на службу, будьте увѣрены, любезный Граве, что я счастливъ буду васъ опять имѣть при себѣ, или ходатайствовать объ опредѣленіи вашемъ туда, куда вы пожелаете.

Да хранитъ васъ Богъ! и не забывайте васъ искренно любящаго Александра.

Жена, кланяясь вамъ, поручила мнѣ вамъ также сказать, сколь она сожалѣетъ о вашемъ намѣреніи оставить службу.

III.

Въ Петергофѣ. 9-го іюля 1850 г.

Эмилія Христіановна, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣстясь чрезъ письмо ваше, отъ 20-го прошлаго іюня, о кончинѣ брата вашего, я желаю изъявить вамъ участіе, принимаемое мною въ постигшемъ васъ горѣ. Я искренно любилъ покойнаго, цѣня добрыя и высокія качества его, и всегда жалѣлъ, что разстроенное здоровье понудило его оставить службу и разстаться со мною. Раздѣляя съ вами нынѣшнюю скорбь вашу, я молю Бога объ успокоеніи души усопшаго.

Пребываю къ вамъ искренно благосклонный Александръ.

Сообщ. А. К. Мартосъ.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ.

1843—1847 гг.

Письма къ Аркадію Осиповичу Россети.

„Русская Старина“ представила на своихъ страницахъ довольно много и притомъ вполнѣ драгоцѣнныхъ матеріаловъ о Николаѣ Васильевичѣ Гоголѣ, таковы, между прочимъ, обширное собраніе неизданныхъ его писемъ къ Степану Петровичу Шевыреву, юмористическая замѣтка Гоголя въ альбомъ Чертковой, и проч. Нынѣ намъ сообщены Пав. Ив. Миллеромъ, чрезъ весьма обязательное посредство академика Я. К. Грота, нѣсколько писемъ Гоголя къ А. О. Россети. Письма эти г. Миллеръ получилъ въ даръ отъ самаго покойнаго Россети и доставилъ намъ въ подлинникахъ. Года на нихъ (кромѣ писемъ I, IV и VII) не обозначены, поэтому мы опредѣлили ихъ сопоставленіемъ съ содержаніемъ писемъ и мѣстомъ, откуда они писаны. Въ изданіи П. А. Кулиша: „Сочин. и письма Н. В. Гоголя“, Спб, 1857 г., тт. 5 и 6 печатаемыхъ ниже писемъ Гоголя мы не нашли. Ред.

I.

Эмсъ. Іюня 18-го 1843 г..

Ваше милое письмо, Аркадій Осиповичъ, достигло до меня довольно поздно. Оно изъ Гастейна отправилось искать меня въ Дюссельдорфъ и пролежало тамъ недѣлю, потому что я живу покамѣсть еще въ Эмсѣ для компаніи Жуковскому, который здѣсь по причинѣ лѣченія жены. Объ Александрѣ Осиповнѣ [1]) я думаю уже вы имѣете вѣсти, ее еще нѣтъ здѣсь, но вѣроятно она скоро будетъ. Изъ Рима меня увѣдомлялъ Ивановъ, что она заѣзжала изъ Неаполя вновь въ Римъ, будучи загнана бурею въ одно время съ Перовскимъ. Въ слѣдствіи письма вашего я написалъ сей часъ же къ Языкову и представилъ ему всю справедливость причинъ, понуждающихъ его ѣхать въ Грефенбергъ. Самъ я можетъ быть тоже какъ нибудь загляну. Отъ вашего письма такъ несетъ свѣжительнымъ холодомъ воды, что забираетъ охота подвергнуть и свои грѣшныя части апликаціямъ и лентухамъ. По крайней мѣрѣ вы этимъ письмомъ исполнили совершенно долгъ благовоспитаннаго и образованнаго человѣка: за учтив-

[1]) Смирнова, рожденная Россетти.

ство заплатили съ своей стороны равномѣрнымъ учтивствомъ. Вспомните: на воду первоначально *я* васъ навелъ, теперь вы наводите меня на воду. Такимъ образомъ мы благородно вывели другъ друга на чистую воду. Затѣмъ душевно васъ обнимаю, благодарю за дружбу и желаю вамъ всякихъ успѣховъ. Если захотите мнѣ сей часъ написать послѣ этого письма, то адресуйте въ Эмсъ, если же послѣ, то въ Дюссельдорфъ. Вашъ и пр. Гоголь.

II.

Карлсбадъ. 6-го іюля (1843 г.).

Посылаю вамъ мой, добрѣйшій Аркадій Осиповичъ, письмецо для вашей сестрицы, которая, какъ мнѣ сказалъ Рябининъ, привезшій отъ васъ поклонъ, должна теперь уже находиться въ Петербургѣ. Ей вы его вручите, наградивъ себя за то моимъ заочнымъ поцалуемъ. И напишите мнѣ нѣсколько словъ о себѣ: мнѣ хочется знать какъ вы теперь на все глядите и какъ передъ вами все теперь ворочается и что такое нынѣшняя грѣшная жизнь, подъ вашимъ нынѣшнимъ угломъ зрѣнія. Я же спою вамъ все ту же мою старую пѣсню, но только съ той разницей, что голосомъ несравненно болѣе твердымъ и сильнымъ, чѣмъ когда либо прежде, не смотря на безсиліе своего тѣла и на множество прибавившихся немощей. Все будетъ хорошо, не хандрите же и не держите носа внизъ, но руководствуйтесь хотя единственно тѣмъ, что мой носъ еще держится къ верху и пусть это будетъ вамъ барометромъ, если до сихъ поръ не нашли лучшаго.

Прощайте же и пишите во Франкфуртъ на имя Жуковскаго.

Васъ искренно любящій Гоголь.

Передайте при семъ маленькое письмецо Самарину. Я не знаю гдѣ онъ находится.

III.

Франкфуртъ. 1-го мая (1844 или 1845 г.) [1].

Благодарю васъ, добрѣйшій Аркадій Осиповичъ, за ваши извѣстія о лѣченіи Присница. Они изложены и толково, и умно. Я и прежде уже отложилъ это лѣченіе, не найдя его соотвѣтствующимъ со многими вновь обнаружившимися во мнѣ недугами, и собственнымъ состояніемъ моральнымъ. Впрочемъ, если я и лѣчился, то будьте увѣрены, что никакъ не пускался бы въ крайности. Это не мое дѣло. Я не хлопочу изъ за совершеннаго здоровья и чуть только мнѣ дѣ-

[1]) Это письмо весьма обязательно доставлено намъ въ копіи Помпеемъ Николаевичемъ Батюшковымъ, получившимъ подлинникъ въ даръ отъ покойнаго А. О. Россети. Ред.

лается не много лучше,—я подальше и отъ докторовъ, и отъ лѣченія. Припомните, что я и вамъ совѣтовалъ прежде вашего путешествія къ Присницу не пускаться въ такія глубины водоврачеванія, а довольствоваться просто утреннимъ обливаньемъ даже безъ потѣнья и піеніемъ водъ; совѣтывалъ вамъ также и тогда, вмѣсто Присница, заѣхать (въ) Гастейнъ, который, мнѣ казалось, вашему слабому тѣлу приличнѣе; имъ же хвалятся всѣ слабые и старики. Я самъ, бывши въ Гастейнѣ съ Языковымъ, хотѣлъ было попробовать водъ, но перемѣнилъ это намѣреніе, единственно отъ того, что почувствовалъ себя вдругъ лучше отъ одного Гастейнскаго воздуха, который (въ этомъ надобно отдать ему честь), имѣетъ въ себѣ что-то бальзамическое и лучше всѣхъ воздуховъ, какіе я обонялъ гдѣ либо въ лѣтнее время во всѣхъ прочихъ концахъ Европы, чему причина заключается отчасти въ необыкновенномъ возвышеніи этого мѣста отъ поверхности моря. Ключевая же вода въ Гастейнѣ рѣшительно первая въ мірѣ; подобной я нигдѣ не пивалъ; ей уступитъ даже римская. Я бы радостно поѣхалъ и теперь въ Гастейнъ, но, признаюсь вамъ, боюсь страшнаго одиночества, которое для меня теперь опаснѣе всего, хотябы случилось оно и на самыхъ цѣлебнѣйшихъ водахъ. Мнѣ очень жаль, что вы остаетесь въ Петербургѣ на лѣтнее время, (хотя ради хандры, если не ради здоровья) слѣдуетъ выѣзжать изъ него. Почему знать, можетъ быть, вы весьма не были бы въ раскаяніи, еслибы даже и рискнули призанять тысячи двѣ для того. Богъ поможетъ, выплатимъ. Поблагодарите Ханыкова за письмо, скажите, чтобы онъ не сердился на мое неучтивство, т. е. что не отвѣчаю. Вмѣсто отвѣта я вамъ поручаю обнять его. Васъ обнимаю также, это разумѣется само собою.

Затѣмъ прощайте. Г.

IV.

Неаполь. Декабря 10-го 1846 г.

Въ прежнемъ моемъ письмѣ къ вамъ, Аркадій Осиповичъ, я возлагалъ на васъ хлопоты по изданію Ревизора, въ нынѣшнемъ слагаю ихъ съ плечъ вашихъ. Ревизора съ развязкой слѣдуетъ отложить еще на годъ по многимъ причинамъ, часть которыхъ вы проникаете вѣроятно и сами. Сверхъ всего прочаго нужно, чтобы публика имѣла время вчитаться получше въ мои письма и привыкнула къ тѣмъ словамъ, которыя покуда еще дико раздаются въ ушахъ ея. Прошу васъ сказать открыто ваше мнѣніе по прочтеніи моей книги и увѣдомить также, что говорятъ про нее другіе. А еще лучше попросите всѣхъ, кого ни встрѣтите, написать мнѣ отъ себя самого письмецо и въ немъ непритворно повѣдать какъ ощущеніе свое, такъ и мысли другихъ о книгѣ и о степени ея надобности для общества, не скры-

вая ни мало ея недостатковъ. Попросите у В. А. Перовскаго (которому передайте самый душевный мой поклонъ), написать пять шесть его собственныхъ строчекъ. Скажите ему, что его замѣчанія мнѣ будутъ очень полезны, и я ими весьма дорожу. Сдѣлайте мнѣ еще вотъ какую услугу. Устройте такъ, чтобы я получилъ съ новаго года всѣ толстые и тонкіе русскіе литературные журналы, какіе ни издаются въ Петербургѣ. Биб. д. Чт., От. Записки, Русск. Инвал., Литер. газета, Соврем. и даже Финск. Вѣстникъ. Деньги для этого слѣдуетъ взять у Плетнева за первые вырученные экземпляры моей книги. Насядьте вмѣстѣ съ кн. Вяземскимъ на графиню Несельродъ, чтобы она обременила всѣмъ этимъ добромъ курьеровъ, ѣдущихъ въ Неаполь. Мнѣ все это очень нужно, гораздо больше, чѣмъ вы думаете. Если встрѣтится какой ѣдущій прямо въ Италію господинъ, то вы можете часть этого передать ѣдущему господину. Я слышалъ, что изъ Петербурга отправляется Чижовъ прямо въ Римъ, вы съ нимъ повидайтесь и если это правда, то часть можетъ свезти онъ. Не пренебрегайте такими моими просьбами, право, онѣ не такъ бездѣльны и капризны, какъ вамъ покажутся съ перваго раза. Скажите также Плетневу, чтобы онъ не пропускалъ ни одной сколько нибудь замѣчательной выходящей въ свѣтъ новой книги, чтобы не купить экземпляръ ее для меня и не послать мнѣ. Теперь курьеровъ изъ Петербурга будетъ много, какъ по поводу великой княгини, такъ равно и по поводу разныхъ духовно-дипломатическихъ дѣлъ съ папою. Затѣмъ обнимаю васъ отъ всей души и ожидая съ нетерпѣніемъ отъ васъ вѣстей, остаюсь весь вашъ Г.

Все, что ни есть, адресуйте въ Неаполь.

V.

Неаполь. Февраля 28 (1847 г.)

Что-жъ вы, мой добрый Аркадій Осиповичъ, обѣщали сообщить мнѣ мнѣнія и свои, и чужихъ о книгѣ и вдругъ замолкнули. А я на васъ положился и думалъ, что вы не измѣните мнѣ! Вы уже вѣрно получили мое письмо, со включеньемъ письма къ Плетневу и съ убѣдительной просьбой къ вамъ самимъ, заняться моей книгой, еслибъ Плетневу невозможно было управиться одному. Дѣло изданія моей книги въ ея настоящемъ видѣ должно быть обдѣлано умно, а потому съ нимъ торопиться не слѣдуетъ. Нужно только, чтобы вся сплошь была переписана моя рукопись, въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ она была у меня съ исключеньемъ только двухъ статей, которыя нужно выбросить: Близорукому пріятелю и Страхи и ужасы Р. Нужно, чтобъ необходимо моя рукопись была прочитана

вся сплошь и въ связи внимательно граф. М. Ю. В. и кн. Вяземск. Мнѣ бы хотѣлось также, чтобы и Васил. Алекс. Перовскій на нее обратилъ вниманье и прочелъ бы всю сначала до конца. Князя Вяземскаго я прошу потомъ выправить въ ней все въ слѣдствіе какъ ихъ, такъ и своихъ замѣчаній и привести ее въ такой видъ, чтобы она могла поступить на разсмотрѣніе, а до того времени, какъ я писалъ вамъ въ прежнемъ письмѣ, слѣдуетъ книгу тиснуть въ другой разъ въ прежнемъ видѣ. Она разойдется. А если бы и не успѣла разойтись вся до настоящаго и третьяго изданія, пустить ее можно будетъ подешевлѣе и ее раскупятъ на подарки тѣмъ, у которыхъ нѣтъ денегъ на книгу. Прощайте, мой добрый Аркадій Осиповичъ. Ради Бога, не оставляйте меня вашими письмами; передайте при семъ прилагаемое письмецо князю Вяземскому и напишите мнѣ точный адресъ его. Выписываю вамъ здѣсь порядокъ писемъ, какой долженъ быть въ изданіи настоящемъ моей книги:

Предисловіе.

1. Завѣщаніе.
2. Женщина въ свѣтѣ.
3. Значеніе болѣзней.
4. О томъ, что такое слово.

V. Чтеніе русскихъ поэтовъ передъ публикою.
VI. О помощи бѣднымъ.
VII. Объ Одисеѣ, переводимой Жуковскимъ.
VIII. О нашей церкви и духовенствѣ.
IX. О томъ же.
X. О лиризмѣ нашихъ поэтовъ.
XI. Споры.
XII. Христіанинъ идетъ впередъ.
XIII. Карамзинъ.
XIV. О театрѣ, объ односторон. взглядѣ на театръ и вообще объ односторонности.
XV. Совѣты.
XVI. Предметы для лирическихъ поэтовъ.
XVII. Просвѣщеніе.
XVIII. Письма къ разн. лицамъ по поводу М. Д.
XIX. Нужно любить Россію.
XX. Нужно проѣздиться по Россіи.
XXI. Что такое губернаторша.
XXII. Русской помѣщикъ.
XXIII. Историческ. живописецъ Ивановъ.
XXIV. Чѣмъ можетъ быть жена для мужа въ простомъ домашнемъ быту.

XXV. Сельскій судъ и расправа.
XXVI. Страхи и ужасы Россіи.
XXVII [1]). Близорукому пріятелю.
XXVIII. Занимающему важное мѣсто.
XXIX. Чей удѣлъ на землѣ выше.
XXX. Напутствіе.
XXXI. Въ чемъ же существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность.
XXXII. Свѣтлое Воскресенье.

VI.

Неаполь, 15-го апреля (1847 г.).

Не знаю какъ благодарить васъ, добрѣйшій мой Аркадій Осиповичъ, за ваше письмо и сообщеніе разныхъ мнѣній. Если бы мнѣ почаще случалось получать такія письма, даже безъ сопровожденія этого добраго вашего участія и любви ко мнѣ, я бы давно уже поумнѣлъ гораздо больше, чѣмъ я есмь теперь. Но что дѣлать, если ничѣмъ и никакъ не могу я до сихъ поръ никого увѣрить, что мнѣ слишкомъ нужны всякіе толки обо мнѣ, что эта единственная школа моя, что есть наконецъ одинъ такой человѣкъ, которому слѣдуетъ говорить правду, какъ бы она жестка ни была, и которому нужны даже тѣ грубыя жесткія слова, которыя умѣетъ произносить только ненависть и нелюбовь.

Одна изъ причинъ печатанія моихъ писемъ была и та, чтобы поучиться, а не поучить. А такъ какъ русскаго человѣка по тѣхъ поръ не заставишь говорить, покуда не разсердишь его и не выведешь совершенно изъ терпѣнія, то я оставилъ почти нарочно много тѣхъ мѣстъ, которыя заносчивостью способны задрать за живое. Скажу вамъ не шутя, что я болѣю незнаніемъ многихъ вещей въ Россіи, которыя мнѣ необходимо нужно знать. Я болѣю незнаніемъ что такое нынѣшній русской человѣкъ на разныхъ степеняхъ своихъ мѣстъ, должностей и образованій. Всѣ свѣденія, которыя я пріобрѣлъ доселѣ съ неимовѣрнымъ трудомъ, мнѣ не достаточны для того, чтобы мертвыя души мои были тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдуетъ быть. Вотъ почему я съ такою жадностью хочу знать толки всѣхъ людей о моей нынѣшней книгѣ, не выключая и лакеевъ. Собственно не ради книги моей, но ради того, что въ сужденіи о ней выказывается самъ человѣкъ, произносящій сужденіе. Мнѣ вдругъ видится въ этихъ сужденіяхъ что такое онъ самъ, на какой степени своего душевнаго обра-

[1]) Письма XXVI и XXVII въ оригиналѣ зачеркнуты. Ред.

зованья или состоянья стоитъ, какъ проста, добра или какъ невѣжественна или какъ развращена его природа. Книга моя въ нѣкоторомъ отношеніи пробный оселокъ и повѣрьте, что ни на какой другой книгѣ вы не пощупали бы въ нынѣшнее время такъ удовлетворительно что такое нынѣшній русской человѣкъ, какъ на этой. Не скрою, что я хотѣлъ произвести ею вдругъ и скоро благодѣтельное дѣйствіе на нѣкоторыхъ недугующихъ, что я ожидалъ даже бо́льшаго количества толковъ въ мою пользу, чѣмъ какъ это теперь, что мнѣ тяжело даже было услышать многое и даже очень тяжело. Но какъ я благодарю теперь Бога, что случилось такъ, а не иначе! Я заставленъ почти невольно взглянуть гораздо строже на самаго на себя, я имѣю теперь средство взглянуть гораздо вѣрнѣе и ближе на людей и я, наконецъ, приведенъ въ возможность умѣть взглянуть на нихъ лучше. Что же касается до того, что при этомъ дѣлѣ пострадала моя личность (я долженъ вамъ признаться, что до нынѣ горю отъ стыда вспоминая, какъ заносчиво выразился во многихъ мѣстахъ, почти à la Хлестаковъ), то нужно чѣмъ нибудь пожертвовать. Мнѣ также нужна публичная оплеуха и даже можетъ быть болѣе, чѣмъ кому либо другому. Но дѣло въ томъ, что обстоятельствами нужно пользоваться: Богъ высыпалъ вдругъ цѣлую груду сокровищъ, ихъ нужно подбирать обѣими руками. Если вы хотите сдѣлать мнѣ истинно добро, какое способенъ дѣлать христіанинъ, подбирайте для меня эти сокровища, гдѣ найдете.

Что вамъ стоитъ понемногу, въ видѣ журнала, записывать всякой день, хотя положимъ въ такихъ словахъ: «Сегодня я услышалъ вотъ какое мнѣніе, говорилъ его вотъ какой человѣкъ, жизни онъ слѣдующей, характера слѣдующаго, (словомъ въ бѣглыхъ чертахъ портретъ его), если жъ онъ незнакомецъ, то жизни его я не знаю, но думаю, что онъ вотъ что, съ вида же онъ казистъ и приличенъ (или неприличенъ), держитъ руку вотъ какъ, сморкается вотъ какъ, нюхаетъ табакъ вотъ какъ. Словомъ не пропуская ничего того, что видитъ глазъ, отъ вещей крупныхъ до мелочей».

Повѣрьте, что это будетъ совсѣмъ не скучно. Тутъ не нужно ни плана, ни порядка, просто двѣ три строчки передъ тѣмъ, какъ итти умываться. Я даже увѣренъ, что это будетъ вамъ пріятно, потому что васъ будетъ услаждать постоянно мысль, что вы это дѣлаете для человѣка, васъ очень любящаго, которому это будетъ такъ радостно, какъ радостно ребенку получать передъ праздникомъ наилюбимѣйшую игрушку. Что жъ дѣлать, если эта повидимому игрушка въ глазахъ другихъ для меня совсѣмъ не игрушка; это въ такой степени не игрушка, что если я не наберусь въ достаточномъ количествѣ этихъ игрушекъ, у меня въ Мертвыхъ душахъ можетъ высу-

нуться на мѣсто людей мой собственный носъ и покажется именно все то, что вамъ непріятно было встрѣтить въ моей книгѣ.

Повѣрьте, что безъ выхода нынѣшней моей книги никакъ бы я не достигнулъ той безъискуственной простоты, которая должна необходимо присутствовать въ другихъ частяхъ М. Д., дабы назвалъ ихъ всякъ вѣрнымъ зеркаломъ, а не карикатурой. Вы не знаете того, какой большой крюкъ нужно сдѣлать для того, чтобы достигнуть этой простоты. Вы не знаете того, какъ высоко стоитъ простота. Объ этомъ предметѣ лучше и не разсуждать, а просто помогите.

Что касается до печатанія писемъ, то мое рѣшеніе вотъ какое. Издавать ради непропущенныхъ писемъ новый томъ, какъ совѣтуетъ Плетневъ, мнѣ невозможно; у меня есть занятія, о которыхъ не нужно позабывать, а время у меня все расчитано; къ тому жъ появленіе вторично сочиненія въ томъ же родѣ не произведетъ даже и шума. Мнѣ нужно только, чтобы Вяземскій снабдилъ своими замѣчаніями и поправками; я потомъ пересмотрю и выправлю ихъ такъ, чтобы и безъ высшихъ расмотрѣній простой цензоръ ихъ пропустилъ. Повѣрьте, что все можно сказать, если только съумѣешь умно сказать. Неуспѣхъ самыхъ великодушныхъ и благодѣтельныхъ дѣйствій происходитъ собственно отъ неразумія нашего. Именно отъ того, что безпрестанно позабываемъ умную пословицу: «тѣхъ же щей, да пожиже влей». Если на мѣсто самоувѣреннаго и гордаго совѣта, произносимаго съ тономъ человѣка не думающаго, что онъ можетъ ошибиться, явится просто скромное мнѣніе, та же мысль пойдетъ въ ходъ и даже будетъ принята многими изъ читающихъ. И такъ, что просто неумѣста, то выбросится, что умно, то скажется въ другомъ видѣ, гдѣ высунулась собственная моя личность, тамъ не только ей щелчка, но даже вставится такое мѣсто, которое и прежнему уже напечатанному сообщитъ нѣкоторый тонъ умѣренности. Но во всякомъ случаѣ эти письма нужно включить въ книгу, а не издавать отдѣльно. Они все таки возвысятъ ея значеніе, напомнивъ русскому о Россіи, а не о мнѣ. Не нужно, чтобы эта книга была заброшена. Какъ она ни исполнена недостатковъ, но она печаталась не для впечатлѣній минутныхъ. Ее нужно перечитать нѣсколько разъ, не только тѣмъ, которые ее совсѣмъ не поняли, но даже и тѣмъ, которые поняли ее лучше другихъ. Тамъ есть нѣсколько душевныхъ тайнъ, которыя не вдругъ постигаются. Много принимается совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ хотѣлъ я сказать, даже и людьми весьма умными. Хорошо, если бы изданіе въ полномъ видѣ могло быть отпечатано къ сентябрю. Книга разойдется, потому что можно кое выпустить споспѣшествующее къ обращенію надлежащему (сколько нибудь) на нее взгляда.

Письмо это дайте прочесть Плетневу.

Вы меня благодарите за то, что я вамъ доставилъ случай (хлопотами о моей книгѣ) узнать по лучше прекрасную душу Плетнева, а я васъ благодарю также за сообщеніе нѣкоторыхъ извѣстій о немъ, которыя заставили меня полюбить его еще болѣе, чѣмъ когда либо прежде и заставили меня дорожить еще болѣе его дружбой, которую мнѣ послалъ Богъ въ видѣ какого-то прекраснаго тихаго утѣшенія, очень нужнаго въ эту эпоху. Я не знаю съ какой бы радостью я теперь обнялъ его и чего бы не далъ за то, чтобы увидать его, поговорить съ нимъ и обнять его лично. Затѣмъ обнимая и его и васъ, безцѣнный мой Ар. Осиповичъ, и нѣсколько разъ благодаря васъ за ваши милыя строки, остаюсь вашъ Гоголь.

(На поляхъ приписка): Не могу постигнуть отъ чего не пришла ко мнѣ до сихъ поръ ни одна изъ книгъ, которыя, вы говорите, мнѣ посланы? Всѣмъ прочимъ привозятъ курьеры все, даже крупу гречневую, визигу и икру на кулебяки; а мнѣ ни газетнаго листочка.

Не позабудьте увѣдомить (о) полученіи этого письма. Адресуйте отнынѣ все во Франкфуртъ на имя Жуковскаго. А ему на имя посольства нашего.

VII.

Апреля 24-го 1847 г.

Увѣдомляю васъ, безцѣнный Аркадій Осиповичъ, что наконецъ книги получены сего апреля 23 числа, именно слѣдующія: 2 номера Соврем. и два номера Отечественныхъ записокъ, два охапка Сѣверной пчелы и Біографія Крылова. Зачемъ не пришли мои Выбранныя мѣста и въ какихъ мѣстахъ они теперь пребываютъ, этого никакъ не могу понять. Скажите Плетневу, что я читаю Біографію Крылова съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ давно не читалъ никакой русской книги. Она имѣетъ интересъ даже для ребенка и вѣроятно сдѣлается у насъ книгой народной. Теперь, какъ вижу я, онъ остался въ большомъ выигрышѣ сдавши съ рукъ Современникъ. Онъ теперь гораздо больше усредоточится въ своихъ собственныхъ силахъ. Кто созрѣлъ для книги, тому нечего издавать журналъ. Это дѣло молодости. Я писалъ къ нему отъ 17 апреля вслѣдъ за благодарственнымъ письмомъ вамъ отъ 15 апреля. Увѣдомьте меня о полученьи какъ вашего, такъ и его письма. Теперь, я полагаю, много отправляется за границу, а потому вы можете упросить свезти для меня нѣсколько книгъ или въ Остенде, или во Франкфуртъ. Я бы желалъ получить нынѣ вышедшія повѣсти Даля и двѣ части Петербургскихъ вершинъ Гуткова. Вообще все, что только зацѣпило хоть сколько

русскаго человѣка и его жизни, мнѣ теперь очень нужно. Обнимаю васъ отъ души и жду вновь пріятныхъ вашихъ строчекъ. Весь вашъ Гоголь.

Адресуйте къ Жуковскому.

III.

Неаполь. Ноября 20-го (1847 г.).

Вы меня совсѣмъ позабыли, добрѣйшій мой Аркадій Осиповичъ. Или за то, что я до сихъ поръ еще не благодарилъ васъ какъ слѣдуетъ за вашу дружбу и хлопоты обо мнѣ? Но зачѣмъ вамъ моя благодарность? вы должны сами знать, что слова—дрянь, а то, что чувствуется въ душѣ, то не выражается. Я вамъ угожу потомъ. Вы знаете, что я весь состою изъ будущаго, въ настоящемъ же есмь нуль. Вотъ отъ чего я такъ бываю наглъ въ своихъ требованіяхъ отъ друзей, забираю у нихъ все, занимаю въ долгъ и не плачу! Если только Богъ поможетъ, снабдя меня небольшимъ здоровьемъ еще на нѣсколько лѣтъ, то все будетъ выплачено. Все смекнуто, соображено, замотано на усъ и зарублено на стѣнкѣ. Ни одно изъ сужденій не пропущено и критики отъ здравыхъ до не совсѣмъ здравыхъ и самыхъ нелѣпыхъ были прочитаны не даромъ. Словомъ, вижу самыми хладнокровными глазами, что дѣло можетъ пойти хорошо. А вы все таки не оставляйте меня. Всякая строчка, которая показываетъ мнѣ какую нибудь сторону нашего общества, сторону русскаго или полурусскаго человѣка,—для меня сущая драгоцѣнность. Не могу вамъ даже и объяснить какъ все это меня возбуждаетъ, какъ свѣтитъ и подымаетъ на дѣятельность—духъ. Жизнь вѣдь передъ вами все таки движется и люди проходятъ какіе-бъ то ни было. Покуда не вглядишься въ нихъ пристально, они, кажется, не стоютъ наблюденія, а какъ вглядишься—станетъ открываться съ каждымъ днемъ больше и больше вещей, поражающихъ наблюдателя души человѣческой.

Не позабывайте же меня. Увѣдомляйте меня хотя въ нѣсколькихъ строчкахъ въ какихъ новыхъ видахъ обнаруживается нынѣ гадость и достоинство человѣка на Руси. А остальные номера и книжки журналовъ все таки пришлите мнѣ въ Неаполь. Я видѣлся съ графиней Несельродъ, которая была очень добра ко мнѣ въ Остенде и вѣроятно не откажется пособить, еслибы курьеръ сталъ отказывать брать пакеты. Впрочемъ только въ этомъ году на васъ навьючена эта комиссія. Журналы на 1848 годъ (если Богъ дастъ) надѣюсь читать въ Россіи. Въ томъ же году надѣюсь обнять и васъ самихъ, а до того времени остаюсь очень васъ любящій Н. Г.

Зимя я ни въ какомъ случаѣ не выѣзжаю изъ Неаполя.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

въ полицейской части.

1852 г.

Ваше императорское высочество! Всемилостивѣйшій государь.

Прошедшаго 16-го апрѣля былъ я, по высочайшему повелѣнью, посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ, по истеченіи котораго долженъ быть отправленъ на жительство въ деревню. Наказанію этому, сколько мнѣ извѣстно, я подвергся за помѣщенье статьи о покойномъ Гоголѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Покоряюсь безропотно монаршей волѣ—и желая единственно оправдать себя отъ обвиненія въ умышленномъ ослушаніи, пріемлю смѣлость представить милостивому воззрѣнію вашего императорскаго высочества со всею искренностью сущность дѣла.

Узнавъ о смерти Гоголя, я написалъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ желалъ выразить горесть, возбужденную во мнѣ этимъ извѣстіемъ.—Статья моя была первоначально передана въ „Санктъ-Петербургскія Вѣдомости“, но [1]) въ нихъ не явилась; тогда я доставилъ ее въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“: мнѣ было извѣстно, что статья эта подвергнется и тамъ всѣмъ установленнымъ цензурнымъ узаконеніямъ, оттого я и не усомнился сообщить ее журналу, издающемуся въ городѣ, гдѣ умеръ [2]) Гоголь. Осмѣливаюсь удостовѣрить ваше императорское высочество, что отсылая статью свою въ Москву, я не только не думалъ ослушаться начальства или противиться его волѣ—но не имѣлъ даже помыш-

---

[1]) На полѣ карандашемъ: „встрѣтивъ затрудненія“.

[2]) На полѣ карандашемъ: „притомъ же, такъ какъ все дѣло было чисто литературное, то я и могъ приписать возникшія въ Петербургѣ затрудненія личному воззрѣнію цензора на талантъ покойника“.

ленія о томъ, что дѣлаю что нибудь противузаконное; я бы тотчасъ уничтожилъ эту статью, если бы хоть отдаленно могъ предвидѣть, что мой поступокъ будетъ сочтенъ за ослушаніе. Теперь же, не зная за собой никакой другой вины, я состою подъ арестомъ въ полицейской части и будущность моя находится въ неизвѣстности, тѣмъ болѣе для меня тягостной [1]), что мое здоровье требуетъ частыхъ совѣщаній съ столичными врачами.

Въ такомъ положеніи мнѣ остается только прибѣгнуть къ милостивому снисхожденію и высокому предстательству вашего императорскаго высочества. Удостойте, всемилостивѣйшій государь, довести мое искреннее изложеніе дѣла до свѣдѣнія его величества, чѣмъ быть можетъ мнѣ доставится возможность оправдать по крайней мѣрѣ свои намѣренья передъ государемъ императоромъ. Одно благотворное вниманіе вашего высочества я уже почту облегченіемъ своей участи.

Вашего императорскаго высочества всеподданнѣйшій

Иванъ Тургеневъ,
отставной коллежскій секретарь.

Санктъ-Петербургъ,
апрѣля 27-го дня

Примѣчаніе. Эпизодъ заключенія покойнаго Ивана Сергѣевича Тургенева въ полицейскую часть, въ С.-Петербургѣ, достаточно извѣстенъ. Объ этомъ было подробно разсказано въ Запискахъ покойнаго-же члена государственнаго совѣта, князя Дмитрія Александровича Оболенскаго, въ „Русской Старинѣ“ изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 940—953.

Нынѣ напечатанное нами съ подлинника письмо И. С. Тургенева является документомъ весьма важнымъ для его біографіи. Дорого при этомъ то, что высокодаровитый писатель счелъ долгомъ прибѣгнуть подъ защиту и высокое покровительство Цесаревича Александра Николаевича, будущаго Царя-Освободителя, славнаго задолго до восшествія своего на престолъ своимъ прекраснымъ, на все доброе отзывчивымъ сердцемъ. Такимъ образомъ, великій князь Александръ Николаевичъ освобождалъ Тургенева, другой великій князь, именно великій князь Константинъ Николаевичъ, три года спустя, исходатайствовалъ о снятіи запрета съ сочиненій Гоголя. См. тамъ-же, въ Запискахъ кн. Оболенскаго. Ред.

---

[1]) По зачеркнутому—тяжелой.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

въ запискахъ и письмахъ къ М. А. и Н. А. Милютинымъ

1867—1875 гг.

Предлагаемыя записки и письма принадлежатъ періоду 1867—1875 гг. Мы сохранили даже нѣкоторыя краткія записки, потому что онѣ, какъ намъ кажется, характеризуютъ и доброту человѣка, и разсѣянность художника, и его тогдашній образъ жизни [1]).

Марія Стиль.

I.

1867 г.

Любезнѣйшая Марія Аггеевна. Сейчасъ вернулся съ охоты, нашелъ вашу записку и—можете себѣ представить мое положеніе! Я дѣйствительно никуда не годный человѣкъ! Однако, если позволите, буду у васъ обѣдать завтра, и зайду нынче;—теперь едва дышу отъ усталости. Дружески жму вамъ руку. Ив. Тургеневъ.

II.

Четвергъ.

Любезнѣйшая Марія Аггеевна! Позвольте мнѣ прійти обѣдать сегодня вмѣсто завтрашняго дня. Віардо не совсѣмъ здоровъ и отправляется на охоту только завтра. Надѣюсь, что это не разстроитъ вашихъ плановъ. Дружески кланяюсь вамъ. Ив. Тургеневъ.

---

[1]) Весной 1867 года, Николай Алексѣевичъ Милютинъ съ семействомъ выѣхалъ за границу и водворился на шесть мѣсяцевъ въ Баденъ-Баденѣ. Пребываніе тамъ Ив. Сер. Тургенева много содѣйствовало этому выбору. По пріѣздѣ нашемъ, однако, оказалось, что Иванъ Сергѣевичъ совершенно поглощенъ семействомъ Віардо, постройкою дома (смежнаго съ ихъ домомъ), охотою, музыкою и домашними театральными представленіями. Онъ только что издалъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, свой большой романъ „Дымъ“, и въ полномъ смыслѣ слова—отдыхалъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ однако началъ свою коротенькую повѣсть „Несчастная“, которую читалъ у насъ въ рукописи.

Марія Стиль.

III.

Воскресенье.

Любезнѣйшая Марія Аггеевна! Сегодня у насъ въ три часа репетиція,—и потому я раньше ½ 5-го къ вамъ прибыть не могу; чтеніе произойдетъ послѣ обѣда, а Н. А. можетъ воспользоваться хорошей погодой и до обѣда погулять. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

IV.

Четвергъ 1868 г.

Любезная Марія Аггеевна! Отъ старости лѣтъ я впадаю въ младенчество и теряю память: я рѣшительно не могу вспомнить, какія книги я вамъ обѣщалъ,—будьте такъ добры—назовите заглавія—и я вамъ пришлю тотчасъ. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

V.

Среда.

Любезнѣйшая Марія Аггеевна! Вотъ вамъ «Русскій Архивъ» за 1867 г. Если возможно—пришлите мнѣ «Войну и Миръ». Надѣюсь, что ваше здоровье поправляется? Искренно вамъ преданный Ив. Тургеневъ.

VI.

Среда утромъ.

L'homme propose et Botkine dispose, любезнѣйшая Марія Аггеевна—я увѣрялъ третьяго дня, что не напишу письма—а вотъ приходится писать и отложить чтеніе до завтра,—такъ какъ въ силу полученной вчера телеграммы— Великій Моголъ [1]) пріѣзжаетъ сюда сегодня въ ½ 1-го или въ ½ 4-го и я, имѣвъ неосторожность взять

[1]) Василій Петровичъ Боткинъ, братъ извѣстнаго доктора Сергѣя Петровича, авторъ „Писемъ объ Испаніи“ и проч.—былъ общимъ пріятелемъ и Николая Алексѣевича Милютина, и Ивана Сер. Тургенева. Госпожа Карлайль, въ только что изданныхъ письмахъ (Letters of J. W. Carlyle) начертила очень сходный портретъ его, описывая его первое посѣщеніе, и называя его мужу: „your translater“—твой переводчикъ. Боткинъ дѣйствительно перевелъ статью Карлайля On heros, o герояхъ („Современникъ“, 1855 г., кажется?). Тургеневъ высоко цѣнилъ его художественный смыслъ и читалъ ему корректуры всѣхъ своихъ произведеній,—но любилъ надъ нимъ подтрунивать и говорилъ: „o! еслибъ Боткинъ не былъ мой пріятель,—я непремѣнно издалъ бы цѣлую книгу анекдотовъ о немъ, и назвалъ бы ее „Боткиніана“.

Марія Стиль

для него комнату не въ Hôtel d'Europe, а l'Hôtel d'Angleterre,—долженъ съ раболѣпствомъ ожидать его на желѣзной дорогѣ. Но я васъ все таки сегодня увижу,—пока кланяюсь Н. А. и жму вамъ руку, преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

VII.

Среда.

Любезная Марія Аггеевна! Съ свойственною мнѣ (при моихъ сѣданахъ непростительной) легкомысленностію,—я забылъ, что сегодня приглашенъ на обѣдъ у одного знакомаго,—но если вамъ угодно—явлюсь въ пятницу. Извините меня пожайлуста и пр. и пр. Ив. Тургеневъ.

VIII.

Пятница.

Любезнѣйшая Марія Аггеевна! Вы навѣрное подумаете—ну! опять записочка! Что дѣлать. Прошу извинить великодушно,—сегодня невозможно мнѣ придти обѣдать. Столько дѣла, что ужасъ! Это дѣло очень похожее на бездѣлье—но вы знаете—«чѣмъ бы дитя не тѣшилось» и т. д. [1]). Дружески жму вамъ руку и кланяюсь Н. А. Ив. Тургеневъ.

IX.

Любезная Марія Аггеевна! Опять встрѣчаются препятствія—братъ госпожи Віардо [2]) вчера пріѣхалъ и уѣзжаетъ завтра,—я сегодняшній день долженъ пробыть съ ними. Пожайлуста, не пеняйте на меня, и позвольте отложить мое посѣщеніе до воскресенья. Кланяюсь вамъ и Н. А. Преданный Ив. Тургеневъ.

X.

Понедѣльникъ.

Любезнѣйшая Марія Аггеевна. Очень вамъ благодаренъ за присылку 4-го тома «Войны и Мира» и не сомнѣваюсь въ вѣрности вашего впечатлѣнія. Примусь за чтеніе тотчасъ.

---

[1]) Ив. Серг. въ эту пору сочинялъ, передѣлывалъ и подлаживалъ либретто для маленькихъ оперъ мадамъ Віардо (разумѣется на французскомъ языкѣ) и часто даже разыгрывалъ и представлялъ ихъ вмѣстѣ съ дѣтьми и ученицами г-жи Віардо,—за что покойный Николай Алексѣевичъ порядочно допекалъ его и надъ нимъ посмѣивался.

[2]) Гарсіа, учитель пѣнія въ Лондонѣ. Марія Стиль.

Я вчера наконецъ переѣхалъ въ свой домъ, и испытываю впечатлѣніе вышедшей за мужъ юной дѣвицы: что-то неловко и даже грустно — все мнѣ кажется что вотъ-вотъ разобью какую нибудь мебель и т. п.

Я сегодня буду у васъ обѣдать, а до тѣхъ поръ—крѣпко жму вамъ руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

XI.

Понедѣльникъ, 19-го февраля 1868 г.

Любезнѣйшая Марія Аггеевна! Кажется Гамлетъ говоритъ у Шекспира—«сомнѣвайся въ солнцѣ, въ Богѣ, но въ любви моей не сомнѣвайся!» А я имѣю честь сказать вамъ: не вѣрьте ни во что, не вѣрьте особенно въ мои обѣщанія, но—вѣрьте, что я непремѣнно сегодня (въ день 19-го февраля!!) обѣдаю съ вами!—Земля лопнетъ—но если мы останемся на одной половинѣ—и тогда я буду сегодня обѣдать съ вами! До свиданія! Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

Примѣч. М. А. Стиль: За обѣдомъ Иванъ Сергѣевичъ прочелъ слѣдующую рѣчь, которую потомъ отдалъ мнѣ:

XII.

19-го февраля 1868 г.

Николай Алексѣевичъ! Четыре года тому назадъ мы праздновали въ Петербургѣ сегодняшній знаменательный день (1864 г.); редакціонная коммисія присутствовала на этомъ праздникѣ въ полномъ составѣ своихъ членовъ, а вы — одинъ изъ главныхъ начинателей и совершителей великаго дѣла освобожденія—вы были тогда въ полномъ разцвѣтѣ здоровья и силъ—и мы радостно чествовали васъ. Теперь насъ не много, и собрались мы вокругъ васъ въ чужой землѣ; болѣзнь временно отдѣлила васъ отъ того круга общественной дѣятельности, котораго вы были средоточіемъ и руководителемъ, и къ которому—мы твердо надѣемся—вы рано или поздно вернетесь; но и въ маломъ числѣ мы пьемъ за ваше здоровье съ прежнимъ душевнымъ уваженіемъ,—и пьемъ мы не одни. Мы знаемъ навѣрное, что въ это самое мгновеніе—многіе изъ нашихъ соотечественниковъ вспоминаютъ о васъ, и преобщаются къ нашему искреннему привѣту. Скажемъ болѣе: именно это удаленіе ваше отъ тревогъ современной жизни, это удаленіе, въ которомъ вы находитесь—даетъ нашему заявленію какъ бы нѣкій оттѣнокъ того безпристрастнаго, справедливаго суда,

съ которымъ отнесется къ вамъ позднѣйшее потомство. Съ увѣренностію въ несомнѣнной истинѣ нашихъ словъ мы можемъ уже теперь воскликнуть: пока будутъ существовать на Руси свободные люди—въ числѣ немногихъ именъ, составляющихъ гордость Россіи, имя Николая Милютина будетъ произноситься съ особеннымъ чувствомъ благодарности и почета.—За ваше здоровье [1])!

XIII.

Баденъ-Баденъ. 3, Thiergarten Strasse. 1-го ноября (20 окт.) 1868 г.

Любезнѣйшая Марія Аггеевна.... Я сегодня узналъ, что вы рѣшились поселиться на зиму въ Вене — и тотчасъ взялъ перо, чтобъ написать вамъ. Я получилъ вашу телеграмму, за которую искренно благодарю васъ, но не зная куда вамъ писать, медлилъ отвѣтомъ [2]). Гейлигенталь (докторъ) находитъ ваше рѣшеніе весьма благоразумнымъ и предпочитаетъ для Н. А. и для васъ пребываніе въ Вене пребыванію во Флоренціи.

... Будемъ надѣяться, что тамошній здоровый и легкій воздухъ возстановитъ здоровье васъ обоихъ.

... Здѣсь все идетъ своимъ порядкомъ; третьяго дня было послѣднее представленіе оперетки, вчера послѣдняя «Matinée musicale», завтра—первая зимняя охота. Я переписываю свою повѣсть, многое передѣлалъ, выкинулъ драчуна Целиндрова и собираюсь черезъ нѣсколько дней на недѣлю въ Парижъ.

XIV.

Карлсруе. 1-го декабря (19 ноября) 1868 г.

Любезнѣйшая Марія Аггеевна! Я нѣсколько дней тому назадъ возвратился изъ Парижа,—и хотя нахожусь все еще въ хлопотахъ, по отысканію квартиры, перемѣщенію и т. д., однако считаю долгомъ отозваться на ваше письмо отъ 5-го ноября. Извѣстія, сообщенныя

---

[1]) Ник. Ал. Милютинъ больной и разстроенный не могъ отвѣчать, но всталъ, пожалъ Тургеневу руку; навѣрное не могу припомнить—были ли при этомъ оба Самарины и Черкасскій, но одинъ изъ нихъ присутствовалъ навѣрное; также В. П. Боткинъ и Ив. Пав. Арапетовъ. Всего было не болѣе 8-ми человѣкъ, —(при равномъ числѣ западниковъ и славянофиловъ...). За обѣдомъ было получено нѣсколько телеграммъ изъ Петербурга, Москвы, Варшавы и провинціи.

[2]) Ив. Сер. былъ въ отсутствіи, когда пришло время нашего отъѣзда изъ Бадена, потому мы увѣдомили его о томъ по телеграфу. Марія Стиль.

вами о здоровьи Николая Алексѣевича, довольно утѣшительныя; надѣюсь, что и впредь будетъ такъ продолжаться. Я въ Парижѣ былъ у графа Киселева и просидѣлъ у него около часа. — Я нашелъ его нравственно бодрымъ, хотя физика видимо разрушается. Мы, разумѣется, говорили очень много о Николаѣ Алексѣевичѣ...

Дочь моя ожидала меня въ Парижѣ; мы давно не видались, и потому почти все время проводили вмѣстѣ. Утромъ дѣла, комиссіи, а вечеромъ театръ Оффенбаха на каждомъ шагу и прочія безалаберности. Я закружился какъ въ водоворотѣ и теперь только нѣсколько начинаю приходить въ обычное положеніе.

... О повѣсти моей, вычищенной и передѣланной — доходятъ до свѣдѣнія моего изъ Петербурга благопріятныя извѣстія. Я намѣренъ — если подагра оставитъ меня въ покоѣ, — сильно работать въ уединенномъ и мирномъ Карлсруе.

Когда вздумаете писать, адресуйте ваши письма — Carlsruhe, poste restante. Дружески кланяюсь Николаю Алексѣевичу и всѣмъ вашимъ, и проч. Ив. Тургеневъ.

XV.

Карлсруе. Hôtel Prinz Max. 2-го марта (18 февраля) 1869 г.

Любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ. Въ началѣ зимы я написалъ довольно большое письмо Маріи Аггеевнѣ и не получилъ отвѣта [1]); мнѣ бы слѣдовало написать еще, — но лѣнь помѣшала; и теперь я адресую письмо на удачу, такъ какъ не знаю, находитесь ли вы еще въ Веве? А между тѣмъ мнѣ бы очень хотѣлось узнать, что вы дѣлаете, какъ ваше здоровье, какіе ваши планы? — Именно сегодняшній день — въ годовщину конца стараго и начала новаго порядка вещей, — я много думалъ о васъ. Хотѣлось бы мнѣ поговорить съ вами, разсказать кое-что, — но такъ какъ я не желаю тратить свои заряды на воздухъ — то прошу васъ извѣстить меня въ двухъ словахъ: находитесь ли вы еще въ Веве? Тогда я отвѣчу вамъ подробно, а пока кланяюсь всѣмъ вашимъ и дружески жму вашу руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

Помѣта: Съ боку лѣвою рукою Николая Алексѣевича написано: „отвѣчалъ 5-го марта“.

---

[1]) Уходъ за Николаемъ Алексѣевичемъ, также и за младшимъ ребенкомъ (который чуть на вѣкъ не остался хромой), — свалили меня, — я заболѣла и не могла ему писать. Марія Стиль.

XVI.

Карлсруе, Hôtel Pr. Max. 11-го марта 1869 г.

Какъ меня порадовали ваши строки, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ, начертанныя весьма четко и даже красиво вашей собственной рукой! Сожалѣю о нездоровьи вашей супруги и о томъ, что вы все еще находитесь въ statu quo; надобно съ весной возвратиться къ намъ въ Баденъ; нашъ воздухъ вамъ, что ни говори—помогъ, и впредь можетъ быть полезенъ. Очень бы вы этимъ всѣхъ насъ порадовали. О себѣ скажу вамъ, что я сначала предавался совершенному бездѣйствію и охотѣ; здоровье мое было очень удовлетворительно и подагра (какъ бы не сглазить!) словно забыла меня; однако въ послѣднее время я встрепенулся и принялся за перо. Написалъ нѣсколько отрывковъ изъ «Литературныхъ воспоминаній»; одинъ изъ нихъ—о Бѣлинскомъ—будетъ помѣщенъ въ апрѣльской книжкѣ «Вѣстника Европы» (кстати, получаете ли вы его?). Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» [1]) помѣщена моя «Несчастная», и если вы дали себѣ трудъ прочесть ее,—то вы могли убѣдиться, что я послушался совѣтовъ Маріи Аггеевны и (К. Д.) Кавелина и вообще много передѣлалъ и прибавилъ. Теперь я, надняхъ, т. е. около 25-го числа, съѣзжу въ Парижъ на недѣлю, а оттуда въ Веймаръ, гдѣ, 8-го апрѣля, въ день рожденья великой герцогини, ставятъ на театрѣ нашу вторую оперетку — «Le dernier Sorcier». Она переведена на нѣмецкій языкъ, г-жа Віардо прибавила пять новыхъ музыкальныхъ номеровъ и Листъ, который чрезвычайно доволенъ этой опереткой и всячески хлопоталъ о томъ, чтобъ ее дали — инструментовалъ ее. Ожидаю этого событія съ нетерпѣніемъ; если будетъ успѣхъ, то это можетъ открыть новую карьеру г-жѣ Віардо [2]). Въ маѣ мѣсяцѣ я съѣзжу въ Россію, а въ іюнѣ я уже опять буду въ Баденѣ, на своемъ гнѣздѣ.

Говорятъ (Вас. Петр.) Боткинъ въ Римѣ лежитъ въ постели, безъ движенія. Я написалъ ему, но не получилъ отвѣта.

...Семейство Віардо живетъ здѣсь всю зиму; старшая (дочь) учится рисованію и успѣваетъ необыкновенно. Это вообще удивительная дѣвушка. Прилагаю вамъ ея фотографію, чтобъ вы могли судить въ какую прелесть она развилась.

Жизнь въ Карлсруе течетъ очень тихо и мирно; впрочемъ я сдѣлалъ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ. Театръ недуренъ, и можно

---

[1]) Это было года за два за три до размолвки Ив. Сер. съ г. Катковымъ.

[2]) Le dernier Sorcier однако ожидалъ фіаско на Веймарскомъ театрѣ и съ тѣхъ поръ г-жа Віардо ограничилась романсами. Марія Стилъ.

слышать много хорошей музыки. У госпожи Віардо музыкальныя «Soirées» по вторникамъ.

Желаю вамъ всего хорошаго, кланяюсь Маріи Аггеевнѣ и всѣмъ вашимъ и говорю вамъ: до свиданія. Искренно вамъ преданный

Ив. Тургеневъ [1]).

XVII.

Баденъ-Баденъ, Thiergarten-Strasse. 22-го іюня 1869 г.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ. Отъ супруги вашей я узналъ, что вы находитесь въ недальнемъ разстояніи отсюда, а именно—въ Вильдбадѣ—и мнѣ было бы весьма пріятно получить вѣсточку отъ васъ самихъ. Я бы съ удовольствіемъ немедленно прокатился къ вамъ, да я въ эту минуту очень швахъ; а именно — сверхъ болѣзни въ сердцѣ, которую во мнѣ открылъ Гейлигенталь— а Фридрейхъ подтвердилъ,—я вотъ уже съ недѣлю какъ вожусь съ припадками подагры въ ногѣ; болѣзнь эта, кажется, намѣревается посѣщать меня ежегодно. Впрочемъ, мнѣ гораздо лучше, я уже могу надѣвать бархатную туфлю и путешествіе въ Вильдбадъ представляется мнѣ близкою возможностью.

Съ большимъ удовольствіемъ слышу я изъ разныхъ источниковъ— что здоровье ваше значительно поправилось. Еще немного терпѣнія — и вы будете совсѣмъ молодцемъ! — Напишите мнѣ словечко. А пока дружески жму вамъ руку и кланяюсь вашему сыну и любезному его наставнику. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

P. S. Долго ли вы еще намѣрены пробыть въ Вильдбадѣ?

XVIII.

Баденъ-Баденъ. Thiergarten-Strasse. 22-го іюля 1869 г.

Любезнѣйшая Марія Аггеевна. Я бы давно отвѣчалъ на вашу любезную записочку [2]), еслибъ на меня не обрушились удары судьбы, а именно: припадокъ подагры, которая кажется намѣрена посѣщать меня ежегодно—повергъ меня въ постель. Она была очень сильна— но едва-ли будетъ продолжаться: я уже могу ступить на ногу. Черезъ нѣсколько дней я надѣюсь освободиться и — остаться съ болѣзнью сердца—которую Гейлигенталь во мнѣ открылъ, а Фридрейхъ скрѣ-

[1]) Въ промежутокъ времени (отъ марта до іюня)—Ив. Серг. успѣлъ побывать въ Россіи, а Ник. Алек. оставилъ Веве.

[2]) Отвѣтъ на сообщеніе, что доктора послали Николая Алексѣевича въ Вильдбадъ, и просьбу навѣстить его. Марія Стиль.

пилъ своею подписью. Да, у меня болѣзнь сердца. Что дѣлать! Надо покориться. Худо то, — что мнѣ на вѣки вѣковъ хотятъ запретить охоту! Однако это — въ сторону. Мнѣ весьма пріятно слышать, что Николаю Алексѣевичу лучше. Я сегодня написалъ ему записочку, а какъ только нога моя мнѣ позволитъ,—съѣзжу къ нему въ Вильдбадъ. Долго ли вы пробудете въ Наунгеймѣ — и какіе ваши дальнѣйшіе планы? Увѣдомьте меня; а я отсюда до зимы ни куда ни пяди.

P. S. Гейлигенталь (у котораго нынче ночью родился второй сынъ) даетъ мнѣ отъ поры до времени свѣдѣнія о вашемъ собственномъ здоровьи. Сами вы—довольны имъ?

XIX.

Баденъ-Баденъ, 3, Thiergarten-Strasse [1]), 5-го января 1870 г.

Любезнѣйшая Марія Аггеевна.—Ваше письмо меня очень порадовало — впрочемъ я самъ лично надѣюсь вскорѣ выразить это вамъ, ибо въ понедѣльникъ выѣзжаю отсюда и конечно уже во вторникъ увижу васъ и Николая Алексѣевича. Быть можетъ и нашъ Новый годъ придется встрѣтить вмѣстѣ, а потому прошу васъ прислать мнѣ въ Hôtel Byron, rue Laffitte—вашъ адресъ, который вы, извините, по свойственной всѣмъ нашимъ соотечественникамъ привычкѣ, въ письмѣ своемъ не выставили, такъ что и теперешнее письмо я принужденъ послать черезъ Ханыкова, адресъ котораго у меня уцѣлѣлъ. Будьте добры— сообщите и ему о моемъ пріѣздѣ.

Отлагаю до нашего свиданія всѣ разсказы о здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ и о прочемъ; но не могу теперь же не попенять на васъ за то, что вы переводъ моей «Странной исторіи» въ «Голосѣ» могли принять за мой текстъ! N. N., изъ злобы противъ меня, и чтобъ насолить (?) «Вѣстнику Европы», въ которомъ долженъ помѣститься мой разсказъ,—выкинулъ эту, еще не бывалую въ нашей литературѣ штуку: далъ перевести мою бѣдную вещицу какому-то тупому семинаристу... а вы!... или можетъ быть меня напрасно обуяла гордость— и между текстомъ этого барина и моимъ въ сущности нѣтъ никакой разницы? [2])... можетъ быть.

До скораго свиданія, преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

---

[1]) Лѣтомъ мы нѣсколько разъ видѣлись съ Ив. Серг., а на зиму переѣхали въ Парижъ.

[2]) Разница, конечно, оказалась, но позже. Многіе, видя подпись Тургенева, сдѣлали туже ошибку. Марія Стиль.

XX.

Баденъ-Баденъ, 3, Thiergarten Strasse, 1-го августа 1870 г.

Любезная Марія Аггеевна. Вы безпокоитесь за меня, и я васъ искренно благодарю. Еще больше благодарю васъ за то, что сообщаете вѣсти о себѣ и о Николаѣ Алексѣевичѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я не видѣлъ васъ, я успѣлъ побывать въ Россіи, пробылъ мѣсяцъ въ деревнѣ и, двѣ недѣли тому назадъ, сюда вернулся. Въ Россіи я (отъ Черкасскаго) узналъ о тяжкой вашей болѣзни и о благополучномъ избавленіи отъ нея, чему душевно порадовался; должно надѣяться, что вы теперь окончательно поправитесь.

Здѣсь до сихъ поръ все тихо [1]). Война вѣроятно не коснется насъ. Впрочемъ, мы на все готовы и въ случаѣ нужды уѣдемъ въ Вильдбадъ—въ каретахъ, такъ какъ всѣ сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ прерваны. Я говорю: «мы», т. е. семейство Віардо и я; я съ ними не разстанусь.

О крайнемъ безобразіи этой войны распространяться не стану; впрочемъ, она была неизбѣжна, и нѣмцы это сами чувствовали. Ими овладѣлъ патріотическій жаръ какъ въ 1813 году; но времена предстоятъ имъ тяжелыя, такъ какъ, на первыхъ порахъ въ успѣхахъ французскаго оружія сомнѣваться невозможно [2]). Лишь бы пожаръ не охватилъ всю Европу! Пусть Россія останется по крайней мѣрѣ въ сторонѣ!

Вернуться въ Россію вамъ, я полагаю, всегда будетъ возможно, но мнѣ почему то не вѣрится, что вы зиму проведете въ Москвѣ [3]).

Будьте такъ любезны, tenez moi au courant вашихъ намѣреній, а я къ вамъ напишу, если бы пришлось покинуть Баденъ, чего я впрочемъ не ожидаю.

Засимъ, дружески кланяюсь вамъ всѣмъ и остаюсь искренно вамъ преданный. Ив. Тургеневъ.

XXI.

Баденъ Баденъ, 3, Thiergarten Strasse. 20 го (8) августа 1870 г.

Сейчасъ получилъ я ваше письмо, любезнѣйшая Марія Аггеевна, а вчера вечеромъ, въ 10 часу, вдругъ всѣ колокола зазвѣнѣли въ Баденѣ: это пришло извѣстіе о рѣшительномъ и чуть ли не оконча-

---

[1]) Франко-прусская война только что разыгрывалась.

[2]) Это было всеобщее тогда мнѣніе.

[3]) Мы во время войны находились у моря близъ Гавра: Николай Алексѣевичъ въ параличѣ, дѣти въ жестокомъ коклюшѣ, я едва оправившись отъ болѣзни, безъ всякой помощи, положеніе было самое тяжелое.

Марія Стиль.

тельномъ пораженіи французовъ при Резанвилѣ. Армія Базена такъ-таки не успѣла во время убраться изъ Меца. Нельзя не согласиться, что неспособность генераловъ французскихъ и ихъ администраціи еще на сто процентовъ превосходитъ нашу неспособность во время крымской кампаніи. Остается вопросъ: съумѣютъ ли они, такъ какъ мы это сдѣлали, извлечь пользу изъ собственнаго несчастія, и пойдетъ ли имъ этотъ урокъ въ прокъ? При самомнѣніи французовъ, при ихъ малой любви къ истинѣ—это сомнительно.

Что вся Европа ожидала торжества французовъ, это доказываетъ только то, что мы меньше всего знаемъ, что совершается у насъ подъ носомъ. Прусаки, которыхъ я видѣлъ 15-го іюля въ Берлинѣ, ни одной секунды не сомнѣвались въ побѣдѣ, но я приписывалъ это національному тщеславію. Оказывается, что они знали, что говорили.

Весьма вѣроятно, что въ Парижѣ вспыхнетъ, если уже не вспыхнула, революція. Умы были такъ напряжены ожиданіемъ этого сраженія, что новая неудача должна произвести взрывъ... Наполеонъ едва ли удержится. Впрочемъ, nous vivons dans l'imprévu и такая неправдоподобная вещь, какъ сохраненіе имперіи, можетъ еще совершиться.

Вамъ, во всякомъ случаѣ, въ Парижъ вернуться не придется.

Мнѣ кажется, на вашемъ мѣстѣ, я, выбравши тихую погоду (по барометру это всегда можно знать два, три дня заранѣе), поѣхалъ бы моремъ изъ Гавра въ Остендъ, а оттуда черезъ Брюссель, Кёльнъ и Берлинъ, домой (если вы уже точно рѣшились [1]) провести зиму въ Россіи)... Теперь по Германіи желѣзныя дороги снова дѣйствуютъ исправно. Морской переѣздъ изъ Гавра въ Остендъ нѣсколько часовъ [2]).

Здѣсь у насъ очень тихо и даже раненыхъ и больныхъ мало. За то почти всѣ доктора уѣхали (между прочимъ и Гейлигенталь): ихъ потребовали въ Нанси.

Поклонитесь отъ меня всѣмъ вашимъ, и крѣпко пожмите руку Николаю Алексѣевичу. Я долженъ зимой быть въ Россіи и въ концѣ января буду находиться въ Москвѣ. Увижу ли я васъ тамъ?

Будьте здоровы и вѣрьте искренней моей привязанности

Ив. Тургеневъ.

---

[1]) Тургеневъ и гр. Киселевъ очень уговаривали Николая Алексѣевича остаться заграницею, и вопросъ этотъ долго не рѣшался, хотя для воспитанія дѣтей необходимо было вернуться на родину.

[2]) Мы однако отправились сухимъ путемъ къ Бельгійской границѣ, которую переѣхали въ день Седанской битвы (3 сент.). Марія Стиль.

XXII.

4, Bentinck Street, Manchester Square, 2-го (14) декабря, 1870 г.

Любезная Марія Аггеевна. Давнымъ давно мнѣ бы слѣдовало писать вамъ, но срокъ въ Петербургѣ я пропустилъ, а Московскаго адреса вашего не зналъ; притомъ, я какъ то прочелъ въ газетахъ, будто Николай Алексѣевичъ снова переѣхалъ въ Петербургъ. Съ мѣсяцъ тому назадъ, я прибылъ въ Лондонъ и, узнавши вашъ адресъ отъ Ханыкова, пишу къ вамъ. Слухи о Николаѣ Алексѣевичѣ и о васъ доходятъ довольно утѣшительные: говорятъ, вы здоровы, а онъ понемногу поправляется. Напишите мнѣ два слова, въ подтвержденіе этихъ слуховъ, и вообще о томъ, какъ вамъ показалась Москва и какъ вамъ въ ней живется.

Я заѣхалъ сюда случайно (не хотѣлось оставаться въ опустѣломъ Баденѣ) и пробуду здѣсь около мѣсяца, а тамъ—въ Петербургъ, въ Москву и въ деревню. Въ Москвѣ я, разумѣется, увижусь съ вами. Здѣсь журналы распространили было извѣстіе о назначеніи князя Черкасскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ; но кажется, это извѣстіе очень далеко отъ истины, если правда, что адрессъ московской думы по поводу Горчаковскаго циркуляра возвращенъ съ репримандомъ.) напечено!

...Здѣсь никто не вѣритъ въ возможность войны съ Россіею, но дѣла во Франціи принимаютъ такой оборотъ, что пожалуй, въ будущемъ году Европа вся загорится со всѣхъ концовъ. Что станется тогда съ цивилизаціею и свободой?

Передайте мой дружескій поклонъ Николаю Алексѣевичу. Парижскіе туристы здѣсь и совсѣмъ пали духомъ. Война ихъ почти разворила.

Дружески жму вамъ руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

XXIII.

4, Bentinck-Street, Manchester Square. London.
26-го декабря 1870 г. (7-го января 1871 г.)

Любезнѣйшая Марія Аггеевна. Ваше письмо доставило мнѣ великое удовольствіе, во-первыхъ тѣми хорошими извѣстіями, которыя вы мнѣ сообщаете о Николаѣ Алексѣевичѣ, о васъ и вашемъ семействѣ, а во-вторыхъ и тѣмъ, что вы мнѣ говорите о моемъ «Лирѣ». Могу васъ увѣрить, что я дорожу вашимъ мнѣніемъ; оно всегда искренно и нелицепріятно, да я и не избалованъ на счетъ похвалъ,

особенно въ послѣднее время... Я радуюсь, что трудъ, потраченный мною на сочиненіе этой повѣсти (я ее нѣсколько разъ переписалъ и передѣлалъ), не пропалъ даромъ.

Я полагаю выѣхать отсюда черезъ двѣ недѣли, а мѣсяцъ спустя, т. е. около половины нашего февраля, я буду въ Москвѣ [1]). Чрезвычайно благодаренъ вамъ за ваше радушное предложеніе гостить у васъ въ домѣ; но вотъ уже лѣтъ пятнадцать, какъ я останавливаюсь у моего стариннаго пріятеля (начальника удѣльной конторы въ Москвѣ) И. П. Маслова, и я не желалъ бы его обидѣть. Для него я не разъ отказывалъ брату, у котораго тоже домъ въ Москвѣ.

Все-таки я вамъ очень благодаренъ за ваше ласковое предложеніе.

... И такъ, Москва радушно пріютила Николая Алексѣевича? Это дѣлаетъ ей большую честь. А proros адресса, подписаннаго Черкасскимъ, — je lui dois une amende honorable: я думалъ, что въ немъ честолюбіе сильнѣе чувства дружбы, а выходитъ напротивъ.

Поклонитесь ему отъ меня, княгинѣ и всѣмъ московскимъ знакомымъ.

Дружески жму руку Николаю Алексѣевичу и вамъ, и до свиданія! А Юрій—молодецъ! Впередъ, молодое поколѣніе!

Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

XXIV.

Лондонъ, Beaumont Street, 2-го (14) апрѣля 1871 г.

Любезнѣйшая Марія Аггеевна. Ваше большое и хорошее письмо доставило мнѣ много удовольствія. Во-первыхъ, оно доказало мнѣ, что вы чувствуете ко мнѣ довѣріе и уже не считаете меня букой; во-вторыхъ оно сообщило мнѣ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній о вашей внутренней и внѣшней жизни. Говорю вамъ искреннее спасибо и надѣюсь, что наша переписка на этомъ не остановится?

... Я пріѣхалъ сюда ровно недѣлю тому назадъ, и на другой же день слегъ въ постель. Только сегодня я могу сказать совсѣмъ поправился и началъ выходить. Квартира, въ которой я живу и адресъ которой стоитъ въ заголовкѣ этого письма, очень неудобна и мала, потому я вѣроятно перемѣню ее; прошу васъ писать по прежнему, оставленному мною у васъ, адресу.

---

[1]) Въ назначенный срокъ, Тургеневъ прибылъ въ Москву, пробылъ недѣли-три, далъ публичное чтеніе въ университетской залѣ (или дворян. собр.— не помню) раза два—три въ недѣлю заглядывалъ къ Николаю Алексѣевичу и два раза читалъ у насъ вслухъ, при собраніи небольшого круга друзей.

Марія Стиль.

Я нашелъ здѣсь всѣхъ своихъ здоровыми; бѣдный Николай Ивановичъ Тургеневъ съ семействомъ, говорятъ, въ Парижѣ; говорю: бѣдный, потому что вы можете себѣ представить каково тамъ жить теперь,—пожалуй и сыновей его завербуютъ въ защитниковъ коммуны. Ваша оцѣнка тѣхъ женскихъ личностей, которыя васъ болѣе другихъ привлекаютъ и которыя я у васъ видѣлъ,—кажется мнѣ весьма вѣрной,—и къ нимъ самимъ я чувствую бо́льшую симпатію. Княгиня Г.—воплощенная доброта,—то, что я узналъ объ ея судьбѣ, еще усугубляетъ произведенное ею впечатлѣніе; пожалуста—поблагодарите ее отъ моего имени за лекарство противъ холеры—и скажите ей, что, къ счастію, здѣсь оно не нужно, такъ какъ о холерѣ здѣсь и помину нѣтъ, также какъ и (о) тѣхъ разнообразныхъ болѣстяхъ, которыми грозились намъ россійскіе врачи. Я полагаю они просто хотѣли удержать своихъ паціентовъ.

Я еще до сихъ поръ не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, что со мною будетъ и куда я дѣнусь послѣ іюля мѣсяца. Видно: когда хлѣбъ, тогда и мѣра. Буду жить пока со дня на день и попытаюсь работать,—хотя и тутъ еще пока ничего не предвижу. Что я къ самому себѣ охладѣлъ,—это еще туда-сюда;—но что я къ дѣлу своему охладѣлъ—это плохо. Все равно—буду ли я писать, нѣтъ ли, свою обѣдню я отзвонилъ,—и давненько ее отзвонилъ.

Будьте здоровы и въ бодромъ настроеніи духа... Сумма хорошаго все таки перевѣшиваетъ—и какъ еще! — въ вашей жизни, а вѣдь это большая милость... Всѣмъ вашимъ шлю дружескій привѣтъ,—а вамъ и Николаю Алексѣевичу дружески жму руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

XXV.

Любезнѣйшая Марія Аггеевна,—я на дняхъ получилъ ваше письмо отъ 1-го (13-го) апрѣля, а вчера прибыли романсы Чайковскаго, которые m-me Віардо тотчасъ разыграла и изъ которыхъ ей особенно понравились три послѣдніе,—и особенно самый послѣдній—на слова Гёте (а не Гейне, какъ сказано въ текстѣ): «Nur wer die Sehnsucht kennt»—въ переводѣ Мея. Г-жа Віардо собирается спѣть этотъ романсъ въ одну изъ своихъ «субботъ»—и теперь же поручила мнѣ благодарить г-на Чайковскаго; всѣ ея романсы будутъ ему доставлены. А я съ своей стороны благодарю васъ за скорое и любезное исполненіе моей просьбы. Мои друзья русскіе обыкновенно такъ меня не балуютъ.

...Московское общество дѣлаетъ мнѣ много чести, занимаясь мною—даже послѣ моего отъѣзда; но не слѣдовало бы извращать мои слова. Я никогда не сказалъ ничего подобнаго фразѣ, которую мнѣ приписываютъ [1]). Я помню только,—что въ отвѣтъ на чье то замѣчаніе, что я что то—(не помню что̀ именно, но только не русскій народъ)—презираю—я сказалъ, что вообще это чувство испытываю рѣдко—и уже коли что нибудь сталъ-бы презирать—то вѣроятно началъ бы съ самаго себя. Вы видите какой извращенный смыслъ придали моему смиренному признанію! Но это все пустяки. Мое «я» меня самаго перестало интересовать; могу ли я интересоваться тѣмъ, что объ этомъ «я» говорятъ и думаютъ другіе?... Это однако не мѣшаетъ мнѣ быть благодарнымъ всѣмъ тѣмъ, которымъ угодно чувствовать ко мнѣ расположеніе.

Кланяюсь всей вашей семьѣ, всѣмъ московскимъ пріятелямъ и дружески жму вамъ руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

XXVI.

Лондонъ, 16, Beaumont Street Morgleborm, 17 (5) мая 1871 г.

Милая Марія Аггеевна. Я получилъ оба ваши письма въ одно и то же время;—душевно благодарю васъ за высказанное вами участіе. Вы теперь вѣроятно уже давно знаете, что сообщенное газетами извѣстіе [2]) не имѣло, слава Богу, никакого основанія; еслибъ оно было справедливо—я бы теперь не отвѣчалъ вамъ. Вторично благодарю васъ и крѣпко жму вамъ руку.

Я съ живымъ участіемъ прочелъ, что вы мнѣ пишите о Николаѣ Алексѣевичѣ. Его положеніе—дѣйствительно трагическое,—въ немъ все величественное, горестное, свойственное трагедіи. Тутъ и помочь нельзя; — надо только переживать до конца,—и помнить, что даже такая участь дается не многимъ,—и высшимъ

Wer für die Werken seiner Zeit gelebt—
Der hat gelebt für alle Zeiten.

....Когда я говорю, что охладѣлъ къ своему дѣлу—я, повѣрьте, просто сознаю фактъ. Я готовъ допустить, что талантъ, отпущенный

---

[1]) Что онъ „презираетъ русскій народъ столько же, сколь и самаго себя". Я отказалась этому вѣрить и написала ему, спрашивая, что могло этому подать поводъ?

[2]) Что онъ на охотѣ себя тяжко ранилъ. Марія Стиль.

мнѣ природою—не умалился; но мнѣ нечего съ нимъ дѣлать. Голосъ остался—да пѣть нечего. Слѣдовательно,—лучше замолчать. А пѣть нечего, потому что я живу внѣ Россіи — а не жить внѣ Россіи, я, по обстоятельствамъ всесильнымъ—не могу... Слѣдовательно—заключеніе выведите сами.

Мнѣ очень прискорбно было узнать, что вы больны; надѣюсь, что вы теперь уже поправились; правда, весна у насъ въ Англіи отвратительная,—холодная, не хуже зимы;—но быть можетъ въ Москвѣ лучше?

Передайте мой поклонъ всѣмъ вашимъ и вѣрьте искренней моей пріязни. Вашъ Ив. Тургеневъ.

XXVII.

Парижъ, 48, rue de Douai, 18 (6) декабря 1871 г.

Любезнѣйшая Марія Аггеевна, я сейчасъ получилъ черезъ Ханыкова ваше письмо и немедленно отправилъ его въ Vert-Bois. Я это сдѣлалъ во первыхъ для того, чтобъ разъяснить то недоразумѣніе, о которомъ вы упоминаете;—а во вторыхъ, въ этомъ письмѣ есть подробности и выраженія, которыя несомнѣнно тронутъ сердца всего Тургеневскаго семейства. Я видѣлъ ихъ два раза: они всѣ глубоко и скорбно потрясены смертью Николая Ивановича (Тургенева-декабриста), и не скоро оправятся, особенно обѣ женщины. Оказывается, что какъ семьянинъ, онъ былъ человѣкъ крайне мягкій, безъ всякихъ притязаній, не требователенъ,—а это цѣнится выше всего. Да и вообще онъ былъ превосходный человѣкъ. Телеграма была получена,—это я знаю навѣрное,—я помню, съ какою благодарностію они о ней говорили. Статью въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» я не читалъ, да и они также о ней ничего не знали; тотъ номеръ, вѣроятно, какимъ нибудь образомъ не попалъ въ ихъ руки.

Отъ времени до времени доходятъ до меня извѣстія о васъ, о Николаѣ Алексѣевичѣ; но мнѣ пріятно будетъ получить ихъ прямо отъ васъ. По вашимъ словамъ,—ухудшенія нѣтъ;—а въ обыкновенномъ порядкѣ вещей уже и за это спасибо.

Я съ тѣхъ поръ, какъ простился съ вами — былъ въ Англіи, въ Шотландіи, потомъ въ Баденѣ; разстался съ нимъ окончательно (продалъ домъ, и проч.) и теперь пока — въ Парижѣ, который не похожъ на прежній Парижъ,—хотя и не сталъ новымъ. Междоумочное положеніе во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ концѣ января я прибуду въ Россію и въ февралѣ или мартѣ загляну и въ Москву. Въ нынѣшнемъ году подагра меня сильно допекала — я и теперь не совсѣмъ отъ нея освободился. А впрочемъ, былъ здоровъ и даже работалъ. Въ январскомъ № «Вѣстника Европы» будетъ помѣщена моя повѣсть. Не полагаю, чтобы она вамъ понравилась. Московскія дамы—немножко строги... О княгинѣ Черкасской и А. (Ѳ.) Аксаковой я уже не говорю—и только заранѣе пожимаюсь при мысли объ этихъ неумолимыхъ громовержицахъ! Пожалуста передайте мой усердный поклонъ вашему мужу и всѣмъ тѣмъ, которые меня не забываютъ. Дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ Ив. Тургеневъ [1]).

XXVIII.

Парижъ. 48, rue de Douai. 15-го (3-го) декабря 1872 г.

Любезнѣйшая Марія Аггеевна, искренно благодарю васъ за дружелюбное чувство, внушившее вамъ ваше письмо. Поступокъ Ѳ. Д. не удивилъ меня нисколько; онъ возненавидѣлъ меня уже тогда, когда мы оба были молоды и начинали свою литературную карьеру, хотя я ничѣмъ не заслужилъ этой ненависти. Но безпричинныя страсти, говорятъ, самыя сильныя и продолжительныя... Д. позволилъ себѣ нѣчто худшее, чѣмъ пародію ***; въ тѣхъ же *** онъ представилъ меня, подъ именемъ К***, тайно сочувствующимъ Нечаевской партіи. Странно только то, что онъ выбралъ для пародіи единственную повѣсть, помѣщенную мною въ издаваемомъ нѣкогда имъ журналѣ ***, повѣсть, за которую онъ осыпалъ меня благодарственными и похвальными письмами.

Эти письма сохраняются у меня. Вотъ было бы забавно напечатать ихъ! Но онъ знаетъ, что я этого не сдѣлаю. Мнѣ остается сожалѣть, что онъ употребляетъ свой несомнѣнный талантъ на удовлетвореніе такихъ нехорошихъ чувствъ; видно онъ мало цѣнитъ его, коли унижаетъ до памфлета.

. . . . . .

---

[1]) Письмо это было написано въ декабрѣ 1871 г., а въ январѣ 1872 г. Николай Алексѣевичъ схватилъ сильную простуду, отъ которой, при тяжкой хронической болѣзни—уже не поправлялся. По пріѣздѣ въ февралѣ въ Москву, Ив. Серг. уже не засталъ его въ живыхъ.

Мнѣ нечего было сообщать ему болѣе, и переписка наша, понемногу, прекратилась. Однако, послѣднія два письма, для его характеристики и будущей біографіи—едва-ли не самыя любопытныя. Марія Стиль.

Мое здоровье какъ будто нѣсколько поправляется; однако я все еще не выхожу изъ дому.

... Передайте мой дружескій привѣтъ всѣмъ вашимъ; крѣпко жму вашу руку и остаюсь — душевно вамъ преданный Ив. Тургеневъ.

XXIX.

Парижъ, 1873 г. (число и первая половина письма оторваны и едва уцѣлѣло прочее).

... не надѣюсь на выздоровленіе раньше весны. Да впрочемъ, я сталъ къ этому довольно равнодушенъ: ничего такъ не старитъ и не разочаровываетъ, какъ подобная немощь:—одно скверно—мучиться надо. Но вѣдь и этому пособить нельзя.

Изъ письма вашего я могу заключить, что и вамъ тяжело, au moral. — Кромѣ вашего недавняго горя и московской томительной скуки [1])...

Моя болѣзнь помѣшала мнѣ отдать послѣдній долгъ графу Киселеву; я видѣлъ его года два тому назадъ, и уже тогда онъ видимо разрушался.

И. П. А—въ здѣсь и былъ уже у меня два раза. Въ немъ, въ эту минуту, совмѣщаются два качества, или скорѣе два свойства, которыя рѣдко уживаются въ одной душѣ: сильная самоувѣренность и сильная хандра.

И такъ вамъ мой «Чертопхановъ» понравился: тѣмъ лучше. Пріятелямъ моимъ онъ, напротивъ, вовсе не понравился; и П. В. Анненковъ взялъ съ меня слово никогда впредь никакихъ прибавленій и продолженій къ «Запискамъ Охотниковъ» не дѣлать.

Тургеневы все не могутъ разстаться съ Vert-Bois, и даже неизвѣстно когда они прибудутъ въ Парижъ. Продолжать изданіе писемъ Н. И. Тургенева они будутъ, но у нихъ ничего скоро не дѣлается [2]).

Поклонитесь отъ меня Черкасскому, Петру Самарину и его женѣ, и прочимъ невраждебнымъ москвичамъ.

Будьте здоровы; крѣпко жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

---

[1]) На скуку я ему, впрочемъ, никогда не жаловалась. (Далѣе оборотъ вырваннаго клочка).

[2]) Этому изданію, однако, не суждено было продолжаться.

Марія Стиль.

XXX.

Парижъ, 50, rue de Douai, 22 февраля (6 марта) 1875 г.

Однако задали вы мнѣ задачу, любезнѣйшая Мáрія Агѣевна! Я полагаю такой задачи еще не одинъ сочинитель не получалъ. Опредѣлить мое собственное міросозерцаніе... да еще въ сжатомъ видѣ, въ письмѣ!? [1]).

Отнестись либо отрицательно, либо юмористически къ подобному вопросу было бы легко и даже естественно... Не менѣе естественно и правдиво было бы сказать: а Господь его знаетъ! Не знаю же я собственнаго лица! Но такъ какъ мнѣ не хотѣлось бы огорчить вашего сына (хотя признаюсь откровенно, не могу не дивиться, какія странныя задачи предлагаютъ воспитанникамъ нисшихъ учебныхъ заведеній!!), скажу вкраткѣ, что я преимущественно реалистъ, и болѣе всего интересуюсь живою правдою людской физіономіи; ко всему сверхестественному—отношусь равнодушно, ни въ какіе абсолюты и системы не вѣрю, люблю больше всего свободу, и, сколько могу судить—доступенъ поэзіи. Все человѣческое мнѣ дорого, славянофильство чуждо, также какъ и всякая ортодоксія. Кажется, сказалъ довольно, а въ сущности все это—однѣ слова! Больше ничего не имѣю доложить вамъ о себѣ.

А прочесть, современемъ, сочиненіе вашего сына по этому предмету—будетъ весьма интересно!

Благодарю васъ за сообщенныя извѣстія о себѣ... И у насъ не обходится безъ тревогъ и хлопотъ.

(...) Но теперь все снова вошло въ обычную колею—что лучше всего. О! блаженная прелесть однообразія и сходства нынѣшняго дня со вчерашнимъ!.. Этою прелестью я наслаждаюсь вполнѣ. Подагра меня оставила пока въ покоѣ; всѣ мои здѣсь здоровы, не исключая и новорожденной дѣвочки (дочери моей милой Claudie (Клавдіи), внучки г. Віардо). Стало быть и желать болѣе нечего! Къ великому моему удовольствію, я къ тому же и не работаю.

Радуюсь, что Антокольскій взялся за Пушкина, и не удивляюсь, что бюстъ вашего мужа ему не удался: портретъ не по его части.

---

[1]) Я писала ему, что сыну моему, къ экзаменамъ, было дано слѣдующее сочиненіе: „Міросозерцаніе Тургенева, по его произведеніямъ“, и спрашивала шутя—не имѣетъ ли онъ самъ чего сказать на этотъ счетъ?

Марія Стиль.

Кстати о портретахъ: живописецъ Харламовъ, здѣсь проживающій, написалъ удивительные портреты г-на и г-жи Віардо и пишетъ теперь мой.

Передайте мой дружескій поклонъ всѣмъ вашимъ и примите увѣреніе въ искренней привязанности преданнаго вамъ Ив. Тургенева.

Сообщ. изъ Лондона М. А. Стиль,
бывшая въ перв. замужествѣ Милютина.

Мих. Ив. Глинка и Вас. Андреев. Жуковскій.

(Изъ альбома „Русской Старины“ автографовъ русскихъ общественныхъ дѣятелей, томъ II, стр. 46.

17-го ноября 1855 г. С.-Петербургъ.

Прошу тебя, милая сестра Людмила Ивановна, принять благосклонно мое это усердное приношеніе. В. А. Жуковскому обязанъ я многими, многими пріятными, поэтическими минутами въ жизни: онъ же навелъ меня на оперу: «Жизнь за Царя». Чистая, благородная душа В. А., ясно отразилась въ его твореніяхъ. Я увѣренъ, что чтеніе ихъ доставитъ тебѣ не мало пріятныхъ и отрадныхъ минутъ. Твой другъ и братъ Михаилъ Глинка.

1883 г. 26-го октября.

Примѣч. Перелистывая вашу книгу, Михаилъ Ивановичъ, я не видала автографа Глинки, потому съ удовольствіемъ пополняю этотъ пробѣлъ, вырѣзавъ листокъ изъ книги: Собраніе сочиненій Вас. Андреев. Жуковскаго. Примите его на память о томъ, что „Русская Старина“ всегда сочувственно относилась къ малѣйшей замѣткѣ о братѣ.

Уважающая васъ Людмила Шестакова, рожденная Глинка.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

Письма къ Як. Петр. Полонскому.

I.

Любезный другъ Яковъ Петровичъ. Вы мнѣ сказали при послѣднемъ нашемъ свиданіи въ Пустынькѣ, что я могу васъ вызвать на переписку о «Серебряномъ». Вотъ я васъ и вызываю. Не полѣнитесь написать мнѣ какъ его принимаетъ публика? Что говорятъ въ пользу, или противъ него? Были-ли какія нибудь критики и въ чемъ онѣ заключались и въ какомъ именно журналѣ? Для моего отеческаго сердца это очень интересно. Особенно полезно и любопытно для меня было бы знать осужденія и даже брань, какъ бы она ни была жестка, справедлива или несправедлива.

А я, съ позволенія сказать, пишу теперь большую трагедію въ стихахъ: «Смерть Іоанна Грознаго». Два акта уже написаны и говорятъ вышли хороши. «Д. Жуанъ» переведенъ мастерски на нѣмецкій языкъ г-жею Павловой, которая теперь его печатаетъ. Въ нѣмцахъ, которымъ она его читала, онъ находитъ большое сочувствіе. Вообще скажу вамъ, что матеріалистическое направленіе здѣсь весьма слабо. Надъ Бюхнеромъ ученые смѣются. Я познакомился коротко съ Шлейденомъ, который считается между учеными звѣздою первой величины; познакомился съ Максомъ Дункеромъ и съ Ауербахомъ. Я бы желалъ, чтобы наши нигилисты ихъ послушали. Отзывы ихъ о матеріализмѣ немножко бы отрезвили извѣстный вамъ классъ людей. Не понимаю, какъ правительство можетъ смотрѣть съ недовѣріемъ на нашихъ молодыхъ людей, которые отправляются учиться въ Германію. Здѣсь есть одинъ молодой человѣкъ, который считается первымъ ученикомъ въ здѣшней Realschule. Я его спросилъ: какъ у васъ смотрятъ на Бюхнера? А онъ отвѣчалъ мнѣ: «кто такой Бюхнеръ?» А на Молешота? А онъ отвѣчалъ: «кто такой Молешотъ?» Когда я спросилъ у Ауербаха, почему же у Бюхнера столько изданій? Онъ отвѣчалъ мнѣ: «извините

за неучтивую правду, но его изданія только и идутъ въ Россію и въ Венгрію, въ полуобразованныя страны, а у насъ мода на этихъ господъ давно прошла, мы для матеріализма слишкомъ серіозны и слишкомъ уважаемъ науку, которая не должна переступать свои границы. Люди, которыхъ я вамъ назвалъ, принадлежатъ къ самой либеральной партіи, особенно Максъ Дункеръ. Однако они всѣ отзываются съ презрѣніемъ о взглядѣ на либерализмъ извѣстнаго намъ класса людей, а о лондонскомъ тріумвиратѣ Дункеръ выразился: es Sind nichts, als drei Monstra!

Вотъ любезный Яковъ Петровичъ, разница между людьми дѣйствительно либеральными и дѣйствительно учеными и тѣми, которыхъ можно бы назвать у насъ: les parvenus de la science ou de libéralisme.

Сердце радуется видѣть какъ науки и искусство здѣсь уважаются.

Прощайте, любезный и добрый Яковъ Петровичъ, напишите, что вы дѣлаете и пишите? Софья Андреевна и прочіе всѣ вамъ кланяются. Крѣпко жму вашу руку и желаю вамъ видѣть во снѣ каменную Авдотью. Для этого совѣтую положить съ собою въ постель зрительную трубу [1]). Весь вашъ Алексѣй Толстой.

Адресъ мой на другой страницѣ. Вотъ онъ: Comte Alexis Tolstoy à Dresde, Karolastrasse, 8.

II.

20 декабря 1868 года.

Любезный и дорогой Яковъ Петровичъ. Ваше милое письмо отъ неизвѣстнаго числа, адресованное Черниговской губерніи въ с. Красный Рогъ, дошло до меня третьяго дня—нѣкимъ чудомъ. Спасибо вамъ! Но мы съ вами не послѣдніе могикане искуства; оно не умретъ, и не можетъ умереть, какъ бы тамъ ни старались разные Чернышевскіе, Писаревы, Стасовы, Корфы и такъ далѣе, кто прямо, кто косвенно. Убить искуство также легко, какъ отнять дыханіе у человѣка подъ тѣмъ предлогомъ, что оно роскошь и отымаетъ время даромъ, не вертитъ мельничныхъ колесъ и не раздуваетъ мѣховъ. Увѣряю васъ, что эти господа вовсе нестрашны для искуства. А вотъ это хорошо, что вы, быть можетъ, пріѣдете къ намъ въ Красный Рогъ. Если бы вы знали какое это великолѣпіе лѣтомъ и осенью:

---

[1]) Въ этой шуткѣ сказался одинъ изъ трехъ лицъ, составлявшій собирательную персону Кузьмы Пруткова. Извѣстно, что графъ А. К. Толстой писалъ подъ этимъ псевдонимомъ. Ред.

лѣса кругомъ на 50 верстъ и болѣе, лога и лощины такіе красивые, какихъ я нигдѣ не видалъ, а осенью, особенно эту осень, не выѣзжаешь изъ золота и пурпура. Это было до того торжественно, что слезы навертывались на глаза.

Если будете писать, адресуйте:

Черниговской губерніи въ Почепъ,

а оттуда письмо дойдетъ само собой въ Кр. Рогъ. Жена очень вамъ кланяется. М-me Хитрово (которую вы называете Дурново) уѣхала съ мужемъ въ Одессу и часто намъ пишетъ. Когда захотите пріѣхать, напишите заблаговременно, мы вамъ вышлемъ лошадей въ Брянскъ. Крѣпко обнимаю васъ, еще разъ спасибо за дружескую память! Вашъ Алексѣй Толстой.

III.

Красный Рогъ, 25 февраля 1871 г.

Милый, добрый, хорошій Яковъ Петровичъ! Я былъ очень, очень тронутъ и вашимъ добрымъ письмомъ, и вашею присылкой Скоповъ, и если не благодарилъ васъ ранѣе, то потому, что сначала самъ былъ порядочно боленъ, а послѣ былъ очень огорченъ болѣзнью жены, которая совершенно испортила себѣ зрѣніе и будетъ, можетъ быть, принуждена ѣхать въ какой нибудь городъ, чтобы лечиться. Но обратимся къ Скопамъ. Не могу сказать вамъ съ какимъ искреннимъ, настоящимъ наслажденіемъ я прочелъ «Признанія Чалыгина», которыхъ никогда прежде не читалъ. Какъ это хорошо! Какъ это просто и художественно! Какъ каждое слово кстати и каждая замѣтка вѣрна, и все дышетъ неподдѣльной правдой, и во всемъ слышится доброта и благородство! Вотъ это послѣднее качество рождаетъ невольный вопросъ: отчего самая простая вещь, сказанная честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, проникается его характеромъ? Должно быть въ писанной рѣчи происходитъ тоже, что въ голосѣ. Если два человѣка, одинъ порядочный, а другой подлецъ, скажутъ вамъ оба: «здравствуйте»! то въ этомъ словѣ послышится разница ихъ характеровъ. Но кромѣ благородства въ этихъ запискахъ есть и психологія и красота. Когда васъ увижу, непремѣнно попрошу васъ сказать мнѣ, что служило имъ источникомъ? Но такъ оставлять ихъ не слѣдуетъ, вы должны продолжать ихъ и кончить. Эпизодъ Юлиньки требуетъ окончанія, эпизодъ Ильина и его весьма рельефной сестры также. И «Ночь въ Лѣтнемъ саду» перечелъ я съ большимъ удовольствіемъ и симпатіей. Теперь читаю «Женитьбу Атуева».

Другія вещи, т. е. стихотворенія, мнѣ нравятся меньше, исклю-

чая «Міасма», которыя я оцѣнилъ и при первомъ чтеніи. Въ немъ много художества. «Шиньонъ» не люблю.

Да, это тяжело быть ментором сына Израеля, когда можно бы дѣлать что нибудь лучшее, но за то ему спасибо, что онъ способствовалъ вамъ издать «Скопы». Воображаю себѣ, какъ постоянное взываніе: Яковъ Петровичъ! должно дѣйствовать вамъ на нервы. Теперь скажу о себѣ. Я началъ писать новгородскую драму. Написалъ въ Дрезденѣ три акта сплеча, прозой, пріѣхалъ сюда и завязъ въ дѣлахъ. Потомъ болѣзнь, потомъ болѣзнь жены, такъ и не продолжалъ. Но на дняхъ заглянулъ въ рукопись, и съ горя сталъ перекладывать прозу въ стихи, и о чудо! тотчасъ все очистилось, все безполезное отпало само собой, и мнѣ стало ясно, что для меня писать стихами легче, чѣмъ прозой! Тутъ всякая болтовня такъ ярко выступаетъ, что ее хѣришь, да хѣришь!

Прощайте мой милый, хорошій Яковъ Петровичъ, кажется мы съ вами непремѣнно свидимся этотъ мѣсяцъ.

Христосъ съ вами и съ вашими. Вашъ Алексѣй Толстой.

На счетъ либретто мы съ вами поговоримъ при свиданьи.

Не пишу [Павлу Вас.] Шеину, потому что не знаю его адреса. Какъ бы ему выразить мою благодарность? Не увидите-ли его? Но, кажется, онъ въ Москвѣ. Какъ бы мнѣ не прослыть невѣжей? Очень бы не хотѣлось!

Поправки къ шуткѣ-поэмѣ гр. А. К. Толстого.

(См. „Русская Старина“ изд. 1883 г., томъ XL, ноябрь, стр 481—496).

Въ строфѣ 19:

Поютъ себѣ умильно
И помнютъ свой кисетъ;

Не помнютъ, а полнятъ; полнить вмѣсто наполнять—одна изъ лѣтописныхъ, архаическихъ формъ, столь любимыхъ покойнымъ поэтомъ.

Въ строфѣ 49:

И также былъ онъ сладокъ

вѣрнѣе и лучше варіантъ:

И также былъ не сладокъ.

Въ строфѣ 56:

Тутъ крѣпко или строго

должно читать:

Тутъ слабо или строго.

Впрочемъ, указанныя поправки могутъ считаться разнорѣчіями, варіантами.

С. Ус.

НИКОЛАЙ ГЕРАСИМОВИЧЪ ПОМЯЛОВСКІЙ.

Род. 1835 † 5-го октября 1863 г.

Письма къ Я. П. Полонскому.

I.

Первый блинъ.

Ужъ широкія тѣни на темныхъ садахъ....
Средь сирени пахучей, въ цвѣтущихъ кустахъ,
Стоголосый пѣвецъ, нашъ родной соловей, —
То бывало въ пору ясноглазыхъ ночей, —
Звонкой трелью любви оглашалъ садикъ мой:...
Жадно слушалъ пѣвца я тогдашней порой....
Меня страстно о н а обнимала тогда....
Охъ, вы, годы мои, молодые года!

* * *

Дико вѣтеръ въ поляхъ завывалъ и стоналъ,
Хлопьемъ мокраго снѣгу поля устилалъ;
И въ кибиткѣ я съ ней, ужъ женою моей,
Мчался быстро на тройкѣ летучихъ коней.....
Вѣтеръ свистомъ и воемъ поля оглашалъ;
Но я свисту и вою тогда не слыхалъ....
На колѣняхъ моихъ сладко спала она....
Охъ, ты, жонка моя, молодая жена!

Ей богу, Яковъ Петровичъ, это я, т. е. Помяловщина, написалъ. А, каково? вотъ оно что значитъ, рифмы-то вчера все вертѣлись на языкѣ... Теперь, во чтобы то ни стало, я буду упражняться въ стихахъ. Это первый пока блинъ, а подождите, что будетъ, когда дойдетъ до десятаго, а тѣмъ болѣе до двадцатаго... Возъерундимъ, Яковъ Петровичъ, возъерундимъ!... Но чуръ: моего лаптеплетенія въ стихахъ никому не показывать, ибо тогда мнѣ будетъ стыдно!... ей богу, будетъ стыдно!... ей богу, будетъ стыдно!... Исаіе ликуй!... Тптпру!... Ого-го! Отъ удовольствія загибаю самъ себѣ салазки двухъ-этажныя. Вашъ Помяловщина.

P. S. Всю пасху буду стихи писать.

II.

Спб. 21-го мая 1862 г.

Добрѣйшій Яковъ Петровичъ! Я переѣхалъ на Малую Охту. Еще не совсѣмъ пока устроился, потому что наше семейство осталось до іюня въ городѣ. Живу какъ новопереселившійся американецъ; самъ варю и самъ ѣмъ; самъ производитель и самъ потребитель. На срединѣ комнаты стоитъ столъ. По утру на немъ самоваръ часу до перваго; часу въ третьемъ самоваръ подъ столъ, а на его мѣсто тарелки и другіе обѣденные приборы; они стоятъ на столѣ часу до пятаго, а потомъ идутъ подъ столъ, а на столъ опять самоваръ; онъ же, самоваръ, и въ осьмомъ часу на столѣ, а потомъ подъ столъ часу въ двѣнадцатомъ; изъ подъ стола являются блюда, тарелки, вилки, ножи и проч. Такимъ образомъ, все хозяйство сосредоточено въ одномъ пунктѣ. Вотъ какъ поживаетъ вашъ Финдляй. Въ началѣ іюня, когда переѣдетъ ко мнѣ все семейство, вполнѣ устроюсь. Куплю лодку, мережекъ, накручу удочекъ, объѣмся молокомъ и ягодами. И теперь хорошо на Охтѣ; погода благодатнѣйшая, ночи чудныя, на кладбище соловьи прилетѣли, подъ носомъ Нева, съ затылка рѣчка, только на дворѣ не красиво—бревна, дрова, щебье, и старыя бочки—ну, да зачѣмъ на дворъ смотрѣть. Квартирка довольно большая и хорошенькая, какъ фонарь—въ одной комнатѣ шесть оконъ. Ловилъ рыбу, поймалъ шесть ершей и съѣлъ ихъ, добираюсь до голубей, что поселились на церковной колокольнѣ. Охъ, какой аппетитъ у меня—даже дорого жить становится. Увидите Андрея Штакеншнейдера, турните его ко мнѣ. Скажите, что я ему дамъ масла, яицъ, молока и мягкаго хлѣба. Когда пріѣдетъ Тургеневъ дайте пожалуйста знать—прикачу, во чтобы ни стало.

Яковъ Петровичъ, добрѣйшій и милѣйшій! пріѣзжайте. Квартиру мою ищите на Малой Охтѣ, не доходя Большой, домъ Корепова. Вполнѣ преданный вамъ Николай Помяловскій.

P. S. Нѣтъ-ли на мое имя въ вашей квартирѣ писемъ или посылокъ какихъ?

P. S. О своемъ переѣздѣ я хотѣлъ вамъ дать знать еще 17-го числа и послалъ письмо на почту съ однимъ мальчикомъ. Оказалось, что онъ письмо бросилъ, а пятачокъ за почту проѣлъ на пряникахъ. Вотъ Финдляй-то!

III.

4-го ноября 1862 г.

Добрѣйшій Яковъ Петровичъ! Вѣроятно, въ память лучшихъ дней, проведенныхъ мною съ вами, вы позволите мнѣ поговорить о томъ моральномъ состояніи, въ которомъ я нахожусь теперь, и о томъ, что я думаю сдѣлать съ собою.

Уже изъ того, что письмо мое холодно, чуть не оффиціально, вы можете вообразить мое душевное настроеніе въ настоящую минуту. Холодно оно не потому, что я бы имѣлъ на васъ какую нибудь претензію, а потому, что предметъ его—моя личность, къ которой день ото дня становлюсь равнодушнѣе.

Слѣдуетъ взять во вниманіе нѣкоторыя обстоятельства моей жизни. Не думайте, что собираюсь доказывать, будто меня среда заѣла — это было бы очень пошло — средѣ я никогда не позволялъ распоряжаться собою.

Первый разъ пьянъ я былъ на седьмомъ году.

Съ тѣхъ поръ до окончанія курса, страсть къ водкѣ развивалась кресцендо и диминуендо.

Что за причина?

Ни мудрецы, ни доктора, съ которыми я совѣтовался, ничего не отвѣчали на этотъ вопросъ.

Чувствовалъ причину одинъ только я, но не хотѣлъ сознаться въ ней. Она была въ началѣ чисто моральная, но теперь едвали не перешла въ болѣзнь тѣла. Я пилъ въ дѣтствѣ; значитъ, здѣсь и искать начало моего порока. И дѣйствительно, этимъ началомъ былъ грѣхъ (въ смыслѣ катихизиза), который заставили меня сдѣлать насильно. Смѣшно было бы, если бы и теперь я считалъ себя преступникомъ и налагалъ на себя эпитиміи, но тогда было не то. Я былъ мальчикъ религіозный—(въ той же мѣрѣ, какъ теперь не религіозенъ):— я сталъ молиться Богу, говѣть, брать добровольныя эпитиміи, поститься, отдавать нищимъ послѣднія денжонки. Меня совѣсть мучила и я сокрушался о лишеніи царствія божьяго. Отвѣдавъ вина, я почувствовалъ, что измѣняется расположеніе духа, и съ тѣхъ поръ сталъ отвѣдовать его чаще и чаще. Невѣжественная бурса не могла успокоить мою совѣсть, а напротивъ—своимъ православно-карательнымъ духомъ она усиливала ея мученія; съ другой стороны товарищество, уважавшее пьянство, поощряло во мнѣ этомъ порокъ. При окончаніи курса я былъ почти пьяница.

Но по выходѣ изъ бурсы, я столкнулся съ добрыми и умными людьми, и понялъ всю гадость прежней жизни и угрызеній совѣсти по случаю, въ которомъ я нисколько не виноватъ. Я ободрился, бросилъ пить, работалъ усердно, и наконецъ довольно удачно выступилъ въ литературу. Все улыбалось впереди, и не думалъ я, что придется поворотить на старую дорогу, а пришлось таки.

Этотъ поворотъ случился два года назадъ. Въ продолженіи всего нынѣшняго лѣта, я былъ въ состояніи полупомѣшаннаго. Характеръ мой измѣнился: прежде я пилъ — теперь пожираю водку, прежде

отвергалъ религію — теперь кощунствую; не терпѣлъ деспотизма, а теперь самъ деспотъ; не уважалъ сплетню, приговоръ кружка, а теперь—общественнаго мнѣнія; острилъ и шутилъ, а теперь ругаюсь; говорилъ, а теперь реву. Я дошелъ наконецъ до мысли о самоубійствѣ.

Что же за причина такой перемѣны въ жизни?

Она лучше всего объяснится изъ письма, которое хотѣлъ передать брату, когда готовился броситься въ Неву. Вотъ вамъ отрывокъ изъ письма:

«Я любилъ одну дѣвушку, которая подарила меня нѣсколькими поцѣлуями, но по проклятой судьбѣ за мужъ за меня выйти не можетъ Я любилъ ее пять лѣтъ, пять лѣтъ только и дышалъ ею, молился на нее. Два года назадъ рѣшено, что намъ невозможно жениться. Зимой мы должны были совершенно разстаться. Въ это время я запилъ до такой смертности, что не могу остановиться. Теперь только догадался, что чѣмъ пить, лучше броситься въ Неву, и брошусь съ хохотомъ и проклятіями. Что мнѣ дѣлать, когда мысли мои путаются, когда приходитъ въ голову прекрасной образъ добрѣйшей, умнѣйшей, святѣйшей дѣвушки? Одна любовь могла спасти меня. Въ тѣ дни, когда оживляла меня надежда на любовь, я не пилъ, былъ веселъ, здоровъ. Но теперь, даже мое желѣзное здоровье расшаталось, моя грудь, на которую въ семинаріи я позволялъ становиться ногами 20-ти лѣтнему парню, теперь болитъ и стонетъ. Дѣлать нечего—надо умерѣть и я умру».

Но я не привелъ этого дикаго плана въ исполненіе, потому что захворалъ и во время болѣзни одумался. Теперь хочу сдѣлать послѣднее усиліе. Я на всю зиму отказываюсь являться въ обществѣ, чтобы испытать себя, могу-ли вести трезвую жизнь? Если нѣтъ, никогда не увидите меня; если да, то, вѣроятно, добрые знакомые простятъ и позабудутъ мою глупую жизнь. Глубоко уважающій васъ Н. Помяловскій.

Примѣчаніе. Свѣдѣнія о злосчастномъ по жизни, но мощномъ по таланту, писателѣ Н. Г. Помяловскомъ см. въ статьѣ Н. А. Благовѣщенскаго въ предисловіи къ „Полному собранію сочиненій“ Н. Г. Помяловскаго, изд. третье, Спб., 1874 г., томъ I. Ред.

ШКОЛА ГВАРДЕЙСКИХЪ ПОДПРАПОРЩИКОВЪ И ЮНКЕРОВЪ

въ воспоминаніяхъ одного изъ ея воспитанниковъ.

1845—1849 гг.

I.

1858-й годъ былъ послѣднимъ годомъ существованія заведенія, доставлявшаго, вмѣстѣ съ Пажескимъ корпусомъ, главный контингентъ офицеровъ въ наиболѣе блестящіе полки нашей гвардіи. Заведеніе это называлось: «Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ».

Внутренній и внѣшній бытъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній николаевскаго времени много разнился отъ того, который выработался въ послѣдующее царствованіе и—какъ все въ мірѣ—представлялъ дурныя и хорошія стороны. Почти каждое изъ помянутыхъ заведеній представляло нѣкоторыя своеобразныя черты, имѣвшія не малую долю вліянія на послѣдующую дѣятельность воспитывавшейся тамъ молодежи, и вліяніе это, вообще говоря, было хорошее.

О нѣкоторыхъ изъ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ уже появились въ печати воспоминанія ихъ бывшихъ воспитанниковъ; изъ этихъ мемуаровъ, современемъ, можетъ сложиться общая характеристика того духа, который царилъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ во вторую четверть нынѣшняго вѣка и тѣхъ услугъ, которыя они оказали русскому обществу.

Мои воспоминанія относятся къ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ въ періодъ времени съ 1845-го по 1849-й годъ, когда я имѣлъ честь пребывать въ стѣнахъ этого заведенія.

Школа учреждена была въ 1823 году; въ нее сведены были сна-

чала пѣхотные подпрапорщики, а потомъ, въ 1826 г., и кавалерійскіе юнкера всѣхъ гвардейскихъ полковъ. Молодые люди, туда поступавшіе, считались на дѣйствительной службѣ и носили свои полковые мундиры.

Въ 1838 году послѣдовало коренное преобразованіе школы: подпрапорщики и юнкера перестали считаться на дѣйствительной службѣ и поставлены были на положеніе воспитанниковъ прочихъ военно-учебныхъ заведеній, оставаясь, однако, своекоштными и сохраняя привиллегію на выпускъ въ гвардію. Тогда же, заведеніе это было переведено въ новое зданіе, занимаемое нынѣ Николаевскимъ кавалерійскимъ училищемъ [1]). Юнкерамъ и подпрапорщикамъ усвоили общую форму обмундированія (первымъ конно-гренадерскій, а вторымъ лейбъ гвардіи московскаго полка мундиръ, при киверѣ, а потомъ при каскѣ).

Доступъ въ школу открытъ былъ однимъ потомственнымъ дворянамъ; для пріема туда требовалось, чтобы поступающій былъ не моложе 13-ти и не старѣе 15-ти лѣтъ отъ роду и удовлетворялъ извѣстнымъ экзаменнымъ условіямъ. Курсъ ученія продолжался четыре года. Дотянувшій, хотя бы и съ грѣхомъ пополамъ, до 1-го (старшаго) класса и не натворившій какихъ-нибудь черезъ чуръ безобразныхъ шалостей, выпускался въ тотъ или другой гвардейскій полкъ, на имѣющіяся вакансіи, а иногда и сверхъ вакансій. Понятно, что при этомъ право выбора предоставлялось сначала лучшимъ ученикамъ, выходившимъ преимущественно въ самые блестящіе полки гвардіи (кавалергардскій, конный, преображенскій и т. п.). Только камеръ-пажи и фельдфебеля кадетскихъ корпусовъ пользовались первенствомъ въ правѣ выбора полка передъ юнкерами и подпрапорщиками. Вообще же, кромѣ пажескаго корпуса и школы, прочія военно-учебныя заведенія выпускали въ гвардію лишь весьма небольшое число отличнѣйшихъ учениковъ.

Легкій способъ выхода въ гвардію, которая считалась преддверіемъ для карьеры молодого человѣка, конечно, поощрялъ отцовъ и матерей къ отдачѣ сынковъ въ это привиллегированное военно-учебное заведеніе,—если средства сколько-нибудь позволяли. Плата за воспитаніе въ школѣ полагалась не малая: въ пѣхотѣ 400 р., а въ кавалеріи 450; кромѣ того, при подачѣ прошенія передъ пріемнымъ экзаменомъ, родители должны были представлять реверсъ или сви-

---

[1]) Прежнее зданіе, занимаемое школою, находилось на мѣстѣ нынѣшняго Маріинскаго дворца. Авт.

дѣтельство о томъ, что имѣютъ достаточныя средства для содержанія сына въ гвардейской пѣхотѣ или кавалеріи [1]).

Предназначавшіеся къ военной службы сыновья военныхъ и гражданскихъ чиновъ первыхъ трехъ классовъ отдаваемы были, преимущественно, въ Пажескій корпусъ, гдѣ воспитаніе велось на счетъ казны. Этотъ корпусъ былъ, такъ сказать, аристократическимъ военно-учебнымъ заведеніемъ. Въ школу же стекались, главнымъ образомъ, молодые барчата, отцы которыхъ недалеко ушли по службѣ, но за то обладали порядочными, а иногда и очень значительными средствами; бо́льшая часть подпрапорщиковъ и юнкеровъ представляла изъ себя будущихъ владѣльцевъ помѣстій во всевозможныхъ губерніяхъ нашего обширнаго отечества и многіе въ этихъ же помѣстьяхъ получали свое первоначальное, домашнее воспитаніе. Когда мальчикъ достигалъ 11—12 лѣтъ, родители привозили его въ Петербургъ, для окончательной подготовки, и тутъ къ услугамъ ихъ являлось нѣсколько частныхъ пансіоновъ, спеціально занимавшихся приготовленіемъ дѣтей въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Изъ содержателей этихъ пансіоновъ припоминаю: Шакѣева, Болдырева, Тиханова и Комарова. Брали эти господа довольно дорого; но за то пребываніе въ ихъ пансіонахъ, если только воспитанникъ не былъ окончательнымъ лѣнтяемъ или тупицею, обезпечивало ему вступленіе на торную дорожку къ чину корнета или прапорщика гвардіи. Такъ какъ многіе изъ преподавателей въ этихъ пансіонахъ являлись и экзаменаторами, то и причинъ было слишкомъ много къ снисходительному воззрѣнію на познанія экзаменуемыхъ ими, бывшихъ ихъ же, учениковъ.

Почти всѣ товарищи мои по классу прошли чрезъ тотъ или другой изъ вышепоименованныхъ пансіоновъ; я составлялъ одно изъ немногихъ исключеній, потому что передъ тѣмъ обучался въ одной изъ петербургскихъ гимназій и, окончивъ тамъ 4-й классъ, обладалъ достаточными познаніями для поступленія въ 4-й же (младшій) классъ школы. Таковымъ же исключеніемъ былъ я и въ отношеніи имущественномъ, такъ какъ отецъ мой никакого недвижимаго имущества за собою не имѣлъ, а принадлежалъ къ числу честныхъ гражданскихъ тружениковъ, достигшихъ довольно высокихъ государственныхъ должностей. Средства, оставленныя намъ дѣдомъ со стороны матери, давали возможность содержать себя въ гвардейской пѣхотѣ; но одно это обстоятельство, вѣроятно, еще не побудило бы

[1]) Въ кадетскихъ корпусахъ, воспитаніе производилось, почти исключительно, на казенный счетъ. При выпускѣ давалось, кромѣ того, денежное пособіе на экипировку (также какъ и теперь). Авт.

чала пѣхотные подпрапорщики, а потомъ, въ 1826 г., и кавалерійскіе юнкера всѣхъ гвардейскихъ полковъ. Молодые люди, туда поступавшіе, считались на дѣйствительной службѣ и носили свои полковые мундиры.

Въ 1838 году послѣдовало коренное преобразованіе школы: подпрапорщики и юнкера перестали считаться на дѣйствительной службѣ и поставлены были на положеніе воспитанниковъ прочихъ военно-учебныхъ заведеній, оставаясь, однако, своекоштными и сохраняя привиллегію на выпускъ въ гвардію. Тогда же, заведеніе это было переведено въ новое зданіе, занимаемое нынѣ Николаевскимъ кавалерійскимъ училищемъ [1]). Юнкерамъ и подпрапорщикамъ усвоили общую форму обмундированія (первымъ конно-гренадерскій, а вторымъ лейбъ гвардіи московскаго полка мундиръ, при киверѣ, а потомъ при каскѣ).

Доступъ въ школу открытъ былъ однимъ потомственнымъ дворянамъ; для пріема туда требовалось, чтобы поступающій былъ не моложе 13-ти и не старѣе 15-ти лѣтъ отъ роду и удовлетворялъ извѣстнымъ экзаменнымъ условіямъ. Курсъ ученія продолжался четыре года. Дотянувшій, хотя бы и съ грѣхомъ пополамъ, до 1-го (старшаго) класса и не натворившій какихъ-нибудь черезъ чуръ безобразныхъ шалостей, выпускался въ тотъ или другой гвардейскій полкъ, на имѣющіяся вакансіи, а иногда и сверхъ вакансій. Понятно, что при этомъ право выбора предоставлялось сначала лучшимъ ученикамъ, выходившимъ преимущественно въ самые блестящіе полки гвардіи (кавалергардскій, конный, преображенскій и т. п.). Только камеръ-пажи и фельдфебеля кадетскихъ корпусовъ пользовались первенствомъ въ правѣ выбора полка передъ юнкерами и подпрапорщиками. Вообще же, кромѣ пажескаго корпуса и школы, прочія военно-учебныя заведенія выпускали въ гвардію лишь весьма небольшое число отличнѣйшихъ учениковъ.

Легкій способъ выхода въ гвардію, которая считалась преддверіемъ для карьеры молодого человѣка, конечно, поощрялъ отцовъ и матерей къ отдачѣ сынковъ въ это привиллегированное военно-учебное заведеніе,—если средства сколько-нибудь позволяли. Плата за воспитаніе въ школѣ полагалась не малая: въ пѣхотѣ 400 р., а въ кавалеріи 450; кромѣ того, при подачѣ прошенія передъ пріемнымъ экзаменомъ, родители должны были представлять реверсъ или сви-

[1]) Прежнее зданіе, занимаемое школою, находилось на мѣстѣ нынѣ… Маріинскаго дворца.

II.

Въ теченіи лѣта 1845 года, я освѣжилъ кое-какъ мои гимназическія познанія и около середины августа явился на пріемный экзаменъ. Всѣмъ намъ извѣстны эмоціи, овладѣвающія мальчиками во время подобнаго испытанія, а потому распространяться о нихъ нечего; скажу лишь, что экзаменъ былъ не изъ числа особенно строгихъ; тѣмъ не менѣе я хотя и не провалился, но попалъ въ самый хвостъ поступившихъ.

Вскорѣ по зачисленіи въ школу, возили насъ на представленіе тогдашнему главному начальнику всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, великому князю Михаилу Павловичу, въ собственный его Михайловскій дворецъ. Здѣсь впервые увидѣлъ я сего грознаго командира, прятавшаго подъ внушительною и суровою наружностію свое добрѣйшее сердце; жестоко распекавшаго, по принципу, цѣлые полки вообще и каждаго служащаго въ особенности; сажавшаго подъ арестъ за малѣйшую неисправность въ формѣ,—а въ тайнѣ раздавшаго весь свой значительный капиталъ на пособіе бѣднѣйшимъ офицерамъ. Объ этой благородной, хотя и весьма своеобразной, личности появилось уже нѣсколько воспоминаній на страницахъ «Русской Старины» и др. изданій.

Первымъ актомъ по вступленіи въ школу былъ молебенъ, завершенный проповѣдью, произнесенною священникомъ Кирилломъ Крупскимъ, (который до сихъ поръ благополучно здравствуетъ на томъ же мѣстѣ); послѣ сего насъ, новичковъ, повели въ камеры [1]) и распредѣлили по отдѣленіямъ, которыхъ въ ротѣ и эскадронѣ было по восьми; распредѣленіе это дѣлалось по ранжиру. Во главѣ каждаго отдѣленія стояли два унтеръ-офицера: старшій и младшій (изъ воспитанниковъ 1-го класса) и ефрейторъ (изъ воспитанниковъ 2-го класса). Старшимъ чиномъ въ ротѣ былъ фельдфебель, а въ эскадронѣ вахмистръ; въ званіе это облекались, конечно, первые по наукамъ, поведенію, а если можно—и по фронту, воспитанники. При моемъ поступленіи въ школу, мѣста эти были занимаемы достойнымъ образомъ: фельдфебель Дохтуровъ (нынѣ давно умершій) былъ стройный красавчикъ, отличавшійся какъ по наукамъ, такъ и по фронту; вахмистромъ

[1]) Такъ называемыя камеры, служившія намъ и спальнями, и мѣстомъ приготовленія уроковъ, были длинныя залы, къ внутренней и наружной стѣнамъ которыхъ были приставлены кровати (или, какъ мы ихъ называли,—койки) съ обозначеніемъ фамилій спавшихъ на нихъ воспитанниковъ; подлѣ каждой койки стоялъ столикъ съ шкафомъ и табуретъ. Такихъ камеръ было по двѣ въ ротѣ и въ эскадронѣ (послѣдній помѣщался въ верхнемъ этажѣ); въ каждой изъ нихъ помѣщалось по 4 отдѣленія, подъ наблюденіемъ своихъ унтеръ-офицеровъ; подлѣ камеры, занимаемой старшими отдѣленіями, находилась комната дежурнаго офицера. Авт.

былъ тоже премилый юноша—Воейковъ, впослѣдствіи, уже въ званіи флигель-адъютанта, павшій смертію храбрыхъ на Севастопольскихъ развалинахъ, при попыткѣ отбить у французовъ Малаховъ курганъ.

Первые дни, проведенные въ стѣнахъ школы, были не изъ пріятныхъ, особенно для меня, еще не проходившаго черезъ интернатъ [1]) и не испытавшаго что̀ значитъ пробыть всю недѣлю внѣ дома и въ отдаленіи отъ семьи. Одно уже перенесеніе въ совершенно чуждую сферу, непривычный и строго регулированный складъ жизни производили удручающее дѣйствіе. Первая недѣля показалась мнѣ безконечною; но затѣмъ всѣ мальчики стали быстро осваиваться съ новою обстановкою; началось товарищеское сближеніе, положившее начало многимъ дружескимъ связямъ, не прекращавшимся и по окончаніи совмѣстнаго жительства.

Мѣсто начальника школы (какъ уже выше помянуто) занималъ въ то время генералъ-маіоръ Сутгофъ. Человѣкъ этотъ былъ искренне преданъ дѣлу воспитанія; принималъ въ ввѣренномъ ему юношествѣ горячее участіе; внимательно относился какъ къ умственному и нравственному развитію молодежи, такъ и къ матеріальной ея обстановкѣ.

Ротнымъ командиромъ былъ полковникъ Л., главною спеціальностію котораго было фронтовое искусство въ тогдашнемъ вкусѣ. Онъ до тонкости усвоилъ теорію и практику учебныхъ шаговъ и многочисленныхъ ружейныхъ пріемовъ, составлявшихъ необходимую принадлежность военныхъ «экзерцицій» 1840-хъ годовъ. Отношенія полковника Л. къ подпрапорщикамъ были, впрочемъ, довольно гуманны; человѣкъ онъ былъ въ сущности добрый, но до страсти преданный мундирнымъ и аммуничнымъ идеямъ; по субботнимъ вечерамъ, передъ отпускомъ, онъ просто терзалъ насъ своимъ продолжительнымъ и педантичнымъ изслѣдованіемъ: всѣ ли одѣты по строгой формѣ и все ли надлежащимъ образомъ пригнано. Бывало кавалеристы уже бѣгомъ летятъ съ подъѣзда и уѣзжаютъ домой, а насъ все осматриваютъ да оглядываютъ.

Эскадрономъ, во время моего пребыванія въ школѣ, командовалъ сначала полковникъ баронъ Каулбарсъ, потомъ ротмистръ Врангель (вскорѣ умершій) и, наконецъ, полковникъ Лауницъ. Послѣдній былъ отличнымъ ѣздокомъ, но человѣкомъ вспыльчивымъ до бѣшенства; юнкерамъ, во время верховой ѣзды въ манежѣ, порядкомъ отъ него доставалось и на русско-нѣмецкія замѣчанія казарменнаго пошиба онъ не скупился.

Дежурные офицеры въ школу набирались почти исключительно изъ гвардіи. Отношенія ихъ къ намъ были вовсе не тѣ, которыя потомъ

---

[1]) Экстерновъ въ школѣ не полагалось. Авт.

ввелись въ военныхъ гимназіяхъ; научный и вообще педагогическій элементъ не игралъ въ этихъ отношеніяхъ почти никакой роли. Обязанность этихъ офицеровъ состояла преимущественно въ наблюденіи за внѣшнимъ порядкомъ во время своего дежурства; кромѣ того, на ученьяхъ, они командовали частями роты и эскадрона, а также такъ называемыми парадировками, т. е. небольшими командами, посылаемыми отъ школы на воскресные разводы съ церемоніею, производившіеся въ Михайловскомъ манежѣ; въ эскадронѣ, сверхъ того, одинъ изъ офицеровъ, на тѣхъ же разводахъ, ѣздилъ съ представляемыми государю юнкерами-ординарцами.

Наши отношенія къ этимъ офицерамъ обусловливались, конечно, личнымъ характеромъ и особенностями каждаго изъ нихъ, которые были нами отлично изучены,—равно какъ характеръ и особенности нашихъ преподавателей.

О послѣднихъ можно замѣтить, что составъ ихъ вообще былъ очень хорошъ. Суттофъ не скупился на пріобрѣтеніе для школы лучшихъ, или считавшихся лучшими, силъ изъ учительскаго міра и въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, чрезвычайно дорожилъ репутаціею ввѣреннаго ему заведенія. Изъ наиболѣе выдающихся преподавателей того времени, которыхъ мнѣ пришлось слушать, назову: профессора тактики, генеральнаго штаба полковника Александра Петровича Карцева (умершаго въ 1870-хъ годахъ, въ званіи начальника Харьковскаго военнаго округа); профессора русской словесности, Александра Александровича Комарова (друга и пріятеля Бѣлинскаго); профессора химіи, Воскресенскаго (бывшаго впослѣдствіи начальникомъ Харьковскаго учебнаго округа); профессора французской словесности, Курнана, считавшагося первымъ въ Петербургѣ; профессора фортификаціи, полковника (нынѣ генералъ-лейтенантъ) Аркадія Захаровича Теляковскаго, автора извѣстнаго руководства, принятаго въ то время во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ; профессора исторіи, Александра Венедиктовича Шакѣева, и статистики—Ивановскаго.

О питаніи ума нашего науками приложено было Суттофомъ всевозможное попеченіе; но не менѣе заботился онъ и объ укрѣпленіи нашихъ развивающихся организмовъ здоровою и сытною пищею, которая, въ его время, въ школѣ, была безусловно хороша. Правда, что на насъ отпускались порціонныя деньги въ бо́льшихъ размѣрахъ, нежели въ кадетскихъ корпусахъ; но при отсутствіи бдительнаго надзора и при извѣстныхъ склонностяхъ и аппетитахъ нашихъ экономовъ, все таки нельзя было бы ожидать той свѣжести и того изобилія припасовъ, какія мы встрѣчали у себя за столомъ. За каж-

дымъ обѣдомъ Сутгофъ почти всегда присутствовалъ лично; отвѣдывалъ онъ пищу не изъ такъ называемой пробной порціи, представляющей казовый конецъ обѣдовъ и ужиновъ, но съ блюдъ, подаваемыхъ воспитанникамъ, и если замѣчалъ что-либо неладное, то тутъ же разносилъ эконома (инвалиднаго капитана изъ бурбоновъ) самымъ безцеремоннымъ образомъ. Обѣдъ состоялъ изъ супа или щей съ пирогами, мяснаго блюда и какого нибудь пирожнаго; за ужиномъ подавалось два кушанья. Великимъ постомъ, въ продолженіи 1-й и 4-й недѣль, а въ остальные недѣли по середамъ и пятницамъ подавалась постная пища, тоже очень хорошая; желающіе могли поститься въ продолженіе всей четыредесятницы.

Распредѣленіе дня въ школѣ было слѣдующее: утромъ, въ 6 часовъ, звукъ барабана или трубы возвѣщалъ намъ, что пора вставать. Старшіе классы еще потягивались съ $^1/_4$ часа на своихъ койкахъ; но младшіе должны были вставать немедленно; въ противномъ случаѣ, рука дежурнаго унтеръ-офицера или ефрейтора стаскивала съ лѣнивца одѣяло, а иногда онъ, за несвоевременную сонливость, подвергался лишенію чая или обѣда. Вставшіе отправлялись въ умывальню, которая устроена была у насъ отличнымъ и даже щеголеватымъ образомъ; освѣжившись тамъ и окончивъ остальной свой туалетъ, воспитанники, по командѣ дежурнаго офицера, строились, въ камерахъ, на молитву, а потомъ, въ строю же, шли внизъ, въ столовую, гдѣ получали по стакану чая (при желаніи, съ молокомъ) и по булкѣ; послѣ чаю отправлялись въ классы, для занятія приготовленіемъ уроковъ, до 9 часовъ. Въ 9 ч. приходили учителя. На каждую лекцію полагалось по $1^1/_2$ часа: двѣ были до обѣда и двѣ послѣ обѣда; между каждой давалось по 5 минутъ рекреаціи. Во время первой, утренней, рекреаціи намъ приносили завтракъ, состоявшій изъ соленой булки, впослѣдствіи замѣненной пирогомъ съ говядиною или капустою. Послѣ утреннихъ классовъ начинались фронтовыя занятія, или фехтованія, продолжавшіяся до половины втораго; затѣмъ мы переодѣвались въ новыя куртки, строились во фронтъ и дежурный офицеръ велъ насъ обѣдать. Послѣ обѣда полагался отдыхъ до 3-хъ часовъ, когда начинались вечерніе классы, продолжавшіеся до 6-ти; по окончаніи ихъ пили чай, а затѣмъ, до 8-ми часовъ, всякій дѣлалъ, что вздумается: занимались чтеніемъ, разговорами, танцами, музыкою и т. п. [1]). Въ 8 часовъ всѣ обязаны были усаживаться около своихъ коекъ, для приготовленія уроковъ на слѣдующій день; при чемъ всякіе разговоры и шумъ строго воспрещались. Въ 9 часовъ занятія оканчивались, насъ вели къ ужину, а въ

[1]) Одинъ разъ въ недѣлю, по вечерамъ, бывали танцовальные уроки.

10 полагалось ложиться спать и лампы въ камерахъ тушились, замѣняясь тусклыми ночниками; желающимъ не воспрещалось, однако, заниматься и послѣ этого, но при собственной свѣчкѣ.

Внутренняя жизнь школы, организованная по общему для тогдашнихъ военно-учебныхъ заведеній шаблону, только раза два или три, во время моего тамъ пребыванія, нарушалась въ своемъ обычномъ теченіи устройствомъ домашнихъ спектаклей. Было у насъ нѣсколько человѣкъ завзятыхъ театраловъ, стремившихся испытать свои силы въ сценическомъ искусствѣ; нѣкоторые изъ нихъ состояли въ числѣ такъ называемыхъ «любимчиковъ» Сутгофа; имъ удалось исходатайствовать у него разрѣшеніе этихъ спектаклей, которые въ школѣ являлись небывалою новинкою. Общею складчиною воспитанниковъ собраны были деньги на устройство сцены, кулисъ и пр.; подмостки соорудили въ эскадронной учебной залѣ; въ режиссеры приглашенъ былъ одинъ изъ актеровъ Александринскаго театра (не помню кто) и въ одну зиму дано было нѣсколько спектаклей, на которые приглашались также родственники и знакомые наши. Сколько припомню игрались слѣдующія пьесы: «Москаль-Чаривникъ», «Барышня-крестьянка», «Русскій человѣкъ добро помнитъ», сцены изъ «Горя отъ ума». Женскія роли, конечно, возлагались на самыхъ красивыхъ мальчиковъ, изъ которыхъ одинъ (юнкеръ Л., изъ казаковъ), исполняя роль Татьяны въ «Москалѣ-Чаривникѣ», производилъ даже положительный фуроръ своею наружностію. Вообще, роли исполнялись довольно удовлетворительно и наши доморощенные артисты привѣтствуемы были восторженными рукоплесканіями. Вскорѣ, однако, обнаружилось, что участвующіе въ театральныхъ представленіяхъ, подъ предлогомъ репетицій и всякихъ приготовленій, забывали объ урокахъ; а потому удовольствіе это было начальствомъ прекращено и, сколько мнѣ извѣстно, потомъ уже не возобновлялось.

Далеко не столь пріятнымъ для насъ видоизмѣненіемъ обыденной школьной жизни являлась эпоха экзаменовъ. Экзамены были въ то время трехъ родовъ: полугодовые, годовые и публичные. Первые производились передъ Рождественскими праздниками, для провѣрки познаній, пріобрѣтенныхъ воспитанниками въ теченіе перваго учебнаго полугодія, послѣ чего они перемѣщались въ классахъ, соотвѣтственно оказаннымъ успѣхамъ.

Годовые экзамены производились, какъ и теперь, весною, въ маѣ. Изъ учениковъ, переходившихъ въ 1-й классъ, лучшіе награждались унтеръ-офицерскимъ званіемъ, а изъ переходившихъ во 2-й классъ — ефрейторскими нашивками на погончикахъ; при выпускѣ же въ офицеры, первые три ученика, какъ въ ротѣ, такъ и въ эскадронѣ, награж-

дались или книгами, или туалетными шкатулками съ серебрянымъ приборомъ; кромѣ того, фамиліи фельдфебеля, вахмистра и особенно отличившихся учениковъ записывались золотыми буквами на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, вдѣланныхъ въ стѣны рекреаціонныхъ залъ.

Сверхъ годичныхъ испытаній, происходившихъ въ стѣнахъ каждаго заведенія, введены были въ то время еще такъ называемые публичные экзамены, которымъ подвергались ученики старшихъ классовъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. Экзамены эти производились въ громадной залѣ 1-го кадетскаго корпуса [1]), гдѣ будущіе полководцы должны были выкладывать свои научныя свѣдѣнія передъ многочисленною военною публикою, во главѣ коей красовался начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, столь извѣстный въ то время, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Этотъ офиціальный экзаменъ, учрежденный для сравнительной провѣрки знаній воспитанниковъ разныхъ корпусовъ, вскорѣ былъ отмѣненъ, какъ излишняя церемонія, отнимавшая время и не достигавшая цѣли, потому что каждое заведеніе, конечно, старалось показать свой товаръ лицемъ и, вслѣдствіе этого какъ начальствующіе, такъ и преподаватели глядѣли сквозь пальцы на разныя продѣлки и ухищренія своихъ учениковъ, не желавшихъ ударить лицемъ въ грязь передъ посторонними. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ того, что въ то время объ этихъ экзаменахъ разсказывали. Мнѣ лично не пришлось въ нихъ участвовать.

Запасъ познаній, пріобрѣтавшихся воспитанниками тогдашнихъ военно-учебныхъ заведеній, былъ вполнѣ достаточенъ для будущаго строеваго офицера, хотя можетъ быть и не стоялъ на уровнѣ тѣхъ программъ, которыя составлены были въ эпоху господствованія Ростовцева—человѣка безусловно умнаго и для своего времени довольно образованнаго, но любившаго пустить пыль въ глаза. Острякй разсказывали, будто онъ послалъ свои программы, на разсмотрѣніе, къ извѣстному своею колоссальною ученостію профессору Александру Гумбольдту и будто тотъ, ознакомившись съ ними, сказалъ, что былъ бы очень доволенъ, если бы зналъ все, что тѣ программы собою обнимаютъ. Si non é vero, é ben trovato!

III.

Во всемъ строѣ жизни дворянства 1840-хъ годовъ, а слѣдовательно и въ домашнемъ воспитаніи, давала себя чувствовать—прямо или косвенно — закваска процвѣтавшаго тогда крѣпостнаго права. Какъ уже выше замѣчено, значительнѣйшая часть питомцевъ школы

[1]) Въ зданіи нынѣшняго Павловскаго военнаго училища.

вылетала изъ помѣщичьихъ гнѣздъ, откуда, конечно, выносила понятія и нравы баръ того времени. Большинство этихъ юношей успѣвало получить кой-какой внѣшній лоскъ; но встрѣчались и экземпляры весьма первобытнаго закала. Съ многими изъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ поступали въ школу ихъ крѣпостные люди, зачисляющіеся въ лакейскую команду, услугами которой — конечно, за извѣстную плату, пользовались всѣ воспитанники. Крѣпостной элементъ переносился, значитъ, и въ самыя стѣны учебнаго заведенія: и тамъ, при господахъ, состояли ихъ подневольные холопы.

Въ старой, до реформенной школѣ (до 1840-хъ годовъ), грубость нравовъ, порождаемая или развиваемая крѣпостничествомъ, усугублялась еще и веденіемъ воспитанія на вполнѣ солдатскій ладъ. Впрочемъ, грубость эта присуща была и всѣмъ военно-учебнымъ заведеніямъ того времени; но въ школѣ къ ней присоединялись еще кутежи и безобразный разгулъ, такъ какъ собраны въ ней были барчуки, обладавшіе болѣе или менѣе порядочными средствами, а иногда и очень богатые. Дворянство въ то время еще не состояло въ повальномъ прогарѣ; офицерство (особенно гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ), пользуясь еще большимъ кредитомъ, или разсчетомъ на богатыя наслѣдства, кутило въ хвостъ и въ гриву; а учащаяся военная молодежь, будучи свидѣтельницею разухабистой жизни своихъ старшихъ братьевъ, или зная о ней по наслышкѣ, конечно старалась подражать имъ. Что-жъ удивительнаго?—Кровь кипитъ, денежки въ карманѣ водятся, **большіе** примѣръ подаютъ, соблазновъ въ Петербургѣ на всякомъ шагу довольно — поди тутъ, попробуй устоять!

О разновидностяхъ этихъ кутежей будетъ сказано ниже, такъ какъ наклонность къ нимъ унаслѣдована была и переформированною школою; а здѣсь замѣчу лишь, что во время начальствованія Сутгофа, на моихъ глазахъ, произошла все-таки значительная перемѣна къ лучшему: развлеченія юнкеровъ и подпрапорщиковъ стали принимать болѣе приличный видъ, а безобразія являлись уже въ видѣ исключеній.

Сутгофъ принялъ школу отъ генерала Шлиппенбаха [1]), слывшаго хорошимъ фронтовикомъ, въ тогдашнемъ вкусѣ, но имѣвшаго, повидимому, весьма смутныя понятія о педагогіи. При поступленіи моемъ въ школу, въ 1845 году, весь старшій классъ состоялъ еще изъ Шлиппенбаховцевъ. Народъ этотъ былъ, большею частію, рослый, дюжій, давно уже бривши бороду и склонный къ кулачной расправѣ, — особенно кавалеристы. Физическая сила всегда пользуется большимъ уваженіемъ у мальчиковъ, и я помню, что мы, новички,

[1]) Который назначенъ былъ директоромъ 1-го кад. корпуса.

чуть не съ благоговѣніемъ взирали на нѣкоторыхъ мастодонтовъ 1-го класса, одною пощечиною валившихъ съ ногъ взрослаго человѣка, сгибавшихъ желѣзныя кочерги, ломавшихъ прикладъ ружья при хваткѣ «на кра-улъ» и т. п. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занималъ юнкеръ А., недаромъ прозванный Бовою. Это было, дѣйствительно, какое-то особенное произведеніе природы, складомъ своимъ напоминавшее ражаго медвѣдя, съ плечами въ косую сажень. Къ счастію, А. былъ дѣтина смирный и, кажется, боялся собственной силы, потому что почти никогда не давалъ воли рукамъ. Въ школѣ онъ сдѣлался чуть не легендарнымъ героемъ послѣ того, какъ приподнялъ за одинъ конецъ стоявшую въ лазаретѣ мраморную ванну, въ которой вѣса было едва ли не 50 пудовъ. За подвигъ сей онъ, однако, былъ награжденъ грыжей.

Существующаго нынѣ совершеннаго отдѣленія старшихъ возрастовъ отъ младшихъ тогда еще не существовало, и это совмѣстное жительство влекло за собою не мало дурныхъ послѣдствій; 14—15-ти лѣтнимъ мальчикамъ непремѣнно хотѣлось дѣлать то же, что дѣлали юноши, достигшіе полнаго физическаго развитія; увлекаемые ихъ примѣромъ, жадно прислушиваясь къ ихъ соблазнительнымъ разсказамъ, мальчики эти начинали слишкомъ рано предаваться всевозможнымъ, преимущественно запрещеннымъ, удовольствіямъ, въ ущербъ здоровью и нравственной чистотѣ.

Наклонность къ разгулу не мѣшала большинству воспитанниковъ школы быть весьма набожными и съ уваженіемъ относиться къ предметамъ религіи. Черта эта, конечно, выносима была изъ родительскихъ домовъ, потому что школьный священникъ не имѣлъ на насъ особеннаго вліянія. Послѣ вечерней оффиціальной молитвы, совершаемой всѣми учениками вмѣстѣ, значительная часть ихъ (особенно въ пѣхотѣ) отправлялась на предъ-церковную площадку, замѣнявшую намъ рекреаціонный залъ, и тамъ еще долго молилась въ одиночку. Кощунство и насмѣшки надъ религіей проявлялись крайне рѣдко и влекли за собою иногда безпощадную расправу со стороны самихъ товарищей. Такъ, напримѣръ, одинъ юнкеръ, забравшись на церковные хоры, вздумалъ тамъ курить,—его немилосердно отстегали за это, юнкера же, кожанными подтяжками. По успѣшномъ окончаніи экзаменовъ, многіе изъ воспитанниковъ, согласно данному ими обѣту, отправлялись пѣшкомъ въ Сергіеву пустынь, что на Петергофской дорогѣ. Великимъ постомъ всегда набирался цѣлый столъ (человѣкъ около 20-ти), желавшихъ въ теченіе всѣхъ семи недѣль ѣсть постную пищу.

Дисциплина въ стѣнахъ школы поддерживалась довольно строгая; только съ переходомъ во 2-й классъ воспитанники начинали нѣсколько эмансипироваться, особенно, если этотъ классъ сознавалъ себя, въ

массѣ, сильнѣе 1-го и способнымъ, въ случаѣ надобности, отстоять свои права и кулаками. За то настоящими «souffre-douleur» являлись новички, во весь первый годъ ихъ пребыванія въ школѣ. Конечно, уже въ силу одной воинской дисциплины, рядовые подпрапорщики и юнкера подчинены были фельдфебелю, вахмистру и унтеръ-офицерамъ (хотя, для одноклассниковъ, подчиненіе это было лишь номинальнымъ); но эти дисциплинарныя понятія входили и въ отношенія старшихъ классовъ къ младшимъ. Съ переходомъ въ 3-й классъ, воспитанникъ начиналъ себѣ позволять мелкія приставанія къ новичкамъ, особливо къ безотвѣтнымъ; во 2-мъ классѣ онъ принималъ относительно ихъ уже нѣсколько начальническій тонъ; а въ 1-мъ классѣ, гдѣ никакой авторитетъ старшинства его болѣе не сдерживалъ, онъ становился уже рѣшительнымъ деспотомъ вновь поступающихъ.

Замѣчу, впрочемъ, что подобное обращеніе съ новичками (конечно, съ разнообразными оттѣнками) было обще всѣмъ тогдашнимъ военно-учебнымъ заведеніямъ; хуже всего приходилось новобранцамъ въ Артиллерійскомъ училищѣ, гдѣ съ ними продѣлывали невозможные, варварскіе эксперименты. Школа пользовалась, въ этомъ отношеніи, тоже незавидною славою; но я долженъ сказать, что многое преувеличивали, и что во время начальствованія Суттофа нравы воспитанниковъ этого заведенія значительно смягчились.

При всемъ томъ, новичекъ (если только ему не покровительствовалъ кто-либо изъ вліятельныхъ первоклассниковъ) подвергался разнымъ, болѣе или менѣе непріятнымъ и оскорбительнымъ, продѣлкамъ и долженъ былъ играть роль прислужника старшихъ воспитанниковъ; на него, за малѣйшую неисправность, особенно же за неповиновеніе, сыпались колотушки, наказанія безъ обѣда, безъ чаю и т. п. Если онъ имѣлъ несчастіе почему-либо показаться смѣшнымъ, то его извучивали разными манерами и заставляли, по извѣстному рецепту, потѣшать публику. Такъ, напримѣръ, поступившій въ школу въ одинъ годъ со мною юнкеръ П.—малый уже взрослый, широкоплечій и говорившій жирнымъ баскомъ—долженъ былъ, по первому востребованію, мычать на подобіе молодого быка; юнкеръ Н. (тоже взрослый), представлявшій собою типъ неуклюжаго увальня, обязанъ былъ изображать ловкаго застрѣльщика, пользующагося мѣстными закрытіями, и для сего подлѣзать подъ столы, кровати и табуреты, показывая видъ, будто оттуда стрѣляетъ; юнкера Г. прикомандировалъ къ себѣ, въ качествѣ ординарца, воспитанникъ старшаго класса З. (одинъ изъ верзилъ-силачей) и, по его зову, злополучный, чахлый Г. долженъ былъ подскакивать къ нему не иначе, какъ галопомъ. Бывали штуки и болѣе жестокаго свойства. Вообще же, новички находились у старшихъ классовъ на всевозможныхъ посылкахъ; должны были дежурить

у двери отхожихъ мѣстъ въ то время, какъ старшіе тамъ курили, пуская дымъ въ каминъ, и предупреждать ихъ о приближеніи начальства, и т. п. Плохо приходилось новичку, рисковавшему противиться этимъ требованіямъ, особенно же—обращавшемуся съ жалобою къ начальникамъ. Послѣдній шагъ даже одноклассные товарищи его не одобряли, такъ какъ фискальство считалось позорнѣйшимъ дѣломъ и ничѣмъ не могло быть оправдываемо,—да кромѣ того, онъ, при первомъ удобномъ случаѣ, подвергался жестокому избіенію со стороны товарищей обжалованнаго имъ и, конечно, наказаннаго за то ученика. Впрочемъ, случаи подобнаго возмущенія противъ школьныхъ традицій встрѣчались весьма рѣдко; новичку, волею-неволею, приходилось склоняться передъ силою физическою, поддержанною силою установившагося обычая. При моемъ поступленіи въ роту подпрапорщиковъ оказалось, къ счастію, что воспитанники старшаго ея класса, пользовавшіеся наибольшимъ вліяніемъ на своихъ товарищей, были юноши вполнѣ порядочные, съ добрыми сердечными качествами, да къ тому же обладавшіе авторитетомъ не малой физической силы; такъ что приставаній, имѣвшихъ жестокій характеръ, въ пѣхотѣ почти совсѣмъ не было. Кавалерійскимъ товарищамъ нашимъ не такъ посчастливилось, потому что между старшими воспитанниками эскадрона большую роль играли дюжіе варлаганы, слабо развитые умственно и нравственно, но за то обладавшіе здоровенными кулаками, которые и пускаемы были въ ходъ весьма нерѣдко.

Насилія надъ новичками часто смѣшивались съ понятіями о поддержаніи дисциплины, а потому совершенно искоренить ихъ не было почти никакой возможности; но на значительное ослабленіе этого безобразія въ школѣ повліялъ опять-таки Суттофъ, строго преслѣдовавшій кулачную расправу и всячески старавшійся облагородить взаимныя отношенія ввѣренныхъ ему молодыхъ людей.

Взысканія, налагавшіяся на насъ начальствомъ за разные проступки и за лѣность, состояли въ лишеніи чая, обѣда или ужина, въ оставленіи безъ отпуска на праздничные дни и въ содержаніи подъ арестомъ въ темномъ карцерѣ, на хлѣбѣ и водѣ, въ теченіе 1—3-хъ сутокъ (чѣмъ, между прочимъ, наказывалось и куреніе табаку, строго тогда воспрещенное въ учебныхъ заведеніяхъ). Къ тѣлесному наказанію розгами прибѣгали въ школѣ лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, за проступки позорные; оно обыкновенно предшествовало исключенію воспитанника. Во время моего четырехъ-лѣтняго пребыванія въ школѣ было не болѣе 2—3-хъ случаевъ подобнаго наказанія. Къ тому же, оно совершалось не публично, а келейно, въ банѣ, и прочіе воспитанники узнавали о семъ лишь случайно.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗЕМСКІЙ И ЗАТРАПЕЗНЫЕ,

представители именитыхъ купеческихъ фамилій въ XVIII вѣкѣ.

(Письмо къ редактору „Русской Старины" М. И. Семевскому).

Съ величайшимъ удовольствіемъ прочелъ я въ октябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1883 г. разсказъ Евы Вас. Смирновой объ ея дѣдѣ, Д. Я. Земскомъ.

Я до того благодаренъ доброй старушкѣ за генеалогическія свѣдѣнія, которыя она намъ передаетъ, что готовъ ей вѣрить во всемъ на слово и не справляться съ канцелярскимъ хламомъ, изъ котораго Соловьевъ (т. XXIII, стр. 30—32) извлекъ какія-то напраслины противъ Данилы Яковлевича. Позволю себѣ только исправить нѣкоторыя ошибки Евы Смирновой, вкравшіяся, конечно, въ ея рукопись вслѣдствіе ея малограмотности.

Такъ, на стр. 68, вмѣсто: бабушка Соймикова надо читать: бабушка Соймонова;

на стр. 69, вмѣсто: Лакастовъ, надо читать: Лакостовъ;

на стр. 74, вмѣсто: Рагожинъ—Рагозинъ;

на стр. 75, вмѣсто: Раговиковъ—Роговиковъ.

Любопытно, что Ева Васильевна, писавшая въ 1850 году, все-таки продолжаетъ, по старой привычкѣ, называть Сабонинымъ разбогатѣвшаго Савву Яковлевича Яковлева.

По родству съ Затрапезными, она сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія и объ этой фамиліи. Затрапезные, какъ и всѣ большіе промышленные дома прошлаго вѣка и чисто русскаго происхожденія [1]), меня давно интересовали. Къ сожалѣнію, мнѣ до сихъ поръ не удалось составить полную и послѣдовательную ихъ родословную роспись. Кое-какія указанія, мною собранныя, считаю не лишнимъ вамъ сообщить, дабы вызвать дополненія и поправки.

Торговый домъ Затрапезныхъ существовалъ въ Ярославлѣ и Москвѣ, въ первой половинѣ прошлаго вѣка, подъ фирмою: Иванъ Затрапезный съ братьями. У нихъ, повидимому, было нѣсколько фабрикъ,—полотняная, суконная, бумажная. Въ 1734 году состоялось высочайшее повелѣніе покупать исключительно съ завода Затрапезнаго бумагу, потребную для московской типографіи; но въ 1742 г. это повелѣніе отмѣнено, такъ какъ бумага Затрапезнаго оказалась и хуже, и дороже бумаги другихъ фабрикъ. Иванъ Затрапезный показанъ умершимъ въ дѣлѣ 1749 года. На комъ онъ былъ женатъ, мнѣ

[1]) Мясниковъ, Твердышевъ, Шемякинъ, Яковлевы и др.

неизвѣстно; но достовѣрно, что вдова его, отъ пьянства, была постоянно не въ своемъ умѣ.

У него былъ одинъ только сынъ, Алексѣй Ивановичъ, род. 10 марта 1732 г., умершій въ чинѣ статскаго совѣтника 1 октября 1773 г., но за то четыре дочери: 1) старшая, за маіоромъ Лакостовымъ, управлявшимъ фабриками по смерти тестя; 2) другая, за Балашовымъ; 3) третья, Сусанна Ив., за Болотинымъ; 4) младшая, Ева Ив., за Данилою Яковлевичемъ Земскимъ, къ которому особенно благоволила его теща.

Въ домѣ Алексѣя Ивановича останавливалась императрица Екатерина II, проѣздомъ чрезъ Ярославль въ 1763 году. Государыня осматривала его фабрику и фабрику другого Затрапезнаго, Дмитрія (кам. фур. журналъ, 26 и 28 мая 1763 года).

Въ 1762 году, въ царствованіе Петра III, при учрежденіи Государственнаго банка, ярославскій купецъ Иванъ Затрапезный назначенъ былъ однимъ изъ директоровъ банка въ Москвѣ (П. С. З. 11,550) [1]). Кажется, его дочь была за Осокинымъ (Державинъ, изд. Я. К. Грота, V, 304).

Изъ письма императрицы Екатерины II къ кн. Прозоровскому, отъ 11-го мая 1794 г. («Русск. Архивъ», 1872 г., стр. 577), видно, что торговый домъ Затрапезныхъ существовалъ еще въ концѣ прошлаго вѣка.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, одинъ изъ Затрапезныхъ (имя и отчество его мнѣ неизвѣстно) состоялъ секретаремъ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ. Въ 1803 году онъ находился въ Парижѣ, и тамъ свелъ близкое знакомство съ Баррером, бывшимъ членомъ національной конвенціи. Барреръ въ своихъ запискахъ (Mémoirs de B. Barrère. Paris, 1843. Tome III, pp. 132—134) упоминаетъ объ немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, и говоритъ, что такіе люди, какъ Затрапезный, Петръ Ѳедоровичъ Балкъ-Полевой и ген.-маіоръ Николай Ѳеодоровичъ Хитровъ, въ состояніи были заставить полюбить русскихъ («Il est certain que lui (Hytroff) et M. le Comte de Balck, ainsi que M. Zatrapesnoff, étaient capables de faire aimer les Russes»).

Весьма желательно было бы, если бы кто-нибудь изъ проживающихъ въ Ярославлѣ читателей и почитателей «Русской Старины» взялъ на себя трудъ собрать по возможности полныя и точныя свѣдѣнія о промышленныхъ людяхъ Ярославской губерніи.

Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій.

Вѣна.
5-го (17) ноября 1883 г.

---

[1]) Одновременно съ нимъ назначенъ директоромъ и московскій купецъ Данило Земскій (тотъ же указъ въ П. С. З.). Кн. Л.-Р.

ГРАФЪ КАПОДИСТРІЯ И ГРАФЪ К. В. НЕСЕЛЬРОДЪ.

1820—1821 гг.

Въ октябрьской книгѣ изд. 1883 г. „Русской Старины" помѣщены разсказы, слышанные, будто бы, неизвѣстнымъ авторомъ въ Ниццѣ отъ покойнаго государственнаго канцлера, князя Горчакова. Трудно предположить, чтобы князь Горчаковъ могъ говорить все, что ему приписывается въ этихъ разсказахъ о его предмѣстникѣ,—такъ невѣрны нѣкоторые факты. Такъ, напримѣръ, говорится, будто бы князь Горчаковъ разсказывалъ, что государственный канцлеръ графъ Карлъ Васильевичъ Несельродъ былъ смертельнымъ врагомъ знаменитаго графа Каподистріи. Нижеслѣдующія два письма графа Карла Васильевича къ его супругѣ показываютъ, какого рода были отношенія графа Несельрода къ графу Каподистріи. Другіе разсказы, которые присвоиваются князю Горчакову, не требуютъ опроверженія по своей невѣроятности для каждаго, кто сколько нибудь зналъ государственнаго канцлера графа Несельрода.

Графъ Дмитрій Несельродъ.

С.-Петербургъ.
13-го ноября 1883 г.

Отъ Редакціи. Напрасно гр. Д. К. Несельродъ сомнѣвается въ вѣроятности разсказовъ кн. А. М. Горчакова: они слышаны нами самими, и тогда же во Франціи, въ Ниццѣ лично внесены въ нашу записную книжку. Печатая въ октябрьской книгѣ „Русской Старины" изд. 1883 г. нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ свѣтлѣйшаго князя Александра Михайловича Горчакова, мы опустили, между прочимъ, довольно рѣзкіе его отзывы о его предшественникѣ—покойномъ графѣ К. В. Несельродѣ.

Другое дѣло—ошибался или не ошибался въ своихъ разсказахъ маститый государственный канцлеръ. Объ этомъ можно спорить и приводить въ опроверженіе документы, что мы и дѣлаемъ, помѣщая вслѣдъ за симъ интересное сообщеніе гр. Д. К. Несельрода.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, позволимъ себѣ выразить сожалѣніе, что нѣкоторые изъ нашихъ современныхъ соотечественниковъ, нося громкую фамилію, такъ либо иначе прославленную продолжительною службою государству—ихъ прадѣдовъ или отцовъ—ни мало не заботятся объ обнародованіи

своихъ фамильныхъ архивовъ и вообще о группировкѣ данныхъ для біографіи ихъ родителей, которымъ они однако всѣмъ обязаны. Такъ назовемъ свѣтлѣйшихъ кн. Ѳедора Ивановича Паскевича Варшавскаго, кн. Александра Александровича Меншикова; просимъ извиненія—назовемъ и графа Д. К. Несельрода; не именуемъ другихъ. Обыкновенно, при этомъ дѣлается ссылка на то, что де еще рано, еще не своевременно обнародованіе ихъ архивовъ и т. п., а между тѣмъ уже и носители-то этихъ историческихъ фамилій — люди довольно преклонныхъ лѣтъ и мы опасаемся, что для нихъ этотъ нравственный долгъ не только предъ памятью ихъ родителей, но и прямо предъ отечествомъ, которому отцы ихъ служили,—дѣло вовсе не раннее, а ужъ прямо и давно вожделѣнное. Ссылка на цензуру, такъ сказать, политическую - совершенно напрасная, и вотъ почему:

Широкій, истинно просвѣщенный взглядъ незабвеннаго государя Александра II на исторію и историческія розысканія и ихъ предѣлы,—взглядъ, продолжаемый и въ переживаемую нами эпоху, казалось долженъ бы былъ подвигнуть представителей громкихъ и заслуженныхъ фамилій исполнить ихъ нравственный долгъ. Одно, что можетъ служить имъ оправданіемъ, если бы они пожелали оправдываться, это, быть можетъ, то, что лично они весьма заняты и не имѣютъ досуга. Въ такомъ случаѣ будемъ надѣяться, что дѣти ихъ или вообще наслѣдники сдѣлаютъ то, чего они не исполнили, если только до того времени не погибнутъ ихъ архивы отъ какой-либо случайности.

Въ виду подобнаго,—печальнаго для отечественной исторіи — недосуга князей Паскевичей, Меншиковыхъ и друг., тѣмъ славнѣе заслуги князя Семена Михайловича Воронцова, обоихъ графовъ Шереметевыхъ, князя Павла Петровича Вяземскаго, кн. Алексѣя Борисовича Лобанова-Ростовскаго, графа В. П. Орлова-Давыдова и нѣкоторыхъ другихъ представителей славныхъ именитыхъ родовъ россійскихъ, нашедшихъ досугъ сослужить добрую службу отечественной исторіи. Ред.

I.

Письмо графа Карла Васильевича Несельрода къ его супругѣ, изъ Лайбаха, отъ 28-го декабря 1820 г. (9-го января 1821 г.)

(Переводъ съ франц.). Я имѣлъ удовольствіе, дорогой другъ, получить твое письмо отъ 10 (22) декабря въ моментъ отъѣзда моего изъ Вѣны. Несмотря на то, что государь ужъ уѣхалъ изъ этой столицы, милый Солонинъ [1]) былъ на столько внимателенъ, что меня все таки отыскалъ и передалъ всѣ твои пакеты, включая и теплые сапоги. Я тебѣ очень благодаренъ и высоко цѣню твое вниманіе, какъ вообще все, что отъ тебя, дорогой другъ, но чтобы тебѣ доказать на сколько я себя берегу и чтобы тебя вполнѣ успокоить и, на сколько возможно, уменьшить твои заботы, я тебѣ скажу, что я ужъ въ С.-Петербургѣ припасся шубами въ достаточномъ количествѣ,

[1]) Офицеръ фельдъегерскаго корпуса. Гр. Д. Н.

чтобы выдержать и 20-ти градусный морозъ. Къ сожалѣнію, онѣ оказались ненужными, такъ какъ горькая наша судьба вмѣсто того, чтобы насъ вести къ сѣверу, повела насъ на югъ. Тѣмъ не менѣе я надѣюсь, что мы достигли самаго южнаго пункта нашего путешествія и я убѣжденъ, что если станутъ руководствоваться правилами здраваго разсудка, наше пребываніе здѣсь не можетъ быть долговременнымъ. Вотъ все, дорогой другъ, что я въ настоящую минуту могу тебѣ сообщить объ этомъ, насъ обоихъ интересующемъ, предметѣ. Мы всѣ здѣсь только со вчерашняго дня, а къ дѣлу приступимъ сегодня или завтра; тогда я и буду въ состояніи опредѣлить, примется ли твердый, рѣшительный и быстрый образъ дѣйствій, единственный, по моему мнѣнію, могущій вести насъ къ удовлетворительнымъ и въ то же время почетнымъ результатамъ. Образъ дѣйствія, который я предначерталъ себѣ въ головѣ, былъ бы такого рода, что прямо повелъ бы къ цѣли, и Лайбахское дѣло окончилось бы менѣе, чѣмъ въ 15 дней. Но такъ какъ для этого нужно, чтобы и другіе были того же мнѣнія, то разсчитать трудно напередъ, что будетъ сдѣлано. Я конечно употреблю всѣ усилія, чтобы склонить къ моему мнѣнію. Въ этомъ отношеніи наши желанія и нашъ долгъ вполнѣ сходятся, потому что я искренно убѣжденъ, что, работая скоро, будутъ и хорошо работать и что дѣломъ овладѣютъ не словомъ и длинными бумагами, а силою дѣйствія.

. . . . . .

Переѣздъ изъ Вѣны я опять совершилъ съ Поццо, и когда ты узнаешь, что я ему обязанъ, что пропутешествовалъ въ удобной 4-хъ мѣстной каретѣ, ты ему, надѣюсь, простишь провинности, которыя ты за нимъ считаешь, и вернешь ему твое прежнее благорасположеніе. Что касается меня, откровенно сознаюсь, никого превосходнѣе его не знаю. Онъ въ настоящее время единственный человѣкъ въ Европѣ, за которымъ я признаю качества настоящаго государственнаго мужа. Я согласенъ съ тобой, что у Каподистріи душа чище, чувства болѣе возвышенны и безкорыстны, что у него менѣе страстей и хвастовства, но онъ далеко не обладаетъ умственными способностями, здравымъ смысломъ и знаніями Поццо и въ особенности тѣмъ практическимъ умомъ, который необходимъ для успѣшнаго веденія дѣла. Каподистрія очень уменъ, но умъ его не всегда вѣренъ и, несмотря на большую прозорливость, его сужденія иногда ошибочны; онъ проницателенъ, остроуменъ, но не всегда логиченъ; ему не достаетъ знанія людей и опытности въ дѣлахъ. Онъ какъ будто работаетъ для свѣта, состоящаго изъ такихъ же совершенныхъ людей, какъ онъ самъ; еслибъ судьба его бросила во французскія дѣла, онъ былъ бы доктринеромъ съ наилучшими намѣре-

ніями. Вотъ почему ему такъ понравилась книга Гизо, наполненная софизмами и положеніями невѣрными. Вотъ, дорогой другъ, мое мнѣніе о томъ и о другомъ. Я желалъ бы имѣть Поццо министромъ, а Каподистрія другомъ. То, что вы думали въ Петербургѣ, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія; не было ни одного обстоятельства, которое сколько нибудь подтверждало бы предположеніе, могущее быть лишь произведеніемъ ненависти и зависти. Дай Богъ, чтобы оно никогда не оправдалось, потому что въ этомъ отношеніи я вполнѣ раздѣляю твой взглядъ. Еслибъ Каподистрія долженъ былъ оставить службу государя, я самъ не остался бы ни минуты по простой причинѣ, что не чувствую себя способнымъ, будучи одному, управлять дѣлами и что второй бракъ на подобіе настоящаго былъ бы не возможнымъ. Подобное положеніе могло держаться только при такомъ деликатномъ и превосходнаго характера человѣкѣ; я ни съ кѣмъ не желалъ бы быть въ такомъ отношеніи, а съ Поццо менѣе, чѣмъ съ кѣмъ либо, несмотря на мою привязанность къ нему и на все, что выше сказалъ въ его пользу. Если наши любезные соотечественники жалуются на Каподистрія, то они крайне несправедливы и неблагодарны. Каждый хорошій русскій можетъ въ настоящее время желать лишь одного — сохраненія міра. Въ этомъ же отношеніи я могу поручиться, что старанія и заботы Каподистрія, его сужденія и совѣты никогда не имѣли другаго направленія. Съ этой точки зрѣнія нельзя быть болѣе истинно русскимъ, какъ онъ, и было бы верхомъ неблагодарности не признавать за нимъ тѣ заслуги, которыя онъ намъ оказалъ и ежедневно оказываетъ.....

Подписано: Ch. N.

II.

Письмо графа К. В. Несельрода къ его супругѣ, изъ Лайбаха, отъ 4-го (16-го) марта 1821 года.

(Перев. съ франц.) Нашъ консулъ въ Бразиліи, г-нъ Ламсдорфъ, просилъ меня дать ему рекомендательное письмо къ тебѣ, милый другъ. Я на это согласился потому, что тебѣ во всякомъ случаѣ будетъ пріятно видѣть пріѣзжаго изъ Лайбаха, имѣвшаго случай со мной встрѣчаться. Онъ, впрочемъ, хорошій старичекъ, хоть и не представительный, но интересный въ разговорахъ о Бразиліи, отъ которой онъ въ восхищеніи. Попроси твоего отца удостоить его благосклоннаго пріема и, такъ какъ онъ большой ботаникъ и натуралистъ, то и матушкѣ твоей будетъ интересно съ нимъ поговорить, хоть онъ по французски говоритъ плоховато, какъ вообще всѣ нѣмецкіе профессора.

Я только что кончилъ длинное письмо къ тебѣ, которое доставитъ тебѣ отъѣзжающій въ настоящій моментъ фельдъегерь. Мой старичекъ консулъ не поѣдетъ такъ быстро, но такъ какъ случай писать съ нимъ вполнѣ вѣрный, то и пользуюсь онымъ, чтобы сказать тебѣ подъ секретомъ, что довѣріе «восьмому мудрецу» значительно уменьшилось и расположеніе къ нему уже не прежнее. Это объяснитъ тебѣ множество обстоятельствъ, о которыхъ я не распространялся въ моихъ прежнихъ письмахъ, и особенно причину отсрочки моего отъѣзда до событій въ Піемонтѣ, хотя государь соизволилъ дать мнѣ по этому предмету самое положительное завѣреніе. Каподистрія самъ вызвалъ перемѣну настойчивостію и неосторожностію, съ которыми онъ выражалъ мнѣнія, по совѣсти ошибочныя. Тѣмъ не менѣе я смотрю на это какъ на большое несчастіе и всегда буду утверждать, что невозможно имѣть болѣе чистое сердце и болѣе прямыхъ намѣреній, чѣмъ у него, хотя наши воззрѣнія вполнѣ различны. Люди, подобные ему, весьма рѣдки въ нашемъ мірѣ, и я буду искренно сожалѣть, если въ нынѣшнее трудное время онъ будетъ поставленъ въ невозможность помогать намъ своими дарованіями и рѣдкою проницательностью. Что меня касается, я не могу тебѣ выразить на сколько это положеніе для меня тягостно и щекотливо. Ты знаешь на сколько его отношенія ко мнѣ были высоко честны и тебѣ извѣстно, что я могу только указывать на его добрыя дѣйствія относительно меня. Ты поймешь, что̀ я испытываю среди усложненій, которыя при подобномъ положеніи дѣлъ могутъ ежечасно появляться. Я чувствовалъ потребность высказаться только передъ тобой по этому грустному предмету. Умоляю тебя никому изъ нашего семейства объ этомъ не говорить и сжечь эти строки, какъ только ты ихъ прочтешь.

Цѣлую тебя....

Подписано: Ch. N.

Сообщ. графъ Д. К. Нессельродъ.

О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г. [1])

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Отъ П. М. Божерянова.	3	руб.	— коп.
„ Г. В. Бирюкова изъ Кубанской области, станица Ладожская	1	„	— „
„ Д. Д. Траскина (изъ Тамбовской губ.) .	5	„	— „
„ Петра Михайловича Еропкина	25	„	— „
„ В. Попова	3	„	— „
„ Владиміра Филипповича Тхоржевскаго изъ гор. Петроковъ (Царство Польское) .	2	„	40 „
Итого съ прежде полученными .	298	руб.	40 коп.

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА

РОД. 13-го ЯНВ. 1779 Г. † 4-го МАЯ 1826 Г.

ОЧЕРКЪ СЕРГѢЯ СЕМЕНОВИЧА УВАРОВА.

Этотъ характеристическій очеркъ былъ въ свое время напечатанъ, но уже давно забытъ. Позволяемъ себѣ возобновить его въ памяти, болѣе полъ вѣка спустя послѣ его написанія, какъ потому, что онъ принадлежитъ одному изъ умнѣйшихъ и образованныхъ людей своего времени, впослѣдствіи графъ и министръ народнаго просвѣщенія, такъ и потому, что въ немъ дѣйствительно ярко очерчена прелестная личность императрицы Елисаветы Алексѣевны, воспѣтая Пушкинымъ, см. „Русскую Старину“ изд. 1873 г., томъ VII, стр. 212—227, гдѣ приведена интересная переписка этой ангелоподобной, по кроткой прелести своего характера, императрицы.

Прилагаемый къ этой книгѣ портретъ Елисаветы Алексѣевны есть гравюра знаменитаго Клаубера, исполненная въ 1798 г., когда Елисавета была еще супругою наслѣдника престола. Геліографическій снимокъ съ этой гравюры, съ обычнымъ искусствомъ, исполненъ для нашего изданія въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ художникомъ г. Скамони.

Ред.

(Переводъ съ французскаго). Едва императоръ Александръ перешелъ въ обитель предковъ, едва смолкли около насъ звуки погребальнаго шествія, какъ вновь тяжкое горе постигло августѣйшую семью и вѣрный ея народъ. Императрица Елисавета, земная жизнь которой проявлялась лишь въ ея скорби и въ нашей къ ней любви, соединилась на небесахъ съ тѣмъ, кто составлялъ лучшую половину ея существованія. Эти двѣ сродныя души не могли быть разлучены надолго; одна изъ нихъ, обреченная на болѣе продолжительное земное пребываніе, отлетѣла съ быстротой и съ спокойствіемъ, предвѣстникомъ безграничнаго упоенія и безоблачнаго блаженства.

Если судьба императрицы не требуетъ нашихъ сожалѣній, если внутренній нашъ голосъ, который никогда не ошибается,

говоритъ, что всѣ ея желанія теперь исполнены, тѣмъ не менѣе сколько причинъ для насъ самихъ оплакивать ея быстрое исчезновеніе. Частица императора Александра продолжала его существованіе, и этотъ драгоцѣнный остатокъ его исчезъ; свидѣтель его предсмертной борьбы, дорогой предметъ, на который обращенъ былъ послѣдній его взоръ, оставался между нами и покинулъ насъ; рука, которую онъ пожималъ умирающею своей рукой, охолодѣла. Одинокая лампада, которая теплилась надъ его могилой, погасла навсегда.....

О, какъ ничтожны и безсильны утѣшенія людской мудрости въ минуту сильной скорби и необычайнаго несчастія! Какъ плохо эта мудрость намъ объясняетъ сочетаніе тѣхъ явленій, которыя нами руководятъ, и какъ раздираетъ то сердце, которое утѣшаетъ, отнимая у него лучшее чувство, которое соединяетъ его съ вѣчностію! Краснорѣчива и искренна можетъ быть скорбь человѣка только вѣрующаго и любящаго. Будемъ надѣяться, что всѣ ея ожиданія оправдались, и главное, да не убоимся мы преувеличить наше почитаніе къ усопшимъ; это чувство выпадаетъ на долю не многихъ набожныхъ и чуткихъ душъ, толпа умѣетъ жить только съ живыми.

Тридцать лѣтъ жизни императрицы Елисаветы въ избранномъ ею отечествѣ были выраженіемъ добродѣтели безъ чванства и благодѣяній безъ огласки. Она принесла намъ въ даръ богато одаренный умъ, благороднѣйшія качества сердца, небесный образъ и душу еще болѣе небесную — и чрезъ 30 лѣтъ возвратила все могилѣ и вѣчности.

Тѣсный кругъ жизни женщины, еще сжатѣе на престолѣ сердечными привязанностями, и исполненіе семейныхъ обязанностей наполняли ея уединеніе. Небо не дозволило императрицѣ долго наслаждаться радостями материнской любви и существо, самое способное чувствовать все достоинство этой любви и исполнять ея обязанности, было осуждено видѣть умирающими въ своихъ объятіяхъ предметы своей нѣжности. Они были похищены у нея одинъ послѣ другого, и какъ Рахиль: „она не хотѣла утѣшиться, потому что ихъ не было болѣе“.

Тѣ, которымъ дано было счастіе видѣть вблизи императрицу Елисавету, имѣли возможность судить о чрезвычайной обширности ея ума и необыкновенной вѣрности ея сужденій. Одаренная

большимъ тактомъ и изящнымъ вкусомъ, обладая массой разнообразныхъ и глубокихъ познаній, она всегда старалась скрывать свои дарованія, въ противоположность того рвенія и умѣнья, съ которыми обыкновенно люди силятся выказывать ихъ. Ея умъ имѣлъ свойство созерцанія, позволявшій ей видѣть во всемъ окружающемъ серьезную сторону; но вмѣстѣ съ тѣмъ пылкое и богатое воображеніе придавало этому строгому уму прелесть и грацію простоты; совокупленіе этихъ качествъ порождало то обаятельное дѣйствіе, которое невозможно описать. Освоенная со всей европейской литературой и постигая отдѣльный характеръ каждой націи, императрица почерпала у всѣхъ источниковъ умственной жизни богатство мысли и зрѣлое мышленіе, придававшія ея бесѣдѣ замѣчательный характеръ. Императрица поражала съ первымъ впечатлѣніемъ своимъ здравымъ смысломъ, умомъ строгимъ и просвѣщеннымъ и совершенной простотой; позднѣе открылось многое, тщательно скрываемое подъ завѣсами ея скромности, превосходство ея ума образованнаго, рѣдкое умѣнье излагать изящно и мѣтко свои мысли письменно и въ бесѣдахъ, врожденная способность обозрѣвать мелочь житейской жизни, ясность сужденія, которая придавала жизни ея настоящую цѣну и пылкость души увлекающейся и впечатлительной, которая возвышала лицъ, удостоенныхъ ея уваженія, въ ихъ собственныхъ глазахъ. Ея сила воли надъ собой, сіяніе ея высокихъ добродѣтелей, отчужденіе ея высокаго положенія, въ которое судьба ее поставила, все придавало ея личности нѣчто величественное, внушающее уваженіе и обожаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ не дозволяло быть болѣе извѣстной, внѣ того тѣснаго круга жизни, предназначеннаго ей судьбою и любовью.

Полная, безпристрастная справедливость памяти ея требуетъ упомянуть также о ея безчисленныхъ благодѣяніяхъ, ознаменовавшихъ каждую минуту ея жизни; ея состраданіе къ несчастному имѣло просвѣщенный характеръ ея ума и теплый порывъ ея души. Ей недоступны были наслажденія удовлетворенной гордости; императрица попирала ногами блескъ житейской суеты и отказалась бы отъ всего для удовлетворенія жгучей потребности творить добро, составлявшей достояніе, усвоенное всею августѣйшею семьею, которая въ продолженіе 30-ти лѣтъ гордилась и любовалась ею. Источникомъ ея дѣятельной благотворитель-

ности служила ея набожность, возвышенная, просвѣщенная и превосходящая всѣ мечтанія. Эта чистая, непорочная душа возвышалась безпрепятственно къ превысшей волѣ, гдѣ почерпала свою силу и свой душевный покой. Строгая къ самой себѣ, снисходительная къ ближнимъ, императрица выражала дѣломъ то, что другіе выражаютъ на словахъ. Высота ея положенія обусловливалась чрезвычайною возвышенностью ея чувствъ; величіе престола состояло у нея лишь въ полномъ отрѣшеніи отъ житейской суеты и въ силѣ сочувствія ко всему, что касалось предметовъ ея любви и уваженія.

Императрица Елисавета сохранила, до послѣдней минуты своей жизни, наружность величавую и привѣтливую, покорявшую всѣ сердца; прелестный органъ, восхитительный станъ, грацію во всѣхъ движеніяхъ, полную простоты и царскаго величія. Ея дивная красота, не имѣя себѣ ничего подобнаго, поразила всю Россію.

Всѣ, имѣвшіе счастіе присутствовать при пиршествахъ бракосочетанія (1793 г. [1]), припоминаютъ съ восторгомъ картину, которую представляла собою эта юная чета; говорятъ, что при ея появленіи повсюду раздавались невольные возгласы удивленія; сравненіе съ Психеею преставлялось каждому. Нельзя было довольно налюбоваться этой четой, столь юной и столь счастливой; жизнь едва только имъ передала первыя свои впечатлѣнія и скрывала все горькое и жесткое, которое она ей готовила въ будущности. Этотъ великій блескъ, этотъ цвѣтокъ юности поблекъ, но императрица сохранила все выраженіе и всю свою прелесть; черты лица ея носили отпечатокъ ея сердечныхъ порывовъ, со свойственной, только ей одной, силой очарованія. Время, лишая ея чело вѣнка изъ розъ, воздвигнуло надъ ней сіяніе нетлѣнное и это сіяніе не поблекло.....

Императрица Елисавета любила искусства и находила въ нихъ отдохновеніе; ея вкусъ къ изящному соединялся съ рѣдкимъ пониманьемъ и съ массой познаній самыхъ разнообразныхъ. Всѣ отрасли художествъ имѣли доступъ къ ея покровительству; она посылала въ Италію, на свой счетъ, молодыхъ русскихъ живописцевъ, помогала другимъ заниматься наукой. Ея умъ,

---

[1]) См. описаніе бракосочетанія в. кн. Александра Павловича 1793 г., въ „Русской Старинѣ“ изд. 1874 г., т. IX. стр. 513 и 685.

свободный отъ всякаго предразсудка въ литературѣ, оцѣнялъ точно также и поэзію: она переходила отъ одной литературы къ другой съ одинаковымъ увлеченіемъ. Расинъ не могъ желать лучшаго судьи; Гёте привлекалъ ея вниманіе при каждомъ своемъ классическомъ твореніи; Карамзинъ читалъ ей рукопись своей исторіи, и нѣтъ сомнѣнія, что Скоттъ, Байронъ и Мурръ были бы поражены и польщены мѣткимъ сужденіемъ, съ которымъ императрица наслаждалась ихъ произведеніями, читая ихъ каждаго въ оригиналѣ; но вниманіе ея не останавливалось въ области фантазіи, сочиненія, самыя серьезныя, были предметами ея изученія, и, конечно, ни одно замѣчательное произведеніе, на какомъ либо изъ европейскихъ языковъ вновь выходившее, помимо всѣхъ ее окружающихъ, не миновало критики императрицы; она умѣла цѣнить достоинства и судить о недостаткахъ съ рѣдкою проницательностію.

Такимъ образомъ дни шли за днями и они были посвящены подвигамъ добродѣтели и духовной жизни, которую она также тщательно старалась скрывать отъ постороннихъ наблюденій и тѣмъ оправдывала истину, что возвышенный умъ и высокая добродѣтель имѣютъ одинаковое свойство; они живутъ своею жизнью, одобреніе свѣта внушаетъ имъ ужасъ, отъ котораго они спасаются въ тиши уединенія и въ безмятежномъ созерцаніи.

Красота природы не могла не вліять сильно на впечатлительную и возвышенную душу императрицы. Она предавалась этому вліянію съ естественною искренностію и съ простотою, свойственною всѣмъ ея движеніямъ; живописная мѣстность возбуждала ея воображеніе и вызывала ея бесѣду къ мирному и веселому настроенію духа, которое тотчасъ же отражалось на ея лицѣ съ чрезвычайною прелестью. Когда она находилась лицомъ къ лицу съ природой, казалось, что судьба увѣнчала бы всѣ ея желанія, надѣливъ ее самой скромной и безъизвѣстной долей; въ пурпуровой мантіи она казалась рожденной повелительницей, созданной, чтобъ возвеличить собой всѣ сословія; ея присутствіе освящало даже хижину.....

Уже въ теченіе двухъ лѣтъ здоровье императрицы видимо пошатнулось; серьёзный недугъ предписывалъ переселиться въ менѣе суровый климатъ. Жребій палъ на Таганрогъ для ея мѣстопребыванія; всѣ знали, что у императрицы только одно желаніе:

ни на одну минуту не разлучаться со своимъ августѣйшимъ супругомъ. Нѣжная привязанность императора содѣйствовала исполненію сего желанія. Они выѣхали вмѣстѣ: Государь въ цвѣтущемъ здоровьи, бодрый духомъ и тѣломъ, императрица страждущая, слабая и жертвой неизлечимаго недуга. Немногія минуты, прожитыя въ полномъ согласіи и въ любви, усиленной угрожающею опасностью, были скоро прерваны самымъ неожиданнымъ, несчастнымъ событіемъ. Государь внезапно скончался и императрицѣ суждено было закрыть ему глаза. Сверхъестественная бодрость духа, сопровождавшая ее въ эти величественныя минуты скорби, подала надежду, что силы ея вернулись и здоровье возобновилось, но то была лишь послѣдняя вспышка угасающаго пламени,—ударъ, поразившій государя, нанесъ смертельную рану императрицѣ. Она, казалось, безропотно покорялась необходимости продолжать свое существованіе, потому что она одна только знала, что скоро умретъ.

Съ той минуты она предалась всецѣло любви къ Богу; ея жизнь проходила въ полномъ уединеніи и глубокомъ созерцаніи; напрасно было бы поднять завѣсу, скрывавшую ее въ это время отъ свѣта, которому она уже перестала принадлежать. Она сохранила отъ всего земнаго только одно желаніе: она была проникнута мыслью увидѣть еще разъ вдовствующую императрицу, любовь которой охраняла ее, и которая, казалось, предназначена была судьбой служить олицетвореніемъ мужества и добродѣтели. Какъ трогательно было бы свиданіе этихъ двухъ августѣйшихъ жертвъ общаго несчастія. Сколько слезъ, сколько изліяній любви и дружбы смѣняли бы другъ друга, и сколько общихъ молитвъ возносилось бы къ Небу! Но иное было свыше предназначено: свиданіе должно было состояться въ Калугѣ.

Прибывъ 3-го мая (1826 г.) въ Бѣлевъ, уѣздный городъ Тульской губерніи, императрица Елисавета не въ силахъ была продолжать свое путешествіе. Поспѣшили увѣдомить императрицу Марію, она тотчасъ же отправилась въ путь. Когда она пріѣхала въ Бѣлевъ, ея августѣйшей невѣстки уже болѣе не было. Не станемъ описывать послѣднія минуты императрицы Елисаветы. Онѣ извѣстны одному Богу. Вечеромъ 3-го числа ничто не предвѣщало опасность. Съ наступленіемъ ночи императрицу начало клонить ко сну; нѣсколько часовъ спустя, окружающіе замѣтили ее менѣе спокойною, предложили ей позвать докторовъ, но она

положительно отказалась; позднѣе послышался слабый стонъ; стонъ этотъ, быть можетъ, былъ возгласомъ радости. На разсвѣтѣ, когда вошли въ ея комнату, августѣйшая монархиня уже прекратила свое существованіе; никто не присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ ея жизни и скорби. Она вся предалась Богу и Богъ взялъ ее къ себѣ, безъ вѣдома людей.

Можно было бы сказать, что люди были недостойны присутствовать при такомъ величественномъ зрѣлищѣ. Эта послѣдняя борьба души непорочной, почти уже оторванной отъ всего земного, это таинственное событіе, однимъ Господомъ Богомъ вызванное и Ему единому явное и скрытое Его волей во мракѣ ночи, не оставило слѣдовъ—и исчезла она для міра безслѣдно и было имъ не предвидѣнно.

Императрицу нашли уже объятую холодомъ смерти, но лице ея было безмятежно и сіяло спокойствіемъ, поразившимъ всѣхъ присутствовавшихъ. Къ ней вернулась даже незабвенная красота ея, давно уже исчезнувшая вслѣдствіе страданій. Когда было приступлено къ вскрытію тѣла, то сердце ея нашли буквально разорваннымъ. Такимъ образомъ ударъ рока, лишившій Россію монарха, который былъ гордостью народа и престола, отнялъ у Россіи, у всего міра, у человѣчества, одну изъ самыхъ совершенныхъ женщинъ, когда-либо жившихъ на землѣ. Разумѣется, мѣсто, которое она занимала среди насъ, всегда останется отмѣченнымъ, и узы, соединявшія насъ съ нею, не совсѣмъ порваны. Мы знаемъ, что еще одинъ ангелъ печется теперь о судьбахъ Россіи; Елисавета горячо заботится, это не подлежитъ сомнѣнію, о своей родной странѣ и о своемъ родномъ отечествѣ, также о престолѣ, коего она была украшеніемъ, и объ августѣйшей семьѣ, которой она завѣщала вѣчное сожалѣніе объ ея утратѣ. Даже тѣ люди, коихъ она удостоивала своимъ расположеніемъ, могутъ быть теперь спокойнѣе подъ сѣнью ея крыльевъ. Они имѣютъ нынѣ могучаго заступника, который покровительствуетъ имъ съ высоты своего новаго жилища.

Сергѣй Уваровъ.

1826 г.

Примѣч. Переводъ исполненъ въ 1870 г. Евфиміей Борисовной Зубовой, рожденной баронессой Вревской.

A LA MÉMOIRE DE L'IMPÉRATRICE ELISABETH.

Par Serge d'Ouvaroff.

Passa la bella donna e per che dorme.
(Tasso).

A peine l'Empereur Alexandre a-t-il rejoint ses aïeux, à peine les chants de la pompe funèbre ont-ils cessé de retentir autour de nous, qu'une nouvelle affliction vient d'éprouver son Auguste Famille et son peuple fidèle. L'Impératrice Elisabeth, qui n'appartenait plus à la terre que par notre amour et par sa douleur, a rejoint dans le ciel l'autre moitié d'elle-même. Ces deux âmes analogues n'ont pu rester longtemps séparées l'une de l'autre; celle, qui se trouvait encore éxilée sur la terre, vient de s'en détacher avec la rapidité et le calme précurseur d'un ravissement sans terme et d'une félicité sans nuages.

Si nous n'avons pas à nous affliger sur la destinée de l'Impératrice, si cette voix intime qui ne trompe jamais, nous dit, qu'elle n'a plus de voeu à former, que de motifs pour nous de pleurer sa prompte disparition. Quelque chose de l'Empereur Alexandre lui avait survécu et ce précieux débris n'existe plus; le témoin de sa dernière lutte, l'objet cher sur lequel il avait attaché son dernier regard, était resté au milieu de nous et il nous a quitté; la main qu'il avait pressé de sa main mourante est glacée. La lampe solitaire qui veillait sur son tombeau s'est éteinte sans retour....

Ah! Combien sont arides et pauvres les consolations de la sagesse humaine, appliquées aux grandes douleurs et aux infortunes extraordinaires. Qu'elle explique mal l'enchaînement des phénomènes qui nous entourent et comme elle déchire le coeur qu'elle voudrait consoler, quand elle lui enlève ce meilleur sentiment qui le met en contact avec l'infini! Il n'est d'éloquent, il n'est de sincère que la douleur de l'homme sensible et religieux. Laissons la se complaire dans ses magnifiques espérances, surtout ne craignons pas d'éxagérer notre vénération pour les morts; c'est le partage de quelques âmes pieuses et dévouées, la foule est avec les vivants.

Trente ans de la vie de l'Impératrice Elisabeth passés au milieu de sa patrie adoptive ont été trente ans de vertu sans ostentation et de bienfaits sans bruit. Les plus beaux dons de l'esprit, les plus nobles qualités du coeur, une figure céleste, une âme plus céleste encore—voilà ce qu'elle nous apporta, et voilà ce qu'après trente ans elle a fidèlement restitué au tombeau et à l'éternité.

Le cercle étroit de la vie d'une femme se resserre encore sur le trône, ce n'est que par l'exercice des affections et des devoirs de la nature qu'elle remplit alors sa solitude. Le Ciel ne permit pas que

l'Impératrice connût longtemps les délices de l'amour maternel, et l'être le mieux fait pour en sentir la dignité et pour en accomplir les devoirs, fut condamné à voir mourir entre ses bras les objets de sa tendresse. Ils lui furent successivement ravis, et comme Rachel: „elle ne voulut pas être consolée, parce qu'ils n'étaient plus".

Ceux qui ont eu le bonheur de voir de près l'Impératrice Elisabeth, ont été à portée de mesurer l'étendue singulière de son esprit et son étonnante justesse. Douée d'un tact exquis et d'un goût délicat, possedant une foule de connaissances variées et solides, elle mettait à cacher sa supériorité, cet empressement et cet art que l'on emploie ordinairement à la faire paraître. Il y avait dans son esprit quelque chose de méditatif qui la portait à considérer les choses sous leur aspect sérieux et son imagination fléxible et brillante donnait à la rectitude de son esprit en même temps l'attrait d'une grâce facile et naturelle dont il est impossible de rendre l'effet. Familliarisée avec toutes les littératures de l'Europe et disposée à en saisir les différents caractères, l'Impératrice avait puisé à toutes les sources de l'intelligence cette richesse d'idées et cette maturité de reflexion, qui rendaient sa conversation particulièrement remarquable. Ce qui frappait au premier abord dans l'Impératrice, c'était un grand sens, une raison ferme et éclairée et une parfaite simplicité; plus tard on découvrait ce que sa modestie cherchait à dérober sous tant de voiles: un esprit supérieur soigneusement cultivé, une rare facilité à parler et à écrire avec élégance et précision, une disposition naturelle à considérer de haut les choses de la vie, cette sérenité de jugement, qui les lui faisaient apprécier à leur juste valeur et cette chaleur d'âme entraînante et communicative qui relevait à leurs propres yeux ceux qu'elle honorait de son estime. L'empire absolu qu'elle exerçait sur elle même, l'éclat involontaire de ses grandes vertus, sa situation isolée dans le haut rang où la destinée l'avait placée, avaient répandu sur toute sa personne quelque chose d'imposant qui commandait le respect et l'admiration; mais qui ne permettait pas qu'elle fût entièrement connue au delà du cercle très étroit, que le sort et l'affection avaient tracé autour d'elle.

Ce serait trahir les interêts de sa mémoire que de taire à présent les innombrables bienfaits qui signalèrent tous les instants de sa vie; sa sollicitude pour l'infortune était éclairée comme sa raison, et pleine d'élan comme son âme. Inaccessible aux jouissances de l'orgueil, foulant aux pieds les pompes de la vie, l'Impératrice se fut tout refusé pour satisfaire à cet instinct si vif de bienfaisance qui semble être l'apanage de toute l'Auguste famille, dont elle a fait trente ans les délices et l'honneur. L'active charité de son âme prenait sa source dans une piété éminente, éclairée et supérieure à toutes les illusions. Cette âme sans

tâche remontait sans efforts vers cet ordre sublime de choses, dans lequel elle puisait sa force et sa tranquillité. Sévère pour elle-même, indulgente pour les autres, l'Impératrice mettait en pratique ce que d'autres mettaient en maximes. On ne reconnaissait l'élévation de son rang qu'à une extrême élévation de sentiments; de toutes les grandeurs du trône elle n'avait gardé qu'un détachement plus complet des intérêts vulgaires de la vie et une sollicitude plus sincère et plus tendre pour tout ce qui avait rapport aux objets de son affection et de son estime.

L'Impératrice Elisabeth a gardé jusqu'à la fin de sa vie cet extérieur à la fois majestueux et aimable qui subjuguait tous les coeurs, un son de voix charmant, une taille enchanteûse, une grâce parfaite dans tous ses mouvements, une aisance pleine de simplicité et toute royale. A son arrivée en Russie, rien n'était comparable à sa ravissante beauté. Ceux qui ont assisté aux fêtes de son mariage ne se retracent encore qu'avec délices le tableau du couple adolescent; on dit, qu'à leur aspect un murmure involontaire d'admiration s'élévait de toutes parts; le nom de Psyché était dans toutes les bouches; on ne se lassait pas de contempler ces époux si jeunes, si heureux, ne connaissant de la vie que ses premières impressions et ne se doutant pas de tout ce qu'elle leur réservait d'amer et de cruel. Quand cet éclat printanier, cette fleur de jeunesse disparurent, l'Impératrice garda toute sa physionomie et toutes ses grâces et ses traits furent empreints d'une effusion dont le charme semblait n'appartenir qu'à elle. Le temps en dépouillant son front de la couronne de roses le ceignit d'une auréole moins périssable et celle-là n'a pas pâli... Un goût vif pour les arts servait de délassement à l'Impératrice Elisabeth, le goût était accompagné d'un tact singulier et d'une foule de connaissances les plus variées. Tous les arts avaient droit à sa protection; de jeunes peintres russes étaient envoyés à ses frais en Italie; d'autres étudiaient sous ses auspices. La poésie avait également un grand attrait pour son esprit libre de tout préjugé littéraire, elle passait d'une littérature à l'autre avec un égal empressement. Racine aurait voulu l'avoir pour juge, et Goethé n'a rien produit de classique qui n'ait fixé ses regards. Karamzine lui lisait le manuscrit de son histoire et nul doute que Scott, Byron et Moore n'eussent été surpris aussi que flattés du discernement exquis avec lequel l'Impératrice goûtait leurs écrits dans leur idiome original; mais son attention ne se bornait pas seulement aux arts de l'imagination; les ouvrages, les plus sérieux, étaient l'objet de ses études et il n'a paru certainement depuis le commencement du siècle, aucune production remarquable dans une langue Européenne quelconque, dont l'Impératrice, à l'insu de tous, n'ait approfondi le mérite ou jugé les défauts avec une rare sagacité. Ainsi s'écoulait sa vie consacrée à des actions

vertueuses et à des pensées qu'elle mettait un égal soin à dérober à tous les yeux, tant il est vrai qu'un esprit supérieur et une haute vertu ont ceci de commun, qu'ils se suffisent à eux-même et que les applaudissements du monde leur inspirent une sorte d'effroi dont ils ne se dépouillent entièrement que dans le silence de la solitude et le calme de la méditation.

Les beautés de la nature ne pouvaient manquer d'exercer un grand empire sur l'âme sensible et élevée de l'Impératrice. Elle se livrait à leurs impressions avec le naturel et la simplicité qui s'unissaient à tous ses mouvements; l'aspect d'un site pittoresque animait son imagination et lui prêtait une gaîté douce et expansive qui se retraçait sur sa figure avec un charme extraordinaire. Quand on la voyait en présence de la nature, on était tenté de croire qu'une destinée paisible et obscure aurait comblé tous ses voeux; sous le manteau de pourpre, elle paraissait née pour être Souveraine; également faite pour honorer toutes les conditions, il n'y avait pas de chaumière qu'elle n'eut sanctifiée par sa présence.....

Depuis deux ans la santé de l'Impératrice déclinait visiblement, atteinte d'un mal profond, on crut devoir la transporter sous un ciel moins rigoureux. Taganrog fut choisi pour sa demeure: on savait que l'Impératrice ne désirait qu'une chose, c'était de ne pas quitter un instant son auguste époux. La tendresse de l'Empereur seconda ce voeu, ils partirent ensemble, lui resplendissant de santé, plein de forces d'esprit et de corps, elle, souffrante, affaiblie et en proie, pour ainsi dire, à un mal incurable. Ces courts instants passés au sein d'une confiance sans bornes et d'une tendresse qu'augmentait en quelque façon la présence du danger, furent terminés par la catastrophe la plus inattendue.

L'Empereur succomba tout à coup et ce fut l'Impératrice qui lui ferma les yeux. Le courage surhumain qu'elle déploya dans ces tristes et solennels moments fit augurer un retour de forces et pour ainsi dire un renouvellement de santé,—c'était seulement le dernier jet d'une flamme expirante: le coup qui avait terrassé l'Empereur avait frappé à mort l'Impératrice. Elle parut resignée à vivre, parce qu'elle seule savait qu'elle allait mourir. Elle se réfugia alors toute entière dans le sein de Dieu, tous ses instants furent voués à une entière solitude et à de profondes méditations et ce serait un témeraire effort que de chercher à soulever le voile qui la dérobait en ces instants aux yeux du monde auquel elle avait cessé d'appartenir. Elle ne conservait de la terre qu'une seule pensée, et celle-là occupait vivement son esprit: le désir de revoir l'Impératrice Mère dont l'ineffable tendresse veillait sur elle et qui semble destinée à donner au monde le spectacle d'un courage égal à ses vertus. Qu'elle eut-été touchante l'entrevue de ces deux

augustes victimes de la même infortune! que de pleurs auraient coulé, mais aussi quels épanchements de tendresse et de confiance auraient éclaté tour à tour, quelles prières eussent monté de concert vers le Ciel! Mais Il en avait ordonné autrement, l'entrevue devait avoir lieu à Kalouga; arrivée le 3 Mai à Belleff, ville du gouvernement de Toula, l'Impératrice Elisabeth ne put continuer son voyage. On se hâta d'en instruire l'Impératrice Marie, qui partit sur le champ. Lorsqu'elle arriva à Bélleff, son Auguste Belle-fille n'existait plus. Nous n'essayerons plus de décrire les dernières minutes de l'Impératrice Elisabeth. Dieu seul les connut. Le 3 au soir rien n'annonçait encore un péril extraordinaire; A l'entrée de la nuit, l'Impératrice sentit le besoin du sommeil, quelques heures après la croyant moins tranquille qu'elle ne l'avait été, on lui proposa de faire appeler les médecins, elle le défendit positivement; plus tard on crut entendre un léger gémissement et le gémissement était peut être un des cris de joie. Lorsqu'il fit jour et qu'on entra dans sa chambre, l'Auguste Princesse avait cessé de vivre. On ne sait pas le moment précis où se terminèrent sa vie et sa douleur. Elle avait tout rapporté à Dieu et Dieu la retira à Lui comme à l'insu des hommes. On eût dit qu'ils n'étaient pas dignes d'assister à ce magnifique spectacle. La derniere lutte d'un pur esprit à demi détaché de la terre, cette mystérieuse solennité dont Dieu seul fut l'ordonnateur et le témoin, et qu'il couvrit des ombres de la nuit, n'a laissé aucune trace et les hommes n'en ont point eu d'avertissement.

On trouva l'Impératrice déjà glacée par le froid de la mort, mais sa physionomie était radieuse d'un calme et d'une sérenité qui frappèrent tous les spectateurs. Elle avait même reprit cet éclat de beauté que ses souffrances avaient fait disparaître depuis longtemps. Quand on procéda à l'autopsie du corps, on trouva le coeur littéralement brisé. Ainsi le même coup qui a ravi à la Russie un Monarque, l'honneur de son peuple et du trône, a enlevé à la Russie, au monde, à l'humanité une des femmes les plus accomplies, qui aient jamais paru sur la terre. Sans doute la place qu'elle a occupée parmi nous, sera à jamais la plus distinguée et les liens qui nous l'attachaient ne sont pas rompus entièrement. On sait qu'il y a un ange de plus qui veille sur les destinées de la Russie; la vive sollicitude d'Elisabeth embrasse, n'en doutons pas, et sa terre natale, et sa patrie adoptive, et le trône dont elle a été l'ornement, et l'Auguste Famille à laquelle elle lègue d'éternels regrets. Ceux même qu'elle honora de son affection dans cette vie peuvent reposer désormais avec plus de sérenité sous l'ombre de ses ailes. Ils ont acquis un puissant intercesseur qui les protège du haut de sa nouvelle demeure.

Serge Ouvaroff.

1826.

ХРАМЪ ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

на мѣстѣ страшнаго событія 1-го марта 1881 г.

I.

По волѣ Государя Императора и всенародному желанію въ Петербургѣ будетъ построенъ храмъ Воскресенія Христова для вѣчнаго поминовенія въ Бозѣ почившаго Царя-Мученика, Благодѣтеля Россіи, Государя Императора Александра II-го. Мѣсто это, опозоренное страшнымъ преступленіемъ, да будетъ освящено молитвами всей Россіи.

Подобно женамъ мироносицамъ, принесшимъ на гробъ Христовъ драгоцѣнное міро и ароматы, чтобы помазать тѣло Іисусово, и мы принесемъ наши дары на жертвенникъ Святаго Храма и на мѣсто пролитія крови новаго мученика Царя-Освободителя. Первая жертва уже принесена Помазанникомъ Божіимъ, Благочестивѣйшимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ. Мы увѣрены, что за Вождемъ своимъ послѣдуетъ и вся земля русская и принесетъ свои посильные дары и сокровища; поставитъ здѣсь мѣстно чтимыя святыя иконы, зажжетъ предъ ними неугасимыя лампады на вѣчныя времена, во свидѣтельство любви и теплоты сердечной къ Царю-Освободителю и Престолу. Пусть эти свѣтильники горятъ и не угасаютъ! Пусть просвящаютъ они и отгоняютъ всякую тьму отъ земли русской! Они останутся завѣтомъ послѣдующимъ вѣкамъ. Сюда будутъ приходить скорбящіе и обремененные скорбями, они будутъ у этой окровавленной Царскою кровью плиты почерпать себѣ силы.

Этотъ храмъ будетъ имѣть особенное значеніе въ землѣ русской; сюда будетъ допущено все православное духовенство для

совершенія безкровной жертвы и поминовенія незабвеннаго Царя и Мученика.

Членъ строительной коммисіи, настоятель Троицко-Сергіевской пустыни

Архимандритъ Игнатій.

II.

Во избѣжаніе встрѣчающихся недоразумѣній, кому именно принадлежитъ Высочайше утвержденный проектъ храма Воскресенія Христова, мы считаемъ обязанностію заявить, что первоначальная идея дана священно-архимандритомъ Свято-Троицко-Сергіевской обители Игнатіемъ, а проектъ составленъ всецѣло академикомъ Альфредомъ Парландъ.

Покорнѣйше просимъ редакціи всѣхъ журналовъ принять нашу общую подпись подъ рисункомъ храма, гдѣ таковой появится.

Архимандритъ Игнатій, академикъ А. Парландъ.

Ноября 29-го 1883 года.

III.

Рисунокъ Высочайше утвержденнаго проекта храма Воскресенія Христова въ С.-Петербургѣ, на мѣстѣ злодѣянія 1-го марта 1881 г., помѣщенъ при „Русской Старинѣ“ изд. 1883 г., т. XL, книга одинадцатая, ноябрь. Ред.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЙ И ВПЕРВЫЕ ИЗДАННЫЙ ЕГО ПОРТРЕТЪ

1840.

Профильный портретъ Михаила Юрьевича Лермонтова, приложенный при этой книгѣ «Русской Старины» изд. 1884 г., сдѣланъ карандашомъ поручикомъ артиллеріи барономъ Дитрихомъ Паленымъ въ 1840 году, во время экспедиціи генерала Галафѣева въ малую Чечню за Сулакъ. Послѣ сраженія при «Валерикѣ», такъ поэтически описаннаго Лермонтовымъ, отрядъ генерала Галафѣева нѣсколько дней, отъ 17-го приблизительно до 22-го или 23-го іюля, стоялъ у Міатлинской переправы. Переправа эта была устроена еще при Ермоловѣ и для защиты ея воздвигнутъ блокгаузъ, въ то время еще существовавшій. Въ эти-то дни въ палаткѣ подполковника генеральнаго штаба барона Льва Васильевича Россильёна, оберъ-квартирмейстера отряда, баронъ Паленъ нарисовалъ цѣлый рядъ портретовъ участниковъ экспедиціи. Всѣ портреты были сдѣланы карандашемъ въ профиль. Между прочими у барона Россильёна сохранились портреты М. Ю. Лермонтова, кн. Долгорукаго (убитаго потомъ на дуэли кн. Яшвилемъ), офицера генеральнаго штаба Индреніуса, Сергѣева, Фрейтага, Евреинова, доктора Нота и др. Всѣ они находили сходство несомнѣннымъ.

Этотъ профильный портретъ Лермонтова чрезвычайно важенъ для скульптора, такъ какъ безъ профильнаго портрета, особенно, когда не существуетъ маски, едва ли мыслима лѣпка похожаго бюста.

Что касается до сходства портрета, сдѣланнаго барономъ Паленымъ, то я долженъ замѣтить, что показывалъ его секунданту и пріятелю покойнаго поэта, кн. Александру Илларіоновичу Васильчикову (нынѣ покойному), не говоря чей портретъ, и онъ тотчасъ узналъ Лермонтова. То же произошло, когда я показывалъ карандашный портретъ товарищамъ Лермонтова: ген.-адъютанту А. Л. Потапову, Д. А. Столыпину и двоюродному брату Михаила Юрьевича А. И. Шанъ-Гирею [1]).

Извѣстный скульпторъ г. Опекушинъ, въ началѣ 1883 года посѣтившій меня въ Дерптѣ, просматривая мою, довольно полную, коллекцію портретовъ Лермонтова, не замедлилъ обратить особенное вниманіе на профильный портретъ. Г. Опекушинъ тогда же написалъ

---

[1]) О портретѣ этомъ впервые сообщилъ я въ замѣткѣ своей по поводу памятника Лермонтову, „Голосъ“ 1882 г., № 305. П. В.

замѣтку въ «Новомъ Времени» (№ 305, 11-го марта 1883 г.), гдѣ, между прочимъ, выразился такъ:

«Но самое любопытное и важное для скульптуры это портретъ поэта въ профиль, сдѣланный карандашомъ въ 1840 году во время экспедиціи на Кавказѣ. Тщательно сравнивъ его съ вышеупомянутыми портретами (художникъ раньше говорилъ о другихъ), я долженъ признать въ немъ большое сходство... Профильный портретъ весьма важенъ и даже необходимъ при лѣпкѣ бюста. Маски съ умершаго поэта снято не было».

Въ виду всего этого кажется можно признать нынѣ впервые изданный ред. «Русской Старины» портретъ поэта Лермонтова за весьма схожій. Онъ исполненъ по снятой на дерево фотографіи гравером-художникомъ Ив. Ив. Матюшинымъ и исполненъ весьма старательно. Сравнивая его снимокъ-гравюру съ карандашнымъ оригиналомъ, я съ своей стороны долженъ признать безукоризненность исполненія.

Пав. А. Висковатый.

Открытіе Лермонтовскаго Музея

18 декабря 1883 г.

Въ этотъ день въ зданіи Николаевскаго кавалерійскаго училища,—бывшая школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ,—въ С.-Петербургѣ, открытъ въ память безвременно погибшаго геніальнаго русскаго поэта Музей его имени. Составъ и назначеніе его уже извѣстны читателямъ „Русской Старины“ изъ письма къ ея редактору отъ учредителя музея—А. А. Бильдерлинга. (1883 г. кн. XII). Торжество открытія было скромное, но производило въ высшей степени отрадное впечатлѣніе. Кромѣ небольшого кружка военныхъ, также всего собранія молодыхъ людей, нынѣшнихъ воспитанниковъ училища, собралась группа редакторовъ и писателей: маститый патріархъ русской журналистики, одинъ изъ ближайшихъ друзей Лермонтова—А. А. Краевскій, М. И. Семевскій, М. М. Стасюлевичъ, А. Н. Пыпинъ, В. П. Гаевскій, товарищъ Лермонтова по службѣ—ген. Арнольди, и нѣкот. друг. Послѣ молебствія и за нимъ возгласа о вѣчномъ упокоеніи души раба Божьяго Михаила, совершено окропленіе святою водою музея и послѣдовало краткое, но вполнѣ живое, прекрасное слово А. А. Бильдерлинга.

Музею отведено очень хорошее зало; стѣны украшены портретами Лермонтова, его родителей, его предковъ, его современниковъ; вдоль стѣнъ стоятъ витрины съ разложенными въ нихъ манускриптами, автографами, корректурами, изданіями, нотами, наконецъ разными предметами, имѣющими отношеніе къ Лермонтову. На стѣнахъ нѣсколько живописныхъ картинъ, принадлежащихъ кисти Лермонтова, маски съ его лица, и проч. и проч.

Этотъ музей съ его безцѣнными коллекціями—превосходнѣйшій памятникъ, созданный усиліями русскаго современнаго общества великому нашему поэту. Надо именно отдать полную справедливость тому, съ какимъ живѣйшимъ сочувствіемъ отнеслись всѣ, кто только чѣмъ-нибудь владѣлъ изъ книгъ, рукописей, портретовъ и картинъ Лермонтова, къ устройству „Лермонтовскаго музея“. Онъ весь составленъ изъ частныхъ приношеній.

Пожелаемъ ему дальнѣйшаго преуспѣянія. **В.**

Поступилъ въ продажу прекрасно изданный и посвященный
Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру III

АЛЬБОМЪ
ВѢНЧАНІЯ НА ЦАРСТВО РУССКИХЪ ГОСУДАРЕЙ

начиная съ перваго государя изъ дома Романовыхъ—царя Михаила Ѳеодоровича (1613), до **Государя Императора Александра Александровича** (1883) включительно,

заключающій въ себѣ 36 печатныхъ листовъ большаго формата (in folio) съ 216 изящно исполненными рисунками.

Въ текстѣ альбома **(на русскомъ и французскомъ языкахъ)** подробно изложены всѣ факты, касающіеся великаго акта вѣнчанія на царство русскихъ государей, а изящно исполненные рисунки даютъ наглядное понятіе о величіи и торжественности, имѣвшихъ мѣсто на этихъ высочайшихъ торжествахъ земли русской.

Торжество св. коронованія **Государя Императора Александра Александровича** описано съ мельчайшими подробностями.

Альбомъ этотъ, единственный въ своемъ родѣ и имѣющій большое историческое значеніе, близкое каждому русскому, напечатанъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ; поэтому, желающихъ пріобрѣсти его на память о недавно совершившемся величайшемъ событіи, просятъ не замедлить присылкою своего требованія.

ЦѢНА АЛЬБОМА:

Въ бумажкѣ—10 рублей; съ пересылкою 12 руб.

Въ изящномъ каленкоровомъ переплетѣ, съ золотыми тисненіями и обрѣзомъ—14 руб.; съ пересылкою 17 руб.

Въ шагреневомъ переплетѣ, съ золотыми тисненіями и обрѣзомъ—16 руб.; съ пересылкою 19 руб.

На китайской веленевой бумагѣ, въ роскошномъ шагреневомъ переплетѣ, съ золотыми тисненіями и обрѣзомъ—18 руб.; съ пересылкою 22 рубля.

Книгопродавецъ-издатель **Германъ Гоппе.**

О ГРУЗИНСКИХЪ УЧЕБНИКАХЪ.

Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго по всеподданнѣйшему докладу бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Игнатьева, 27-го марта 1882 года, открыта подписка по имперіи въ память въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, для сбора добровольныхъ пожертвованій на пріобрѣтеніе грузинскихъ учебниковъ по Закону Божію и математикѣ, почерпнутыхъ изъ русскихъ образцовыхъ источниковъ, и на продолженіе означеннаго изданія въ пользу бѣднѣйшихъ грузинскихъ народныхъ школъ, лишенныхъ возможности пріобрѣтать учебныя пособія на свои средства. Пожертвованныя деньги вмѣстѣ съ подпискою имѣютъ быть отправлены въ министерство народнаго просвѣщенія. При этомъ авторъ этихъ учебниковъ заявляетъ, что, благодаря общественной благотворительности, до сихъ поръ уже роздано бѣднѣйшимъ воспитанникамъ грузинскихъ народныхъ школъ до 6,000 даровыхъ учебниковъ.

О ПОДПИСКѢ НА 1884 ГОДЪ

НА

„НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ“,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

XVIII годъ.

„Новый Русскій Базаръ“ въ 1884 г. будетъ выходить и разсылаться по прежнему четыре раза въ мѣсяцъ, т. е. въ количествѣ 48 нумеровъ (24 модныхъ и 24 литературныхъ), каждый отъ 1-го до 2-хъ листовъ самаго большаго формата (in-folio) въ трехъ изданіяхъ, различающихся единственно по числу парижскихъ модн. раскрашенныхъ картинокъ. Каждый подписчикъ I-го изданія получаетъ ежемѣсячно одну раскр. картинку — 1 числа; II-го изд. — двѣ въ мѣсяцъ, 1 и 15 чиселъ; и III-го изд. — четыре, т. е. одну раскрашенную картинку съ каждымъ №.

Давая массу рисунковъ и описаній, какъ домашнихъ нарядовъ, такъ и костюмовъ для баловъ, визитовъ, вечеровъ, гулянья, маскарадовъ и проч., всякаго бѣлья и всевозможныхъ принадлежностей дамскаго и дѣтскаго туалета, „НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ“ помѣщаетъ своевременно все, что выходитъ новаго и замѣчательнаго въ области моды.

24 модныхъ нумера въ годъ: около 3,000 рисунковъ парижскихъ модъ, дамскихъ туалетовъ, нарядовъ, разнаго бѣлья, обуви, уборовъ, шляпъ, прическъ, дамскихъ костюмовъ и проч., и всевозможныхъ дамскихъ рукодѣлій и работъ, до 800 выкроекъ въ натуральную величину на 24 большихъ листахъ, изящно раскрашенныя парижскія модныя картинки, 24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.

24 литературныхъ нумера въ годъ съ роскошными иллюстраціями, составляющіе какъ бы отдѣльный иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія, съ разнообразнымъ текстомъ (лучшіе романы, разсказы, повѣсти, стихотворенія, ноты, смѣсь (новости по женскому дѣлу), анекдоты, мысли, шарады и проч.).

Гг. подписчики получаютъ также нѣсколько безплатныхъ приложеній: раскрашенные узоры и проч.

О безплатной преміи къ „Новому Русскому Базару“ на 1884 годъ будетъ объявлено въ самомъ журналѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

							безъ дост.	съ дост.	съ перес.
I-му	изданію,	съ 12	раскрашен.	париж.	модными	картинк.	6 р.,	7 р. 50 к.	8 р.
II-му	»	» 24	»	»	»	»	7 »	8 » 50 »	9 »
III-му	»	» 48	»	»	»	»	9 »	10 » 50 »	11 »

Подписка принимается въ конторѣ издателя ГЕРМАНА ГОППЕ: въ С.-Петербургѣ — на Большой Садовой ул., д. Коровина, № 16. Въ Москвѣ — на Кузнецкомъ Мосту, д. 15.

„Модный Свѣтъ и Модный Магазинъ“ выходитъ и разсылается четыре раза въ мѣсяцъ.

О ПОДПИСКѢ НА 1884 ГОДЪ НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ

И

МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ

(самый полный и дешевый модный и семейный иллюстрированный журнал въ Россіи).

Съ 1-го января 1884 года „Модный Свѣтъ“ начнетъ XVII годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ и МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ“ въ 1884 году будетъ выходить также въ трехъ изданіяхъ,

въ количествѣ 48 нумеровъ въ годъ, съ 24-мя экстренными приложеніями новѣйшихъ парижскихъ модъ

И БУДЕТЪ ЗАКЛЮЧАТЬ ВЪ СЕБѢ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА:

Болѣе 3,000 рисунковъ модныхъ платьевъ, костюмовъ, пардессю, пальто рукодѣлій и проч. въ текстѣ, и проч.

Подписчикамъ „Моднаго Свѣта и Моднаго Магазина“ на 1884 годъ Редакція дастъ слѣдующія безплатныя преміи:

1) **Руководство кройки.** Выпускъ первый, со многими рисунками.

2) **Дамскій календарь на 1885 г.** со многими практич. и полезными свѣтами, памятнымъ листкомъ и проч. и проч.

3) Для подписчиковъ на III-е изданіе—**12 нумеровъ „Дѣтскаго отдѣла“** со многими рисунками, вырѣзными выкройками, интереснымъ чтеніемъ для дѣтей, задачами, загадками, шарадами и проч., и проч.

Цѣна годовому изданію «Моднаго Свѣта и Моднаго Магазина» на 1884 г.

I изданію, съ 12 раскрашенн. парижск. картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—5 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. имперіи 7 р.

II изданію, съ 24 раскрашен. парижск. картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ достав. — 6 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ— 7 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. имперіи 8 руб.

III изданію, съ 36 раскрашен. парижск. картинками, 12 №№ „Дѣтскаго отдѣла“ и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ достав.—8 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—9 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи 10 р.

Редакція „Моднаго Свѣта“ въ Спб., Большая Садовая ул., д. № 16, противъ Гостинаго Двора.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1884 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

„ОСКОЛКИ“

(ГОДЪ IV)

подъ редакціей и при постоянномъ участіи

Н. А. ЛЕЙКИНА.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ «Осколки», вступая въ ЧЕТВЕРТЫЙ годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1884 г. подъ той же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

Въ 1883 году въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимали участіе:

К. С. Баранцевичъ, П. В. Быковъ, Г. Л. Граве, И. Гренъ (псевдонимъ), А. Ф. Кони (Классикъ), И. Ланской (псевдонимъ), Н. С. Лѣсковъ, В. О. Михневичъ (Ко... менскій Кандидъ), В. И. Немировичъ-Данченко, Л. И. Пальминъ, С. Н. Терпигоре... (Сергѣй Атава), Д. Д. Тогольскій, (Дядя Митяй), Н. В. Успенскій, Ф. В. Чер... говецъ, Ан. П. Чеховъ (А. Чехонте) и др.

Рисунки были исполнены художниками:

Н. А. Богдановымъ, А. И. Лебедевымъ, М. М. Лилинымъ, М. Е. Мальцевы... М. О. Микѣшинымъ, В. И. Порфирьевымъ, А. Г. Сластіоновымъ, С. И. Эрбергомъ и ...

Журналъ «Осколки» издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій на ху... шей бумагѣ и даетъ еженедѣльно четыре страницы юмористическихъ и кари... катурныхъ рисунковъ, какъ раскрашенныхъ, такъ и черныхъ, и четыре стр... ницы текста убористой печати. Ежегодное изданіе составитъ 52 нумера.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

На годъ безъ перес. . . . 6 р.	На 6 м. съ перес. и дост. . 4 р.
» » съ перес. и дост. . 7 »	Отдѣльный № 20 к.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, Николаевская ул., д. № 10; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Л. Ва... сильева, Страстной бульваръ, д. графа Мусина-Пушкина.

Допускается разсрочка подписныхъ денегъ черезъ гг. казначеевъ и по личному соглашенію съ конторою редакціи.

Редакторы-Издатели Н. А. Лейкинъ и Р. Гелике.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ пятнадцатый. ФЕВРАЛЬ. 1884 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Записки сенатора Я. А. Соловьева** о крестьянскомъ дѣлѣ, 1858—1859 гг. Глава восьмая . . . 241

II. **Крестьянское дѣло въ Главномъ Комитетѣ** объ устройствѣ сельскаго состоянія, 1861—1882 гг. 277

III. **Къ собранію портретовъ главныхъ дѣятелей по крестьянской реформѣ**, 1857—1861 гг. . . 288

IV. **Иванъ Ивановичъ Ползуновъ**, изобрѣтатель первой въ Европѣ паровой машины въ 1764—1766 гг. Сообщ. А. Н. Воейковъ и О. Ѳ. Николаи. . . . . 289 и 301

V. **Декабристы на Кавказѣ** въ 1826—1850 гг. Записки Мих. Ив. Пущина. Сообщ. бар. А. Е. Розенъ. 303

VI. **Дневникъ Вильгельма Карловича Кюхельбекера**; 1831 — 1845 гг. Въ крѣпости Свеаборгѣ: 1834 г. 339

VII. **Петербургская старина.** Новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1799 г. . . . 363

VIII. **Императоръ Павелъ Петровичъ** и его время, 1798—1800 гг. . 371

IX. **Морской кадетскій корпусъ.** Изъ воспоминаній Николая Александровича Энгельгардта, 1822—1829 гг. 375

X. **Война съ польскими мятежниками въ 1831 г.** въ перепискѣ императора Николая I съ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. 381

XI. **Судебный эпизодъ изъ Остзейскаго края.** 1849—83 гг. Сообщ. А. Ч. 401

XII. **Князь Мих. Дм. Горчаковъ.** Записка его о мѣрахъ обороны Россіи въ декабрѣ 1860 г. . . 407

XIII. **Рукописи А. С. Пушкина**, хранящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ. Сообщ. Вячеславъ Евг. Якушкинъ. .

XIV. **Кн. Петръ Андр. Вяземскій Юрій Ѳедор. Самаринъ.** Письма А. О. Россетти . . . . .

XV. **Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ**, 1845 — 1849 гг. (Окончаніе) . . . .

XVI. **Матеріалы и замѣтки:** Приказъ Я. И. Ростовцева, 1857 г. (400). — Севастопольская пѣсня, 1855 г. (455). — Николай I въ Геленджикѣ, 1837 г. (458). — Печатное дѣло въ Петербургѣ въ 18[illegible] — 1811 гг. (458). — Седморацкій (459). — О возобновленіи памятника Артемію Волынскому (460).

XVII. **Библіографическій листокъ.**

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя **Константина Николаевича**, — геліогравюра, исполненная художникомъ г. Скамони. Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, съ фотографіи, исполненной тамъ. съ натуры, въ 1876 г.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1884

Цѣна ДЕВЯТЬ руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, д. № 1.

1884.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 188[illegible]

торическіе дѣятели юго-
адной Россіи въ біогра-
хъ и портретахъ. Вып. I. Со-
ли профес. унив. св. Владиміра
. Антоновичъ и В. А. Бецъ
оллекціи В. В. Тарновскаго.
83 г. Ц. 6 р. съ пересыл. 6 р. 70 к.
стоящее изданіе задумано давно, на
ніи коллекціи, единственной въ
ъ родѣ, составляющей, такъ сказать,
й юго-западнаго края. Значительныя
ы затрачивались обладателемъ ея на
ку костюмовъ, оружія и предметовъ
ной домашней утвари XVII и XVIII сто-
, которые пріобрѣтались имъ даже за
цею. Она представляетъ этнографиче-
и археологическій интересъ, и помѣ-
ся въ селеніи Качановкѣ, Черниговъ-
губ., Борзенскаго уѣзда, и потому до-
а для немногихъ. Осуществленіе на-
аго труда много обязано энергиче-
усиліямъ самого издателя — проф.
орый обращался для пополне-
ранія и къ нашимъ столич-
никамъ, и къ заграничнымъ
издателямъ, и къ частнымъ со-
мъ, и къ печатнымъ, но рѣдкимъ
мъ. Все настоящее изданіе должно
ть изъ трехъ отдѣловъ: первый
посвященъ портретамъ и составитъ
выпусковъ, одинъ изъ которыхъ вы-
теперь; второй—описанію и изо-
нію старинныхъ предметовъ, до-
ей утвари, одежды, оружія; третій—
амъ мѣстныхъ документовъ 17, 18
столѣтій.

шедшая книга содержитъ въ себѣ
ортретовъ и біографій выборныхъ
новъ и одинъ портретъ сотника
Туталы. Біографіи составлены
Антоновичемъ, за исключеніемъ біо-
Хмельницкаго, написанной г. Ле-
ъ. Портреты отпечатаны фототипіей
тавляютъ точнѣйшія уменьшенныя
съ портретовъ коллекціи Тарнов-
написанныхъ масляными красками,
в того, сюда вошло нѣсколько гра-
изъ другихъ собраній и факсимиле
ей.

, понимающій трудности изданія
хъ сборниковъ, вполнѣ оцѣнитъ
ее предпріятіе. Все, что можно
лать, въ типографскомъ отноше-
ніи, на мѣстѣ, было принято во вниманіе, а потому любители отечественной старины найдутъ въ иллюстрированномъ сборникѣ историческихъ дѣятелей юго-западной Россіи вполнѣ добросовѣстное въ научномъ отношеніи изданіе. Пожелаемъ скорѣйшаго выхода въ свѣтъ дальнѣйшихъ выпусковъ, появленіе которыхъ, конечно, много будетъ зависѣть отъ сочувствія новому предпріятію, сопряженному съ большими трудностями, въ особенности въ провинціи. Мы слышали, что издатель намѣренъ предпринять и другое подобное изданіе, подъ заглавіемъ: «Кіевская живописная старина».

Письма Сопикова къ К. Ѳ. Калайловичу. Сообщилъ И. Шляпкинъ. Спб. 1883. Ц. 15 к.

Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу, съ поясненіями С. И. Пономарева. Спб. 1882.

Первая изъ этихъ статей составляетъ приложеніе къ XLV т. Записокъ Ак. наукъ; вторая вошла въ Сборникъ ак. н. Письма выдающихся дѣятелей имѣютъ большой историческій интересъ, касаясь текущихъ явленій и отношеній общественной жизни, не всегда бросающихся въ глаза, не всѣми замѣчаемыхъ и нерѣдко выясняющихъ болѣе сокровенныя нити историческихъ событій. Письма Сопикова имѣютъ вполнѣ литературный и библіографическій интересъ: въ нихъ разсѣяно не мало извѣстій объ изданіяхъ, литературныхъ произведеніяхъ и писателяхъ за первую четверть XIX вѣка. Письма Погодина — разнообразнѣе, хотя также они сосредоточиваются преимущественно на литературѣ и умственныхъ интересахъ 1832—1873 гг. Въ числѣ ихъ есть мѣткія мѣста объ университетахъ въ старое и въ наше время. Если авторъ писемъ рѣзко судитъ объ этомъ послѣднемъ, то, какъ свидѣтель длиннаго прошлаго, онъ понимаетъ и причины разстройства, лежавшія отчасти въ самой исторіи учрежденій, отчасти въ тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ они были поставлены потомъ, въ своемъ новомъ видѣ. Изъ всего этого выводъ тотъ, что однимъ уставамъ нельзя придавать всесуществляющаго значенія и что полезно бываетъ въ такихъ случаяхъ справляться съ исторіею. Откровенныя признанія автора подтверждаютъ также, что тридцатые года

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ [1]).

Губернаторскіе отзывы, министерскія соображенія и утвержденныя начала уѣздныхъ учрежденій.

1858—1859.

I.

Положеніе партій.—Сущность разосланныхъ губернаторамъ главныхъ началъ уѣздныхъ учрежденій.—Дѣло составленія сводовъ изъ губернаторскихъ отзывовъ поручается мнѣ.—Общее неодобреніе „главныхъ началъ“.

Въ предъидущихъ главахъ моихъ записокъ я довелъ разсказъ собственно о крестьянскомъ дѣлѣ до учрежденія редакціонныхъ коммисій. Изъ этого разсказа было видно, что внезапная, совершенно неожиданная, но твердая рѣшимость Государя до того поразила представителей помѣщичьей охранительной партіи, что у нихъ не достало ни умѣнья, ни силы помѣшать выговорить роковыя для нихъ слова: „освобожденіе крестьянъ“. Затѣмъ эта партія старалась представить приведенныя слова и самое дѣло знаменемъ общаго революціоннаго движенія въ Россіи.

Усиленный говоръ около Государя и громкій ропотъ внутри Россіи помѣщичьей партіи не остались безъ вліянія на ходъ дѣла. Слово „освобожденіе“ было вычеркнуто изъ всѣхъ документовъ и замѣнено выраженіями „устройство“ или „улучшеніе быта крестьянъ“. Сообразно измѣненію словъ, измѣнилось и направ-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, февраль, стр. 319—362; изд. 1881 г., т. XXX, мартъ, стр. 211—264; апрѣль, стр. 721—756; томъ XXXI, май. стр. 1—32; изд. 1882 г., т. XXXIII, январь, стр. 227—258; мартъ, стр. 561—596; т. XXXIV, апрѣль, стр. 105—154; май, стр. 389—426; т. XXXVI, октябрь, стр. 131—154; ноябрь, стр. 221—252; изд. 1883 г., т. XXXVII, февраль, стр. 259—290; мартъ, стр. 579—614.

леніе дѣла. Охранительная партія торжествовала побѣду, предполагая, что радикальное разрѣшеніе вопроса вновь будетъ отложено на неопредѣленное время.

Но ей скоро пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ. Рѣчи Государя къ дворянамъ, личное его выраженіе при разныхъ случаяхъ и въ разныхъ мѣстахъ неудовольствія представителямъ реакціоннаго направленія, неудобныя попытки устранить отъ дѣла С. С. Ланскаго, представившаго Государю ходъ дѣла въ настоящемъ видѣ, а не въ томъ, въ какомъ желала его выставить охранительная партія, энергическое содѣйствіе министерства внутреннихъ дѣлъ прогрессивному меньшинству, постоянное противодѣйствіе министерства стремленію къ превратному толкованію высочайше утвержденныхъ началъ, открытое и прямое преслѣдованіе злоупотребленій помѣщичьей власти и одобреніе всѣхъ этихъ дѣйствій Государемъ,—все это мало по малу уменьшало надежды крѣпостной партіи. Но надежды эти окончательно были поколеблены со времени вступленія Я. И. Ростовцева въ ряды прогрессивной партіи, предводителемъ которой онъ сдѣлался затѣмъ.

Предметъ настоящей главы заставляетъ меня обратиться назадъ: къ тому времени, когда реакціонная партія, послѣ нѣсколькихъ, разъ за разомъ одержанныхъ побѣдъ, собиралась вполнѣ овладѣть полемъ сраженія. Но въ дѣлѣ образованія новыхъ уѣздныхъ учрежденій, реакціонной правительственной партіи также суждено было потерпѣть пораженіе. Замѣчательно только, что здѣсь противъ реакціоннаго правительственнаго направленія были не только прогрессисты, но и старовѣры; а въ числѣ пораженныхъ были не только Муравьевъ и графъ Панинъ, но и Я. И. Ростовцевъ, который въ этой борьбѣ послѣдній положилъ оружіе.

Въ одной изъ предъидущихъ главъ я разсказалъ послѣдовательно ходъ дѣла о предположеніяхъ относительно преобразованія уѣздныхъ учрежденій и окончилъ разсказъ тѣмъ, что высочайше одобренныя предположенія по этому предмету были разосланы губернаторамъ при циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ (отъ 16 мая 1858 г.), съ тѣмъ, чтобы „они доставили... никакъ не позже 1 августа... заключенія... о возможности, способахъ и порядкѣ примѣненія сообщенныхъ имъ главныхъ началъ будущаго устройства: 1) уѣзднаго управленія и полиціи и 2) учрежденій

для разбора недоразумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами". Сущность предположенныхъ началъ для „уѣзднаго управленія и полиціи" заключалась въ томъ, что бывшіе въ то время земскіе суды и городническія правленія соединялись въ одно „уѣздное управленіе", во главу котораго ставился „уѣздный начальникъ", съ отношеніемъ должности его къ V-му классу. Но соединеніе это было механическое; такъ что уѣздное управленіе должно было состоять изъ двухъ отдѣловъ полиціи: земской (прежній земскій судъ) и городской (прежнее городническое правленіе); каждымъ изъ этихъ отдѣловъ должны были завѣдывать: земскій исправникъ—первымъ отдѣломъ, а городничій—вторымъ. Всѣ чиновники другихъ мѣстныхъ управленій разныхъ министерствъ подчинялись уѣздному начальнику. Ему не подчинялся только одинъ уѣздный предводитель, и должность сего послѣдняго причислялась къ тому же V-му классу; но и предводитель обязанъ былъ исполнять безпрекословно требованія уѣзднаго начальника, такъ что равенство ихъ было бы только номинальное.

Предполагалось также, что уѣздное управленіе не будетъ состоять подъ указами уѣзднаго суда, какъ состоялъ земскій судъ и городническое правленіе. Становые пристава переименовывались въ „становыхъ исправниковъ", въ должности которыхъ предполагалось опредѣлять преимущественно отставныхъ военныхъ офицеровъ.

Первую инстанцію „для разбора недоумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами", по сообщеннымъ губернаторамъ главнымъ началамъ, составляли „мировые судьи", избираемые помѣщиками изъ среды себя; но уѣздному начальнику давалось право представлять о неутвержденіи избранныхъ кандидатовъ „по неодобрительному поведенію". Въ „уѣздной расправѣ", — второй инстанціи для дѣлъ между помѣщиками и крестьянами, — предсѣдательствовалъ тотъ же уѣздный начальникъ; членами расправы предполагалось назначить двухъ выборныхъ засѣдателей: одного изъ дворянъ и одного отъ крестьянъ; но дѣла должны были рѣшаться: или единогласно, или по большинству голосовъ въ такомъ только случаѣ, когда съ однимъ изъ засѣдателей былъ согласенъ предсѣдатель (уѣздный начальникъ). Если же большинство состояло изъ мнѣнія двухъ засѣдателей, то дѣло рѣшалось въ соединенномъ присутствіи уѣздной расправы и уѣзднаго суда, подъ

предсѣдательствомъ уѣзднаго начальника. Третья инстанція,— по предложеннымъ началамъ, — была „губернская расправа", и, подъ предсѣдательствомъ губернатора, состояла: изъ губернскаго предводителя дворянства, управляющаго палатой государственныхъ имуществъ и губернскаго прокурора.

Въ циркулярѣ отъ 16 мая, при которомъ были разосланы упомянутыя предположенія, написанномъ въ Главномъ Комитетѣ, хотя и подписанномъ министромъ, между прочимъ, было сказано, что уѣздному управленію должно быть дано такое устройство и значеніе, которыя могли бы быть вѣрнымъ ручательствомъ точнаго выполненія какъ крестьянами, такъ и помѣщиками обязанностей, кои на нихъ будутъ возложены.

Въ томъ же засѣданіи Главнаго Комитета, подъ предсѣдательствомъ самого Государя, въ которомъ были одобрены начала уѣздныхъ учрежденій и утвержденъ проектъ циркуляра съ препровожденіемъ этихъ началъ къ губернаторамъ, рѣшено было возложить на министерство внутреннихъ дѣлъ: по полученіи отъ начальниковъ губерній соображеній и замѣчаній по предполагаемому устройству уѣздныхъ учрежденій—„составить общій имъ сводъ, который, по надлежащемъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніи, и имѣетъ быть внесенъ въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу".

Изъ этого видно, что губернаторскіе отзывы должны были сосредоточиваться въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; но наше положеніе въ этомъ дѣлѣ, также какъ и вообще, было незавидное: во первыхъ потому, что вопросъ былъ уже предрѣшенъ; во вторыхъ потому, что на насъ смотрѣли подозрительно и самъ министръ чуть-было не потерялъ мѣсто по поводу вопроса о генералъ-губернаторахъ; въ третьихъ потому, что на насъ возлагалась только обязанность составить общій сводъ губернаторскихъ соображеній и замѣчаній. Кромѣ того, этотъ сводъ мы обязаны были внести въ Главный Комитетъ, по сношеніи съ графомъ Панинымъ и Муравьевымъ, слѣдовательно по сношеніи съ двумя изъ трехъ опекуновъ, приставленныхъ къ добрѣйшему Сергѣю Степ. Ланскому.

Работу эту министръ возложилъ на меня и на В. А. Арцимовича (составителя записки о временныхъ генералъ-губернаторахъ), который, до приступа къ работамъ, былъ назначенъ калужскимъ губернаторомъ и немедленно уѣхалъ изъ Петербурга.

Все дѣло очутилось у меня одного. Левшинъ былъ въ отсутствіи; никто изъ директоровъ не привлекался къ дѣлу; я долженъ былъ работать съ небольшими тогдашними средствами Земскаго отдѣла, состоявшими изъ ограниченнаго числа преимущественно молодыхъ неопытныхъ людей. Но прежде чѣмъ я скажу о тѣхъ мѣрахъ, которыя я принялъ для организаціи работъ и вообще для успѣшнаго исполненія возложеннаго на меня порученія, я передамъ то впечатлѣніе, которое произвели на общество высочайше одобренныя начала уѣздныхъ учрежденій.

Установленіе должности уѣзднаго начальника было такъ неудачно придумано, что немедленно, послѣ полученія циркуляра отъ 16 мая 1858 г. на мѣстахъ, общій голосъ повсемѣстно высказывался противъ такого учрежденія. Въ теченіи всего крестьянскаго дѣла, общественное мнѣніе одинъ только разъ выразилось съ полнымъ единодушіемъ. Защитниковъ разосланныхъ губернаторамъ началъ, кромѣ ихъ составителей, можно сказать, не опасаясь преувеличенія, не было никого; всѣ были противъ этихъ началъ. Предполагавшееся учрежденіе должности уѣзднаго начальника затрогивало интересы всѣхъ слоевъ общества, людей всѣхъ убѣжденій. Крайніе „крѣпостники“ сходились въ мнѣніи объ этомъ съ крайними эманципаторами или такъ называвшимися „красными“; ловкіе уѣздные чиновники были одного мнѣнія съ губернаторами, генералъ-губернаторами и министрами; мелкопомѣстные помѣщики были согласны въ мнѣніи съ крупными землевладѣльцами. Въ то время разноголосицы, невозможно было придумать ни одного другого предмета, въ мнѣніяхъ о которомъ было бы такое общее единодушіе. А. И. Левшинъ, посѣщавшій въ то время нѣсколько губерній, писалъ мнѣ, что „проектъ уѣзднаго управленія встрѣченъ вездѣ со страхомъ и трепетомъ“; о чемъ онъ докладывалъ Государю во время представленія его въ одномъ изъ тѣхъ губернскихъ городовъ, которые онъ посѣтилъ лѣтомъ 1858 года. Государь отвѣтилъ, что „слышалъ тоже отъ другихъ и считаетъ это дѣло только проектомъ“. Самарскій губернаторъ, который, препровождая ко мнѣ, при частномъ письмѣ, копію съ мнѣнія его о новомъ уѣздномъ управленіи, прибавлялъ: „оно написано не красно, но заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя истины, которыя Балкашинъ“ (исправляющій должность оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора) „можетъ быть не рѣшится

сообщить министру; говорятъ, что все это уже рѣшено, и потому мой отзывъ будетъ вѣроятно голосомъ въ пустынѣ. Въ такомъ случаѣ дѣлать нечего, остается подчиниться силѣ и необходимости; но врядъ ли будетъ это хорошо и для правительства, и для народа. Куда же дѣваться бѣднымъ гражданскимъ губернаторамъ: и сверху, и снизу будетъ военное управленіе, которое едва ли будетъ обращать вниманіе на законность и справедливость. И теперь такъ тяжело исполнять добросовѣстно губернаторскія обязанности; а при новомъ порядкѣ будетъ вдвое труднѣе. Откуда взять опытныхъ уѣздныхъ начальниковъ, мировыхъ судей и проч. Мнѣ кажется, намъ надо думать объ уменьшеніи числа должностныхъ лицъ и объ усиленіи ихъ средствъ къ честному содержанію и образованію себя. Количество ни къ чему не поведетъ и увеличитъ только произволъ, взяточничество и воровство". Подобный же неодобрительный отзывъ о началахъ уѣздныхъ учрежденій я получилъ изъ Владиміра отъ Гаврилова, который былъ отголоскомъ прогрессивной партіи.

Вообще всѣ понимали, что съ учрежденіемъ должностей уѣздныхъ начальниковъ и военныхъ становыхъ исправниковъ, будетъ неудобно, трудно и не безопасно жить въ уѣздѣ и въ городѣ. А. И. Левшинъ совершенно справедливо выразился, что правительственный проектъ повсемѣстно былъ встрѣченъ „со страхомъ и трепетомъ". Легко было уразумѣть, что съ введеніемъ въ дѣйствіе этого проекта возродится древнее воеводское управленіе; уѣздному начальнику, точно также какъ прежнему воеводѣ, предполагалось предоставить всецѣло и безконтрольно: управленіе, полицію, судъ и расправу. Это было общее тяжелое впечатлѣніе, которое произвели въ столицахъ и губерніяхъ разосланныя предположенія правительства объ уѣздномъ управленіи; но, кромѣ того, каждое изъ подраздѣленій общества, по своимъ спеціальнымъ интересамъ, не могло не страшиться новыхъ уѣздныхъ учрежденій.

Помѣстное дворянство видѣло въ проектѣ нарушеніе его правъ: не только избираемый имъ начальникъ уѣздной полиціи (земскій исправникъ) подчинялся вполнѣ правительственному чиновнику, но даже представитель дворянства (уѣздный дворянскій предводитель), который тогда, какъ и теперь, занималъ первое мѣсто въ уѣздѣ, отодвигался на второй планъ и въ нѣкоторой степени подчинялся уѣздному начальнику. Помѣщики всѣхъ оттѣнковъ

мнѣній опасались, и весьма основательно, что назначенные въ уѣздные начальники флигель-адъютанты и камеръ-юнкеры не будутъ знакомы ни съ бытомъ народа, ни съ особенностями мѣстныхъ хозяйственныхъ условій. Владѣльцы населенныхъ имѣній, желающіе освобожденія крестьянъ, также какъ и всѣ прогрессивные люди, не могли не бояться за успѣхъ дѣла, ввѣреннаго въ уѣздѣ одному лицу, которое предполагалось облечь произвольною, почти ничѣмъ не ограниченною, властію; между тѣмъ какъ это лицо можетъ быть явнымъ противникомъ освобожденія крестьянъ. „Крѣпостники“ выражали опасеніе, что во главѣ уѣзднаго управленія съ такимъ обширнымъ уполномочіемъ могутъ очутиться „красные“, которые будутъ вести дѣло въ явный ущербъ помѣщичьихъ интересовъ.

Служащіе всѣхъ ранговъ, всѣхъ должностей и всѣхъ многоразличныхъ направленій сходились въ общемъ чувствѣ неудовольствія и страшились: кто за свою судьбу, кто за потерю власти, кто за то или другое направленіе дѣлъ. Мелкіе чиновники и мелкопомѣстные дворяне, изъ которыхъ обыкновенно вербовались становые пристава, негодовали за то, что имъ предпочитаютъ отставныхъ военныхъ, а самимъ становымъ приставамъ грозила опасность лишиться тѣхъ мѣстъ, которыя они занимали и которыя доставляли имъ единственное средство къ пропитанію. Первенствующіе уѣздные чиновники разныхъ вѣдомствъ не могли не бояться, что они не только потеряютъ ту каплю самостоятельности, которою они пользовались, но и потеряютъ самыя мѣста по произволу будущаго начальника уѣзда. Первые послѣ губернатора и губернскаго предводителя дворянства, губернскіе чины (предсѣдатели разныхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ) оскорблялись, что уѣздные начальники ставились съ ними въ одинаковый рангъ; а совѣтники губернскаго правленія и палатъ, господствовавшіе надъ земскими исправниками и городничими, становились ниже начальниковъ уѣздовъ. Губернаторы не могли быть довольны новыми началами уѣзднаго управленія, потому что власть начальниковъ уѣздовъ возвышалась на счетъ власти начальниковъ губерній; при томъ самое опредѣленіе и увольненіе уѣздныхъ должностныхъ лицъ почти ускользали изъ рукъ губернаторовъ. Всѣ министры и директоры департаментовъ не могли помириться съ мыслію, что уѣздный начальникъ явится независимымъ отъ

нихъ (исключеніе составлялъ одинъ только министръ внутреннихъ дѣлъ) начальникомъ представителей ихъ вѣдомствъ въ уѣздѣ; отъ его вмѣшательства не исключалась даже и судебная власть.

Изъ этого обзора разнаго свойства и разныхъ степеней недовольства правительственными предположеніями объ уѣздномъ управленіи можно видѣть, что если положеніе министерства внутреннихъ дѣлъ въ предпринятомъ преобразованіи уѣздныхъ учрежденій, какъ я замѣтилъ выше, было незавидно относительно главнаго комитета и его руководителей; то взамѣнъ этого мы могли разсчитывать на полную симпатію всѣхъ слоевъ общества къ нашему либеральному направленію въ дѣлѣ разсмотрѣнія ожидавшихся губернаторскихъ отзывовъ.

Люди опытные въ бюрократическихъ пріемахъ совѣтовали мнѣ заготовить самому нѣсколько образцовыхъ отзывовъ о предположенныхъ началахъ уѣздныхъ учрежденій, и передать ихъ тѣмъ губернаторамъ, съ которыми я былъ хорошо знакомъ и на сочувствіе которыхъ къ моимъ мнѣніямъ я могъ разсчитывать. Я не воспользовался этимъ совѣтомъ, потому что на все, похожее на интригу, хотя бы съ благою цѣлію, я никогда не былъ способенъ. При томъ въ такомъ пріемѣ не настояло надобности, въ виду настроенія общественнаго мнѣнія и въ особенности крайняго несочувствія къ правительственнымъ началамъ со стороны огромнаго большинства самихъ губернаторовъ.

Задача состояла въ томъ, чтобы какъ можно лучше былъ разработанъ матеріалъ, который шелъ изъ губерній въ видѣ губернаторскихъ отзывовъ, и чтобы работа поспѣла своевременно, т. е. къ началу законодательнаго сезона. Въ то время сроки можно было считать только недѣлями и мѣсяцами на такія работы, на которыя обыкновенно истрачиваются годы. Въ особенности важно было своевременное окончаніе труда въ настоящемъ случаѣ; судя по примѣру программы и разногласныхъ съ губернаторомъ предположеній объ уѣздномъ управленіи, можно было ожидать новой попытки со стороны Я. И. Ростовцова овладѣть дѣломъ; это тѣмъ болѣе было вѣроятно, что онъ высказывалъ свои предположенія по этому предмету во „всеподданнѣйшихъ письмахъ“ и тѣмъ болѣе опасно, что предположенія эти, какъ выше было упомянуто, не могли подавать надежду на благопріятное разрѣшеніе вопроса о преобразованіи уѣздныхъ учрежденій.

II.

Предварительныя распоряженія о составленіи сводовъ, делегаты со стороны министерствъ юстиціи и государственныхъ имуществъ и образованіе особаго совѣщательнаго присутствія.

Всѣ силы Земскаго отдѣла я обратилъ на составленіе сводовъ изъ губернаторскихъ отзывовъ. Другихъ занятій для чиновниковъ въ то время было весьма мало, потому что такого рода работы, какъ записка о ссылкѣ крестьянъ въ Сибирь, по волѣ помѣщиковъ, разборъ записки о неблагопріятныхъ послѣдствіяхъ освобожденія крестьянъ, планъ разсмотрѣнія губернскихъ проектовъ и нѣкоторыя другія, я никому не поручалъ, но занимался ими самъ. Кромѣ того, по моему докладу, министръ прикомандировалъ для этой работы къ земскому отдѣлу нѣсколько молодыхъ людей изъ его чиновниковъ особыхъ порученій и изъ состоящихъ при министерствѣ. Своды эти, по ихъ изготовленіи, должно было препроводить на заключеніе двухъ министровъ: юстиціи (гр. Панина) и государственныхъ имуществъ (Муравьева). Отъ нихъ надо было ожидать, что они будутъ отстаивать тѣ начала, творцомъ которыхъ они были вмѣстѣ съ Я. И. Ростовцевымъ; слѣдовательно все вѣроятіе было предполагать, что они будутъ не содѣйствовать, а противодѣйствовать министерству внутреннихъ дѣлъ. Во всякомъ случаѣ, на составленіе заключеній двухъ министровъ потребовалось бы болѣе или менѣе продолжительное время; такое же время было бы необходимо на разборъ этихъ мнѣній, по полученіи ихъ нами. Такимъ образомъ промедленіе было бы неминуемо, а самая сущность дѣла пострадала бы отъ личныхъ пререканій и неизбѣжныхъ компромисовъ.

Для устраненія всѣхъ этихъ препятствій къ скорому и правильному ходу дѣла, было испрошено (1-го августа 1858 г.) высочайшее повелѣніе: „въ видахъ сокращенія лишней траты времени на письменныя сношенія, просить министровъ юстиціи и государственныхъ имуществъ назначить, каждому съ своей стороны, по одному чиновнику для участія въ приготовленіи вышеозначенныхъ сводовъ отзывовъ начальниковъ губерній ко внесенію въ Главный Комитетъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для подкрѣпленія себя мѣстными авторитетами и экспертами, на случай разногласія съ чиновниками, которые будутъ командированы двумя министрами, было испрошено у Государя: „привлечь къ этому труду тѣхъ губернаторовъ, которые будутъ находиться въ Петербургѣ въ продолженіи занятій по сему предмету".

Депутатами были назначены: со стороны министерства юстиціи Н. М. Колмаковъ, тогда состоявшій за оберъ-прокурорскимъ столомъ, а нынѣ (въ 1876 г.) предсѣдатель кіевской палаты гражданскаго и уголовнаго суда; а со стороны министерства государственныхъ имуществъ тотъ же камеръ-юнкеръ Э. Е. Лоде, о которомъ я упоминалъ въ одной изъ предъидущихъ главъ.

Гг. Колмаковъ и Лоде одобряли всѣ предварительно сдѣланныя мною распоряженія, которыя состояли въ томъ, что предположено было сдѣлать два отдѣльные свода губернаторскихъ отзывовъ: одинъ о началахъ уѣзднаго управленія и полиціи, а другой объ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ. Для каждаго свода была составлена программа или перечень входившихъ въ него предметовъ, въ систематическомъ порядкѣ; по каждому изъ этихъ предметовъ дѣлались выборки на особыхъ листахъ изъ отзывовъ, по мѣрѣ ихъ полученія, съ тѣмъ чтобы эти извлеченія, по доставленіи всѣхъ губернаторскихъ отзывовъ, расположить по предметамъ систематической программы въ алфавитномъ порядкѣ. Такимъ образомъ, каждый изъ сводовъ дѣлился на нѣсколько отдѣловъ, которыхъ въ одномъ сводѣ было десять, а въ другомъ двѣнадцать.

Такъ, напримѣръ, въ сводѣ отзывовъ объ уѣздномъ управленіи и полиціи были слѣдующіе отдѣлы:

1) Общія соображенія, 2) составъ, предметы вѣдомства и значеніе уѣзднаго управленія, 3) порядокъ опредѣленія уѣздныхъ начальниковъ и т. д.; въ сводѣ о мировыхъ учрежденіяхъ: 1) общія соображенія, 2) избраніе и утвержденіе мировыхъ судей,.... 8) составъ уѣздной расправы, 9) составъ губернской расправы и т. д.

Кромѣ того, представители министерствъ юстиціи и государственныхъ имуществъ одобрили мою мысль: снабдить каждый изъ сводовъ особой запиской, въ которой изложить наши собственныя „соображенія о главныхъ началахъ, вытекающія изъ губернатор-

скихъ отзывовъ". По первому нашему соглашенію, я принялъ на себя составленіе записки объ „уѣздномъ управленіи и полиціи", а Колмаковъ объ „учрежденіяхъ для разбора недоумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами".

Наконецъ, я сообщилъ имъ также, что поручено нѣсколькимъ чиновникамъ Земскаго отдѣла составленіе „свѣдѣній объ устройствѣ уѣзднаго управленія и полиціи и о кругѣ дѣйствій мировыхъ судей во Франціи, Англіи и Пруссіи".

Работа по составленію сводовъ шла одновременно въ нѣсколько рукъ; я сохранилъ за собой только главное редакторство для того, чтобы соблюсти пропорціональность въ составленіи извлеченій и однообразный характеръ стиля. Работа подвигалась впередъ быстро, по мѣрѣ поступленія губернаторскихъ донесеній, и съ составленіемъ выборовъ изъ отзыва, доставленнаго послѣднимъ губернаторомъ, работа была закончена.

Надо было торопиться печатаніемъ составленныхъ сводовъ, заручившись согласіемъ гг. Колмакова и Лоде, что было бы весьма легко; я могъ бы тогда немедленно получить разрѣшеніе на печатаніе отъ своего министра. Но я не хотѣлъ въ такомъ важномъ дѣлѣ брать отвѣтственность на одного себя, потому что мои два сотоварища изъ другихъ министерствъ не могли считаться въ такой степени отвѣтственными, какъ я, тѣмъ болѣе, что они никакого участія въ составленіи сводовъ не принимали. Кромѣ того, я былъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ человѣкомъ новымъ, между тѣмъ какъ, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, я оказался распорядителемъ дѣла, касающагося не одного Земскаго отдѣла, но и двухъ другихъ департаментовъ: полиціи исполнительной и хозяйственнаго. Коллегіальнаго присутствія земскаго отдѣла, куда могли бы быть внесены на разсмотрѣніе своды губернаторскихъ отзывовъ и куда могли бы быть приглашены директоры упомянутыхъ двухъ департаментовъ, въ то время (въ концѣ августа или началѣ сентября 1858 г.) еще не было образовано, да и самъ предсѣдатель А. И. Левшинъ ѣздилъ въ то время по губерніямъ. Надо было изыскать другое средство привлечь къ участію въ разсмотрѣніи составленныхъ сводовъ старыхъ министерскихъ авторитетовъ, а слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ заручиться поддержкой со стороны ихъ. Поэтому

я просилъ министра разрѣшить мнѣ, кромѣ депутатовъ отъ двухъ министерствъ, пригласить къ расмотрѣнію изготовленныхъ для напечатанія сводовъ губернаторскихъ отзывовъ двухъ директоровъ департаментовъ: полиціи исполнительной С. Р. Жданова и хозяйственнаго—Н. А. Милютина.

На словесный мой докладъ объ этомъ, послѣдовало также словесное же разрѣшеніе министра; при этомъ не послѣдовало никакого распоряженія ни объ образованіи коммисіи или комитета, ни о назначеніи предсѣдателя; поэтому въ послѣдующихъ бумагахъ и высочайшихъ повелѣніяхъ наше совѣщательное присутствіе называлось „чиновниками разныхъ вѣдомствъ".

Одинъ или два раза мы собирались въ пятеромъ (Милютинъ, Ждановъ, Лоде, Колмаковъ и я) въ залѣ совѣта министра, въ присутствіи занимавшихся составленіемъ сводовъ чиновниковъ. Вначалѣ я познакомилъ обоихъ директоровъ съ планомъ составленія сводовъ, а потомъ, въ видѣ образцовъ, были прочитаны извлеченія изъ губернаторскихъ отзывовъ по нѣкоторымъ предметамъ. Произведенная Земскимъ отдѣломъ работа была одобрена всѣми присутствующими безъ всякихъ возраженій. По докладѣ министру о послѣдствіяхъ нашихъ совѣщаній, я немедленно распорядился одновременнымъ напечатаніемъ обоихъ сводовъ; самъ держалъ корректуру, свѣряя сдѣланныя извлеченія съ подлинными отзывами. Но своды эти никогда и никѣмъ не были подписаны: ни въ писанномъ, ни въ печатномъ ихъ видѣ; впрочемъ, они даже не были переписаны на-бѣло, а вслѣдствіе многочисленныхъ исправленій при корректурѣ, печатный ихъ текстъ значительно разнился отъ писаннаго оригинала.

По сводѣ всѣхъ губернаторскихъ отзывовъ оказалось, что противъ „главныхъ началъ" мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій представлены были только два существенныя замѣчанія: о преобладающемъ значеніи въ нихъ уѣзднаго начальника и о выборѣ мировыхъ судей одними дворянами. Объ этихъ возраженіяхъ я скажу послѣ, а теперь перейду къ отзывамъ о началѣ уѣзднаго управленія и полиціи.

Въ этихъ отзывахъ вполнѣ отразилось общее несочувствіе къ предположеніямъ правительства объ уѣздныхъ учрежденіяхъ.

III.

Отзывы губернаторовъ объ уѣздной полиціи.—Раздѣленіе губернаторовъ по ихъ отзывамъ на три разряда: согласные съ главными началами, губернаторы защитники дворянскихъ преимуществъ и губернаторы прогрессисты; подробное изложеніе мнѣній двухъ столичныхъ генералъ-губернаторовъ генерала Игнатьева и графа Закревскаго.

Изъ всѣхъ 46 губернаторовъ и 6 генералъ-губернаторовъ только три губернатора: витебскій (Клушинъ), смоленскій (Ахвердовъ) и тульскій (Дараганъ) не нашли никакихъ препятствій къ приведенію въ исполненіе предположеній правительства. Остальные всѣ возражали,—каждый съ своей точки зрѣнія. Но ихъ слѣдуетъ раздѣлить на три разряда. Къ первому разряду можно причислить губернаторовъ, сочувствовавшихъ „главнымъ началамъ“ или, по крайней мѣрѣ, не находившихъ удобнымъ несоглашаться съ ними. Эти губернаторы соглашались съ началами, замѣчали или противорѣчія въ развитіи, или неполноты. Ко второму разряду принадлежали защитники дворянскихъ преимуществъ. Наконецъ, къ третьему относились губернаторы прогрессисты.

Первый разрядъ былъ весьма немногочисленъ, такъ что число губернаторовъ, сочувствовавшихъ началамъ, но дѣлавшихъ замѣчанія относительно развитія подробностей, не превышало четырехъ; слѣдовательно общее число послѣдователей правительственныхъ предположеній, вмѣстѣ съ тремя поименованными выше, равнялось семи. Губернаторы перваго разряда полагали поручить уѣздному начальнику слѣдить за мѣстами и лицами всѣхъ вѣдомствъ (они находили, что это начало было высказано недостаточно ясно), сдѣлать его предсѣдателемъ всѣхъ уѣздныхъ комитетовъ и вообще поставить его къ уѣзднымъ учрежденіямъ и къ уѣздному предводителю дворянства въ такое-же положеніе, въ какомъ находились губернаторы къ губернскимъ учрежденіямъ и къ губернскому предводителю. Такого мнѣнія были губернаторы: вологодскій (Стаинской), воронежскій (Синельниковъ), могилевскій (Беклемишевъ) и саратовскій (Игнатьевъ). Одинъ изъ нихъ, Беклемишевъ, доходилъ до того, что кромѣ исчисленныхъ правъ, предоставлялъ уѣздному начальнику предсѣдательство въ городской думѣ, а самыя думы присоединялъ къ уѣзднымъ управленіямъ, въ

особыхъ отдѣленіяхъ. Вообще „главныя начала“ до того сбили понятія нѣкоторыхъ лицъ, что тотъ же самый губернаторъ находилъ удобнымъ, въ случаѣ отсутствія уѣзднаго начальника, возлагать исправленіе его должности на уѣзднаго судью.

Всего прискорбнѣе было, что этотъ крайній защитникъ правительственныхъ предположеній былъ едва-ли не самый молодой изъ всѣхъ губернаторовъ. Нечего было удивляться, что такія личности, каковы были (нѣкоторыя изъ нихъ и до сихъ поръ, 1876 г., существуютъ): Клушинъ, Ахвердовъ, Дараганъ, Стоинскій, Синельниковъ и Игнатьевъ, не находили никакихъ препятствій къ осуществленію главныхъ началъ, но нельзя было не удивляться, что не только находился въ ихъ рядахъ, но даже шелъ далѣе ихъ Беклемишевъ. Всѣ пятеро товарищей его, по своимъ мнѣніямъ объ уѣздныхъ учрежденіяхъ, принадлежали къ отживающему свой вѣкъ поколѣнію; всѣ они, или почти всѣ они, получили воспитаніе въ кадетскихъ корпусахъ; Беклемишевъ, напротивъ, по своимъ лѣтамъ, принадлежалъ къ людямъ сороковыхъ годовъ; въ началѣ этихъ годовъ онъ окончилъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи (лицеѣ или училищѣ правовѣдѣнія). Въ его прошедшемъ можно было скорѣе ожидать отъ него проявленія крайняго противоположнаго направленія, на дѣлѣ вышло другое. По своему развитію онъ не могъ не знать, что „главныя начала“ не соотвѣтствовали европейскому устройству государственныхъ учрежденій. Къ этому же разряду губернаторовъ слѣдовало бы причислить начальника Оренбургской губерніи (Барановскаго); но онъ видимо увлекся и увлекъ за собой исправляющаго должность Оренбургскаго и Самарскаго генералъ-губернатора (Балкашина). Увлеченія Барановскаго, а вслѣдъ за нимъ и раздѣлявшаго его мнѣніе Балкашина, состояли въ томъ, что они, видя крайнее обремененіе дѣлами губернской администраціи и уѣздной полиціи, думали отыскать средство къ облегченію, посредствомъ передачи части полицейскихъ обязанностей сельскимъ начальникамъ; а изъ обязанностей губернской администраціи, въ особенности губернатора, нѣкоторую долю предоставить уѣзднымъ начальникамъ. Въ этихъ видахъ, а не въ видахъ необходимости въ усиленіи власти, они также не возражали противъ главныхъ началъ, а развивали ихъ. Тѣмъ же направленіемъ отличался

отзывъ минскаго губернатора (графа Келлера), но при этомъ онъ предлагалъ учрежденіе слѣдственныхъ приставовъ.

Но это незначительное меньшинство, согласное съ „главными началами", покрывалось значительнымъ большинствомъ и авторитетомъ начальниковъ губерній, опровергавшихъ эти начала. Опровергали эти начала, какъ нарушающія дворянскія преимущества, генералъ-губернаторы: Игнатьевъ (петербургскій) и графъ Закревскій (московскій); такого же мнѣнія были губернаторы: Извѣковъ (симбирскій) и Шабельскій (черниговскій). Не соглашались съ „главными началами", какъ ниспровергавшими прогрессивное направленіе, губернаторы: В. А. Арцимовичъ (калужскій), К. К. Гротъ (самарскій), А. Н. Муравьевъ (нижегородскій), Токмачовъ (владимірскій) и болѣе или менѣе всѣ остальные.

Московскій генералъ-губернаторъ отозвался, что „при настоящихъ обстоятельствахъ, когда единодушіе между всѣми органами общаго и мѣстнаго управленія такъ необходимо для примиренія потребностей и стремленій двухъ значительнѣйшихъ въ государствѣ сословій, оффиціальное могущество уѣзднаго начальника будетъ постоянно въ борьбѣ съ нравственнымъ вліяніемъ униженнаго предводителя, и такое разъединеніе, отражаясь во всѣхъ распоряженіяхъ по уѣзду, неминуемо поведетъ къ ослабленію власти. Сверхъ сего, продолжалъ графъ Закревскій, утвердительно можно сказать, что при уничтоженіи нравственной силы въ лицѣ предводителя, едва-ли честные и достойные дворяне, лишаясь въ немъ самостоятельной опоры, рѣшатся безъ уклоненія принять возлагаемыя на нихъ по уѣздному управленію должности". По мнѣнію московскаго генералъ-губернатора, предсѣдательство уѣзднаго начальника въ уѣздной расправѣ „сосредоточиваетъ въ его лицѣ власти: административно-полицейскую и судебную, слѣдовательно онъ полновластный распорядитель личности и собственности въ уѣздѣ. При такомъ порядкѣ вещей, жить въ уѣздѣ будетъ тяжело и помѣщику, и крестьянину". Относительно назначенія военныхъ на должности становыхъ-исправниковъ, въ отзывѣ московскаго генералъ-губернатора было изложено: „кому неизвѣстно, что и воспитаніе, получаемое большею частію офицерами, и дальнѣйшее развитіе, при послѣдующей службѣ во фронтѣ, не представляетъ никакого ручательства найти среди ихъ людей, привыкшихъ къ дѣлопроизводству и способныхъ быстро

примѣняться къ разнообразнымъ обязанностямъ становаго-исправника. Положительно можно сказать, что большинство изъ нихъ къ тому вовсе не приготовлены, и даже при добросовѣстности, какую мы въ правѣ отъ нихъ ожидать, они всегда останутся въ полной зависимости: или отъ своихъ письмоводителей, или отъ положенныхъ имъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помощниковъ,—по всей вѣроятности нынѣшнихъ становыхъ приставовъ. Вредъ отъ такого положенія дѣлъ не подлежитъ сомнѣнію. Наконецъ, самое ожиданіе правительства найти въ военныхъ людяхъ по преимуществу вѣрныхъ правдѣ и чести вполнѣ ли основано на увѣренности въ ихъ высокихъ нравственныхъ качествахъ?"

Замѣтимъ, что большая часть нынѣшнихъ городничихъ, смотрителей госпиталей, казармъ и т. п. назначаются изъ этого сословія.

Петербургскій генералъ-губернаторъ (Игнатьевъ) находилъ, что предполагаемое новое устройство уѣздной полиціи, съ поставленіемъ во главѣ оной уѣзднаго начальника и „съ низведеніемъ земскаго исправника на вторую степень, не только неудобно, но даже существенно вредно". По отзыву генералъ-адъютанта Игнатьева, уѣздный начальникъ никогда не можетъ замѣнить собой исправника, который пользуется довѣріемъ дворянства и вполнѣ знакомъ съ народонаселеніемъ уѣзда. Подчиненіе уѣздному начальнику исправника уменьшитъ значеніе сего послѣдняго, ослабитъ его дѣятельность и усердіе, поселитъ между ними не только недоброжелательство, но вражду и ненависть въ то время, когда соединеніе всѣхъ усилій столь необходимо для поддержанія общественнаго порядка. Далѣе въ отзывѣ петербургскаго генералъ-губернатора говорилось, что дѣлопроизводство полиціи требуетъ совершеннаго преобразованія, но что это преобразованіе тѣсно связано съ отдѣленіемъ отъ полиціи судебной власти и что ожидать успѣха единственно только отъ соединенія полиціи города и уѣзда въ одно управленіе нѣтъ достаточныхъ основаній. По поводу порученія уѣздному начальнику предсѣдательства въ уѣздной расправѣ, въ Петербургскомъ отзывѣ было высказано, что „смѣшеніе столь разнородныхъ сферъ служебной дѣятельности произведетъ ту запутанность отношеній, то вредное и стѣснительное для правосудія вліяніе, которое ослабляетъ самую власть, подрывая къ ней довѣріе. Не то ли же самое было бы—поручать начальство надъ полиціей уѣздному судьѣ?..."

„Въ другихъ государствахъ полиція не судитъ, не разбираетъ споры, не предсѣдательствуетъ даже въ судахъ исправительной полиціи, а заботится лишь о безопасности гражданъ, объ ихъ спокойствіи. Такое только положеніе можетъ отклонить отъ полиціи отвращеніе, которое у насъ къ ней обнаруживается. Для достиженія своихъ цѣлей, судъ и полиція должны быть независимы другъ отъ друга. Соединеніе судебной должности съ полицейской допускать не слѣдуетъ уже потому, что судья въ отправленіи своей должности не можетъ быть стѣсненъ никакими приказаніями, тогда какъ чиновникъ полиціи, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, долженъ въ точности руководствоваться приказаніями начальства".

Симбирскій губернаторъ (Извѣковъ) полагалъ достаточнымъ оставить исправника по выбору отъ дворянъ, но улучшить его положеніе. Тотъ же губернаторъ свидѣтельствуетъ, что предположеніе о назначеніи уѣздныхъ начальниковъ произвело неблагопріятное впечатлѣніе на дворянъ, которые отзывались, что никто изъ порядочныхъ людей въ уѣздѣ не приметъ на себя обязанности предводителя дворянства.

Черниговскій губернаторъ (Шабельскій) находилъ, что предсѣдательство во всѣхъ уѣздныхъ комитетахъ должно быть оставлено предводителю. При опредѣленіи на должности становыхъ-исправниковъ военныхъ офицеровъ, мѣста сіи могутъ занять люди малоспособные или еще вѣрнѣе малоопытные. Изъ остальныхъ губернаторовъ никто не указывалъ на то, что „главныя начала" нарушаютъ дарованныя дворянству преимущества.

Очень понятно почему въ числѣ защитниковъ дворянскихъ правъ явились генералъ-адъютантъ Игнатьевъ и графъ Закревскій. Оба они всецѣло принадлежали къ категоріи богатыхъ помѣщиковъ, подъ вліяніемъ сословныхъ дворянскихъ понятій они выросли, развились и состарѣлись. Понятно также явленіе Шабельскаго въ качествѣ поборника дворянскихъ преимуществъ: онъ до назначенія черниговскимъ губернаторомъ былъ екатеринославскимъ предводителемъ дворянства. Но почему Извѣковъ, постоянно находившійся на государственной службѣ, отстаивалъ привиллегіи помѣстнаго сословія,—это требуетъ объясненія. Извѣковъ,—человѣкъ ограниченный, мало развитый и безхарактерный,—находился подъ полнымъ вліяніемъ тогдашняго губернскаго предво-

дителя симбирскаго дворянства Аксакова, который, по своему направленію, нисколько не былъ похожъ на своего брата, патріарха славянофиловъ, Сергѣя Тимофѣевича, и его даровитыхъ сыновей, достойныхъ полнаго уваженія. При томъ Аксаковъ былъ не одинъ, его поддерживалъ графъ Орловъ-Давыдовъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ предпринятаго преобразованія и одинъ изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ не только въ симбирской губерніи, но по всей Россіи. Слабый Извѣковъ не могъ освободиться отъ вліянія такихъ сильныхъ представителей помѣщичьей партіи.

Точно также нельзя оставить безъ объясненія: почему въ мнѣніяхъ графа Закревскаго и въ особенности Игнатьева, рядомъ съ защитою дворянскихъ преимуществъ, выраженною впрочемъ въ формѣ весьма сдержанной и приличной, высказывались вѣрныя понятія: о раздѣленіи властей, о порученіи военнымъ офицерамъ гражданскихъ должностей и т. п. Все это было гораздо выше уровня умственнаго развитія сейчасъ упомянутыхъ генералъ-адъютантовъ прошедшаго (Николаевскаго) царствованія. Дѣло въ томъ, что съ Игнатьевымъ и Закревскимъ случилось тоже самое, что съ Извѣковымъ, только въ обратномъ отношеніи. Симбирскій губернаторъ подпалъ подъ вліяніе „крѣпостниковъ“, а петербургскій и московскій генералъ-губернаторы не могли устранить себя отъ вліянія „красныхъ“, которые находились въ ихъ канцеляріяхъ, и вообще между второстепенными чиновниками. Весьма естественно, чтобы дать сильный отпоръ правительственнымъ предположеніямъ, которымъ они не сочувствовали, столичные генералъ-губернаторы искали людей „для составленія отзывовъ главныхъ началъ“, способныхъ и понимающихъ дѣло, а такіе люди, принадлежавшіе къ молодому поколѣнію, были почти всѣ заражены либеральнымъ направленіемъ. Мнѣнія графа Закревскаго, писалъ Н. И. Павловъ,— тогда управляющій московскою палатою государственныхъ имуществъ, вскорѣ потомъ членъ редакціонныхъ коммисій отъ министерства государственныхъ имуществъ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и есть помѣщикъ московской губерніи. Мнѣ сказывали также кто писалъ отзывъ Игнатьева, но я теперь (1876 г.) не могу припомнить.

Переходя къ изложенію либеральныхъ мнѣній остальныхъ губернаторовъ, слѣдуетъ замѣтить, что и въ этой категоріи лица, отъ которыхъ шли подобныя мнѣнія, не всѣ отличались прогрес-

сивнымъ направленіемъ. Въ своемъ мѣстѣ я объясню причины этого явленія.

Владимірскій губернаторъ (Тиличеевъ) писалъ, что по проекту „власть уѣзднаго начальника болѣе наблюдательная, чѣмъ распорядительная; все дѣло и вся отвѣтственность остается на городничихъ и на исправникахъ, а уѣздный начальникъ вступается въ дѣла только по жалобамъ или доносамъ, т. е. тогда, когда бо́льшею частію нельзя исправить сдѣланнаго зла, а только должно наказать виновника, чего все-таки уѣздный начальникъ сдѣлать не можетъ, а обязанъ предоставить губернской власти. Городскіе исправники, съ своей стороны, не замедлятъ воспользоваться выгодами новаго своего положенія, заслоненнаго отъ вліянія центральной губернской власти личностію уѣзднаго начальника. Полезно было бы, чтобы служебныя преимущества должности уѣзднаго начальника были ограничены. Дѣло въ томъ, что въ положеніи, въ какое ставятъ уѣзднаго начальника эти преимущества относительно уѣзднаго общества, жалованье въ двѣ тысячи рублей, хотя вообще весьма достаточное, можетъ оказаться малымъ... Теоретически этого не должно бы быть, но на практикѣ будетъ происходить, что уѣздный генералъ, нерѣдко семейный, захочетъ поддержать свое достоинство въ обществѣ и какъ этого жалованья его будетъ мало, то сейчасъ откроется въ немъ стремленіе къ увеличенію доходовъ косвенными средствами, сначала такъ казавшимися безгрѣшными..... а потомъ и всякими... Кромѣ того слишкомъ высокія преимущества уѣзднаго начальника ставятъ его въ ложное положеніе относительно губернскаго начальства“.

Относительно преимущественнаго опредѣленія на полицейскія должности военныхъ офицеровъ, въ отзывѣ владимірскаго губернатора было сказано, что „военные офицеры, занимающіе гражданскія должности бо́льшею частію или, пріобрѣтя нѣкоторую опытность, дѣлаются склонными къ злоупотребленіямъ, или пребываютъ въ вѣчной и почти безусловной опекѣ своихъ секретарей и письмоводителей“...

Вятскій губернаторъ (Муравьевъ, сынъ тогдашняго министра государственныхъ имуществъ) доказывалъ также вредъ установленія должности уѣзднаго начальника доводами, подобными тѣмъ, какіе представлялъ владимірскій губернаторъ. Въ заключеніи прибавлялъ, что „уѣздный начальникъ, какъ начальникъ полиціи,

есть исполнитель предписаній губернскаго административнаго начальства, а какъ предсѣдатель уѣздной управы, онъ - судья самовластный. Мировые судьи избираются подъ его вліяніемъ, а въ уѣздной расправѣ его мнѣніе преобладаетъ". „Изъ такого двойственнаго и вмѣстѣ неопредѣленнаго значенія слѣдуетъ то, что уѣздные начальники въ одной и той же губерніи будутъ играть различныя роли: одни будутъ вмѣшиваться во все,—а другіе, особенно изъ военныхъ, по большей части незнакомые съ теоретическимъ и всегда съ практическимъ знаніемъ слѣдствій и судебной части... будутъ только путать дѣло, чрезъ что возникнутъ жалобы и доносы"...

По мнѣнію Калужскаго губернатора (В. А. Арцимовича): „преобразованіе уѣзднаго управленія не есть средство къ успѣшному введенію крестьянскаго дѣла", потому что „положенія, справедливыя для обѣихъ сторонъ, принесутъ пользу и при слабомъ дѣйствіи исполнительныхъ органовъ, а вредъ, который произошелъ бы отъ ошибочнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, не въ силахъ предотвратить никакое устройство полиціи..." Далѣе въ отзывѣ калужскаго губернатора излагалось: 1) содержаніе уѣздныхъ чиновниковъ, за исключеніемъ становыхъ исправниковъ, не улучшается, только „надзирающее лицо, уѣздный начальникъ, обезпеченъ содержаніемъ и пользуется всѣми служебными преимуществами, а настоящіе дѣятели и труженники остаются въ нищетѣ и прежнемъ безсиліи"; 2) „въ проектѣ не проявляется стремленія ни къ сокращенію чрезмѣрныхъ занятій низшихъ полицейскихъ учрежденій, ни къ отдѣленію отъ нихъ судебной власти, ни по введенію полиціи въ законные предѣлы, между тѣмъ пора было бы изъ учрежденія притѣснительнаго, раздражающаго и оскорбляющаго народную нравственность и достоинство сдѣлать полицію благодѣтельную и способную къ сохраненію общественнаго порядка"; 3) „дворянамъ остается выборъ земскихъ исправниковъ и непремѣнныхъ засѣдателей, которые всегда были пристрастными защитниками своихъ избирателей. Этимъ прямо нарушается задача преобразованія уѣздной полиціи на началахъ, соотвѣтствующихъ будущему устройству крестьянъ, которые должны получить права и преимущества, противоположныя во многихъ отношеніяхъ укоренившимся понятіямъ и предразсудкамъ прежнихъ ихъ владѣльцевъ"; 4) „вмѣсто улучшенія существующихъ судовъ учреждаются

новыя инстанціи, безъ всякаго соображенія, между тѣмъ и нынѣ очень затруднительно пріискать способныхъ судей и засѣдателей...", и 5) „при допущеніи непосредственнаго участія начальниковъ губерніи и уѣздныхъ начальниковъ въ разборѣ споровъ и недоумѣній между помѣщиками и крестьянами, усиливается вмѣшательство административныхъ властей въ область суда, что считается въ управленіи важнымъ недостаткомъ". Въ заключеніе этого отзыва, приводится примѣръ неудавшагося въ Сибири опыта учрежденія должности окружного начальника, которому ввѣренъ надзоръ за всѣми уѣздными установленіями. Окружные начальники въ Сибири заботятся, изъ видовъ корыстолюбія, о подчиненіи своему вліянію всѣхъ чиновниковъ въ уѣздѣ и скоро этого достигаютъ; „ибо не можетъ быть рѣчи о самостоятельномъ дѣйствіи между людьми, запятнанными и причастными къ злоупотребленіямъ; общія выгоды и чувства самосохраненія связываютъ всѣхъ взяточниковъ и усиливаютъ вліяніе ихъ на управленіе". Въ тѣхъ округахъ Сибири, гдѣ существуютъ окружные начальники, взяточничество усиливается. Тоже будетъ во внутреннихъ губерніяхъ съ уѣздными начальниками, а V-го класса должности, соединяя въ рукахъ ихъ не только право надзора по исполнительной и судебной власти, сдѣлаютъ ихъ „злоупотребленія всесильными".

Въ этомъ мнѣніи слышится тотъ же мотивъ, который проходитъ черезъ всю записку о временныхъ генералъ-губернаторахъ, представленную государю министромъ внутреннихъ дѣлъ и составленную В. А. Арцимовичемъ.

Нижегородскій губернаторъ (А. Н. Муравьевъ, братъ тогдашняго министра государственныхъ имуществъ) отозвался, что „чины нынѣшней городской и земской полиціи, оставаясь при своихъ должностяхъ и при своемъ бѣдномъ содержаніи, будутъ только понижены одной степенью, надъ ними же и частію подъ ними учреждается еще по одной полицейской инстанціи. Военные офицеры, не знакомые съ гражданскими дѣлами, съ жадностію бросятся за чинами, которые сулитъ имъ должность уѣзднаго начальника. Уѣздные начальники будутъ двухъ родовъ: или они, выжидая генеральскаго чина, предоставятъ дѣла на волю помѣщиковъ, считая только долгомъ, ради чести своей, отстаивать своихъ подчиненныхъ въ случаѣ жалобъ; или же они захотятъ управлять всѣмъ лично, и самовластно захватятъ всю канцелярію для

своей переписки и лишатъ исправниковъ послѣднихъ средствъ и даже значенія; а на мѣстахъ будутъ управлять по прежнему становые, которые изъ одного переименованія изъ приставовъ въ исправники не измѣнятся и не поправятся. Если же новый начальникъ уѣзда и не будетъ посягать на поборы, что также ничѣмъ не доказано, то сложность новаго управленія дастъ къ сему всѣ средства его помощникамъ и соединенной канцеляріи, и зло это будетъ тѣмъ труднѣе открыть, чѣмъ выше въ чиновномъ порядкѣ будетъ поставленъ уѣздный начальникъ. Начальникъ губерніи долженъ находиться въ прямыхъ сношеніяхъ съ народомъ... Уѣздный же начальникъ... станетъ преградой между имъ и народомъ. Обѣ стороны, по естественному стремленію, будутъ вести безпрерывную борьбу съ этой преградой... на дѣлѣ все это породитъ одно только зло... Раздоръ между уѣздными начальниками и предводителями возникнетъ повсемѣстно и борьба личностей устранитъ всякую возможность добросовѣстнаго и разумнаго рѣшенія ежедневно возникающихъ спорныхъ вопросовъ".

Самарскій губернаторъ (К. К. Гротъ) въ своемъ отзывѣ, выражалъ сомнѣніе, чтобы предлагавшіяся въ проектѣ мѣры исправили недостатки въ устройствѣ полиціи. По его мнѣнію существенные недостатки полиціи заключались: „въ несоразмѣрно большомъ числѣ возложенныхъ на должностныхъ лицъ обязанностей и въ недостаткѣ людей свѣдущихъ и благонадежныхъ; этому нисколько не поможетъ учрежденіе должности уѣзднаго начальника; да и при томъ, для замѣщенія должностей уѣздныхъ начальниковъ, нужны будутъ люди, достойные полнаго довѣрія. Трудно полагать, чтобы большое содержаніе и обѣщаніе наградъ было достаточно для сформированія въ скоромъ времени болѣе 600 высшихъ должностныхъ лицъ. Съ другой стороны, съ учрежденіемъ этой должности, исправники и городничіе потеряютъ свое значеніе и самостоятельность, и люди, которые въ настоящее время дорожатъ этими должностями, тогда не захотятъ уже занимать ихъ".

Въ отзывѣ Тверского губернатора сначала исчислялись необходимыя условія правильнаго устройства полиціи, затѣмъ давался вопросъ, какимъ образомъ выполнялись эти условія въ то время? Въ отзывѣ находился слѣдующій отвѣтъ на этотъ вопросъ:

„Городничіе назначаются правительствомъ изъ раненыхъ офицеровъ. Исправники избираются 15 или 20 богатѣйшими дво-

рянами уѣзда, для управленія народонаселеніемъ въ 70, 80 и 100 тысячъ душъ; они „легко и хорошо могутъ обдѣлывать свои дѣла, угождая своимъ избирателямъ и притѣсняя всѣхъ остальныхъ. Государственные крестьяне смотрятъ на выборъ своихъ засѣдателей въ земскіе судьи (получающихъ 1 р. 41 к. мѣсячнаго жалованья), какъ на отправленіе повинности, и избираютъ кого попало. А потому засѣдатели отъ крестьянъ въ судахъ употребляются только для разсылки и сниманія шубъ съ посѣтителей въ качествѣ сторожей". Составъ полиціи далеко не соотвѣтствуетъ количеству обязанностей, возлагаемыхъ на полицейскихъ чиновниковъ; а получаемое ими содержаніе „не только не составляетъ надлежащаго вознагражденія, но даже не даетъ средствъ существованія... Начальство, будучи убѣждено въ невозможности существованія полицейскихъ чиновниковъ законными средствами и точнаго исполненія ими возложенныхъ на нихъ обязанностей, принуждено смотрѣть сквозь пальцы на ихъ поведеніе, стараясь только о томъ, чтобы беззаконія ихъ не выходили изъ извѣстныхъ предѣловъ". Далѣе, по мнѣнію тверского губернатора, соединеніе полицейской власти по управленію городомъ и уѣздомъ въ одномъ лицѣ могло бы быть полезно, но при этомъ необходимо измѣнить порядокъ устройства нынѣшнихъ городскихъ и земскихъ полицій, усилить составъ ихъ, улучшить бытъ самихъ полицейскихъ чиновниковъ и при томъ уѣзднымъ начальникамъ слѣдуетъ предоставить исключительно лишь власть исполнительную, подчинивъ имъ управленіе городовъ и уѣздовъ въ одномъ полицейскомъ отношеніи и частію по хозяйственнымъ распоряженіямъ. Въ разсматриваемомъ же проектѣ уѣздному начальнику даются такія права, которыми до сего времени не пользовалось ни одно должностное лицо, „не исключая высшихъ сановниковъ". Губернаторъ никогда не является судіей, а уѣздному начальнику присвоивается судебная власть, между тѣмъ извѣстно, что соединеніе въ одномъ лицѣ исполнительной и судебной власти всегда имѣетъ печальныя и вредныя послѣдствія".

Въ либеральныхъ отзывахъ остальныхъ губернаторовъ, принадлежавшихъ къ этой категоріи, повторяются тѣ же соображенія, какія изложены въ приведенныхъ сейчасъ мнѣніяхъ, только короче и съ меньшею ясностію и силою.

Выше было замѣчено, что не всѣ губернаторы, высказавшіе

либеральныя мнѣнія, были прогрессивнаго направленія, по крайней мѣрѣ сознательно. Въ этомъ случаѣ въ особенности слѣдуетъ упомянуть о двухъ нынѣ (1876 г.) умершихъ лицахъ: вятскомъ (Муравьевѣ) и тверскомъ (гр. Барановѣ). Первый былъ человѣкъ не глупый, но не развитой и крайне шаткихъ нравственныхъ правилъ. Онъ въ сущности не былъ ни либераломъ, ни консерваторомъ, онъ всегда былъ такого мнѣнія, какое считалъ для себя выгоднымъ. Отзывъ его противъ уѣздныхъ начальниковъ доказывалъ, что онъ зналъ мнѣніе по этому предмету его непосредственнаго начальства—министра внутреннихъ дѣлъ, и при томъ до него, вѣроятно, дошли слухи, что уѣздные начальники,—прежде чѣмъ появились на свѣтъ,—вышли изъ моды. Во всякомъ случаѣ, онъ могъ только подписать такое мнѣніе, какое представлялъ, а написалъ его, безъ всякаго сомнѣнія, одинъ изъ подчиненныхъ ему чиновниковъ, принадлежавшихъ, по тогдашнему выраженію (не утратившему впрочемъ и теперь, въ 1876 г., свое значеніе), къ „краснымъ“. Графъ Барановъ былъ честный и добрый человѣкъ, но не отличавшійся быстротой соображенія и особеннымъ развитіемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ знать всего того, что сказано было въ его отзывѣ. Дѣло въ томъ, что онъ, по своей добротѣ и мягкости характера, находился подъ полнымъ вліяніемъ сильной тогда въ Тверской губерніи хотя и дворянской, но вполнѣ либеральной партіи, во главѣ которой стояли: губернскій предводитель дворянства Унковскій, Головачевъ, Бакунинъ и нѣкоторые другіе тверскіе помѣщики.

IV.

Отзывы губернаторовъ о мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ. — Нѣкоторыя измѣненія въ раздѣленіи губернаторовъ на три разряда.

Выше было замѣчено, что противъ главныхъ началъ мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій представлены были только два существенныя замѣчанія: о преобладающемъ значеніи въ нихъ уѣзднаго начальника и о выборѣ мировыхъ судей одними дворянами. О смѣшеніи власти судебной и исполнительной въ одномъ лицѣ уѣзднаго начальника и о послѣдствіяхъ этого смѣшенія было уже отчасти упомянуто при изложеніи осо-

бенно выдающихся мнѣній нѣкоторыхъ начальниковъ губерній о главныхъ началахъ уѣзднаго управленія и полиціи. Изъ приведенныхъ выписокъ видно было также, что на такое мнѣніе съ особенной силой и основательностію нападали генералъ-губернаторы обѣихъ столицъ: графъ Закревскій и Игнатьевъ. Въ отзывахъ своихъ о „главныхъ началахъ учрежденій для разбора недоразумѣній и спорныхъ дѣлъ между помѣщиками и крестьянами“ оба поименованные генералъ-губернаторы развивали тѣже мысли, разсматривая предметъ со стороны судебныхъ учрежденій. Тоже повторялось и въ другихъ отзывахъ.

Изъ семи губернаторовъ, которые одобряли „главныя начала“ относительно уѣзднаго управленія и полиціи, только трое: саратовскій (Игнатьевъ), смоленскій (Ахвердовъ) и тульскій (Дарагань) не видѣли препятствій къ устройству предполагавшихся учрежденій для разбора споровъ между помѣщиками и крестьянами. Отзывовъ двоихъ изъ нихъ: витебскаго (Клушина) и вологодскаго (Стоинскаго) въ сводѣ губернаторскихъ отзывовъ о мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ вовсе нѣтъ, вѣроятно потому, что они особыхъ мнѣній не представили, а соглашаясь съ „главными правилами объ уѣздномъ управленіи“, разумѣли всѣ вообще проектируемыя уѣздныя учрежденія. Остальные двое: воронежскій (Синельниковъ) и могилевскій (Беклемишевъ) представили существенныя возраженія. Оба они полагали, что мировые судьи, избираемые одними дворянами, въ глазахъ крестьянъ будутъ пристрастными судьями, и потому находили необходимымъ призвать къ участію въ выборахъ не однихъ дворянъ, но и крестьянъ.

Московскій генералъ-губернаторъ (гр. Закревскій) энергически возражалъ противъ вмѣшательства уѣзднаго начальника въ выборы мировыхъ судей. „Выборъ лицъ, въ какую бы то ни было должность,—писалъ графъ Закревскій,—есть дѣло важное и само по себѣ, и какъ преимущество, которымъ сословіе дорожитъ какъ знакомъ довѣрія къ нему правительства. Относительно сего правительство дѣйствовало доселѣ въ этомъ смыслѣ; такъ, начальнику губерніи, хотя бы онъ былъ помѣщикомъ въ оной, ни въ какомъ случаѣ не дозволяется входить въ собраніе дворянства и участвовать въ разсужденіяхъ по дѣламъ собранія; начальникамъ губерній запрещено вмѣшиваться, подъ какимъ бы то ни было

предлогомъ, въ самое производство выборовъ... Это узаконеніе, открывая при выборахъ полную свободу и самостоятельность дѣйствій, сохранило имъ характеръ выраженія мнѣнія цѣлаго сословія и только поддержаніемъ сего можно ожидать отъ нихъ истинной пользы, которая должна несомнѣнно увеличиваться вмѣстѣ съ нравственнымъ и гражданскимъ развитіемъ общества.... Присутствіе уѣзднаго начальника (при выборахъ) и право представлять о неутвержденіи избраннаго, противорѣча самому основному началу выборовъ, не только ставитъ мироваго судью въ косвенную отъ него зависимость, но и подчиняетъ его ему. Да и что такое неодобрительное поведеніе,—безъ всякихъ доказательствъ могущее служить поводомъ къ неутвержденію?"...

„Если правительство желаетъ, чтобы должность мироваго судьи заняли лица, на добросовѣстность которыхъ оно могло бы положиться, то выборъ ихъ долженъ производиться безъ всякаго посторонняго вмѣшательства...." По проекту возлагалось на дворянъ и на крестьянъ избрать по пяти кандидатовъ на должности засѣдателей въ уѣздной расправѣ. Московскій генералъ-губернаторъ относительно этого заключалъ: „такое избраніе пяти кандидатовъ, съ тѣмъ, чтобы губернаторъ утверждалъ изъ нихъ достойнѣйшаго, по своему убѣжденію, уничтожитъ самый смыслъ избранія и затруднитъ губернатора". Въ правительственныхъ предположеніяхъ ничего не говорилось о жалованьи мировому судьи; графъ Закревскій по этому поводу представлялъ: „помѣщикъ-мировой судья долженъ обречь себя постояннымъ трудамъ. Чины и ордена (которые обѣщались въ проектѣ) конечно весьма дѣйствительное поощреніе, но небогатому и честному дворянству прежде всего нужно вещественное обезпеченіе. Чтобы это прекрасное учрежденіе, вмѣсто ожидаемой пользы, не обратилось во вредъ и тягость для дворянъ и крестьянъ, слѣдуетъ судью поставить въ независимое и приличное положеніе; его надобно обезпечить достаточнымъ содержаніемъ деньгами на разъѣзды и на писца".... Изложеніе всѣхъ доводовъ противъ смѣшенія въ лицѣ уѣзднаго начальника власти судебной и полицейской, сущность которыхъ была приведена выше, графъ Закревскій заканчивалъ замѣчаніемъ, что „уѣздная расправа есть мѣсто чисто судебное, вотъ почему предсѣдательство въ

ней уѣзднаго начальника не должно быть допущено, какъ вредное существу предмета и какъ несоотвѣтствующее ни дѣйствительной потребности, ни даже началамъ государственной централизаціи.

„Расправа должна быть отдѣльнымъ присутствіемъ, независящимъ отъ исполнительной власти, и состоитъ изъ двухъ членовъ отъ сословій дворянъ и крестьянъ, подъ предсѣдательствомъ отдѣльнаго лица, не подчиненнаго уѣздному начальнику".

Далѣе въ отзывѣ, съ особенною подробностію, совершенно основательно доказывалась вся неосновательность правила, по которому если уѣздный начальникъ, какъ предсѣдатель расправы, несогласенъ съ одинаковымъ мнѣніемъ обоихъ засѣдателей, то дѣло переносится въ соединенное присутствіе расправы и уѣзднаго суда. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что графъ Закревскій вовсе отвергалъ необходимость судебной расправы; взамѣнъ третьей инстанціи онъ предлагалъ, вслѣдствіе жалобъ помѣщика или крестьянина и протеста за перваго—предводителя, а за втораго—уѣзднаго начальника, дѣло подвергать новому пересмотру въ уѣздной расправѣ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго судьи, съ приглашеніемъ въ присутствіе предводителя и уѣзднаго начальника.

По мнѣнію петербургскаго генералъ-губернатора, Игнатьева, дворяне не заслуживали того недовѣрія, которое выражалось вмѣшательствомъ въ дворянскіе выборы уѣзднаго начальника, постановленіемъ объ избраніи пяти кандидатовъ въ засѣдатели уѣздной расправы, въ подчиненіи уѣздныхъ предводителей, если не по закону, то фактически, уѣзднымъ начальникамъ и устраненіемъ предводителей дворянства отъ вліянія на разбирательство споровъ между помѣщиками и крестьянами. Но защищая дворянскія преимущества, генералъ-адъютантъ Игнатьевъ тѣмъ не менѣе отозвался, что главное назначеніе мироваго судьи составляетъ разбирательство примирительное. Для достиженія этой цѣли, „мировой судья долженъ пользоваться довѣріемъ лицъ, къ нему обращающихся. По сему предоставленіе выбора мировыхъ судей изъ дворянъ крестьянскимъ обществамъ представляется условіемъ существенно полезнымъ и важнымъ для самаго успѣха этого учрежденія". Далѣе въ отзывѣ петербургскаго генералъ-гу-

бернатора, между прочимъ, говорилось, что „присутствіе уѣзднаго начальника во время дворянскихъ выборовъ противорѣчитъ кореннымъ началамъ сихъ выборовъ и основнымъ правамъ, дарованнымъ дворянскому сословію въ составѣ обществъ... Что же касается до права аттестаціи кандидатовъ, представляемыхъ дворянствомъ на утвержденіе начальника губерніи, то подобное изъявленіе недовѣрія всему дворянству едва-ли было бы своевременно". Къ устраненію тѣхъ неудобствъ, которыя породило бы предсѣдательство въ расправѣ уѣзднаго начальника, генералъ Игнатьевъ предлагалъ возложить обязанности предсѣдателя въ расправѣ на уѣзднаго предводителя. Точно также онъ находилъ, что вмѣсто губернатора, слѣдовало бы поручить предсѣдательство въ губернской расправѣ губернскому предводителю дворянства.

Такъ какъ изъ губернаторовъ, защищавшихъ дворянскія преимущества, я привелъ мнѣніе объ уѣздномъ управленіи и полиціи двоихъ: симбирскаго и черниговскаго, то я укажу также на ихъ отзывы объ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ.

Симбирскій губернаторъ (Извѣковъ) отозвался, что избраніе мировыхъ судей—одними помѣщиками, безъ всякаго участія крестьянъ, не могло бы внушить достаточнаго довѣрія крестьянамъ. Они считали бы рѣшеніе мироваго судьи пристрастнымъ къ пользамъ помѣщиковъ. Во всякомъ случаѣ, выборъ мировыхъ судей должно производить въ присутствіи уѣзднаго предводителя, безъ всякаго участія уѣзднаго начальника, которому также не слѣдуетъ предоставлять никакого права входить съ представленіями о неутвержденіи кандидатовъ по неодобрительному поведенію и по другимъ причинамъ. Г. Извѣковъ, точно также какъ и московскій генералъ-губернаторъ, находилъ необходимымъ назначить мировымъ судьямъ денежное вознагражденіе. Онъ полагалъ болѣе цѣлесообразнымъ, вмѣсто выбора особаго засѣдателя въ уѣздную расправу, назначить постояннымъ членомъ расправы уѣзднаго предводителя дворянства, а рѣшеніе дѣлъ производить простымъ большинствомъ, устранивъ особое преимущество, которое предполагалось предоставить уѣздному начальнику, если онъ не соглашался съ одинаковымъ мнѣніемъ двухъ своихъ сочленовъ.

Что касается до черниговскаго губернатора (Шабельскаго),

то онъ высказывалъ мысль, что предсѣдательство во всѣхъ уѣздныхъ комитетахъ должно быть предоставлено уѣздному предводителю; вѣроятно и расправу относилъ къ числу этихъ комитетовъ—по крайней мѣрѣ въ сводѣ отзывовъ о главныхъ началахъ учрежденія мировыхъ судей и расправъ приводятся краткія мнѣнія г. Шабельскаго о предоставленіи губернской и уѣздной расправамъ канцелярскихъ средствъ.

Всѣ губернаторы, которые особенно ясно высказали въ своихъ отзывахъ прогрессивное мнѣніе, были противъ какого бы то ни было вмѣшательства уѣздныхъ начальниковъ въ выборы какъ мировыхъ судей, такъ и засѣдателей уѣздныхъ расправъ. Всѣ они были также противъ предсѣдательства въ расправѣ уѣзднаго начальника. Но надо сознаться, что не одинъ изъ нихъ съ такой силою и съ такою убѣдительностію не доказывалъ несостоятельность „главныхъ началъ“ относительно этихъ предметовъ, какъ генералъ-губернаторы обѣихъ столицъ. Не всѣ губернаторы либеральнаго направленія позволяли себѣ высказываться противъ односторонняго выбора мировыхъ судей одними дворянами. Мнѣніе это встрѣчается въ отзывахъ губернаторовъ: владимірскаго (Тиличеева), калужскаго (В. А. Арцимовича) и тверскаго (графа Баранова); сверхъ того, подобнаго же мнѣнія былъ казанскій губернаторъ (Козляниновъ). Всѣ эти губернаторы доказывали о необходимости дать участіе въ выборахъ крестьянамъ. Самарскій губернаторъ (К. К. Гротъ) объ этомъ предметѣ вовсе не упоминаетъ, а губернаторы вятскій и нижегородскій (Муравьевы, сынъ и братъ министра) полагали возможнымъ поручить мировыя разбирательства споровъ между помѣщиками и крестьянами предоставлять... (??). Вятскій губернаторъ не признавалъ необходимымъ учрежденіе уѣздной расправы. Всѣ остальные, не отвергая учрежденія расправы, или вовсе не упоминали кто, по ихъ мнѣнію, долженъ замѣнить уѣзднаго начальника въ качествѣ предсѣдателя, или допускали, что предсѣдатель расправы могъ быть уѣздный предводитель. Такого мнѣнія были губернаторы: самарскій, тверской, а также курскій (Бибиковъ) и псковскій (Валеріянъ Муравьевъ, родственникъ министра). Нѣкоторые начальники губерній, оставляя предсѣдателемъ расправы уѣзднаго начальника, предлагали сдѣлать уѣзднаго предводителя членомъ расправы; такое предложеніе дѣлали: виленскій генералъ-губернаторъ (В. И. Назимовъ) и губер-

наторы тамбовскій (Данзасъ) и харьковскій (Лужинъ). Нѣсколько губернаторовъ, признававшіе необходимость присутствія предводителя въ уѣздной расправѣ и замѣчая усиленіе чрезъ это помѣщичьяго представительства, поправляли этотъ недостатокъ различными комбинаціями, такъ напримѣръ, при предсѣдательствѣ предводителя, предлагали, вмѣсто дворянскаго засѣдателя, назначить: члена отъ правительства или двухъ засѣдателей отъ крестьянъ и уѣзднаго стряпчаго (Муравьевъ псковскій), или вмѣстѣ съ предводителемъ допустить въ присутствіе расправы окружнаго начальника государственныхъ имуществъ (Данзасъ) и т. п. Губернаторы В. А. Арцимовичъ и А. Н. Муравьевъ нижегородскій находили возможнымъ обязанности расправы возложить на уѣздные суды, съ увеличеніемъ денежныхъ средствъ сихъ судовъ и съ тѣмъ, чтобы, по предположенію В. А. Арцимовича, выборъ уѣзднаго судьи производился съ участіемъ крестьянъ, а, по предположенію А. Н. Муравьева, предсѣдательство въ судѣ по крестьянскимъ дѣламъ было возложено на предводителя дворянства.

Въ мнѣніяхъ начальниковъ губерній о губернской расправѣ трудно замѣтить проявленіе того направленія, котораго они держались. Только два столичныхъ генералъ-губернатора остались вѣрными защитниками дворянскихъ преимуществъ. Графъ Закревскій признавалъ учрежденіе губернской расправы вовсе излишнимъ. А въ случаѣ жалобъ на мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія предполагалъ: „допустить по онымъ тотъ же порядокъ, который нынѣ существуетъ (т. е. существовалъ тогда) для производства по дѣламъ между помѣщиками и ихъ крестьянами, т. е. рѣшеніе высшаго правительства, по предварительномъ разсмотрѣніи дѣла въ собраніи предводителей и депутатовъ дворянства“. Генералъ-адъютантъ Игнатьевъ замѣчалъ, что участіе губернатора въ разбирательствѣ спорныхъ дѣлъ совершенно не соотвѣтствуетъ его значенію, какъ власти административной, и что губернскій предводитель, рѣшая дѣла съ тремя членами отъ правительства (губернаторомъ, управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ и прокуроромъ), не будетъ имѣть никакого вліянія на составленіе приговоровъ. Поэтому онъ полагалъ, что губернскую управу слѣдуетъ учредить подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя (или особаго предсѣдателя

по выбору дворянъ) изъ одного члена отъ правительства, одного отъ дворянъ и одного отъ крестьянъ. Затѣмъ только пять губернаторовъ представляли о нѣкоторыхъ несущественныхъ измѣненіяхъ въ составѣ губернской расправы; трое ходатайствовали о допущеніи въ присутствіе расправы вице-губернатора, изъ нихъ одинъ съ тѣмъ, чтобы вице-губернаторъ замѣнилъ управляющаго палатой государственныхъ имуществъ. Четвертый ходатайствовалъ объ освобожденіи губернатора отъ личнаго предсѣдательства въ расправѣ, съ тѣмъ однако, чтобы журналы присутствія поступали по (на?) его просмотрѣ и утвержденіи. Болѣе существенное представленіе заключалось въ отзывѣ пятаго губернатора (тамбовскаго): онъ замѣчалъ, что губернскія расправы, состоя изъ трехъ чиновниковъ отъ правительства, одного только представителя отъ дворянъ, не минуютъ возбудить со стороны послѣднихъ недовѣріе къ своимъ рѣшеніямъ, а потому не излишнимъ было бы допустить къ присутствію въ оной предсѣдателей палатъ, уголовной и гражданской, какъ лицъ, избранныхъ дворянствомъ или по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ.

Составленіемъ двухъ сводовъ отзывовъ губернаторовъ, выписки изъ которыхъ сейчасъ были приведены, послѣдовавшее по сему предмету высочайшее повелѣніе (отъ 10 мая 1858 г.) было исполнено вполнѣ: вмѣсто письменныхъ сношеній, вѣрность сводовъ съ губернаторскими мнѣніями была удостовѣрена депутатами отъ министерствъ юстиціи и государственныхъ имуществъ. Затѣмъ оставалось только составленные своды представить въ Главный комитетъ. Но подобное буквальное исполненіе высочайшаго повелѣнія было крайне опасно для дѣла. Изъ того разнообразія направленій, понятій и предположеній, которое видно изъ приведенныхъ выписокъ, легко было усмотрѣть, что изъ губернаторскихъ отзывовъ можно было вывести самыя разнообразныя заключенія. Если трудно было обратить ихъ въ безусловное подкрѣпленіе „главныхъ началъ“, то, съ нѣкоторой натяжкой, не трудно было направить эти начала въ пользу односторонняго дворянскаго направленія. Подобныя исправленія могли опираться не только на весьма основательныхъ и положительныхъ, можно сказать, лучше всѣхъ составленныхъ мнѣніяхъ двухъ авторитетныхъ генералъ-губернаторовъ, но и на отзывахъ губернаторовъ либеральнаго направленія, принявъ въ соображеніе отрывки, а не цѣлыя мнѣ-

нія въ совокупности. Кромѣ того, представляя въ Главный комитетъ одни своды, мы передали бы туда веденіе всего дѣла, которое могли отнять у насъ вовсе, подобно тому, какъ отняли было дѣло по составленію программы.

Поэтому у меня родилась мысль, кромѣ сводовъ, составить особыя соображенія по устройству: какъ уѣздной полиціи, такъ и мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій.

V.

Соображенія чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ. — Объ уѣздной полиціи. — Сравненіе проектированной должности уѣзднаго начальника съ должностями: сибирскаго окружнаго начальника и военнаго уѣзднаго начальника въ западномъ краѣ.

При составленіи этихъ соображеній, задача должна была заключаться въ систематическомъ изложеніи высказанныхъ начальниками губерній здравыхъ началъ уѣздныхъ учрежденій, какъ полицейскихъ, такъ и мировыхъ. Но какъ во всѣхъ критическихъ отзывахъ, къ которымъ принадлежали и губернаторскія мнѣнія, всегда развита болѣе отрицательная, чѣмъ положительная сторона предмета, поэтому необходимо было пополнить пробѣлы: опираясь или на отрицательные доводы, или дѣлая выводы изъ общихъ началъ, выраженныхъ въ губернаторскихъ отзывахъ. Словомъ, надо было примѣняться къ разнообразному и не всегда стройному говору губернаторовъ и принять въ соображеніе не только то, что они высказали положительно, но и то, на что они намекали, то, что они хотѣли сказать, но или не рѣшались изъ боязни попасть въ немилость, или не умѣли по малому своему развитію. Личное высокое положеніе генерала Игнатьева и графа Закревскаго, полная извѣстность ихъ настроенія умовъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и возможность имѣть своими сотрудниками вполнѣ образованныхъ и всесторонне развитыхъ чиновниковъ, все это вмѣстѣ взятое ставило ихъ въ иное положеніе, чѣмъ то, въ которомъ находились провинціальные начальники губерній. Наконецъ, основывая наши соображенія на единодушномъ общественномъ мнѣніи тогдашней интеллигенціи всѣхъ оттѣнковъ, отнюдь не слѣдовало выдавать ихъ за наше собственное мнѣніе, а подкрѣплять ихъ губернаторскими отзывами, дѣлая изъ нихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, буквальныя выписки и какъ можно

ярче выставляя силу доводовъ такихъ авторитетовъ, каковы были графъ Закревскій и генералъ Игнатьевъ.

О моемъ предположеніи я подробно доложилъ Сергѣю Степановичу Ланскому и получилъ отъ него разрѣшеніе приступить къ задуманной мною работѣ, съ полнымъ сочувственнымъ одобреніемъ моей мысли. Такъ какъ „главныя начала", разосланныя губернаторамъ: одни—объ уѣздномъ управленіи и полиціи—считались вышедшими изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а о мировыхъ учрежденіяхъ—изъ министерства юстиціи, то составленіе соображеній о полицейскихъ учрежденіяхъ принялъ я на себя, какъ представитель министерства внутреннихъ дѣлъ, а учрежденія по разбору споровъ между помѣщиками и крестьянами взялъ на себя Колмаковъ, какъ представитель министерства юстиціи. Работа моего сотоварища не удалась; мнѣ пришлось совершенно ее передѣлать съ начала до конца. Онъ былъ такъ добръ и любезенъ, что не только не разсердился на меня, а добродушно согласился принять мою работу вмѣсто его редакціи.

Прежде доклада министру нашихъ соображеній, они были подвергнуты разсмотрѣнію того же совѣщательнаго собранія, которое разсматривало своды губернаторскихъ отзывовъ, съ той только разницей, что въ это время возвратился уже въ Петербургъ А. И. Левшинъ и совѣщанія наши происходили подъ его предсѣдательствомъ, тогда какъ, при разсмотрѣніи сводовъ губернаторскихъ отзывовъ, никто не предсѣдательствовалъ, хотя первое мѣсто и занималъ старшій по чину С. Р. Ждановъ. Въ этомъ совѣщаніи были прочитаны составленныя „соображенія"—особыя „объ уѣздномъ управленіи и полиціи" и особыя „объ учрежденіяхъ для разбора недоумѣній и спорныхъ дѣлъ между помѣщиками и крестьянами", которыя тутъ же и были одобрены. Ни возраженій, ни замѣчаній не было; также какъ и „сводъ", они не были никѣмъ подписаны, также не было составлено журнала объ одобреніи ихъ. Присутствовавшій на этомъ совѣщаніи, также какъ и на прежнемъ, Н. А. Милютинъ выражалъ самое теплое сочувствіе къ моимъ трудамъ и своей поддержкой облегчилъ мнѣ проведеніе моего труда черезъ наше совѣщательное присутствіе. Весьма вѣроятно также, что, по его общительности и искусству разсказывать, онъ и въ министрѣ вселилъ довѣріе и къ сводамъ губернаторскихъ отзывовъ, и къ „соображеніямъ". Впрочемъ, отно-

сительно расположенія къ нашей работѣ и охотѣ разсказывать объ ней министру—никакъ не отставалъ и другой директоръ, С. Р. Ждановъ, который постоянно благоволилъ ко мнѣ. Но надо отдать имъ справедливость, что ни тотъ, ни другой изъ нихъ и не думали придавать особаго значенія ихъ участію въ разсмотрѣніи этой работы. Тоже я долженъ сказать и о посторонникъ нашихъ сотоварищахъ Э. Е. Лоде и Ю. М. Колмаковѣ, въ особенности о послѣднемъ. Никто изъ нихъ не оспаривалъ у Земскаго Отдѣла совершенія этого труда.

Относительно ознакомленія съ содержаніемъ „соображеній", я поступлю также, какъ и относительно „сводовъ". Сначала изложу содержаніе соображеній о полицейскихъ учрежденіяхъ, а потомъ о мировыхъ. Содержаніе первыхъ состояло въ слѣдующемъ:

„При начертаніи предположеній о новомъ устройствѣ уѣзднаго управленія и полиціи предполагалось достигнуть слѣдующихъ цѣлей":

„I) Сообщить полиціи единство въ дѣйствіяхъ: посредствомъ соединенія земской и городской полиціи въ одно учрежденіе".

„II) Освободить полицейскихъ чиновниковъ отъ затрудненій къ правильной и быстрой исполнительности, посредствомъ уменьшенія обязанностей каждаго изъ нихъ и порученія полицейскихъ должностей кореннымъ чиновникамъ, не затрудненнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ сословными связями и интересами".

„III) Придать полицейскимъ учрежденіямъ болѣе силы и значенія, посредствомъ: возвышенія классовъ должностей полицейскихъ чиновниковъ, предоставленія имъ разныхъ служебныхъ преимуществъ и возвышенія окладовъ содержанія".

„Можно сказать, что съ этими тремя коренными началами проекта согласны всѣ начальники губерній. Вся разница мнѣній какъ между собой, такъ и съ проектомъ заключается въ нѣкоторомъ развитіи средствъ къ достиженію указанныхъ проектомъ цѣлей".

Этимъ введеніемъ уничтожалось непріятное для составителей „главныхъ началъ" впечатлѣніе почти общей оппозиціи со стороны губернскихъ органовъ правительства. Въ это же время укрѣплялись, въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, тѣ основы будущихъ учрежденій, которыя признаны были правильными и наукой,

и практикой европейскихъ государствъ. Но здѣсь нельзя было оставить недоумѣній, надо было точнѣе опредѣлить какими средствами достигнуть предположенныхъ трехъ цѣлей, поэтому вслѣдъ за симъ въ запискѣ говорилось:

„Такъ, по первому началу, соглашаясь на соединеніе земской и городской полиціи, губернаторы въ то же время ходатайствуютъ о дальнѣйшемъ развитіи этой мысли, и потому представляютъ: о необходимости естественнаго ея раздѣленія на полицію административно-исполнительную и судебно-слѣдственную.

„По второму, они входятъ въ подробное разсмотрѣніе порядка и условій опредѣленія какъ главнаго въ уѣздѣ начальника полиціи, такъ и подчиненныхъ ему лицъ; а также стараются обезличить кругъ дѣятельности каждаго изъ нихъ, сообразно сущности и естественному раздѣленію полицейскихъ властей.

„По третьему началу, губернаторы обращаютъ преимущественно вниманіе на увеличеніе содержанія не только одного. уѣзднаго начальника полиціи, но и подчиненныхъ ему чиновниковъ".

Далѣе дѣлается переходъ къ подробному изложенію губернаторскихъ предположеній по каждому изъ трехъ вышеупомянутыхъ началъ устройства уѣздной полиціи.

О соединеніи земской и городской полиціи были выставлены, согласно губернскимъ отзывамъ, удобства этого соединенія, но тутъ же прибавлено, что „весьма многіе изъ губернаторовъ, какъ напримѣръ владимірскій, нижегородскій, самарскій, генералъ-губернаторъ кіевскій и нѣкоторые другіе, представляютъ, что „соединеніе это не должно быть механическимъ". Объяснено на губернаторскіе отзывы, что, на основаніи „главныхъ началъ", вмѣсто двухъ полицейскихъ учрежденій будетъ три, исправникъ и городничій будутъ по прежнему завѣдывать одинъ уѣздной, а другой городской полиціей, и сверхъ того надъ ними образуется новая инстанція: уѣздный начальникъ. Тутъ же приведены свѣдѣнія о неудавшихся опытахъ учрежденія окружныхъ начальниковъ въ Сибири изъ отзыва калужскаго губернатора (бывшаго тобольскаго). Отзывъ калужскаго губернатора В. А. Арцимовича подкрѣпленъ справками изъ дѣлъ мин. внутрен. дѣлъ какъ о сибирскихъ окружныхъ начальникахъ, такъ и о военныхъ окружныхъ начальникахъ въ западныхъ губерніяхъ. О сибирскихъ окружныхъ начальникахъ приведены неблагопріятные отзывы: генералъ-губернатора западной

Сибири Гасфорта и восточной графа Муравьева-Амурскаго, и ревизовавшій въ 1845 г. Восточную Сибирь сенаторъ Толстой нашелъ, что учрежденіе окружныхъ начальниковъ не только безполезно, но даже положительно вредно. Послѣ перваго польскаго возстанія (точно также, какъ и во время второго) признано было полезнымъ въ 1831 г. учредить въ сѣверозападныхъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ должности военныхъ уѣздныхъ начальниковъ; но какъ край успокоился, то эти должностныя лица оказались совершенно безполезными, и потому, по представленію виленскаго генералъ-губернатора Мирковича, должность эта была упразднена въ 1843 году. Въ заключеніе выписокъ изъ дѣлъ министерства, было прибавлено: „въ какой степени полезно учрежденіе уѣздныхъ начальниковъ въ Закавказскомъ краѣ—въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній нѣтъ. Но едва ли управленіе азіятскими народами въ краѣ, смежномъ съ театромъ безпрерывныхъ военныхъ дѣйствій [1]), можетъ послужить примѣромъ для европейской Россіи".

О совмѣщеніи должности уѣзднаго начальника съ предсѣдательствомъ въ уѣздной расправѣ приведены особенно подробныя мнѣнія двухъ столичныхъ генералъ-губернаторовъ; а также упомянуто объ отзывахъ по этому предмету губернаторовъ: калужскаго, тверскаго и кіевскаго. Всѣ эти губернаторы представляли объ отдѣленіи отъ начальника уѣздной полиціи судебной власти: не только по предсѣдательству въ уѣздной расправѣ, о чемъ упоминали многіе губернаторы, но петербургскій генералъ-губернаторъ и три упомянутые начальника губерніи шли далѣе: они ходатайствовали объ отдѣленіи отъ полиціи и судебно-полицейскаго разбирательства. Въ нашей запискѣ было, въ видѣ справки, сказано „такое предположеніе объ отдѣленіи судебно-полицейскаго разбирательства тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что для сословія государственныхъ крестьянъ дарованы уже права, по какимъ они въ полицейскихъ проступкахъ не подлежатъ разбирательству полиціи, а собственной своей сословной расправѣ. Несправедливо было бы лишать этого права сословіе помѣщичьихъ крестьянъ, къ сравненію котораго, въ этомъ отношеніи, съ государственными крестьянами не представляется никакихъ препятствій".

Я. А. Соловьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Окончательное усмиреніе горскихъ племенъ послѣдовало послѣ.
Я. С.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

въ Главномъ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія,

1861 — 1882 гг.

Въ февральской книгѣ «Русской Старины» изд. 1880 года, по случаю исполнившагося 25-ти лѣтія со дня восшествія на престолъ въ Бозѣ почивающаго Царя-Освободителя, начаты печатаніемъ, между прочими, матеріалы по исторіи главнѣйшей реформы прошлаго царствованія,—освобожденію бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, съ того момента, какъ мысль объ этомъ святомъ дѣлѣ зародилась въ умѣ Государя Императора Александра Николаевича, до великаго историческаго дня 19-го февраля 1861 г., когда она получила осуществленіе въ высочайшемъ манифестѣ и высочайше утвержденныхъ Положеніяхъ, даровавшихъ свободу крѣпостному состоянію. Печатаніе матеріаловъ къ исторіи великой реформы, какъ тогда же было заявлено въ «Русской Старинѣ», составляетъ одну изъ главныхъ задачъ этого изданія, представившаго уже на своихъ страницахъ множество матеріаловъ для характеристики истинно незабвеннаго Царя-Освободителя и для обзора его преобразованій всего внутренняго строя Россіи.

Въ самый день освобожденія крестьянъ—19-го февраля 1861 г.—состоялся высочайшій указъ объ учрежденіи Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія. Комитету этому, въ теченіе 20-ти слишкомъ лѣтъ, принадлежало высшее наблюденіе за ходомъ крестьянскаго дѣла и руководство онымъ. Онъ закрытъ высочайшимъ указомъ 25-го мая 1882 года, какъ исполнившій особо возложенную на него задачу. Поэтому дѣятельность Главнаго Комитета есть нынѣ достояніе исторіи. Въ настоящей книгѣ «Русской Старины» начинается очеркъ этой дѣятельности. Сперва мы изложимъ предстоявшія Комитету задачи, приведемъ общую характеристику данной ему власти, его личнаго состава и его отношеній къ подлежащимъ министр-

ствамъ, какъ исполнительнымъ его органамъ. Затѣмъ мы перейдемъ къ самой дѣятельности Комитета по разнымъ отдѣламъ крестьянскаго дѣла; при этомъ будемъ останавливаться преимущественно на такихъ вопросахъ и дѣлахъ, въ которыхъ характеръ этой дѣятельности и тѣ особыя отношенія, въ которыя комитетъ былъ поставленъ, выразились съ наибольшею рельефностію, опуская однако вопросы, болѣе мелкіе или имѣвшіе, такъ сказать, безразличный, въ означенныхъ отношеніяхъ, характеръ.

I.

Главный Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія учрежденъ былъ взамѣнъ: 1) Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, занимавшагося, вмѣстѣ съ состоявшими при немъ редакціонными комиссіями, составленіемъ предположеній объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости и о дальнѣйшемъ устройствѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, и 2) особаго комитета для устройства крестьянъ государственныхъ, удѣльныхъ, дворцовыхъ и заводскихъ. Въ означенномъ указѣ сказано, что Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Государя Императора, и что «предметомъ его дѣйствій должно быть приведеніе къ однимъ общимъ началамъ устройства и управленія всего сельскаго или крестьянскаго состоянія въ государствѣ».

Сообразно съ такою цѣлію учрежденія комитета, на обязанность его возложены: 1) разработка законодательныхъ проектовъ, которые предстояло составить какъ въ дополненіе къ положеніямъ 19-го февраля 1861 года о бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ, такъ и въ видахъ устройства, на тѣхъ же началахъ, всѣхъ другихъ крестьянъ: государственныхъ, дворцовыхъ, удѣльныхъ и проч.; 2) высшее наблюденіе за приведеніемъ въ дѣйствіе всѣхъ законоположеній о крестьянахъ и разрѣшеніе могущихъ при томъ возникать вопросовъ и недоразумѣній; при этомъ постановлено, что журналы комитета по дѣламъ законодательнымъ должны поступать на разсмотрѣніе общаго собранія государственнаго совѣта, на томъ же основаніи, какъ вносятся въ оное дѣла изъ департаментовъ совѣта, а по дѣламъ исполнительнымъ должны быть представляемы непосредственно на высочайшее разсмотрѣніе и утвержденіе, подобно журналамъ комитетовъ: министровъ, кавказскаго и сибирскаго. Впослѣдствіи, къ означеннымъ обязанностямъ Главнаго комитета присоединены еще: 3) по высочайше утвержденному 6-го мая 1863 г. мнѣнію государственнаго совѣта — разсмотрѣніе исковъ крестьянъ о земляхъ, купленныхъ въ

прежнее время на имя ихъ бывшихъ помѣщиковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда къ этимъ искамъ нельзя буквально примѣнить изданныя на сей предметъ правила (прилож. къ 32-й ст. Общаго Положенія 19-го февраля 1861 г.), безъ явнаго нарушенія справедливости, и 4) по высочайше утвержденному 11-го іюля 1863 г. положенію Главнаго комитета,—разрѣшеніе, въ качествѣ высшей инстанціи, всѣхъ жалобъ по поземельному и хозяйственному устройству крестьянъ, поступающихъ отъ заинтересованныхъ сторонъ на подлежащія министерства.

Такимъ образомъ въ Главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія сосредоточились всѣ отрасли крестьянскаго дѣла и ему присвоены были по этому дѣлу: и власть законодательная (но законодательнымъ дѣламъ онъ составлялъ какъ бы особый департаментъ государственнаго совѣта), и власть исполнительная (наблюденіе за ходомъ дѣла и разрѣшеніе вопросовъ не законодательнаго свойства), и власть судебная (разрѣшеніе въ высшей инстанціи жалобъ по крестьянскому дѣлу, а равно исковъ крестьянъ о земляхъ). Нельзя однакоже не сказать, что осуществленіе этой, повидимому столь обширной, власти въ весьма значительной мѣрѣ зависѣло отъ подлежащихъ министерствъ; самъ комитетъ разсматривалъ проекты, вопросы и жалобы [1]), представляемые ему министерствами; онъ могъ только возбуждать вопросы, передавая ихъ для обсужденія и предварительной разработки тѣмъ же министерствамъ; инціатива же представленія этихъ проектовъ, вопросовъ и жалобъ принадлежала министерствамъ, при чемъ имъ представлялась возможность обставить свои предположенія и заключенія фактическими данными по своему выбору и усмотрѣнію. Министерствамъ же принадлежало и дѣйствительное исполненіе крестьянскихъ законоположеній, или же ближайшее наблюденіе за исполненіемъ оныхъ мѣстными учрежденіями, вполнѣ отъ нихъ зависящими. Конечно, въ комитетѣ сосредоточивались отчетныя свѣдѣнія о ходѣ крестьянскаго дѣла отъ губернаторовъ и изъ министерствъ. Но кому неизвѣстно, что административные отчеты отражаютъ въ себѣ дѣйствительное положеніе дѣла только въ степени, соразмѣрной доброй волѣ ихъ составителей. Болѣе дѣйствительнымъ способомъ для исполненія наблюдательной функціи комитета могло бы служить сосредоточеніе въ немъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ и недоразумѣній, возникающихъ при приведеніи въ исполненіе законоположеній о крестьянахъ, а равно жалобъ, къ которымъ исполненіе это подавало поводъ.

[1]) По закону 11-го іюля 1863 г. жалобы на министерства приносились самому же министерству для представленія съ его заключеніями въ Главный комитетъ; въ видѣ снисхожденія къ просителямъ, жалобы принимались и комитетомъ, но пересылались въ министерства.

Но и здѣсь много зависѣло отъ министерствъ: не всѣ возникавшіе на мѣстахъ вопросы и недоразумѣнія такого свойства, что требовали разрѣшенія Главнаго комитета; нѣкоторые изъ нихъ могли быть разрѣшаемы и административнымъ порядкомъ. Точное разграниченіе вопросовъ того и другого рода не легко и допускаетъ большой просторъ толкованія, а потому отъ министерства и его отношеній къ Главному комитету весьма много зависѣло: самому-ли разрѣшить данный вопросъ, или внести его въ комитетъ. Восхожденіе же жалобъ до Главнаго комитета всегда было дѣломъ личныхъ и случайныхъ обстоятельствъ, и если принять кромѣ того въ разсчетъ многочисленность инстанцій при разрѣшеніи крестьянскихъ дѣлъ и необходимость соблюденія, при переносѣ дѣла по инстанціямъ, разныхъ формальностей и сроковъ, то нельзя не придти къ заключенію, что только весьма немногіе случаи недовольства рѣшеніями и распоряженіями мѣстныхъ учрежденій и министерствъ доходили до Главнаго комитета. Во всякомъ случаѣ способъ наблюденія за дѣлами посредствомъ разрѣшенія вопросовъ и жалобъ не имѣлъ надлежащей систематичности, а, напротивъ, необходимо отличался отрывочнымъ и случайнымъ характеромъ. Многое при этомъ ускользало отъ наблюденія и вниманія комитета; многія рѣшенія и распоряженія, частныя и даже общія, постановленныя сообразно со взглядами мѣстныхъ учрежденій и министерствъ, оставались въ своей силѣ, и, не подвергаясь контролю Главнаго комитета, входили въ общій обиходъ дѣла и служили прецедентами и руководствомъ на будущее время.

Изъ всего этого оказывается, что для того, чтобы Главный комитетъ могъ съ полнымъ успѣхомъ выполнить возложенныя на него задачи, необходимо было, чтобы между нимъ и административными учрежденіями существовало полное согласіе во взглядахъ, по крайней мѣрѣ, на основныя начала крестьянскаго дѣла. Было-ли это въ дѣйствительности? Главный комитетъ имѣлъ отношенія преимущественно къ министерствамъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ; къ министерству внутреннихъ дѣлъ — по завѣдыванію имъ приведеніемъ въ исполненіе всѣхъ вообще законоположеній о крестьянахъ; къ министерству государственныхъ имуществъ — по поземельному устройству бывшихъ государственныхъ крестьянъ, колонистовъ, а впослѣдствіи и горнозаводскаго населенія казенныхъ и поссессіонныхъ горныхъ заводовъ (по передачѣ этой части изъ министерства финансовъ), и къ министерству финансовъ — преимущественно по выкупу надѣловъ бывшими помѣщичьими крестьянами. Комитетъ имѣлъ отношенія и къ другимъ министерствамъ: императорскаго двора и удѣловъ — по примѣненію Положеній 19-го

февраля 1861 г. — къ крестьянамъ удѣльнымъ и дворцовымъ; военному — по завѣдыванію имъ дѣломъ приведенія въ исполненіе Положеній 19-го февраля 1861 г. въ Землѣ Войска Донскаго и по примѣненію началъ 19-го февраля къ казачьимъ войскамъ; юстиціи — по законодательнымъ вопросамъ, возникавшимъ по крестьянскому дѣлу въ правительствующемъ сенатѣ. Но въ инстанціонномъ порядкѣ жалобы поступали въ Главный комитетъ почти исключительно на министерство внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ на мѣстѣ всѣми отраслями крестьянскаго дѣла и всѣми разрядами сельскаго состоянія завѣдывало губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, состоявшее въ завѣдываніи министерства внутреннихъ дѣлъ [1]), которому приносились и жалобы на всѣ его дѣйствія и рѣшенія по поземельнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ крестьянъ [2]). Съ другими затѣмъ министерствами Главный комитетъ имѣлъ отношенія почти исключительно по законодательнымъ дѣламъ и вопросамъ.

Такимъ образомъ важнѣйшая часть крестьянскаго дѣла сосредоточивалась въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ: ему принадлежала предварительная разработка всѣхъ законодательныхъ проектовъ въ развитіе Положеній 19-го февраля относительно бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и завѣдываніе приведеніемъ въ исполненіе какъ этихъ Положеній, такъ и узаконеній объ устройствѣ всѣхъ другихъ сельскихъ обывателей. Регулированіе отношеній между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными, слѣдовательно наиболѣе важная и самая трудная часть крестьянскаго дѣла, состояла всецѣло въ его завѣдываніи. Извѣстно, что значеніе и успѣхъ всякой реформы, всякаго закона опредѣляются не только ихъ содержаніемъ, но въ весьма значительной мѣрѣ способомъ его исполненія. Каковы же были отношенія министерства внутреннихъ дѣлъ къ Главному комитету? На сколько оно было его единодушнымъ и искреннимъ пособникомъ въ дѣлѣ устройства сельскаго состоянія? Каковы были отношенія къ Комитету прочихъ министерствъ, завѣдывавшихъ другими отраслями крестьянскаго дѣла? Отвѣтъ на эти вопросы читатель найдетъ въ изложеніи послѣдующаго очерка дѣятельности Главнаго комитета.

---

[1]) Только въ Землѣ Войска Донскаго, областное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе подчинено было военному министерству, а потому въ этой мѣстности жалобы приносились: на Областное присутствіе — военному министерству, а на послѣднее — въ Главный комитетъ.

[2]) По закону 11-го іюля 1863 г. жалобы на губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія по дѣламъ, касавшимся правъ крестьянъ личныхъ, по состоянію, по общественному ихъ устройству, направлялись въ 1-й департаментъ правительствующаго сената.

Но прежде чѣмъ перейти къ такому очерку, необходимо, дабы закончить общую характеристику Главнаго комитета, коснуться его личнаго состава.

Предсѣдателемъ этого учрежденія былъ Высочайшею волею назначенъ Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Невозможно было найти для этого, величайшей важности, поста лицо, болѣе къ тому подготовленное: въ подтвержденіе напомнимъ Высочайшій рескриптъ, послѣдовавшій на имя Его Императорскаго Высочества въ самый день 19 февраля 1861 года:

«Ваше Императорское Высочество! Подписавъ сего дня Манифестъ о дарованіи помѣщичьимъ крестьянамъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей и утвердивъ разсмотрѣнные сначала, въ бывшемъ подъ предсѣдательствомъ Вашимъ, Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, а потомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, общія и мѣстныя Положенія и Правила, относящіяся къ крестьянамъ и дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, Я, и по влеченію сердца, и по долгу Моему, желаю въ этотъ самый достопамятный для Россіи день изъявить Вамъ Мою живѣйшую и глубокую признательность за точное, скорое и вполнѣ Моей волѣ и Моимъ ожиданіямъ соотвѣтствующее окончаніе сего государственнаго дѣла.

«Съ самаго назначенія Вашего, 15-го іюля 1857 года, членомъ Комитета, учрежденнаго для предпринимаемаго преобразованія, Вы принимали безпрерывно-дѣятельнѣйшее участіе во всѣхъ онаго дѣйствіяхъ, и по окончаніи, въ октябрѣ 1860 года, состоявшими при семъ Комитетѣ Редакціонными Коммисіями порученныхъ имъ работъ, призывая Главный Комитетъ къ подробному представленныхъ ими проектовъ разсмотрѣнію, Я, по особому Моему Вамъ довѣрію, назначилъ Ваше Высочество предсѣдательствующимъ въ семъ Комитетѣ.

«Вы вполнѣ оправдали сіе довѣріе.

«Глубоко, тщательно изучивъ все относящееся къ важнымъ, разнообразнымъ вопросамъ, долженствовавшимъ возникнуть при обсужденіи какъ сихъ предначертанныхъ уже, такъ и могущихъ служить къ ихъ усовершенствованію мѣръ, Вы, съ пламеннымъ ко благу общему усердіемъ, посвящали ежедневно трудамъ въ Главномъ Комитетѣ всѣ Ваши усилія, все Ваше время и, безъ сомнѣнія, благодаря въ особенности Вамъ, подробное разсмотрѣніе сего обширнаго дѣла во всѣхъ его частяхъ, исправленіе и дополненіе проектовъ, разрѣшеніе всѣхъ представлявшихся при томъ сомнѣній, наконецъ, и составленіе нѣсколькихъ новыхъ Положеній приведены къ окончанію въ назначенное Мною время. За сіи доказательства неутомимой, примѣрной дѣятельности Главнаго по крестьянскому дѣлу

Комитета, Я поручаю Вашему Высочеству передать членамъ онаго Мою искреннюю благодарность. Я не забуду и со Мною, конечно, вся Россія не забудетъ, какъ дѣйствовали въ семъ важномъ случаѣ Ваше Императорское Высочество и всѣ прочіе члены Главнаго Комитета. Будущее извѣстно единому Богу и окончательный успѣхъ предпринятаго великаго дѣла зависитъ отъ Его Святой, всегда благостной, воли. Но Мы можемъ нынѣ же съ покойною совѣстью сказать себѣ, что Нами употреблены для совершенія онаго всѣ бывшія во власти Нашей средства, и съ смиреніемъ уповать, что покровительствующее любезному Нашему отечеству Провидѣніе благословитъ исполненіе Нашихъ намѣреній, коихъ чистота Ему извѣстна.

«При утвержденіи предположеній объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ и объ устройствѣ ихъ быта, Я призналъ необходимымъ принять мѣры къ устройству всего вообще сельскаго состоянія на общихъ и единообразныхъ началахъ. Для сего Я учреждаю особый, подъ Моимъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ, Комитетъ, въ который назначаю Ваше Императорское Высочество членомъ и предсѣдательствующимъ. Не сомнѣваюсь, что Вы, зная Мои по сему предмету мысли и желанія, съ обычнымъ Вашимъ неохлаждаемымъ ничѣмъ усердіемъ, дѣятельно приступите къ трудамъ по сему новому, но имѣющему тѣсную связь съ довершеннымъ уже, дѣлу.

«Пребываю навсегда»

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Душевно Васъ любящій и благодарный Александръ».

Санктпетербургъ.
19-го февраля 1861 г.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ предсѣдательствовалъ въ Главномъ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія (съ небольшимъ перерывомъ въ 1862 и 1863 гг., вызваннымъ отъѣздомъ его въ Царство Польское для исполненія высочайше возложеннаго на Его Высочество порученія) съ самаго учрежденія Комитета до іюля 1881 г., слѣдовательно почти до дня закрытія онаго (25 мая 1882 г.).

Управляющимъ дѣлами Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія назначенъ былъ, при учрежденіи онаго, Степанъ Михайловичъ Жуковскій, который равнымъ образомъ былъ вполнѣ подготовленъ къ этому званію прежнею своею дѣятельностію: съ 3-го января 1857 г. онъ занимался по особому, учрежденному для обсужденія крестьянской реформы, комитету, наименованному впослѣдствіи Главнымъ комитетомъ по крестьянскому дѣлу; 17-го февраля 1859 г. послѣдовало назначеніе его непремѣннымъ членомъ Редакціонныхъ

коммисій; затѣмъ, когда предположенія сихъ коммисій поступили на разсмотрѣніе Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, ему поручено было управленіе дѣлами сего комитета. Первоначально производство дѣлъ въ Главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія состояло въ вѣдѣніи государственнаго секретаря до тѣхъ поръ, пока въ этомъ званіи состоялъ В. П. Бутковъ, также участвовавшій въ подготовительныхъ работахъ по крестьянской реформѣ и потому близко знакомый съ законоположеніями 19-го февраля 1861 г. и имъ искренно сочувствовавшій. Но въ 1865 году, когда Буткова смѣнилъ князь С. Н. Урусовъ, производство дѣлъ въ Комитетѣ и управляющій дѣлами онаго были поставлены въ независимое отъ государственнаго секретаря положеніе.

Назначеніе на должности предсѣдательствующаго въ Главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія и управляющаго дѣлами онаго лицъ, принимавшихъ самое близкое и дѣятельное участіе въ разработкѣ основныхъ началъ и всѣхъ подробностей крестьянской реформы,—проникшихся, такъ сказать, всѣмъ ея духомъ,—послужило весьма важнымъ залогомъ возможно успѣшнаго выполненія комитетомъ порученныхъ ему весьма трудныхъ задачъ. Личныя ихъ свойства еще болѣе тому содѣйствовали: управляющій дѣлами всегда пользовался полною свободою не только высказывать, но и поддерживать свои мнѣнія. Съ другой стороны, Степанъ Михайловичъ Жуковскій обладалъ въ полной мѣрѣ качествами замѣчательнаго государственнаго дѣятеля: — твердостью убѣжденій, широтою взглядовъ, при умѣньи вникать во всѣ частности дѣла,—что достигалось усидчивымъ и основательнымъ изученіемъ онаго,—находчивостью и настойчивостью въ преніяхъ, при должной сдержанности, — выработанною редакціею законодательныхъ постановленій, отличавшеюся сжатостію и точностію. Всѣ эти качества дѣлали изъ него драгоцѣннаго помощника для Августѣйшаго предсѣдательствующаго. Августѣйшій предсѣдатель комитета и управляющій его дѣлами постоянно и неразрывно шли вмѣстѣ, опираясь другъ на друга, при неоднократно измѣнявшемся составѣ комитета. Жуковскій, при постепенной и энергической поддержкѣ Предсѣдателя, часто вынужденъ былъ вмѣшиваться въ пренія членовъ комитета и тѣмъ выходить изъ роли простого докладчика. Такъ какъ это вызывало нареканія со стороны тѣхъ членовъ, которые относились несочувственно къ его взглядамъ, то въ 1869 году онъ назначенъ былъ членомъ Главнаго комитета съ оставленіемъ на немъ и управленія дѣлами. Этимъ назначеніемъ, вполнѣ заслуженнымъ неутомимымъ статсъ-секретаремъ, нареканія были устранены и вмѣстѣ съ тѣмъ дарованіямъ С. М. Жуковскаго было воздано должное.

Изъ членовъ Главнаго комитета, одни имѣли это званіе лично, по особому Высочайшему назначенію, другіе—по должности.

Къ первымъ принадлежали: Николай Ивановичъ Бахтинъ (до кончины въ 1869 г.), Константинъ Владиміровичъ Чевкинъ (до кончины 25 августа 1875 г.), Николай Алексѣевичъ Милютинъ (съ 1864 г. по декабрь 1866 г., когда постигла его неизлѣчимая болѣзнь), Михаилъ Христофоровичъ Рейтернъ и Александръ Аггеевичъ Абаза, (со времени оставленія ими поста министра финансовъ: первымъ въ 1878 г., а послѣднимъ въ апрѣлѣ 1880 г. до закрытія Главнаго комитета).

Членами Главнаго комитета по должности состояли: министры внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, финансовъ, юстиціи и удѣловъ [1]), а также главноуправляющій II-го и главный начальникъ III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи.

«Личные» члены комитета, будучи назначаемы не иначе какъ по представленію предсѣдателя, были, конечно, съ нимъ, въ основныхъ взглядахъ на крестьянское дѣло, единомысленны. Изъ нихъ К. В. Чевкинъ, Н. А. Милютинъ и М. Х. Рейтернъ участвовали въ предварительной разработкѣ Положеній 19-го февраля 1861 г., первый—въ качествѣ члена Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, второй—въ качествѣ члена редакціонныхъ коммисій, и третій—какъ членъ финансовой коммисіи, составлявшей какъ бы особое отдѣленіе тѣхъ же редакціонныхъ коммисій.

Членами комитета, по должностямъ, были: какъ министры внутреннихъ дѣлъ—графъ П. А. Валуевъ (въ 1861—1867 гг.), А. Е. Тимашевъ (въ 1867—1879 гг.), Л. С. Маковъ (въ 1879—1880 гг.), графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ (1880—1881 гг.), и графъ Н. П. Игнатьевъ (1881 г., до 25 мая 1882 г., закрытія комитета).—Какъ министры государственныхъ имуществъ—графъ М. Н. Муравьевъ (въ 1861—1863 гг.), А. А. Зеленой (1863—1872 гг.), графъ П. А Валуевъ (1872—1879 гг.), князь А. А. Ливенъ (1879—1881 гг.), и М. Н. Островскій (съ 1881 г. до закрытія комитета). Какъ министры финансовъ—М. Х. Рейтернъ (въ 1861—1878 гг.), С. А. Грейгъ (въ 1878 - 1880 гг,). А. А. Абаза (въ 1880—1881 гг.); Н. Х. Бунге (съ 1881 г. до закрытія комитета). Какъ министры юстиціи: графъ В. Н. Панинъ, Д. Н. Замятнинъ, графъ К. И. Паленъ, Д. Н. Набоковъ,—каждый во время бытности ихъ министрами юстиціи. Какъ главноуправляющіе II-мъ отдѣленіемъ: графъ Д. Н. Блудовъ (1861 г.), графъ М. А. Корфъ (1862 г.), графъ В. Н. Панинъ (съ 1863—1867 г.), князь С. Н. Уру-

[1]) На основаніи высочайшаго повелѣнія 23-го октября 1867 г. министръ императорскаго двора и удѣловъ приглашался въ комитетъ только по дѣламъ бывшихъ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства.

совъ (съ 1867 — до закрытія комитета). Какъ главные начальники III-го отдѣленія: князь В. А. Долгоруковъ (1861—1865 гг.), графъ П. А. Шуваловъ (1865—1875 гг.), А. Л. Потаповъ (1875—1877 гг.), А. Р. Дрентельнъ (1877—1879 гг.).

Достаточно одного этого перечисленія, чтобы видѣть, что члены Главнаго комитета по должностямъ составляли часть коллегіи съ мѣняющимися взглядами. Нѣкоторые изъ этихъ членовъ болѣе или менѣе сближались и даже совершенно сливались во взглядахъ съ Августѣйшимъ Предсѣдателемъ комитета. Другіе же, наоборотъ, взглядамъ этимъ болѣе или менѣе не сочувствовали.

Чйсло «личныхъ» членовъ комитета, всегда и вполнѣ единодушныхъ съ предсѣдателемъ, обыкновенно не превышало, въ одно и то же время, двухъ. Только въ 1864—1866 годахъ ихъ было трое (Н. И. Бахтинъ, К. В. Чевкинъ и Н. А. Милютинъ).

Членовъ же по должностямъ было постоянно 6 или 7. Слѣдовательно только съ присоединеніемъ двухъ-трехъ изъ числа послѣднихъ къ первымъ могло составиться въ комитетѣ абсолютное большинство для разрѣшенія дѣлъ въ истинномъ духѣ законоположеній 19-го февраля 1861 г. Такое большинство не всегда было возможно образовать, по причинѣ преимущественно отсутствія на болѣе или менѣе продолжительное время членовъ, единомысленныхъ съ Предсѣдателемъ. Такъ, напр., въ 1874—1875 г. «личныхъ членовъ» (К. В. Чевкина и С. М. Жуковскаго) вовсе не было на лицо. Изъ членовъ же по должности, только тогдашній министръ финансовъ (М. Х. Рейтернъ) могъ считаться искренно сочувствующимъ направленію Предсѣдателя. Въ такихъ случаяхъ рѣшеніе дѣла становилось затруднительнымъ. Предсѣдателю представлялось одно изъ двухъ: или идти на компромиссъ между двумя мнѣніями, изъ которыхъ противоположное ему мнѣніе поддерживалось нерѣдко большинствомъ, или же откладывать разсмотрѣніе дѣла до болѣе благопріятнаго времени, если только свойство дѣла дозволяло таковую отсрочку. Но и при болѣе равномѣрномъ распредѣленіи голосовъ между двумя мнѣніями, доводить дѣло до разногласія (которое представлялось на разрѣшеніе Государя императора) признавалось возможнымъ только въ крайнемъ случаѣ, лишь при особой важности разсматриваемаго дѣла.

Такимъ образомъ, при обсужденіи дѣятельности Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, необходимо имѣть въ виду не только отношенія комитета къ его исполнительнымъ органамъ—министрамъ, но и обстоятельства, относящіяся къ личному составу самого Главнаго комитета и взглядамъ на крестьянское дѣло членовъ этого учрежденія.

Дѣятельность Главнаго Комитета обнимала все крестьянское дѣло во всей его совокупности. Поэтому излагать очеркъ этой дѣятельности значило-бы, собственно говоря, писать исторію всего крестьянскаго дѣла. Но въ настоящемъ случаѣ, не задаваясь столь широкою программою, мы укажемъ, какъ упомянуто уже выше, только характеристическія черты дѣятельности комитета, распредѣливъ оную по слѣдующимъ главнымъ частямъ крестьянскаго дѣла: 1) устройство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на основаніи Положеній 19-го февраля 1861 г.; 2) примѣненіе началъ 19-го февраля 1861 г. къ устройству другихъ разрядовъ сельскихъ обывателей, и 3) дальнѣйшее развитіе этихъ началъ въ примѣненіи къ устройству всего сельскаго населенія.

Въ различные періоды дѣятельности Главнаго комитета преобладалъ тотъ или другой родъ дѣлъ; такъ, въ первые годы по изданіи Положеній 19-го февраля 1861 г., въ 1861—1865 гг., дѣятельность комитета естественно была направлена преимущественно на дѣла по введенію въ дѣйствіе этихъ Положеній и устройству бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; этотъ родъ дѣлъ продолжалъ занимать комитетъ и во все остальное время его существованія, то усиливаясь, какъ напр. къ концу его дѣятельности (общее пониженіе выкупныхъ платежей и общій обязательный выкупъ), то уступая мѣсто другимъ частямъ крестьянскаго дѣла. Съ 1865 и 1866 гг. существеннѣйшая часть работы комитета была посвящена устройству разныхъ крестьянскихъ сословій, не принадлежавшихъ къ крѣпостному состоянію, примѣнительно къ началамъ 19-го февраля 1861 г. Мѣры къ устройству всего сельскаго населенія, какъ само собою понятно, возникать начали преимущественно во второй половинѣ дѣятельности Главнаго Комитета, когда различныя отдѣльныя части этого населенія приведены уже были, въ главныхъ по крайней мѣрѣ чертахъ, къ устройству.

Дѣятельность Главнаго Комитета по первому изъ указанныхъ главныхъ отдѣловъ—устройству бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—можетъ быть всего удобнѣе изложена, соображаясь съ подраздѣленіями самыхъ законоположеній 19-го февраля, на слѣдующія части: 1) обнародованіе и приведеніе въ дѣйствіе этихъ законоположеній; 2) общія права крестьянъ: личныя, по состоянію, имуществу и общественному управленію (Общее Положеніе о крестьянахъ); 3) поземельное устройство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ (Мѣстныя Положенія о сихъ крестьянахъ); 4) выкупная операція надѣловъ этихъ крестьянъ (Положеніе о выкупѣ); 5) учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ собранію портретовъ

главныхъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ

1857—1861 гг.

Къ настоящей книгѣ „Русской Старины“ изд. 1884 года мы прилагаемъ портретъ бывшаго Августѣйшаго Предсѣдателя Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича.

Портретъ этотъ, геліогравюра, исполненъ художникомъ г. Скамони въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ въ С.-Петербургѣ, съ фотографіи, исполненной тамъ же, съ натуры, въ 1876 году.

Издавно печатая на страницахъ „Русской Старины“ много матеріаловъ для исторіи великой крестьянской реформы, совершенной Императоромъ Александромъ II-Освободителемъ, и украсивъ „Русскую Старину“ еще при жизни, нынѣ въ Бозѣ почивающаго, Государя его портретомъ (см. февральскую книгу „Русской Старины“ изд. 1880 г.), мы помѣщаемъ нынѣ портретъ Великаго Князя Константина Николаевича—ближайшаго, главнѣйшаго сподвижника Великаго Государя, который „въ самый достопамятный для Россіи день“—19-го февраля 1861 г.—съ такою теплотою и сердечностью выразилъ Его Высочеству признательность за „пламенное, ничѣмъ не охлаждаемое усердіе“ въ громадныхъ трудахъ, исполненныхъ въ 1857—1861 гг. при выработкѣ всей реформы 19-го февраля.

— „Я не забуду,—говорилъ съ высоты трона Освободитель и Преобразователь Россіи въ рескриптѣ Великому Князю Константину Николаевичу,—я не забуду и со мною, конечно, вся Россія не забудетъ, какъ дѣйствовали въ семъ важномъ случаѣ Ваше Императорское Высочество“.

Россія сохранитъ на страницахъ своей исторіи подлѣ имени императора Александра II имя в. к. Константина Николаевича и оба эти имени прейдутъ къ наиотдаленнѣйшимъ поколѣніямъ русскаго народа, какъ имена достопамятнѣйшихъ русскихъ людей, свершившихъ,—при содѣйствіи лучшихъ людей Россіи и сочувствіи всего міра,—величайшій подвигъ освобожденія 23 милліоновъ крестьянъ изъ крѣпостнаго рабства.

При послѣдующихъ книгахъ „Русской Старины“ мы постепенно приложимъ портреты графа Я. И. Ростовцева, графа В. Н. Панина, графа С. С. Ланскаго, Н. А. Милютина (гравюра на мѣди академика, адъюнктъ-профессора И. П. Пожалостина), Я. А. Соловьева и нѣкоторыхъ другихъ главнѣйшихъ дѣятелей крестьянской реформы 19-го февраля 1861 г.

Ред.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ПОЛЗУНОВЪ,

изобрѣтатель первой въ Европѣ паровой машины

въ 1764—1766 гг.

III [1]).

Рапортъ канцеляріи Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства въ высочайшій кабинетъ 7-го марта 1764 г.

Въ высочайшій кабинетъ ея императорскаго величества изъ канцеляріи Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства. Репортъ.

По указу изъ высочайшаго кабинета отъ 19-го числа ноября прошлаго 1763 года на представленіе здѣшней канцеляріи между протчаго по 6 пункту предписано: что по представленію здѣшнему шахтъ-мейстеръ Ползуновъ за сочиненный проектъ съ планомъ и описаніемъ новой огнедѣйствуемой чрезъ посредство воздуха и паровъ, происходящихъ отъ варенія въ котлѣ воды и приставленныхъ къ тому цилиндровъ съ прочими механическими членами машины, пожалованъ механикусомъ съ чиномъ и жалованьемъ инженернаго капитана—поручика и вмѣсто представленія. . . . . [2]) въ награжденіе двусотъ . . . . . [2]) велѣно выдать четыреста рублевъ; также буде онъ при заводахъ нынѣ необходимо не надобенъ, то прислать его въ кабинетъ при серебрѣ, дабы онъ для пріобрѣтенія бо́льшого въ механикѣ искуства при академіи наукъ года два или три къ оной съ вящимъ наставленіемъ прилежать и сродныя его къ тому дарованія и способность съ лучшими успѣхами впредь, для пользы заводской, употреблять могъ. И во исполненіе онаго указу отъ канцеляріи горнаго начальства механикусу Ползунову тотъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XI., ноябрь, стр. 407—414 и декабрь, стр. 629—644.

[2]) Пропускъ въ оригиналѣ. А. В.

чинъ объявленъ и чтобъ онъ описанную въ прожектѣ машину, по силѣ прежняго здѣшняго опредѣленія, на первой случай хотя при одной плавильной печи строилъ съ крайнимъ прилежаніемъ и всевозможнымъ наблюденіемъ акуратности, дабы оная имѣла совершенное дѣйствіе, и чтобы чрезъ то могъ несумнѣнно получить опредѣленное награжденіе. И опредѣлено выбрать ему изъ офицерскихъ и другихъ служителей дѣтей и изъ школьниковъ, или же изъ унтеръ-офицеровъ, въ ученики человѣка два или три, которые арифметику и геометрію хорошо знаютъ, понятіе и способность имѣютъ, и къ тому оныхъ употреблять, а между тѣмъ теорически первымъ механическимъ принципиямъ и правиламъ обучать, дабы и отъ нихъ помощь получить могъ. И для совершеннаго той машины производства въ дѣйство оной, Ползуновъ отнынѣ порученнаго леснаго распоряженія руководства и порядочнаго производства угольнаго дѣла смѣненъ. А въ высочайшій кабинетъ канцелярія горнаго начальства чрезъ сіе въ покорности представляетъ, чтобъ посылку его, Ползунова, въ академію наукъ на нѣкоторое время отмѣнить, ибо въ немъ здѣсь, для произведенія той, парами дѣйствуемой машины, практикою состоять въ крайняя надобность, потому что при новосысканномъ новолазурскомъ піеменовскомъ рудникахъ оказываются свинцовыя, только не богатыя, руды и положеніемъ еще не постоянны, а работа при оныхъ производится сильною рукою, не столько для добычи тѣхъ убогихъ рудъ, только для достиженія изысканія настоящихъ рудныхъ свинцовыхъ жилъ, ибо здѣсь въ свинцѣ состоитъ всекрайняя надобность и нужда. А какъ вышеписанныя, поныне добываемые, при новыхъ рудникахъ свинцовыя руды убоги и къ плавильнымъ заводамъ за дальностью возить весьма убыточно, для переплавки же, какъ за малостью ихъ въ наличіи, такъ и будетъ ли внутри горъ къ довольной ихъ добычѣ знатная надежда, за недовольнымъ еще работою разработываніемъ въ строеніи хотя и небольшаго вододѣйствуемаго завода вступить и великой на то коштъ употребить опасно. И такъ въ мысляхъ обносится, буде оная прожектированная машина, по сдѣланіи ея прибору и по учиненіи хотя малой примѣрной пробы силу дѣйствія своего окажетъ, то, по такой надеждѣ, сдѣланные имъ, Ползуновымъ, къ той машинѣ механическіе члены не такъ будетъ трудно туда перевезти и собрать. И смотря по количеству рудъ къ ней одну или нѣсколько плавильныхъ печей, для выплавки свинца содержащимъ ея въ тѣхъ рудахъ серебра, пристроить; отчего не малая польза и уменьшеніе великихъ расходовъ произойтить можетъ. Въ той надеждѣ канцелярія ему, Ползунову, и вступить опредѣлила, какъ прежнимъ репортомъ донесено. На что паки остается въ ожиданіи конфирмаціи и оную посылку Ползунова въ Санктъ-Петербургъ до приведеніи той машины въ дѣйствіе отмѣнить осмѣливаются. Къ тому жъ и выплавленное въ 163 году серебро (при которомъ случаѣ его прислать велѣно) отправ-

лено до полученія онаго указу съ другимъ офицеромъ. Марта 7-го дня 1764 года. Андрей Порошинъ.—Христіанъ. Въ должности секретаря колежской протоколистъ Василій Пастуховъ. Канцеляристъ Данило Бахтеревъ.

IV.

Въ канцелярію Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства, отъ механикуса Ивана Ползунова. Доношеніе.

По опредѣленію канцеляріи Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства отъ 22-го числа января сего года, велѣно прожектированную мною огнемъ дѣйствующую для плавильныхъ мѣховъ машину построить и въ совершенное дѣйствіе привесть; а сколько къ тому какихъ припасовъ и матеріаловъ, также когда и на какое время какихъ и кого именно мастеровыхъ и работныхъ людей надобно подать вѣдомость и, сверхъ того, выбрать изъ офицерскихъ и другихъ служителей дѣтей изъ школьниковъ или изъ унтеръ-офицеровъ, которые бы арифметику и геометрію хорошо знали, понятіе и способность имѣли, въ ученики человѣка два или три. И по силѣ онаго къ построенію упомянутой машины, къ литью и ковкѣ разныхъ припасовъ, сколько чего, по примѣрной смѣтѣ, потребно и кого именно въ работу изъ мастеровыхъ и прочихъ людей надобно тому приложена роспись. А что же касается до выбору изъ дѣтей въ ученики, то я въ понятіяхъ за способнѣе и по склонности въ томъ впредь для полезныхъ случаевъ, противъ другихъ надежнѣе быть признаваю изъ угольныхъ учениковъ: Дмитрія Лезвина, Федора Дьядникова, изъ офицерскихъ дѣтей Ивана Черницина, да изъ пробирныхъ Петра Витгента, изъ которыхъ, по соизволенію канцеляріи, потребно быть тремъ. О припасахъ же, которые при самомъ дѣлѣ, сверхъ прописаннаго числа въ росписи, будутъ на время потребны, яко то разные отъ всякаго мастерства инструменты къ подъему тягостей, канаты, наворотки и на прочее крѣпленіе сосновые бревна, на выкройки и образцы разный тесъ и горбинникъ, также глина и на разныя же при томъ потребности уголь, дрова и подобные тому, чего заранѣе познать не можно, чтобъ соблаговолено было оные безъ требованіевъ отпущать подъ росписки, а потомъ, за возвратомъ издержанное, записывать уже въ расходъ на машину, для же безпрерывнаго смотрѣнія будущихъ при томъ дѣлѣ инструментовъ и другихъ вещей опредѣлить въ точное мое вѣдѣніе въ четырехъ человѣкахъ содержать караулъ. Марта 4 дня 1764 года.

V.

Роспись о мастеровыхъ и работныхъ людяхъ и припасахъ, потребныхъ къ построенію огнедѣйствуемой машины.

О припасахъ.	Число.	Вѣсъ. Пуды.	Фунты.
Въ литье цилиндровъ насосныхъ трубъ и на подлежащій къ тому приборъ.			
Въ красной гиплеисъ (?) офенной мѣди	—	500	—
Чистой штуковой годной въ расковку на дѣло котла и воздушныя трубы	—	60	—
Свинцу на водяныя трубы, фентели и эмволы. .	—	600	—
Олова, если при отливѣ крупныхъ вещей обойтися мастерамъ конечно будетъ не возможно, то къ смѣшенію потребно, полагая на пудъ хотя 2 фунта, то подлежитъ 15 пудъ, а если обойтится безъ того можно, въ такомъ случаѣ и одни паки и припой	—	—	20
Проволоки на увязку болвановъ и кожуховъ разныхъ.	—	6	—
Номеровъ желѣза на обиску печи болвановъ и кожуховъ и съ ихъ сердешниками разныхъ сортовъ . .	—	150	—
На ковку къ машинѣ цѣпей, винтовъ, зубатыхъ колесъ и на прочіе приборы разныхъ сортовъ . . .	—	60	—
Угладу и стали къ наваркѣ инструментовъ на отлива (?) къ сверленію и на пружины.	—	4	—
Гвоздей разныхъ сортовъ.	2,000	—	—
Кожъ дубленыхъ толстыхъ на поршни и въ сроски межъ трубъ.	5	—	—
Пуповая къ эмволамъ	1	—	—
На дѣло припоемъ. . . Нашатырю . . .	—	—	2
Буры.	—	—	2
Зеленой мѣди . . .	—	—	20
Шплаутеру	—	—	20
Къ шлифовкѣ . . На ждерку или пимзы . .	—	1	—
Треплу	—	—	10
Туку ветчинную	—	2	—
Сала говяжьяго топленаго	—	1	20
Шерсти коровьей или овечьей	—	1	—
Щетинъ свиныхъ	—	—	20
Пеплу. . . Жестянаго	—	1	—
Деревяннаго.	—	4	—

	Число.	Вѣсъ. Пуды.	Фунты.
Пенку трепанаго	—	1	—
Солоду ржанаго на сусло въ смѣсь съ глиной . .	—	5	—
Къ кладкѣ печи къ литейному дѣлу и на кузничномъ горнѣ кирпича	3,000	—	—
Жести для закрышки отъ жару двойной и однакой листовъ	30	—	—
Кожъ юфтевыхъ для постилки и сохраненію опилковъ.	10	—	—

О людяхъ, которые нынѣ на первый случай потребны:

Къ литейному дѣлу:

Изъ шмелцеровъ: Иванъ Шевангинъ. Сергѣй Трусовъ. Федоръ Васильевъ Кирсановъ. Иванъ Наумовъ Козминъ.

Изъ кузнецовъ Ефимъ Маторинъ.

Изъ обжигальщиковъ Михайло Густокашинъ.

Изъ отставныхъ мастеровыхъ Григорій Бобровниковъ, Спиридонъ Бобровниковъ же.

Къ расковкѣ мѣди:

Филатъ Медвѣдевъ.

Семенъ Кореневъ.

Козьма Девкинъ.

А къ котельному дѣлу мѣди паяльной, къ кузнечному и слесарному: Иванъ Клеевъ, Андрей Зуевъ, Сафонъ Васильевъ, Григорій Харитоновъ.

Изъ столяровъ къ дѣлу моделей и образцовъ:

Игнатій Речкуновъ, Степанъ Худяковъ и къ нимъ работниковъ, изъ бочкарей: Иванъ Сафатовъ, Петръ Кунгуръ.

На которомъ рудникѣ, на Новолазурьевскомъ ли или на Семеновскомъ, опредѣлится наперво оную машину построить, то во оном мѣстѣ къ построенію дому и съ его предѣлы (въ коемъ будетъ состоять машина) потребно заготовить, въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ, вырубить, вывозить и въ стопы на мѣстѣ для просушки скласть.

		Саж.	Пуд.
Бревенъ сосновыхъ .	длиною 4 сажень.	300	—
	трехъ саженнаго	100	—
Тесу 4 саженнаго. .	ларевыхъ и мѣховыхъ	200	—
	подволочнаго	150	—
	кровельнаго	400	—

Дровъ заготовить, на первый случай, длиною $1^1/_2$ аршину, коихъ достаточно быть имѣетъ на треть года сажень. . . 200 —

Кирпича обожженаго на печь къ машинѣ . . . . . 30,000 шт.

Желѣза разныхъ сортовъ потребно будетъ перевезть въ іюлѣ мѣсяцѣ:	полосоваго	—	40
	плющильнаго	—	60
	баутоваго и буроваго . . .	—	40
	болотнаго и четверограннаго .	—	20

Смолы ведеръ . . . . . 100 шт.

Канатовъ толстыхъ и тонкихъ для подъема тягостей при строеніи число потребное по тогдашнему времени.

Къ вышеписанному строенію, ежели крестьянами расположится, то на іюль и августъ мѣсяцы потребно по 40 человѣкъ и съ ними изъ бергауровъ плотниковъ по 10 человѣкъ.

Механикусъ Иванъ Ползуновъ.

№ 681. Подано марта въ 19 день 1764 года.

VI.

Въ повелѣніи изъ высочайшаго кабинета ея императорскаго величества отъ 30 апрѣля здѣсь получено мая 31 числа сего 1764 года на посланный репортъ, между прочаго, 10 пунктомъ въ резолюціи объявлено:

Механика Ползунова для показанія потребностей при заводахъ оставить, а по исправленіи оныхъ отправить сюда.

На оное въ канцеляріи Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства тогда же мая 31 числа опредѣлено.

Въ должности секретаря коллежской протоколистъ Василій Пастуховъ. Выписывалъ канцеляристъ Данило Бахтеревъ.

VII.

Выписка. Въ повелѣніи высочайшаго кабинета ея императорскаго величества отъ 27 марта,—здѣсь получено мая 7-го числа сего года,—между прочимъ, въ резолюцію объявлено:

С.-Петербургъ, въ 27 день марта 1765 года.

Еще высочайше повелѣть изволила ея императорское величество истребовать отъ канцеляріи горнаго начальства немедленной присылки въ кабинетъ обстоятельнаго извѣстія о успѣхахъ дѣланія изобрѣтенной механикомъ Ползуновымъ огнедѣйствующей машины—окончена ли она, а буде еще нѣтъ, то когда отдѣлается и каково въ такой практикѣ дѣйство ея будетъ?

Иванъ Олсуфьевъ.

На оное въ канцеляріи Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства сего мая 10 дня опредѣлено: О машинѣ, строющейся механикомъ Ползуновымъ, взявъ отъ него о томъ, что требуется, увѣдомленіе въ кабинетъ отрепортовать.

Андрей Порошинъ. Канцелярист Данило Бахтеревъ.

VIII.

Журналъ канцеляріи Колывано-Воскресенскихъ заводовъ.

1765 года декабря въ 16 день, по указу ея императорскаго величества въ канцеляріи Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства слушая рапорты отъ механикуса Ползунова, поданнаго 16 числа сего декабря, которымъ объявляетъ, что къ собранію для горныхъ заводовъ огнемъ дѣйствующей огромной машины надлежащей домъ строеніемъ оконченъ, машинные члены всѣ сдѣланы, на своихъ мѣстахъ поставлены и вообще собраны, да и опытами вмѣсто мѣховой тягости, навѣшиваніемъ бревенъ къ движенію приведено. Изъ чего, по оказавшейся ея въ движеніи тягостей силѣ, не токмо поводъ, но и точную къ желаемымъ успѣхамъ надежду открылъ, и о прочемъ опредѣлено: 1) съ прописаніемъ изъ того репорта надлежащихъ обстоятельствъ въ высочайшій кабинетъ ея императорскаго величества отрепортовать и притомъ донесть, что въ оной машинѣ, при здѣшнемъ Барнаульскомъ заводѣ въ устроенной плотинѣ при довольствѣ воды надобности нѣтъ; а начата оная сооружать, какъ въ прежнихъ прожектахъ опредѣленныхъ и представленныхъ явствуетъ, единственно для опыту и усмотрѣнію ея дѣйствію въ самой практикѣ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ воды или къ тому способа не бываетъ, а лѣса есть. И весьма бы оную нужно для остающихся отъ разбору (годныхъ къ плавкѣ и дальному перевозу на заводы) при Змѣиногорскомъ, а добываемыхъ при Семеновскомъ и Новолазурскомъ рудникахъ убогихъ рудъ (которыхъ за убожествомъ на здѣшніе заводы, по дальности, возить расходы не дозволяютъ) устроить въ Алейскомъ лохтѣ въ близости Шулбинскаго бору, для котораго и для прочихъ таковыхъ не имущихъ воды мѣстъ и вооруженіе, для усмотрѣнія ея силы и курьезнаго дѣйствія, вступлено. Но какъ оный механикъ

Ползуновъ изъясняетъ, что за неимѣніемъ здѣсь искусныхъ мѣдяковъ и литейщиковъ для того опыту устроенной изъ мѣдныхъ листовъ, на первый случай, котелъ и содержаніе въ себѣ великихъ отъ паровъ силъ при настоящемъ употребленіи къ дѣйствію не надеженъ, то писать отсюда въ Екатеринбургскую канцелярію главнаго заводовъ правленію и требовать, чтобы о томъ благоволили учинить вспоможеніе, нѣтъ ли тамъ такихъ мастеровъ, которые бы котелъ и крышку въ показанную мѣру могли вылить изъ здѣшней мѣди, или приложить стараніе: не возьмутся ли заводчики Демидовы или Турчаниновъ на своихъ заводахъ вылить, какую точно послѣднюю цѣну и почему съ пуда просить будутъ, о томъ бы увѣдомить не помѣшкавъ. Впротчемъ, канцелярія, по вѣрности и ревности къ пользѣ общества, имѣя во всегдашней то памяти по крайней возможности не оставитъ старатся, чтобы сіе предпріятіе воспослѣдовало для вышеписанныхъ резоновъ въ самомъ дѣлѣ. И что отъ времени до времени происходить будетъ, доносить не преминуетъ. А какимъ порядкомъ тотъ домъ, гдѣ машина учреждена, построенъ, изъ какихъ членовъ машина сложеніе имѣетъ, и собрана, и къ движенію въ дѣйствіе приводится—приложить притомъ строенію въ прошпектѣ, а собранію въ планѣ и профилѣ чертежа съ описаніемъ. 2) Хотя механикъ Ползуновъ и разсуждаетъ, что чрезъ оную машину могутъ быть въ дѣйствіи шесть или восемь плавильныхъ печей, но какъ для настоящаго дѣйствія плавильныхъ печей здѣсь умножать (въ разсужденіи къ сохраненію лѣсовъ) не слѣдуетъ, а къ тому жъ въ самой практикѣ могутъ ли толикое число печей чрезъ оную машину быть въ безпрерывномъ дѣйствіи еще неизвѣстно и чтобы не навесть болту излишняго расхода, а можно силу дѣйствія оной машины узнать и чрезъ небольшое число печей,—и разсуждается, что болѣе трехъ строить не для чего. А ежели силы будетъ болѣе, то можно такихъ трубокъ, каковы и къ печамъ приведены будутъ въ приведенномъ отъ мѣховъ ящикѣ умножить, и чрезъ то вся сила дѣйствія оной машины окажется, въ чемъ и онъ, Ползуновъ, согласился. Того ради при той машинѣ на временное къ дѣйствію употребленіе для апробаціи будущимъ лѣтомъ плавильные, не огромные, но умѣренные три печи, подъ наставленіемъ и руководствомъ его, Ползунова, построить. И для того строенія потребное число работныхъ людей опредѣлить. И къ тому кирпича до двадцати тысячь, горнаго камня до двухъ тысячь семисотъ, глины бѣлой до пятисотъ пудовъ и другіе припасы, сколько чего востребуется, комисарскому правленію отпускать съ запискою въ расходъ и росписку. А къ дѣйствію выше помянутыхъ печей угля нынѣ заблаговременно изъ дровосеку расположенными къ тому крестьянами до тысячи коробовъ навозить и въ близости машины въ удобное мѣсто въ груду насыпать. И по сему къ комисарскому правленію послать указъ.

Андрей Порошинъ. Христіанъ. Коллежскій протоколистъ Василій Пастуховъ.

IX.

Прошеніе Ивана Ивановича Ползунова [1])

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая, бьетъ челомъ механикусъ Иванъ Ивановъ, сынъ Ползуновъ о нижеслѣдующемъ:

Сочиненный мною проэктъ съ планомъ и описаніемъ новой машины, которою плавильныя печи дѣйствовать могутъ огнемъ чрезъ посредство воздуха и паровъ, происходящихъ отъ варенія въ котлѣ воды, ваше императорское величество еще въ 1763 году разсматривать и всемилостивѣйше апробовать и тѣмъ быть довольны соизволили. И для вящаго мнѣ и прочихъ, по примѣру моему въ таковыхъ полезныхъ упражненіяхъ поощренія, повелѣть соизволили: выдать мнѣ въ награжденіе четыреста рублевъ, которую дачу указомъ кабинета вашего императорскаго величества велѣно учинить отъ канцеляріи колывано-воскресенскаго горнаго начальства, но отъ оной тѣхъ денегъ мнѣ и по нынѣ не выдано. И хотя я той вашего императорскаго величества изъ щедрой милости дачи получить и не удостоился, а ревность моя къ службѣ вашего императорскаго величества, яко сущей и щедрой наукъ покровительницѣ, наивяще распространилось, то я послѣ вышепомянутую показанную машину всегдашнимъ и неусыпнымъ своимъ стараніемъ во всѣхъ членахъ ея сдѣлалъ и въ построенной фабрикѣ собравъ, поставилъ, и къ дѣйствію при плавильныхъ печахъ привелъ въ готовность, о чемъ главнымъ надъ Колывано-Воскресенскими заводами командиромъ генералъ-маіоромъ и кавалеромъ Порошинымъ съ нѣкоторыми горными офицеры уже и засвидѣтельствована, при которомъ строеніи понесъ я не малую себѣ тягость и въ здоровьѣ изнуреніе. При всемъ же томъ машинномъ устроеніи изъ находящихся при мнѣ механики учениковъ Дмитрій Лезвинъ, Иванъ Черницынъ составленіе ея въ членахъ нарочито поняли и производство знаютъ и въ чемъ либо впредь повредившееся окажется, то поправить могутъ.

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было: за означенный мой при устроеніи машины неусыпной трудъ и стараніе пожалованныя вашимъ императорскимъ величествомъ деньги четыреста рублевъ отъ канцеляріи Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства мнѣ, а ежели я, по волѣ Божьей, отъ имѣющейся нынѣ на мнѣ болѣзни помру, то оставшей женѣ моей на пропитаніе ей и поминовеніе души моей

[1]) № 1022, подано апрѣля въ 21 день 1766 года.

выдать. А учениковъ Лезвина и Черницына не соизволите ли всемилостивѣйше реченному генералъ-маіору и кавалеру или другимъ горнымъ офицерамъ въ знаніи освидѣтельствовать, и меня за болѣзнею отъ всего того машиннаго производства нынѣ уволить.

Всемилостивѣйшая государыня, прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Апрѣля 21 дня 1766 года. Къ поданію подлежитъ въ канцелярію Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства, писалъ унтеръ-штатмейстеръ и механики ученикъ Иванъ Черницынъ.

Въ должности секретаря къ сей челобитнѣ механикусъ Иванъ Ползуновъ руку приложилъ.

X.

Сего 1766 года, апрѣля въ 21 день, по указу ея императорскаго величества канцелярія колывано-воскресенскаго горнаго начальства слушавъ прошеніе отъ механикуса Ивана Ползунова о выдачѣ ему (а ежели по тяжелой его болѣзни случится нынѣ смерть, женѣ его) по силѣ присланнаго изъ кабинета въ 19 ноября 1763 года прописаннаго при томъ имяннаго ея императорскаго величества указу награжденія четырехъ сотъ рублевъ за сочиненный имъ прожектъ съ планомъ и описаніемъ новой машины, которою бы плавильныя печи дѣйствовать могли чрезъ посредство воздуха и паровъ, производимыхъ отъ варенія въ котлѣ воды,—

приказали: 1) хотя на оной указъ, по учиненному въ канцеляріи горнаго начальства 22 января 1764 года опредѣленію, оное награжденіе выдачею по нынѣ и удержано, съ тѣмъ разсужденіемъ, чтобы по обнадеживанію его Ползунова дѣйствіе оной машины видѣть въ самой практикѣ, въ чемъ и онъ, Ползуновъ, тогда согласился и не прекословилъ, желая показать вящія свои услуги и оное награжденіе еще радостнѣе получить. И послѣ того возъимѣлъ наилучшее предпріятіе къ сооруженію той машины большимъ корпусомъ къ дѣйствію не одной (какъ въ томъ опредѣленіи упомянуто), а многихъ плавильныхъ печей, и какъ въ приготовленіи оной машины членовъ наставленіемъ и руководствомъ своимъ недостаточнымъ въ искуствѣ здѣшнимъ мастеровымъ людямъ помогалъ, такъ въ размышленіяхъ и доискательствахъ о лучшемъ дѣйствіи оной машины между обыкновенною его болѣзнею по временамъ прилежно и неусыпно трудился, и чрезъ то всѣ члены приготовилъ, сооружилъ къ дѣйствію, собралъ и къ движенію привелъ, и для точнаго усмотрѣнія силы безпрерывнаго ея дѣйствія, о построеніи тутъ на время плавильныхъ печей представленіе учинилъ, но, за усилившейся его чахотною болѣзнею и за неспособнымъ нынѣшнемъ временемъ въ кладкѣ

печей, до того не дойдено,—однако къ движенію дѣйствію сумнѣнія не осталось, токмо онъ отъ той болѣзни пришелъ въ наисовершеннѣйшую слабость и отъ усилившагося теченія гортанью крови въ отчаяніе жизни,—того ради, чтобы онъ о выдачѣ того опредѣленнаго награжденія былъ не сомнителенъ и духомъ успокоился, оныя деньги четыреста рублевъ серебряной монетою нынѣ отъ комисарскаго правленія выдать ему, Ползунову. А буде паче чаянія до того не доживетъ женѣ его, записавъ въ расходъ съ росписки и объ оном въ то правленіе послать указъ.

2) До выздоровленія его, Ползунова, надъ тою машиною и всѣми ея принадлежностями смотрѣніе имѣть механики ученикамъ Черницыну и Левзину, а только изъ выданныхъ ему на устроеніе той машины мѣди, олова и прочихъ припасовъ и матеріаловъ дѣйствительно въ оную употреблено и что затѣмъ на лицо состоитъ, также и о всѣхъ расходахъ онымъ ученикамъ подъ смотрѣніемъ и руководствомъ господина бергмейстера Кузнецова и маркшендера . . . . . [1]) сочинить счетъ и со свидѣтельствомъ подать немедленно.

Андрей Порошинъ, бергмейстеръ Илья Кузнецовъ, коллежскій протоколистъ Василій Пастуховъ.

По сему опредѣленію указъ къ комисарскому правленію до второго пункта крѣпленъ 21-го числа апрѣля, въ журналъ записанъ подъ № 1398, у котораго подписали тако: Андрей Порошинъ, Бергмейстеръ Илья Кузнецовъ, въ должности секретаря коллежскій протоколистъ Василій Пастуховъ, канцеляристъ Дмитрій Хлопинъ. Отданъ того же числа.

XI.

Въ канцелярію колывано-воскресенскаго горнаго начальства отъ лекаря Якова Кизинга. Репортъ.

Находящійся при здѣшнемъ Барнаульскомъ заводѣ механикусъ Иванъ Ползуновъ имѣлъ съ издавнихъ лѣтъ болѣзненный припадокъ плеваніемъ изъ гортани крови, которой еще къ бытію здѣсь штатъ лекаремъ Ножевщиковымъ и потомъ мною неоднократно отъ того былъ выпользованъ и положенную на него должность отправлялъ. А сего года апрѣля 18 числа сдѣлалось у него изъ гортани съ жестокимъ стремленіемъ кровотеченіе и продолжалось оное не малое время, которое было и унято, а послѣ того великое колотье приключилось и отъ такого также получилъ свободу. И такъ чрезъ недолгое время сдѣлался пресильный поносъ, но и оный былъ

[1]) Пропускъ въ оригиналѣ. А. В.

же унятъ, отъ которыхъ болѣзней день ото дню ослабѣвалъ и силы его умалялись, а потомъ уже такъ въ слабость пришелъ, что не могъ почти корпусомъ своимъ ни малаго имѣть движенія. А напослѣдокъ и чахотные припадки весьма усилились (то есть жаръ, прежестокой потъ и кашель съ харканіемъ гноя), а сего мая 16-го числа по полудни въ 6-мъ часу оной волею Божьей умре и о томъ канцеляріи колывано-воскресенскаго горнаго начальства симъ покорно репортую. Мая 20 дня, 1766 года. Лекарь Яковъ Кизингъ.

№ 1219, поданъ мая въ 20 день 1766 года.

Сообщ. А. Н. Воейковъ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ПОЛЗУНОВЪ

† 16 мая 1766 г.

На страницахъ историческаго журнала «Русская Старина» изд. 1883 г., т. XL, стр. 407—414 и 629—644 и изд. 1884 г. т. XLI, стр. 289—300, помѣщенъ интересный очеркъ А. Н. Воейкова, съ множествомъ въ приложеніи подлинныхъ матеріаловъ: «Иванъ Ивановичъ Ползуновъ, изобрѣтатель первой въ Европѣ паровой машины». Мнѣ кажется, однако, что г. Воейковъ не вполнѣ правъ, говоря въ своей статьѣ, между прочимъ, слѣдующее: «Имя его (И. И. Ползунова) было забыто и только чрезъ сто двадцать лѣтъ, благодаря случаю, оно снова показалось на свѣтъ».

Въ доказательство своего мнѣнія я могу указать напр. на «Горный Словарь», составленный оберъ-берггауптманомъ V класса Григоріемъ Спасскимъ, изд. въ Москвѣ въ 1842 году, гдѣ въ статьѣ «Паровая машина», между прочимъ, сказано слѣдующее (см. Горный Словарь, часть II, стр. 41): «Въ Россіи паровыя машины начали вводиться еще въ началѣ XVIII столѣтія, но выписныя изъ чужихъ краевъ. Первая машина построена была русскимъ механикомъ Ползуновымъ на Колывано-Воскресенскихъ заводахъ въ 1766 году. Посредствомъ ея производилась плавка серебрянныхъ рудъ на трехъ печахъ, особо устроенныхъ при Барнаульскомъ заводѣ. По заключенію горныхъ чиновниковъ, наблюдавшихъ ходъ этой машины, если бы члены ея сдѣланы были ремесленниками болѣе искусными, то доставляемаго ею воздуха было бы достаточно для дѣйствія 12 плавиленныхъ печей. Шлаттеръ, столько извѣстный въ исторіи металлургическаго нашего производства, и на котораго, по высочайшему повелѣнію, возложено было разсмотрѣніе построенной Ползуновымъ машины, доносилъ объ ней: «что Ползуновъ основавъ машину свою на тѣхъ же началахъ, какъ Савари, съ достойнымъ похвалы искусствомъ такъ успѣлъ измѣнить ея составъ, что машину его должно

почесть новымъ изобрѣтеніемъ. Вмѣсто того, какъ вездѣ, паровыя машины состояли изъ одного только цилиндра, онъ раздѣлилъ свою на два, и слѣдовательно всѣ другія члены этой машины долженъ былъ измѣнить, и въ томъ имѣлъ полный успѣхъ».

Затѣмъ въ «Горномъ Журналѣ» за 1827 годъ (см. книга VII, стр. 170), сказано слѣдующее: «шихтмейстеръ Ползуновъ продолжалъ службу на Колыванскихъ заводахъ и отличался рѣдкою способностію въ механикѣ. Онъ построилъ въ Барнаулѣ въ 1764 году паровую машину, которою дѣйствовали 6 плавиленныхъ печей. Изъ сего видно, что весьма неправильно паровая машина, построенная въ Кронштадтѣ, считается первою въ Россіи; ибо она построена въ 1777 году. О Ползуновѣ, по собраніи свѣдѣній, со временемъ будетъ напечатана въ «Горномъ Журналѣ» біографія».

Просмотрѣвъ указатели статей «Горнаго Журнала» съ 1825 года по 1869 годъ, я біографіи И. И. Ползунова не нашелъ. Очень вѣроятно, что указанія о дѣятельности И. И. Ползунова можно найдти въ «Горномъ Журналѣ» за 1829 годъ, книга II, въ статьѣ: «О служебной жизни генералъ-поручика Андрея Ивановича Порошина, бывшаго начальникомъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ». Къ сожалѣнію, означенной книги не имѣю подъ руками — и потому не могу говорить утвердительно.

Сообщ. О. Ѳ. Николаи.

ДЕКАБРИСТЫ НА КАВКАЗѢ

въ 1826—1850 гг.

Изъ членовъ тайнаго общества, не осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ въ 1826 году, служили и отличались на Кавказѣ, особенно въ персидскую и турецкую войну 1827 и 1828 гг., полковникъ Шиповъ, командиръ сводnаго гвардейскаго полка Иванъ Гавриловичъ Бурцовъ, командиръ Херсонскаго гренадерскаго полка, затѣмъ постоянный авангардный генералъ,—Николай Николаевичъ Раевскій, Миклашевскій, командиръ 41 егерскаго полка, и Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій, оберъ-квартирмейстеръ всего Кавказскаго корпуса.

Изъ разжалованныхъ въ солдаты и въ матросы, съ распредѣленіемъ по сибирскимъ гарнизонамъ и острогамъ, были переведены на Кавказъ, по просьбѣ родныхъ, въ различное время:

Михаилъ Ивановичъ Пущинъ II,
Графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ,
Петръ Александровичъ Бестужевъ IV.
Епафродитъ Мусинъ Пушкинъ,
Николай Оржицкій,
Нилъ Кожевниковъ,
Александръ Фокъ,
Матвѣй Лаппа,
Веденяпинъ I и Веденяпинъ II,
Ѳедоръ Вишневскій,
Николай Акуловъ,
Николай Романовичъ Цебриковъ.

Изъ осужденныхъ въ крѣпостную работу были пере-

ведены: Михаилъ Бодиско II, Александръ Берстель и гр. Николай Булгари.

Изъ осужденныхъ на поселеніе въ Сибири были переведены на Кавказѣ: кн. Валеріанъ Михайловичъ Голицынъ и Борисъ Бодиско I.

Изъ осужденныхъ въ каторжную работу переведены были: Александръ Александровичъ Бестужевъ II Марлинскій,

Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ,

Александръ Николаевичъ Сутгофъ,

Павелъ Дмитріевичъ Мазганъ,

Александръ Осиповичъ Корниловичъ,

Сергѣй Ивановичъ Кривцовъ,

Владиміръ Сергѣевичъ Толстой.

Въ 1837 году по случаю проѣзда цесаревича Александра Николаевича, наслѣдника престола, чрезъ сибирскіе города Тюмень, Тобольскъ, Ялуторовскъ и Курганъ, вмѣсто возвращенія на родину, какъ гласило ходатайство цесаревича, были переведены на Кавказъ рядовыми, приговоренные въ каторжную работу и находящіеся затѣмъ въ Сибири на поселеніи:

Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ,

Николай Ивановичъ Лореръ,

Владиміръ Николаевичъ Лихаревъ,

(Баронъ) Андрей Евгеніевичъ Розенъ,

Кн. Александръ Ивановичъ Одоевскій,

Михаилъ Александровичъ Назимовъ.

Двумя годами позже переведены были съ поселенія Александръ Петровичъ Бѣляевъ I и Петръ Петровичъ Бѣляевъ II.

Изъ всѣхъ переведенныхъ на Кавказъ убиты въ сраженіяхъ:

Александръ Берстель,

Александръ Александровичъ Бестужевъ II-Марлинскій,

Владиміръ Лихаревъ.

Умерли отъ дѣйствія климата и отъ болѣзни:

Петръ Коновницынъ,

(Князь) Александръ Ивановичъ Одоевскій,

Александръ Осиповичъ Корниловичъ,

Нилъ Кожевниковъ,

Павелъ Мазганъ.

Въ офицеры произведены были 20 отличившихся; въ унтеръ-

офицеры произведенъ былъ Петръ Александровичъ Бестужевъ IV и кончилъ жизнь въ больницѣ умалишенныхъ въ Петербургѣ.

Рядовымъ возвратился одинъ Андрей Евг. Розенъ на двухъ костыляхъ, отчего не могъ служить въ строю и принять участіе въ военныхъ экспедиціяхъ.

Изъ оставшихся въ Сибири поступили, по собственному желанію, въ гражданскую службу:

Александръ Александровичъ Крюковъ I,
Николай Александровичъ Крюковъ II,
Николай Васильевичъ Басаргинъ,
Петръ Николаевичъ Свистуновъ,
Иванъ Александровичъ Анненковъ,
Александръ Ѳедоровичъ фонъ-деръ-Бриггенъ.

По манифесту 26 августа 1856 г. они вернулись на родину, не бывъ на Кавказѣ. Остались жить въ Сибири, на свободѣ, съ правами дворянства: Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ, временно, до вызова его правительствомъ въ Москву, а Иванъ Ивановичъ Горбачевскій—до самой кончины своей въ Петровскомъ заводѣ, въ 1869 году февраля 20-го.

На службу кавказскую всѣ поступили въ различное время рядовыми солдатами;—всѣ исполняли служебныя обязанности, и строго и точно соблюдали форму въ одеждѣ и дисциплину. Двумъ изъ нихъ удалось отличиться въ особенности, какъ спеціалистамъ по части инженерной, саперной и артиллерійской: Михаилъ Ивановичъ Пущинъ II, бывшій (до 14 дек.) капитанъ и командовавшій гвардейскимъ конно-піонернымъ эскадрономъ, отличился въ персидской и турецкой войнахъ 1827—1829 гг. и того же эскадрона штабсъ-капитанъ Михаилъ Александровичъ Назимовъ участвовалъ во всѣхъ экспедиціяхъ военныхъ съ 1837 до 1850 года. О личности М. А. Назимова я часто имѣлъ случай высказываться въ моихъ Запискахъ, изданныхъ въ Лейпцигѣ 1870 года.

О Мих. Ив. Пущинѣ долженъ упомянуть, что онъ хотя въ спискахъ осужденныхъ преступниковъ государственныхъ и названъ членомъ тайнаго общества, но онъ не одобрялъ намѣреній и дѣйствій декабристовъ, былъ совершенно другаго мнѣнія, какъ доказываетъ его сужденіе о заговорѣ въ печатномъ донесеніи слѣдственной коммисіи, изъ бесѣды его съ Бестужевымъ-Марлинскимъ на квартирѣ Кондратія Рылѣева. Я зналъ Пущина на учебныхъ скамьяхъ

1 кадетскаго корпуса: онъ былъ нрава тихаго, спокойнаго, былъ исправнымъ офицеромъ, примѣрнымъ братомъ для сестеръ и братьевъ своихъ. Самоотверженіе его и мужество искали только случаевъ выказаться; такихъ случаевъ было очень много въ продолженіе турецкой войны 1828—1829 гг., когда подвиги его были истинно геройскіе.

Имѣвъ въ рукахъ собственноручныя его Записки, считалъ я обязанностью выставить часть его воинской дѣятельности, пока еще въ живыхъ нѣсколько личныхъ свидѣтелей, отъ генерала до солдата, тѣхъ подвиговъ, которые имъ совершаемы были въ званіи нижняго чина и имѣли большое вліяніе на ходъ войны. Одинъ изъ главныхъ свидѣтелей, Дмитрій Ерофѣевичъ Сакенъ, мужъ правдивый, скончался въ 1881 г., получивъ вѣсть о несчастномъ и ужасномъ приключеніи 1-го марта.

Изъ числа ссыльныхъ, разжалованныхъ въ солдаты и отправленныхъ въ сибирскіе гарнизоны и остроги, были переведены на Кавказъ, прежде другихъ, М. И. Пущинъ II и П. П. Коновницынъ. По прибытіи въ Тифлисъ они были представлены Паскевичу, который заставилъ ждать ихъ до своего выхода, и принялъ ихъ сурово, назвалъ Коновницына шалуномъ, приказалъ Вольховскому отвести обоихъ къ Ермолову и сказать, что желаетъ ихъ назначенія въ 8-й піонерный баталіонъ.

Помѣщаю здѣсь часть подлинныхъ Записокъ М. И. Пущина II.

Баронъ А. Е. Розенъ.

24-го ноября 1883 г.

Разсказъ Михаила Ивановича Пущина.

I.

.... Коновницынъ просилъ о назначеніи его въ 41-й егерскій полкъ.—„Развѣ ты знакомъ съ полковникомъ Авенаріусомъ, съ полковымъ командиромъ?“ спросилъ Паскевичъ. „Нѣтъ“—отвѣтилъ Коновницынъ. „Такъ отчего-же ты желаешь туда поступить?“—„Въ томъ полку служитъ товарищъ мой Фокъ, съ которымъ желалъ-бы служить вмѣстѣ“.—Я замѣтилъ что Паскевичъ, почему-то не хочетъ исполнить желанія Коновницына, и просилъ о назначеніи его вмѣстѣ со мною въ саперный баталіонъ, что

онъ можетъ быть полезенъ по инженерной части, такъ какъ служилъ въ генеральномъ штабѣ.—„Я съ тобою согласенъ, онъ самъ не знаетъ чего проситъ“. Потомъ, обратясь къ Вольховскому, приказалъ отвести насъ обоихъ къ Алексѣю Петровичу и сказать, что я желаю ихъ назначенія въ 8 саперный баталіонъ,—переименованный впослѣдствіи въ кавказскій піонерный баталіонъ.—Отпуская насъ, онъ сказалъ еще Коновницыну: „Ты ко мнѣ зайдешь получить письмо и деньги, присланныя тебѣ матерью“.

„Представленіе Ермолову“, пишетъ Пущинъ, „имѣло совершенно другой характеръ, хотя онъ меня вовсе не зналъ. Онъ не заставилъ насъ дожидаться, тотчасъ позвалъ насъ въ кабинетъ, гдѣ онъ съ Раевскимъ и Суворовымъ сидѣлъ безъ жилета и галстуха въ одной рубашкѣ. Раевскій, съ которымъ я познакомился въ 1821 г. въ Могилевѣ, бросился меня обнять; Суворовъ просилъ его познакомить съ нами, и знакомство наше, тутъ начавшееся, обратилось въ душевную дружбу во все время пребыванія А. Арк. Суворова на Кавказѣ.—Тогда и Ермоловъ, вставая, сказалъ:—„позвольте же и мнѣ васъ обнять, поздравить съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ Сибири, что явно доказываетъ, что государь, возвращая васъ къ полезной дѣятельности, даетъ вамъ случай къ отличію,—а наше дѣло вамъ въ этомъ помогать“.—Вольховскій передалъ ему порученіе Паскевича, и онъ приказалъ зачислить насъ въ 8 піонерный баталіонъ. Просилъ насъ сѣсть, предложилъ чаю, распрашивалъ о пребываніи нашемъ въ Сибири, обнадеживалъ, что и Кавказъ оставитъ въ насъ хорошее воспоминаніе. Продержавъ насъ съ часъ времени, отпустилъ съ благословеніемъ на новое поприще.

Часъ этотъ, проведенный у Ермолова, поднялъ меня въ собственныхъ глазахъ моихъ, и выходя отъ него, я уже съ нѣкоторою гордостью смотрѣлъ на свою солдатскую шинель.

Чрезъ нѣсколько дней былъ я призванъ къ Паскевичу, который поручилъ мнѣ занять баталіонъ практическими работами полевыми. Мой проэктъ занятій былъ представленъ на утвержденіе начальнику инженеровъ, генерала Хотяева, который возвратилъ мнѣ проэктъ съ надписью: апробую.

Я долженъ былъ начать работы съ азбуки, какъ вязать фашины, плести туры. Баталіонъ до того времени строилъ все дома въ Тифлисѣ.

Работы у меня начались постройкою люнета съ довольно сильными профилями, затѣмъ слѣдовали сапныя работы, начиная съ первой параллели, а изъ третьей заложена была мина для взрыва люнета.—Работы мои часто посѣщаемы были Ермоловымъ, Паскевичемъ и пріѣхавшимъ въ то время на Кавказъ Дибичемъ. Всѣ они, осматривая работы, сулили мнѣ скорое отъ государя прощеніе. Дибичъ говорилъ, что вѣроятно еще до начала кампаніи мнѣ будутъ возвращены чины мои.

Наступилъ день для вѣнца моихъ работъ, день взрыва мины. Съѣхалось и собралось множество любопытныхъ. Мина разсчитана была правильно, взрывъ былъ самый вѣрный. Паскевичъ былъ въ восхищеніи, публично благодарилъ одного меня. Въ одно и то же время занимался устройствомъ моста чрезъ Куру на бурдюкахъ; мостъ удался и впослѣдствіи былъ наведенъ для переправы чрезъ Араксъ въ виду непріятеля.

Практическія занятія прекратились съ назначеніемъ меня въ авангардъ съ 70 піонерами, подъ главною командою генерала Константина Христофоровича Бенкендорфа. Походъ былъ очень трудный и медленный. Первая встрѣча съ непріятелемъ была близъ Эчміадзинскаго монастыря. Цѣль движенія авангарда была блокировка Эривани. Ночью сдѣлали движеніе къ крѣпости Сардаръ-Абаду; встревоженный гарнизонъ открылъ сильный огонь, но безвредный; одна граната съ потерянною трубкою, пролетѣвъ между Бенкендорфомъ и мною, осыпала насъ пороховою мякотью,—это былъ первый непріятельскій порохъ, который, такъ сказать, пришлось мнѣ нюхать.

Бенкендорфъ предложилъ коменданту о сдачѣ крѣпости, на что комендантъ отвѣтилъ усиленными выстрѣлами. Мы возвратились въ лагерь, и добрый Бенкендорфъ хотѣлъ воспользоваться этою пустою экспедиціею, чтобы сдѣлать представленіе обо мнѣ, въ коемъ, выхваляя мое мужество, между прочимъ, писалъ: „что я вызывался измѣрить ровъ, но что онъ, видя большую опасность такого предпріятія, меня къ тому не допустилъ“. На этомъ представленіи государь сдѣлалъ помѣтку: — „спросить у Пущина, глубокъ ли ровъ; вызывался, да не сдѣлалъ, большаго отличія я тутъ не вижу“. Я сильно негодовалъ на Пав. Ев. Коцебу, который, занимаясь представленіями, мнѣ этого не сообщилъ, тѣмъ болѣе, что къ измѣренію рва я никогда не вызывался, зная безъ измѣ-

ренія его глубину и всѣ его размѣры. Царская насмѣшка нисколько не охладила моего рвенія.

Расположивъ піонеръ въ эриванскихъ садахъ, рубилъ виноградныя лозы, вязалъ фашины, плелъ туры, тесалъ колья, приготовилъ всѣ матеріалы къ осадѣ, снялъ подробный планъ мѣстности и укрѣпленій. Часто въ персидскомъ одѣяніи ходилъ по вечерамъ въ крѣпость.

Въ два мѣсяца стоянки подъ Эриванью я собралъ всѣ нужныя свѣдѣнія. Персіяне надѣялись на свое прошедшее время, когда главнокомандующіе князь Циціяновъ и гр. Гудовичъ отступили отъ Эривани, послѣ неудачной попытки взять крѣпость.

Въ іюнѣ присоединился къ намъ Паскевичъ съ главною арміей, и началъ осадныя работы; но въ котловинѣ Эриванской наступили жары невыносимыя. При арміи былъ начальникомъ инженеровъ О. Х. Трузсонъ. Два дня и двѣ ночи мы вели наши траншеи, оставляя между собою и непріятелемъ рѣку Зангу такой быстроты, что вода ворочала и уносила каменья. Я не могъ понять плана этихъ работъ, не смѣлъ строго судить, потому что Трузсонъ пользовался репутаціей лучшаго инженера.

На третій день осады, не знаю почему, самъ ли отъ себя или кто напомнилъ обо мнѣ, но Паскевичъ призвалъ меня и просилъ откровенно сказать ему мое мнѣніе объ осадѣ. Я объявилъ, что ничего не понимаю объ этомъ планѣ осады, и думаю, что мы со стороны начатой нами осады, крѣпости не возьмемъ; но есть у меня планъ, изученный въ два мѣсяца стоянки подъ крѣпостью, и отвѣчаю, что послѣ восьмидневной осады крѣпость должна покориться, но только не въ это время года, когда половина солдатъ послѣ ночи, проведенной на работѣ, отправляется въ госпиталь, гдѣ скоро не будетъ мѣста больнымъ. По моему слѣдуетъ снять осаду и уходить куда нибудь въ горы искать прохлады и отдыхать до осени.

Осада была снята, войска отправлены къ Нахичевани и расположены у рѣки Аракса въ виду крѣпости Абасъ-Абада. На первой рекогносцировкѣ крѣпости Паскевичъ приказалъ мнѣ быть при немъ. Тутъ было разногласіе въ мнѣніяхъ между полковникомъ Лит. и Пущинымъ относительно устройства батарей и направленія амбразуръ, въ присутствіи Паскевича и многихъ офицеровъ изъ лагеря. Изъ батареи Пущина орудія громили крѣ-

пость въ самомъ правильномъ направленіи, а орудія Лит. не могли дѣйствовать оттого, что стали бы стрѣлять по нашей батареѣ Серафимовича, на лѣвомъ флангѣ осады.

Паскевичъ былъ взбѣшенъ на Лит.; отозвалъ его и меня подальше отъ присутствовавшихъ и сказалъ Лит.: „я могъ бы тебя сдѣлать солдатомъ, но не хочу, а его", указывая на Пущина, „я хотѣлъ бы произвести въ полковники, но не могу — но вотъ что я могу: отъ сего часа не ты у меня начальникъ инженеровъ, а онъ; всѣ распоряженія должны идти отъ него, и ты самъ, хотя полковникъ, долженъ исполнять всѣ его приказанія, иначе я тебя прогоню изъ арміи и предамъ военному суду".

Послѣ этого начались ежедневныя сношенія Пущина съ Паскевичемъ. На третій день осады, Абасъ-Мирза съ арміей показался по другой сторонѣ Аракса, желая принудить насъ къ снятію осады. Паскевичъ рѣшился самъ его атаковать, для чего приказалъ мнѣ устроить мостъ чрезъ Араксъ. Изъ всѣхъ духановъ навезли мнѣ бурдюковъ; ихъ надували кузнечными мѣхами; мостъ былъ наведенъ въ 24 часа; перешла по немъ пѣхота и артилерія; кавалерія перешла рѣку въ бродъ, и нападеніе было такъ внезапно, что Абасъ-Мирза бѣжалъ. Въ этотъ день, при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ молодого А. А. Суворова, онъ такъ увлекся, что едва не попалъ въ плѣнъ,—къ счастью его подоспѣлъ на выручку маіоръ Семичевъ съ Нижегородскими драгунами.

По разбитіи Абаса-Мирзы, крѣпость сдалась; мы оставили въ ней гарнизонъ и ушли въ горы искать прохлады и здоровья людямъ, которыхъ значительно теряли отъ развившагося кроваваго поноса.

Отдыхъ продолжался 2 мѣсяца: съ половины іюня до половины августа, и продолжался бы долѣе, если бы не получено было извѣстіе, что отрядъ Красовскаго, въ слѣдованіи изъ Грузіи, на выручку осажденнаго Эчміадзина, потерпѣлъ пораженіе отъ Абасъ-Мирзы.

Паскевичъ былъ сильно встревоженъ. Форсированными маршами прошли мы мимо Эривани и расположились лагеремъ у Сардаръ-Абаду. Въ день нашего прибытія, прибыли транспорты изъ Грузіи съ небольшими запасами. На другой день Паскевичъ, видя неуспѣшное дѣйствіе мортирной батареи, устроенной полковникомъ Философовымъ, поручилъ мнѣ осмотрѣть крѣпость.

Я просилъ позволенія взять Коновницына и Дорохова и сотню казаковъ, скрытно подошедшихъ къ крѣпости и получившихъ приказаніе, чтобы, по сигнальному выстрѣлу отъ насъ, скакать къ намъ на выручку. Самъ съ ружьемъ пошелъ въ сады, поставилъ Коновницына при входѣ въ сады, Дорохова на сто сажень въ глубь садовъ, и, приблизившись на 150 саженъ отъ крѣпости, высмотрѣлъ мѣсто для брешь-батареи. Погода была пасмурная, туманная, съ мелкимъ дождемъ; я однако могъ изучить мѣстность, даже трасировать батарею для ночныхъ работъ.

Окончивъ порученіе, мы измокшіе возвратились къ Паскевичу. Въ палаткѣ его я начертилъ осмотрѣнную мѣстность. Паскевичъ, чтобы отогрѣть насъ, приказалъ подать шампанскаго и съ нами, тремя солдатами, роспилъ двѣ бутылки. Тутъ предложилъ я, для усиленія огня, выдвинуть впереди батареи въ 18 орудій еще другую изъ кѣгорновыхъ мортиръ, чтобы навѣсными выстрѣлами безпокоить гарнизонъ, скрывающійся за стѣнами крѣпости. Въ ту же ночь устроена была батарея, къ разсвѣту начала она громить, и вслѣдъ затѣмъ за начальникомъ штаба (Дм. Ероф.) Сакеномъ, который первый вошелъ въ одну изъ защищаемыхъ башень, вошла штурмовая колонна и крѣпость Сардаръ-Абаду была взята.

II.

Оттуда двинулись къ Эривани, куда прибыли 23-го сентября, и на другой день, подъ распоряженіемъ генерала Трузсона, прибывшаго изъ Тифлиса, начались осадныя работы. При самомъ началѣ ихъ Паскевичъ спросилъ меня, какъ долго можетъ продлиться осада; я тогда ему предсказалъ, что въ Покровъ день покроемъ крѣпость.

Сентября 30-го, когда устроивалъ третью параллель, съ лѣваго фланга работъ, меня позвали къ Паскевичу, находившемуся въ центрѣ работъ. Я пошелъ къ нему не траншеями, а прямо полемъ, и нашелъ его сердившагося за что-то на Трузсона, отдавая ему какія-то приказанія. Паскевичъ спросилъ меня, можно ли сегодня ночью короновать гласисъ?—„Почему не можно, если вы желаете, стоитъ только дать приказаніе“. Трузсонъ на это возразилъ: „я любопытенъ видѣть, какъ вы это приведете въ исполненіе?“—„Онъ

вамъ покажетъ какъ", сказалъ Паскевичъ, и приказалъ мнѣ сдѣлать всѣ приготовленія.

Трузсонъ, извѣстный инженеръ, техникъ и теоретикъ, инженеръ методистъ, ни за что не разставался съ теоріей искусства, которая не допускаетъ коронованія гласиса изъ третьей параллели, безъ приближенія къ крѣпости двойною сапою, прикрываясь траверзами и мантелетами. Но онъ упустилъ изъ виду, что мы имѣли дѣло съ непріятелемъ, который шесть дней сряду не дѣлалъ ни одной вылазки и не препятствовалъ нашимъ работамъ. Мы подвигались не тихою, но летучею сапою. Когда начало смеркаться, я подвинулъ линію частыхъ кольевъ до исходящаго угла, и послѣдній колъ линіи пришелся прямо на назначенномъ пунктѣ коронованія. Рабочіе и прикрытіе могли безопасно ходить взадъ и впередъ, а работа наша была обезпечена тѣмъ, что персіяне, въ защиту своихъ стѣнъ отъ нашихъ выстрѣловъ, сами на гребнѣ гласиса утвердили рядъ большихъ туровъ, на половину сократили нашу работу, и доставили нашимъ рабочимъ прикрытіе отъ ружейныхъ выстрѣловъ.

Когда непріятель услышалъ шумъ отъ нашихъ работъ, то началъ стрѣлять изъ всѣхъ орудій, освѣщать мѣстность свѣтлыми ядрами; самая незначительная вылазка была бы достаточна, чтобы отогнать насъ отъ крѣпости. У меня было 150 рабочихъ, а для прикрытія сводный гвардейскій полкъ, въ числѣ двухъ слабыхъ баталіоновъ. Все шло хорошо, какъ, къ удивленію моему, доходитъ до моего слуха отбой въ траншеяхъ; я не вѣрилъ ушамъ, пошелъ къ полковнику Шипову, командиру своднаго гвардейскаго полка, и отъ него получилъ приказаніе оставить работу и возвратиться въ траншеи. Я никого изъ рабочихъ не отпустилъ, никого изъ нихъ не потерялъ и продолжалъ кончать кавальеръ. У Шипова было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ; онъ по приказанію возвратился, сказавъ мнѣ—„дѣлайте какъ знаете". На пути отступленія у него еще перебило нѣсколько человѣкъ. Паскевичъ, узнавъ отъ Шипова, что я съ рабочими остался подъ крѣпостью оканчивать работу, прислалъ Баговута съ приказаніемъ тотчасъ отступить. Я вмѣстѣ съ Баговутомъ пошелъ къ Паскевичу, и сказалъ ему то же, что Шипову, умолялъ его позволить мнѣ окончить работу, возвратить мнѣ прикрытіе, и что ручаюсь, что завтра крѣпость наша.

Тогда я узналъ, что отбой воспослѣдовалъ оттого, что въ траншеяхъ выбито было много людей, не соблюдавшихъ осторожности. Я просилъ, чтобы дано было приказаніе людямъ не выходить изъ траншей и плацдармовъ, послѣ чего Паскевичъ усилилъ мой рабочій отрядъ для болѣе успѣшнаго окончанія коронованія гласиса.

Нѣсколько часовъ послѣ огня съ кавальера стѣна Эривани рухнулась, и въ брешь вошелъ гвардейскій полкъ и Эривань сдалась. Съ донесеніемъ посланъ кн. Валеріанъ Голицынъ къ Паскевичу. Голицынъ разбился о каменья, упавъ на скаку съ лошади, и былъ привезенъ въ лагерь безъ чувствъ. Паскевичъ узналъ о взятіи Эривани, когда, по примѣру гвардейскаго полка, всѣ прочія войска стали производить сильный грабежъ.

Такъ совершилось, 1 октября, знаменитое взятіе Эривани. Паскевичъ получилъ графство, въ армію посыпалось множество наградъ, а одинъ изъ главныхъ дѣятелей былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры съ приказаніемъ не употреблять его выше его званія, т. е. не дозволять ему распоряжаться военными дѣйствіями, а позволить, какъ милость, завѣдывать капральствомъ.

Со взятіемъ Эривани кончились военныя дѣйствія персидской кампаніи. Мы двинулись къ Тавризу, который, къ крайнему неудовольствію Паскевича, былъ прежде насъ взятъ кн. Эристовымъ по внушенію и распоряженію начальника его штаба, Н. Н. Муравьева, чего Паскевичъ ему никогда простить не могъ. Въ Тавризѣ остановились мы на зиму; тамъ познакомились мы со всею англійскою миссіею. Вольховскій посланъ былъ въ Тегеранъ для переговоровъ и полученія контрибуціи, и донесъ о замедленіи высылки денегъ и о приготовленіяхъ къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ, и что хорошо было-бы предупредить шаха и прекратить всѣ переговоры рѣшительнымъ ультиматумомъ.

Въ январѣ 1828 г. Паскевичъ призвалъ меня въ Дейкарганъ, и объявилъ, что намѣренъ предпринять походъ къ Тегерану; велѣлъ мнѣ придумать способъ для движенія арміи въ мѣстахъ, покрытыхъ слишкомъ глубокимъ снѣгомъ. Я предложилъ треугольники, употребляемые въ Финляндіи. Въ Тавризѣ въ арсеналѣ я приготовилъ два такихъ треугольника, окованные желѣзомъ; запрягли по четыре пары воловъ въ каждый, и очистили дорогу такъ, что артиллерія и обозы могли удобно по ней слѣдовать. Въ февралѣ двинулись форсированнымъ маршемъ; на первомъ переходѣ отъ

Тавриза встрѣтили Вольховскаго возвращающагося отъ шаха, а мимо насъ верхомъ проскакалъ англійскій посланникъ Макдональдъ де Теверанъ. Не прошли 200 верстъ, успѣли дойти до Туркменчая, какъ уже Макдональдъ возвращался съ извѣстіемъ, что шахомъ приняты всѣ условія мира. Армія тотчасъ остановилась въ Туркменчаѣ; Аббасъ-Мирза прибылъ туда и чрезъ нѣсколько дней миръ былъ заключенъ,—мы пріобрѣли Эриванскую область и сто милліоновъ контрибуціи. Торжество было огромное, съ пушечною пальбою, но я въ солдатскомъ званіи моемъ не могъ въ немъ участвовать, хотя и зналъ, что не мало содѣйствовалъ къ побѣдамъ. Самое присутствіе наше въ Туркменчаѣ, среди большихъ снѣговъ, облегчено было моими трудами. Не знаю передалъ-ли Киселевъ, нашъ посланникъ, о моемъ оскорбленномъ чувствѣ, или Паскевичъ самъ вспомнилъ обо мнѣ предъ выступленіемъ изъ Туркменчая, но призвалъ меня къ себѣ, благодарилъ за всю мою службу въ арміи, и предложилъ ѣхать въ Тифлисъ, исполнивъ прежде порученіе — устроить для возвращающихся войскъ прочную переправу чрезъ Араксъ, взять для этого понтонную роту капитана Фридрикса, и потомъ ѣхать въ Тифлисъ обмундироваться, потому что скоро получится приказъ о возвращеніи мнѣ чиновъ, о чемъ онъ, въ вознагражденіе моей полезной службы въ арміи, особенно ходатайствовалъ у государя.

Въ мартѣ 1828 г., болѣе мѣсяца послѣ моего пріѣзда въ Тифлисъ, полученъ наконецъ приказъ о производствѣ меня, Коновницына и Оржицкаго за отличіе въ прапорщики. Мнѣ еще теперь памятно то чувство оскорбленія, которое произвелъ на меня этотъ приказъ: вотъ когда, подумалъ я,—меня вторично разжаловали. Въ то время возвратился Паскевичъ въ Тифлисъ и сказалъ, что ему совѣстно смотрѣть на мои эполеты, что не онъ въ этомъ виноватъ, что можно все это еще поправить въ предстоящую турецкую войну, и тогда-же велѣлъ готовиться къ походу. Въ маѣ Паскевичъ послалъ меня повѣрить донесеніе полковника Эспего, осматривавшаго кратчайшую дорогу на Карсъ чрезъ Мокрыя горы, для исправленія которой Эспего требовалъ 100,000 р. Паскевичъ предпочелъ направить войска по существующей дорогѣ на 200 верстъ далѣе, и только въ случаѣ возможности двинуться на Мокрыя горы. Я выѣхалъ когда уже голова колонны выступила изъ Тифлиса.

Мнѣ дали Херсонскій полкъ и роту саперъ на исправленіе

дороги до пограничной крѣпости Цалки. Мнѣ удалось это исполнить удачно. Саперному офицеру Богданскому поручилъ топкія мѣста скрѣпить фашинами; на третій день вернулся въ Тифлисъ, успѣвъ на дорогѣ встрѣченныя войска направить на новую дорогу. На выставленныхъ по казачьимъ постамъ лошадяхъ, менѣе чѣмъ въ трое сутокъ, проскакалъ верхомъ болѣе 400 верстъ, такъ что послѣднія станціи не могъ сидѣть иначе, какъ держась на лошади сгибами колѣнъ, и, не заѣхавъ на квартиру, прямо повернулъ въ сѣрныя бани Тифлиса. Во второмъ часу ночи явился къ Паскевичу, который меня благодарилъ, и обѣщалъ не тревожить меня до начала іюня, до выступленія главной квартиры.

III.

Когда приблизились къ Карсу, дѣлавъ рекогносцировку крѣпости, я воспользовался стогами сѣна, сложеннаго въ большомъ количествѣ на пушечный выстрѣлъ отъ крѣпости, и въ ту-же ночь выстроилъ сильную батарею подъ прикрытіемъ стоговъ. Чтобы воспользоваться этими стогами, надо было рабочимъ и прикрытію переправиться чрезъ быструю рѣчку Карсъ-Чай, и по необходимости нужно было перекинуть мостъ. Я устроилъ его на аркѣ, утвердивъ въ берегахъ, подъ острымъ угломъ, толстые деревянные брусья, и по срединѣ соединивъ ихъ продольными брусьями; мостъ этотъ былъ такъ устойчивъ, что выдержалъ перевозку осадныхъ орудій. Занявъ мѣсто для нашей первой батареи противъ крѣпости, я доложилъ Паскевичу, что она, можетъ быть, послужитъ началомъ правильной осады крѣпости.

На рекогносцировкѣ слѣдующаго дня, находясь съ Паскевичемъ на одной изъ высотъ предъ Карсомъ, Эспего, желавшій занять вакантную должность начальника инженеровъ и потерявшій довѣренность Паскевича послѣ требованія имъ ста тысячъ руб. на устройство дороги, указалъ рукой на мѣсто, удобное для батареи, въ недальнемъ разстояніи отъ крѣпости. Я замѣтилъ, что, какъ мы стоимъ на высотѣ, то можетъ случиться, что указываемая имъ высота имѣетъ впереди другую высоту, закрывающую отъ крѣпости. Онъ сталъ увѣрять, что это было-бы отсюда видно. Я потребовалъ отъ казака лошадь и сказалъ Эспего: „я вамъ докажу, что не говорю вздоръ“, поскакалъ туда и нашелъ

другую высоту ближе крѣпости. Выстрѣлы съ крѣпости заставили меня во весь духъ возвратиться къ мѣсту, гдѣ находился Паскевичъ, который въ отсутствіи моемъ осуждалъ мою смѣлость, но по возвращеніи сказалъ Эспего, что просить его не соваться не въ свое дѣло, что его неосновательное мнѣніе могло стоить жизни офицера, которымъ онъ дорожитъ. Онъ велѣлъ мнѣ устроить батарею, гдѣ я самъ изберу удобную мѣстность; между тѣмъ, проскакавъ къ самой крѣпости, влѣво отъ точки, гдѣ предполагалъ строить батарею, замѣтилъ непріятельскій лагерь, и недалеко оттуда—кладбище. Назначая работу, я послалъ другой рабочій отрядъ, съ прикрытіемъ егерей, влѣво отъ себя, поручивъ капитану Шмиту избрать мѣстность лѣвѣе кладбища, для батареи въ 6 орудій, которая обстрѣливала-бы лагерь подъ крѣпостью и самую крѣпость.

При наступленіи сумерекъ, по крутому берегу рѣки, прикрытому каменистыми утесами, съ пятью піонерами, я пробрался къ мѣсту постройки укрѣпленія; свѣту было еще достаточно, чтобы я могъ правильно разбить свою батарею, обозначивъ кольями всю трасировку и направленіе амбразуръ. Поставилъ своихъ піонеръ на исходящіе углы, и въ совершенной темнотѣ, въ 150 саж. отъ крѣпости, молча ожидалъ рабочій отрядъ и прикрытіе, которые долженъ былъ привести Н. Н. Муравьевъ. Для встрѣчи отряда и распредѣленія его по работѣ, я отошелъ отъ трасировки по направленію къ лагерю, и когда услышалъ приближеніе отряда, старался остановить его за нѣсколько саженъ отъ батареи, но это оказалось невозможнымъ, потому что Муравьевъ велъ отрядъ ночью подъ крѣпость не въ колоннѣ, но развернутымъ фронтомъ, такъ что, остановивъ лѣвый флангъ, правый не слышалъ команды, подвигался впередъ, кричать-же подъ крѣпостью было опасно. Случилось, что правый флангъ, пока успѣлъ остановить его, то остальная часть отряда, подвигавшагося развернутымъ фронтомъ, сбила всѣ точки, обозначавшія части батареи и направленіе амбразуръ; остались только исходящіе углы, на которыхъ поставлены были піонеры. Я былъ въ отчаяніи, зная, что батарея моя не можетъ быть вѣрно поставлена; работа не могла идти успѣшно оттого, что рабочіе пришли поздно, а батарею нужно было строить изъ земляныхъ мѣшковъ по скалистой мѣстности, и мы насыпали мѣшки землею изъ овраговъ. Однимъ словомъ, къ свѣту моя батарея оказалась никуда негоднымъ блиномъ.

Благодаря опытности генерала Муравьева, уже тогда прославившагося на Кавказѣ, и прибытія къ разсвѣту начальника штаба Сакена, я объяснилъ имъ свое горе и неудачу, и объявилъ, что есть у меня предположеніе для покоренія крѣпости, и просилъ разрѣшенія отправиться на лѣвый флангъ нашихъ осадныхъ работъ, и направить куда нужно войска, выдвинутыя для прикрытія работъ. Сакенъ благословилъ меня знаменіемъ креста, какъ имѣлъ обычай дѣлать это при всякомъ случаѣ.—Вскочивъ на первую казачью лошадь, поскакалъ къ батареѣ Шмита, встрѣтилъ донскую конную артиллерію Полякова и 42 егерскій полкъ Реута, и велѣлъ имъ слѣдовать за мною. Услышавъ выстрѣлы, самъ поскакалъ впередъ, и, спускаясь въ оврагъ, увидѣлъ тамъ полковника Миклашевскаго, командира 41 егерскаго полка, съ застрѣльщиками, котораго турки преслѣдовали изъ крѣпости и, вѣроятно, растративъ свои заряды, бросали въ нихъ каменьями. Я закричалъ егерямъ: „назадъ!“, приказалъ Полякову сняться съ передковъ, и вмѣстѣ съ 42-мъ Реута полкомъ, обратилъ въ бѣгство турецкій отрядъ, преслѣдуя его до крѣпости, вошелъ съ нимъ въ крѣпость, не позволивъ ему зайти въ свой лагерь.

Паскевичъ пріѣхалъ на построенную мною батарею, когда я уже былъ въ крѣпости съ Миклашевскимъ, Реутомъ и Поляковымъ, сердился, говорятъ, на меня за дерзкое предпріятіе, грозилъ отдать подъ судъ того, кто началъ это дѣло, намекалъ этимъ на начальника штаба Сакена, которому уже начиналъ не довѣрять и завидовать его популярности, но вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ атаковать Карсъ со всѣхъ сторонъ, что легко было исполнить, когда мы уже были въ крѣпости,—однако это распоряженіе много облегчило намъ взятіе Карса. Послѣ часовой рѣзни въ улицахъ и на площадяхъ крѣпость сдалась безусловно, а цитадель, въ коей еще держался гарнизонъ, сдалась на капитуляцію, заключенную полковникомъ Леманомъ, посланнымъ отъ Паскевича съ предложеніемъ выпустить ея гарнизонъ съ оружіемъ, куда угодно турецкому начальству отправить.

Тутъ я долженъ разсказать, почему я нашелъ Миклашевскаго съ застрѣльщиками въ оврагѣ, когда обратилъ его вмѣстѣ съ полкомъ Реута на преслѣдованіе турокъ до самой крѣпости. Наканунѣ послалъ я рабочій отрядъ съ кап. Шмитомъ влѣво отъ моихъ работъ, велѣлъ ему поставить свою батарею лѣвѣе клад-

бища; не знаю почему онъ построилъ ее прямо противъ кладбища. Турки къ утру выслали изъ лагеря занять кладбище; отъ близкаго огня ихъ затруднялась наша работа. Миклашевскій, командовавшій прикрытіемъ, выстрѣлами своими вытѣснилъ турокъ изъ кладбища и погналъ ихъ въ лагерь; тогда вылазка отъ гарнизона, занявшая лагерь въ свою очередь, обратила вспять Миклашевскаго съ 80 застрѣльщиками, и, преслѣдуя его, вогнала въ оврагъ, куда я явился на выручку Миклашевскаго. Впослѣдствіи Миклашевскій хотѣлъ себѣ приписать весь успѣхъ дѣла, тогда какъ его неразсчитанное увлеченіе могло стоить жизни храбрецовъ, если-бы совершенно неожиданно я не пришелъ къ нему на рыручку.

Когда послѣ занятія Карса я пріѣхалъ къ Паскевичу, нашелъ его совершенно довольнымъ отъ покоренія крѣпости съ потерею самаго незначительнаго числа людей. Онъ приказалъ привезти ящикъ шампанскаго и предложилъ тостъ за здоровье Сакена. Сакенъ отклонилъ отъ себя успѣхъ и предложилъ за здоровье траншей-маіора, полковника Бурцова. Бурцовъ прямо указалъ на меня, какъ на виновника, котораго главнокомандующій вмѣсто отдачи подъ судъ поздравилъ съ блистательной, ему доставленной, побѣдой. Взятіе сильно укрѣпленной и по мѣстности малоприступной крѣпости имѣло большое вліяніе на ходъ всей остальной кампаніи 1828 года.

IV.

По взятіи Карса, отъ неосторожности съ вещами, взятыми изъ крѣпости, въ войскѣ открылась чума, сперва между плѣнными турками, а потомъ и въ войскахъ. Устроены были строгіе карантины; отдѣлили больныхъ. Это обстоятельство заставило насъ, въ концѣ іюля, выступить изъ-подъ Карса по дорогѣ въ Ахалцыхъ. Послѣ ночной осады Ахалкалакъ, мы разрушили стѣны и взяли крѣпость штурмомъ. Отъ Ахалкалакъ по дорогѣ, безъ выстрѣла, я съ Раевскимъ занялъ крѣпость Хертвисъ; въ сопровожденіи драгуна и казака переговаривались о сдачи крѣпости, имѣя за нами только одинъ дивизіонъ драгунъ и сотню казаковъ. Такъ еще свѣжа была память о покореніи Карской твердыни.

Августа 4 расположились лагеремъ на берегу Куры, въ пяти

верстахъ отъ Ахалцыха. Получено было извѣстіе объ одновременномъ съ нами прибытіи 30-ти тысячнаго турецкаго корпуса на защиту крѣпости. На другой день Паскевичъ изъ лагеря сдѣлалъ рекогносцировку и встрѣтилъ вылазки изъ прибывшихъ наканунѣ подкрѣпленій. Завязалась битва, въ началѣ коей Паскевичъ послалъ меня съ ротою піонеръ и баталіономъ егерей, при двухъ орудіяхъ, устроить редутъ, на высотѣ лѣваго фланга нашей позиціи. Не успѣлъ начать работу, какъ долженъ былъ сомкнуться въ каре, чтобы отбить атаку кавалеріи. Нѣсколько разъ удачно были отбиваемы атаки ружейнымъ огнемъ баталіона Миклашевскаго и орудіями гвард. артиллеріи Черневецкаго. До окончанія редута еще бо̀льшая масса налетѣла на насъ и уничтожила бы насъ безъ удачной стрѣльбы Черневецкаго. Паскевичъ прислалъ къ намъ на помощь Раевскаго съ двумя дивизіонами драгунъ. Атака была отбита; этимъ кончилось дѣло 5 августа и мы сохранили нашу позицію. У насъ выбито было изъ строя довольно людей. Черневецкаго гранатой въ грудь разорвало въ мелкіе куски.

Паскевичъ чрезъ Боржомское ущелье послалъ въ Грузію, чтобы подвинуть къ намъ форсированнымъ маршемъ подкрѣпленія. Потери подъ Карсомъ отъ штурма, чумы и болѣзней значительно уменьшили численность отряда. По спискамъ подъ Ахалцыхомъ у насъ было не больше 11 или 12 тысячъ всѣхъ родовъ войскъ. Мы знали, что гарнизонъ Ахалцыха состоялъ изъ 10,000, да вспомогательный корпусъ изъ 30,000.

Послѣ 5 августа до 8-го мы оставались спокойно въ лагерѣ, только не было покоя для меня: я осматривалъ крѣпость со всѣхъ сторонъ днемъ и ночью. 8-го августа Паскевичъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ предложилъ слѣдующій вопросъ: — „оставаться-ли подъ Ахалцыхомъ или возвратиться къ своимъ границамъ чрезъ Боржомское ущелье, и съ полученіемъ подкрѣпленія снова идти на Ахалцыхъ?“ —Присутствуя на совѣтѣ, выслушавъ различныя мнѣнія, я предложилъ: „въ виду затруднительной стоянки подъ Ахалцыхомъ, по невозможности отдѣлять изъ лагеря сильныхъ отрядовъ для фуражировки, по причинѣ вспомогательнаго турецкаго корпуса, втрое насъ сильнѣйшаго, и также нуждающагося въ продовольствіи, — нынѣшнею-же ночью внезапно напасть на туровъ, заставить ихъ бросить свой лагерь, освободить насъ отъ своей, какъ-бы сказать, блокады“; въ успѣхѣ предпріятія я ручался.

Турецкій лагерь отстоялъ отъ насъ въ верстахъ десяти; въ одной верстѣ отъ лагеря былъ онъ отдѣленъ отъ насъ глубокимъ рвомъ, идущимъ отъ крѣпости въ извилистомъ направленіи. Для перехода чрезъ оврагъ я предложилъ привезти съ собою бревна и доски для моста, переходъ довершить ночью, съ разсвѣтомъ напасть на спящихъ турокъ.

Предложеніе мое принято было единодушно. Къ оврагу пришли прежде свѣта, но, къ моему удивленію, Паскевичъ приказалъ войскамъ встать на избранной имъ высотѣ противъ крѣпости, и чтобы не производить шума, отмѣнилъ постройку моста чрезъ оврагъ. Между тѣмъ какъ мы въ бездѣйствіи простояли два часа, начало свѣтать. Турки изъ крѣпости и лагеря заняли пѣхотою оврагъ, а кавалерія обскакала насъ со всѣхъ сторонъ. Не прошло часу, какъ мы были окружены. Тогда Паскевичъ, видя опасность своего положенія, послалъ 42-й егерскій полкъ выгнать турокъ изъ оврага. Дѣло началось около 5 часовъ утра и продолжалось до 5 часовъ вечера. Мы оврага занять не могли, не смотря на то, что для отбитія его у турокъ, одинъ за другимъ, послано было три полка; потеря наша была огромная—до тысячи человѣкъ убитыми и ранеными. Нѣсколько часовъ послѣ начала дѣла Паскевичъ былъ довольно спокоенъ, но потомъ пришелъ въ бѣшенство и въ отчаяніе, ругалъ всѣхъ, говорилъ, что его завели въ ловушку, чтобы помрачить его славу; всѣхъ подходившихъ къ нему за совѣтомъ или приказаніемъ выгонялъ отъ себя. Савенъ рѣшился къ нему не подходить; я все время находился близь Паскевича и видѣлъ какъ онъ отъ усталости сѣлъ у орудія, повернувшись ко мнѣ спиною. Тогда блеснула у меня счастливая мысль, я закричалъ: „казакъ! лошадь!“ вскочилъ на нее, никому не сказавъ ни слова. Объѣхавъ оврагъ въ карьеръ, вернулся къ Паскевичу и доложилъ, что оврага этого взять невозможно! — „Такъ что-же дѣлать?“ спросилъ онъ. Я указалъ на люнетъ передоваго укрѣпленія у крѣпости, что „надо взять штурмомъ этотъ люнетъ, тогда оврагъ будетъ вашъ, непріятельскій лагерь вашъ, а затѣмъ въ непродолжительномъ времени и Ахалцыхъ вашъ!“ — „Но кого-же я пошлю штурмовать?“ спросилъ Паскевичъ. Выходка моя противъ оврага, разговоръ съ Паскевичемъ возбудили всеобщее любопытство; всѣ начальники собрались около Паскевича, когда я, отвѣчая на вопросъ его, указалъ на пол-

ковника Бородина, бывшаго его адъютанта, командира Ширванскаго полка. Паскевичъ спросилъ Бородина какъ онъ объ этомъ думаетъ? Тотъ, знавшій характеръ Паскевича, какъ-бы въ разсѣянности, спросилъ: „какое укрѣпленіе, в. свѣт.?“ и послѣ указанія ему на люнетъ, прибавилъ: „ну, его можно взять мимоходомъ“;— „Съ Богомъ!“ сказалъ на это ободрившійся Паскевичъ. Тутъ я остановилъ его рѣшимость и просилъ дать знать Муравьеву, прикрывавшему нашъ вагенбургъ, чтобы онъ придвинулся къ крѣпости, и въ то время, когда съ одной стороны пойдетъ атаковать Ширванскій полкъ, онъ повелъ-бы бригаду туда-же съ другой стороны. — „Кого-же я пошлю? турецкая кавалерія занимаетъ дорогу“.—„Позвольте мнѣ взять двухъ казаковъ, я съ ними проскачу до Муравьева и поведу на штурмъ люнета“,—и когда я приказывалъ привести мнѣ лошадь и казаковъ, Паскевичъ во всеуслышанье отдалъ мнѣ слѣдующее приказаніе: — „Поѣзжайте къ Муравьеву, скажите ему, что бы приблизившись къ крѣпости, онъ, для штурмованія люнета, соображалъ свои дѣйствія съ движеніемъ Ширванскаго полка. Старайтесь избѣгнуть опасности сами, вы нужны для арміи!“ — Послѣ этого Сакенъ меня перекрестилъ.

Я указалъ казакамъ интервалы, въ которые они должны были проскакать, чтобы передать приказаніе Паскевича Муравьеву. Самъ въ избранный мною интервалъ понесся стрѣлою на моемъ самоварѣ, на чудномъ кабардинскомъ скакунѣ, котораго ни одна лошадь не могла обскакать. Вышло, что мы всѣ трое благополучно достигли назначенія, не смотря на выстрѣлы и погони. Передавъ буквально приказаніе Муравьеву, совѣтовалъ ему не придерживаться буквы приказанія, прямо штурмовать люнетъ, иначе можетъ послѣдовать отмѣна, какъ часто случалось у Паскевича. Муравьевъ быстро повелъ бригаду не останавливаясь, при самомъ люнетѣ бригада присѣла на нѣсколько минутъ и потомъ съ криками ура! бросилась на него, между тѣмъ какъ я съ казаками Муравьева обскакалъ люнетъ съ горжи, такъ что ни одна душа не спаслась: кто былъ убитъ, кто взятъ въ плѣнъ. Въ этомъ дѣлѣ убитъ командиръ бригады, генералъ Корольковъ.

Отъ люнета поскакалъ къ Паскевичу съ донесеніемъ, на пути встрѣтилъ Ширванскій полкъ, идущій на подвигъ, уже нами совершенный. Бородинъ сожалѣлъ, что я отнялъ у его полка побѣду.

Паскевичъ отрядилъ Раевскаго для преслѣдованія турокъ, покидающихъ свой лагерь. Потерявъ безполезно отъ 5 утра до 5 вечера 1,000 человѣкъ убитыми и ранеными, мы въ одинъ часъ завладѣли люнетомъ и въ немъ взяли 20 орудій. Турки бросили оврагъ, лагерь, орудія и бѣжали безъ оглядки. Въ лагерѣ захвачены 30 орудій, палатки и все турецкое имущество. Успѣхъ неожиданный придалъ смѣлости начальствующимъ лицамъ; въ сумерки возвратился я на люнетъ, и засталъ выстраивающійся Ширванскій полкъ. Туда-же прибылъ Паскевичъ, и когда я спросилъ его куда назначенъ полкъ, онъ отвѣтилъ: „Бородинъ съ полкомъ хочетъ идти въ крѣпость". Я замѣтилъ, что это было-бы неблагоразумно теперь, потому что пропущено много времени послѣ отогнанія турокъ изъ лагеря, и въ ночное время трудно атаковать гарнизонъ, приготовившійся къ оборонѣ. Паскевичъ приказалъ распустить полкъ; мы ночью сильно укрѣпили люнетъ, и я, утомившись послѣ нѣсколькихъ ночей, проведенныхъ безъ сна, завернувшись въ плащъ, легъ между турами и фашинами и такъ крѣпко заснулъ подъ накрапывающимъ дождемъ, что проспалъ сутки. По требованію Паскевича отыскивали меня, никто не догадался искать меня на люнетѣ, котораго я не покидалъ; проснувшись, разбилъ въ немъ мою палатку.

Отъ 9 до 15 августа устроены были еще двѣ батареи, безпрерывно и разрушительно дѣйствовавшія на крѣпость. 14 августа Паскевичъ потребовалъ сдачи Ахалцыха, предлагалъ выгодныя условія для гарнизона; на отказъ онъ назначилъ на другой день штурмъ.

15 августа былъ полковой праздникъ Ширванскаго полка; послѣ молебствія Паскевичъ объявилъ полку, что назначаетъ его штурмовать Ахалцыхъ. Мнѣ приказано было съ ротою піонеръ, вооруженныхъ длинными топорами, идти впереди атакующей колонны и рубить палисадъ. Штурмъ назначенъ въ 4 часа пополудни, когда обыкновенно турки послѣ обѣда кейфуютъ или отдыхаютъ.

Въ 4 часа пѣсенники и барабанный бой двинувшейся колонны встревожилъ турокъ. Я съ Бородинымъ первые перелѣзли чрезъ палисадъ, за нами застрѣльщики съ подполковникомъ Юдинымъ. Піонеры начали рубить палисадъ для пропуска Ширванскаго полка, и въ то время, какъ Бородинъ перелѣзалъ чрезъ палисадъ, выстрѣлъ въ упоръ попалъ ему между ногъ, и въ одно

мгновеніе лишилъ его жизни. Я со стрѣлками и піонерами вышелъ на площадь, устраивалъ ложементъ, ободрялъ людей, на которыхъ сыпались пули. Въ моихъ глазахъ повалился капитанъ Соломка, съ піонерами отнесъ его на перевязочный пунктъ, полагая его раненымъ, и только что возвратился къ работѣ, почувствовалъ сильный ударъ въ спину, взглянулъ на грудь и, увидѣвъ изъ нея вытекающую кровь, зажалъ рукой рану и пошелъ на только что покинутый перевязочный пунктъ и упалъ, но не лишился ни чувства, ни памяти. Меня наскоро перевязали, положили на солдатскую шинель и понесли въ люнетъ въ мою палатку. По дорогѣ изъ крѣпости меня встрѣтилъ Сакенъ, шедшій въ крѣпость, спросилъ кого несутъ, подошелъ къ носилкамъ и перекрестилъ меня. Пока меня несли, перевязка сползла и кровь съ обоихъ концовъ раны текла безостановочно; я чувствовалъ, что лежу въ мокротѣ, но никакимъ образомъ не имѣлъ силъ сказать это главному доктору Зубову съ цѣлымъ сонмомъ докторовъ, которыхъ привелъ полковникъ Леманъ по приказанію Паскевича, чтобы непремѣнно спасти меня. Они рѣшили, что для меня нѣтъ спасенія, что чрезъ полчаса я долженъ умереть. Я все это слышалъ; они меня оставили.

Тогда я услышалъ голосъ полковника Философова, прибѣжавшаго ко мнѣ съ своимъ недавно къ нему поступившимъ, изъ Виленскаго университета, докторомъ Барташевичемъ. Слышалъ ихъ разговоръ съ Зубовымъ за моею палаткою, какъ Зубовъ сказалъ, что мнѣ остается жить не болѣе, какъ на полчаса, что не хотѣли напрасно тревожить. Барташевичъ отвѣтилъ, что пока живъ человѣкъ, обязанность врача употребить всѣ средства помощи, хотя-бы для облегченія послѣднихъ минутъ жизни. Вмѣстѣ съ Философовымъ и Барташевичемъ, доктора опять вошли ко мнѣ. Барташевичъ перевязалъ раны, заложивъ ихъ корпіей, и пустилъ кровь изъ правой руки. Когда кровь потекла, я чувствовалъ какъ все, что накопилось у меня къ горлу, отлегло, мнѣ стало легче дышать, но слабость, безсиліе оставались тѣ-же. Хотѣлъ пожать Барташевичу руку и благодарить, но не было силъ исполнить желаніе. Доктора ушли, Барташевичъ оставался для наблюденія за мною. Послѣ открыванія крови, я тотчасъ уснулъ; не знаю сколько я спалъ, но, проснувшись и увидѣвъ Барташевича, могъ сказать нѣсколько словъ благодарности.

Изъ палатки перенесли меня въ Ахалцыхъ, гдѣ лечилъ меня Саличъ, докторъ Паскевича, который отправился въ Тифлисъ. Въ Ахалцыхѣ оставался въ гарнизонѣ тифлисскій полкъ и комендантомъ полковникъ Бебутовъ; при мнѣ оставлены были Богдановичъ и баталіонный нашъ докторъ Яроцкій. Четыре мѣсяца лечился я въ Ахалцыхѣ, болѣе трехъ лежалъ въ постели. Ко мнѣ пріѣхалъ маіоръ Семичевъ, Нижегородскаго драгунскаго полка, остававшійся въ госпиталѣ за болѣзнію. Поправлялся медленно, былъ на діэтѣ строгой, нервы разстроились до крайности, и не могъ выносить табачнаго запаха.

Въ концѣ декабря, въ сопровожденіи Семичева, Богдановича, Яроцкаго, подъ конвоемъ казаковъ, отправился въ Тифлисъ, чрезъ Боржомское ущелье и чрезъ Гори, гдѣ полковникъ командиръ Бурцовъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями и познакомилъ меня съ милою женою своею.

V.

Прибывъ въ Тифлисъ, Паскевичъ часто присылалъ освѣдомиться о моемъ здоровьи; когда я настолько оправился силами, что могъ двигаться, то не могъ не представиться ему. Для этого я выбралъ въ январѣ табельный день. Всѣ были собраны въ парадной формѣ, я пришелъ въ сюртукѣ, безъ эполетъ, съ лѣвою рукою на перевязкѣ. Когда Паскевичъ вышелъ, то вѣроятно подъ впечатлѣніемъ моего скромнаго наряда, среди людей въ звѣздахъ и лентахъ, обратился ко мнѣ съ пріятною рѣчью, но оскорбительною для многихъ присутствовавшихъ, сказавъ мнѣ: „Voilà un officier avec lequel on gagne des batailles, это не то, какъ вы, которые только носите мундиръ“. Слова эти, вмѣсто удовольствія, произвели во мнѣ досаду; публичное оскорбленіе всѣми было осуждено. Отпуская всѣхъ, онъ просилъ меня беречь здоровье для предстоявшихъ трудовъ, а я просилъ позволенія ѣхать лечиться къ минеральнымъ водамъ,—„еще не время“, отвѣтилъ онъ, „а тогда посмотримъ“.

Въ февралѣ (1829 г.), однажды вечеромъ, меня вызвали изъ-за партіи виста у Стрекалова къ главнокомандующему, въ 12-мъ часу ночи. Я засталъ его недовольнымъ на грузинскаго князя Эристова,

генерала нашей службы, за медленное формированіе грузинской милиціи, которую хотѣлъ онъ послать въ Ахалцыху, отвуда онъ въ тотъ же вечеръ получилъ извѣстіе отъ князя Бебутова объ осадѣ этой крѣпости турками. Онъ выслалъ изъ кабинета князя Эристова и спросилъ моего совѣта, какъ лучше пособить Бебутову со слабымъ гарнизономъ? Я отвѣтилъ, что Бурцовъ здѣсь, полкъ его и артиллерійская бригада стоятъ въ Гори, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Ахалцыха, и будьте увѣрены, что Бурцовъ выведетъ изъ бѣды Бебутова. Паскевичъ предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ Бурцовымъ, но я просилъ не употреблять меня въ дѣло, что я еще слишкомъ слабъ, и что одного Бурцова съ его отвагой и знаніемъ дѣла будетъ достаточно для благополучнаго рѣшенія.

Въ мартѣ и апрѣлѣ приходили все тревожныя донесенія изъ Ахалцыха о большихъ сборищахъ турокъ, о частыхъ стычкахъ съ гарнизономъ. Въ маѣ назначено было выступить главной квартирѣ къ Карсу. Предъ выступленіемъ я опять просилъ у Паскевича отпуска, но онъ и слышать не хотѣлъ о моемъ отъѣздѣ изъ арміи, сказавъ мнѣ: „вы для меня необходимы“, что безъ меня „у него какъ у Самсона отрѣзаны волосы“. Я замѣтилъ, что по слабости здоровья уже не могу дѣлать походъ какъ солдатъ, что мнѣ нуженъ экипажъ крытый, теплая палатка, прислуга, что на это у меня средствъ нѣтъ. „За этимъ дѣло не станетъ, довольно тебѣ тысячи червонцевъ?“—и вынулъ мнѣ эти деньги,—я благодарилъ и сказалъ: позвольте мнѣ дать вамъ росписку. „Въ этихъ деньгахъ не нужно, это государь тебѣ даетъ отъ царской милости“.—„Отказываться не смѣю и буду еще служить сколько силъ достанетъ, но прошу васъ обѣщать мнѣ, отпустить меня по взятіи Арзрума, для пользованія водами, хотя-бы позднимъ курсомъ“.—„Это я тебѣ обѣщаю, съ Богомъ, приготовляйся къ походу; чрезъ нѣсколько дней мы выступимъ къ Карсу. Панкратьевъ оттуда доноситъ, что сераскиръ собираетъ армію въ 100 тысячъ противъ слабаго его отряда, и уже выступилъ изъ Арзрума“.

Тотчасъ занялся приготовленіями къ походу. Купилъ коляску палатку, капировъ для вьюковъ. Бурцовъ прислалъ мнѣ четверку лошадей, деньщикъ сталъ кучеромъ, а Степанъ камердинеромъ и поваромъ. Въ концѣ мая, вмѣстѣ съ Паскевичемъ, выѣхалъ изъ Тифлиса.

До выступленія въ новый походъ всѣ получили награды. Я получилъ Анну на саблю и чинъ поручика. Когда вышли награды, то Анрепъ спросилъ меня, что я получилъ за Карсъ? „Не знаю“, отвѣчалъ я, „вѣроятно что нибудь не важное, потому что никто не извѣстилъ меня о наградѣ, а вы что получили?“— „Георгія 4 степени“.—„Ну, въ такомъ случаѣ, вѣроятно мнѣ дали тотъ-же крестъ 3 степени; я знаю, что взялъ крѣпость, а вы за преслѣдованіе изъ крѣпости бѣгущаго гарнизона“,—но не получилъ Георгія, а Анну 4-й степени на саблю,—это была мнѣ насмѣшка! Я тогда не думалъ о наградахъ, меня отучили на нихъ разсчитывать. Я думалъ только какъ бы скорѣе оставить службу, а до той минуты сколько возможно больше принести пользы для вновь открывшейся кампаніи. Крѣпости были уже всѣ взяты, оставалось взять Арзрумъ, неукрѣпленную столицу азіятской Турціи, и тамъ заключить выгодный миръ.

По прибытіи въ Карсъ, Паскевичъ далъ мнѣ новое порученіе—развѣдывать о непріятелѣ и расходованіе экстраординарной суммы на лазутчиковъ. Отрядъ Панкратьева стоялъ лагеремъ въ одномъ переходѣ отъ Карса къ Арзруму. Подтвердилось извѣстіе, что сераскиръ выступилъ изъ Арзрума, и кромѣ того чрезъ Ардаганъ прошелъ значительный отрядъ къ Ахалцыху для дѣйствій противъ Бурцова. Паскевичъ собралъ военный совѣтъ, на коемъ мнѣніе Сакена было приведено въ исполненіе, и Паскевичъ, сдѣлавъ два перехода къ Ахалцыху, отдѣлилъ Муравьева на помощь Бурцову, а самъ возвратился въ Карсъ, гдѣ мы ждали донесеній изъ Ахалцыха.

Начальникъ штаба Сакенъ былъ съ Паскевичемъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но въ Тифлисѣ случилось происшествіе, посѣявшее подозрѣніе въ Паскевичѣ противъ Сакена. Приходъ почты въ Тифлисѣ, какъ вездѣ въ провинціи, составлялъ предметъ живаго интереса, и я часто, по полученіи почты, отправлялся къ Сакену и помогалъ ему ее разбирать. Распечатывалъ газеты, указывалъ на статьи, которыя могли его интересовать. Однажды, разсматривая Journal des Débats, я указалъ на одну корреспонденцію изъ Петербурга, гдѣ, между прочимъ, сказано было о Паскевичѣ—что онъ самыхъ обыкновенныхъ способностей и что успѣхъ его кампаній должно приписать способностямъ его начальника штаба и многихъ лицъ, сосланныхъ на Кавказъ за уча-

стіе ихъ въ заговорѣ 14 декабря. Сакенъ долженъ былъ относить журналы и газеты къ Паскевичу, я совѣтывалъ ему скрыть этотъ журналъ, зная подозрительность Паскевича; но Сакенъ, какъ рыцарь благородства, замѣтилъ, что это не будетъ достойно его откровеннаго поведенія къ Паскевичу, что онъ, напротивъ, укажетъ ему на эту статью, которую нельзя никому другому приписать, какъ только завистникамъ его въ Петербургѣ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано; но скоро оказалось, что у Паскевича вмѣсто прежней съ нимъ откровенности появилась натянутость въ отношеніяхъ съ нимъ, и подозрѣнія парализировали открытыя его дѣйствія.

Десять дней послѣ отдѣленія отъ насъ Муравьева онъ прислалъ реляцію о своей побѣдѣ вмѣстѣ съ Бурцовымъ: у турокъ отбиты знамена, вся артиллерія, множество плѣнныхъ, такъ что подъ Ахалцыхомъ нѣтъ непріятеля, и что онъ съ Бурцовымъ возвращается въ Карсъ. Кажется, что слѣдовало праздновать побѣду, но вмѣсто того Паскевичъ разразился гнѣвомъ на Сакена и Вальховскаго, упрекая ихъ въ томъ, что они своею интригою вырвали у него побѣду; а когда возвратились Муравьевъ и Бурцовъ, то вмѣсто солдатскаго спасибо, сталъ критиковать ихъ маневры, выговаривать за значительную потерю людей, которая, напротивъ, была самая ничтожная. Неудовольствіе его, наконецъ, обрушилось и на меня, какъ ниже увидите.

Посредствомъ моихъ лазутчиковъ и моихъ ночныхъ поисковъ съ линейными казаками, Паскевичъ всегда зналъ отъ меня, гдѣ находится сераскиръ и когда можетъ съ нимъ встрѣтиться. Онъ заботился о переходѣ чрезъ Саганлучскія горы, отдѣляющія Карсъ отъ Арзрума. Съ сотнею гребенскихъ казаковъ я проѣхалъ эти горы и нашелъ одно только затрудненіе для движенія арміи—спускъ, противъ котораго расположился сераскиръ, а лѣвѣе отъ него, отдѣленный глубокимъ оврагомъ, въ урочищѣ Мелидюзъ, стоялъ лагеремъ Гака-паша.

Наканунѣ нашего движенія чрезъ Саганлучъ, я ночью объѣхалъ позицію сераскира и лагерь Гака-паши. Совершенно знакомый съ мѣстностью, во время движенія арміи направилъ Бурцова съ Херсонскимъ полкомъ и двумя орудіями лѣвѣе оврага противъ лагеря Гака-паши въ урочище Мелидюзъ. Муравьевъ, выдвинутый впередъ противъ сераскира, имѣлъ приказаніе занять позицію, но не начинать дѣла до прибытія Паскевича. Между

тѣмъ какъ выстроился Муравьевъ, видно было, что турки устраиваютъ себѣ прикрытіе изъ множества каменьевъ, разбросанныхъ по полямъ. Чтобы препятствовать имъ укрыться, нужно было, вопреки приказанія Паскевича, выдвинуть впередъ Муравьева. Во время самаго движенія подъѣхалъ Паскевичъ и уже сердитый на Муравьева и Сакена, послалъ приказаніе Муравьеву остановиться. Я, находясь при этой колоннѣ, отвѣчалъ, что остановиться нельзя, по причинѣ невыгодной позиціи, и остановилъ ее тамъ, гдѣ можно было удобно обстрѣливать непріятельскіе завалы. Паскевичъ, видя, что Муравьевъ двигается, снова посылаетъ грозное приказаніе, что вынудило меня самому ему донести о необходимости движенія впередъ. Къ удивленію моему, онъ благодушно меня выслушалъ и приказалъ мнѣ сказать Муравьеву, чтобы онъ, занявъ позицію, не открывалъ огня до его приказанія. Но прежде чѣмъ я могъ возвратиться къ Муравьеву, онъ уже открылъ огонь по непріятелю, который съ своей стороны стрѣлялъ по насъ изъ за всѣхъ своихъ заваловъ. Скоро пріѣхалъ Паскевичъ, которому уже не оставалось нужды отдавать приказанія.

Во время самой перестрѣлки съ обѣихъ сторонъ, вниманіе всѣхъ обращено было на Бурцова, выстроившаго свои баталіоны въ каре, чтобы устоять противъ атаки 10 или 12 тысячъ турецкой кавалеріи, бросившейся на него. Былъ моментъ, что мы думали, что Бурцовъ пропалъ,—за дымомъ видна была неясно только несущаяся масса всадниковъ; но когда дымъ разсѣялся, то, къ удивленію всѣхъ, Бурцова каре стояло въ порядкѣ; конница уносилась мимо ихъ лѣвѣе въ ущелье,—всѣ мы поневолѣ закричали ура!

Когда непріятельская конница бросилась на Бурцова, я просилъ Паскевича послать Раевскаго отрѣзать турокъ отъ лагеря, но онъ послалъ Раевскаго чрезъ оврагъ, когда уже турки проскакали влѣво отъ каре Бурцова. Наша кавалерія, замедленная переходомъ чрезъ глубокій оврагъ, не могла настичь Гака-пашу и подобрала отсталыхъ до 200 человѣкъ.

Между тѣмъ какъ Паскевичъ продолжалъ перестрѣливаться съ сераскиромъ, пріѣхалъ къ намъ Бурцовъ съ донесеніемъ и спросилъ Паскевича:—„изволили видѣть, ваше сіятельство, какъ отличился Херсонскій полкъ?“—(онъ до командованія Бурцовымъ не пользовался хорошей репутаціей на Кавказѣ).—„Да!“ отвѣ-

тилъ Паскевичъ:—„но по моему это не такъ, нужно было трахъ, трахъ, трахъ!“—разумѣя подъ этимъ, что надо было съ барабаннымъ боемъ атаковать турецкую кавалерію. Бурцовъ, по привычкѣ своей, почесалъ носъ и отъѣхалъ отъ Паскевича, не сказавъ ему на это ни слова. Если Бурцовъ хотя на одинъ шагъ подвинулъ бы свои каре, то турецкая кавалерія разбила бы его, потому что онъ былъ одинъ пѣхотинецъ противъ четырехъ или пятерыхъ конныхъ.

Въ нашей арміи находился академикъ Машковъ, который всегда слѣдовалъ за нашими движеніями и рисовалъ все, что встрѣчалось любопытнаго. Онъ забрался на высоту позади нашей позиціи, откуда вся мѣстность, занимаемая сераскиромъ, была у него какъ на ладони. Когда мы перестрѣливались, онъ прискакиваетъ во весь духъ къ Паскевичу и объявляетъ, что сераскиръ ушелъ, что видѣлъ страшную пыль, постепенно удалявшуюся къ Арзруму. Казалось бы, что послѣ этого извѣстія слѣдовало двинуться впередъ, но Паскевичъ прекратилъ пальбу, приказалъ людямъ варить кашу, и только чрезъ часъ послалъ Сакена съ кавалерісй преслѣдовать непріятеля. Кавалерія, которая уже нѣсколько часовъ гналась за Гака-пашой, утомила своихъ лошадей, и Сакенъ, пройдя верстъ десять, забравъ 800 человѣкъ отсталыхъ, долженъ былъ остановиться и донести Паскевичу, что невозможно двигаться впередъ на измученныхъ лошадяхъ, и думаетъ, что выгоднѣе сохранить кавалерію, чѣмъ набрать еще тысячу или двѣ плѣнныхъ, составляющихъ безполезную тяжесть для арміи. Это донесеніе привело Паскевича въ бѣшенство; онъ тотчасъ нарядилъ военный судъ изъ генераловъ, подъ предсѣдательствомъ Панкратьева, и велѣлъ судить своего начальника штаба въ 24 часа.

Судъ опредѣлилъ строгій выговоръ Сакену за небуквальное исполненіе приказанія главнокомандующаго и вялое преслѣдованіе непріятеля; сверхъ того опредѣленъ ему былъ домашній арестъ и увольненіе отъ должности начальника штаба.—Вотъ какъ отозвался на Сакенѣ № Journal des Débats.

Два часа послѣ того, какъ сераскиръ ретировался на Арзрумъ, казаки наши забрали 30 орудій, брошенныхъ турками на дорогѣ, и весь турецкій обозъ, не успѣвавшій догнать бѣгущихъ.

Въ Гассанъ-Кале, въ одинъ переходъ отъ Арзрума, назначена была дневка и сборъ всѣхъ отрядовъ, занятыхъ преслѣдованіемъ.

Между тѣмъ, не упуская изъ виду лежащей на мнѣ обязанности развѣдыванія о непріятелѣ и его движеній, я принесъ къ Паскевичу приготовленный маршрутъ отъ Арзрума въ Трапезонтъ, гдѣ ожидала насъ добыча 11 мил. мѣди. Паскевичъ встрѣтилъ меня словами: „и вы противъ меня интригуете?“ — „Изъ какого разсчета?“ отвѣтилъ я,—„я всего ожидаю отъ вашего вниманія ко мнѣ, и по сіе время могу сказать, что служилъ вамъ съ усердіемъ; но я догадываюсь что̀ подало поводъ вашему сіятельству меня заподозрить въ интригѣ. Я увѣренъ, что вышедшій отсюда Раевскій передалъ вамъ то, что я говорилъ ему на счетъ ординарца вашего Абр., который не сто̀итъ вашего вниманія, и если считаетъ себя обиженнымъ мною, то могу дать ему удовлетвореніе“.—„Какъ вы можете дурно отзываться о человѣкѣ, который пользуется моею довѣренностью?“ сказалъ Паскевичъ. „Я не полагалъ, чтобы такой трусъ, какъ Абр., могъ пользоваться вашею довѣренностью, и повторяю, что я готовъ дать ему полное удовлетвореніе; вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ просить васъ исполнить обѣщаніе и послѣ взятія Арзрума отпустить меня на воды; но прежде сдачи моихъ бумагъ, прошу принять отъ меня составленный мною маршрутъ? въ Трапезонтъ“.—„Кто вамъ приказалъ составить этотъ маршрутъ, я знать не хочу о немъ, и прошу, чтобы объ этомъ никто въ арміи не зналъ“.—„До сей поры на мнѣ лежала обязанность составленія карты движенія впередъ, и я полагаю, что растянувши до Арзрума операціонную линію, вамъ ее необходимо упереть къ морю, чтобы имѣть сообщеніе съ арміей Дибича“. Тогда Паскевичъ перемѣнилъ тонъ разговора со мною, началъ опять говорить мнѣ „ты“ и старался всячески замять все непріятное, имъ высказанное; но я вышелъ отъ него съ твердымъ намѣреніемъ разстаться съ нимъ въ Арзрумѣ.

Отъ Паскевича зашелъ я къ Раевскому, который разсказалъ мнѣ свой разговоръ съ Паскевичемъ защищая Сакена, и прибавилъ, что въ числѣ его окружающихъ находятся подлецы и трусы, которые передаютъ ему небывалыя вещи. „Кто такой, назовите!“—„Да хоть А.; Пущинъ мнѣ вчера разсказывалъ про него, и войсковой старшина Александровъ, когда въ одной экспедиціи А. находился съ нимъ все впереди, а до встрѣчи съ непріятелемъ отъѣхалъ назадъ, сказавъ, что тутъ не его мѣсто, что ему не хочется получить пули въ лобъ. На это войсковой старшина замѣтилъ: „видно, молодецъ не надѣется за это дѣло получить на-

грады!“ Раевскій удивился тому, что я догадался, что это передалъ онъ Паскевичу, но мнѣ легко было отгадать, зная его за извѣстнаго говоруна.

Подходя къ Арзруму, мы знали, что городъ не будетъ защищаться. За нѣсколько верстъ отъ города, мы разбили лагерь, и въ немъ всѣ шатры двухъ пашей, взятые наканунѣ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ въ городъ, турки прислали парламентеровъ о сдачѣ города. Паскевичъ не хотѣлъ переговариваться, пока сераскиръ и всѣ паши не пріѣдутъ къ намъ въ лагерь, и только что они пріѣхали, онъ просилъ съ любезною предупредительностью занять свои шатры, и сей часъ же поставить къ нимъ часовыхъ,—и объявилъ ихъ военноплѣнными. Кажется, что паши этого сами желали, чтобы не быть въ отвѣтственности предъ своимъ правительствомъ.

Посланъ былъ полкъ занять Арзрумъ, и отданъ былъ приказъ, чтобы никто безъ разрѣшенія изъ лагеря не ѣздилъ въ городъ. Предъ самымъ вечеромъ Паскевичъ отправился туда и приказалъ съ собою ѣхать адъютанту своему, князю Дадьяну, и мнѣ. Дорогой, шутилъ со мною, былъ очень любезенъ, и говорилъ, что ежели я непремѣнно хочу уѣхать, то онъ меня проситъ до отъѣзда сослужить ему еще одну службу—укрѣпить Арзрумъ. „Да на это потребно будетъ столько времени, что я не поспѣю къ водамъ, а позвольте мнѣ составить проэктъ укрѣпленія, а исполненіе его поручите кому-нибудь другому“.—„Я это такъ и понимаю“, сказалъ Паскевичъ.

Я тотчасъ же принялся за работу, на которую, не смотря на всю поспѣшность, употребилъ больше недѣли. Когда принесъ готовый проэктъ, возобновилъ мою просьбу объ отпускѣ, которая опять какъ бы удивила его, но онъ приказалъ Викинскому снабдить меня отпускомъ къ минеральнымъ водамъ на четыре мѣсяца. Поручилъ при этомъ мнѣ препровожденіе пашей въ Тифлисъ. Но въ самый день отправленія встрѣтилось затрудненіе, которое заставило меня опять обратиться къ Паскевичу. Викинскій не давалъ мнѣ казаковъ для препровожденія вьючныхъ моихъ капировъ; Паскевичъ тоже съ перваго слова отказалъ мнѣ въ нихъ. „Въ такомъ случаѣ я не могу воспользоваться отпускомъ, потому что не имѣю возможности перевезти мои вещи съ однимъ деньщикомъ, а людей нанять въ Арзрумѣ нѣтъ никакой возможности“. Едва не заплакалъ, и Паскевичъ, видя мое отчаяніе, сжалился

надо мною и велѣлъ мнѣ дать казаковъ. Пока собирали въ дорогу пашей, прошло еще нѣсколько дней для испытанія моего терпѣнія. Въ это время Бурцовъ отправлялся въ экспедицію противъ лазовъ, приглашалъ меня идти съ нимъ, но я его поблагодарилъ. Въ этой экспедиціи онъ былъ убитъ пистолетнымъ выстрѣломъ.

Въ день выѣзда моего изъ лагеря, я отъ Паскевича зашелъ проститься къ Сакену, котораго палатка стояла какъ зачумленная; довольно долго оставался у него, пока онъ писалъ письмо къ женѣ своей, а въ это время, какъ мнѣ послѣ сказали, Паскевичъ все поджидалъ моего выхода отъ Сакена. Вышедъ отъ него, я сѣлъ на лошадь, не видавъ уже болѣе Паскевича, и поскакалъ за выѣхавшими прежде меня пашами.

Долго не забывалъ я того ощущенія, когда оставилъ за собою лагерь, Паскевича и всѣхъ мутившихъ его дрязгъ. Какъ-то свободнѣе дышалось, а впереди мнѣ представлялся какой-то рай—Тифлисъ и съ нимъ всѣ ожидаемыя радости. Время было жаркое, конецъ іюля и начало августа (1829 г.); вечерній ароматическій воздухъ располагалъ къ душевнымъ наслажденіямъ, а сознаніе исполненной обязанности веселило сердце. Товарищи съ грустью со мною разстались, нѣкоторые проводили меня за нѣсколько верстъ. Съ бо́льшею частью изъ нихъ простился я навсегда и болѣе не встрѣчался на жизненномъ пути; немногіе изъ нихъ остались въ живыхъ. Прощаясь со мною, Паскевичъ былъ особенно любезенъ и, между прочимъ, сказалъ, чтобы я писалъ къ нему, если мнѣ въ чемъ встрѣтится бѣда или нужда, что онъ всегда готовъ придти мнѣ на помощь, но, какъ увидимъ впослѣдствіи, расположеніе это измѣнилось, когда онъ увидѣлъ, что я такъ долго предъ выѣздомъ оставался у Сакена, тогда еще арестованнаго и оставленнаго всѣми клевретами Паскевича. Абр., котораго Сакенъ питалъ какъ змѣю у груди, первый былъ предатель его, перенося разговоры семейные, очень часто не выгодные на счетъ Паскевича.

VI.

Я не уѣхалъ-бы изъ арміи, если-бы не такая была неурядица. Слова Паскевича, сказанныя мнѣ въ Гассанъ-Кале, рѣшили мой отъѣздъ; зная его характеръ, я не хотѣлъ, чтобы разрослось его неудовольствіе на меня; лучше, по моему, добровольно его оставить, чѣмъ какъ Сакенъ, Вальховскій и Муравьевъ быть

какъ-бы выгнанными. Надѣялся я никогда не возвращаться на Кавказъ, и послѣ четырехъ мѣсячнаго отпуска остаться по болѣзни на кавказскихъ водахъ, въ военномъ госпиталѣ, если нельзя будетъ иначе, а между тѣмъ просилъ отпуска въ Россію или за границу, если состояніе моего здоровья того потребуетъ.

Общество пашей, въ переѣздѣ моемъ, развлекало меня. На вопросъ мой сераскиру, почему онъ, имѣя столько орудій, не употреблялъ ихъ, или употреблялъ очень немногія?—„Да“,—отвѣтилъ онъ, „я боялся, что какъ вы ихъ увидите, то сейчасъ и возьмете“. Вотъ странный способъ воевать—имѣть орудія и прятать ихъ отъ непріятеля. Съ пашами ѣхалъ я до карантина на границѣ Грузіи въ Гимрахъ. Тамъ я долженъ былъ сидѣть три дня, а они—три недѣли. Паскевичъ сдѣлалъ для меня это снисхожденіе, чтобы я не очень опоздалъ къ водамъ. Въ карантинѣ пріѣхалъ ко мнѣ генер.-адъют. Яковъ Алексѣевичъ Потемкинъ, ѣхавшій въ дѣйствующую армію, наговорилъ мнѣ много комплиментовъ на счетъ моихъ далеко извѣстныхъ подвиговъ, распрашивалъ о Паскевичѣ, и спросилъ меня, какъ я полагаю, гдѣ онъ его застанетъ?—„Вѣроятно въ Арзрумѣ, если не двинется къ Бейруту, на подкрѣпленіе Бурцову, въ очень опасную экспедицію противъ лазовъ, самаго воинственнаго племени“. Потемкинъ спросилъ у меня еще, не знаю-ли я—есть-ли у Паскевича предположеніе идти къ Трапезонту?—Сомнѣваюсь, отвѣтилъ я, хотя всѣ данныя на то, что непремѣнно туда опереть нашу операціонную линію; знаю, что Паскевичъ считаетъ это движеніе очень опаснымъ, тогда какъ предпринялъ гораздо опаснѣйшее къ Бейруту,—развѣ не хочетъ-ли онъ сдѣлать диверсію Дибичу и идти на Константинополь чрезъ Сивасъ, но на это у него не достанетъ ни отваги, ни средствъ, и подобное предпріятіе не можетъ увѣнчаться успѣхомъ, и Паскевичъ, который такъ дорожитъ своею славою, однимъ этимъ движеніемъ можетъ потерять ее.

Оставивъ пашей въ карантинѣ, я спѣшилъ прибытіемъ въ Тифлисъ, куда я прямо пріѣхалъ къ Батуринымъ, гдѣ меня съ любовью пріютили. Ко времени моего выѣзда изъ Тифлиса, пріѣхалъ изъ арміи Дороховъ, получившій отпускъ въ Россію. Онъ предложилъ мнѣ совершить вмѣстѣ переѣздъ на воды; я согласился, но съ условіемъ, что при первой его дракѣ съ людьми, я его оставлю. Въ день отъѣзда съ Дороховымъ все было устроено;

я оставилъ своего повара закупить разныя вещи для дороги, и чтобы онъ съ человѣкомъ Дорохова догналъ насъ въ Душетѣ, гдѣ мы будемъ ихъ ожидать. Поздно вечеромъ люди пріѣхали; мы ждали ихъ десять часовъ. Каково-же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что Дороховъ бьетъ по щекамъ своего человѣка за то, что онъ заставилъ себя такъ долго ждать, а когда тотъ сослался на Степана, и Степанъ началъ выставлять свои резоны, Дороховъ и его принялся бить. Послѣ этого я приказалъ запрягать и сѣдлать лошадей, объявивъ Дорохову, что оставляю его потому, что онъ не исполнилъ условія; отправился ночью далѣе, и одинъ уѣхалъ до Владикавказа, гдѣ нужно было ожидать оказіи, чтобы ѣхать далѣе по Кабардѣ.

На другой день моего пріѣзда въ Владикавказъ является А. С. Пушкинъ, также возвращающійся изъ Арзрума, и изъ любопытства дѣлавшій съ нами кампанію 1829 года. Я очень обрадовался этому товариществу и просилъ Пушкина у меня остановиться; но онъ отказался, потому что пріѣхалъ вмѣстѣ съ Дороховымъ, который боится ко мнѣ идти, просилъ меня простить ему, и ручался за него, что онъ не будетъ болѣе нарушать условія, что въ немъ такъ много циницческой граціи, что общество его очень будетъ пріятно для насъ. Я согласился на просьбу Пушкина, и Дороховъ пришелъ ко мнѣ съ комической длинной рожей, и просилъ прощенія, говоря: „впередъ никогда не буду“. Тогда я предложилъ ему другой ультиматумъ—не играть съ Пушкинымъ въ карты во все время нашего переѣзда на воды; оба на это согласились.

Пушкинъ объявилъ, что займется съ нами распиваніемъ ящика рейнвейна, который Раевскій далъ ему на дорогу. На это я охотно согласился, и мы не оставили ни одной бутылки до пріѣзда нашего на горячія воды. Веселая была наша бесѣда за бутылкою отличнаго вина, во все время нашего медленнаго движенія, за конвоемъ пѣхотнымъ, съ однимъ орудіемъ до Екатеринодара. Мы все желали нападенія горцевъ, но ни одного даже издалека не видѣли. То было время успѣха нашего оружія, и горцы на время присмирѣли, и изъ ущельевъ своихъ носу не показывали. Изъ Екатеринодара мы уже скоро переѣхали въ Горячеводскъ, и я тотчасъ пошелъ осматривать источники и къ доктору Конради, чтобы получить отъ него наставленіе пользоваться водами. Квартиру я занялъ въ домѣ Реброва, лучшемъ тогда на водахъ. По

возвращеніи домой, застаю Пушкина съ Дороховымъ и еще съ л.-гвар. Павловскаго полка офицеромъ Астафьевымъ, играющихъ въ банкъ. На замѣчаніе мое, что они не исполняютъ условія, Пушкинъ замѣтилъ, что условіе ими свято исполнено, потому что оно дано было на время переѣзда къ водамъ. Онъ былъ правъ, и мнѣ оставалось только присоединиться къ ихъ игрѣ. Астафьевъ, можетъ быть и шулеръ, порядочно всѣхъ насъ на первый-же разъ облупилъ. Пушкинъ имѣлъ тысячу червонцевъ, которые взялъ у Раевскаго, и увѣрялъ, что прежде, чѣмъ Астафьевъ ихъ у него выграетъ, онъ его очиститъ порядочно.

Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ въ Кисловодскъ по совѣту доктора. Пушкинъ обѣщалъ скоро ко мнѣ пріѣхать, что исполнилъ, но безъ гроша денегъ: онъ все проигралъ Астафьеву и какому-то Сарампульскому городничему Дурову. Какъ слѣдовало ожидать, они послѣдовали за Пушкинымъ, но поселились довольно далеко отъ насъ, въ Солдатской слободкѣ. У меня была четверка лошадей, изъ которыхъ одна по очереди сѣдлалась для Пушкина, любившаго ѣздить верхомъ. Я замѣтилъ ему однажды, что онъ слишкомъ много гоняетъ лошадей, которыя, будучи на подножномъ корму, слабосильны; тогда онъ мнѣ признался, что онъ ѣздитъ только въ Солдатскую слободу и бьетъ мелкимъ огнемъ Астафьева и Дурова, то есть, проигравъ имъ тысячу червонцевъ, выигрываетъ у нихъ по десятку въ день. Въ одинъ прекрасный день онъ попросилъ у меня 50 червонцевъ, чтобы ѣхать къ своимъ злодѣямъ на игру.

Въ первый разъ, когда я пришелъ къ Нарзану, подошелъ ко мнѣ Петръ Васильевичъ Шереметевъ, съ которымъ я сошелся, и мы очень часто сходились, живя въ одномъ домѣ. Шереметевъ, какъ богатый человѣкъ, жилъ роскошно и всегда угощалъ насъ тонкими обѣдами, сервированными на серебрѣ. Однажды я спросилъ у него, отчего онъ захотѣлъ первый со мною познакомиться?—„Оттого,—отвѣтилъ онъ,—что какъ только вы пришли къ источнику, я замѣтилъ на васъ брейтигамскіе сапоги, и сказалъ себѣ: вотъ долженъ быть порядочный человѣкъ“. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1816 году я произведенъ былъ въ офицеры, всегда Брейтигамъ, а впослѣдствіи принявшій его фирму — Пелль, шили мнѣ сапоги, которые посылались въ Сибирь и на Кавказъ.

На водахъ былъ вмѣстѣ съ нами Лазаревъ, который ухаживалъ за женой Никиты Всеволожскаго. Замѣтивъ, что я старался

огадить армянина въ глазахъ хорошенькой и миленькой женщины, онъ меня не взлюбилъ; но всѣ мои старанія были напрасны, она уѣхала вмѣстѣ съ нимъ странствовать. Я очень былъ радъ отъѣзду Лазарева, которому тоже неловко было со мною встрѣтиться послѣ того, какъ однажды, въ Тифлисѣ, онъ что-то сказалъ обидное для меня и для Демьяна Искрицкаго, въ квартирѣ Лемана, у него за ужиномъ, и Леманъ, желая дать намъ полное удовлетвореніе, заставилъ Лазарева ползкомъ отъ дверей до насъ, чрезъ всю комнату, умолять нашего прощенія. Ему какъ съ гуся вода, а мнѣ всегда совѣстно было смотрѣть на него.

Поздно осенью Пушкинъ съ Дуровымъ уѣхали въ Москву, и конечно Дуровъ дорогою такъ его обчистилъ, что Пушкинъ долженъ былъ въ Новочеркаскѣ у атамана Иловайскаго занять деньги, чтобы съ нимъ расплатиться. Пятьсотъ червонцевъ, взятыхъ имъ у меня на дорогу, ему не стали до Земли Донскихъ казаковъ. Дороховъ и Шереметевъ также уѣхали; я оставался одинъ, и легко согласился на приглашеніе Максима Мак. Таубе провести зиму у него въ Георгіевскѣ. Таубе служилъ у Ив. Александр. Набокова, зналъ сестру мою, и жена его Варвара Вас. очень была къ ней привязана. Въ своемъ домѣ они окружили меня всевозможными попеченіями; какъ человѣку еще больному отдали мнѣ лучшую комнату. Всякій вечеръ Таубе, Сулима, артиллеріи капитанъ, и я играли въ бостонъ, и Сулима порядочно насъ обобралъ, играя превосходно въ коммерческія игры; но скоро мы лишились партнера самымъ плачевнымъ образомъ. Сулима командовалъ батареею, самъ жилъ въ Георгіевскѣ, а батарея расположена была въ селеніи, за нѣсколько верстъ отъ города. Селеніе раздѣлялось большимъ оврагомъ, переѣздъ былъ по мосту. Зимой образовались на этомъ мосту большіе раскаты, и Сулима, переѣзжая мостъ, такъ раскатился, что съ своими санями свалилъ перила и обрушился въ глубокій оврагъ, гдѣ размозжилъ себѣ голову. Кучеръ и лошади вмѣстѣ съ нимъ найдены не живыми. Извѣстіе это едва не убило молодую жену его, которую мы старались всячески утѣшать; скоро за нею пріѣхали родные и увезли ее изъ Георгіевска.

Въ Горячеводскѣ я познакомился съ генераломъ Мерлинымъ, и съ оригинальной его супругой Катериной Ивановной, женщиной уже не молодой.

Въ декабрѣ 1829 г. возвращался генералъ Прянишниковъ съ бригадою своею въ Россію. Въ Георгіевскѣ у него была дневка, онъ остановился у меня; въ день выступленія рано по утру онъ радовался солнцу и хорошей погодѣ, ожидая благополучнаго перехода 40 верстъ къ Ставрополю; онъ пропустилъ свою бригаду впередъ, а самъ выѣхалъ въ коляскѣ, нѣсколько часовъ позже. Только что онъ насъ оставилъ, пошелъ снѣгъ и поднялась страшная вьюга. Таубе, который зналъ послѣдствія вьюги въ степи, предсказывалъ бѣду для Прянишникова, и точно: на другой день мы узнали, что Прянишниковъ объѣхалъ бригаду, уже отыскивающую занесенную дорогу. Онъ поспѣшилъ къ мѣсту привала, зажегъ какое-то строеніе, и тѣмъ спасъ бо́льшую часть людей, спѣшившихъ на дымъ. Пятьсотъ человѣкъ у него занесены были снѣгомъ, другіе пятьсотъ поступили въ госпиталь съ отмороженными членами. Два уланскихъ офицера, ѣхавшіе на Кавказъ, вмѣстѣ съ лошадьми найдены мертвыми, занесенными снѣгомъ. Бѣдствіе это произвело большое уныніе въ Георгіевскѣ, куда нѣсколько дней сряду привозимы были трупы. Это обстоятельство вновь возбудило во мнѣ желаніе поскорѣй оставить Кавказъ.

Четырехмѣсячный срокъ моего отпуска кончился; я напомнилъ Паскевичу его разрѣшеніе адресоваться къ нему въ моихъ нуждахъ, просилъ отпуска къ минеральнымъ водамъ заграничнымъ, а если нельзя, то къ искусственнымъ въ Москву. Долго не получалъ отвѣта, и пока я его ожидалъ изъ Тифлиса, проѣхалъ оттуда Вольховскій, а потомъ Сакенъ, и оба мнѣ говорили, что слышали, что Паскевичъ не хочетъ отпускать меня въ Россію. Послѣ этого извѣстія я написалъ Викинскому, и просилъ его доложить Паскевичу мою къ нему убѣдительнѣйшую просьбу объ отпускѣ.

Въ февралѣ 1830 г. Викинскій мнѣ отвѣтилъ, что фельдмаршалъ приказалъ мнѣ сказать, что по письмамъ въ службѣ ничего не дѣлается. Тогда послалъ я прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ просилъ отпуска въ Москву на четыре мѣсяца. Между тѣмъ написалъ въ Петербургъ о всемъ происходящемъ со мною. Князь П. А. Шаховской имѣлъ случай просить Государя о моемъ отпускѣ, что и было мнѣ разрѣшено всемилостивѣйше и безсрочно до излеченія раны. Пока это происходило въ Петербургѣ, Викинскій мнѣ прислалъ отказъ Паскевича, подъ тѣмъ предло-

гомъ, что онъ не имѣетъ права ходатайствовать о моемъ отпускѣ, такъ какъ я принадлежу къ злоумышленникамъ 14 декабря 1825 года.

Чрезъ почту, по полученіи отказа отъ Паскевича, я получилъ отпускной билетъ прямо изъ Петербурга.

М. И. Пущинъ.

Тутъ я долженъ прервать выписки и отрывки изъ повѣствованій Михаила Ивановича Пущина, не касающихся его дѣйствій и подвиговъ на Кавказѣ. Не менѣе интересна вторая эпоха его жизни, когда онъ отличался въ гражданской службѣ до и послѣ своего супружества, совершенно счастливаго, съ достойнѣйшею Марьею Яковлевною Подкользиной;—бывъ попечителемъ народныхъ сельскихъ школъ и принявъ дѣятельное участіе въ приведеніи въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, когда онъ былъ членомъ губернскаго присутствія по дѣламъ крестьянскимъ въ Минскѣ.

Императоръ Александръ II Николаевичъ, узнавъ по сохранившимся въ военномъ министерствѣ неоднократнымъ представленіямъ, объ истинно геройскихъ подвигахъ Пущина, въ войнахъ персидской и турецкой, за что онъ нѣсколько разъ, по статуту ордена, былъ представленъ къ полученію Георгіевскаго креста въ награду за храбрость,—но всегда представленія оставались безъ всякаго о нихъ вниманія,—Государь самъ наградилъ его этимъ знакомъ храбрости и мужества, производилъ его быстро изъ чина въ чинъ, наконецъ произвелъ въ генералы, съ назначеніемъ его комендантомъ крѣпости въ Бобруйскѣ, гдѣ онъ служилъ съ пользою, и мирно скончался 25 мая 1869 года [1]).

Пущинъ дышалъ геройскою и боевою жизнію, но никогда не желалъ возвратиться на Кавказъ: онъ не былъ поэтомъ, не восхищался красотами природы, какъ Лермонтовъ, который съ восторгомъ и нѣжностью выразился: „какъ сладкую пѣсню отчизны моей люблю я Кавказъ!“

Баронъ А. Е. Розенъ.

Викнино.
18 марта 1883 г.

---

[1]) См. разсказъ канцлера кн. А. М. Горчакова о томъ, какъ Императоръ Александръ II узналъ отъ него о заслугахъ М. И. Пущина и правахъ его на крестъ св. Георгія — въ „Русской Старинѣ“ изд. 1883 г. томъ XL, октябрь, стр. 166—167.

ДНЕВНИКЪ ВИЛЬГЕЛЬМА КАРЛОВИЧА КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

1831—1845 гг.

VII [1]).

Въ крѣпости Свеаборгъ.

12-го іюля — 31-е декабря 1834 г.

6-го ноября 1834 г.

Статья Сенковскаго о Сагахъ кажется изъ лучшихъ въ Библіотекѣ: въ подробностяхъ ея, особенно во всемъ, что онъ говоритъ объ отношеніяхъ Руссовъ къ Славянамъ, я совершенно съ нимъ согласенъ. Но искренно признаюсь, что главное теоретическое начало у меня одно изъ тѣхъ, которыя отвергаетъ Сенковскій; какое же его собственное и есть ли оно у него, еще не знаю и не вижу.— Быть можетъ въ послѣдствіи эта главная идея для меня объяснится.

7-го ноября.

Статья Сенковскаго изъ лучшихъ въ этомъ родѣ, какія мнѣ случилось читать. Сердечно радъ, что онъ даетъ просторъ воображенію и поэзіи въ области исторіи; радъ, что защищаетъ сказанія, преданія, саги, Іоакимову лѣтопись etc.;—но признаюсь желалъ бы знать, чѣмъ онъ замѣнитъ отвергаемую имъ систему усовершенствованія или прогресивную, какъ онъ называетъ ее. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ судятъ слишкомъ односторонне, которые ограничиваютъ эти усовершенствованія одною гражданственностію. Но если нѣтъ въ жизни рода человѣческаго психическаго усовершенствованія, объемлющаго

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 333—382, 490—531; томъ XIV, стр. 75—91; изд. 1883 г., томъ XXXIX, іюль, стр. 101—128; августъ, стр. 251—272; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 71—82 (начало VII-й главы).

область всѣхъ нашихъ способностей и наклонностей, если Провидѣніе не воспитываетъ рода человѣческаго въ теченіи тысячелѣтій, точно какъ оно же воспитываетъ каждаго человѣка, въ особенности въ каждое мгновеніе его краткой земной жизни. Исторія самая безобразная, самая нелѣпая и вмѣстѣ самая ужасная сказка.

18-го ноября.

Сегодня я прочелъ разсказы трехъ русскихъ повѣствователей: Сказку про вора и бурую корову—Луганскаго, Анекдоты—Скобелева и повѣсть: Морекодъ Никитинъ—Марлинскаго.—Луганскій чрезвычайно мнѣ полюбился; Скобелевъ гораздо менѣе, а Марлинскій въ началѣ своей повѣсти, гдѣ подражаетъ слогу и Луганскаго, и Скобелева—еще менѣе. За то тамъ, гдѣ Марлинскій даетъ разгулъ не просто шалуну воображенію, а восторгу думъ и поэзіи—талантъ его является въ прекрасномъ, дивномъ блескѣ: въ этой повѣсти есть нѣсколько картинъ и мыслей такихъ, за которыя я готовъ признать Марлинскаго самымъ глубокимъ изъ нашихъ умствователей, самымъ вдохновеннымъ изъ нашихъ писателей [1]).

19-го ноября.

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я повѣсть Ушакова: Сельцо Дятлово; тутъ нѣтъ ничего идеальнаго,—все чистая проза,—между тѣмъ разсказъ истинно увлекателенъ и во многихъ мѣстахъ у меня навертывались слезы. Окончаніе разочаровываетъ, но авторъ и не думалъ очаровывать. Это Сельцо Дятлово—по моему мнѣнію—самое удачное изъ всѣхъ сочиненій Ушакова, (разумѣется, мною читанныхъ); тоны разнообразны, содержаніе просто, но заманчиво, и чувство, и юморъ истинно русскіе.

21-го ноября.

Напослѣдокъ я кончилъ сегодня своего Ляпунова: пять актовъ я написалъ въ 52 дня и то съ перерывами; иногда по два дня ничего не прибавлялъ.

24-го ноября.

Библіотечный рецензентъ, разбирая Основанія словесности Глаголева, почти утвердительно говоритъ, что Слово о полку Игоревѣ не древнее русское сочиненіе, а подлогъ въ родѣ Мекферсонова Оссіана. Трудно повѣрить, чтобъ у насъ на Руси, лѣтъ сорокъ тому назадъ, кто-нибудь былъ въ состояніи сдѣлать такой подлогъ:

---

[1]) Марлинскій—псевдонимъ Александра Александровича Бестужева, декабристъ, † 7 іюля 1837 г. Ред.

для этого нужны бы были знанія и понятія такія, какихъ у насъ въ то время ровно никто не имѣлъ; да и по дарованіямъ этотъ обманщикъ превосходилъ бы чуть ли не всѣхъ тогдашнихъ русскихъ поэтовъ и прозаиковъ, вкупѣ взятыхъ.

26-го ноября.

Принесли мнѣ «Отечественныя Записки» на 1823 годъ. Не надѣюсь найти въ нихъ много путнаго; однако для почину попалась статья занимательная: Дневникъ Храповицкаго.

28-го ноября.

Не люблю я, искренно сказать, библіотечныхъ рецензентовъ: всѣхъ ихъ несноснѣе театральный, который обо всемъ говоритъ языкомъ самымъ страннымъ; тутъ при каждомъ словѣ такъ и видится жеманная улыбка; онъ до того привыкъ кривляться и скалить зубы, что истинно не знаешь, говоритъ ли когда-нибудь дѣло.

2-го декабря.

Брамбеуса: Любовь и Смерть, и восхищала меня, и—бѣсила. Есть въ этой піэсѣ мѣста, которыя за душу хватаютъ; но есть и такія натяжки, которыя въ состояніи заставить бросить книгу.

10-го декабря.

Самый короткій день въ году. Я замѣтилъ, что у меня вечернія сумерки прежде 10-го декабря становятся длиннѣе: въ концѣ ноября уже въ исходѣ четвертаго часа совершенно бывало темно, а теперь до половины пятаго можно уже обойтись безъ свѣчи. Подобное наблюденіе сдѣлалъ я и въ іюнѣ мѣсяцѣ: десятое число іюня—самый длинный астрономическій день—для меня, для моей комнаты, не есть самый длинный.

12-го декабря.

Мнѣ сдѣлали полочку для книгъ.—Переборка въ комнатѣ меня очень занимала: я воображалъ, будто хозяйничаю.

14-го декабря.

Вотъ начался и десятый годъ по общемъ нашемъ несчастіи! Много ли въ живыхъ изъ злополучныхъ моихъ товарищей?

18-го декабря.

Сегодня померъ мой котенокъ. Очень мнѣ понятна скорбь Гофмана о его Мурѣ: я своего Васьки никогда не забуду.

19-го декабря.

Весь день протосковалъ по своемъ Васькѣ: пусть смѣются! а я раза два сегодня даже принимался плакать, вспоминая своего котика. Подадутъ ѣсть,—не съ кѣмъ дѣлиться;—отворю фортку—некого впустить въ комнату.—Жаль мнѣ своего Васеньки!

20-го декабря.

Въ «Библіотекѣ» прочелъ я три повѣсти; одна изъ нихъ: Княжна Мими—Одоевскаго, чрезвычайно хороша; это первое сочиненіе Володи, которымъ я доволенъ [1]).—Масальскаго—Донъ-Кихотъ XIX вѣка, совершенный вздоръ; а Кирджали Пушкина просто анекдотъ, но очень хорошо разсказанный.

21-го декабря.

Въ «Библіотекѣ» примѣчательнаго прочелъ разборъ Исторіи Донскаго войска В. Броневскаго: этотъ разборъ очень хорошъ;—вѣроятно, онъ—Сенковскаго.

Изъ стихотвореній замѣчу піэсу прекрасной версификаціи: Молодой орелъ, Ершова. Надоѣла мнѣ между прочимъ судорожная (grimaçante) иронія, съ какою съ нѣкотораго времени обо всемъ пишутъ: всѣхъ несноснѣе въ этомъ случаѣ знаменитый М. Я., т. е. Михайло Яковлевъ (только не Лицейскій); ему вѣчный смѣхъ, онъ надъ всѣмъ шутитъ, обо всемъ разсказываетъ, какъ настоящій Скарамушъ: и объ осадѣ Пскова Розена, и о самомъ пошломъ водевилѣ: вездѣ у него замѣтно одинаковое желаніе выставить на посмѣшище автора и выказать свое личное превосходство и надъ авторомъ, и надъ читателемъ.—Высѣкъ бы я розгами этого кривляку!

24-го декабря.

Канунъ Рождества. Я сегодня не то, что веселъ, напротивъ, тихая грусть у меня на душѣ, но спокоенъ. Слава Богу и за это!

Принесли мнѣ Державина [2]). Радъ я перечесть старика! Сегодня пробѣжалъ я его Пожарскаго и Кутерьму отъ Кондратьевъ: чудеса! Заруцкій въ женскомъ платьѣ—дивный арабескъ! Но предоставлю другимъ тѣшиться надъ старикашей: а дѣти въ Кутерьмѣ у него истинно милы и совершенно списаны съ натуры. Въ его третьей части перечелъ я нѣсколько стихотвореній такихъ, которыя только теперь истинно оцѣнилъ: въ нихъ что-то восточное, что-то напоминающее Ost-Westlicher Divon Гёте.

---

[1]) Кн. Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго.

[2]) Въ подлинной тетради спутаны листы. Ред.

25-го декабря.

Послѣ обѣда читалъ Державина. Его Добрыня совсѣмъ не дуренъ: конечно, завязка чуть-чуть держится; за то мѣстами встрѣчаются не только лирическія, но даже драматическія красоты. Торопъ вообще очень хорошъ: настоящій испанскій Граціозо. Добрыню я прочелъ, такъ сказать, ex officio; а потомъ роскошествовалъ за третьею частію нашего старика! Какой богатый міръ картинъ и чувства! Нѣтъ сомнѣнія, что дѣдушка Державинъ у насъ на Руси первый поэтъ и, кажется, долго еще останется нервымъ. Есть у него Сонеты (чего я прежде не замѣтилъ): одинъ изъ нихъ: Блаженство супруги хорошъ; всѣ прочіе довольно плохи; не его дѣло было кроить стихи.

27-го декабря.

Читалъ и Державина, и «Библіотеку». Признаюсь искренно, что гораздо болѣе люблю Державина, гораздо болѣе удивляюсь ему въ его бездѣлкахъ, нежели въ большихъ одахъ; однако начало его оды «Кровавая луна блистала» истинно чудесно.

VIII.

1835 годъ [1]).

1 января — 14 іюня.

„Мое предназначенье“.—„Я есмь, конечно есть и Ты!“—Оссіанъ (памяти Дельвига и Гнѣдича).—Елисавета Кульманъ.—„Росинка“.—„И тамо Господь“.—Арабески Гоголя.—„Дѣянія Петра Великаго“, Голикова.—„Торквато Тассо“, Кукольника.—„Ижорскій“.—„Мелкія стихотворенія“, Пушкина.—„Фрегатъ Надежда“, Марлинскаго.

1-го января.

Вотъ уже въ четвертый разъ встрѣчаю новый годъ въ этихъ стѣнахъ! Но слава Богу, нынѣшній день провелъ я пріятно, не скучалъ, не тосковалъ. Еще бы было лучше, если бы случилась какая-нибудь новинка; однако и старье принесло мнѣ наслажденіе: я съ удовольствіемъ прочелъ нѣсколько одъ Державина. Къ стати внесу въ тетрадь стихи, которые сочинилъ я въ послѣднихъ числахъ декабря; я ихъ отправилъ къ племянникамъ.

Мое предназначеніе.

Замолкъ и меркнетъ вѣщій духъ,
Не брызжутъ искры вдохновенья,
Исчезли дивныя видѣнья:

---

[1]) Въ новой тетради, прошнурованной, какъ и прежнія, комендантомъ крѣпости инженеръ-генералъ маіоромъ. Ред.

Въ груди пѣвца восторгъ потухъ.
Такъ постепенно тише рдѣетъ
Безъ жизнедатнаго огня
И остываетъ и чернѣетъ
Подъ мертвымъ пепломъ головня.
Внимаетъ томный слухъ поэта
Не гулу арфы съ рубежей
Отчизны истины и свѣта,—
Нѣтъ,—свисту и шипѣнью змѣй....
Обвили чешуей холодной
Онѣ добычу; жала ихъ
Надъ нимъ трепещутъ: блѣденъ, тихъ,
Угрюмъ, безъ жалобы безплодной,
Слабѣетъ онъ.... Вдругъ чьихъ-то крилъ
Эѳирный шорохъ! Въ бездну ночи,
Въ безбрежный океанъ свѣтилъ,
Спасенья жаждущія очи
Страдалецъ, молча, устремилъ....
И се! великій Исфрилъ
Стоитъ предъ нимъ. Въ одно мгновенье
Расторгъ, могущій, кровы мглы,
Раздралъ кровавыхъ змѣй узлы
И сдулъ съ души пѣвца мученье;
Потомъ вѣщалъ: „Питомецъ мой,
Какъ сталъ ты жертвою чудовищъ?
Еще ли мало надъ тобой
Изсыпалъ я своихъ сокровищъ?
Молилъ, взывалъ ты: „пѣсней мнѣ!
„Въ безсмертномъ, чистомъ ихъ огнѣ
„Всѣ скорби я сожгу земныя“,
И внялъ я: въ звуки я одѣлъ
Видѣнья, вѣчно молодыя,
И съ роемъ ихъ къ тебѣ слетѣлъ,
И такъ повѣдалъ: „твой удѣлъ
И думы и мечты и лира;
Но не желай блаженства міра;
А да прольешь съ священныхъ струнъ
Крылатый, радостный перунъ!
И онъ помчится въ хляби дали,
Разрѣжетъ тучу, и лазурь
Укажетъ смертнымъ, выше бурь,
Въ предѣлахъ тѣхъ, гдѣ нѣтъ печали“.
Ты часть свою благословилъ,
Ты взялъ ее.... Такъ что же нынѣ
Ты вдругъ безъ мужества и силъ?
Или ты измѣнилъ святынѣ?
Кумирамъ жаждешь ли служить?
Кадить и нѣгѣ и гордынѣ?

Поэтъ.

Святынѣ вѣренъ я и нынѣ,
И мнѣ ли идоламъ кадить?
Пусть сумрачна моя обитель,
Пусть дней моихъ уныла нить;
Но ты со мною, мой хранитель!
И вновь судьбу благословить
Готовъ я. Мощный и прекрасный
Посланникъ изъ страны чудесъ,
Ты претворяешь, сынъ небесъ,
Глухую полночь въ полдень ясный:
Съ тобою бодръ и силенъ я,
Съ тобою вѣрую въ избранье,
Но отлетишь: опять страданье
Сжимаетъ душу; грудь моя
Полна терзанья и сомнѣній,
И самъ ты, свѣтозарный Геній,
(Прости безумью слѣпоты!)
Тогда мнѣ кажешься и ты
Коварнымъ духомъ обольщеній....
Или мой жребій не жестокъ?
Изъ сонма дышущихъ твореній
Меня не выхватилъ ли Рокъ?
Безъ устали бѣжитъ потокъ
И дней и лѣтъ.... Какого-жъ вѣка?....
Не умъ ли нынѣ человѣка
Творитъ изъ міра міръ иной?
Что-жъ? неприступною стѣной,
До самой тверди взгроможденной,
Я отдѣленъ отъ всей вселенной!
Нѣмѣетъ слабый гулъ наукъ,
За мой порогъ не пролетая,
Здѣсь, ухо всуе поражая,
Часовъ однообразный стукъ—
Надъ временемъ насмѣшка злая:
Оно стоитъ. И мнѣ-ль мечтать
Изъ мертвой тьмы уединенья
Учить живыя поколѣнья
И міру Бога возвѣщать?

Исфраилъ.

Ты отдѣленъ отъ суеты,
Отрѣзанъ ты отъ пресмыкованій,
Жалѣешь о наукахъ ты?
Но, полный и теперь сомнѣній,
Скажи: что было бы съ тобой,
Когда бы легкою душой
Ты несся по порогамъ прений,

Раздравшихъ нынѣ бытъ людской?
Непостояненъ ликъ науки,
Какъ ликъ измѣнчивой луны;
Но изъ сердечной глубины
Текутъ одни и тѣ же звуки
И вторятся изъ вѣка въ вѣкъ,
Ихъ слышитъ, какъ сквозь сонъ мятежный,
Дрожитъ и млѣетъ человѣкъ
И рвется въ оный край безбрежный,
Гдѣ все покорно красотѣ,
Гдѣ правда свѣтъ и совершенство...
Да разгадаешь звуки тѣ!
Вотъ долгъ твой, вотъ твое блаженство!
Богъ Богъ безмолвія Богъ и думъ:
И здѣсь, гдѣ умеръ міра шумъ,
Гдѣ окруженъ ты тишиною,
Не Онъ ли предъ твоей душею
Стоитъ, Отецъ своихъ дѣтей?
Какъ горный токъ, падущій въ долы,
Такъ въ сердце братій, въ грудь друзей
Излей могущіе глаголы
О Немъ, Предвѣчномъ, Трисвятомъ!
Да совершишь предназначенье,
И по трудѣ въ успокоенье
Онъ призоветъ тебя въ свой домъ!

3-го января.

8-мъ письмомъ Шеллинга я попеременно то восхищался, то приводимъ былъ въ недоумѣніе. Все, что онъ говоритъ о счастіи и блаженствѣ (Glück - Seligkeit und Seligkeit) превосходно: я совершенно согласенъ съ нимъ и Спинозою, что блаженство не есть награда за добродѣтель, но сама добродѣтель.

6-го января.

Спасибо старику Державину! Онъ подѣйствовалъ на меня вдохновительно; тремя лирическими стихотвореніями я ему обязанъ: переписаннымъ въ самомъ началѣ нынѣшняго дневника, конченнымъ вчера и начатымъ и конченнымъ сегодня. У Державина индѣ встрѣчаются мысли столь глубокія, что приходишь въ искушеніе спросить: понялъ-ли самъ онъ вполнѣ то, что сказалъ. Таковъ, напр., стихъ въ одѣ Богъ:

«Я есмь,—конечно есть и ты!» въ этомъ одномъ стихѣ опроверженіе и догматизма, и критицизма (или реализма и идеализма). Обѣ системы въ томъ согласны, что крайній итогъ ихъ... 0.—Но пусть соберутся всѣ мудрецы міра и доказываютъ мнѣ, что я не существую, не есмь,—я, быть можетъ, стану въ тупикъ отъ ихъ діалектики, да

все же имъ не повѣрю. Тоже самое скажу имъ, когда они, обезкачествуя Высочайшее Существо, приведутъ и его къ нулю. Вѣра въ премудрую, преблагую, всемогущую, самобытную причину вселенной столь-же необходима мнѣ, сколь необходима мнѣ вѣра въ собственное существованіе. Безъ той и другой я совершенно теряюсь въ хаосѣ; безъ нихъ моимъ единственнымъ спасеніемъ изъ бездны отчаянія можетъ быть только смерть или безуміе. Однако оставимъ метафизиковъ! вотъ мой отвѣтъ гг-мъ поклонникамъ самобытнаго я:

Я есмь, конечно есть и Ты.

Онъ есть! умолкни лепетанье
Холодныхъ, дерзостныхъ слѣпцовъ!
Онъ есть! я рукъ Его созданье,
Онъ Царь и Богъ своихъ міровъ!
Въ Немъ жизнь и свѣтъ и совершенство;
Благоговѣть предъ Нимъ блаженство,
Блаженство называть Творца
Священнымъ именемъ Отца.

* * *

„Не рвися думой за могилу;
„Дѣла! дѣла! вотъ твой удѣлъ!
„Опрись о собственную силу,
„Будь твердъ и доблестенъ и смѣлъ;
„Увѣренъ ты въ себѣ единомъ:
„Такъ изъ себя все почерпай
„И міра будешь властелиномъ
„И обрѣтешь въ себѣ свой рай"!

* * *

Денницы падшаго ученье,
Сіянье истины и лжи!
Мудрецъ! я есмь въ сіе мгновенье,
А былъ ли прежде? мнѣ скажи!
Теперь я мыслю; а давно ли?
И сталъ я отъ своей ли воли?
И какъ изъ нѣдръ небытія
Вдругъ просіяло это *я?*

* * *

„Владѣй страстьми!" брось лицемѣрье,
Повѣдай: радость и печаль,
Любовь и гнѣвъ, высокомѣрье
И страхъ и зависть ты всегда ль
Смирялъ успѣшно? крови пламень
Тушилъ всегда ли? Я... не камень:
Бываю выше суеты;
Но помощію съ высоты.

Пусть умъ не постигаетъ Бога:
Что нужды?—вижу я Его
Тамъ среди звѣзднаго чертога,
Здѣсь въ глуби сердца моего,
И въ чудесахъ моей судьбины!
Такъ буду жить я безъ кончины
Неразрушимымъ бытіемъ,
Могущій, вѣчный, но—о Немъ!

* * *

Онъ недоступенъ для гордыни,
Онъ тайна для очей ума;
Блеснуть былъ долженъ лучь святыни.
Чтобы расторглась наша тьма:
И се блеснулъ! я вѣсти внемлю:
Всевышній Самъ сошелъ на землю;
Отецъ духовъ, Владыка силъ,
Богъ въ Сынѣ намъ Себя явилъ.

Въ этой пьэсѣ довольно замѣтно вліяніе Державина; въ слѣдующей менѣе, но все же я ему ею обязанъ.

Оссіанъ.

(Памяти Дельвига и Гнѣдича).

Пастухъ.

Сынъ отдаленной чужбины,
Мужъ иноземный, куда?
Въ безднѣ лазурной пучины
Теплится искра-звѣзда;
Тамъ же въ парахъ бѣлоснѣжныхъ
Спитъ золотая луна;
Нѣтъ еще вихрей мятежныхъ,
Всюду еще тишина.
Но уже пали на очи
Брови сѣдой полуночи;
Бурь просыпается духъ.

Странникъ.

Жаждутъ и сердце и слухъ
Пѣсней Улина и Гала:
Домъ благодатный Фингала
Близко ли, древній пастухъ?

Пастухъ.

Хладный, нѣмой, обгорѣлый,
Въ сизой трепещущей мглѣ,
Остовомъ домъ опустѣлый,

Черный стоитъ на скалѣ;
Смотритъ на синія волны:
Изъ дружелюбной страны
Ужъ не приносятся челны
Шумно къ подножью стѣны;
Ужъ за трапезой Фингала
Арфа давно замолчала:
Рино и Галъ и Улинъ,
Да и мужей властелинъ,
Самъ онъ, отецъ Оссіана,
Всѣ они въ царствѣ тумана;
Сынъ его только бродитъ одинъ.

***

Скорбью ведомъ и мечтами,
Бродитъ унылый пѣвецъ
Между родными гробами,
Сирый и дряхлый слѣпецъ
Строгой судьбой пораженный,
Онъ полоненъ темнотой;
Но его духъ дерзновенный
Міръ созидаетъ иной,
Міръ сладкозвучья и стона:
Тамъ еще дышитъ Минона,
Юноша Рино не палъ,
Живъ и Оскаръ и Фингалъ;
Кровные барда обстали,
Слушаютъ пѣсни печали
Призраки съ облакъ и скалъ.

***

Пастырь умолкнулъ,—и взоры
Мужъ иноземный подъялъ
Съ дола на мрачныя горы:
Камни мостовъ и забралъ,
Своды упавшей бойницы,
Сельму и поле могилъ
Змій быстротечной зарницы
Бѣлымъ огнемъ осребрилъ;
Грома огромныя струны
Задребезжали, перуны
Весь очертили обзоръ;
Вздрогнулъ отъ ужаса боръ,
Скалы трепещутъ отъ гула....
Чу, чья то арфа дерзнула
Съ арфой небесною въ споръ!

***

Смѣлы и рѣзки удары,
Твердъ повелительный гласъ,
Грозны священныя чары:

Съ дивныхъ и пламень угасъ
И улеглися стихіи;
Въ лоно безмолвья и сна
Пали воздушныя зміи;
Снова на тверди луна.
Старца луна освѣтила:
Будто широкія крила
Вьется съ раменъ его пледъ;
Молча, и прадѣдъ и дѣдъ,
Сынъ и отецъ и клевреты
Въ лунное злато одѣты,
Слушаютъ барда побѣдъ...

* * *

Помню эолирное племя...
Нѣкогда зрѣлъ ихъ и я
Въ юное мощное время,
(Гдѣ оно? гдѣ вы друзья?)
Въ райскіе годы, когда мы
Изъ упованья и сновъ
Строили пышные храмы
Для небывалыхъ боговъ,
Часто я въ свѣтлыя лѣта
Вдругъ изъ святыни поэта
Гнѣдича сына Каменъ,
На кладбище племенъ
Несся ко гробу плѣненъ;
Полнъ необъятнаго чувства,
Въ дивномъ созданьи искуства
Зрѣлъ воскресшій Морвенъ!

* * *

Ахъ! и мой Дельвигъ—Вильгельму,
Онъ съ вдохновеннымъ челомъ,
Въ Лору вождемъ былъ и въ Сельму,
Въ царственный радостный домъ:
Рекъ же владыка: „чужбина
„Въ Сельму прислала пѣвцовъ;
„Чашу привѣта, Мальвина,
„Дѣва, царица пировъ!...“
Гнѣдичъ и Дельвигъ! и оба
Въ дверь безотвѣтнаго гроба,
Оба и вдругъ вы ушли!
Въ глубь безпредѣльной дали
Ухо вперяю напрасно;
Все и темно и безгласно:
Тамъ они, выше земли!

* * *

Тихо,—по звѣздному своду
Ходитъ нѣмая луна;
Ночь обаяла природу

Маками мертваго сна;
Дремлютъ и стоны и бури.
Вдругъ... по дрожащимъ лучамъ
Что-то скользнуло съ лазури,
Зримое вѣщимъ очамъ...
Чудится чей-то мнѣ голосъ,
Холодно! млѣю; мой волосъ
Весь поднялся, какъ живой:
Всею моею душой
Дѣлятся радость и трепетъ...
Пѣснью становится лепетъ...
Братья! не вы ли со мной?

Простился я сегодня съ Державинымъ: отдалъ его. Но непремѣнно черезъ пол-года или годъ, (разумѣется, если буду живъ и еще здѣсь) опять его выпрошу. Третья часть, т. е. Оды, названныя старикомъ анакреонтическими, вѣнецъ его славы. Онѣ истинно безсмертны; тутъ почти нѣтъ ни одной, въ которой не было бы хоть чего нибудь прекраснаго; даже въ самыхъ слабыхъ найдешь или удачную черту, или счастливый оборотъ, или хоть живописное слово. Лучшіе же такіе перлы русской поэзіи, которые мы смѣло можемъ противоставить самымъ лучшимъ созданіямъ въ семъ родѣ иностранцевъ и даже древнихъ.

12-го января.

Съ нынѣшняго дня мнѣ остается еще до срока 6 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ [1]); прошло же моего заточенія безъ малаго (потому что меня арестовали около 20-го числа 1826 г.)—9 лѣтъ.

28-го января.

Елисавета Кульманъ,—что за необыкновенное восхитительное существо! Стихи ея лучше всѣхъ дамскихъ стиховъ, какіе мнѣ случалось читать на русскомъ языкѣ; но сама она еще не въ примѣръ лучше своихъ стиховъ. Сколько дарованій, сколько души, какое воображеніе! и это все должно было погибнуть семнадцати лѣтъ! Тутъ можно съ глубокимъ чувствомъ истины и скорби произнесть многозначущія слова, которыя отъ безсмысленнаго употребленія порою стали такъ пошлы, слова, которыя теперь произноситъ преравнодушно бездушный наслѣдникъ ничтожнаго богача, когда извѣщаетъ о смерти этого человѣка, собственно вовсе никогда не жившаго, или лицемѣрная вдова, когда хоронитъ мужа и едва можетъ скрыть радости, что на-

[1]) До срока заточенія въ крѣпостяхъ, взамѣнъ каторжной работы. Срокъ этотъ былъ въ томъ-же году сокращенъ: въ дек. 1835 г. узникъ былъ отправленъ на поселеніе въ Сибирь. Ред.

конецъ избавилась отъ того, кого ненавидѣла, слова: «неисповѣдимы пути Провидѣнія», и точно, какъ не назвать ихъ неисповѣдимыми, когда подумаешь, чѣмъ бы могла быть Елисавета, если бы смерть ее у насъ не похитила такъ рано!

Статью о ней написалъ нѣкто Никитенко; онъ самъ человѣкъ съ душою, съ мыслями и дарованіемъ [1]). Не оставлю и я безъ приношенія священной, дѣвственной тѣни Элизы! Какъ жаль, что я ее не зналъ! Нѣтъ сомнѣнія, что я въ нее бы влюбился, но эта любовь была бы мнѣ столь же благотворна, сколь были мнѣ вредны страстишки къ мелкимъ суетнымъ созданіямъ, въ которыхъ не было ничего изо всего того, чѣмъ дарило ихъ мое слишкомъ щедрое воображеніе.

30-го января.

Сегодня я кончилъ пѣсу, которую началъ вчера, вотъ она:

Елисавета Кульманъ.

Брегъ ли священной Леты,
Ты ли, тихая луна, —
Но я вѣрю, — есть страна,
Гдѣ герои, гдѣ поэты
Не страдаютъ, гдѣ они
Въ плоть нектарную одѣты,
Гдѣ и ихъ безбурны дни.
Тамъ ни золъ, ни грозъ, ни ночи
Ихъ божественные очи
Ужъ не видятъ; входъ туда
Загражденъ для черни шумной,
Тамъ не вопятъ никогда
Дикій смѣхъ и ревъ безумный;
Вся волшебная страна
Тонетъ въ багрецѣ заката;
Воздухъ весь изъ аромата;
Тамъ гармоніи полна
Въ ясныхъ токахъ, вѣчно чистыхъ,
Подъ навѣсомъ лозъ душистыхъ,
Какъ алмазъ горитъ волна.

* * *

Тамъ, въ прохладѣ райской сѣни,
Безъ вражды овца и левъ;
Въ слухъ мужей и женъ, и дѣвъ
Ужъ не стоны и не пени

---

[1]) Статья эта напечатана въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1834 г., и принадлежитъ перу Александра Васильевича Никитенко, впослѣдствіи академика.
Ред.

Льются въ пѣсни соловья;
Тамъ блаженству внемлютъ тѣни
Въ самомъ лепетѣ ручья.
Тамъ всѣ тучи, всѣ печали
Свѣтлой радостію стали,
Тамъ дыханье клеветы
Не затмитъ сіянья славы:
Тамъ въ святынѣ красоты
Нѣтъ ни лести, ни отравы.
Отдохну же тамъ и я!
Нужно мнѣ отдохновенье,
Бѣдъ забвенье, ранъ цѣленье
Тамъ найдетъ душа моя.
Слышу неземные звуки,
Къ тѣнямъ простираю руки:
Ждутъ безсмертные друзья!

* * *

И я сбросилъ ношу тлѣна;
Зрю и я же наконецъ
Чадъ избранья, я, пѣвецъ
Изъ наслѣдія Славена!
Свѣточь дивныхъ не погасъ:
Вотъ Камоэнсъ, — на колѣна!
Вотъ Маронъ, и Дантъ, и Тассъ;
Вотъ обнявшись, изъ тумана
Вдругъ шагнули три титана,
Шекспиръ, Кальдеронъ, Эсхилъ!
Вотъ Гомеръ.... Кто дѣду равенъ?
Онъ весь міръ въ себѣ вмѣстилъ.
Вотъ не нашъ ли? — Такъ, Державинъ,
Хора русскихъ корифей!
Онъ предводитъ не толпою;
Но не слиты-жъ и со тьмою
Барды, честь земли моей:
Ихъ восторженныя лица
Такъ мерцаютъ, какъ денница
Изъ-за трепетныхъ вѣтвей.

* * *

Къ вамъ, родные! — Вдругъ, — движенье:
Сладкимъ ужасомъ лишенъ,
Не въ кумиръ ли претворенъ
Я отъ хлада изумленья?
Будто камень при пути,
Сталъ въ плѣну самозабвенья,
Сталъ, — и съ мѣста не сойдти!
Знаю, я въ странѣ чудесной,
Все-жъ не въ области небесной:

Гостья-ль съ оной высоты,
Изъ отчизны совершенства,
Въ мирный вертоградъ мечты,
Въ край смиреннаго блаженства,
Къ вамъ спустилась?... Кто она
Между вами словно дома;
Мнѣ безвѣстна, а знакома...
Или въ вѣщемъ царствѣ сна,
Или въ храмѣ идеала,
А душа ее встрѣчала:
Ею мысль и грудь полна!
Тамъ я зрѣлъ ее! Оттолѣ
Въ прахъ свергаемъ, въ шумъ земной,
Я спасалъ призракъ святой;
Я-жъ и въ роковой неволѣ
Бурь обмановъ и скорбей,
Въ нашемъ грустномъ темномъ долѣ
Тайно тосковалъ по ней
И съ улыбкой величавой
Старецъ, увѣнчанный славой,
Бардъ Фелицы провѣщалъ:
„Сынъ, ты правъ! земная риза
„Облачила Идеалъ, —
„И родилася Елиза:
„Но прекрасной (я горжусь).
„Колыбелію ей служило,
„Не далекое свѣтило,
„Нѣтъ! — моя родная Русь.
„Здѣсь я дочерью своею
„Называть Элизу смѣю,
„А, — скажу-ль? — порой боюсь.

* * *

„Здѣсь не можетъ быть раздора,
„Рай и міръ одно для насъ;
„Что-жъ и здѣсь великій Тассъ
„Уступилъ мнѣ не безъ спора
„Милое мое дитя...
„На землѣ бы Леонора
„Ревновала не шутя —
„Безъ досады и безъ гнѣва,
„А и Шиллеръ: „наша дѣва!“
„Мнѣ три раза повторилъ.
„Самъ Гомеръ, нашъ вождь державный,
„Вскрикнулъ: „Сонмы горнихъ силъ!
„Я ей предокъ и недавній!“
„Ждали мы: судьбѣ хвала!
„Дѣва потупила взоры,
„Какъ отъ отблеска Авроры

„Покраснѣла до чела,
„Поклонилась славнымъ тѣнямъ,
„Но къ укромнымъ нашимъ сѣнямъ,
„Въ наши кущи потекла!

* * *

„Съ той поры безъ опасенья
„Смотримъ мы на сонмъ тѣней;
„Только я нерѣдко къ ней
„Обращаюсь полнъ сомнѣнья:
„Не мечта ты, дочь моя?
„Не созданье вдохновенья?
„Точно мы тебѣ семья?
„А не дѣти безднъ эѳира,
„О которыхъ наша лира
„Проповѣдала землѣ?
„Ахъ! тебѣ ли, горной розѣ,
„Было цвѣсть въ тяжелой мглѣ,
„Въ душегубящемъ морозѣ?
„Часто мыслю: «что для ней»
„Нашъ Коцитъ и наша Лета?
„На мгновенье дѣва свѣта
„Къ намъ спорхнула въ Элизей;
„Вдругъ въ отечество святое,
„Въ небо улетитъ родное,
„Въ царство духа и лучей!“

31-го января.

Читалъ я опять Голикова. Люблю я Турокъ подъ Бендерами: они своею бережностію къ бѣшенному, но несчастному и въ несчастіи, не смотря на бѣшенство, величавому Карлу XII, по моему мнѣнію, истинно достойны почтенія: просвѣщенные европейцы едва ли бы были такъ снисходительны.

16-го февраля.

Наконецъ, бившись три дня, я переупрямилъ упорную Державинскую строфу, которая особенно трудна по расположенію рифмъ и по краткости стиховъ; не знаю какова пьэса, только знаю, что она обошлась мнѣ не дешево:

Росинка.

Сонъ побѣжденный,
Съ выси янтарной
Канулъ за лѣсъ:
Шаръ лучезарный,
Око вселенной,

Сердце небесъ!
Всходитъ — и пало
Тьмы покрывало,
Сумракъ исчезъ!

***

Съ синяго свода
Токи ли злата
Льются на міръ?
Съ ложа подъята,
Встала природа,
Сѣла за пиръ;
Пышетъ и блещетъ,
Жизнью трепещетъ
Легкій эоиръ.
и т. д.

22-го февраля.

Еще возраженіе Шеллингу, отрицающему въ самобытномъ, безконечномъ *я*—самопознаніе!—Не отвергаю, что вѣчное *я* должно было предшествовать всему и создать все. Однако, что такое *я*,—если оно не есть ощущеніе своей личности, познаніе своего бытія,—увѣренность въ своемъ существованіи;—а это ощущеніе, познаніе или увѣренность что же, когда не самопознаніе? По крайней мѣрѣ то, что себя не чувствуетъ, не можетъ же сказать о себѣ: *я*; — я и жизнь по моему одно и тоже. То, что не вѣдаетъ о своемъ существованіи, мертво,—не живетъ, а только бываетъ,—а что мертво, то безсильно и недѣятельно и безъ движенія, сообщеннаго ему со стороны,—никогда не выйдетъ изъ вѣчнаго покоя, никогда ничего не произведетъ. И такъ безконечное *я* или получило свое могущество, свою силу, — (а тогда оно уже не есть первая вина всему),—или оно не мертво, а самодѣятельно, живо, т. е. знаетъ себя, вѣдаетъ о своемъ существованіи.

2-го марта.

Вечеромъ прочелъ нѣсколько занимательныхъ статей въ «Библіотекѣ»; между прочимъ отрывокъ изъ воспоминаній о Сиріи Осипа Морозова. Этотъ Осипъ Морозовъ чуть ли не тотъ же Осипъ Сенковскій: по крайней мѣрѣ и у Морозова тѣ же Марлинсковскія замашки и то же незнаніе русскаго языка, что у Брамбеуса-Сенковскаго. Впрочемъ и у того, и у другаго не отнимаю ни воображенія, ни завлекательности, ни истиннаго таланта. Но все же Марлинскій подлинникъ, а они оба списки, и все же не быть имъ законодателями въ русскомъ языкѣ.

14-го марта.

Нынѣ, 14-го марта 1835 г., добрался я въ греческомъ подлинникѣ до послѣдняго стиха Иліады; началъ я ее 9-го іюня 1831 года, стало быть читалъ безъ малаго четыре года. Довольно медленно! однако не надобно забыть, что иногда по 6 мѣсяцевъ и не заглядывалъ въ книгу, а кромѣ того каждую пѣснь перечелъ три, четыре и иную и пять разъ.

18-го марта.

Съ наслажденіемъ прочелъ я отрывокъ изъ воспоминаній о Сиріи Морозова (Сенковскій, Брамбеусъ и Морозовъ непремѣнно одно и то же лице); названіе этому открывку Затмѣніе Солнца. Тутъ все хорошо,—кромѣ слѣдующей ереси: «душа по истинѣ столько же облагороживается на вершинахъ земли, сколько на первыхъ высотахъ общества».—Охота профессору Сенковскому быть маркизомъ! Что за первыя высоты общества? Нѣ читалъ же профессоръ Онѣгина. Иное дѣло, если онъ на высотахъ общества полагаетъ людей не самыхъ свѣтскихъ, а самыхъ умныхъ и добродѣтельныхъ: это соль земли и между ними подлинно чувствуешь себя благороднѣе и лучше. Только точно ли люди самые умные и добродѣтельные въ тѣхъ кругахъ, которые въ обыкновенномъ разговорѣ называются высотами общества? Какъ вы объ этомъ думаете, господинъ профессоръ?

20-го марта.

Сегодня началъ я Шелинговы Изслѣдованія о существѣ человѣческой свободы.

...Начало этого творенія удивительно: какая глубина и вмѣстѣ какая ясность!—Преклоняю колѣно предъ великимъ мыслителемъ и прошу у него прощенія, что, было, понялъ его криво!—Особенно для меня поразительно согласіе его ученія съ ученіемъ Святой религіи Христіанской.

24-го марта.

Утро провелъ я неожиданно пріятно; удалось мнѣ переложить въ стихи одно мѣсто изъ 3 книги Царствъ, вотъ мое переложеніе:

И тамо Господь.

(Кн. Царствъ 3, глава 19, ст. 11 и 12).

И былъ къ нему отъ Господа глаголъ
И такъ вѣщалъ: „воздвигнись въ день грядущій
„И тамъ въ горахъ, покинувъ темный долъ,
„Предъ Богомъ стань,—и пройдетъ Всемогущій!“

И се! возникъ въ пустынѣ крѣпкій духъ,
Великій вѣтръ и гласомъ завыванья
Наполнилъ прозорливца грудь и слухъ
И члены облилъ мразомъ содроганья;

* * *

И съ корнемъ кедры вырывая вонъ
И моремъ праха тьма лице лазури
И скалы раздирая, мчится онъ;
Но Богъ не въ немъ, Господь не въ духѣ бури.

* * *

По вихрѣ трусъ, и, будто океанъ,
Волнуется Іуды край священный,
Шатнулся и колеблется Ливанъ
Какъ мужъ, виномъ столѣтнимъ упоенный.

* * *

Но и не въ трусѣ Богъ!—И глубь земли
Разверзлася и пламеннаго тока
Густыя волны, хлынувъ, потекли;
Но Господа не видитъ взоръ пророка.

* * *

Огонь потухъ и замеръ трескъ и громъ
(Такъ умолкаетъ звонкій, конскій топотъ,
Теряясь постепенно);—и потомъ
Пронесся въ міръ прохлады кроткій шопотъ.

* * *

И шопотъ тихъ и сладостенъ и малъ,
А Бога тутъ узналъ Предвозвѣститель,
Лице закрылъ и Господу предсталъ
И рекъ: „Тебѣ я внемлю, Вседержитель!“

26-го марта.

Объ Арабескахъ Гоголя «Библіотека» также судитъ по своему: отрывокъ, который приводитъ рецензентъ, вовсе не такъ дуренъ; онъ напротивъ возбудилъ во мнѣ желаніе прочесть когда нибудь эти Арабески, которые написалъ, какъ видно по всему, человѣкъ мыслящій.

29-го марта.

Читалъ сегодня Голикова.—Чудакъ покойникъ Голиковъ! хорошо ли, худо ли, а разсказалъ онъ исторію Петра Великаго, кажется,—и конецъ дѣлу,—исторія доведена не только до смерти, но даже до похоронъ героя. Не тутъ-то было!—«я, говоритъ авторъ, разсказалъ вамъ жизнь Петра, но во многихъ случаяхъ вралъ; такъ дайте же перескажу вамъ всю исторію еще разъ!»—а затѣмъ издаетъ «почтенный мужъ, достойный многихъ хвалъ»—дюжину, можетъ быть и болѣе—томовъ дополненія!

3-го апрѣля.

Брамбеусъ!—перечелъ я его діатрибу: Брамбеусъ и юная словесность. Какія у него понятія о словесности!—«Стихотворенія, т. е. поэмы въ стихахъ, и поэмы въ прозѣ, т. е. романы, повѣсти, разсказы, всякаго рода сатирическія и описательныя творенія, назначенныя къ мимолетному услажденію образованнаго человѣка,—вотъ область словесности и настоящія ея границы». Съ чѣмъ имѣю честь поздравить господина Брамбеуса! я бы лучше согласился быть сапожникомъ, чѣмъ трудиться въ этихъ границахъ и для этой цѣли. Свѣтскій разговоръ у него прототипъ слога изящнаго; а публика состоитъ изъ жалкихъ существъ, которыя ни рыба, ни мясо, ни мужчины, ни женщины. «Увы!»—восклицаетъ онъ далѣе въ концѣ своего разглагольствія—«кто изъ насъ не знаетъ, что въ числѣ нашихъ нравственныхъ истинъ есть много оптическихъ обмановъ!»—Послѣ этого: увы!—и подобныхъ понятій о словесности, слогѣ и публикѣ,—считаю позволеннымъ нѣсколько сомнѣваться въ искренности тяжкихъ нападокъ, которыми обременяетъ Брамбеусъ новыхъ французскихъ романистовъ и драматурговъ.

15-го апрѣля.

Сегодня ровно четыре года, какъ вывезли меня изъ Динабургской крѣпости [1]).

16-го апрѣля.

По утру прочелъ въ третій разъ Торквато Тассо Кукольника.—Это лучшее созданіе нашего молодаго поэта. Первый актъ и начало втораго, т. е. сцена между Лукреціею и Джюліо Гаскано и затѣмъ монологъ Лукреціи такъ хороши, что на нашемъ языкѣ я ничего подобнаго не знаю: они достойны Шиллера, могутъ смѣло выдержать сравненіе съ лучшими сценами германскаго трагика. Къ несчастію все то, что за ними слѣдуетъ до самой сцены въ 3 актѣ между Константини и молодымъ Мости, не зрѣло, слабо, вымышлено и мало обдумано. Потомъ идетъ рядъ прекрасныхъ сценъ или выходовъ (какъ ихъ называетъ авторъ) до разговора между Константини и Альфонсомъ;—этотъ разговоръ необходимо бы передѣлать, потому что онъ почти ничего не открываетъ касательно клеветъ, подъ которыми страждетъ Тассо,—все тутъ темно, сбивчиво, неопредѣленно,—между тѣмъ, какъ точность и ясность тутъ особенно нужны. Слѣдуютъ опять

---

[1]) 15-го апрѣля 1831 г. Кюхельбекеръ перевезенъ былъ изъ крѣпости Динабургской въ цитадель Ревельскую, а 7-го октября того же года въ Свеаборгъ. Ред.

прекрасныя сцены до конца четвертаго акта; только вотъ вопросъ: зачѣмъ «видѣніе» Тасса «принимаетъ совершенный видъ чернаго духа съ крылами», т. е. бѣса, а говоритъ какъ Ангелъ свѣта? Сверхъ того превосходная сцена, въ которой терзаніе, раскаяніе, передъ самою смертью, вспышки непотухшей страсти и смерть Лукреціи—была бы еще лучше, если бы мы знали въ чемъ именно состоитъ клевета страдалицы-преступницы. Въ пятомъ актѣ много красотъ,—но много и необдуманнаго, даже въ самыхъ лучшихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ пророчествѣ Тасса: о Державинѣ и Россіи прелесть, но о Тевтахъ темно, блѣдно,—не знаешь: хвалитъ ли, бранитъ ли ихъ Торквато;—«о томъ юношѣ холодномъ и суровомъ»—должно бы непремѣнно сократить—если и не вовсе выкинуть. Сверхъ того въ вѣнчаніи Тасса слишкомъ много оперная: все это должно бы быть проще. Оба монолога Тасса въ 1 и 2 выходахъ этого акта исполнены чувства и фантазіи, но народныя сцены вообще слабы, а Тассова перебранка съ чернью почти смѣшна,—тѣмъ болѣе, что невольно принимаешь сторону черни противъ заносчиваго выходца изъ больницы Святыя Анны.—Но еще разъ красоты въ этой фантазіи первой степени и далеко перевѣшиваютъ недостатки; Торквато Тасса Кукольника лучшая трагедія на русскомъ языкѣ, не исключая и Годунова Пушкина, который, нѣтъ сомнѣнія—гораздо умнѣе и зрѣлѣе, гораздо болѣе обдуманъ, мужественнѣе и сильнѣе въ созданіи и въ подробностяхъ, но за то холоденъ, слишкомъ отзывается подраженіемъ Шекспиру и слишкомъ чуждъ того самозабвенія, безъ котораго нѣтъ истинной поэзіи.

20-го апрѣля.

Кукольника драма Рука Всевышняго Отечество спасла,—нѣсколько въ послѣднихъ актахъ утомительна тѣмъ, что и Мининъ, и Пожарскій, и Трубецкій, и Ржевскій собственно одно и то же самое, но первый актъ истинно прекрасенъ: онъ весь согрѣтъ чистымъ высокимъ чувствомъ: Мининъ въ этомъ первомъ актѣ превосходенъ.—Теплота вездѣ,—пареніе почти лирическое во всей драмѣ: къ несчастію этотъ лиризмъ совершенно уничтожаетъ другую необходимую стихію драматическую—ясность и отчетливость.

12-го мая.

Большую радость Богъ послалъ мнѣ: мой Ижорскій мнѣ присланъ, напечатанный. Жаль только, что въ немъ ошибокъ типографическихъ—бездна. Худой же корректоръ Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій. Но все же я и ему благодаренъ за трудъ. Считаю не нужнымъ упоминать здѣсь къ кому по этому случаю я особенно считаю себя

обязаннымъ быть признательнымъ: упоминать о немъ было бы здѣсь какъ то не къ стати; только — Богъ мнѣ свидѣтель, — что чувствую его благодѣянія [1]).

19-го мая.

Сказать ли?—Право боюсь даже въ Дневникѣ высказать на этотъ счетъ свое мнѣніе.—Но быть такъ!—Читаю по вечерамъ мелкія стихотворенія Пушкина; бо́льшая часть (и замѣчу: всѣ почти хваленыя, напр. Демонъ, Подражаніе корану, Вакхическая пѣснь, Андрей Шенье etc.) слишкомъ остроумны, слишкомъ обдуманы, обдѣланы и расчитаны для эфекту, а потому (по моему мнѣнію) въ нихъ нѣтъ... вдохновенія. За то есть другія менѣе блестящія, но мнѣ особенно любезныя. Вотъ нѣкоторыя: Гробъ юноши, Коварность, Воспоминаніе, Ангелъ, Отвѣтъ Анониму, Зимній вечеръ, 19 октября.—Чернь всячески перлъ лирическихъ стихотвореній Пушкина.

22-го мая.

Въ «Библіотекѣ для чтенія» въ статьѣ о посмертныхъ сочиненіяхъ Гёте попалось мнѣ мнѣніе Бульвера (автора Рейнскихъ Пилигримовъ), раздѣляемое, по видимому, издателями Библіотеки, будто: «Проза сердца (?) просвѣщаетъ, трогаетъ, возвышаетъ гораздо болѣе поэзіи»; будто: «самый философическій поэтъ нашъ (т. е. англійскій) преложенный въ прозу, сдѣлается пошлымъ»; будто: «Чайльдъ Гарольдъ, кажущійся такимъ глубокомысленнымъ твореніемъ, обязанъ этимъ глубокомыслію своему метрическому слогу: въ самомъ дѣлѣ, въ немъ нѣтъ ничего новаго, кромѣ механизма слова»; замѣчу, что Байрона на дняхъ, за неимѣніемъ подлинника, перечелъ именно въ прозѣ и въ дурной французской прозѣ,—а все таки удивлялся дивной глубинѣ его чувствъ и мыслей, (хотя тутъ мысли дѣло второстепенное), сверхъ того,—самъ я рифмачъ и клянусь совѣстью, что рифма очень часто внушала мнѣ новыя неожиданныя мысли, такія, которыя бы мнѣ ни коимъ образомъ не пришли бы на умъ, если бы я писалъ прозою; да мѣра и рифма въ добавокъ учитъ кратко и сильно выражать мысль, выражать ее молніею: у нашихъ великихъ писателей въ прозѣ эта же мысль расползается по цѣлымъ страницамъ.

4-го іюня.

Повѣсть: Фрегатъ Надежда изъ лучшихъ сочиненій Марлинскаго. Особенно она мнѣ потому нравится, что тутъ авторъ не такъ расточителенъ на «Бестужевскія капли»; ихъ тутъ мало и вездѣ

[1]) Кюхельбекеръ разумѣетъ здѣсь в. к. Михаила Павловича, который былъ за него ходатаемъ и его покровителемъ. Ред.

кстати. Единственный недостатокъ этого прелестнаго творенія—морскіе варваризмы, безъ которыхъ мы, профаны, очень и очень могли бы обойтись.—Марлинскій человѣкъ высокаго таланта: дай Богъ ему обстоятельствъ благопріятныхъ! У насъ мало людей, которые могли бы поспорить съ нимъ о первенствѣ. Пушкинъ, онъ и Кукольникъ—надежда и подпора нашей словесности; ближайшій къ нимъ — Сенковскій, потомъ Баратынскій.

Вильгельмъ Кюхельбекеръ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1799 г. [1]).

8-го марта. Вдовѣ адмиралтейскаго коммисара Данилова, просившей награжденія, каковымъ воспользовались подобныя ей, отказано потому, что буде бы и ей то слѣдовало, то получила-бы оное и безъ просьбы.

— Дю-Фей, урожденной де-ла-Фатоньеръ, просившей государя императора о воспріятіи изъ купели малолѣтняго сына ея, крещеннаго по обряду реформатскаго закона, и коего желала она перекрестить въ каѳолическую вѣру, объявляется, чтобы она помышляла болѣе о хорошемъ воспитаніи сына своего, нежели о перемѣнѣ вѣры.

— Астаритѣ, просившему о позволеніи давать во время великаго поста духовныя ораторіи въ театральномъ одѣяніи, объявляется, что на просьбу его высочайшаго соизволенія не воспослѣдовало.

— Полковнику Гильденскіолду, командиру егерскаго полку своего имени, просившему монаршаго пособія въ положеніи его, разстроившемся отъ дальнаго похода, отказано, потому что служа и за службу получая честь, безропотно сносить долженъ и тягости, съ нею сопряженныя.

— Прелату Стецкому, употребившему все свое имѣніе на построеніе церквей и на подобныя богоугодныя дѣла, просившему въ бѣдности монаршей помощи, объявляется, что поелику онъ роздалъ имѣніе по собственному произволенію, то и долженъ нынѣ сносить бѣдность въ смиренномъ терпѣніи.

— Корнету Гаштовту, исключенному изъ полку генерала-лейтенанта Бардакова, просившему абшидъ съ позволеніемъ носить мундиръ и съ повышеніемъ чина, объявляется, что просьба его не скромна.

18-го марта. Мушкетерскаго Лейтнера полку маіоръ Бриммеръ за чахоточною болѣзнію отставленъ отъ службы съ пенсіономъ половиннаго его жалованья (№ 22).

— На просьбу отставнаго генерала отъ инфантеріи Хрущова, навлекшаго

---

[1]) Выписки изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», изд. при «Императорской Академіи Наукъ», въ 4-ю долю. Выписки объемлютъ царствованіе Павла I, съ 1796 г. См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г. томъ XI, стр. 187, 589, 754; изд. 1875 г. томъ XII, стр. 231, 451, 663 и 830; томъ XIII, стр. 457; изд. 1882 г., томъ XXXV, стр. 425 и 653; изд. 1883 г., томъ XL, стр. 449—456, 645—648.

на себя гнѣвъ е. и. в., и просящаго о всемилостивѣйшемъ прощеніи, высочайшаго соизволенія не послѣдовало. (Тамъ же, объявленія Неплюева).

— Коллежскому ассесору и лугскому городничему Ефремову, испрашивающему монаршей милости для воспитанія 4-хъ дѣтей его, предоставляется записать ихъ въ корпусы или казенныя училища, гдѣ есть ваканціи.

— Второе отдѣленіе общества о смертныхъ случаяхъ будетъ 23 марта по полудни въ 5 часовъ имѣть въ лютеранской церкви св. Екатерины общее свое собраніе. Желающіе записаться въ оное вновь имѣютъ явиться въ собраніи лично, и должны быть не старѣе 45 лѣтъ. Общество сіе состоитъ нынѣ изъ 529 членовъ, и за послѣдній смертной случай платило 958 р. 18 к. При семъ извѣщается гг. членамъ, кои должны за четыре или за пять смертныхъ случаевъ, дабы они внесли должныя ими деньги до собранія, въ противномъ случаѣ будутъ исключены изъ онаго общества. № 41 исключенъ, а исключенный подъ № $^{317}/_{371}$ принятъ въ сочлены.

— Отъ санктпетербургской цензуры господамъ, въ сочиненіяхъ и переводахъ упражняющимся, также и издателямъ объявляется: чтобы они взносимыя въ цензуру на разсмотрѣніе и для одобренія сочиненія и переводы ихъ, представляли въ надлежащемъ порядкѣ, чистымъ и чоткимъ письмомъ переписанныя, безъ ошибокъ, приписокъ и вычерненныхъ мѣстъ цѣлыми фразами, поелику впредь съ приписками и почерненными мѣстами, никакія піэсы на разсмотрѣніе приняты не будутъ, доколѣ не представятся въ требуемой исправности (№ 24, объявленія о книгахъ).

— Отъ московскаго губернскаго правленія по прошенію капитанши Авдотьи Сергѣевой дочери Норовой объявляется, чтобы не отдѣленному и никакого собственнаго имѣнія неимѣющему сыну ея, поручику Василью Норову, по невоздержности и наклонности его къ роскоши, на основаніи законовъ, денегъ подъ вексель и другія обязательства не давать.

29 марта. Вице-адмиралъ Ушаковъ за покореніе всѣхъ похищенныхъ французами прежде бывшихъ венеціанскихъ острововъ и взятіе послѣдняго изъ нихъ Корфу съ крѣпостями, укрѣпленіями и военными кораблями, произведенъ въ адмиралы (№ 25).

— Въ имянномъ е. и. в. высочайшемъ указѣ, данномъ сенату сего марта 21, за собственноручномъ е. в. подписаніемъ, изображено: членовъ нашей академіи наукъ коллежскихъ совѣтниковъ Эйлера, Лепехина и Озерецковскаго всемилостивѣйше жалуемъ въ наши статскіе совѣтники.

5 апрѣля. Въ имянномъ е. и. в. за собственнымъ е. в. подписаніемъ высочайшемъ указѣ, данномъ минувшаго марта 28 числа на имя его высокопр. г. оберъ-гофмаршала, изображено: „Господинъ оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ. По поводу прошенія нашего оберъ-камергера графа Шереметева объ увольненіи его отъ управленія дирекціею надъ театральными зрѣлищами, не перемѣняя штатовъ, нами утвержденныхъ, вамъ препоручаемъ сію коммисію и принять оную въ вѣдѣніе ваше (№ 27)“.

— Генералъ-маіоршѣ княжнѣ Мачебѣловой, утруждавшей е. и. в. объ утвержденіи малолѣтняго внука ея по дочери Валеріана Куколя-Яснопольскаго въ фамиліи князей Мачебѣловыхъ, объявляется, что на просьбу ея высочайшаго соизволенія не послѣдовало (№ 28, объявленія генералъ-прокурора).

— Письмо изъ Вѣны отъ 27 марта: Фельдмаршалъ графъ Суворовъ пріѣхалъ 24 числа въ вечеру, а 25 былъ у императора. Народъ за нимъ бѣгаетъ и кричитъ: вивать Суворовъ! а онъ отвѣчаетъ: вивать императоръ Францискъ!

— Если кто имѣетъ колибрій, параклитки и другія иностранныя птицы и желаетъ ихъ продать, тотъ можетъ о семъ дать знать въ домъ бывше Щукиномъ дворѣ птичному промышленнику Ефремову.

— Отставному капитану Лихареву, испрашивающему съ женою и дѣтьми пропитанія, отказывается по причинѣ той, что онъ изъ службы выключенъ за дурное его поведеніе (№ 29, объявленія Неплюева).

— Женѣ находящагося въ Тамбовской губерніи при казенномъ квасцовомъ заводѣ пищика Астрешновой, просящей объ опредѣленіи мужа ея къ тому заводу надзирателемъ, отказывается за неспособностію его къ оной должности по незнанію нужныхъ по сей части наукъ.

— У гравировальнаго мастера Шлиппера, живущаго по Вознесенской перспективѣ противъ самой церкви въ домѣ купца Клипина подъ № 207, продаются визитные билеты черные и цвѣтные по 3 р. сотня и бѣлые аглинскіе по 4 р. сотня (№ 30).

— Наименовавшемуся бывшимъ новогрудскимъ уѣзднымъ стряпчимъ, коллежскому регистратору Плескачевскому, утруждавшему е. и. в. просьбою объ опредѣленіи его къ должности, по высочайшему повелѣнію отказывается, ибо онъ исключенъ изъ службы за безпорядочное поведеніе и нерадѣніе къ должности; а просьбу свою яко не дѣльную получилъ онъ съ наддраніемъ отъ литовскаго гражданскаго губернатора (№ 32, объявленія генералъ-прокурора).

26 апрѣля. Въ имянномъ е. и. в. высочайшемъ указѣ, данномъ придворной конторѣ сего апрѣля 17 числа за собственноручнымъ его величества подписаніемъ, изображено: всемилостивѣйше пожаловали мы графиню фонъ-деръ Палену къ любезнѣйшей супругѣ нашей государынѣ императрицѣ въ статсъ-дамы (№ 33).

— Изъ Инспрука отъ 30 марта. Первыя колонны россіянъ вошли уже въ венеціанскія области (тамъ же, иностранныя извѣстія).

3 мая. Городовому секретарю Пивоварову, утруждавшему е. и. в. просьбою о пожалованіи ему пенсіона, по высочайшему повелѣнію отказывается, поелику состоитъ онъ подъ уголовнымъ судомъ за взятки и другія преступленія (№ 35, объявленія генералъ-прокурора).

— Губернскому секретарю Секерину, утруждавшему е. и. в. просьбою, въ коей жалуясь на псковское губернское правленіе, проситъ объ опредѣленіи его къ должности, отказывается потому, что отъ должности онъ отрѣшенъ за строптивость и пьянство, а за прихотливыя его желанія былъ уже онъ, по высочайшей волѣ, наказанъ посажденіемъ на хлѣбъ и на воду.

— Отставному штабсъ-капитану Петрову, утруждавшему е. и. в. просьбою о опредѣленіи его въ городъ Петрозаводскъ городничимъ, откуда настоящей городничей Бриммеръ по предположенію его якобы имѣетъ быть уволенъ, по высочайшему повелѣнію отказывается, поелику о увольненіи Бриммера ни отъ него самого прошенія, ни представленія отъ его начальства не имѣется.

— Изъ Стокгольма отъ 3 апрѣля. Сдѣлано замѣчаніе, что воды въ Балтійскомъ морѣ убыло на полдюйма, чего не случалось чрезъ многія столѣтія.

— На Петербургской сторонѣ подлѣ съѣзжаго двора въ домѣ подъ № 230 продается дворовая дѣвка, умѣющая шить и гладить бѣлье и готовить кушанье.

6 мая. Шляхтянкѣ Романовской, утруждавшей е. и. в. просьбою на брата своего Москевича, въ неплатежѣ ей 3,000 рублей по векселю отца ея, и на бывшаго бѣлорусскаго губернатора за неудовлетвореніе ея не смотря

на высочайшее повелѣніе въ сей претензіи, по высочайшему повелѣнію отказывается, ибо она сама не дѣльно отбываетъ отъ формальнаго суда съ братомъ (№ 36, объявленія генералъ-прокурора).

— Изъ Вѣны отъ 26 апрѣля. Россійско-императорскій и императорско-королевскій фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникской принялъ уже главное начальство надъ соединенною итальянскою арміею, и при отправленіи сего извѣстія передовыя россійско-императорскія войска были уже въ Вилла-Франкѣ, а за ними и прочія идутъ въ слѣдъ съ великимъ поспѣшеніемъ.

10 мая. Именной указъ сенату отъ 20 апрѣля. За вѣрность и преданность нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Ростопчина, еще въ знакъ нашего къ нему благоволенія, всемилостивѣйше жалуемъ отца его, отставнаго маіора Ростопчина, въ наши дѣйствительные статскіе совѣтники, увольняя его отъ всѣхъ дѣлъ (№ 37).

— Изъ Лейпцига отъ 27 апрѣля. 19-го въ вечеру въ 8 часовъ прибыла сюда ея и. в. великая княгиня россійская Анна Ѳеодоровна. 21 по полудни пріѣхала сюда же ея свѣтлость герцогиня Саксенъ-Кобургская, а 24 въ 11 часовъ утра ея и. в. и ея свѣтлѣйшая мать отправились отселѣ въ Зальфельдъ.

— Изъ Константинополя отъ 30 марта. Сирійской паша писалъ къ Портѣ, что головою своею отвѣчаетъ, ежели не доставитъ сюда головы Бонапартовой.

— Въ книжной лавкѣ императорской академіи наукъ продается: ода е. и. в. государю Павлу Петровичу на случай взятія острова Корфу, на бѣл. бум. 10 коп.

— На сихъ дняхъ вступила въ продажу вновь отпечатанная книжка, подъ заглавіемъ: «Картина просвѣщенія россіянъ, предъ началомъ девятнадцатаго вѣка, отрывки и смѣсь». Сіе небольшое сочиненіе, не говоря о важности трактуемаго предмета, написано самымъ чистымъ русскимъ языкомъ, со всею пріятностію короткаго слога, удовлетворяющаго разборчивому вкусу нынѣшней публики.

— Нуженъ къ надзиранію надъ дѣтьми отъ 8 до 15 лѣтъ, французъ, который бы хорошо умѣлъ писать и читать по французски. Большихъ свѣдѣній отъ него не требуется, а только чтобъ былъ благонравенъ и хорошаго свойства. И какъ сія должность мало занимаетъ времени, то оная весьма выгодна для такого, который бы захотѣлъ заниматься преподаваніемъ приватныхъ уроковъ.

— Продается, за излишествомъ, добраго поведенія дѣвка, 18 лѣтъ, умѣющая мыть, крахмалить и гладить всякое бѣлье, также шить и вязать и которая способна во всякую домашнюю бѣлую и черную работу. Видѣть ее можно въ домѣ ассигнаціоннаго банка у курьера Круговщикова.

13 мая. Дѣвицѣ Сухановой, просившей монаршей милости на постриженіе въ монахини матери ея, на платье оной по званію сему, и на взносъ въ монастырь вкладу, какъ въ просьбѣ затѣйной, отказывается (№ 38, объявленія дѣйс. ст. совѣт. Брискорна).

— Женѣ купца Пантелѣева, просившей помощи на выкупъ заложенныхъ ею вещей, по не имѣнію ею права просить какой либо милости, отказывается.

— Отставному прусской службы штабсъ-капитану фонъ Гильденеру, просившему мѣста или пенсіона, объявляется, что первое можетъ онъ искать самъ собою, а на требованіе послѣдняго не имѣетъ никакого права.

— Отставному маіору Косцову, просившему повелѣнія рѣшить безъ

очереди поступившее въ общее правительствующаго сената собраніе дѣло его объ имѣніи, отказано и велѣно терпѣливо ждать того времени, въ которое то дѣло, въ свою очередь, рѣшено будетъ безъ всякихъ его просьбъ.

— Подпоручику Сумарокову, пермской губерніи въ городѣ Осѣ соляным приставомъ служившему, и потомъ отставленному съ такимъ абшитомъ, по коему никуда опредѣленъ быть не можетъ, въ просьбѣ объ опредѣленіи его къ какому либо мѣсту, отказано по той самой причинѣ, по коей лишился онъ послѣдняго.

— Пернавскому 3 гильдіи гражданину Бараніусу, представившему проэктъ о заведеніи въ Лифляндіи табашной фабрики, объявляется, что изъ предложенія его пользы никакой не предвидится, и для того оставлено безъ вниманія.

— Профессору физики и химіи Остену, пріобрѣвшему тайну дѣлать золото и изъ онаго извлекать универсальное лекарство, просившему для заготовленія онаго монаршаго вспомоществованія, объявляется, что онъ можетъ просить о томъ тѣхъ, кои въ истинѣ предложенія его убѣждены.

— Вдовѣ полковницѣ Ф. Бейернъ, просившей мѣста при высочайшемъ дворѣ, отказывается, потому что мѣста такова нѣтъ.

— Сочиненный на нѣмецкихъ стихахъ переводъ съ россійской оды на поднесеніе е. и. в. великаго магистерства ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго и на побѣду, надъ французами россійскимъ флотомъ одержанную, можно получать у переводчика оной, тит. сов. барона Беллинсгаузена.

— Продается плотникъ молодыхъ лѣтъ и большаго росту, съ женою, сыномъ и дочерью,—Московской части во второмъ кварталѣ подъ № 147. Спросить же у жильца въ деревянномъ новомъ домѣ. Тутъ же продаются англинскіе стѣнные часы.

17 мая. Камергеръ графъ Суворовъ-Рымникскій всемилостивѣйше пожалованъ въ генералъ-адъютанты е. и. в. съ отданіемъ ему слѣдующаго старшинства и со оставленіемъ при арміи фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго (№ 39).

— Всѣ состоящіе нынѣ при корпусахъ и арміяхъ бригадъ-маіоры должны исключены быть изъ полковыхъ списковъ и впредь числиться по арміи съ ношеніемъ мундировъ тѣхъ полковъ, въ коихъ они по сіе время служили.

— Вологодской губерніи Красноборской округи Устьянской, Шангальской и Чадромской волости отъ крестьянъ повѣренному Ѳедорову, утруждавшему е. и. в. просьбою, чтобы уничтожа уравненіе, чрезъ которое обработанныя и съ давнихъ лѣтъ владѣемыя казенными крестьянами земли отошли къ другимъ крестьянамъ, оставить каждаго при владѣніи на прежнемъ положеніи, по высочайшему повелѣнію отказывается, яко въ недѣльномъ и неосновательномъ требованіи, совершенно притѣснительномъ для тѣхъ, кои имѣли въ земли крайней недостатокъ.

— Капитаньшѣ Сумароцкой, просящей объ избавленіи ея отъ притѣсненій по дѣлу мужа ея, въ 1-мъ департаментѣ псковской палаты суда и расправы производящемуся, гдѣ сужденіе сопровождается личнымъ къ мужу ея пристрастіемъ, объявляется, что она можетъ теперь быть покойна, поелику дѣло о семъ поступило въ сенатъ, гдѣ конечно будетъ оно разсмотрѣно со всею точностію и на законахъ основанною справедливостію.

— Одесскому купцу Ѳомину, просящему о выдачѣ ему изъ казны на заведеніе тамъ садовъ въ шестилѣтній срокъ 2,000 рублей, отказывается по неимѣнію права на партикулярныя изъ казны выдачи.

— Капитану Бею изъ татарскихъ крымскихъ дворянъ, просящему о награжденіи за отличность его во время съ Турками войны близъ Варны въ сраженіи на морѣ, отказывается по причинѣ той, что сіе награжденіе относится къ тогдашнему времени, когда онъ оказалъ отличность свою.

— Прошеніе шарогродскаго еврейскаго равина Герценштейна о высочайшемъ дозволеніи ему купить въ Россіи деревню оставлено безъ уваженія, яко никакого вниманія не заслуживающее.

— На просьбу кіевскаго гражданскаго губернатора Красно-Милашевича о пожалованіи ему, вмѣсто недостающаго числа душъ, селенія Синицъ, въ кіевской губерніи состоящаго, высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

— Скульптору Контіери, просившему объ опредѣленіи его въ службу подъ команду графа Суворова, или о дачѣ паспорта для выѣзда въ Италію, возвращено прошеніе съ наддраніемъ и со взысканіемъ за пересылку вѣсовыхъ денегъ.

— Тоже выключенному изъ службы генералу провіантмейстеру лейтенанту Миклашевскому, просившему въ неумышленной якобы винѣ его всемилостивѣйшаго прощенія.

— Продаются: „Дешевый подарокъ суевѣрамъ, состоящій изъ разсужденія о домовомъ и укора на предразсудки съ помѣщеніемъ семи любопытныхъ повѣстей; Багдатскій цырюльникъ, брѣющій бороду Севильскому цырюльнику Фигаро, и приключенія прекрасной турчанки Ксеминды, названной въ крещеніи Елизаветою".

— Желающіе купить хорошаго поведенія кушанье готовить умѣющую и всякую домашнюю работу исправлять могущую дѣвку изъ лифлянокъ, благоволятъ для сего явиться въ Литейную часть, противу церкви Симіона Богопріимца въ домъ ст. сов. Старова, къ живущему во 2-мъ этажѣ надъ лавочкою.

20 мая. Въ именныхъ е. и. в. указахъ, данныхъ сенату минувшаго апрѣля за собственноручнымъ е. в. подписаніемъ, изображено:

1) Признавая отличное усердіе и труды, на пользу службы подъемлемые генераломъ отъ кавалеріи Денисовымъ, всемилостивѣйше жалуемъ ему графское имперіи нашей достоинство, распространяя оное на все потомство, мужеска и женска полу отъ него происходящее (№ 40).

2) Во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ отличному и ревностному служенію нашего вице-канцлера Кочубея жалуемъ ему графское имперіи нашей достоинство, распространяя оное на все потомство его.

3) (Отъ 25 апрѣля) Е. и. в. по прошенію египетскаго князя Григорія Гаджибея, живущаго въ Санктпетербургѣ, высочайше повелѣть соизволилъ привесть къ присягѣ на вѣрность подданства.

— Двора е. и. в. любезнѣйшаго нашего сына, наслѣдника цесаревича и великаго князя Александра Павловича камергеръ графъ Суворовъ-Рымникскій всемилостивѣйше пожалованъ нами въ наши генералъ-адъютанты (отъ 15 мая, № 40).

— Изъ Вѣны отъ 24 апрѣля. До прибытія фельдмаршала Суворова въ Верону 13-го, народъ выходилъ ему на встрѣчу за 4 часа разстоянія. По въѣздѣ его въ великолѣпныя палаты графа Эмили въ Веронѣ, представленъ ему былъ хозяинъ дома, коего братъ застрѣленъ французами за то, что держалъ противную имъ сторону. Фельдмаршалъ Суворовъ сдѣлалъ графу Эмили лестное привѣтствіе по сему случаю.

— Изъ Вероны отъ 17 апрѣля. Фельдмаршалъ Суворовъ, принявъ главную

команду, сдѣлалъ смотръ императорской арміи. Здѣсь, въ Веронѣ, спалъ онъ только на сѣнѣ и каждый день купался. Теперь отбылъ онъ въ императорскую главную квартиру во Валефніо. Россійскіе козаки стоятъ уже на форпостахъ (№ 40, иностранныя извѣстія).

— Изъ Тріеста отъ 21 апрѣля. Фельдмаршалъ Суворовъ, по прибытіи своемъ въ императорскую армію, дѣлая для обозрѣнія позиціи рекогносцированіе съ козаками и австрійскими гусарами, наѣхалъ на непріятельскій пикетъ въ 60 человѣкъ, изъ коихъ осталось въ живыхъ только двое. Сихъ двухъ человѣкъ Суворовъ отослалъ назадъ съ тѣмъ, чтобъ они сказали французамъ, что Суворовъ прибылъ.

— А на Петербургской сторонѣ, подлѣ коннаго питейнаго дома, у Окольцова продается 24 лѣтъ кучеръ, который способенъ и къ исправленію лакейской должности.

— Въ Гороховой улицѣ подъ № 126 у золотыхъ дѣлъ мастера Гетца имѣются для продажи серебреныя новѣйшаго вкуса пуговицы, цѣною партище отъ 100 до 125 рублей (тамъ же).

— А воинскія нынѣшняго манеру пуговицы можно получать на Петербургской сторонѣ въ Зелениной улицѣ.

— Если кому изъ господъ угодно къ смотрѣнію за дѣтьми взять дворянку, знающую порусски читать и писать, таковой благоволитъ о ней освѣдомиться въ Фурштадтской улицѣ въ домѣ маіорши Фирсовой подъ № 377.

— Къ таковой же должности желаетъ опредѣлиться нѣкая добропорядочная дѣвица. О ней можно обстоятельное получить извѣстіе отъ парикмахера Ланрота, который квартиру имѣетъ противъ церкви Вознесенья подъ № 207.

— Изъ Вѣны отъ 11 мая.... Въ то самое время, когда французскій гарнизонъ по капитуляціи выступалъ изъ крѣпости, пріѣхалъ туда е. и. в. великій князь Константинъ Павловичъ подъ именемъ графа Романова и, пробывъ короткое время, продолжалъ путь свой къ главной квартирѣ графа Суворова-Рымникскаго (№ 41, иностранныя извѣстія).

— Изъ Кронштадта, отъ 19 мая. Прибыли корабли: № 9 датскій, Тритонъ, кор. А. Гесенъ, въ 90 дней изъ Генуи съ купеческими, корабельщиковыми и съ матрозскими фруктами.

— Изъ Вѣны отъ 1 мая. Вчера е. и. в. великій князь Константинъ Павловичъ отправился отсюда въ итальянскую армію. Туда же поѣхали съ е. и. в. князь Естергази, россійскій генералъ Дерфельденъ и пр. Предъ отъѣздомъ великій князь слушалъ здѣшнюю греческую обѣдню, роздалъ много милостыни и подарилъ оберсталмейстеру князя Кауница богатую табакерку.

— Въ пенсіонѣ А. Вицмана, находящемся между Синимъ и Краснымъ мостами въ домѣ купца Демутье подъ № 150 на Мойкѣ продается вновь напечатанная книжка: сокращеніе главнѣйшихъ должностей, кои каждый христіанинъ обязанъ исполнять въ точности по своему званію и состоянію: 1) должности юношей; 2) должности дѣвицъ; 3) должности мужа къ его женѣ; 4) должности жены къ ея мужу; 5) должности отцовъ и матерей къ ихъ дѣтямъ; 6) должности дѣтей къ ихъ отцамъ и матерямъ; 7) должности господъ къ ихъ слугамъ; 8) должности слугъ къ ихъ господамъ; 9) обязанности судебныхъ чиновниковъ; 10) обязанности знатныхъ господъ; 11) должности купцовъ; 12) обязанности крестьянъ и ихъ ремесленниковъ; 13) обязанности богатыхъ; 14) обязанности бѣдныхъ; 15) должности солдатъ; 16) главнѣйшія

должности живущаго въ свѣтѣ христіанина; 17) особенныя наставленія отц
своему сыну. 10 коп., въ пер. 15 коп.

27 мая. Изъ Регенсбурга отъ 6 мая. Получено и здѣсь печальное извѣстіе
о нещастномъ убійствѣ двухъ французскихъ министровъ въ Растатѣ Боніе и
Роберджо. Всѣ вообще о томъ сожалѣютъ, хотя явно видѣнъ тутъ перст
Божій, наказавшій и сихъ двухъ человѣкъ за то, что подали голосъ на казн
Людовика XVI (№ 42, иностранныя извѣстія).

31 мая. Его и. в. объявилъ свое благоволеніе генералъ-лейтенанту граф
Аракчееву за скорое выступленіе въ походъ Вильде баталіона роты генералъ
маіора Гермеpса (№ 43).

— Всемилостивѣйше жалуемъ находящагося при оспенномъ домѣ докто-
ромъ коллежскаго совѣтника Галиди, за усердные труды при благополуч-
номъ привитіи оспы любезнѣйшимъ дѣтямъ нашимъ великому князю Никола
Павловичу и великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ въ статскіе совѣтники, оставля
его при прежней должности.

— Е. и. в., охтенскихъ пороховыхъ заводовъ мастера Михайлова, им
ющаго чинъ коллежскаго регистратора, за усердную его службу и хорош
знанія, оказанныя имъ въ дѣлѣ пороха, всемилостивѣйше пожаловать соиз-
волилъ провіціальнымъ секретаремъ.

— Въ книжной лавкѣ, состоящей по Сѣнной улицѣ, возлѣ церкви Успенія
въ домѣ господина Яковлева, у Изота Агафонова продается Сонникъ, ска
зующій правду матку, съ прибавленіемъ разговора у нѣмца съ слугою: с
шорна рыбка, цѣна 20 коп.

— Продаются: 16 лѣтъ малой, умѣющей чесать мужскіе и женскіе волосы
и накалывать головные уборы, также дорожная карета и двѣ московской
лучшей работы кибитки.

3 іюня. Чулошному фабриканту Юнію, утруждавшему е. и. в. претензіей
своею на графа Прото-Потоцкаго, въ 1081-мъ червонцѣ состоящею, и подно
сившему проэктъ о поправленіи екатеринославской чулошной фабрики, по
высочайшему повелѣнію объявляется, чтобы онъ удовлетвореніе претензіи
своей отыскивалъ узаконеннымъ порядкомъ, а фабрику ввѣрить ему въ рас-
поряженіе государь императоръ не соизволяетъ (№ 44).

— Изъ Милана отъ 2 мая. Суворовъ не даетъ покоя французамъ. Съ 28
апрѣля проходъ Цесарцовъ и Россіянъ продолжается здѣсь денно и ночно.
Всѣ идутъ къ Піемонту.

— Продаются книги: Дамской туалетъ, содержащій въ себѣ разныя воды.
умыванья и притиранія для красоты лица и рукъ, порошки для чищенія зу-
бовъ, паты для бѣлизны рукъ, помада для губъ, средства для отращиванія и
краски волосъ, ароматическія ванны для всего тѣла и секретъ для хорошихъ
румянъ и бѣлилъ, въ 3 частяхъ, въ пер. 1 р. 80 коп.

— Отъ санктпетербургскаго полиціймейстера объявляется, что ежели
здѣсь, въ городѣ, въ числѣ нищихъ появятся гдѣ либо помѣщичьи люди,
то съ помѣщиковъ ихъ взысканъ будетъ штрафъ, дабы они впредь не допу-
скали таковыхъ ходить по міру, не заботясь о ихъ прокормленіи, и что
сверхъ того здоровые, но токмо въ службу не способные, отправляемы бу-
дутъ въ крѣпостныя работы; не менѣе обязаны ремесленныя общества и цѣхи
стараться, не допускать къ нимъ принадлежащихъ людей шататься по міру,
а давать имъ должное пропитаніе; въ противномъ случаѣ и онѣ не останутся
безъ взысканія.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

1798—1801.

Приказъ сентября 16 дня 1800 года.

Въ слѣдствіи повелѣнія его высокопревосходительства господина военнаго губернатора и разныхъ орденовъ кавалера Николая Сергѣевича Свѣчина, прилагаемую при семъ выписку изъ высочайшихъ приказовъ: предписываю господамъ инспекторамъ объявить немедленно къ непремѣнному исполненію всѣмъ живущимъ здѣсь въ столицѣ съ подписками и строгимъ при томъ подтвержденіемъ, что ежели и за симъ окажется въ неисполненіи оныхъ высочайшихъ повеленій, то таковой, яко ослушникъ, преданъ будетъ строжайшему суду.

Выписка изъ высочайшихъ приказовъ, касательно наблюденія по части полиціи.

1798 г.

Генваря 7-го. Запрещается всѣмъ чинамъ впредь безъ маскараднаго платья ѣздить въ маскарадъ, а ежели впредь кто случится въ собственномъ кафтанѣ или мундирѣ, безъ маскараднаго платья, таковыхъ брать подъ караулъ.

Генваря 20-го. Воспрещается всѣмъ ношеніе фраковъ, позволяется имѣть нѣмецкое платье съ однимъ стоящимъ воротникомъ, шириною неменѣе какъ въ три четверти вершка, обшлага же имѣть того цвѣту, какого и воротники, а сертуки, шинели и ливрейные слугъ кафтаны остаются по настоящему ихъ употребленію. Запрещается носить всякаго рода жилеты, а вмѣсто оныхъ нѣмецкіе камзолы.

— Не носить башмаковъ съ лентами, а имѣть оные съ пряжками; также сапоговъ, ботинками именуемыхъ, и короткихъ стягиваемыхъ впереди снурками и съ отворотами.

— Не увертывать шею безмѣрно платками, галстуками или ко-

сынками, а повязывать оные приличнымъ образомъ безъ излишной толстоты.

Апрѣля 3-го. Чтобъ портные изъ немоченнаго сукна военнослужащимъ мундировъ отнюдь не дѣлали, а въ противномъ случаѣ таковыхъ портныхъ брать подъ караулъ.

— Какъ носка перьевъ на шляпахъ принадлежитъ единственно чинамъ придворнаго штата, то и запрещается лакеямъ и кучерамъ партикулярныхъ людей носить на шляпахъ перья и плюмажи, а такъ же банты, какого бы то цвѣту не было.

Октября 2-го. Дозволяется употреблять здѣсь въ городѣ для ѣзды желающимъ дрожки.

Декабря ... Всѣмъ служащимъ и отставнымъ съ мундирами офицерамъ запрещается въ зимнее время носить шубы, а вмѣсто ихъ позволяется носить шинели, подбитые мѣхомъ, не служащимъ же въ войскѣ и безъ мундира отставленнымъ шинели съ разноцвѣтными и отложными воротниками не носить, а имѣть таковые съ умѣренными стоячими воротниками.

— Запрещается всѣмъ вообще употреблять шапки стеганные, тафтяные, или другой матеріи.

1799 г.

Февраля 18-го. Запрещается танцовать вальсъ.

Апрѣля 2-го. Запрещается имѣть тупей, на лобъ опущеной.

Октября 26-го. Дабы младшіе предъ старшими гдѣ бы то не было снимали шляпы.

Майя 6-го. Запрещается дамамъ носить черезъ плечо разноцвѣтные ленты на подобіе кавалерскихъ.

Іюня 17-го. Запрещается всѣмъ носить низкіе большіе пукли.

Іюля 28-го. Чтобъ малолѣтные дѣти на улицу изъ домовъ выпущаемы не были безъ присмотру.

Августа 12-го. Чтобъ тѣ, кто желаетъ имѣть на окошкахъ горшки съ цвѣтами, держали бы оные по внутреннюю сторону оконъ, но если по наружную, то неиначе, чтобъ были рѣшетки, и запрещается носить жабо. Чтобъ никто не имѣлъ бакенбардъ.

Сентября 4-го. Чтобъ никто не носилъ ни нѣмецкихъ кафтановъ, ни сертуковъ съ разноцвѣтными воротниками и обшлагами; но чтобъ они были одного цвѣта.

Сентября 25-го. Подтверждается, чтобъ въ театрахъ сохраняемъ былъ должный порядокъ и тишина.

Сентября 28-го. Подтверждается, чтобъ кучера и форейторы ѣхавши не кричали.

Октября ... Чтобъ мастеровые и ремесленники, пріемля отъ кого бы то ни было изъ обывателей работы, оканчивали оныя непремѣнно въ назначенное ими время, удаляяся жалобы по неустойкѣ въ словѣ.

Ноября 28-го. Воспрещается ношеніе синихъ женскихъ сертуковъ съ кроеными воротниками и бѣлою юпкою.

Декабря 15-го. Чтобъ всякой выѣзжающій изъ города, куда бы то ни было, публиковался въ газетахъ 3 раза сряду.

1800 г.

Генваря 6-го. Чтобъ въ проѣздъ государя императора всякой мимо идущій и проѣзждяющій останавливались.

— Чтобъ публичныя собранія не именовались клубами.

Генваря 23-го. Запрещается носить косы штабъ и оберъ офицерамъ не обрѣзывая на концѣ, равно отпущать тонкіе на концѣ косы.

— Чтобъ отставленные безъ мундира отъ службы оныхъ носить нигдѣ не дерзали, отставнымъ съ мундиромъ запрещается носить ботфорты.

Февраля 6-го. Подтверждается, чтобъ никто не дерзалъ производить запрещенныя игры.

Февраля 22-го. Чтобъ хозяева, имѣющіе надобность имѣть собакъ, отнюдь не выпущали ихъ на улицу, прочіе же были со знаками.

Марта 2-го, апрѣля 22-го. Чтобъ съ мостовыхъ по улицамъ очищаема грязь и свозима была, но въ зимнее время, безъ рубки черепа льда.

— Чтобъ всѣ тѣ, которые ордена имѣютъ на сертукахъ, шубъ и прочемъ, носили звѣзды.

— Чтобъ никто цугомъ въ извощичьихъ экипажахъ не ѣздилъ, кромѣ какъ парою или въ 4 лошади.

Іюня 1-го. Чтобъ никто съ собою курьеровъ не имѣлъ.

Іюня 17-го. Потверждается, чтобъ портные отнюдь не шили мундировъ съ высокими воротниками и не по формѣ.

Марта 20-го и іюля 28-го. Августа 20-го 1800 года. Генваря 6-го, 13-го марта и іюля 27-го. Строжайше подтверждается, чтобъ никто шибко не ѣздилъ.

— Запрещается служащимъ въ статской службѣ носить ботфорты.

25-го сентября 1800-го года: Ордеръ литейной части господину инспектору. Его императорское величество съ крайнимъ негодованіемъ усмотрѣть изволилъ во время послѣдняго въ Гатчинѣ бывшаго театральнаго представленія, что нѣкоторые изъ бывшихъ зрителей, вопреки

прежде уже отданныхъ приказаній, по сему предмету, начинали плескать руками, когда его величеству одобренія своего объявить было неугодно и напротивъ того воздерживались отъ плесканія, когда его величество своимъ примѣромъ показывалъ желаніе одобрить игру актеровъ; равно и то, что при дворѣ его величества женскій полъ не соблюдаетъ того вида скромности и благопристойности, приличнаго женскому полу и званію и состоянію, относитъ всѣ такіе упущенія противъ предпочтенія и нравственности духу своевольному и неблаговоспитанію; почему принужденнымъ нашелся всему двору своему и гарнизону города Гатчины отказать входъ въ театръ и въ церковь, кромѣ малаго числа имѣющихъ входъ на вечернія собранія и наказавъ удаленіемъ отъ своего присутствія въ собраніяхъ, въ знакъ справедливаго своего негодованія, приказать соизволилъ: сдѣлать приглашеніе всему городу, для предосторожности жителей столицы, дабы, въ слѣдствіе сего извѣщенія, здѣшняя публика во время представленіевъ театральныхъ воздерживалась отъ всякихъ неблагопристойностей, какъ то: стучать тростьми, топать ногами, шишкать, аплодировать одному, когда публика не аплодируетъ, также аплодировать во всѣмъ пѣнія или дѣйствія и тѣмъ отнимать удовольствіе у публики безъ временнымъ шумомъ. А потому его высокопревосходительство предложилъ всѣхъ здѣсь въ городѣ живущихъ обвѣстить съ подписками о семъ и съ строгимъ при томъ подтвержденіемъ, что если и за симъ кто либо осмѣлится, вопреки вышеписанному учинитъ, тотъ преданъ будетъ, яко ослушникъ, суду. Къ надлежащему чего исполненію обвѣщеніемъ онаго, сего числа и впредь наблюденіемъ симъ предписываю, сентября 25-го дня 1800 году.

Антонъ Рачинскій.

2-го октября 1800 г.: Во исполненіе высочайшаго его императорскаго величества соизволенія, въ ордерѣ ко мнѣ отъ господина военнаго губернатора и кавалера прописаннаго, предписываю господамъ инспекторамъ объявить всѣмъ въ городѣ съ подписками, что разрѣшается чиновникамъ статскимъ носить лакированные сапоги, каковые они носить начали и коимъ было оные запрещены. Октября 2-го дня 1800 года. Рачинскій.

Сообщ. Г. Р.

МОРСКОЙ КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ.

Изъ воспоминаній Николая Александровича Энгельгардта.

1822 — 1829 гг.

I.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1822 года, 11-ти лѣтъ отъ роду, я былъ опредѣленъ въ Морской кадетскій корпусъ и назначенъ въ 3-ю кадетскую роту. Товарищами моими по ротѣ и отдѣленію были: Корниловъ и Истоминъ—извѣстные герои Севастополя [1]). Ротный командиръ нашъ былъ капитанъ 2-го ранга Максимъ Матвѣевичъ Генинъ, а начальникъ отдѣленія—лейтенантъ Алексѣй Козьмичъ Давыдовъ [2]). Такъ какъ уже гдѣ-то было замѣчено, что Генинъ былъ человѣкъ желчный, то къ этому надо прибавить и очень суровый. Въ то время самымъ обыденнымъ наказаніемъ было сѣченіе кадетъ, и, дай имъ Богъ царствіе небесное, пользовались имъ наши начальники въ сласть. Утренніе классы кончались въ 11 часовъ; приходя въ роту если было накурено можжевеловыми ягодами, то это означало, что ожидали прихода въ роту нашего грознаго командира, и рѣдко этотъ приходъ кончался мирно и безъ наказанія. Почтенный 70-ти лѣтній старичекъ адмиралъ Петръ Кондратьевичъ Карцевъ былъ директоромъ корпуса, но мы его никогда не видали: вся хозяйственная часть лежала на обязанности эконома Рындина, а учебная на инспекторѣ классовъ капитанъ-лейтенантѣ Маркъ Филиповичѣ Горковенко. Инспекторъ иностранныхъ языковъ былъ капитанъ 2-го ранга Францъ Ивановичъ Деливронъ [3]). Занятія наши въ классахъ продолжались еже-

---

[1]) Убитые при осадѣ Севастополя.

[2]) Впослѣдствіи директоръ Морскаго корпуса.

[3]) Изъ французскихъ эмигрантовъ Н. А. Э.

дневно по 8-ми часовъ, утромъ отъ 7-ми до 11-ти и послѣ обѣда отъ 2-хъ до 6-ти часовъ.

Лѣтомъ съ 15-го іюня по 1-е августа ежегодно бывали каникулы; гардемарины каждый годъ на двѣ смѣны ходили на двухъ фрегатахъ: «Малый» и «Ураній», болтаться, для практики морского дѣла, по Финскому заливу, а кадеты оставались, и иногда какой-то отставной армейскій офицеръ Пеньковъ училъ насъ фронту, но не болѣе какъ поворотамъ и полу-оборотамъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1824 года въ корпусѣ появилась глазная болѣзнь подъ названіемъ «Египетской»; болѣе 200 человѣкъ были больны этою опасною болѣзнію, много было сдѣлано кадетамъ глазныхъ операцій; въ маѣ мѣсяцѣ 1825 года всѣхъ больныхъ отвезли на пароходѣ въ Ораніенбаумъ, гдѣ и пробыли они до 1-го августа того же года, пока болѣзнь совершенно прекратилась.

25-го ноября 1825 года, въ 4 часа пополудни, неожиданно насъ вывели изъ классовъ и мы увидѣли всѣхъ корпусныхъ офицеровъ въ полной парадной формѣ; по приходѣ въ роту насъ построили и повели въ церковь, гдѣ и узнали мы о кончинѣ государя императора Александра Павловича. По прочтеніи манифеста о вступленіи на престолъ цесаревича Константина Павловича, вмѣстѣ съ нашимъ начальствомъ принесена была и нами присяга. День 14-го декабря 1825 года извѣстенъ всѣмъ: когда мы услышали пальбу на Сенатской площади, и какіе-то смутные слухи начали доходить до насъ, то при вторичной присягѣ государю Николаю Павловичу явилось и между нами недоразумѣніе, но никакъ не болѣе. По возвращеніи изъ церкви, ротные командиры и всѣ офицеры оставались въ ротахъ, пока на Сенатской площади все смолкло и зажглись бивачные огни гвардейскихъ полковъ. 15-го декабря, въ 9 часовъ утра, мы увидѣли изъ оконъ два взвода кавалергардскаго полка, конвоировавшихъ разбѣжавшихся по Васильевскому острову мятежниковъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, для встрѣчи тѣла почившаго государя Александра Павловича, въ числѣ прочихъ корпусовъ находился и морской кадетскій корпусъ; тутъ встрѣтился неожиданный казусъ: занятій фронтовыхъ никогда не было и къ тому же по свѣдѣніямъ канцеляріи должно было находиться знамя, а его не оказывалось, долго доискивались и, наконецъ, нашли его на чердакѣ надъ залой, но уже все съѣденное мышами и оставалось одно древко.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1826 года, въ 3 часа пополудни, когда мы были въ классахъ, неожиданно прошли чрезъ классы два генерала, и вскорѣ мы увидѣли бѣготню по галлереямъ нашихъ начальниковъ, какъ оказалось—то были государь императоръ Николай Павловичъ

и великій князь Михаилъ Павловичъ, посѣтившіе корпусъ въ первый разъ. Въ классахъ все было чинно; но въ одномъ изъ классовъ былъ такой случай: надо сказать, что рисовальнымъ учителемъ былъ Карлъ Карловичъ Авенаріусъ, человѣкъ чрезвычайно добрый и снисходительный; названіе онъ получилъ отъ кадетъ: «сапожникъ»; какой-то кадетъ нарисовалъ на бумагѣ тушью сапогъ и на ниткѣ бросилъ къ потолку; государь, войдя въ классъ, улыбнулся и замѣтилъ, что это вѣроятно сапожная лавка, но, слава Богу, изъ начальства никто этой шалости не видалъ. Вскорѣ назначенъ былъ вмѣсто Карцева директоромъ корпуса вице-адмиралъ Петръ Михайловичъ Рожновъ.

Въ этомъ же 1826 году, въ августѣ мѣсяцѣ, во время коронаціи государя императора Николая Павловича, въ Петербургѣ была великолѣпная иллюминація, продолжавшаяся три дня. Каждое военно-учебное заведеніе старалось какъ бы сдѣлать лучше и эффектнѣе. И вотъ въ Морскомъ (Шляхетномъ) кадетскомъ корпусѣ, чтобы и иллюминація соотвѣтствовала назначенію будущихъ моряковъ, придумали сдѣлать на срединѣ наружнаго фасада корпуса, выходящаго на Неву, большой изъ досокъ трехъ-мачтовый корабль. Все это иллюминованное вышло довольно эффектно и намъ, кадетамъ, очень нравилось.

Но вотъ что случилось. Какой-то проказникъ подшутилъ и написалъ мѣломъ на кораблѣ:

Нашъ флотъ плавать въ морѣ не рѣшился,
Смотрите какъ плотно въ корпусъ онъ влѣпился.
О Боже! всѣ труды Великаго Петра
Втащили на сушу, какъ будто осетра.
Возстань, Великій Петръ,
И правнуку вручи дубину
За вымыселъ такой
Нагрѣть Рожнову спину!

Но вице-адмиралъ Рожновъ не долго оставался директоромъ корпуса. На мѣсто его назначенъ былъ директоромъ корпуса вице-адмиралъ Иванъ Ѳедоровичъ Крузенштернъ. Во всѣхъ отношеніяхъ этому знаменитому моряку и директору корпуса принадлежитъ честь довести корпусъ до того состоянія, въ которомъ онъ вскорѣ и оказался, какъ по наукамъ, такъ и по гуманному обращенію съ кадетами; наши желчные и суровые начальники вдругъ испарились, болѣе десяти человѣкъ изъ нихъ были переведены во флотъ.

Государь Николай Павловичъ довольно часто удостоивалъ насъ своимъ посѣщеніемъ: такъ однажды въ обѣденное время государь, императрица Александра Ѳеодоровна и наслѣдникъ престола Александръ Николаевичъ обрадовали насъ своимъ пріѣздомъ. Милости-

вое и ласковое обращеніе государя съ кадетами навсегда оставило въ каждомъ изъ насъ на всю жизнь память о незабвенномъ нашемъ благодѣтелѣ.

До 1827 года, въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ гардемаринской и малолѣтней ротъ не было, были по №№-мъ 5 ротъ; названій фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ не было; гардемарины и кадеты въ каждой ротѣ были смѣшаны, изъ старшихъ гардемаринъ были старшіе въ каждомъ отдѣленіи. Въ этомъ же 1827 году, въ одинъ изъ пріѣздовъ въ корпусъ государя императора, всѣ роты были приведены въ залу, и государь самъ лично, по своему усмотрѣнію, въ каждой ротѣ выбралъ по 12-ти человѣкъ; изъ нихъ, по указанію ротнаго командира, лучшаго по поведенію и наукамъ назначилъ фельдфебелемъ, а прочихъ унтеръ-офицерами. Съ того времени и были учреждены гардемаринская и малолѣтняя роты. Съ этого же времени началось фронтовое образованіе, для чего и были присланы инструкторы изъ учебнаго сапернаго баталіона при офицерѣ—поручикѣ Брауне.

Въ 1828 году, во время турецкой кампаніи моряками, черноморскаго флота взятъ былъ корабль, большой кормовой; съ него флагъ былъ присланъ государемъ императоромъ въ Морской кадетскій корпусъ, съ большою церемоніею былъ принятъ и поставленъ въ залѣ за рѣшеткой.

Въ 1829 году, по окончаніи турецкой кампаніи, государь императоръ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ, очень лестно отзывался о морякахъ, и, выйдя на средину зала, взялъ рукою за лацканы мундира и, приподнявъ ихъ, при этомъ изволилъ сказать: «вотъ, господа, чего стоила мнѣ эта кампанія». Государь очень похудѣлъ: на немъ мундиръ сидѣлъ мѣшкомъ.

Въ настоящее время изъ старыхъ моихъ товарищей по корпусу и ротѣ 1822 года состоитъ по службѣ генералъ-адъютантъ адмиралъ Ѳедоръ Михайловичъ Новосильскій, который, вѣроятно, помнитъ двухъ моихъ родныхъ братьевъ—старшаго Ивана Александровича Энгельгардта [1]), какъ перваго по наукамъ, и младшаго—Ѳедора, какъ перваго шалуна, но отличнаго товарища, любимаго всѣми кадетами [2]).

Какъ уже сказано было выше, братъ мой былъ адъютантомъ у князя Меншикова, который считалъ адъютантовъ за свою семью и обращался съ ними весьма милостиво; объ увольненіи Крузенштерна отъ должности директора Морского корпуса князь Меншиковъ вы-

[1]) Бывшаго впослѣдствіи адъютантомъ у князя Александра Сергѣевича Меншикова.

[2]) Оба давно умершіе. Н. А. Э.

разился такъ: «Крузенштернъ не умѣлъ воспользоваться попутнымъ вѣтромъ»,—что онъ подъ этимъ разумѣлъ—осталось неизвѣстнымъ [1]).

Въ послѣднее время довольно часто случается читать въ нашихъ журналахъ и газетахъ критическія статьи о бывшихъ прежнихъ кадетскихъ корпусахъ. Непріязнь эта весьма понятна впрочемъ и потому, что все, что было прежде и хорошаго—въ настоящее время никуда не годится. Нисколько не защищая дурного, надо отдать справедливость и хорошему; какъ теперь выражаются, изъ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ фабриковались офицеры; можетъ быть и такъ, но никакъ ни анархисты, ни нигилисты, а вѣрные слуги государю и отечеству! Кто были главные защитники Севастополя? Старые кадеты: Нахимовъ, Корниловъ, Истоминъ, Хрулевъ и многіе другіе.

II.

Пользуясь случаемъ и радушіемъ ред. «Русской Старины», предоставившей мнѣ нѣсколько страницъ въ своемъ изданіи, закончу свой разсказъ двумя-тремя замѣтками.

Зимою 1845 года государь императоръ Николай Павловичъ возвращался съ Васильевскаго острова чрезъ Исакіевскій мостъ, въ саняхъ; на углу Адмиралтейскаго бульвара сани на рельсахъ [2]), по неосторожности кучера, раскатились и опрокинулись; проходившій чиновникъ подбѣжалъ, поднялъ и подалъ государю упавшую шляпу; государь поблагодарилъ чиновника и, обратясь къ кучеру, изволилъ сказать: знаешь ли, что за то бываетъ, кто уронитъ государя [3])?

Въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1882 года помѣщены нѣкоторыя свѣдѣнія о прадѣдѣ Михаила Дмитріевича Скобелева. Иванъ Никитичъ Скобелевъ былъ не прадѣдъ, а родной дѣдъ Михаила Дмитріевича Скобелева. Дѣйствительно, онъ былъ изъ однодворцевъ [4]); но сданъ ли онъ былъ или добровольно поступилъ на службу—достовѣрно неизвѣстно.

Въ 1838 году, я жилъ въ домѣ моей тетки Александры Николаевны Вязьмитиновой [5]). Много бывало у нея почтенныхъ и

---

[1]) Слышалъ лично отъ брата моего.

[2]) Рельсы эти были проложены для возки гранита къ Исакіевскому собору.

[3]) Слышалъ лично отъ чиновника государств. казначейства Александра Васильевича Кирпатова.

[4]) Какъ извѣстно, однодворцы большею частію были бѣдные дворяне.

[5]) Рожденной Энгельгардтъ и двоюродной сестры отца моего.

Н. А. Э.

заслуженныхъ генераловъ; но изъ нихъ по особенной оригинальности выдѣлялся Иванъ Никитичъ Скобелевъ, который иначе не называлъ Александру Николаевну какъ: «мать командирша», и вотъ по какому случаю: супругъ Александры Николаевны, Сергѣй Козмичъ Вязьмитиновъ [1]), до назначенія своего с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, былъ командующимъ войсками оренбургскаго отдѣльнаго корпуса. По обыкновенію того времени, отъ войскъ, находящихся въ Оренбургѣ, назначались къ командующему войсками ординарецъ и вѣстовой. И вотъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ, въ званіи унтеръ-офицера, былъ изъ числа назначенныхъ. Возвратясь однажды съ прогулки, Александра Николаевна замѣтила у себя въ передней браваго и красиваго ординарца, спросила его имя и, вынеся изъ комнатъ конфектъ, насыпала ему въ киверъ и поцѣловала его въ лобъ [2]). Поцѣлуй этотъ, какъ говорилъ Иванъ Никитичъ, составилъ впослѣдствіи все его счастіе.

Какъ извѣстно, одно время И. Н. Скобелевъ былъ въ отставкѣ; причина, какъ тогда разсказывали, заключалась въ слѣдующемъ: въ 1840-хъ годахъ, по иниціативѣ государя императора Николая Павловича, предположено было учредить безсрочно отпускныхъ; по этому случаю были спрошены нѣкоторыя изъ лицъ, командующихъ войсками. И. Н. Скобелевъ подалъ отъ себя военному министру докладную записку, которая начиналась такъ:

Хлѣбъ соль царскую ѣшь,
А правду матку рѣжь.

Надо полагать, что реформу эту И. Н. Скобелевъ находилъ неудобною; на эту докладную записку отвѣтъ получилъ такого рода:

Ѣшь пирогъ съ грибами,
А языкъ держи за зубами.

Гуляя съ нимъ однажды въ Лѣтнемъ саду, онъ говорилъ мнѣ, что жалѣетъ о прослуженныхъ имъ лишнихъ 10-ти лѣтъ.

Но въ отставкѣ онъ прожилъ непродолжительное время и поступилъ вновь на службу. Онъ получилъ назначеніе коменданта С.-Петербургской крѣпости и въ этой должности скончался.

Н. А. Энгельгардтъ.

---

[1]) Впослѣдствіи графъ, умершій въ 1819 году.

[2]) Случай этотъ разсказанъ лично мнѣ гр. Александрой Николаевной. Н. А. Э.

Война съ польскими мятежниками 1831 года

въ перепискѣ императора Николая I-го съ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ.

IX [1]).

Императоръ Николай—графу Дибичу.

С.-Петербургъ. 19-го января 1831 г.

(Переводъ съ франц.). Ваша эстафета, любезный другъ, сообщила намъ извѣстіе самое важное изъ всѣхъ тѣхъ, какія мы получали съ начала польскаго мятежа. Большое счастіе, что человѣкъ, на которомъ были сосредоточены всѣ упованія народа и который съ незапамятныхъ временъ пользовался его уваженіемъ, подалъ великій примѣръ возвращенія на путь долга и чести; этому примѣру вѣроятно не замедлятъ послѣдовать всѣ тѣ, въ которыхъ, какъ я надѣюсь, особенно въ войскѣ, не совсѣмъ заглохла совѣсть и честь. Примѣромъ этому можетъ служить, по моему мнѣнію, отказъ Вейсенгофа заступить его мѣсто. Поэтому на нашей обязанности лежитъ предупредить то, что можетъ случиться въ непродолжительномъ времени, и вслѣдствіе этого я считаю своею обязанностью дать вамъ слѣдующія указанія. Лишь только вы вступите въ Польшу, я вышлю вамъ отсюда ваше назначеніе генералъ-губернаторомъ губерній Плоцкой, Августовской, Подляхской, Мазовецкой, Люблинской, Сандомирской и Калишской, избѣгая такимъ образомъ называть Царство Польское и объявляя въ то же время эти губерніи на военномъ положеніи, согласно законамъ имперіи. Если бы возгорѣлась война, то этотъ порядокъ вещей былъ бы весьма естественнымъ послѣдствіемъ враждебныхъ дѣйствій; если всѣ покорятся, на что я еще не могу разсчитывать, то на вашу долю съ войскомъ выпадетъ военная окупація этихъ губерній и въ вашихъ рукахъ будетъ вся гражданская

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 93—122.

администрація страны; вамъ же я поручу все будущее преобразованіе ея, основанное на тѣхъ принципахъ, которые я изложилъ вамъ здѣсь. Покуда невозможно съ точностью опредѣлить всѣхъ подробностей. Если бы Хлопицкій добровольно сдался вамъ, то отправьте его немедленно ко мнѣ въ сопровожденіи Кутузова и относитесь къ нему съ величайшимъ уваженіемъ. Чѣмъ болѣе я объ этомъ думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что этотъ шагъ весьма важный и рѣшительный, ибо кого же они могутъ избрать себѣ въ предводители; мы знаемъ всѣхъ этихъ людей! Весьма вѣроятно, что дѣло дойдетъ до рѣзни и все это можетъ повести только къ разоренію Варшавы и всей страны, а у меня отниметъ всякую возможность быть милосернымъ; возможно также, что армія выйдетъ наконецъ изъ своей дремоты и сама расправится съ виновными, подвергнувъ ихъ наказанію или выдавъ ихъ намъ. Въ послѣднемъ случаѣ соберите старѣйшихъ польскихъ генераловъ и назначьте надъ ними судъ подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго изъ нихъ, представивъ мнѣ все дѣло съ вашимъ заключеніемъ. Это будетъ самый счастливый исходъ. Что же касается солдатъ, которые окажутся наиболѣе виновными, и мелкихъ негодяевъ, то препроводите ихъ въ Ригу, Динабургъ и Бобруйскъ; менѣе виновные будутъ помилованы по мѣрѣ возможности.

Мы ожидаемъ съ минуты на минуту Мортемара; меня беретъ нетерпѣніе и любопытство поскорѣе выслушать его, чтобы уяснить себѣ эту французскую политику. Извѣстія, получаемыя изъ Лондона, постояно улучшаются.

То, что вы сообщаете намъ о продовольствіи, весьма радуетъ меня, но я успокоюсь лишь тогда, когда узнаю дальнѣйшія мѣры, принятыя вами для веденія кампаніи. Вся гвардія выступила. Извѣстія, полученныя мною о холерѣ, благодаря Бога, хороши и она почти совсѣмъ прекратилась въ Москвѣ, вслѣдствіе чего мы будемъ имѣть въ своемъ распоряженіи резервные баталіоны 1-го корпуса и гренадерскаго полка.

У Михаила родилась 4-я дочь и великая княгиня совершенно здорова. Жена моя посылаетъ вамъ поклонъ. Кланяйтесь Толю, Розену, Палену, Нейтгардту; прощайте, любезный другъ, вашъ навсегда преданный Николай.

St. Petersbourg, le 19 Janvier 1831.

Votre estafette, mon cher ami, nous apporte la nouvelle la plus importante de toutes celles que nous ayons reçues depuis le commencement de la révolution de Pologne. Il est heureux que celui qui réunissait toutes les espérances de la nation et son estime de temps immémorial, ait

donné l'exemple le plus solennel d'un retour à l'honneur et au devoir; cet exemple ne peut pas ne pas être suivi pour celui de tous ceux, qui j'espère surtout dans l'armée n'ont pas entiérement repudié tout sentiment de conscience et d'honneur. Je crois en voir un exemple dans le refus de Weissenhof de lui succeder.—Il est de notre devoir de prévoir donc ce qui peut arriver sous peu, et par cet effet que je crois devoir vous donner des directions suivantes. Sitot que vous entrerez dans le pays, je vous enverrais d'ici la nomination de gouverneur général des gouvernements de Plotzk, Avgoustof, Podlachie, Masovie, Lublin, Sandomir et Kalisch, en évitant ainsi de nommer le Royaume de Pologne et en déclarant en même temps ces provinces sur pied de guerre d'après les lois de l'Empire. Si la guerre avait lieu, cet ordre de choses serait la conséquence toute naturelle des hostilités; si tout se soumet ce que je ne veux pas croire encore, vous vous trouverez occupant avec votre armée ces provinces militairement et revêtu de toute l'administration civile du pays; et c'est vous que je chargerais de toute la régénération future, basée sur les principes dont je vous ai fait part ici. Il est impossible encore d'en préciser les détails. Si Chlopitzky venait se rendre à vous, vous me l'enverrez de suite en lui donnant Koutousof pour l'accompagner et vous le traiterez avec les plus grands égards. Plus j'y pense et plus je trouve ce pas important et décisif; car qui peuvent-ils mettre à leur tête; nous connaissons tout ce monde! Il est probable que l'on s'entregorgera et le tout sans autre résultat que de ruiner Varsovie et le pays et de m'ôter tout moyen de clémence; ou ce qui est aussi possible, l'armée sortira enfin de son rêve et fera elle-même justice des coupables, soit en les punissant, soit en nous les livrant. Dans ce dernier cas, vous réunirez tous les plus anciens généraux Polonais et sous la présidence du plus ancien vous les ferez juger et me présenterez le tout avec votre opinion. C'est le cas le plus heureux. Quant aux soldats désignés comme les plus coupables et les petits scélérats vous les ferez transporter à Riga, Dunabourg et Bobrouysk et l'on fera grâce à qui possible.

Nous attendons Mortemart à tout moment, et je suis curieux et impatient de l'entendre, pour voir clair dans cette politique française. Les nouvelles de Londres deviennent toujours meilleures.

Ce que vous nous dites pour vos approvisionnements me fait grand plaisir; mais je ne serais tranquille que quand je connaitrais vos mesures futures pour la campagne. Toute la garde est partie. Mes nouvelles du choléra sont bonnes, grâce à Dieu, et il est presque fini à Moscou, ce qui rend disponible les bataillons de réserve du 1-r Corps et des Grenadiers.

Michel a eu une 4-e demoiselle et la grande Duchesse va fort bien. Ma femme vous dit mille choses. Mille choses à Toll, Rosen, Pahlen, Neithardt; adieu, cher ami, à Vous pour la vie. Votre affectionné N.

X.

Графъ Дибичъ—императору Николаю.

Гродно, 20 января 1831 г.

(Переводъ съ франц.). Всемилостивѣйшій государь! Я получилъ вчера чрезъ вашего новаго адъютанта Кутузова ваше августѣйшее письмо отъ 14-го числа и приношу вамъ мою искреннюю благодарность за присылку онаго, равно какъ и за Трубецкаго и за Ламсдорфа. В. в—во уже видѣли изъ моего предшествующаго письма въ какомъ весьма удовлетворительномъ состояніи я нашелъ три бригады перваго корпуса, которыя проходили здѣсь 15-го; я осмотрѣлъ съ 16-го числа 2-ю бригаду первой и 1-ю бригаду третьей дивизіи съ ихъ артиллеріею, 6 орудій № 1-го батареи 1-й бригады, и 10 орудій конной батареи № 2-го, (другія пушки находятся въ отрядѣ генерала Мандерштерна, который прибудетъ сегодня), и Клястицкій гусарскій полкъ. Всѣ они, равно какъ и войска, осмотрѣнныя 15-го числа, находятся въ наилучшемъ состояніи—бодры и преисполнены усердія и радости, не смотря на дурную погоду и на дурныя дороги. По бодрости и по выдержкѣ я отдаю первенство старому Ингерманландскому полку, и могу сравнить его съ первымъ егерскимъ полкомъ, который я осматривалъ 15-го числа.

Полкъ Клястицкій почти равенъ Ольвіопольскому полку во всѣхъ отношеніяхъ. Артиллерія сосредоточена въ массѣ, имѣетъ во главѣ конную батарею, которая можетъ сравниться съ батареею № 2 второй бригады; лошади конной батареи менѣе красивы, хотя можетъ быть болѣе выносливы, нежели лошади батареи № 1. 4-я и 3-я морскія команды, а за ними части новаго Ингерманландскаго полка почти могутъ сравниться съ Эстонскимъ полкомъ, но моряки стоятъ нѣсколько выше. Новый Ингерманландскій полкъ не такъ бодръ, какъ другіе; но вообще войско находится, какъ я уже сказалъ, въ положеніи весьма удовлетворительномъ во всѣхъ отношеніяхъ, и даже обозы, не смотря на длинный и трудный переходъ, всѣ въ хорошемъ состояніи, а многіе лучше, нежели мы привыкли видѣть ихъ на мѣстѣ.

Весьма дурная погода, своими вьюгами испортившая намъ всѣ пути, воспрепятствовала мнѣ видѣть гренадерскіе полки принца Виртембергскаго и Кіевскіе при ихъ вступленіи; я видѣлъ первый изъ

нихъ вчера при выступленіи его и полкъ принца Мекленбургскаго при вступленіи—оба превосходны во всѣхъ отношеніяхъ; но я отдаю преимущество полку принца Евгенія. Я увижу еще сегодня Кіевскій гренадерскій полкъ при его выступленіи и Екатеринославскій при его вступленіи до моего отъѣзда въ Соколку, гдѣ я проведу ночь, чтобы на другой день 21-го быть съ моею главною квартирою въ Бѣлостокѣ. Но еще лучше выдержки и бодрости въ гренадерскомъ корпусѣ то обстоятельство, что изъ всего корпуса, по послѣднимъ донесеніямъ, они оставили всего 80 больныхъ на пути до Риги и въ Вильно. Кіевскій полкъ оставилъ только двоихъ въ госпиталяхъ со времени своего выступленія до сей поры, не смотря на зимній походъ и весьма сильные морозы. Однимъ словомъ это войско можетъ назваться вполнѣ превосходнымъ и если я не влюбленъ въ него, то признаюсь, что я очень его люблю. Я также по совѣсти не могу признать себя виновнымъ предъ в. и. в. въ томъ, что я раздѣлилъ гренадерскій корпусъ—я былъ вынужденъ къ этому, какъ полагаю, уважительными причинами,—не будь ихъ, мои правила всегда запретили бы мнѣ разстроить единство частей. Гренадеры шли сначала по тѣмъ диспозиціямъ, которыя были даны до моего возвращенія изъ Берлина, тремя колоннами, съ коими всегда была 3-я дивизія; чтобы сосредоточить 3-ю дивизію лѣваго фланга, двинувъ ее въ общемъ направленіи и чтобы не оставить артиллерійскія батареи идти одиноко безъ прикрытія, что мнѣ казалось неблагоразумнымъ, не смотря на то, что я былъ внутренно убѣжденъ въ спокойномъ настроеніи Литвы, я долженъ былъ отдѣлить карабинерную бригаду отъ 3-й дивизіи, такъ какъ въ этой колоннѣ не было ни одной части 2-й дивизіи и я не могъ допустить, чтобы она теряла драгоцѣнное время въ ожиданіи своей артиллеріи.

Я также долженъ былъ оставить одну бригаду въ Вильнѣ, чтобы сохранить хотя двѣ дивизіи въ совокупности. Я долженъ былъ взять ее изъ 3-й. 5-я дивизія выступила изъ своихъ квартиръ (по приказаніямъ, которыя я отдалъ графу Палену, и по приказаніямъ в. в—ва двинуть ее немедленно, какъ только она будетъ въ состояніи это сдѣлать). Только въ половинѣ января, я уже спрашивалъ графа Палена о причинахъ этого замедленія—но прежде, нежели ея передовой отрядъ прибудетъ въ Вильно, я не могу оставить этотъ городъ безъ достаточнаго гарнизона.

По всѣмъ извѣстіямъ, какія мы имѣемъ, и по причинѣ наступательнаго движенія, по направленію къ Августову и Ломжѣ, я не могу считать колонну Шаховскаго отдѣленною отъ меня и она будетъ слѣдовать за главными силами эшелонами, столь необходимыми на

войнѣ, когда не совсѣмъ увѣренъ въ странѣ; эти эшелоны будутъ составлены въ Ломжѣ изъ двухъ бригадъ третьей дивизіи, вмѣстѣ, и изъ бригады 1-й дивизіи, слѣдующихъ одна за другой. Я вошелъ въ эти подробности, в. в., чтобы оправдаться, но осмѣливаюсь просить васъ вѣрить, что я могу сдѣлать ошибки въ расчетѣ; но никогда не отступлю отъ принциповъ, о которыхъ я докладывалъ столько разъ в. в., излагая вамъ мои военные взгляды.

По этимъ самымъ принципамъ, которые я излагалъ в. и. в. въ Петербургѣ, мое намѣреніе заключалось въ томъ, чтобы начать военныя дѣйствія лишь только 2-я гренадерская дивизія могла присоединиться ко мнѣ. Состояніе, въ которомъ я имѣлъ счастіе найти войска шестого корпуса, и извѣстія о силахъ, настроеніи и диспозиціяхъ мятежныхъ войскъ, еще болѣе утвердили меня въ моемъ первоначальномъ рѣшеніи и это движеніе сдѣлалось неизбѣжнымъ, если мы не хотимъ дать мятежникамъ время истощить послѣднія средства страны, которую мы должны пройти до Вислы, и организовать съ своей стороны, худо ли хорошо, часть тѣхъ несмѣтныхъ силъ, которыя они стараются выставить въ такомъ фантастическомъ свѣтѣ.

Пребываніе значительнаго числа нашихъ войскъ, сосредоточенныхъ, согласно требованіямъ благоразумія, противъ возможнаго нападенія съ ихъ стороны, истощило Бѣлостокскую губернію и болѣе продолжительное пребываніе истребило бы здѣсь послѣднія средства необходимыя для этаповъ. Если бы я дожидался прибытія 1-й и 3-й гренадерской дивизіи, заставивъ ихъ проходить черезъ Вильно или Меречь, то я могъ бы начать нападеніе только послѣ половины февраля. Эта потеря 20 дней, по меньшей мѣрѣ, можетъ имѣть, какъ мнѣ кажется, неисчислимыя послѣдствія какъ въ отношеніи военномъ, такъ и въ политическомъ. Къ тому же я не думаю, что можно находить безразсуднымъ походъ съ войскомъ, состоящимъ изъ 80 батальоновъ и 100 эскадроновъ въ полномъ составѣ и одушевленнымъ наилучшимъ духомъ, (не считая корпусовъ, отдѣленныхъ отъ лѣваго фланга и резерва праваго), противъ мнимой арміи, которая мѣняетъ начальника по фантазіи безтолковой толпы, имѣетъ 27 баталіоновъ и 36 эскадроновъ первобытнаго устройства и численность, которую хвастаются они увеличить 24 батальонами и 16 эскадронами и подкрѣпляя эти 51 батальонъ и 52 эскадрона 8 и 10,000 кракусами и мазурами, столь же воображаемыми и идеальными, разсѣянными притомъ по всему пространству Царства Польскаго, равно какъ пѣхотная милиція, вооруженная косами.

Я сдѣлалъ съ своей стороны все возможное съ Толемъ и Абакумовымъ, чтобы устроить наши дѣла по части продовольствія, по

крайней мѣрѣ до Вислы, и надѣюсь, что мы обойдемся безъ большихъ затрудненій; я, по примѣру славныхъ кампаній 1813 и 1814 годовъ, положилъ порцію въ 2 фунта хлѣба или 1¹/₄ фунтъ сухарей, давая ежедневно, между прочимъ, ¹/₂ ф. мяса. Это самый высокій тарифъ сравнительно съ другими европейскими арміями. Надѣюсь, что мы можемъ также давать по 2 гарнца овса изъ походныхъ фуръ, устроенныхъ изъ деревенскихъ телѣгъ (ибо тѣ, которыя идутъ къ намъ изъ первой арміи, не могутъ прибыть раньше марта мѣсяца). Третій гарнецъ овса будетъ взятъ въ странѣ, равно какъ и сѣно; я надѣюсь найти его въ достаточномъ количествѣ между Бугомъ и Наревомъ, но трудности увеличатся съ нашимъ приближеніемъ къ Варшавѣ; я надѣюсь однако выйти изъ затруднительнаго положенія, оставляя бо́льшую часть кавалеріи и артиллеріи, насколько это будетъ возможно, на квартирахъ позади пѣхоты.

Я приказалъ платить за мясо, за водку и за этотъ 3-й гарнецъ овса первыя двѣ недѣли нашего вступленія наличными деньгами. Такимъ образомъ мы будемъ дѣйствовать въ смыслѣ прокламацій, и вмѣстѣ съ тѣмъ расположимъ въ свою пользу общественное мнѣніе страны и обезпечимъ ея спокойствіе; мы видѣли какую пользу приносила подобная мѣра въ послѣднихъ кампаніяхъ въ Азіи и Румеліи.

Этимъ способомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ энергичными, но отнюдь не обременительными распоряженіями съ самаго вступленія въ Царство Польское и съ помощью резервовъ, которые я уже образовалъ и которые мы будемъ двигать по мѣрѣ необходимости, я надѣюсь поддержать провіантъ на необходимое время—отъ 2-хъ до 3-хъ мѣсяцевъ и даже однимъ или двумя мѣсяцами долѣе; но я не вижу никакихъ средствъ прокормить столь большую армію и особенно столько кавалеріи въ истощенной странѣ, если ей придется пребывать тамъ постоянно.

Я буду имѣть честь еще представить мои взгляды на усмотрѣніе в. в. послѣ того, какъ лучше вникну въ подробности и самъ увижу дѣйствительное состояніе Царства.

Его высочество великій князь цесаревичъ повидимому продолжаетъ быть довольнымъ моимъ образомъ дѣйствій и моими распоряженіями, которыя я предпринялъ для командованія резервомъ. Его высочество идетъ съ нами, также какъ и княгиня Ловичъ.

Я писалъ объ этомъ послѣднемъ пунктѣ его высочеству въ смыслѣ противномъ, основанномъ на истинной преданности, но его высочество, получивъ мое письмо съ величайшею благосклонностью, не почелъ должнымъ уступить моимъ резонамъ.

Толь, Паленъ и Горчаковъ, которыхъ я видѣлъ вчера, повер-

гаютъ къ стопамъ в. в. свое глубокое почитаніе. Я надѣюсь видѣть Розена завтра. Нейдгардтъ лежитъ больной своею обычною головною болью; надѣюсь, что это пройдетъ.

Обручевъ въ настоящей лихорадкѣ; Толь также простудился, что однако не мѣшаетъ ему работать. Господь да сохранитъ мое здоровье, чтобы окончить святое дѣло, которое в. в. удостоили мнѣ ввѣрить; я предаю себя въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, съ довѣренностью Его волѣ.

Благоволите, в. в., представить ея и. в. императрицѣ мою глубокую признательность за ея милостивую память и пр. И. Дибичъ-Забалканскій.

XI.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

Петербургъ, 22-го января 1831 г.

(Перев. съ франц.). Любезный другъ, письмо ваше отъ 16-го числа, дошло до меня третьяго дня вечеромъ. Вы легко поймете съ какимъ интересомъ прочиталъ я его; могу сказать вамъ по совѣсти, что вполнѣ одобряю всѣ ваши распоряженія, какъ предполагаемыя, такъ и исполненныя; да благословитъ ихъ Господь!

Я позволю себѣ сдѣлать только нѣсколько частныхъ замѣчаній. Мнѣ кажется, въ особенности имѣя въ виду начальника, что движеніе 3-го резервнаго корпуса нѣсколько рискованно; отчего не продолжить его до Нура по правому берегу Буга, чѣмъ оставлять рѣку между вами и этимъ кавалерійскимъ корпусомъ? Отчего не соединить гренадерскія бригады и дивизіи, не измѣняя ихъ первоначальнаго состава?

Вы хорошо сдѣлали, отправивъ резервный баталіонъ въ Августово; чтобы довершить устройство этого воеводства, я предлагаю вамъ отправить во внутреннія губерніи предсѣдателя Мостовскаго, оказавшагося бездѣльникомъ, и ввѣрить администрацію Воловичу. Вотъ вамъ назначеніе ваше генералъ-губернаторомъ всѣхъ 8-ми губерній, составляющихъ страну, въ которую вы вступаете; вы увидите, что въ немъ не упоминается о Царствѣ Польскомъ, дабы не связывать себѣ рукъ; я приказалъ приложить къ этому конверты съ адресами на имя предсѣдателей воеводскихъ коммисій (commissions Palatinales), для того, чтобы съ перваго же раза дать имъ надлежащее направленіе. Все то, что вы мнѣ говорите по поводу осмотрѣнныхъ вами войскъ, весьма радуетъ меня. Я надѣюсь, что вы останетесь также довольны гренадерами и что тѣ, и другіе съумѣютъ выказать себя такими же прекрасными и на полѣ битвы.

Назначеніе Радзивилла было довершеніемъ всѣхъ глупостей Но, не во гнѣвъ вамъ будь сказано, я нисколько объ этомъ не сожалѣю; постарайтесь проучить его въ открытомъ полѣ, но, признаюсь, что я не стою за сраженіе въ городскихъ стѣнахъ и что взятіе Варшавы приступомъ кажется мнѣ дѣйствіемъ неосторожнымъ. Гораздо лучше принудить ихъ покинуть городъ и тогда сразиться съ ними. Сраженіе въ городѣ всегда затруднительно; въ этомъ случаѣ вамъ придется имѣть противъ себя не только войско, но и все населеніе, которое станетъ сражаться волею или неволею, тогда какъ, наоборотъ, оставляя ихъ въ сторонѣ, вы охлаждаете ихъ пылъ, принуждаете войско погибнуть отъ голода или выйдти и дать себя разбить, и тогда городъ долженъ неминуемо пасть самъ собою и сдаться безусловно.

Мортемаръ еще сюда не прибылъ и я не знаю ничего новаго, это вамъ, наоборотъ, предстоитъ создать для насъ новости.

Рекомендую вамъ подателя этого письма—храбраго офицера, весьма любимаго Паскевичемъ. Я послалъ Сергѣя Строгонова для объѣзда прусской границы, чтобы удостовѣриться въ томъ много-ли дезертировъ.

Жена моя вамъ кланяется, а я посылаю мои благословенія вамъ и всѣмъ нашимъ. Вмѣстѣ съ вами, повторяю: «съ нами Богъ, разумѣйте языце и покоряйтеся».

Уповайте на Бога, будьте осторожны и тверды, къ этому прибавьте прощеніе для раскаивающихся и впередъ!

Кланяйтесь Толю, Нейдгардту, Палену и Розену.

Вашъ навсегда. Искренно преданный вамъ Н.

St. Petersbourg, le 22 Janvier 1831.

Mon cher ami, c'est avant hier soir que votre lettre du 16 m'est parvenue; vous comprendrez aisément avec quel interêt j'ai lu tout son contenu; je puis vous dire en toute vérité que j'approuve parfaitement toutes vos dispositions, tant prises que projetées, que Dieu veuille les benir!..

Je me permets seulement quelques observations en toute confiance. Il me parait, surtout vu le chef, que le mouvement du 3-e corps de reserve est un peu exposé: pourquoi ne pas le faire jusqu'à Nur par la droite du Boug, plutôt que de le laisser entre vous et ce corps de cavalerie? Pourquoi ne pas réunir les brigades de grenadiers et les divisions en les laissant dans leur composition primitive?

Vous avez très bien fait de faire passer un bataillon de reserve à Avgoustof; pour compléter l'organisation de ce palatinat je vous propose de renvoyer à l'intérieur le président Mostofsky, qui est un coquin et

de confier l'administration à Wolovitsch. Voici votre nomination comme gouverneur général des 8 gouvernements formant le pays dans lequel vous entrez; vous verrez qu'il n'y est pas fait mention de Royaume de Pologne, pour conserver les condées franches; j'y ai fait joindre des couverts à l'adresse des commissions Palatinales pour de suite leur donner des directions convenables. Tout ce que vous me dites des troupes que vous avez vues me rejouit le coeur. J'espère que vous serez aussi content des grenadiers et que les uns et les autres sauront être aussi beaux sur le champ de bataille.

La nomination de Radzivil est le complément de toutes les sottises. Mais, ne vous déplaise, je n'en suis nullement au regret, tachez de lui faire la leçon en rase campagne; mais j'avoue que je ne suis pas pour un combat de ville et que l'attaque de Varsovie me paraitrait imprudente; il vaut bien mieux les forcer à en sortir et de les battre ainsi. Un combat de ville est toujours difficile; et lá vous aurez outre la troupe toute la population à combattre, et qui le fera de gré ou de force; quant au contraire en les laissant de côté, vous détruisez leur exaltation, vous forcez la troupe ou à l'affamer, ou à sortir pour se faire battre, et alors la ville ne peut tarder à tomber d'elle même et à se livrer à discretion.

Mortemart n'est pas encore arrivé et je ne sais rien de nouveau; c'est au contraire vous qui créerez des nouvelles.

Je vous recommande le porteur de cette lettre, qui est un brave officier et fort aimé de Paskévitsch. J'ai envoyé Serge Strogonof longer la frontière prussienne pour s'assurer s'il y a beaucoup de déserteurs.

Ma femme vous dit mille choses, et moi je vous donne toutes mes bénédictions à vous et à tous les notres; comme vous le dites je répète avec vous: съ нами Богъ, разумѣйте языце и покоряйтеся.

Confiance en Dieu, prudence et persévérance; ajoutez y pardon aux repentants et впередъ.

Mille choses à Toll, Neidhardt, Pahlen et Rosen.

A vous pour la vie. Votre tendrement affectionné N.

XII.

Гр. Дибичъ—императору Николаю.

Бѣлостокъ, сего 24-го января 1831 г.

(Перев. съ франц). Всемилостивѣйшій Государь! Располагая отправиться еще сегодня въ Туросль по дорогѣ въ Суражъ и помолившись Всемогущему за успѣхъ дѣла, ввѣреннаго В. В—мъ храбрецамъ, командованіе которыми вамъ благоугодно было возложить на меня, я считаю долгомъ, Государь, написать В. В. отсюда, ибо

вслѣдствіе того, что войска вступаютъ отрядами, значительно отдаленными другъ отъ друга, и какъ я не думаю, чтобы мы въ скоромъ времени столкнулись съ непріятелемъ, то, вѣроятно, пройдетъ еще нѣсколько дней, послѣ нашего перехода, прежде, чѣмъ я буду въ состояніи сообщить сколько нибудь интересныя новости В. В—ву.

Сегодня и завтра, согласно диспозиціямъ, которыя я имѣлъ счастіе представить В. В—ву, вступимъ мы въ эту Польшу, такъ называемые представители которой только что вновь уничтожили самымъ гнуснымъ преступленіемъ послѣднее средство къ спасенію, причемъ рѣшительно невозможно представить себѣ, какую выгоду думаютъ они пріобрѣсти, отрекаясь окончательно отъ Государя, милосердіе котораго единственно составляетъ послѣдній лучъ надежды для спасенія ихъ несчастной родины.

Глубокое убѣжденіе въ преступности принциповъ, противъ которыхъ мы будемъ сражаться по повелѣнію В. В., усиливаетъ еще болѣе наше рвеніе идти на измѣнниковъ, увлекающихъ за собою толпу, проникнутую вслѣдствіе извращеннаго воспитанія ихъ злополучными доктринами. В. И. В. можете впрочемъ быть убѣждены, что ненавидя лишь принципы, а никакъ не отдѣльныхъ личностей, мои личныя чувства не окажутъ никакого вліянія на неуклонное исполненіе приказаній В. В. относительно милосердія, и что я буду слѣдить за этимъ со всею военною строгостью, не скрывая отъ себя всѣхъ затрудненій, въ особенности среди всякихъ трудностей и лишеній зимней кампаніи, въ томъ случаѣ, если-бы пріемъ, оказанный нашимъ войскамъ въ Польшѣ не соотвѣтствовалъ нашимъ ожиданіямъ. Позволяю льстить себя надеждой на противное, судя по всѣмъ извѣстіямъ, которыя мы имѣемъ, и тогда задача эта значительно облегчится.

Я еще менѣе опасаюсь вооруженнаго сопротивленія и не понимаю, какъ дерзаютъ эти несчастные измѣнники съ своими 27 баталіонами старинныхъ войскъ сравнивать себя съ побѣдоносной арміей, покорительницей Европы, которая уступила однако твердости и храбрости Вашихъ русскихъ солдатъ, Государь.

Я съ радостью вижу въ войскахъ, которыми командую, благодаря милости В. В., тотъ-же отличный духъ, который всегда восхищалъ меня въ нихъ, Государь. Да благословитъ Богъ наши старанія.

Я не могъ отвѣтить въ моемъ послѣднемъ письмѣ на вопросъ В. В. относительно графовъ Гурьева и Строгонова. Вопросъ этотъ показался мнѣ слишкомъ важнымъ для того, чтобы отвѣтить, не подвергнувъ его зрѣлому обсужденію, а между тѣмъ я долженъ былъ торопиться, чтобы отправить письмо до моего отъѣзда изъ Гродно. Я очень мало знаю графа Гурьева; я считаю его свѣтскимъ человѣкомъ, образованнымъ и не лишеннымъ способностей, но харак-

теръ его показался мнѣ мрачнымъ, нѣсколько подозрительнымъ и упрямымъ, вслѣдствіе чего дѣйствія его отличаются иногда нѣкоторою медленностью и желчностью, а я не думаю, чтобы эти два качества были полезны при настоящихъ обстоятельствахъ, когда нужно управлять энергично, и въ особенности безъ горячности и когда, по моему мнѣнію, не нужно пытаться создавать что-либо новое въ управленіи, ибо я полагаю, что тѣ мѣры, которыя В. В. пожелаете ввести для успокоенія и для блага страны, должны будутъ быть напередъ серьезно взвѣшены людьми, знающими Польшу также хорошо, какъ и Россію.

Въ ожиданіи этого временное управленіе для всѣхъ гражданскихъ дѣлъ, которое, естественно, должно будетъ подчиняться, въ продолженіе нѣкотораго времени военному начальнику въ странѣ, бывшей въ полномъ возстаніи, и слѣдующее твердому, но мягкому образу дѣйствій и въ особенности строго законному и безъ подзадориванія, должно-бы управлять страною и тогда вскорѣ будетъ видно, что есть непригоднаго въ административныхъ учрежденіяхъ и что въ нихъ хорошо. Судя по всему, что я слышалъ объ Энгелѣ, а полагаю, что это именно такой человѣкъ, который можетъ стать во главѣ подобнаго управленія, и я думаю также, что Александръ Строгоновъ будетъ для него усернымъ и полезнымъ помощникомъ, въ особенности, если онъ знаетъ немного законы страны, что мнѣ неизвѣстно. Въ противномъ случаѣ, къ нимъ нужно будетъ присоединить третьяго, который-бы обладалъ этими познаніями. Мнѣ кажется, что во многихъ отношеніяхъ было бы полезно присоединить къ нимъ четвертаго,—уроженца страны и хорошо ее знающаго, потому что для прочнаго соединенія обѣихъ странъ необходимо, чтобы были соблюдены ихъ взаимные интересы и чтобы мѣстный интересъ уступалъ только интересу общегосударственному. Чѣмъ скорѣе можетъ прибыть г. Энгель, тѣмъ лучше.

Глубокіе снѣга, которые покрываютъ всѣ пути и дѣлаютъ ихъ трудно проходимыми, заставили меня принять мѣры, сдѣлавшіяся необходимостью до оттепели. Я долженъ былъ оставить здѣсь пушки и зарядные ящики 3-хъ дивизій 12 орудійныхъ батарей, чтобы усилить упряжь остальныхъ орудій и дать имъ возможность двигаться съ быстротою по полямъ, покрытымъ снѣгомъ, и по совершенно испорченнымъ дорогамъ. Я оставлю все таки при главныхъ силахъ около 200 орудій и какъ только наступитъ оттепель, то остальныя орудія присоединятся къ намъ. Тоже самое мы были вынуждены сдѣлать по причинѣ грязи въ январѣ 1814 г., въ битвѣ при Бріеннѣ, и даже еще хуже, такъ какъ оставляли цѣлыя батареи безъ лошадей, чтобы помочь остальнымъ, и это весьма содѣйствовало успѣху битвы.

Его Выс—тво великій князь прибылъ сюда. Гвардія совершила трудный переходъ и потому отдохнетъ завтра здѣсь.

Утверждаютъ, будто непріятель предпринимаетъ движенія влѣво. Это было бы самое выгодное для насъ, но я не могу еще этому вѣрить.

Благоволите, Всемилостивѣйшій Государь, повергнуть къ стопамъ Ея В. Императрицы мои вѣрноподданническія чувства и пр.

Толь, Розенъ, Паленъ и Нейтгардтъ повергаютъ себя къ стопамъ В. И. В.

XIII.

Императоръ Николай — графу Дибичу.

Петербургъ, 27-го января 1831 г.

(Перев. съ франц.). Третьяго дня, вечеромъ, любезный другъ, дошло до меня ваше письмо отъ 20-го числа, за которое васъ очень благодарю. Я вполнѣ доволенъ сообщаемыми вами хорошими извѣстіями о прекрасномъ состояніи тѣхъ войскъ, которыя вы видѣли. Жду съ большимъ нетерпѣніемъ извѣстій о первомъ результатѣ вашего вступленія въ непріятельскую страну. Послѣднія извѣстія изъ Варшавы, ограничивающіяся 16-го (28) января, не оставляютъ ни малѣйшаго луча надежды на то, чтобы они возвратились къ благоразумію, и даже не думаю, чтобы можно было положиться на росказни о яко бы хорошемъ настроеніи войскъ. Я думаю, что придется драться, а можетъ быть, вы это уже и сдѣлали. Ваши мѣры по отношенію къ продовольствію кажутся мнѣ очень хорошими, но очень жаль, что нельзя ни въ чемъ разсчитывать на средства страны.

Мы только что узнали о томъ, что австрійскій императоръ послалъ къ вамъ Кабаго (Cabago) съ тѣмъ, чтобы онъ находился при васъ яко бы для поддержанія сношеній съ австрійской обсерваціонной арміей; признаюсь, что присутствіе этихъ иностранныхъ офицеровъ, особенно въ нашей странѣ, не въ моемъ вкусѣ, поэтому можете постараться держать его въ отдаленіи подъ какимъ нибудь предлогомъ.

Мортемаръ прибылъ сегодня вечеромъ и мнѣ любопытно знать, что онъ можетъ сказать мнѣ, такъ какъ послѣднія извѣстія изъ Парижа нисколько не успокоиваютъ касательно возможности правительству противодѣйствовать той партіи, которая вовлекаетъ его въ войну, какъ мы это съ вами отлично предвидѣли, подъ предлогомъ возвращенія границъ, отнятыхъ въ 1815 г.

Вотъ почему было бы весьма желательно, чтобы наше дѣло, съ Божьей помощью, было какъ можно скорѣе окончено и съ наивозможно меньшими потерями, дабы быть готовыми ко всякой случайности.

Здѣсь все идетъ хорошо и мы приступимъ къ новому рекрут-

скому набору, который становится еще необходимѣе съ тѣхъ поръ, какъ намъ стали извѣстны заднія мысли Франціи.

Англія, вѣроятно, энергично, выскажется противъ этого, какъ только ей будетъ возможно, такъ какъ ея собственныя дѣла въ Ирландіи, хотя идутъ лучше, но далеко еще не въ хорошемъ положеніи. Да поможетъ Господь вамъ и вашимъ храбрецамъ. Прощайте, любезный другъ, вашъ навсегда. Искренно преданный Н.

Кланяйтесь всѣмъ нашимъ.

Я весьма сожалѣю о томъ, что мой братъ имѣетъ при себѣ свою жену, но пусть это ни въ чемъ не измѣнитъ вашего образа дѣйствія, такъ какъ онъ цѣнитъ его и очень вамъ за него благодаренъ. Жена моя вамъ кланяется.

Я очень рекомендую вамъ подателя, который пишетъ превосходно и можетъ сдѣлаться вторымъ Чевкинымъ.

St.-Petersbourg, le 27 janvier 1831.

Avant hier soir, mon cher ami, m'est parvenue votre lettre du 20, pour laquelle je vous remercie. Je suis parfaitement satisfait des bonnes nouvelles que vous me donnez sur le bon état des troupes que vous avez vues. J'attends avec grande impatience des nouvelles du premier résultat de votre entrée dans le pays ennemi. Les dernières nouvelles de Varsovie, qui vont ici jusqu'au 16 (28) janvier ne donnent aucune lueur d'espoir de les voir revenir à des idées raisonnables, et je ne crois pas même que l'on puisse se fier à ce que l'on débite sur les soit disantes bonnes dispositions des troupes; je crois qu'il faudra se battre et peut être l'aurez vous déjà fait.—Vos mesures pour l'approvisionnement me paraissent fort bonnes; mais il est malheureux de ce que l'on ne puisse en rien compter sur les ressources du pays même.

Nous venons d'apprendre que l'Empereur d'Autriche vous a envoyé Cabago pour rester près de vous, soit disant pour maintenir les communications avec l'armée d'observation Autrichienne; j'avoue que ce n'est pas de mon goût d'avoir de ces officiers étrangers, et surtout dans notre propre pays; vous pouvez donc tacher de le tenir éloigné sous quelque prétexte.

Mortemart est arrivé ce soir et je suis curieux de savoir ce qu'il pourra me dire, car les dernières nouvelles de Paris ne sont nullement rassurantes, quant à la possibilité au gouvernement de résister au parti qui le pousse fortement à la guerre, comme nous l'avons fort bien prévu avec vous, soit disant pour reconquérir les frontières perdues en 1815.

Voilà pourquoi il serait fortement à désirer que notre affaire, avec l'aide de Dieu, puisse être fini au plutôt et avec le moins de pertes possibles, pour être prêts pour tout évènement.

Tout va bien ici, et nous allons procéder à un nouveau recrutement encore plus indispensable depuis que nous connaissons les arrières pensées de la France.

L'Angleterre se prononcera probablement très fort contre, sitôt qu'elle le pourra, car ses propres affaires d'Irlande, quoique meilleures, sont encore bien loin d'être bonnes.

Que Dieu vous soit en aide à vous et à vos braves. Adieu, mon cher ami, à vous pour la vie. Votre sincèrement affectionné. N.

Mille choses à tous les notres. Je déplore beaucoup que mon frère ait sa femme avec lui; mais que cela ne change en rien votre conduite, car il l'aprécie et vous en est bien reconnaissant. Ma femme vous dit mille choses.

Je vous recommande beaucoup le porteur qui écrit parfaitement et peut devenir un second Чевкинъ.

XIV.

Гр. Дибичъ—императору Николаю.

28-го января 1831 года.

(Переводъ съ франц.). В. и. в. усмотрите изъ моего оффиціальнаго донесенія, что мы вступили въ Царство Польское и продолжаемъ подвигаться, до сихъ поръ не встрѣтивъ сопротивленія и при самыхъ лучшихъ предзнаменованіяхъ. Благодаря Бога, мы вездѣ находили жителей на мѣстахъ и они насъ принимали не только какъ друзей, но и какъ освободителей отъ ужаснаго ига и отъ невыносимыхъ налоговъ, которыми обременило ихъ революціонное правительство.

Полное отсутствіе регулярныхъ войскъ, и даже всякихъ наблюдательныхъ постовъ, на столь обширномъ пространствѣ и въ присутствіи нашихъ сосредоточенныхъ силъ, показываетъ повидимому большое ничтожество оборонительныхъ мѣръ правительства, которое осмѣлилось принять на себя веденіе преступнаго возстанія, поддерживаемаго, къ несчастію, большинствомъ такъ называемаго дворянства, а равно и духовенствомъ, съ тѣмъ безсмысленнымъ фанатизмомъ, который отличаетъ сарматовъ отъ сѣверныхъ славянъ и который, мнѣ кажется, есть слѣдствіе полуреспубликанско-аристократическаго воспитанія и происковъ того пола, который въ этой несчастной странѣ отличается съ давнихъ временъ болѣе своею безнравственностью и склонностью къ политическимъ интригамъ, нежели наружною красотою, и который притомъ руководится невѣжественнымъ, непослѣдовательнымъ и еще болѣе безнравственнымъ духовенствомъ.

Я получилъ письмо в. и. в—ва черезъ князя Трубецкаго въ

то самое время, когда я готовился перейти границы. В. в. уже вид
дѣли изъ предшествующихъ депешъ, что надежды, порожденныя воз
вратомъ генерала Хлопицкаго на путь чести, къ несчастью, уни
чтожены побѣдою демагогической партіи, руководимой съ такою дер
зостью членомъ верховнаго совѣта имперіи (кн. Чарторижскимъ)
Разстройство, которое это несчастное правительство внесетъ во всѣ
отрасли управленія, сдѣлаетъ весьма трудными обязанности будущаго
правительства послѣ возстановленія законнаго порядка.

Только одна твердость, одна строгая справедливость въ поддер
жаніи порядка и законовъ, къ которымъ привыкли, могутъ обезпечить
успѣхъ въ этомъ дѣлѣ и возвратить не безъ великихъ трудностей
эту несчастную страну на степень того благосостоянія, которое она
къ несчастью, утратила. В. и. в. въ томъ, что вы мнѣ удостоили
сказать въ С.-Петербургѣ, выразили свое августѣйшее намѣреніе
оставить этой странѣ ея административныя учрежденія и ея законы
даже въ томъ случаѣ, если бы вы увидѣли себя вынужденнымъ упря-
ствомъ мятежниковъ отнять у нихъ конституцію и включить Польшу
въ составъ имперіи. Я думаю также, что всякая рѣзкая перемѣна
въ законахъ и административныхъ обычаяхъ страны увеличила бы
еще болѣе безпорядокъ и нисколько не уменьшила бы ни затруд-
неній правительства, ни бѣдствій низшихъ классовъ, ни въ чемъ не
повинныхъ и даже большею частью весьма вѣрныхъ. Такъ какъ по
повелѣнію в. в. нынѣ съ успѣхомъ идутъ работы по составленію
прочныхъ законовъ для имперіи, то я думаю, было бы хорошо по-
дождать окончанія этихъ работъ для установленія единообразія, ко-
торое, какъ я говорилъ, въ настоящее время кажется мнѣ болѣе вред-
нымъ, нежели полезнымъ.

Въ случаѣ, если в. и. в. не повелѣли еще обнародовать о новыхъ
обязанностяхъ, которыя вы возлагаете на меня и въ коихъ я вижу
новое и блистательное доказательство вашего августѣйшаго довѣрія,
которое я постараюсь заслужить всѣми силами при самомъ искрен-
немъ усердіи приложить ихъ къ тѣмъ способностямъ, которыхъ я
не нахожу въ себѣ для выполненія столь важной задачи, то я осмѣ-
лился бы представить в. в. мое нижайшее мнѣніе, по которому перво-
начальное предположеніе в. в. учредить родъ верховнаго временнаго
правительства кажется мнѣ болѣе полезнымъ, если в. в. продолжите
военныя права главнокомандующаго въ странѣ, только что вышедшей
изъ мятежа; даже послѣ счастливаго окончанія враждебныхъ дѣй-
ствій, это правительство находилось бы черезъ то подъ моимъ выс-
шимъ управленіемъ. Находясь подъ предсѣдательствомъ такого чело-
вѣка, какъ г. Енгель, и трехъ или четырехъ членовъ, свѣдущихъ
въ дѣлахъ, управленіе это замѣнило бы министерство и административ-

ый совѣтъ (conseil d'administration), гражданскіе совѣтники различ-
ыхъ департаментовъ относились бы по дѣламъ прямо въ это управленіе,
очно также какъ и губернаторы воеводствъ. Въ видѣ постояннаго
онтроля и въ качествѣ начальниковъ полиціи, я учредилъ бы воен-
ыхъ губернаторовъ для двухъ воеводствъ вмѣстѣ и имъ подчинилъ
ы въ каждомъ воеводствѣ штабъ-офицеровъ въ родѣ прокуроровъ
ъ ихъ стороны. Такимъ образомъ, дѣйствуя съ твердостью, можно
ыло бы, надѣюсь, съ Божьей помощью, привести дѣла въ порядокъ
о желанію в. в—ва. Совѣты подобнаго правленія, разъясняемые къ
ому же донесеніями военныхъ губернаторовъ, руководили бы мною
ъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ я по моему, чисто военному, воспитанію ока-
ался бы не довольно свѣдущимъ; съ этой помощью и съ общими
онятіями о различныхъ отрасляхъ управленія, которыми я обязанъ
вгустѣйшему довѣрію покойнаго императора и особенно вашему,
осударь, я надѣюсь, что, съ благословеніемъ Божьимъ, я буду въ
остояніи направить по вашимъ приказаніямъ хорошо задуманныя
ысли и дѣла, которыя в. в. на меня возложите, но я осмѣливаюсь
овторить, что не считаю себя способнымъ создать ихъ и органи-
овать самъ. Поэтому въ случаѣ, если в. в. уже приказали или при-
ажете назначить меня генералъ-губернаторомъ, то я во всякомъ
лучаѣ долженъ былъ бы просить васъ дать мнѣ административный
овѣтъ въ выше упомянутомъ смыслѣ; чѣмъ болѣе онъ будетъ со-
тавленъ изъ людей заслуженныхъ и извѣстной опытности, тѣмъ
учшее вліяніе онъ будетъ имѣть на будущую судьбу страны, которая
ще разъ должна возродиться въ царствованіе в. величества.

Еще было бы весьма полезно, чтобы около меня находился чело-
ѣкъ въ значительномъ чинѣ и полякъ по происхожденію, извѣстный
воею нравственностью и по крайней мѣрѣ не давшій доказательствъ
евѣрности, чтобы имѣть возможность лучше взвѣсить жалобы, которыя
е замедлятъ возникнуть противъ новаго порядка вещей и изъ кото-
ыхъ законнымъ нужно будетъ воздавать справедливость, а несправе-
дливыя, сколько возможно, укрощать силою.

Выборъ такого человѣка будетъ имѣть большую важность, потому
то занятія, сопряженныя съ моимъ военнымъ постомъ и съ дѣлами
о гражданской администраціи, а равно заботы о возрожденіи страны,
оглотятъ все мое время; я весьма счастливъ, что могу посвятить его
ъ услугамъ вашимъ, государь, но я желаю столь же горячо, что
ы это было сдѣлано вполнѣ сообразно съ великодушными видами,
оторые, какъ я имѣлъ счастіе узнать, вы питаете касательно управ-
енія и блага вашихъ народовъ.

Учрежденіе регентства или, по крайней мѣрѣ, совѣта съ такимъ
аслуженнымъ предсѣдателемъ, каковъ г. Енгель, становится еще

болѣе необходимымъ, если мы должны ожидать европейской войны; ибо въ такомъ случаѣ, если арміи придется оставить Царство Польское, чтобы сразиться съ вашими врагами, то я надѣюсь, что в. в. не предоставите мнѣ командованіе резервною арміею, начальникъ которой сдѣлался бы, въ такомъ случаѣ, и руководителемъ этого комитета, если бы в. в. признали это необходимымъ и не предпочли бы предоставить управленіе предсѣдателю этого же совѣта.

Для благосостоянія страны нужно бы также поставить на мѣсто губернаторовъ воеводствъ людей испытанныхъ, и если в. в., какъ я вполнѣ убѣжденъ, желаете придать имъ характеръ русскаго управленія, то для этого также нужны люди, которые съ привязанностью къ монарху и къ Россіи соединяли бы извѣстную возвышенность характера, умѣряющую самолюбіе; мнѣ трудно было бы сдѣлать ихъ выборъ, но я считаю возможнымъ назвать Аверина (губернатора Волыни), Бибикова (губернатора Нижняго Новгорода), Ганскау (губернатора Курска), Каховскаго (губернатора Харькова), Пейкера (директора департамента министерства внутреннихъ дѣлъ), Ребиндера (находящагося въ отставкѣ, бывшаго вице-директора инспекторскаго департамента); мнѣ кажется, что и егермейстеръ Пашковъ былъ бы полезенъ на подобномъ постѣ; не говорю объ объ Александрѣ Строгоновѣ, такъ какъ полагаю, что в. в. назначите его въ совѣтъ или въ административное правленіе. Въ противномъ случаѣ онъ былъ бы очень подходящимъ лицемъ, какъ военный губернаторъ для двухъ воеводствъ.

На этотъ послѣдній постъ я постараюсь отыскать въ арміи и другихъ кандидатовъ. Я думаю, что генералы Фрикенъ и Мандерштернъ будутъ превосходны. Я послалъ генерала Петерсона въ Бѣлостокъ; онъ скоро покажетъ способенъ ли онъ къ дѣлу. Слѣдуетъ также имѣть въ виду генерала Вельяминова, начальника главнаго штаба 6-го корпуса; его могъ бы замѣнить въ его настоящей должности Денъ, который занимаетъ въ открывшуюся кампанію мѣсто слишкомъ ничтожное по его способностямъ, или Насакинъ— оба они еще весьма способны занимать административныя должности.

Такъ какъ страна не лишена средствъ къ существованію, то я надѣюсь найти фуражъ и продовольствіе съ помощью реквизиціи и покупкою съѣстныхъ припасовъ самимъ войскомъ по опредѣленнымъ цѣнамъ, снабжая постоянно резервы, взятые нами съ собою, которые даютъ намъ почти на 20 дней продовольствія и на 10 овса и пополняютъ магазины, которые мы устраиваемъ въ странѣ или могли бы забрать у непріятеля, какъ это случалось у Августова и Ломжи (гдѣ мы нашли нѣсколько тысячъ четвертей разнаго зернового хлѣба) посредствомъ резервныхъ транспортовъ, которые я уже собралъ въ

Россіи и которые я перевезу на подводахъ до прибытія походнаго магазина, который, я боюсь, не присоединится къ намъ ранѣе марта мѣсяца, но и тогда будетъ намъ весьма полезенъ до открытія водяныхъ сообщеній. Тогда я воспользуюсь Бугомъ, Августовскимъ и Каналомъ, чтобы подвезти вторые резервы, а затѣмъ трава дастъ намъ еще средства транспорта и фуража. Пока я не пренебрегаю ничѣмъ, чтобы приготовить всевозможные запасы до слѣдующей жатвы; в. в. увидите изъ приложенной записки общія распоряженія; теперь невозможно предвидѣть, какими мелкими средствами придется дополнить ихъ, но можно быть увѣреннымъ въ томъ, что въ этихъ средствахъ не будетъ недостатка. Я по обязанности обращалъ всегда особенное вниманіе на эту важную часть, такъ какъ, къ несчастію, она составляетъ основаніе всѣхъ военныхъ соображеній.

Я имѣю въ Абакумовѣ опытнаго помощника, боюсь только, чтобы онъ не изнемогъ подъ бременемъ трудовъ, такъ какъ онъ не имѣетъ себѣ помощника. Скрибицкій заболѣлъ; впрочемъ это небольшая потеря, судя по тому, насколько я его знаю.

Авангардъ Палена занялъ вчера Ломжу; извѣстія, которыя онъ мнѣ сообщаетъ и тѣ, которыя я получилъ отъ Витте и Розена, доказываютъ, что непріятель сосредоточивается между Сѣдльцомъ, Венгровомъ, Жадовомъ, Сероцкомъ и Калушинымъ, и между Бугомъ и Вислою. Это самая благоразумная мѣра съ его стороны. Говорятъ будто Хлопицкій вернулся въ армію; это было бы досадно во всѣхъ отношеніяхъ, но не могло бы исправить разъ сдѣланныя ошибки. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я получилъ сегодня самолично и такъ какъ мои войска эти дни отдыхали, я пойду завтра и послѣ завтра на Брокъ и Нуръ и перейду Бугъ 31-го, чтобы подойти концентрически къ Венгрову, если непріятель удержитъ свои позиціи, или, что было бы еще выгоднѣе, пойдетъ къ намъ на встрѣчу. На сколько мы о немъ знаемъ и по собственнымъ отзывамъ горделивыхъ польскихъ газетъ всѣ силы ихъ состоятъ изъ 41 баталіона съ 72 орудіями регулярной пѣхоты, 54 эскадроновъ съ 24 орудіями конной артиллеріи; къ этому можно еще прибавить 4,000 кракусовъ и 24 плохо запряженныя орудія. Я направлю противъ нихъ 78 баталіоновъ въ 8,000 человѣкъ и, кромѣ того, 100 эскадроновъ и 206 орудій, запряженныхъ парой добавочныхъ лошадей, и надѣюсь, что, съ Божьей помощью, мы имъ докажемъ, что вѣрные дерутся успѣшнѣе, нежели измѣнники. Я бы охотнѣе пошелъ къ Вышкову и прямо бы направился къ Прагѣ, но дорога между Ливицей, Бугомъ и Вислой настолько испорчена, что кавалерія и артиллерія не могли бы тамъ быть употреблены въ дѣло; рѣшительный недостатокъ этого пути составляетъ отсутствіе поперечныхъ дорогъ, чтобы достигнуть до шоссе—даже до Біаги.

Толь чувствуетъ себя лучше, но кашель не оставляетъ его; это не препятствуетъ ему однако исполнять все съ тѣмъ же усердіемъ, которымъ онъ отличается; онъ, Паленъ и Розенъ повергаютъ къ стопамъ вашимъ, государь, свою глубокую признательность за вашу милостивую память о нихъ. Послѣдній исполняетъ въ настоящее время съ удивительнымъ усердіемъ возложенныя на него двойныя обязанности своего собственнаго поста и поста Обручева; Обручевъ, который долженъ былъ остаться въ Бѣлостокѣ, чувствуетъ себя лучше и возвращается къ намъ. Вообще я очень доволенъ моими помощниками и превосходнѣйшими войсками, которыхъ в. в. соблаговолили мнѣ довѣрить. Дисциплина ихъ изумительна; до сихъ поръ я не получалъ еще ни одной жалобы. Женщины и дѣти первыя встрѣчаютъ насъ въ деревняхъ; свиньи, гуси, куры спокойно расхаживаютъ тамъ среди казаковъ и даже между обозами; одни только жиды нарушаютъ подъ-часъ строгій порядокъ, продавая иногда тайно и, кажется, довольно дорого, стаканъ водки. Первые два дня я шелъ съ 6-мъ корпусомъ, настроеніе котораго превосходно,—и во главѣ Самогитскихъ гренадеръ перешелъ мостъ, по которому офицеры-измѣнники пустились въ бѣгство. Мнѣ кажется, что его высочество остался доволенъ моимъ образомъ дѣйствій и принялъ меня въ Бѣлостокѣ съ величайшей благосклонностью, равно какъ и княгиня Ловичъ, которая тамъ и осталась.

Благоволите, всемилостивѣйшій государь, повергнуть къ стопамъ ея и. в. мою глубокую признательность и пр. И. Дибичъ-Забалканскій.

Рукою императора Николая Павловича написано на письмѣ карандашемъ: «Dieu soit béni», („Да благословитъ Богъ“).

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

Приказъ по военно-учебнымъ заведеніямъ.

Въ С.-Петербургѣ, января 28-го дня 1857 г., № 2,359.

Вчера, у развода, объявилъ я г. директору Павловскаго кадетскаго корпуса, генералъ-лейтенанту Мейнандеру, строгій выговоръ.

Послѣдствія показали, что выговоръ этотъ былъ совершенно незаслуженный.

Виноватъ не генералъ-лейтенантъ Мейнандеръ, а я.

Отъ всего сердца прошу прощенія у сего достойнаго генерала и всегда глубоко мною уважаемаго—моего сотрудника.

Начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества по военно-учебнымъ заведеніямъ, генералъ-адъютантъ Ростовцевъ.

Помощникъ начальника главнаго штаба, генералъ-адъютантъ Путята.

СУДЕБНЫЙ ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ОСТЗЕЙСКАГО КРАЯ.

Дѣло наслѣдниковъ мѣщанина Ѳедосѣева

1849 — 1883 гг.

Дѣло это, начатое въ 1849 г. и, если не ошибаемся, нерѣшенное и по сю пору, въ юридическомъ отношеніи представляетъ мало интереса, но оно любопытно какъ образчикъ тѣхъ сложныхъ судебныхъ порядковъ, той вопіющей волокиты, которыми отличаются восхваляемыя остзейцами судебныя учрежденія трехъ прибалтійскихъ губерній. Не знаешь чему болѣе удивляться въ этомъ 34-хъ-лѣтнемъ процессѣ: недѣятельности ли низшихъ, или равнодушію и потачкѣ высшихъ судебныхъ инстанцій. Во всякомъ случаѣ онъ свидѣтельствуетъ о неотложности судебной реформы въ Остзейскомъ краѣ.

Въ краткихъ словахъ сущность этого незамысловатаго дѣла заключается въ слѣдующемъ: Г-жа Доливо-Добровольская, владѣлица острова Далена, близъ Риги, подарила въ 1835 г. мѣщанину Ивану Ѳедосѣеву въ потомственное владѣніе небольшой участокъ земли и на немъ жилое строеніе. Съ тѣхъ поръ прошло 48 лѣтъ, но наслѣдники Ѳедосѣева, сперва его вдова, а затѣмъ дочь, тщетно хлопотали объ утвержденіи ихъ правъ на этотъ участокъ.

Формальная сторона производства этого нескончаемаго процесса представляется въ слѣдующемъ видѣ:

25-го ноября 1849 года, губернское правленіе предписало приходскому суду разрѣшить дѣло по жалобѣ мѣщанки Федосіи Ѳедосѣевой на Даленское мызное правленіе, (помѣщикъ г. Реннегартенъ), препятствующее ей пользоваться участкомъ земли, подареннымъ въ 1835 г. бывшей владѣлицей Даленъ—Доливо-Добровольской, въ потомственное владѣніе мужу просительницы, Ивану Ѳедосѣеву. На это мызное правленіе, вызванное въ судъ, возражало, что документъ, на

которомъ Ѳедосія Ѳедосѣева основываетъ свои права, не соотвѣтствуетъ требуемымъ закономъ формамъ (не на гербовой бумагѣ и домашній) и что при покупкѣ отвѣтчикомъ имѣнія Даленъ, когда вызывались публикаціею всѣ, имѣющіе на это имѣніе права, Ѳедосѣевъ своихъ правъ не предъявлялъ. 3-го ноября 1850 г. приходскій судъ въ искѣ Ѳедосіи Ѳедосѣевой отказалъ. 5-го декабря уѣздный судъ отмѣнилъ это рѣшеніе по той причинѣ, что истица явилась на судъ безъ ассистента, и предписалъ приходскому суду разрѣшить дѣло вновь. Послѣдній подтвердилъ свое прежнее рѣшеніе, а 5 мая 1851 г. и уѣздный судъ отказалъ просительницѣ въ искѣ. Въ отдѣл. гофгерихта это послѣднее рѣшеніе было кассировано и поручено уѣздному суду собрать дополнительныя свѣдѣнія, что уѣздный возложилъ съ своей стороны на приходскій судъ, который вновь 4 декабря 1852 г. въ искѣ Ѳедосѣевой отказалъ. Между тѣмъ въ приходскомъ судѣ возникло дѣло о признаніи за дочерью умершей тѣмъ временемъ Ѳедосьи Ивановой, Анной Ивановой Ѳедосѣевой, правъ на наслѣдство и продолжалось оно до 10 мая 1856 г., когда Анна Ѳедосѣева признана была уѣзднымъ судомъ единственною наслѣдницею къ имуществу, оставшемуся послѣ ея матери. Рядомъ съ этимъ, 28 янв. 1857 г., уѣздный судъ разрѣшилъ и перешедшій къ Аннѣ Ѳедосѣевой искъ къ Даленскому владѣльцу, отказомъ въ ея притязаніяхъ и признаніемъ спорнаго участка земли собственностію г. Ренегартена. Вслѣдствіе этого рѣшенія, 30 октября 1857 г., вещи Ѳедосѣевой были приходскимъ судомъ, въ ея отсутствіе, выброшены изъ дома ея отца (по случаю уклоненія Ѳедосѣевой—какъ доносилъ приходскій судъ гофгерихту — отъ явки для выслушанія рѣшенія уѣзднаго суда). 5 ноября 1858 г. истица обратилась съ жалобою на это въ гофгерихтъ, который предписалъ того же числа уѣздному суду не безпокоить Ѳедосѣеву въ ея владѣніи, а 9 марта 1860 г., разрѣшивъ дѣло, отмѣнилъ постановленіе низшей инстанціи отъ 28 января 1857 г. и поручилъ уѣздному суду разсмотрѣть дѣло вновь. Впослѣдствіи гофгерихтъ препроводилъ въ уѣздный судъ подписку, данную въ присутствіи гофгерихта бывшею владѣлицею о. Даленъ—Доливо-Добровольскою, удостовѣрявшею, что она отдала въ 1835 г. мѣщанину Ивану Ѳедосѣеву участокъ земли на островѣ Даленъ съ находящимися на немъ постройками съ тѣмъ, чтобы Ѳедосѣевъ и его наслѣдники не имѣли права продавать этотъ участокъ. На этой подпискѣ новый владѣлецъ о. Даленъ—Левисъ ф. Менаръ, собственноручно написалъ: «принимаю вышеизложенное на себя и свое потомство». Въ 1861 г. Ѳедосѣева обратилась въ гофгерихтъ съ жалобою на медленность производства ея дѣла въ уѣздномъ судѣ, ко-

торый на запросъ гофгерихта донесъ, что для разрѣшенія дѣла необходимъ допросъ, въ качествѣ свидѣтельницы, госпожи Доливо-Добровольской, которая однако не можетъ быть вызвана потому, что проживаетъ временно заграницей. Въ 1863 г. повторились: подтвержденіе гофгерихта и тотъ же отвѣтъ уѣзднаго суда. 6 марта 1864 г., вслѣдствіе жалобы Ѳедосѣевой, генералъ-губернаторъ потребовалъ свѣдѣнія о положеніи дѣла и, разсмотрѣвъ донесеніе гофгерихта, 22 мая 1864 г., предписалъ дать дѣлу немедленное окончаніе, не выжидая явки свидѣтельницы. Вслѣдствіе сего, 17 марта 1865 г., состоялось рѣшеніе уѣзднаго суда, признавшаго право Ѳедосѣевой на спорный участокъ, а 15 октября 1865 г. рѣшеніе это утверждено гофгерихтомъ, предписавшимъ уѣздному суду совершить дарственную запись. Генералъ-губернаторъ, которому владѣлецъ Левисъ фонъ-Менаръ обжаловалъ рѣшеніе гофгерихта, утвердилъ таковое 12 іюня 1866 года.

16 февраля 1867 г. Ѳедосѣева просила гофгерихтъ отграничить ея участокъ въ натурѣ, что и было возложено на уѣздный судъ, съ своей стороны препоручившій отграниченіе приходскому суду. 20 марта и 14 іюля 1867 г. гофгерихтъ, по жалобамъ Ѳедосѣевой на медленность, требовалъ объясненія отъ приходскаго суда и послѣдній, 8 августа 1867 г., донесъ, что порученіе высшей инстанціи не могло быть исполнено по винѣ истицы, не представившей, будто-бы, прогонныхъ денегъ для поѣздки члена суда на мѣсто (въ дѣлѣ приходскаго суда не видно, однако, чтобы деньги эти требовались и чтобы Ѳедосѣева отказывалась ихъ внести). Заявленная вновь Ѳедосѣевой, 13 сентября 1868 г., жалоба гофгерихту на медленность приходскаго суда вызвала новое подтвержденіе гофгерихта, чрезъ уѣздный судъ, представившій въ копіи объясненіе, доставленное ему приходскимъ судомъ отъ 15 октября 1868 года. Въ этомъ объясненіи приходскій судъ доносилъ, что владѣлецъ возразилъ противъ границъ участка, указанныхъ истицею, а потому потребовался спросъ свидѣтелей, не явившихся одновременно на вызовъ къ 7 октября. Далѣе изъ производства приходскаго суда видно, что послѣдній безъ всякой нужды затягивалъ дѣло; потребовалъ отъ уѣзднаго суда копію съ акта утвержденія на спорный участокъ и, спросивъ 2-го ноября 1867 г. двухъ свидѣтелей, не давалъ дѣлу никакого движенія до 1-го августа 1868 г., когда списокъ заявленныхъ Ѳедосѣевой свидѣтелей сообщенъ почему-то владѣльцу для представленія имъ въ 14-ти дневный срокъ его соображеній. Г. фонъ-Левисъ представилъ однако этотъ отзывъ лишь 12 сентября 1868 г., не подвергшись штрафу, которымъ судъ грозилъ ему за промедленіе. Затѣмъ, будучи

назначаемо 4 раза, дѣло отлагалось разъ по неявкѣ истицы и три раза — отвѣтчика. Впослѣдствіи, въ одно изъ засѣданій, отвѣтчикъ возражалъ противъ установленія границъ участка, даннаго, будто-бы, Өедосѣевой лишь въ пользованіе, а 5 мая 1869 г. приходскій судъ постановилъ: предложить истицѣ принять дополнительную присягу для подтвержденія дѣйствительности указаннаго ею размѣра участка (хотя это обстоятельство достаточно доказано было свидѣтелями). Өедосѣева обжаловала это постановленіе уѣздному суду, оставившему его въ силѣ, и доходила до гофгерихта, который 27 октября 1869 г. отмѣнилъ распоряженіе приходскаго суда, признавъ, что послѣдній не компетентенъ былъ разсматривать дѣло, по которому отвѣтчикомъ являлся помѣщикъ лично, а не въ качествѣ представителя мызнаго правленія. 23 февраля 1871 г. уже уѣздный судъ обязалъ истицу принять присягу и постановилъ, въ случаѣ ея отказа, признать за ней право только на ту часть земли, которая находится подъ домомъ. Будучи обжаловано г. фонъ-Левисомъ въ гофгерихтъ, постановленіе это утверждено послѣднимъ 26 іюля 1871 г., но объявлено приходскимъ судомъ сторонамъ только 15 сентября, причемъ Өедосѣевой, приведенной изъ мѣста заключенія, предложено явиться въ приходскій судъ по освобожденіи (изъ дѣла ординунгсгерихта усматривается, что Өедосѣева подвергалась тюремному заключенію за сопротивленіе, оказанное ею при выдвореніи изъ дома въ 1868 г.). 23 декабря 1871 г. гофгерихтъ, вслѣдствіе жалобы истицы, потребовалъ отъ приходскаго суда объясненія о причинахъ пріостановки дѣла, и послѣдній донесъ, что Өедосѣева, получивъ свободу, не являлась въ судъ. Затѣмъ, на 7 февраля 1872 г. вызваны въ приходскій судъ истица и отвѣтчикъ. Послѣдній однако, ссылаясь на болѣзнь (не подтвержденную свидѣтельствомъ), не явился и дѣло отложено до 11 апрѣля, когда записано въ протоколъ, что Өедосѣева приняла присягу и дѣло почему-то вновь отложено. По вызову на 22 іюня 1872 г. стороны явились и производство, согласно 824 статьѣ лифляндскаго крестьянскаго положенія, пріостановлено. Къ дѣлу подшитъ далѣе протестъ фонъ-Левиса противъ принятія истицею присяги, основанный на томъ соображеніи, что постановленіе гофгерихта отъ 26 іюля 1871 г. имъ, Левисомъ, обжаловано въ правительствующій сенатъ. Далѣе по причинамъ, въ дѣлѣ не указаннымъ, движенія по оному не было, и уже 10 сентября 1880 г. Өедосѣева жаловалась на это гофгерихту, который требовалъ отъ приходскаго суда объясненія и удовольствовался повидимому ссылкою послѣдняго на неявку сторонъ къ 22 іюня 1872 г. какъ на причину пріостановки со стороны приходскаго суда всякихъ дѣйствій по исполненію возложеннаго на

него высшею инстанціею порученія. Между тѣмъ Ѳедосѣева, 12 іюля 1880 г., просила уѣздный судъ утвердить крѣпостнымъ порядкомъ ея права на участокъ, въ чемъ ей однако было отказано на томъ основаніи, что права эти ограничиваются пользованіемъ. 15 ноября истица, прося гофгерихтъ объ отмѣнѣ этого распоряженія уѣзднаго суда, вмѣстѣ съ тѣмъ: а) возражала противъ представленія приходскаго суда и указывала, что она 100 разъ при свидѣтеляхъ (поименованныхъ въ прошеніи) являлась въ судъ и со слезами просила назначить дѣло ея къ слушанію, и б) жаловалась на владѣльца фонъ-Левиса, при посредствѣ приходскаго судьи Цахрисона препятствовавшаго ей извлекать камни изъ части, ей принадлежащей, и дѣлать необходимыя исправленія въ ея домѣ. На это гофгерихтъ, 24 ноября 1880 г., предписалъ уѣздному суду утвердить права Ѳедосѣевой, охранять ихъ отъ нарушенія и произвести, въ качествѣ высшей надъ приходскимъ судомъ инстанціи, о дѣйствіяхъ послѣдняго надлежащее разслѣдованіе, а Ѳедосѣевой 19 декабря объявлено, что она съ жалобами своими на приходскій судъ должна обращаться въ уѣздный судъ.—30 января 1881 г. гофгерихтъ затребовалъ отъ уѣзднаго суда свѣдѣній о томъ, приступлено ли къ утвержденію правъ Ѳедосѣевой и что именно сдѣлано уѣзднымъ судомъ въ огражденіе этихъ правъ отъ нарушенія ихъ владѣльцемъ фонъ-Левисомъ. Не получивъ ожидаемой отъ уѣзднаго суда поддержки, Ѳедосѣева, 25 марта 1881 г., вошла съ жалобою въ гофгерихтъ, прося отмѣны предписанія приходскаго суда отъ 27 ноября 1876 года Даленскому волостному суду относительно недопущенія истицы извлекать камни изъ участка и перестраивать ея домъ. Уѣздный судъ, отъ котораго гофгерихтъ потребовалъ объясненія, 22 апрѣля 1881 г. донесъ, что приходскій судъ, не представивъ до того числа потребованныхъ отъ него свѣдѣній, обязался доставить ихъ послѣ пасхальныхъ вакацій. 2 мая гофгерихтъ указалъ уѣздному суду, что послѣдній обязанъ имѣть строгое наблюденіе надъ тѣмъ, чтобы низшая инстанція не отмалчивалась и исполняла его требованія безотлагательно. Затѣмъ дѣло о каменоломнѣ вступило въ новую фазу: 18 мая 1881 г. фонъ-Левисъ вошелъ въ приходскій судъ съ формальною просьбою о запрещеніи Ѳедосѣевой ломать камни на участкѣ, даннымъ ей лишь въ пользованіе, причемъ истецъ ссылался на прежде состоявшіяся въ томъ смыслѣ распоряженія приходскаго суда (въ 1876 г.). Дѣло это въ 1883-мъ году разрѣшено приходскимъ судомъ въ смыслѣ исковыхъ притязаній фонъ-Левиса и, перейдя по жалобѣ Ѳедосѣевой въ уѣздный судъ, находится въ 1884-мъ году на разсмотрѣніи онаго.

На ряду съ вышеуказаннымъ, въ уѣздномъ судѣ производилось особое дѣло объ утвержденіи правъ Ѳедосѣевой. Получивъ предписаніе гофгерихта 20 ноября 1880 г. и просьбу Ѳедосѣевой отъ 9 декабря 1880 г., уѣздный судъ, 16 января 1881 г., постановилъ: приступить къ корроборацiи и сдѣлать требуемую закономъ предварительную о томъ публикацію съ вызовомъ претендентовъ на участокъ, переходящій къ Ѳедосѣевой. Вслѣдствіе этого вызова, 17 марта 1881 г., фонъ-Левисъ представилъ въ уѣздный судъ протестъ противъ корроборацiи, ссылаясь на то: 1) что все дѣло между нимъ и Ѳедосѣевой неосновательно разрѣшилось крестьянскими судебными учрежденіями, коимъ ни онъ, ни противная сторона (мѣщанка) не подсудны, и 2) что по Крестьянскому Положенію 1819 г. утвержденіе въ настоящемъ случаѣ совсѣмъ не должно имѣть мѣста. Кромѣ фонъ-Левиса противъ утвержденія протестовала и сестра истицы, Марфа Иванова Ипатова. 24 октября 1881 г. уѣздный судъ отвергъ оба эти протеста. Левисъ и Ипатова обжаловали это дѣло въ гофгерихтъ, отказавшій имъ, 4 марта 1882 г., въ жалобахъ. Затѣмъ, 21 апрѣля, фонъ-Левисъ пожелалъ перенести дѣло въ правительствующій сенатъ, но просьба его, предписаніемъ гофгерихта отъ 17 іюня 1882 г., не принята.

Изъ полученнаго (вслѣдствіе запроса отъ 22 сентября) 22 октября 1882 г. отъ уѣзднаго суда донесенія видно, что утвержденіе правъ Ѳедосѣевой въ 1883 г. пріостановилось по слѣдующимъ причинамъ. На просьбу, обращенную уѣзднымъ судомъ въ гофгерихтъ, объ исключеніи спорнаго участка изъ ипотечной книги главнаго имѣнія (островъ Даленъ), гофгерихтъ, ссылаясь на высочайше утвержденное 12 февраля 1865 г. Положеніе Остзейскаго комитета, увѣдомилъ уѣздный судъ, что сіе можетъ быть исполнено только съ формальнаго согласія лицъ, претензіи коихъ ингроссированы на имѣніи. Вслѣдствіе сего уѣздный судъ потребовалъ отъ г. фонъ-Левиса представленія въ гофгерихтъ стоимости отчуждаемаго въ пользу Ѳедосѣевой участка, каковое распоряженіе обжаловано Левисомъ гофгерихту.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло до прибытія въ край ревизующаго сенатора. Дальнѣйшая его судьба намъ неизвѣстна.

Сообщ. А. Ч.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ГОРЧАКОВЪ

о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи и о слѣдующихъ изъ того общихъ распоряженіяхъ для обороны Россіи со стороны Царства Польскаго.

7-го (19-го) декабря 1860 года.

Эта всеподданнѣйшая записка кн. М. Д. Горчакова, представленная имъ, въ бытность его намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ, императору Александру II, сообщ. намъ А. А. Баранцевымъ въ копіи, въ 1872 г. На этой же копіи приведены, въ спискѣ же, отмѣтки въ Бозѣ почивающаго Государя, которыя здѣсь набраны вслѣдъ за тѣми пунктами, къ которымъ относятся, курсивомъ. Документъ этотъ драгоцѣненъ какъ свидѣтельство, при какихъ грозныхъ обстоятельствахъ внѣшнихъ Государь-Освободитель довершалъ свое величайшее внутреннее дѣло, объявленное Россіи 19 февраля 1861 г. Ред.

Варшава, 7-го (19-го) декабря 1860 г.

I. Судя по общему направленію дѣлъ въ Европѣ, должно ожидать скораго разрыва между Австріею и Италіею, при чемъ италіанцы и ихъ поборники, для вѣрнѣйшаго успѣха своихъ предпріятій, будутъ пытаться возмутить Венгрію и весьма вѣроятно, что попытки ихъ въ семъ отношеніи, силою обстоятельствъ, возъимѣютъ послѣдствіемъ проявленіе возстаній въ Галиціи и Европейской Турціи.

Въ какой степени будутъ содѣйствовать этимъ смутамъ морскія державы, нельзя теперь предугадать. Можно полагать, что на первыхъ порахъ онѣ не примутъ въ нихъ прямаго участія, и ограничатся оказываніемъ тайнаго покровительства дѣятелямъ революціи, допуская доставленіе симъ послѣднимъ тѣхъ важныхъ пособій въ деньгахъ, оружіи и тому подобномъ, которыя, при теперешнемъ превратномъ направленіи общественнаго мнѣнія, неминуемо будутъ къ нимъ отвсюду посылаться.

„Такъ и я полагаю“.

Но если пожаръ сильно разгорится, трудно полагать, чтобы Франція и Англія не вмѣшались въ дѣло даже открытою силою, для извлеченія собственныхъ выгодъ изъ хаоса, возродившагося отъ распространенія смутъ.

II. Идя отъ этихъ предположеній, кажется весьма вѣроятнымъ, не безполезно теперь же обсудить тѣ главныя мѣры, къ принятію

коихъ Россія можетъ быть вынуждена для огражденія своей безопасности и сохраненія свойственнаго ей политическаго значенія при важныхъ переворотахъ въ сопредѣльныхъ къ ней областяхъ.

III. Мѣры эти, по моему мнѣнію, должны быть двоякаго рода: къ первому должно относиться все то, что нужно для обезпеченія безопасности государства, если возгорится мятежъ въ Венгріи; ко второму все то, что необходимо для бо́льшаго развитія нашихъ силъ на случай, если разгаръ пламени революцій начнетъ предвѣщать окончательное паденіе турецкой власти въ ея европейскихъ областяхъ, и опасныя усилія для возстановленія самобытности Польши.

IV. Въ случаѣ, если возстаніе Венгріи не будетъ подавлено въ самомъ началѣ, совершенно необходимо:

1) Ввести немедленно въ Царство Польское одну дивизію 1-го корпуса, а именно 3-ю пѣхотную.

Возстаніе въ Польшѣ можетъ получить значеніе только при неукрощеніи безпорядковъ въ Царствѣ; особенно опасны безпорядки въ Варшавѣ. Для удержанія этого города въ повиновеніи, необходимо имѣть въ немъ, по меньшей мѣрѣ, 16 баталіоновъ.

Для охраненія Царства нужно: 3 баталіона въ Новогеоргіевскѣ; 2 баталіона въ Брестѣ; 1 въ Ивангородѣ; по одной пѣхотной бригадѣ въ Люблинской и Радомской губерніяхъ (12 баталіоновъ); нѣкоторое число пѣхоты въ направленіи Калиша, Плоцка и Сувалокъ, и одну дивизію въ резервѣ, подъ рукою главнаго начальства. Въ 4-хъ пѣхотныхъ дивизіяхъ состоитъ 52 баталіона; затѣмъ при вышеизъясненномъ распредѣленіи, придется для Калиша, Плоцка и Сувалокъ всего 5 баталіоновъ. Кавалеріи въ Царствѣ мало—одна бригада 2-й кавалерійской дивизіи; но мнѣ кажется, что будетъ полезно не торопиться вводомъ сюда другой бригады этой дивизіи, изварачиваясь, по возможности, казаками, въ Царствѣ находящимися, сколь можно долѣе, дабы не оголять Подоли и Волыни, гдѣ теперь вовсе не имѣется казаковъ.

„*Справедливо*“.

2) Снабдить артиллерію 4-й, 5-й и 6-й пѣх. дивизій и 2-й кавалерійской полнымъ числомъ артиллерійскихъ лошадей. Иначе всякое серьезное сопротивленіе возстаніямъ можетъ быть парализировано за недостаткомъ зарядовъ въ минуты необходимости. 3-ю артиллерійскую бригаду, которая будетъ находиться въ резервѣ, можно первоначально оставить при теперешнемъ числѣ лошадей.

„*Такъ какъ для сего потребуется не болѣе 6 недѣль, то можно еще повременить*“.

Отмѣтка военнаго министра:

„Въ Царствѣ потребуется времени до 3 мѣсяцевъ“.

3) Направить съ Дону, по меньшей мѣрѣ, 4 казачьи полка къ западной границѣ нашей: одинъ въ распоряженіе виленскаго генералъ-губернатора; одинъ въ распоряженіе кіевскаго; одинъ въ распоряженіе командира 3-го корпуса, и одинъ въ распоряженіе командира 5-го корпуса.

„Представить расчетъ сколько для сего нужно времени“.

Отмѣтка военнаго министра: „3 мѣсяца“.

4) Снабдить артиллерію 14-й и 15-й пѣхотныхъ дивизій и 5-й кавалерійской полнымъ числомъ артиллерійскихъ лошадей. Дѣла принимаютъ такое зловредное направленіе въ Придунайскихъ княжествахъ, что мѣру эту было бы, можетъ быть, полезно принять даже теперь, а равно теперь же направить одинъ казачій полкъ къ 3-му корпусу.

„Можно еще повременить“.

5) Разрѣшить меня и командира 5-го корпуса (снабдивъ насъ надлежащими инструкціями) дѣлать нужныя перемѣны въ расположеніи ввѣренныхъ намъ войскъ и стягивать къ границѣ то число оныхъ, какое, по обстоятельствамъ, будетъ оказываться потребнымъ. Такое разрѣшеніе совершенно необходимо, такъ какъ малѣйшая даже медленность въ принятіи мѣръ для уничтоженія мятежныхъ шаекъ, составившихся въ нашихъ предѣлахъ, или ворвавшихся къ намъ изъ-заграницы, могла бы имѣть важныя послѣдствія.

„Непремѣнно“.

Отмѣтка военнаго министра: „Заготовленіе провіанта Горчакову теперь же это разрѣшить можно.—Врангелю же подождать“.

6) Снабдить командира 5-го корпуса экстраординарною суммою для лазутчиковъ, безостановочнаго довольствія летучихъ отрядовъ и т. п.

„Можно“.

Отмѣтка военнаго министра: „Сколько?“

„Послать теперь же 5,000, съ весьма положительнымъ опредѣленіемъ цѣли употребленія оныхъ“.

Сверхъ того нужно имѣть въ виду: а) всѣхъ отпускныхъ, въ Царствѣ Польскомъ находящихся, обратить на службу, если возстаніе Венгріи достигнетъ большаго размѣра, и въ Галиціи начнутся смуты. Иначе часть этихъ отпускныхъ могла бы совратиться и принять участіе въ безпорядкахъ. Всего полезнѣе, кажется, людей этихъ обратить на укомплектованіе до тысячнаго состава батальоновъ резервныхъ дивизій 2-го, 3-го и 5-го корпусовъ. Въ случаѣ нужды эти батальоны могли бы занимать мѣстные караулы, и затѣмъ имѣлось бы болѣе свободныхъ дѣйствующихъ войскъ для охраненія края.

Отмѣтка военнаго министра: „Безсрочныхъ положительно можно брать для пополненія частей, приводимыхъ въ военную численность, а потому можно раннею весною взять для сплава по Днѣпру нужное число для 13-й дивизіи“.

„Представить по этому соображеніе“.

Отмѣтка военнаго министра: „Дежур. генералу“.

б) Объявить въ военномъ положеніи губерніи Царства Польскаго, Литву, Волынь, Подоль и Бессарабію.

„Еще рано“.

V. Полагая, что, за принятіемъ помянутыхъ мѣръ, Россія можетъ спокойно ожидать послѣдствій начатія борьбы съ Австріею, переходу къ тому случаю, если, при сильномъ развитіи мятежа въ Венгріи, возстаніе распространится въ Галиціи и европейскихъ владѣніяхъ Турціи, и при томъ морскія державы выкажутъ явное намѣреніе, съ одной стороны, способствовать возстановленію самобытной Польши; съ другой, дать дѣламъ Турціи развязку безъ соглашенія съ нами и въ противность нашимъ выгодамъ.

Въ подобномъ предположеніи, мнѣ кажется, что Россіи должно, во что бы то ни стало, грозно вооружиться для защиты своихъ правъ.

VI. О размѣрѣ подобнаго большаго вооруженія теперь положительно судить было бы преждевременно, но надлежитъ имѣть теперь уже въ виду, что необходимость онаго можетъ послѣдовать не позже какъ во второй половинѣ будущаго 1861-го года.

Важнѣйшимъ препятствіемъ къ обращенію на военную ногу значительнаго числа войскъ будетъ недостатокъ въ деньгахъ.

Но затрудненіе это не должно останавливать Россіи, какъ скоро дѣло будетъ идти о сохраненіи ея бытія. Въ исторіи не мало примѣровъ войнъ, увѣнченныхъ успѣхомъ, не взирая на разстройство финансовъ.

„Разумѣется“.

Мнѣ кажется, что для сохраненія неприкосновенности теперешнихъ предѣловъ своихъ и должнаго вліянія на дѣла европейской Турціи, Россія должна бороться донельзя, и, въ случаѣ необходимости, прибѣгнуть даже къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, какъ то: къ новому займу, хотя и на тягостныхъ условіяхъ; къ продажѣ, хотя съ убыткомъ, нѣкоторыхъ государственныхъ имуществъ; къ новому выпуску ассигнацій, хотя отъ сего курсъ ихъ еще болѣе упадетъ; словомъ, обратиться къ самымъ убыточнымъ фискальнымъ средствамъ, чѣмъ утратить честь и могущество государства.

Впрочемъ я увѣренъ, что видя насъ сильно ополченными и готовыми, если нужно, жертвовать послѣднимъ рублемъ и послѣднимъ воиномъ, морскія державы поймутъ, что лучше не касаться предѣловъ Россіи, и войти съ нею въ соглашеніе для совокупнаго рѣшенія новаго политическаго быта Европы, чѣмъ вступить съ нею въ кровавый, смертельный бой, коего исходъ былъ бы для нихъ сомнителенъ.

VII. Какъ изъяснено выше, теперь нельзя дѣлать положительнаго заключенія на счетъ размѣра увеличенія нашихъ силъ въ случаѣ, если возмущенія въ Венгріи, Турціи и Галиціи сильно разовьются

и морскія державы обратятся къ явному посягательству противъ Россіи. Но приблизительно можно дать себѣ нѣкоторый отчетъ въ томъ, что при подобныхъ обстоятельствахъ можетъ потребоваться, такъ напримѣръ: для защиты нашихъ польскихъ областей въ случаѣ, если будутъ имъ угрожать возмущенныя Венгрія и Галиція, поддержанныя даже французскимъ корпусомъ, нужно три армейскіе корпуса [1]); для охраненія южной границы нашей и Крыма не менѣе двухъ армейскихъ корпусовъ; для охраненія Остзейскихъ провинцій не менѣе двухъ пѣхотныхъ дивизій и одной кавалерійской, и для охраненія С.-Петербурга и прилегающихъ мѣстностей не менѣе двухъ корпусовъ.

Затѣмъ всего для охраненія имперіи отъ революціонныхъ ополченій, поддержанныхъ вспомогательными войсками Англіи и Франціи, нужно будетъ привести въ военное положеніе всѣ корпуса русской арміи. Что же касается до резервовъ, то я думаю на первое время достаточнымъ, не формируя резервныхъ полковъ, ограничиться укомплектованіемъ нынѣ существующихъ резервныхъ батальоновъ въ 1,000 человѣкъ. Съ Дону нужно будетъ взять еще отъ 5 до 8 полковъ. Къ расходамъ, потребнымъ на приведеніе войскъ въ военное положеніе, надобно будетъ присоединить издержки, нужныя для приведенія въ военное или осадное положеніе Кронштадта, Свеаборга, крѣпостей Царства Польскаго, Бендеръ и укрѣпленій Керченскаго пролива, работы коихъ крайне полезно довести еще въ теченіи будущаго года до того, чтобы не было возможности непріятелю взять ихъ съ тыла посредствомъ десантнаго отряда, какъ въ минувшую войну.

Исчисляя выше размѣръ войскъ, необходимый для охраненія государства въ помянутомъ предположеніи, что сильныя революціонныя ополченія предпримутъ вторженіе въ наши предѣлы съ поддержкою англо-французскихъ войскъ, я отнюдь не хочу выразить, чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ слѣдовало намъ непремѣнно ограничиваться одними пассивными, оборонительными дѣйствіями. Весьма быть можетъ, что съ того времени, когда Англія и Франція окажутся намъ явно враждебными, будетъ для насъ выгоднѣе переходить въ нѣкоторыхъ направленіяхъ къ наступательнымъ предпріятіямъ.

Я думаю, что правило невмѣшательства въ чужія дѣла (principe de nonintervention) должно быть нами соблюдаемо только какъ средство для удержанія морскихъ державъ отъ прямаго участія въ дѣйствіяхъ революціонистовъ съ цѣлію возстановленія самобытной Польши. Но коль скоро державы сіи, сбросивъ маску, приступятъ къ явному содѣйствію этому предпріятію, лучше безъ дальнѣйшаго отлагатель-

[1]) Я считаю три корпуса, т. е. 150 т. войска, достаточнымъ, потому что со стороны Пруссіи я не предполагаю враждебныхъ дѣйствій.

Кн. М. Г.

ства переходить намъ къ тѣмъ наступательнымъ дѣйствіямъ, коихъ успѣхъ можетъ облегчить совокупность защиты отечества. Напримѣръ, если послѣ упроченія въ Венгріи революціоннаго правленія, независимаго отъ Австріи, Краковская республика возстановится и, присоединивъ къ себѣ Галицію, начнетъ подъ покровительствомъ морскихъ державъ явно возбуждать смуты въ нашей Польшѣ и вторженія въ ея предѣлы, то будетъ, можетъ быть, полезно занять Краковъ и Галицію русскими войсками. Это не только не ослабитъ обороны Польши (считая, что для сей цѣли мы имѣемъ уже въ готовности 3 армейскіе корпуса съ 36-ю резервными тысячными баталіонами), но напротивъ доставитъ намъ, въ этомъ отношеніи, нѣкоторыя выгоды.

Другой случай, при коемъ намъ можетъ быть полезно перейдти границу, есть тотъ, если при возстаніи въ Турціи, англичане или французы вступятъ въ турецкіе предѣлы. Въ подобномъ предположеніи, кажется, будетъ необходимо занять русскими войсками придунайскія княжества и Булгарію; но для этой цѣли нужно будетъ предназначить два армейскіе корпуса.

Изъ всего выше изложеннаго я беру смѣлость вывести слѣдующія заключенія:

а) что въ случаѣ, если мятежъ въ Венгріи не будетъ австрійцами подавленъ при первомъ его началѣ, намъ необходимо немедленно приступить къ мѣрамъ, изложеннымъ въ статьѣ 4-й;

„Да, но не прежде“.

б) что если успѣхи дѣятелей революцій начнутъ достигать бо́льшаго размѣра, и политика морскихъ державъ будетъ имъ явно потворствовать, то не обращая болѣе вниманія на обманчивыя увѣренія англійскаго и французскаго кабинетовъ, Россіи надобно приготовиться къ рѣшительному бою приведеніемъ своихъ силъ въ военное положеніе, не смотря на издержки, съ коими принятіе сей необходимой мѣры будетъ сопряжено, и

с) что своевременное развитіе подобнаго ополченія Россіи не только охранитъ честь и могущество ея, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, повлечетъ за собою тотъ результатъ, что Англія и Франція, не вступая съ нею въ бой, предпочтутъ положить конецъ смутамъ, потрясающимъ Европу, посредствомъ миролюбивыхъ съ нею соглашеній.

Генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ.

На запискѣ рукою императора Александра II написано.

«1-ыя соображенія одобряю, но предоставляю себѣ рѣшить когда къ нимъ приступать. На счетъ же вторыхъ, не дай Богъ, чтобы намъ нужно было къ нимъ приступать и надѣюсь, что дипломатическими сношеніями намъ удастся отвратить опасенія, о которыхъ кн. Горчаковъ упоминаетъ, иначе будетъ повтореніе 1854 года».

Помѣта воен. министра: 11-го декабря 1860 г. Генер.-адъютантъ Сухозанетъ.

РУКОПИСИ АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА

хранящіяся въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ.

28-го января 1837 года, въ то время, когда смертельно раненый Пушкинъ въ мученіяхъ доживалъ свои послѣдніе часы, императоръ Николай призвалъ къ себѣ Жуковскаго и, давая ему порученіе къ умиравшему поэту, прибавилъ: «тебѣ-же поручаю, если онъ умретъ, запечатать его бумаги,—ты послѣ ихъ самъ разберешь». Съ этой минуты начинается, такъ сказать, посмертная исторія рукописей Пушкина. Считаю не лишнимъ вкратцѣ разсказать ихъ печальную судьбу.

Жуковскій исполнилъ порученіе императора: черезъ три четверти часа по кончинѣ Пушкина, онъ запечаталъ своею печатью кабинетъ покойнаго. Но попеченіе Жуковскаго о Пушкинскихъ бумагахъ казалось почему-то недостаточнымъ, и къ нимъ назначили еще попечителей совсѣмъ другого рода: рукописи Пушкина были еще описываемы чинами жандармскаго управленія.

Къ сожалѣнію, ни опекуны съ Жуковскимъ во главѣ, ни жандармы не исполнили своей обязанности какъ слѣдуетъ, что можно видѣть изъ той небрежности, съ какою перенумерованы ими рукописи поэта. Очень часто нумерація опекуновъ [черныя цыфры на верху листовъ] не совпадаетъ съ нумераціею жандармовъ [красныя цыфры посреди листовъ], что происходитъ отъ того, что та или другая пропускаетъ безъ нумера листъ и больше; случается иногда, что листъ пропущенъ обѣими нумераціями и такъ и остается безъ нумера до сихъ поръ. Опекуны, кажется, поручили счетъ листовъ какому-то полуграмотному писцу; по крайней мѣрѣ имъ сдѣлана на ярлыкахъ тетрадей такая нескладная надпись: «Рукописная книга подлиннаго оригинала А. С. Пушкина вышедшаго при жизни его сочиненій». На внутренней сторонѣ переплета тѣмъ-же писаремъ

вездѣ сдѣлана помѣта: «Въ сей книгѣ писанныхъ листовъ столько-то. Опекунъ»... Опекунъ нигдѣ не подписался. Чины жандармскаго управленія въ этомъ отношеніи были нѣсколько аккуратнѣе; на многихъ тетрадяхъ мы видимъ собственноручную надпись тогдашняго адъютанта при шефѣ жандармовъ: «столько-то листовъ. Дубельтъ». Но благодаря указаннымъ выше пропускамъ листовъ, и неподписанная помѣта опекуновъ, и надпись Дубельта часто не имѣютъ никакого значенія, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Надо еще сказать, что чины корпуса жандармовъ отнеслись къ порученному имъ дѣлу, къ описанію бумагъ Пушкина, чисто формальнымъ образомъ. Такъ, напр., пересчитывая одну изъ тетрадей Пушкина, вѣрнѣе, составляя ее изъ несшитыхъ листовъ, на каждомъ изъ которыхъ Пушкинъ писалъ отдѣльно, они вкладывали листы одинъ въ другой, сшивали ихъ, припечатывали концы нитокъ, не обращая вниманія на то неудобное смѣшеніе страницъ, которое изъ этого произошло: теперь приходится послѣ перваго листа перевертывать тетрадь до конца и читать листъ 61, затѣмъ обращаться ко 2-му листу, потомъ снова въ конецъ, къ листу 60-му и т. д. Въ другой подобной тетради листы оставлены несшитыми, но при этомъ красными цыфрами перенумерованы сначала двойные листы [т. е. первая страница каждаго писчаго листа въ четыре страницы], а потомъ перенумерованы вторыя половины тѣхъ-же листовъ, т. е. третьи страницы, такъ что въ концѣ концовъ цыфры идутъ въ такомъ порядкѣ: 1, 86, 2, 85 и т. д.

За одно можно поблагодарить первыхъ попечителей Пушкинскихъ бумагъ: они, повидимому, аккуратно собрали эти бумаги; такъ, къ нѣкоторымъ тетрадямъ присоединены отдѣльные клочки съ двумя-тремя фразами. Надо думать, что не по винѣ первыхъ попечителей нѣкоторыя рукописи Пушкина не оказались въ числѣ описанныхъ бумагъ; послѣднее обстоятельство, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что Пушкинъ, какъ извѣстно, часто передавалъ свои рукописи пріятелямъ для изданія,—тѣмъ, что пріятели, можетъ быть, и сами выпрашивали у Пушкина его рукописи, дорожа автографомъ великаго поэта.

Само собою разумѣется, что рукописи Пушкина должны были стать основаніемъ всѣхъ посмертныхъ изданій его сочиненій. Прежде всего эти рукописи были богаты новыми неизданными произведеніями и дополненіями: извѣстно, что Пушкинъ иногда по нѣскольку лѣтъ не печаталъ уже совсѣмъ отдѣланныя піэсы; притомъ въ печатномъ текстѣ ему нерѣдко приходилось дѣлать пропуски или измѣненія ради цензурныхъ требованій: эти измѣненія должны были быть возстановляемы при помощи рукописей поэта, по мѣрѣ перемѣны въ цензур-

ныхъ условіяхъ. Кромѣ того изъ тетрадей Пушкина должно было извлечь множество черновыхъ піэсъ, какъ первоначальные, позднѣе передѣланные наброски, такъ и тѣ, которые остались неоконченными, неотдѣланными. Понятно, что Пушкинъ не находилъ нужнымъ ихъ печатать, но у посмертныхъ издателей взглядъ долженъ былъ быть другой; всѣ черновые наброски и отрывки должны были найдти мѣсто въ посмертномъ изданіи: по словамъ Бѣлинскаго, всякая строка, написанная Пушкинымъ, для насъ драгоцѣнна.

Такимъ образомъ, по сути дѣла, собственноручныя бумаги поэта должны были имѣть самое выдающееся значеніе для всѣхъ вообще посмертныхъ изданій. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ вышло нѣсколько иначе: только издателямъ 1838 и 1855 года были доступны рукописи Пушкина; изданія 1859, 1870 и 1880 годовъ совершенно не имѣли дѣла съ тетрадями поэта, и только при послѣднемъ изданіи 1882 года получилась возможность нѣкоторыя піэсы провѣрить по этимъ тетрадямъ.

Остановимся нѣсколько на всѣхъ посмертныхъ изданіяхъ Пушкина, при чемъ, оставивъ въ сторонѣ планы этихъ изданій, будемъ говорить только о полнотѣ и вѣрности текста.

Къ изданіямъ посмертному (1838) и 1855 года, благодаря тому, что они пользовались тетрадями поэта, мы можемъ прежде всего предъявить требованіе полноты; но ни то, ни другое изданіе требованію этому далеко не удовлетворяютъ. Я говорю не о той неполнотѣ, которая объясняется нашими цензурными условіями 1838 или 1855 годовъ; нѣтъ, помимо этихъ независящихъ отъ редактора пропусковъ, посмертное и Анненковское (1855 г.) изданія далеко не взяли всего матеріала (вполнѣ цензурнаго), какой былъ въ тетрадяхъ поэта. По отношенію къ посмертному изданію это доказываютъ пополненія, сдѣланныя г. Анненковымъ; по отношенію-же къ изданію 1855 года это доказалъ самъ г. Анненковъ своимъ седьмымъ томомъ (1857 г.) и тѣми сообщеніями изъ бумагъ поэта (повторяю, часто совершенно цензурными и для 1855 года), какія г. Анненковъ продолжаетъ дѣлать до сихъ поръ; наконецъ, неполнота посмертнаго и анненковскаго изданія вполнѣ доказывается и предлагаемымъ трудомъ.

Г. Анненковъ на дѣлѣ доказалъ въ своихъ извѣстныхъ «Матеріалахъ» какой интересъ, какое важное значеніе имѣютъ черновыя тетради Пушкина какъ для его біографіи, такъ и для пониманія, для оцѣнки его творчества. Но не смотря на это, г. Анненковъ почему-то пренебрегъ значительною, бо́льшею частью бывшаго у него въ рукахъ матеріала. Когда, нѣсколько лѣтъ назадъ, противъ изданія 1855-го года былъ поднятъ упрекъ въ неполнотѣ, г. Анненковъ гнѣвно отвергъ этотъ справедливый упрекъ, выставивъ для своей защиты

весьма странную теорію эстетической критики, по которой многія изъ произведеній нашего великаго поэта не могутъ, не должны занимать мѣсто въ собраніи его сочиненій, «являясь паразитами на свѣтломъ фонѣ его поэзіи», многія же другія его произведенія только терпимы. Читатель увидитъ, что г. Анненковъ пропустилъ много такого матеріала, который можетъ выдержать какую угодно эстетическую критику, и много такого, до чего нѣтъ дѣла эстетикѣ, что̀ напечатать г. Анненкову не мѣшала никакая теорія. Приведу одинъ примѣръ послѣдняго: г. Анненковъ въ своихъ «Матеріалахъ» разсказываетъ со словъ Плетнева о томъ, какъ Пушкинъ оправдывался въ отвѣтъ на Посланіе Плетнева:

„Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ"...

А между тѣмъ г. Анненковъ пропустилъ въ тетрадяхъ поэта самое оправдательное письмо Пушкина по этому поводу. Читатель увидитъ, что не одинъ этотъ пропускъ сдѣланъ г. Анненковымъ въ перепискѣ Пушкина.

И такъ ни посмертное изданіе, ни изданіе г. Анненкова далеко не удовлетворяютъ требованіямъ полноты, даютъ далеко не все, что̀ могли бы, что̀ должны бы были дать.

Если упрекъ въ неполнотѣ можно хоть съ кажущеюся основательностью отвергать во имя той или другой выдуманной теоріи, то никакимъ способомъ нельзя придумать такой теоріи, которая оправдывала бы неточность въ передачѣ текста. А этотъ тяжкій упрекъ тоже лежитъ на изданіяхъ 1838-го и 1855-го годовъ.

Уже г. Анненковъ выставилъ много важныхъ обвиненій въ этомъ отношеніи противъ посмертнаго изданія, сдѣлавъ въ его текстѣ значительныя поправки; но надо прибавить, что изданіе 1855-го года поправило далеко не всѣ промахи посмертныхъ издателей, хотя у г. Анненкова были въ рукахъ всѣ рукописи, которыми пользовались редакторы посмертнаго изданія, и онъ такимъ образомъ имѣлъ полную возможность поправить всѣ ошибки своихъ предшественниковъ. Мало того: изданіе 1855-го года внесло съ своей стороны изъ черновыхъ тетрадей поэта много новаго, ненапечатаннаго, но при этомъ, не наученное примѣромъ посмертнаго изданія, оно опять-таки передаетъ Пушкинскій текстъ часто съ недостаточною точностью, нерѣдко съ ошибками. Я здѣсь не стану приводить примѣровъ этого: читатель найдетъ ихъ въ изобиліи далѣе въ самомъ описаніи рукописей Пушкина.

Послѣ 1855-го года Пушкинскія рукописи надолго сходятъ со сцены. Купившій права на литературную собственность Пушкина, петербургскій книгопродавецъ Исаковъ почему-то не счелъ нужнымъ

выговорить себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и право пользоваться тетрадями поэта; вслѣдствіе этого изданія 1859-го и 1870-го годовъ (редакція Геннади) не внесли никакихъ исправленій въ искаженныя ранѣе мѣста Пушкинскаго текста, даже сильно испортили его опечатками и новыми ошибками. Исаковское изданіе 1880-го года (редакція П. А. Ефремова) тоже не пользовалось тетрадями поэта, но оно все-таки сдѣлало нѣкоторыя исправленія на основаніи пушкинскаго печатнаго текста и нѣкоторыхъ рукописей поэта, находящихся въ частныхъ рукахъ; кромѣ того оно впервые точно и подробно указало на многія ошибки и промахи въ изданіи 1855-го года, которые дотолѣ скрывались за признаннымъ авторитетомъ г. Анненкова. — Изданія 1870-го и 1880-го годовъ вставили довольно много новыхъ піэсъ (появленію которыхъ въ наше время цензура уже не мѣшала), но не по рукописямъ поэта, а по спискамъ. Наконецъ московское изданіе 1882-го года (редакція П. А. Ефремова) внесло нѣсколько, очень немного, поправокъ по подлиннымъ тетрадямъ. Эта неполнота, отрывочность поправокъ зависѣла отъ тѣхъ особыхъ условій, въ какихъ въ это время оказались бумаги Пушкина.

Въ 1880-мъ году, во время открытія памятника Пушкину, въ Москвѣ была устроена обществомъ любителей россійской словесности—Пушкинская выставка, на которую старшимъ сыномъ поэта, Ал. Ал. Пушкинымъ, были доставлены тетради его отца, въ теченіи четверти вѣка остававшіяся ни для кого недоступными. Послѣ выставки Ал. Ал. Пушкинъ пожертвовалъ ихъ въ Московскій Румянцовскій Музей. Къ сожалѣнію, сначала право пользоваться этими драгоцѣнными рукописями было предоставлено исключительно одному издателю «Русскаго Архива», г. Бартеневу.

Г. Бартеневъ еще ранѣе въ своихъ изданіяхъ уже не разъ печаталъ выдержки изъ бумагъ и переписки Пушкина, онъ же занимался біографіею Пушкина, напечаталъ статьи о дѣтствѣ Пушкина и очеркъ—«Пушкинъ въ Южной Россіи»; затѣмъ онъ какъ-то высказалъ прямое осужденіе г. Анненкову и заявилъ: «бумаги Пушкина требуютъ точнѣйшаго разсмотрѣнія». По всему этому казалось, что рукописи Пушкина попали въ надлежащія руки, въ руки спеціалиста, который безъ сомнѣнія постарается исполнить свое собственное требованіе «точнѣйшаго разсмотрѣнія» тетрадей Пушкина. Это ожиданіе было жестоко обмануто.

Пользуясь своею монополіею [1]), г. Бартеневъ, вовсе не ставя себѣ

[1]) Благодаря этой-то монополіи, при изданіи 1882-го года, въ тетрадяхъ Пушкина можно было навести лишь немногія отдѣльныя справки. В. Я.

задачей исправить искаженія Пушкинскаго текста, напечаталъ въ Русскомъ Архивѣ рядъ отрывочныхъ выдержекъ изъ тетрадей поэта и издалъ ихъ потомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими матеріалами, отдѣльной книжкой [1]). Нѣкоторыя странности текста въ этихъ отрывкахъ, сравненіе ихъ съ печатной редакціей и нѣкоторыя другія соображенія заставляли относиться къ изданію г. Бартенева въ высшей степени подозрительно. Читатель увидитъ ниже, что подозрѣнія не были несправедливы, что г. Бартеневъ далеко превзошелъ редакторовъ посмертнаго изданія и г. Анненкова въ ошибкахъ, что его небрежность въ воспроизведеніи Пушкинскаго текста оставляетъ за собой почти все возможное, достигаетъ почти необъяснимыхъ размѣровъ.

Говоря о работахъ по Пушкинскимъ рукописямъ надо еще упомянуть о вышедшемъ въ декабрѣ 1882-го года «Альбомѣ Пушкинской выставки». Хотя у издателей Альбома были въ рукахъ всѣ тетради поэта, они воспользовались ими очень мало: Альбомъ не даетъ ни малѣйшихъ поправокъ, ни малѣйшихъ дополненій печатнаго Пушкинскаго текста, въ немъ не находимъ никакого описанія самыхъ тетрадей; все, что Альбомъ позаимствовалъ изъ этого богатаго матеріала, это нѣсколько снимковъ съ рукописей и съ рисунковъ Пушкина; обо всѣхъ этихъ снимкахъ будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

Затѣмъ для полноты надо упомянуть, что въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей за 1882 года г. Е. Барсовъ напечаталъ извлеченный имъ изъ тетрадей Пушкина черновой переводъ Слова о Полку Игоревѣ: переводъ этотъ опять-таки напечатанъ неточно и даже съ пропускомъ въ разныхъ мѣстахъ пяти стиховъ.

И такъ, въ концѣ концовъ, до сихъ поръ черновыми тетрадями Пушкина занимались главнымъ образомъ редакторы посмертнаго изданія, г. Анненковъ и наконецъ г. Бартеневъ. Какой-же результатъ этихъ занятій? Изучены-ли рукописи Пушкина такъ основательно, какъ можно бы этого ожидать по тому значенію въ нашей литературѣ, какое имѣетъ Пушкинъ, по тому обаянію, которое великій поэтъ, не смотря ни на что, сохраняетъ до сихъ поръ въ нашемъ обществѣ, по тѣмъ, наконецъ, фразамъ о его величіи, которыя расточаются изслѣдователями, работавшими надъ его рукописями,—изучены-ли рукописи Пушкина какъ слѣдуетъ? На этотъ вопросъ приходится дать печальный отвѣтъ... Почти весь посмертный Пушкин-

[1]) „А. С. Пушкинъ". I. Москва. 1881 г. В. Я.

скій текстъ требуетъ исправленій и дополненій: съ такими неточностями и ошибками онъ изданъ. Читатель увидитъ, что я не преувеличиваю.

Благодаря стараніямъ А. Е. Викторова, недавно умершаго хранителя рукописнаго отдѣленія Румянцовскаго музея, монополіи г. Бартенева былъ положенъ конецъ: съ осени 1882 года бумаги Пушкина, съ разрѣшенія жертвователя, стали доступны для всеобщаго пользованія. Зная, что я интересуюсь Пушкинымъ, покойный Викторовъ тогда-же сообщилъ мнѣ объ этомъ, и я поспѣшилъ, насколько у меня было свободнаго времени, воспользоваться общедоступностью такого интереснаго матеріала. Будучи искреннимъ поклонникомъ нашего великаго поэта, я заинтересовался лично для себя пополненіемъ нѣкоторыхъ очевидныхъ пропусковъ печатнаго текста и разрѣшеніемъ тѣхъ сомнѣній и противорѣчій, къ которымъ приводило знакомство съ трудами гг. Анненкова и Бартенева. Такимъ образомъ я приступилъ къ занятіямъ бумагами Пушкина просто для себя, не какъ спеціалистъ, а лишь какъ поклонникъ Пушкинской музы.

Между тѣмъ, потому-ли, что первыя попытки нѣкоторыхъ лицъ получить доступъ къ бумагамъ Пушкина были безуспѣшны, благодаря монополіи г. Бартенева, почему-ли иному, но только все это время никто больше надъ Пушкинскими бумагами не работалъ; съ другой стороны, ознакомившись съ черновыми тетрадями нашего поэта, я увидалъ, что въ нихъ заключается не мало новаго, еще больше поправокъ и дополненій, что въ нихъ много интересныхъ указаній и для біографіи Пушкина, и для пониманія его творчества; однимъ словомъ, эти тетради:

... Плодъ его забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Въ виду всего этого, такъ какъ можетъ быть еще не скоро кто либо изъ надежныхъ спеціалистовъ обратится къ бумагамъ Пушкина, а между тѣмъ недостатки и неполнота посмертнаго текста его сочиненій вопіющи, я рѣшился привести въ порядокъ и напечатать свою работу, представивъ подробное описаніе тетрадей Пушкина, находящихся въ Румянцовскомъ музеѣ. Я хорошо сознаю недостатки, несовершенства моей работы; но, не будучи спеціалистомъ ни по литературѣ, ни по библіографіи, не имѣвъ даже возможности удѣлить бумагамъ Пушкина столько времени, сколько я желалъ-бы и сколько, можетъ быть, было бы нужно, я все-таки рѣшаюсь напечатать свою работу, которая, какъ мой первый опытъ въ библіографіи, конечно

не можетъ быть вполнѣ удачна. Если-бы болѣе опытныя руки взялись за эту работу, никогда бы не сталъ я печатать своего описанія. Но, повторяю, въ ожиданіи, когда обстоятельства приведутъ настоящаго спеціалиста къ изученію Пушкинскихъ рукописей, могло-бы пройдти еще довольно времени, а до тѣхъ поръ богатый матеріалъ, представляемый тетрадями нашего великаго поэта, оставался бы по прежнему въ неизвѣстности и по прежнему мы продолжали бы читать текстъ Пушкина, испорченный ошибками гг. Анненкова и Бартенева, большею частью даже не подозрѣвая этихъ ошибокъ.

Цѣль предлагаемаго описанія указать на то печальное положеніе, въ которомъ находится посмертный Пушкинскій текстъ, исправить по возможности его неполноты и ошибки; затѣмъ описаніе дастъ не мало и дополненій, не бывшихъ въ печати, между которыми есть нѣкоторыя вещи, имѣющія вполнѣ самостоятельное художественное значеніе; наконецъ, въ описаніи читатель найдетъ довольно указаній и замѣтокъ, важныхъ для біографіи Пушкина, для характеристики и поэта, и его поэзіи. Укажу вкратцѣ нѣсколько примѣровъ.

Занимаясь тетрадями Пушкина, невольно поражаешься той массой труда, которую Пушкинъ клалъ на отдѣлку своихъ произведеній: его черновыя исчерканы иногда совершенно, представляютъ собой нерѣдко нѣсколько редакцій одной и той-же піэсы; даже очень мелкія стихотворенія подвергались иногда такой-же тщательной отдѣлкѣ. Понятіе объ этомъ серіозномъ трудѣ Пушкина дастъ читателю и описаніе. Читатель тутъ-же увидитъ, какъ тщательно подготовлялъ нашъ Пушкинъ свои переводы, какъ онъ обдумывалъ и передѣлывалъ свои программы, какъ разносторонне и разнообразно было его чтеніе, его занятія. Изъ лицея Пушкинъ вынесъ весьма недостаточное образованіе и во всю жизнь старался его пополнить, во всю жизнь продолжалъ учиться. Сказанное имъ въ извѣстномъ посланіи къ Чаадаеву (1821 г.) вовсе не было фразой:

> Въ уединеніи мой своенравный геній
> Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій...
> . . . . . .
> Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
> Мятежной младости утраченные годы,
> И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ...

И эти стремленія навсегда остались въ Пушкинѣ. Біографами его все еще недостаточно выяснена эта черта, которую великій поэтъ такъ хорошо отмѣтилъ въ великомъ царѣ: и Пушкинъ тоже «вѣчный былъ работникъ»...

Между черновыми стихами въ тетрадяхъ находится не мало за-

мѣтокъ объ отдѣльныхъ случаяхъ жизни, объ отношеніяхъ къ разнымъ лицамъ; тутъ-же находимъ и черняки писемъ Пушкина, изъ которыхъ иныя изданы не вполнѣ, иныя совсѣмъ еще не были въ печати. Тетради поэта даютъ много указаній для болѣе точнаго опредѣленія хронологіи многихъ піэсъ; онѣ показываютъ порядокъ, въ какомъ создавались отдѣльныя части того или другого крупнаго произведенія. Подробности всего этого читатель найдетъ въ самомъ описаніи; здѣсь-же я сдѣлаю только еще одно указаніе.

Уже г. Анненковъ замѣтилъ, что въ тетрадяхъ поэта встрѣчаются иногда однѣ риѳмы, безъ самыхъ стиховъ; но г. Анненковъ далъ этому обстоятельству совершенно неправильное толкованіе: онъ думаетъ, что эти риѳмы обозначаютъ собой уже готовое стихотвореніе, которое Пушкинъ для краткости отмѣтилъ однѣми риѳмами. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ значеніе этихъ риѳмъ иное, и читатель увидитъ, что оно совершенно ясно.

Съ перваго раза можетъ показаться страннымъ, но между тѣмъ несомнѣнно, что Пушкинъ нерѣдко писалъ риѳмы раньше, чѣмъ у него были готовы соотвѣтствующіе стихи. Обыкновенно къ этому способу заранѣе заготовлять риѳмы прибѣгаютъ самые отчаянные стихоплеты; крайности сходятся: подобнымъ же образомъ поступалъ иногда и геніальный поэтъ. Само-собой разумѣется, что этотъ пріемъ Пушкина только по внѣшности сходится съ пріемами риѳмокропателей; послѣдніе искусственно придумываютъ риѳмы и потомъ стараются подогнать подъ нихъ свои вирши; Пушкину незачѣмъ было придумывать себѣ риѳмъ; онѣ его не затрудняли:

Вѣдь риѳмы за просто со мной живутъ,
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ.

Риѳмы приходили къ нему иногда слишкомъ быстро, быстрѣе чѣмъ онъ успѣвалъ сложить, записать самые стихи: ему приходилось записывать риѳмы впередъ. Случалось и такъ, что когда стихи доходили до прежде вылившихся риѳмъ, послѣднія оказывались лишними, стихи замыкались другими риѳмами, а первыя, предполагаѳмыя, оставались тутъ же съ боку, между стихами, и теперь-то и выдаютъ намъ эту великую тайну геніальнаго творчества [см. напр. № 2,365, листъ 32_2, № 2,369, л. 34_2 и 40_2].

Извѣстны многіе стихи Пушкина о риѳмѣ; ниже читатель найдетъ еще набросокъ:

Своенравная подруга
Гармонической мечты,
Риѳма, мнѣ часы досуга

Оживлять умѣла ты,
И стиховъ моихъ вѣнчала
Своенравныя четы.... [№ 2,368, л. 33₃].

Г. Анненковъ, надо замѣтить, вѣрно указываетъ, что иногда недописанные стихи, строки безъ окончанія, безъ риѳмъ вовсе не означаютъ у Пушкина, что они неокончены; примѣровъ этому не мало: такъ одинъ изъ наиболѣе рѣзкихъ читатель найдетъ въ № 2,364, л. 51₂; или еще № 2,365, л. 13₄. Но г. Анненковъ беретъ весьма странный примѣръ для поясненія своего указанія; онъ приводитъ отрывокъ:

Везувій зѣвъ открылъ и пр.,

какъ недописанную, но оконченную уже въ умѣ вещь; между тѣмъ эта начатая піэса представляетъ собой всю исчерканную черновую, что несомнѣнно доказывается не только внѣшнимъ ея видомъ, но и тѣмъ, что рядомъ, на другой страницѣ, находимъ тотъ-же отрывокъ опять въ черновомъ видѣ, нѣсколько въ иной редакціи [№ 2,374]. Пушкинъ дважды начиналъ картину, но почему-то не кончилъ ее.

Приведенныхъ краткихъ указаній достаточно, чтобы въ общихъ чертахъ охарактеризовать матеріалъ, представляемый тетрадями Пушкина.

Конечно моя работа, по самому характеру своему, не исчерпываетъ всего матеріала. Подлинныя рукописи Пушкина навсегда сохранятъ свое значеніе первоисточника. Къ нимъ должны обращаться всѣ тщательные редакторы будущихъ изданій его сочиненій, всѣ будущіе его біографы.

До сихъ поръ никто изъ занимавшихся тетрадями поэта не далъ обстоятельнаго ихъ описанія. Въ каталогѣ рукописей Румянцовскаго музея находится весьма точный, но краткій указатель къ тетрадямъ Пушкина, тщательно составленный покойнымъ А. Е. Викторовымъ [1]). Мое описаніе составлено по болѣе широкой программѣ: кромѣ сообщенія ненапечатаннаго ранѣе текста, кромѣ важныхъ дополненій и поправокъ, интересныхъ для всѣхъ любящихъ поэзію Пушкина, кромѣ біографическихъ указаній, оно отмѣчаетъ листъ за листомъ все содержаніе тетрадей, т. е. представляетъ собой ту подготовительную черновую работу, которую долженъ былъ бы дѣлать всякій желающій изучить рукописи Пушкина: описаніе облегчитъ будущимъ изслѣдователямъ ихъ трудъ; снабженное же указателемъ,

[1]) Указатель этотъ, вновь просмотрѣнный Д. П. Лебедевымъ, долженъ войдти въ печатающійся отчетъ Румянцовскаго музея. В. Я.

оно дастъ возможность всякому навести въ рукописяхъ справку по тому или другому отдѣльному вопросу.

Въ области нашей древней письменности описанія рукописей играютъ весьма важную роль; предлагаемое описаніе рукописей Пушкина первый, кажется, опытъ подобной работы въ области новой русской литературы; будущимъ изслѣдователямъ предстоитъ исправить, «гдѣ буде описалъ, или переписалъ, или не дописалъ».

Еще нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Тетради Пушкина я описываю одну за другой, по порядку нумераціи Румянцовскаго музея. Каждая тетрадь [за указанными ниже исключеніями] описывается листъ за листомъ. Я указываю содержаніе каждой страницы; если находящіеся на ней стихи или проза еще не были напечатаны, я выписываю ихъ цѣликомъ, дѣлая лишь иногда пропуски потому, что не всегда умѣю разобрать исчерканныя черновыя Пушкина; если содержаніе страницы уже вошло въ печатный текстъ Пушкина, я указываю томъ и страницу, гдѣ оно напечатано [всегда по послѣднему изданію 1882 года, какъ наиболѣе полному]; если данная вещь напечатана самимъ Пушкинымъ, въ такомъ случаѣ я указываю лишь крупные варіанты, коли они есть, оставляя въ сторонѣ болѣе мелкія отличія; если, напротивъ, она напечатана по смерти поэта, я сравниваю ее всю съ печатнымъ текстомъ: читатель увидитъ, что эта осторожность по отношенію къ посмертному тексту необходима. Что касается до первоначальныхъ, очерковъ, до черновыхъ піэсъ, извѣстныхъ въ окончательной редакціи, я только отмѣчаю, есть-ли въ нихъ отличія отъ печатнаго текста, обыкновенно не выписывая самыхъ отличій; я привожу эти черновые варіанты лишь въ томъ случаѣ, если они существенно отличаются отъ окончательной редакціи, если измѣнены не одни слова, но и образы, если измѣнено самое содержаніе. Такое отношеніе къ варіантамъ и къ черновымъ зависитъ оттого, что незначительные варіанты, мелкія отличія черновыхъ могутъ представить интересъ и имѣть значеніе только въ примѣчаніяхъ къ полному собранію сочиненій: извлечь ихъ—дѣло будущаго изданія Пушкина. Приводя неизданные стихи, я опять-таки обыкновенно оставляю въ сторонѣ черновые варіанты.

Тетради, содержащія одну прозу, переписанную уже на чисто [иногда писцомъ] и напечатанную самимъ Пушкинымъ, описаны мною лишь съ внѣшней стороны; ихъ незачѣмъ было описывать листъ за листомъ и отмѣчать варіанты: если въ нихъ и есть мелкія

отличія, то эти отличія должны быть указаны въ полномъ изданіи; въ описаніи же они казались мнѣ излишними.

Я упомянулъ уже, что иногда пушкинскія черновыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не поддавались моему чтенію. Будущій изслѣдователь исправитъ меня, пополнитъ мои пропуски. Когда я приступилъ къ занятіямъ тетрадями Пушкина, я былъ знакомъ съ его почеркомъ весьма еще недостаточно—по немногимъ автографамъ, болѣе чистовымъ, и по нѣкоторымъ факсимиле; къ концу своей работы я, конечно, сталъ читать черновые Пушкина гораздо лучше, и приводя потомъ свои выписки въ порядокъ, провѣряя ихъ снова по рукописямъ, я исправилъ и пополнилъ нѣкоторые свои пропуски, но все-таки иныя мѣста остались неразобранными. Я долженъ оговориться при этомъ, что вездѣ, гдѣ я исправляю посмертный печатный текстъ Пушкина, я разобралъ подлинникъ съ точностью, а всѣ сомнительные случаи опредѣленно отмѣтилъ какъ таковые.

Согласно съ принятымъ всѣми издателями Пушкина правиломъ, я не сохранялъ правописанія Пушкина, особенности котораго были уже отмѣчены г. Анненковымъ; я исправлялъ очевидныя описки, дополнялъ неоконченныя слова.

Мнѣ остается только указать, что полукруглыя скобки ( ) обозначаютъ у меня слова, зачеркнутыя Пушкинымъ, а скобки прямоугольныя [ ] слова, въ чтеніи которыхъ я не увѣренъ, или же слова, которыя недописаны или пропущены Пушкинымъ и вставлены мною по предположенію, а также и мои замѣчанія.

Пушкинъ часто начиналъ тетрадь съ одной стороны, потомъ писалъ съ другой; иногда на одной и той же страницѣ или рядомъ находимъ, что одни строки написаны въ одну сторону, а другія по отношенію къ первымъ верхомъ внизъ. Я такъ и отмѣчаю въ описаніи такое направленіе строкъ: верхомъ внизъ.

По принятому для рукописей обыкновенію, въ Пушкинскихъ тетрадяхъ перенумерованы не страницы, а листы [1]); такимъ образомъ подъ каждой цифрой значатся двѣ страницы; для обозначенія ихъ я употребляю цифры въ такомъ видѣ: 2_1 обозначаетъ первую страницу втораго листа,—15_2 вторую страницу листа пятнадцатаго.

В. Е. Я.

Январь 1884 г.

---

[1]) Въ Румянцовскомъ музеѣ листы еще не были вновь нумерованы, поэтому я пользуюсь или опекунской, или жандармской нумераціей, смотря потому, какая изъ нихъ вѣрнѣе. В. Я.

№ 2364. Большая тетрадь въ листъ, въ переплетѣ; на передней доскѣ ярлыкъ съ надписью: «Рукописная книга подлиннаго оригинала А. С. Пушкина, вышедшаго при жизни его сочиненій». Съ внутренней стороны задней доски переплета надпись: «Въ сей книгѣ писанныхъ листовъ семьдесятъ восемь (78). Опекунъ». Подписи опекуна нѣтъ ни на этой, ни на другихъ тетрадяхъ.

Листы перенумерованы съ верху черными цифрами, а по серединѣ красными. На первомъ ненумерованномъ листѣ надпись руки Пушкина: «№ 2. Стихотворенія Александра Пушкина 1817.». Кромѣ того остался совсѣмъ незанумерованнымъ листъ съ рисунками головъ между 55 и 56 листами; затѣмъ черной цифрой незанумерованъ изорванный листъ между 59 и 60-мъ листами (на немъ красная цифра 59); красная нумерація въ свою очередь пропустила листъ, занумерованный черными 55. Такимъ образомъ, считая вышеупомянутый заглавный листъ, всѣхъ листовъ—81. Съ 1-го до 41-го листа включительно начисто переписанныя стихотворенія юношескаго почерка съ поправками и отмѣтками болѣе поздняго времени (1826, вѣроятно); начиная съ 42-го листа идутъ черновыя стиховъ, отрывки.

Листы 1_1, 1_2 и 2_1. «Посланіе къ Лидѣ (1816)». Съ боку позднѣйшая отмѣтка: «ненадо». Есть нѣсколько варіантовъ противъ печатнаго текста.—I. Стр. 125.

2_1. «Роза»; съ боку: «ненадо», съ другого боку тоже позднѣйшая приписка: «Роза. Гнѣ наша роза?»—Первоначальный текстъ съ измѣненіями и поправками, не вполнѣ схожими съ печатнымъ текстомъ, такъ что послѣдній является третьей редакціей этой маленькой піэски.—I. Стр. 103 и 475.

2_2. «Пробужденіе (1816)», съ одной стороны приписано: «ненадо», съ другой «18 марта». Окончаніе отличается отъ печатнаго текста:

... Любовь, любовь!
Пусть упоенный
Усну я вновь,
Обвороженный,
И по утру,
Вновь утомленный,
Пускай умру
Непробужденный.

—I. Стр. 157.

3_1 и 3_2. «Гробъ Анакреона (1815)». Съ боку: «ненадо». Первоначальная редакція съ незначительными варіантами и позднѣйшими поправками.—I. 104 и 475.

4₁. «Слеза (1815)». Съ боку: «ненадо». Печатный текстъ съ неоконченными поправками. Посмертное изданіе, впервые напечатавшее эти стихи, отнесло ихъ къ 1816 г. Куплеты въ рукописи отдѣлены другъ отъ друга звѣздочками.—I. 153.

4₂. «Истина (1816)». Съ боку: «ненадо». Незначительныя отличія отъ печатнаго. Между строфами звѣздочка.—I. 129.

5₁ и 5₂. «Къ молодой вдовѣ. 1817». На сторонѣ помѣтка: «переписать». Печатный текстъ съ поправками. Послѣднее изданіе перенесло это стихотвореніе въ 1816-й годъ.—I. 144 и 480.

6₁. «Друзьямъ (1816)». Первоначальный текстъ посмертнаго изданія съ поправками и варіантами.—I. 483.

6₂. «Пѣвецъ (1816)». «Переписать». Печатный текстъ съ неоконченными поправками. Строфы отдѣлены звѣздочками.—I. 158.

7₁ и 7₂. «Амуръ и Гименей (сказка—1816)». «Переписать». Первоначальная редакція, поправками и варіантами отличающаяся отъ печатной. —I. 127.

8₁ и 8₂. «Фіалъ Анакреона (1816)». «Ненадо». Текстъ, съ поправками и варіантами, отличающійся отъ печатнаго.—I. 130.

9₁. «Слово Милой (1816)». «Ненадо». Печатный текстъ съ значительными, но недоконченными поправками:

Я Лилу слушалъ у клавира:
Она пріятнѣе поетъ
Чѣмъ соловей близь тихихъ водъ
Или полунощная лира.
Упали слезы изъ очей,
И я сказалъ пѣвицѣ милой:
Пріятенъ голосъ твой унылый
Но слово милыя моей
Пріятнѣй томныхъ пѣсенъ Лилы [1]).

—I. 127.

9₂. «Мѣсяцъ (1816)». «Надо». Печатный текстъ съ зачеркнутыми поправками; вычеркнуто четверостишье: «Что вы восторги сладострастья» и проч. 15-й стихъ поправленъ: «Сквозь темный завѣсъ проницало», вм. ясень. —I. 151.

10₁. «Окно (1816)». Помѣта недописана, и нельзя навѣрное сказать, есть-ли это пе (т. е. переписать, передѣлать) или не (т. е. ненадо). «Недавно темною порою» и проч.,—текстъ посмертнаго изданія.—I. 150 и 481.

10₂. «Элегія (1816)». «Ненадо». Печатный текстъ съ неоконченными поправками.—I. 149.

---

[1]) Первоначальная редакція послѣдняго стиха: Волшебнѣй нѣжныхъ пѣсенъ Лилы; печатной его редакціи въ рукописи нѣтъ. В. Я.

11_1, 11_2 и 12_1. «Наѣздники (1816)». Нѣсколько отличный отъ печатнаго текстъ со многими поправками. Послѣднихъ восьми строкъ: «Умолкъ и мчится въ бой кровавый» и пр.—нѣтъ.—I. 131.

12_2. «Къ живописцу. 1815». Съ боку приписано: «передѣлать все, оставя одну послѣднюю строфу». Печатный текстъ съ неоконченными поправками.—I. 103.

13_1. «Къ сну. 1816». Съ боку: «4 стиха оставить». Первоначальная редакція съ неоконченными поправками.—I. 477.

13_2. «Надпись къ бесѣдкѣ». Съ боку: «надо». Печатный текстъ.—I. 152.—«Твой и мой». Неразборчивая помѣта, повидимому «переписать». Печатный текстъ съ поправками. См. листъ 15_1.—I. 162.

14_1. («Желаніе» [1]). 1816. «Унынie». Съ боку: «переписать». Первоначальный текстъ съ поправками, какъ напечатано.—I. 146.

14_2. «Къ ней». Вся піэса зачеркнута. Текстъ съ варіантами противъ печатнаго.—I. 152.

15_1. На верху написаны французскіе стихи, вѣроятно, подлинникъ эпиграммы «Твой и мой» (см. листъ 13_2).

Le tien et mien est l'offence
Du monde à rompre le lien
Quand a moi je n'en vois rien
Car que sera ce, Clemence,
Si tu n'étais plus la mienne
Si je n'etais plus le tien.

Затѣмъ весь листъ 15_1 и 15_2 занятъ «Элегіей», доселѣ не бывшей въ печати. Не смотря на нѣкоторую растянутость и тяжеловатость, на неотдѣланность, въ этой піэсѣ много чувства, и есть сильные стихи, такъ что понятно, почему Пушкинъ не вычеркнулъ «Элегію», а надписалъ при ней: «передѣлать». Онъ только началъ эту передѣлку, и піэса остается недодѣланной. Выписываю ее вполнѣ:

Элегія (1816).

Передѣлать.

Я думалъ, что любовь погасла навсегда,
Что въ сердцѣ злыхъ страстей умолкнулъ гласъ мятежной,
Что дружбы наконецъ отрадная звѣзда
Страдальца довела до пристани надежной.
Съ безпечной думою покоясь у береговъ,
[Вар.: Я мнилъ поконться близь вѣрныхъ береговъ]
Ужъ издали смотрѣлъ, указывалъ рукою
На парусъ бѣдственныхъ пловцовъ,
Носимыхъ гибельной [2]) грозою

[1]) Зачеркнуто.
[2]) Вар.: по волнамъ.

В. Я.

Я говорилъ: стократъ блаженъ
Чей вѣкъ, свободою прекрасной,
Какъ вѣкъ весны промчался ясной
И страстью не былъ омраченъ,
Кто (не страдалъ) въ любви напрасной
(Кому невѣдомъ) страшный плѣнъ.
Блаженъ! Но я (блаженнѣй [1]) болѣ,
Я цѣпь мученій разорвалъ,
Опять я дружбѣ (sic)—я на волѣ—
И жизни сумрачное поле
Веселый блескъ очаровалъ!
О что я говорилъ.. Несчастный!
Минуту я заснулъ въ невѣрной тишинѣ;
Но мрачная любовь таилася во мнѣ,
Не угасалъ мой пламень страстный...
Весельемъ позванный въ толпу друзей моихъ
Хотѣлъ на прежній ладъ настроить рѣзву лиру
Хотѣлъ еще воспѣть прелестницъ молодыхъ,
Веселье, Вакха и Дельфиру.
Напрасно!... Я молчалъ; усталая рука
Лежала томная на лирѣ непослушной,
Я все еще горѣлъ и въ грусти равнодушной
На игры младости взиралъ издалека...
Любовь, отрава нашихъ дней,
Бѣги съ толпой обманчивыхъ мечтаній,
Не сожигай души моей,
Огонь мучительныхъ желаній.
Летите призраки... Амуръ, ужъ я не твой,
Отдай мнѣ радости, отдай мнѣ мой покой...
Брось одного меня въ безчувственной природѣ
Иль дай еще летать надежды на крылахъ,
Позволь еще заснуть, и въ тягостныхъ цѣпяхъ
Мечтать о сладостной свободѣ.

16$_1$ и 16$_2$. «Сраженный рыцарь. 1815». Текстъ, отличающійся отъ печатнаго.—I. 99.

17$_1$ и 17$_2$. «Осеннее утро. (1816)». Поправки чернилами и карандашемъ; варіанты противъ печатнаго текста.—I. 146.

18$_1$ и 18$_2$. «Заздравный кубокъ. 1816». Печатный текстъ составленъ изъ первоначальнаго и изъ нѣкоторыхъ поправокъ. Выписываю поправки, не взятыя посмертнымъ изданіемъ:

Кубокъ тяжелый
Полонъ давно
Пѣною бѣлой
Блещетъ вино

и пр., какъ напечатано.

[1]) Вар.: счастливѣй. **В. Я.**

Здравіе славы
Выпью-ли я
Бранной забавы
Мы не друзья.

Начало третьяго куплета въ печатномъ текстѣ взято съ поправками; первоначальная-же редакція была:

Вы Геликона
Давни жильцы, (вм. жрецы)
За Аполлона
Пейте, пѣвцы.

Напротивъ, послѣдній стихъ третьяго куплета въ печатномъ текстѣ взятъ въ первоначальной редакціи; съ поправкой онъ читается:

Просто бѣда.

Въ рукописи пятый стихъ того-же куплета читается безъ помарокъ:

Рѣзвой Камены.

Рѣзвая Климена выдумана посмертнымъ изданіемъ.—I. 119.

19_1, 19_2 и 20_1. «Мое завѣщаніе друзьямъ (1815)». Печатный текстъ съ поправками, изъ которыхъ двѣ главныя приведены г. Анненковымъ. Мѣстами перемѣнены отдѣльныя слова.—I. 100 и 474.

20_2—чистая страница.

21_1—24_2 заняты «Посланіемъ къ Ю.». Г. Анненковъ привелъ изъ этой большой піэсы нѣсколько отрывковъ и назвалъ ее «Посланіемъ къ Юшкову». Можетъ быть, правильнѣе было-бы озаглавить эту піэсу: «Посланіе къ Юдину», такъ это заглавіе упоминается въ собственномъ перечнѣ Пушкина (см. V, стр. 4). Такъ какъ въ отрывкахъ въ изданіи 1855-го года текстъ переданъ не вездѣ точно, такъ какъ его I и II отрывки составляютъ одно цѣлое, а въ срединѣ III-го сдѣланъ непонятный пропускъ нѣсколькихъ стиховъ, то я приведу всю піэсу цѣликомъ: какъ увидитъ читатель, она вся не лишена значенія для біографіи и характеристики поэта.

Посланіе къ Ю...

(1815).

Ты хочешь, милый другъ, узнать
Мои мечты, желанья, цѣли
И тихій гласъ простой свирѣли
Съ улыбкой дружества внимать—
Но можно-ль рѣзвому поэту,
Невольнику мечты младой,
Въ картинѣ быстрой и живой
Изобразить въ порядкѣ свѣту

Все то, что̀ въ юности златой
Воображеніе мнѣ кажетъ?
Теперь, когда въ покоѣ лѣнь,
Укрывъ меня въ пустынну сѣнь,
Своею цѣпью чувства вяжетъ,
И вѣкъ мой тихъ, какъ ясный день;
Пустаго нѣги украшенья
Не видя въ хижинѣ моей,
Смотрю съ улыбкой сожалѣнья
На пышность бѣдныхъ богачей,
И счастливый самимъ собою,
Не жажду горы серебра,
Не знаю завтра, ни вчера,
Доволенъ скромною судьбою
И думаю: къ чему пѣвцамъ
Алмазы, яхонты, топазы,
Порфирныя, пустыя вазы,
Драгія куклы по угламъ,
Къ чему имъ сукна Альбіона
И пышные чахлы Ліона
На модныхъ креслахъ и столахъ,
Какая нужда въ зеркалахъ,
И ложе шалевое въ спальней?
Не лучше-ли въ деревнѣ дальней
Или въ смиренномъ городкѣ
Вдали столицъ, заботъ и грома
Укрыться въ мирномъ уголкѣ,
Съ которымъ роскошь незнакома,
Гдѣ можно въ праздникъ отдохнуть!
О если-бы когда нибудь
Сбылись поэта сновидѣнья!
Ужель отрадъ уединенья
Ему вкусить не суждено?
\+ [1]) Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
Съ заборами—въ рѣкѣ волнистой—
Съ мостомъ и рощею тѣнистой
Зерцаломъ водъ отражено.
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселый садъ,
Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ клёновъ темный рядъ
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумятъ.—
Туда зарею поспѣшаю

[1]) + отмѣчены мѣста, напечатанныя г. Анненковымъ. В. Я.

Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ [1]).
Въ лугахъ тропинку извиваю,
Тюльпанъ и розу поливаю,
И счастливъ въ утреннихъ трудахъ!
Вотъ здѣсь подъ дубомъ наклоненномъ
Съ Гораціемъ и Лафонтеномъ
Въ пріятныхъ погруженъ мечтахъ;
Вблизи ручей шумитъ и скачетъ,
И мчится въ влажныхъ берегахъ.
И свѣтлый токъ съ досадой прячетъ
Въ сосѣднихъ рощахъ и лугахъ.
Но вотъ ужъ полдень.—Въ свѣтлой залѣ
Весельемъ круглый столъ накрытъ;
Хлѣбъ соль на чистомъ покрывалѣ;
Дымятся щи; вино въ бокалѣ;
И щука въ скатерти лежитъ.
Сосѣди шумною толпою
Взошли, прервали тишину.
Садятся; чашъ внимаемъ звону;
Всѣ хвалятъ Вакха и Помону—
И съ ними красную весну. +
Вотъ кабинетъ уединенный,
Гдѣ я Москвою утомленный
Вдали обманчивыхъ красотъ,
Вдали нахмуренныхъ заботъ
И той волшебницы лукавой,
Которая весь міръ вертитъ,
Въ трубу немолчную гремитъ,
И—помнится—зовется славой—
Живу съ природной простотой,
Съ философической забавой
И съ музой рѣзвой и младой...
+ Вотъ мой каминъ—подъ вечеръ темный,
Осенней бурною порой,
Люблю подъ сѣнію укромной
Предъ нимъ задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать,
Или въ минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать
И жечь потомъ свои творенья—
Вотъ здѣсь... но быстро привидѣнья,
Родясь въ волшебномъ фонарѣ,
На бѣломъ полотнѣ мелькаютъ—
Мечты находятъ, исчезаютъ,
Какъ тѣнь на утренней зарѣ. +
Межъ тѣмъ какъ въ кельѣ молчаливой,
Во плѣнъ отдался я мечтамъ,

[1]) Въ рукописи: въ рукѣ. В. Я.

Рукой безпечной и лѣнивой
Разбросивъ ризмы здѣсь и тамъ.
+ Я слышу топотъ, слышу ржанье;
Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
Въ блестящемъ ментика [1]) сіяньи
Гусаръ промчался подъ окномъ...
И гдѣ вы, мирныя картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльяхъ я мечты;
Огни во станѣ догораютъ,
Межъ нихъ, окутанный плащомъ,
Съ сѣдымъ. усатымъ казакомъ
Лежу,—вдали штыки сверкаютъ, +
Лихіе ржутъ, бразды кусаютъ,
Да изрѣдка грохочетъ громъ,
Летя съ высокаго раската...
Трепещетъ бранью грудь моя.
При блескѣ браннаго булата,
Огнемъ пылаетъ взоръ, и я
Лечу на гибель супостата.
Мой конь въ ряды враговъ орломъ
Несется съ грознымъ сѣдокомъ,
Съ размаха сыплются удары...
О вы, отеческіе Лары,
Спасите юношу въ бояхъ!
Тамъ свищетъ саблей онъ зубчатой,
Тамъ киверъ зыблется пернатой; (sic).
Съ черкесской буркой на плечахъ
И молча преклонясь ко гривѣ,
Опъ мчитъ стрѣлой по скользкой нивѣ
Съ цыгарой дымною въ зубахъ....

Но лаврами побѣдъ увиты
Бойцы изъ чаши мира пьютъ;
Военной славою забытый
Спѣшу въ смиренный мой пріютъ:
Нашедъ на полѣ битвъ и чести
Одни болѣзни костыли,
На вѣкъ оставилъ саблю мести...—
Ужъ вижу въ сумрачной дали
Мой тѣсный домикъ, рощи темны,
Калитку, садикъ, ближній прудъ,
И снова я, философъ скромный,
Укрылся въ милый мнѣ пріютъ,
И міръ забывъ, и имъ забвенный
Покой души вкушаю вновь.

---

[1]) Въ рукописи описка: ментіп. В. Я.

Скажи, о сердцу другъ безцѣнный:
Мечта-ль и дружба, и любовь?
Доселѣ въ рѣзвости безпечной
Брели по розамъ дни мои,
Въ невинной ясности сердечной
Не зналъ мученій я любви.
Но быстро день за днемъ умчался,
Гдѣ-жъ дѣтства ранніе слѣды?
Прелестный возрастъ миновался,
Увяли первые цвѣты!
Ужъ сердце въ радости не бьется
При миломъ видѣ мотылька,
Что въ воздухѣ кружитъ и вьется
Съ дыханьемъ тихимъ вѣтерка,—
И въ безпокойствѣ непонятномъ
Пылаю, тлѣю, кровь горитъ,
И все языкомъ сердцу внятнымъ
О нѣжной страсти говоритъ — —
Подруга возраста златаго,
Подруга красныхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Тебя-ли вижу, взоровъ свѣтъ,
Другъ сердца, милая * * *,
Вездѣ со мною образъ твой,
Вездѣ со мною призракъ милый,
Во тьмѣ полуночи унылой,
Въ часы денницы золотой
То на концѣ аллеи темной
Вечерней, тихою порой,
Одну, въ задумчивости томной,
Тебя я вижу предъ собой,
Твой шалью станъ непокровенный,
Твой взоръ на груди потупленный,
Въ щекахъ любви стыдливый цвѣтъ...
Все тихо, брежжетъ лунный свѣтъ,
Нахмурясь тополь шевелится,
Ужъ сумракъ тусклой пеленой
На холмы дальніе ложится,
И завѣсъ рощицы струится
Надъ тихо спящею волной,
Осеребренною луной.
Одна ты въ рощицѣ со мною,
На костыли мои склонясь,
Стоишь подъ ивою густою,
И вѣтеръ сумраковъ, рѣзвясь,
На снѣжну грудь прохладой дуетъ,
Играетъ локономъ власовъ
И ногу стройную рисуетъ
Сквозь бѣлоснѣжный твой покровъ...
То часомъ полночи глубокимъ

Предъ теремомъ твоимъ высокимъ
Угрюмой зимнею порой,
Я жду красавицу драгую —
Готовы сани; мракъ густой;
Все спитъ, одинъ лишь я тоскую,
Зову часовъ лѣнивый бой...
И шорохъ чудится глухой,
И вотъ ужъ шопотъ слышу сладкой,
Съ крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша, идетъ украдкой,
И дѣва друга обняла.
Помчались кони, вдаль пустились,
По вѣтру гривы распустились,
Несутся въ снѣжной глубинѣ,
Прижалась робко ты ко мнѣ, —
Чуть-чуть дыша; мы обомлѣли
Въ восторгахъ чувства онѣмѣли ..
Но что! мечтанья отлетѣли!
Увы! я счастливъ былъ во снѣ...
Въ отрадной музамъ тишинѣ
Простыми звуками свирѣли,
Мой другъ, я для тебя воспѣлъ
Мечту, младыхъ пѣвцовъ удѣлъ;
Питомецъ музъ и вдохновенья,
Стремясь фантазіи во слѣдъ,
Находитъ въ сердцѣ наслажденья
И на пути грозящихъ бѣдъ.
Минуты счастья золотыя
Пускай мнѣ Клаѳо не совьетъ,
Въ мечтахъ всѣ радости земныя!
Судьбы всесильнѣе поэтъ.

25_1 и 25_2. «Усы, философическая ода». Въ концѣ помѣта: «писано 8-го марта 1817». Послѣднее изданіе относитъ это стихотвореніе, на основаніи письма Илличевскаго, къ 1816-му году; очень можетъ быть, что въ помѣтѣ слово «писано» обозначаетъ переписано, ср. дальше 31. Варіанты противъ печатнаго.—I. 120.

26_1, 26_2 и 27_1. «Безвѣріе». «Надо». Поправки и варіанты, главнѣйшіе изъ которыхъ, по «Библіографическимъ Запискамъ», приведены въ примѣчаніяхъ послѣдняго изданія. Кромѣ того, послѣ десятаго стиха:

Найдите тамъ его, гдѣ илистый ручей
Проходитъ медленно среди нагихъ полей,
Гдѣ сосенъ вѣковыхъ таинственныя сѣни,
Шумя, на влажный мохъ склонили вѣчны тѣни;
Взгляните и проч.

—I. 175 и 491.

27_2—неписанный.

28_1 и 28_2. «Элегія». «Опять я вашъ, о юные друзья!». Поправки противъ печатнаго.—I. 153.

29_1 — 31_1. «Моему Аристарху (1815)»; въ концѣ помѣта: «10-го марта 1817 (переписано)». Впервые это посланіе было напечатано въ изданіи 1855 г., гдѣ оно было, неизвѣстно почему, прямо въ противорѣчіе съ помѣтами Пушкина, отнесено къ 1819-му году. На основаніи указаній г. Гаевскаго послѣднее изданіе перенесло эту піэсу въ 1817-й годъ; теперь приходится ее перенести еще на два года. Полный текстъ, съ поправками какъ въ печатномъ и съ варіантами. Привожу главный варіантъ (къ концу 165-й страницы):

Не думай, цензоръ мой угрюмой,
(Что я) бѣснуюсь по ночамъ,
Объятый стихотворной думой
(Покоемъ жертвую) стихамъ,
(Что бѣгая по всѣмъ угламъ,
Ерошу волосы клоками,
Подобно Фебовымъ жрецамъ
Сверкаю грозными очами)...

Затѣмъ вотъ пропущенное г. Анненковымъ мѣсто (къ стр. 166-й):

... И сказочекъ довольно скучныхъ.
Люблю я праздность и покой
(И) мнѣ досугъ (совсѣмъ) не бремя
(И ѣсть и пить найду я [1]) время.
Когда (жъ) нечаянной порой
Стихи кропать найдетъ охота,
На славу дружбы иль Эрота,
(Я мигомъ трудъ окончу свой).
Сижу-ли съ добрыми друзьями,
(Лежу-ль въ постелѣ пуховой)
Брожу-ль надъ тихими водами
Въ дубравѣ темной и глухой,
Задумаюсь — взмахну руками,
На рифмахъ вдругъ заговорю,
И никого ужъ не морю
Моими тайными стихами.
Но если я когда нибудь,
Желая въ нѣгѣ отдохнуть,
(Расположусь передъ) каминомъ
Одинъ, свободнымъ господиномъ,
Поймаю прежню мысль мою —
То не для имени поэта

[1]) Надъ зачеркнутымъ написана неоконченная поправка: „и днемъ найду себѣ“. В. Я.

Мараю два иль три куплета
И ихъ въ полголоса пою.
Но знаешь-ли, о мой гонитель... и проч.

Пропуска, обозначеннаго точками на страницѣ 167-ой, нѣтъ:

... И сокращать мои страницы?
Нашъ другъ Лафоръ [1]), Шольё, Парни,
Враги труда, заботъ, печали... и проч.

I. 165—167.

31_2. «Письмо къ Лидѣ (1817)». Поправки неокончены; текстъ, напечатанный г. Анненковымъ, составленъ изъ первоначальнаго текста и изъ нѣкоторыхъ поправокъ. Есть варіанты.—I. 174.

32_1 и 33_2. «Разлука (1816)». Печатный текстъ съ поправками.

33_1. «Красавицѣ, которая нюхала табакъ (1814)». Печатный текстъ (послѣдняго изданія) съ неоконченными поправками. Послѣ стиха: Разсыпался на грудь подъ шелковый платокъ—зачеркнуто:

Проникнуть захотѣлъ—о сладость вожделѣнья—
До тайныхъ прелестей, которы самъ Эротъ
Запряталъ за лѣса, за горы,
Чтобъ не могли нескромны взоры
Открыть вмѣстилище божественныхъ красотъ.

Надъ первымъ изъ приведенныхъ зачеркнутыхъ стиховъ начатъ стихъ: «И даже можетъ быть»..., что, можетъ, слѣдуетъ соединить со стихомъ четвертымъ съ конца (I, стр. 24), который въ рукописи читается:

Но что? мечта, (мечта) пустая,

такъ что составной стихъ будетъ:

И даже можетъ быть... но что? мечта пустая.

Предпослѣдній стихъ измѣненъ въ рукописи такъ:

Судьба, завистливая, злая.

Стихъ:

Чаекъ въ прикуску попиваетъ

зачеркнутъ, а съ боку послѣ слѣдующаго стиха приписано:

Злословитъ, молится, зѣваетъ.

Остальныя поправки неокончены.—I. 23.

Сообщ. В. Е. Якушкинъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

---

[1]) Г. Анненковъ прочелъ ошибочно Шамфоръ.

КНЯЗЬ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ.

Письма къ А. О. Россетти.

I.

Ковно. Іюня 13-го 1855 г.

Здравствуйте, ваше превосходительство! Съ вами послѣднимъ, почти тому четыре года, простился я выѣзжая изъ Россіи! Вамъ и первое мое привѣтствіе при возвращеніи, но жаль, что заочное. А между тѣмъ есть до васъ и покорнѣйшая просьба. Мы оставляемъ въ Ковнѣ карету свою, а беремъ почтовую. Наша измучила насъ на переѣздѣ сюда изъ Варшавы, поминутно ломалась и по часамъ задерживала насъ на станціяхъ. Карета изволите видѣть парижская и вѣроятно на насъ отомщаетъ два неудачные французскіе штурма на Севастополь. При случаѣ прикажите перевезти ее къ себѣ и держите ее военноплѣнною, пока я съ вами не спишусь и не скажу что съ нею дѣлать. Здѣсь я никого не знаю и потому ни къ кому довѣренности имѣть не могу. Боюсь, что ее заѣздятъ и совсѣмъ испортятъ. Карета остается на почтѣ у почтмейстера Реута, который беретъ ее на двѣ недѣли. Потрудитесь, любезнѣйшій Аркадій Осиповичъ, такъ распорядиться, чтобы по сношеніи съ г. Реутомъ была она вамъ доставлена какъ можно удобнѣе и дешевле. Простите мнѣ, что навязываю на васъ эти хлопоты, но что же дѣлать? Русская земля есть земля хлопотъ. Какъ ступимъ на нее, то сейчасъ возникаютъ затрудненія. Жизнь за границею только тѣмъ и хороша, что она очень упрощена въ матеріальномъ, житейскомъ, повседневномъ отношеніи. Закревскій говоритъ о французахъ: «нація шельма». Совершенно справедливо и почти тоже можно сказать и о нѣмцахъ. Но должно признаться, что у нихъ жить легко. Жизнь устроенная машина, а у насъ жизнь рукодѣльная, вездѣ рвется, все на живую или, вѣрнѣе сказать, на гнилую-нитку. Не взыщите за это горькое изрѣченіе человѣка, ко-

торый очень худо пообѣдалъ въ Ковенской гостинницѣ и сейчасъ садится на трое сутокъ въ почтовую карету и предвидитъ, что еще трое сутокъ будетъ скверно ѣсть. А что ждетъ меня въ Петербургѣ! печальныя встрѣчи и горестныя впечатлѣнія другаго рода и дѣйствующія на душу. До худыхъ временъ дожили мы. Странно возвращаться на святую Русь съ мыслью, что съ разныхъ концовъ напираютъ на нее англичане, французы, турки, сардинцы. Мы этого не предвидѣли, гуляя съ вами въ Виленскомъ саду. Посылаю вамъ при семъ les 30 lettres d'un vétéran, изъ коихъ нѣкоторыя, можетъ быть, вамъ уже извѣстны. Въ Дрезденѣ провелъ я нѣсколько дней съ Клементіемъ. Онъ здоровъ и по прежнему милъ и забавенъ. Слышно, что вы совершенно овиленчились и огубернаторились и уже не думаете съ тоскою о Петербургѣ. И прекрасно. Въ жизни должно непремѣнно нести обязанность и обузу и принимать и скучное au sérieux. Жена моя вамъ сердечно кланяется. Передайте также нашъ преданный поклонъ Ильѣ Гавриловичу и скажите, что жена моя и я помнимъ съ благодарностью дружескую заботливость его о насъ въ проѣздъ нашъ чрезъ Вильну.

Прочтете ли мою тарабарскую грамату, которая отъ Ковенскихъ чернилъ еще неразборчивѣе?

Душевно васъ обнимаю. Вяземскій.

II.

Петергофъ. 21 го іюля 1855 г.

Только сейчасъ получаю, любезнѣйшій Аркадій Осиповичъ, письмо ваше отъ 10-го. Заключаю изъ этого, что гр. Клейнмихель еще не устроилъ желѣзной дороги между вами и нами. Охотно принимаю предложеніе ваше и карета моя къ услугамъ Иліи Гавриловича. Не совсѣмъ понимаю и признаюсь не совсѣмъ разобралъ того, что вы пишите мнѣ объ издержкахъ проѣзда. Но во всякомъ случаѣ предоставляю вамъ распорядиться какъ заблагоразсудите и обѣщаю впредь ни спорить, ни прекословить, а заранѣе обязываюсь благодарить. Одно предостереженіе: колеса патентованныя, т. е. мазать ихъ не нужно, а надобно влить въ нихъ предъ отъѣздомъ, на одинъ разъ и на нѣсколько мѣсяцевъ, оливковаго масла, чистаго, безъ соли. Дайте мнѣ знать сколько и кому выдать мнѣ денегъ за всѣ расходы. Если мы ѣхали бы въ своей каретѣ, то непремѣнно вызвали бы васъ куда нибудь на свиданіе, или сами заѣхали бы къ вамъ въ гости, изъ благодарности къ Вильнѣ, которая одна осталась въ памяти моей

свѣтлою точкою въ проѣздъ мой чрезъ Россію и даже до Парижа. Но мы душу и тѣло свое продали маль-почтѣ и нечего было-думать о свѣтлыхъ точкахъ. Все была тьма кромѣшная. Я такъ въ дорогу эту измучился, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, боялся я быть въ необходимости поворотить оглобли назадъ и опять воротиться къ Карлсбадскому водопою. Такъ нервы мои разстроились и забрянчали какъ не настроенная балалайка и такъ напугала меня безсонница въ первыя ночи моего пріѣзда. Но благодаря Бога, все по маленьку приходитъ въ порядокъ. Живемъ теперь въ Петергофѣ въ гостяхъ, на дачѣ принцессы Ольденбургской. Мы съ нею и съ ея семействомъ провели зиму въ Швейцаріи, въ Веве; они насъ очень полюбили и требовали, чтобы мы лѣто прожили съ ними. Главное здѣшнее развлеченіе смотрѣть на непріятельскій флотъ предъ Кронштатомъ. Право иногда думаешь, что все это страшный и нелѣпый сонъ, или бредъ на яву. Признаюсь, я къ этому зрѣлищу и къ этимъ понятіямъ еще худо привыкаю. Но здѣсь вообще всѣ приглядѣлись и оравнодушились. Слѣдствіе ли это великодушія и мужества или легкомыслія, рѣшить не берусь. Впрочемъ и я не унываю. Имѣю надежду и даже неясное, но глубокое убѣжденіе, что Богъ, насъ порядочно за волоса потрепавъ, послѣ и погладитъ. Но на человѣческіе расчеты, умозрѣнія и умозаключенія здѣсь мѣста нѣтъ. Вѣрь и уповай, вотъ и весь расчетъ. Настоящаго времени съ 12-мъ годомъ сравнивать нельзя. Тогда непріятель сдуру ворвался въ глубь Россіи. Онъ долженъ былъ погибнуть. Россіи просторно было распататься и задавить его. Теперь непріятель дѣйствуетъ противъ насъ на опушкѣ нашей и, что всего хуже, на мокрой опушкѣ, гдѣ мы можемъ противодѣйствовать ему однимъ бездѣйствіемъ. Пожалуй, онъ не выгналъ насъ изъ дома, но заперъ насъ въ домѣ нашемъ и бьетъ тѣхъ, которые выглядываютъ въ окна. Трудно предвидѣть исходъ изъ этого положенія, даже если мы съ помощью Божіей и мужества нашихъ героевъ-мучениковъ удержимся въ этомъ положеніи. Развѣ самъ непріятель утомится и отстанетъ. Но когда? и они каналіи живущи и упрямы. А все таки если этотъ урокъ, это испытаніе будутъ намъ въ прокъ, то жаловаться будетъ нечего. За битаго двухъ не битыхъ даютъ. Но это уже ваше дѣло, господа начальники, военачальники, градоначальники, научиться отъ событій въ чемъ нуждается Россія, гдѣ лежитъ разная гадина и всякаго рода гадость и гдѣ раки зимуютъ, чтобы ловить ихъ зимою, а нашему брату со стороны только молиться, чтобы умудрилъ васъ Господь, прочистилъ глаза и проковырялъ уши, не много заглохшія; радуюсь, что мой ветеранъ вамъ по сердцу. Здѣсь боюсь сдѣлаться

инвалидомъ. Отъ жены моей сердечный вамъ поклонъ. Душевно вамъ преданный Вяземскій.

Пишите мнѣ, когда вздумается, въ государственный заемный банкъ. Здоровье Мещерской все плохо; Софія молчалива и грустна, а впрочемъ тѣлесно и умственно здорова. Не знать бы ея прежде, то нечему было бы и дивиться.

ЮРІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ САМАРИНЪ.

Письмо къ А. О. Россетти.

Усердно васъ благодарю, почтеннѣйшій Аркадій Осиповичъ, за Margerie: la restauration de la France. Книга эта такъ замѣчательна по тонкости и глубинѣ психологическаго анализа, по строгости наведенія отъ внѣшнихъ, наружныхъ признаковъ къ корню всѣхъ недуговъ и по какой то мужественной трезвости, такъ напоминающей покойнаго Вине, что я захотѣлъ самъ пріобрѣсти ее; но у книгопродавцевъ ея не оказалось. Съ вашей легкой руки, всѣ экземпляры распроданы. Между тѣмъ, книга эта будетъ мнѣ нужна, я можетъ быть выпишу изъ нея кое-что въ отвѣтъ Кавелину. Нельзя ли вамъ отдать мнѣ вашъ экземпляръ, а выписанный мною, который скоро получится, я тотчасъ же вамъ доставлю.

Потрудитесь передать Помпею Никол. Батюшкову прилагаемый IV выпускъ «Окраинъ», о которомъ онъ меня давно просилъ.

Душевно вамъ преданный Юрій Самаринъ.

ШКОЛА ГВАРДЕЙСКИХЪ ПОДПРАПОРЩИКОВЪ И ЮНКЕРОВЪ

въ воспоминаніяхъ одного изъ ея воспитанниковъ.

1845—1849 гг.

IV [1]).

Внѣ стѣнъ школы времяпрепровожденіе юнкеровъ и подпрапорщиковъ обусловливалось, конечно, тѣмъ, въ какой семьѣ они жили, въ какомъ обществѣ вращались и какими каждый изъ нихъ могъ располагать денежными средствами. Послѣднее обстоятельство способствовало тому, что въ кавалеріи было болѣе кутежа, чѣмъ въ пѣхотѣ. Гусарское ухарство, воспѣтое Давыдовымъ, тогда еще не вышло изъ моды и сохраняло всю свою заманчивость для мальчиковъ-юнкеровъ.

Входъ въ рестораны, кофейни и т. п. благородные кабачки былъ намъ воспрещенъ, но запретъ этотъ легко обходился благодаря тому, что въ большинствѣ сихъ заведеній существовали отдѣльные ходы, ведущіе въ особые кабинеты, куда мы и пробирались совершенно свободно. Излюбленными заведеніями у насъ были несуществующіе уже нынѣ рестораны: Излера (въ домѣ Армянской церкви) и Лерхе (на Невскомъ, противъ Троицкаго переулка). Впрочемъ, такъ какъ ихъ посѣщали преимущественно днемъ, то и кутежъ тамъ шелъ болѣе сдержанный; вечернія же собранія обыкновенно происходили у котораго либо изъ товарищей, проживавшаго на квартирѣ холостаго брата, или при родственникахъ, слишкомъ снисходительно относившихся къ проказамъ молодежи; иногда же—просто въ импровизированномъ помѣщеніи, временно нанятомъ самими юнкерами. Тутъ мы бѣсились, кто во что горазд, и старались отличиться другъ передъ другомъ въ жертвоприношеніяхъ Бахусу. Ужинъ завершался иногда варенiемъ жженки, причемъ сахаръ растапливался не иначе, какъ

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XLI, январь, стр. 203—216.

на скрещенныхъ надъ кострюлею сабляхъ: того ужъ гусарскія преданія требовали! Подгулявъ какъ слѣдуетъ, расходившіеся юноши нерѣдко отправлялись доканчивать ночь въ другія веселыя мѣста. Къ числу подобныхъ веселыхъ мѣстъ принадлежали и такъ называемые танцклассы, гдѣ собиралось общество обоего пола для упражненій въ хореографическомъ искусствѣ. Что уже это было за общество — можно себѣ легко представить! Наша военная молодежь наѣзжала туда не столько для забавы, сколько для скандала, и одно изъ главныхъ ея наслажденій состояло въ томъ, чтобы затѣять побоище съ мирными гражданами и изгнать ихъ изъ танцевальной залы; это тоже входило въ кодексъ молодецкихъ пріемовъ Давыдовскаго гусарства. Для такихъ побоищъ собиралась обыкновенно цѣлая ватага, съ двумя-тремя силачами во главѣ. Не знаю, чаще ли юные воины одерживали тутъ побѣды, или чаще были побиваемы (я самъ никогда не бывалъ въ танцклассахъ); но знаю, что однажды, мои же товарищи, уже выпускные, едва было сильно не поплатились за свое quasi-молодечество. Подкутивъ гдѣ-то и затѣявъ въ танцклассѣ генеральную битву съ фрачниками, они, повидимому, претерпѣли пораженіе и должны были ретироваться столь поспѣшно, что не успѣли захватить своихъ шинелей, которыя всѣ были захвачены полиціею; на шинеляхъ же у насъ надписывались имена ихъ владѣльцевъ, такъ что утаиться было никакъ нельзя. Надо прибавить, что между этими злополучными буянами попались лучшіе ученики нашего класса — юноши обыкновенно смирные, но тутъ, должно быть, уже черезъ мѣру выпившіе. Въ случаѣ огласки, послѣдствія для нихъ могли бы выйдти крайне печальныя; но Сутгофъ употребилъ всѣ старанія, что бы спасти ихъ и потушить дѣло въ самомъ началѣ. Это ему удалось. Какъ?—того я не знаю, но думаю, что главную роль тутъ играли кредитные билеты, взысканные фрачниками за безчестіе, или склонившіе тогдашнихъ блюстителей порядка къ болѣе снисходительному взгляду на это дѣло. Все окончено было семейно: юнкера и подпрапорщики, проявившіе несвоевременное ухарство, посажены были подъ арестъ и оставлены безъ отпуска на неопредѣленное время.

Что касается соблюденія правилъ воинскаго чинопочитанія, выражаемаго въ отдаваніи чести встрѣчающимся офицерамъ, то никто не былъ исправнѣе подпрапорщиковъ и юнкеровъ. Къ этому отчасти подстрекало насъ желаніе отличиться отъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ, которые отдавали честь довольно небрежно. Такъ какъ мы почитали себя выше кадетъ, то походить на нихъ въ чемъ бы то ни было считалось у насъ признакомъ дурного тона.

Для тѣлеснаго упражненія учениковъ, въ школѣ не доставало

главнаго — гимнастики, хотя таковая существовала во всѣхъ прочихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Причиною отсутствія столь важнаго элемента физическаго воспитанія былъ, повидимому, лишь недостатокъ въ помѣщеніи. Впрочемъ надо замѣтить, что въ то время гимнастикѣ еще не придавали такого значенія, какъ нынѣ; иначе Сутгофъ навѣрное умудрился бы достать и мѣсто, и средства для ея устройства. Взамѣнъ гимнастики заведены были у насъ разныя игры на чистомъ воздухѣ, какъ то: гигантскіе шаги, городки, кегли, а зимою устроивались ледяныя горы для катанья на салазкахъ; обучали насъ и фехтованію, но занимались имъ не очень усердно.

Физику нашу развивали, преимущественно, одиночнымъ ученьемъ со всѣми тонкостями тогдашняго рекрутскаго устава. Свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ, черезъ какія мудреныя штуки проводили тогда новобранца, что бы сдѣлать изъ него настоящаго солдата. Въ школу, для обученія воспитанниковъ фронту, прикомандированы были унтеръ-офицеры разныхъ гвардейскихъ полковъ, поглотившіе премудрость «одиночки» и долженствовавшіе посвящать насъ во всѣ ея таинства. Начинали съ обученія стойкѣ, поворотамъ и полу-оборотамъ, и когда новичокъ достигалъ въ этомъ надлежащей степени совершенства, тогда приступали къ маршировкѣ. Маршировали тихимъ, скорымъ, вольнымъ и бѣглымъ шагами; но и къ этому приступали не вдругъ, а начинали съ такъ называемыхъ учебныхъ шаговъ, которыхъ было три: въ три пріема, въ два пріема и въ одинъ пріемъ. Этимъ учебнымъ шагамъ, (при которыхъ требовалось вытягиваніе носка по возможности на одну линію съ верхнею частію ноги) придавалось очень важное значеніе.

Когда новичекъ оказывался достаточно преуспѣвшимъ въ одиночной выправкѣ, ему нашивали погончики на куртку [1]) и давали въ руки ружье. Ружья воспитанникамъ изготовлялись двухъ размѣровъ: побольше, для старшаго возраста, и поменьше, для младшаго; но и въ старшемъ возрастѣ они были гораздо легче солдатскихъ. Однако, при всей легкости этого несмертоноснаго вооруженія, мы не скоро привыкали съ нимъ справляться, благодаря существовавшему тогда нелѣпому правилу держать ружье въ лѣвой рукѣ, подъ прикладъ, причемъ требовалась совершенная вертикальность его положенія. Съ непривычки всѣхъ насъ кренило на лѣвый бокъ и всѣ мы сна-

[1]) Въ стѣнахъ заведенія, подпрапорщики носили короткую темнозеленую куртку съ краснымъ воротникомъ и брюки сѣроспняго сукна, а юнкера таковую же куртку и рейтузы, подшитые съ внутренней стороны кожею; юнкера носили и шпоры, которыми очень щеголяли, но которыя давались лишь преуспѣвшимъ въ верховой ѣздѣ. Авт.

чала изображали подъ ружьемъ весьма каррикатурный видъ, особенно во время маршировки шагомъ «журавлинымъ» (т. е. тихимъ).

Когда новичекъ пріучался держать ружье, тогда приступали къ обученію его ружейнымъ пріемамъ, коихъ было великое множество. Тутъ тоже соблюдалась извѣстная постепенность: начинали съ отдаванія чести (на кра-улъ!), а кончали примѣрнымъ заряжаніемъ. Послѣдній пріемъ былъ особенно интересенъ: онъ раздѣлялся не болѣе ни менѣе какъ на двѣнадцать такъ называемыхъ темповъ [1]), и хотя въ настоящемъ дѣлѣ конечно никогда не употреблялся, но долженъ былъ пріучать солдата къ послѣдовательности въ порядкѣ заряжанія ружья, которое тогда было еще кремневымъ. Кажется, на второй или третій годъ моего пребыванія въ школѣ намъ дали ружья пистонныя и тогда число темповъ значительно сократилось.

Соотвѣтственно успѣхамъ, оказываемымъ по фронту, воспитанники у насъ дѣлились на три разряда; каждый разрядъ обучался отдѣльно [2]), а одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ, всѣ разряды сводились для общаго ученья, составлявшаго спеціальность нашего ротнаго командира, полковника Л., который постигъ всѣ тонкости стойки, маршировки и ружейныхъ пріемовъ. Отъ времени до времени, когда изобрѣтался новый фортель по фронтовой части, приглашался на эти ученья какой нибудь артистъ изъ кадровыхъ офицеровъ тогдашняго образцоваго полка (служившаго разсадникомъ учителей для всей арміи) и тотъ показывалъ намъ уже такіе фокусы, что мы только диву давались.

Охотниковъ до этой фронтовой эквилибристики между нами являлось немного; мы, хотя и были очень юны, однако сознавали ея безполезность для настоящаго дѣла; но въ тѣ времена военному человѣку безъ нея нельзя было и шагу ступить; весь служебный успѣхъ на этомъ, зачастую, основывался.

Важнымъ вопросомъ по части фронта представлялась также подготовка такъ называемыхъ парадировокъ, которыя составлялись изъ 12 человѣкъ подпрапорщиковъ или юнкеровъ, при двухъ унтеръ-офицерахъ, и должны были принимать участіе въ разводахъ съ церемоніею, производившихся почти каждое воскресенье, въ Михайловскомъ манежѣ. Парадировки эти посылались отъ роты и эскад-

---

[1]) Заряжаніе на 12 темповъ: слушай: 1) къ заряду! 2) чехлы долой! открой полки! 3) вынь патронъ! 4) скуси патронъ! 5) насыпь! 6) закрой полки! 7) оборотни ружье! 8) патронъ въ дуло! 9) за шомполъ! 10) бей! 11) шомполъ въ ложе! 12) на плечо!

[2]) Я пишу о томъ, что было въ ротѣ; въ эскадронѣ же, конечно, главную роль играла верховая ѣзда. Авт.

рона, по очередно, и, конечно, составлялись изъ воспитанниковъ наиболѣе видныхъ или наиболѣе преуспѣвшихъ во фронтовомъ образованіи. Кромѣ того, посылаемы были на эти разводы отъ роты вѣстовые, а отъ эскадрона конные ординарцы, для представленія государю. Сюда уже, понятно, назначали отличнѣйшихъ фронтовиковъ и ѣздоковъ; или же, для потѣхи царя, посылали какихъ-нибудь лиллипутовъ, и императоръ Николай Павловичъ иногда поднималъ такого вѣстоваго, держащаго ружье на краулъ, на руки и цѣловалъ его.

Помню, что сильно былъ я взволнованъ, когда въ первый разъ пошелъ въ парадировку. Вся окружающая обстановка: масса войскъ, густыя группы блестящихъ генераловъ и офицеровъ, присутствовавшихъ при разводѣ, громъ музыки—все это отдавалось сильнымъ впечатлѣніемъ на юношескомъ сердцѣ. Со страхомъ взирали мы на прохаживавшуюся по рядамъ суровую фигуру главнаго начальника всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, великаго князя Михаила Павловича; но когда появлялся у входной двери величественный обликъ императора Николая, звонкимъ голосомъ привѣтствовавшаго свои войска, мы исполнялись какимъ-то особеннымъ одушевленіемъ и, кажется, душу готовы были сейчасъ же положить за него. И точно, видъ его, для военной молодежи, былъ обаятеленъ: огромный ростъ и классически-прекрасная наружность соединялись въ немъ съ такимъ величіемъ всей осанки, что конечно и не знающій его человѣкъ сразу призналъ бы его, въ толпѣ другихъ людей, за царя. Мнѣ казался онъ воплощеніемъ физической мощи и душевнаго величія и я, какъ и большинство моихъ товарищей, глядѣлъ на него съ чувствомъ благоговѣнія.

Вообще, я думаю, что каждый изъ обучавшихся въ то время въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, переносясь мысленно къ своимъ дѣтскимъ и юношескимъ лѣтамъ, связываетъ съ воспоминаніемъ о нихъ и воспоминаніе объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Темныя стороны тогдашняго государственнаго и общественнаго строя (неизбѣжныя, впрочемъ, при каждомъ правителѣ и при каждомъ родѣ правленія) намъ были еще неизвѣстны, или же мы такъ привыкли къ нимъ, что и замѣчать не могли; либеральныя идеи, тайкомъ бродившія среди общества, въ школѣ далеко не пользовались сочувствіемъ; а между тѣмъ, внѣшняго блеска и всего, что можетъ дѣйствовать на воображеніе военной молодежи, было много. Мы вѣрили и въ насъ старались утвердить это вѣрованіе, что Россія сильнѣе и могущественнѣе всѣхъ прочихъ государствъ, что армія наша непобѣдима, что голосъ Россіи имѣетъ первенствующее значеніе въ международныхъ дѣлахъ и т. п. Мы гордились величіемъ своего отечества и идею этого величія воплощали въ государѣ, который, какъ

уже сказано,—дѣйствительно служилъ олицетвореніемъ царственной красоты и силы.

Правдивая характеристика императора Николая—дѣло будущихъ бытописателей Россіи. Непосредственно послѣ его кончины много поднялось воплей противъ него и огульное порицаніе, какъ правителя и человѣка; но, конечно, безпристрастная исторія современемъ отдастъ ему во многомъ должную справедливость.

Мы, юноши того времени, глядѣли на него почти какъ на полубога и, когда только представлялся случай, заявляли это шумными выраженіями своего восторга. Съ особенною силою выражался нашъ энтузіазмъ, когда государь посѣщалъ школу (обыкновенно одинъ разъ въ зиму); счастливымъ считалъ себя тотъ, кому удавалось подать ему шинель или подсадить его въ сани, за которыми съ крикомъ ура! всѣ юнкера и подпрапорщики бѣжали до самой улицы.

Величественная и внушительная его наружность являлась особенно привлекательною, когда озарялась ласковою улыбкой, чарующая сила которой была неотразима; но за то гнѣвъ его былъ точно страшенъ. Помню, что на второй годъ моего пребыванія въ школѣ, во время лагерей, государь свѣдалъ о какихъ то недозволительныхъ проказахъ выпускныхъ пажей и подпрапорщиковъ и рѣшился, какъ кажется, при первомъ случаѣ задать имъ нагоняй. Случай этотъ представился на высочайшемъ смотру. Не знаю, дѣйствительно ли гнѣвался царь, или только притворился гнѣвающимся, но онъ насъ такъ тутъ распёкъ, что у всѣхъ душа ушла въ пятки, и я, воспитанникъ 3-го класса, стоявшій гдѣ-то въ заднихъ рядахъ и къ помянутымъ проказамъ вовсе не причастный, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Послѣ мы узнали, что государь хотѣлъ отложить производство выпускныхъ въ офицеры, но потомъ смилостивился.

Невольно отвлекшись воспоминаніями о царственномъ героѣ нашей юности, возвращаюсь опять къ разсказу о школьной жизни.

V.

Такъ какъ въ описываемое мною время воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній считали нужнымъ пріучать, съ самаго ранняго возраста, къ солдатскому быту, то всѣ эти заведенія, находившіяся въ столицѣ, къ веснѣ сводились въ баталіоны и полки, принимали участіе въ смотру на Марсовомъ полѣ (такъ называемомъ майскомъ парадѣ) и потомъ выводились въ лагерь, расположенный около Петергофа.

Каждый полкъ военно-учебныхъ заведеній состоялъ изъ трехъ баталіоновъ. 1-й баталіонъ 1-го полка былъ сводный: рота подпрапорщиковъ, рота пажей и рота инженеровъ; 4-ю роту составляли

воспитанники лѣснаго института (неизвѣстно для чего тоже привлекавшіеся къ участію въ военныхъ экзерциціяхъ); но они появлялись лишь на майскомъ парадѣ и на весенніхъ ученьяхъ на плацу 1-го кадетскаго корпуса, а въ лагерь съ нами не ходили; остальные два баталіона составлялись изъ воспитанниковъ Дворянскаго полка [1]). Въ составъ 2-го полка военно-учебныхъ заведеній входили баталіоны 1-го, 2-го и Павловскаго кадетскихъ корпусовъ. Кромѣ пѣхоты, имѣлась батарея артиллерійскаго училища, эскадронъ нашихъ юнкеровъ и полу-эскадронъ воспитанниковъ изъ кавказскихъ горцевъ, одѣтыхъ въ свою quasi-національную одежду. Зимою, для научнаго образованія, ихъ распредѣляли по разнымъ кадетскимъ корпусамъ, но къ лагерному времени сводили вмѣстѣ, сажали на какихъ то разношерстныхъ одровъ и обучали конному строю. Это была иррегулярная кавалерія, или баши-бузуки отряда военно-учебныхъ заведеній.

Незадолго передъ выступленіемъ въ лагерь насъ водили, для полковыхъ и баталіонныхъ ученій, въ 1-й кадетскій корпусъ [2]), обладавшій обширнымъ учебнымъ мѣстомъ, расположеннымъ подлѣ тѣнистаго сада. На высокихъ стѣнахъ, окружающихъ этотъ садъ, цѣлы еще были въ то время разныя нравственныя изрѣченія, на французскомъ языкѣ, начертанныя тамъ еще во времена графа Ангальта, управлявшаго корпусомъ въ царствованіе Екатерины II; на одной изъ стѣнъ, кромѣ того, обозначена была мѣра роста Петра Великаго [3]).

Ученья въ 1-мъ корпусѣ производились, обыкновенно, послѣ обѣда и, по надлежащей подготовкѣ, завершались смотромъ великаго князя Михаила Павловича. Особеннаго они ничего не представляли; помню только, что рота лѣсничихъ, сильно хромавшая по фронту, постоянно являлась предметомъ комическаго негодованія нашего ротнаго командира и архи-фронтовика Л., начальствовавшаго 1-мъ баталіономъ; онъ сильно озлобленъ былъ на лѣсныхъ и называлъ ихъ не иначе, какъ «зелеными» (ядовито намекая на ихъ погончики и канты цвѣта надежды). Потѣшались мы также надъ ротнымъ командиромъ Пажескаго корпуса, столь извѣстнымъ въ свое время полковникомъ Жирардотомъ. Онъ командовалъ 2-мъ полу-баталіономъ и своею тощею фигурою и французскимъ произношеніемъ командныхъ словъ, кото-

---

[1]) Въ дворянскій полкъ присылались, на лагерное время, и выпускные кадеты провинціальныхъ корпусовъ.

[2]) Часть зданій этого корпуса занята нынѣ Павловскимъ военнымъ училищемъ.

[3]) Зданіе 1-го корпуса, или часть его, принадлежало когда-то извѣстному любимцу Петра—князю Меншикову. Можетъ быть самъ великій государь, бывъ у него въ гостяхъ, приказалъ намѣтить эту мѣрку. Авт.

рыя онъ выводилъ какою-то дикою фистулою, возбуждалъ во всѣхъ неудержимую веселость.

Послѣ великокняжескаго смотра, обыкновенно въ началѣ іюня, насъ выводили въ лагерь.

Выступленіе въ лагерь происходило слѣдующимъ порядкомъ: весь отрядъ военно-учебныхъ заведеній подводили къ Петергофской заставѣ и затѣмъ выстраивали развернутымъ фронтомъ по одной сторонѣ дороги, правымъ флангомъ къ тріумфальнымъ воротамъ. Здѣсь, воспитанники, одѣтые въ полную походную форму, съ ранцами (конечно, пустыми) ожидали прибытія великаго князя Михаила Павловича. Наконецъ раздавалась команда: смирно! на кра-улъ!—подъѣзжалъ августѣйшій начальникъ и, распростившись со своими питомцами, отпускалъ ихъ въ лѣтнюю резиденцію.

Выступали мы въ лагерь, обыкновенно, уже подъ вечеръ, такъ какъ переходъ въ Петергофъ совершался съ ночлегомъ. Первый привалъ дѣлался у извѣстнаго «Краснаго кабачка», тогда уже увядавшаго, но все таки хранившаго нѣкоторые слѣды былой славы. Содержательницею его въ то время состояла нѣкая г-жа Кессенихъ, гнусной наружности старуха, въ юныхъ лѣтахъ служившая, какъ говорили, въ прусскихъ войскахъ, въ родѣ нашей дѣвицы Дуровой; съ тою только разницею, что послѣдняя была гусаромъ, а Кессенихъ—пѣхотинцемъ; такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствовалъ висѣвшій въ «Красномъ кабачкѣ» портретъ ея, снятый въ молодыхъ лѣтахъ, на которомъ она изображалась въ мундирѣ прусскаго фузилера, съ тесакомъ черезъ плечо. Бранные подвиги сей героини, кажется, не записаны на скрижаляхъ исторіи; знаю я лишь, что на старости лѣтъ она, покинувъ мечъ, возлюбила занятіе увеселительными заведеніями: въ самомъ Петербургѣ содержала танцкласс, а на петергофской дорогѣ царила въ «Красномъ кабачкѣ».

Пріятнѣйшими гостями для нея во время привала отряда военно-учебныхъ заведеній были, конечно, юнкера и подпрапорщики, у которыхъ болѣе, чѣмъ у прочихъ кадетъ, водилось деньжонокъ въ карманѣ. Открытаго потребленія хмѣльныхъ напитковъ у ея буфета намъ, понятно, не дозволяли; но запрещеніе это легко обходилось разными потаенными путями; такъ что нѣкоторые юнкера выходили оттуда въ строй уже колеблющимися шагами. Многіе изъ нихъ, конечно, только представлялись пьяными, такъ какъ это тоже считалось (а, можетъ быть, и доселѣ считается) у мальчишекъ однимъ изъ атрибутовъ гусарской молодцоватости и ухарства.

Послѣ привала, продолжавшагося около полутора часа, раздавались звуки генералъ-марша и весь отрядъ, съ пѣсенниками впереди, двигался въ дальнѣйшій путь, къ ночлежнымъ пунктамъ. Не знаю,

гдѣ останавливались другіе корпуса; школа же ночевала въ деревнѣ Ижоркѣ, близъ Стрѣльны. О ночлегѣ этомъ, воспѣтомъ еще Лермонтовымъ (въ его нецензурной поэмѣ «Уланша») мы, новички, слышали уже много разсказовъ отъ своихъ старшихъ товарищей и, конечно, сгарали желаніемъ вкусить всѣхъ прелестей разыгрывавшейся тамъ ночной оргіи.

По приходѣ въ деревню, насъ размѣщали по избамъ, назначеннымъ высылавшимися впередъ квартиргерами; въ каждой избѣ помѣщалось по отдѣленію. Насъ встрѣчалъ уже накрытый столъ съ казеннымъ ужиномъ; но до этого ужина никто почти не дотрогивался. Начальникъ школы и ротный командиръ обходили всѣ избы и, конечно, находили все въ большомъ порядкѣ и благочиніи; но, по удаленіи ихъ, декорація перемѣнялась; казенныя яства исчезали со стола и поступали въ распоряженіе прислуги, а на мѣсто ихъ являлись разныя закуски и цѣлая батарея винъ, которыя предварительно закупались отдѣленнымъ унтеръ-офицеромъ, на общую складчину. Тутъ начиналась безобразная попойка, приправленная циническими пѣснями, анекдотами и т. п. Мнѣ было, при первомъ походѣ въ лагерь, всего 15 лѣтъ; пить я, конечно, не имѣлъ никакой привычки и потому скоро совсѣмъ охмѣлѣлъ и уснулъ, подобно многимъ другимъ товарищамъ, тутъ же, въ избѣ, на постланной на полу соломѣ. Что происходило послѣ того, я не знаю, но думаю, что взрослые юноши не ограничивались одною попойкою, а завершали ночь и другими увеселеніями, въ такомъ же вкусѣ.

На другое утро, вся эта молодежь просыпалась (если спала) въ томъ миломъ состояніи, которое у нѣмцевъ называется, неизвѣстно почему, «кошачьею тоскою» (Katzenjammer); я, по крайней мѣрѣ, чувствовалъ себя совершенно разстроеннымъ и пришелъ въ нормальное положеніе лишь послѣ купанья въ морѣ, которое отъ Ижорки, къ счастію, было всего въ нѣсколькихъ шагахъ.

Нашъ классъ былъ послѣднимъ, принимавшимъ участіе въ вышеописанномъ кутежѣ. Между многими благими нововведеніями, Сутгофъ рѣшилъ положить предѣлъ и тѣмъ безобразіямъ, которыя творились во время ночлега въ Ижоркѣ. На слѣдующій годъ, насъ, къ общему нашему огорченію, уже не оставили по избамъ, безъ всякаго надзора, но помѣстили всѣхъ въ манежъ конной артиллеріи, находящійся въ Стрѣльнѣ, и оттуда, безъ разрѣшенія дежурнаго офицера, никто не выпускался.

По выступленіи изъ Ижорки, мы отправлялись прямо въ Петергофъ черезъ Александрію, гдѣ встрѣчалъ насъ государь и пропускалъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ. Къ обѣду мы вступали въ лагерь.

VI.

Лагерь отряда военно-учебныхъ заведеній былъ расположенъ не вдалекѣ отъ Большаго дворца, между Новымъ и Старымъ Петергофомъ, примыкая лѣвымъ флангомъ къ Англійскому парку; устроенъ онъ былъ по всѣмъ правиламъ лагернаго устава, съ тою лишь разницею, что воспитанники помѣщались не въ обыкновенныхъ палаткахъ, но въ обширныхъ шатрахъ, изъ которыхъ каждый могъ вмѣстить въ себѣ болѣе 50 человѣкъ. У внѣшнихъ стѣнъ шатровъ разставлены были двойныя кровати, разгороженныя вдоль высокою доскою; на каждой кровати спало по два воспитанника; подстилкою намъ служили мѣшки, набитые соломою, а изголовьемъ такія же подушки; на спинкахъ кроватей развѣшивалась аммуниція, а у столбовъ, поддерживавшихъ шатеръ, устроены были стойки для ружей. За шатрами, расположенными въ два ряда, находились офицерскія палатки; потомъ шли столовыя подъ навѣсами, затѣмъ—кухни, конюшни, помѣщенія для прислуги и т. д. Все это обнесено было дерновою межею, такъ называемою линейкою, которая изображала границу лагеря и переходъ за которую, безъ разрѣшенія начальства, былъ строго воспрещенъ. На этой линейкѣ, у каждаго изъ заведеній, стояли соотвѣтствующіе имъ значки и прохаживались очередные дневальные, которые, при прохожденіи главныхъ начальниковъ, вызывали дежурныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, а при появленіи кого-либо изъ членовъ царской фамиліи кричали: «всѣмъ на линію!» Словомъ, порядки были почти тѣ же, что и въ Красносельскомъ лагерѣ.

Обыкновенный лагерный день распредѣлялся слѣдующимъ порядкомъ: утромъ, послѣ чая, насъ выводили на ученье, производившееся, или въ каждомъ заведеніи отдѣльно, на переднемъ (маломъ) плацу, или же по баталіонно, по полкамъ и всѣмъ отрядомъ, на заднемъ плацу. По окончаніи ученья мы отдыхали, или же, въ жаркое время, ходили командами, подъ надзоромъ офицеровъ, купаться. Для этого отведено было намъ мѣсто у пароходной пристани, находившейся тогда близъ конца большаго канала, ведущаго отъ дворца къ морю. Купанье было однимъ изъ любимыхъ нашихъ удовольствій и, конечно, сопровождалось разными шалостями. Послѣ обѣда начинались опять разнаго рода фронтовыя занятія, продолжавшіяся до чая. Между чаемъ и ужиномъ мы, что называется, били баклуши: слонялись по лагерю, играли въ разныя игры, иногда ходили слушать пѣніе воспитанниковъ Инженернаго училища, у которыхъ какъ то не переводился очень хорошій хоръ. Незамѣтнымъ образомъ спускался вечеръ на землю; барабанный бой призывалъ насъ къ ужину; а послѣ ужина, въ 9 часовъ, по сигнальному выстрѣлу изъ пушки, по всему лагерю

начинали бить зорю, прочитывалась молитва Господня и вся молодежь расходилась по шатрамъ спать.

Черезъ нѣсколько времени по приходѣ въ лагерь, воспитанниковъ старшихъ классовъ, раздѣленныхъ на партіи человѣкъ въ 5—6, отправляли на топографическую съемку въ окрестностяхъ Петергофа. Надо правду сказать, что занятіе это, въ школѣ, шло тогда крайне плохо; обыкновенно, въ каждой партіи одинъ воспитанникъ—изъ наиболѣе преуспѣвшихъ въ математикѣ и черченіи—назначался старшимъ и ему приходилось у насъ работать за всѣхъ; остальные же члены съемочной партіи чаще всего слонялись безъ дѣла, исполняя только самыя механическія обязанности, въ родѣ постановки вѣхъ и реекъ, переноски мензулъ и цѣпей и т. п.; сдѣлавъ это, они растягивались гдѣ нибудь въ прохладѣ, курили или ѣли ягоды, покупаемыя у прохожихъ бабъ и мальчишекъ, а о съемкѣ помышляли весьма мало. Наблюдать за нами было очень трудно, такъ какъ партіи были разбросаны, а руководителей съемочными работами было мало. Иногда, впрочемъ, на лѣнтяевъ, безпечно наслаждавшихся своимъ «dolce far niente», внезапно налетало начальство и разражалось грозою; но это случалось довольно рѣдко и мы продолжали относиться къ топографическимъ работамъ съ полнымъ пренебреженіемъ; вслѣдствіе чего, по выходѣ изъ школы, имѣли о съемкѣ лишь самыя смутныя понятія.

По воскресеньямъ и въ большіе праздники, если только погода была не слишкомъ ненастная, насъ водили на церковные парады; часть воспитанниковъ шла къ отрядной церкви, расположенной рядомъ съ лагеремъ, въ большомъ зеленомъ шатрѣ; а другая часть, изъ лучшихъ фронтовиковъ,—къ дворцовой церкви. Послѣдняя часть называлась Золотымъ парадомъ, въ отличіе отъ первой, называвшейся нами Зеленымъ, или просто Зеленчакомъ. Воспитанники, участвовавшіе въ Золотомъ парадѣ, послѣ богослуженія проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо Императора Николая Павловича, который при этомъ иногда ставилъ на линію, указывавшую направленіе марша, своего, тогда еще крошечнаго внука, великаго князя Николая Александровича (скончавшагося впослѣдствіи цесаревича).

Въ праздничные дни, по вечерамъ, насъ иногда водили гулять въ нижній дворцовый садъ, отдѣльными командами, при унтеръ-офицерахъ. Прогулки эти, совершавшіяся обязательно и официально, страшно намъ прискучивали; тѣмъ болѣе, что Петергофскій садъ съ его прямолинейными аллеями и фонтанами очень скоро надоѣдаетъ до тошноты, если нельзя ни идти, ни присѣсть куда хочешь, а все—куда прикажутъ, да еще и на виду у начальства. Единственнымъ

исключеніемъ являлась прогулка въ саду вечеромъ 1-го іюля, въ день празднованія рожденія императрицы Александры Ѳеодоровны. Въ этотъ вечеръ, нижній садъ дѣйствительно представлялъ волшебное зрѣлище: самый дворецъ, аллеи, фонтаны, Монплезиръ, Марли—все это было залито огнями: особеннымъ великолѣпіемъ отличался громадный щитъ съ вензелемъ императрицы, горѣвшій въ концѣ канала, соединяющаго главный бассейнъ (гдѣ фонтанъ Самсонъ) съ моремъ; очаровательное зрѣлище представляли тоже оба большіе каскада, гдѣ стремящаяся внизъ сплошная масса воды освѣщалась изнутри поставленными у подножія ступеней шкаликами [1]). Громадная масса гуляющихъ двигалась по всѣмъ направленіямъ, любуясь истинно-царственною иллюминаціею и зѣвая на медленно проѣзжавшія по главнымъ дорогамъ придворныя линейки съ нарядными дамами и блестящими кавалерами. Въ разныхъ мѣстахъ сада гремѣли военные оркестры; кое-гдѣ учреждены были и временные рестораны подъ палатками, куда и мы, затериваясь въ толпѣ, тоже проникали. Послѣднее обстоятельство очень возвышало въ нашихъ глазахъ прелесть всего гулянья. Въ ресторанчикахъ этихъ можно было слегка и кутнуть; тутъ же появлялись разнощики со своими соблазнительными лотками, переполненными всякою сластью, до которой молодежь, какъ извѣстно, большая охотница.

Кстати о разнощикахъ. Продувной народъ этотъ обладаетъ собачьимъ чутьемъ и кошачьею ловкостію, когда представляется возможность хорошей наживы. Не знаю какъ теперь, а въ то время почти при всѣхъ гвардейскихъ полкахъ (особенно конныхъ, которые побогаче) состояли свои разнощики, предлагавшіе услуги офицерству, въ продолженіе всего лагернаго сезона; они сопровождали свой полкъ на всякія ученья; во время же маневровъ отлично пронюхивали въ штабахъ, куда полкъ пойдетъ, гдѣ остановится, и—едва лишь гдѣ-нибудь привалъ, ночлегъ или дневка—ужъ разнощики тутъ какъ тутъ съ своимъ лакомымъ товаромъ и всякими прохладительными напитками. Все это предлагалось и отдавалось въ кредитъ и лотки опустошались весьма быстро; никто, конечно, не помнилъ, что̀ онъ съѣлъ или выпилъ, предоставляя это памяти и воображенію господъ разнощиковъ; воображеніе же у сихъ достойныхъ комерсантовъ было весьма пылкое; записывали они что хотѣли и сколько влѣзетъ; такъ что если получали потомъ хотя бы половину записанной суммы, то все-таки оставались въ огромныхъ барышахъ. Нѣкоторые изъ этихъ добрыхъ мужичковъ, благодаря эксплуатированію легкомысленныхъ

[1]) Тогда говорили, что иллюминація эта обходилась до милліона рублей (ассигнаціями),—и этому можно было повѣрить. Авт.

барчатъ, вышли въ люди, завели большіе фруктовые магазины, накупили и настроили великолѣпныхъ домовъ и обратились, если не въ почтенныхъ, то въ почетныхъ гражданъ; ихъ дѣти теперь, конечно, съ высоты величія взираютъ на обнищавшихъ дѣтей тѣхъ дворянчиковъ, которыхъ они грабили безъ всякаго милосердія.

Понятно, что эти піявки сильно увивались и около зеленой молодежи, воспитывавшейся въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, особенно же около школы, гдѣ мальчики были побогаче. Въ самый лагерь они не допускались, но ихъ агенты проникали туда подъ различными предлогами и проносили туда всевозможныя сласти, цѣнность которыхъ записывалась потомъ въ долговую книгу, — можно себѣ представить въ какихъ размѣрахъ!—Въ мое время дѣятельность разнощиковъ все болѣе и болѣе стѣснялась строгими мѣрами Сутгофа; но еще года за два или за три передъ моимъ поступленіемъ въ школу нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось устраивать баснословные гешефты. Разсказывали про одного юнкера Р., которому ежедневно доставляли чуть не бѣлевыя корзины съ самыми дорогими фруктами; за то, ко времени выпуска въ офицеры, на него, въ долговой книгѣ разнощика оказалось записаннымъ что-то около 100 тысячъ рублей!

Однимъ изъ развлеченій во время лагерной стоянки служили тревоги, производившіяся два-три раза въ лѣто, всегда самимъ государемъ. Суета и бѣготня, вызываемыя тревогою, намъ очень нравились и, по возвращеніи въ лагерь, долго еще слышались разсказы о томъ, кто гдѣ услышалъ бой барабана, куда побѣжалъ, какое заведеніе раньше всѣхъ собралось и т. п. Обыкновенно, тревоги эти заканчивались короткимъ ученьемъ и церемоніальнымъ маршемъ; но однажды государь вывелъ насъ за городъ и всю ночь продержалъ на бивакахъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ полевой сторожевой службы. Подобныя событія, выходившія изъ вседневной колеи, насъ до крайности занимали.

Такъ какъ въ систему тогдашняго кадетскаго воспитанія входило ознакомленіе, съ самаго ранняго возраста, со всѣми атрибутами военной жизни, то, подъ конецъ лагеря, насъ выводили на двухсторонніе маневры въ окрестностяхъ Петергофа, обыкновенно продолжавшіеся одинъ день. Маневры эти производились всегда въ присутствіи самаго императора Николая и вел. кн. Михаила Павловича. Такъ какъ ружья у насъ были полу-игрушечныя, то стрѣльбу мы производили лишь примѣрную; только одна батарея артиллерійскаго училища стрѣляла на самомъ дѣлѣ; да еще сдѣлано было исключеніе для нашихъ баши-бузуковъ изъ горцевъ; имъ почему-то давали холостые патроны; но эти дикіе сыны Кавказа иногда злоупотребляли

такою льготою, насыпая сверхъ патрона песокъ и причиняя имъ довольно чувствительныя язвы своимъ противникамъ.

Возвращались мы изъ лагеря, обыкновенно, въ началѣ августа; причемъ, во время похода производился иногда односторонній маневръ противъ предполагаемаго непріятеля.

По приходѣ въ школу насъ роспускали по домамъ, недѣли на двѣ; а выпускные немедленно облекались въ офицерскіе мундиры своихъ полковъ и разлетались во всѣ стороны праздновать и вспрыскивать первые эполеты.

Классъ, въ которомъ я находился, заканчивалъ школьный курсъ наукъ весною 1849 года; но въ этомъ году въ кадетскій лагерь уже не пошелъ. Вслѣдствіе смутъ на западѣ Европы, дѣйствующая армія наша поставлена была на военное положеніе, а затѣмъ мобилизировали и гвардію, которая направилась къ западнымъ границамъ въ качествѣ резерва. Для быстрѣйшаго укомплектованія корпуса офицеровъ потребовались усиленные и ускоренные выпуски изъ военно-учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ, приказъ о нашемъ производствѣ, вмѣсто начала августа, вышелъ 26-го мая 1849 г. Насъ такъ торопили, что и выпускныхъ экзаменовъ не дали докончить.

Въ послѣдній разъ собралась наша школьная компанія на классическомъ прощальномъ ужинѣ (помнится, въ ресторанѣ Дюссо) и здѣсь отпраздновала свое производство обильными возліяніями Бахусу, подъ звуки извѣстной пѣсни тогдашнихъ выпускныхъ кадетъ:

Прощайте вы, учителя,
Предметы общей нашей скуки!.....

Пѣсня эта пѣлась на мотивъ похороннаго марша, и тутъ дѣйствительно хоронили мы нашу дѣтски-беззаботную жизнь, вступали на новое, самостоятельное поприще, гдѣ уже каждый долженъ самъ печься о себѣ и самъ отвѣчать за себя.

Черезъ нѣсколько дней послѣ производства, всѣ вновь испеченные прапорщики и корнеты представлялись великому князю Михаилу Павловичу, на площадкѣ дворца его, въ Павловскѣ [1]); а вскорѣ послѣ этого (въ 1-й половинѣ іюня 1849 г.) всѣмъ намъ было приказано явиться въ главный штабъ, въ походной формѣ, за полученіемъ подорожныхъ. Почтовые экипажи ждали насъ у воротъ и мы, прямо изъ штаба, распростившись съ товарищами, покатили догонять свои полки, уже выступившіе въ походъ въ Венгрію.

* * *

[1]) Распрощались мы тутъ съ нимъ на вѣки. Черезъ три мѣсяца (онъ скончался 28 августа 1849 г.) мнѣ съ прочими офицерами моего полка пришлось встрѣчать, на Варшавскомъ шоссе, бренные его останки, препровождаемые въ Петербургъ, подъ конвоемъ кавказскихъ горцевъ. **Авт.**

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ПѢСНЯ.

Бой на Ѳедюхиныхъ высотахъ 4-го августа 1855 г.

На страницахъ «Русской Старины» между многими другими литературными произведеніями, имѣющими значеніе какъ по художественно-поэтической своей формѣ, такъ въ особенности потому, что они рисуютъ настроеніе русскаго общества въ извѣстныя переживаемыя имъ эпохи, была напечатана въ изд. 1875 г. (томъ XII, февраль и мартъ, стр. 441 и 653) весьма дотолѣ извѣстная, въ массѣ рукописныхъ спискахъ, Севастопольская пѣсня, 1855 г.

Пѣсня эта приписывается нашему знаменитому писателю графу Льву Николаевичу Толстому, съ честью служившему въ рядахъ героевъ Севастополя, въ качествѣ офицера артиллеріи, въ чинѣ штабсъ-капитана.

Графъ Л. Н. Толстой былъ дѣйствительно однимъ изъ участниковъ въ составленіи этой пѣсни, но не авторомъ всѣхъ куплетовъ, въ нея вошедшихъ. Такимъ образомъ не совсѣмъ справедливо приписывать ему все это остроумное произведеніе.

Поэтому, въ видахъ исторической правды, сообщу вамъ исторію происхожденія этой пѣсни, какъ очевидецъ.

Во время Крымской войны, часто, почти ежедневно, по вечерамъ собирались у начальника штаба артиллеріи, Крыжановскаго, чины его штаба и нѣкоторые другіе офицеры. Списокъ ихъ помѣщенъ далѣе.

Обыкновенно подполковникъ Балюзекъ садился за фортепіано, прочіе становились кругомъ и куплеты импровизировались. Каждый вносилъ свою мысль и слово. Графъ Л. Н. Толстой также вносилъ свое, но не все. Поэтому можно сказать, что эта импровизація было дѣло общее, выражавшее настроеніе военныхъ кружковъ.

Посѣтитель вечеровъ дежурный штабъ-офицеръ, полковникъ Ал. Ник. Веревкинъ, бывшій потомъ Уральскимъ атаманомъ, нынѣ умеръ, въ импровизаціи не участвовалъ.

Вотъ участники въ составленіи «Севастопольской пѣсни».

Чины штаба артиллеріи:

Подполковникъ Балюзекъ, былъ послѣ Тургайскимъ губернаторомъ, нынѣ умеръ, садился обыкновенно за фортепіано; капитанъ Ал. Як. Фриде, нынѣ начальникъ кавказской артиллеріи; штабсъ-капитанъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой; поручикъ Вл. Лугининъ; поручикъ Шубинъ; шт.-кап. Сержпутовской; поручикъ Шклярской;

изъ постороннихъ штабу лицъ бывали по вечерамъ у г. Крыжановскаго Ольвіопольскаго уланскаго полка Н. Ѳ. Козлянииновъ 2, Бѣлорусскаго гусарскаго полка Н. С. Мусинъ-Пушкинъ.

Затѣмъ позволяю себѣ, какъ одинъ изъ участниковъ въ составленіи Севастопольскихъ куплетовъ, напомнить ихъ здѣсь опять, тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что они во первыхъ имѣютъ уже только историческое значеніе, обрисовывая настроеніе умовъ севастопольцевъ, съ горечью и присущимъ русскимъ людямъ юморомъ видѣвшихъ неумѣлость нѣкоторыхъ изъ своихъ вождей, а во вторыхъ потому, что «Русская Старина», изд. 1875 г., въ которой они были впервые напечатаны, давно уже составляетъ полную библіографическую рѣдкость, такъ какъ ее нѣтъ болѣе въ продажѣ:

Какъ четвертаго числа [1])
Насъ нелегкая несла
Горы обирать!
Горы обирать!

Баронъ Вревскій—генералъ
Къ Горчакову приставалъ,
Когда подъ шофе,
Когда подъ шофе:

„Князь возьми ты эту гору,
Не входи со мною въ ссору:
Не то донесу,
Не то донесу!“ [2]).

Собирались на совѣты
Всѣ большія эполеты,
Даже плацъ-Бекокъ!... (2).

Полицмейстеръ плацъ-Бекокъ
Никакъ выдумать не могъ,
Что̀ ему сказать!... (2)

Долго думали-гадали,
Топографы все писали
На большомъ листу!... (2)

Гладко писано въ бумагѣ,
Да забыли про овраги,
А по нимъ ходить!... (2)

---

[1]) 4-го августа 1855 г., сраженіе на рѣкѣ Черной.

[2]) Баронъ П. А. Вревскій, бывшій директоръ канцеляріи военнаго министерства, находясь въ Крыму, побуждалъ князя Горчакова дать рѣшительную битву союзникамъ, атаковавъ ихъ позиціи на югъ и на востокъ отъ Севастополя.

Выѣзжали князья-графы,
И за ними топографы
На большой редутъ!... (2)

Князь сказалъ: „ступай, Липранди!"
А Липранди: „нѣтъ-съ, атанде,
Молвилъ,—не пойду!... (2)

„Туда умнаго не надо;
„Ты пошли туда Реада,
„А я посмотрю!..." (2)

Глядь, Реадъ возьми да съ просту
И повелъ насъ прямо къ мосту
Ну-ка на ура!... (2)

Мартенау умолялъ,
Чтобъ лезертовъ обождалъ:
„Нѣтъ ужъ пусть идутъ!..." (2)

На ура! мы зашумѣли
Да лезерты не поспѣли,
Кто то перевралъ!... (2)

А Бѣлевцовъ енералъ
Крѣпко знамя потрясалъ:
Вовсе не къ лицу!... (2)

На Ѳедюхины высоты
Насъ пришло всего три роты;
А пошли полки!... (2)

Наше войско небольшое,
А француза было втрое,
И секурсу тьма!... (2)

Ждали, выйдетъ съ гарнизона
Намъ на выручку колонна,
Подали сигналъ!... (2)

А тамъ Сакенъ генералъ
Все акафисты читалъ
Богородицѣ!... (2)

И пришлось намъ отступать...
. . . . . .
Кто туда водилъ!... (2)

1855 г.

Сообщ. Одинъ изъ участниковъ
въ составленіи Севастопольской пѣсни.

Императоръ Николай въ Геленджикѣ

1837 г.

Въ пріѣздъ императора Николая въ 1837 г. въ Геленджикъ, была такая сильная буря, что ни верхомъ, ни пѣшкомъ нельзя было пройти по фронту собранныхъ войскъ, а о церемоніальномъ маршѣ нечего было думать. Войска распустили, а государь ушелъ въ кибитку ген. Вельяминова пить чай; послѣ приказалъ позвать солдатъ, кто въ чемъ есть, подъ одинокое дерево, которое его величество указалъ впереди лагеря. Ему хотѣлось сказать милостивое слово этому доблестному войску, въ первый разъ видящему своего государя. Солдаты сбѣжались со всѣхъ сторонъ къ сборному мѣсту, буквально исполнивъ царскую волю: кто былъ въ мундирѣ, кто въ шинели, кто просто въ бѣльѣ. Вокругъ государя и наслѣдника образовался кружокъ, внутри котораго было нѣсколько офицеровъ.

Вдругъ императоръ спросилъ: „а гдѣ у васъ Кононъ Забуга?“ Это былъ унт.-оф. Кабардинскаго полка, недавно отличившійся и упомянутый въ реляціи.

— Здѣсь, ваше императорское величество, раздался надъ головою государя громкій голосъ. Забуга сидѣлъ на деревѣ, въ одномъ бѣльѣ, чтобы лучше видѣть. Государь приказалъ ему слѣзть, и когда тотъ почти кубаремъ свалился на землю, государь поцѣловалъ его въ голову, сказавши: „передай это всѣмъ твоимъ товарищамъ за ихъ доблестную службу“.

Забуга бросился на землю и поцѣловалъ ногу государя. Вся эта сцена, искренняя и неподготовленная, произвела на войско гораздо болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ краснорѣчивая рѣчь, которой никто бы и не слышалъ.

Разсказъ этотъ извлеченъ мною изъ Записокъ покойнаго генерала Гр. Ив. Филипсона, бывшаго очевидцемъ всей сцены, рисующей величественную способность императора Николая однимъ царскимъ словомъ производить поражающее впечатлѣніе на массы и подтверждающей, вмѣстѣ съ тѣмъ, какою извѣстностью пользовался знаменитый Кабардинскій полкъ, еще до его геройскихъ подвиговъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, окончательно упрочившихъ за нимъ славу одного изъ доблестнѣйшихъ полковъ старой Кавказской арміи.

Помѣщаю эти нѣсколько строкъ, въ дополненіе къ изданной мною „Исторіи Кабардинскаго полка“.

А. Зиссерманъ.

Генварь 1884.

Печатное дѣло въ Петербургѣ

въ 1802—1811 гг.

Вслѣдствіе именнаго его импер—го величества указа, даннаго правительствующему сенату въ 9-й день февраля 1802 г., въ столицѣ и петербургской губерніи собирались свѣдѣнія о вольныхъ типографіяхъ. Подобныхъ заведеній (какъ равно и книжныхъ лавокъ) ни въ одномъ изъ уѣздныхъ и заштатныхъ городовъ не существовало; въ столицѣ же было только 4 типографіи, принадлежавшія Алексѣю Пономареву, коллежскому совѣтнику Брейткопфу, Емельяну Вильковскому и Іоганну-Карлу Шнору.

Типографія Пономарева находилась во 2-й адмиралтейской части; она заведена Иваномъ Вейтбрехтомъ въ царствованіе импер—цы Екатерины II, около 1777 г., а Пономаревъ былъ ея содержателемъ не болѣе 5 лѣтъ. Типографія эта имѣла пять станковъ; книги печатались не только на всѣхъ европейскихъ языкахъ, но частію и на азіятскихъ.

Типографія Брейткопфа, той же части; основана въ 1780 году; станковъ имѣла 3; книги печатались на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

Вальковскаго типографія помѣщалась на Васильевскомъ островѣ; основанная 22-го августа 1782 г., имѣла 2 станка, а Шнора, находившаяся тамъ же, заведена 13-го сентября 1776 г. и имѣла 6 станковъ. Какъ та, такъ и другая печатали книги на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

Всѣ эти содержатели типографій обязаны были въ 1802 г. подписками «о непечатаніи вновь издаваемыхъ книгъ, равно періодическихъ журналовъ, разнаго рода сочиненій и переводовъ, на какомъ бы то они діалектѣ ни были, безъ позволенія губернатора», на основаніи приведеннаго именнаго указа сенату.

Въ 1803 году количество типографій въ столицѣ оставалось тоже, но въ 1811 г. ихъ было уже 20, которыя и обязаны были подписками «не печатать отъ частныхъ людей объявленій, театральныхъ афишъ и всякихъ отдѣльныхъ ежедневныхъ листковъ безъ позволенія на то полицейскаго начальства».

Въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ Петербургской губерніи ни книжныхъ лавокъ, ни типографій по прежнему не было и въ 1811 г., что подтверждается донесеніями полицій этихъ городовъ по поводу запроса: «нѣтъ ли въ типографіяхъ и книжныхъ лавкахъ книгъ на нѣмецкомъ діалектѣ подъ названіемъ: проектъ церковнаго устава для протестантскихъ церквей, юрисъ-консультомъ Зальдфельдомъ изданныхъ и въ Митавѣ напечатанныхъ».

Г. С.

Седморацкій.

1801 г.

На предпослѣдней строкѣ 594 страницы VI кн. „Русской Старины“ за 1883 г., послѣ имени генерала Седмарадскаго, назначеннаго (императоромъ Павломъ) защищать столицу, поставленъ вопросительный знакъ. Дѣйствительно, генералъ съ фамиліею Седмарадскій едва ли когда нибудь существовалъ на Руси. Не слѣдуетъ ли писать эту фамилію такъ: Седморацкій потому что такой генералъ былъ, и именно изъ высочайшаго повелѣнія Александра I, послѣдовавшаго въ мартѣ 1801 г., о переименованіи полковъ, полку Седморацкаго велѣно именоваться Бѣлозерскимъ (П. С. З. XXVI, 600), а въ 1806 году (П. С. З. XXIX, 373), въ числѣ бригадныхъ генераловъ, поименованъ и генералъ-маіоръ Седморацкій.

Г. К. Р.

О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г. [1]).

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Отъ Павла Егоровича Татаринова (Спб.) .	34	руб.	— коп.
„ В. А. Васильева изъ Полтавской губ.	3	„	— „
„ П. Х.	3	„	— „
„ С. П. Селифонтовой (Спб.)	1,000	„	— „
Итого съ прежде полученными .	1,338	руб.	40 коп.

Письмо С. В. Селифонтовой къ редактору „Русской Старины“ М. И. Семевскому.

22-го января 1884 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь Михаилъ Ивановичъ! Покойный мужъ мой, Сергѣй Михайловичъ Селифонтовъ, сынъ послѣдней представительницы рода Волынскихъ—Натальи Сергѣевны Волынской (въ XIII покол.), бывшей въ замужествѣ за генералъ-маіоромъ Михаиломъ Петровичемъ Селифонтовымъ, при жизни своей желалъ возобновить памятникъ на могилѣ предка своего (по женской линіи), бывшаго кабинетъ-министра Артемія Петровича Волынскаго († 27 іюня 1740 г.). Желаніе это не было приведено въ исполненіе по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ.

А какъ въ настоящее время при редакціи историческаго журнала „Русская Старина“ открыта подписка на возобновленіе означеннаго памятника, то я, пользуясь этимъ случаемъ и исполняя желаніе покойнаго моего мужа († 10 августа 1883 г.), имѣю честь препроводить къ вамъ, милостивый государь Михаилъ Ивановичъ, на означенный предметъ одну тысячу (1,000) рублей.

Примите увѣреніе въ моемъ къ вамъ уваженіи

Софья Селифонтова.

Его пр—ству Михаилу Ивановичу Семевскому.

Поправка. Въ статьѣ: „Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой“, „Русская Старина“ изд. 1884 г., томъ XLI, январь, стр. 197, строки 15 и 20, напечатано: Скоповъ, Скопамъ,—слѣдуетъ читать: Сноповъ, Снопамъ.

Я. П.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224.

Въ книжномъ складѣ типографіи М. Стасюлевича (С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 2 линія, № 7) и въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 38—4, и Москва, Кузнецкій мостъ, д. Третьяковыхъ), а также въ газетномъ агентствѣ Шавердова въ городѣ Тифлисѣ продаются слѣдующія изданія Кубанскаго областнаго статистическаго комитета:

„Вредныя насѣкомыя Кубанской области".

Изслѣдованіе проф. К. Э. Линдемана.

Цѣна 1 р. с. безъ пересылки.

КУБАНСКАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА

и

КУБАНСКІЙ СБОРНИКЪ

СЪ КАРТОЮ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ,

изданныя подъ редакціею Е. Д. Фелицына.

Цѣна за обѣ книги 3 р. с. безъ пересылки. За пересылку плата особая по разстоянію за 4 фунта.

КАРТА КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ

въ 20-ти-верстномъ масштабѣ по новѣйшимъ свѣдѣніямъ 1882 г.

Составлена Е. Д. Фелицынымъ.

Цѣна 75 к. с.

Въ книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ продается трудъ

А. Зиссермана:

„ИСТОРІЯ КАБАРДИНСКАГО ПОЛКА"

(ЗАВОЕВАНІЕ КАВКАЗА).

3 тома, 8 портр., цѣна 6 р. съ пересылкою. Складъ изданія у автора, С.-Петербургъ, Фурштатская, 20.

О ПОДПИСКѢ НА 1884 ГОДЪ НА

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“,

издаваемый при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній, выходитъ съ 1883 года по прежней программѣ, но подъ новою редакціею, ежемѣсячными книжками, въ объемѣ 5—7 листовъ каждая.

Въ книжкахъ 1883 года помѣщено, между прочимъ:

Въ оффиціальной части: Инструкція для преподаванія учебныхъ предметовъ въ кадетскихъ корпусахъ. Программы учебныхъ предметовъ военныхъ училищъ. Циркулярныя предписанія о порядкѣ разсмотрѣнія книгъ и пособій для одобренія ихъ къ употребленію въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, о подготовленіи малолѣтнихъ и молодыхъ людей къ экзаменамъ лицами, служащими въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, о содержаніи на жительствѣ приходящихъ лицами учебно-воспитательнаго состава заведеній и проч.

Въ неоффиціальной части: О костно-мышечномъ снарядѣ въ примѣненіи къ физическому воспитанію. Проф. Ѳ. П. Ландтцерта. Что такое есть и чѣмъ должна быть грамматика? В. П. Сланскаго. Свѣтъ и цвѣта сами по себѣ и въ примѣненіи къ живописи. Проф. Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго. Выразительное чтеніе, какъ учебный предметъ средняго образованія. Виктора Острогорскаго. Къ вопросу о спектакляхъ въ учебныхъ заведеніяхъ. В. Ш. Что читаютъ наши дѣти. Какъ рѣшать уравненія первой степени съ одною неизвѣстною. А. И. Гольденберга. Таблицы Гаусса. Признакъ дѣлимости на 11. Шаблонный способъ вычисленія. Статьи А. А. Лёве. Матеріалы по методикѣ геометріи (въ приложеніи). А. Н. Острогорскаго. Педагогическія экскурсіи въ область литературы. I. Затмѣнія. Его же. Воспитаніе воли. Пансіоны для приходящихъ учениковъ. Физическія упражненія въ Германіи. Школьные батальоны во Франціи. Продолжительность отдѣленія заразно-больныхъ отъ товарищей. Гигіена чтенія. «La muraille parlante» и рекреаціонный залъ 1-го Кадетскаго корпуса временъ графа Ангальта. На память воспитанникамъ 2-го Кадетскаго корпуса. М. Л. Отчетъ Педагогическаго Музея за 1882 годъ. В. П. Коховскаго, и др.

Подписная цѣна за годовое изданіе:

Безъ доставки . . . . . 4 руб. 50 коп.
Съ доставкою . . . . . 5 » — »

По той же цѣнѣ могутъ быть выписываемы прежніе годы «Педагогическаго Сборника».

Подписка принимается: 1) въ редакціи—Спб., Вас. Остр., 5 линія, № 36, кв. 14; 2) въ конторѣ журнала—въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и Комп., Невскій просп., № 42. Подписывающіеся на 1883 годъ получаютъ всѣ вышедшіе №№ сего года.

Редакторъ А. Острогорскій.

Историческіе очерки и разсказы Мих. Ив. Семевскаго:

I.

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1723 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ **МИХ. ИВ. СЕМЕВСКАГО.**

Спб. 1883 г., въ 8 д., съ портретомъ царицы Прасковьи, отпечатаннымъ хромолитографически, красками.

Цѣна **два** рубля съ пересылкою.

Для подписчиковъ на „Русскую Старину“ 1884 г. цѣна 1 руб.

II.

„СЛОВО И ДѢЛО!“

Историческіе очерки и разсказы **Мих. Ив. Семевскаго.** Спб. 8 д., 350 стр., съ рисунками пытокъ и истязаній въ Россіи при допросахъ въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Содержаніе книги: Тайная канцелярія при Петрѣ Великомъ.—Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія въ Россіи антихриста.—Камеръ-фрейлина Гамильтонъ.—Петръ Великій какъ юмористъ.—Сны Петра I-го.

Вышедшая книга составляетъ **второй** томъ историческихъ очерковъ **М. И. Семевскаго.** Цѣна книги для подписчиковъ на «Русскую Старину» изд. 1884 г. одинъ руб., для прочихъ лицъ—два рубля.

Съ требованіями обращаться въ контору „Русской Старины“, въ книжный магазинъ **Авг. Өед. Цинзерлинга** въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиннаго двора, домъ № 46.

☞ **Иногородные** обращаются исключительно въ редакцію „Русской Старины“, Спб., Большая Подъяческая, д. № 7.

III.

Готовится къ печати ***третья*** *книга:*

Очерки и разсказы М. И. Семевскаго изъ русской исторіи XVIII в.:

Царица Катерина Алексѣевна.—Анна и Вилимъ Монсы.

1698—1724 гг.

Все изданіе: „Историческіе очерки и разсказы Мих. Ив. Семевскаго“ составитъ десять выпусковъ.

Вышелъ и разсылается тѣмъ, кто доставилъ **60** коп. почтовыми марками или деньгами, брошюра:

УКАЗАТЕЛЬ и СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ

КЪ ДВѢНАДЦАТИ КНИГАМЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗДАНІЯ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

изд. 1883 года.

Спб., въ 8 д., 150 стр. Цѣна съ пересылкою **60** коп.

РОСКОШНОЕ, ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ, ИЗДАНІЕ

ПАВЛОВСКЪ.

Очеркъ его исторіи и описаніе, 1777—1877 гг. — Бытъ двора великаго князя, впослѣдствіи императора, Павла Петровича и супруги его Маріи Ѳеодоровны.—Жизнь въ Павловскѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны и ея августѣйшаго семейства и проч.

Книга въ большую 8 долю, 600 стр., украшена нѣсколькими портретами и множествомъ превосходнѣйшихъ гравюръ и виньетокъ, исполненныхъ знаменитымъ грав. акад. Л. А. Сѣряковымъ.

Цѣна книги **5** рублей.

Подписчики „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ пользуются на книгу „Павловскъ“ уступкою въ **одинъ** рубль, т. е. книга въ отличномъ переплетѣ—**4** руб., безъ переплета—**3** руб. съ пересылкою.

Изъ 1,825 экз. осталось въ складѣ этой книги, въ дворцовомъ правленіи города Павловска: 200 экз. въ переплетѣ, 13 экземпляровъ безъ переплета.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

Спб., 1882 г., въ 8 д., изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное авторомъ-священникомъ и благочиннымъ.

Цѣна **одинъ** рубль съ пересылкою.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ пятнадцатый. МАРТЪ. 1884 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Иванъ Ѳедоровъ, московскій первопечатникъ.** Пребываніе его во Львовѣ, 1573—1583 гг. Очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ. Сообщ. С. Н. Шташицкій. 461

II. **Настасья Ѳедоровна Минкина,** домоправительница гр. А. А. Аракчеева 479

III. **Новгородскій графа [illegible]ева кадетскій корпусъ** въ [illegible]—1884 гг. Сообщ. П. П. Барцевъ. 519

IV. **Записки педагога барона Николая Александровича Корфа** 545

V. **Записки сенатора Я. А. Соловьева** о крестьянскомъ дѣлѣ, 1858—1859 гг. Глава восьмая. 575

VI. **Александръ Петровичъ Сумароковъ.** 1769 г. Сообщ. профес. Н. С. Тихонравовъ 609

VII. **Петербургская старина,** 1799 г. 619

VIII. **Екатерингофъ.** Сообщ. И. И. Божерянов 627

IX. **Художникъ Ив. Ив. Теребенев,** 1780—1815 гг. Сообщ. И. И. Божерянов 630

X. **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:** его рукописи въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ. Сообщ. В. Е. Якушкинъ. 647

XI. **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.** Три неизданныя четверостишія. Сообщ. акад. Я. К. Гротъ . . 663

XII. **Храмъ Воскресенія Христова** на мѣстѣ злодѣянія 1 марта 1881 г. Письмо архимандрита Игнатія. 665

XIII. **Вредныя секты.** Очерки. Сообщ. А. Пругавинъ. 637

XIV. **Портреты А. С. Пушкина и Н. Ѳ. Минкиной.** . . . . . 664 и 668

XV. **Памятникъ на могилѣ Волынскаго.** 666

XVI. **Генералъ Дитятинъ.** Матеріалъ къ его жизнеописанію. Сообщ. П. Ѳ. Горбуновъ. 667

XVII. **19-ое февраля 1861—1884 гг.** Чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ трудахъ по крестьянскому дѣлу. . . . 669

XVIII. **Библіографическій листокъ.**

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ **Александра Сергѣевича Пушкина,** точный снимокъ съ акварельнаго портрета, писаннаго съ натуры въ 1836 г. П. Ѳ. Соколовымъ († 1848 г.), и принадлеж. П. И. Батюшкову. Снимокъ исполненъ въ хромолитографіи художн. П. П. Брозе. II. Портретъ **Настасьи Ѳедоровны Минкиной,** гравюра художника И. И. Матюшина съ живописнаго портрета домоправительницы гр. Аракчеева.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ" изд. 1884 г.

Цѣна ДЕВЯТЬ руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подьяческая, д. № 1.

1884.

III-я книга „Русской Старины" вышла 1-го марта 1884 г.

Витебская Старина. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ 1883, 668 стр. Ц. 3 р., съ портр. 6 р.

Въ ряду провинціальныхъ историческихъ изданій названный сборникъ долженъ быть замѣченъ. Весь онъ посвященъ матеріаламъ по исторіи Витебскаго края съ древнѣйшихъ временъ (XI в.) до настоящаго, представляя извлеченія изъ лѣтописей и систематическій сводъ актовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, заимствованныхъ изъ разныхъ спеціальныхъ сборниковъ (изд. археографической виленск. коммис., витебск. статист. комит. и др.), и мѣстныхъ изданій (Губерн. Вѣд., Памят. книжки, Вѣсти. Запад. Рос.), а отчасти архивныхъ матеріаловъ, впервые въ нихъ напечатанныхъ. Всѣ матеріалы помѣщены въ русскихъ оригиналахъ или въ переводѣ на русскій языкъ.

Такимъ образомъ, въ составъ разсматриваемаго сборника вошли: 1) извлеченія изъ русск. и литовскихъ лѣтописей о Витебскѣ съ XI по XVI вѣкъ; 2) грамоты, привилегіи, письма и т. п. матеріалы съ 1229 г. по 1858 г. (рескриптъ начальн. Витеб. губ. объ открытіи въ Витебскѣ комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ); 3) документы, касающіеся жизни и дѣятельности Іосафа Кунцевича, полоцкаго уніат. архіепископа; 4) документы, касающіеся витеб. Троицкаго Маркова монаст.; 5) документы, касающіеся еврейскаго населенія г. Витебска; 6) документы, касающіеся 1812 года; 7) витебское мыто 1605 г. (о таможен. пошлинахъ); 8) инвентари (городскія, церковныя вѣдомости о числѣ жителей XVIII и XIX вв.); 9) лѣтопись г. Витебска, веденная разными лицами, въ XVIII в.; 10) перечень статей П. С. Заповова, касающихся Витебска и Витебской губ.; 11) разные списки (родословныя князей, списки настоятелей монастырей и епископовъ, православныхъ и уніатскихъ, генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ и т. п.).

Въ заключеніе собиратель помѣстилъ историко-статистическій очеркъ г. Витебска, надѣясь со временемъ издать «болѣе обстоятельную исторію его. Какъ для означеннаго очерка, такъ и для своихъ объясненій, издатель воспользовался множествомъ матеріаловъ и пособій, извѣстныхъ въ русской и польской литературѣ. Нѣкоторые изъ документовъ достались ему совершенно случайно, напр. при продажѣ ненужныхъ бумагъ палаты уголовнаго и гражд. суда, куда они поступили изъ бывшаго Витебскаго магистрата. Заслуживаетъ вниманія подвижность движенія народонаселенія г. Витебска по національностямъ и исповѣданіямъ. Между тѣмъ какъ въ 1784 г. на 9637 чел. жит. приходилось евреевъ 1759 (18%), въ 1881 г. на 48,206 чел. ихъ оказывается уже 24,171 (50,1%), т. е. въ теченіе 100 лѣтъ христіанское населеніе увеличилось едва въ $3^1/_2$ раза, а еврейское почти въ 14 разъ.

Вышедшій томъ «Витебской Старины» изд. роскошно, снабженъ множествомъ рисунковъ (печати, гербы, портреты, здавія), палеографическихъ снимковъ (подписей и цѣлыхъ актовъ), картъ и плановъ, вообще изд. оч. хорошо.

Сборникъ московскаго главнаго архива мин. иностран. дѣлъ. Вып. 3 и 4. 484+CCXIX+XI. М. 1883. Ц. 2 р.

Намъ приходилось уже говорить о первыхъ выпускахъ этого изданія. Большая часть настоящаго тома занята изслѣдованіемъ г. Уляницкаго: «Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII в.», составляющимъ продолженіе предъидущаго очерка дипломатической исторіи восточнаго вопроса (вып. 2-й), за который авторъ удостоенъ теперь степени магистра международнаго права. Изслѣдованіе его сопровождается обширными извлеченіями матеріаловъ, заимствованныхъ изъ того же архива. Другой очеркъ, написанный по документамъ архива, посвященъ первымъ сношеніямъ Россіи съ Турціей (посолъ Іоанна III—Плещеевъ) и принадлежитъ г. Неклюдову. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, работы по матеріаламъ архива представляютъ полную и обстоятельную исторію восточнаго вопроса. Остальныя статьи новаго тома сборника касаются исторіи архива: это 1) московскій главный архивъ и его прежніе попечители, директора архива барона Ѳ. А. Бюлера, съ приложеніемъ памятной книжки о посѣщавшихъ архивъ, и 2) обозрѣніе библіотеки москов. главн. арх. мин. дѣлъ И. Ѳ. Токмакова. Въ настоящее время послѣдняя состоитъ изъ 33,205 томовъ книгъ, картъ и плановъ. Начало ея восходитъ еще ко временамъ посольскаго приказа; потомъ въ нее поступили старинные лѣтописцы (1720), коллекція извѣстнаго орієнталиста Кеера, исторіи

ИВАНЪ ѲЕДОРОВЪ, МОСКОВСКІЙ ПЕРВОПЕЧАТНИКЪ.

ПРЕБЫВАНІЕ ЕГО ВО ЛЬВОВѢ.

1573 — 1583 гг.

Очеркъ по архивнымъ матеріаламъ [1]).

Скитальческая жизнь московскаго первопечатника, принужденнаго оставить родину еще на зарѣ своихъ начинаній, до сихъ поръ мало изучена, да и матеріаловъ для этого, казалось, не было. Извѣстный львовскій русскій ученый, о. А. С. Петрушевичъ, собралъ въ одно цѣлое все, что до послѣдняго времени было извѣстно; но изъ всего этого о Ѳедоровѣ мы узнали очень немного [2]). Судьба его осталась также малоизвѣстною. По счастливому стеченію обстоятельствъ, намъ удалось отыскать во Львовскихъ земскомъ и городскомъ архивахъ цѣлую серію документовъ, по которымъ личность Ѳедорова дѣлается для насъ болѣе опредѣлен-

[1]) Документы, которыми мы воспользовались для настоящаго очерка, происходятъ изъ двухъ львовскихъ архивовъ—городского и земскаго. Для краткости при ссылкахъ употребляемъ нижеслѣдующія сокращенія. Книги городскаго архива: OCos.—Inducta Officii Consularis, Ind. IC.—Inducta Judicii Civilis, Prot.—Protocola Judicii Civilis, A.—Acta Advocatialia; акты земскаго архива: CLp.—Castrensia Leopoliensia. Римская цифра указываетъ на томъ, первая арабская страницу, цифра съ предшествующимъ №—номеръ документа, если таковой въ книгѣ имѣется. Всѣ эти документы до сихъ поръ не напечатаны. Современемъ будутъ обнародованы въ „Запискахъ Краковской академіи наукъ“, а также въ „Лѣтописи занятій Археографической коммисіи въ С.-Петербургѣ“, въ засѣданіи каковой коммисіи, 28 января 1884 г., объ этихъ документахъ сдѣлано было сообщеніе ея членомъ—М. И. Семевскимъ.

[2]) Иванъ Ѳедоровъ, русскій первопечатникъ. Историко-библіографическое разсужденіе. Написалъ А. С. Петрушевичъ. Львовъ. 1883. Цѣна 20 крейц.

С. П.

ною. Архивныя занятія облегчило намъ предупредительное содѣйствіе, оказанное начальниками этихъ учрежденій. Поэтому считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую признательность директору земскаго архива, д-ру Кс. Лиске, вице-директору того же архива, д-ру А. Прохаскѣ, старѣйшинѣ русскаго Ставропигійскаго института, д-ру проф. Шараневичу и хранителю городскаго архива г-ну Видману. Въ настоящемъ нашемъ очеркѣ мы ограничимся разсказомъ о судьбѣ Ѳедорова внѣ предѣловъ Московскаго царства [1]), да притомъ извѣстныхъ фактовъ касаться будемъ настолько, насколько они будутъ необходимы для возстановленія общей связи между событіями.

Извѣстно, что Ѳедоровъ вмѣстѣ съ Мстиславцемъ принужденъ былъ оставить Москву и искать убѣжища въ чужихъ краяхъ. О своихъ похожденіяхъ, отъ выхода изъ Москвы до напечатанія Апостола во Львовѣ, Ѳедоровъ самъ разсказываетъ въ повѣсти о томъ, „откуда начася и како свершися друкарня сія", помѣщенной на концѣ львовскаго Апостола 1574 года. Вотъ болѣе любопытныя мѣста:

„Друкарня (типографія) сія съставися въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто ҂з҃о҃ первое, но презѣлнаго ради озлобленія часто случающагося намъ, не отъ самого того государя, но отъ многихъ начальникъ, и учитель, которые на насъ зависти ради многія ереси умышляли, хотячи благое во зло превратити и божіе дѣло въ конецъ погубити. Сія убо насъ отъ земля и отечества и отъ рода нашего изгна и въ ины страны незнаемы пресели. Егда же отъ туду пріидохомъ, въспріяша насъ любезно благочестивый государь Жигимонтъ Августъ, король польскій, съ всѣми паны рады своея. Въ то же время съ тщаніемъ умоли государя велеможный панъ Григорей Александровичъ Ходкевича, панъ [2]) (каштелянъ) виленскій, гетманъ наивышшій великого князьства литовскаго, прія

---

[1]) По выходѣ изъ Москвы Ѳедоровъ напечаталъ: въ Заблудовѣ—Евангеліе учительное въ 1569 г., Псалтирь въ 1570 г.; во Львовѣ въ 1574 г.—Апостолъ, и въ Острогѣ—Псалтирь и Новый Завѣтъ въ 1580 г. и Библію въ 1581 г. 12 августа. Библіографическія подробности собраны у о. Петрушевича.

[2]) Г. А. Ходкевичъ былъ каштеляномъ (паномъ) виленскимъ, а не воеводою, какъ нѣкоторые ошибочно его называютъ. Ѳедорову онъ далъ село вблизи Заблудова, гдѣ и была устроена типографія. Заблудово нынѣ мѣстечко Гродненской губерніи Бѣлостокскаго уѣзда. Отъ Вильны отстоитъ почти на 240 верстъ. С. П.

насъ любезно въ своей благоуспѣшнѣи любви, и упокоеваше насъ не мало время, и всякими потребами телесными удовляше насъ, еще же и сіе недоволно ему бѣ еще тако устроити насъ, но и весь немалу дарова ми на упокоеніе мое. Егда же пріити ему въ глубоку старость, и начастѣ главѣ его болѣзнію одержимѣ бывати, повелѣ намъ работанія сего перестати и художьство рукъ нашихъ ни во что же положити и въ веси земледѣланіемъ житіе мира сего препровождати. Еже неудобно ми бѣ раломъ ниже сѣменъ сѣяніемъ время живота своего съкращати, но имамъ убо въ мѣсто рала художьство наручныхъ дѣлъ съсуды, въ мѣсто же житныхъ сѣменъ духовная сѣмена по вселеннѣи разсѣвати. И сего ради понудихся ити оттуду, и въ путь шествующу ми многи скорби и бѣды обрѣтоша мя, не точію долготы ради путнаго шествія, но и презелному повѣтрію дышущу и путь шествія моего стѣсняющу, и просто рещи вся злая и злыхъ злѣе. И тако промысломъ божія человѣколюбія до богоспасаемаго града, нарицаемаго Львова, пріидохъ. И помолившумися начахъ богоизбранное сіе дѣло къ устроенію навершати, яко бы боговдохновенныя догматы распространевати и о бтицахъ многащи богатыхъ и благородныхъ въ мирѣ, помощи прося отъ нихъ и метаніе сътворяя колѣномъ касаяся, и припадая на лицы земномъ, сердечно каплющими слезами моими ноги ихъ омывахъ, и сіе не единою, ни дващи, но и многащи сътворяхъ и въ церкви священнику всѣмъ въ слухъ повѣдати повелѣхъ. Не испросихъ умиленными глаголы, ни умолихъ многослезнымъ рыданіемъ, не исходатайствовахъ никоея же милости іерейскими чинми, а плакахся прегоркими слезами, еже не обрѣтохъ милующаго ниже помагающаго, не точію въ русскомъ народѣ, но ниже въ грекахъ милости обрѣтохъ, но мали нѣцыи въ іерейскомъ чину, иніже неславніи въ мирѣ обрѣтошася помощь подающе".

Такимъ образомъ на скудную лѣпту бѣдной вдовицы основалъ Ѳедоровъ во Львовѣ русскую типографію. Не помогли ему ни богатые единоплеменники, ни единовѣрные греки. А купцовъ московскихъ и греческихъ не мало было въ то время во Львовѣ, да при томъ и типографіи во время прихода Ѳедорова тамъ не было. До сихъ поръ повѣсть Ѳедорова служила, выражаясь словами о. Петрушевича, единственнымъ источникомъ, изъ котораго увѣдуемъ о начаткахъ церковнословенскаго книгопечатанія во

Львовѣ. Изъ нея слѣдовало заключить и о томъ, что въ его время во Львовѣ не было другого типографа. Если бы тогда была во Львовѣ другая типографія, то ея владѣлецъ несомнѣнно сталъ бы препятствовать заведенію новой и Ѳедоровъ, рядомъ съ холодностью своихъ единовѣрцевъ, встрѣтилъ-бы опозицію типографа. Такъ было вездѣ, такъ было и въ сосѣднемъ Краковѣ, такъ, наконецъ, случилось впослѣдствіи и въ самомъ Львовѣ. Объ этомъ умалчиваетъ повѣсть, а львовскіе архивы не сохранили никакихъ слѣдовъ существованія другой печатни одновременно съ основаніемъ типографіи Ѳедоровымъ. Но если не оказалось во Львовѣ типографскаго цеха и типографа, который нашелъ бы препятствія противъ основанія типографіи, то все таки среди многочисленныхъ тогдашнихъ цеховъ нашелся одинъ, на первый взглядъ ничего не имѣющій общаго съ типографіей, который нашелъ возможность тормозить новое дѣло. Роль этого тормаза разыгралъ цехъ столярскій. Дѣло было такъ. Для устройства типографіи Ѳедорову понадобился столяръ, но цеховыя права не позволяли ему держать такого работника. Вышелъ изъ-за этого споръ. Городской совѣтъ 26 января, 1573 г., (до начала печатанія Апостола) запретилъ Ѳедорову держать у себя столяра и производить столярныя работы, но вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ, для исполненія необходимыхъ работъ, нанять его у столярнаго мастера и съ его помощью сдѣлать нужное. Цехъ и на это не согласился [1]). Такъ какъ дѣло было новое, прецедентовъ не было, цеху не чѣмъ было защищаться. Сдѣлали запросъ въ Краковъ и оттуда на пятый день (31 января) получили отвѣтъ отъ тамошнихъ типографовъ. Краковскіе типографы, Матвѣй Зибенайхеръ и Николай Пренцина, удостовѣрили, что типографы въ Краковѣ не держатъ у себя столяровъ, и если кому понадобится что нибудь сдѣлать, то обыкновенно обращается къ столярному мастеру и отъ него, за опредѣленныя деньги, получаетъ столяра [2]). Конечно, дѣло этимъ не кончилось и предстало снова предъ городской совѣтъ, но уже во время печатанія Апостола, 7 декабря 1573 года. Въ данномъ случаѣ весьма любопытны мотивы рѣшенія совѣта. Цехъ не согласился на рѣшеніе совѣта, который

[1]) OCos. VIII, 1202, № 1540.
[2]) OCos. VIII, 1213, № 1553.

сталъ теперь искать способа помирить права и привилегіи цеха съ справедливыми интересами пришлеца-типографа, дабы неоконченное его дѣло изъ-за этого не потерпѣло какого-нибудь ущерба. Вслѣдствіе этого разрѣшилъ Ѳедорову вызвать изъ какого нибудь другого мѣста столяра, но записать его къ цеховому мастеру, отъ котораго онъ можетъ его нанять на полгода. Такой столяръ имѣлъ право дѣлать у Ѳедорова только то, что необходимо было для типографіи; не смѣлъ онъ ни въ типографіи, ни внѣ ея дѣлать всего того, что составляло столярскую спеціальность, а именно: столовъ, скамеекъ, шкаповъ, сундуковъ, дверей и тому подобныхъ вещей. За несоблюденіе таковаго условія Ѳедоровъ обязывался уплатить штрафъ въ 100 марокъ. Но и такое рѣшеніе не удовлетворило требовательнаго цеха [1]).

Преодолѣвая такія и тому подобныя препятствія, Ѳедоровъ, къ 15 февраля 1574 года, окончилъ печатаніемъ Апостолъ. Это единственная книга, имъ напечатанная во Львовѣ, гдѣ напъ печатникъ оставался жить дольше. Его типографскій станокъ со всѣми принадлежностями печати представлялъ уже въ то время большую цѣнность и одинъ изъ его сосѣдей, Сенька сѣдельникъ, въ три мѣсяца по отпечатаніи Апостола (6 мая 1574 г.), далъ Ѳедорову на 8 мѣсяцевъ 700 польскихъ злотыхъ [2]) подъ залогъ типографіи. Тогда во Львовѣ за 10 злотыхъ можно было достать порядочную рабочую лошадь [3]).

Какъ расходились книги, отпечатанныя Ѳедоровымъ, опредѣленно сказать трудно, но есть слѣды, что онѣ расходились. 12-го мая 1574 г. Ѳедоровъ уполномочиваетъ своего сосѣда Кассіана взыскать съ нѣкоего Ивана, который недавно съ еврейства обращенъ въ греческую вѣру, 32 злотыхъ за русскія книги, у него взятыя [4]). Вѣроятно такой же книжный долгъ тяготилъ на Иванѣ Шпакѣ и его поручителѣ Дахнѣ, жителяхъ Коломыи. Сумма долга достигла 20-ти талеровъ и Ѳедоровъ поручаетъ своему слугѣ

[1]) OCos. IX, 23, № 40.

[2]) OCos. IX, 369, № 541.

[3]) Польскій злотый состоялъ изъ 30 грошей; 60 злотыхъ составляло копу (sexagena); литовская копа была больше польской и равнялась 75 польскимъ грошамъ; талеръ равнялся 35 польскимъ грошамъ; марка (гривна) равнялась 48 грош.; червонецъ равнялся 56 грошамъ. Въ 1581 году одинъ польскій злотый заключалъ чистаго серебра 493 грана. Zagórski. Monety Dawnej Polski.

[4]) A. VI, 71, № 190. С. П.

Василію Лосатинскому взыскать все причитающееся съ него [1]). Во времена Ѳедорова намъ удалось отыскать слѣдъ одного книгопродавца во Львовѣ—Вольфа Брикіера, но велъ-ли онъ торговлю и русскими книгами, на это указаній у насъ нѣтъ.

Сношенія Ѳедоровъ велъ и съ другими городами: знали его не только въ Коломыѣ, но и въ Краковѣ. Тамъ даже онъ пользовался довѣріемъ весьма извѣстнаго въ то время польскаго врача Мартина Сѣнника, автора многихъ медицинскихъ сочиненій. При его посредствѣ Ѳедоровъ получалъ въ кредитъ бумагу изъ Кракова изъ бумажной фабрики Лаврентія. Еще въ 1577 году онъ былъ долженъ за бумагу 50 злотыхъ, которыя не отослалъ изъ-за постоянныхъ татарскихъ набѣговъ, безпокоившихъ страну. Изъ-за краковскихъ сношеній выходитъ у Ѳедорова дѣло, въ которое замѣшаны нѣсколько лицъ: Сенька сѣдельникъ, Власъ Замочникъ, Власъ Герникъ, повѣренный вдовы богатаго Краковскаго купца Галлемберга, имѣвшаго постоянныя сношенія со Львовомъ, и Мартинъ Сѣнникъ. 14-го мая 1577 года М. Сѣнникъ пишетъ Власу Замочнику, что Власъ Герникъ узналъ во Львовѣ, что Иванъ Ѳедоровъ, еще передъ Пасхою, отослалъ на руки Замочника и Сеньки 600 злотыхъ для скорой пересылки въ Краковъ Сѣннику. Сдѣлалъ онъ это хорошо зная, что онъ, Сѣнникъ, къ 8-му мая на ярмарку вызвалъ въ Краковъ „гостей“ по дѣлу Ѳедорова, а на ихъ угощеніе деньги были необходимы. Гости пріѣхали и Сѣнникъ долженъ былъ ихъ принимать на свой счетъ. При томъ Сѣннику извѣстно, что Ѳедоровъ еще въ первой половинѣ марта вернулся домой и деньги послалъ, поэтому онъ требуетъ отъ Власа скораго возврата денегъ. Власъ Замочникъ заявилъ объ этомъ письмѣ Магдебургіи, доказывая, что онъ не имѣлъ по этому дѣлу никакихъ сношеній съ Сѣнникомъ, что онъ порочитъ его доброе имя, за что онъ вызвалъ Сѣнника въ соотвѣтствующій судъ. Герникъ съ своей стороны заявилъ, что не имѣлъ никакихъ дѣлъ съ Сѣнникомъ, и что онъ никогда съ нимъ не говорилъ и ничего подобнаго не сообщалъ [2]). Чрезъ недѣлю (15-го іюня) дѣло это слушалось вторично, причемъ вызванъ былъ и Ѳедоровъ, который подъ присягою показалъ, что онъ передалъ

---

[1]) A. VI, 198, № 520; 251, № 663.

[2]) Ind. IC. XIII, 547, № 938; Prot. I, 31, № 30.

Сенькѣ 50 злотыхъ, которыя онъ долженъ былъ передать Лаврентію, писчебумажному фабриканту, чрезъ посредство Мартина Сѣнника, но ихъ, по причинѣ смутъ, произведенныхъ татарами, по сіе время держитъ у себя. Что же касается 600 злотыхъ, о которыхъ съ удивленіемъ узналъ изъ письма Сѣнника, то онъ никогда подобной суммы не обѣщалъ Сѣннику и не давалъ Власу; точно также онъ ничего не знаетъ о германскихъ купцахъ, которые приходили въ Краковъ по его дѣлу и которыхъ Сѣнникъ долженъ угощать. Сенька тоже подтвердилъ подъ присягою, да еще прибавилъ, что Сѣнника совсѣмъ не зналъ. Власъ заявилъ, что онъ это дѣло перенесетъ въ надлежащій судъ [1]). Чѣмъ оно кончилось не знаемъ, но, впрочемъ, это и не важно; для насъ достаточно знать, что Ѳедоровъ въ половинѣ 1577 года находился еще во Львовѣ, что входилъ въ сношенія съ другими городами, да притомъ былъ личностью извѣстною не въ одномъ Львовѣ.

Оставался-ли долго послѣ этого Ѳедоровъ во Львовѣ или ушелъ оттуда немедля—на это у насъ указаній не оказалось. До этого времени Ѳедоровъ извѣстенъ тамъ былъ подъ разными названіями. Первое, съ какимъ встрѣчаемся — Iwan Impressor (26-го января 1573 г.), далѣе называютъ его Iwan Rutenus Impressor (И. русскій печатникъ), (7-го декабря 1573); въ 1574 г. онъ самъ себя называетъ Iwan Fedorowicz Impressor Rutenus (И. Ѳедоровичъ русскій печатникъ) и просто Iwanus Impressor litterarum rutenicalium; Мартинъ Сѣнникъ называетъ его прямо Iwan Fedorowicz, не обозначая званія. За это время нѣтъ во Львовѣ другой личности, которую бы называли Иванъ Ѳедоровичъ; весьма поэтому возможно, что запись отъ 22-го октября 1577 г., гдѣ упомянутъ Иванъ Ѳедоровичъ, безъ званія, относится тоже къ нашему типографу. По этой грамотѣ сербъ Иванъ изъ Сочавы уничтожаетъ всѣ претензіи, какія у него были къ Ивану Ѳедоровичу въ Валахіи и Турціи [2]). Если эту запись отнести къ типографу, то изъ нея слѣдуетъ заключить, что онъ, оставивъ Львовъ, побывалъ въ турецкой землѣ и уже оттуда отправился къ князю Острожскому. Обыкновенно полагаютъ, а это мнѣніе повторилъ и о. Петрушевичъ, что Ѳедоровъ лишь съ на-

---

[1]) Ind. IC. XIII, 568, № 947; Prot. I, 35, № 38.
[2]) A. VII, 86, № 248.

чаломъ 1580 года находился въ Острогѣ; но онъ уже 2-го марта 1579 года лично является во Львовѣ, какъ magnifici Palatini Kijoviensis famulus, т. е. слуга Константина Острожскаго. Значитъ до этого срока онъ уже успѣлъ условиться съ княземъ Константиномъ; во Львовъ явился только для того, чтобы уладить свои дѣла. Онъ даетъ сыну довѣренность взыскать съ нѣкоего Филиппа Остапковича 11 злотыхъ [1]); во Львовъ, вѣроятно, вызвали его болѣе важныя дѣла, а можетъ быть, пришелъ туда и за станкомъ. Вѣроятнѣе, однако, что станокъ остался на мѣстѣ. На такое мнѣніе насъ наводитъ тотъ фактъ, что въ 1579 г. взыскана была съ Ѳедорова подать за ремесло (ab artificio) въ количествѣ 2-хъ злотыхъ. Ѳедоровъ уплатилъ, но заявилъ протестъ на имя вознаго о неправильномъ взысканіи съ него подати, вопреки привилегіи королевской, данной воеводѣ и его подданнымъ [2]). Въ этомъ же году вся типографія со всѣми принадлежностями и 140 русскими книгами заложена еврею Израилю Якубовичу за 411 злотыхъ [3]); но она вѣроятно не находилась еще въ рукахъ Якубовича и весьма возможно, что за нею наблюдалъ сынъ Ѳедорова, тоже Иванъ, переплетчикъ, иначе Ѳедорову не пришлось бы платить подати. Въ актахъ сынъ встрѣчается съ прозвищемъ Drukarzowicz (друкаревичъ), т. е. сынъ друкаря-типографа, и съ названіемъ Introligator — переплетчикъ. Съ отъѣздомъ отца, сынъ остался во Львовѣ; здѣсь онъ женился на Татьянѣ Антипоровнѣ, которая получила въ наслѣдство часть дома и сада на предмѣстіи Львова, насупротивъ церкви св. Георгія. Наслѣдство было продано въ сентябрѣ 1580 г. и Татьяна за свою часть получила 7 злотыхъ [4]).

Тѣмъ временемъ Иванъ Ѳедоровъ переселился въ Острогъ къ князю Константину Острожскому и сталъ заводить типографію. Съ собою изъ Львова взялъ онъ своего помощника, котораго выписалъ нѣкогда изъ Заблудова, и во Львовѣ отдалъ его на обученіе маляру Лаврентію Филипповичу, которому платилъ за него въ продолженіи двухъ лѣтъ [5]). Въ Острогѣ Ѳедоровъ за-

---

[1]) A. VI, 859, № 2,245.

[2]) CLp. CCCXXXVIII, 501.

[3]) Копія формальная изъ еврейскихъ книгъ находится въ архивѣ Ставроп. Института. Напечатана у Зубрицкаго (стр. 60) и у о. Петрушевича (стр. 29).

[4]) OCos. XI, 19, № 29.

[5]) OCos. XI, 738, № 876.

ключилъ съ нимъ при свидѣтеляхъ условіе, по которому Гринь Ивановичъ за то, что тщаніемъ Ѳедорова обучился,—малярному и столярному искусству, рѣзьбѣ на стали буквъ и другихъ вещей, а также и книгопечатанію, обязывался безъ воли и согласія Ѳедорова нигдѣ и никому не дѣлать буквъ для печати, ни устраивать типографіи. При содѣйствіи такого, уже обученнаго, помощника Ѳедоровъ, въ 1580 г., отпечаталъ въ Острогѣ Псалтырь и Новый Завѣтъ, а въ слѣдующемъ году, въ августѣ, появилась знаменитая Острожская Библія. Не долго оставался нашъ борецъ за просвѣщеніе и въ этомъ новомъ своемъ убѣжищѣ. Черезъ пять мѣсяцевъ по отпечатаніи Библіи мы встрѣчаемъ его снова во Львовѣ. Теперь ему не приходится, прося помощи, метаніе створять, колѣномъ касаяся и омывая ноги слезами; теперь ему открытъ кредитъ и даже краковскій купецъ Варѳоломей Шембекъ вѣритъ ему на сумму 112 злотыхъ, срокомъ на одинъ мѣсяцъ. Долгъ этотъ тяготѣлъ не на одномъ Ѳедоровѣ, но и на его сосѣдѣ Николаѣ Дашковичѣ. Къ сроку (5-го марта 1582 г.) онъ былъ выплаченъ и Шембекъ чрезъ своего повѣреннаго выдалъ въ томъ удостовѣреніе [1]). Вернулся во Львовъ Ѳедоровъ вмѣстѣ съ Гринемъ и сталъ собираться къ печатанію; Гринь началъ даже дѣлать новый шрифтъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, тайкомъ ушелъ изъ типографіи. Ѳедоровъ хранилъ у себя всѣ письменныя условія, заключенныя съ Гринемъ, и, призвавъ въ свидѣтели бывшаго малярнаго учителя Гриня, заявилъ городскому управленію о его бѣгствѣ и этимъ обезпечилъ за собой право всюду его разыскивать [2]). Гринь, вѣроятно, не хотѣлъ удовольствоваться незавиднымъ положеніемъ у типографа, ничего непечатающаго, и задумалъ отправиться въ Вильно, гдѣ въ то время печатаніе развивалось счастливѣе, чѣмъ во Львовѣ. Тамъ нашелъ пріютъ у Мамоничей, которые готовили въ то время изданіе Служебника (1583 г.). Здѣсь Кузьмѣ Мамоничу, бургомистру виленскому, сдѣлалъ два шрифта. Не долго, однако, Гринь находился въ бѣгахъ и, 26-го февраля 1583 года, встрѣчаемъ его опять во Львовѣ. Теперь онъ очутился въ полной зависимости отъ Ѳедорова,—условія, съ нимъ заключенныя, цеховыя права, все было противъ него;

---

[1]) ОСов. XI, 698, № 813; 723, № 853.
[2]) ОСов. XI, 738, № 876.

но Ѳедоровъ милостиво обошелся съ нимъ, не воспользовался своими правами, уничтожилъ записи и заключилъ мировую съ Гринемъ. Мировая состоялась при посредствѣ ихъ пріятелей, а на основаніи ея Гринь обязывался не дѣлать буквъ для печатанія, не устраивать типографіи ни для себя, ни для кого нибудь другого. На случай несоблюденія сего условія Гринь обязывается представить суду 500 злотыхъ и Ѳедорову уплатить такую же сумму съ вознагражденіемъ всѣхъ убытковъ и проторей. Гринь, какъ человѣкъ, ищущій работы, съ своей стороны выговариваетъ себѣ, что Ѳедоровъ дастъ ему сдѣлать одно письмо (шрифтъ), а другое, начатое имъ раньше, дастъ ему окончить. Въ случаѣ несоблюденія сего условія, Ѳедоровъ долженъ представить суду 500 злотыхъ и уплатить Гриню такую же сумму съ вознагражденіемъ убытковъ. Затѣмъ Ѳедоровъ обѣщаетъ Гриню, если онъ будетъ хорошо вести себя, дозволить открыть типографію [1]). Вотъ одинъ изъ весьма многочисленныхъ примѣровъ цеховой зависимости, которая начинала пробираться въ едва разцвѣтавшее дѣло. Для насъ дѣло съ Гринемъ имѣетъ еще спеціальное значеніе, какъ указаніе на то, что Ѳедоровъ еще въ годъ своей смерти не бросалъ мысли вести дѣло далѣе и заводилъ новый шрифтъ. Теперь онъ располагалъ деньгами, если могъ обѣщать Гриню, за исполненіе работы, большую сумму 200 злотыхъ. Гарантія въ 1,000 злотыхъ показываетъ, что дѣло Ѳедорова представляло большой капиталъ. Во время печатанія Апостола Ѳедоровъ выписывалъ бумагу изъ Кракова, теперь нашлась фабрика бумаги не вдалекѣ Львова—въ Бускѣ; когда въ первый разъ платилъ онъ за бумагу по полученіи ея, теперь даетъ фабриканту деньги впередъ и то сумму вдвойнѣ бо́льшую предыдущей, именно 100 злотыхъ. Должникъ не вернулъ ему денегъ, а бумагой не успѣлъ выплатить, поэтому уже сынъ Ѳедорова сталъ отыскивать эту сумму [2]). Это второе доказательство тому, что Ѳедоровъ думалъ все о книгопечатаніи. Третьимъ можетъ служить тотъ фактъ, что въ 1583 г. ѣздилъ онъ въ Краковъ, вѣроятно не для удовольствія, а по дѣлу своего предпріятія. Да при томъ ѣздилъ туда не самъ, а въ сообществѣ львовскихъ жителей, пушечнаго мастера Даніила и сѣдельника

[1]) CLp. XLVI, 452—458.
[2]) CLp. XLVI, 672; 740.

Сашки Сеньковича, сына того Сеньки, что первую далъ ссуду Ѳедорову. Тамъ на предмѣстіи Страдомъ, въ домѣ лавника страдомскаго, Даніилъ, за поручительствомъ Сашки, далъ какую то сумму Ѳедорову. Въ этотъ періодъ Сеньковичъ не разъ является поручителемъ за Ѳедорова. Тому же Даніилу выдалъ поручительство на 70 злотыхъ и ручался за два золотыя кольца цѣною въ десять венгерскихъ червонцевъ. Какому-то суконному торговцу поручился за Ѳедорова за сукно на двадцать злотыхъ [1]). Конечно, это не былъ другъ и покровитель, а торговецъ, видѣвшій въ этомъ свои выгоды, не думавшій простить эти деньги Ѳедорову и бравшій отъ него росписки и записи. Этими документами онъ воспользовался и, наканунѣ смерти Ѳедорова, 14 (4) декабря, наложилъ арестъ на всемъ имуществѣ Ѳедорова, гдѣ бы оно ни находилось, на сумму въ 500 злотыхъ [2]). Но Ѳедорову вѣрили и другіе, не одинъ Сашка. Кожевникъ Сенька Корунка далъ ему 500 злотыхъ, но онъ при жизни Ѳедорова не спѣшилъ накладывать запрещенія на его имущество [3]). Одинаково съ Сашкой дѣйствовалъ только Даніилъ, который днемъ раньше, чѣмъ Сашка, наложилъ арестъ за 150 злотыхъ [4]). Къ этому времени еще не былъ выплаченъ долгъ еврею Якубовичу въ 411 злотыхъ, взятыхъ еще пять лѣтъ тому назадъ. Но еврей не торопился, вѣроятно, потому, что долгъ этотъ тяготѣлъ вмѣстѣ и на сынѣ Ѳедорова. Такимъ образомъ, къ декабрю 1573 г., долгъ Ѳедорова простирался на весьма крупную сумму 1,500 злотыхъ слишкомъ. На то время это чрезвычайно большія деньги, и изъ этого слѣдуетъ заключить, что дѣло его представляло, въ глазахъ торговаго люда, большую гарантію. Здѣсь мы видимъ самыми крупными кредиторами христіанъ-русскихъ; еврей участвуетъ чуть не въ одной четверти общей суммы. Но Ѳедорову не суждено было дожить минуты, когда бы могъ уладить свои дѣла и удовлетворить кредиторовъ. Онъ умеръ 5 (15) декабря 1583 года [5]). Умирая, оставилъ,

---

[1]) A. VII, 1163, № 2788; OCos. XI, 1632, № 2062; № 2063.

[2]) A. VII, 1128, № 2695.

[3]) A. VII, 1249, № 1023.

[4]) A. VII, 1128, № 2694.

[5]) Дата эта установлена Зубрицкимъ по надписи на надгробномъ камнѣ; намъ не удалось ея провѣрить, поэтому за нее не беремъ на себя отвѣтственности. С. П.

кромѣ полнолѣтняго женатаго сына Ивана, перспетчика, еще и другихъ дѣтей,—сколько ихъ было и кто они—ничего не знаемъ. Фактъ тотъ на лицо, что Иванъ былъ не единственнымъ, а только старшимъ, но не его отецъ назначилъ опекуномъ надъ дѣтьми и имуществомъ, а избралъ, по завѣщанію, Георгія—водопроводнаго мастера, пользовавшагося въ то время среди своихъ извѣстнымъ авторитетомъ. Къ сожалѣнію, не смотря на всѣ наши поиски, намъ не удалось отыскать завѣщанія, а о составленіи его свидѣтельствуетъ опекунъ Георгій, когда отказывается отъ опеки въ пользу старшаго сына Ѳедорова, какъ уже полнолѣтняго [1]).

Судьба русскихъ книгъ, отпечатанныхъ Ѳедоровымъ, была чрезвычайно разнообразна. Сначала самъ онъ продавалъ, потомъ (1579 г.) 140 книгъ заложилъ еврею Якубовичу, который получилъ ихъ въ свою неотъемлемую собственность въ годъ послѣ смерти печатника; далѣе торговали ими люди, не имѣющіе ничего общаго съ книжнымъ дѣломъ, какъ аптекарь и сѣдельникъ. Еще при жизни Ѳедорова, Сашка Сеньковичъ, 3 сентября 1583 г., взялъ у львовскаго аптекаря, Іеронима Витембергера, двѣсти книгъ, написанныхъ на русскомъ языкѣ, въ кредитъ. Долгъ обезпечиваетъ на всемъ своемъ имуществѣ, или же вмѣсто книгъ обѣщаетъ дать 400 кожъ московской юфти. На слѣдующій годъ Сашка уплатилъ за эти 200 книгъ, обезпеченныхъ на 400 кожъ московской юфти, 300 польскихъ злотыхъ [2]).

Дѣла Ѳедорова, послѣ его смерти, остались въ весьма запутанномъ состояніи. На его предпріятіи тяготѣлъ крупный долгъ въ 1,500 злотыхъ, но и онъ оставилъ должниковъ, которые ему въ срокъ не вернули денегъ. Эти коммерческіе счеты, на первый взглядъ маловажные, въ сущности имѣютъ большое значеніе при разъясненіи условій существованія печатника. Со смертію отца сынъ принялся ликвидировать дѣла, самъ онъ не думалъ продолжать начатаго отцомъ дѣла. Да теперь небогатому пришлецу нельзя было состязаться съ новыми типографіями, заправляемыми личностями съ большимъ вліяніемъ и вѣсомъ, какъ краковскій печатникъ Шарфенбергеръ и львовскій гражданинъ Павелъ Щербичъ. Уже съ 1578 года появляются во Львовѣ латинскія и поль-

[1]) CLp. XLVI, 763.
[2]) CLp. XLVI, 593; 677.

скія книги. Рѣшивъ привести дѣла въ порядокъ, сынъ Ѳедорова прежде всего принимается за отысканіе должниковъ отца. Еще въ Заблудовѣ Ѳедоровъ ссудилъ протопопу Нестору 15 копъ литовскихъ грошей; сынъ, 3-го февраля 1584 г., уполномочиваетъ нѣкоего Гануша изъ Острога ко взысканію этихъ денегъ [1]). Бумажный фабрикантъ въ Бускѣ, недалеко Львова, задолжалъ печатнику 100 злотыхъ, сынъ посылаетъ (27-го марта 1584 г.) туда львовскаго жителя Мартина Голубниковича [2]) и довѣряетъ ему вести это дѣло [3]). Но при отыскиваніи своихъ правъ переплетчику пришлось столкнуться съ кредиторами отца, и въ числѣ ихъ самымъ крупнымъ былъ Сашка Сеньковичъ. Съ нимъ онъ долженъ былъ прежде всего имѣть дѣло—онъ былъ не только кредиторомъ, но и поручителемъ за Ѳедорова передъ другими. Дѣло, кажется, не обошлось безъ скандала. 27-го марта 1584 г. Иванъ явился въ градскій львовскій судъ и заявилъ, что Сашка сѣдельникъ нанесъ ему побои—изранилъ ему голову, на правой рукѣ у ладони было сильное кровотеченіе, на лѣвой рукѣ у локтя содрана до крови кожа. Судъ всѣ эти раны видѣлъ и надлежащимъ образомъ осмотрѣлъ [4]).

Не обращая вниманіе на существованіе опекуна, Иванъ сейчасъ послѣ смерти отца сталъ самъ дѣйствовать и вести дѣло на свою руку. Тогда опекунъ Георгій, 2-го мая 1584 г., отказался отъ опеки надъ имуществомъ и дѣтьми покойнаго, мотивируя отказъ тѣмъ, что онъ не можетъ исполнять своей обязанности, когда старшій уже достигъ полнолѣтія, и потому свои обязанности онъ передаетъ Ивану, сыну покойнаго Ивана Ѳедорова [5]). Изъ этой-то записи узнаемъ, что у Ѳедорова, кромѣ Ивана, были еще дѣти малолѣтнія, но о нихъ намъ не удалось найти никакого извѣстія. Еслибъ нашлось завѣщаніе, то дѣло бы несомнѣнно болѣе разъяснилось. А теперь только является вопросъ, что значатъ два золотыя кольца, купленныя Сашкой для Ѳедорова?...

Не прошло и мѣсяца (28-го мая 1584 г.) со времени отреченія

---

[1]) CLp. XLVI, 602, 740.

[2]) Фамилія эта пишется въ актахъ разно. Для однообразія принимаемъ эту форму. С. П.

[3]) CLp. XLVI, 723.

[4]) CLp. XLVI, 724.

[5]) CLp. XLVI, 724.

Георгія отъ опеки, какъ отыскался новый кредиторъ печатника въ лицѣ Сеньки Коруники, львовскаго кожевника. Онъ, на основаніи записи Ѳедорова въ градскихъ книгахъ и по двумъ его роспискамъ, наложилъ арестъ на имущество покойнаго Ѳедорова въ суммѣ 500 злотыхъ [1]). Такимъ образомъ, еще въ концѣ мая 1584 г., имущество покойнаго не было продано. Сынъ при томъ располагалъ еще не малымъ количествомъ русскихъ книгъ, которыя, помимо столькихъ запрещеній, наложенныхъ на имущество покойнаго, онъ съумѣлъ продать Мартину Голубниковичу, котораго уже разъ дѣлалъ своимъ повѣреннымъ. Въ продажномъ актѣ Иванъ Ивановичъ говоритъ, что онъ продаетъ всю и цѣльную книжную лавку, состоящую изъ русскихъ книгъ виленской печати или тисненія, безъ малѣйшаго исключенія. За всю эту лавку получаетъ отъ Мартина 380 злотыхъ и 10 грошей, но денегъ на руки не беретъ, а поручаетъ передать кіевскому жителю Ивану Лозьня [2]). Передача денегъ кіевскому жителю была ли простымъ частнымъ долгомъ или платежемъ, проистекавшимъ изъ коммерческихъ разсчетовъ, рѣшить пока трудно. Нельзя, однако, не сопоставить съ этимъ фактомъ другого, имѣвшаго мѣсто нѣсколько раньше. Нѣкто Иванъ Минчевичъ, русскій изъ Львова, задолжалъ въ Люблинѣ Ивану Ивановичу 95 зл., которыя ему пришлось уплатить Михаилу Войтовичу изъ Слуцка (нынѣ Минск. губ.) за 106 мессинскихъ кожъ. Долговая запись явлена была надлежащимъ образомъ въ Люблинѣ 9-го іюня 1582 г. Минчевичъ обязался уплатить долгъ въ 3 срока, послѣдній назначенъ на 21-е января 1584 года [3]). Такимъ образомъ, видимъ, что Иванъ Ивановичъ, еще при жизни отца, велъ свои торговыя дѣла, ѣздилъ по разнымъ городамъ и велъ сношенія съ жителями разныхъ мѣстностей. Весьма, поэтому, возможно, что и платежъ Ивану Лознѣ въ Кіевѣ имѣлъ тоже коммерческій характеръ.

Съ тѣмъ же Голубниковичемъ Иванъ Ивановичъ заключаетъ условіе, въ формѣ довѣренности, болѣе общаго характера. Онъ уполномочиваетъ Голубниковича отыскивать всѣ свои имущественныя права и всѣ обязательства, гдѣ бы и у кого бы все это ни находилось, и обратить отысканное имущество въ его (Го-

[1]) A. VII, 1249, № 1023.
[2]) CLp. XLVI, 875.
[3]) OCos. XI, 896, № 1124.

лубниковича) наслѣдственное владѣніе. Кромѣ того Иванъ обѣщаетъ уплатить Голубниковичу 500 злотыхъ на случай, если онъ при веденіи дѣла потерпитъ какія нибудь потери и убытки [1]). Это непростая обыкновенная довѣренность, это своего рода особая имущественная сдѣлка. Все оставшееся послѣ Ѳедорова имущество было засеквестровано кредиторами единовѣрными и единоплеменными. Теперь ни одно подлежащее учрежденіе и не приняло бы къ засвидѣтельствованію новаго долговаго обязательства. Этою формою довѣренности можно было обойти законъ. До этого времени сынъ типографа имѣлъ дѣло съ русскими и христіанскими кредиторами отца. Въ недѣлю, по выдачѣ такой общей довѣренности, отыскался еще одинъ кредиторъ и то старѣйшій еврей Якубовичъ, который во время перваго пребыванія Ѳедорова во Львовѣ ссудилъ сыну и отцу вмѣстѣ 411 злотыхъ. 4-го декабря 1584 г. явился онъ въ еврейскій судъ, принесъ туда 140 книгъ на русскомъ языкѣ и всѣ типографскія принадлежности, заявляя суду, что все это было заложено, пять лѣтъ тому назадъ, Иваномъ типографомъ и сыномъ его, Иваномъ переплетчикомъ, въ суммѣ 411 злотыхъ, и прося судъ признать все это его собственностью. Судъ исполнилъ требованіе Якубовича [2]). Такимъ образомъ вся типографія, съ 140 русскими книгами, перешла въ еврейскія руки. Это послѣдній, извѣстный намъ, актъ взысканія; съ этого времени намъ болѣе не удалось встрѣтить новыхъ запрещеній и взысканій. Можемъ, поэтому, уже подвести итогъ имущества Ѳедорова въ моментъ его смерти. Сумма протестованныхъ и обезпеченныхъ на имуществѣ долговъ равнялась 1,561 зл., сынъ продалъ книгъ на 380 зл., права свои на наслѣдственное имущество уступилъ за 500 зл., отъ бумажнаго фабриканта имѣлъ ко взысканію 100 зл., отъ протопопа Нестора въ Заблудовѣ 15 литовскихъ копъ, т. е. 37½ зл. Такимъ образомъ все имущество Ѳедорова ко дню его смерти оцѣнить можно было въ двѣ съ половиною тысячи злотыхъ. Въ тѣ времена

---

[1]) CLp. XLVI, 876.

[2]) Копія формальная изъ еврейскихъ книгъ находится въ архивѣ Ставроп. института. Напечатана у Зубрицкаго (стр. 60) и у о. Петрушевича (стр. 29). Зубрицкій прочиталъ невѣрно имя судьи—Antonius Kowalski, должно быть Victorinus K. У о. Петрушевича, кромѣ этой ошибки, вкрались и другіе недосмотры. С. П.

въ окрестностяхъ Львова, быкъ продавался за 4 зл., корова стоила 2 зл., свинья—1 зл. и 6 грошей (1 зл.=30 гр.), баранъ—15 гр., курица—½ гр., 10 яицъ ½ гр., возъ сѣна 4 гроша. По этому разсчету можемъ себѣ составить понятіе, какую цѣнность въ то время представляли двѣ съ половиною тысячи. За нихъ можно было купить болѣе, чѣмъ 600 быковъ.

Еврей Якубовичъ, взявъ за долгъ типографію, навѣрно замышлялъ ее продать, но, кажется, во Львовѣ скоро не удавалось ему найти покупщика и должно быть онъ велъ переговоры съ московскими купцами, которыхъ въ то время было во Львовѣ не мало. На такой выводъ наводитъ насъ окружное посланіе львовскаго православнаго епископа Гедеона Балабана. Владыка свидѣтельствуетъ, что послѣ смерти Ѳедорова „знашлися таковые купчикове хотѣвши оные усѣ матрецы и приправы друкарскіе купити, а до московское земли съ панствъ его королевское милости вывезти". При томъ владыка оговариваетъ, что подобный поступокъ могъ „скарбъ особливый загубити и зъ шкодою немалою церквамъ божіимъ и всему православію, закону святаго греческаго". Это все огорчило епископа и онъ говоритъ: „Иноя ужалившися таковое шкоды, абы той скарбъ до чужей землѣ не выношался, хотячи тыжь послужити въ томъ Господу Богу и всему православному христіанству; купили есмо тые всѣ приправы друкарскіе за полтори тисячи злотыхъ весполокъ съ паны мещаны львовскими". Купивъ типографію, епископъ взялъ ее въ свою скарбницу, но заплатить за нее все сполна не былъ въ состояніи вмѣстѣ съ львовскими мѣщанами. Полторы тысячи были для того времени столь большою суммою, что владыка принужденъ былъ выплачивать ее въ разсрочку, а тѣмъ временемъ послалъ окружное посланіе съ черницомъ Миною ко всѣмъ православнымъ христіанамъ для собиранія доброхотнаго подаянія на типографію. Посланіе помѣчено днемъ 8 ноября 1585 года [1]). Типографія не сразу начала свою дѣятельность; находилась она при церкви Успенія Богородицы во Львовѣ въ нѣкоторомъ запущеніи. Изъ другой грамоты того же владыки, отъ 1 мая 1586 г., узнаемъ, что во Львовѣ церковь Успенія Пречистыя Богоматери, госпи-

[1]) Zubrzycki. Historyczne badania o drukarniach rusko-słowiańskich w Galicyi. Lwów, 1836. стр. 72; Петрушевичъ, стр. 26. С. П.

таль и домы церковные огнемъ погорѣвши упадаютъ, и только мѣщане львовскіе принялись воздвигнуть все отъ упадка. При томъ начали возведеніе „другаго храма духовнаго, то есть науки письма святаго, греческаго языка и словенскаго, заложили школу за благословеніемъ святѣйшаго Іоакима, патріарха антіохійскаго. При томъ также и друкарню опущеную выдвинули, стараючися абы знову наши письма друкованы были“ [1]). Это новое окружное посланіе владыки напечатано было въ выдвинутой изъ забвенія типографіи, которая перешла уже въ собственность русскаго братства при церкви Успенія Богородицы. Братство это получило отъ патріарха Іереміи названіе ставропигійскаго, и подчинено было прямо патріарху, вслѣдствіе чего не зависѣло отъ епископа. Братству пришлось самому уплатить всю сумму сполна за типографію, согласно условію, заключенному владыкою съ евреемъ. Такимъ образомъ типографія Ѳедорова послужила основаніемъ нынѣшней типографіи русскаго ставропигійскаго института во Львовѣ. Польскіе короли, подтверждая права и привиллегіи института, всегда обезпечивали и права типографіи. Долгое время ставропигійская типографія пользовалась исключительною монополіей печатанія русско-славянскихъ книгъ и всѣ попытки нарушить ея права преслѣдовались судебнымъ порядкомъ.

Прошло съ того времени триста лѣтъ—институтъ и типографія существуютъ, но, конечно, первопечатнаго станка нѣтъ. Въ институтѣ не осталось и слѣда Ѳедорова, нѣтъ произведеній его печатни, и если бы не сохранившіеся нѣкоторые документы въ архивѣ, тамъ не было бы о немъ и помину. А церковь св. Онуфрія, возлѣ которой жилъ печатникъ, и на кладбищѣ которой онъ былъ похороненъ, что намъ скажетъ о немъ? Напрасно бы путешественникъ допытывался церковнаго сторожа, гдѣ гробница Ѳедорова; память о немъ не сохранилась у потомства. Отъ кладбища и слѣда не осталось, напрасно разыскивать его могилу. Только случаю, только чрезвычайной экономіи братіи монастырской, наше время обязано было нѣкоторою памятью о старомъ печатникѣ. По упраздненіи кладбища, монастырь употребилъ надгробные камни на выстилку пола и на внутреннюю облицовку

[1]) Zubrzycki, стр. 61; Петрушевичъ, стр. 30. С. П.

стѣнъ церкви. Среди множества надгробныхъ камней одинъ изъ попавшихъ на выстилку пола, длиною почти въ одну сажень, имѣлъ надпись: . . . . „вичь друкарь москвитинъ, который своемъ тщаніемъ друкованіе занедбалое обновилъ, преставися въ Львовѣ року ,аѳпг декембря“.... Надпись эта была по краямъ камня, посредине же: „Положенъ.... въскресенія змертвыхъ чаю. Друкарь книгъ предъ тѣмъ не виданыхъ“ [1]). Камень этотъ, по свидѣтельству о. А. С. Петрушевича, находился въ церкви еще въ августѣ (14) 1883 г. Злой рокъ не далъ ему пролежать до 300-лѣтія смерти Ѳедорова. Осенью того года производился ремонтъ всей церкви, сдѣлана перестилка пола и положенъ новый асфальтовый. Старыя камни убирались, но не археологами, а простыми рабочими, подъ присмотромъ монастырской братьи. Ломъ каменьщиковъ коснулся и камня Ѳедорова. О. игуменъ свидѣтельствуетъ, что песчаникъ, вывѣтрившійся чрезъ 300 лѣтъ, не выдержалъ напора лома и разсыпался въ кусочки. Не удалось ихъ собрать въ единое цѣлое и такимъ образомъ единственный наглядный памятникъ волею непостижимой судьбы исчезъ съ лица земли.... Братья монастырская, которую воля судебъ лишила этого камня, хранитъ, какъ святыню, въ своей обители экземпляръ Апостола, отпечатаннаго Ѳедоровымъ во Львовѣ, и это единственный памятникъ во Львовѣ, дошедшій до нашего времени прямо отъ Ѳедорова. Если отъ него лично осталось во Львовѣ такъ мало, за то львовскіе архивы являются неподкупными свидѣтелями его жизни въ этомъ городѣ, его неутомимой дѣятельности среди неблагопріятныхъ обстоятельствъ, его борьбы съ хладнокровіемъ и апатіей тогдашняго русскаго общества. По этимъ, доселѣ никому неизвѣстнымъ, свидѣтельствамъ предстанетъ предъ нами не простая безгласная типографская машина, терпѣливо отпечатывающая все, что попадется, не обыкновенный рабочій, ищущій себѣ пропитанія, необращающій вниманія на характеръ работы, но живой человѣкъ, человѣкъ съ идеей, человѣкъ, который поставилъ своею задачею „вмѣсто житныхъ сѣменъ духовныя сѣмена по вселеннѣи разсѣвати, и всѣмъ почину раздавати духовную сію пищу“.

С. Л. Пташицкій.

Львовъ, 5 января 1884.

---

[1]) Текстъ надгробной надписи заимствуемъ изъ разсужденія о. Петрушевича, стр. 25. С. П.

НАСТАСЬЯ ѲЕДОРОВНА МИНКИНА,

ДОМОПРАВИТЕЛЬНИЦА ГРАФА АРАКЧЕЕВА.

Характеристическій очеркъ.

Со времени своего изданія «Русская Старина» представила на своихъ страницахъ массу матеріала касательно личности графа А. А. Аракчеева. Нельзя указать ни одного другого историческаго изданія, которое-бы въ себѣ одномъ сосредоточило такое громадное количество данныхъ, съ той или другой стороны воспроизводящихъ личность извѣстнаго временщика. Мы представимъ въ хронологическомъ порядкѣ перечень напечатанныхъ на страницахъ «Русской Старины» какъ статей, такъ и матеріаловъ, прямо и непосредственно затрогивающихъ личность Аракчеева.

Въ 1870 году напечатано: 1) Балъ у графа Аракчеева въ 1820 году—изъ записокъ Н. А. Титова (т. I, февраль); 2) Черты изъ жизни графа Аракчеева—воспоминанія артиллеріи генералъ-маіора Н. Г. Сигунова. Сообщилъ М. И. Богдановичъ (т. I, мартъ); 3) Письмо императора Александра I къ графу Аракчееву по поводу безпорядковъ въ Семеновскомъ полку. Сообщилъ Селифонтовъ (т. I); 4) Письмо императора Александра Павловича къ графу Аракчееву объ изданіи газеты «Сѣверная почта». Сообщилъ А. Н. Петровъ (т. I, № 4, апрѣль); 5) Письма императора Александра I къ графу Аракчееву. Сообщилъ А. Н. Петровъ и Н. Н. Селифонтовъ съ примѣчаніями М. И. Богдановича (т. I, № 4, апрѣль).

Въ 1871 году: 1) Мнѣніе великаго князя Александра Павловича объ Аракчеевѣ въ 1799 году.—Убійство любовницы графа Аракчеева Настасьи Шумской (Минкиной). Сообщ. А. Н. Неустроевъ.—Уничтоженіе памяти о ней самимъ графомъ Аракчеевымъ (т. III, февраль); 2) Убійство любовницы графа Аракчеева, Настасьи Ѳедоровой Шумской, 1825 г. Разсказъ А. Г. Пупарева, по подлинному дѣлу, сообщенному А. Н. Неустроевымъ (т. IV, сентябрь). 3) Воспоминанія моей жизни.—Записки лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова.—Посѣщеніе императоромъ Александромъ I Грузина въ 1824 г. (т. IV, сентябрь и декабрь); 4) Воспоминанія И. И. Свіязева 1824—1826 гг. (т. IV, ноябрь).

Въ 1872 году: 1) Воспоминанія доктора И. Й. Европеуса о службѣ въ военномъ поселеніи и объ отношеніяхъ къ графу Аракчееву (т. VI, сентябрь и ноябрь); 2) Разсказы о графѣ Аракчеевѣ священника Н. Ильинскаго (т. V, мартъ); 3) Донесенія и письма А. П. Ермолова графу Аракчееву. Сообщ.

М. Н. Похвисневъ (т. VI. ноябрь); 4) Аракчеевщина: разсказы, стихи и пѣсни, касающіеся Аракчеева (т. VI, ноябрь).

Въ 1873 году: 1) Письма императора Александра I къ графу Аракчееву. Сообщ. Н. Н. Селифонтовъ (т. VII, февраль); 2) Мой вѣкъ или исторія Сергѣя Маевскаго.—Аракчеевщина. Сообщ. Н. С. и С. С. Маевскіе (т. VIII, октябрь и ноябрь); 3) Генералъ отъ артиллеріи Петръ Ивановичъ Меллисино къ графу А. А. Аракчееву 1787—1797 гг. Переводъ съ французскаго. Сообщ. А. Н. Сергѣевъ (т. VIII, декабрь); 4) Императоръ Павелъ Петровичъ. Рескрипты и записки его къ графу Аракчееву въ 1794—1799 гг. (т. VII, апрѣль).

Въ 1874 году: 1) Эпиграммы на Аракчеева. Сообщилъ И. Р. фонъ-деръ-Ховенъ (т. IX, январь); 2) Графъ А. Аракчеевъ наканунѣ войны 1812 года.—Письмо его къ брату Петру Аракчееву. Сообщилъ П. И. Ламанскій (т. X, май); 3) Записки И. Степ. Жиркевича (т. IX, февраль).

Въ 1875 году: 1) Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Изъ воспоминаній о новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ 1822 — 1826 гг. А. К. Гриббе. Съ портретомъ Аракчеева и его гербомъ (т. XII, январь); 2) Переписка Алексѣя Николаевича Оленина съ графомъ Аракчеевымъ 1816 — 1853 гг. Сообщ. Н. И. Стояновскій (октябрь).

Въ 1876 году: 1) Портретъ графа А. А. Аракчеева. 1818 г. (т. XVII, ноябрь).

Въ 1877 году: 1) Преобразователи русской арміи въ царствованіе императора Павла Петровича 1796—1801 гг., въ томъ числѣ и Аракчеевъ. Статья П. С. Лебедева (мартъ).

Въ 1878 году: 1) Аракчеевъ и Шумскій. Сообщ. Боричевскій (январь); 2) Разсказы графа Ѳ. П. Толстаго: избраніе графа Аракчеева въ почетные члены общества распространенія ланкастерскихъ школъ (февраль).

Въ 1879 году: 1) Записки Богуславскаго: графъ Аракчеевъ и графъ Милорадовичъ (сентябрь).

Въ 1880 году: 1) Разсказы Е. Н. Львовой объ Аракчеевѣ (мартъ).

Въ 1881 году: 1) Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Разсказъ къ его характеристикѣ. К. Х. Измайлова (сентябрь); 2) Александръ I, Николай I и Александръ II. Историческіе матеріалы: два письма графа Аракчеева къ императору Николаю I (декабрь).

Въ 1882 году: 1) Два письма графа Аракчеева къ цесаревичу Константину Павловичу и отвѣты на нихъ послѣдняго (апрѣль); 2) Графъ Аракчеевъ въ 1812—1834 гг. (октябрь).

Кромѣ перечисленныхъ статей о графѣ Аракчеевѣ редакція «Русской Старины» издала о нихъ особую книгу подъ заглавіемъ: «Графъ Аракчеевъ и военные поселяне 1809—1831 гг.». Спб. 1871 г.

Послѣ «Русской Старины» значительное количество матеріаловъ и статей о графѣ Аракчеевѣ помѣстила редакція «Русскаго Архива» и особенно за слѣдующіе годы: за 1866 годъ—(письмо графа Аракчеева къ Олонецкому губернатору Ушакову. Сообщ. Н. Ф. Бутеневъ, № 7; автобіографическія замѣтки графа Аракчеева на проклаиныхъ бѣлыхъ листахъ принадлежавшей ему книги св. евангелія, № 6; историческія замѣчанія о графѣ Аракчеевѣ. И. Липранди; письмо графа Аракчеева къ императору Николаю I, № 7); за 1868 годъ: (предсмертные дни и кончина графа Аракчеева, изъ разсказа отставнаго штабсъ-капитана Е. М. Романовича. Сообщ. П. А. Мусатовскій, № 2; опроверженіе разсказа о кончинѣ графа Аракчеева. А. П. Бровцынъ,

№ 6; письмо гр. Аракчеева къ графинѣ Канкриной, № 2; письмо Настасьи Ѳедоровой Минкиной къ графу Аракчееву. Сообщ. Н. Г. Богословскій, № 10) за 1869 годъ: (письма графа Аракчеева къ барону Карлу Ѳедоровичу Левенштерну, съ примѣчаніями М. И. Семевскаго, № 10; изъ воспоминаній о селѣ Грузинѣ въ 1826 году. Языкова, № 9; надпись на иконѣ, принадлежавшей графу Аракчееву, № 4); за 1871 годъ: (письмо графа Аракчеева, № 1); за 1872 годъ: (письмо графа Аракчеева къ Д. А. Булыгину; два духовныя завѣщанія графа Аракчеева, № 10); за 1873 годъ: (письмо графа Аракчеева къ князю Д. В. Голицыну и отвѣтъ на него Голицына, № 4); за 1875 годъ: (приказъ графа Аракчеева 1808 года, № 11); за 1876 годъ: (Аракчеевъ и его характеристика. Князя П. А. Вяземскаго, № 4); за 1880 годъ: (воспоминанія Н. И Шенига объ Аракчеевѣ, кн. Ш); за 1881 годъ: (записки Г. С. Батенкова съ отзывомъ объ Аракчеевѣ, кн II) и др.

Нѣсколько статей и матеріаловъ объ Аракчеевѣ разсѣяно въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, какъ-то: въ „Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ“ (напр. письма Александра I къ графу Аракчееву—Чтен. 1868 г. кн. IV и 1864 г. кн. IV; 1871 г. кн. Ш, и др.), въ „Сборникѣ русскаго историческаго общества“ (письма графа Аракчеева къ императору Александру I, т. I), въ „Вѣстникѣ Европы“ (А. Тырковъ — изъ Аракчеевской переписки — 1870 годъ, №№ 8 и 9), въ „Древней и Новой Россіи“ (письма графа Аракчеева къ брату 1796 г., — 1876 г., № 5. Анекдоты объ Аракчеевѣ—1880 г., октябрь; 1875 г., № 5)

Изъ спеціальныхъ статей, посвященныхъ изученію личности графа Аракчеева, заслуживаетъ вниманія статья Н. Отто, напечатанная въ „Древней и Новой Россіи“ за 1875 годъ (№№ 1, 3, 4, 6 и 10) подъ заглавіемъ: „Черты изъ жизни графа Аракчеева“. Статья Н. Отто имѣетъ, въ ряду другихъ статей, ту особенность, что составлена преимущественно по документамъ грузинскаго архива, которыми авторъ имѣлъ случай пользоваться въ бытность его преподавателемъ въ Новгородской гимназіи. В.

I.

Съ именемъ Настасьи Минкиной всплываетъ въ памяти домашній, семейный бытъ суроваго временщика. Мы постараемся, насколько только позволяютъ обнародованныя доселѣ въ печати касающіяся указаннаго предмета матеріалы, нарисовать нравственный образъ Настасьи, съ именемъ которой судьба какъ-то, хотя и случайно, но неразрывно, связала имя извѣстнаго государственнаго дѣятеля не такъ давней эпохи.

Хотя графъ Аракчеевъ и отличался холоднымъ и даже суровымъ характеромъ, однако онъ до самой своей старости не былъ равнодушенъ къ женщинамъ. Всякое красивое выразительное лицо женщины производило на него магическое дѣйствіе. Значительная часть библіотеки Аракчеева состояла изъ книгъ и сочиненій далеко не цѣло-

мудреннаго содержанія. Аракчеевъ воплотилъ свою любовь къ пикантности даже въ особаго рода постройкѣ. Онъ построилъ у себя въ усадьбѣ особый павильонъ и наполнилъ его соблазнительными картинами, которыя закрывались зеркалами, отворявшимися посредствомъ потаенныхъ механизмовъ. Павильонъ этотъ стоялъ уединенно на островѣ, окруженномъ прудами. Только самымъ избраннымъ своимъ пріятелямъ Аракчеевъ показывалъ внутренность устроеннаго имъ причудливаго павильона, который въ отсутствіе его былъ совершенно недоступнымъ. Поклонникъ грубой чувственности, Аракчеевъ не пренебрегалъ покупками красивыхъ женщинъ крестьянокъ, чѣмъ-нибудь обратившихъ на себя его вниманіе. Одна изъ такихъ простыхъ необразованныхъ женщинъ съумѣла привязать его къ себѣ на цѣлыя двадцать пять лѣтъ и за все это время пользовалась большимъ на него вліяніемъ. То и была Настасья Ѳедоровна Минкина.

Графъ Аракчеевъ вообще какъ-то странно относился къ законному супружеству. Онъ не питалъ никакого уваженія къ браку; даже пренебрегалъ имъ. Бракъ для него имѣлъ значеніе, главнымъ образомъ, внѣшнее; онъ разсматривалъ его съ физической стороны. Аракчеевъ, какъ помѣщикъ, особенно заботился о томъ, чтобы у него было болѣе рабочихъ, крѣпостныхъ рукъ, почему онъ терпѣть не могъ въ своей вотчинѣ холостыхъ и вдовыхъ крестьянъ. Обыкновенно 1-го января каждаго года ему представляли списки ихъ съ обозначеніемъ лѣтъ. Одновременно съ этимъ ему подавался и списокъ дѣвушекъ, которымъ онъ дѣлалъ смотръ. Въ поданныхъ спискахъ графъ дѣлалъ отмѣтки собственною рукою кого женить, а не рѣдко указывалъ и на комъ. Если ему доносили, что какая либо изъ сторонъ не согласна на это, то онъ давалъ короткое приказаніе: «согласить». Согласіе обыкновенно вынуждалось въ такомъ случаѣ системою строгихъ наказаній. Аракчеевъ любилъ, чтобы рождались больше мальчики, и женщинамъ, рождавшимъ дѣвочекъ, онъ угрожалъ даже штрафомъ [1]). Аракчеевъ былъ любимымъ дѣтищемъ своей матери и служилъ предметомъ ея гордости. Его мать много безпокоило то обстоятельство, что сынъ ея, которому тогда уже было лѣтъ за[тридцать, все оставался холостымъ. Въ письмахъ къ своему сыну она употребляла все свое краснорѣчіе на то, чтобы убѣдить его жениться. Неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, но только едва-ли вслѣдствіе вліянія матери и еще менѣе того—едва-ли по любви, графъ Аракчеевъ женился (4 февраля 1806 г.) на дворянкѣ Натальѣ Ѳедо-

[1]) Н. Отто. „Древняя и Новая Россія“ 1875 г., № 4.

ровнѣ Хомутовой и, повидимому, при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ. Въ день своей свадьбы, невѣста Аракчеева получила фрейлинскій шифръ, а непосредственно послѣ вѣнчанія, на которомъ присутствовалъ императоръ Александръ Павловичъ, ей пожалованъ былъ Екатерининскій орденъ 2-й степени. Начавшаяся при такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ семейная жизнь графа Аракчеева скоро однако кончилась. Причиною тому былъ самъ Аракчеевъ. Супруги не сошлись характерами и разъѣхались. Да и трудно было ожидать отъ этого брака прочнаго семейнаго счастья. Наталья Ѳедоровна Аракчеева вышла замужъ осьмнадцати-лѣтнею дѣвушкою. Она была очень недурна собой и имѣла нѣжное и слабое сложеніе. По своему нравственному характеру, Наталья Ѳедоровна, по отзыву знавшихъ ее современниковъ, обладала кроткимъ, мягкимъ и добрымъ характеромъ и съ этой стороны не имѣла ничего общаго съ своимъ суровымъ безсердечнымъ супругомъ, который притомъ по годамъ годился ей въ отцы. Когда женился Аракчеевъ, то ему было лѣтъ подъ сорокъ. Кромѣ своего угрюмаго, мрачнаго, отталкивающаго характера, кромѣ своей устарѣлости, Аракчеевъ не могъ возбудить у жены особенной къ себѣ симпатіи и своимъ внѣшнимъ видомъ: онъ былъ очень некрасивъ и говорилъ гнусливо. Графъ, конечно, понималъ свои невыгодныя стороны сравнительно съ своею юною и мягкою добросердечною женою и чуть не съ первыхъ дней брака мучилъ ее ревностію и неосновательными подозрѣніями. При своей кротости и мягкости Наталья Ѳедоровна можетъ быть и прожила бы долѣе со своимъ старымъ и суровымъ супругомъ, если бы не помѣшала тому вѣтренность и очевидная невѣрность послѣдняго. Конечно, трудно представить себѣ худшее для женщины, какъ жены, положеніе, чѣмъ то, въ какомъ оказалась бѣдная молодая графиня. Ее мужъ мучилъ неосновательными подозрѣніями и ревностію въ то самое время, когда самъ чуть не открыто и на каждомъ шагу измѣнялъ ей. Послѣднее обстоятельство, главнымъ образомъ, и послужило причиною того, что Наталья Ѳедоровна оставила своего мужа, и не далѣе какъ на второй годъ супружества. Наталья Ѳедоровна, по отъѣздѣ отъ своего мужа, удалилась въ свое помѣстье и тамъ оплакивала свои печальные дни въ глубокомъ уединеніи. Послѣ развода они, кажется, уже болѣе не встрѣчались въ жизни. И. С. Жиркевичъ въ своихъ запискахъ [1]) сообщаетъ слѣдующій случай, который, по его словамъ, послужилъ поводомъ къ разрыву между супругами. Въ

[1]) „Русская Старина“ 1874 г., февраль.

1807 году, отъѣзжая въ армію, Аракчеевъ отдалъ приказаніе своимъ людямъ, чтобы графиня отнюдь не выѣзжала въ нѣкоторые дома, а самъ, вѣроятно, ее не предупредилъ объ этомъ. Одинъ разъ, когда та сѣла въ карету, на отданный ею приказъ куда-то ѣхать лакей доложилъ ей, что графомъ сдѣлано запрещеніе туда ѣздить. Графиня хладнокровно приказала ѣхать на Васильевскій островъ къ своей матери и оттуда уже домой не возвращалась. Когда-же, по окончаніи кампаніи, графъ возвратился въ Петербургъ, онъ немедленно поѣхалъ къ женѣ и потомъ недѣли съ двѣ ежедневно ѣздилъ туда раза по два въ день. Наконецъ, однажды, графиня сѣла съ нимъ въ карету. Но лишь только экипажъ проѣхалъ Исаакіевскій мостъ, графъ остановилъ его и вышелъ изъ него, отправившись далѣе домой пѣшкомъ, а графиня возвратилась къ матери и болѣе не съѣзжалась съ нимъ. Очень можетъ быть, что случай, сообщаемый г. Жиркевичемъ, имѣлъ мѣсто на самомъ дѣлѣ, но онъ самъ по себѣ еще слишкомъ мелоченъ для того, чтобы служить причиною полнаго разрыва между супругами. Случай, разсказанный Жиркевичемъ, могъ дѣйствительно послужить только внѣшнимъ поводомъ къ разрыву, но почва и причины послѣдняго скрывались гораздо глубже. Главную причину ихъ разрыва нужно искать именно въ склонности Аракчеева къ грубой чувственности, для удовлетворенія которой у него находились всегда подъ руками женщины, частію среди самой его дворни, а иногда и на сторонѣ. М. А. Бороздинъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что графъ Аракчеевъ еще въ царствованіе императора Павла I скомпрометировалъ себя своею незаконною связью съ женою синодскаго секретаря Пукалова, которая, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, много обдѣлывала дѣлишекъ въ свою пользу. Самая женитьба Пукалова устроилась такимъ образомъ. Одинъ помѣщикъ передъ смертію женился на своей любовницѣ и оставилъ ея дочери все свое состояніе. Наслѣдники подняли дѣло. Пукаловъ уничтожилъ метрическія книги (что-то отзывается легендарностію: въ архивѣ синода метрическихъ книгъ не имѣется вовсе), единственное доказательство справедливости. Истцы проиграли дѣло, а онъ, по условію, женился на незаконной дочери умершаго помѣщика, которая сама сдѣлалась любовницею Аракчеева [1]). Нужно сказать, что у него разныхъ наперсницъ перебывало довольно много, но между ними историческую и, къ слову сказать, печальную извѣстность получила Настасья Ѳедорова Минкина, державшая Аракчеева

[1]) Графъ Аракчеевъ и военные поселяне. Спб. 1871 г., изданіе „Русской Старины“, 24.

въ своихъ рукахъ около двадцати пяти лѣтъ. Аракчеевъ сошелся съ нею еще лѣтъ за шесть до женитьбы и эта женщина настолько оказалась ловкою, что путемъ разныхъ интригъ съумѣла разлучить мужа съ женою и скоро снова овладѣла Аракчеевымъ. Недалѣе какъ въ годъ женитьбы графа (1806), по его распоряженію, въ Грузинѣ, на особой полянѣ, не далеко отъ барскаго дома, поставлена была чугунная ваза, въ знакъ вѣрной службы Настасьи [1]). Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, скрывается главная причина, которая необходимо должна была вызвать и дѣйствительно вызвала разрывъ между супругами.

II.

О происхожденіи, равно какъ и о первоначальномъ знакомствѣ графа Аракчеева съ Настасьей Ѳедоровой Минкиной, историческіе источники говорятъ и мало, и разно. М. Бороздинъ въ своихъ воспоминаніяхъ Настасью Ѳедоровну называетъ женою мелочнаго торговца въ деревнѣ Старая Медвѣдь, мѣщанина Минкина. По словамъ г. Бороздина оказывается, что мужъ Настасьи куда-то изчезъ совершенно незамѣтно и жена его изъ лавочки перебралась въ Грузино, въ домъ графа, и сдѣлалась его сожительницею [2]). Г. Боричевскій Настасью Ѳедоровну называетъ женою грузинскаго крестьянина, кучера. Когда, сообщаетъ при этомъ г. Боричевскій, Аракчеевъ возвысилъ ее до своей интимности, то мужа своего она трактовала свысока: за каждую вину, за каждую выпивку водила на конюшню и приказывала при себѣ сѣчь его [3]). Мѣстныя простонародныя преданія представляютъ дѣло нѣсколько въ иномъ видѣ. На разспросы о томъ, откуда была Настасья родомъ, старики села Грузина передаютъ: «а Богъ ее вѣдаетъ, откуда она проявилась такая, только не изъ нашего мѣста была, а дальная, откуда-то, вишь, изъ-за Москвы. Въ своемъ-то мѣстѣ, какъ сказываютъ, спервоначала просто овчаркой была, овецъ значитъ пасла; а опосля, какъ графъ ее купилъ, такъ туманъ на него напустила и въ такую силу попала, что и не приведи Господи» [4]). Изъ всѣхъ разсказовъ о Настасьѣ можно съ достовѣрностію сказать только то развѣ, что она была крестьянка, пріобрѣ-

---

[1]) „Русск. Архивъ“ 1869 г.. стр. 1475, 1483, изъ воспоминаній о Грузинѣ, Языкова.

[2]) Графъ Аракчеевъ и военные поселяне, 6.

[3]) „Русская Старина“ 1878 г., январь. Аракчеевъ и Шумскій. Сообщ. Боричевскій, 180.

[4]) Н. Отто. „Древняя и Новая Россія“ 1875 г., № 3.

тена Аракчеевымъ путемъ покупки и вовсе не была за мужемъ. По словамъ Н. Отто, отецъ Настасьи, Ѳедоръ Минкинъ, чуть ли не цыганъ родомъ, былъ кучеромъ. Настасья Ѳедоровна въ то время, какъ Аракчеевъ купилъ ее себѣ во дворъ, находилась въ полномъ разцвѣтѣ своей молодости. Ея черные, какъ смоль, волосы, черные глаза, полные страсти и огня, смуглый цвѣтъ лица, на которомъ игралъ яркій румянецъ, ея гренадерскій ростъ и дебелость, вскорѣ совсѣмъ очаровали слабаго до женской красоты Аракчеева. Кромѣ своей внѣшности Настасья сразу-же понравилась графу своею расторопностію и аккуратностію. О ней прежніе графскіе слуги отзывались: «нельзя сказать, чтобы была изъ лица больно красавита; а смуглая такая изъ себя, быстроглазая (глазы-то большіе, черные были, что у цыганки), больше проворствомъ и расторопностію брала» [1]). Бойкая, смѣтливая женщина, Настасья скоро поняла загадочный для другихъ характеръ своего грознаго барина, изучила его вкусы и привычки и угадывала и предупреждала всѣ его желанія. Она получила званіе экономки на мызѣ Аракчеева и, благодаря ей, здѣсь водворились образцовые порядки и замѣчательная аккуратность по всѣмъ частямъ сельскаго хозяйства. Какъ экономкѣ, Настасьѣ назначено большое жалованье. Экономка скоро вошла въ большую силу при графѣ. Такимъ образомъ, вышло довольно странное и любопытное въ то-же время явленіе: простая необразованная женщина-крестьянка успѣла подчинить себѣ желѣзный характеръ графа Аракчеева, могущественнѣйшаго для своего времени вельможи въ государствѣ. Настасья Ѳедоровна, пользуясь безусловнымъ довѣріемъ графа, разыгрывала большую роль въ селѣ Грузинѣ. Генералы всевозможныхъ ранговъ, нисколько не стыдясь, цѣловали ей руки, безконечно льстили ей, заискивали ея милостей, служили для нея шпіонами и доносчиками. По смерти Настасьи, въ ея бумагахъ нашлись очень любезныя письма къ ней разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, съ присоединеніемъ разныхъ дорогихъ сюрпризовъ въ родѣ кружевъ, дорогихъ серегъ и т. под. Самъ Аракчеевъ исполнялъ всѣ капризы своей возлюбленной. Въ угоду ей онъ, напримѣръ, выстроилъ дорогой мостъ черезъ оврагъ, раздѣляющій селенія Старую и Новую Медвѣдь. Для своей возлюбленной Аракчеевъ построилъ особый флигель, съ наружною рѣзьбою и зеркальными стеклами, своимъ изяществомъ невольно обращавшій на себя вниманіе всякаго зрителя, тѣмъ болѣе, что всѣ остальныя постройки грузинской мызы отличались чисто казарменною архитектурою и даже окрашены были въ желтый цвѣтъ. По смерти

[1]) Н. Отто. „Древняя и Новая Россія“ 1875 г.. № 6.

Настасьи, ея флигель получилъ отъ Аракчеева названіе розоваго домика [1]).

Настасья Ѳедоровна, пользуясь безусловнымъ довѣріемъ графа, оказывала во многихъ дѣлахъ протекцію. Къ ней обращались съ письменными просьбами даже лица высокопоставленныя. Самъ государь Александръ Павловичъ удостоивалъ ее своимъ вниманіемъ, и для ласки графа заходилъ въ ея комнаты и пивалъ у ней чай [2]).

Простой народъ никакъ не могъ понять и разъяснить себѣ пристрастіе богатаго и сильнаго вельможи къ простой крестьянкѣ и объяснялъ это по-своему колдовствомъ и волшебствомъ со стороны Настасьи. До сихъ поръ еще память объ этой женщинѣ, по словамъ Н. Отто, живо сохранилась въ Грузинѣ и въ бывшихъ военныхъ поселеніяхъ, въ которыхъ и теперь передаются изъ устъ въ уста разныя легенды о бывшей фавориткѣ Аракчеева. Такъ, крестьяне увѣряли, будто у Настасьи была какая-то волшебная собачка, которая могла сослужить ей всякую службу. Преданія грузинскихъ крестьянъ и самую Настасью рисуютъ не иначе, какъ вѣдьмой и колдуньей. Въ подтвержденіе этого, крестьяне ссылались на то, что нѣкоторые изъ довѣренныхъ ей мужиковъ тихонько собирали для нея, по ея указанію, какихъ-то гадовъ, которыхъ она потомъ варила и употребляла какъ одно изъ средствъ для ворожбы. По словамъ нѣкоторыхъ грузинскихъ обывателей, къ Настасьѣ по временамъ прилеталъ змѣй и нашептывалъ ей что-то на ухо. Благодаря подобнымъ разсказамъ, имя Настасьи окружено было ореоломъ страшной колдуньи, способной продугадывать будущее. Среди грузинскихъ крестьянъ и теперь еще живо сохраняется слѣдующая легенда: «разъ какъ-то Аракчеевъ собрался ѣхать изъ Грузина въ округъ на смотръ войска. Настасья объявила, что ему угрожаетъ опасность. Графъ поблѣднѣлъ и спросилъ: «какая-же опасность? Развѣ ты что-нибудь знаешь?» «Отецъ мой, графъ, продолжала она таинственно, васъ хотятъ сегодня убить». Тутъ она сказала, что въ такомъ-то ряду, у такого-то солдата, ружье будетъ заряжено. И какъ объявила, такъ и на повѣрку вышло. Ну и сталъ послѣ того Аракчеевъ любить ее пуще отца и матери, пуще всего на свѣтѣ» [3]). Въ основѣ всѣхъ подобнаго рода народныхъ разсказовъ о фавориткѣ Аракчеева лежитъ извѣстная доля правды. Настасья отличалась большимъ пронырствомъ, вкрадчивостью, всегда окружала себя толпой шпіоновъ и

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Воспоминанія Н. И. Шенига. „Русск. Архивъ" 1880 г., кн. III, 321—322.

[3]) Н. Отто. „Древняя и Новая Россія" 1875 г, № 3.

разныхъ подозрительныхъ богомолокъ, которыя, по мановенію своей госпожи, за малую подачку готовы были на всякую низкую услугу. Развитіе шпіонства въ своей дворнѣ поблажалъ и самъ Аракчеевъ. Близкая къ народу, хорошо знакомая со всѣми его слабыми сторонами, Настасья прекрасно пользовалась толпою хожалокъ и посылала ихъ на развѣдки. Благодаря штату разныхъ странницъ и богомолокъ, она всегда могла знать очень многое изъ того, что дѣлалось не только въ Грузинѣ, но даже и въ Петербургѣ [1]). Собираемыя ею такимъ страннымъ и таинственнымъ образомъ свѣдѣнія, конечно, составляли тайну для всѣхъ остальныхъ, а нерѣдко и для самаго графа. Сообщая о нихъ, Настасья нерѣдко дѣлалась не только въ глазахъ дворни, но даже въ глазахъ и самого суевѣрнаго Аракчеева чуть не предсказательницею будущаго. Бывали случаи и такого рода, что она въ своихъ цѣляхъ и видахъ нарочно подсылала къ самому графу разныхъ предсказательницъ подъ видомъ богомолокъ. Н. И. Шенигъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующій случай. Находясь въ 1824 г. въ военныхъ поселеніяхъ, какая-то странствующая монахиня заходила въ Грузино и, бывъ принята графомъ Аракчеевымъ, сказала ему: «береги Настасью, пока она жива и ты счастливъ, а съ ея смертію и оно кончится». Нечего кажется объяснять, кто дѣйствовалъ здѣсь за спиною монахини [2]). Подобными мѣрами самаго искуснаго пронырства Настасья сильно дѣйствовала на суевѣрный умъ своего сіятельнаго любовника и еще болѣе привязывала его къ себѣ. Будучи человѣкомъ желчнымъ, раздражительнымъ, недовѣрчивымъ, боявшимся постоянно отравы, графъ отдался въ полное довѣріе одной экономки. При своихъ частыхъ отлучкахъ изъ Грузина, Аракчеевъ передавалъ своей фавориткѣ полное управленіе своею грузинскою вотчиною. Зная аккуратность своего сановитаго возлюбленнаго, Настасья Ѳедоровна, какъ ей это ни было тяжело, выучилась писать, хотя конечно далеко не искусно. Въ угоду графу, требовавшему, во имя идеи порядка, еженедѣльныхъ рапортовъ по всѣмъ частямъ управленія своимъ помѣстьемъ, она хотя каракулями, но аккуратно отправляла ему собственноручные іероглифическіе отчеты. При выѣздахъ графа въ военныя поселенія, внимательная экономка села Грузина, въ предупрежденіе злой отравы, снабжала его съѣстными припасами собственнаго приготовленія и виномъ (вишневкой) собственной домашней настойки.

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1868 г., № 10, 1660.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1880 г., кн. III. Воспоминанія Н. И. Шенига, 321—322.

III.

Въ печати уже извѣстны нѣсколько (до 12) писемъ Настасьи Ѳедоровны къ своему патрону. Содержаніе этихъ писемъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Оно знакомитъ насъ съ характеромъ и нравственными интересами тѣхъ лицъ, которыя обмѣнивались ими. Преобладающая черта этихъ писемъ есть черта хозяйственности. Настасья, какъ извѣстно, завѣдывала всѣмъ грузинскимъ хозяйствомъ, смотрѣла за производившимися постройками и не давала никому изъ рабочихъ ни отдыха, ни срока. Она разводила цвѣтники, приготовляла разныя варенья, отправляла въ Петербургъ для дома графа Аракчеева, и обо всемъ этомъ, со всею аккуратностью счетнаго чиновника, отписывала она своему властелину. «Отецъ мой графъ», писала Настасья Ѳедоровна графу Аракчееву отъ 11 августа 1820 г., «у насъ въ домѣ все, слава Богу, хорошо, люди здоровы, а также скотъ и птицы благополучны, лошадей проѣзжаютъ, какъ при васъ было. Посылаю къ вамъ записку—вы можете видѣть, что я ѣзжу по деревнямъ. Крестьяне всѣ на своихъ работахъ; работы ихъ идутъ, слава Богу, хорошо; по вашему приказу нигдѣ нѣтъ изъ крестьянства на господскихъ работахъ; я узнаю — сама ѣзжу и говорю съ ними. «Господинъ Минутъ [1]) поставилъ въ графской слободѣ на часовню столяровъ—Мишку и Петрушку додѣлывать; и когда онъ уѣхалъ, то не сказалъ Семену; я поѣхала и вижу, что не въ приказанное время работаютъ, когда всѣ по милости вашей занимаются своими работами — мнѣ показалось очень странно; я спрашиваю, что они покосили-ль свое сѣно?—«Нѣтъ, сказали; Александръ Ивановъ не пускаетъ, а погода хороша». Вы меня простите, что я ихъ уволила, часовня будетъ сдѣлана; а сѣно, отецъ, пропадетъ; они равны съ прочими—за то я бранила голову, что онъ не исполняетъ вашъ приказъ, и зачѣмъ не сказалъ Минуту? Его былъ отвѣтъ—я не смѣлъ ему сказать, а сказалъ старшинѣ, чтобы всѣ были на своихъ работахъ. Также я нашла въ Любунѣ непорядочно у старшины въ домѣ: онъ худо смотритъ за своимъ домомъ—за что также пожурила: когда у него непорядочно, то можно-ли требовать, чтобы было у другихъ хорошо? И за то голову бранила, что онъ худо смотритъ. Еще я узнала отъ лекаря, что у мужика въ Оскуи пропало, три недѣли

[1]) Александръ Ивановичъ Минутъ, отличавшійся неслыханною жестокостью, по профессіи инженеръ-архитекторъ, служилъ у графа въ Грузинѣ, возводилъ тамъ всѣ постройки и съ неутомимою строгостью слѣдилъ за ходомъ работъ. В.

тому назадъ, триста руб. денегъ, а голова не зналъ столько время; онъ сказалъ, что былъ въ Новгородѣ, но мужикъ донесъ старшинѣ и земскому; хотя дѣлали поискъ, но много время прошло—я посылала туда 8 августа Семена съ головой. Также пропало въ Нѣкшинѣ шесть-сотъ руб. у старшины, я также посылала Семена съ головой—у того лежали деньги въ домѣ въ подпольѣ, въ незапертой коробкѣ, которая была безъ дна. Семенъ видѣлъ. Они не знаютъ, въ который день пропали,—но въ которой хватились, тогда были всѣ на работѣ; въ деревнѣ оставался одинъ мужикъ, который смотрѣлъ за деревней; а въ домѣ дѣвочка оставалась хозяйкою; входилъ къ нимъ только пастухъ, который живетъ у нихъ, но онъ не винится въ нихъ. Мотыльской старшина виноватъ, что скрывалъ больнаго, котораго ужалила змѣя; когда сказали лекарю и священнику, что есть больной, то прошло много времени и поздно было спасти его: ему захватило сердце—и тогда не сказалъ, что змѣя ужалила, а сказалъ, что болитъ сердце, думали, что онъ съѣлъ лишнее; онъ пріобщался Святыхъ Таинъ и скоро скончался. Послѣ вышло, что ужалила змѣя его; онъ ворожился — сдѣлалось ему легче, а потому не сказали лекарю. У насъ въ Крутихѣ также ужалила змѣя крестьянина, но тотчасъ захватилъ фершалъ и спасъ человѣка.

«Въ графской слободѣ Ивлевичъ былъ въ отлучкѣ 4 дня—въ 5-й пришелъ. Онъ говоритъ, что не любитъ жена его, не даетъ на свѣчку денегъ, то и пошелъ покосить, два дня былъ въ переходѣ и два дня въ чужой деревнѣ покосилъ—выработалъ два рубля, а самъ горько плакалъ. Это человѣкъ несчастный, не любимъ женою и тестемъ, а дѣти любятъ его. Въ саду, въ прудахъ еще ничего не дѣлаютъ, а я Поляковъ [1]) заставляла въ праздникъ пропускать воду гдѣ глыбже; они прорыли канаву—вода выходитъ и дѣлается сухо. На мызѣ работы идутъ казенныя, мастеровые строятъ сарайчикъ вишневый. На Полички дѣлаютъ фундаментъ, столяры отдѣлываютъ комнату у Патрикея и прочія работы. Мои дворовые занимаются садомъ; цвѣты у насъ въ саду очень хороши — я жалѣю, что вы не видите ихъ, но которые были посѣяны послѣ садовника, тѣ лучше идутъ, а я садъ свой держу въ лучшемъ видѣ, пріучаю Максима—какъ должно всегда дѣлать цвѣтникъ, когда отцвѣтаютъ цвѣты и чтобы всегда было въ школѣ запасныхъ; у меня полной садъ цвѣтовъ, также у кадокъ довольно стоитъ. Я воображаю, мой отецъ, что вы выходите изъ

[1]) Поляками назывались витебскіе землекопы, копавшіе канавы и пруды у графа. Это были барскіе крестьяне, которыхъ, для уплаты долговъ ихъ господъ, ссылали иногда въ Грузино на аракчеевскія каторжныя работы.

В.

спальни и цѣлуете за сюрпризъ. У насъ довольно было господъ для любопытства; я всегда съ ними наряжала людей, никогда одни не ходили. 8-го былъ Фаборъ самъ третей; обѣдалъ въ гостинницѣ и гулялъ въ саду очень довольно; вы можете его спросить — какъ у меня было цвѣтовъ. Домъ Агаѳонихи дѣлается и будетъ хорошъ. Семенъ [1]) нашелъ по плану ошибку и не смѣлъ вамъ объ оной донести, но я велѣла ему писать ошибку въ томъ, что связь по плану должна строиться на $15^1/_2$ саженяхъ, а построена на $14^1/_2$ саженяхъ, отчего дворы для двухъ семействъ, говоритъ Семенъ, будутъ тѣсны. Если вами оное перемѣнено, то онъ не будетъ виновенъ, онъ самъ о семъ пишетъ къ вамъ. Оранжерея хороша будетъ. Хлѣбъ хорошъ у крестьянъ, только тяжело жать; нѣкоторые возятъ на гумна для семянъ; но я не слышала сколько умолоту, только хвалятъ. Отъ матушки вашей привезли вашу карету и два образа, которые я вычистила, поставила—одинъ къ себѣ въ кіотъ, скорбящую Божію Матерь, а когда я васъ проводила, то вынула изъ шкапу Владимірскую Божію Матерь, поставила въ кіотъ и ей молилась. Также получено отъ матушки вашей—холстъ и нитки, все убрала, мой отецъ. Василій Николаевичъ уѣхалъ отъ насъ—я ему дала старую коляску, которую починила въ Высокомъ. Минутъ уѣхалъ; письмо его я отдала Семену, чтобы въ точности смотрѣлъ за работами—онъ хорошой будетъ человѣкъ, если не испортится. Бѣдныхъ не забываю я, если только можно гдѣ помочь, я всегда и буду дѣлать: все ваше, мой другъ, и я ваша, моя душа. Сколь я благодарна за нынѣшнюю покупку; для дому провизію я сама все приказываю. Патрикей покупаетъ, и деньги отдаю тотчасъ; у меня для васъ всего есть довольно, и никакихъ непріятностей не получено. Скажу вамъ, что у насъ въ саду очень довольно бѣлокъ и что онѣ любятъ шиповникъ и крыжовникъ кушать — впрочемъ ничего не портятъ. Платья для людей отдала шить, будутъ хороши. Дай Богъ, чтобы васъ скорѣе увидѣть, моего отца. Отъ Миши получила я письмо—слава Богу, здоровъ. Я писала Екатеринѣ Григорьевнѣ объ учителѣ математическомъ; она пишетъ, что постарается пріискать, но мнѣ Семенъ сказалъ, что Петрушевскаго братъ хорошо знаетъ; я спросила у Петрушевскаго, онъ говоритъ, что-де учениками занимается, когда готовятся къ выпуску—онъ знаетъ хорошо, то я писала Екатеринѣ Григорьевнѣ, чтобъ послать къ нему, если не найдетъ своего. Сколь ваши милости велики къ намъ сиротамъ! И послѣ этого васъ оставить — ахъ, отецъ, не

---

[1]) Это крѣпостной графскій архитекторъ, кончившій курсъ въ академіи художествъ, съ медалью. Онъ былъ преемникъ Минута. В.

думайте о своемъ слугѣ такъ. Дай Богъ здоровья Настасьѣ Никитишнѣ, что она любитъ васъ, а по васъ и меня также. Леля..... Леля..... Богъ не оставитъ, что онѣ не оставили васъ при горести—ахъ, какъ я все чувствую! Померанцевую вазу посылаю, мой отецъ; простите мнѣ, что мало отпустила; цѣлую ваши ручки. Ризницу окончу на нынѣшней недѣлѣ и примусь за старую бѣлокосовую, чтобъ вышить ее. Пелена вышита очень хорошо, но довольно дорого стала. Отецъ, я просила васъ въ письмѣ, которое у Карла Крестіановича, о покупкѣ для меня—то прошу не сердитесь на мои глупыя желанія: я буду заслуживать вамъ, мой отецъ. Скажу, что Богъ насъ до сихъ поръ милуетъ Своимъ милосердіемъ, о которомъ молимъ Его и надѣемся на Него,—Онъ единъ защитникъ нашъ и сохранитъ отца нашего. У насъ былъ Василій Федоровичъ и просилъ, можно ли пріѣхать его женѣ и дочери. Если можно, то просилъ, чтобы написала я къ ней — я писала, но не скрою отъ васъ, мой другъ, Богъ сдѣлалъ по моему — они не пріѣхали и много сдѣлали мнѣ облегченія. Голова уѣхалъ въ Новгородъ по дѣламъ вашимъ. Я получила отъ Семена четыре ломбардныхъ билета суммою на 20,000 руб. и убрала ихъ въ вашемъ бюро. Липки головинскія хорошо принялись, но не всѣ пошли,—а деревья, когда нужно будетъ убирать въ оранжерею, то я уберу ихъ, мой отецъ. Я посылала фельдъегеря въ садъ, чтобъ вамъ все могъ сказать. Прости, мой отецъ, цѣлую ваши ручки и ножки—да спасетъ самъ Богъ отца моего; прошу Его ежеминутно. Прости—истинно другъ сердцу моему. Вѣрная слуга ваша по гробъ свой Настасья Федорова — жива, здорова, любитъ очень васъ, мой отецъ».

«Батюшко ваше сіятельство, Алексѣй Андреевичъ,—писала Настасья 17-го августа 1816 года,—прибывъ въ Грузины 15 числа августа въ ночи, нашла все въ домѣ благополучно и въ порядкѣ—люди всѣ здоровы, а также и скотъ благополученъ. У флигелей: музыкантскаго и людскаго крыльца передѣланы; въ погребномъ флигелѣ полъ опустили ниже и лѣстницу для входа въ комнату перенесли къ южной стѣнѣ—къ церкви; теперь дѣлаютъ крыльца у сего флигеля и у башнаго; дорожку изъ плиты между флигелей музыкантскаго и людскаго перестилаютъ вновь и дѣлаютъ подъ плиту изъ щебня буть. Въ саду послѣ отъѣзда вашего сіятельства дорога отъ оранжереи къ домику, называющемуся моимъ именемъ, и до чугунныхъ воротъ, отдѣлана Клубника выполота и вновь посажена; деревья и всѣ растенія убраны въ оранжерею 3-го числа; стрижка по дорогамъ кончена, а теперь продолжается обрѣзка по куртинамъ; по лѣсу верхи и прорѣзываютъ липовыя аллеи; изъ еловой рощи назначенныя липнія

ёлки вынуть—выняты. На цвѣточномъ островкѣ по берегу посажено флекусовъ—красныхъ дикихъ 300 кустовъ. При семъ посылаю обращики парчи и бархату и перевязь для вашего сіятельства. 12-го числа пріѣзжалъ въ Грузины генералъ Левашовъ съ своимъ адъютантомъ, кои, переночевавъ, на другой день катались по деревнямъ и предъ отъѣздомъ заходили въ церковь во время службы, а также и въ первой день были въ соборѣ. Цѣлую ручки ваши. Слуга ваша Настасья Ѳедорова».

«Батюшко ваше сіятельство А. А.,—писала Настасья Минкина графу отъ 9-го сентября 1816 года,—вчерашній день по утру былъ у насъ Ланской Сергѣй Сергѣевичъ съ двумя дамами; былъ въ обоихъ домахъ и въ лѣтней горѣ, а послѣ были въ соборѣ у обѣдни; предлагали имъ, что не угодно-ли чай или кофе и послѣ обѣдни фриштыкать,—но отъ всего отказались, торопясь ѣхать. Герасима женила на крестьянской дѣвкѣ изъ Черницъ-Малховской крестьянина Якова Денисьева, Пелагеѣ. Въ домѣ, слава Богу, все благополучно, и люди всѣ здоровы, а также скотъ и птицы благополучны. Коверъ для собора, присланный изъ Парижа, полученъ, коего мѣрой 22 арш. 15 вершковъ. Настасья Ѳедорова, цѣлую ручку вашу—вѣрная слуга.

«Скажу вамъ, отецъ мой,—горница, гостиная готова, только не повѣсила занавѣски, потому что зимнія рамы буду ставить,—какъ хороша вышла эта комната! У насъ былъ бѣшеный Ланской; ахъ другъ, этотъ дуракъ не стоитъ, чтобы быть въ Грузинѣ; повѣрь, графъ, что я столь сердита на него, скакалъ во весь упоръ,—я была это время на пристани,—подумала, что вы ѣдете во весь духъ, но карета желтая показалась, догадалась, что Ланской, и думала, что спѣшитъ къ обѣдни; подумай, душа моя,—прямо въ садъ и въ домъ, а потомъ въ соборъ и всего три четверти былъ въ миломъ Грузинѣ; спросить его, что онъ видѣлъ, то вѣрно не можетъ сказать,—какіе глупые были вопросы у человѣка! Бѣгалъ почти по саду!—сдѣлайте милость, не позволяйте навѣщать дуракамъ; скажу, что я обижена осталась и тѣмъ и сѣмъ, дѣлала приглашенія, но не въ часъ все. Прости,—ожидаю въ скоромъ времени увидѣть отца своего».

«Любезный мой отецъ графъ!—писала Настасья 17-го іюня 1819 г.,—скажу вамъ, что письмо было писано по моему приказу и деньги посланы мои; я вамъ могу доказать, что посуда вся исполна поставлена, но запасной у меня мало въ кладовой, то я для того велѣла вытребовать изъ С.-Петербурга, а что я не сама писала, то не было время, а послала образцы, которые всегда хранятся у меня въ кладовой. Меня очень тронула ваша приписка: я вамъ говорила чего

не доставало и что выдала изъ запасной у меня посуды. Не думайте, отецъ мой—я нарочно все такъ поставлю, чтобы вы увидѣли мою преданность къ вамъ.

«Въ молочникѣ разбилъ крышку Матюшка, но я хотѣла такую достать, зная, что вы любите ихъ; у меня къ ней крышка хрустальная, но все хотѣла купить точно такую. Я получила отъ Петра Андреевича [1]) разливательную ложку, фаянсовую, желтую, еще книжку, какъ излѣчать пьяницъ, все положено у васъ въ кабинетѣ. Любезный мой отецъ, посылаю вамъ двойную георгину, вы не изволили ея видѣть, а я боюсь, чтобы не отцвѣла безъ васъ; также письмо—вы увидите, что меня просятъ превосходительные. У меня работаютъ въ саду, именно чистятъ пруды и косятъ лугъ, который къ Волхову, нижніе, а я занимаюсь своими вареньями. Васъ прошу, чтобы Тимоѳея отдать поучиться мороженое дѣлать: намъ будетъ замѣна въ десертѣ, также формочки поискать для мороженаго. Прошу васъ, отецъ, купить два маленькихъ окорока, они выгодны для стола намъ, и лимоноватой воды, дрождей два куш..... Я получила конфекты. Я получила теперь лучше не въ примѣръ какъ конфекты, такъ и укладка ихъ. Вѣрьте, что не одна конфекта не испортилась: вы увидите, также ихъ везли какъ прежніе. Вамъ было угодно купить сафьяну для стульевъ, которые изъ Выскаго».

Мы нарочно представили длинныя выдержки изъ писемъ Настасьи Минкиной для того, чтобы ея же собственными словами показать ту важную роль, какую она разыгрывала въ Грузинѣ. Если смотрѣть на письма Настасьи къ Аракчееву безъ предвзятаго взгляда, то въ нихъ можно видѣть самую нѣжную сердечную привязанность ея къ своему сановитому возлюбленному. Нѣтъ ни одного такого ея письма, въ которомъ бы она не говорила о своей самой горячей, беззавѣтной любви къ своему «любезному отцу родному», какъ она любила называть Аракчеева въ своихъ къ нему письмахъ.

17-го іюля 1819 года Минкина писала графу Аракчееву: «прошу васъ, мой единственный другъ, беречь свое здоровье; я прошу Всевышняго отца о сохраненіи вашемъ. Будьте покойны по дому вашему—я сказала, что люблю болѣе своей жизни васъ, то и хочу всѣмъ доказать, что слуга вѣрная своему графу».

Лѣтомъ 1820 года у графа Аракчеева серьезно заболѣла мать, находившаяся уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Настасья Ѳедоровна сочла нужнымъ съ своей стороны утѣшить своего возлюбленнаго графа, который въ то время находился въ довольно продолжительной отлучкѣ

[1]) Клейнмихеля.

изъ Грузина. «Любезный мой отецъ графъ!» писала она Аракчееву 22-го іюля 1820 года, «что могу сказать вамъ послѣ вашего дружескаго письма? Грусть мучаетъ мою душу, не могу придумать, гдѣ вы теперь, мой благодѣтель. Если вашей матушки нѣтъ лучше, и вы у ней, то позвольте мнѣ быть съ вами. Я знаю ваше чувствительное сердце,—сколь вы мучите себя,—я буду дѣлить съ вами горесть.—А если вы останетесь одни тамъ, то вѣрьте, что и я не менѣе буду чувствовать мученія, не въ силахъ выдержать послушанія. Къ вамъ пріѣду въ телѣжкѣ,—чѣмъ представлять каждую минуту васъ съ растерзаннымъ сердцемъ. Я увѣрена въ Карлѣ Крестіяновичѣ, но все не я съ вами! Отецъ, умоляю у ногъ вашихъ—успокойте себя и своего преданнаго слугу. Вотъ три дня, какъ я не найду мѣста, воображая васъ плачевнымъ; вѣрю, что дорога родительница, но что дѣлать! Богъ единъ и воля Его—онъ можетъ подать облегченіе; молите Его—и мы принесемъ теперь къ нему молитву. Цѣлую ваши ручки и ножки, прошу, поберегите себя, моя душа».

Однако мать Аракчеева не оправилась отъ болѣзни и скоро умерла. Настасья Ѳедоровна написала ему новое утѣшительное письмо. «Отецъ мой, неоцѣненный благодѣтель!» писала она 27-го іюля 1820 года, «прошу именемъ Божіей Матери—поберегите себя; я очень вѣрю и чувствую вашу потерю,—но, душа моя, вспомни лѣта ея и слабое здоровье—это можно было ожидать. Но ваша вѣрная слуга проситъ, какъ единственнаго друга—поберегите свое здоровье. Ахъ, отецъ мой, еслибъ я знала вашу печаль, пріѣхала бы къ вамъ, увѣрена была, что простили бы своей Н. Прошу Бога, чтобъ спасъ отца моего. Надѣюсь на Его милосердіе; Онъ сохранитъ васъ; но не знаю, гдѣ вы, мой отецъ—какъ ваше здоровье, увѣдомь свою Н., она ожидаетъ ежеминутно, не лишай милости своей и любви. Вы пишите, чтобы не оставила и была бы вѣрная слуга. Одинъ гробъ заглушитъ чувства моей къ вамъ любви,—я люблю васъ столь много, что не могу болѣе любить: этому Богъ свидѣтель.

«Долгъ вашей матушки сдѣлала—панихида была; дай Богъ ей царство небесное; она дѣлала добра много. Прости, отецъ мой, ожидаю вашихъ милыхъ писемъ».

Настасья Ѳедоровна вообще любила напоминать графу о своихъ сердечныхъ мукахъ и томленіяхъ и о глубокой любви къ нему. «Отецъ мой графъ», писала она, напримѣръ, въ одномъ письмѣ къ нему: «я получила ваши милыя письма, за которыя цѣлую ваши ручки и ножки, за галстукъ также цѣлую ваши ручки. Если васъ мнѣ не беречь и не любить, то я не достойна и по землѣ ходить—вы мой отецъ и все мнѣ сдѣлали».

Минкина, конечно, отлично знала слабыя стороны своего возлюбленаго и особенно его склонности къ прекрасному полу. Послѣднее обстоятельство сильно безпокоило ее. Она ревновала своего графа и это высказывала ему въ своихъ письмахъ. «Любезный мой отецъ графъ», писала Настасья Аракчееву въ письмѣ отъ 20-го іюля 1819 года, «сколь ваше милое письмо обрадовало—какъ вы ко мнѣ милостивы! Ахъ душа, дай Богъ, чтобы ваша любовь была такова, какъ я чувствую къ вамъ,—единъ Богъ видитъ ее. Вамъ не надобно сомнѣваться въ своей Н., которая каждую минуту посвящаетъ вамъ. Скажу, другъ мой добрый, что часто въ васъ сомнѣваюсь, но все вамъ прощаю, что дѣлать, что молоденькія берутъ верхъ надъ дружбою, но ваша слуга Н. все будетъ до конца своей жизни одинакова. Дай Богъ васъ видѣть въ вашемъ миломъ Грузинѣ. Одное утѣшеніе васъ успокоивать. О—другъ! Сколь любовь мучительна, почти, три дня еще ожидать васъ; прошу Мишу поцѣловать, если онъ заслуживаетъ вашихъ милостей. Я занимаюсь домашнимъ, при васъ некогда будетъ, какъ варенъемъ, такъ и сушкою зелени и бѣльемъ и постелями; все хочется до васъ кончить, мой другъ, чтобы видѣли, что Н. васъ любитъ». «Отецъ мой графъ!» писала Настасья къ Аракчееву въ другомъ письмѣ 2-го сентября 1820 года, «слышу въ Петербургѣ получили письма, ко мнѣ нѣтъ. Скажи, душа, если вы любите кого, то тяжко сердцу вашему было-бы, такъ и я несчастная женщина, которая посвятила свою жизнь собственно для вашего спокойствія, не могу узнать, какъ мой отецъ въ своемъ здоровьѣ, но надѣюсь на Всевышняго Отца. Онъ спасетъ ваше здоровье. За платья и за платокъ цѣлую ваши ручки и ножки».

Настасья Минкина однако принадлежала къ числу такихъ людей, которые не упускаютъ случая поживиться на чужой счетъ. Время отъ времени она выпрашивала для себя у графа то ту, то другую обнову, при чемъ не затруднялась указывать на вещи очень цѣнныя. Вотъ что она писала графу въ августѣ 1819 года. «Отцу моему графу—прошу прости мою смѣлость, отецъ мой, милый графъ, прости великодушно моей смѣлости, что смѣю васъ безпокоить своими нарядами. Прошу, когда вы будете въ Москвѣ, то купите мнѣ чернаго бархату на капотъ 14 арш. хорошаго, за что я буду заслуживать ваши ко мнѣ великія милости. Также когда будете въ Варшавѣ, то батюшка, прошу по образцу 6, а если можно 12 паръ простынь. Другъ и отецъ мой! еще если будете въ Одессѣ, прошу купить турецкій черный платокъ хорошій. У меня есть жалованья 400 руб., когда буду благополучна до вашего пріѣзда, то вѣрно заслужу. Прости смѣлости моей, если безпокою отца моего. Я бы въ Петербургѣ ку-

а, но зимою очень дорого, а лѣтомъ не живу въ немъ. Умоляю
огъ вашихъ не сердитесь на свою Н.... Вы знаете, что не могу
ь слезъ просить лично васъ. Цѣлую ручки ваши. Вѣрная слуга
ia Настасья Ф.».

Мы довольно подробно познакомились съ письмами Настасьи
нкиной къ графу Аракчееву. При чтеніи ихъ невольно возникаетъ
росъ: дѣйствительно-ли эти письма, написанныя довольно складно,
самомъ дѣлѣ составлялись самою Минкиною, простою полу-
мотною крестьянкою, еле-еле выучившеюся писать каракули.
зникаютъ очень сильныя сомнѣнія. Правда, редакція «Русскаго
хива» [1]), издавшая эти письма, возстановила настоящее правопи-
ніе,—въ подлинникахъ писемъ оно вопіющее. Но дѣло не въ грам-
тическихъ ошибкахъ, а въ самомъ литературномъ складѣ писемъ,
ишкомъ уже высокомъ для такой личности, какъ Настасья Мин-
на. Скорѣе, кажется, дѣло нужно представлять въ другомъ видѣ.
) сочинялъ ли эти письма кто-нибудь изъ настоящихъ сердечныхъ
бранниковъ Настасьи, которыя, какъ готовыя, та уже переводила
свои каракули, такъ глубоко трогавшія и приводившіе въ восхи-
ѣніе Аракчеева?

IV.

На основаніи писемъ Настасьи можно составить о ней довольно
годное представленіе; въ нихъ нравственный образъ Настасьи
исуется предъ нами какъ кроткой и доброй женщины, занимавшейся
лько хозяйствомъ и послѣ трудовъ горячо молившейся о благо-
ѣствіи графа. Но далеко не такой была Настасья на самомъ дѣлѣ.
письмахъ ея нужно сказать, что, не смотря на всю ихъ видимую
Ѣжность, онѣ не отличаются настоящею искренностью и задушевно-
ію. Это не болѣе какъ ловкое поддѣлываніе вкусу графа съ тон-
имъ разсчетомъ заслужить его довѣріе и пользоваться послѣднимъ
ія своихъ личныхъ выгодъ. На самомъ дѣлѣ Настасья обманывала
юего возлюбленнаго графа и не одинъ, а въ двухъ случаяхъ. Она
роводила его и какъ хозяина села Грузина, довѣрившаго ей управ-
леніе имѣніемъ, и какъ человѣка, который замѣнялъ ей мѣсто мужа.

Собранныя Н. Отто на мѣстѣ среди грузинскихъ поселянъ свѣ-
ѣнія рисуютъ характеръ Настасьи совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Часто
о флигелѣ Настасьи, разсказываетъ г. Отто, въ отсутствіе графа,
роисходили безобразныя сцены самаго широкаго разгула и шам-

[1]) «Русскій Архивъ» 1868 г., № 10.

панское тогда лилось и выпивалось тамъ ковшами. Фаворитка въ отсутствіе Аракчеева устраивала кутежи, запасаясь для нихъ самыми дорогими винами. При той акуратности и строгой отчетности во всѣхъ мелочахъ, какія заведены были въ Грузинѣ, нечего, конечно, было и думать о полученіи винъ изъ графскаго погреба: тамъ каждая бутылочка стояла за особымъ номеромъ, исчезновеніе которой могло быть замѣчено очень легко и скоро. Настасья находила другія средства для своихъ кутежей, черпая ихъ не совсѣмъ изъ чистаго источника. Она знала за грузинскимъ головою (Ив. Дмитріевымъ) разные грѣшки и, пользуясь этимъ, брала съ него значительныя деньги. Голова, мужикъ очень умный и ловкій, но далеко не изъ безкорыстныхъ, потворствовалъ прихотямъ и шалостямъ Настасьи Ѳедоровны и охотно снабжалъ ее большими суммами денегъ. Только разъ на свое несчастіе Дмитріевъ, на требованіе графской фаворитки о снабженіи ея деньгами, отказалъ ей, сославшись на то, что у него нѣтъ больше денегъ. Фаворитка оскорбилась отказомъ головы, но съумѣла затаить до времени свою злобу и неудовольствіе на него. Очень скоро грузинскому головѣ пришлось пожалѣть о своемъ поступкѣ. Злая временщица успѣла вооружить противъ него Аракчеева. На голову Дмитріева сразу обрушилась масса обвиненій. На него донесли графу и обвиняли въ самовольной порубкѣ дровъ изъ казенныхъ дачъ, въ составленіи фальшивыхъ билетовъ отъ имени Аракчеева на продажу лѣса и въ ослушаніи господской волѣ. Гроза разразилась и надъ другими членами семьи Дмитріева. Сынъ головы тоже привлеченъ былъ къ отвѣтственности какъ соучастникъ въ преступленіи своего отца. При обыскѣ у послѣдняго нашли въ карманѣ ночанку (летучую мышь). Суевѣрный графъ объяснилъ себѣ, что высушенная летучая мышь спрятана была въ одеждѣ для ворожбы и колдовства и потому, вскипѣвъ гнѣвомъ, сказалъ несчастному крестьянину: «а такъ ты, лиходѣй, держишь при себѣ ночанку, знай-же теперь, что я буду для тебя ночанкой!» Не смотря на то, что Дмитріевъ около двадцати лѣтъ состоялъ въ Грузинѣ головою и пользовался расположеніемъ самого Аракчеева, ничто не спасло его отъ гнѣва графской наперсницы. По ея мановенію Дмитріевъ получилъ пятьдесятъ ударовъ и сосланъ былъ въ Сибирь на поселеніе, имѣніе же его подверглось конфискаціи. Сынъ разжалованнаго головы также жестоко пострадалъ: его забрили въ солдаты. Настасья Ѳедоровна такъ съумѣла вооружить своего наперсника противъ бывшаго вотчиннаго головы, что тотъ не давалъ ему покоя даже и въ Сибири. Какъ-то Аракчеевъ узналъ о перепискѣ (съ мѣста ссылки) Дмитріева съ своими родственниками, а также и о томъ, что онъ

оставленъ на жительство въ Томскѣ. Немедленно всемогущій графъ отправилъ на имя одного лица, занимавшаго въ Сибири важную должность, письмо, въ которомъ просилъ «Дмитріева отослать на жительство въ Енисейскую губернію, а если можно, то и еще подалѣе». Отсюда можно видѣть, какою страшною злобою дышало все существо Аракчеевской любовницы. Съ этой стороны эти два лица, кажется, какъ нельзя болѣе сошлись въ характерѣ.

Хитрая Настасья Ѳедоровна обманывала графа Аракчеева и какъ своего любовника. Да въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться, хотя бы даже о томъ не говорили свидѣтельства современниковъ. Трудно повѣрить, чтобы такая сравнительно молодая, страстная, огненная, съ чисто восточнымъ темпераментомъ женщина, каковой была Настасья Минкина, могла довольствоваться супружескими ласками износившагося и уже значительно устарѣвшаго Аракчеева. Между лицами, служившими при графѣ Аракчеевѣ въ Грузинѣ, современники называли кое-какихъ, на которыхъ заглядывалась и за которыми ухаживала и сама Настасья Ѳедоровна. На этотъ счетъ существуетъ нѣсколько разныхъ разсказовъ [1]), не вездѣ и всегда, можетъ быть, соотвѣтствующихъ дѣйствительности; но изъ нихъ можно съ достовѣрностію вывести только то заключеніе, что Настасья Ѳедоровна дѣйствительно платила измѣною своему высокому покровителю. Очень можетъ статься и то, что тѣ исполненныя нѣжной любви и сердечной привязанности письма, какія Настасья отправляла къ графу, составлялись настоящимъ ея любовникомъ подъ вдохновеніемъ ея горячихъ ласкъ и интимности.

Какъ ни прочно чувствовала свое положеніе Минкина въ Грузинѣ, она тѣмъ не менѣе не могла не задумываться надъ своею будущностію. Конечно, ее страшило болѣе всего то, что привязанность къ ней графа съ лѣтами можетъ охладѣть и тогда она окажется въ самомъ жалкомъ положеніи. Желая привязать къ себѣ Аракчеева болѣе крѣпкими и неразрывными узами она старалась забеременѣть, но всѣ усилія ея въ данномъ случаѣ оставались напрасны. Тогда она задумала самый коварный планъ, который и привела въ исполненіе,—пользуясь частыми отлучками своего патрона изъ имѣнія. Дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ. Настасья, узнавъ о беременности крестьянки одной изъ деревень грузинской вотчины, по фамиліи Лукьяновой, чрезъ преданную ей старуху, Агафонину, завела переговоры съ этой крестьянкой о томъ, чтобы взять младенца ея

---

[1]) Разсказы о быломъ. Соч. Словскаго. Спб. 1862. Статьи: Шумскій и экономка.

къ себѣ въ домъ графа на воспитаніе. Бѣдная крестьянка охотно или неохотно согласилась. Послѣ переговоровъ съ Лукьяновой фаворитка распустила слухъ о своей мнимой беременности и разыгрывала эту роль съ неподражаемымъ искусствомъ: она, напримѣръ, носила подушку, которую постепенно увеличивала для того, чтобы показаться на самомъ дѣлѣ беременною. У Лукьяновой родился мальчикъ, который вмѣстѣ съ матерью тайно и представленъ въ Грузино къ графской любовницѣ. Немедленно по мановенію фаворитки распространился слухъ о разрѣшеніи ея отъ беременности и рожденіи у нея сына Михаила. Лукьянову взяли во флигель экономки и назначили въ кормилицы къ родному сыну. По разсказамъ однихъ (Н. Отто) для того, чтобы лучше скрыть обманъ, Лукьянова схоронила пустой гробъ, въ которомъ заколочена была чурка, а потомъ она всѣмъ разсказывала, что она родила мертвенькаго младенца. Существуетъ нѣсколько иная редакція этого разсказа и, нужно сказать, болѣе близкая къ истинѣ. Говорятъ, по приказанію Настасьи Ѳедоровны, написанъ былъ въ вотчинное управленіе оффиціальный рапортъ о смерти у Лукьяновой новорожденнаго сына Михаила. Затѣмъ Настасья приказала грузинскому протоіерею похоронить никогда неумиравшаго младенца, и похоронили пустой гробикъ [1]). Замѣчательно, фаворитка такъ искусно и послѣдовательно вела и довела до конца свой подлогъ, что никто почти не зналъ истины. Если же кто впрочемъ и зналъ о ней, тотъ со страхомъ и трепетомъ хранилъ ее въ строгой тайнѣ изъ опасеній страшныхъ преслѣдованій со стороны злой и мстительной наперсницы Аракчеева.

Разсчеты Минкиной оправдались какъ нельзя болѣе. Аракчеевъ былъ въ восторгѣ въ ожиданіи потомства. Мальчика назвали Михаиломъ Андреевичемъ, и дали фамилію Шумскій. Послѣ появленія Миши въ домѣ графа послѣдній сдѣлался еще внимательнѣе къ Настасьѣ. Онъ рядилъ ее какъ любимую куклу и возилъ въ щегольскомъ экипажѣ въ военныя поселенія, показывая новыя постройки. Простой народъ съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ на фаворитку, которую теперь часто стали называть прямо графиней. Не смотря на всю свою скупость, доходившую до скряжничества, Аракчеевъ въ 1819 г. положилъ въ банкъ на имя Настасьи Минкиной двадцать четыре тысячи, при чемъ сама она записана была въ купчихи

Графъ Аракчеевъ ни на минуту не могъ сомнѣваться въ томъ, что Шумскій не его сынъ. Это видно изъ писемъ къ нему Настасьи.—

---

[1]) Аракчеевъ и Шумскій. Сообщ. г. Борнчевскій. „Русская Старина" 1878 г., январь.

Желаю, писала она къ Аракчееву въ іюлѣ 1819 года, чтобъ нашъ ынъ общій былъ примѣромъ благодарности; я ему всегда говорю, го Богъ далъ намъ отца и благодѣтеля васъ, душа единственная ему сердцу»...

Аракчеевъ окружилъ своего мнимаго сына необыкновенною заотливостію и рѣшился дать ему отличное воспитаніе. Послѣ элеентарнаго обученія въ пансіонахъ пастора Коллинса, а потомъ Греча, Шумскаго опредѣлили въ Пажескій корпусъ. Прежде чѣмъ отдать ь корпусъ необходимо было пріобрѣсти для него дворянство, что ри тѣхъ извѣстныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, при каихъ произошло рожденіе Шумскаго, представляло большія затрудненія. Но графъ Аракчеевъ достигъ того, чего хотѣлъ. Въ Литвѣ и ольшѣ въ то время существовала самая широкая фабрикація фальивыхъ дворянскихъ бумагъ. Въ городѣ Слуцкѣ Минской губерніи аходился адвокатъ Тамшевскій, который за сорокъ или пятьдесятъ ублей давалъ какіе угодно документы на дворянство. Аракчеевъ ослалъ въ такую обѣтованную землю—генерала Бухмейера, который привезъ оттуда бумаги дворянства Михаила Шумскаго [1]).

Въ 1820 году Шумскій, находясь въ Пажескомъ корпусѣ, былъ роизведенъ въ камеръ-пажи и въ Александровъ день ѣхалъ за экипажемъ государыни, а потомъ находился въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ былъ парадный обѣдъ съ музыкой. Приблизительно къ этому времени относится слѣдующее письмо Настасьи Ѳедоровны къ Аракчееву отъ 10-го февраля 1820 года.

«Любезный мой отецъ графъ! Что могу писать окромѣ своей скуки безъ васъ, мой другъ? Когда я пріѣхала въ Петербургъ, нашла Мишу, слава Богу, здоровымъ, и я пріѣхала на вторникъ, но Миша не былъ еще камеръ-пажемъ, — въ среду я была у Ав.... Семеновны Ерш... и слышу, что мой Миша въ лазаретѣ. Ахъ, отецъ мой, какъ мнѣ было тяжко на сердцѣ, и я посылала къ нему по утру; но слыша, что не придетъ, на мысли думала, что Богъ хочетъ меня наказать и лишить сына, потому что очень много умираютъ, но сама не могла ѣхать къ нему. 5-го числа у меня была Екатерина Григорьевна съ радостной вѣсточкой, что Миша камеръ-пажъ, но все еще въ лазаретѣ, у него болитъ горло; такъ я ее подчивала блинами,—она была весела, просила, чтобы присылать къ нимъ лошадей; вы можете судить, какъ я веселилась,—нѣтъ отца,—нѣтъ сына со мною—однѣ слезы и грусть;—хотя посѣщали довольно, но все ложно—не быть у васъ, то вѣрно не заглянутъ ко

[1]) „Русская Старина", 1878 г., январь, разсказъ Боричевскаго.

мнѣ; въ субботу былъ Карлъ Фед.... и Вас..... Ал..... Ефи..... на блины,—какъ я была рада имъ: они довольно времени посидѣли у меня, а Миша все въ лазаретѣ!—Въ воскресенье по утру я послала къ Мишѣ и слышу, что Миша вышелъ,—будетъ представляться государынѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Ахъ, отецъ мой, какая радость разлилась по моему сердцу! Въ два часа я послала лошадей за нимъ;—когда мы увидѣли другъ друга, однѣ слезы были благодарностію къ Богу и къ вамъ, мой отецъ. Онъ похудѣлъ, но все хорошо. Государыню не видалъ,—въ понедѣльникъ на дежурство вступилъ. Я посылала къ нему узнать: слава Богу здоровъ; онъ пишетъ къ вамъ, мой другъ. Теперь скажу, что я нигдѣ не была окромѣ своей матушки и то вечеромъ. У меня былъ вечеръ, и всѣ мои знакомые были — Вас..... Н. слава Богу здоровъ, Иванъ Кар..... тоже здоровъ—навѣщаетъ меня часто. Бровцынъ здоровъ. Пріѣзжайте къ намъ скорѣе, мой отецъ. Вы пишите, что болитъ у васъ грудь. Прошу, берегите свое здоровье—оно дорого для меня;—вы нашъ отецъ и другъ. Просимъ Бога о сохраненіи вашей жизни и здоровья. Цѣлую ножки и ручки ваши. Ожидаю отца-благодѣтеля къ намъ. Въ Петербургѣ очень много похоронъ и болѣе дѣлаютъ грусть. Шкафъ посылаемъ сегодня къ вамъ, а что я прежде не писала, то Мишина болѣзнь удерживала меня, знавши, какъ вы любите его. Прости, мой отецъ. Цѣлую ваши ручки отъ глубины своего сердца. Самъ Богъ сохранитъ ваше здоровье—прошу и молюсь ему: истинно Онъ единъ всѣмъ намъ.—Прости.—Цѣлую ваши ножки и ручки. Вѣрная слуга Настасья Ѳедорова».

Весною 1821 года Шумскій былъ выпущенъ изъ корпуса прапорщикомъ въ гвардейскую конную артиллерію и оставленъ при графѣ Аракчеевѣ для употребленія на службу по его усмотрѣнію. Предъ Шумскимъ открывалось блестящее будущее. Аракчеевъ не жалѣлъ для него ничего и много хлопотъ употребилъ на то, чтобы вывести его на хорошую дорогу. Но время показало противное. Не смотря на всѣ попеченія и издержки, изъ Шумскаго не вышло ничего хорошаго, что главнымъ образомъ объясняется отсутствіемъ хорошаго воспитанія. Самъ Аракчеевъ плохо понималъ сущность воспитанія, а у Настасьи Ѳедоровны, своей мнимой матери, мальчикъ научился только притворству, лжи и обману. Шумскій рано успѣлъ пристраститься къ вину, которое сгубило открывавшуюся предъ нимъ блестящую карьеру. Въ 1824 г. Шумскій былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ государю, но за пьянство долженъ былъ уступить другому это званіе и возвратиться къ своему благодѣтелю графу Аракчееву. Послѣдній оставилъ его при себѣ въ качествѣ адъютанта, причисливъ къ своему гренадерскому полку. Нѣсколько позже графъ

отправилъ своего питомца, подъ надзоромъ дядьки, за границу, разсчитывая, что, можетъ быть, это средство принесетъ ему какую-нибудь пользу. Но поѣздка за границу не принесла благодѣтельныхъ послѣдствій. Одна публичная, циническая выходка Шумскаго окончательно сгубила его. Графъ Аракчеевъ совсѣмъ отрекся отъ своего питомца и далъ слово не принимать въ немъ никакого участія. Шумскаго сослали во Владикавказъ, оттуда перевели въ армію въ Тифлисъ, но вскорѣ за нетрезвость совсѣмъ удалили отъ службы. Передъ смертью графъ принялъ своего прежняго любимца и помѣстилъ его (въ 1831 году) въ Кирилловъ монастырь, а по другимъ источникамъ, болѣе достовѣрнымъ — въ Юрьевъ, подъ руководство извѣстнаго архимандрита Фотія, ассигновавъ на его содержаніе тысячу двѣсти рублей въ годъ. Въ монастырѣ Шумскій сдѣлалъ покушеніе утопиться, чѣмъ перепугалъ всю обитель. Настоятель уволилъ Шумскаго изъ монастыря. По смерти графа Шумскій велъ долгое время самую жалкую скитальническую жизнь и свои печальные дни закончилъ монахомъ въ Соловецкомъ монастырѣ. По разсказамъ другихъ онъ умеръ просто въ кабакѣ [1]).

V.

Настасья Минкина отличалась крайне суровымъ, жестокимъ характеромъ и съ этой стороны, какъ нельзя болѣе, подходила къ характеру своего повелителя. Особенно плохо жилось при ней дворовымъ людямъ, находившимся въ ея полномъ распоряженіи. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда она хотѣла сдѣлать нѣкоторую любезность, то и здѣсь у нея выходило какъ-то грубо, жестоко. Сохранились разсказы о ней дворовыхъ людей такого рода: «выйдетъ она, бывало, на крыльцо изъ молошника (молочнаго домика), вынесетъ горшокъ прокисшихъ сливокъ и крикнетъ мальчикамъ: «эй, вы, пострелята, жрите, лакайте». А не то еще зачастую скажетъ на весь дворъ крѣпкое слово, поминая родителей нашихъ». Въ своей жестокости Настасья, кажется, еще превосходила Аракчеева. Злая фаворитка иногда сама распоряжалась наказаніями своихъ дворовыхъ, а нерѣдко послѣ собственнаго, наложеннаго ею, наказанія она еще приносила жалобу самому графу на того или другого дворовaго, какимъ-нибудь образомъ имѣвшаго несчастіе прогнѣвать капризную экономку. Въ такомъ случаѣ бѣднымъ дворовымъ уже нельзя было ожидать никакого снисхожденія. Графъ никогда не прощалъ самыхъ малѣй-

[1]) Н. Отто. „Древняя и Новая Россія“ 1875 г., № 3. „Русская Старина“ 1878 г., январь. Сообщеніе г. Боричевскаго. Воспоминанія А. К. Гриббе. „Русская Старина“ 1875 г., томъ XII, январь, стр. 84—123.

ея. Но и это средство не помогло. Лѣтомъ 1825 года комнатныя дѣвушки сдѣлали опять покушеніе отравить домоправительницу, тоже окончившееся неудачею. А между тѣмъ, жестокости Минкиной шли своимъ чередомъ и постепенно усиливались и усиливались. Такъ она продолжала по прежнему мучить своихъ дѣвокъ. Одну изъ нихъ, именно Прасковью Антонову, дѣвушку очень красивую собой, она преслѣдовала изъ ревности самымъ неслыханнымъ образомъ. Прасковью жестоко сѣкли по два раза въ день. Дѣвушка переносила побои и только горько жаловалась своему брату, молодому барскому повару, Василію Антонову, что ей житья не стало. Прасковья вмѣстѣ съ другими дѣвушками стала подговаривать своего брата какъ-нибудь убить домоправительницу. Изъ дворовыхъ многіе высказывали желаніе, чтобы кто-нибудь убилъ ее, но охотниковъ, до времени, не находилось. Видя постоянныя мученія своей сестры, поваренокъ Василій Антоновъ рѣшился самъ покончить съ жестокой домоправительницей.

6-го сентября 1825 года Аракчеевъ отправился осматривать военныя поселенія. На другой день Прасковья Антонова, по приказанію Настасьи, наказана была сначала розгами, а потомъ батогами, Татьяна же и Ѳедосья Ивановы, двѣ остальныя ея комнатныя дѣвушки, были посажены въ едикуль подъ стражу: сожалѣніе о сестрѣ еще болѣе возбудило рѣшимость Василія Антонова на убійство фаворитки. Убійство Настасьи представляется предумышленнымъ на основаніи оффиціальныхъ источниковъ [1]), но существуютъ частные разсказы, которые рисуютъ дѣло въ совершенно другомъ видѣ. Передаютъ, на основаніи частныхъ воспоминаній, что разъ Настасья страшно разсвирѣпѣла на несчастную Прасковью,—свою комнатную дѣвушку, и въ страшномъ бѣшенствѣ вырвала изъ рукъ ея раскаленныя щипцы, которыми та завивала ей волосы. Горячимъ желѣзомъ она обожгла дѣвушкѣ все лицо и въ злости стала даже вырывать мясо кусками. Изувѣченная, израненная страдалица успѣла, наконецъ, вырваться изъ рукъ тиранки и прибѣжала въ кухню. При видѣ обезображенной сестры, братъ ея, Василій Антоновъ, не помня себя, схватилъ ножъ и бросился въ комнату экономки. Тамъ вскорѣ и произошла кровавая развязка [2]). Какое изъ двухъ объясненій ближе къ истинѣ—не ручаемся сказать. Можно было бы стать на точку зрѣнія оффиціальныхъ источниковъ, но въ данномъ случаѣ

---

[1]) Убійство Настасьи Шумской. — по подлинному оффиціальному дѣлу. „Русская Старина“, 1871 г., сентябрь, томъ IV, 262–294.

[2]) Н. Отто. „Древняя и Новая Россія“ 1875 г., № 3.

этотъ путь очень не надежный, потому что судебное разбирательство, по дѣлу убійства Настасьи Минкиной, отличалось крайне пристрастнымъ характеромъ. Въ подтвержденіе этого достаточно указать на то, что въ судебномъ приговорѣ наговорено было много похвалъ жестокой домоправительницѣ; въ немъ, напримѣръ, заявлялось, что она, «истинно усердная къ соблюденію пользы и спокойствія графа, старалась имѣть за каждымъ изъ людей надлежащій присмотръ и тѣмъ обуздывала ихъ своевольство».

По оффиціальнымъ даннымъ убійство Настасьи Минкиной обставлено слѣдующими подробностями. Въ шестомъ часу утра 10-го сентября 1825 года комнатная дѣвушка экономки Прасковья, придя въ ея комнату, увидала, что она спитъ, и тотчасъ сообщила о томъ брату. Василій Антоновъ взялъ съ собою большой кухонный ножъ и, вошедши въ спальню чрезъ отпертую его сестрою, Прасковьею, дверь, нашолъ Настасью спящею на канапе и схватилъ ее одною рукою за голову, а другою ударилъ ножемъ по шеѣ. Очнувшись, Минкина долго сопротивлялась, удерживала ножъ, громко и пронзительно кричала, свалившись на полъ. Крику ея никто какъ будто и не слыхалъ, хотя рамы въ окнахъ были еще одинокія, а люди всѣ уже встали и были на своихъ работахъ. Нѣкоторые частные источники еще дополняютъ оффиціальное описаніе преступленія. Видѣвшіе трупъ убитой разсказывали, что Минкина лишена была жизни съ ужасными насиліями: голова отрѣзана, руки съ пальцами изрѣзаны, ротъ перерѣзанъ, во многихъ мѣстахъ тѣло изранено жесточайшимъ образомъ [1]).

Аракчеевъ въ это время находился въ военныхъ поселеніяхъ, верстахъ въ тридцати отъ Грузина. Къ нему послали верховаго, который, по предварительному указанію въ Грузинѣ, чтобы не испугать графа, долженъ былъ сказать только, что Настасья Ѳедоровна сильно заболѣла. Аракчеевъ въ это самое время, по словамъ нѣкоторыхъ очевидцевъ, осматривалъ строевыя работы въ полку своего имени и остался очень недоволенъ, причемъ онъ производителя работъ, инженернаго капитана Симкова, посадилъ лично самъ на гауптвахту, за рѣшетку, вмѣстѣ съ арестованными нижними чинами, при этомъ графъ, почти не помня себя отъ раздраженія, самъ заперъ дверь арестантской комнаты и ключъ положилъ къ себѣ въ карманъ. Въ это самое время явился грузинскій голова Шишкинъ. Онъ доложилъ полковому командиру фонъ-Фрикену, что ему необходимо переговорить съ нимъ по секрету отъ графа. «У насъ въ Грузино, ваше высо-

[1]) А. Н. Неустроевъ. „Русская Старина", 1871 г., т. III, февраль, 242—244.

коблагородіе, не благополучно, сказалъ таинственно голова подошедшему къ нему фонъ-Фрикену: Настасья Ѳедоровна очень больна». Фрикенъ поблѣднѣлъ и, бросившись за Аракчеевымъ, дрожащимъ голосомъ передалъ ему извѣстіе, привезенное грузинскимъ головою. Аракчеевъ вздрогнулъ и заплакалъ [1]).

Графъ бросилъ все и поскакалъ домой. Дорогой, когда уже видны были грузинскія зданія, онъ узналъ истину. Вмѣстѣ съ графомъ ѣхалъ главный докторъ военныхъ поселеній К. Х. Миллеръ, другъ его, и командиръ полка Фрикенъ. Немного не доѣзжая до Грузина, графъ встрѣтилъ на мосту строительнаго отряда капитана Кафку, своего домашняго человѣка, который ничего не зналъ о принятой предосторожности. Графъ, остановясь, спросилъ его: «что Настасья Ѳедоровна?» — «Нѣтъ никакой помощи, ваше сіятельство, голова осталась на одной только кожицѣ». Услышавъ это, графъ понялъ въ чемъ дѣло и остолбенѣлъ.... и потомъ заревѣлъ дикимъ голосомъ. Въ порывѣ отчаянія, онъ выскочилъ безъ фуражки изъ экипажа, съ крикомъ и воплемъ бросился на траву, рвалъ на себѣ волосы, рвалъ землю, бился въ судорогахъ и кричалъ: «убили, убили ее, такъ убейте же и меня, зарѣжьте поскорѣе!» Нѣкоторыя близкія къ Аракчееву лица прибавляютъ, что онъ при этомъ осквернилъ свои уста страшнымъ богохульствомъ. Видъ его въ это время былъ ужасенъ, пѣна клубилась у рта. Народъ въ недоумѣніи и ужасѣ стоялъ вокругъ него, не зная, что̀ дѣлать. Докторъ и лакей едва, едва могли снова усадить его въ карету. По пріѣздѣ въ имѣніе, графъ прежде всего кинулся во флигель, въ которомъ такъ недавно разыгралась такая страшная драма. Тутъ онъ, видя изуродованный трупъ своей любовницы, кинулся на ея тѣло, разорвалъ на себѣ платье, бѣгалъ съ окровавленнымъ платкомъ ея по комнатамъ и просто пришолъ въ какое-то экстатическое состояніе, — болѣе сутокъ не принималъ никакой пищи. Пораженный несчастіемъ, онъ отказался на время отъ управленія военными поселеніями и всѣми служебными дѣлами.—Фонъ-Фрикенъ и Миллеръ, прибывъ на мѣсто преступленія, сейчасъ же распорядились заковать по рукамъ и ногамъ всѣхъ дворовыхъ (болѣе 24 человѣкъ) людей, безъ разбора, правыхъ и виноватыхъ. Аракчеевъ потребовалъ къ себѣ злодѣевъ, которые и были приведены къ нему всѣ въ цѣпяхъ и оковахъ [2]).

---

[1]) Воспоминанія А. К. Граббе, „Русская Старина“, 1875 г., январь.

[2]) А. Неустроевъ, „Русская Старина“, 1871 г., т. III, 242—244. Воспоминанія Н. И. Шенига, „Русск. Архивъ“, 1880 г., кн. III, 321—322. Мой вѣкъ или исторія Сергѣя Маевскаго. „Русская Старина“, 1873 г., ноябрь. Н. Отто. „Древняя и Новая Россія“, 1875 г. А. К. Граббе. „Русская Старина“, 1875 г., январь.

Утѣшителемъ Аракчеева явился извѣстный юрьевскій архимандритъ Ѳотій, который нарочно для этого прибылъ въ Грузино. Онъ принималъ участіе и въ самомъ погребеніи Настасьи, причемъ въ надгробной своей рѣчи утѣшалъ Аракчеева, говоря, что зарѣзанная поступитъ въ сонмъ великомученицъ [1]). Аракчеевъ распорядился похоронить тѣло Настасьи въ Грузинскомъ соборѣ рядомъ съ своею, заранѣе имъ приготовленною, могилою. Когда гробъ опустили въ склепъ, Аракчеевъ, въ порывѣ отчаянія, съ страшнымъ плачемъ кинулся вслѣдъ за гробомъ и кричалъ на всю церковь: «рѣжьте меня, кишайте меня, злодѣи, жизни, вы отняли у меня единственнаго друга, я теперь потерялъ все». Его израненнаго отъ ушибовъ едва могли оттащить отъ могилы [2]). Надъ могилою своей возлюбленной графъ Аракчеевъ сдѣлалъ слѣдующую надпись: «здѣсь погребенъ 25-ти лѣтній другъ Анастасія, убіенная дворовыми людьми села Грузина за искреннюю ея преданность къ графу». Долгое время графъ ходилъ каждое утро въ церковь поклониться праху своего двадцати-пятилѣтняго друга и возобновлялъ на ея могилѣ увядшіе цвѣты свѣжими.

Съ погребеніемъ Настасьи Минкиной связано слѣдующее оригинальное обстоятельство. По общедѣйствующимъ законамъ міряне рѣдко хоронятся въ церквахъ, а тѣмъ болѣе умершіе насильственною смертію. Когда графъ Аракчеевъ приказалъ протоіерею Грузинской церкви Николаю Степановичу Ильинскому хоронить убитую свою любовницу въ Грузинскомъ соборѣ, то послѣдній, для избѣжанія какихъ нибудь непріятностей отъ своего начальства, послалъ донесеніе объ этомъ преосвященному Моисею, тогдашнему викарію Новгородскому, и просилъ разрѣшенія исполнить требованіе графа. Въ это время извѣстный архимандритъ Фотій, отправляясь въ Грузино утѣшать Аракчеева, посѣтилъ преосвященнаго Моисея и узналъ отъ него о полученномъ изъ Грузина донесеніи; по пріѣздѣ въ Грузино онъ, конечно, сообщилъ объ этомъ графу. Аракчеевъ вскипѣлъ гнѣвомъ на своего протоіерея и между разными угрозами сказалъ: «ему не будетъ мѣста не только въ Сибири, но и на землѣ». Когда вѣсть объ этомъ дошла до протоіерея, то онъ поспѣшилъ обратиться къ митрополиту Серафиму съ просьбою о переводѣ его куда нибудь изъ Грузина. О. Ильинскій былъ потомъ протоіереемъ Боровичскаго собора, затѣмъ церкви св. апостола Матѳея въ Петербургѣ и умеръ архимандритомъ и намѣстникомъ Александро-Невской лавры подъ именемъ Никанора [3]).

---

[1]) Графъ Аракчеевъ и военные поселяне. Спб. 1871 г.

[2]) „Русская Старина“ 1871 г., т. III, 242—244.

[3]) „Русская Старина“ 1872 г., мартъ. Сообщеніе П. И. Саввантова.

VI.

Убійство Настасьи произвело страшное впечатлѣніе на Аракчеева. Онъ на нѣкоторое время совсѣмъ отказался отъ занятій по службѣ и, по словамъ С. Маевскаго, скрывался отъ всѣхъ болѣе двухъ мѣсяцевъ [1]). На другой день послѣ убійства Минкиной онъ написалъ слѣдующее письмо статсъ-секретарю Муравьеву, касательно вступленія послѣдняго въ управленіе дѣлами.

«По случившемуся со мною несчастію и тяжкому разстройству моего здоровья, такъ что я никакого соображенія не могу дѣлать по дѣламъ, мнѣ ввѣреннымъ, почему и благоволите в. пр. всѣми дѣлами, бывшими въ моемъ завѣдываніи какъ по канцеляріи, такъ и по комитету управлять, и получаемые отъ государя императора конверты распечатывать, какъ равномѣрно и всѣ письма на мое имя, а ко мнѣ ничего не посылать, о чемъ я донесъ и государю императору».

Письмо такого-же содержанія графъ Аракчеевъ отправилъ на имя генералъ-маіора Эйлера [2]), предписавъ ему, до возвращенія начальника штаба, вступить какъ старшему въ командованіе корпусомъ поселенныхъ войскъ и его штабомъ [3]).

Еще раньше сдѣланныхъ распоряженій, въ самый день убійства, Аракчеевъ написалъ государю Александру Павловичу, находившемуся въ то время въ Таганрогѣ, письмо, въ которомъ съ глубокою горечью въ сердцѣ извѣщалъ его «о потерѣ вѣрнаго друга, жившаго у него въ домѣ двадцать пять лѣтъ». «Я одной смерти себѣ желаю и ищу, писалъ о себѣ самомъ Аракчеевъ, а потому и дѣлами никакими не имѣю силъ и соображенія заниматься.—Друга моего зарѣзали ночью дворовые люди, и я не знаю куда еще осиротѣвшую свою голову преклоню, но отсюда уѣду»... Государь близко принялъ къ сердцу горе своего друга и отвѣтилъ ему рескриптомъ отъ 22-го сентября, въ которомъ утѣшалъ Аракчеева и совѣтовалъ ему предаться волѣ Божіей. Государь писалъ къ Аракчееву:

«Любезный другъ! Нѣсколько часовъ, какъ я получилъ письмо твое и печальное извѣстіе о ужасномъ происшествіи, поразившемъ тебя. Сердце мое чувствуетъ все то, что твое должно ощущать. Но, другъ мой! отчаяніе есть грѣхъ передъ Богомъ. Предайся слѣпо Его святой волѣ. Вотъ единая отрада, одно успокоеніе, которое въ подобномъ несчастіи я могу тебѣ указать. Другихъ не существуетъ, по

[1]) „Русская Старина", ноябрь 1873 г. Мой вѣкъ или исторія Сергѣя Маевскаго.

[2]) Послѣ этого самаго Эйлера остались записки, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ" 1880 г., кн. 11.

[3]) „Русская Старина" 1882 г. Октябрь. Графъ Аракчеевъ въ 1812—1834 году.

моему убѣжденію. Искренно я раздѣляю печаль твою, я живо воображаю себѣ все, что въ тебѣ, любезный другъ, должно было произойти. Твое положеніе, твоя печаль, крайне меня поразила. Даже мое собственное здоровье сильно оное почувствовало. Но, еще разъ, тебѣ повторяю, съ чувствомъ живѣйшей любви къ тебѣ: отчаяніе есть грѣхъ, и сильный грѣхъ. Покорность совершенная волѣ Всевышняго есть нашъ общій долгъ, и чѣмъ грусть сильнѣе, тѣмъ болѣе должны мы преклонить главы наши, съ умиленіемъ и повиновеніемъ Его святой волѣ. Покорись ей, и Богъ самъ тебя поддержитъ, тебя подкрѣпитъ. Ты мнѣ пишешь, что хочешь удалиться изъ Грузина, но не знаешь куда ѣхать? Пріѣзжай ко мнѣ: у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искренно любилъ. Мѣсто здѣсь уединенное. Будешь ты жить, какъ самъ расположишь. Бесѣда съ другомъ, раздѣляющимъ твою скорбь, нѣсколько тебя смягчитъ. Но, заклинаю тебя всѣмъ, что есть свято, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна, могу сказать необходима, а съ отечествомъ и я не разлученъ. Ты мнѣ необходимъ. Я далекъ отъ того, чтобы желать отъ тебя продолженія трудовъ твоихъ въ первое время твоей грусти. Дай себѣ все нужное время, на нѣкоторое успокоеніе душевныхъ и тѣлесныхъ своихъ силъ. Вспомни, сколь много тобою произведено и сколь требуетъ все оное довершенія. Я Бога усердно прошу, чтобы Онъ подкрѣпилъ твои силы и здоровье и вселилъ-бы въ тебя необходимую твердость, съ повиновеніемъ Его святой волѣ. Пришли мнѣ подробное описаніе ужаснаго сего происшествія, показаніе преступниковъ и твое по всему оному предположеніе. Объяви губернатору мою волю, чтобы старался дойдти всѣми мѣрами: не было-ли какихъ тайныхъ направленій или подущеній. Любезный другъ, жаль мнѣ, выше всякаго изреченія, твоего чувствительнаго сердца. Я представляю себѣ, что оно должно чувствовать, и скорблю съ нимъ искренно! Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ, не покидай друга, и вѣрнаго тебѣ друга».

Аракчеевъ въ день полученія рескрипта государя отвѣчалъ ему новымъ письмомъ, въ которомъ описывалъ свое жалкое настоящее положеніе. «Біеніе сердца, ежедневная лихорадка и три недѣли не имѣю ни одной ночи покою, и единая тоска, уныніе и отчаяніе, все оное привело меня въ такую слабость, что я потерялъ совсѣмъ память».

Государь много безпокоился о положеніи графа Аракчеева. Для того, чтобы нѣсколько успокоить его, онъ отправилъ слѣдующее письмо къ извѣстному архимандриту Фотію:

«Отецъ архимандритъ Фотій! По всѣмъ извѣстіямъ, до меня доходящимъ, графъ Алексѣй Андреевичъ, послѣ несчастія, его пора-

зившаго, находится въ крайнемъ упадкѣ духа, близкомъ даже отчаянія. Зная искреннее уваженіе его къ духовнымъ добродѣтелямъ вашимъ, я увѣренъ, что вы, съ помощью Всевышняго, много можете подѣйствовать на душевныя его силы. Подкрѣпя ихъ, вы окажете важную услугу государству и мнѣ; ибо служеніе графа Аракчеева драгоцѣнно для отечества.

«Христіанинъ обязанъ съ покорностію переносить удары, рукою Господнею ему наносимыя.

«Мы всѣ въ волѣ Его.

«Испрашивая благословенія вашего, поручаю себя молитвамъ вашимъ. Александръ».

«Письмо сіе хранить въ тайнѣ».

3-го октября государь отправилъ на имя Аракчеева новый рескриптъ, въ которомъ онъ убѣдительно просилъ его подробно извѣщать о состояніи своего здоровья, равно какъ и о всѣхъ подробностяхъ совершеннаго преступленія. 27-го октября Аракчеевъ послалъ государю подробное описаніе бывшаго въ грузинскомъ домѣ злодѣянія, написанное Шумскимъ подъ диктовку самого графа.

По сдѣланному государемъ порученію архимандритъ Фотій пригласилъ графа Аракчеева къ себѣ въ Юрьевъ монастырь, чтобы дать ему возможность нѣсколько успокоиться и горячею молитвою испросить помощи Божіей въ постигшемъ его несчастіи. Аракчеевъ пробылъ въ Юрьевѣ монастырѣ нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ архимандритъ монастыря постоянно утѣшалъ его, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая сохранившаяся и до сихъ поръ надпись, вырѣзанная на перилахъ передъ алтаремъ одной изъ церквей Юрьева монастыря: «На семъ мѣстѣ боляринъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, въ дни скорби своей, возсылалъ теплыя свои молитвы къ Богу» [1]).

Аракчеевъ внесъ шесть тысячъ рублей въ ломбардъ въ пользу Юрьева монастыря на поминовеніе двухъ христіанскихъ друзей Алексѣя и Анастасіи.

Между тѣмъ, началось судебное слѣдствіе надъ дворовыми людьми, замѣшанными въ убійствѣ Минкиной. Разсказы объ этомъ ужасномъ дѣлѣ напоминаютъ древнія застѣнки съ пытками и истязаніями. Почти вся дворня графа попала подъ слѣдствіе. Число привлеченныхъ къ отвѣтственности простиралось до 24 человѣкъ. Злобѣ Аракчеева не было предѣловъ, въ душѣ онъ готовъ былъ всю дворню изжарить на раскаленномъ желѣзѣ. Ходомъ слѣдствія заправлялъ преданный графу П. А. Клейнмихель, начальникъ штаба отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній. Онъ дѣйствовалъ импонирующимъ обра-

[1]) Воспоминанія Н. И. Шеппга „Русск. Архивъ“ 1880 г., кн. III, 321—322.

вомъ на новгородскаго гражданскаго губернатора Жеребцова, который самъ былъ не болѣе какъ жалкою креатурою Аракчеева. Такимъ образомъ, вся нить судебнаго слѣдствія, собственно говоря, находилась въ рукахъ самого же Аракчеева, который составлялъ душу и суть всего судебнаго дѣла. Самому Аракчееву во что-бы то ни стало хотѣлось представить убійство Минкиной дѣломъ съ политической окраской. Онъ всею силою стремился къ тому, чтобы въ убійствѣ его домоправительницы играла роль не личная месть выведенной изъ терпѣнія дворни, а нѣкоторыя тайныя политическія побужденія. «Легко можетъ быть сдѣлано сіе происшествіе и отъ посторонняго вліянія, писалъ Аракчеевъ къ государю, дабы сдѣлать меня не способнымъ служить вамъ и исполнять свято вашу волю, а при томъ, по стеченію обстоятельствъ, можно еще, кажется, заключать, что смертоубійца имѣлъ помышленіе и обо мнѣ, но Богу угодно было, видно за грѣхи мои, меня оставить на мученіе». Въ томъ-же направленіи дѣйствовали руководитель слѣдственнаго дѣла П. А. Клейнмихель и новгородскій губернаторъ Жеребцовъ. Губернаторъ самъ пріѣзжалъ въ Грузино развѣдывать подробности происшествія и пришелъ, какъ онъ самъ заявилъ, къ тому убѣжденію, что не строгость обращенія съ дворовыми людьми с. Грузина вовлекла ихъ въ преступленіе; онъ какимъ-то невѣдомымъ путемъ убѣдился, что заговоръ дворовыхъ людей на жизнь Минкиной возбужденъ былъ отъ постороннихъ лицъ тайнымъ внушеніемъ за вѣрность ея въ управленіи домомъ и неусыпное попеченіе къ охраненію здоровья графа, занимавшаго тогда важныя государственныя должности. Но, какъ ни старались Клейнмихель и Жеребцовъ сдѣлать угодное графу, въ самомъ слѣдствіи они не нашли положительно ничего такого, что-бы говорило въ пользу ихъ намѣреній и цѣлей. Находились, впрочемъ, единичныя личности, которыя, изъ угожденія къ Аракчееву и въ разсчетѣ на его милости, проводили подобнаго-же рода взгляды. «Когда о злодѣйственномъ и звѣрскомъ поступкѣ, произведеннаго въ Грузино, человѣкоубійства,—писалъ одинъ изъ такихъ людей въ 1825 году,—продолжался разговоръ по городу нѣсколько недѣль, то мнѣ представлялся случай много разъ слышать его въ разныхъ кругахъ людей и въ разныхъ видахъ сужденій.

«Люди лучшихъ познаній и судящіе всегда о вещахъ съ основаніемъ и безъ пристрастія, изъявляли отъ истиннаго сердца сожалѣніе, что сіе превышающее всякую мѣру злодѣяніе, бывъ учинено въ самомъ домѣ графа Алексѣя Андреевича, и въ то время, когда онъ жилъ въ немъ, тѣмъ болѣе могло поразить его столь сильно, и опасались, чтобы обстоятельство сіе не подѣйствовало надъ мѣру на здоровье и душевныя силы графа, и чтобы отреченіе его отъ управленія

дѣлами не продолжилось на долгое время. Они судили доказательно, что естьли сіе безчеловѣчное происшествіе до той степени распространитъ дѣйствіе свое на графа Алексѣя Андреевича, что дѣла, имъ завѣдываемыя, поступятъ въ другія руки, то дѣйствительно вредъ будетъ чувствителенъ вездѣ. «Ибо, такъ говорили они, твердость графа Алексѣя Андреевича на службѣ государственной есть въ настоящее время единственное явленіе въ своемъ родѣ» [1]). Всѣ старанія Клейнмихеля и Жеребцова нашли себѣ удовлетвореніе только въ томъ, что надъ преступниками произнесенъ былъ слишкомъ жестокій и несправедливый приговоръ. Какъ дѣйствовали здѣсь названныя лица можно судить по самому слѣдственному дѣлу, веденному ими самими. Новгородскій земскій исправникъ Лялинъ и засѣдатель уголовной палаты Мусинъ-Пушкинъ по должности, изъ опасенія подпасть подъ отвѣтственность, доложили губернатору, что одна женщина, замѣшанная въ дѣлѣ и приговоренная къ наказанію кнутомъ, находится въ состояніи беременности. Вполнѣ законное заявленіе этихъ двухъ чиновниковъ не только не было принято во вниманіе, но даже истолковано было какъ ходатайство съ ихъ стороны за преступницу. Оба чиновника Лялинъ и Мусинъ-Пушкинъ были немедленно уволены отъ занимаемыхъ ими должностей, отданы подъ арестъ и сами преданы суду. Но и этимъ не удовлетворились: у нихъ производились внезапные обыски въ домахъ, а у Мусина-Пушкина отобраны были даже собственныя его деньги.

5-го октября 1825 г. новгородская уголовная палата произнесла свой приговоръ надъ главными участниками въ убійствѣ Настасьи Минкиной. Въ приговорѣ своемъ палата наговорила не мало похвалъ зарѣзанной домоправительницѣ Аракчеева, а подсудимыхъ назвала «распутными и укоренившимися въ преступныхъ дѣйствіяхъ».

Приговоромъ уголовной палаты опредѣлено было наказать главнаго убійцу Василія Антонова 175 ударами, сестру его Прасковью 125, Ѳедосью и Татьяну Ивановыхъ—по 70 ударовъ на каждую. Другія замѣшанныя въ дѣло лица получили меньшее количество ударовъ. Всѣхъ главныхъ преступниковъ, кромѣ того, опредѣлено было сослать въ каторжную работу вѣчно. Для того, чтобы понять всю тяжесть судебнаго приговора, нужно принять во вниманіе, что въ тогдашней судебной практикѣ срокъ каторжной работы опредѣлялся только никакъ не свыше, какъ двадцати-лѣтній. Какъ было несоразмѣрно велико число назначенныхъ ударовъ, это видно изъ слѣдующаго сравненія. Въ 1824 году несовершеннолѣтняя крестьянка графовъ Шуваловыхъ деревни Стройнова Марья Петрова за умышленное убій-

[1]) „Русская Старина“ 1882 г., октябрь.

ство своей свекрови, останавливавшей ее отъ распутства, наказана была только 30 ударами. Такими же несовершеннолѣтними были и Василій Антоновъ и сестра его Прасковья. Несоразмѣрное сложенію лицъ, обвиненныхъ по дѣлу Минкиной, назначеніе числа ударовъ кнутомъ имѣло гибельное послѣдствіе для нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ: Василій и Прасковья Антоновы умерли на самомъ мѣстѣ наказанія.

Одинъ изъ невольныхъ свидѣтелей казни надъ убійцами Аракчеевской любовницы въ слѣдующихъ чертахъ описываетъ ея обстановку. «Мщеніе Аракчеева убійцамъ, говоритъ этотъ очевидецъ, было безпощадно. Цѣлыя рѣки крови пролиты были въ память погибшей графской любовницы и въ назиданіе дворовыхъ и крестьянъ чуть-ли не всей Новгородской губерніи. Описывать подробно всѣ кровавыя сцены, происходившія тогда на берегахъ Волхова, я не берусь, не желая возмущать чувство человѣчности въ моихъ читателяхъ. Скажу только объ обстановкѣ этихъ казней, какую ревнивые исполнители всемогущаго временщика постарались придать кровавому мщенію его за смерть его возлюбленной. Къ этому времени въ Грузино вызвана была рота солдатъ Аракчеевскаго полка, которая была приведена на военное положеніе. Мѣстомъ казни избрана была поляна на дорогѣ изъ деревни Палички въ село Грузино противъ колоннады церкви св. Андрея Первозваннаго. Въ девять часовъ утра рота наша вышла съ квартиръ и оцѣпила лобное мѣсто. Сзади цѣпи солдатъ стояли собранные почти со всего селенія крестьяне съ женами и дѣтьми, всего около четырехъ тысячъ человѣкъ. По срединѣ оцѣпленнаго пространства врытъ былъ станокъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, по случаю холоднаго времени, горѣли огни, а около нихъ прогуливались, въ ожиданіи дѣла, заплечные мастера, то и дѣло прикладывавшіеся къ огромной бутыли съ водкою, поставленною со стакановъ около станка. Распорядители казнью нашли, вѣроятно, необходимымъ обезпечить сердце палачей отъ опасности воспламениться тою искрою, которая зовется человѣчностью, и хотѣли залить въ нихъ виномъ всякое чувство состраданія къ несчастнымъ преступникамъ. А между тѣмъ, большинство этихъ преступниковъ, и даже самъ убійца заслуживали несравненно бо́льшаго участія, чѣмъ всѣ эти клевреты Аракчеева, проливавшіе горькія слезы о погибшей варварѣ-женщинѣ. Мнѣ, невольному свидѣтелю казни, при воспоминаніи объ этой трагедіи и теперь еще слышатся рѣзкіе свистящіе звуки ударовъ кнута, страшные стоны и крики истязуемыхъ, и какой-то глухой подавленный вздохъ тысячной толпы народа, въ назиданіе котораго совершались эти наказанія» [1]).

---

[1]) Воспоминанія А. К. Гриббе. „Русская Старина“ 1875 г., январь.

Впрочемъ, не прошла безслѣдно такая несправедливость и для самого новгородскаго губернатора Жеребцова, который не далѣе какъ въ 1827 году былъ самъ, по высочайшему повелѣнію, преданъ суду за противозаконныя дѣйствія; въ 1831 году Жеребцовъ подвергся новому суду и по другому дѣлу [1]).

Аракчеевъ сильно грустилъ до самой своей смерти и глубоко задумывался, смотря на красивый флигель съ балкономъ и зеркальными стеклами, который постоянно напоминалъ ему покойную Настасью Ѳедоровну. Всѣ письма и записки ея онъ сохранялъ какъ драгоцѣнность, сдѣлавъ собственноручную надпись: «записки и письма безцѣннаго милаго друга Н. Ѳ.». Иногда долго и упорно смотрѣлъ онъ на портретъ своей наперсницы и повторялъ: «нѣтъ уже моего милаго и безцѣннаго друга». Съ ужасомъ и содроганіемъ вспоминалъ онъ ея страшную смерть. Израненная, окровавленная представлялась она его разстроенному воображенію и взывала о мщеніи. И онъ мстилъ жестоко всей своей дворнѣ, считая всѣхъ дворовыхъ виновными въ ея смерти. Внимательно и пытливо, разсказываетъ Н. Отто, осматривалъ онъ комнаты, мебель и вещи, стараясь гдѣ-нибудь замѣтить пятно или пыль, какъ предлогъ къ новымъ истязаніямъ; но и зоркій, привычный глазъ не замѣчалъ нигдѣ такихъ безпорядковъ. Тогда онъ мочилъ платокъ и теръ имъ подъ столами и на полу подъ кроватью и если вдругъ открывалъ на платкѣ слѣды неопрятности, то разражался гнѣвомъ и начиналъ казни, безъ которыхъ не проходило, кажется, ни одного дня. Былъ, напримѣръ, такой случай. Графскій кучеръ выѣхалъ проѣзжать лошадь. Горячая лошадь помчалась, ударилась о желѣзныя ворота дома и пала мертвою на мѣстѣ. Самъ кучеръ былъ тяжело раненъ и лежалъ при смерти. Когда объ этомъ донесли Аракчееву, то онъ съ какой-то странной злобной радостью сдѣлалъ помѣтку на письмѣ: «Ив. Яковлевъ (кучеръ) замѣшанъ въ смертоубійствѣ покойнаго милаго друга Н. Ѳ., вотъ-то Богъ его и наказалъ. Туда плуту и дорога. Дай Богъ, чтобы простилъ его за грѣхи. Для чего совѣтую ему исповѣдаться и пріобщиться св. таинъ, ибо Богъ не оставитъ ни одного человѣка изъ тѣхъ, кои были участниками въ смертоубійствѣ».

У Аракчеева, по смерти Настасьи Минкиной, осталась ея племянница, Танюша, молоденькая, тихая дѣвочка, лицомъ и станомъ напоминавшая тетку. Незадолго передъ смертью экономка хотѣла отдать ее на воспитаніе въ новгородскій Свято-духовъ женскій монастырь. Аракчеевъ исполнилъ желаніе своей возлюбленной и обратилъ заботливое вниманіе на Танюшу. 23-го ноября 1825 г. онъ внесъ шесть

---

[1]) „Русская Старина“ 1871 г., т. III. Убійство Настасьи Шумской, 262—294.

тысячъ рублей въ пользу новгородскаго Свято-духова монастыря на воспитаніе съ процентовъ этой суммы въ томъ монастырѣ двухъ бѣдныхъ сиротъ. Въ 1827 году племянница Настасьи поступила въ Свято-духовъ монастырь и, проживъ въ немъ нѣсколько лѣтъ, снова возвратилась къ графу въ Грузино. Аракчеевъ вполнѣ довѣрялся Татьянѣ Борисовнѣ; она у него до нѣкоторой степени замѣняла хозяйку въ домѣ. Изъ монастырскихъ стѣнъ Танюша не могла вынести серьезнаго основательнаго образованія; но, отличаясь здравымъ умомъ и особенно добрымъ сердцемъ, она сдѣлалась заступницею и защитницею всѣхъ несчастныхъ страдальцевъ, которые подпадали подъ гнѣвъ графа Аракчеева. Н. Отто въ своей статьѣ передалъ слѣдующіе лестные отзывы грузинскихъ крестьянъ о Татьянѣ Борисовнѣ. «Добрая была душа Татьяна Борисовна,—разсказывали дворовые люди села Грузина, все насъ жалѣла и какъ въ Грузинѣ жила, то графъ какъ будто ласковѣе къ намъ былъ, потому что она за насъ заступалась и просила Аракчеева, чтобы такъ строго людей не наказывалъ. А онъ ее слушалъ: извѣстно, Настасью пуще всего на свѣтѣ любилъ; а Татьяна Борисовна съ лица-то вся въ покойницу была, такъ графъ и уважалъ Татьяну Борисовну». Но и этой бѣдной сироткѣ по временамъ плохо приходилось отъ подозрительнаго графа [1]). Татьяна Борисовна жила при Аракчеевѣ до самой его смерти. Графъ отказалъ ей десять тысячъ. По смерти графа она вышла замужъ за поручика Влад. Я. Андреева.

А. Неустроевъ сообщилъ, со словъ другихъ, одно свѣдѣніе, рисующее отношенія графа Аракчеева къ памяти своей любовницы, совершенно расходящееся со всѣми выше изложенными обстоятельствами. По словамъ сдѣланнаго А. И. Неустроевымъ сообщенія Аракчеевъ, по смерти Настасьи, поручилъ своему преданнѣйшему человѣку П. А. Клейнмихелю разобрать бумаги покойницы, который будто изъ дѣлъ покойницы открылъ преступную связь ея съ лицомъ постороннимъ. Графъ Аракчеевъ, по словамъ сообщенія А. Н. Неустроева, въ страшномъ изступленіи пришолъ къ могилѣ Настасьи и началъ плевать на нее, топтать ногами, произнося въ то же время страшныя ругательства праху покойной своей возлюбленной. Тотчасъ же онъ велѣлъ уничтожить и надпись на могилѣ, и самый портретъ Настасьи. Сообщеніе А. Ив. Неустроева [2]), стоитъ какъ то одиноко, изолированно. Оно совершенно идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ, какими до самой своей смерти окружалъ Аракчеевъ имя и память своей возлюбленной, о чемъ мы знаемъ

[1]) Воспоминанія Европеуса. «Русская Старина» 1872 г., сентябрь, 239.
[2]) «Русская Старина», 1871 г., т. III, 242—244.

изъ свидѣтельствъ многихъ другихъ современниковъ. Особенно оно противорѣчитъ тому отеческому участію, какое принималъ графъ въ судьбѣ племянницы Настасьи Минкиной, Татьяны Борисовны. По смыслу сообщенія вытекаетъ, что бумаги Настасьи Минкиной разбирались вскорѣ послѣ ея смерти, значитъ и въ это время приблизительно долженъ происходить и переданный г. Неустроевымъ случай отверженія и униженія ея памяти. А, между тѣмъ, изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что еще годъ спустя послѣ смерти Настасьи нѣкоторыя лица видѣли и оставили въ своихъ воспоминаніяхъ описаніе тѣхъ внѣшнихъ знаковъ благоговѣнія, съ которыми относился Аракчеевъ къ могилѣ своей покойной фаворитки [1]). По сообщенію священниковъ Грузинскаго собора, слышавшихъ это отъ старика дворецкаго въ Грузинскомъ имѣніи, портретъ Настасьи до самой смерти графа Аракчеева висѣлъ въ его кабинетѣ, а надгробная плита съ ея именемъ лежала надъ ея могилою. П. А. Клейнмихель изорвалъ [2]) портретъ Настасьи и велѣлъ выкинуть доску съ ея именемъ. Близъ Грузинскаго собора погребенъ и отецъ Настасьи, крестьянинъ Ѳедоръ Минкинъ; плита надъ его могилою цѣла и въ настоящее время [3]). Нѣкоторые позднѣйшіе источники сообщаютъ, что кости Настасьи, спустя нѣкоторое время послѣ смерти графа Аракчеева, были перенесены на общее кладбище, чѣмъ и избавленъ былъ св. храмъ отъ поруганія [4]).

По смерти Настасьи Минкиной Аракчеева сильно озабочивала мысль о пріисканіи новой экономки для Грузинской мызы. Для занятія этой должности онъ долго пріискивалъ способную женщину. Находились было нѣкоторыя русскія женщины, но тѣ никакъ не могли угодить капризному помѣщику и скоро оставляли Грузино. Наконецъ графъ вздумалъ обратиться къ содѣйствію нѣмецкой прислуги: онъ выписалъ себѣ экономку нѣмку изъ Риги, но та, проживъ нѣсколько дней въ Грузинѣ, отказалась отъ этой почетной, но тяжелой должности и уѣхала обратно въ Ригу. Новая экономка, также нѣмка, прожила въ Грузинѣ не болѣе двухъ мѣсяцевъ и также, не могши примѣниться къ причудамъ и всѣмъ капризамъ стараго раздражительнаго графа, уѣхала изъ Грузина. Такъ Аракчеевъ и умеръ (въ 1834 году), не нашедши себѣ хорошей экономки послѣ своей знаменитой Настасьи.

В.

---

[1]) Воспоминанія Европеуса. „Русская Старина“ 1872 г., сентябрь. Воспоминанія о Грузинѣ Языкова. „Русскій Архивъ“ 1869 г.

[2]) Это невѣрно.

[3]) „Русская Старина“ 1871 г., т. III, 244.

[4]) Графъ Аракчеевъ и военные поселяне.

НОВГОРОДСКІЙ КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ

ЕГО ОТКРЫТІЕ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ.

50-ти лѣтній юбилей Новгородскаго, что нынѣ Нижегородскій графа Аракчеева, кадетскаго корпуса.

1834—1884 гг.

Торжества и празднованія, совершающіяся въ память историческихъ событій, имѣвшихъ извѣстное значеніе, всегда были указываемы „Русскою Стариною“ ея читателямъ. Къ числу таковыхъ принадлежитъ предстоящій, 15-го марта 1884 г., полувѣковой юбилей перваго изъ нашихъ губернскихъ кадетскихъ корпусовъ, основаннаго въ 1834 году, подъ именемъ Новгородскаго, что нынѣ Нижегородскій гр. Аракчеева кадетскій корпусъ. Изъ числа 3,614 его воспитанниковъ, многимъ будетъ интересно узнать прошлую жизнь роднаго заведенія.

Откликаясь на событія текущей современной жизни, редакція, имѣя въ числѣ своихъ сотрудниковъ старѣйшаго кадета Новгородскаго корпуса—П. П. Карцова, просила его сообщить ей свои о немъ воспоминанія, что обязательно имъ и исполнено. Воспоминанія эти имѣютъ особое значеніе потому, что авторъ ихъ поступилъ въ Новгородскій кадетскій корпусъ ранѣе оффиціальнаго его открытія, былъ личнымъ свидѣтелемъ всего происходившаго въ корпусѣ въ первые годы его существованія, видѣлъ въ немъ графа Аракчеева за нѣсколько дней до его смерти, помнитъ всѣхъ первыхъ офицеровъ и учителей, наконецъ принадлежитъ къ первому изъ корпуса выпуску. Онъ-же, какъ намъ извѣстно, по желанію и порученію товарищей, составилъ къ юбилею корпуса историческій его очеркъ, изъ котораго, въ видѣ предисловія къ помѣщаемымъ воспоминаніямъ кадета-первенца, извлекаемъ слѣдующія статистическія данныя.

Въ теченіи 50-ти лѣтняго существованія заведенія, съ которымъ на вѣчныя времена связано имя гр. Аракчеева, въ немъ было 3,614 воспитанниковъ; окончило курсъ 1.688, переведено въ другія военно-учебныя заведенія 363,

уволено по болѣзни и домашнимъ обстоятельствамъ 595, выпущено на службу юнкерами и нижними чинами 376, умерло 112; находится въ корпусѣ и въ спеціальныхъ классахъ военныхъ училищъ 487.

Изъ числа выпущенныхъ въ офицеры вышло: въ гвардію 104; въ артилерію: подпоручиками 76, прапорщиками 301; въ инженерныя войска: подпоручиками 40, прапорщиками 44; въ армейскую пѣхоту: поручиками 12, подпоручиками 279, прапорщиками 270; въ армейскую кавалерію 69; въ линейные баталіоны 12; во внутреннюю стражу 43.

Въ Венгерскую, Крымскую и послѣднюю войну пало на поляхъ сраженій и умерло отъ ранъ 23.

Въ настоящее время изъ числа находящихся на службѣ состоитъ: генераловъ 22 и болѣе 100 штабъ-офицеровъ командуетъ отдѣльными частями войскъ.

Къ воспоминаніямъ объ открытіи корпуса, носящаго имя графа Аракчеева, редакція считаетъ умѣстнымъ приложить (къ тому XLII „Рус. Ст.", апрѣль) его портретъ, снятый въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ его жизни и исполненный извѣстнымъ въ свое время граверомъ Аѳанасьевымъ.

Ред.

I.

По волѣ и непосредственнымъ указаніямъ Императора Николая I, въ началѣ 1830-го года, былъ составленъ проэктъ учрежденія губернскихъ кадетскихъ корпусовъ. Цѣль этой мѣры состояла въ доставленіи возможности малолѣтнимъ дворянамъ различныхъ губерній воспитываться, для военной службы, вблизи ихъ семействъ и родителей.

Первоначально предположено было учредить корпуса: въ Новгородѣ, Тулѣ, Тамбовѣ, Полоцкѣ, Полтавѣ и Елизаветградѣ, на 400 кадетъ въ каждомъ. Избраніе къ поступленію предоставлено было дворянству не только тѣхъ губерній, гдѣ корпуса предполагались, но и сосѣднихъ съ ними, по особому распредѣленію, соразмѣрно участію каждой губерніи въ пожертвованіи капитала, необходимаго для устройства и содержанія корпуса.

Хотя существовавшія ранѣе 1830 года Тульское военное и Тамбовское дворянское училища и были переименованы въ кадетскіе корпуса, но какъ въ 1837 году уже послѣдовало высочайшее повелѣніе объ обращеніи ихъ въ неранжированныя роты кадетскихъ корпусовъ въ Орлѣ и Воронежѣ, то ихъ, какъ неполучившихъ полнаго развитія, нельзя считать самостоятельными заведеніями. Поэтому первымъ губернскимъ корпусомъ, основаннымъ согласно Высочайше

утвержденнаго проэкта и получившимъ прочное, самостоятельное устройство, долженъ считаться Новгородскій кадетскій корпусъ.

Основаніе его было ускорено тѣмъ, что генералъ отъ артиллеріи графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, въ 1833 году, внесъ въ Сохранную казну 300,000 рублей ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала воспитывалось въ Новгородскомъ корпусѣ 17 кадетъ, уроженцевъ Новгородской и Тверской губерній.

Въ дополненіи къ своему духовному завѣщанію графъ упоминаетъ, что послѣ его смерти, у него или въ сенатѣ, найдутъ запечатанный конвертъ, въ которомъ будетъ обозначено имя его наслѣдника. Кому онъ намѣревался передать свое великолѣпное тогда Грузино, свои дома, свою богатую библіотеку и собраніе рѣдкихъ и цѣнныхъ вещей,— осталось тайною. Запечатаннаго конверта ни у него, ни въ сенатѣ не оказалось и въ бумагахъ, оставшихся послѣ его смерти, не найдено никакого документа, указывающаго имя его наслѣдника.

Для помѣщенія корпуса былъ избранъ штабъ 4-го округа пахотныхъ солдатъ (бывшихъ военныхъ поселеній), расположенный на правомъ берегу рѣки Мсты, въ 28 верстахъ отъ Новгорода и въ 8-ми отъ яма Бронницы, черезъ который проходило Московское шоссе. Штабъ этотъ состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ каменныхъ домовъ. Главное-же зданіе, предназначенное собственно для кадетъ, имѣло два большихъ трехъ-этажныхъ флигеля, соединенные громаднымъ манежемъ, почти не уступавшимъ Михайловскому въ Петербургѣ. Посреди манежа, въ видѣ выступа къ восточной сторонѣ, была пристроена церковь. На пространствѣ 4-хъ верстъ отъ штаба, не было признака другого жилья, кромѣ поселенныхъ связей, обращенныхъ въ казармы 1-го учебнаго карабинернаго полка. Только на берегу рѣки находились остатки деревни Новоселицы, гдѣ въ землянкахъ и шалашахъ жили семьи военно-рабочихъ солдатъ, а потомъ служителей корпуса. Вообще видъ избранной для корпуса мѣстности можно было назвать унылымъ и пустыннымъ. Изъ оконъ главнаго зданія, на востокъ, былъ видѣнъ лѣвый берегъ рѣки Мсты, покрытый густыми лѣсами. На западъ представлялась, версты на три, равнина пахотныхъ полей и сѣнокосовъ, окаймленная тоже лѣсами; но и въ этой пустынѣ жилось молодежи хорошо, дружно и задушевно, а подъ часъ и весело.

Штатъ корпуса былъ утвержденъ на 400 кадетъ, но довести его до комплекта предполагалось въ теченіи 4-хъ лѣтъ, т. е. къ концу 1837 года, принимая ежегодно по 100 кандидатовъ.

Это было сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы директоръ могъ приготовить все обзаведеніе исподволь, съ осмотрительностію, не спѣша

опредѣленіемъ чиновниковъ и учителей. По этому-же поводу были составлены главнымъ начальникомъ Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго полка, правила, для постепеннаго пріема кадетъ. Онѣ были утверждены Государемъ.

Хотя на основаніи этихъ правилъ, всѣ пріемы были назначены въ январѣ мѣсяцѣ, но кандидатовъ привозили въ теченіи всего года и, не стѣсняясь ихъ познаніями, принимали всѣхъ безъ исключенія.

Директоръ корпуса, полицеймейстеръ, экономъ, аптекарь, дѣлопроизводитель и 90 нижнихъ чиновъ-служителей прибыли въ штабъ 4-го округа еще осенью 1833 года.

Вообще изъ начальства, учителей и чиновниковъ къ началу пріема кадетъ, т. е. къ первому января 1834 г., находились уже на лицо:

Директоръ, генералъ-маіоръ Александръ Ивановичъ Бородинъ.

Баталіонный командиръ, подполковникъ артиллеріи Николай Павловичъ Черницкій.

Инспекторъ классовъ, коллежскій совѣтникъ Михаилъ Николаевичъ Божеряновъ.

Капитанъ Дворянскаго полка Илья Васильевичъ Бряновъ.

Штабсъ-капитанъ 1-го кадетскаго корпуса Николай Григорьевичъ Араловъ.

Штабсъ-капитанъ Павловскаго кадетскаго корпуса Михаилъ Михаиловичъ Островскій.

Симбирскаго егерскаго полка поручикъ Валеріанъ Христіановичъ Нейманъ (первый казначей корпуса).

Поручикъ 8-й артиллерійской бригады Маврикій Михайловичъ Тромпинскій (первый полицеймейстеръ).

Старшій докторъ, коллежскій асессоръ Александръ Ивановичъ Будаевскій.

Аптекарь, титулярный совѣтникъ Иванъ Егоровичъ Гонольдъ [1]).

Экономъ, титулярный совѣтникъ Афанасій Михайловичъ Шишмолинъ.

Правитель дѣлъ, титулярный совѣтникъ Москвичевъ.

Командиръ служительской роты, подпоручикъ Саутинъ.

1-го Казанскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона служительской роты прапорщикъ Андреевъ.

Учителя:

Закона Божія—протоіерей Алексѣй Феодоровичъ Малиновскій.

---

[1]) Во время бывшаго въ 1831 году въ военныхъ поселеніяхъ возмущенія Гонольдъ страшно пострадалъ: онъ избитый былъ привязанъ къ хвосту лошади и, несмотря на это, остался живъ.

Русскаго языка, исторіи и географіи, а впослѣдствіи и пѣнія, неимѣющій чина Дмитрій Николаевичъ Орнатскій.

Французскаго языка иностранецъ Рей (изъ Новгородской гимназіи).

Чистописанія, а потомъ нѣмецкаго языка, Карлъ Андреевичъ Юргенсъ.

Рисованія—свободный художникъ Аберда.

Нѣмецкаго языка (изъ Гатчинскаго сиротскаго дома) Эйфлеръ.

Съ 1-го января 1834 года начали привозить въ корпусъ будущихъ кадетъ. Первыми были представлены къ пріему два брата Феликсъ и Иванъ Эльснеръ, но по возмужалости они были немедленно переведены въ Дворянскій полкъ, а потому первымъ кадетомъ Новгородскаго корпуса слѣдуетъ считать Василія Пущина, принятаго 8-го января 1834 года и выпущеннаго въ 1842 году въ гренадерскій принца Евгенія Вюртембергскаго полкъ. Въ теченіи января было принято 20 человѣкъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ директоръ доносилъ, что къ первому марта все необходимое для открытія корпуса будетъ готово. Великій князь Михаилъ Павловичъ, получивъ рапортъ директора, испросилъ черезъ военнаго министра соизволеніе государя на открытіе Новгородскаго корпуса 15-го марта и на приглашеніе къ этому торжеству графа Аракчеева. То и другое было разрѣшено, поэтому его высочество, 28-го февраля, писалъ Аракчееву:

«Графъ Алексѣй Андреевичъ! Государь Императоръ повелѣть мнѣ соизволилъ: вновь учрежденный Новгородскій кадетскій корпусъ открыть 15-го числа наступающаго марта мѣсяца и къ сему открытію пригласить, именемъ Его Величества, ваше сіятельство».

«Поставляя себѣ истиннымъ удовольствіемъ исполнить таковую высочайшую волю, я остаюсь въ надеждѣ, что вы присутствіемъ вашимъ удостоите открытіе заведенія, въ коемъ ваше имя и участіе ваше, въ дѣлѣ добра, будутъ всегда вспоминаемы съ чувствами уваженія и благодарности».

«Съ отличнымъ уваженіемъ пребываю къ вамъ истинно доброжелательный. Михаилъ».

Въ отвѣтъ на это приглашеніе Аракчеевъ писалъ великому князю:

«Ваше Императорское Высочество! Объявленное мнѣ всемилостивѣйшее Государя Императора позволеніе находиться при открытіи Новгородскаго кадетскаго корпуса, я пріемлю новою къ себѣ милостію и не премѣну оною воспользоваться».

«Пріймите Ваше Императорское Высочество истинную благодарность за милостивое вниманіе Ваше ко мнѣ, старому слугѣ покой-

наго Августѣйшаго родителя Вашего и благословеннаго Александра Павловича».

«Съ душевнымъ высокопочтеніемъ, Вашему Императорскому Высочеству на всю жизнь пребуду. Вашего Императорскаго Высочества подданный слуга графъ Аракчеевъ».

Грузино.
2-го марта 1834 года.

Къ 15-му марта 1834 г. было уже на лицо 69 кадетъ. Въ продолженіи $2^1/_2$ мѣсяцевъ, т. е. съ 1-го января по 15-е марта, намъ уже успѣли придать военную осанку и настолько подготовить къ встрѣчѣ гостей, чтобы мы показались достаточно выправленными и умѣющими отвѣчать по военному. Для этого обученія, кромѣ своихъ офицеровъ, было взято нѣсколько унтеръ-офицеровъ учебнаго полка. Вообще этотъ полкъ оказывалъ зарождающемуся корпусу полное во всемъ содѣйствіе и командиръ его, флигель-адъютантъ полковникъ Бибиковъ, принималъ живое участіе во всемъ касающемся кадетъ.

Приближался съ нетерпѣніемъ ожидаемый день открытія корпуса. 13-го марта пріѣхалъ дежурный штабъ-офицеръ штаба военно-учебныхъ заведеній, адъютантъ великаго князя, полковникъ Ростовцевъ. Вмѣстѣ съ директоромъ онъ обошелъ камеры и классы, осмотрѣлъ обмундировку кадетъ. Въ то время она состояла изъ однихъ мундировъ; ни киверовъ, ни аммуниціи еще не было. Ростовцевъ объявилъ кадетамъ, что на слѣдующій день пріѣдетъ великій князь и много приглашенныхъ на открытіе лицъ, въ числѣ которыхъ будетъ и графъ Аракчеевъ. Замѣтивъ, что ни у кого изъ кадетъ не было на погонахъ знаковъ отличія, а между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ исправляли унтеръ-офицерскія обязанности, Ростовцевъ разрѣшилъ дать таковымъ ефрейторскія нашивки. Поэтому въ тотъ же день было отдано въ приказѣ по корпусу о производствѣ въ ефрейтора кадетъ: Дуве, съ исправленіемъ должности фельдфебеля, Шильдта 1-го, Дельфина, Забѣлина и Рыкачева 1-го, съ исправленіемъ должности унтеръ-офицеровъ.

На слѣдующій день, съ утра, начали пріѣзжать приглашенные. Мы не отходили отъ оконъ и хотя никого не знали, но съ любопытствомъ смотрѣли, какъ одинъ экипажъ за другимъ подлеталъ къ отведенному для гостей дому, или къ квартирамъ директора и командира учебнаго полка, у которыхъ останавливались многіе изъ пріѣзжавшихъ.

Великій князь пріѣхалъ въ то время, когда мы были у всенощной, послѣ которой насъ привели въ камеры и поставили каждаго

у своей кровати. Около 8 часовъ мы впервые увидѣли своего главнаго начальника. Мощная, нѣсколько сутоловатая фигура показалась громадною, но настолько симпатичною и доброю, что намъ было непонятнымъ, почему начальство съ какимъ-то страхомъ ожидало появленія его высочества. Если онъ, проходя бывало по фронту и по спальнямъ, останавливался передъ кадетомъ съ нахмуренными бровями, или дѣлалъ гримасу, то дѣтскій инстинктъ понималъ, что это дѣлается шутя. Кадетъ иногда улыбался невольно, но чаще, желая показать, что во фронтѣ нельзя ничѣмъ развлечь или разсмѣшить его, самымъ серьезнымъ образомъ смотрѣлъ великому князю въ глаза, и это особенно ему нравилось. Обойдя три спальни, Михаилъ Павловичъ приказалъ всѣмъ подойти къ нему и сталъ шутить съ нами. На всякій его вопросъ 70 тогда еще дѣтскихъ голосовъ отвѣчало разомъ; всякому хотѣлось поближе быть къ нему. Вдругъ онъ крикнулъ «смирно» и когда все моментально стихло, какъ бы командуя, прибавилъ: «вали меня». Стоявшіе возлѣ схватили его, кто за руки, кто за ноги. Бывшіе подальше ринулись какъ бы на приступъ. Испуганное начальство отшатнулось со словами: «тише, тише, осторожнѣе». Повалить было нетрудно, потому что его высочество поддавался этому, но когда пришлось подымать, то онъ нарочно противился, чтобы мы повозились подольше. Поднявшись, великій князь сказалъ: «сегодня я позволяю вамъ возиться со мною, но завтра будетъ у васъ гость, старикъ суровый, онъ шутить не любитъ, а потому, прошу, чтобы все было чинно».

15-го марта 1834 г., въ 10 часовъ утра, всѣ офицеры, учителя и чиновники корпуса были представлены его высочеству въ его квартирѣ, директоромъ, послѣ чего торжество началось обѣднею. Великій князь вошелъ въ церковь вмѣстѣ съ графомъ Аракчеевымъ и съ генералами, прибывшими наканунѣ и ожидавшими его въ манежѣ. Графъ появился въ мундирѣ своего гренадерскаго полка, безъ ленты и звѣздъ; на немъ не было ни одного ордена, ни одной медали и только портретъ Александра I-го на шеѣ украшалъ скромный армейскій мундиръ его.

Послѣ литургіи насъ привели въ столовый залъ, гдѣ было отслужено молебствіе съ водосвятіемъ. Покуда священникъ окроплялъ всѣ зданія и помѣщенія святою водою, полковникъ Ростовцевъ, по приказанію его высочества, прочелъ актъ открытія корпуса; затѣмъ инспекторъ Божеряновъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

«Еще по творческому гласу Самодержавца могучей Россіи возникло заведеніе, для вящей опоры и силы любезнаго нашего отечества и въ вѣчное прославленіе имени того, кто съ отцовскою любовью принялъ васъ въ отцовскія свои объятія».

«Мѣста сіи издревле ознаменованы храбростію нашихъ соотечественниковъ и великими подвигами владыкъ, предковъ нашего Вѣнценосца. Здѣсь Александръ Невскій впервые пріучалъ русскихъ къ побѣдамъ; здѣсь царь Іоаннъ пріуготовилъ единодержавіе, основу спасенія и славы Россіи. Самый домъ вашего воспитанія содѣлывается отнынѣ краснорѣчивѣйшимъ памятникомъ настоящаго величія нашего отечества и любви царя къ его подданнымъ».

«Корпусъ сей основанъ для воспитанія дворянъ преимущественно Новгородской, Псковской и Тверской губерній, почему бо́льшая часть изъ васъ поступили сюда предпочтительно передъ прочими дворянами имперіи. Братья ваши, дѣти родственниковъ и ближайшихъ вашихъ, а впослѣдствіи ваши собственныя дѣти, наконецъ, дѣти дѣтей вашихъ, здѣсь же получатъ свое образованіе».

«Вы должны служить имъ образцами всего хорошаго, они будутъ вашими судьями, ни одно ваше дѣяніе, ни доброе, ни злое, не укроется отъ дѣтей и внуковъ вашихъ. Но вамъ, какъ первенцамъ, предопредѣлена счастливѣйшая участь оправдать неисчислимыя милости царя, прежде всѣхъ вашихъ преемниковъ».

«Дѣти! царь ожидаетъ отъ васъ преданности за благодѣянія. Благодѣянія неограниченны — неограниченна должна быть и преданность. Россія ожидаетъ увидѣть въ васъ благочестивыхъ гражданъ и храбрыхъ воиновъ, высокій начальникъ вашъ ожидаетъ отъ васъ сыновней любви, за любовь отеческую. Русскіе дворяне ожидаютъ отъ васъ русской чести; воспитатели ваши—довѣрія за довѣренность».

«Посредствомъ васъ и преемниковъ вашихъ, непрерывною цѣпью, настоящее соединяется съ будущимъ, и какъ мы при основаніи сего заведенія вспоминаемъ побѣды Невскаго и мудрость Іоанна, такъ потомки наши, при учрежденіи подобнаго же храма науки на берегахъ Дуная, вспомнятъ Николая I-го и его брата, сподвижника его побѣдъ на востокѣ».

Великій князь и всѣ приглашенные присутствовали при кадетскомъ обѣдѣ. Кромѣ графа Аракчеева, при открытіи Новгородскаго корпуса находились:

Предсѣдатель совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ, сенаторъ, членъ государственнаго совѣта и шефъ Московскаго пѣхотнаго полка, генералъ отъ инфантеріи, графъ Петръ Александровичъ Толстой.

Главный директоръ Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго полка, членъ совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ, генералъ отъ артиллеріи, генералъ-адъютантъ Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ.

Командиръ отдѣльнаго гренадерскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Иванъ Александровичъ Набоковъ.

Начальникъ 2-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, генералъ-лейтенантъ Кнорингъ.

Командиръ 2-й бригады 2-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи и л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка, генералъ-маіоръ Штрандманъ.

Состоящій при его высочествѣ генералъ-фельдцейхмейстерѣ, генералъ-маіоръ Бибиковъ.

Начальникъ округовъ новгородскаго и старорусскаго удѣла пахотныхъ солдатъ, генералъ-маіоръ фонъ-Фрикенъ.

Начальникъ новгородскаго удѣла, генералъ-маіоръ Старченковъ.

Командиръ 1-й бригады 1-й гренадерской дивизіи, генералъ-маіоръ Щербатскій.

Начальникъ артиллеріи гренадерскаго корпуса, генералъ-маіоръ Смагинъ.

Адъютантъ великаго князя Михаила Павловича и дежурный штабъ-офицеръ штаба главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, полковникъ Ростовцевъ.

Старшій адъютантъ дежурства главнаго директора, подполковникъ Свѣтловъ.

Командиръ 1-го учебнаго карабинерскаго полка, флигель-адъютантъ полковникъ Бибиковъ.

Состоящій при главномъ директорѣ по особымъ порученіямъ, гвардейской артиллеріи полковникъ князь Голицынъ.

Флигель-адъютантъ его величества, полковникъ графъ Ламсдорфъ.

Новгородскій губернскій предводитель дворянства, статскій совѣтникъ Бѣлавинъ.

Итого постороннихъ, не принадлежащихъ къ составу служащихъ въ корпусѣ, при открытіи его было 16 лицъ и изъ нихъ 10 генераловъ.

По окончаніи кадетскаго стола, великій князь со всѣми гостями еще разъ обошелъ камеры и затѣмъ простился съ кадетами. Отъѣздъ его былъ назначенъ въ тотъ-же день, послѣ ранняго обѣда.

Кромѣ генераловъ, къ столу его высочества были приглашены: баталіонный командиръ, инспекторъ классовъ и 12 кадетъ, всего, по незначительности помѣщенія, до 30 особъ. Возлѣ Михаила Павловича сидѣли: графъ Толстой и генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, а противъ его высочества графъ Аракчеевъ, имѣя сосѣдями: директора корпуса, генерала Бородина, и полковника Ростовцева. Приглашенные кадеты были размѣщены между генералами.

Въ теченіи обѣда великій князь очень много говорилъ съ Аракчеевымъ. Генералу Набокову онъ подтверждалъ необходимость, для пополненія корпуснаго офицерскаго состава въ будущемъ, избирать лучшихъ офицеровъ; командиру учебнаго полка совѣтовалъ оказывать корпусу возможную во всемъ помощь. Въ концѣ же обѣда онъ обратился къ графу со словами:

— «Я прошу васъ, какъ близкаго сосѣда, почаще навѣщать корпусъ и пожалуйста требуйте, чтобы кадетъ какъ можно лучше кормили».

— Опасаюсь, ваше высочество,—отвѣчалъ графъ,—понравятся-ли мои посѣщенія. Когда я завѣдывалъ баталіонами военныхъ кантонистовъ, то ихъ кормили отлично, потому что у меня было такое обыкновеніе: если щи не хороши, я и велю выворотить котелъ на голову эконома».

Великій князь обратилъ эту фразу въ шутку, а кадеты запомнили ее твердо, и всякій разъ, какъ были недовольны экономомъ Шишмолинымъ, напоминали ему.

Послѣ обѣда Михаилъ Павловичъ приказалъ кадетамъ остаться, и около часа времени говорилъ и шутилъ съ нами. Ему особенно нравились находчивые отвѣты Шильдта 2-го и Пущина. Прощальными его словами были: «Ведите себя хорошо, учитесь и помните, что готовитесь быть честными и полезными офицерами».

Прежде описанія дальнѣйшей жизни корпуса, очертимъ, насколько позволяютъ собственныя и товарищей-современниковъ воспоминанія, характеристику тѣхъ начальствующихъ лицъ, которыя были первыми нашими руководителями, какъ въ служебномъ, такъ и въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Начнемъ съ директора.

II.

Александръ Ивановичъ Бородинъ, воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, былъ тамъ фельдфебелемъ, выпущенъ въ 1806 году въ офицеры, съ оставленіемъ при корпусѣ, гдѣ въ то время формировался особый дворянскій баталіонъ, обращенный въ слѣдующемъ году въ полкъ. Въ дворянскомъ полку онъ прошелъ всѣ должности, командуя ротою и баталіономъ, а въ 1833 году произведенъ былъ въ генералы. Избраніе его директоромъ вновь учреждаемаго корпуса было вполнѣ соотвѣтственно. Онъ сдѣлалъ все, что было возможно, для внѣшняго и внутренняго порядка, а это было весьма важно для новаго заведенія, въ которомъ всѣ офицеры были изъ разныхъ мѣстъ,

слѣдовательно могли быть съ разными взглядами и привычками, а учителя большею частью новички, еще нигдѣ не преподававшіе, или переведенные изъ гражданскихъ заведеній. Согласовать это и направить всѣхъ къ одной цѣли было не легко: нужно было имѣть много такта и твердости характера, чтобы не дать разнороднымъ элементамъ воспитываемыхъ и разнороднымъ дѣятелямъ воспитанія разойтись въ стороны. Бородинъ вполнѣ обладалъ этимъ достоинствомъ. По наружности довольно суровый, онъ былъ доступенъ для каждаго изъ своихъ помощниковъ, которымъ самъ опредѣлялъ кругъ дѣйствій. Съ кадетами онъ держалъ себя серьезно, сохраняя принадлежащее его положенію достоинство. Классную часть и направленіе учителей онъ вполнѣ предоставилъ инспектору, потому что видѣлъ въ немъ человѣка, вполнѣ заслуживавшаго довѣрія. Кадеты боялись, но уважали Бородина, настолько-же, насколько и онъ любилъ ихъ и свой корпусъ. Зная предположенія высшаго начальства о томъ, чтобы не выпускать кадетъ губернскихъ корпусовъ прямо въ офицеры, а переводить ихъ для усовершенствованія по строевой службѣ въ дворянскій полкъ, Бородинъ не могъ помириться съ этою мѣрою и всѣми силами старался отстоять самостоятельность корпуса въ отношеніи выпусковъ.

Чтобы измѣнить положеніе о переводахъ въ дворянскій полкъ, Бородинъ раза два въ годъ ѣздилъ въ Петербургъ хлопотать преимущественно объ этомъ, но старанія его не достигали цѣли. Борьба была не равна, потому что главнымъ защитникомъ положенія о переводахъ въ Дворянскій полкъ былъ Я. И. Ростовцевъ, уже тогда начинавшій пріобрѣтать то громадное довѣріе великаго князя, которымъ онъ пользовался впослѣдствіи.

Имѣя на своей сторонѣ инспектора, Бородинъ думалъ затягиваніемъ курса и выигрываніемъ времени достичь желаемаго.

Учителя видимо не торопились вести дѣло, чего конечно не могло быть безъ косвеннаго вліянія директора и инспектора. Всѣ предметы проходились добросовѣстно, но крайне пространно. Приведемъ для примѣра лишь то, что изъ русской исторіи одно царствованіе Петра Великаго читалось ровно годъ.

Первый баталіонный командиръ, подполковникъ Черницкій, послѣ открытія корпуса оставался въ немъ всего одинъ мѣсяцъ. Такое мимолетное пребываніе въ заведеніи не могло оставить о немъ никакихъ воспоминаній, а потому скажемъ только, что онъ былъ выпущенъ изъ 2-го кадетскаго корпуса въ 1807 году подпоручикомъ, дѣлалъ кампанію 1812, 13 и 14-го годовъ, подъ Шамбобери былъ взятъ въ плѣнъ, затѣмъ 10 лѣтъ служилъ сначала въ артиллерійскомъ училищѣ, а потомъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ. Что было причи-

ною столь скораго отчисленія Черницкаго отъ должности баталіоннаго командира, осталось неизвѣстнымъ, но вѣроятнѣе всего то, что директоръ находилъ его несоотвѣтствующимъ занимаемой имъ должности.

Первый инспекторъ классовъ, Михаилъ Николаевичъ Божеряновъ, поступилъ въ эту должность изъ учителей морскаго кадетскаго корпуса, изъ котораго былъ выпущенъ въ 1822 году. Съ перваго дня и въ теченіи всей 10-ти лѣтней службы въ корпусѣ, онъ относился къ своей должности сердечно, съ любовью. Директора ничѣмъ не стѣсняли его самостоятельности. Много труда понесъ онъ, стараясь оправдать подобное довѣріе. Онъ не могъ не видѣть слишкомъ разнообразный и не вполнѣ подходящій составъ учителей. Не говоря объ ихъ числительномъ недостаткѣ, не дозволявшемъ быть слишкомъ строгимъ въ выборѣ, нѣкоторыхъ, напримѣръ Габлера, Рея, а потомъ и Эйфлера, пришлось вскорѣ удалить и это проходило не безъ борьбы; они упирались, а потомъ жаловались Ростовцеву. Заслуги Божерянова выкажутся еще яснѣе, если скажемъ, что въ то время не было еще выработано классныхъ программъ, не было даже руководствъ, по которымъ преподаватели могли бы вести занятія въ опредѣленномъ объемѣ и по извѣстной системѣ. Краткая грамматика Греча, изданная департаментомъ народнаго просвѣщенія ариѳметика, географія Арсеньева, исторія Кайданова и начатки христіанскаго ученія, изданныя для народныхъ школъ,—вотъ единственныя книги, которыя были выданы кадетамъ по одному экземпляру на двоихъ. По иностраннымъ языкамъ, до выхода впослѣдствіи методы Эртеля, пробавлялись какою-то брошюрою, начинавшеюся словами: «Aux yeux des peuples primitifs», или «Die Uhrvölker meinten die Erde sei eine runde Scheibe».

Михаилъ Николаевичъ Божеряновъ умѣлъ такъ направить молодой составъ учителей перваго времени, что, уча кадетъ, они въ то же время добросовѣстно трудились надъ дальнѣйшимъ личнымъ своимъ образованіемъ. Заслугамъ этого инспектора принадлежитъ и то, что въ учителяхъ новгородскаго корпуса было много ретивости, бодрости и умѣнья пріохотить кадетъ къ занятіямъ, а это въ новомъ заведеніи гораздо важнѣе учености. Не было примѣра, чтобы учителя пропускали уроки. Если заболѣвалъ одинъ, другіе охотно занимали его часы. Многіе передъ началомъ уроковъ приходили въ инспекторскую комнату, на всякій случай, авось придется замѣнить кого-либо. Ростовцевъ очень цѣнилъ и уважалъ Божерянова и кадеты любили его.

Первая сформировавшаяся въ корпусѣ рота была ввѣрена капитану Брянову. Объ этомъ добрѣйшемъ и въ высшей степени симпатичномъ человѣкѣ новгородскіе кадеты долго хранили самыя лучшія

воспоминанія. Не смотря на некрасивое рябоватое лицо и всегда всклокоченную прическу, наружность его казалась привлекательною и открытою. Мягкаго, всегда ровнаго характера, онъ привязывалъ къ себѣ кадетъ полнымъ нелицепріятіемъ. Прилежный и лѣнивый, шалунъ и скромникъ, одинаково любили его. Никакая шалость мальчика не поселяла въ Бряновѣ злопамятства; всякая вина искупалась наказаніемъ, и о ней не было болѣе помину.

Обратимся къ характеристикѣ учителей. Во главѣ ихъ мы должны поставить того, кому кадеты первыхъ выпусковъ наиболѣе обязаны своимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ. Таковымъ былъ Дмитрій Николаевичъ Орнатскій, уволенный «за неспособностію» (такъ сказано было въ его формулярѣ) изъ Петербургской духовной академіи, нигдѣ до того времени не преподававшій; Орнатскій, съ первыхъ своихъ уроковъ, овладѣлъ сначала симпатіею, а потомъ и безпредѣльнымъ уваженіемъ своихъ учениковъ. Это былъ, въ полномъ смыслѣ, душа-человѣкъ. Преподавая три предмета, именно: русскій языкъ, географію и исторію, онъ находилъ возможнымъ, о чемъ бы ни читалъ, провести что-нибудь такое, что поучало мальчиковъ быть честными и правдивыми, что дѣйствовало на ихъ юное воображеніе въ смыслѣ любви къ хорошему и отвращенія отъ дурного.

Другою, подобною-же личностію, въ жизни корпуса, является Карлъ Андреевичъ Юргенсъ, единственный до сихъ поръ живущій учитель, присутствовавшій при открытіи корпуса. Да проститъ онъ намъ, ради исторической истины, смѣлость сказать то, что только доказываетъ, какъ много можетъ сдѣлать сила воли въ человѣкѣ, честно служащемъ своему дѣлу и свято его исполняющемъ. Юргенсъ, молодой неопытный нѣмчикъ, посланный отцемъ изъ Любека въ Россію, почти незнавшій русскаго языка, имѣвшій только свидѣтельство Петербургскаго университета о томъ, что ему разрѣшается обучать началамъ нѣмецкаго языка, черезъ короткое время дѣлается образцовымъ преподавателемъ, а потомъ заслуженнымъ наставникомъ-наблюдателемъ своего предмета. Онъ и Орнатскій могутъ быть названы столпами корпуса. Отъ природы люди умные, живые, надежные труженики, они, можно сказать, сами образовались въ томъ заведеніи, которому отдали всѣ недюженныя свои силы, сами стали на ноги и пріобрѣли то почетное положеніе, котораго достигли оба. Оба эти учителя посвятили корпусу всю жизнь свою и нѣтъ Новгородскаго кадета, который не вспомнилъ бы о нихъ съ душевною благодарностію [1]).

[1]) Д. Н. Орнатскій умеръ на службѣ, бывъ послѣднее время воспитателемъ.—К. А. Юргенсъ, пробывъ до 1881 года заслуженнымъ наставникомъ-наблюдателемъ нѣмецкой словесности, вышелъ въ отставку, чтобы поселиться

III.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ открытія корпуса, какъ получено было извѣстіе о смерти графа Аракчеева. Онъ умеръ 21-го апрѣля 1834 г., въ своемъ великолѣпномъ грузинскомъ имѣніи. Запечатаннаго конверта, о которомъ упомянуто выше, съ указаніемъ имени избраннаго наслѣдника, не оказалось. Поэтому высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 6-го мая того-же 1834 года было повелѣно: «Грузинскую волость отдать навсегда въ полное и нераздѣльное владѣніе Новгородскому кадетскому корпусу, дабы доходы ея шли на воспитаніе юношей. Корпусу сему именоваться Новгородскимъ графа Аракчеева кадетскимъ корпусомъ и употреблять его гербъ».

Подобное распоряженіе вполнѣ согласовалось съ словами духовнаго завѣщанія графа: «Если бы дни мои прекратились прежде избранія мною достойнаго наслѣдника, то сіе избраніе предоставляю государу императору».

Вслѣдъ за этимъ состоялось распоряженіе о передачѣ корпусу всего движимаго имущества, въ томъ числѣ замѣчательной библіотеки графа и многихъ рѣдкихъ вещей, медалей, портретовъ и рескриптовъ императоровъ Павла I-го и Александра I-го.

Управленіе Грузинскимъ имѣніемъ было возложено на хозяйственный комитетъ корпуса, непремѣннымъ членомъ котораго высочайше повелѣно быть дворянскому предводителю Новгородскаго уѣзда. Вначалѣ полагали, что корпусу будетъ возможно управлять Грузиномъ самостоятельно, но потомъ убѣдились въ неудобствѣ подобнаго распоряженія и раздѣлили его на три части. Мѣстное управленіе ввѣрили особому лицу, управляющему имѣніемъ; главное—предоставлено было департаменту военныхъ поселеній, директоромъ котораго былъ тогда генералъ-адъютантъ Клейнмихель. Корпусъ съ его хозяйственнымъ комитетомъ представлялъ собою нѣчто въ родѣ промежуточной инстанціи между департаментомъ и управляющимъ, который представлялъ ему только отчеты для пересылки департаменту, но всѣ распоряженія получалъ прямо отъ Клейнмихеля.

Вмѣстѣ съ названіемъ корпуса Новгородскимъ кадетскимъ графа

на покоѣ въ Новгородѣ, но не выдержавъ и года разлуки съ корпусомъ, снова возвратился въ Нижній, гдѣ ему вновь было предложено преподаваніе. Добросовѣстное отношеніе къ дѣлу заставило его въ 1883 году, по преклонности лѣтъ и слабости силъ, навсегда отказаться отъ уроковъ и жить честнымъ человѣкомъ въ томъ городѣ, гдѣ находится заведеніе, въ которомъ прошли лучшіе годы его жизни. П. К.

Аракчеева, было повелѣно: всѣмъ чинамъ его имѣть на эполетахъ и погонахъ буквы Г. А., по образцу бывшаго гренадерскаго графа Аракчеева полка.

Въ первые три мѣсяца по открытіи корпуса, классныя занятія не были еще вполнѣ регулированы. Кадеты находились въ классахъ всего отъ 7 до 9 часовъ утра и отъ 3 до 5 послѣ обѣда. Остальное время употреблялось на обученіе фронту, сигналамъ, общему пѣнію и танцованію. Эти занятія оффиціально назывались тогда обученіемъ пріятнымъ искусствамъ.

Съ наступленіемъ весны, жизнь кадетъ нѣсколько оживилась. Въ свободное время ихъ выпускали для прогулки и игръ въ небольшой садъ, находившійся между корпусными флигелями и манежемъ. Тамъ были поставлены качели, столбъ для гигантскихъ шаговъ и гимнастическія машины. Игры, существовавшія въ другихъ корпусахъ, весьма скоро ввелись и въ новомъ: городки, лапта, большіе пузырчатые мячи, подбрасывать которые ногою выучилъ кадетъ учитель рисованія Аберда,—все это сдѣлалось любимымъ препровожденіемъ времени. Не малое развлеченіе доставляли кадетамъ ученья учебнаго карабинерскаго полка, производившіяся на корпусномъ плацу. Особенно интересовали ученья съ порохомъ и церемоніальный маршъ, подъ превосходный хоръ полковой музыки. Иногда командиръ полка приказывалъ ему играть въ саду собственно для кадетъ. Случалось, что вслѣдъ за полкомъ пристраивали кадетскую роту, чтобы пропустить ее подъ музыку, что производило общую радость.

Въ первый же годъ существованія корпуса обнаружилось, что избранная для него мѣстность имѣетъ много неудобствъ для служащихъ въ немъ. Отсутствіе малѣйшаго признака торговли заставляло, за всякою мелочью домашняго быта, ждать случая посылки за 28 верстъ въ Новгородъ.

Но неудобство, испытываемое служащими, съ лихвою окупалось той пользой, которую представляло уединеніе корпуса воспитанію и образованію кадетъ. Долго въ немъ держались тѣ патріархальныя, семейныя отношенія кадета къ офицеру и учителю, которыя нравственно вліяли на юношей гораздо болѣе, чѣмъ оффиціальныя методы и правила. Долго Новгородскіе кадеты были чужды тѣмъ привычкамъ и шалостямъ, которые получили гражданство въ столичныхъ корпусахъ. Съ другой стороны, тѣ-же офицеры и учителя, не имѣя ни постороннихъ знакомствъ и занятій, не имѣя никакихъ развлеченій, находили его единственно въ стѣнахъ заведенія. Всякая свободная минута проводилась ими среди кадетъ, гдѣ бы они ни были, и приносила пользу, потому что кадеты видѣли въ своихъ

офицерахъ и учителяхъ людей нравственныхъ, преданныхъ долгу, желающихъ не только по обязанности, но и по любви къ нимъ, даже въ частныхъ разговорахъ и бесѣдахъ, принести пользу и словомъ, и примѣромъ. Входя въ возрастъ, кадеты, конечно, не могли не замѣчать въ этихъ людяхъ нѣкоторыхъ недостатковъ или смѣшныхъ сторонъ, не могли воздержаться отъ разсматриванія той или другой странности. Столь сродная юношескому возрасту насмѣшка высказывалась или гласно, или въ видѣ письменной сатиры, но никогда не имѣла характера ненависти и озлобленія. Кадеты въ большинствѣ любили и уважали офицеровъ и учителей перваго состава.

IV.

Въ слѣдующемъ 1835 году корпусъ былъ впервые осчастливленъ посѣщеніемъ государя Николая I-го, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Это было 27-го апрѣля, въ ясный весенній день, между 2 и 3 часами дня. Государя ожидали съ утра: возлѣ того-же дома, гдѣ останавливался при открытіи корпуса великій князь, съ полудня стоялъ почетный караулъ отъ учебнаго полка и при немъ съѣхавшіеся изъ окрестностей генералы. Все это возбуждало дѣтское любопытство кадетъ, которыхъ своевременно повели къ обѣду, во время котораго прискакалъ передовой фельдъегерь. Кадеты моментально разбѣжались по камерамъ и стали у своихъ кроватей, гдѣ пришлось прождать полчаса. Не смотря на запрещеніе никому не выглядывать въ корридоръ, находились смѣльчаки, взбиравшіеся, при малѣйшемъ шумѣ, на высокіе подоконники, въ надеждѣ первыми взглянуть на царя. Само собою разумѣется, что въ этотъ день чистота камеръ была доведена до совершенства. Кадеты въ новыхъ съ иголочки курткахъ, бѣлыя какъ снѣгъ съ пунцовыми каймами одѣяла, чистые и разглаженные чехлы на изголовьяхъ, полы налощенные какъ зеркало,—все это придавало праздничный видъ заведенію. Въ ожиданіи прибытія государя, то одинъ, то другой изъ начальства входилъ въ камеры, съ различными торопливыми подтвержденіями и приказаніями. Офицеры въ своихъ отдѣленіяхъ то репетировали какъ отвѣчать государю, то повѣряли выправку; одному приказывали еще разъ пригладить волосы, другому обтянуть куртку, третьему показать чистъ-ли у него платокъ и т. п. Наконецъ, сначала отдаленный, а потомъ все ближе и яснѣе слышный шумъ нѣсколькихъ экипажей прекратилъ ожиданіе. Передовая коляска остановилась у корпуснаго крыльца. Въ ней были государь съ великимъ

княземъ. Они вмѣстѣ вошли въ камеру I-го отдѣленія. Прежде чѣмъ поздороваться, его величество окинулъ взглядомъ кадетъ; они, казалось, затаили дыханіе отъ желанія услышать его голосъ, поймать его взглядъ. Кто испытывалъ на себѣ этотъ магическій взглядъ, тотъ пойметъ значеніе этихъ словъ и не припишетъ сказаннымъ для фразы. Государь появился веселымъ, съ отраженіемъ удовольствія на лицѣ. Первыми словами были: «здравствуйте дѣти!» Кадеты радостно и дружно отвѣтили. Проходя въ слѣдующую спальню, его величество обратилъ вниманіе на налощенный полъ и не прошелъ, а прошаркнулъ по немъ какъ по льду, оставляя по полу слѣдъ отъ запыленныхъ въ дорогѣ сапогъ.

«Вы такъ не катайтесь», сказалъ онъ, обращаясь къ кадетамъ, и затѣмъ, указывая на директора Бородина, прибавилъ, «а то онъ разсердится».

Въ третьей камерѣ государь похвалилъ выправку, говоря: «они стоятъ молодцами, не хуже петербургскихъ», останавливался, спрашивалъ фамиліи, гдѣ служилъ отецъ, привыкъ-ли въ корпусѣ и проч. У нѣкоторыхъ кроватей императоръ отодвигалъ подушки, или отдергивалъ одѣяла, чтобы видѣть чистоту бѣлья и качество тюфяковъ. При входѣ въ столовую, экономъ Шишмолинъ поднесъ пробную порцію, но его величество отстранилъ его рукою, сказавъ: «Не надо, я въ другой разъ попробую твою стряпню изъ кадетской тарелки».

Въ столовой залѣ были собраны всѣ учителя съ инспекторомъ во главѣ ихъ. Послѣдняго государь разспросилъ: сколько открыто классовъ, каковъ уровень познаній и соотвѣтствуетъ-ли онъ возрастамъ, пополненъ-ли комплектъ учителей? Изъ столовой государь прошелъ въ рекреаціонный залъ, гдѣ обратилъ вниманіе на превосходный портретъ во весь ростъ императора Павла, переданный изъ Грузина, а оттуда—черезъ манежъ въ церковь. Возвращаясь тѣмъ-же путемъ, его величество прошелъ къ сосѣднему дому, гдѣ стоялъ почетный караулъ и гдѣ былъ приготовленъ, заранѣе прибывшею походною кухнею, обѣдъ. Къ высочайшему столу были приглашены: директоръ, баталіонный командиръ и инспекторъ. Сряду послѣ обѣда поданы были дорожные экипажи. Кадетамъ дозволено было выйти къ подъѣзду; они окружили коляску государя. Садясь въ нее, его величество благодарилъ директора за здоровый видъ мальчиковъ, за ихъ выправку и порядокъ въ корпусѣ и затѣмъ, сказавъ: «До свиданія, дѣти»—уѣхалъ. Великій князь остался въ корпусѣ.

На слѣдующій день, въ 6 часовъ вечера, приказано было привести

весь старшій классъ, и человѣкъ по 10 изъ прочихъ, на квартиру великаго князя, къ вечернему чаю. Кромѣ директора и инспектора никого изъ начальства при этомъ не было. Цѣль же подобнаго приглашенія было желаніе Михаила Павловича видѣть кадетъ ближе и разговоромъ съ ними испытать ихъ развитіе. Онъ приказалъ имъ не стѣсняться, идти въ садъ, разговаривать между собою и вообще дѣлать кто что хочетъ. Сначала подобная свобода показалась странною, кадеты конфузились, но когда начали разносить чай и появились подносы съ сухарями, все оживилось, начался говоръ, образовались группы. Великій князь сидѣлъ у стола съ генераломъ Набоковымъ, и все время говорилъ съ тѣми изъ кадетъ, которые были ближе, задавая имъ вопросы въ слѣдующемъ родѣ:

— «Слыхалъ-ли что-нибудь о Дмитріи Донскомъ?» и получивъ отвѣтъ, — что слыхалъ, — прибавлялъ: «разскажи-ка, что ты о немъ знаешь?»

Кадеты изъ любопытства окружали разскащика и кто нибудь изъ нихъ вдругъ получалъ отъ великаго князя новый вопросъ:

— «Какъ ты думаешь, вездѣ-ли теперь вечеръ?» или: «отчего лѣтомъ тепло, а зимою холодно?» и т. д. все въ этомъ родѣ. Отвѣты, большею частью, были удачны, что видимо радовало его высочество. Конечно, подвертывался ему на глаза и старался быть поближе тотъ, кто больше на себя надѣялся. Это не укрывалось отъ великаго князя, такъ что онъ сказалъ Веревкину 2-му, желавшему иногда отвѣчать за другого, если тотъ запинался: «я знаю, что ты боекъ; ступай пить чай», и вслѣдъ затѣмъ подзывалъ кого-нибудь изъ бывшихъ въ отдаленіи.

Такого же рода испытаніе продѣлывалъ Я. И. Ростовцевъ, въ другой комнатѣ, съ другою группою; всякому вопросу онъ давалъ шуточную форму, что видимо нравилось кадетамъ, толпою окружавшимъ его.

Такія, такъ сказать, семейныя отношенія великаго князя ко всей массѣ воспитанниковъ, только и были возможны въ корпусѣ, поставленномъ въ условія Новгородскаго, гдѣ ни служебныя обязанности и этикетъ двора, ни отношенія къ обществу не отвлекали его высочество. Вотъ почему онъ и говаривалъ, что поѣздки въ Новгородскій корпусъ составляютъ для него пріятный отдыхъ.

Съ увеличеніемъ числа кадетъ, офицеровъ и учителей, внутренняя жизнь, съ каждымъ годомъ, дѣлалась нѣсколько разнообразнѣе и веселѣе. Въ ротахъ явились желающіе учиться музыкѣ на различныхъ инструментахъ, для чего кадеты на свой счетъ нанимали учителей изъ музыкантовъ учебнаго полка. Особенные успѣхи въ этомъ

отношеніи оказали кадеты: Балкъ — на кларнетѣ, Пересудовъ и Храневичъ—на флейтѣ, Кондратовъ—на скрипкѣ [1]).

Кромѣ того, къ веснѣ 1836 года, образовался очень порядочный хоръ пѣвчихъ, въ которомъ солистами были: Дуве, Польманъ, Мельницкій и Арбузовъ. Обученіе пѣвчихъ добровольно и безвозмездно принялъ на себя сначала Д. Н. Орнатскій, а потомъ діаконъ Сперанскій. Хотя послѣ превосходнаго хора пѣвчихъ учебнаго полка, для всякаго кадетскій хоръ казался бы мизернымъ, но кадеты въ то время не замѣчали разницы и были очень довольны своимъ.

Для указанія въ какой мѣрѣ все касающееся корпуса было близко учителямъ и родственникамъ кадетъ, упомянемъ, что вся обѣдня, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, и большая часть нотъ были переписаны рукою Орнатскаго, при помощи сестры кадета Арбузова [2]).

Еще большее участіе воспитателей того времени къ кадету доказываетъ то, что семейные офицеры и многіе учителя, по праздникамъ, брали лучшихъ учениковъ къ себѣ въ отпускъ, сряду послѣ обѣдни, и оставляли до вечерней зари. Не семейные же, какъ напримѣръ, Орнатскій, Нюккеръ, Юргенсъ, Нотъ и Каменскій, почти каждое воскресенье приходили къ кадетамъ: одни — прочесть вслухъ что-либо интересное и забавно-поучительное, другіе собирали человѣкъ по 15-ти и болѣе и, съ разрѣшенія директора, отправлялись съ ними гулять по берегу рѣки, или въ лѣсъ. Въ хорошую погоду подобныя чтенія и разсказы происходили въ саду, гдѣ собравшаяся группа садилась въ кружекъ, на траву, съ учителемъ въ серединѣ и съ жадностью слушала его. Прогулки въ лѣсъ или въ деревню особенно любили Нюккеръ и Нотъ. Дорогою кадеты, кто какъ умѣлъ, болтали съ ними по французски или по нѣмецки, слушали разсказы о заграничной жизни, бѣгали въ запуски, прыгали черезъ канавы, собирали полевые цвѣты, и незамѣтно уходили отъ корпуса верстъ за 8, въ какую нибудь деревню, гдѣ обыкновенно дѣлали

---

[1]) Замѣчательно, что желаніе заниматься музыкою появилось въ Новгородскомъ корпусѣ годомъ раньше приказа по военно-учебнымъ заведеніямъ, въ которомъ великій князь писалъ: „въ подвѣдомственныхъ мнѣ военно-учебныхъ заведеніяхъ не поощряется занятіе музыкою. Она, какъ и всякое изящное искусство, возвышаетъ духъ человѣка, даетъ ему средство быть пріятнымъ въ обществѣ, а въ грустныя минуты жизни служитъ иногда утѣшеніемъ“... и т. д. Затѣмъ предписывалось помогать желающимъ учиться на инструментахъ, отводя особыя комнаты, изготовить для этого столы и пюпитры, давать мѣсто для храненія и сбереженія инструментовъ. Приказъ по воен.-учебн. завед. 2-го февраля 1836 г., № 49.

[2]) Г-жа Арбузова впослѣдствіи была замужемъ за адмираломъ Зеленымъ.

П. К.

привалъ. Тутъ учитель покупалъ нѣсколько крынокъ молока и нѣсколько фунтовъ чернаго хлѣба и угощалъ своихъ спутниковъ, съ которыми, въ томъ же непринужденномъ порядкѣ, возвращался къ ужину въ корпусъ.

V.

Для приведенія въ извѣстность доставшейся корпусу движимой собственности гр. Аракчеева, въ 1835 году, составлена была, подъ предсѣдательствомъ состоявшаго по военно-учебнымъ заведеніямъ генералъ-маіора Петровскаго (впослѣдствіи директоръ), особая коммисія. Въ составъ ея вошли: отъ совѣта военно-учебныхъ заведеній чиновникъ 6-го класса Кованько, новгородскій уѣздный предводитель дворянства и отъ корпуса—капитанъ Араловъ. Коммисіи было указано: раздѣлить всѣ вещи и вообще движимое имущество на два разряда: на вещи нужныя для корпуса и на ненужныя ему, которыя продать въ Грузинѣ или въ Петербургѣ, куда отправить ихъ водою, а вырученныя деньги присоединить къ капиталу корпуса.

Изъ послѣдующей переписки по этому дѣлу видно, что капитану Аралову пришлось полтора года прожить то въ Грузинѣ, то въ Петербургѣ, гдѣ разбиралось имущество, находившееся въ собственномъ домѣ Аракчеева. Когда приступлено было къ разбору въ Грузинѣ бумагъ и библіотеки, коммисія донесла, что, по разнообразію твореній, библіотека не можетъ быть полностію передана новгородскому корпусу, и что находящіеся въ ней 3,780 сочиненій въ 11,184 тома требуютъ спеціальнаго просмотра; тогда великій князь приказалъ поручить разсортировку книгъ члену совѣта военно-учебныхъ заведеній, генералу барону Медему. Разсматривая каталоги, послѣдній нашелъ, что въ аракчеевской библіотекѣ есть запрещенныя и вредныя для кадетъ сочиненія, о чемъ черезъ Ростовцева довелъ до свѣдѣнія его высочества [1]). Тогда послѣдовало распоряженіе: дѣло о пересмотрѣ Грузинской библіотеки передать особой, спеціальной коммисіи, изъ членовъ совѣта, генерала отъ инфантеріи Довре, генералъ-лейтенантовъ Притвица и Медема. Но и они не приняли на себя окончательнаго рѣшенія, а просили содѣйствія цензурнаго комитета, которому и переданы были всѣ сочиненія, казавшіяся Медему вредными. Только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1836 года, разборъ библіотеки былъ оконченъ и коммисія донесла: «что назначая книги для корпуса, она имѣла въ виду дать ему не только сочиненія, нужныя для препода-

[2]) Письмо барона Медема полковнику Ростовцеву, отъ 24-го мая 1835 г.

ванія и поучительныя для чтенія кадетами, но и тѣ, которыя могутъ служить какъ полезные источники и пособія для учителей и офицеровъ, которые, по отдаленности и уединенію корпуса, не могутъ пользоваться тѣми книгохранилищами, какія находятся въ столицахъ [1]). Кромѣ того, коммисія представила особую опись книгамъ, заслуживающимъ особеннаго вниманія. Великій князь препроводилъ ее военному министру, а графъ Чернышевъ представилъ государю. Императоръ Николай Павловичъ своеручно отмѣтилъ по описи, что должно быть передано въ главный штабъ, въ инженерный архивъ, въ артиллерійскій департаментъ, въ морской штабъ, въ собственную его величества канцелярію и въ синодальную библіотеку. Противъ нѣкоторыхъ книгъ и рукописей было отмѣчено: «показать мнѣ». — «Передать въ корпусную библіотеку», послѣдовала отмѣтка противъ 10 книгъ. Всего же изъ аракчеевской библіотеки было передано Новгородскому корпусу 10,600 томовъ.

9-го августа 1836 года, Новгородскій корпусъ удостоился вторичнаго посѣщенія государя, но ранѣе, весною, именно 9-го мая, въ немъ былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Оба высокіе посѣтителя остались вполнѣ довольны всѣмъ видѣннымъ. Въ это время уже сформировалась неранжированная рота, а 1-й и 2-й были выданы ружья, но и государь, и великій князь фронтоваго смотра не дѣлали. Войдя въ неранжированную роту и увидя лѣваго ея фланговаго, замѣчательно маленькаго по росту кадета Богданова, его высочество сказалъ: «полѣзай на меня». Богдановъ, не долго думая, мигомъ взобрался на плечи великаго князя. Михаилъ Павловичъ, перекинувъ ноги Богданова черезъ свою шею, обошелъ съ нимъ всѣ камеры. Съ тѣхъ поръ Богданова прозвали ранцемъ великаго князя, а для сокращенія кадеты, до самаго выпуска, звали его просто—ранецъ.

Въ какой мѣрѣ инспектору трудно было привлечь преподавателей, требовавшихъ несоразмѣрныхъ съ средствами заведенія вознагражденій, видно изъ того, что профессоръ Никольскій соглашался поступить преподавателемъ только на слѣдующихъ условіяхъ: жалованья 2,000 руб. за 18 часовъ въ недѣлю (слѣдовательно болѣе 110 руб. за годовой часъ), квартира не менѣе 4-хъ комнатъ, двойные прогоны, безплатное обученіе сыновей въ корпусѣ и принятіе дочери въ институтъ на казенный счетъ. Начальство корпуса согласилось на все, кромѣ послѣдняго условія, выполненіе котораго отъ него не зависѣло, и обязало его прослужить въ корпусѣ не менѣе 4-хъ лѣтъ;

---

[1]) Рапортъ коммисіи отъ 14-го апрѣля 1836 г., № 5.

но онъ оставался преподавателемъ только три года и былъ уволенъ по болѣзни.

Въ Петербургѣ сознавали, что служба въ уединенной мѣстности не можетъ быть привлекательною и потому, по возможности, поддерживали и поощряли служащихъ въ корпусѣ офицеровъ и учителей. Всякое представленіе директора утверждалось. Состоялось распоряженіе, чтобы всѣхъ учителей, хотя бы и неимѣющихъ чина, полагать: преподающихъ науки—въ 9-мъ классѣ, языки—въ 10-мъ, чистописаніе и рисованіе—въ 12-мъ. Инспекторъ классовъ Божеряновъ получалъ награды почти ежегодно: государь былъ воспріемникомъ всѣхъ его восьми дѣтей и жаловалъ каждому подарки изъ кабинета его величества; баталіонный командиръ Струмилло, черезъ годъ по назначеніи, былъ произведенъ въ полковники, а въ слѣдующемъ году получилъ 2,000 десятинъ земли. Щедрость наградъ въ первые годы доходила до того, что въ столичныхъ корпусахъ говорили: «чтобы получать награды, надо переходить въ Новгородскій».

Въ началѣ 1837 года директоръ Бородинъ заболѣлъ; въ февралѣ онъ уже не выходилъ, а въ мартѣ просилъ уволить его отъ должности, почему и былъ отчисленъ состоять по военно-учебнымъ заведеніямъ. Это была утрата незамѣнимая. Въ какой мѣрѣ Александръ Ивановичъ Бородинъ честно и добросовѣстно трудился для корпуса, какъ онъ искренно любилъ кадетъ, видно изъ послѣдняго, прощальнаго его приказа, отданаго 16-го марта 1837 года. Приводимъ изъ него извлеченія.

«Крайне болѣзненное стостояніе заставило меня преждевременно разстаться съ заведеніемъ, устройство котораго было довѣрено мнѣ монархомъ. Осчастливленный такимъ порученіемъ государя императора, я ревностно, сколько силъ моихъ было, старался доставить новому корпусу все необходимое для прочнаго устройства, ввести неизмѣнный порядокъ, установить направленіе и ходъ воспитанія дѣтей и указать образъ дѣйствій ихъ начальникамъ. Я не смѣю и не долженъ все это приписывать себѣ одному. Въ душѣ моей на всегда сохранится признательная память о моихъ сотрудникахъ, раздѣлявшихъ труды общаго нашего святаго дѣла».

«Любезныя дѣти! По чувствамъ моимъ къ вамъ и по любви, которыя легче сознавать, чѣмъ высказать, тяжело мнѣ разставаться съ вами. Доброю своею волею и неуклоннымъ стремленіемъ къ утвержденію себѣ чести, наконецъ исполненіемъ въ точности дѣлаемыхъ вамъ ближайшими начальниками наставленій, вы каждаго заставили полюбить себя душевно».

«Простите мнѣ, дѣти, что я не въ состояніи придти къ вамъ,

поблагодарить васъ, побесѣдовать съ вами, быть можетъ въ послѣдній разъ. Тяжкая болѣзнь, не смотря на все мое желаніе, не позволяетъ мнѣ исполнить это. Чувствую, что я не въ состояніи былъ бы перенести прискорбнаго для меня разставанія съ вами. Примите черезъ этотъ приказъ мое заочное прощанье и запечатлѣйте въ сердцахъ вашихъ немногія слова, которыя въ послѣдній разъ и на всегда завѣщаю вамъ. Умоляю васъ, друзья мои, дорогіе моему сердцу кадеты! Будьте всегда такими же добрыми, честными и благородными, какими вы были при мнѣ; будьте внимательны къ вашимъ начальникамъ и наставникамъ, принимайте сердцемъ и исполняйте въ точности все вамъ внушаемое; будьте прилежны къ наукамъ, благородны и честны въ поступкахъ, не по наружности одной, а по искренности душевныхъ чувствъ, по сознанію чистой совѣсти. Помните, что съ юности вы должны пріучать себя къ неуклонному исполненію и дисциплинѣ, дабы впослѣдствіи быть полезными себѣ и отечеству и содѣлаться вѣрными и достойными слугами своего государя!»

Въ этомъ приказѣ вполнѣ выразилось то направленіе воспитанія, которое было дано Бородинымъ новгородскимъ кадетамъ его времени. Послѣдующая жизнь и служба ихъ доказали, что они исполнили завѣтъ своего перваго директора и за ничтожными, быть можетъ, исключеніями, оправдали его надежды.

Если бы генералъ Бородинъ относился къ интересамъ корпуса и пользѣ кадетъ съ меньшею горячностію и сердечностью, если бы онъ пользовался большею поддержкою Я. И. Ростовцева, то несомнѣнно, что крѣпкое его здоровье не разстроилось бы такъ быстро. Что отношенія между Бородинымъ и Ростовцевымъ были натянутыми, видно изъ ихъ переписки: «по мѣстному положенію корпуса», — писалъ Бородинъ,—«о всѣхъ неудобствахъ и дѣлаемыхъ затрудненіяхъ я писалъ, и писалъ много, но ничего не послѣдовало. Наконецъ, нынѣ послалъ вамъ новую просьбу, отвести мѣсто для кладбища, мѣсто покоя, мѣсто молчанія мертвыхъ, которые живыхъ уже никакими докуками безпокоить не будутъ» [1]).

Послѣ Бородина, вторымъ директоромъ корпуса былъ генералъ-маіоръ Петровскій. Онъ поступилъ на службу юнкеромъ въ 1804 г., черезъ четыре года былъ произведенъ въ кориеты, дѣлалъ 13 кампаній всѣхъ войнъ, начиная съ 1805 по 1814 г., и наконецъ участвовалъ въ польской войнѣ 1831 года. Съ 1825 г. командовалъ Тираспольскимъ конно-егерскимъ полкомъ и затѣмъ состоялъ по военно-учебнымъ заве-

[1]) Письмо отъ 7-го февраля 1836 года.

деніямъ. Старый кавалеристъ, участвовавшій въ 85 сраженіяхъ, это былъ въ полномъ смыслѣ добрякъ, никогда не готовившійся стать во главѣ воспитательнаго заведенія. Ко всему этому, онъ встрѣтилъ, въ лицѣ ближайшаго своего помощника, хитраго Струмилло, сейчасъ же понявшаго съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Ему не трудно было овладѣть новымъ директоромъ, и поставить его въ положеніе человѣка, только по наружности носившаго это званіе. Струмилло, почти не стѣсняясь, показывалъ, даже передъ кадетами, что онъ главное лице въ корпусѣ Это не разъ порождало столкновенія между баталіоннымъ командиромъ и инспекторомъ, тактъ и сдержанность котораго только и были причиною, что ихъ отношенія не имѣли вліянія на воспитанниковъ. Петровскій, поставленный между этими лицами, представлялъ собою посредника, желавшаго угодить и тому, и другому. Однако, не смотря на полный недостатокъ самостоятельности, кадеты любили Петровскаго за его доброту, ласковость и заботливость о ихъ содержаніи.

VI.

Для развлеченія кадетъ, съ 1837 года въ корпусѣ устраивали спектакли, сначала вполнѣ домашніе, но потомъ развившіеся до того, что въ одной изъ залъ гренадерской роты была устроена постоянная сцена. Главными распорядителями этой забавы были капитанъ Араловъ и учитель танцованія Шелковниковъ. Первый занимался декоративною частью и костюмами, второй режисировалъ и бралъ на себя тѣ роли, которыя были потруднѣе, не исключая даже женскихъ. Первою игранною въ корпусѣ піесою былъ водевиль: «Сентябрская ночь»— сочиненіе П. А. Каратыгина. Она была выбрана по совершенному отсутствію женскихъ ролей. Тогда же давали дивертиссементъ, въ которомъ фельдфебель Дуве пѣлъ воинственные куплеты, а кадеты же Польманъ и Цвѣцинскій [1]) изображали въ лицахъ, модный въ то время, романсъ: «Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ». Первый опытъ театральнаго представленія, при постороннихъ зрителяхъ, пришелся по вкусу какъ начальству, такъ и кадетамъ. Учителя и офицеры охотно посѣщали спектакли вмѣстѣ со своими семействами; кадеты ждали театра какъ праздника. Лучшими актерами были: Дуве, Балкъ, Польманъ, Веревкинъ 1-й, Вельяшевъ, Мельницкій и Ушаковъ. Чѣмъ чаще давались представленія, тѣмъ выборъ піесъ дѣлался смѣлѣе и разнообразнѣе; дошло до того, что брались за

[1]) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, умершій въ 1881 г.

драмы: «Иголкинъ», «Костромскіе лѣса», «Русскій человѣкъ добро помнитъ» и т. д. Какъ исполнялись они—теперь припомнить трудно, но тогда вѣроятно нравились, потому что немногіе изъ зрителей видали лучшее. Между тѣмъ инспекторъ Божеряновъ замѣтилъ, что раздача ролей большею частью однимъ и тѣмъ же, искусившимся въ лицедѣйствіи, начала отзываться на ихъ классныхъ занятіяхъ. Чѣмъ успѣшнѣе шло представленіе, тѣмъ меньше и меньше оказывались баллы исполнителей. Это вызвало распоряженіе, чтобы роли раздавались не иначе, какъ съ разрѣшенія инспектора, что значительно затрудняло распорядителей и огорчало актеровъ.

Кромѣ театральныхъ представленій, по зимамъ, во время святокъ и масляной, устраивали балы, даже костюмированные. Послѣдними распоряжался тотъ же капитанъ Араловъ. Этого рода удовольствія были не только развлеченіемъ, но отчасти и поощреніемъ, потому что на балы допускали не всѣхъ, а только лучшихъ по классамъ и поведенію. Для первыхъ учениковъ костюмы брали на счетъ корпуса, прочіе должны были платить за нихъ. Обыкновенно, дня за два до маскарада, капитанъ Араловъ отправлялся въ Новгородъ и бралъ ихъ на прокатъ у содержателя гостинницы Шмита. Отъ него привозили что попало, но тогда все казалось прекраснымъ. Кадеты являлись одѣтыми испанцами, маркизами, арлекинами, цыганами и т. п. Нѣкоторые ухитрялись замаскировываться мѣстными средствами, доставая кое-что у семейныхъ офицеровъ и учителей, охотно принимавшихъ на себя заботу угодить хорошему кадету своего отдѣленія, или лучшему ученику своего класса.

Но всѣ подобнаго рода развлеченія не могли замѣнить собою той радости, которую ощущали кадеты съ приближеніемъ отпусковъ къ роднымъ на праздники Рождества и Святой недѣли, а первые три года и на лѣтніе каникулы, съ половины іюня до начала августа. Такого рода отпуска были эпохами и не было бо́льшаго горя, какъ подпасть подъ наказаніе—не быть уволену въ подобный отпускъ. Наканунѣ увольненія, а иногда и дня за два до него, начинался съѣздъ родныхъ, или присылка родственниками кибитокъ и бричекъ, съ довѣренными слугами, чаще же старушками-нянями, зимою привозившими своимъ питомцамъ тулупчики, валенки и платки, закутывать ихъ взбалмошныя головы. Тогда желѣзныхъ дорогъ не было, а ѣзда по проселкамъ на почтовыхъ невозможна, поэтому за всѣми присылали своихъ бурокъ и сивокъ. Одинъ видъ кучера или слуги, на глазахъ котораго собирающійся домой родился и выросъ, переносилъ послѣдняго въ кругъ родной семьи; а доморощенная кляча, на которую онъ учился садиться еще ребенкомъ, производила отрад-

ное впечатлѣніе. Хотя, по положенію, разрѣшено было увольнять къ роднымъ, живущимъ не далѣе 75 верстъ отъ корпуса [1]), но въ этомъ случаѣ разстоянія какъ-то сокращались и по кадетскому дорожнику версты считались по масштабу екатерининскихъ временъ, — семисотенныя. Многіе изъ увольняемыхъ брали съ собою товарищей, не имѣвшихъ родныхъ. Послѣднее разрѣшалось только особенно хорошо учившимся, если родители приглашающаго присылали письменное заявленіе, что желаютъ имѣть у себя такого-то товарища своего сына или родственника.

П. П. Карцовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Рапортъ ген.-ад. Сухозанета великому князю отъ 11-го апрѣля 1834 г., № 2,257.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ,

род. 2-го іюля 1834 г., † 13-го ноября 1883 г.

Посмертныя Записки о его жизни.

Извѣстный педагогъ-писатель, землевладѣлецъ Екатеринославской губерніи, получившій образованіе въ Александровскомъ лицеѣ (кончилъ курсъ съ серебряной медалью въ 1854 году), покойный баронъ Н. А. Корфъ принадлежитъ къ тому, весьма немногочисленному у насъ, разряду людей, которые предпочли выгоды блестящей служебной карьеры несравненно болѣе скромной педагогической дѣятельности и посвятили все свое дарованіе, всѣ свои силы дѣлу служенія народному образованію.

Подобная рѣшимость со стороны барона Корфа представляется тѣмъ большею заслугою, что и по времени онъ является однимъ изъ первыхъ борцовъ за устроеніе народно-школьнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ. Конечно, присматриваясь ближе къ этой дѣятельности, нельзя не замѣтить въ ней промаховъ и нѣкоторой односторонности, въ чрезмѣрномъ увлеченіи иноземными образцами, но тѣмъ не менѣе, нельзя не воздать должнаго той энергіи и талантливости, той сердечной любви къ дѣлу, съ какими покойный баронъ Н. А. Корфъ проводилъ въ жизнь и въ общественное сознаніе свои любимыя идеи; должно преклониться предъ тою стойкостью, съ какою онъ, среди многочисленныхъ препятствій, до конца жизни своей, служилъ горячолюбимому имъ дѣлу народнаго образованія.

Первое наиболѣе видное проявленіе этой разносторонней и выдающейся дѣятельности относится къ эпохѣ 1860-хъ годовъ, когда великія реформы прошлаго царствованія выдвинули, между прочимъ, на первый планъ и вопросъ о народномъ образованіи. Избранный въ 1866 году въ число гласныхъ Александровскаго уѣзда и познакомясь на мѣстѣ съ земскимъ хозяйствомъ, положеніемъ крестьянъ и вновь народившимися для нихъ нуждами, Н. А. Корфъ, въ слѣдующемъ 1867 году, впервые выступаетъ въ роли вчинателя и энергичнаго устроителя земско-школьнаго дѣла. Знакомый съ положеніемъ народнаго образованія въ Западной Европѣ, горячій поклонникъ нѣмецкой педагогіи, онъ усердно принимается за основаніе народныхъ школъ на «новыхъ началахъ» въ Александровскомъ уѣздѣ,

устраиваетъ ихъ по всѣмъ правиламъ современной педагогіи, несмотря на скудныя средства, неустанно хлопочетъ о возбужденіи сочувствія къ новому дѣлу среди земства, учреждаетъ учительскую семинарію, готовитъ учителей для земскихъ школъ, руководитъ учительскими съѣздами, пишетъ отчеты, принимается самъ за составленіе учебниковъ, — словомъ, проявляетъ такую плодотворную, кипучую дѣятельность, что въ скоромъ времени обращаетъ на себя вниманіе печати и общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старательно развиваетъ ту мысль, что педагогія есть наука соціальная, въ развитіи и правильной постановкѣ которой заинтересовано все общество. Какъ извѣстно, искреннее увлеченіе барона Н. А. Корфа дѣломъ народнаго образованія, въ связи съ публицистическимъ талантомъ, дѣйствительно, весьма много способствовало развитію въ обществѣ интереса къ этому дѣлу и подготовило для него прочную почву, не только въ Александровскомъ уѣздѣ, но и во многихъ другихъ губерніяхъ, гдѣ земство дѣлало съ своей стороны все возможное, дабы поддержать благое дѣло.

Этотъ періодъ земской дѣятельности является вполнѣ блестящей страницей въ жизни барона Н. А. Корфа и признаніе личныхъ заслугъ его сказалось не только въ сочувствіи и довѣріи мѣстнаго населенія къ школамъ, имъ устроеннымъ, но также въ цѣломъ рядѣ чествованій, оказанныхъ ему различными учрежденіями. Такъ, въ 1871 году, Московскій университетъ избралъ его своимъ почетнымъ членомъ; въ 1873 году Петербургскій комитетъ грамотности наградилъ его золотою медалью за труды по народному образованію.

Но общественная служба повсюду, а въ молодомъ еще русскомъ обществѣ, столь недавно призванномъ къ самодѣятельности, еще того чаще, полна дрязгъ, пошлости, сплетень, которыя всею тяжестью гнетутъ тѣхъ немногихъ еще у насъ лицъ, которыя беззавѣтно, съ полнымъ увлеченіемъ, отдаются служенію общему благу. Вся эта пошлость гнетомъ легла на добраго, умнаго и въ высшей степени полезнаго дѣятеля какъ для мѣстнаго края, такъ и для всей Россіи, какимъ былъ баронъ Н. А. Корфъ.

Испытавъ много горя въ своемъ же родномъ краю, онъ вынужденъ былъ его оставить и уѣхать за границу, въ Швейцарію. Въ Женевѣ онъ устроилъ русскую семейную школу и трудился въ ней съ тою же энергіею и добросовѣстностью, какая отличала всѣ его дѣйствія. Послѣдніе годы своей жизни Н. А. Корфъ провелъ въ своемъ имѣніи, гдѣ и предавался кабинетнымъ трудамъ до тѣхъ поръ, пока жажда общественнаго дѣла вновь его не увлекла: онъ явился въ С.-Петербургъ въ декабрѣ 1881 г. Встрѣченъ былъ здѣсь всѣми интересующимися дѣломъ народнаго образованія съ полнымъ уваженіемъ. Близко ознакомился съ цѣлою сѣтью превосходно устроенныхъ Городскою Думою

училищъ;—онъ былъ рѣшительно въ восторгѣ отъ нихъ и передалъ свои впечатлѣнія и замѣтки въ обширной и интересной статьѣ, явившейся въ «Вѣстникѣ Европы» (іюнь, 1882 г.) [1]).

Изъ числа педагогическихъ сочиненій Н. А. Корфа наибо́льшею извѣстностью пользуются слѣдующія: «Руководство къ обученію грамотѣ», «Русская начальная школа», «Нашъ другъ», «Малютка» и нѣкоторыя другія. Кромѣ того покойный помѣстилъ множество статей по вопросамъ педагогическимъ и общественнымъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, а именно въ журналахъ: «Недѣля», «Петербургскія Вѣдомости», «Народная Школа», «Семья и Школа», «Вѣстникъ Европы».

Многія изъ этихъ статей были собраны и отпечатаны впослѣдствіи отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіями: «Земскій вопросъ» и «Наше школьное дѣло».

Всѣ педагогическіе и литературные труды барона Н. А. Корфа имѣли большой успѣхъ, а многіе изъ нихъ (напримѣръ «Нашъ другъ») выдержали 12 изданій.

Вообще каковы бы ни были ихъ достоинства и недостатки какъ произведеній педагогическихъ, но даровитость ихъ автора и его искренняя, пылкая любовь къ дѣлу, повторяемъ еще разъ, даютъ барону Н. А. Корфу неоспоримое право на благодарность современниковъ и на весьма видное мѣсто среди отечественныхъ дѣятелей, посвятившихъ себя дѣлу народнаго образованія.

О. А.

---

[1]) Къ этому времени относится наше личное знакомство съ барономъ Н. А. Корфомъ, о чемъ мы сохраняемъ самыя пріятныя воспоминанія Въ обширномъ альбомѣ редакціи „Русской Старины“ автографовъ русскихъ дѣятелей (томъ II, стр. 118) нашъ новый знакомый внесъ слѣдующія нынѣ особенно драгоцѣнныя для насъ строки:

„Въ память дорогаго для меня свиданія съ глубоко-уважаемымъ редакторомъ историческаго журнала, на которомъ воспиталась лучшая часть русскаго современнаго общества, вынесшая изъ прошлаго стремленіе впередъ, при любви къ „Русской Старинѣ“.

„Баронъ Николай Александровичъ Корфъ“.

„29-го декабря 1881 года“.

Тогда же при нашемъ личномъ свиданіи мы просили бар. Н. А. Корфа приступить къ своей автобіографіи, имѣя въ виду, что разсказъ о пережитомъ и передуманномъ такимъ человѣкомъ весьма полезенъ въ воспитательномъ отношеніи. Онъ не замедлилъ исполнить мою просьбу: присланы были первыя главы этой автобіографіи, которыя мы и представляемъ на страницахъ „Русской Старины“, скорбя о томъ, что автора Записокъ уже нѣтъ на свѣтѣ и смолкъ на вѣки одинъ изъ даровитѣйшихъ общественныхъ борцовъ за начальную народную школу, за ея упроченіе и развитіе въ дорогомъ нашемъ отечествѣ.

Ред.

ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО.

Записки барона Н. А. Корфа.

Сорокъ восемь лѣтъ проживъ на свѣтѣ (1834—1882 гг.), уже чувствуешь потребность подвести итогъ своимъ жизненнымъ впечатлѣніямъ и въ прошломъ искать силъ для будущаго, насколько это послѣднее предстоитъ. Окончаніе мною курса въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ совпадаетъ съ началомъ того великаго царствованія, которому суждено было обновить Россію: освобожденіе крестьянъ совершилось на моихъ глазахъ, при чемъ, какъ помѣщикъ, я былъ въ этомъ дѣлѣ заинтересованною стороною; либеральное движеніе въ дворянскихъ собраніяхъ, предшествовавшее введенію земскихъ учрежденій, самое осуществленіе земскихъ собраній и управъ, введеніе судебной реформы и положенія о народныхъ училищахъ состоялись при моемъ непосредственномъ посильномъ участіи; помню я также и откупа, и замѣну ихъ нынѣ дѣйствующею акцизною системою; на себѣ испыталъ я предварительную цензуру для столичныхъ газетъ и журналовъ, въ качествѣ сотрудника періодическихъ изданій, и затѣмъ переживалъ послѣдствія законовъ о печати 1866 года, которые считались, при появленіи, временными и первымъ шагомъ къ свободѣ печати. Многое пережито!... И все это пережито мною въ провинціи, въ глуши доставшагося мнѣ отъ матушки села въ Новороссіи, въ которомъ я прожилъ безвыѣздно 13 лѣтъ, но при непрерывномъ общеніи со столицами и при перепискѣ съ 250 корреспондентами отъ Колы до Кутаиса, отъ Варшавы до Омска; интереснѣйшія письма ихъ мною сохранены; но работать приходилось мнѣ не въ одной Россіи: два раза ѣздилъ я на продолжительное время за-границу, а въ Швейцаріи прожилъ я восемь лѣтъ подъ рядъ, не прерывая связи съ русскою печатью и отечествомъ. Многое пришлось пережить при такихъ условіяхъ и тѣмъ больше, что мнѣ не было еще двухъ лѣтъ, когда я лишился матери; моложе шести лѣтъ навсегда разстался я съ отческимъ кровомъ, а двадцати-двухъ лѣтъ уже былъ женатъ на М. М. Клевцовой, съ которою и живемъ, благодареніе Богу, уже двадцать шестой годъ, вырастивъ и воспитавъ двухъ дочерей и доживъ до внука отъ старшей.

Какъ найтись и разобраться среди массы самыхъ разнообразныхъ воспоминаній изъ частной и общественной жизни? Послѣд-

нія будутъ несомнѣнно преобладать въ предлагаемыхъ очеркахъ и красною нитью по нимъ будетъ проходить мое посильное служеніе земскому дѣлу и дѣлу народнаго образованія. Педагогу, который, начиная съ пятнадцатилѣтняго возраста, не проводилъ ни однихъ каникулъ, не обучая какого-нибудь крестьянскаго мальчика, который уже въ лицеѣ имѣлъ случай, какъ узнаютъ впослѣдствіи читатели, преподавать одному изъ своихъ товарищей, а позже читать лекціи всеобщей исторіи и педагогіи взрослымъ, преподавать юношеству многіе предметы и давать уроки въ народныхъ школахъ; человѣку, для котораго всѣ интересы частной и общественной жизни свелись къ вопросу о просвѣщеніи и воспитаніи, дозволятъ прослѣдить, прежде всего, за тѣмъ, какіе люди и какія обстоятельства повліяли на его собственное воспитаніе и создали въ немъ тѣ принципы и идеалы, благодаря которымъ онъ могъ представить изъ себя почву, хоть сколько-нибудь предуготованную для того благодѣтельнаго и плодотворнаго посѣва, который произведенъ въ Россіи преобразовательною дѣятельностію въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Баронъ Н. А. Корфъ.

17-го іюля 1882 г.
С. Нескучное.

I.

Легко-ли мнѣ дать себѣ отчетъ въ томъ, кто повліялъ на меня въ дѣтствѣ моемъ и въ юности, когда закладываются нравственныя основы на всю жизнь? Нѣтъ, крайне трудно. Вѣдь воспитываетъ не только семья и школа, но вся житейская обстановка. Но попытаемся, насколько это исполнимо, воскресить, въ памяти, людей и мѣстности, подъ вліяніемъ которыхъ складывались мои чувства и убѣжденія. Вызывая минувшіе образы дорогихъ мнѣ людей, я долженъ остановиться, прежде всего, на покойномъ отцѣ, съ которымъ я видѣлся въ послѣдній разъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ, и свѣтлый образъ котораго, тѣмъ не менѣе, стоитъ живымъ предо мною со всѣми мелочными подробностями, даже внѣшней обстановки. Неизгладимыми чертами врѣзалась въ памяти моей его привѣтливѣйшая, открытая, благородная наружность, отражавшая на себѣ необычайную чистоту его души. Помню я и такой вздоръ, что батюшка курилъ въ трубкѣ „Жу-

ковъ табакъ", бывшій въ то время во всеобщемъ употребленіи, давалъ мнѣ играть своимъ гербовымъ перстнемъ, которымъ и по настоящее время снабжаются остзейскіе дворяне въ день совершеннолѣтія; помню я и то, что покойный отецъ, воспитанный въ „Лицейскомъ пансіонѣ", въ то время еще бывшемъ самостоятельнымъ учебнымъ заведеніемъ, прекрасно владѣлъ двумя иностранными языками и любилъ пользоваться ими, какъ всѣ свѣтскіе люди того времени. Но помню я, кромѣ этихъ мелочей, и многое такое объ отцѣ, что не могло не оставить глубокаго слѣда на мнѣ, его единственномъ сынѣ. Отецъ посадитъ меня, бывало, къ себѣ на колѣни и, всматриваясь въ меня своими безгранично добрыми глазами, говоритъ: „Коля, кто твой другъ?" — „Ты", отвѣчаю я, бывало. Такъ сиживали мы вдвоемъ, когда мнѣ еще не было шести лѣтъ; когда мы еще жили въ Москвѣ, въ концѣ 1830-хъ годовъ, въ Москвѣ, которую я увидѣлъ взрослымъ только лѣтъ 15 позже и которая до тѣхъ поръ, по воспоминаніямъ ранняго дѣтства, послѣ знакомства съ Петербургомъ, представлялась мнѣ необъятнымъ селомъ съ огромной башней, множествомъ церквей и обиліемъ качель на Пасху. Такъ сиживали мы съ покойнымъ батюшкой и позже, когда мнѣ было уже лѣтъ десять. Время же отъ шестилѣтняго до десятилѣтняго возраста я провелъ въ разлукѣ съ отцемъ, который продолжалъ однако оставаться моимъ единственнымъ другомъ на землѣ: матери своей я не зналъ, но къ памяти ея отецъ съумѣлъ внушить мнѣ самое высокое почитаніе. Помню, что въ домѣ сестры ея, моей тетки, баронессы Т. Т. Корфъ, я впервые увидѣлъ поясной портретъ покойницы матушки, который произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что, заболѣвъ однажды лихорадкою, я, какъ мнѣ затѣмъ разсказывали, бывши семилѣтнимъ ребенкомъ, бредилъ матушкою, ласки которой я не могъ помнить и попеченія которой мнѣ недоставало. Отецъ мой, годъ послѣ смерти моей матери, когда мнѣ не было еще двухъ лѣтъ, вступилъ во второй бракъ и братья отца разсказывали мнѣ, что онъ мотивировалъ этотъ шагъ стремленіемъ къ тому, чтобы я не былъ лишенъ материнскаго ухода; вѣрю этому потому, что мнѣ положительно извѣстно, что невѣста отца, на вопросъ его, какой поднести ей подарокъ, отвѣчала просьбою съѣздить за мною въ Екатеринославъ и привезти меня къ ней въ Москву для того, чтобы она могла сама поднести меня ко святому причастію. Малютку повезли за семьсотъ верстъ; но

не минуло мнѣ еще и шести лѣтъ, какъ бѣдный отецъ уже разсудилъ, что для моего счастья необходимо удалить меня изъ дому; повезли меня въ имѣніе тетушки, о которой я уже упоминалъ и къ которой еще возвращусь, и ей отецъ довѣрилъ своего маленькаго друга, не умѣвшаго еще цѣнить его, но уже умѣвшаго любить его и утѣшать себя на чужбинѣ воспоминаніемъ о томъ, какъ, бывало, отецъ говоритъ: „Коля, кто твой другъ?“ Культъ мой къ отцу не ослабѣвалъ и въ разлукѣ съ нимъ въ теченіе двухъ лѣтъ и до сей поры помню я еще, какъ стучало мое сердце, когда отецъ пріѣзжалъ на свиданіе со мною издалека. Да, батюшка былъ первымъ, вызвавшимъ во мнѣ чувство любви, которое свойственно человѣку, но можетъ проявить себя, т. е. возникнуть для нашего наблюденія, зародиться только тамъ, гдѣ его питаютъ. Любовь къ человѣчеству можетъ сложиться лишь въ видѣ дальнѣйшаго развитія привязанности къ отдѣльнымъ лицамъ и въ этомъ отношеніи батюшка, заставивъ боготворить себя, оказалъ мнѣ неоцѣненную услугу и тѣмъ бо́льшую, что онъ никогда не баловалъ меня, но былъ взыскателенъ.

Мнѣ не было еще шести лѣтъ, когда я, благодаря отцу, уже умѣлъ любить не только тѣхъ изъ людей, которые кормили меня пряниками, но и тѣхъ, которые, любя меня, относились ко мнѣ взыскательно. Помнится мнѣ,—будто это происходило сегодня,—такой случай: было мнѣ въ то время лѣтъ девять и я, послѣ двухлѣтней разлуки съ отцемъ и пребыванія въ домѣ тетки въ Воронежской губерніи, на короткое время возвратился къ отцу въ Новгородъ; сидимъ мы, помнится, за обѣдомъ и подаютъ какое-то вкусное блюдо; я, обращаясь къ слугѣ, говорю: „дай еще“; слуга подноситъ блюдо, а отецъ кричитъ (онъ былъ вспыльчивъ): „мимо!“... Что это означало? Это значило то, что въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда крѣпостное право еще существовало во всей силѣ и вся домашняя прислуга отца была изъ крѣпостныхъ, батюшка требовалъ отъ своего сына, чтобы онъ не только не позволялъ себѣ приказывать прислугѣ, но и не смѣлъ ожидать отъ нея какихъ бы то ни было услугъ, если въ обращеніи къ ней упустилъ слово „пожалуйста“; въ данномъ случаѣ меня обнесли блюдомъ за то, что я не сказалъ, обращаясь къ лакею: „подай мнѣ еще пожалуйста“. Само собою разумѣется, что такія предписанія ни къ чему бы не вели, если бы отецъ не поучалъ меня собственнымъ примѣромъ; но глубочайшее впечатлѣніе на меня

Нескучной, Екатеринославской губерніи, моемъ настоящемъ мѣстопребываніи. Затѣмъ попалъ я, на короткое время, въ Екатеринославъ въ возрастѣ несознательномъ; отъ трехлѣтняго до шестилѣтняго возраста прожилъ я съ отцемъ, уже вступившимъ во второй бракъ, какъ я говорилъ, въ Москвѣ; но о ней не сохранилъ рѣшительно никакихъ воспоминаній, что зависѣло отъ возраста. Новгородская жизнь продолжалась не настолько, чтобы получить значеніе родины; да къ тому же городская обстановка оставляетъ гораздо менѣе сельской слѣдовъ на ребенкѣ: можетъ-ли однообразіе города соперничать съ величественнымъ, для дитяти, разнообразіемъ села, гдѣ, что ни кустъ, то событіе, что ни шагъ, то новое явленіе. Вотъ, чѣмъ и объясняю себѣ то, что когда я, бывало, въ позднѣйшемъ возрастѣ, мысленно стремился перенестись на родину, то мысли мои переносились въ Малороссію и я чувствовалъ себя малороссомъ, вспоминая о томъ, какъ я прожилъ, въ домѣ тетушки Татьяны Тимоѳеевны Корфъ, два счастливыхъ года въ малорусской части Воронежской губерніи; къ тому же и прислуга въ домѣ отца, о которой я упоминалъ, была вся изъ малороссовъ. Этими воспоминаніями дѣтства, быть можетъ болѣе, нежели тѣмъ, что мать моя была малороссіянка, объясняется то, что когда я судьбою былъ на десять лѣтъ заброшенъ въ Питеръ, то тамъ не могъ слышать, безъ млѣнія и содроганія сердечнаго, рѣчи на „о“, обличающей малоросса, въ противуположность великороссу, выпѣвающему и растягивающему произносимыя имъ слова на „а“. Какъ бы то ни было, но два года, прожитые мною въ дѣтствѣ въ средѣ малороссовъ, играютъ такую роль въ моихъ позднѣйшихъ симпатіяхъ къ южной Россіи, при твердомъ сознаніи въ себѣ общерусскаго начала, унаслѣдованнаго, быть можетъ, еще отъ отца, совершенно обруссѣлаго, и по нравамъ и по воззрѣніямъ, остзейца, что я не могу умолчать о нихъ, стараясь выслѣдить въ своемъ прошломъ, какіе люди и обстоятельства могли имѣть воспитательное вліяніе на меня.

Говоря до сихъ поръ о томъ, что эти два счастливыхъ года, послужившихъ началомъ сближенія моего съ югомъ Россіи, гдѣ пришлось впослѣдствіи принести въ жертву общественной пользѣ свои лучшіе годы и свое здоровье, прожиты въ домѣ тетки Корфъ, я выражался неточно. Дѣло въ томъ, что мой шестилѣтній возрастъ засталъ эту почтенную женщину, сестру покойной ма-

тушки, вдовою съ сыномъ, барономъ Николаемъ Васильевичемъ Корфомъ, десяти лѣтъ, и дочерью семи лѣтъ. Тетушка, хотя и обладала только тѣмъ образованіемъ, которое у насъ въ 1830-хъ годахъ предоставлялось женщинѣ, но крайне серіозно отнеслась къ воспитанію и образованію своихъ дѣтей и, находя, что для воспитанія мальчика нужны мужскія руки, переѣхала въ семью одного изъ помѣщиковъ Воронежской губерніи, къ отцу нашего уважаемаго профессора и публициста Д. Д. Градовскаго; у Д. Д. Градовскаго были свои дѣти, обученію которыхъ предстояло себя посвятить; къ нему же въ семью привезли двухъ сыновей помѣщика Засядко. Помню, какъ зимою я впервые увидѣлся съ теткою въ домѣ отца, въ Москвѣ, и какъ живой стоитъ еще предо мною покойный батюшка, заливаясь слезами, пока меня обворачиваютъ въ шарфъ, укутываютъ и усаживаютъ въ кибитку: „съ Богомъ“, говоритъ отецъ ямщику и везетъ меня тетушка въ имѣніе Градовскаго, въ Волчье. Тамъ собралось насъ, считая учившихся уже въ то время дѣтей нашихъ хозяевъ, всего семеро дѣтей, образовалась „семейная школа“ лѣтъ двадцать пять раньше того, что возникло у насъ въ обществѣ это названіе и что въ городахъ семейства стали соединяться для совмѣстнаго воспитанія дѣтей. Въ учебномъ отношеніи я не отставалъ, а потому, прибывъ въ Волчье шести лѣтъ, уже умѣлъ читать по русски и по нѣмецки, а тутъ приступилъ къ французскому чтенію; но твердо помню, что я не надрывался ради успѣховъ и былъ не изъ прилежныхъ. Долженъ отдать справедливость Д. Д. Градовскому въ томъ, что онъ для всѣхъ насъ былъ роднымъ отцемъ, всецѣло посвящалъ себя своей школѣ и всѣхъ насъ держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ; но онъ былъ въ высшей степени добръ и справедливъ и при этомъ, никогда ничѣмъ не отличая своихъ кровныхъ дѣтей отъ насъ, не морилъ насъ надъ книгою, а предоставлялъ намъ просторъ наслаждаться роскошнымъ разнообразіемъ явленій сельской жизни. Тутъ-то, въ семьѣ Градовскаго, я настолько привязался къ селу, что позднѣйшее городское воспитаніе, продолжавшееся цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ, и даже десятилѣтнее пребываніе въ холодномъ Питерѣ, заставили меня забыть всѣ породы деревьевъ и цвѣты, которые я любилъ на югѣ Россіи, разучиться даже умѣнью отличать другъ отъ друга колосовыя хлѣба во время всхода, отчасти въ зернѣ и колосьяхъ, —

но не убили во мнѣ моего влеченія къ селу, жизнь въ которомъ составляла мечту всего моего отрочества, всей ранней юности моей, —мечту, осуществившуюся съ двадцати двухлѣтняго возраста, когда я женился; это произошло опять-таки на югѣ Россіи, нравственныя связи съ которымъ у меня установились уже съ дѣтства, начиная съ „Волчьяго".

За что же полюбилось мнѣ настолько Волчье, гдѣ я впервые сознательно прислушивался къ малорусскому говору, не пониманіе котораго, но чувство къ которому устояло даже противъ цѣлаго дѣсятилѣтія петербургской безпочвенной и безличной жизни 1850-хъ годовъ? Да мудрено-ли ребенку полюбить село? Л лѣсъ, а степь, а лугъ, а рѣка? Всего этого было въ волю въ Волчьемъ и всѣмъ этимъ не мѣшали намъ наслаждаться; несчастны тѣ люди, которымъ все это ничего не говоритъ, а дѣти такія, которыя не любятъ природы, на свѣтъ не рождаются; такихъ уродовъ создаетъ только воспитаніе. Чего только намъ не доставляли наши руководители въ Волчьемъ: уженье рыбы, нами прозванную „охоту на ящерицъ", купанье, верховую ѣзду, обработку собственныхъ грядокъ на огородѣ; а шутка-ли свои собственные ручные кролики, своя перепелка? Или забуду я, когда нибудь, какъ бывало вся семья, въ концѣ святой недѣли, выѣзжала въ имѣніе тетушки, Погромецъ, и какъ тамъ встрѣчалась нами Пасха, приносившая каждому изъ насъ не только по пятидесяти яицъ для катанья ихъ, но и безотчетно-сладостныя впечатлѣнія свѣтлой заутрени? А какое событіе въ деревнѣ весеннее разлитіе, которое въ городскомъ жителѣ часто не вызываетъ иныхъ чувствъ и соображеній, кромѣ того, нужны-ли ему теперь дождевой зонтикъ и галоши; сколько весеннихъ прогулокъ совершено нами въ Волчьемъ, подъ руководствомъ швейцарца-наставника, умѣвшаго быть ребенкомъ съ дѣтьми, строившаго съ нами мельницы на ручьяхъ и не упускавшаго случая, не надоѣдая, сообщать намъ полезныя знанія. Въ лѣтнюю пору, продолжающуюся на нашемъ югѣ мѣсяцевъ семь, мы сидѣли за книгою не болѣе четырехъ часовъ въ день, а все остальное время были заняты на дворѣ, въ саду, въ лѣсу, на лугу, въ полѣ; такая обстановка развивала духовно и физически; она же создавала и характеръ, развивала самодѣятельность и самостоятельность. Какъ бы въ подтвержденіе того, насколько свобода воспитываетъ ребенка, со

мною случилась въ Погромцѣ бѣда, именно тогда, когда меня, семилѣтняго ребенка, отправили гулять съ нянькою; няню укусила собака, а въ селахъ обыкновенно всякую собаку, позволяющую себѣ броситься на человѣка, выдаютъ за бѣшенную. Вотъ и переполошился весь домъ: тетушка въ отчаяніи и посылаетъ за крестьяниномъ, который славится умѣньемъ своимъ „заговаривать“ отъ укушенія бѣшенною собакою; помню, что вводятъ старика въ комнату, въ которую чрезъ нѣсколько минутъ впускаютъ и меня; тамъ, по приглашенію знахаря, я кладу земные поклоны и изъ рукъ его пью какую-то мерзость бураго цвѣта..... Въ этомъ происшествіи удивляетъ меня не то, что и няня, и всѣ дѣти остались здоровыми, но то, что я не сталъ бояться собакъ; можетъ быть впрочемъ и то, что эта сцена чародѣйства въ едва, однимъ восковымъ огарочкомъ, освѣщенной комнатѣ, произвела на меня такое впечатлѣніе, что я лѣтъ до 12-ти боялся темной комнаты, хотя и скрывалъ это, и засыпалъ не иначе, какъ предварительно оградивъ свою постель отъ діавольскихъ навожденій крестнымъ знаменіемъ въ четырехъ направленіяхъ.

Необычайно цѣпки, прочны впечатлѣнія дѣтства; гораздо упорнѣе, нежели объ этомъ обыкновенно думаютъ взрослые. Такъ, я припоминаю еще и другое происшествіе въ Погромцѣ, въ которомъ играетъ роль также крестьянинъ, но роль совершенно иного рода. На Пасху, неожиданно для меня, объявляютъ мнѣ, что пришелъ провѣдать меня изъ деревни покойной матушки, деревни Нескучной, которою владѣлъ отецъ, состоя на службѣ въ Москвѣ и другихъ городахъ, „атаманъ“; такъ называютъ у насъ и по настоящее время полевыхъ прикащиковъ. Выхожу, предо мною стоитъ рыжеватый малороссъ казацкой наружности, по фамиліи „Морозъ“; мы здороваемся, онъ беретъ меня на руки, цѣлуетъ меня и даритъ мнѣ краснаго изюму, котораго принесъ мнѣ въ видѣ гостинца; пришелъ же онъ изъ Екатеринославской губерніи пѣшкомъ въ Воронежскую на свиданіе съ родными, такъ какъ всѣ крестьяне деревни Нескучной были выведены предками моими изъ Погромца. Это свиданіе тронуло меня до глубины души и произвело на меня глубокое впечатлѣніе; помню, что тогда же, семи лѣтъ отъ роду, подъ вліяніемъ примѣра отца, я сказалъ себѣ: „эхъ, вотъ, какъ выросту я, тогда-то заживутъ крестьяне деревни Нескучной“. Я могъ бы, не довѣряя самому

себѣ, не довѣрять и этимъ воспоминаніямъ, предполагая, что мечта о служеніи интересамъ массы появилась во мнѣ гораздо позже, подъ вліяніемъ разсудочныхъ процессовъ; но я вынужденъ признать, что примѣръ отца уже крайне рано пробудилъ во мнѣ это стремленіе въ видѣ смутно сознаваемаго чувства, такъ какъ я беру фактъ о свиданіи моемъ съ Морозомъ изъ своей автобіографіи, написанной мною 26 лѣтъ тому назадъ, когда цѣлою четвертью вѣка я стоялъ ближе къ описываемому событію. Видно, и въ самомъ дѣлѣ искренно отнеслись мы, Морозъ и я, другъ къ другу, когда и двадцать лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, нескученцы всей „громадой“ (т. е. всѣмъ обществомъ) приносили мнѣ хлѣбъ, въ видѣ поздравленія, ежегодно, въ день именинъ моихъ, на Пасху и на Рождество.

Но если отношеніе покойнаго отца къ народу не переставало служить мнѣ назидательнымъ примѣромъ въ Волчьемъ и Погромцѣ, то это несомнѣнно доказываетъ, что среда, въ которую я попалъ, не шла въ разрѣзъ съ воспринятыми мною зародышами общественныхъ стремленій. Въ общемъ такъ дѣло и было: я видѣлъ предъ собою помѣщиковъ, которые хорошо относились къ крестьянамъ, хотя и далеко не такъ, какъ отецъ; помню я, напримѣръ, какъ дѣвочку двѣнадцати лѣтъ посылали за 25 верстъ пѣшкомъ купить нитокъ на гривенникъ; помню я, какъ запьянствовавшаго крестьянина насильно поили водкой до рвоты; помню я, какъ одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ обругалъ вновь прибывшаго діакона за его первое служеніе, за то, что онъ „тянетъ козломъ“ и отправилъ его въ другое имѣнье, въ которомъ былъ опытный діаконъ, на четыре мѣсяца, для того, что бы онъ научился „вытягивать по-діаконски“. Помнятся мнѣ и другія проявленія дикаго произвола; но, по счастію, Градовскіе и тетушка были настолько добрыми помѣщиками, что обращеніе ихъ съ крестьянами не нарушало моихъ семейныхъ традицій.

Въ томъ же направленіи долженъ былъ вліять на насъ, дѣтей, и швейцарецъ Бешра, фамилію котораго я запомнилъ потому, что онъ поразилъ меня, задавъ намъ шараду на свою фамилію, для чего онъ нарисовалъ лопату (bêche) и крысу (rat). Бешра мнѣ всегда казался очень способнымъ, а за эту находчивость я счелъ его геніальнымъ.

Хотя дѣти далеко не всегда справедливо оцѣниваютъ своихъ наставниковъ, но на этотъ разъ, мнѣ кажется, что оба класса семейной школы Градовскихъ, т. е. младшее отдѣленіе, состоявшее изъ двоюродной сестры моей и меня, имѣвшее дѣло и съ гувернанткою, и старшее отдѣленіе были правы, имѣя самое лестное мнѣніе о Бешра. Этотъ добрый, умный, живой, разносторонне свѣдущій швейцарецъ не только преподавалъ намъ свой родной французскій языкъ, но былъ воодушевленнымъ товарищемъ всѣхъ нашихъ игръ и надворныхъ занятій. Въ совершенно иныхъ отношеніяхъ состояли мы ко всѣмъ остальнымъ учителямъ: нѣмецъ Пфейферъ, сухопарый и сухой, преподавалъ намъ нѣмецкій языкъ и музыку и былъ, быть можетъ, весьма полезною для насъ машиною, но не болѣе; танцмейстера изъ поляковъ я ненавидѣлъ, какъ и всѣхъ преемниковъ его, въ какомъ бы заведеніи они меня ни обучали впослѣдствіи, такъ какъ всю жизнь свою терпѣть не могъ танцевъ. Очень добрымъ и симпатичнымъ малымъ считали мы русскаго учителя своего, который преподавалъ и науки; но въ памяти осталось гораздо болѣе то, что этотъ отставной казацкій офицеръ былъ замѣчательнымъ наѣзднікомъ, нежели то, какъ и чему онъ меня обучалъ; не изгладилось изъ памяти и то, что Градовскому, который вѣроятно имѣлъ основанія дорожить этимъ учителемъ, приходилось ужасно возиться съ нимъ изъ-за того, что казакъ нашъ запивалъ отъ времени до времени и въ такихъ случаяхъ не имѣлъ возможности, вышедши изъ дома, находившагося у подошвы горы, взобраться на гору, на которой стоялъ новый домъ въ Волчьемъ, одноэтажный, очень удобный сельскій домъ. Не съ этой ли поры, когда я свыкся съ удобствами отсутствія лѣстницъ въ домѣ, я сталъ питать и до сихъ поръ питаю состраданіе къ городскимъ жителямъ, которые вынуждены взбираться по лѣстницѣ, когда бы они ни вышли изъ дому?... Кормили насъ въ Волчьемъ, какъ въ „житницѣ Россіи“ и подобаетъ, на славу, и долго, долго вспоминалъ я на сѣверѣ кукурузу (пшеничку, подсолнечники, маисъ), тыквенную кашу, варенники, варенецъ, арбузы, да не безвкусные и безсочные, а такіе, которые, бывало, ѣдали не иначе, какъ ложками. По этимъ воспоминаніямъ, сливавшимся съ впечатлѣніями отъ роскошной благодати сельской природы, съ воспоминаніемъ о томъ,

напримѣръ, что на югѣ случалось видѣть табуны въ 500 лошадей, весь Петербургъ, со всѣми дворцами его, казался мнѣ какимъ-то жалкимъ пигмеемъ по сравненію съ величавостію и ширью юга, куда меня тянуло всѣ десять лѣтъ, прожитыя мною въ Петербургѣ. Сознаюсь, кстати, что тосковалъ я заукраинскими степями не только въ Петербургѣ, отталкивающемъ и однообразіемъ природы, и климатомъ, и еще кое-чѣмъ, но и изъ Женевы, гдѣ, стоя на берегу живописнѣйшаго озера, не могъ я не признавать того, что куда же равняться съ такою красавицею моей унылой и часто неприглядной южно-русской степи, но родная мнѣ эта послѣдняя и не промѣняю ее ни на лазуревую воду Роны, ни на позолоченныя заходящимъ солнцемъ снѣжныя вершины. Основы для этого чувства, опредѣлившаго всю мою жизнь, были несомнѣнно заложены въ Волчьемъ, а такъ какъ дѣти стремятся все, по возможности, олицетворить, и выносятъ самыя сильныя впечатлѣнія отъ людей, то изъ того тенлаго чувства, которое сохранилось у меня къ Погромцу, съ мѣловыми горами и водяною крупчаткою, и къ Волчьему съ его садомъ, лугомъ и лѣсомъ, нрямо слѣдуетъ, что не ошибся отецъ, ввѣряя меня попеченію тетки, которая была мнѣ особенно дорога, какъ сестра моей матери, извѣстной мнѣ только по разсказамъ другихъ и нѣкоторымъ образомъ воплощавшаяся для меня въ образѣ тетушки.

Весною 1842 года гуляли мы, ребятишки, по обыкновенію, какъ неожиданно подкатилъ къ крыльцу тарантасъ, изъ котораго выглянулъ мужчина высокаго роста; я узналъ въ немъ батюшку и, опрометью бросившись къ нему, зарыдалъ у него на шеѣ, крѣпко обвивъ ее своими ручонками; я въ первый разъ въ жизни плакалъ отъ радости. Чрезъ нѣсколько дней утромъ тотъ-же тарантасъ подвезли къ крыльцу, но на дворѣ собиралась прислуга, изъ которой многіе суетились около экипажа: кто тащилъ корзину съ дорожною провизіею, а кто чемоданы, въ которые были уложены и мои вещи. Помню, положительно помню, что пріостановился во дворѣ и водовозъ, на волахъ ежедневно таскавшій бочку, протяжно напѣвая свое: „цобъ, цобе“. Не скоро послѣ этой минуты пришлось мнѣ увидѣть работу на волахъ и хохла, ими управляющаго, и какъ забилось мое сердце, когда я вновь встрѣтился съ этой картиной въ Харьковѣ, тринадцать лѣтъ послѣ выѣзда

отъ тетушки и Градовскихъ. Но вотъ всѣ дѣти, всѣ наши патріархи и наставники собрались въ гостинную, сѣли, и послѣ нѣсколькихъ минутъ благоговѣйнаго молчанія, стали осыпать меня поцѣлуями; даже добрый Бешра прослезился. Тяжело было мнѣ покидать друзей, тетку, Градовскихъ; жаль было мнѣ и кроликовъ моихъ, а въ особенности гнѣдаго, неотвязчиво слѣдовавшаго за мною, и перепелку; но я ѣхалъ съ отцомъ и къ отцу, а потому недолго плакалъ, отъѣхавъ отъ крыльца.

Куда же бросала меня судьба теперь? Мы съ отцомъ ѣхали въ Новгородъ, гдѣ, какъ я уже говорилъ, отецъ былъ управляющимъ палаты государственныхъ имуществъ. Къ тому, что уже извѣстно читателю о моей жизни въ Новѣгородѣ, продолжавшейся всего годъ, я могу добавить теперь лишь немногое. Пріѣхавъ въ Новгородъ, я былъ потрясенъ и пораженъ тѣмъ, что не засталъ своей няни, Е. И. Альберти, которая приняла меня отъ матери грудным младенцемъ, выхолила меня до шестилѣтняго возраста и благословила въ путь, на югъ Россіи, сознавая, что мнѣ жить дома не приходится. Какъ я ни былъ малъ, а помню это добрѣйшее созданіе, эту теплую христіанку, которая отчасти обратилась въ идолопоклонство, избравъ своимъ идоломъ меня; помню я однако такъ мало объ этой уроженкѣ города Риги, которая съ воодушевленіемъ обучала меня русскимъ пѣснямъ и нѣмецкому языку, что будь я постарше на рукахъ этого друга, то долженъ былъ бы признать за собою самую черную неблагодарность. Радуюсь тому, что хоть то осталось въ памяти, что Елена Ивановна первая пробудила во мнѣ религіозное чувство не затверживаніемъ непонятнаго ребенку текста молитвъ, но примѣромъ истинно христіанской жизни и прочувствованнымъ и сознательнымъ отношеніемъ своимъ ко Христу, о которомъ у насъ, съ Еленой Ивановной, бывали бесѣды.

Но не странно-ли? Описывая возвращеніе подъ отчій кровъ, въ Новгородъ, я упоминаю о той, которой не засталъ, и не говорю о людяхъ, которые меня встрѣтили?... Сестеръ своихъ единокровныхъ, дочерей отца отъ втораго брака, я почти не зналъ, а затѣмъ, кромѣ отца, для моего сердца не существовало болѣе человѣка въ семьѣ. Впрочемъ вскорѣ появилось въ семьѣ лицо, къ которому я привязался, хотя оно, на сколько я могу судить объ этомъ теперь, не стоило

моего чувства: я разумѣю нѣмецкаго гувернера, съ которымъ меня поселили во флигелѣ, стоявшемъ во дворѣ главнаго дома, гдѣ мы проводили рекреаціонные часы. Гувернеръ мой частенько надувалъ отца, такъ какъ вмѣсто того, чтобы обучать меня, тайкомъ отъ отца водилъ меня къ булочнику, съ которымъ свелъ дружбу. Впрочемъ, онъ принесъ мнѣ ту пользу, что я, научившись говорить по-нѣмецки уже отъ няни, теперь настолько уже окрѣпъ въ нѣмецкомъ языкѣ, что не только свободно болталъ, но и прочелъ съ упоеніемъ, девяти лѣтъ отъ роду, въ Новѣгородѣ, Робинзона Крузоэ, на нѣмецкомъ языкѣ, а знаніе этого языка, какъ увидятъ читатели, мнѣ очень скоро пригодилось. Жаль мнѣ себя, какъ вспомню я о томъ, сколько я видѣлъ лицемѣрія въ Новгородскихъ женскихъ и мужскихъ монастыряхъ, представителей которыхъ я часто видѣлъ въ домѣ отца и у нихъ дома, когда они не считали нужнымъ стѣсняться присутствіемъ ребенка; но спасибо гувернеру за то, что, идя къ булочнику и возвращаясь отъ него, онъ останавливалъ мое вниманіе на древностяхъ новгородскихъ и заинтересовалъ меня Новгородомъ гораздо больше, чѣмъ послѣдующіе курсы исторіи, представлявшіе его какою-то пестрою овцою въ стадѣ, за то и подлежавшею истребленію, что она была своеобразною и потому будто бы нарушала единство Россіи, вылившееся, какъ извѣстно, изъ Москвы. Едва ли не жизни въ Новѣгородѣ я обязанъ тѣмъ, что немедленно послѣ выпуска изъ лицея, о чемъ я уже упоминалъ, мнѣ захотѣлось поклониться древностямъ новгородскимъ. Не долго пришлось мнѣ прожить въ Новѣгородѣ: отецъ вѣроятно рѣшилъ, что нѣтъ возможности мнѣ оставаться дома и меня повезли въ городъ Верро, въ Лифляндію, въ очень извѣстное въ то время учебное заведеніе Крюммера; вотъ тутъ-то и пригодился мнѣ нѣмецкій языкъ, такъ какъ здѣсь всѣ предметы преподавались на нѣмецкомъ языкѣ.

III.

Въ пансіонѣ Крюммера, въ которомъ, помнится, было въ мое время болѣе ста воспитанниковъ, начиная съ отдѣленія для малютокъ, въ которое меня помѣстили, и до старшаго класса, „студентовъ“, какъ мы ихъ называли, которые отъ Крюммера пере-

ходили непосредственно въ Дерптскій университетъ, провелъ я 1844-ый годъ и часть 1845-го года, прибывъ къ Крюммеру на десятомъ году жизни. Не могу умолчать объ этомъ времени, стараясь выслѣдить въ своемъ прошломъ воспитавшія меня силы, такъ какъ здѣсь вѣроятно повліяли на меня какъ обученіе, такъ и вся обстановка. Самъ Крюммеръ, старикъ самой привлекательной, по добродушію, наружности, представляется мнѣ теперь, на разстояніи тридцати семи лѣтъ, едва ли не лучшимъ педагогомъ изъ всѣхъ, съ которыми судьба сводила меня въ дѣтствѣ: и вообразить себѣ трудно, какъ удержать семейное начало въ учебномъ заведеніи, настолько многочисленномъ! Но это фактъ: я чувствовалъ себя въ семьѣ. Не мудрено, что я сознавалъ себя въ семьѣ внѣ учебныхъ часовъ, такъ какъ я, въ числѣ немногихъ, не спалъ, по малолѣтству, въ общихъ дортуарахъ заведенія, помѣщавшагося въ огромномъ домѣ, напоминавшемъ своими башнями, обширнымъ манежемъ и вѣковыми деревьями, съ одной стороны его окаймлявшими, средневѣковой замокъ, но жилъ во флигелѣ, ввѣренный женскому попеченію, но я чувствовалъ себя дома, подъ вліяніемъ близкихъ мнѣ людей, и въ классной комнатѣ главнаго корпуса, и въ обширнѣйшей залѣ его за обѣдомъ, и тамъ-же во время воскресной молитвы, совершавшейся самимъ директоромъ, при полномъ сборѣ воспитанниковъ, подъ звуки органа; мѣхи послѣдняго я нерѣдко приводилъ въ движеніе, такъ какъ силъ моихъ какъ-разъ доставало на то, чтобы вскарабкаться на рычаги мѣховъ и тяжестью своего тѣла довести ихъ до полу.

Какой-то теплый, семейный характеръ имѣли и акты въ той же залѣ, на которыхъ мнѣ пришлось играть роль, такъ какъ меня назначили декламировать публично стихотвореніе на нѣмецкомъ языкѣ; взбираясь на каѳедру я упалъ и разревѣлся; но подошелъ ко мнѣ Крюммеръ, вытеръ мнѣ глаза своимъ платкомъ, поцѣловалъ меня и я опять почувствовалъ себя дома и даже стяжалъ аплодисменты отъ товарищей, наполнявшихъ залу. Въ этомъ учебномъ заведеніи былъ прекрасный подборъ преподавателей, а „профессорами“ нашихъ „студентовъ“ старшаго класса, изъ которыхъ каждый студентъ пользовался отдѣльною комнатою, мы гордились, какъ учеными; такими же глазами смотрѣли мы на директора и инспектора. Преподаватели младшихъ классовъ относились къ

намъ, какъ къ дѣтямъ, не опасаясь оскорбить насъ словомъ „ты“ и не прибѣгая къ побоямъ, употребительнымъ въ нѣмецкихъ школахъ; какимъ гомерическимъ хохотомъ разразились бы мы, если бы учитель кого-нибудь изъ насъ, малюковъ, назвалъ „господинъ такой-то“; это показалось бы намъ настолько же забавнымъ, какъ если бы старшій братъ назвалъ младшаго „господиномъ“.

Въ заведеніи Крюммера были заложены первыя основы моего политическаго или гражданскаго развитія, если можно такъ выразиться: я жилъ въ семьѣ, но въ то же время знакомился съ тѣмъ, что существуетъ общество, существуютъ права и обязанности, что существуютъ всѣми уважаемые обычаи, что общество въ правѣ относиться къ отдѣльному лицу съ извѣстными требованіями, но и наоборотъ. Все это я познавалъ въ микроскопическомъ мірѣ товарищей, который имѣлъ однако свою организацію, сходную съ буршеншафтами германскихъ университетовъ. Не только фискальство, но и неуваженіе къ женщинѣ, угнетеніе слабаго, обманъ, измѣна данному слову безпощадно карались судомъ товарищей, который вполнѣ признавался и начальствомъ. Директоръ и инспекторъ, равно какъ и всѣ учителя, воспитывали въ насъ чувство отвѣтственности довѣріемъ къ намъ и предоставленіемъ намъ возможно полной свободы, а не попеченіями съискной полиціи. Какое наслажденіе, бывало, отправиться зимою, на конькахъ, съ разноцвѣтными фонарями въ рукахъ, на ту сторону, примыкавшаго къ нашему саду, озера, — пестрою толпою болѣе ста воспитанниковъ, при участіи всѣхъ учителей и дирекціи, летѣли мы на конькахъ въ ближайшую корчму, на противуположномъ берегу озера; жену и дочерей директора усадятъ на кресла съ полозьями, бывало, лучшіе изъ нашихъ конькобѣжцевъ, но присутствія ихъ въ корчмѣ достаточно для того, чтобъ никто и изъ „студентовъ“ нашихъ не подкутилъ, а если бы это и случилось нечаянно, то самъ же Крюммеръ и спрячетъ согрѣшившаго поскорѣе отъ срама.

А вотъ затѣвается въ лѣтнюю пору гимнастическій праздникъ въ огромномъ манежѣ нашего учебнаго заведенія; „наши дамы“ опять здѣсь, всякаго изъ насъ знаютъ по имени, всякій изъ насъ старается чѣмъ-нибудь имъ услужить. Начинается точно турниръ: часть воспитанниковъ располагается играть въ кегли, соперничая

другъ съ другомъ въ искусствѣ; другая отличается на гигантскихъ шагахъ, а тамъ всѣ орудія гимнастики заняты лучшими гимнастами и только весьма немногіе изъ воспитанниковъ и учителей образуютъ публику. Всѣ эти упражненія и игры происходятъ при самомъ строгомъ соблюденіи правилъ, опять-таки подъ угрозою суда товарищей, могущаго подвергнуть виновнаго даже остракизму, признаваемому и начальствомъ. Смѣемся мы, бывало, идя веселою, но вполнѣ приличною, гурьбою по улицѣ, при встрѣчѣ съ женскимъ пансіономъ города Верро, который ведутъ мимо насъ по-парно и который мы за это прозывали не иначе, какъ „die Gänse“ (гуси); прозваніе это, знаменуя нашу вражду ко всякой формалистикѣ, настолько установилось, что долгое время я думалъ, что „Gänse“ фамилія содержательницы пансіона. Въ нѣмецкомъ языкѣ я здѣсь настолько окрѣпъ, что онъ сталъ какъ-бы вторымъ роднымъ языкомъ моимъ; я говорю вторымъ, такъ какъ не успѣлъ въ Верро разучиться русскому языку.

IV.

То, что при переѣздѣ отъ Крюммера въ Петербургъ я не затруднялся въ русскомъ языкѣ, объясняется, полагаю, не тѣмъ, что и въ Верро я пользовался уроками русскаго языка, но преимущественно тѣмъ, что оставался здѣсь не болѣе полутора лѣтъ, такъ какъ вся обстановка здѣсь была какъ нельзя болѣе неблагопріятна для русскаго начала. Насъ было у Крюммера не болѣе десяти православныхъ воспитанниковъ на сто и болѣе учащихся и мы не только съ товарищами и учителями, но и между собою всегда говорили по-нѣмецки, такъ какъ не слышали вокругъ себя другого языка; ничего похожаго на гнетъ или насмѣшки мы не испытывали; не только начальство, но и товарищи, совершенно разумно и съ уваженіемъ относились къ тому что, по распоряженію директора, мы на одну недѣлю въ году выдѣлялись изъ состава заведенія для того, чтобы говѣть и пріобщиться въ убогой православной церкви, дьячекъ которой врѣзался мнѣ въ память тѣмъ, что во время служенія ѣлъ на клиросѣ печеный картофель и дѣлился имъ съ нами, и священникъ, который изъ памяти ис-

чезъ совершенно безслѣдно, несомнѣнно потому, что не производилъ на насъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, не смотря на то, что самою внѣшностію своею рѣзко выдѣлялся изъ окружающей среды, ничѣмъ не напоминавшей мнѣ ни Москвы, ни Воронежской губерніи, ни Новгорода, не исключая и архитектуры домовъ и городскаго благоустройства Верро, стоявшаго гораздо ближе къ германскому, чѣмъ къ русскому. До такой степени новы были для меня и люди, и мѣстность, и нравы, что, подавляемый массою разнороднѣйшихъ впечатлѣній и вѣроятно всасывая въ себя, незамѣтнымъ для себя самого образомъ, нѣмецкій элементъ, я здѣсь не тосковалъ за любимымъ югомъ Россіи. Положительно помню, что меня не тянуло даже въ деревню Волчье и могу объяснить себѣ это преимущественно тѣмъ, что этотъ счастливый уголокъ, по сравненію съ Москвою и Новгородомъ, былъ мнѣ дорогъ, какъ мѣсто, гдѣ мнѣ жилось привольно и свободно; такимъ же просторомъ и такою же свободою, если не большею, пользовался я и въ ничтожномъ городкѣ Верро, гдѣ матеріальныя условія чрезвычайно близко подходили къ селу и только закрѣпляли во мнѣ симпатіи мои къ сельской жизни, а нравственныя, благодаря Крюммеру, были никакъ не менѣе благопріятны, въ смыслѣ отсутствія гнета и излишнихъ стѣсненій, чѣмъ въ сельской школѣ Градовскихъ и въ домѣ тетушки Татьяны Тимоѳеевны Корфъ, представляя столь же отрадный для меня контрастъ по сравненію съ Москвою и Новгородомъ. Но при всемъ томъ, если бы пребываніе мое въ Верро продолжилось дольше, то я, по всей вѣроятности, вполнѣ бы онѣмечился, такъ какъ въ дѣтствѣ человѣкъ крайне скоро подчиняется окружающей обстановкѣ. По счастію меня перевели (не знаю по чьей иниціативѣ, такъ какъ отецъ въ это время былъ уже тяжело боленъ) въ Петербургъ, гдѣ я попалъ въ руки русскаго человѣка, усвоившаго себѣ однако все достойное уваженія изъ нѣмецкаго характера.

Таковъ былъ Александръ Яковлевичъ Филипповъ, пансіонъ котораго, существующій, послѣ тридцати семи лѣтъ, по настоящее время подъ управленіемъ людей изъ той-же семьи, въ мое время пользовался вполнѣ заслуженною славою, хотя и крайне своеобразною. Между тѣмъ какъ пансіонъ Ф. В. Гроздова, того самаго, который позже убѣждалъ петербургскую городскую думу

отнюдь не измѣнять нищенскаго содержанія народныхъ учителей, бралъ по триста и болѣе рублей въ мѣсяцъ за ручательство предъ родителями въ томъ, что юноша непремѣнно будетъ „приготовленъ“ къ извѣстному сроку въ извѣстное учебное заведеніе; между тѣмъ какъ, кромѣ пансіона Гроздова, огромное большинство частныхъ учебныхъ заведеній того времени существовали только съ цѣлію наживы для дрессировки дѣтей, которыхъ они и „приготовляли“ по какой угодно программѣ, Александръ Яковлевичъ Филипповъ и наиболѣе высокопоставленнымъ особамъ, къ нему обращавшимся, отвѣчалъ, бывало, что „приготовляютъ только котлеты, а людей воспитываютъ и обучаютъ“, и никогда не бралъ на себя ручательства за то, что его воспитанникъ поступитъ въ заведеніе, ему указываемое; поступали же наши молодцы ежегодно изъ лучшихъ повсюду. Никогда и ни съ кого не бралъ почтенный директоръ нашъ за весь годъ болѣе того, что другіе иногда получали за одинъ мѣсяцъ, т. е. болѣе трехъ сотъ рублей; ничѣмъ не могли убѣдить его въ томъ, чтобы увеличить комплектъ воспитанниковъ, которыхъ онъ допускалъ не болѣе тридцати, утверждая, что съ бо́льшимъ числомъ онъ не въ силахъ справиться добросовѣстно. Буквально день и ночь проводилъ Филипповъ съ нами, доставляя себѣ отдыхъ для прогулки безъ насъ только часа на два по вечерамъ, которыми онъ пользовался для совѣщанія съ родителями. Кто изъ насъ лучше всѣхъ игралъ въ мячъ? Александръ Яковлевичъ. Кто лучше всѣхъ насъ игралъ въ „ба́рры“ и „пятнашку“ (въ той и другой игрѣ дѣти бѣгаютъ)? Онъ-же. Кто лучше всѣхъ читалъ вслухъ? Опять онъ-же,—и облѣпимъ мы, его бывало; сядемъ ему чуть не на плечи и слушаемъ его чтеніе съ замираньемъ сердца, заканчивая этимъ день. А начинался нашъ день опять со чтенія Александра Яковлевича, который ежедневно прочитывалъ намъ, предъ началомъ учебныхъ занятій, отрывки изъ евангелія; съ этихъ поръ и навсегда евангеліе стало для меня великою книгою, доставившею мнѣ слишкомъ много сладкихъ минутъ, при посредствѣ Филиппова, для того, чтобы мертвый догматизмъ и бездушный формализмъ всего послѣдующаго обученія Закону Божію могъ заглушить во мнѣ сердечное отношеніе къ ученію Іисуса. Но когда нашего директора, его жены, тетки, дочери и сыновей не было съ нами?...

Даже въ день именинъ Александра Яковлевича его гости, не только семья, обѣдали съ нами, такъ какъ директоръ не подаетъ, бывало, своимъ гостямъ того, чего бюджетъ не дозволяетъ предложить всему пансіону. Еще въ одной мелочи, кромѣ неспособности „приготовлять“ дѣтей, расходился Филипповъ съ большинствомъ родителей: онъ былъ приверженцемъ гимнастики, которую контролировалъ въ его заведеніи очень извѣстный въ свое время шведъ Дюронъ, къ числу учениковъ котораго принадлежитъ и І. И. Паульсонъ, но онъ ненавидѣлъ танцы и ничьи убѣжденія не могли склонить его допустить обученіе танцамъ въ своемъ учебномъ заведеніи; какъ припомнятъ, быть можетъ, читатели, это было мнѣ какъ нельзя болѣе на руку. Но у меня нерасположеніе къ танцамъ объяснялось вѣроятно моею собственною неуклюжестію, такъ какъ дѣтямъ обыкновенно нравятся только тѣ изъ упражненій, въ которыхъ они хорошо успѣваютъ; но у Александра Яковлевича недопущеніе танцевъ было дѣломъ принципа и совпадало съ его приверженностію къ ученію моравскихъ братій, или гернгутеровъ, въ молитвенной залѣ которыхъ онъ, оставаясь православнымъ, всякое воскресенье слушалъ проповѣдь очень извѣстнаго въ то время оратора, протестантскаго пастора Нильсена; нѣмецкимъ языкомъ Филипповъ владѣлъ какъ русскимъ, былъ женатъ на нѣмкѣ, которую мы всѣ считали святою, и въ семьѣ своей говорилъ не иначе, какъ по-нѣмецки, заставляя себя говорить съ нами день по-нѣмецки, день по-французски и день по-русски. Я увѣренъ въ томъ, что родственники покойнаго Александра Яковлевича, еще въ мое время сошедшаго въ могилу, простятъ мнѣ то, что я позволяю себѣ, по прошествіи тридцати четырехъ лѣтъ, раскрыть тайну души этого истиннаго педагога, указывая на то, что по убѣжденію онъ былъ гернгутеромъ, т. е. принадлежалъ къ высшей степени нравственной общинѣ, стремящейся осуществить культъ и образъ жизни первоначальныхъ христіанскихъ общинъ; я позволяю себѣ поднять завѣсу надъ этой тайной для того, чтобы показать, что уже сорокъ лѣтъ тому назадъ существовало у насъ раціоналистическое религіозное движеніе въ такой сферѣ, въ которой его вѣроятно никто не предполагалъ и потому, что религіозныя убѣжденія истинно благочестиваго директора нашего не могли не отражаться на нашемъ

воспитаніи. Извѣстно, что гернгутеры стремятся къ возможно большему осуществленію равенства на землѣ, но не разрушеніемъ и цѣною крови, но проповѣдью любви; легко представить себѣ послѣ этого, какъ училъ насъ Александръ Яковлевичъ относиться къ прислугѣ, считавшейся у него членомъ его семьи, и къ меньшей братіи вообще. По счастію, эти благородныя стремленія директора, въ разрѣзъ съ направленіемъ большинства родителей того времени, заронить въ насъ потребность служить массѣ, встрѣтили во мнѣ, въ десятилѣтнемъ возрастѣ моемъ, почву, подготовленную, какъ припомнятъ читатели, еще покойнымъ отцемъ и съ тѣхъ поръ еще не засоренную пребываніемъ въ Волчьемъ и въ Верро, гдѣ остзейское баронство мнѣ осталось неизвѣстнымъ и гдѣ я почерпнулъ лишь духъ германскаго студенчества, какъ извѣстно, демократическій по преимуществу. Рѣшившись затронуть религіозныя убѣжденія своего воспитателя, я спѣшу добавить, что независимо отъ его евангельскихъ чтеній, мы пользовались у него уроками законоучителя, хорошаго, если не въ томъ отношеніи, чтобы онъ умѣлъ поселять въ насъ любовь къ ученію Христа, то въ томъ, что относился къ намъ съ любовью, не требовалъ долбни и увлекалъ своимъ разсказомъ, въ которомъ избѣгалъ того, что превосходитъ дѣтскія силы. Отношенія наши къ директору пансіона были настолько идеальными, что и разсказъ о нихъ иному покажется сентиментальностію, но не тѣмъ, я надѣюсь, которые понимаютъ насколько важенъ нравственный авторитетъ наставниковъ: всякій вечеръ, отходя ко сну, каждый изъ тридцати воспитанниковъ подходилъ къ Александру Яковлевичу, становившемуся для этого, послѣ молитвы, посреди залы, для того, чтобы пожать ему руку; тяжелымъ наказаніемъ считалось, при этомъ, то, если Александръ Яковлевичъ кому нибудь изъ воспитанниковъ молча кланялся, не подавая ему руки.

Полагаю, что и сказаннаго уже достаточно для того, чтобы читатель согласился со мною въ томъ, что въ лицѣ А. Я. Филиппова я имѣлъ предъ собою педагога, любителя и артиста своего дѣла, неусыпно работавшаго по призванію. Всякому станетъ понятнымъ послѣ этого, если только предположить удачный подборъ учителей, что воспитанники Филиппова отлично успѣвали; научившись работать уже у Крюммера, я сталъ отлично

учиться у Филиппова и поступилъ изъ лучшихъ, при очень сильной конкурренціи, въ 1848 году, изъ пансіона Филиппова въ лицей, не смотря на то, что еще за нѣсколько мѣсяцевъ до экзамена почтенный Александръ Яковлевичъ заявлялъ высоко-іерархически поставленному уже въ то время дядѣ моему, барону, впослѣдствіи графу, Модесту Андреевичу Корфу, что онъ, „не ручается за то, что приготовитъ“ меня. Но, стараясь дать себѣ отчетъ въ томъ, какое воспитательное вліяніе имѣлъ на меня Филиппов, я долженъ остановить вниманіе читателя на обстоятельствѣ, менѣе обыкновенномъ, чѣмъ хорошіе успѣхи, какъ результатъ дѣятельности хорошаго педагога: я долженъ указать на то, что въ пансіонѣ Филиппова, подъ вліяніемъ уваженія и привязанности къ директору, и того увлеченія и умѣнья, съ которыми онъ преподавалъ и воспитывалъ, я впервые полюбилъ школьное и учительское дѣло и сталъ считать педагогическую профессію самою благородною и важною изъ всѣхъ существующихъ. Еще въ бытность въ этомъ пансіонѣ, одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ отъ роду, я искалъ случая удовлетворить зародившемуся во мнѣ, благодаря таланту и увлеченію Филиппова, вкусу къ преподаванію; бывало и хлѣбомъ меня не корми, а дозволь только товарищъ объяснить ему что нибудь изъ преподаннаго за урокомъ; тутъ сейчасъ разъиграется, бывало, самодѣятельность и станешь своими способами выяснять товарищу то, что толковалъ учитель, а затѣмъ, предлагаешь ему вопросы о пройденномъ и мечтаешь: „эхъ, вотъ, когда бы мнѣ цѣлый классъ достался, такъ такъ бы!“ Мои первые опыты преподаванія, вѣроятно, удались, такъ какъ вскорѣ стала собираться вокругъ меня цѣлая кучка учениковъ для того, чтобы подъ моимъ руководствомъ, доставлявшимъ мнѣ же огромное наслажденіе, готовить уроки; дожилъ я даже до такого блаженства, что директоръ, который и самъ, быть можетъ, не подозрѣвалъ того, кто заронилъ въ меня своею талантливою и самоотверженною дѣятельностію первую педагогическую искру, съ этихъ поръ уже никогда не угасавшую и разгорѣвшуюся въ пламя при первой благопріятной къ тому обстановкѣ,—самъ поручалъ мнѣ слабѣйшихъ. При этомъ, къ чести этого пансіона, я долженъ отнести то, что насъ такъ воспитывали, что я, находя наслажденіе въ самомъ процессѣ преподаванія, не только не чванился

предъ слабѣйшими, но былъ любимъ ими, и сознаніе того, что я помогаю имъ, радовало меня; такъ и должно было быть въ пансіонѣ, въ которомъ господствовали заповѣди Христа не на словахъ, а на дѣлѣ.

Но указаннымъ еще не исчерпываются всѣ тѣ черты характера Филиппова, которыя могли имѣть вліяніе на меня и, если не ошибаюсь, дѣйствительно произвели на меня сильное впечатлѣніе: независимо отъ увлеченія своимъ дѣломъ, необычайной взыскательности къ себѣ самому, стойкости предъ сильными міра сего за свое убѣжденіе и добросовѣстности, Александръ Яковлевичъ отличался фанатическимъ подчиненіемъ чувству долга. Ни разу за всѣ три года моего пребыванія въ его пансіонѣ онъ никуда не опоздалъ, никогда не пренебрегъ никакимъ, даже самымъ мелочнымъ, дѣломъ по школѣ, изъ падавшихъ на него, ни разу не предпочелъ развлеченіе какой нибудь, хотя бы самой однообразной и непривлекательной работѣ, всегда вставая раньше и ложась позже всѣхъ; такая желѣзная сила воли и такая настойчивость, такая стоическая вѣрность долгу заставляли меня преклоняться передъ нимъ, хотя холодность и сосредоточенность его характера и мѣшали привязаться къ нему моей натурѣ, всегда ощущавшей потребность въ ласкѣ, привязаться настолько, какъ онъ того стоилъ. Но смерть этого человѣка была настолько трагическою, что поразила меня, какъ громомъ: въ началѣ лѣта 1848 года въ Петербургѣ такъ свирѣпствовала холера, что однажды, пошедши съ Филипповымъ гулять, мы остановились минутъ на пять на углу Обуховскаго проспекта и одной изъ ротъ Измайловскаго полка, въ которой нашъ пансіонъ занималъ чрезвычайно удобное помѣщеніе, и за пять минутъ насчитали 28 труповъ, или почернѣвшихъ больныхъ, провезенныхъ мимо насъ на извощикахъ; Александръ Яковлевичъ, глядя вмѣстѣ съ нами въ глаза смерти, сказалъ намъ, при этомъ, много наставительнаго, стараясь успокоить насъ; но въ ту же ночь его самого не стало отъ холеры, послѣ нѣсколькихъ часовъ страданій; мнѣ пришлось поступать въ Лицей въ концѣ того-же года уже отъ брата покойнаго, принявшаго пансіонъ немедленно послѣ похоронъ.

Разставаясь мысленно съ пансіономъ Филиппова, не могу не помянуть его добромъ еще за то, что мною самимъ испытанное

въ этомъ учебномъ заведеніи, лучше всякихъ позднѣйшихъ совѣтовъ и соображеній, убѣдило меня въ томъ, какъ важна основательность обученія и насколько знаніе въ самомъ себѣ носитъ награду за трудъ, независимо отъ всякихъ внѣшнихъ за него отличій; это отношеніе къ знанію старался поселить въ насъ Филипповъ, который въ то-же время такъ безпощадно, настойчиво заставлялъ насъ непрерывно повторять пройденное, что сообщаемыя намъ свѣдѣнія переходили въ кровь и плоть нашу, чему мы давали надлежащую цѣну даже въ дѣтствѣ. Для поступленія въ Лицей предстояло сдать очень серіозный экзаменъ по программѣ, приблизительно соотвѣтствующей познаніямъ, требуемымъ при переходѣ въ пятый классъ гимназіи съ добавленіемъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ и я не только не тревожился перспективою наступленія экзамена, но въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, ему предшествовавшихъ, и книги не раскрывалъ: настолько Филипповъ убѣдилъ меня въ томъ, что обучалъ онъ меня не для экзамена, а на всю жизнь и настолько мой опытъ успѣлъ уже къ тому времени провѣрить мнѣніе директора о прочности сообщенныхъ мнѣ знаній.

Въ тѣ единственные свободные вечерніе часы, когда покойный Александръ Яковлевичъ позволялъ себѣ подышать свѣжимъ воздухомъ и отдохнуть отъ насъ, онъ посѣщалъ, какъ я уже говорилъ, родителей своихъ питомцевъ; въ эти часы бывалъ онъ нерѣдко и у единокровной сестры отца моего, моей тетки Е. Ѳ. Кёлеръ, которая, принявъ меня по пріѣздѣ моемъ изъ Верро, служила мнѣ матерью въ лучшемъ смыслѣ этого слова въ теченіи одиннадцати лѣтъ, до самой женитьбы моей, насъ разлучившей. Не мало слезъ пролито этою примѣрною христіанкою въ бесѣдахъ съ Филипповымъ, взыскательность къ себѣ самому переносившимъ и на другихъ и въ мрачныхъ краскахъ описывавшимъ тётушкѣ мои недостатки. Уваженіе мое къ читающей публикѣ мѣшаетъ мнѣ занимать ее подробностями вполнѣ личнаго характера, хотя такого рода біографическія данныя и представляютъ нерѣдко значительный психологическій интересъ. Могу остановиться лишь на томъ, что всѣ упреки, вовсе не касаясь моихъ учебныхъ занятій, сводились преимущественно къ тому, что я никогда не умѣлъ смолчать начальству, высказывалъ старшимъ

въ глаза то, что я о нихъ думалъ, а разсужденія мои бывали не всегда для нихъ лестны; я помню себя положительно кроткимъ ребенкомъ, а меня вѣчно упрекали въ „дерзости“ за прямоту. Но здѣсь не мѣсто входить въ анализъ этого недоразумѣнія, а возможно лишь припомнить то, какою свободою я пользовался у Крюммера и съ нею сопоставить ежовыя рукавицы почтеннаго Филиппова для того, чтобы объяснить себѣ, что ребенокъ не сразу могъ перейти отъ духа германской буршеншафтъ, всячески развивавшей мое личное достоинство, къ положенію сына, исполняющаго волю отца „безъ разсужденій“, въ которое ставилъ Филипповъ своихъ питомцевъ. Переходъ же этотъ былъ необходимъ, такъ какъ мнѣ предстояло учиться въ лицеѣ во времена Николая Павловича, когда вѣровали не только въ возможность задержать работу мысли и безповоротно направить ее, отечески-драконовскою властію, но и въ барабанный бой и шагистику, которые и были введены въ лицей, вскорѣ послѣ моего поступленія. Никогда не забуду того, какъ Ѳотій Петровичъ Калиничъ, еще Пушкина, бывшаго воспитанникомъ перваго курса того-же лицея, обучавшій чистописанію, разрыдался при первомъ звукѣ барабана, замѣнившаго у насъ колокольчикъ, будившій насъ и призывавшій къ обѣду; сознаюсь впрочемъ, при этомъ, что хотя мнѣ въ это время и было уже пятнадцать лѣтъ, но я плохо понималъ слезы Калинича, бывшаго „воспитателемъ“ нашего двадцатаго курса, но просто находилъ звуки барабана въ комнатѣ отвратительными. По мѣрѣ того, какъ я подросталъ подъ звуки этого барабана, я относился къ этимъ звукамъ все болѣе и болѣе враждебно, какъ къ проявленію солдатчины, столь же мало дисциплинировавшей умъ нашъ въ извѣстномъ направленіи, какъ и каррикатурнѣйшая маршировка, въ которой мы упражнялись полъ-часа ежедневно подъ руководствомъ унтеръ-офицеровъ и наблюденіемъ нашего инспектора, въ то время полковника, Н. И. Миллера (онъ впослѣдствіи былъ долгое время директоромъ лицея), который, по образу мыслей и научной подготовкѣ, настолько было „статскимъ“ для того времени, что могъ безцѣльно коверкать намъ ноги несомнѣнно только съ отвращеніемъ.

Объ этомъ человѣкѣ сохранились у меня самыя лучшія воспоминанія и уважали мы его гораздо болѣе директора М. Б.

Браневскаго, котораго мы считали добрымъ и честнымъ „малымъ", хотя онъ и былъ уже старикъ, но который славился въ нашей средѣ, не знаю, правильно или нѣтъ, своимъ полнѣйшимъ невѣжествомъ по всѣмъ отраслямъ, за исключеніемъ математики, которою занимались у насъ охотно лишь весьма немногіе.

Баронъ Н. А. Корфъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ [1]).

VI.

Отдѣленіе отъ полиціи судебныхъ обязанностей. — Прежнія мнѣнія по этому предмету министровъ: юстиціи (графа Панина) и внутреннихъ дѣлъ (Ланского) и главноуправляющаго II отдѣленіемъ (графа Блудова).—Замѣщеніе полицейскихъ должностей: по назначенію правительства и по выбору.—Условія для занятія должностей.—Низшіе полицейскіе чины изъ отставныхъ и безсрочныхъ солдатъ.—Прежній неодобрительный отзывъ о подобномъ учрежденіи М. Н. Муравьева, въ то время, когда ему поручено было составленіе соображеній о земской полиціи.

Въ запискѣ министерства внутр. дѣлъ упоминалось объ отнесеніи части полицейскихъ обязанностей на сословную полицію помѣщичьихъ крестьянъ съ ссылками на мнѣнія губернаторовъ оренбургскаго и тверского и исправляющаго должность оренбургскаго генералъ-губернатора. „Но если мысль объ установленіи сословной полиціи въ полномъ ея объемѣ", говорилось въ запискѣ: „въ настоящее время не можетъ имѣть примѣненія, то взамѣнъ этого другая мысль о болѣе правильномъ устройствѣ полиціи созрѣла безусловно, одобряемая общественнымъ мнѣніемъ, и всякое противодѣйствіе существленію ея было бы препятствіемъ правильному и естественному развитію государственныхъ учрежденій. Значительная часть

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1880 г., томъ XXVII, февраль, стр. 319—332; изд. 1881 г., т. XXX, мартъ, стр. 211—264; апрѣль, стр. 721—756; томъ XXXI, май, стр. 1—32; изд. 1882 г., т. XXXIII, январь, стр. 227—258; мартъ, стр. 561—596; т. XXXIV, апрѣль, стр. 105—154; май, стр. 389—426; т. XXXVI, октябрь, стр. 131—154; ноябрь, стр. 221—252; изд. 1883 г., т. XXXVII, февраль, стр. 259—290; мартъ, стр. 579—614; изд. 1884 г., т. XLI, февраль, стр. 241—287.

начальниковъ губерній, въ томъ числѣ три генералъ-губернатора: виленскій, кіевскій и петербургскій, не смотря на различіе взглядовъ и направленій, не смотря на различныя условія управляемыхъ ими губерній, ходатайствуютъ объ отдѣленіи слѣдственной полиціи отъ исполнительной. Мысль эта не новая. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ и въ нашихъ остзейскихъ губерніяхъ, Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и Царствѣ Польскомъ существуетъ особая судебная полиція, отдѣльная отъ административной. На эту полицію возлагается производство вообще всѣхъ слѣдствій, исполненіе судебныхъ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ и взысканія по безспорнымъ актамъ. Объ этомъ также недавно ходатайствовало дворянство одной изъ западныхъ губерній. Общій вопросъ о необходимости учрежденія подобной полиціи у насъ возникъ въ недавнее время, въ концѣ 1857 г., по поводу замѣченной медленности въ исполненіи судебныхъ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ. При составленіи во II отдѣленіи собственной его величества канцеляріи проекта новаго устава судопроизводства гражданскаго, возбужденъ былъ вопросъ о причинахъ чрезвычайной медленности въ самомъ исполненіи судебныхъ рѣшеній. По сему предмету затребованы были мнѣнія отъ предсѣдателей гражданскихъ палатъ и оберъ-прокурора правительствующаго сената.

Бо́льшая часть лицъ, представившихъ свои заключенія, полагали, что всѣ мѣры противъ такого неудобства и замѣченной медленности не могутъ имѣть успѣха, доколѣ у насъ исполненіе рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ будетъ отнесено къ обязанностямъ другихъ властей, а не особой судебной полиціи. Г. министръ юстиціи (графъ Панинъ), въ отвращеніе всѣми признаваемаго неудобства, въ своемъ мнѣніи по сему предмету, полагалъ установить при городскихъ и земскихъ полиціяхъ особыхъ чиновниковъ, которые имѣли бы непосредственною и главною обязанностію исполненіе судебныхъ рѣшеній и производства взысканій по безспорнымъ актамъ и всѣ относящіяся къ сему судебно-полицейскія дѣйствія, каковы: вводъ во владѣніе, опись и оцѣнка имуществъ и т. п.

Гг. управляющій II-мъ отдѣленіемъ (графъ Блудовъ) и министръ внутреннихъ дѣлъ (Ланской), согласясь вполнѣ съ предполагаемымъ статсъ-секретаремъ Панинымъ числомъ судебно-поли-

цейскихъ должностныхъ лицъ, находили полезнымъ, вмѣсто одного при городской, а другого при земской полиціи чиновника, опредѣлить двухъ при каждомъ уѣздномъ судѣ, поставивъ ихъ въ непосредственную зависимость отъ сихъ судовъ и подъ ближайшій надзоръ стряпчихъ и прокуроровъ.

Относительно порядка опредѣленія и круга дѣйствій начальника уѣздной полиціи, въ запискѣ говорилось, что „здѣсь существенный вопросъ заключается въ томъ: должны ли быть полицейскіе чиновники, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, по выбору сословій или исключительно по назначенію правительствомъ. Въ проектѣ новаго устройства уѣздной полиціи явно отдано предпочтеніе послѣднему началу, съ допущеніемъ перваго только на время относительно назначенія по выбору земскаго исправника и непремѣннаго засѣдателя уѣзднаго управленія. Должность сельскихъ засѣдателей земскихъ судовъ и ратмановъ городскихъ правленій предполагалось вовсе упразднить. При опредѣленіи становыхъ исправниковъ предполагалось отдавать преимущество военнымъ отставнымъ и безсрочно отпущеннымъ офицерамъ. Въ отношеніи назначенія высшихъ полицейскихъ чиновниковъ по выбору дворянства или по опредѣленію отъ правительства мнѣнія начальниковъ губерній дѣлятся на двѣ категоріи: защитниками выборнаго начала, относительно впрочемъ одного только дворянскаго сословія, являются генералъ-губернаторы двухъ столицъ.

„Мнѣнія двухъ генералъ-губернаторовъ раздѣляетъ одинъ только симбирскій губернаторъ (Извѣковъ). Другой губернаторъ, именно тверской (графъ Барановъ), признаетъ также неудобнымъ назначеніе главнаго полицейскаго чиновника въ уѣздѣ правительствомъ; но полагаетъ, что полезно было бы замѣщать эти должности не по выбору однихъ дворянъ, а вообще всѣхъ сословій изъ числа мѣстныхъ дворянъ или заслуженныхъ чиновниковъ, ибо подобный только выборъ можетъ пасть на лицо, знакомое съ краемъ и пользующееся общимъ довѣріемъ. Всѣ остальные начальники губерній согласны съ необходимостью, чтобы опредѣленіе и оставленіе въ должности начальника уѣздной полиціи зависѣло не отъ выбора дворянъ, а отъ правительства...

„Но почти всѣ губернаторы согласны въ одномъ, что опредѣленія, или по крайней мѣрѣ представленія, на эти должности

должны зависѣть не отъ министерства, а отъ начальниковъ губерній...

„Въ проектѣ поставлено условіемъ, для того, чтобы быть способнымъ занять мѣсто уѣзднаго начальника, имѣть чинъ отъ VIII до IX класса. Но начальники губерній, сверхъ того, указываютъ „на другія условія", именно: знакомство съ краемъ, образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, предварительная практическая полицейская дѣятельность и нѣкоторыя другія.

„Относительно круга дѣятельности начальника уѣздной полиціи мнѣнія губернаторовъ не согласны между собой". Послѣ изложенія этихъ мнѣній, въ запискѣ было сказано: „всѣ доводы и справедливыя соображенія клонятся къ тому, чтобы кругъ дѣятельности уѣзднаго начальника полиціи ограничивался одной полицейской дѣятельностію по существеннымъ частямъ ея распорядительной и исполнительной. Но въ этой сферѣ дѣятельности ему должна быть предоставлена полная возможность дѣйствовать. Однимъ изъ существенныхъ условій, при этомъ, должно быть, чтобы ему даны были благонадежные и способные помощники, которые также, какъ онъ самъ, были бы избавлены отъ обязанностей, не принадлежащихъ къ предметамъ исполнительной полиціи".

Послѣ изложенія мнѣній и соображеній губернаторовъ о составѣ уѣздныхъ полицейскихъ учрежденій, въ запискѣ говорилось: „на первый разъ возможно было бы утвердить въ должностяхъ начальниковъ уѣздной полиціи или уѣздныхъ исправниковъ или нѣкоторыхъ земскихъ исправниковъ, какъ это предполагаютъ нѣкоторые губернаторы, а въ качествѣ ихъ помощниковъ назначить городничихъ, какъ это находитъ возможнымъ самарскій губернаторъ. Затѣмъ предоставить начальникамъ губерній, при каждой открывшейся ваканціи, замѣщать вакантныя мѣста на основаніи общихъ правилъ объ опредѣленіи чиновниковъ отъ правительства"....

„Весьма полезно было бы назначить какъ въ уѣздные исправники, такъ и въ помощники ихъ преимущественно изъ мѣстныхъ дворянъ. Назначенные правительствомъ, слѣдовательно независимо отъ выбора помѣщиковъ, они будутъ дѣйствовать совершенно не такъ, какъ дѣйствуютъ нынѣ лица, выбранныя дворянствомъ, въ дѣлахъ помѣщиковъ съ крестьянами.

„При такомъ составѣ уѣздное полицейское управленіе будетъ имѣть единичное устройство, если отъ него отдѣлена будетъ судебно-слѣдственная часть, и коллегіальная, если этого допущено не будетъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, кромѣ засѣдателей отъ сословій, должны входить въ составъ полицейскаго управленія судебно-слѣдственные пристава".

„Относительно назначенія становыхъ исправниковъ,—излагалось далѣе въ запискѣ,—оставя нынѣшнее ихъ названіе, какъ многіе губернаторы предлагаютъ, становыхъ приставовъ, всѣ начальники губерній согласны, что они должны быть по назначенію отъ правительства". Одинъ только московскій генералъ-губернаторъ предлагалъ существовавшее тогда право дворянъ составлять списки кандидатовъ на эти должности усилить тѣмъ, что предоставить имъ исключать изъ этихъ списковъ тѣхъ лицъ изъ запимающихъ мѣста становыхъ приставовъ, которыя не оправдали довѣрія. Въ проектѣ предположено назначить становыхъ исправниковъ изъ отставныхъ или безсрочно-отпускныхъ офицеровъ. Весьма ограниченное число такихъ губернаторовъ, которые оставляютъ этотъ пунктъ безъ отрицательныхъ отзывовъ. Затѣмъ слѣдуетъ обстоятельное изложеніе этихъ отзывовъ. При этомъ прибавлено, что начальники губерній не исключаютъ военныхъ изъ кандидатовъ на эти должности, а „проектъ" не предоставляетъ имъ преимущественнаго права и не дѣлаетъ, какъ выразился графъ Закревскій, изъ „этой крайне важной обязанности нѣчто въ родѣ пріюта для оставшихся за штатомъ военныхъ", что было бы, по его мнѣнію, величайшимъ зломъ... Вообще, по отзывамъ губернаторовъ, нѣтъ никакихъ препятствій къ оставленію настоящаго учрежденія становыхъ приставовъ, которые, за отдѣленіемъ отъ нихъ судебно-слѣдственной части, будутъ весьма облегчены въ своихъ обязанностяхъ. Прибавка же къ содержанію привлечетъ на эти мѣста людей образованныхъ и способныхъ.

О низшихъ полицейскихъ служащихъ нѣкоторые губернаторы представляли, чтобы сотскіе назначались изъ отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ солдатъ. Такого мнѣнія былъ петербургскій генералъ-губернаторъ, губернаторы минскій (Россетъ), воронежскій (Синельниковъ), саратовскій (Игнатьевъ), костромской (Рапанусъ), псковскій (Муравьевъ), черниговскій (Шабельскій), смо-

ленскій (Ахвердовъ), могилевскій (Беклемишевъ) и виленскій генералъ-губернаторъ (Назимовъ). Нѣкоторые изъ нихъ, сверхъ того, предлагали объ образованіи конныхъ полицейскихъ командъ. Изъ перечисленія губернаторовъ видно, что за двумя или тремя исключеніями всѣ они принадлежали: или къ исключительной дворянской, или къ исключительно чиновничной партіямъ. Надо было дать отпоръ такому направленію, потому что высказанныя названными губернаторами мнѣнія о сотскихъ изъ солдатъ служили какъ бы завершеніемъ системы генералъ-губернаторовъ изъ военныхъ генераловъ, уѣздныхъ начальниковъ и становыхъ исправниковъ изъ отставныхъ офицеровъ. Но такъ какъ въ разосланныхъ „главныхъ началахъ“ о низшихъ полицейскихъ служащихъ вовсе не упоминалось, то губернаторы прогрессивнаго направленія ничего объ этомъ не говорили въ своихъ отзывахъ. Оставалось обратиться за справками къ дѣламъ министерства внутреннихъ дѣлъ; въ этомъ случаѣ помогло мнѣніе М. Н. Муравьева, точно также какъ въ дѣлѣ отдѣленія отъ полиціи слѣдственной части помогъ отзывъ графа Панина. Но я сдѣлаю буквальную выписку изъ нашихъ соображеній, или, по оффиціальному ихъ названію, принятому впрочемъ нынѣ, изъ „соображеній чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ“:

„Изъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ видно, что мысль о назначеніи сотскихъ изъ военныхъ чиновъ и объ учрежденіи конныхъ военныхъ командъ не одинъ разъ возникала, но каждый разъ была отвергаема. Наемъ сотскихъ изъ безсрочно-отпускныхъ солдатъ изволилъ находить неудобнымъ покойный государь Николай Павловичъ, потому что они по временамъ требуются на сборные пункты. Членъ государственнаго совѣта Муравьевъ,— нынѣшній министръ государственныхъ имуществъ, — которому поручено было составить соображенія объ устройствѣ земской полиціи,—по сему поводу отозвался, что вообще наемъ сотскихъ неудобенъ. Во первыхъ, потому, что это составитъ весьма тягостный налогъ для жителей; во вторыхъ, потому, что нельзя ручаться, чтобы сотскіе всегда были налицо, и чтобы деньги, ассигнуемыя на сотскихъ, достигли своего назначенія, подобно тому, какъ нынѣ не доходятъ, куда слѣдуетъ, суммы, отпускаемыя на содержаніе лошадей при земской полиціи. Въ третьихъ, потому, что наемный сотскій будетъ всегда чуждъ своей сотни. Образованіе конныхъ разъѣздныхъ командъ признавалось безполезнымъ,

потому что, при необходимости командировать въ отдаленныя мѣста, конная команда, съ остановками для отдохновенія и корма лошадей, не можетъ поспѣть во время.... Для короткихъ же разстояній немного будетъ выигрыша: отправится ли туда конный или пѣшій полицейскій разсыльный. По всѣмъ этимъ причинамъ въ проектѣ новаго сельскаго устройства, разосланномъ въ губернскіе комитеты, предполагалось низшую полицейскую власть предоставить лицамъ, избраннымъ самими крестьянами, съ утвержденія помѣщика, подъ названіемъ сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ".

На основаніи губернаторскихъ отзывовъ и нашихъ „соображеній", проектированы были новыя главныя начала уѣзднаго полицейскаго управленія, взамѣнъ тѣхъ, которыя были разосланы къ губернаторамъ. Объ этихъ главныхъ началахъ уѣздной полиціи я скажу послѣ, а теперь перейду къ „соображеніямъ" о мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ.

VII.

О мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ.—Мировые судьи.—Предположеніе о порученіи мироваго разбирательства предводителямъ.—Присутствіе уѣзднаго начальника на выборахъ и свобода выборовъ, а также принятіе и непринятіе должности.—Избраніе мировыхъ судей крестьянами изъ дворянъ.—Объ уѣздной расправѣ.—Уѣздный судъ нельзя было сдѣлать второй инстанціей для крестьянскихъ дѣлъ.—Невозможность представленія предсѣдательства въ расправѣ начальнику уѣздной полиціи.—Неудобства предсѣдательства какъ уѣзднаго судьи, такъ и предводителя.—Порученіе предсѣдательства одному изъ мировыхъ судей.

Записка, съ изложеніемъ соображеній о мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ, была составлена по тому же плану, по которому изложены соображенія объ уѣздномъ полицейскомъ управленіи; она была подраздѣлена на три главные отдѣла: 1) мировые судьи, 2) уѣздная расправа и 3) губернская расправа. Соображенія наши по каждому отдѣлу были изложены особо.

О мировыхъ судьяхъ въ самомъ началѣ было сказано, что „учрежденіе мировыхъ судей, по мнѣнію почти всѣхъ начальниковъ губерній, весьма полезно и вполнѣ будетъ соотвѣтствовать цѣли. Нѣкоторыя возраженія въ этомъ случаѣ относятся пре-

имущественно къ примѣненію только частныхъ положеній проекта". Затѣмъ предстояло отклонить предположенія губернаторовъ вятскаго, нижегородскаго и нѣкоторыхъ другихъ о возложеніи обязанностей мировыхъ судей на уѣздныхъ предводителей дворянства. Послѣ предварительныхъ соображеній о свойствѣ предводительскихъ обязанностей было сказано: „Если принять во вниманіе, что уѣздный предводитель дворянства представляетъ собой защитника правъ одного дворянскаго сословія, что онъ избирается одинъ для цѣлаго уѣзда и наконецъ, что онъ, при другихъ важныхъ занятіяхъ, въ случаѣ возложенія на него обязанностей мироваго судьи, долженъ будетъ разбирать жалобы, на мѣстѣ, нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ, живущихъ въ уѣздѣ, то нельзя не придти къ тому убѣжденію, что предположеніе означенныхъ начальниковъ губерній оказывается неудобнымъ и несоотвѣтствующимъ той цѣли, которая выражена въ проектѣ".

По поводу предполагавшагося присутствія уѣзднаго начальника при выборахъ мировыхъ судей, въ нашей запискѣ говорилось, что „приведенныя въ замѣчаніяхъ многихъ начальниковъ губерній... мысли о неприсутствіи уѣзднаго начальника при выборахъ въ мировые судьи основаны на положительномъ законѣ и ближайшемъ объясненіи значенія и существа выборовъ дворянскихъ, а потому и слѣдуетъ оныя принять въ соображеніе; къ подтвержденію сего представляются и другія не менѣе важныя основанія. Такъ, по закону потеря права служить по выборамъ сопряжена для всѣхъ вообще сословій единственно съ лишеніемъ по суду нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ; соображенія сего закона съ положеніями о дворянскихъ выборахъ приводятъ къ тому несомнѣнному убѣжденію, что если уѣзднымъ начальникамъ, по ихъ усмотрѣнію, дозволено будетъ представлять о неутвержденіи дворянъ въ должности мировыхъ судей и ихъ кандидатовъ, то это значитъ ставить власть сихъ начальниковъ выше судебнаго приговора, ибо достаточно будетъ одного его произвола, чтобы омрачить личное достоинство дворянина, отмѣченнаго уже избраніемъ своего сословія. Подобная власть, безъ сомнѣнія, произведетъ неблагопріятное вліяніе на дворянъ и каждый, кому дорого доброе имя, какъ справедливо замѣчаетъ графъ Закревскій, будетъ всѣми мѣрами уклоняться отъ выборовъ, опасаясь подвергнуться безвинно наказанію, налагаемому не иначе какъ по судебному при-

говору. При томъ уѣздный начальникъ не можетъ хорошо знать свойства всѣхъ дворянъ, живущихъ въ уѣздѣ, и аттестація его будетъ поголовная, а иногда ошибочная или вслѣдствіе несправедливыхъ навѣтовъ, или даже по пристрастію. Между тѣмъ губернаторъ, съ своей стороны, не имѣя возможности знать всѣхъ дворянъ въ губерніи, вынужденъ будетъ полагаться на удостовѣренія уѣздныхъ начальниковъ, и такой порядокъ, вмѣсто ожидаемой пользы, неизбѣжно принесетъ существенный вредъ. По симъ уваженіямъ и на основаніи доводовъ, выраженныхъ въ отзывахъ многихъ начальниковъ губерній, а въ особенности военныхъ генералъ-губернаторовъ с.-петербургскаго и московскаго, слѣдовало бы убѣдиться что, при выборахъ въ мировые судьи нѣтъ поводовъ отступать отъ общаго порядка".

Высказавши протестъ противъ нарушенія свободы выборовъ и оперевшись на мнѣнія нѣсколькихъ начальниковъ губерній, въ томъ числѣ петербургскаго генералъ-губернатора, мы въ нашихъ „соображеніяхъ" въ слѣдующемъ видѣ высказались за участіе крестьянъ въ выборахъ мировыхъ судей... „По общему смыслу, выборный долженъ ограждать сословныя права своихъ избирателей, а потому избраніе мировыхъ судей одними только помѣщиками, безъ всякаго участія крестьянъ, не можетъ, какъ справедливо замѣчаютъ начальники губерній, внушить достаточнаго довѣрія крестьянамъ. Слѣдовательно, предоставленіе имъ участвовать въ выборѣ мировыхъ судей не только не противорѣчитъ тѣмъ цѣлямъ, кои нѣкоторымъ образомъ высказаны въ проектѣ, но, напротивъ того, съ бо́льшимъ ручательствомъ обезпечиваетъ достиженіе сихъ цѣлей... Только съ допущеніемъ крестьянъ къ участію въ выборѣ мировыхъ судей могутъ быть устранены и поводы къ жалобамъ на пристрастныя ихъ рѣшенія и водворится то спокойствіе въ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами, которое необходимо при будущемъ устройствѣ ихъ. На основаніи сихъ общихъ соображеній необходимо, чтобы мировые судьи, принадлежа исключительно къ дворянскому сословію, были избираемы помѣщичьими крестьянами".

Далѣе въ нашихъ соображеніяхъ поддерживались мнѣнія тѣхъ начальниковъ губерній, которые возставали противъ предполагавшагося отнятія у избраннаго права отказываться отъ принятія должности мироваго судьи. Согласно съ мнѣніемъ нѣсколькихъ

начальниковъ губерній, мы не признавали также необходимымъ: установлять классъ должности мировыхъ судей и предоставлять имъ право, по истеченіи 3-хъ лѣтъ службы, на повышеніе чинами и полученіе ордена. Взамѣнъ того, энергически настаивали на назначеніи мировымъ судьямъ достаточнаго содержанія. Въ нашихъ „соображеніяхъ“ были подробно разсмотрѣны также какъ предположенія проекта, такъ и отзывы губернаторовъ: о образованіи участковыхъ мировыхъ судей, о предметахъ вѣдомства сихъ судей и о порядкѣ производства у нихъ дѣлъ.

Относительно уѣздной расправы, необходимо было прежде всего опровергнуть предположеніе губернаторовъ: калужскаго, нижегородскаго и вятскаго, поручить крестьянскія дѣла во второй инстанціи уѣзднымъ судамъ, съ нѣкоторыми улучшеніями въ составѣ и средствахъ сихъ судовъ.

„Дарованіе гражданскихъ правъ,—говорилось въ нашихъ „соображеніяхъ“,—значительной массѣ народа, съ одной стороны, разовьетъ отношенія юридическія между помѣщиками и крестьянами, съ другой, по естественному порядку вещей, породитъ множество тѣхъ столкновеній и нарушеній, которыя могутъ устраниться только судомъ. При столь очевидномъ возбужденіи новыхъ гражданскихъ дѣлъ, представляется вопросъ: могутъ ли нынѣшніе уѣздные суды, съ увеличеніемъ средствъ и упрощеніемъ разбора дѣлъ между помѣщиками и крестьянами, разсматривать всѣ тѣ дѣла, кои возникнутъ между ними? Дѣйствительно, скудное содержаніе настоящихъ уѣздныхъ мѣстъ было и есть препятствіе къ успѣшному производству дѣлъ, но это обстоятельство не есть еще главное. Напротивъ, ближайшее разсмотрѣніе препятствій къ успѣшному ходу судебныхъ дѣлъ убѣждаетъ, что они состоятъ преимущественно въ многосложныхъ и неудобныхъ формахъ самаго процесса какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго. Недостатокъ средствъ судебныхъ мѣстъ въ настоящее время устраняется отпускомъ изъ государственнаго казначейства потребной суммы, но упрощеніе судопроизводства гражданскаго и усовершенствованіе вообще законодательства по сему предмету составляетъ предметъ нынѣ разсматриваемаго дѣла въ государственномъ совѣтѣ. Слѣдовательно, пока порядокъ производства гражданскихъ дѣлъ не измѣнится, наши судебныя мѣста едва ли не останутся, даже при усиленномъ содержаніи членовъ и канцеляріи, въ неудовлетворительномъ состояніи.

„Количество дѣлъ въ уѣздныхъ судахъ, какъ видно изъ отчетовъ за 1857 годъ, чрезвычайно велико:... въ производствѣ сихъ мѣстъ было уголовныхъ и гражданскихъ 188,771 дѣло, изъ нихъ осталось нерѣшенныхъ 56,381 дѣло. По нѣкоторымъ губерніямъ остатки дѣлъ нерѣшенныхъ по уѣзднымъ судамъ каждой губерніи весьма значительны: въ однихъ изъ нихъ они превышаютъ 2000 дѣлъ и весьма рѣдко ограничиваются 100 или 200 дѣлами. Въ число сихъ дѣлъ не входятъ другія дѣйствія судовъ по совершенію разныхъ актовъ, вводу во владѣнія и осмотру спорныхъ земель. Свѣдѣнія о количествѣ дѣлъ, не подлежащія никакому сомнѣнію, указываютъ на невозможность поручить уѣзднымъ судамъ разсмотрѣніе всѣхъ тѣхъ дѣлъ, кои возникнутъ между помѣщиками и крестьянами.

„Убѣжденіе это подкрѣпляется еще ближайшимъ соображеніемъ—разсмотрѣніемъ цѣли учрежденія уѣздной расправы и дѣлъ, кои предоставлены разбору уѣздныхъ судовъ. Первая, какъ видно изъ проекта, будетъ разбирать только недоумѣнія и споры между помѣщиками и крестьянами, относительно нарушенія положенія объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ. Новое это устройство возлагаетъ на правительство нѣкоторымъ образомъ обязанность приготовить и новые способы, и учрежденія для разбора дѣлъ, кои могутъ возникнуть между помѣщиками и крестьянами. Предоставленіе же сихъ дѣлъ уѣзднымъ судамъ, обремененнымъ дѣлами и формами, усилитъ всѣ тѣ временныя неудобства, кои неразлучны связаны со введеніемъ новаго порядка вещей. По симъ основаніямъ мнѣніе означенныхъ начальниковъ губерній не можетъ быть принято“.

Относительно состава уѣздной расправы, слѣдовало обратить особенное вниманіе на предсѣдательство, которое, по сообщеннымъ губернаторамъ предположеніямъ, возлагалось на уѣзднаго начальника. Соображенія наши по этому предмету были особенно подробны и состояли въ слѣдующемъ.

„Въ отзывахъ военныхъ генералъ-губернаторовъ московскаго и петербургскаго, а также и нѣкоторыхъ другихъ начальниковъ губерній, объяснены вполнѣ всѣ тѣ неудобства, кои необходимо возникнутъ съ допущеніемъ уѣздныхъ начальниковъ предсѣдательствовать въ уѣздныхъ расправахъ. Возраженія начальниковъ губерній по этому предмету основаны не на умозрительныхъ

только соображеніяхъ, но вытекаютъ изъ опыта и существа разбора судебныхъ и полицейскихъ дѣлъ. Высказываемыя ими неудобства суть необходимыя послѣдствія смѣшенія властей судебной и полицейской. Наконецъ, если смотрѣть на назначеніе уѣзднаго начальника предсѣдателемъ уѣздной расправы какъ на мѣру временную, то и затѣмъ нельзя не сказать, что уѣздный начальникъ, при соединеніи въ себѣ всѣхъ отличныхъ свойствъ хорошаго человѣка, не можетъ въ одно и то же время быть и начальникомъ полиціи, и судьей. Въ настоящемъ случаѣ достаточно упомянуть, что ему, какъ главному начальнику полиціи, по обстоятельствамъ или дѣламъ, кои могутъ возникнуть въ уѣздѣ, нужно личное присутствіе, продолжительность коего трудно будетъ опредѣлить. Между тѣмъ, въ это же время могутъ быть въ уѣздной расправѣ такія дѣла, замедленіе которыхъ можетъ быть вредно благосостоянію многихъ лицъ и даже цѣлыхъ имѣній. Все это вмѣстѣ, при другихъ обстоятельствахъ, поставитъ уѣзднаго начальника въ совершенную невозможность успѣть и въ уѣздѣ, и въ городѣ, или, что не менѣе вредно, сдѣлаться и дурнымъ начальникомъ полиціи, неоправдывающимъ цѣли правительства, и дурнымъ судьей, въ ущербъ цѣлыхъ сословій.

„По симъ основаніямъ и по очевиднымъ доводамъ, заключающимся въ отзывахъ начальниковъ губерній, присутствіе начальника уѣздной полиціи въ расправѣ, какъ вредное дѣлу и несоотвѣтствующее дѣйствительной потребности, надлежало бы устранить. Засимъ возникаетъ вопросъ: кого назначить предсѣдателемъ въ уѣздную расправу. Въ отзывахъ начальниковъ губерній замѣчается два мнѣнія: одни полагаютъ назначить уѣзднаго судью, другіе предводителя дворянства. При разсмотрѣніи этихъ отзывовъ, необходимо замѣтить, что уѣздный судья, при добросовѣстномъ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, едва ли будетъ имѣть какую либо возможность удѣлить еще время для занятій по уѣздной расправѣ. Количество производящихся ежегодно въ уѣздныхъ судахъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, въ томъ числѣ и арестантскихъ, ясно обнаруживаетъ, что ни уѣздные суды, ни предсѣдатели ихъ, уѣздные судьи, не могутъ удовлетворить въ семъ случаѣ цѣлямъ правительства. Рядъ дѣлъ, которыя предполагается предоставить расправѣ, требуетъ быстроты въ разрѣ-

шеніи и только при этомъ условіи возможны благосостояніе и спокойствіе помѣщиковъ и крестьянъ.

„Предсѣдатель уѣздной расправы долженъ исключительно посвятить себя этой должности; ибо при сельскомъ судопроизводствѣ, неподчиненномъ никакимъ формамъ, нѣтъ мѣста справкамъ, затягивающимъ дѣла на долгое время, ни предварительнымъ резолюціямъ, написаннымъ секретаремъ прежде обсужденія дѣлъ въ присутствіи.

„Не менѣе важныя обстоятельства указываютъ на невозможность предоставить предсѣдательство въ уѣздной расправѣ и уѣздному предводителю дворянства. Занятія предводителей также многочисленны и едва ли оставляютъ достаточно досуга для добросовѣстнаго исполненія сихъ обязанностей... Къ сему остается присовокупить, что предводитель дворянства есть выбранное лицо для защиты одного своего сословія; а при новомъ порядкѣ вещей, когда крестьяне получатъ гражданскія права, онъ не можетъ быть въ одно и то же время защитникомъ интересовъ своего сословія и безпристрастнымъ судьей между имъ и крестьянами... По симъ основаніямъ, необходимо обратиться къ назначенію новыхъ лицъ для новой государственной потребности. И имѣя въ виду, что производство дѣлъ въ уѣздной расправѣ должно совершиться на тѣхъ же основаніяхъ, какія будутъ предписаны для мировыхъ судей, что расправа не должна будетъ разсматривать жалобы на сихъ послѣднихъ, нельзя не заключить, что предсѣдатель расправы есть тотъ же мировой судья, но старшій по своему положенію. Изъ этого вытекаетъ, что предсѣдатель уѣздной расправы, при стремленіи соединить въ немъ интересы двухъ сословій, долженъ быть избираемъ на правилахъ, кои слѣдуетъ ввести для избранія мировыхъ судей, т. е. изъ мѣстныхъ помѣщиковъ и дворянъ, избранныхъ крестьянами. Для этого всего лучше предоставить начальнику губерній: назначить одного изъ мировыхъ судей или изъ кандидатовъ въ эту должность, такъ какъ этимъ способомъ обезпечивается вполнѣ участіе заинтересованныхъ сословій, и ввести наблюденіе правительства“.

Замѣчено было также неудобство представленія въ должность засѣдателей расправы по пяти кандидатовъ; выражено было ходатайство держаться общихъ законовъ объ утвержденіи правительственною властію избранныхъ кандидатовъ.

Въ заключеніи нашихъ соображеній объ уѣздной расправѣ говорилось: о разграниченіи власти уѣздной расправы отъ уѣзднаго суда, о возможно точномъ опредѣленіи предметовъ вѣдомства расправъ и о рѣшеніи дѣлъ простымъ большинствомъ голосовъ, безъ предоставленія права veto предсѣдателю расправы.

VIII.

О губернской расправѣ.—Опроверженіе мнѣній по этому предмету двухъ столичныхъ генералъ-губернаторовъ.—Проектированныя чиновниками разныхъ вѣдомствъ новыя главныя начала.—Почему они не приводятся буквально? — Всеподданнѣйшая записка министра внутреннихъ дѣлъ 25 октября 1858 г.—Основанія и существенныя начала предполагавшагося устройства уѣздной полиціи.—Резолюція государя на этой запискѣ.

Изъ всѣхъ замѣчаній (но) учрежденіе третьей инстанціи по крестьянскимъ дѣламъ, подъ названіемъ губернской расправы, особеннаго вниманія съ нашей стороны требовали мнѣнія двухъ столичныхъ генералъ-губернаторовъ, изъ которыхъ, какъ выше было приведено, — одинъ графъ Закревскій вовсе не находилъ нужнымъ образованіе губернской расправы, а другой (генералъ-адъютантъ Игнатьевъ) предлагалъ совершенно другой составъ этого учрежденія.

Во мнѣніи графа Закревскаго достаточно было предоставить предводителю дворянства или уѣздному начальнику право протестовать противъ рѣшенія расправы, если въ установленный срокъ, напр. семидневный, будутъ просить перваго—дворянинъ, а второго—крестьянинъ. По полученіи протеста одного изъ нихъ или обоихъ вмѣстѣ, уѣздная расправа обязана пересмотрѣть вновь дѣло въ соединенномъ присутствіи членовъ уѣздной расправы, вмѣстѣ съ уѣзднымъ начальникомъ и предводителемъ дворянства, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго судьи.

Въ нашихъ „соображеніяхъ“ по поводу такого мнѣнія говорилось: „приведеніе въ исполненіе изъясненныхъ предположеній графа Закревскаго будетъ имѣть слѣдующія послѣдствія: каждый, кто недоволенъ рѣшеніемъ уѣздной расправы, т. е. помѣщикъ или крестьянинъ, будетъ жаловаться непремѣнно—первый предводителю дворянства, а второй уѣздному начальнику. Лица сіи, въ [ограж]деніе себя отъ нареканій и можетъ быть отъ отвѣтствен-

ности, будутъ протестовать противъ рѣшенія расправы, а вслѣдъ затѣмъ являются въ засѣданіе оной, для составленія соединеннаго присутствія подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго судьи. Изъ сего выйдетъ, что уѣздный судья, а равно предводитель дворянства и уѣздный начальникъ обратятся въ постоянныхъ членовъ присутствія уѣздной расправы. О неудобствѣ допущенія всѣхъ означенныхъ лицъ, перваго по занятіямъ въ судѣ, втораго какъ сословнаго защитника, а третьяго какъ полицейскаго чиновника, выше было объяснено со всею подробностію".

Генералъ Игнатьевъ, допускавшій губернское присутствіе, полагалъ составить его, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, изъ двухъ засѣдателей, одного отъ дворянъ и другого отъ крестьянъ, и одного члена отъ правительства. Въ нашихъ „соображеніяхъ" было высказано, что „предположенія петербургскаго военнаго генералъ-губернатора объ учрежденіи губернской расправы изъ выборныхъ членовъ согласуется съ общимъ порядкомъ образованія нашихъ судебныхъ мѣстъ. Но разсматривая наши судебныя учрежденія, нельзя не замѣтить, что если въ первыхъ степеняхъ суда выборное начало составляетъ основу, то во вторыхъ степеняхъ оно нѣсколько теряетъ свою силу, потому что въ составъ палатъ уже не входятъ засѣдатели отъ крестьянъ, но прибавляется новый членъ отъ правительства,—товарищъ предсѣдателя. Далѣе въ третьей степени суда, т. е. въ правительствующемъ сенатѣ, выборное начало уже вовсе не существуетъ. Слѣдовательно, образовать губернскую расправу, представляющую собой третью степень суда, по примѣру низшихъ инстанцій.... едва ли было бы согласно съ общимъ духомъ нашихъ учрежденій".

Отклонивши мнѣнія двухъ генералъ-губернаторовъ, мы въ нашихъ „соображеніяхъ", высказались за тѣ предположенія о губернской расправѣ, которыя были выражены въ разногласныхъ губернаторскихъ главныхъ началахъ.

Въ концѣ „соображеній" по каждой инстанціи мировыхъ учрежденій, были проектированы, также какъ и по устройству уѣздной полиціи, новыя главныя начала, взамѣнъ тѣхъ, которыя были разосланы губернаторамъ.

Въ самомъ концѣ каждой изъ двухъ записокъ, въ которыхъ были изложены наши „соображенія" о полиціи и мировыхъ учрежденіяхъ, было буквально сказано одно и то же. „Въ заклю-

ченіе, — говорилось въ каждой изъ двухъ записокъ, — остается сказать, что, при настоящихъ соображеніяхъ, имѣется въ виду установленіе однихъ главныхъ началъ, но нисколько не развитіе подробностей, къ которымъ можно приступить не прежде, какъ по окончательномъ утвержденіи коренныхъ основаній. По утвержденіи ихъ, неизбѣжно будетъ пересмотрѣть и сообразить съ главными началами всѣ нынѣ существующіе законы какъ о самыхъ полицейскихъ учрежденіяхъ и должностныхъ лицахъ, такъ и о правилахъ, на основаніи которыхъ они обязаны дѣйствовать. Разработку этихъ подробностей, до утвержденія коренныхъ основаній, нельзя не признать безполезнымъ трудомъ, ибо малѣйшее измѣненіе въ началахъ повлечетъ за собой огромную работу: вновь передѣлывать и соображать подробности между собой и главными началами".

Выше было упомянуто, что „чиновниками разныхъ вѣдомствъ" были проектированы новыя главныя начала какъ для устройства уѣздной полиціи, такъ и для мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, но для избѣжанія повтореній, я не буду ихъ высчитывать здѣсь, потому что они то вполнѣ, то въ извлеченіи, то съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, но которыя я укажу въ своемъ мѣстѣ, повторялись въ редактированныхъ мною же въ представленіи министра внутреннихъ дѣлъ въ главный комитетъ, съ приложеніемъ нашихъ „сводовъ и соображеній", въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ объ устройствѣ уѣздной полиціи и, наконецъ, въ журналѣ коммисіи при главномъ комитетѣ, изъ котораго они вышли, съ незначительными редакціонными исправленіями и перестановками, высочайше утвержденныя и разсмотрѣнныя: главныя начала уѣздной полиціи и учрежденій для разбора споровъ и недоумѣній между помѣщиками и крестьянами.

„Своды" губернаторскихъ отзывовъ и „соображеній" были готовы и отпечатаны въ концѣ октября, такъ что вся работа была кончена не болѣе какъ въ три мѣсяца [1]) — работа, на которую въ обыкновенное время было бы употреблено, по всей вѣроятности, нѣсколько лѣтъ.

Наши труды въ печатныхъ экземплярахъ были внесены въ

[1]) Срокомъ представленія губернаторскихъ отзывовъ было назначено 1 августа, а «соображенія» о полиціи 18 октября; на сводахъ и на соображеніяхъ о мировыхъ учрежденіяхъ не выставлено числа и мѣсяца.

Я. С.

главный комитетъ, съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, вполнѣ согласнымъ съ нашими предположеніями, въ которыхъ между прочимъ было сказано, что, разсмотрѣвъ представленныя ему своды и соображенія, онъ нашелъ наши выводы сообразными какъ съ отзывами начальниковъ губерній, такъ и съ самою сущностію дѣла".

Всего болѣе возбуждали опасеніе какъ въ насъ, такъ и въ общественномъ мнѣніи всяческія предположенія объ уѣздномъ управленіи и полиціи. Опасенія эти тѣмъ болѣе имѣли основанія, что во „всеподданнѣйшихъ письмахъ" Я. И. Ростовцевъ отказывался почти отъ всѣхъ прежнихъ своихъ неправильныхъ понятій въ крестьянскомъ дѣлѣ, оставшись горячимъ защитникомъ учрежденія уѣздныхъ начальниковъ, съ тою властію, осуществленіе которой такъ всѣ боялись. Въ настоящемъ случаѣ весьма важно было поколебать въ Государѣ убѣжденіе въ необходимости подобнаго учрежденія. Въ этихъ видахъ, по порученію С. С. Ланскаго, была составлена мною самая краткая всеподданнѣйшая записка, при которой министръ представилъ Государю печатный экземпляръ нашихъ трудовъ объ устройствѣ уѣздной полиціи. Во всеподданнѣйшей запискѣ говорилось:

„Изъ соображеній губернаторскихъ мнѣній легко обнаруживаются существенныя причины неудовлетворительнаго положенія полиціи въ настоящемъ ея состояніи: съ одной стороны неправильное раздѣленіе однородной дѣятельности земской и городской полиціи на двѣ независимыя другъ отъ друга части, съ другой недостатокъ разграниченія полицейской власти отъ судебной и полиціи распорядительно-исполнительной отъ судебно-слѣдственной. Производя судъ, а потомъ исполняя собственныя свои рѣшенія, полиція возбуждаетъ къ себѣ недовѣріе, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишается надлежащей силы. Одни и тѣ же полицейскіе чиновники обязаны наблюдать за общественнымъ порядкомъ и въ то же время производить слѣдствія. Эти двѣ совершенно разнородныя дѣятельности: обязанности, относящіяся къ распорядительно-исполнительной полиціи, требуютъ быстроты и энергіи; между тѣмъ какъ условія судебно-слѣдственной полиціи заключаются въ спеціальныхъ юридическихъ познаніяхъ, въ зрѣлой обдуманности каждаго шага и практическомъ навыкѣ, пріобрѣтаемомъ единственно только посредствомъ исключительнаго занятія этою частію".

„Чрезмѣрное обремененіе полицейскихъ чиновниковъ самыми разнородными дѣлами порождаетъ физическую невозможность въ точной исполнительности. Надзоръ самого губернскаго начальства затрудняется. Смѣшеніе разныхъ сферъ служебной дѣятельности неизбѣжнымъ послѣдствіемъ имѣетъ: отсутствіе законности, произволъ, злоупотребленія и вообще неправильныя дѣйствія".

Цѣль всеподданнѣйшей записки заключалась въ томъ, чтобъ доказать необходимость немедленнаго отдѣленія отъ полиціи судебно-слѣдственныхъ дѣлъ и невозможность обращенія земскаго исправника почти въ уѣзднаго губернатора. Поэтому далѣе во всеподданнѣйшемъ докладѣ развивались слѣдующія соображенія:

„Мысль объ отдѣленіи отъ распорядительно-исполнительной полиціи судебнаго разбирательства и судебно-слѣдственной полиціи и о присоединеніи сихъ послѣднихъ къ судебнымъ учрежденіямъ вполнѣ созрѣла, одобряется весьма многими генералъ-губернаторами и губернаторами и къ осуществленію ея не представляется важныхъ препятствій,—затѣмъ распорядительно-исполнительная власть въ такомъ очищенномъ видѣ можетъ сосредоточиться въ рукахъ чиновника, по назначенію правительства, котораго, при исполненіи его обязанностей, не должно стѣснять излишними формальностями; но въ то же время нельзя его оставить безъ прямого подчиненія губернскому начальству, безъ бдительнаго, но не мелочнаго надзора за его дѣйствіями. Освобожденная отъ несоотвѣтствующихъ обязанностей и избавленная отъ ненужныхъ и мелочныхъ формальностей, власть такого чиновника въ сферѣ его дѣятельности, будетъ имѣть силу и твердость. Дѣйствія ея, поставленныя въ законные предѣлы, потеряютъ видъ произвола; а самая власть пріобрѣтетъ къ себѣ общее уваженіе и довѣріе; хотя названіе не заключаетъ въ себѣ ничего существеннаго, но такой чиновникъ скорѣе можетъ быть названъ не уѣзднымъ начальникомъ, а начальникомъ уѣздной полиціи или, сохраняя настоящее названіе, къ которому привыкъ народъ, не земскимъ, а уѣзднымъ исправникомъ.

„Во всякомъ случаѣ, самыми существенными условіями этой должности должны быть: а) назначеніе отъ правительства, б) высшее образованіе, практическая опытность, пріобрѣтенная въ гражданской службѣ, и в) обезпеченное содержаніе. При такихъ условіяхъ нечего опасаться, — въ какой бы классъ должность эта не

была бы поставлена, — что полицейская власть не будетъ имѣть силы въ дѣйствіяхъ и уваженія народа. Но слишкомъ высокій классъ должности начальника уѣздной полиціи признается неудобнымъ во многихъ отношеніяхъ. Изъ нихъ самыя существенныя заключаются: въ неудобствѣ такого класса относительно порядка подчиненія, въ необходимости вмѣстѣ съ тѣмъ согласовать его съ классами другихъ уѣздныхъ должностей, въ особенности уѣздныхъ: предводителя и судьи, изъ которыхъ первый долженъ быть выше, а второй, по крайней мѣрѣ, равенъ начальнику уѣздной полиціи".

На основаніи „главныхъ началъ" становыхъ приставовъ предполагалось замѣнить становыми исправниками, а во всеподданнѣйшихъ письмахъ Я. И. Ростовцевъ высказывалъ слѣдующую мысль: должность становыхъ приставовъ уничтожить и возстановить опять должность засѣдателей земскихъ судовъ, съ постояннымъ мѣстопребываніемъ ихъ въ уѣздномъ городѣ, какъ это было до учрежденія должности становыхъ приставовъ. Поэтому въ запискѣ, представленной С. С. Ланскимъ Государю, было сказано: „становые пристава, освобожденные отъ судебнаго разбирательства и слѣдствій, также будутъ имѣть возможность сдѣлаться исполнительными чиновниками и лишатся предлога во зло употреблять свои служебныя права. Увеличеніе содержанія привлечетъ на эти мѣста людей благонадежныхъ, образованныхъ и способныхъ. При такомъ значеніи не только полезно, но даже необходимо оставить постоянное пребываніе ихъ въ уѣздѣ, а не въ городѣ для того, чтобы помѣщики и крестьяне ближе отъ себя имѣли полицейскаго чиновника, какъ оберегателя тишины, порядка и справедливыхъ интересовъ частныхъ лицъ. Это необходимо потому, что помѣщики и крестьяне, съ наступленіемъ переходнаго времени, не вступятъ еще въ то положеніе, которое давало бы имъ возможность имѣть свою прочную сословную полицію, (а полное предоставленіе полицейской власти въ руки помѣщиковъ не будетъ вполнѣ обезпечивать права крестьянъ), и въ то же время сами помѣщики, при отдаленномъ мѣстопребываніи коронныхъ полицейскихъ чиновниковъ, часто будутъ поставлены въ затруднительное положеніе при исполненіи обязанностей крестьянами".

Въ заключеніе, министръ внутреннихъ дѣлъ докладывалъ Государю, что на основаніи всѣхъ изложенныхъ имъ соображеній,

онъ полагалъ бы, „не поручая начальнику уѣздной полиціи предсѣдательства въ уѣздной расправѣ, устроить полицейскія учрежденія на слѣдующихъ главныхъ началахъ“:

„1) Возложить обязанности нынѣшнихъ земскаго суда и городническаго правленія на одно уѣздное полицейское управленіе, подъ непосредственнымъ начальствомъ одного лица, съ званіемъ начальника уѣздной полиціи“.

„2) Отъ общаго уѣзднаго полицейскаго управленія отдѣлить судебно-полицейское разбирательство, съ отношеніемъ сего послѣдняго къ особымъ судебно-полицейскимъ учрежденіямъ, какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ“.

„3) Нынѣшнюю полицію раздѣлить на распорядительно-исполнительную и судебно-слѣдственную. Первую оставить на обязанности уѣзднаго полицейскаго управленія, а вторую присоединить къ уѣздному суду, съ порученіемъ наблюденія стряпчимъ и прокурорамъ“.

„4) Для исполненія обязанностей по судебной и слѣдственной полиціямъ установить должности судебныхъ и слѣдственныхъ приставовъ“.

Въ 5-мъ и 6-мъ пунктахъ говорилось о назначеніи въ должность уѣзднаго исправника не министромъ, а губернаторами; условіями этого назначенія полагалось: предварительная гражданская служба и знаніе мѣстныхъ обстоятельствъ, съ предпочтеніемъ мѣстныхъ дворянъ передъ другими кандидатами, а изъ нихъ предполагалось отдавать преимущество кончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ 7-мъ и 8-мъ пунктахъ излагалось объ опредѣленіи помощника начальника уѣздной полиціи, съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ условій, какія положены для опредѣленія уѣздныхъ исправниковъ.

„9) Предоставить всѣмъ сословіямъ и каждому изъ сельскихъ выбирать въ уѣздное полицейское управленіе засѣдателей по одному изъ каждаго сословія. Засѣдатели эти будутъ входить въ составъ уѣзднаго полицейскаго управленія не въ качествѣ чиновниковъ, а въ качествѣ депутатовъ отъ сословій“...

Въ 10-мъ пунктѣ говорилось объ оставленіи того числа становъ, какое тогда было, о неназначеніи помощниковъ къ становымъ приставамъ.

„11) Условія и порядокъ опредѣленія становыхъ исправниковъ или приставовъ должны быть тѣ же, какія предположены для помощниковъ начальниковъ уѣздной полиціи".

Въ пунктахъ отъ 12 до послѣдняго 15 говорилось: о классахъ должностей, при чемъ начальнику уѣздной полиціи присвоивался VII классъ вмѣсто V, предполагавшагося въ „главныхъ началахъ", о содержаніи исправнику 1,500 р., помощнику 1,000 и становому приставу 600; а также объ увеличеніи содержанія чиновникамъ канцеляріи и объ опредѣленіи содержанія сословнымъ засѣдателямъ.

Этотъ всеподданнѣйшій докладъ С. С. Ланской представилъ Государю въ Царскомъ Селѣ, куда вся царская фамилія переѣхала изъ Гатчины. Государь оставилъ этотъ докладъ у себя и на другой день (25-го октября 1858 г.) выслалъ съ слѣдующей резолюціей: „Тутъ много есть предположеній, которыя не согласны [1]) съ моими мыслями, но я предоставляю себѣ сдѣлать замѣчанія когда будетъ внесено въ Главный Комитетъ".

Само собой разумѣется, что такой отзывъ произвелъ на насъ грустное впечатлѣніе, хотя Сергѣй Степановичъ, передавая мнѣ докладъ, по обыкновенію саркастически улыбался. Но сообразивши хорошенько, надо было придти къ заключенію, что другой резолюціи быть не могло. Государь доходившими до него слухами былъ поколебленъ въ убѣжденіи, что предложенныя ему консерваторами начала уѣздныхъ учрежденій вполнѣ соотвѣтствовали тогдашнимъ обстоятельствамъ. Онъ былъ поколебленъ до того, что согласился на докладъ князя Орлова, чтобы при разсмотрѣніи въ Главномъ Комитетѣ предположеній объ уѣздныхъ учрежденіяхъ не стѣсняться тѣмъ, что главныя ихъ начала были имъ одобрены, „но высказать свое мнѣніе противу всѣхъ возраженій и замѣчаній, съ полною откровенностію". Поэтому онъ не высказалъ своего несогласія такъ подробно и въ такой рѣзкой формѣ, какъ онъ это сдѣлалъ три мѣсяца назадъ на запискѣ министра о генералъ-губернаторахъ. Трудно отвергать, чтобы самая форма, болѣе мягкая, послѣдняго всеподданнѣйшаго доклада не имѣла никакого вліянія на мягкость отвѣтной резолюціи: жесткія и энергическія замѣчанія на „главныя начала" при-

[1]) Подчеркнуто въ подлинной резолюціи.

надлежали не министру, а генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ. Но съ другой стороны, главныя начала такъ недавно были еще одобрены Государемъ и мотивы къ нимъ, столь несогласные съ соображеніями министра внутреннихъ дѣлъ и „чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ“, не могли изгладиться изъ его памяти. Кромѣ того, нѣтъ сомнѣнія, что Государь, по возвращеніи Я. И. Ростовцова, говорилъ уже съ нимъ объ устройствѣ уѣздной полиціи, а Я. И. въ то время далеко еще не отказался отъ „главныхъ началъ“, проведенныхъ и поддерживаемыхъ имъ съ такимъ рвеніемъ. Послѣ этого понятно, что Государь не могъ по одному докладу С. С. Ланского, которому онъ не довѣрялъ вполнѣ, отказаться отъ того, что одобрялось менѣе, чѣмъ полгода назадъ, главнымъ комитетомъ и еще въ то время поддерживалось человѣкомъ, которому онъ вѣрилъ. Но какъ бы то ни было, записка министра внутреннихъ дѣлъ не могла не усилить въ Государѣ сомнѣнія въ справедливости одобренныхъ имъ въ маѣ мѣсяцѣ 1858 г. началъ уѣздныхъ учрежденій; безъ сомнѣнія, эта записка приготовила Государя къ совершенному измѣненію направленія, котораго онъ держался до тѣхъ поръ въ этомъ дѣлѣ.

IX.

Разсмотрѣніе предположеній объ уѣздныхъ учрежденіяхъ въ коммисіи при главномъ комитетѣ и въ главномъ комитетѣ.—Мнѣніе Я. И. Ростовцева.—Предварительное разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ въ главномъ комитетѣ.—Отказъ Я. И. отъ мысли объ уѣздныхъ начальникахъ.—Предположенія чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ; утвержденная и составленная особая коммисія объ уѣздныхъ учрежденіяхъ и для развитія утвержденныхъ началъ.—Причины нашего успѣха.

Прежде обсужденія въ главномъ комитетѣ, своды губернаторскихъ отзывовъ и соображеній по крестьянскимъ дѣламъ должны были подлежать разсмотрѣнію образованной при комитетѣ коммисіи. „Своды“ губернаторскихъ отзывовъ и „соображенія чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ“, въ печатныхъ экземплярахъ, были разосланы къ членамъ коммисіи предварительно. Ростовцовъ, по принятому въ то время обыкновенію, написалъ свое мнѣніе по этому предмету „для соображенія коммисіи главнаго комитета по крестьянскому дѣлу“, и разослалъ его, какъ всегда дѣлалъ, въ литографированныхъ экземплярахъ къ членамъ коммисіи. Мнѣніе

это было помѣчено 26-го декабря 1858 года. Отзывъ Я. И. Ростовцова начинался слѣдующимъ введеніемъ: „Мнѣнія начальниковъ губерній заключаютъ въ себѣ много мыслей дѣльныхъ и полезныхъ; но они слишкомъ разнообразны и часто совершенно противоположны. Сводъ этихъ мнѣній, сдѣланный чиновниками министерства юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, составляетъ трудъ весьма замѣчательный: и по добросовѣстности, и по грамотности (громадности?) и по ясности изложенія. Трудъ этотъ заслуживаетъ особаго высочайшаго вниманія и представляетъ успокоительныя ручательства въ полезномъ ходѣ работъ по крестьянскому вопросу на будущее время".

Затѣмъ онъ прибавляетъ: „но приступить нынѣ же къ разсмотрѣнію сего труда, особенно во всѣхъ его подробностяхъ, я считаю рановременнымъ и даже невозможнымъ. Прежде всего слѣдуетъ обсудить и утвердить главныя начала сего дѣла. Эти главныя начала, какъ бы они не были поставлены, найдутъ... дальнѣйшее развитіе въ означенномъ сводѣ мнѣній". Послѣ этого онъ изложилъ девять вопросовъ, предварительное разрѣшеніе которыхъ онъ признавалъ необходимымъ. Изъ этихъ вопросовъ заслуживаютъ вниманія два: 6-й и 8-й, для которыхъ, какъ кажется, были составлены остальные и которые показываютъ, что Ростовцовъ не хотѣлъ пожертвовать безъ борьбы своею излюбленною мыслью объ уѣздныхъ начальникахъ и временныхъ генералъ-губернаторахъ. Эти два вопроса слѣдующіе:

„6. Лицу, которое будетъ управлять уѣздомъ, слѣдуетъ ли предоставить и бо̀льшее значеніе, и бо̀льшія права, и бо̀льшую степень власти противу нынѣшняго исправника и поставить его черезъ то въ возможность дѣйствовать самостоятельно и немедленно для прекращенія всякихъ неустройствъ и безпорядковъ?"

„8. Признано-ли будетъ нужнымъ, чтобы въ такое время, когда безъ смутъ обойтись врядъ ли возможно, общественное спокойствіе было охранено такимъ лицомъ, которое имѣло бы право дѣйствовать именемъ высочайшей власти, для предупрежденія и для прекращенія важныхъ народныхъ безпорядковъ?"

Когда началось первое засѣданіе по разсмотрѣнію губернаторскихъ отзывовъ и соображеній чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, вмѣстѣ съ упомянутымъ сейчасъ мнѣніемъ Я. И., прежде всѣхъ началъ говорить Ростовцовъ. Онъ разъяснилъ представленныя

нами работы и осыпалъ ихъ похвалами, прибавивъ: „если Татаринова“ (тогда еще не государственнаго контролера) „за его контрольный трудъ сдѣлали статсъ-секретаремъ, то чѣмъ слѣдуетъ наградить составителя настоящихъ записокъ?“ Сказавъ это, онъ обратился ко мнѣ, спросивъ: кто составлялъ представленныя соображенія? Получивъ отъ меня отвѣтъ, что соображенія составлены мной, онъ сталъ извиняться въ своей неделикатной похвалѣ въ глаза, что онъ никогда не позволилъ бы себѣ сдѣлать, если бы зналъ кто составлялъ записки, въ которыхъ изложены соображенія. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что онъ все это зналъ очень хорошо; но притворился незнающимъ, чтобы свободнѣе сдѣлать мнѣ любезность и сказать, что, не смотря на свою оппозицію, выразившуюся въ двухъ приведенныхъ вопросахъ, отдаетъ справедливость моему труду. Весьма также вѣроятно, что, не смотря на мое незначительное положеніе, Ростовцовъ не чуждъ былъ мысли подкупить меня своими похвалами въ пользу его мнѣнія [1]). Но какъ бы то ни было, первое засѣданіе было посвящено на разсмотрѣніе представленной нами работы и обсужденіе предложенныхъ Я. И. девяти вопросовъ. Вопросы эти были приняты безъ проекта отвѣта на нихъ, которые были даны въ главномъ комитетѣ, но подъ предсѣдательствомъ Государя. Безъ сомнѣнія Ростовцовъ ходатайствовалъ объ этомъ, предвидя возраженія противъ безусловно положительныхъ отвѣтовъ на заданные имъ главному комитету вопросы. Авторитетъ Государя, который, судя по резолюціи, положенной на запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ, согласенъ былъ съ мнѣніемъ Я. И., могъ устранить эти возраженія. Дѣйствительно, на два вышеприведенные вопросы послѣдовали утвердительные отвѣты въ засѣданіи главнаго комитета, утвержденные Государемъ 1-го февраля 1859 г.

На 6-й вопросъ состоялся отвѣтъ: „сему лицу (которое будетъ управлять уѣздомъ) предоставить и бо́льшее значеніе, и бо́льшія

[1]) Впрочемъ въ то время мнѣ приходилось слышать похвалы моему труду совершенно безпристрастно, такъ, напримѣръ, Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ тогда Н. А. Милютину: „Д. П. Хрущовъ сообщилъ мнѣ вновь составленные два проекта: 1) объ устройствѣ земской полиціи; 2) о порядкѣ разбирательства споровъ между помѣщиками и крестьянами; они были въ моихъ рукахъ не болѣе трехъ или четырехъ часовъ. Этого было достаточно, чтобъ убѣдиться о достоинствѣ и глубокой обдуманности этого труда (изъ зап. жены Н. А. Милютина)“. Я. С.

права, и бо́льшую степень власти противъ нынѣшняго исправника, поставивъ его чрезъ то въ возможность дѣйствовать самостоятельно и немедленно для прекращенія всякихъ неустройствъ и безпорядковъ".

На 8-й вопросъ былъ слѣдующій отвѣтъ: „для высшаго наблюденія за общественнымъ спокойствіемъ на мѣстахъ, при приведеніи въ дѣйствіе положенія о новомъ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, необходимо, чтобы на мѣстѣ были такія лица, кои имѣли бы право, въ извѣстныхъ случаяхъ, дѣйствовать именемъ высочайшей власти".

По полученіи этого высочайшаго повелѣнія при главномъ комитетѣ вновь собрались для обсужденія устройства будущихъ уѣздныхъ учрежденій, но они велись безъ всякой послѣдовательности. Ростовцовъ, съ свойственнымъ ему жаромъ, доказывалъ необходимость учрежденія уѣздныхъ начальниковъ, улучшенныхъ во „всеподданнѣйшихъ письмахъ" званіями флигель-адъютантовъ и камеръ-юнкеровъ; мнѣніе его было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Общественное мнѣніе и сочувствіе такихъ лицъ, какъ князь Орловъ, до того расшатали „главныя начала", разрѣшенныя въ маѣ предъидущаго года, что, не говоря уже о Ланскомъ, и остальные два члена коммисіи—Муравьевъ и Панинъ видимо не хотѣли поддерживать собственное свое неудавшееся созданіе, не смотря на высочайшее повелѣніе 1-го февраля. Панинъ и Муравьевъ, стѣсненные своимъ участіемъ въ составленіи „главныхъ началъ" и только лишь состоявшимся высочайшимъ повелѣніемъ, не знали какъ имъ выйти изъ затруднительнаго положенія, боясь отвѣтственности передъ Государемъ и опасаясь нареканій со стороны своей партіи, въ главѣ которой стоялъ князь Орловъ. Разсужденія тянулись безъ всякаго исхода, который придумалъ, наконецъ, самъ Яковъ Ивановичъ, предложивъ своимъ сочленамъ: поручить ему и мнѣ проектировать заключеніе коммисій, на что сейчасъ же послѣдовало согласіе. Затѣмъ онъ просилъ меня написать безпристрастно: за и противъ его уѣздныхъ начальниковъ, присовокупивъ при этомъ, что онъ знаетъ, что я противъ уѣздныхъ начальниковъ, но полагается на мою добросовѣстность. Онъ, кажется, этимъ хотѣлъ испробовать послѣднее средство и этимъ же объясняются комплименты, которыми онъ осыпалъ меня въ первое засѣданіе.

Я исполнилъ его желаніе и дѣйствительно подобралъ добросовѣстно всѣ доводы, которые можно было привести за это учрежденіе съ его точки зрѣнія; и послѣ же этого привелъ мои доводы противъ должности уѣзднаго начальника. Онъ просилъ меня заѣхать къ нему, когда записка моя будетъ готова; не помню почему, но я къ нему пріѣхалъ вечеромъ довольно поздно. Когда я читалъ первую половину моей записки, тогда онъ самодовольно улыбался, поддакивалъ мнѣ и кивалъ головой въ знакъ одобренія. Но какъ я началъ читать мое изложеніе доказательствъ не только безполезности, а даже вреда излюбленнаго имъ учрежденія, физіономія его измѣнилась, онъ началъ обнаруживать знаки нетерпѣнія и посматривать на часы, сказавъ: „ахъ, какъ поздно!“ Я продолжалъ чтеніе, терпѣніе еще истощилось; слушая какъ я опровергалъ любимую его мечту, наконецъ онъ не выдержалъ, всталъ, не дослушавъ до конца, и обратился ко мнѣ съ слѣдующими, дѣлающими ему честь, словами: „я вижу, что всѣ противъ моего мнѣнія; я отъ него отказываюсь, хотя я убѣжденъ, что я правъ“. Затѣмъ оставалось составить проектъ журнала коммисіи; но въ засѣданіяхъ коммисіи не высказано было положительнаго замѣчанія, что наши „соображенія, основанныя на отзывахъ губернаторовъ, принимаются безусловно, хотя и не было сдѣлано возраженій противъ нихъ. Напротивъ, всѣ разсужденія клонились къ тому, что неудовлетворительность полицейскихъ учрежденій и ихъ слабость заключается въ обремененіи полиціи чуждыми для нея дѣлами. Въ нашихъ соображеніяхъ, на основаніи губернаторскихъ отзывовъ, говорилось только о необходимости отдѣленія отъ полиціи: судебнаго разбирательства, приведенія въ исполненіе рѣшеній судебныхъ мѣстъ, взысканій по такъ называемымъ безспорнымъ дѣламъ и производства слѣдствій по уголовнымъ преступленіямъ. То же самое высказывалось во всеподданнѣйшей запискѣ, представленной министромъ внутреннихъ дѣлъ Государю, на которую послѣдовала неблагопріятная для насъ высочайшая резолюція, что, впрочемъ, не было извѣстно сочленамъ С. С. Ланского по коммисіи, также „какъ и существованіе самой записки, по крайней мѣрѣ ни министръ, ни я объ этомъ никому не говорили. Ободренный успѣхомъ нашихъ соображеній и заручившись согласіемъ Я. И. Ростовцова на устройство полиціи безъ уѣзднаго начальника, которое вѣроятно

послѣдовало по предварительному одобренію Государя, я рѣшился идти далѣе и проектировать отдѣленіе отъ полиціи не только судебно-слѣдственныхъ дѣлъ, но и хозяйственныхъ, мотивируя и то и другое необходимостію усиленія полиціи. Для послѣднихъ дѣлъ я предположилъ проектировать особыя хозяйственныя учрежденія, которыя впослѣдствіи получили названіе земскихъ. Въ этихъ видахъ въ проектъ заключенія коммисіи были внесены особые пункты: „При устройствѣ исполнительной и слѣдственной полиціи войти въ разсмотрѣніе хозяйственно-распорядительнаго управленія въ уѣздѣ, которое нынѣ раздѣляется между нѣсколькими комитетами и частію входитъ въ составъ полицейскаго управленія. При семъ разсмотрѣніи необходимо предоставить хозяйственному управленію въ уѣздѣ бо́льшее единство, бо́льшую самостоятельность и бо́льшее довѣріе. Причемъ подлежитъ опредѣлить степень участія каждаго сословія въ хозяйственномъ управленіи уѣзда". Что касается до судебныхъ дѣлъ, то часть ихъ должна была отойти отъ полиціи сама собой при образованіи крестьянскихъ судовъ и учрежденій по дѣламъ между помѣщиками и крестьянами; взять же отъ полиціи всѣ остальныя дѣла до судебной реформы, которая въ то время покоилась глубокимъ сномъ во II отдѣленіи собственной канцеляріи, не было возможности. Пришлось отказаться отъ этого, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ учрежденія особыхъ судебныхъ приставовъ, впрочемъ не по однимъ юридическимъ соображеніямъ, но и финансовымъ, а также потому, что въ нашемъ тогдашнемъ обществѣ мысль о совершенномъ изъятіи изъ вѣдомства полиціи всѣхъ дѣлъ судебнаго свойства далеко еще не созрѣла. Взамѣнъ того, мысль объ отдѣленіи отъ полиціи слѣдственныхъ дѣлъ въ то время уже сознавалась многими; самое названіе слѣдственныхъ приставовъ было извѣстно жителямъ Петербурга, такъ какъ эти должности были при петербургской полиціи; начальники губерній въ одинъ голосъ требовали: одни—учрежденія при полиціи судебныхъ приставовъ, другіе просили о порученіи производства слѣдствій судебнымъ чиновникамъ; наконецъ производившаяся уже переписка по этому предмету между министрами давала полную надежду на осуществленіе этого предположенія. Я внесъ въ проектъ журнала коммисіи учрежденіе должности особыхъ слѣдственныхъ приставовъ, съ подчиненіемъ ихъ не полиціи, а прокурорскому надзору. Затѣмъ

названія полицейскихъ чиновниковъ, классы ихъ должностей, содержаніе, сущность ихъ обязанностей и отношенія къ губернской власти остались тѣ самыя, о которыхъ докладывалъ 25-го октября министръ Государю.

Изъ проекта основныхъ началъ учрежденій „для разбора недоумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами“ были исключены: присутствіе начальника уѣздной полиціи при выборахъ мировыхъ судей и предсѣдательство его въ уѣздной расправѣ. Благодаря всеподданнѣйшимъ письмамъ Я. И. Ростовцова и губернаторскимъ отзывамъ, возможно было включить въ проектъ заключенія коммисіи избраніе мировыхъ судей крестьянами, а предсѣдательство въ уѣздной расправѣ одному изъ избранныхъ мировыхъ судей по назначенію губернатора. „Разрѣшеніе вопроса объ учрежденіи третьей, т. е. губернской, инстанціи по крестьянскимъ дѣламъ“ коммисія положила: „отложить до того времени, пока опытъ покажетъ, будетъ ли настоять въ ней надобность или нѣтъ“.

Когда составленный мной проектъ журнала коммисіи былъ готовъ, тогда, прежде представленія его Я. И. Ростовцову, я счелъ своею обязанностію доложить его С. С. Ланскому, какъ непосредственному моему начальнику и старшему члену коммисіи. Случайно я пришелъ къ нему во время доклада хозяйственнаго департамента, директоромъ котораго былъ Н. А. Милютинъ. Несмотря на это, зная спѣшность моего дѣла, министръ меня принялъ и я прочелъ ему проектъ журнала въ присутствіи Н. А. Милютина. Министръ, выслушавъ мой проектъ, одобрилъ его; но Милютинъ высказалъ сомнѣніе относительно успѣха моего предположенія о хозяйственныхъ учрежденіяхъ, сказавъ мнѣ: „едва-ли вамъ удастся провести это“. На это замѣчаніе С. С. добродушно-саркастически улыбнулся, съ видомъ крайняго либерала, а я отвѣтилъ: „авось Богъ поможетъ“.

Предстоявшее затрудненіе въ проведеніи моего предположенія было вовсе не консервативнаго свойства, котораго можно было ожидать, а совершенно иного рода, которое никакъ нельзя было предвидѣть. Когда я дочиталъ до хозяйственныхъ распорядительныхъ учрежденій, тогда Ростовцовъ остановилъ меня вопросомъ: „какъ же это, вѣдь въ каждомъ уѣздѣ завѣдуетъ хозяйственными

дѣлами окружной начальникъ вѣдомства государственныхъ имуществъ?" Не знаю, съумѣлъ ли я скрыть мое удивленіе и невольную улыбку, но, по крайней мѣрѣ, я употребилъ все стараніе, чтобы самымъ хладнокровнымъ образомъ объяснить ему въ чемъ состоитъ дѣло. Я началъ съ объясненія, что окружные начальники завѣдываютъ казенными землями и общественнымъ управленіемъ государственныхъ крестьянъ, и никакія общія хозяйственныя дѣла ихъ не касаются. Притомъ округъ государственныхъ имуществъ состоитъ иногда изъ нѣсколькихъ уѣздовъ; а съ другой стороны есть не только цѣлые уѣзды, но даже одна цѣлая губернія (Симбирская), въ которой вовсе нѣтъ государственныхъ имуществъ, поэтому въ этихъ мѣстностяхъ вовсе нѣтъ окружныхъ начальниковъ. Напротивъ того, въ каждомъ уѣздѣ, гдѣ находятся помѣщичьи имѣнія, есть предводитель дворянства, а въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ дворянскихъ имѣній мало или вовсе нѣтъ, заступаетъ мѣсто предводителя, въ извѣстныхъ случаяхъ, уѣздный судья. Въ каждомъ уѣздѣ, подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства (а гдѣ нѣтъ—уѣзднаго судьи), находятся нѣсколько уѣздныхъ комитетовъ: дорожный, больничный, тюремный, народнаго здравія, о земскихъ повинностяхъ и другіе. Каждый изъ этихъ комитетовъ имѣетъ своихъ членовъ изъ уѣздныхъ чиновниковъ и частію мѣстныхъ дворянъ. Каждый изъ этихъ комитетовъ имѣетъ свое особое оффиціальное названіе, свою переписку, а слѣдовательно печать и журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ; свои доходы и расходы, а слѣдовательно и приходо-расходныя книги. Въ дѣйствительности эти комитеты собираются весьма рѣдко, а иные изъ нихъ существуютъ только по названію. Желательно было бы соединить ихъ вмѣстѣ и передать имъ, кромѣ тѣхъ предметовъ, которыми они вѣдаютъ, остальныя хозяйственныя дѣла, неправильно состоящія въ завѣдываніи полиціи. Но этого мало: если вновь образованное учрежденіе по прежнему будетъ состоять изъ чиновниковъ, то оно, по прежнему, будетъ ограничиваться одной формальной перепиской. Такому учрежденію необходимо придать жизнь, вывести его изъ мертваго оцѣпенѣнія, въ какомъ находятся уѣздные комитеты, одушевить новое учрежденіе посредствомъ участія всѣхъ сословій, которыя всѣ заинтересованы въ правильномъ веденіи ихъ хозяйственныхъ дѣлъ.

Надо отдать справедливость Ростовцову: онъ скоро понялъ основную мысль, и не только не высказалъ никакихъ, въ политическомъ отношеніи, затрудненій, но, напротивъ, сдѣлался горячимъ защитникомъ того, что впослѣдствіи осуществилось подъ названіемъ: „земскихъ учрежденій". Одобренный предварительно Ланскимъ и Ростовцовымъ проектъ журнала былъ, въ переписанныхъ экземплярахъ, разосланъ ко всѣмъ членамъ коммисіи. Ни Панинъ, ни Муравьевъ не только не возражали, но не сдѣлали никакихъ замѣчаній. Напротивъ, когда коммисія собралась для окончательнаго обсужденія этого предмета, графъ Панинъ сказалъ мнѣ: „вы, Яковъ Александровичъ, написали лучше, чѣмъ вы говорите". Они, кажется, сами рады были выйти изъ того положенія, въ какое были поставлены созданными ими „главными началами", породившими общій страхъ и негодованіе въ людяхъ всѣхъ партій. Такимъ образомъ тѣ же лица, которыя подъ покровомъ бюрократической тайны произвели на свѣтъ начало произвольной консервативно-помѣщичьей полиціи, сами же черезъ нѣсколько мѣсяцевъ разрушили это начало. Предположенія коммисіи прошли благополучно чрезъ Главный Комитетъ, который разсматривалъ ихъ подъ предсѣдательствомъ Государя, и вышли оттуда въ формѣ высочайшаго повелѣнія 25-го марта 1859 года объ уѣздныхъ учрежденіяхъ.

Люди, которые опасались крестьянскихъ возстаній, не могли упрекнуть высочайшее повелѣніе 25-го марта, что въ немъ не были предусмотрѣны эти случаи. Одной изъ статей этого повелѣнія было постановлено:

„Вообще имѣя въ виду необходимость усиленія полицейской власти, при опредѣленіи служебныхъ обязанностей уѣзднаго исправника, .слѣдуетъ отличить два рода его дѣятельности: въ обыкновенное время и въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Въ первомъ отношеніи, опредѣливъ кругъ его обязанностей положительнымъ образомъ, предоставить ему бо́льшую самостоятельность; но въ то же время подчинить его и бо́льшой отвѣтственности за всѣ его дѣйствія. Во второмъ отношеніи, пересмотрѣвъ нынѣ существующіе законы о чрезвычайныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ въ случаяхъ нарушенія общественнаго порядка, точно опредѣлить случаи, когда уѣздная полицейская власть должна

пользоваться чрезвычайными правами и полномочіемъ и въ чемъ должны состоять эти права и полномочіе".

Съ другой стороны этимъ же высочайшимъ повелѣніемъ была похоронена мысль о генералъ-губернаторахъ, какъ это было упомянуто въ своемъ мѣстѣ, и поручено было министру внутреннихъ дѣлъ: сообщить въ свое время, въ какихъ губерніяхъ право дѣйствовать, въ извѣстныхъ случаяхъ, именемъ высочайшей власти, можетъ быть предоставлено губернаторамъ, а въ какихъ особо назначеннымъ лицамъ.

Я не выписываю здѣсь сообщенныя изъ главнаго комитета главныя начала для устройства уѣздной полиціи, потому что это было бы повтореніе, въ нѣсколько измѣненной редакціи, заключенія возвращеннаго отъ Государя 25 октября 1858 года всеподданнѣйшаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ. Относительно устройства полиціи не только существенныхъ, но никакихъ измѣненій сдѣлано не было; что же касается до основаній о хозяйственно-распорядительныхъ учрежденіяхъ, о дѣйствіяхъ полиціи въ чрезвычайныхъ случаяхъ и объ уполномочіи губернаторовъ или особо назначенныхъ лицъ дѣйствовать, въ извѣстныхъ случаяхъ, именемъ высочайшей власти—было сейчасъ упомянуто.

Точно также прошли чрезъ коммисію при главномъ комитетѣ и черезъ главный комитетъ изложенныя въ нашихъ соображеніяхъ предположенія объ учрежденіяхъ для разбора недоумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами и утверждены тѣмъ же высочайшимъ повелѣніемъ 25 марта. Сущность главныхъ началъ по сему предмету состояла въ слѣдующемъ:

1) Для разбора недоумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами учреждаются мировые судьи и уѣздныя расправы.

2) Для выбора мировыхъ судей, уѣздные предводители дворянства заблаговременно составляютъ списки всѣмъ помѣщикамъ, кои имѣютъ право быть избираемы въ мировые судьи; правильность составленія списковъ провѣряется собраніемъ дворянъ.

3) Выборщики изъ крестьянъ, въ каждомъ участкѣ особо, избираютъ изъ предъявленнаго имъ списка дворянъ мироваго судью и одного къ нему кандидата, которые и утверждаются въ сихъ званіяхъ начальникомъ губерніи.

4) Мировые судьи получаютъ содержаніе отъ 500 до 1,000 р.

изъ земскихъ повинностей, взимаемыхъ съ помѣщиковъ и крестьянъ; но должность ихъ ни въ какомъ классѣ не полагается.

5) Уѣздная расправа состоитъ изъ предсѣдателя и двухъ засѣдателей: одного изъ дворянъ, другого отъ крестьянъ, съ содержаніемъ засѣдателей отъ своихъ сословій, а предсѣдателя отъ дворянъ и крестьянъ.

6) Въ предсѣдатели уѣздной расправы назначается начальникомъ губерніи одинъ изъ мировыхъ судей, который получаетъ затѣмъ званіе уѣзднаго мироваго судьи.

Все измѣненіе нашихъ предположеній состояло къ томъ, что разрѣшеніе вопроса о необходимости третьей инстанціи по крестьянскимъ дѣламъ было отложено, „пока опытъ покажетъ будетъ ли настоять въ ней надобность или нѣтъ".

Особымъ высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся тоже 25-го марта 1859 года, повелѣно было: 1) образовать коммисію при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ, которая составила бы своды и соображенія по губернаторскимъ отзывамъ, съ присоединеніемъ къ нимъ чиновника II-го отдѣленія собственной канцеляріи и нѣсколько наиболѣе опытныхъ губернаторовъ и чиновниковъ губернскаго и уѣзднаго управленія; 2) поручить ей „начертаніе проектовъ новыхъ узаконеній, основаніемъ которыхъ должны послужить высочайше утвержденныя начала", и 3) на эту же коммисію возложить примѣненіе и дальнѣйшее развитіе утвержденныхъ 4-го іюля 1858 года началъ къ устройству городской полиціи для тѣхъ городовъ, въ которыхъ признано будетъ необходимымъ образовать полицію, независящую отъ уѣздной.

Соображая нынѣ успѣхъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ дѣлѣ устройства уѣздныхъ учрежденій и отклоненія мысли о генералъ-губернаторахъ, кромѣ приведенныхъ мною причинъ, едва ли не слѣдуетъ указать еще на одно обстоятельство, которое помогло нашему успѣху. Горячимъ защитникомъ необходимости военнаго или осаднаго положенія Россіи во время крестьянской реформы былъ Ростовцовъ,—человѣкъ новый,—до тѣхъ поръ занимавшійся воспитаніемъ кадетъ и вдругъ сдѣлавшійся государственнымъ дѣятелемъ, пользующимся особымъ довѣріемъ Государя. Онъ и прежде не пользовался популярностію, вслѣдствіе сопри-

косновенія его съ дѣломъ 14-го декабря; соприкосновеніе это общественнымъ мнѣніемъ признавалось неблаговиднымъ, а его вмѣшательство въ государственныя дѣла, въ особенности такое, какъ крестьянское, породило къ нему вражду въ людяхъ, которымъ онъ загораживалъ дорогу къ Государю. У него явилось много явныхъ недруговъ и тайныхъ враговъ-пріятелей въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Ему ставили также въ вину, что онъ, незначительный помѣщикъ, притомъ не жившій въ деревнѣ и далеко не аристократъ по происхожденію, принимается за дѣло, которое считалось исключительно дворянскимъ. По всему этому орловская партія не могла признать его своимъ равноправнымъ членомъ, а орудіемъ ихъ онъ не хотѣлъ быть, и пользовался расположеніемъ и довѣріемъ Государя не для нихъ, а для себя. Среди себя аристократическая правительственная партія не могла найти никого, кто бы могъ своимъ умѣніемъ вести дѣло и взять перевѣсъ надъ Ростовцовымъ. Муравьеву не удалась эта роль, онъ не сладилъ съ задачей, которая ему была задана. Панину, кажется, и не пробовали задавать подобный трудъ. Вначалѣ можетъ главные представители консервативныхъ началъ думали, что пріобрѣли въ Ростовцовѣ весьма полезное для ихъ цѣлей орудіе; но они не успѣли оглянуться, какъ обратились въ его второстепенныхъ сотрудниковъ. Они не могли этого не замѣтить, и, можетъ быть, потому сдѣлались такъ внимательны къ общественному мнѣнію, высказавшемуся противъ генералъ-губернаторовъ и уѣздныхъ начальниковъ; во всякомъ другомъ случаѣ они не были бы такъ воспріимчивы. Въ трудахъ министерства внутреннихъ дѣлъ по уѣзднымъ учрежденіямъ они видѣли противодѣйствіе тѣмъ началамъ, горячую защиту которыхъ принялъ на себя Ростовцовъ. Они желали только поразить его, неразбирая свойства оружія, за неимѣніемъ другого готоваго, и надѣясь впослѣдствіи исправить то, что было бы признано ими непригоднымъ для ихъ цѣлей. Этимъ объясняется сочувствіе князя Орлова, Буткова, Панина, Муравьева и другихъ къ предположеніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ по уѣзднымъ учрежденіямъ. Въ случаѣ упорства Ростовцова, онъ могъ бы сойти со сцены, а наши предположенія передѣланы точно также, какъ передѣланы были нами ихъ „главныя начала“. Но Ростовцовъ понялъ это,

не попался въ разставленныя ими сѣти, отказался отъ своихъ убѣжденій, отдѣлился отъ консерваторовъ и сталъ во главу движенія. Онъ понялъ, что дѣльныхъ сотрудниковъ онъ скорѣе найдетъ въ партіи прогресса, чѣмъ въ поборникахъ консерватизма, а поддержкой его въ этомъ направленіи будетъ Государь и духъ времени. Игра была проиграна консерваторами.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СУМАРОКОВЪ.

Современная его характеристика

(май 1769 г.).

Въ принадлежащемъ моей библіотекѣ рукописномъ сборникѣ конца XVIII вѣка, № 241, находится письмо неизвѣстнаго лица къ А. П. Сумарокову, представляющее любопытную характеристику этого писателя: письмо это дополняетъ новыми чертами нравственную физіономію Сумарокова, столь ярко выразившуюся въ его комедіяхъ, сатирическихъ статьяхъ, оффиціальныхъ «прошеніяхъ» и «доношеніяхъ» и особенно въ его частной перепискѣ. Печатаемое письмо вышло очевидно изъ подъ пера человѣка, близко знавшаго Сумарокова, посвященнаго въ его домашнія тайны и «дѣлавшаго Сумарокову много услугъ». Авторъ письма неизвѣстенъ; сборникъ, изъ котораго оно заимствовано, не сохранилъ подписи сочинителя. Послѣдній называетъ себя человѣкомъ, «долгое время обращавшимся въ свѣтѣ». Но онъ не принадлежалъ къ сильнымъ міра, не занималъ въ обществѣ положенія выдающагося: онъ признается, напримѣръ, что «гоненія» Сумарокова «могутъ причинить ему много безпокойствъ»; что онъ имѣлъ «нѣкоторыхъ милостивцевъ». Можно предположить, что издаваемое письмо писано княземъ Козловскимъ, не тѣмъ однако княземъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Козловскимъ, который доставилъ Сумарокову письмо къ нему Вольтера, отъ 26-го февраля 1769 года, напечатанное въ приложеніи къ трагедіи Димитрій Самозванецъ [1]). На такое предположеніе наводитъ письмо

[1]) О князѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ Козловскомъ, бывшемъ въ 1767—1768 гг. въ Коммисіи о сочиненіи новаго уложенія, въ концѣ этого или въ началѣ слѣдующаго года отправленнаго за границу и погибшаго въ Чесменскомъ бою, сообщаетъ наиболѣе точныя свѣдѣнія извѣстная брошюра „Essai sur la littérature russe“ и „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ Новикова. Этотъ молодой писатель не могъ быть авторомъ печатаемаго письма, потому что, разставаясь съ Сумароковымъ, оставался съ нимъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Напечатанное въ „Отечественныхъ Запискахъ“ письмо

князя Козловскаго, напечатанное въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1858 года, (февраль, стр. 589). Вотъ начало этого письма: «Вы вчера мнѣ въ отвѣтъ приказали, чтобъ я не присылалъ къ вамъ людей съ письмами, вы ихъ бить будете: я нашелъ способъ съ вами изъясниться, не причинивъ вреда посланному: вѣстовой мой вручитъ вамъ и письмо, и деньги. Однако, помните то, что наконецъ Созій отъ Аѳенитріона отказался». Повидимому, Сумароковъ исполнилъ свою угрозу: печатаемое нынѣ анонимное письмо оканчивается припискою: «Прошлаго года вы человѣка моего высѣкли за то, что онъ принесъ отъ меня письмо». Съ другой стороны изъ печатаемаго письма видно, что авторъ онаго наконецъ «отказался» отъ Сумарокова, какъ Созій отъ Аѳенитріона. Намекъ на то, что сочинителемъ издаваемаго письма былъ князь, можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ письма: «вы же сказываете, что вы еще ни съ однимъ вашимъ пріятелемъ не раздружились. Сія рѣчь похожа на ту, естьли бъ я сказалъ, что я еще и по нынѣ изъ моихъ княжествъ не потерялъ, которыхъ у меня никогда не бывало».

Съ бо́льшею вѣроятностію можно опредѣлить время написанія письма. Оно писано, когда Сумароковъ «не имѣлъ уже никакихъ подчиненныхъ» по службѣ, т. е. послѣ отставки его отъ должности директора театра. «Еще и понынѣ,—пишетъ авторъ письма,—театръ васъ не позабылъ. Еще носится слухъ о тогдашнихъ вашихъ безпорядкахъ». Отъ должности директора театра Сумароковъ былъ уволенъ въ іюнѣ 1761 года [1]). Въ другомъ мѣстѣ авторъ письма спрашиваетъ: «Можно ли почесть такого стихотворца за полезнаго обществу, которой бранитъ тѣхъ, кои даровали ему жизнь? которой съ женою и съ дѣтьми своими разлучился единственно для того, чтобы неистовство свое удовольствовать съ презрѣнною своею рабою; которой и теперь сей несчастной женѣ не даетъ жить спокойно и въ чужомъ домѣ: проѣзжая мимо ея окошекъ, кричитъ во все горло, бранитъ ее безчестными словами». Отецъ Сумарокова умеръ въ 1766 году. Въ прошеніи, поданномъ на имя императрицы въ сентябрѣ 1767 года, мать Сумарокова объясняетъ: «Недостойный сынъ мой Александръ, еще при жизни покойнаго мужа моего, неоднократно достовѣрными о непослушаніи своемъ знаками доказывалъ свою развратность во нравѣ и неистовство, а напослѣдокъ по несноснымъ его насъ оскорбленіямъ и личными противъ насъ съ умыслу чинимыми досадами до того, какъ отца своего, такъ и меня довелъ, что мы

князя Козловскаго принадлежитъ не кн. Ѳедору Алексѣевичу. Ср. Лонгинова, „Послѣдніе годы жизни Сумарокова“ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 г., стр. 1664.

[1]) „Отечественныя Записки“ 1858 г., февраль, стр. 583; „Москвитянинъ“ 1851 г., январь, кн. 2-я, стр. 210. Н. Т.

принуждены были, потерявъ уже къ нему всю родительскую любовь и милость, предать его проклятію и на дворъ къ себѣ ни подъ какимъ видомъ не пускать» [1]). Вышеприведенное мѣсто письма о непочтеніи Сумарокова къ «тѣмъ, кои даровали ему жизнь», могло бы подать поводъ къ заключенію, что письмо сочинено еще при жизни отца Сумарокова (т. е. въ первой половинѣ 1766 года); но это предположеніе опровергается слѣдующимъ мѣстомъ письма: «можно ли такого стихотворца назвать человѣкомъ, обществу полезнымъ, который, имѣя 50 лѣтъ отъ роду, толикимъ гнуснымъ подверженъ порокамъ?» Сумароковъ родился 14-го ноября 1717 года: эту дату онъ самъ выставляетъ въ своихъ письмахъ къ И. И. Шувалову [2]). Иначе опредѣлялся годъ рожденія Сумарокова его родственниками и близкими къ нему людьми. Дмитревскій въ 1768 году писалъ, что Сумарокову было «около 50 лѣтъ» [3]); до изданія академикомъ Я. К. Гротомъ писемъ Сумарокова къ И. И. Шувалову годомъ рожденія Сумарокова считали 1718 годъ. Вѣроятно, эту послѣднюю дату имѣлъ въ виду и авторъ издаваемаго письма. Какъ бы впрочемъ ни было, письмо несомнѣнно писано послѣ 1767 года. Если авторъ письма не зналъ о смерти отца Сумарокова, это могло произойти отъ того, что авторъ письма жилъ постоянно въ Петербургѣ; отецъ же Сумарокова скончался въ Москвѣ. Дѣйствительно, всѣ, приведенные въ письмѣ факты изъ жизни Сумарокова относятся къ періоду его петербургской жизни. Такъ, съ своею женою онъ разъѣхался еще въ Петербургѣ и при томъ ранѣе 1769 года: въ письмѣ 25-го января 1769 г. къ графу Г. Г. Орлову [4]) Сумароковъ жалуется: «Здѣсь дорого все, и моего имѣнія недостаетъ больше къ содержанію; а изъ жалованья даю я почти половину на содержаніе оставившей меня жены».

---

[1]) „Зритель" 1863 г., № 12, стр. 370.

[2]) Издавая письма Сумарокова къ И. И. Шувалову, академикъ Я. К. Гротъ замѣтилъ: „Настоящія письма" доставляютъ намъ и нѣсколько другихъ свѣдѣній для біографіи Сумарокова. Изъ 15-го письма мы узнаемъ въ точности время рожденія его — 14-е ноября 1717 года, а не 1718, какъ до сихъ поръ принимали. „Вчера, писалъ онъ 18-го ноября 1759 года, исполнилось мнѣ 42 года", Записки Академіи Наукъ, томъ I, кн. 1, стр. 14. Эта дата, прибавимъ мы, подтверждается и другимъ письмомъ Сумарокова къ И. И. Шувалову (десятымъ). Въ этомъ письмѣ, отъ 23-го маія 1758 г., Сумароковъ говоритъ: „мнѣ сорокъ ужѣ лѣтъ" (Ibid, стр. 36).

[3]) Nachricht von einigen russischen Schriftstellern (перепечатано въ III т. Библіографическихъ Записокъ) и Essai sur littérature russe (1771 г.).

[4]) Въ „Библіографическихъ Запискахъ" (I, 428—429), гдѣ напечатано это письмо, адресатомъ называется Безбородко. Лонгиновъ справедливо отвергаетъ это указаніе. „Русскій Архивъ" 1871 г., стр. 1655. Н. Т.

Другія приводимыя въ письмѣ подробности касаются также Петербургской жизни Сумарокова: въ подтвержденіе разсказа о неприличномъ поведеніи Сумарокова относительно одного доктора, авторъ письма прямо ссылается на «кадетскій корпусъ».

По изложеннымъ соображеніямъ мы склоняемся отнести составленіе письма къ началу мая 1769 года: въ письмѣ есть намекъ на похвалы Вольтера Сумарокову; это письмо, помѣченное Au Château de Ferney 26 février 1769 [1]), доставлено было Сумарокову Мусинымъ-Пушкинымъ 30-го апрѣля 1769 года [2]). Лѣтомъ 1769 г. Сумароковъ уже жилъ въ Москвѣ [3]), которая съ этого времени сдѣлась его постояннымъ мѣстопребываніемъ.

Н. Т.

«Милостивый государь Александръ Петровичъ! Я не знаю, какое вы въ томъ находите удовольствіе, чтобъ со мною ссориться. Я съ моей стороны всѣми способами стараюсь, чтобъ не имѣть съ вами никакого дѣла; но безпокойство вашего духа и безпримѣрная вашего сердца злоба принудили меня отъ вашихъ, хотя безсильныхъ, однако много безпокойствъ причинить мнѣ могущихъ защищаться гоненій. Безразсудное и мѣръ неимущее ваше самолюбіе столько васъ ослѣпляетъ, что вы, не видя званія вашего предѣловъ, весь свѣтъ презираете и почитаете за долгъ о каждомъ человѣкѣ говорить ему вредную ложь; а злоба вашего сердца, толь неосновательнымъ самомнѣніемъ управляющая, къ тому безпрестанно васъ привлекаетъ, чтобъ всѣмъ, которыхъ только имя вамъ извѣстно, вредить и досаждать и всевозможныя дѣлать обиды!

Вы мнѣ и каждому, который только имѣлъ нещастіе съ вами знаться, безпрестанно твердили, что общество не знаетъ вашихъ достоинствъ, что оно неблагодарно и что васъ почитать не умѣетъ. Скажите мнѣ, за что обществу васъ благодарить? Ежели за ваши трагедіи, то онѣ вамъ, а не обществу великую принесли пользу: я подъ именемъ пользы общественныя разумѣю великія дѣла. Примѣръ добродѣтельной жизни, человѣколюбіе, кротость, вспомоществованіе нещастнымъ, свобожденіе людей отъ разныхъ злоключеній, разумное правленіе съ своими подчиненными, науки и художества суть вещи, общественную пользу приносящія. Но я въ васъ ни одного изъ сихъ

---

[1]) См. 1-е изданіе трагедій Сумарокова „Димитрій Самозванецъ", въ приложеніи стр. 5. Лонгиновъ („Русскій Архивъ" 1871, стр. 1659) невѣрно опредѣлялъ время отправленія письма Сумарокова къ Вольтеру.

[2]) „Отечественныя Записки" 1858 г., февраль, стр. 585.

[3]) 4-го іюня 1769 г. Сумароковъ послалъ изъ Москвы письмо Козицкому. Лѣтописи русской литературы и древности, т. IV, отд. III, стр. 30. Н. Т.

мною упомянутыхъ качествъ не вижу: добродѣтели вашему сложенію противны, вспомоществовать нещастнымъ вы не имѣете случаевъ; а естьли бы вы оные и имѣли, то бы конечно весь родъ человѣческой погубить пожелали; подчиненныхъ, по щастію общества, вы никакихъ не имѣете: нещастливъ бы былъ человѣкъ тотъ, которой бы въ такихъ повелѣніяхъ находился! Еще и понынѣ театръ васъ не позабылъ. Еще носится слухъ о тогдашнихъ вашихъ безпорядкахъ. Вы же сказываете, что вы еще ни съ однимъ вашимъ пріятелемъ не раздружились. Сія рѣчь похожа на ту, естьли бъ я сказалъ, что я еще и понынѣ изъ моихъ княжествъ не потерялъ, которыхъ у меня никогда не бывало. Кто только знаетъ свойство вашего сердца, тотъ радоваться долженъ, что вы въ общественномъ правленіи никакого не имѣете участія. О наукахъ вы такъ разсуждать можете, какъ имѣющій великое чтеніе, но основательно онымъ не учившійся человѣкъ. О художествахъ вы столько знаете, сколько знаетъ и каждой просвѣщенной юноша, которой самъ никогда ни въ какомъ не упражнялся художествѣ. Въ чемъ вы обществу полезны? Что вы Вольтера, Корнелія, Шекспира и разные славные греческіе авторы покравъ, ваши мысли включили въ свои сочиненія, за то всѣ вамъ отдаютъ должное почтеніе и называютъ васъ первымъ въ нашей земли стихотворцомъ. Я и на то согласенъ, что ваши сочиненія приносятъ отечеству нашему не малую славу; но другіе говорятъ, что сія слава весьма ограничена и что пользы въ ней не очень много, утверждая, что мы такіе же люди, какъ и прочіе народы и, ежели иныя государства имѣли въ себѣ великихъ стихотворцевъ, то можно ли сіе почесть за великое дѣло, что и мы имѣемъ хорошаго трагика? Праведно ли они разсуждаютъ, или нѣтъ, то я вашему предаю разсужденію. Но я то скажу, что вы имѣющимъ хорошей вкусъ вашими сочиненіями дѣлаете великое удовольствіе; но удовольствіе съ пользою различныя суть вещи. Мы часто и въ томъ находимъ удовольствіе, что намъ предосудительно и вредно человѣческимъ чувствамъ: разные благовонные цвѣты, различныхъ древесъ плоды лѣсные, охота, рыбная ловля и протчія забавы великое приносятъ удовольствіе; но во ономъ немного важности и пользы. Я за важное и полезное почитаю все то, что можетъ содержать человѣческую жизнь въ добромъ порядкѣ и что клонится къ общему благополучію. То правда, что нравоучительными вашими сочиненіями, которыхъ очень немного, вы могли бы сдѣлать народу немалую пользу, есть ли бы примѣръ вашей жизни могъ онымъ соотвѣтствовать. Но разсудите сами: можно ли почесть такого стихотворца за полезнаго обществу, которой и за то, что сочинилъ нѣсколько хорошихъ трагедій, ненавидитъ весь человѣческой родъ? стихотворца, въ которомъ правды и

справедливости никогда не бывалъ; которой всю свою жизнь препровелъ въ бѣшенствѣ, безпрестанно другихъ клевещетъ и старается о повреженіи ихъ чести; которой бранитъ тѣхъ, кои ему даровали жизнь; которой съ женою и съ дѣтьми своими разлучился единственно для того, чтобы неистовство свое удовольствовать съ превращенною своею рабою; которой и теперь сей несчастной женѣ не даетъ жить спокойно и въ чужомъ домѣ: проѣзжая мимо ея окошекъ, кричитъ во все горло, бранитъ ее безчестными словами, посылаетъ къ ней въ домъ своихъ служителей, чтобы ее бранили и, написавъ къ ней ругательствомъ наполненное письмо, принуждаетъ своихъ дочерей, чтобъ на ономъ подписались. А когда ему мнимые ево други то выговаривали, то онъ клялся страшнымъ образомъ, что письма и служителей къ женѣ не посылалъ, хотя притомъ былъ весьма достойной человѣкъ, когда она гнусное письмо отъ него получила. Въ знакъ своего оправданія онъ будетъ ссылаться на своихъ дочерей такъ, какъ прежде дѣлалъ. Но можетъ ли дочь уличать въ глаза такого бѣшенаго отца? Можно ли такого стихотворца назвать человѣкомъ, обществу полезнымъ, которой, имѣя [1]) 50 лѣтъ отъ роду, толикимъ гнуснымъ подверженъ порокамъ и котораго разуму и природѣ съ воздержностію добродѣтель несвойственна? Вы, можетъ статься, скажете, что такого человѣка у насъ нѣтъ? Дай, Боже, чтобъ его не было!

Вы всегда привыкли говорить о чести, думая, что человѣка почитаютъ по рѣчамъ, а не по его дѣламъ. Но, скажите мнѣ, можно ли дать имя честности слѣдующимъ обстоятельствамъ? Вы, чтобы привести въ великое нещастіе слугу нѣкотораго господина, сказали, что онъ укралъ ваши ложки, и всѣми способами старались, чтобы отдать его въ полицію. Вамъ супруга ваша представляла, что ежели оной слуга ложки укралъ, то конечно въ томъ запрется. Тогда вы, пришедъ въ великой гнѣвъ, сказали: «я скажу, что я собственными моими то видѣлъ глазами», что вы и сдѣлали и неправедную вашу рѣчь утверждали многими клятвами. Я удивляюсь, какъ вы того въ то время не предвидѣли, что никто тому не повѣритъ и каждой подумаетъ, что ежели вы видѣли, какъ ваши ложки оной слуга кралъ, то для чего у него не велѣли отнять? Есть ли скажете, что вы въ то время въ такое пришли ума помѣшательство, которое вы гипохондріею называете, что сами о себѣ не помнили; то тому никто такъ какъ и протчимъ вашимъ рѣчамъ вѣрить не будетъ, ибо то противу здраваго разсужденія, чтобы, видя своего злодѣя предъ собою, всѣми силами отъ него не защищаться. У васъ же людей на дворѣ очень много и вы, видя вора, могли бы не только ему не

[1]) Въ рукописи: имѣетъ. Н. Т.

дозволить при своихъ глазахъ красть, но и, поймавъ онаго, предать справедливости правосудія.

Нѣкотораго честнаго человѣка, которой цѣлой вашъ домъ нѣсколько лѣтъ лѣчилъ, которой кромѣ знанія медицины и весьма разумной, и хорошаго нраву человѣкъ, вы столь много возненавидѣли за то, что не имѣлъ времени пріѣхать къ вашей наложницѣ, что теперь вездѣ мерзкими ругаете словами [1]). Свидѣтель тому кадетской корпусъ, въ которомъ вы его начали ругать безвинно въ чужомъ домѣ. Вы знали, что сего достойнаго человѣка супруга весьма слабаго сложенія и отъ того занемочь бы могла. Но вы, не взирая ни на благопристойность, ни на должность гостя, всякимъ почтеніемъ хозяину обязаннаго, начали бранить сего безвиннаго человѣка безчестнымъ образомъ, великій подняли крикъ и привели супругу хозяйскую въ такой страхъ, что она отъ васъ убѣжала. Вездѣ говорите, что оной вами обиженной человѣкъ недостоинъ того, чтобы вамъ съ нимъ и говорить! Его профессія весьма хороша и для человѣческаго роду нужнѣе прочихъ; разумъ его и доброе сердце многихъ достоинствъ для меня дороже. Вы же сами его прежде вездѣ хвалили. Но ваши хвалы непродолжительны, и никто теперь онымъ не повѣритъ такъ, какъ и вашимъ лживымъ рѣчамъ. Кого вы будете впредь хвалить, тому вы сдѣлаете немалое безчестіе, потому что такого почтутъ люди или за равнаго вамъ во нравѣ человѣка или скажутъ, что онъ подлымъ образомъ вамъ ласкательствуетъ. Вы, можетъ статься, скажете, что я васъ хвалилъ прежде, а теперь браню? Я васъ не браню, а говорю правду. Я и въ то время, когда къ вамъ хаживалъ, всегда говорилъ, что лучше васъ стиховъ въ Россіи никто не пишетъ, но что бѣшенѣе и злобнѣе васъ я еще никого не видалъ въ свѣтѣ. И вы въ другихъ родахъ у насъ первой человѣкъ: вамъ предъ такимъ человѣкомъ, которой цѣлой вашъ домъ два года или, можетъ быть, и больше лѣчилъ безъ всякаго возмездія, единственно то дѣлая съ одного дружества и почтенія къ

---

[1]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о хирургѣ Вульфѣ, которому Сумароковъ написалъ стихи, начинающіеся такимъ образомъ:

Во адѣ злобно смерть люта воспылала,
И двѣ болѣзни вдругъ оттоль она послала,
Единой дочери моей вонъ духъ извлечь,
Другою матери ея животъ пресѣчь;
На вспоможеніе пришелъ ко мнѣ рачитель,
Искусный горести моей преобразитель и т. д.

(Сочиненія Сумарокова, изд. 2-е, IX, 173).

Въ 1769 году Георгъ Вульфъ былъ членомъ медицинской коллегіи и штабъ-лекаремъ въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. См. мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ на 1769 г., стр. 115. Н. Т.

вашему дому, хвастаться чиномъ весьма безразсудно, ибо онъ, столько попеченія прилагая о вашемъ здоровьѣ безъ всякой награды и ничего отъ васъ за то не требуя, не лѣкаремъ, но вашимъ благодѣтелемъ называемъ быть долженъ. Вы всѣмъ говорите, что труды его заплачены будутъ. Вы ему заплатите развѣ такъ, какъ господину Вейтбрехту, который также, нѣсколько лѣтъ пользуя вашъ домъ и на своемъ коштѣ содержа и лѣча любезную вашу тварь, получилъ отъ васъ въ награжденіе брань и ругательство, ибо вы такимъ образомъ всѣмъ своимъ благодѣтелямъ и заимодавцамъ платить обыкли.

Мнѣ желая сдѣлать [1]) поврежденіе, были вы у нѣкотораго знатнаго господина и просили его, чтобы поговорилъ нѣкоторой знатной особѣ, чтобы о васъ дурно не говорила. Потомъ всѣмъ вы сказали, что эта особа ничего про васъ не говорила и что я много предъ вами налгалъ. Кто изъ насъ лжецъ, о томъ почти весь городъ знаетъ; но истинно никто вамъ не вѣритъ. Ежели всѣ слушаютъ ложныхъ вашихъ рѣчей, то дѣлаютъ единственно для того, чтобы не зрѣть вашего бѣшенства, которому вы были бы подвержены, есть ли бы вамъ кто сказалъ въ глаза, что говорите неправду, и которое уже всѣмъ наскучило. Я ни на кого предъ вами не лгалъ, а лжете вы предъ всѣми на меня. Я вамъ сказывалъ, что о поступкѣ вашей съ женою говорятъ весьма дурно; а не сказывалъ именно, кто о томъ говорилъ. Долговременное въ свѣтѣ обращеніе научило меня, какъ поступать и съ хитрѣйшими и свою внутренность скрывать умѣющими людьми. Но васъ кто не знаетъ? Вамъ и чрезъ шутку ничего сказать нельзя, ибо вы слышанную рѣчь пятидесяти человѣкамъ въ день, есть ли будетъ случай съ вами видѣться, перескажете; и будете о нихъ говорить каждому подъ секретомъ. Вы-жъ еще множество такихъ на меня басенъ наплели предъ нѣкоторыми людьми, что они сами теперь смѣются. Толь много безчестностей на меня налгавши, вы просили ихъ, чтобы мнѣ о томъ ничего не сказывали; изъ того разсудите, какой вы праведной и доброй человѣкъ, когда сами своихъ рѣчей стыдитесь и опасаетесь! Я самъ себя теперь корочу, что, зная нѣсколько вашу совѣсть, послѣ двухлѣтней ссоры съ вами по вашему прошенію,—какъ видно изъ вашего письма, которое еще у меня не издрано,—помирился! Мнѣ тогда всѣ говорили, что съ вами безъ драки знатца не можно; но я, не взирая на представленіе друзей моихъ и нѣкоторыхъ моихъ милостивцовъ, по несчастію моему, съ вами помирился. Сами то скажете, что я вамъ очень много дѣлалъ услугъ,—знаетъ о томъ вся ваша фамилія; а вы всегда меня обманывали; въ глаза говорили то, а за глаза другое.

[1]) Въ рукописи описка: знать. Н. Т.

Вы скажете, что это неправда; но слѣдующая ваша поступка послужитъ тому въ доказательство. Когда ваша супруга съ вами разлучилась, то вы, прося меня, чтобы я поѣхалъ къ ней съ нѣкоторымъ человѣкомъ вмѣстѣ и уговаривалъ па то, чтобы съ вами помирилась, и клялись такими клятвами, которыхъ я прежде сего и не слыхалъ,—что будете жить съ нею порядочно, что раскаеваетесь во всемъ и что никогда ни въ чемъ ни малѣйшаго ей дѣлать не будете безпокойства, я, повѣря вашимъ клятвамъ, поѣхалъ къ ней. Но не успѣлъ со двора вашего съѣхать, то вы нѣкоторому человѣку сказали, что вы единственно для того меня къ своей женѣ послали съ просьбою, чтобы доказать дѣтямъ, по матери рыдающимъ, что вы это для нихъ дѣлаете: чтобы они думали, что вы ихъ пользу предпочитаете своей. Потомъ вы сказали, что, зная заподлинно, что жена ваша съ вами не помирится, для того меня къ ней послали. Тогда сей человѣкъ вамъ сказалъ: «А ежели онъ вашу супругу уговоритъ и съ ней пріѣдетъ?»— «Я пропалъ!» тогда вы вскричали: «и кто ее привезетъ, тотъ мнѣ вѣчной злодѣй!» Вотъ какая ваша совѣсть! Вотъ толь много вами прославляемая честь! Простите мнѣ, что я принужденъ вамъ сказать, что такого чуднаго человѣка, какъ вы, я еще въ свѣтѣ не видывалъ. Какъ вы часто можете перемѣняться! Которыхъ людей вы безчестнѣйшимъ образомъ всегда бранили, такъ что и слушать вашихъ ругательствъ было мерзко, къ тѣмъ теперь начали ѣздить, не имѣя никакого стыда; и единственно то дѣлаете для того, чтобы бранить вездѣ жену, хвалить свою наложницу и представлять себя человѣкомъ безвиннымъ. Ужли то вы думаете, что тѣ люди не имѣютъ разума, чтобы вамъ повѣрили? Куда я радъ, что небо меня отъ вашего знакомства освободило, ибо я и теперь еще того стыжусь, что съ вами знаюся. Вы теперь по всему городу будете бѣгать и меня клеветать; но клеветаніи ваши никого повредить не могутъ, ибо всѣ васъ уже знаютъ. Что здѣсь ни написано, это почти всему городу уже извѣстно, и я для того только, собравъ нѣкоторыя ваши особливости, вамъ оные въ письмѣ моемъ напоминаю, чтобы вы знали о томъ, что свойства ваши народу извѣстны. А то вы думаете, что всѣ васъ почитаютъ за добраго человѣка!

Рѣчи ваши, касающіяся господина Г. З. Г. Ч. [1]) души вашей состояніе [2]). Я бы здѣсь много тому подобныхъ упомянулъ примѣ-

[1]) Т. е. графа Захара Григорьевича Чернышева. Въ сочиненіяхъ Сумарокова (т. IX, стр. 159) напечатано стихотвореніе. „На брачное сочетаніе его сіятельства графа Захара Григорьевича Чернышева“. Но и съ Чернышевымъ не обошлось безъ столкновеній. Въ письмѣ отъ 23 мая 1758 г. къ И. И. Шувалову, Сумароковъ жалуется, что графъ Чернышевъ сказалъ ему во дворцѣ: „Ты воръ“; что потомъ Чернышевъ „хвалился побить Сумарокова“. Записки Академіи Наукъ, томъ I, часть I, стр. 36—37.

[2]) Одно слово въ рукописи пропущено. Н. Т.

ровъ, но мнѣ и описывать толь гнусныя дѣла скучно и досадно. Лгите меня предъ всѣми, какъ вамъ угодно; но вѣдайте, что справедливой человѣкъ ничего не опасается. Я не такой трусъ, какъ вы: въ защищеніе моей чести я и жизнь тратить готовъ. Но знайте, что никто вамъ не повѣритъ: всѣмъ уже вы довольно извѣстны, и всѣ ваши слова идутъ на вѣтеръ. Я же защищать себя умѣю. Не думайте, чтобы я оборонялся вашимъ оружіемъ: я не подлый человѣкъ. Вы меня разумѣете. Я васъ прошу оставьте меня въ покоѣ; а я про васъ и слова говорить нигдѣ не буду и о томъ стараться буду, чтобы изъ памяти моей то исключить, что я зналъ такого странаго человѣка; величайтесь вашимъ званіемъ, какъ хотите. Я васъ почитаю за хорошаго автора, но мнѣ учиться отъ васъ нечего. Я помню ваши слова, въ присутствіи многихъ говоренныя, что ежели васъ Вольтеръ похвалилъ, того для васъ довольно и что о публикѣ нашей въ разсужденіяхъ вашихъ вы и не думаете. Вольтеръ знаетъ ваши стихи и по нимъ васъ хвалитъ; но есть ли бы ему извѣстна была ваша совѣсть, то онъ бы не только васъ, но и того, что васъ хвалитъ, ужаснулся. Я смѣюся и тому человѣку, которой, вамъ ласкательствуя, сказалъ, что вамъ все должно быть простительно, есть ли кто захочетъ сравнять вашъ порокъ съ вашими славными сочиненіями. Такое разсужденіе, по моему мнѣнію, весьма ветхое: поэтому стихотворцу должно простить, есть ли онъ здѣлаетъ и смертное убивство?

P. S. Прошлаго года вы человѣка моего высѣкли за то, что онъ принесъ отъ меня письмо. Сія поступка доказала вашъ разумъ. И хотя вы сказали, что многіе ваши друзья такую вашу нестерпѣливость похвалили; но повѣрьте, что они предъ вами притворствовали, или что они такъ, какъ [1]) и вы, неправедно разсуждаютъ: ибо можетъ ли слуга не послушаться своего господина, когда онъ ему куды нибудь прикажетъ отнести письмо? У однихъ только варваровъ, и то уже давно, такое было обыкновеніе, что сажали въ тюрьму посланника за то, что государь его имъ чрезъ него объявляетъ войну. Есть ли и теперь вы подобнымъ образомъ съ моимъ слугою поступите, то я вамъ отмстить буду имѣть притчину. Я бѣдныхъ вашихъ слугъ, которые часто мимо моего двора ходятъ и кои и такъ уже вами замучены, бить не буду, хотя бы вы ихъ ко мнѣ прислали и съ ругательствомъ; но опасайтесь, чтобы съ вашею милою тварью то сдѣлано не было, что̀ вы сдѣлаете съ моимъ слугою: ибо она, будучи въ нравѣ вамъ равна, и всѣхъ нынѣшнихъ вашихъ бѣшенствъ есть притчиною. И такой злобной твари можно ли жалѣть? Желаю вамъ доброй ночи».

Сообщ. Н. С. Тихонравовъ.

---

[1]) Въ рукописи: такъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1799 г. [1]).

3 іюня. Въ половинѣ сего мѣсяца откроетъ г. Шиллеръ въ Петергофѣ въ нововыстроенномъ имъ и на аглинской вкусъ расположенномъ домѣ трактиръ подъ названіемъ городъ Ростокъ, гдѣ можно будетъ имѣть весьма изрядные покои помѣсячно, недѣльно и денно, съ надлежащими службами; равно можно будетъ получать во всякое время холодное кушанье и напитки. Общей же обѣденной столъ будетъ у него въ часъ, а вечерній въ 8 часовъ. Равнымъ образомъ готовитъ онъ у себя и внѣ дома кушанье по заказу за какую цѣну кто заблагоразсудитъ. Напитки же у него отборные.

7 іюня. Полевому оберъ-священнику протоіерею Павлу Озерецковскому повелѣваемъ присутствовать въ синодѣ нашемъ (№ 45, указъ сенату отъ 6 апрѣля).

— Съ тирольской границы. Огорченіе противъ сообщниковъ французскихъ доходило до того, что когда встрѣчали кого съ остроносыми башмаками, тотчасъ скидали ихъ съ него, новомодныя шляпы срывали съ головъ и рубили въ куски; когда у кого волосы были съ наческою на лобъ, то пробирали ихъ насильно, говоря: «вить у ерцгерцога Карла не такая прическа» (№ 46).

14 іюня. Когда въ которомъ полку заболитъ аудиторъ, то для производства судебныхъ дѣлъ наряжать изъ фельдфебелей (№ 47).

— Признавая отличное усердіе и труды, на пользу службы подъемлемые нашимъ генералъ лейтенантомъ барономъ Аракчеевымъ, всемилостивѣйше жалуемъ ему графское имперіи нашей достоинство, распространяя оное на все потомство мужеска и женска полу, отъ него происходящее.

— Во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ отличной ревности, усердію и приверженности двора нашего егермейстера барона Кутайсова, жалуемъ ему

---

[1]) Выписки изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», изд. при «Императорской Академіи Наукъ», въ 4-ю долю. Выписки объемлютъ царствованіе Павла I, съ 1796 г. См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г. томъ XI, стр. 187, 589, 754; изд. 1875 г. томъ XII, стр. 231, 451, 663 и 830; томъ XIII, стр. 457; изд. 1882 г., томъ XXXV, стр. 425 и 653; изд. 1883 г., томъ XL, стр. 449—456, 645—648; изд. 1884 г., томъ XLI, стр. 363—370.

графское имперіи нашей достоинство, распространяя оное на весь родъ и потомство мужеска и женска полу, отъ него происходящее.

— Изъ Константинополя отъ 27 мая. Бонапартъ писалъ письмо къ Джезаръ-пашѣ, стараясь его съ одной стороны обольстить, а съ другой устрашить нашествіемъ на Акру. Означенной паша велѣлъ ему отвѣчать словесно, что для того къ нему не пишетъ, что не хочетъ имѣть съ нимъ никакого сообщенія, что ждетъ его въ Акрѣ, и скорѣе погребется въ развалинахъ сего города, нежели сдастъ ему оной добровольно.

— Въ 1 линіи въ домѣ подъ № 244 есть заморская треска рыба, продажа которой поручена артельщику Кузьмѣ.

— Пропала лягавая собака кобель, у которой шерсть бѣлая рѣдинькая съ крапинками, а глаза въ темныхъ круглыхъ пятнахъ, какъ въ очкахъ. Ежели кто поймавъ приведетъ на Невской прешпектъ, въ домъ Михайлова, подъ № 11, тому дано будетъ 25 рублей.

17 іюня. Гренадерскаго Жеребцова полку маіоръ Турчаниновъ за непозволительную просьбу быть посланну волонтеромъ—арестуется на мѣсяцъ (№ 48).

— Отъ генералъ-прокурора дочери отставнаго бригадира Хрущова, принесшей е. и. в. жалобу на генерала-маіора Багратіона, по высочайшему повелѣнію, отказывается.

— Императорская академія художествъ, въ силу устава своего, будетъ отворена на нѣсколько дней съ 29 числа сего мѣсяца для зрѣнія разныхъ художественныхъ произведеній; въ слѣдствіе чего приглашаетъ и тѣхъ гг. художниковъ, кои ей не принадлежатъ, воспользоваться симъ случаемъ для показанія публикѣ произведеній своихъ талантовъ. Почему желающіе выставить работы свои, во время отворенія академіи, могутъ доставить оныя заблаговременно.

— Санктпетербургскій полиціймейстеръ, по данному ему отъ г. военнаго губернатора, его сіятельства графа Петра Алексѣевича фонъ деръ Палена ордеру, извѣщаетъ симъ почтенную публику, что для удаленія дороговизны въ дровахъ установлена на оную, сообразно прошлогодней цѣнѣ, такса и аршинныя березовыя велѣно продавать въ 3 р. 50 коп., трехчетвертныя березовыя въ 3 р. 25 коп., а мѣшенныя съ сосновыми и еловыми въ 2 р. 50 коп., а рубленыя изъ барокъ въ 2 р. сажень; а ежели кто отважится продавать свыше означенной цѣны, съ того учинено будетъ законное взысканіе.

— Въ Малой Коломнѣ, на рѣчкѣ Пряшкѣ, въ домѣ купца Шестова продается 15 лѣтъ мальчикъ, поведенія хорошаго и которой пишетъ изрядно. Цѣна оному 300 р.

— Во 2-й Мѣщанской въ Каменсковомъ подъ № 142 домѣ у Луизы Гриль продаются разныя гипсовыя фигуры и грудной портретъ его сіятельства генералъ фельдмаршала графа Суворова, цѣною 25 рублей.

24 іюня. По случаю заключеннаго три года тому уже назадъ секретнаго трактата маркграфомъ баденскимъ съ французскою республикою, генералы отъ инфантеріи принцъ Баденскій наслѣдный и принцъ Баденскій Карлъ отставлены отъ службы (№ 50).

— Балтійскаго корабельнаго флота контръ-адмиралъ Чичаговъ отставленъ отъ службы безъ мундира.

— Урожденной Хрущовой, вѣнчанной съ княземъ Кантемиромъ, содержащимся нынѣ въ крѣпости, просившей о выдѣлѣ изъ его имѣнія части

для ея пропитанія, объявляется, что высочайшаго соизволенія на сіе не послѣдовало.

— Уволенному отъ высочайшаго двора ключнику Егору Люсову, просившему о пожалованіи ему пенсіона, отказывается затѣмъ, что онъ по маловременному его служенію къ таковой наградѣ не подходитъ.

— Прошеніе исключеннаго изъ службы прапорщика Василья Уткина о принятіи паки въ службу, или о пожалованіи ему половиннаго пенсіона, оставлено безъ уваженія потому, что подобная милость оказывается только тѣмъ, кои оную заслужатъ.

— Бывшихъ польскихъ войскъ поручику Максимиліану Богуславскому, просившему дозволенія формировать полкъ изъ польскихъ дворянъ на жалованьи и экипировкѣ отъ казны и проч. отказывается по неимѣнію въ томъ надобности.

— Отставному прапорщику Василью Шанину, содержащемуся въ смоленской крѣпости за то, что надѣлъ мундиръ, просившему о помилованіи, возвращено прошеніе съ наддраніемъ и со взысканіемъ за пересылку его по почтѣ вѣсовыхъ денегъ.

28-го іюня. Е. и. в. объявилъ свою похвалу генералъ-маіорамъ Гудовичу 4, Радту и Грамздорфу за исправность ихъ полковъ (№ 51).

— По случаю произшедшаго отъ неисправности команды маріентальскаго гарнизона—канониру Лихачову во время пальбы увѣчья, опредѣленъ онъ на инвалидное содержаніе на счотъ командовавшаго имъ лейбъ-гвардіи артиллерійскаго баталіона Ставискаго, и предписывается впредь въ подобныхъ сему приключеніяхъ всѣхъ таковыхъ же увѣчныхъ, отставляя на инвалидное содержаніе, содержать на счотъ тѣхъ командировъ, въ вѣдомствѣ котораго сіе случится.

— Въ именномъ е. и. в. высочайшемъ указѣ, писанномъ и подписанномъ собственною его величества рукою, полученномъ въ придворную контору сего іюня 22 дня, изображено: камергера Юшкова отставить отъ двора.

— Находящемуся при герольдіи титулярному совѣтнику барону Белингсгаузену по высочайшему повелѣнію объявляется, что проэктъ его — о средствахъ избавить жителей губернскихъ и уѣздныхъ городовъ отъ корыстолюбія, яко не имѣющій должнаго основанія и не показывающій надежныхъ способовъ къ искорененію сего зла, оставленъ безъ уваженія.

1-го іюля. Коллежскому ассесору Шираю, просившему награды за заслуги, оказанныя имъ въ 1771 году во время бывшей моровой язвы, отказано, потому что сіе не касается до нынѣшняго времени (№ 52).

— Бывшей е. и. в. великаго князя Константина Павловича кормилицѣ Степановой, просившей объ освобожденіи дому ея отъ общественныхъ повинностей, отказано, поелику никто изъ гражданъ безъ особыхъ причинъ отъ того не освобождается.

— Вдовѣ придворнаго закройщика Мейера, просившей о покупкѣ въ казну дома ея на уплату долговъ, отказано, поелику казна въ домѣ ея надобности не имѣетъ.

— Женѣ отставленнаго на инвалидное содержаніе флотскаго комисара Барандукова, просившей монаршей помощи на воспитаніе дѣтей ея, отказано, для того, что изъ жалованья мужа ея должна ихъ и воспитывать.

— Мологскому мѣщанину Масленникову, просившему о сдѣланіи ему на три года какой либо денежной ссуды, какъ въ просьбѣ пустой, отказано.

— Дѣвицѣ, дочери флотскаго комисара Шилова, просившей на приданое, дается знать, что она отъ щедротъ монаршихъ получитъ на приданое награжденіе тогда, когда представитъ кто ея женихъ.

— Изъ Митавы отъ 6 іюня. Супруга Людовика XVIII и принцесса французская прибыли сюда.

— Сего іюня 7 числа отлучился безъ вѣдома надв. сов. Павла Кирил. Кревати дворовой его крѣпостной человѣкъ Николай Козминъ сынъ Вздорневъ, которой примѣтами: росту малаго, сухощавъ, лицемъ бѣлъ, волосы имѣетъ свѣтлорусые, глаза въ прикось, платье на немъ камзолъ и штаны сѣронѣмецкаго сукна, а отъ роду ему 22 года. Ежели гдѣ таковой окажется съ видомъ какимъ бы то ни было или безъ виду, то задержавъ его представить въ надлежащее присутственное мѣсто для доставленія къ помянутому совѣтнику Кревати, 2 адмиралтейской части 1 кварт. въ домъ подъ № 25.

— 4 адмиралт. части въ 1 кварталѣ подъ № 41 продается семья людей: мужъ съ женою и двумя дѣтьми, сыномъ 6 и дочерью 8 лѣтъ. Отецъ ихъ хорошей кучеръ, а мать исправная прачка и знаетъ поварничать и портняжить. (Тамъ же).

5-го іюля. Отставленной отъ службы контръ-адмиралъ Чичаговъ принятъ по прежнему въ оную (№ 53).

8-го іюля. Бывшему тверскому купцу Коровцыну, утруждавшему е. и. в. жалобою на тверскаго купца и градскаго голову Святогорова и купца-жъ, Блохина, которые яко бы до того притѣснили его, что онъ высѣченъ плетьми и сосланъ въ ссылку, по высочайшему повелѣнію отказывается, ибо онъ подвергнулся означенному наказанію за самовольную отлучку въ Санктпетербургъ тогда, когда былъ ночнымъ сторожемъ и за предосудительные поступки, въ которыхъ онъ давно былъ замѣченъ (№ 54).

— Изъ Милана отъ 7 іюня... 31 мая прибылъ въ Туринъ е. и. в. великій князь Константинъ Павловичъ. Онъ живетъ во дворцѣ принца Кариньяна. (Тамъ же).

— 1-й адм. части въ 1-мъ кварталѣ подлѣ экзерциргауза на Зимній каналъ и на Мойку продается генералъ-лейтенанта графа Аракчеева угловой каменной подъ № 46 домъ, о цѣнѣ котораго узнать можно у живущаго подлѣ онаго дому прапорщика Бородулина.

— Нѣкій, похвальнаго поведенія нѣмецъ, разумѣя твердо по русски и по французски, также исторіи и географіи, желаетъ вступить въ какой либо господской домъ учителемъ или надзирателемъ надъ дѣтьми, а другой иностранецъ, искусившейся въ сельской экономіи, желаетъ съ женою своею, коя знаетъ ходить за птицами и скотомъ, опредѣлиться къ какому либо господину дворецкимъ или вотчиноправителемъ. Они пребываніе свое имѣютъ въ домѣ экономическаго общества, что на Невской перспективѣ подъ № 79, у живущаго въ верхнемъ ярусѣ портнаго Марва.

12-го іюля. Е. и. в. объявилъ свое благоволеніе генералу отъ инфантеріи графу Декастро-Лацердѣ за исправность его полку (№ 55).

— Предписывается, чтобъ въ тѣхъ полкахъ, гдѣ маіоры состоятъ полковыми командирами, а старѣе оныхъ есть маіоры въ томъ же полку, то не взирая на старшинство, полковымъ или баталіоннымъ командирамъ быть пѣшими предъ баталіонами, а прочимъ верхами.

— Снисходя на прошеніе полковника Энгельгардта, всемилостивѣйше жалуемъ воспитанницѣ его Александрѣ дворянство съ законнымъ правомъ къ наслѣдству (указъ сенату отъ 2 іюня).

— Изъ Митавы отъ 10 іюня. Сегодня праздновано здѣсь бракосочетаніе дюка Ангулема съ французскою принцессою Терезіею, въ большой залѣ замка, въ которой воздвигнутъ былъ простой и цвѣтами украшенной олтарь. Кардиналъ Монморанси совершалъ обрядъ вѣнчанія и говорилъ трогающую рѣчь. Здѣшній гражданскій губернаторъ г. Дризенъ, военный начальникъ г. Ферзенъ, всѣ знатнѣйшія особы въ Митавѣ, здѣшнее католическое духовенство и достопочтенный аббатъ Еджевортъ, съ прочими были при бракосочетаніи, происходившемъ между обоими молодыми высокими особами въ разстояніи 600 верстъ отъ ихъ отечества. 100 человѣкъ тѣлохранителей, заслуженныхъ ветерановъ, коихъ, какъ извѣстно, имѣлъ при себѣ Людовикъ XVIII, составляли свиту. Дюки Вилекіе, де Гишъ, де Флери, графъ Сенъ-При, (который взялъ въ сохраненіе брачной договоръ), маркизъ де Пеллъ, графъ д'Авари, графъ Коссе и проч. засвидѣтельствовали своими подписьми актъ бракосочетанія. Ввечеру данъ обѣденной столъ, къ которому приглашены были знатнѣйшія особы, и между прочимъ г. Гюильерми, бывшій депутатомъ третьяго чина при генеральныхъ статахъ въ 1789 году, съ которымъ Людовикъ XVIII разговаривалъ весьма милостиво и въ лестныхъ выраженіяхъ.

— Въ книжныхъ лавкахъ въ суконной линіи подъ № 15 и противъ гостинаго двора зеркальной линіи подъ № 21 и 22 вступило въ продажу: Хроника россійской императорской арміи, въ которой къ любопытному свѣдѣнію подробно и ясно описано всѣхъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ древнее происхожденіе, когда и чемъ начало свое возъимѣли, изъ какихъ народовъ навербованы были полки, въ какихъ были они противъ непріятеля подвигахъ, каковыя были въ арміи полкамъ перемѣны, и какимъ образомъ приведены полки въ нынѣшнее положеніе и въ какомъ числѣ состоятъ, кто гдѣ былъ въ полку шефъ и какъ нынѣ полку имя и какіе состоятъ во оныхъ мундиры, знамены, штандарты и проч. Цѣна въ бум. пер. 1 руб. 65 коп., въ пер. 2 руб.

— Прошлаго іюня мѣсяца пропалъ на Петербургской сторонѣ темной кофейной съ двумя бѣлыми на груди пятнами пудель, у котораго на лѣвой ляшкѣ выстрежена литера L. Потерявшій, любя сію собаку, обѣщаетъ поймавшему и приведшему ее въ 1 линію въ д. архитектора Шустера, нарочитое и требованію его соразмѣрное награжденіе, а тому, кто ее отъищетъ или укажетъ, гдѣ она находится, дастъ онъ 25 руб. съ тѣмъ еще, что и о имени его никому не открывать.

— По невѣдѣнію жительства г. Конд. . . .на, просятъ его чрезъ сіе взятую имъ книгу Bergmanns physicalische Beschreibung der Erdkugel, возвратить тому, кому слѣдуетъ.

— На В. О. у Тючкова моста въ Ржевскомъ трактирѣ подъ № 292 у капельмейстера Ганзина продаются 6 мальчиковъ, кои по полутору году были въ ученіи, изъ коихъ двое играютъ на скрипкахъ, двое на флейтахъ и двое на волторнахъ. О цѣнѣ же оныхъ спросить у вышеозначеннаго капельмейстера Ганзина.

— Отъѣзжающіе за границу: княгиня Елена Никитична Вяземская со внукою ея графинею Толстою и со служителями иностранными Христіаномъ-Фридрихомъ Дидрихомъ и Іоганомъ Беристейномъ, и съ здѣшними, Петромъ Семеновымъ, Тимофѣемъ Алексѣевымъ и Семеномъ Родіоновымъ и служительницами Маѳою Куликовою и Елизаветою Захаровою; живетъ на Невской проспективѣ въ собственномъ домѣ.

15-го іюля. По отзыву генералъ-лейтенанта графа Ланжерона, дѣлающему честь, коимъ онъ изъявляетъ, что по молодости и малоопытности его онъ находитъ себя не въ силахъ командовать порученнымъ ему корпусомъ, назначенъ въ мѣсто его командиромъ ввѣреннаго ему корпуса, генералъ отъ кавалеріи графъ Девіоменилъ (№ 56).

— Вдовамъ флота капитана 2 ранга Волоцкой и губернскаго регистратора Сторожевой, просящимъ на заплату долгу изъ монаршей милости, отказывается потому, что всякъ обязанъ долги свои самъ оплачивать.

— Прошеніе генералъ-маіора князя Уракова, отставленнаго за нерадѣніе къ службѣ и просящаго монаршей милости, оставлено безъ уваженія.

— Продается: Приключенія маркиза Г. или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ, 6 частей 2 р. 50 коп.

— Въ старой Исакіевской улицѣ изъ дома подъ № 228 пропало серебряное чеканной работы старинное съ позолотою блюдо, купно съ стоящимъ на немъ изъ серебра же литымъ бычкомъ, на которомъ изображенъ сидячій человѣкъ. Почему симъ просятъ какъ торгующихъ серебромъ, такъ и серебрянаго дѣла мастеровъ означеннаго блюда, ежели оно кому для покупки или для залогу будетъ принесено, не покупать, а продавца задержать, а ежели кто свѣдавъ какимъ либо случаемъ гдѣ оно находится, доставитъ о семъ служителю Симіону Калинину вѣрное извѣстіе, тому дано будетъ 50 рублей.

— Потребенъ для сопровожденія нѣкоего господина въ Москву человѣкъ, которой бы самъ имѣлъ надобность туда ѣхать.

— Литейной части въ 5 кварталѣ противу Преображенскаго цейхгауза въ домѣ придворнаго бекермейстера Гунина есть продажная дѣвка.

19-го іюля. Гарнизоннаго Розенталя полку маіоръ Козловъ по неспособности къ службѣ отставленъ отъ оной (№ 57).

— Его и. в. объявляетъ свою благодарность генералъ-маіору и шефу драгунскаго полка Глазенапу, за приведеніе полку его въ надлежащій порядокъ, а равно онаго же полку подполковнику Кобеляцкому, капитану Осинскому и порутчику Арсеньеву, кои съ усердіемъ своимъ оному споспѣшествовали.

— Е. п. в. объявляетъ свое благоволеніе всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ, бывшимъ вчерашняго числа (14 іюля) въ маневрѣ на фрегатѣ, яхтахъ и іолахъ; служителямъ же нижнихъ чиновъ жалуетъ по рублю на человѣка и по фунту говядины, и сверхъ того особенную изъявляетъ благодарность за все оное распоряженіе адмиралу графу Кушелеву.

— Е. и. в. всемилостивѣйше жалуетъ всѣмъ полкамъ, въ корпусѣ фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго состоящимъ, гренадерскій маршъ, не полагая въ ономъ присоединенной къ оному корпусъ Ребиндера.

— Объявляется благодарность рекомендованнымъ отъ аглинскаго правительства за порядокъ и чистоту на россійскихъ корабляхъ, въ Англіи находящихся, командующему эскадрою вице-адмиралу Макарову, флота капитанамъ Грейгу и Моллеру, равно и прочимъ командирамъ кораблей и фрегатовъ.

— Продается молодая горнишная дѣвка изрядная собой, умѣющая шить золотомъ и приготовлять бѣлье. Видѣть ее и о цѣнѣ узнать можно въ Большой Мильонной у Конюшеннаго моста въ домѣ булошника подъ № 35; у дворника.

— Отъ генералъ-лейтенанта и всей артиллеріи инспектора графа Аракчеева всѣмъ селитреннымъ поставщикамъ, желающимъ ставить въ артиллерію

на Шостенскіе пороховые заводы селитру, объявляется, что имъ притѣсненій какъ въ пріемѣ оной селитры, такъ и въ заплатѣ за оную изъ казны денегъ дѣлано не будетъ потому, что на помянутыхъ заводахъ денегъ нынѣ состоитъ 84,900 р., да ассигновано изъ казенныхъ палатъ 106,375 р., а на случай многой поставки селитры, есть ли будетъ оной суммы недостаточно, то изъ артиллерійской экспедиціи въ скорости еще доставлено будетъ. А дабы выдача денегъ и проба селитры была безъ замедленія дѣлана, то предписано отъ его сіятельства начальнику заводовъ брать подписки отъ самихъ поставщиковъ селитерныхъ, котораго числа прибудетъ на заводы, когда сдѣлается проба селитры и когда выдача денегъ послѣдуетъ, и оныя подписки представлять къ нему, слѣдовательно всякой поставщикъ и властенъ будетъ въ оныхъ подпискахъ объяснять, есть ли ему отъ заводовъ какое притѣсненіе или остановка въ выдачѣ денегъ сдѣлана будетъ, да самимъ графомъ будетъ усмотрѣно время, сколько продерживаемы они бываютъ на заводахъ.

20-го іюля. Изъ Турина отъ 19 іюня. Фельдмаршалъ Суворовъ, выступя изъ Турина въ походъ противъ Макдоналевой арміи, написалъ слѣдующую записку къ генералу Кейму, которой распоряжалъ осадою Туринской крѣпости: „Господинъ генералъ! Я иду къ Піаченцы разбить непріятеля. Постарайтесь принудить Туринскую крѣпость къ сдачѣ, чтобъ мнѣ не пѣть молебствія прежде васъ (№ 58)“.

— За отъѣздомъ изъ С.-Петербурга продается горнишная дѣвка 20, да кухарка 23 лѣтъ, обѣ видныя и хорошаго поведенія. Видѣть ихъ и о цѣнѣ спросить на почтовомъ дворѣ у кол. рег. Житкова.

— Отъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ объявляется, чтобы желающіе ставить во оное общество, а равно и въ училище святыя Екатерины впредь на одинъ годъ разные припасы и прочее и взять ниже просимыхъ цѣнъ, а именно: муки ржаной 6 руб. 90 коп., крупъ грешневыхъ 12 рублей, пшенныхъ 16 руб., овсяныхъ 10 рублей, ячныхъ 8 руб., гороху бѣлаго 12 руб., отрубей пшеничныхъ 2 руб. за каждый куль, муки крупичатой лучшей московской 2 руб. 40 коп., пшеничной 1 руб. 60 коп., масла чухонскаго 8 руб., тожъ коровьяго русскаго 6 руб. 50 коп., конопляного 4 руб., орѣховаго, маковаго 8 руб., крупъ грешневыхъ, овсляныхъ и ячныхъ мелкихъ, манныхъ, смоленскихъ, бобовъ турецкихъ и чечевицы 2 руб. 40 коп., гороху зеленаго и сѣраго 2 руб. и мыла шуйскаго крѣпкаго 4 руб. 80 коп. за каждой пудъ; овса самаго лучшаго 3 руб. 80 коп. за четверть,—являлись для торговъ въ помянутое общество по утрамъ или хотя и послѣ обѣда въ обыкновенное только время, для 1-го сего іюля 25, для 2-го—28, а 3-го и окончательнаго будущаго августа 2 числъ не иначе, какъ съ вѣрными залогами или съ законными свидѣтельствами, а безъ того никто и къ торгу допущенъ не будетъ.

26-го іюля. Объявлено благоволеніе штабъ и оберъ-офицерамъ, бывшимъ вчерашняго (23 го іюля) числа въ маневрѣ на фрегатѣ, яхтахъ и іолахъ, а за распорядокъ и устройство адмиралу графу Кушелеву; нижнихъ же чиновъ служителямъ по чаркѣ вина на каждаго, да сверхъ того тѣмъ, кои были на яхтѣ Симіонъ и Анна по рублю на человѣка. Равно объявлено благоволеніе эскадрѣ контръ-адмирала Чичагова за скорое эскадры сей отправленіе изъ Ревеля посредствомъ верпованія и буксира (№ 59).

— Изъ Парижа отъ 5 іюля. Та часть Швейцаріи, гдѣ теперь Массена, такъ истощена по словамъ здѣшнихъ газетъ, какъ будто бы опустошила оную саранча египетская.

— Изъ Кронштадта отъ 14 іюля. Пришелъ корабль прусскій Гиндрихъ-Карлъ, кор. Х. Шауеръ, въ 14 дней изъ Готенбурга съ купеческими сельдями.

— На Петербургской сторонѣ въ Малой Дворянской улицѣ подъ № 495 продается горнишная 13 лѣтъ дѣвка, знающая все принадлежащее до горничныхъ услугъ, и которая при томъ лица весьма пріятнаго.

— 4 адмир. части въ 4 кварталѣ въ домѣ кол. ас. Большакова подъ № 286 продается дѣвка, которая собою изрядна и молода, а спросить объ ней у живущихъ въ оном домѣ въ верхнемъ этажѣ.

29-го іюля. Е. и. в. объявилъ свое удовольствіе мушкетерскаго Марковскаго полку маіорамъ Рынкевичу и Золотницкому за ревность и особое усердіе, оказанное при сформированіи онаго полку (№ 60).

— Титулярному совѣтнику Елецкому, вторично утруждавшему государя императора о пожалованіи ему пенсіона, по высочайшему повелѣнію объявляется, что и первую его о семъ просьбу высочайше повелѣно оставить безъ уваженія и безъ отвѣта.

— Воронежской губерніи Валуйской округи отъ 3-хъ деревень однодворческихъ повѣреннаго Ѳедора Савельева, за дерзновенное его къ государю императору прошеніе, коему и самъ онъ, какъ по справкамъ и собственному его признанію явствуетъ, не внялъ, е. и. в. повелѣть соизволилъ посадить на полгода въ смирительный домъ и вмѣстѣ изслѣдовать подлинно ли, какъ показываетъ онъ, отправлена имъ просьба сія по убѣжденію города Валуевъ однодворца Толстова, коему за сочиненіе дано 6 возовъ соломы и собрано со ста душъ по 3 копѣйки, и буде откроется сіе справедливымъ, то и однодворца Толстова отдать въ смирительной домъ на такое же время, взыскавъ съ него и деньги и солому.

— Казанской губерніи города Георгіева мѣщанина Матвѣя Савина, дерзнувшаго утруждать государя императора неправильною жалобою на георгіевскій уѣздный судъ за отказъ ему въ дѣлѣ и на магистратъ за содержаніе его подъ стражею, е. и. в. за дерзость ложной жалобы, справками и отзывами мѣстнаго начальства обнаруженной, и за упорство его въ платежѣ складочныхъ рекрутскихъ денегъ, повелѣть соизволилъ съ зачетомъ селенію, его самого отдать въ рекруты; буде же онъ не годенъ, то одного изъ семейства его, а ежели и въ семействѣ годныхъ нѣтъ, отдать его на полгода въ рабочій домъ.

— Отставного корнета Фальковскаго, двукратно утруждавшаго государя императора доносомъ на помѣщиковъ Фащей въ пропускѣ ими въ бывшую перепись крестьянъ, въ чемъ онъ по показанію и уликѣ крестьянъ самъ былъ виною, бывъ обличенъ во взяткахъ и злонамѣренной утайкѣ ревизскихъ душъ, е. и. в. повелѣлъ посадить въ смирительный домъ на мѣсяцъ, содержа на хлѣбѣ и водѣ.

— При чемъ по высочайшему е. и. в. повелѣнію всѣмъ вообще подтверждается, что всякъ дерзнувшій по двукратной просьбѣ еще утруждать е. и. в., имѣетъ быть посаженъ въ тюрьму на мѣсяцъ.

— Изъ Кронштадта, отъ 14 іюля. Сего іюля 1, 4 и 5 дня пришли сюда слѣдующіе корабли: № 226, шведской—Марія-Елизабетъ, кор. Р. Крехлеръ, въ 4 дня изъ Стокгольма съ купеческими квазцами; № 227 аглинской Джупитеръ, кор. А. Каси, въ 20 дней изъ Абердина; 229, Трисистеръ кор. Р. Гакинсонъ, въ 30 дней изъ Ньюкастеля, оба порожіе.

ЕКАТЕРИНГОФЪ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г., въ сентябрской книгѣ, въ переводѣ-извлеченіи изъ рукописи Генриха Реймерса, помѣщенъ разсказъ на страницѣ 474: «О гуляніи 1-го мая 1800 г. на Невскомъ проспектѣ», въ которомъ говорится: «съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Павелъ Петровичъ подарилъ Екатерингофъ и Анненгофъ князю Гагарину и графу Палену, майское гулянье и гулянье въ Троицынъ день происходятъ уже не въ Екатерингофѣ, а было 1-го мая 1800 г. на Невскомъ проспектѣ». Но это продолжалось не долго такъ какъ въ 1804 году, Александръ I отдалъ дворецъ и садъ столицѣ и, съ тѣхъ поръ ежегодно 1-го мая, по заведенному обычаю, петербуржцы ѣздятъ встрѣчать лѣто въ Екатерингофъ, но большинство публики, посѣщающей это гулянье, врядъ ли знаютъ прошлое Екатерингофа, почему въ нашей настоящей замѣткѣ мы познакомимъ читателя съ исторіею этого загороднаго дворца временъ Петра и Елизаветы.

Екатерингофскій дворецъ построенъ далѣе устья Фонтанки, на берегу, противъ того мѣста, гдѣ въ началѣ мая 1703 года Петръ I, лично командуя флотиліею лодокъ, взялъ два шведскія судна.

Здѣсь въ 1712 г. онъ построилъ деревянный домъ въ два этажа съ бельведеромъ, который назывался Подзорнымъ дворцомъ, и при немъ разбилъ небольшой садъ и подарилъ его Екатеринѣ Алексѣевнѣ, назвавъ Екатерингофомъ. Сюда съ ранней весны до поздней осени пріѣзжалъ, на ночь, на двѣ, изъ любимаго своего Петергофа, Петръ I и здѣсь чаще, чѣмъ въ Петергофѣ, живали лѣтомъ царица и ея дочери. Домъ въ 2 этажа, въ 7 оконъ по фасаду, съ дверью по срединѣ, къ каналу на взморье; по бокамъ канала, обсаженные деревьями два небольшіе бассейна и густая роща за домомъ, съ просѣками вмѣсто аллей—вотъ что былъ Екатерингофъ при Петрѣ и

Екатеринѣ I. Забытый при слѣдующихъ царствованіяхъ до Елисаветы, при ней Екатерингофскій дворецъ расширенъ былъ почти вдвое по плану архитектора графа Растрелли, который пристроилъ, подъ одну крышу съ петровскимъ дворцомъ, по 3 окна съ каждаго бока; прежнюю кровлю понизилъ, окружилъ ее балюстрадою, вытянулъ золотыя пилястры между окнами и надъ ними наличники, чѣмъ сообщилъ уединенному дому затѣи своего времени, требовавшаго прогулокъ, охотъ, каруселей, баловъ. Конечно, при этомъ не забыто было и устройство танцовальной залы, но были ли большіе балы въ Екатерингофѣ—неизвѣстно.

Съ воцареніемъ Екатерины, домъ соименной ея предшественницы осужденъ былъ на забвеніе и лишь народъ ходилъ сюда на прогулку въ Екатерингофскій садъ 1-го мая встрѣчать лѣто; при этомъ бывала иллюминація, которую посѣщала и императрица, но этимъ посѣщеніемъ забытаго дворца все и ограничивалось. Дворецъ обветшалъ. Гофъ-интендантская контора, замѣнившая канцелярію строеній, немного заботилась о поддержкѣ петровскихъ воспоминаній, а по докладу о негодности и дороговизнѣ возобновленія Екатерингофскаго дворца, императоръ Павелъ I въ 1800 году, указомъ 31-го марта, оставивъ одинъ дворецъ, бо́льшую часть земли подарилъ княгинѣ А. П. Гагариной. Александръ же I, указомъ 1804 г., дворецъ со всѣмъ, что въ ономъ находится, а равно и самое мѣсто велѣлъ «сдать по надлежащей описи въ вѣдѣніе графа А. С. Строгонова», завѣдывавшаго комитетомъ правленія городскихъ повинностей въ Петербургѣ, т. е. отдалъ дворецъ и садъ столицѣ. Съ этихъ поръ городъ сталъ заботиться объ этомъ гульбищѣ, единственномъ для жителей Коломны. Генералъ-губернаторъ Петербурга, знаменитый герой 1812 года, графъ Милорадовичъ, особенно оказывалъ ревность къ улучшенію Екатерингофа, и, при немъ, даже завелся ресторанъ съ музыкою, иллюминаціями, спускомъ аэростатовъ и прочими забавами для увеселенія публики. Ко времени отдѣлки Екатерингофа относится въ автобіографическихъ «театральныхъ воспоминаніяхъ» Рафаила Зотова, проведшаго всю свою службу при театральной дирекціи, слѣдующій разсказъ:

«Окончивъ свои утреннія служебныя занятія, графъ Милорадовичъ ежедневно отправлялся въ Екатерингофъ, бралъ меня съ собою въ коляску, и, послѣ осмотра работъ, заходилъ къ князю Шаховскому (извѣстному драматургу), жившему тамъ на дачѣ барона Раля. Это была первая дача отъ поворота съ обводнаго канала. У князя жили тогда на дачѣ самыя талантливыя воспитанницы театральной школы, готовившіяся къ выпуску,—и онъ обучалъ ихъ

драматическому искусству. Тамъ были тогда: Дюръ, (вышедшая впослѣдствіи замужъ за Каратыгина 2, а Шаховской писалъ для нея лучшія роли въ своихъ піесахъ), К. Телешева, отличная танцовщица и любимица графа Милорадовича; Азаревичева и Зубова, также танцовщицы, Монруа, прелестная пѣвица, потомъ по замужеству Шелихова, и Строгонова, одаренная прекраснымъ контральтомъ. Надобно замѣтить, говоритъ Зотовъ, что Телешева и Азаревичева принадлежали къ семейству князя Шаховскаго и директора театровъ Майкова; прочія же помѣщены были въ этомъ лѣтнемъ жилищѣ по своимъ талантамъ.

«Здѣсь-то графъ оставался обѣдать и проводилъ свои вечера, присутствуя при урокахъ воспитанницъ и любуясь развивающимися ихъ дарованіями.

«Извѣстно, что никто изъ высокихъ лицъ не можетъ въ жизни сдѣлать ни шагу, чтобы толпа не перетолковала его. И тутъ много было толковъ объ этой дачѣ князя Шаховскаго; можемъ по истинѣ увѣрить, что всѣ толки и слухи были пустою клеветою. Во все время пребыванія тамъ графа не только не было ничего предосудительнаго, но даже не было сказано ни одного слова неприличнаго. Графъ былъ любезенъ, милъ, шутилъ со всѣми, изобрѣталъ для нихъ костюмы, туалеты, прически, но тѣмъ все и кончалось.

«Были тамъ вовсе другія продѣлки, которыхъ конечно ни князь Шаховской, ни графъ не знали.

«Толпа волокитъ осаждала по вечерамъ заборы дачи, и сквозь рѣшетки происходили разные переговоры, размѣнъ писемъ и все, что можно было».

Такъ вотъ Екатерингофъ, по своимъ воспоминаніямъ, даже причастенъ къ исторіи русскаго театра. Въ 1826 г. вновь повелѣно было гофъ-интендантской конторѣ принять въ свое вѣдѣніе дворецъ въ Екатерингофѣ, поправить его и поддерживать аккуратно. Ремонты 1840 и слѣдующихъ годовъ возобновили столѣтнюю постройку Петра. Въ началѣ 1850-хъ годовъ, часть замѣчательностей петровскаго времени, вещей Петра I и проч., перешла изъ Екатерингофа въ составъ петровской галлереи императорскаго эрмитажа, и теперь, доживая вѣкъ свой, дворецъ мало говоритъ о своемъ основателѣ. Описаніе всѣхъ находившихся вещей въ Екатерингофскомъ дворцѣ можно найти въ «Описаніи Петербурга» Пушкарева, стр. 313, томъ I.

И. Н. Божеряновъ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ТЕРЕБЕНЕВЪ.

1780—1815 гг.

Скульпторъ и каррикатуристъ 1812 г.

Въ настоящее время, когда недавно послѣдовало освященіе храма Христа Спасителя, служащаго вѣчнымъ памятникомъ событій 1812 г., не безъинтересно будетъ вспомнить объ имени русскаго художника, каррикатуриста Ив. Ив. Теребенева, пользовавшагося въ ту эпоху большою популярностью и снискавшаго своими произведеніями громкую себѣ славу, тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ, ко времени открытія храма, изданы гравюры, изображающія различныя битвы изъ отечественной войны, рисованныя Скотти. Поэтому мы смѣемъ думать, что для читателей «Русской Старины» настоящій очеркъ не будетъ чуждъ ихъ вниманія.

Въ «Русской Старинѣ», въ XXIII томѣ за 1878 годъ, въ статьѣ «Первый бытовой живописецъ Венеціановъ» говорится: «блистательно выполнивъ программу на академика, передъ самою отечественною войною, въ тяжелую годину ея, Венеціановъ не могъ имѣть портретныхъ заказовъ, но онъ не оставался безъ дѣла. Вмѣстѣ съ Ив. Ив. Теребеневымъ (отличнымъ рисовальщикомъ, рано унесеннымъ смертію) Венеціановъ компановалъ, въ очеркахъ, каррикатуры на французовъ, выполнявшіяся на металлѣ и пускавшіяся въ продажу, иллюминованныя красками.

«Сколько именно выпущено было тогда каррикатуръ Венеціанова, ни онъ самъ, ни другіе, не приводили въ извѣстность; во всякомъ случаѣ, сравнительно съ Теребеневскими, ихъ было въ 10 разъ меньше.

«Отличались онѣ меньшею остротою вымысла и уступали въ характерности рисунка композиціямъ Теребенева, составившаго себѣ ими громкую извѣстность, вполнѣ заслуженную».

Эти строки побудили насъ собрать свѣдѣнія объ Ив. Ив. Тере-

еневѣ, такъ какъ труды его относятся къ одной изъ самыхъ любытныхъ эпохъ настоящаго столѣтія; насколько мы успѣли удачно сполнить принятую на себя задачу, предоставляемъ судить читателямъ, и заранѣе извиняемся за приводимыя цѣликомъ свѣдѣнія Теребеневѣ изъ журналовъ, но дѣлаемъ это потому, что статьи о емъ принадлежатъ выдающимся литераторамъ того времени и вмѣстѣ ъ тѣмъ характеризуютъ ихъ отношенія къ личности Теребенева и ежду собою.

Въ журналѣ «Сынъ Отечества» за 1815 г. № 4 помѣщенъ слѣдующій некрологъ Теребенева: «января 16 скончался здѣсь въ Петербургѣ извѣстный публикѣ художникъ Ив. Ив. Теребеневъ 35 лѣтъ. Одаренный счастливѣйшими отъ природы способностями, почитался онъ по художеству первымъ между сверстниками своими въ академіи, при всемъ томъ, что избранная имъ часть—скульптура, была не та, къ которой онъ наибольшую чувствовалъ охоту и способность. Онъ болѣе расположенъ былъ къ живописи, однако же по нѣкоторымъ соображеніямъ приневолилъ себя идти въ скульптурный классъ [1]), и сдѣлался почти безъ всякаго прилежанія скульпторомъ превосходнымъ. По выпускѣ изъ академіи, оставленъ онъ былъ въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ при оной пенсіонеромъ, каковые отправляются, для дальнѣйшаго усовершенствованія, на казенный счетъ въ чужіе края и по пріѣздѣ обратно занимаютъ преимущественно мѣста при академіи, но легкомысліе и пылкость характера, нетерпящаго принужденія, заставили его прежде времени отстать отъ академіи и идти своимъ путемъ—путемъ неопытнаго и безпечнаго юноши, который натурально не велъ ни къ храму славы, ни къ храму богатства.

Произведенныя имъ съ того времени скульптурныя работы, изъ коихъ важнѣйшія суть: большіе барельефы новаго адмиралтейскаго фасада, таковые же барельефы и статуи на торжественныхъ воротахъ, воздвигнутыхъ въ 1814 г. въ честь императорской россійской гвардіи [2])—произведенія, цѣнимыя знатоками, прославили его не столь

---

[1]) Такое приневоливаніе практиковалось и позднѣе въ академіи и президентъ Оленинъ, исходя изъ того, что произвольность слѣдуетъ гнать, не допускалъ свободнаго выбора отрасли искусства воспитанниками, и когда въ 1819 году никто изъ учениковъ не пожелалъ быть скульпторомъ, то ихъ распредѣлили по соображенію начальства, не обращая вниманія на природныя способности и наклонности. И. В.

[2]) Зданіе главнаго адмиралтейства построено по вступленіи на престолъ императора Александра I-го, по проэкту профессора архитектуры А. Д. Захарова, причемъ были уничтожены валы и ровъ, окружавшіе старое зданіе;

ко, сколько сочиненныя и гравированныя имъ въ послѣдніе два года каррикатуры, кои по справедливости заслужили, чтобы публика отличила ихъ и за рисунокъ, и за изобрѣтеніе между всѣми порожденными симъ временемъ произведеніями площаднаго русскаго художества. Съ рѣдкими по своей части дарованіями соединялъ покойникъ Теребеневъ энтузіазмъ ко всему изящному, и сердце до того доброе, что оно завлекало его нерѣдко помогать другимъ, между тѣмъ какъ онъ самъ нуждался.

Съ такими качествами не могъ онъ, конечно, составить себѣ состояніе, тѣмъ болѣе, что не бывъ нигдѣ опредѣленъ на жалованье, жилъ единственно своимъ художествомъ. При жизни доставляло оно ему съ семействомъ безнуждное пропитаніе и только; но послѣ его жена и четверо малолѣтнихъ дѣтей остаются въ совершенной бѣдности. Въ ожиданіи, пока человѣколюбивыя особы призрятъ вдову и сиротъ достойнаго сего художника, издатель «Сынъ Отечества» принимаетъ на себя продажу коллекціи замысловатыхъ его каррикатуръ, кои публикованы были у книгопродавца Ивана Сліонина и которыя теперь получать можно съ пониженіемъ цѣны 35 р. за 25 р. въ пользу вдовы Теребенева и его дѣтей».

Статья эта подписана А. Востоковымъ, членомъ академіи наукъ, знаменитымъ изыскателемъ по части русскаго языка и словесности, бывшимъ товарищемъ Теребенева по академіи художествъ, въ которой Востоковъ окончилъ курсъ и по выходѣ изъ нея въ 1803 г. поступилъ въ гражданскую службу. За этою статьею напечатано нижеслѣдующее примѣчаніе: «издатель «Сынъ Отечества», принимая на себя съ величайшимъ удовольствіемъ собраніе каррикатуръ—трудовъ покойнаго Теребенева, долгомъ поставилъ довести до свѣдѣнія публики благородный поступокъ книгопродавца Ив. Вас. Сліонина, который возвратилъ безденежно вдовѣ и сиротамъ всѣ купленныя имъ у покойнаго гравированныя доски съ отпечатанными съ нихъ и уже раскрашенными листами, для продажи въ ихъ пользу. Нѣтъ сомнѣ-

---

на фронтонахъ адмиралтейства Теребеневскіе барельефы существуютъ до сихъ поръ.

Тріумфальныя Нарвскія ворота построены были изъ дерева по рисунку знаменитаго архитектора Гваренги (вызванъ въ Россію при Екатеринѣ II: родился въ г. Бергама въ 1744 г., ученикъ Рафаэля Менгса и Поччи; умеръ въ Спб. въ 1817 г.), а въ августѣ 1830 г. приказано было императоромъ Николаемъ воздвигнуть по тому же (плану) самому рисунку настоящія ворота, но не много подалѣе, передъ мостомъ черезъ рѣку Тракановку. Открыты онѣ въ августѣ 1833 г. и обошлись казнѣ, кромѣ гранитнаго цоколя и фундамента, въ 78,413 р., а мѣди употреблено 5,507. И. Б.

ія, что почтенные наши соотечественники оправдаютъ его ожиданія
вдова съ сиротами узнаетъ, что добрыхъ людей много вездѣ, а
олѣе всего на Руси.

Цѣна за все собраніе, 24 раскрашенныхъ каррикатуры въ листъ,
акъ выше сказано, 25 р., а съ пересылкою во всѣ города Россіи
7 р., но никому не возбраняется дать и болѣе».

Затѣмъ въ № 5 того же журнала мы нашли «письмо къ изда-
елю» извѣстнаго баснописца Измайлова такого содержанія: «увидѣвъ
изъ послѣдней книжки «Сынъ Отечества», что собраніе каррикатуръ
окойнаго нашего Гогарта продается у васъ въ пользу бѣдной его
довы и дѣтей, препровождаю при семъ къ вамъ для такого же
потребленія 100 экземпляровъ басенъ моихъ и сказокъ—это послѣдніе
кземпляры; въ книжныхъ лавкахъ остается ихъ весьма мало, и съ
нѣшняго времени продажа ихъ тамъ, по коммисіи отъ меня, пре-
ратится. Я надѣюсь, что прежде, нежели вздумаю приступить ко
торому изданію моихъ бездѣлокъ, сіи 100 книжекъ могутъ у васъ
азойтись. Сердечно сожалѣю, что состояніе мое не позволяетъ мнѣ
дѣлать важнѣйшаго пособія несчастному семейству любимаго всѣми
ртиста, котораго остроумныя и единственныя у насъ въ своемъ родѣ
роизведенія дойдутъ безъ сомнѣнія до потомковъ нашихъ вмѣстѣ
ъ незабвенными происшествіями послѣдней войны съ Наполеономъ.
. Измайловъ. 13-го февраля 1815 г.».

Каждый экземпляръ басенъ и сказокъ продавался по 2 руб. 50 к.,
съ пересылкою 3 р.

Спустя цѣлыхъ 13 лѣтъ имя Теребенева составило полемическое
ререканіе между П. П. Свиньинымъ, Ѳ. В. Булгаринымъ и Н. И.
речемъ, а извѣстный сочинитель «Сумашедшаго Дома» А. Воейковъ
ъ издаваемомъ имъ военно-литературномъ журналѣ «Славянинъ»,
. VII, за 1828 г., помѣстилъ статью подъ названіемъ: «Дай Богъ
доровья Николаю Ивановичу (Гречу)». «Въ апрѣльской книжкѣ «Оте-
ественныхъ Записокъ», говоритъ Воейковъ, П. П. Свиньинъ, глубоко
астроганный твердостью Булгарина, который не захотѣлъ пожертво-
ать дружбѣ сатирическою статьею своею: «Извощикъ метафизикъ»,
перепечаталъ оную въ собраніи своихъ сочиненій, горько жалуется
очтеннѣйшей публикѣ на то, что многіе смѣются надъ страстію его,
виньина, отыскивать доморощенныхъ геніевъ и полугеніевъ на толку-
емъ рынкѣ. «Я горжусь, восклицаетъ онъ, что первый возвысилъ
насъ противу шарлатановъ иностранцевъ, основывающихъ славу свою
право на карманы наши на предубѣжденіи нашемъ и равнодушіи
ъ русскимъ художникамъ»; прочитавъ сіи строки, я самъ разнѣ-
ился, мнѣ стало жаль Павла Петровича, который «терпитъ за

патріотическія побужденія, на защиту православной Руси въ битвѣ, нравственной битвѣ—также, имѣющей свои опасности.

«Въ жару патріотизма, я взялся было уже за перо, чтобы оборонять честь «Извощика метафизика», «Мясника астронома», «Портного географа» и другихъ «отысканныхъ въ низшемъ классѣ народа людей съ отличными дарованіями (смѣю сказать, говоритъ П. П.) геніевъ въ своемъ родѣ.

«Въ эту самую минуту попалась мнѣ въ руки одна книжка «Сынъ Отечества» 1820 г., я развернулъ ее и нашелъ слѣдующее: «прочитавъ въ № 5 «Отечественныхъ Записокъ», издаваемыхъ Павломъ Свиньинымъ, разсказываемое о покойномъ скульторѣ Теребеневѣ, который будто бы 1) «преданъ былъ пьянству и умеръ отъ слѣдствій сего порока», я почелъ себя въ правѣ вступиться за честь покойника Теребенева, котораго я зналъ конечно покороче, нежели г. Свиньинъ, хотя онъ и говоритъ, что примѣръ, приводимый имъ о Теребеневѣ, принадлежитъ къ числу имъ самимъ замѣченныхъ. Можно смѣло назвать неправдою будто бы Теребеневъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ, «чувствуя свои таланты, но не находя средствъ трудами своими не только возвышаться, но даже содержать безбѣдно жену и дѣтей: ибо всѣ лучшія и выгоднѣйшія работы сняты были иностранцами, впалъ въ отчаяніе, и искалъ отрады и утѣшенія въ возможности позабыться въ чаду вина».

«Теребеневъ имѣлъ четырехъ дѣтей; положимъ, что это можетъ назваться многочисленнымъ семействомъ, но онъ содержалъ жену и дѣтей безбѣдно своимъ художествомъ, что могутъ засвидѣтельствовать всѣ его знакомые. Они никогда не видали семейства его въ такой крайности, чтобы 2) «имъ не на что было въ морозъ купить связку дровъ, и чтобы они ходили въ рубищѣ», какъ ихъ описываетъ Свиньинъ для украшенія анекдота своего. Далѣе, будто бы 3) «всѣ лучшія и выгоднѣйшія работы сняты были иностранцами»—неправда. Ибо здѣсь конечно рѣчь идетъ о скульптурныхъ работахъ, а со времени выпуска изъ академіи Теребенева, знатнѣйшія скульптурныя работы въ здѣшней столицѣ произведены русскими, и въ томъ числѣ нѣкоторыя самимъ Теребеневымъ.

4) «Теребеневъ никогда не впадалъ въ отчаяніе», отъ котораго всего вѣрнѣе предохраняемъ былъ своею безпечностью—главнѣйшимъ порокомъ, какой въ немъ друзья его замѣчали. Онъ никогда не забывался до того, чтобы 5) «въ чаду вина искать утѣшенія»—которое по своему характеру, могъ гораздо скорѣе найти въ нѣдрахъ семейства своего и въ кругу друзей.

«Онъ раздѣлялъ съ ними умѣренную чашу пиршества, но его никогда не видали напивающагося до безпамятства.

«Наконецъ, П. П. увѣряетъ, будто бы, 6) въ 1811 г. какимъ то образомъ одна изъ каррикатуръ его (Теребенева), попалась въ руки отличнаго любителя художествъ, незабвеннаго покровителя талантовъ графа А. С. Строгонова; онъ обращаетъ вниманіе на изобрѣтателя, поощряетъ его, доставляетъ ему работу и водворяетъ довольство въ его семействѣ.

Теребеневъ не прежде, какъ въ февралѣ 1813 г. началъ заниматься каррикатурами, а графъ Строгоновъ скончался въ 1811 году и никогда никакой работы не доставлялъ Теребеневу.

«Художникъ этотъ незадолго до смерти своей былъ обласканъ графинею Софіею Вл. Строгоновою, впрочемъ она не имѣла случая доставить ему какихъ либо работъ, или сдѣлать какое либо при жизни пособіе. Но за то облагодѣтельствовала она оставшееся по немъ семейство, взявши старшую дочь Теребенева въ число воспитываемыхъ на ея счетъ бѣдныхъ дѣвицъ, и доставивши вдовѣ его выгодное мѣсто. Вотъ истина!

«Послѣ всего замѣченнаго, излишне было бы опровергать седьмую небылицу, будто бы «по восчувствованіи Теребеневымъ отвращенія къ пьянству, (коему онъ между тѣмъ никогда преданъ не былъ) ядъ онаго, воспріявшій уже свое дѣйствіе, довелъ его до гроба».

«Причиною смерти Теребенева была простуда и скорбутъ.

Сія статья убѣдила меня въ томъ, что Булгаринъ имѣлъ все право вновь напечатать похожденіе «Извощика метафизика» въ собраніи своихъ сочиненій.

«Н. И. Гречь, пустивъ во всенародное извѣстіе настоящую исторію семи небылицъ, объ одномъ художникѣ Теребеневѣ, выданныхъ за быль издателемъ «Отечественныхъ Записокъ», безъ сомнѣнія предостерегъ многихъ патріотовъ, легковѣрныхъ и раздражительныхъ.

За это обличеніе—дай Богъ здоровья Николаю Ивановичу».

Ив. Ив. Теребеневъ находился въ академіи художествъ съ 1785 г.; получилъ золотую медаль 14-го августа 1800 года за вылѣпленіе, вмѣстѣ съ Моисеевымъ и Демутомъ, вмѣсто программъ, двухъ барельефовъ къ памятнику Петра I, поставленному противъ Михайловскаго замка

Сынъ Теребенева—Александръ Ив. Теребеневъ былъ знаменитымъ скульпторомъ и извѣстенъ своимъ путешествіемъ на югъ Россіи, гдѣ, въ званіи скульптора, находился при изысканіи пантикапейскихъ древностей въ Керчи, откуда съ ними возвратился въ Петербургъ и

многимъ древностямъ сдѣлалъ превосходныя реставраціи. Женатъ былъ на дочери Егорова, извѣстнаго профессора живописи, которая скончалась въ больницѣ св. Маріи, а послѣ нея скоро и самъ Теребеневъ, одержимый delirium tremens, обрѣлъ свой плачевный конецъ въ Обуховской больницѣ. (См. «Современная Лѣтопись» за 1866 г. № 15). Имя его находится на медали въ память столѣтія академіи художествъ.

Его работѣ принадлежатъ 10 огромныхъ гранитныхъ каріатидъ, поддерживающихъ портикъ у зданія Эрмитажа.

Другой братъ Ив. Ив.—Михаилъ Теребеневъ былъ академикомъ по части живописи (портретистъ). Занимался миніатюрою на кости, а также и акварелью; изъ послѣднихъ работъ нѣсколько портретовъ имъ дѣлано съ семейства Г. И. Вилламова.

Перечисленіе награвированныхъ картинъ Ив. Ив. Теребенева можно найти въ монументальномъ трудѣ Д. А. Ровинскаго—«Русскія народныя картинки» въ 5 томахъ, изданныхъ въ 1881 году.

И. Н. Божеряновъ.

ВРЕДНЫЯ СЕКТЫ.

Очерки уральскаго сектантства по оффиціальнымъ даннымъ.

Законъ 3-го мая 1883 года «о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ» внесетъ, безъ сомнѣнія, не мало облегченій въ многочисленную среду русскихъ сектантовъ, избавивъ ихъ отъ многихъ стѣсненій, отравлявшихъ до сихъ поръ жизнь нѣсколькихъ милліоновъ людей. Послѣдствія этого закона не замедлятъ, конечно, сказаться самымъ благотворнымъ образомъ на настроеніи сектантовъ, на ихъ отношеніи къ государственному и церковному строю.

Тяжелыя условія общественной жизни, которыя окружали русскихъ сектантовъ до этого закона, разнообразныя, нерѣдко весьма суровыя, преслѣдованія, которымъ они еще такъ недавно подвергались за отправленіе богослуженія и духовныхъ требъ по обрядамъ своихъ ученій—все это, какъ извѣстно, чрезвычайно печально отражалось на русскомъ расколѣ, способствуя выдѣленію изъ него разныхъ крайнихъ сектъ и ученій.

Сектанты, лишенные почти всякой возможности исповѣдывать свое вѣроученіе, съ теченіемъ времени, постепенно и мало по малу охладѣвали къ религіознымъ обязанностямъ, привыкали обходиться безъ религіознаго поученія и наставленія; среди нихъ все замѣтнѣе начиналъ развиваться религіозный индиферентизмъ, равнодушное, безразличное отношеніе къ вѣрѣ. А такъ какъ для массы народа религія до сихъ поръ является единственнымъ источникомъ духовно-нравственнаго развитія, то отсюда понятно, что съ утратою этого источника въ извѣстной части народа неизбѣжно долженъ былъ явиться упадокъ нравственныхъ началъ, а это въ свою очередь

должно было повлечь за собою, въ большей или меньшей степени, деморализацію народныхъ нравовъ.

Съ другой стороны непрестанныя преслѣдованія и стѣсненія, направленныя противъ сектантовъ, способствовали развитію среди ихъ идей и воззрѣній крайняго мистицизма, которымъ особенно увлекались натуры сосредоточенныя, углубленныя въ свой внутренній, духовный міръ. Люди, у которыхъ разбивались всѣ житейскія привязанности, нарушадись всѣ земные, жизненные интересы, невольно начинали искать себѣ утѣшеніе въ заоблачныхъ мечтаніяхъ туманнаго мистицизма. Этимъ обстоятельствомъ въ значительной степени слѣдуетъ объяснить быстрое развитіе мистическихъ сектъ, въ родѣ хлыстовъ, шалопутовъ, спасова согласія и т. п.

Наконецъ, преслѣдованія, которымъ подвергались сектанты, не могли, разумѣется, не вызывать въ нихъ непріязненныхъ чувствъ къ власти, къ существующимъ государственнымъ порядкамъ. Въ ученіяхъ различныхъ сектъ все чаще и чаще начинали проглядывать тенденціи, враждебныя власти,—анти-государственныя, говоря оффиціальнымъ слогомъ. Къ числу такихъ сектъ слѣдуетъ отнести: бѣгуновъ, неплательщиковъ, лучинковцевъ, немоляковъ-упорщиковъ, не-нашихъ, сѣкачей и т. п.[1]).

Въ настоящихъ очеркахъ мы имѣемъ въ виду, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, хотя отчасти ознакомить публику съ нѣкоторыми изъ этихъ сектъ и ученій.

I.

Бѣгуны.

При разсмотрѣніи всеподданнѣйшаго отчета о состояніи Пермской губерніи за 1879 годъ, покойный государь императоръ противъ объясненія о томъ, что въ средѣ многочисленнаго населенія горнозаводскихъ мастеровыхъ возникаютъ секты, у которыхъ непризнаваніе властей и неповиновеніе имъ составляетъ основное начало, изволилъ отмѣтить: «обратить на это особое вниманіе».

Вслѣдствіе этого комитетъ министровъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ доставить по этому вопросу надлежащія свѣдѣнія и объясненія для представленія таковыхъ на усмотрѣніе государя императора.

---

[1]) О немолякахъ-упорщикахъ см. нашу статью въ „Вѣстникѣ Европы" за 1883 г. № 2, о сектѣ сѣкачей см. очеркъ „Новая секта", помѣщенный нами въ „Русскомъ Курьерѣ", 1883 г. №№ 30, 31 и 35. А. П.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, «усматривая изъ переписки, что обнаруженная въ 1878 году въ Пермской губерніи противоправительственная секта есть секта бѣгуновъ или странниковъ и что о лицахъ, принадлежащихъ къ этой ереси, производится судебное изслѣдованіе»,—отнесся къ пермскому губернатору съ предложеніемъ сообщить ему «подробныя свѣдѣнія, какъ о томъ вліяніи, которое имѣютъ на мѣстныхъ православныхъ жителей эти сектаторы, такъ и о настоящемъ положеніи производящагося по сему предмету слѣдствія». Вмѣстѣ съ этимъ министръ просилъ губернатора «указать и тѣ мѣры, кои могли бы быть приняты, по его мнѣнію, для прекращенія дальнѣйшаго распространенія означеннаго ученія».

И вотъ завязывается обширная переписка, въ которой принимаютъ участіе представители губернской и уѣздной администраціи, духовное начальство, епархіальное вѣдомство, миссіонеры и т. д. Переписка эта, прежде всего, старается выяснить вопросъ о положеніи наиболѣе вредныхъ въ государственномъ отношеніи сектъ изъ числа распространенныхъ на Уралѣ, главнымъ же образомъ относительно сектъ неплательщиковъ и бѣгуновъ или странниковъ. Приведемъ сначала свѣдѣнія и данныя, доставленныя по возбужденному вопросу духовнымъ вѣдомствомъ.

По этимъ свѣдѣніямъ оказалось, что «какъ въ дѣлахъ пермской духовной консисторіи, такъ и по отчетамъ епархіальнаго начальства раскольническая секта неплательщиковъ вовсе въ пермской епархіи не значится. Тѣ начала заблужденій, которыя прописываются сектѣ неплательщиковъ, принадлежатъ также и сектѣ бѣгуновъ или странниковъ; эта послѣдняя секта проявила себя дѣйствительно болѣе среди горнозаводскаго населенія. Есть ли у этой секты какое-либо систематическое изложеніе своего ученія—епархіальному начальству неизвѣстно; положительно-же извѣстно только то, что секта эта не признаетъ надъ собою никакой власти на томъ ложномъ убѣжденіи, что въ мірѣ царствуетъ антихристъ, и что какъ власть духовная, такъ и свѣтская и даже самая державная власть—суть слуги антихриста».

Странники учатъ, что русская православная церковь есть церковь отступническая и еретическая. Они вѣруютъ, что антихристъ пришелъ уже и царствуетъ на землѣ, при чемъ подъ именемъ антихриста одни изъ нихъ разумѣютъ послѣдовательный рядъ лицъ (государей), другіе—не дѣйствительное, опредѣленное лицо, а духъ общества, отступленіе отъ истинной вѣры. Эти послѣдніе говорятъ: «какъ церковь есть тѣло Христово, такъ и отступленіе отъ истинной вѣры есть тѣло антихриста; есть царство Христово, къ которому

принадлежатъ только странники, и есть царство антихриста, къ которому принадлежатъ православные и раскольники другихъ сектъ». (Слова странника Дмитрія Куракина).

Вообще, по представленію странниковъ, настоящее состояніе церкви и общества есть особый грѣховный, сатанинскій міръ, во всемъ противоположный міру Божію. Отсюда и вытекаетъ ихъ главное, основное правило: удаляться отъ общества, отъ подчиненія какимъ-бы то ни было гражданскимъ законамъ и странствовать въ лѣсахъ и пустыняхъ.

Кто духовный глава странниковъ, какое у нихъ богослуженіе и кѣмъ оно отправляется—остается неизвѣстнымъ.

Только что приведенный нами взглядъ странниковъ на власть не разъ былъ высказанъ этими сектаторами «въ разныхъ отдаленныхъ между собою селеніяхъ, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ,—слѣдовательно высказанъ на основаніи ученія ихъ секты».

Такъ, сельскій обыватель Кушвинскаго завода Косьма Ѳедоровъ Колымагинъ, пойманный въ бѣгахъ по расколу, при водвореніи въ мѣсто своего жительства, на требованіе мѣстнаго волостнаго старшины—не отлучаться изъ мѣстожительства безъ письменнаго вида и уплатить недоимку въ податяхъ за два года—отвѣчалъ, что онъ нынѣ называется не Косьмой Федоровымъ, а Николаемъ, рабомъ Христовымъ, что онъ православный христіанинъ, и что съ православнаго христіанина податей не полагается и никакихъ видовъ онъ брать не долженъ. Когда же старшина возразилъ ему на это извѣстнымъ текстомъ священнаго писанія: «отдайте кесарево—кесареви, а Божіе—Богови», то Колымагинъ сказалъ, что еретику платить не желаетъ; при этомъ онъ называлъ еретикомъ и волостнаго старшину, потому что тотъ служитъ еретику.

— «Православный христіанинъ, — говорилъ Колымагинъ, — не долженъ повиноваться никакой власти», и называлъ еретиками всѣхъ несогласныхъ съ нимъ. Затѣмъ, указывая на висѣвшій въ волостномъ правленіи портретъ покойнаго государя императора, этотъ фанатикъ въ изступленіи произнесъ: — «Вотъ видишь—еретикъ, потому что бороду обрилъ». Другой случай. Крестьянка Невьянскаго завода Домника Заикина заявила мѣстному судебному слѣдователю, что 24 января 1878 года она просила вожака бѣгуновъ Сергѣя Константинова Кирьянова научить ее, какъ бы ей удобнѣе спастись. Кирьяновъ далъ ей слѣдующее наставленіе:

— «Первоначально нужно тебѣ проклясть отца и мать; вѣра твоя еретическая; времена нынѣ антихристовы и нынѣ у насъ царствуетъ не царь, а антихристъ... Вотъ вы радуетесь, что нынѣ за-

мирѣніе; нынѣ нѣтъ царя, а есть антихристъ, и радоваться и молиться за него нечего. Нынѣ свѣчъ и масла зажигать и кадить иконамъ не годится».

Изъ этихъ дѣлъ, по мнѣнію епархіальнаго начальства, «видно, что секта бѣгуновъ и странниковъ содержитъ самое дерзкое и возмутительное ученіе даже противъ священной особы Государя Императора».

По свѣдѣніямъ бывшаго екатеринбургскаго миссіонера, протоіерея Шишева, въ округѣ котораго (въ Невьянскомъ и Рудянскомъ заводахъ) секта странниковъ развилась болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, послѣдователи странничества считаютъ необходимымъ для спасенія отчуждаться отъ святой церкви, не признавать надъ собою ни царской, ни всякой другой земной власти, бѣгать отъ антихристова владычества, удаляться отъ семейства и общества, отъ подчиненія какимъ-бы то ни было гражданскимъ законамъ и странствовать въ лѣсахъ и пустыняхъ.

Тотъ-же миссіонеръ сообщаетъ, что странники раздѣляются на два чина. Первый чинъ составляютъ такъ называемые совершенные христіане, т. е. тѣ, которые вышли въ странство и крещены по странническому обряду. Они считаютъ себя на монашескомъ положеніи и носятъ имена, данныя имъ при крещеніи по странническому обряду; проживаютъ они большею частію въ лѣсахъ или же тайно въ селеніяхъ. Въ февралѣ 1878 года въ домѣ крестьянина Невьянскаго завода Сергѣя Кирьянова пойманы были (подъ печкой) странники: крестьянинъ деревни Липиной Покровской волости Ирбитскаго уѣзда Адріанъ Никитинъ Кротовъ и нижнесалдинская солдатка Екатерина Якимова, въ странствѣ Евгенія. При обыскѣ у нихъ оказались разныя принадлежности монашескаго сана.

Второй чинъ странниковъ составляютъ поучающіеся, мірскіе, «жиловые» христіане, странно-пріимцы, христолюбцы,—тѣ, которые живутъ въ мірѣ съ обѣтомъ при концѣ жизни идти въ странство; они обязаны давать пріютъ дѣйствительнымъ странникамъ.

По увѣренію отца миссіонера, секта странниковъ «весьма вредно вліяетъ на православныхъ жителей тѣмъ, что послѣдователи ея, во-первыхъ, — открыто не признаютъ надъ собою никакой власти и дерзко и безнаказанно поносятъ высочайшую власть; во-вторыхъ, странничествомъ своимъ развиваютъ скитальчество и тунеядство и, въ третьихъ, наконецъ, нѣкоторые изъ ревнителей секты занимаются исключительно пропагандою своихъ заблужденій».

Такъ, о странникѣ Колымагинѣ, о которомъ мы только что упоминали,—судебный слѣдователь 1-го участка Верхотурскаго уѣзда

сообщилъ епархіальному начальству слѣдующее: «Колымагинъ, будучи арестованъ, пропагандировалъ свои религіозныя заблужденія всѣмъ, которые были вмѣстѣ съ нимъ въ арестантской камерѣ, и лица эти впослѣдствіи отстаивали правильность его убѣжденій. Самъ Колымагинъ на допросѣ заявилъ, что онъ жилъ въ скитахъ около года и вышелъ оттуда со спеціальною цѣлью изобличать еретиковъ и указать имъ, какъ должно поступать, чтобы сдѣлаться православнымъ христіаниномъ».

Мѣстное гражданское начальство слѣдующимъ образомъ характеризовало ученіе Колымагина: «убѣжденія, проповѣдуемыя этимъ сектаторомъ, состоятъ въ томъ, что онъ не признаетъ того правительства, члены котораго брѣютъ бороды; по его мнѣнію подобное правительство «не отъ Бога»; члены такого правительства—еретики и предшественники антихриста, а потому повиноваться и платить податей имъ не слѣдуетъ». Свои убѣжденія Колымагинъ высказываетъ всѣмъ, кто только заводитъ съ нимъ разговоръ; живетъ онъ большею частію въ лѣсахъ.

Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что судебный слѣдователь, производившій слѣдствіе по дѣлу о Колымагинѣ, затруднился и сталъ, какъ говорится, въ тупикъ: къ какой именно сектѣ отнести ученіе обвиняемаго? Не будучи знакомъ съ русскимъ сектантствомъ, слѣдователь кончилъ тѣмъ, что приписалъ Колымагину основаніе особой, новой секты «колымагинской». Но такъ какъ вслѣдъ за этимъ предстояло еще опредѣлить степень вреда, причиняемаго новою сектою, то слѣдователь отнесся въ департаментъ общихъ дѣлъ (министр. внутреннихъ дѣлъ) съ просьбою сообщить ему заключеніе по этому вопросу. Но и въ департаментѣ встрѣтились затрудненія въ разрѣшеніи возбужденнаго вопроса, и вотъ изъ министерства идетъ по этому поводу запросъ къ губернатору, а отъ губернатора, по обыкновенію, къ исправникамъ и мѣстному архіерею. Послѣдній разъяснилъ, что ученіе Колымагина совсѣмъ не представляетъ собою новости въ русскомъ расколѣ, и что оно ничѣмъ не разнится отъ ученія секты странниковъ или бѣгуновъ.

Обвиненіе, возбужденное противъ Колымагина по 246 ст. Улож. о наказ., было прекращено по соглашенію министра юстиціи съ начальникомъ верховной распорядительной коммисіи, графомъ Лорисъ-Меликовымъ. Колымагинъ былъ выпущенъ изъ острога, водворенъ домой, но тотчасъ-же снова скрылся «неизвѣстно куда».

Кромѣ «отрицанія властей», на странниковъ мѣстнымъ духовнымъ начальствомъ взводится еще одно, не менѣе серьезное и тяжкое обвиненіе. По сообщенію миссіонера Шишева странники неизвѣстно

куда скрываютъ дѣтей не только своихъ, но и чужихъ [1]). При обыскѣ дома обывателя Невьянскаго завода Сергѣя Кирьянова мѣстною полиціею найденъ у него неизвѣстно чей младенецъ женскаго пола. Кирьяновъ объявилъ, что младенецъ этотъ будто бы подкинутъ къ его дому; тѣмъ не менѣе полиція отобрала отъ него этого ребенка и окрестила его въ православной церкви. Тотъ же Кирьяновъ въ 1877 году неизвѣстно для какой цѣли торговалъ у мѣщанина Быкова незаконнорожденнаго сына его, «прижитаго съ дѣвкой Казанцевой».

«Молва народная говоритъ, что странники рѣжутъ дѣтей и причащаются человѣческою кровью. Но сами странники называютъ эту молву злобною клеветою и говорятъ, что они скрываютъ дѣтей единственно только для того, чтобы воспитать ихъ вдали отъ владычества антихристова». По этому поводу отецъ миссіонеръ замѣчаетъ: «Въ виду того, что задача странниковъ или бѣгуновъ состоитъ въ постоянномъ странничествѣ, въ переходахъ съ одного мѣста на другое и что ни одного изъ потерявшихся младенцевъ по сіе время нигдѣ не открыто,—отзывъ странниковъ о воспитаніи ими дѣтей внѣ владычества антихриста—подлежитъ сомнѣнію».

Такимъ образомъ, отецъ миссіонеръ какъ бы склоняется на сторону того мнѣнія, которое приписываетъ странникамъ рѣзню дѣтей и причащеніе человѣческою кровью!

О числѣ приверженцевъ секты бѣгуновъ духовное вѣдомство положительныхъ свѣдѣній не имѣетъ. Епархіальному начальству извѣстны только тѣ изъ уклонившихся въ эту секту, о которыхъ возникали дѣла въ судебныхъ или административныхъ инстанціяхъ. «Вновь уклоняющіеся отъ святой церкви въ какую бы ни было секту большею частію стараются скрыть свое уклоненіе, и для приходскихъ священниковъ и епархіальнаго начальства нѣтъ никакой возможности имѣть вѣрныя свѣдѣнія о числѣ приверженцевъ странической секты».

Въ Невьянскомъ и Рудянскомъ заводахъ Екатеринбургскаго уѣзда секта бѣгуновъ открыта мѣстному миссіонеру, въ 1878 году, раскольниками бѣглопоповщинской секты. По донесенію отца миссіонера, бѣгуновъ въ означенныхъ заводахъ перваго и втораго чина, вмѣстѣ съ дѣтьми, показано 18 душъ обоего пола [2]). Затѣмъ бѣгуны по-

[1]) Обвиненіе это возводится народною молвою главнымъ образомъ на послѣдователей секты лучинковцевъ; но епархіальное вѣдомство не выдѣляетъ послѣдователей этой секты изъ общей массы странниковъ или бѣгуновъ.

[2]) Въ дѣйствительности цифра эта крайне уменьшена и рѣшительно не заслуживаетъ довѣрія. А. П.

явились въ Кушвинскомъ и Нижне-Салдинскомъ заводахъ Верхотурскаго уѣзда, а также въ Михайловскомъ заводѣ и въ Алтыновской волости Красноуфимскаго уѣзда.

Относительно тѣхъ мѣръ, которыми слѣдуетъ бороться съ сектою бѣгуновъ, мѣстное духовное начальство высказывается такъ: «со стороны духовной власти должно быть разъясненіе и опроверженіе приходскими священниками ложнаго ученія сектантовъ о воцареніи въ мірѣ антихриста, а со стороны гражданской — принятіе энергическихъ мѣръ противъ скитальчества бѣгуновъ перваго чина, задающихся спеціальною цѣлью распространенія своихъ заблужденій». Далѣе, родители тѣхъ дѣтей, которыя были скрыты бѣгунами неизвѣстно куда, должны «настоятельно потребовать возвращенія своихъ дѣтей». Этими мѣрами и исчерпываются тѣ средства и способы борьбы съ бѣгунствомъ, которые предлагаетъ мѣстное епархіальное вѣдомство.

Обратимся затѣмъ къ свѣдѣніямъ «о вредныхъ сектахъ», доставленнымъ административнымъ путемъ, и остановимся, прежде всего, на данныхъ, сообщаемыхъ изъ Екатеринбургскаго уѣзда, въ которомъ, какъ мы уже видѣли, бѣгунство развилось съ особенною силою.

«Секта странниковъ, бѣгуновъ или лучинковцевъ, у которыхъ непризнаваніе властей и неповиновеніе имъ составляетъ основное начало — по свѣдѣніямъ мѣстнаго начальства — въ послѣднее время значительно слабѣетъ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ». Численность ихъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ Невьянской волости	35	челов.,	изъ нихъ	13	муж. и	22 женщ.
» Шуралинской »	55	»	»	25	» »	30 »
Всего	90	челов.,	изъ нихъ	38	муж. и	52 женщ.

По отзыву мѣстныхъ властей, сектанты эти въ Невьянской волости, среди громаднаго населенія, состоящаго изъ православныхъ, единовѣрцевъ и раскольниковъ разныхъ сектъ — «не имѣютъ ровно никакого значенія и находятся въ пренебреженіи». Въ Шуралинской же волости бѣгуны «хотя и пытаются иногда совращать простаковъ изъ православія въ ихъ секту, но имъ (т. е. бѣгунамъ) не поддаются». Отзывъ этотъ идетъ въ разрѣзъ съ приведеннымъ выше мнѣніемъ отца миссіонера, утверждавшаго, что странники «весьма вредно вліяютъ на православныхъ жителей». Кто изъ нихъ правъ, — такъ и осталось не выясненнымъ.

«Всѣ эти сектанты — по свидѣтельству мѣстнаго начальства — изъ

крестьянъ, не развитые, жизнь ведутъ болѣе скитальческую, странническую, въ лѣсахъ и скитахъ, ища подражателей себѣ».

Прежде, послѣдователи бѣгунской секты встрѣчались также въ Рудянкѣ, Верхне-Невьянкѣ и Верхнетагильскѣ, но теперь въ этихъ мѣстахъ они «совершенно уничтожились»: одни изъ нихъ присоединились къ православію, другіе къ единовѣрію или старообрядчеству; въ настоящее время эти бывшіе бѣгуны отдаютъ дѣтей своихъ въ народныя школы.

По вопросу «о мѣрахъ искорененія бѣгунской секты», уѣздная власть высказывается довольно энергично. «Необходимо, — говоритъ она, — преслѣдовать послѣдователей этой секты, что и дѣлается со стороны полиціи. Слѣдуетъ обязательно воспретить этимъ сектантамъ являться въ общественныя собранія, въ особенности на сельскіе и волостные сходы, не допускать до выборовъ ихъ въ какія либо общественныя должности до тѣхъ поръ, пока они не присоединятся къ православію; преслѣдованіе же ихъ въ лѣсахъ и уничтоженіе устраиваемыхъ ими тамъ скитовъ слѣдуетъ возложить на лѣсное вѣдомство».

Въ Верхотурскомъ уѣздѣ,—по донесенію мѣстнаго начальства,—расколъ, главнымъ образомъ безпоповщинскій, распространенъ во 2-мъ и въ 4-мъ станахъ. Въ послѣдніе годы расколъ здѣсь усиливается. Нѣкоторые изъ сектантовъ выѣзжаютъ въ скиты, устроенные, по слухамъ, въ Кунгурскомъ уѣздѣ близъ деревни Кедровки; сосѣдніе жители снабжаютъ эти скиты всѣмъ необходимымъ; каждую недѣлю они отправляютъ туда съѣстные продукты. Крестьяне Черноисточенской волости (Иванъ Петровъ Фирсовъ и другіе) много лѣтъ живутъ въ этихъ скитахъ.

Интересно сопоставить эти свѣдѣнія съ донесеніемъ кунгурскаго исправника, который рапортуетъ: «сектаторовъ, ученіе которыхъ имѣетъ основнымъ началомъ непризнаваніе властей, извѣстныхъ подъ названіемъ бѣгуновъ или странниковъ, во ввѣренномъ мнѣ уѣздѣ не находится». Позволительно однако усумниться въ справедливости этого категорическаго увѣренія; въ предѣлахъ Кунгурскаго уѣзда расположены извѣстные Урминскіе лѣса, издавна служившіе притономъ для всякаго рода сектантовъ. Не далѣе какъ въ 1879 году въ этихъ лѣсахъ были открыты два тайные раскольничіе скита.

«Раскольники Верхотурскаго уѣзда,—по свидѣтельству тамошняго начальства,—властей не признаютъ; тѣмъ не менѣе случаевъ сопротивленія властямъ съ ихъ стороны не было». Въ чемъ же собственно выражается это «непризнаваніе властей» въ свѣдѣніяхъ, къ сожалѣнію, не объяснено.

Усиленіе раскола ставится здѣсь въ связь съ печальнымъ состояніемъ, въ которомъ находится въ уѣздѣ дѣло народнаго образованія. «При пяти-тысячномъ населеніи 2-го стана учащихся въ училищахъ всего 103 человѣка обоего пола; тутъ нѣтъ дѣтей раскольниковъ, которые избѣгаютъ образованія въ народныхъ школахъ съ дѣтьми православнаго исповѣданія, а отдаютъ учить своихъ дѣтей къ старцамъ и старицамъ». Но въ четвѣртомъ станѣ того же уѣзда замѣчается иное явленіе: здѣсь дѣти раскольниковъ обучаются грамотѣ въ народныхъ школахъ вмѣстѣ съ православными. Къ сожалѣнію, въ бумагѣ совсѣмъ не разъясняются причины этого весьма, конечно, интереснаго факта и, такимъ образомъ, остается совершенно неизвѣстнымъ—почему именно въ одной мѣстности раскольники чуждаются народной школы, а тутъ же рядомъ—относятся къ ней съ полнымъ довѣріемъ.

Что касается способа борьбы съ расколомъ, то губернская гражданская власть гуманно предлагаетъ лишь «одно увѣщаніе со стороны священниковъ православной церкви». Это, конечно, гораздо лучше, чѣмъ рекомендовать разныя «энергическія» и полицейскія мѣры, но насколько дѣйствительно такое гуманное средство въ данномъ случаѣ, — это, разумѣется, другой вопросъ, въ разсмотрѣніи котораго мы на этотъ разъ входить не будемъ.

Сообщ. **А. Пругавинъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

РУКОПИСИ АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА,

хранящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ [1]).

33, и 34. «Къ Ш — ову».—«Надо».—А. А. Шишкову—I. 159. Первоначальный текстъ съ вставками и варіантами противъ печатнаго. Послѣ дополненія, приведеннаго впервые Библіографическими Записками, идетъ еще шесть зачеркнутыхъ стиховъ:

... Любви безцѣнные часы
Мой другъ, она твоя, она твоя награда,
Таинственной любви безцѣнная отрада!
Но мнѣ-ли радость воспѣвать,
Когда гнететъ меня страданье,
Когда на каждый стихъ, на [каждое] мечтанье
Унынье черную кладетъ свою печать...
Но я... друзей любить открытою душою... и проч.

Затѣмъ послѣ 25-го стиха въ рукописи зачеркнуто еще шесть стиховъ:

И даже каюсь я — пустынникъ согрѣшилъ.
Я первый пѣлъ любви невинное начало,
Но такъ таинственно, съ такимъ разборомъ словъ.
Съ такою скромностью стыдливой,
Что, не краснѣя боязливо,
Меня-бы выслушалъ и дѣвственный К***
Но долго-ль юношу лелѣялъ Аполлонъ?... и т. д.

Кромѣ этого во многихъ стихахъ есть варіанты. Тутъ-же съ боку зачеркнуты три стиха:

Простите мнѣ мой страшный грѣхъ, поэты,
Я написалъ придворные куплеты,
(Своей кадильницей) [1]) я счастію кадилъ...

—I. 159 и 484.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XLI, февраль. стр. 413—436.

34₂—неписанная страница.

35₁ и 35₂. «Стансы 1817». Съ боку позднѣйшая приписка: «(изъ Вольтера)». Сверху тоже позднѣйшая замѣтка,—повидимому: «у Илл. въ памя». Не значитъ ли это: у Илличевскаго въ памятной книжкѣ? Печатный текстъ съ нѣсколькими поправками.—I. 172.

36₁—37₁. «Къ Д***». Позднѣйшая приписка: (1815) «отвѣтъ». Къ Дельвигу,—печатный текстъ съ пропускомъ стиховъ съ 18-го по 22-й и съ 29-го по 36-й.—I. 96.

37₂. «Товарищамъ. 1817». Съ боку: «переписать». Незначительные варіанты противъ печатнаго.—I. 181.

38₁—40₁. «Пирующіе студенты. 1814». Поправки и варіанты.—I. 33.

40₂—41₁. «Элегія. 1816». Позднѣйшая приписка: «подражаніе». Первоначальный текстъ: Я видѣлъ смерть, она безмолвно сѣла,—съ поправками и варіантами противъ печатнаго.—I. 482.

41₁. «Къ О — й, которой митрополитъ прислалъ плодовъ изъ своего саду». Помѣта такая: «1817... Петербургъ». Варіанты и поправки. —I. 188.

41₂. «К***». «Счастливъ, кто близъ тебя, любовникъ упоенный» и проч., только четыре строки; пятая была начата—написана одна буква К. и только.—I. 509. Тутъ-же верхомъ внизъ написаны французскіе стихи:

Je t'aime tant,
Je t'aime tant,
Je ne puis assez te le dire,
Je le répéte cependant
A chaque instant que je respire.

42₁. O Zauberei der ersten Liebe!... Wieland. Затѣмъ идетъ вся исчерканная черновая:

„Я вижу вновь сіи дубровы"...

Стихотвореніе это повторяется въ нѣсколько иной редакціи еще на листѣ 43₂. Тутъ же внизу другое исчерканное черновое стихотвореніе, совсѣмъ не поддающееся чтенію. Рисунки: нѣсколько женскихъ головокъ.

42₂. Вся исчерканная черновая: «На лирѣ дикой, благородной» и проч. до конца.—I. 209.

43₁. Черновая вся исчерканная, можно разобрать нѣсколько стиховъ; такъ начало:

Ты въ горести любви находишь наслажденье,
Тебѣ пріятно слезы лить...
. . . . . .

---

[1]) Сдѣлана неразборчивая поправка: кадиломъ.... В. Я.

43₂.

Дубравы, гдѣ въ тиши свободы
Встрѣчалъ я счастьемъ каждый день,
Ступаю вновь подъ ваши своды,
Подъ вашу дружескую тѣнь.
(Минувшей жизни наслажденья)
Воскресли (вновь передо мной)
(Уже ль минувшей жизни) радость
(Не вовсе позабыта мной)...
. . . . . .

Тутъ-же другая исчерканная, малоразборчивая черновая.

44₁. Сверху одинъ стихъ: «Потупили смущенный взглядъ», и еще неразборчивая отдѣльная фраза. Рисунки: головы, геній съ лирой, деревья, урна, лиры, свирѣли, цѣвницы, копье.

44₂. Черновое стихотвореніе съ поправками, изъ которыхъ многихъ нельзя разобрать, другія неокончены.

Позволь душѣ моей открыться предъ тобою
И въ дружбѣ сладостной отраду почерпнуть,
Скучая жизнію, томимый суетою
(Я жажду) близь тебя (свободно) отдохнуть.
Ты помнишь, милая, — зарею нашихъ лѣтъ
Младенцы мы... любить умѣли [sic],
Какъ быстро наши лѣта улетѣли...
. . . . . .
(Я не рожденъ для счастья),
Я мало жилъ и наслаждался мало!
И дней моихъ печальное начало
Наскучило, давно постыло мнѣ.
(Мнѣ свѣтъ постылъ),
Къ чему мнѣ жить... Я не рожденъ для счастья,
. . . . . .
Я не рожденъ для дружбы...
Я хладно пилъ изъ чаши сладострастья...

Тутъ же съ боку:

Она мила, твоя подруга,
(Ея прекрасенъ)...

Рисунки: голова военнаго, пистолетъ, сабля, лошадь.

45₁. Ничего не написано, только дважды нарисованы карандашемъ двѣ цѣлующіяся головы и подписано: «le baiser». Помѣта: 1818. 15 Dec.— Г. Анненковъ, неизвѣстно почему считаетъ, что тутъ Пушкинъ нарисовалъ самого себя: сходства въ чертахъ нѣтъ никакого. (См. «А. С. Пушкинъ», стр. 134).

45₂. Неписанная страница. Затѣмъ вырвано.

46₁. Черновая, очень исчерканная:

Когда Рогдай неукротимый,
Глухимъ предчувствіемъ томимый

и т. д. до:

Коня еще быстрѣе гналъ.

Есть варіанты.—I. 231. Руслань и Людмила, пѣснь вторая.

46₂. Продолженіе:

Такъ точно заяцъ торопливый...

и до:

Досада, изумленье, гнѣвъ
Въ его глазахъ изобразились.

—Тамъ же, стр. 232.—Рисунки: бѣгущая человѣческая фигура, двѣ головы, указательный палецъ.

47₁. Продолженіе:

Скрыпя зубами...
. . . . . .
И встрѣтилъ подъ горой...

—I. 232—233.—Затѣмъ:

Соперники въ искусствѣ брани
. . . . . .
Сердиться глупо и грѣшно,
Вамъ остается въ утѣшенье
Война, [и] музы, и вино.

—Тамъ же, 230 и 231.—Съ боку написано: j'ai peu d'ésprit, peu de beauté.—Рисунки: лицо, ноги бѣгущей женщины въ сарафанѣ.

47₂. Продолженіе о Рогдаѣ:

Подъ вечеръ встрѣтилъ онъ старушку
. . . . . .
. . . . . поскакалъ
На смерть...

—I. 233.

48₁. Исчерканное стихотвореніе:

Какъ сладостно!... Но боги, какъ опасно
Тебѣ внимать, твой видѣть милый взоръ,
Забуду-ли отнынѣ... улыбку, взоръ прекрасной [sic]
И огненный волшебный разговоръ...
Волшебница, зачѣмъ тебя я видѣлъ,
(Узнавъ тебя) блаженство я позналъ,
И счастіе мое возненавидѣлъ...

Далѣе другой набросокъ:

. . . . . .

Кому красавица назначена судьбами,
Тотъ будетъ милъ и счастливъ будетъ...

. . . . . .

Затѣмъ тутъ же начато, но совершенно не отдѣлано еще стихотвореніе:

Самъ Фебъ тебя готовилъ
На славу нашей сцены...
На пышныхъ играхъ Мельпомены
Явилась ты предъ нами въ первый разъ...

Рисунокъ: лицо.

48₂. Неписанная страница.

49₁. Сверху нѣсколько неразборчивыхъ неконченныхъ строкъ; затѣмъ стихи, въ началѣ которыхъ можно разобрать:

Но все Наташи не забылъ,
И чувства прежнія свои,
И пламя позднее любви
Съ досады въ злобу превратилъ...

Рисунки: чернилами и карандашемъ женскія головки.

49₂. Исчерканные наброски:

И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ
Одною дружбою прекрасенъ,
Что безъ нея отрады нѣтъ,
Что жизни бъ путь нашъ былъ ужасенъ...
Когда бъ не тихій дружбы свѣтъ...
Послушай, чувство есть другое,
Оно и нѣжитъ и таитъ,
Въ трудахъ, въ заботахъ и въ покоѣ
Всегда не дремлетъ и горитъ...
Оно мучительно, желанно...
. . . . . .
Вотъ страсть, которою страдаю,
Которой вяну и дышу
(Которую въ душѣ ношу)
И ни на что не промѣняю...

Рисунки карандашемъ: головы. Затѣмъ вырванъ листъ, отъ котораго осталась узкая продольная полоса съ отдѣльными словами и съ рисунками лицъ на обѣихъ сторонахъ.

50₁. Русланъ и Людмила, изъ начала четвертой пѣсни; карандашемъ и чернилами:

. . . . . геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній и пр.

до:

Молитвы непорочныхъ дѣвъ.

—I. 258—259. Рисунки: кошка и лицо.

50$_2$. Черновой исчерканный набросокъ:

Такъ точно! это онъ (неправда-ль)?
(Сходнѣе нѣтъ!)...
. . . . . .
(Подъ) шляпой съ розами,
И грудь открытая, и эти кружева,
И на одномъ плечѣ накинутая шаль...

Затѣмъ продолженіе изъ Руслана и Людмилы:

Мы съ ними плакали, бродили
. . . . . .
Возможно-ль... намъ солгали,
Дерзну-ли истину вѣщать,
Дерзнулъ предъ вами рисовать...

Далѣе неразборчиво, исчеркано:

. . . младой Ратмиръ и т. д.
Все было тихо надъ рѣкою...

—I, 259 и 260.—Рисунки: лицо, мечъ.

51$_1$. Продолженіе того же:

Онъ ѣхалъ мимо темныхъ скалъ
Угрюмымъ боромъ осѣненныхъ и т. д.
. . . . . .
Вдругъ выѣзжаетъ на долину
И видитъ замокъ предъ собой.

—I. 260. Тутъ же четыре раза написана фамилія Н. Кошанскаго, и цифры годовъ съ 1807 по 1819. Рисунки: человѣческія фигуры и лица.

51$_2$. Продолженіе того же изъ Руслана и Людмилы:

Зари послѣдній лучъ горѣлъ
Надъ ярко позлащеннымъ боромъ...

и т. д.; вся пѣсня дѣвушекъ:

— Укройся въ теремъ нашъ отрадный.

—I. 260 и 261. Тутъ же съ боку два черновыхъ стихотворенія, записанныя безъ окончанія стиховъ: 1) Уединеніе (Блаженъ кто въ отдаленной сѣни).—I. 379 и 2) Ужъ я не тотъ любовникъ страстный.—I. 82.—Съ боку же: «Gignet et Michaud».

52$_1$. Полъ-листа вдоль оторвано.

Я люблю вечерній пиръ.—I. 413.

Кромѣ печатнаго можно разобрать еще одинъ куплетъ:

Я люблю въ моемъ стеклѣ
Часто видѣть перемѣну,
Радъ (и) вафлямъ на столѣ,
Пирогу я знаю цѣну.

Тутъ же изъ Руслана и Людмилы:

Съ толпой красавицъ входитъ въ садъ и т. д.
. . . . . русской бани.

—I. 261. — Рисунки: лица.

52₂. Черновой набросокъ:

Такъ я бывало повѣрялъ
Златые дни свободы праздной
И . . . . . однообразный
Игривой лирой оживлялъ.
Я пѣлъ и вымыслы живые...

Вырвано.

53₁. Рисунокъ карандашемъ: человѣческая фигура. — Часть листа оторвана.

53₂. Черновое:

Въ Доридѣ нравятся.—I. 298.

54₁. Повтореніе изъ Руслана и Людмилы (см. листъ 51₄).

Но прежде юношу ведутъ
. . . . . бани... и т. д.

—I. 261. — Снизу изъ средины вырванъ значительный клочекъ, остались отдѣльныя слова изъ какого-то прозаическаго отрывка; можно разобрать: Новиковъ, цензура.—Рисунки: копье, топоры.

54₂. Окончаніе Посланія къ А. Ѳ. Орлову:

И буду ждать.
Когдажъ возстанетъ
Съ одра покоя богъ мечей...
. . . . . .
Твоихъ воинственныхъ дружинъ...

—I. 203.—Около вырваннаго внизу клочка можно разобрать:

Надъ озеромъ въ свободной хатѣ
Или въ травѣ густой...

55.. Рисунокъ: кутежъ, двое мущинъ за столомъ и полураздѣтая женщина, пляшущая съ бутылками; тутъ же гуляетъ маленькій скелетъ въ плащѣ и со шпагой. Г. Анненковъ («А. С. Пушкинъ», стр. 65) увѣряетъ, что это представлены Каверинъ и, можетъ быть, Заводовскій и Истомина, которымъ служитъ смерть. Не могу судить о сходствѣ мужскихъ лицъ, но, несомнѣнно, фигура грубой, пьяной женщины не имѣетъ ничего общаго съ воздушной Истоминой, воспѣтой поэтомъ; смерть, скелетъ, тоже не служитъ, а подбоченясь идетъ отъ стола; на стараго слугу этотъ скелетъ вовсе не похожъ.

55$_2$. Неписанная страница. Въ слѣдующемъ листѣ (ненумерованномъ) первая страница пустая, а на оборотѣ рисунокъ: двѣ головки. Затѣмъ вырвано.

56$_1$. Черновой набросокъ съ неоконченными поправками:

Напрасно, милый другъ, я мыслилъ утаить
(Тоскующей души) холодное волненье,
Ты поняла меня — проходитъ упоенье,
Перестаю тебя любить...
(Исчезли навсегда часы очарованья)
Пора прекрасная прошла.
Погасли юныя желанья,
Надежда въ сердцѣ умерла...

Тутъ же другими чернилами черновое, исчерканное начало шестой пѣсни Руслана и Людмилы:

Но ты велишь, но ты любила... и пр.
. . . Сажусь у ногъ твоихъ и снова
Пою про витязя младова.
Но что сказалъ я гдѣ Русланъ?
. . . Но князя крѣпокъ сонъ
И знаетъ Богъ, когда...

—I. 283 и 284.

56$_2$. Внизу продолженіе:

А черноморъ?...

и т. д. до:

Но Карла въ этомъ былъ не правъ. — I. 284.

Сверху другими чернилами исчерканное длинное стихотвореніе:

Чья мысль восторгомъ угадала
Безмолвну тайну красоты,
Чья кисть, о боги. рисовала
(Сіи небесныя) черты...
. . . . . .
. . . . . .

57$_1$. Сверху надпись: «Надинька», подъ нею другая: «Эльвина». Затѣмъ идетъ начало повѣсти, причемъ цифрами указана перестановка: написанное сначала должно занимать второе мѣсто. Выписываю, сдѣлавъ указанную перестановку. Поправки не всѣ можно разобрать.

«У гусара [зачеркнуты буквы Ю, В] (было дружеское собраніе), нѣсколько молодыхъ людей, по большей части военные [1]), (весело) проигрывали свое имѣніе поляку Ясунскому, который держалъ маленькій банкъ для

[1]) Эти четыре слова вписаны другими чернилами В. Я.

препровожденія времени и важно передергивалъ по двѣ карты... Разорванные короли, загнутые валеты сыпались (на полъ, и пыль) etc.

Неужто два часа ночи? Боже мой, какъ мы засидѣлись. Не пора-ли оставить игру? сказалъ Викторъ N молодымъ своимъ товарищамъ... Всѣ бросили карты, встали изъ-за стола... всякой, докуривая трубку (сталъ) считать свой или чужой выигрышъ... И облака стираемаго мѣла смѣшались съ дымомъ турецкаго табаку... Поспорили... и разъѣхались...

Поѣдемъ вмѣстѣ, не хочешь-ли вмѣстѣ отужинать, сказалъ Виктору вѣтренный Вельверовъ;—(я безъ ужина никакъ не могу обойдтиться, и ужинать могу только въ .....[1]), я познакомлю тебя съ очень милой дѣвчонкой; ты будешь меня благодарить. (Викторъ) одобрилъ (эту похвальную привычку). Оба сѣли въ дрожки и полетѣли по мертвымъ улицамъ Петербурга.

Викторъ N... — (На этомъ отрывокъ обрывается).

57₂. Рисунки: двѣ фигуры офицеровъ и двѣ головы.—Г. Анненковъ («А. С. Пушкинъ», стр. 134) увѣряетъ, что въ этой тетради Пушкина мы находимъ портретъ гр. Милорадовича во весь ростъ; во всей тетради только двѣ фигуры военныхъ во весь ростъ, именно на этой страницѣ; повидимому ни одна изъ нихъ не представляетъ гр. Милорадовича: обѣ фигуры слишкомъ молоды.

58₁. Карандашомъ черновой набросокъ съ чернильными поправками:

У рѣзвой младости не вѣчно мы въ... .
Не долго златыя (sic) намъ съ безпечностью игривой
Съ Венерой пламенной и нѣгой прихотливой ..

58₂ Одинъ за другимъ два черняка одной и той же эпиграммы (I. 190):

Ты правъ, несносенъ Ѳирсъ ученый...

Далѣе вырванъ листъ, остался клочекъ съ началомъ черноваго стихотворенія.

59₁. Снова чернякъ изъ третьей пѣсни Руслана и Людмилы:

Рядиться никогда не лѣнь

и т. д до:

Подъ блескомъ утреннихъ небесъ.

— I. 249. Тутъ же набросана и на половину зачеркнута дальнѣйшая программа поэмы: «Людмила, обманутая призракомъ, попадается въ сѣти и усыпляется Черноморомъ. Поле битвы. Русланъ и голова. Фарлафъ въ загородной дачѣ. Ратмиръ у двѣнадцати спящихъ дѣвъ (Русланъ, Русалки, Соловей разбойникъ).—Русланъ и Черноморъ. Убійство; конецъ».

---

[1]) Два слова не разобраны.

59₂. Черновая изъ той же пѣсни поэмы:

Руланъ на полѣ битвы,
Вокругъ себя онъ видитъ..

—I. 250. Затѣмъ два листа вырвано.

59₁ (красная цифра 59). Изорванный листъ. Продолженіе встрѣчи Руслана съ головой.—I. 253.

59₂. Рисунки: Голова (карандашемъ), мечъ, голова въ чалмѣ.

60₁. Изорванъ, какъ будто былъ рисунокъ головы.

60₂. Тоже какъ бы рисунокъ Головы и одинъ стихъ: Въ одно мгновенье усмиренъ.

61₁. Болѣе половины оторвано. Нападеніе Руслана на Голову: Счастливымъ пользуясь мгновеніемъ, и т. д. до ....на мѣстѣ опустѣломъ.—I. 254.

61₂. Нѣсколько зачеркнутыхъ стиховъ, съ оторваннымъ вдоль началомъ. Затѣмъ еще вырвано.

62₁. Половина оторвана. Разсказъ Головы.—I. 257.

62₂. Оборванная, исчерканная черновая; есть и изъ Руслана и Людмилы. Рисунки: чья-то лысая голова и женская фигура въ сарафанѣ (Людмила).

63₁. Отрывокъ изъ Руслана, озаглавленный «Пѣснь IV», но представляющій первоначальную редакцію начала V-й пѣсни:

Какъ я люблю мою княжну,
Мою прекрасную Людмилу,
Въ печаляхъ сердца тишину,
Невинной страсти огнь [и] силу,
Унынье, вѣтренность, покой,
Улыбку сквозь нѣмыя слезы,
И съ этимъ юности златой
Всѣ нѣжны прелести, всѣ розы...
. . . . . .
Повѣрьте... вамъ желаю
Такого точно жениха,
Какого здѣсь изображаю
По волѣ риѳмы и стиха.

Рисунокъ: голова молодого человѣка, въ воротничкахъ.

63₂. Исчерканные стихи.

Лаиса, я люблю твой смѣлый разговоръ,
. . . . . .
Люблю твоихъ очей я вызовы нѣмые,
Восторги быстрые, живые...

Тутъ же карандашемъ и чернилами:

Соперники въ искусствѣ брани

до:

Живите дружно, если... — I 230.

Рисунки: фигура, лица.

64₁. Верхъ оторванъ. Изъ четвертой пѣсни Руслана и Людмилы одинъ стихъ:

Двѣ дѣвицы коня уводятъ.—I. 261.

Черновой набросокъ, зачеркнутый:

Краснорѣчивый забіяка.
Повѣса, пламенный поэтъ...

Затѣмъ другой набросокъ, тоже недоконченный:

За старые грѣхи, наказанный судьбою,
Я стражду восемь дней [1]), съ лѣкарствами въ желудкѣ
Съ Меркуріемъ... [2]), съ раскаяньемъ въ разсудкѣ
(Я стражду)..

64₂. Другими чернилами; исчерканная черновая, съ оторваннымъ началомъ; въ концѣ можно разобрать:

А нашъ осиротѣлый кругъ.
Т— скоро-ль оживится,
Когда прискачешь, милый другъ,
Душа во слѣдъ тебѣ стремится.
(Прощай), возьми себѣ вѣнокъ
Изъ рукъ младого сладо[страстья]
И доплети... но ты знатокъ
Въ наукѣ... счастья [3]).

Затѣмъ вырванъ листъ.

65₁. Изъ пятой пѣсни Руслана и Людмилы:

Два дня колдунъ героя носитъ

и т. д. до:

Сѣдые вяжетъ волоса. — I. 270 и 271.

Тутъ же исчерканные четыре стиха:

Ты мнѣ велишь открыться предъ тобой...

Рисунки: мечъ, лицо.

65₂. Изъ Руслана и Людмилы продолженіе того-же:

Русланъ зоветъ коня лихаго

и т. д. до:

Людмилу съ трепетомъ зоветъ. — I. 271.

---

[1]) Первоначально вмѣсто этого было: съ поэмой въ головѣ и пр.

[2]) Неразобрано.

[3]) Послѣдній стихъ такъ читается и въ подлинникѣ. В. Я.

Затѣмъ вырванъ листъ; остался маленькій клочекъ, на которомъ видны остатки черновой изъ Руслана и Людмилы.

66₁. Оттуда-же:

—Съ Карломъ за сѣдломъ. I.
—Супругу только сторожилъ. 273. 274.

66₂. Оттуда-же:

Монахъ, который сохранилъ и пр.
Всѣ трое мчатся на конѣ. I. 274. 5.

Вторая встрѣча съ Головой. Съ боку:

Недавно тихимъ вечеркомъ
Пришелъ гулять я въ рощу нашу
И тамъ у рѣчки подъ дубкомъ
Увидѣлъ спящую Наташу...

Далѣе все исчеркано.

67₁. Повтореніе того-же изъ Руслана и Людмилы:

Всѣ трое мчатся на конѣ...
. . . . . .
И крикнулъ: здравствуй голова! I. 275.

67₂.

Княжны искатель недостойный

и т. д. до:

Склонясь къ ногамъ ея заснулъ. I. 280 и 281.

И еще:

Луна чуть свѣтитъ...

и т. д. до:

Измѣнникъ ѣдетъ на конѣ... I. 282.

Съ боку двѣ строки:

Оставь, о Лезбія, лампаду
Близь ложа тихаго любви...

Рисунки: крестъ, мечъ, двѣ головы.

Затѣмъ много вырвано.

68₁. Съ верху программа къ Руслану и Людмилѣ:

Источники воды живой и мертвой.
Воскресеніе.
Битва.
Заключеніе.

И тутъ-же начато исполненіе программы:

Но въ это время вѣщій Финъ... I. 287.
. . . . . .
Ихъ тихій бер гъ стережетъ. I. 288.

68₂. Оттуда-же:

Въ лицѣ угрюмомъ измѣняясь

и т. д. до:

Шатры бѣлѣютъ... I. 285, 287.

—Вырвано.

69₁. Побѣда Руслана:

...Чудный богатырь летитъ,
Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдный
. . . . . .
И палъ безъ чувствъ онъ на колѣна.

—I. 291—3.

69₂. Заключеніе поэмы:

Чѣмъ кончу длинный мой разсказъ
. . . . . .
Преданья старины глубокой.

—I. 293—294. И помѣта: «26 ночью».

70₁. Карандашемъ; поправки неразборчивы:

Скажи, какія заклинанья
Имѣютъ надъ тобою власть?
Всѣ хороши; на всѣ призванья
Готовъ я какъ-бы съ неба пасть—
Довольно одного желанья;
Я какъ догадливый холопъ:
Въ ладоши по турецки хлопъ,
Присвистни, позвони и мигомъ
(Явлюсь, таковъ ужъ мой удѣлъ),
(Мнѣ должно) жить подъ вѣчнымъ игомъ...
. . . . . .

70₂. Неписанная страница.

71₁. Исчерканный набросокъ:

Нѣтъ, нѣтъ, мон друзья, напрасны ваши пѣни,
Я васъ люблю, все тотъ-же я...

Тутъ же отрывокъ изъ письма къ товарищу:

«Помнишь-ли ты, житель свободной Англіи, что есть на свѣтѣ Псковская губернія, откуда пишетъ тебѣ твой лѣнивецъ, котораго ты вѣрно помнишь (и любишь), который о тебѣ каждый день груститъ, на котораго (ты можешь и долженъ бы сердиться), но не знаю (сердишься-ли).

Я [не] люблю писать, языкъ и голосъ едва-ли достаточны для выраженія нашихъ мыслей и (чувствъ), а перо еще глупѣе, такъ (бѣдно) глупо, такъ медленно; письмо не можетъ замѣнить разговора. Какъ-бы то ни было, я виноватъ, знавши, что мое письмо можетъ на минуту напомнить тебѣ объ нашей Россіи, о вечерахъ у Тургенева и Кар[амзина], (и не исполнивъ дружескаго долга).

71₂. «Къ Щербинину». Черновое, съ варіантами противъ печатнаго. —I. 192.

72₁. Неписанный.

72₂.

Онъ улетѣлъ прекрасный мигъ любви.

27-го ноября 1817.

Затѣмъ:

„Уныніе".

Не спрашивай, зачѣмъ съ унылой думой
Я вѣчно омраченъ,
Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмой
Зачѣмъ не милъ мнѣ сладкій жизни сонъ...
Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
Я разлюбилъ взаимную любовь
И никого не называю милой...
Кто разлюбилъ, ужъ не полюбитъ вновь,
Кто счастливъ былъ, ужъ не узнаетъ счастья.
Короткій день блаженствовать дано,
Отъ юности, отъ жизни, сладострастья
Останется унынiе одно.

Помѣта: «1819. 8 mars» и приписка: «я человѣкъ не свободный».

73₁ и 73₂. Чернякъ Платонизма (I. 296.), начинающійся на 73₂. гдѣ первыя восемь строкъ написаны дважды.

74₁. Изъ письма къ А. Н. Раевскому:

«Съ удивленіемъ узналъ я, что ты почитаешь меня врагомъ освобождающейся Греціи» и пр. до конца.—VII. 153.

74₂ и 75₁. Неписанные.

75₂. Изъ посланія къ Галичу нѣсколько исчерканныхъ отрывковъ:

Лети въ счастливый городокъ. I. 80.

Посланіе это было напечатано еще въ 1815 г., значитъ тутъ Пушкинъ собирался его передѣлывать. Снизу вырванъ большой клокъ и измѣненнымъ почеркомъ написано съ боку:

О если-бъ могъ достигнуть гласъ
Участія и удивленья
Къ душѣ, не снесшей оскорбленья...

76₁. Неписанный.

76₂ и 77₁. Русалка, черновое.—I. 205. Рисунокъ: молящаяся фигура.

77₂. Сверху стихъ:

Отступница любови сладкой.

Дальше набросано:

Все призракъ, суета,
Все дрянь и гадость,
Стаканъ и красота
Вотъ жизни сладость.

И еще ниже, съ боку:

Любовь и вино
Намъ нужны равно,
Безъ нихъ человѣкъ
Зѣвалъ-бы во вѣкъ.
Къ нимъ лѣнь еще прибавлю,
Лѣнь съ ними за одно.
(Любовь) я съ нею славлю,
Она мнѣ льетъ вино.

Тутъ-же посреди страницы верхомъ внизъ:

Къ Кагульскому памятнику. 1819. 30 mars.

Побѣды памятникъ надменный
Съ благоговѣньемъ и тоской
Объемлю грозный мраморъ твой,
Воспоминаньемъ оживленный
Не подвигъ Росса, не Султанъ,
Не Задунайскій великанъ
(Тревожатъ)...

Надо замѣтить, что г. Анненковъ въ своихъ Матеріалахъ для біографіи Пушкина (Соч. Пушкина, изд. 1855 г., т. I. стр. 91) отнесъ этотъ набросокъ (въ иной редакціи, см. № 2367, л. 9, гдѣ она безъ помѣты) къ 1821-му году и на этомъ основаніи сдѣлалъ такое заключеніе: «Пушкинъ доходилъ тогда [во время путешествія съ цыганами] до самыхъ границъ имперіи. У насъ есть одинъ стихотворный отрывокъ, свидѣтельствующій это несомнѣнно и потому драгоцѣнный: «Воспоминаньемъ упоенный» и проч. Эта фраза цѣликомъ осталась и во второмъ изданіи Матеріаловъ (стр. 84); между тѣмъ въ книгѣ своей «А. С. Пушкинъ» и проч., г. Анненковъ сообщилъ, что этотъ отрывокъ относится къ 1819-му году, 30 мая (я читаю не mai, а mars) и заключаетъ намекъ на одну изъ лицейскихъ любовныхъ шашенъ. Къ сожалѣнію г. Анненковъ больше ничего не поясняетъ, а пояснить слѣдовало бы, такъ какъ самъ по себѣ этотъ отрывокъ ничего не говоритъ еще о любовной исторіи, и тѣмъ болѣе, что при этомъ рождается сомнѣніе, почему стихотвореніе 1819-го года относится къ происшествію въ лицеѣ, откуда Пушкинъ вышелъ въ 1817 году. Во всякомъ случаѣ странно, что г. Анненковъ, подготовляя свое изданіе, проглядѣлъ этотъ набросокъ и точную помѣту въ описываемой рукописи.

78₁ Два стиха изъ Платонизма:

Повѣрь, я (точно) угадалъ
Кому ты жертвуешь украдкой...

Затѣмъ нѣсколько исчерканныхъ и неразборчивыхъ строкъ прозы: но гдѣ обяз. т. и законъ. Законъ ограждается . . . . . .
. . . . . .

Сверху: Кошанскій. Рисунки: голова въ колпакѣ и нога.

78₂. Сверху исчерканный набросокъ:

Не угрожай лѣнивцу молодому...
. . . . . .

Затѣмъ:

Я мало жилъ и наслаждался мало,
Но иногда цвѣты веселья рвалъ,
Я жизни видѣлъ лишь начало,
(Кто знаетъ)...

Далѣе еще неразборчивая черновая.

Рисунки: головы, въ томъ числѣ, кажется, Александра I и Наполеона.

Примѣчаніе. Г. Анненковъ въ своей книгѣ „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“ даетъ общую характеристику только что описанной тетради, указываетъ кратко ея содержаніе (стр. 133—135). Читатель, познакомившись съ подробнымъ описаніемъ и сравнивъ его съ отзывомъ г. Анненкова, увидитъ, что послѣдній преувеличилъ „бѣдность нравственнаго содержанія пустыхъ страницъ“, пропустивъ безъ вниманія нѣкоторые черновые наброски и замѣтки. Надо сказать еще, что въ данной тетради вовсе нѣтъ піэсы „Деревня“ (или „Уединеніе“), въ противность увѣренію г. Анненкова (стр. 133. примѣч.); наконецъ прибавлю, что при тетради этой теперь не находятся „отдѣльные листы, составляющіе ея дополненіе“, содержавшіе черновыя строфы „Руслана и Людмилы“.

Сообщ. В. Е. Якушкинъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

три неизданныя его четверостишія.

Между рукописями воспитанниковъ 1-го курса Царскосельскаго лицея (1811—1817 гг.), переданными мнѣ покойнымъ адмираломъ Ѳ. Ѳ. Ма'тюшкинымъ († 1872 г.), товарищемъ Пушкина, есть нѣсколько листковъ небольшой тетради, озаглавленной: «Лицейская Антологія, собранная трудами пресловутаго ійшій», съ эпиграфомъ: «Genus irritabile vatum». Часть уцѣлѣвшихъ остатковъ этой тетради вошла въ составъ моего собранія автографовъ Пушкина, которое было на выставкахъ сперва въ Москвѣ, а потомъ и въ Петербургѣ по поводу открытія его памятника. Названіе ійшій означало Илличевскаго, большаго любителя антологической поэзіи и сочинявшаго стихи преимущественно въ этомъ родѣ. Между пьесами, писанными въ помянутой тетради его рукой, есть и довольно много автографовъ Пушкина. Почти всѣ они уже появились въ разныхъ изданіяхъ его сочиненій; но вотъ двѣ пьески, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанныя:

На Пучкову [1]).

1.

Пучкова, право, не смѣшна:
Перомъ содѣйствуетъ она
Благотворительнымъ газетъ недѣльныхъ видамъ,
Хоть въ смѣхъ читателямъ, да въ пользу инвалидамъ.

---

[1]) Это была современная дѣвица-писательница, которая, повидимому, помѣщала свои стихи въ „Русскомъ Инвалидѣ". Надъ нею острились лицеисты; одну изъ эпиграммъ, написанныхъ на нее Пушкинымъ, можно найти въ I томѣ Глазуновскаго изданія его сочиненій, стр. 168. Я. Г.

2.

Зачѣмъ объ инвалидной долѣ
Моя Пучкова такъ тужитъ?
Она сама въ прелестномъ полѣ
Вѣдь заслужоный инвалидъ!

Еще одно неизданное четверостишіе Пушкина въ «Лицейской Ачтологіи» переписано рукой Матюшкина. Это—

Надпись на мой портретъ.

Не бойся, Глазуновъ, ты моего портрета:
Онъ скоро съ рукъ сойдетъ, хоть я не генералъ.
Къ чему лишь говорить, что онъ портретъ поэта?
Карикатурой ты давно бъ его продалъ.

Судя по мѣсту, занимаемому этими тремя четверостишіями между другими пьесами тетради, они должны относиться къ 1816 году.

Я. К. Гротъ.

Портретъ А. С. Пушкина

акварель П. Ѳ. Соколова

1836 г.

Знаменитый въ 1830—1840 хъ годахъ художникъ Петръ Ѳедоровичъ Соколовъ, основатель акварельной живописи въ Россіи († 1848 г.), въ 1836 г. написалъ портретъ акварельный съ великаго нашего поэта и отдалъ ему. А. С. Пушкинъ подарилъ этотъ портретъ своему другу А. О. Россети, а тотъ, многіе годы спустя, отдалъ его въ даръ Помпею Николаевичу Батюшкову—просвѣщенному любителю литературы и искусствъ.

Съ весьма обязательнаго согласія Помпея Николаевича художникъ Н. К. Брезе воспроизвелъ этотъ портретъ въ хромолитографическомъ снимкѣ сколь возможно тщательнѣе и точнѣе съ подлинникомъ [1]). Изданіе портрета въ 6,000 экземплярахъ обошлось намъ 450 руб.

Очеркъ жизни основателя акварельной живописи въ Россіи художника Петра Ѳедоровича Соколова напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., томъ XXXIII, мартъ, стр. 637—646. Портретъ его, съ оригинала, писаннаго Брюловымъ, будетъ помѣщенъ при нашемъ изданіи.

Ред.

[1]) Мастерская Николая Константиновича Брезе и его типо-литографія находится въ С.-Петербургѣ, Средняя Подъяческая, въ собств. домѣ № 4.

Александръ Пушкинъ

Приложеніе ко второму изд. Русск. Старины 1881 г.

воначальною идеею, какъ выражается [illegible]

ХРАМЪ ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА

на мѣстѣ злодѣянія 1-го марта 1881 г.

I.

7-го февраля 1884 г.

Ваше п—ство, м. г. Михаилъ Ивановичъ! Въ почтенномъ вашемъ журналѣ „Русская Старина“ за январь мѣсяцъ 1884 г., сдѣлано заявленіе архитектора г. Парланда о проэктѣ храма Воскресенія Христова, гдѣ и моя подпись значится.

Заявленіе это, если и вѣрно тому, какъ мнѣ объясняютъ, что я подписалъ, то написанное не то, что я диктовалъ г. N. N., бывшему при моемъ объяснеши съ г. Парландомъ послѣ появленія въ „Русской Старинѣ“ статьи обо мнѣ, статьи, составленной глубоко уважаемымъ редакторомъ этого журнала М. И. Семевскимъ.

Повторяю, я не диктовалъ, а не перечитавъ поданной мнѣ на подпись бумаги, не замѣтилъ выраженій, — введенныхъ въ нее погрѣшительно, таковы слова: „первоначальная идея архимандрита Игнатія“, но „проэктъ всецѣло исполненъ архитекторомъ Парландомъ“.

Таковыя выраженія, опять повторяю, мною не диктованныя и при подпискѣ бумаги не замѣченныя, вполнѣ несправедливы.

Первоначальная идея была не на воздухѣ изображена, а былъ составленъ планъ и фасадъ.

Это могутъ засвидѣтельствовать высокопоставленныя лица, бывшія въ Сергіевой пустынѣ въ тотъ самый день 25-го марта 1881 года.

Слѣдовательно, моя дѣятельность не ограничивается только первоначальною идеею, какъ выражается архитекторъ г. Парландъ.

Не онъ пригласилъ меня къ означенному дѣлу, а я его.

Я не имѣю притязанія на изящную работу карандашемъ; но за то имѣю практическое знаніе дѣла и всѣ исполненныя мною въ Сергіевой пустынѣ постройки дѣлали честь и составили имя гг. архитекторамъ, которые числились при означенныхъ постройкахъ, а въ числѣ ихъ—и А. А. Парландъ вполнѣ заслуженно составилъ себѣ извѣстность.

Почему же А. А. Парландъ не заявлялъ претензіи на единичное составленіе проэкта при представленіи двухъ эскизныхъ проэктовъ, шедшихъ за моею и его подписью на высочайшее воззрѣніе, а равно не протестовалъ противъ того, что и на гравированной доскѣ, положенной Государемъ Императоромъ въ основаніи храма Воскресенія Христова, выгравированы слова:

„Проэктъ архимандрита Игнатія".

Я не ищу ничего, но вынужденъ дать это объясненіе, дабы не было мѣста какимъ либо недоумѣніямъ.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, имѣю честь быть в. превос—ства, м. г., усердный слуга и богомолецъ

архимандритъ Игнатій.

Его пр—ству М. И. Семевскому,
редактору журнала „Русская Старина".

О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г. [1]).

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

11 февраля 1884 года изъ Москвы отъ д. т. сов. В. А. Дашкова	10 руб. — коп.
А съ прежде поступившими всего . .	1,348 руб. 40 коп.

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460.

ГЕНЕРАЛЪ ДИТЯТИНЪ.

Матеріалъ къ его жизнеописанію.

Въ 1879 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, большое собраніе литераторовъ, профессоровъ, артистовъ и прочихъ лицъ, причастныхъ литературѣ, наукѣ и искуству, чествовало Ивана Сергѣевича Тургенева на банкетѣ, въ честь его даннома въ С.-Петербургѣ, на Большой Морской, въ ресторанѣ Бореля. Сказано было множество задушевныхъ, краткихъ и длинныхъ, удачныхъ и не удачныхъ рѣчей. Послѣ одной изъ рѣчей, не вполнѣ удачной, вызвавшей нѣкоторое неудовольствіе присутствовавшихъ,—неистощимый и всегда остроумный артистъ и писатель И. Ѳ. Горбуновъ, внезапно приняв образъ созданнаго его фантазіей генерала Дитятина, сказалъ слѣдующій отъ лица его превосходительства спичъ. Воспроизводимъ его стенографически, какъ матеріалъ для имѣющаго быть изданнымъ жизнеописанія генерала Дитятина, каковой трудъ конечно исполнитъ И. Ѳ. Горбуновъ. Ред.

«Мм. гг. Вы собрались сюда чествовать литератора 40-хъ годовъ Ивана Тургенева... Я противъ этого ничего не имѣю, и, по приглашенію гг. директоровъ, явился сюда не приготовленнымъ встрѣтить здѣсь такое собраніе россійскаго ума и образованности. Хотѣлось бы и говорить, но говорить, находясь среди васъ, трудно: во 1-хъ, разница нашихъ взглядовъ, во 2-хъ, мое официальное положеніе, въ 3-хъ, присущая людямъ нашей эпохи осторожность: насъ учили болѣе осматриваться, чѣмъ всматриваться; больше думать, чѣмъ говорить; однимъ словомъ, насъ учили тому, чему, къ сожалѣнію, уже не учатъ теперь. Мм. гг.! Вы слишкомъ молоды. Изъ васъ нѣтъ ни одного, который былъ бы свидѣтелемъ того перелома и треска въ литературѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ.

«Въ началѣ 30-хъ годовъ, выражаясь риторическимъ языкомъ, среди безоблачнаго неба, тайный совѣтникъ Дмитріевъ внезапно былъ обруганъ семинаристомъ Каченовскимъ. Подняли шумъ... Критикъ скрылся... Далѣе, генералъ-лейтенантъ, сочинитель патріотической исторіи 12-го года, Михайловскій-Данилевскій, былъ обруганъ. Были приняты мѣры... критикъ испыталъ на себѣ быстроту фельдъегерьской тройки... стало тихо. Но на почвѣ, усѣянной, удобренной мысли-

телями 30-хъ годовъ, показались всходы; эти всходы заколосились, первый тучный колосъ, сорвавшійся со стебля въ 40-хъ годахъ, б «Записки Охотника», принадлежащія перу чествуемаго вами лит тора, отставнаго коллежскаго секретаря Ивана Тургенева.

«Въ простотѣ солдатскаго сердца, я взялъ эту книгу, думая най въ ней записки какого либо военнаго охотника... оказалось, что, поэтической оболочкой скрываются такія мысли, о которыхъ я рѣшился не доложить графу Закревскому. Графъ сказалъ: «я знаю». Я въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ князю Сергію Михайловичу лицыну. Онъ говоритъ: «это дѣло администраціи, а не мое». Я щилъ конфиденціально митрополиту Филарету. Онъ мнѣ отвѣтилъ, это «вѣяніе времени».

«Я увидалъ, что совершается что-то странное, — и посторонил

«Теперь я, мм. гг., стою въ сторонѣ, пропускаю мимо себя стройные ряды идей, мнѣній, постоянно сбивающіеся съ ноги, и вс говорю: хорошо! Но мнѣ уже никто не отвѣчаетъ: «рады стараться ваше превосходительство!», а только взводные киваютъ съ усмѣшк головой. Я кончилъ.

И. Ѳ. Горбуновъ

Портретъ Настасьи Минкиной,

домоправительницы гр. Аракчеева.

Покойный богатый помѣщикъ Псковской губерніи, Новоржевскаго у Д. Философовъ, славный въ свое время садоводъ, въ 1820-хъ гг. бывалъ селѣ Грузинѣ, любовался тамошнимъ паркомъ и садами, и былъ ласково принимаемъ гр. Аракчеевымъ и его домоправительницей Настасьей Ѳедоровной. У графа въ большой чести былъ живописный ея портретъ. Въ 1825 г. Настасья зарѣзана. Графъ терзается горестью, но она была недолга. Въ новый пріѣздъ свой Д. Философовъ, справясь о портретѣ, узнаетъ, что онъ выброшенъ въ кучерскую. Говорили будто графъ нашелъ какую-то переписку—свидѣтельство невѣрности его фаворитки, и ея живописное изображеніе изгнано изъ барскихъ покоевъ. Владиміръ Дмитріевичъ Философовъ весьма обязательно доставилъ намъ этотъ портретъ, за безцѣнокъ купленный его отцомъ у кучеровъ графа Аракчеева. Портретъ поясной, рисованъ довольно хорошо, краски сохранились отлично; время написанія—первые годы текущаго столѣтія. Нѣтъ сомнѣнія, что художникъ польстилъ подлиннику, но разумѣется сходство было, иначе гр. Аракчеевъ не держалъ бы портретъ въ своихъ покояхъ до самой катастрофы, лишившей его домоправительницы.

Съ портрета снята для „Русской Старины“ фотографія на дерево, по которой и исполнена гравюра художникомъ Ив. Ив. Матюшинымъ, ученикомъ и сотрудникомъ покойнаго академика гравера Д. А. Сѣрякова.

Ред.

НАСТАСЬЯ ѲЕДОРОВНА МИНКИНА

† 10 СЕНТЯБРЯ 1825 Г. ВЪ СЕЛѢ ГРУЗИНѢ

ДОМОПРАВИТЕЛЬНИЦА ГРАФА АРАКЧЕЕВА.

19-ое ФЕВРАЛЯ

въ 1861—1884 гг.

Содержаніе.

I. Девятнадцатое февраля.
Участники въ трудахъ по освобожденію крестьянъ.

II. Девятнадцатое февраля 1862—1865 гг.
Завѣтъ Ник. Ал. Милютина о ежегодныхъ сходкахъ 19 февраля.

III. Девятнадцатое февраля 1866 г.
Александръ II и освобожденіе крестьянъ („Русск. Инв." 1866 г.).

IV. Девятнадцатое февраля 1867 г.
Александръ II и освобожденіе крестьянъ („Голосъ" 1867 г.).

V—VI. Девятнадцатое февраля 1868—1869 гг.

VII. Девятнадцатое февраля 1870 г.
Сельское училище въ память графа С. С. Ланскаго.

VIII. Девятнадцатое февраля 1871 г.
Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

IX. Девятнадцатое февраля 1872 г.
Николай Алексѣевичъ Милютинъ († 26-го января 1872 г.): рѣчь А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго.

X—XII. Девятнадцатое февраля 1873—1875 гг.

XIII. Девятнадцатое февраля 1876 г.
Константинъ Владиміровичъ Чевкинъ († 3 ноября 1875 г.): очеркъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго.

XIV. Девятнадцатое февраля 1877 г.
Н. И. Желѣзновъ,—Я. А. Соловьевъ,—Ю. Ѳ. Самаринъ († 1876 г.): очеркъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго.

XV. Девятнадцатое февраля 1878 г.
Степанъ Михайловичъ Жуковскій († 25 сентября 1877 г.): очеркъ К. И. Домонтовича.—Александръ Николаевичъ Поповъ († 6 ноября 1877 г.): очеркъ Н. В. Калачова.

XVI. Девятнадцатое февраля 1879 г.
Гагемейстеръ,—кн. Черкасскій,—Н. Н. Тютчевъ.

XVII. Девятнадцатое февраля 1880 г.

XVIII. Девятнадцатое февраля 1881 г.
Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ: рѣчь его о ходѣ крестьянскаго вопроса съ 1861 по 1881 г.

XIX. Девятнадцатое февраля 1882 г.
Андрей Парфеновичъ Заблоцкій-Десятовскій († 24-го декабря 1881 г.).

XX. Девятнадцатое февраля 1883 г.
Историческая записка объ обѣдахъ 19-го февраля.

XXI. Девятнадцатое февраля 1884 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Списокъ членовъ Редакціонныхъ коммисій по составленію Положеній 19-го февраля 1861 г.

II. Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, † 19-го марта 1876 г.

III. Кн. Владиміръ Александровичъ Черкасскій, † 19 февраля 1878 г.: очеркъ кн. А. И. Васильчикова.

IV. Андрей Парфеновичъ Заблоцкій-Десятовскій, † 24 декабря 1881 г.: очеркъ К. Д. Кавелина.

19-ое февраля.

19-ое февраля — великій день, ознаменованный актомъ освобожденія крестьянъ въ нашемъ отечествѣ — чествуется и празднуется, вотъ уже двадцать три года, всюду, гдѣ только слышится русская рѣчь, гдѣ только встрѣчаются русскіе люди. Но особенно знаменательно чествованіе этого дня кружкомъ тѣхъ лицъ, которые имѣли счастіе непосредственно содѣйствовать незабвенному Государю въ созданіи Положеній 19-го февраля 1861 г. или въ первые же годы, по обнародованіи Положеній, вводили реформу на мѣстахъ и затѣмъ вообще трудились по крестьянскому дѣлу, служа въ учрежденіяхъ, его вѣдавшихъ.

Съ перваго же года, именно съ 1861-го, этотъ кружокъ лицъ собирается въ Петербургѣ непремѣнно 19-го февраля, одушевленный всегда общимъ чувствомъ благоговѣйной признательности къ Монарху, даровавшему актъ освобожденія милліонамъ крѣпостныхъ людей, и искреннѣйшаго пожеланія благоденствія дорогому отечеству.

Пользуясь весьма обязательнымъ сообщеніемъ высокоуважаемаго давняго (съ 1865 г.) и постояннаго распорядителя этихъ обѣдовъ, нынѣ-же (съ 1882 г.) предсѣдателя оныхъ, Константина Карловича Грота, сообщеніемъ документовъ, относящихся къ чествованію сего дня, мы представимъ здѣсь, на страницахъ «Русской Старины», возможно сжатый обзоръ многолѣтнихъ ежегодныхъ сходокъ помянутаго кружка дѣятелей по крестьянскому вопросу. Ред.

I.

О сходкахъ кружка «19 февраля» въ С.-Петербургѣ, въ первые четыре года, въ сообщенныхъ намъ бумагахъ, къ сожалѣнію, пробѣлъ, но затѣмъ письменныя свѣдѣнія идутъ непрерывно съ 1865 по 1883 г. включительно.

Мы знаемъ только, со словъ М. Н. Любощинскаго и изъ замѣтокъ Н. И. Стояновскаго, что первый общій обѣдъ въ С.-Петербургѣ кружка Членовъ Редакціонныхъ Коммисій состоялся въ 1862 году, 19 февраля, и былъ вызванъ, между прочимъ, желаніемъ выразить чувства дружбы и уваженія къ Николаю Алексѣевичу Милютину. Обѣдъ былъ въ ресторанѣ Вера—бывшій Шахматный клубъ, въ гостинницѣ Демута. На обѣдѣ присутствовали изъ числа Членовъ Редакціонныхъ Коммисій: И. П. Арапетовъ, Ю. А. Гагемейстеръ, А. К. Гирсъ, К. К. Гротъ, К. И. Домонтовичъ, С. М. Жуковскій, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Н. В. Калачовъ, Н. Н. Колошинъ, М. Н. Любощинскій, М. Х. Рейтернъ, П. П. Семеновъ, Я. А. Соловьевъ, Н. И. Стояновскій и П. А. Шульцъ. Изъ постороннихъ были приглашены К. Д. Кавелинъ, Д. А. Милютинъ и гр. Н. Я. Ростовцовъ.

На этомъ первомъ обѣдѣ, соединившемъ вокругъ общаго стола нѣсколькихъ, наиболѣе близкихъ между собою, участниковъ въ разработкѣ великой реформы 19 февраля [1]),—Н. А. Милютинъ предложилъ, и всѣми было единодушно принято: «отнынѣ, ежегодно, въ великій день 19 февраля, собираться Членамъ Редакціонныхъ Коммисій для чествованія сего дня. И когда, одинъ за однимъ, сойдутъ въ могилу Члены Редакціонныхъ Коммисій,—такъ сказалъ, между прочимъ, Н. А. Милютинъ,—и останется въ живыхъ хотя одинъ изъ нихъ,—да подыметъ онъ, въ день 19 февраля, бокалъ въ память своихъ сотоварищей и выпьетъ за благоденствіе Россіи и за великое дѣло, совершенное 19 февраля 1861 года. И только этотъ обѣдъ да будетъ послѣднимъ обѣдомъ участниковъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ».

[1]) А именно членовъ Редакціонныхъ Коммисій и членовъ состоявшей подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина Коммисіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, выработавшей проектъ института мировыхъ посредниковъ и вообще учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, а равно и давшей мысль о земскихъ учрежденіяхъ. Изъ этихъ послѣднихъ членовъ вошли въ составъ кружка 19 февраля, съ самаго начала его собраній: В. А. Арцимовичъ, К. К. Гротъ, С. И. Зарудный и Н. И. Стояновскій.

Этотъ и послѣдующіе обѣды устраивались, до 1865-го года включительно, въ день 19 февраля, въ ресторанѣ Дюссо. Распорядителями были С. М. Жуковскій и К. И. Домонтовичъ.

Въ апрѣлѣ 1862 г. отъѣздъ Н. А. Милютина за границу вновь соединилъ вокругъ него членовъ кружка, участниковъ въ общемъ трудѣ, пожелавшихъ съ нимъ проститься.

Въ день 19 февраля 1864 г. скончался графъ Д. Н. Блудовъ и о немъ было много сказано сочувственнаго на дружескомъ собраніи этого дня.

Гостями были съ перваго же года этихъ сходокъ: Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ, заслуги котораго въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ извѣстны всей Россіи, и графъ Николай Яковлевичъ Ростовцевъ,—сынъ ближайшаго и непосредственнаго сподвижника Александра II въ великой реформѣ.

Вотъ кто были приглашены на обѣды 19 февраля 1864 и 1865 г.; отмѣчаемъ кто изъ нихъ не явился:

Аракчеевъ, Иванъ Павловичъ.
Булгаковъ, Петръ Алексѣевичъ—не былъ.
Булыгинъ, Василій Ивановичъ—не былъ.
Гагемейстеръ, Юлій Андреевичъ.
Галаганъ, Григорій Павловичъ.
Гирсъ, Александръ Карловичъ—не былъ.
Гротъ, Константинъ Карловичъ.
Домонтовичъ, Константинъ Ивановичъ.
Желтухинъ, Алексѣй Дмитріевичъ.
Желѣзновъ, Николай Ивановичъ—не былъ.
Жуковскій, Степанъ Михайловичъ.
Заблоцкій, Андрей Парфеновичъ.
Замятнинъ (служивш. въ Земск. Отдѣлѣ).
Колошинъ, Николаай Николаевичъ.
Куприяновъ, Яковъ Александровичъ.
Ламанскій, Евгеній Ивановичъ—не былъ.
Любощинскій, Маркъ Николаевичъ.
Милютинъ, Николай Алексѣевичъ.
Павловъ, Николай Николаевичъ—не былъ.
Похвисневъ, Михаилъ Николаевичъ.
Рейтернъ, Михаилъ Христофоровичъ—не былъ.
Семеновъ, Николай Петровичъ.
Семеновъ, Петръ Петровичъ.
Соловьевъ, Яковъ Александровичъ—не былъ.
Стенбокъ, графъ, Юлій Ивановичъ—не былъ
Стояновскій, Николай Ивановичъ.
Тургеневъ, Николай Ивановичъ.
Тютчевъ, Николай Николаевичъ.
Черкасскій, князь, Владиміръ Александровичъ—не былъ.
Шульцъ, Павелъ Антоновичъ.
Щепкинъ

Всего было приглашено на каждый изъ этихъ двухъ обѣдовъ (1864 и 1865 гг.) до 31 лицъ, изъ нихъ 10, по разнымъ причинамъ, не могли воспользоваться приглашеніемъ на обѣдъ 19 февраля 1865 г.

Что не прибывшіе на обѣдъ не могли явиться по причинамъ серьезнымъ и что всѣ симпатіи ихъ были къ собравшемуся кружку товарищей,—это видно, между прочимъ, изъ письма того времени отъ Я. А. Соловьева:

Варшава, 16 (28) февраля 1865 г.

«Очень сильное задушевное желаніе было, многоуважаемый Константинъ Карловичъ, провести день 19 февраля среди людей, сочувствующихъ крестьянскому дѣлу и принимавшихъ въ немъ участіе; но, къ несчастію, желанію этому не суждено исполниться.. Другое, также крестьянское, дѣло удержало меня въ Варшавѣ. Много хлопотъ, много труда, много непріятностей приходится выдерживать здѣсь; утѣшаетъ только то, что тѣ, съ которыми я обѣдалъ 19 февраля, вознаградятъ за все это своимъ сочувствіемъ, которое для меня такъ дорого. Здѣсь, въ маленькомъ кружкѣ, мы выпьемъ 19 февраля за общее всѣхъ васъ здоровье. Еще разъ горькое сожалѣніе, что и нынѣшнее 19-ое февраля я буду вдали отъ васъ. Крѣпко жму вашу руку.

«Искренно вамъ преданный Яковъ Соловьевъ».

Съ теченіемъ времени общій списокъ принимавшихъ участіе въ обѣдахъ 19-го февраля возросъ до 58 лицъ. Этому способствовало то, что съ 1869 г., съ общаго согласія участниковъ сходокъ 19-го февраля, рѣшили не ограничиваться приглашеніемъ только бывшихъ членовъ Редакціонныхъ коммисій и Губернскихъ Комитетовъ, выработывавшихъ (1859—1860 гг.) проекты освобожденія крестьянъ, но и другихъ лицъ, участниковъ въ трудахъ по крестьянскому вопросу, какъ напримѣръ, служившихъ въ Главномъ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, а также въ губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ. Кромѣ того, на обѣдахъ 19-го февраля, являются гостями, кромѣ профессора К. Д. Кавелина и графа Н. Я. Ростовцева: А. И. Скребицкій—редакторъ монументальнаго изданія «Крестьянское дѣло въ царствованіе Александра II-го», кн. А. И. Васильчиковъ, много содѣйствовавшій крестьянскому дѣлу и самоуправленію въ Россіи своими научными трудами, Ю. Н. Милютинъ, приглашаемый въ этотъ кружокъ какъ сынъ незабвеннаго Николая Алексѣевича.

Такимъ образомъ общій списокъ всѣхъ участниковъ и гостей знаменательнаго обѣда въ Петербургѣ, въ день 19-го февраля, съ 1862 по 1884 годъ включительно, представляется слѣдующій:

И. П. Арапетовъ.
Ад. А. Арцимовичъ.
В. А. Арцимовичъ.
Е. И. Барановскій.
П. А. Булгаковъ, †.
Вас. Ив. Булыгинъ, †.
Н. Х. Бунге.
Кн. А. И. Васильчиковъ, †.
Д. П. Гавриловъ, †.
Юл. Андреевичъ Гагемейстеръ, †.
Г. П. Галаганъ.
А. К. Гирсъ, †.
Кн. С. П. Голицынъ.
А. В. Головнинъ.
М. П. Горловъ.
К. К. Гротъ.
К. И. Домонтовичъ.
А. Д. Желтухинъ, †.
Н. И. Желѣзновъ, †.
С. М. Жуковскій, †.
А. П. Заблоцкій-Десятовскій, †.
Замятнинъ, † (изъ Земск. Отдѣла).
С. И. Зарудный.
К. Д. Кавелинъ.
Н. В. Калачевъ.
Н. Н. Колошинъ.
Ѳ. П. Корниловъ.
Ник. Антон. Кристофари, †.
Я. А. Купреяновъ, †.
Е. И. Ламанскій.
М. Н. Любощинскій.
Баронъ В. Мих. Менгденъ.
Д. А. Милютинъ.
Н. А. Милютинъ, †.
Ю. Н. Милютинъ.

М. П. Митковъ.
Сем. Ал. Мордвиновъ.
Анат. Ив. Нератовъ.
И. А. Новиковъ.
Кн. Д. А. Оболенскій, †.
Ник. Ник. Павловъ.
А. Н. Поповъ, †.
М. Н. Похвисневъ, †.
М. Х. Рейтернъ.
Гр. Н. Я. Ростовцевъ.
Ю. Ѳ. Самаринъ, †.
Н. П. Семеновъ.
П. П. Семеновъ.
М. И. Семевскій.
Я. А. Соловьевъ, †.
А. И. Скребицкій.
Ег. Павл. Старицкій.
Графъ Ю. И. Стенбокъ, †.
Н. И. Стояновскій.
В. В. Тарновскій, †.
П. Е. Татариновъ.
Влад. Васильев. Трубниковъ, †.
Н. И. Тургеневъ, †.
И. С. Тургеневъ, †.
Н. Н. Тютчевъ, †.
Князь В. А. Черкасскій, †.
И. А. Чернавскій.
П. А. Шульцъ.
Александръ Дан. Шумахеръ.
Щепкинъ.

Изъ этого списка шестидесяти пяти лицъ, являвшихся въ разные годы 19 февраля въ 1862—1884 гг., двадцать шесть участниковъ сего кружка никогда болѣе въ него не явятся—они покойники.

Предсѣдателемъ обѣдовъ до самой кончины, въ 1881 году, былъ А. П. Заблоцкій-Десятовскій; распорядителемъ обѣдовъ съ 1865 года былъ—нынѣшній предсѣдатель оныхъ—К. К. Гротъ.

Въ спискѣ приглашенныхъ значится, но мы не знаемъ, былъ

ли въ Петербургѣ на обѣдѣ 19 февраля знаменитый Николай Ивановичъ Тургеневъ, этотъ патріархъ въ вопросѣ освобожденія крестьянъ въ Россіи [1]). — Съ 1869 г. на обѣдъ 19 февраля участники являются въ сюртукахъ съ медалями за труды по освобожденію крестьянъ, конечно, кто таковыя имѣетъ. На этихъ обѣдахъ традиціонные тосты суть слѣдующіе:

— «За великое дѣло 19 февраля и за главнаго его виновника Государя Императора Александра II»; а по его кончинѣ— «за здравіе благополучно царствующаго Государя Императора».

Второй тостъ обыкновенно возглашается «за всѣхъ дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ по крестьянскому дѣлу».

Третій тостъ — «за отсутствующихъ товарищей».

Изъ этихъ отсутствующихъ обыкновенно вспоминались: Самаринъ, князь Черкасскій, Н. А. Милютинъ, Я. А. Соловьевъ— всѣ они нынѣ умершіе; также вспоминались постоянно жившіе въ Кіевѣ—Н. Х. Бунге и Г. П. Галаганъ.

Четвертый тостъ возглашается «въ память умершихъ предсѣдателей Редакціонныхъ коммисій: Я. И. Ростовцева и графа В. Н. Панина, а также бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа С. С. Ланскаго». Къ этимъ именамъ присоединяются имена опочившихъ сномъ смерти бывшихъ членовъ Редакціонныхъ коммисій, и этотъ синодикъ, почти съ каждымъ годомъ, дѣлается все длиннѣе и длиннѣе.

Послѣдній тостъ обыкновенно возглашался и возглашается «за благоденствіе Россіи!»

Къ этимъ пяти, такъ сказать, традиціоннымъ тостамъ иногда присоединялись нѣкоторые другіе, изъ которыхъ наиболѣе обычны и задушевны были тосты: «за здоровье предсѣдателя и распорядителя обѣдовъ 19 февраля» — А. П. Заблоцкаго и К. К. Грота.

Сходки 19 февраля продолжались отъ 6 до 9 и рѣдко до 10-ти часовъ, причемъ обѣдъ, кромѣ тостовъ, сопровождался рѣчами, бо́льшею частію сказанными въ память тѣхъ или другихъ изъ опочившихъ сподвижниковъ Императора Александра II въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Затѣмъ не рѣдко были сообщенія о современномъ положеніи крестьянскаго дѣла со стороны лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ дальнѣйшемъ исполненіи и развитіи Положеній 19 февраля и въ примѣненіи

[1]) Онъ значится въ числѣ приглашенныхъ на одинъ изъ обѣдовъ 19 февраля, въ 1862 году. М. Л. и Н. С.

главныхъ основаній сихъ Положеній къ отдѣльнымъ разрядамъ сельскихъ обывателей, и обмѣнъ мыслей по текущимъ законодательнымъ работамъ въ области крестьянскаго вопроса; чтеніе телеграммъ отъ отсутствующихъ товарищей и посылка имъ привѣтовъ. Этими привѣтами въ особенности не забывали Н. А. Милютина, князя В. А. Черкасскаго, Я. А. Соловьева, Ю. Ѳ. Самарина, Н. Х. Бунге и Г. П. Галагана, которые, въ свою очередь, посылали выраженіе своего сердечнаго сочувствія и поздравленія съ «великимъ», «святымъ», «незабвеннымъ днемъ 19 февраля»— такъ называли и называютъ «сотрудники крестьянскаго дѣла» этотъ праздникъ всей Россіи и всѣхъ народовъ, ее населяющихъ.

II.

Сохранились интересныя замѣтки о сходкахъ 19 февраля. замѣтки распорядителя обѣдовъ въ сей день, изъ которыхъ мы приведемъ небольшія выдержки.

19 февраля 1866 г. «За обѣдомъ читали передовыя статьи того дня изъ «Русскаго Инвалида» и «Голоса» по поводу освобожденія крестьянъ».

Вотъ одна изъ этихъ статей, читанная на этомъ обѣдѣ:

19-ое февраля 1866 года.

«Сегодня вся Россія, отъ Бѣлаго моря до Чернаго, отъ карпатскихъ истоковъ польской рѣчки Варты до устьевъ далекаго Амура, вся Россія молится молитвой благодарности за девятнадцатое февраля.

«День девятнадцатаго февраля есть, конечно, одинъ изъ самыхъ великихъ и свѣтлыхъ дней въ историческихъ судьбахъ Россіи. Десять вѣковъ прожила Россія до этого дня. Пройдутъ еще вѣка, смѣнятся поколѣнія за поколѣніями, но ни Россія, ни исторія не забудутъ этой ясной и блестящей годовщины.

«Вспомнимъ только, что было одиннадцать лѣтъ тому назадъ, такъ-сказать, наканунѣ 19-го февраля? Надъ Россіей нависли темныя, тяжелыя, свинцовыя тучи; вся Европа была противъ насъ. Англія наваливалась на наши берега всѣми своими флотами; Франція высылала противъ насъ избраннѣйшихъ изъ своихъ сыновъ; турки, кстати, усиливались отплатить за тысячи старыхъ своихъ неудачъ. Русь напрягала всѣ свои силы, а

между тѣмъ народное хозяйство разстроивалось, казна пустѣла, торговля остановилась: уныніе распространялось повсюду. Но среди тяжкихъ испытаній Русь близко всматривалась въ свои недуги, русская мысль зрѣла, причины неудачъ опредѣлялись, ключъ задачи казался найденнымъ. И вдругъ не стало Того, Кто тридцать лѣтъ оберегалъ Россію своими могущественными руками.

«Еще глубже, мрачнѣе сталъ мракъ, охватившій Россію.

«Но уже занималась заря девятнадцатаго февраля. Начался разсвѣтъ, наступило утро свѣтлаго дня.

«Глубочайшая изъ тогдашнихъ ранъ нашихъ, сквозь которую сочилась лучшая наша кровь, закрылась: изнурительная война прекратилась миромъ. Россія вздохнула свободнѣе, но не совсѣмъ, потому что цѣлая треть ея населенія не была свободна, а это печальное положеніе отражалось неблагопріятно на остальныхъ двухъ третяхъ, имѣло растлѣвающее вліяніе на экономическій и нравственный бытъ цѣлаго народа.

«Первый, неизбѣжный шагъ къ возрожденію заключался въ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Безъ этого шага невозможенъ былъ ни одинъ слѣдующій. Но дѣло представляло великія затрудненія. Двадцать два милліона крѣпостнаго населенія разбросано было на пространствѣ обширнѣйшемъ, нежели вся остальная Европа. Дальность разстояній была важнымъ замедляющимъ препятствіемъ. Затѣмъ эти двадцать два милліона жили въ условіяхъ безконечно разнообразныхъ. Въ этомъ числѣ были и наши степные земледѣльцы, и приморскіе рыбаки, и торговцы съ оборотами въ сотни тысячъ, и бѣдные, почти не ѣвшіе хлѣба, бѣлорусскіе крестьяне, забитые панами, и ловкіе промышленники, и люди, получившіе довольно полное образованіе. Законодательная власть должна была распространить свои заботы на самыя разнообразныя положенія, условія, требованія. Сверхъ пятидесяти-пяти милліоннаго, однороднаго по происхожденію и языку, населенія Россіи являлось по окраинамъ нѣсколько инородцевъ, нѣсколько пространствъ земли, имѣвшихъ иное историческое развитіе. Потомъ представлялись разныя финансовыя затрудненія; выдвигались впередъ частные интересы, требовавшіе возможнаго охраненія; наконецъ, заявляли свои права и предразсудки, которые такъ сильны въ человѣческихъ обществахъ. Сверхъ того надо было предвидѣть отступленія отъ порядка и приготовиться ко всѣмъ случайностямъ.

«Трудности казались непреодолимыми. Люди, близко знакомые съ ходомъ приготовительныхъ работъ, не вѣрили въ возможность ихъ осуществленія. Люди, до которыхъ доходили о приготовленіяхъ къ великому дѣлу только смутные слухи, не смѣли вѣрить, что счастіе такъ близко. Многіе, даже весьма благоразумные люди, опасались по поводу освобожденія крестьянъ — уличныхъ безпорядковъ, кровавыхъ волненій, всеобщаго голода. Люди, даже неробкіе, принимали мѣры къ охраненію общей безопасности. Враги наши, внѣшніе и внутренніе, ликовали, вели свои подкопы и готовились... Но вотъ, наконецъ, появился и манифестъ 19-го февраля, въ которомъ, между прочимъ, было сказано слѣдующее:

— «Полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность благороднаго дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ Насъ и отъ всего отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію Нашихъ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только движеніемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостнаго права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣнно, что оно такъ же благородно употребитъ дальнѣйшее тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства...

— «Полагаемся и на здравый смыслъ Нашего народа. Когда мысль правительства объ упраздненіи крѣпостнаго права распространилась между неприготовленными къ ней крестьянами: возникали было частныя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался, въ томъ убѣжденіи, что и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону христіанскому всякая душа должна повиноваться властямъ предержащимъ, воздавать всѣмъ должное...

— «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго...»

«Царское довѣріе оправдалось вполнѣ: и опасенія людей

преданныхъ, и злорадостныя надежды враговъ оказались безпредметными: всѣ мы, очевидцы великаго событія, помнимъ и знаемъ, что освобожденное населеніе, въ общей своей массѣ, проявило только одно особенно сильное движеніе — къ церквамъ, гдѣ возносились пламенныя молитвы за великаго Виновника общей народной радости.

«Европа съ завистію, недоумѣніемъ, страхомъ и сомнѣніемъ смотрѣла на этотъ неслыханный успѣхъ переворота, который въ другихъ странахъ требовалъ бы или глубокихъ потоковъ крови, или долгаго ряда годовъ упорной и постоянной борьбы. Она завидовала исполинскому шагу впередъ, совершенному съ такою твердостью и быстротою; она недоумѣвала передъ будущностью страны, способной на такіе гигантскіе успѣхи; она ужасалась передъ неодолимою силою согласія, ибо только этою силою объяснялась легкость переворота; и наконецъ она, не смотря на очевидность, сомнѣвалась. Многіе весьма мыслящіе и весьма наблюдательные люди въ Европѣ увѣрены были, что Россія, глубоко потрясенная 19-го февраля, разложилась совершенно и отъ малѣйшаго внѣшняго толчка разсыплется..... Немедленно приступлено было къ веденію интригъ, заготовленныхъ въ Польшѣ.

«Но событія показали, что они горько ошиблись. Когда вооруженное возстаніе въ Польшѣ оказалось безсильнымъ, они подняли съ запада небывалый въ исторіи дипломатическій ураганъ. Ополчились дипломатическими громами всѣ великія и всѣ малыя державы и ринулись на насъ съ невѣроятно наглою увѣренностью въ нашей гибели. И что же? Встрѣтили не разложившееся тѣло, готовое разлетѣться пылью отъ ихъ напора; они встрѣтили тверже прежняго сплоченную, согласную, органическую, мыслящую, спокойно внутри себя работающую массу, выросшую въ день 19-го февраля на цѣлую треть. Ибо этотъ свѣтлый день далъ гражданскія права цѣлой безправной трети населенія Россіи. Дипломатическій ураганъ унялся, предоставивъ намъ продолжать свою внутреннюю работу.

«А работы было много, ибо, говоря словами манифеста 19-го февраля, «самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона».

«Указъ 19-го февраля 1861 года даровалъ свободу отъ трехъвѣковой крѣпостной зависимости населенію въ 10.915,687 душъ

мужскаго пола [1]) и свыше 11 милліоновъ душъ женскаго пола. Всѣхъ ихъ надо было устроить, разсмотрѣть ихъ требованія, по мѣрѣ возможности, удовлетворить ихъ желанія, опредѣлить права. Въ этомъ огромномъ трудѣ дворянство вполнѣ оправдало довѣріе, коимъ почтилъ его въ манифестѣ Державный Освободитель.

«Для приведенія въ дѣйствіе Положенія 19-го февраля, дворянство дало изъ среды себя дѣятелей въ 44 губернскія присутствія, въ 444 мировые съѣзда и въ 1,714 мировыхъ участковъ.

«Пять лѣтъ, только пять лѣтъ, прошло отъ свѣтлаго дня, а между тѣмъ, благодаря дѣятельности мировыхъ учрежденій, великое дѣло подвинуто такъ далеко, какъ только можно было ожидать.

«Обратимся къ цифрамъ,—этимъ простымъ, не краснорѣчивымъ, но самымъ убѣдительнымъ свидѣтелямъ добытыхъ результатовъ.

«Дворовые, въ числѣ болѣе 600 тыс. однихъ мужскаго пола душъ, получили полную свободу. Многіе изъ нихъ устроились на помѣщичьихъ земляхъ, другіе приписались къ городскимъ обществамъ, и въ настоящее время не видать уже слѣдовъ личной, дворовой крѣпостной зависимости. Изъ экономическаго быта Россіи дворовые вычеркнуты окончательно. Крестьянъ, принадлежавшихъ къ имѣніямъ мелкопомѣстнымъ, считалось болѣе 200 тыс. душъ мужскаго пола. Изъ нихъ часть перешла въ многоземельныя имѣнія или другія сословія; другіе остались въ прежнихъ своихъ поселеніяхъ или какъ временно-обязанные, или какъ собственники. Болѣе 6,000 мелкопомѣстныхъ имѣній перешло въ казну, за вознагражденіе въ 6.282,876 рублей, со всею землею, какъ крестьянскою, такъ и помѣщичьею, съ 45,826 душами мужскаго пола. Кромѣ того, до 5-ти милліоновъ рублей роздано въ пособіе мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, чрезъ посредство самаго дворянства.

«Затѣмъ 477,020 душъ муж. пола прекратили свои обязательныя отношенія къ помѣщикамъ и сдѣлались собственниками земли, по добровольному соглашенію и безъ всякаго содѣйствія со стороны правительства; а 2.892,907 душъ муж. пола вошли въ соглашенія съ помѣщиками для выкупа у нихъ земель съ пособіемъ отъ правительства.

---

[1]) Въ томъ числѣ 10.073.660 душъ въ имѣніяхъ большепомѣстныхъ, 206.108 душъ—мелкопомѣстныхъ и 635,919 дворовыхъ.

«Въ девяти западныхъ губерніяхъ, на основаніи особенныхъ указовъ 1863 года, вслѣдствіе исключительнаго положенія края, введенъ обязательный выкупъ, силою котораго 2.475,102 души муж. пола сдѣлались собственниками, тоже съ выдачею помѣщикамъ вознагражденія.

«Наконецъ, 4.030,988 душъ до сихъ поръ (1866 г.) остаются еще въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Пять лѣтъ тому назадъ собственно на барщинѣ считалось 6.795,274 души, и ежели теперь обязательныя отношенія выражаются, даже на половину, въ формѣ барщины, то выходитъ, что безъ малаго 5 милліоновъ душъ муж. пола окончательно освободились уже отъ барщинныхъ порядковъ,—этого неизбѣжнаго и тяжкаго послѣдствія крѣпостной зависимости. Конечно, такая быстрая перемѣна въ экономическихъ условіяхъ и отношеніяхъ не могла не отозваться убыточно на нѣкоторыхъ хозяйствахъ. Но иначе и быть не могло. Нельзя было достигнуть такихъ громадныхъ общихъ результатовъ безъ частныхъ потерь. Россія не забудетъ понесенныхъ дворянствомъ жертвъ, которыя покупаютъ ей блистательную, безоблачную будущность.

«Итакъ, въ краткій пятилѣтній періодъ времени, (1861—1866) бывшее крѣпостное населеніе распредѣлилось слѣдующимъ образомъ:

«5.745,029 душъ мужск. пола сдѣлались не только свободными гражданами, но и собственниками земли.

«4.030,988 душъ мужск. пола воспользовались всѣми выгодами свободнаго состоянія, хотя и остались еще въ обязательныхъ къ помѣщикамъ отношеніяхъ, строго опредѣленныхъ закономъ.

«Наконецъ, около 1 милліона душъ устроилось иными способами, сообразно своимъ наклонностямъ и желаніямъ.

«Но на этомъ не остановилась благая реформа. За общею мѣрою послѣдовалъ рядъ частныхъ, въ томъ же смыслѣ и направленіи. Крестьяне государевы, удѣльные и дворцовые, слившись съ прочими свободными земледѣльцами, сдѣлались также собственниками земли. За ними послѣдовало устройство крестьянъ за-кавказскихъ, посессіонныхъ, горнозаводскихъ и всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ видовъ крѣпостнаго состоянія, которые образовались постепенно, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, и проникли почти всѣ отрасли прежняго казеннаго и частнаго хозяйства.

«Эти, поистинѣ колоссальныя, преобразованія завершаются нынѣ сліяніемъ государственныхъ крестьянъ съ прочими сельскими обывателями, и, наконецъ, новымъ общественнымъ устройствомъ крестьянъ прибалтійскихъ губерній...

«Среди общаго перерожденія всего земледѣльческаго населенія,—этой прочной охранительной основы всего государственнаго зданія,—не забыты были Державнымъ Преобразователемъ и наши польскіе братья.

«Начиная съ 1861 года, появился рядъ законодательныхъ мѣръ относительно крестьянъ Царства Польскаго. Къ сожалѣнію, мѣстныя шляхетскія вліянія далеко не соотвѣтствовали яснымъ указаніямъ верховной власти. Но часъ шляхты пробилъ. Прежніе польскіе порядки прекратились два года тому назадъ, тоже въ великій день 19-го февраля. Народъ почувствовалъ себя свободнымъ не на бумагѣ только, а дѣйствительно свободнымъ отъ тяжкихъ притязаній пановъ и ихъ челядинцевъ.

«Силою указа 19-го февраля 1864 г., 335,000 крестьянскихъ семействъ сдѣлались собственниками земли, находившейся въ ихъ пользованіи. Затѣмъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, 89,115 семействъ коморниковъ, огородниковъ и др. признано поземельными собственниками, да 27,055 семействъ безземельныхъ крестьянъ получили земли изъ опустѣлыхъ крестьянскихъ участковъ. Такимъ образомъ 451,170 семействъ сдѣлались собственниками, что, считая по пяти душъ на семью, составляетъ около $2^1/_2$ милліоновъ облагодѣтельствованныхъ душъ обоего пола. До 19-го февраля 1864 г. въ Царствѣ Польскомъ было 1.330,000 человѣкъ вовсе не обработывавшихъ даже наемной земли въ свою пользу, а теперь такихъ безземельныхъ работниковъ осталось не болѣе 750,000 душъ обоего пола.

«Вотъ, въ самыхъ короткихъ словахъ, результаты свѣтлыхъ дней 19 февраля.

«Если ко всѣмъ экономическимъ выгодамъ, проистекающимъ отъ новаго, свободнаго устройства крестьянъ, присоединить выгоду нравственную: безпредѣльную благодарность къ Царю-Освободителю, духовное возрожденіе цѣлой трети жителей Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ возникшую возможность идти дальше, впередъ, то выгоды Россіи отъ 19-го февраля окажутся превосходящими всякія человѣческія исчисленія.

«Достаточно вспомнить о тѣхъ многознаменательныхъ внутреннихъ событіяхъ, которыхъ мы были очевидными свидѣтелями въ теченіи послѣдняго десятилѣтія: умиротвореніе Кавказа; уничтоженіе пятна уголовныхъ тѣлесныхъ наказаній; полное преобразованіе судовъ; новое устройство университетовъ, гимназій, народныхъ училищъ; освобожденіе печати; наконецъ—земское самоуправленіе! Каждое изъ этихъ событій могло бы считаться важною эрою въ народной жизни. Всѣ вмѣстѣ, сливаясь съ первоначальною, во-время задуманною и честно выполненною мѣрою освобожденія крестьянъ,—составляютъ, конечно, одну изъ блистательнѣйшихъ эпохъ русской исторіи.

«И Провидѣніе благословляетъ Великаго Виновника этихъ народныхъ событій. Никогда еще народъ русскій не чувствовалъ такъ горячо своего единства, не сознавалъ такъ ясно высоты своего политическаго значенія... Если на минуту отрѣшиться отъ житейскихъ мелочей и частностей, то нельзя не преклониться съ благоговѣніемъ передъ этимъ общимъ зрѣлищемъ единодушнаго, быстраго, торжественнаго движенія впередъ цѣлаго народа въ искреннемъ общеніи съ своимъ Вѣнценоснымъ Вождемъ. И въ этотъ великій день девятнадцатаго февраля, вся Россія, вознося свои пламенныя мольбы къ престолу Всевышняго, въ то же время смотритъ впередъ съ непоколебимою вѣрою въ свою великую будущность!..»

(„Русскій Инвалидъ“, № 45, 19-го февраля 1866 г.).

---

19 февраля 1867 г. «Посланы привѣтствіе больному Н. А. Милютину и бомбоньерка съ конфектами М. А. Милютиной, которые получили то и другое въ концѣ своего обѣда и были очень тронуты этимъ вниманіемъ. Обѣдъ былъ очень оживленъ».

«Во время обѣда читали передовую статью «Голоса» того дня о значеніи крестьянской реформы и біографію В. В. Тарновскаго. Послѣднюю читалъ А. П. Заблоцкій-Десятовскій и былъ такъ разстроганъ отъ чтенія, что принужденъ былъ просить Е. И. Ламанскаго окончить чтеніе. Особыхъ рѣчей не было; но было высказано много теплыхъ словъ по поводу этихъ ежегодныхъ собраній и объ отсутствіи и болѣзни главнаго дѣятеля по крестьянскому дѣлу—Н. А. Милютина».

Вотъ статья, читанная на обѣдѣ 19-го февраля 1867 года:

«19 февраля 1867 г.—шестая годовщина великаго дня, отъ котораго, какъ отъ дней основанія русскаго государства, крещенія Руси и освобожденія отъ татарскаго ига, русскій народъ будетъ вести счетъ годамъ. Другихъ подобныхъ этому дней, которые можно было бы назвать днями обновленія, нѣтъ въ русской исторіи; есть въ ней много славныхъ воспоминаній, есть много событій, говорящихъ чувству народной гордости, но ни одно изъ нихъ не можетъ служить народною эрою. 19-е февраля 1861 года это по истинѣ день воскресенія всего русскаго народа къ новой жизни. Мы говоримъ всего русскаго народа, потому что безъ этого великаго дня, безъ великаго дѣла, совершоннаго актомъ, подписаннымъ въ этотъ день, мы не сдѣлали бы ни одного изъ тѣхъ гигантскихъ шаговъ, которыми прославило себя настоящее царствованіе въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ.

Ни судебная реформа въ томъ видѣ, въ какомъ она совершена, ни земскія учрежденія, ни отмѣна тѣлесныхъ наказаній, ни даже та доля свободы печати, которою мы пользуемся, со дня введенія въ дѣйствіе указа 6-го апрѣля 1865 года, ничто не было бы мыслимо прежде великаго дѣла освобожденія крестьянъ. Развѣ судъ «правый, равный для всѣхъ» былъ бы возможенъ тамъ, гдѣ болѣе двадцати милліоновъ не пользовались никакими гражданскими правами? Развѣ возможна гласность въ отправленіи правосудія тамъ, гдѣ изъ самаго положенія вещей, изъ извѣстнаго государственнаго строя вытекали процессы, оглашеніе которыхъ подкапывало бы этотъ строй? Развѣ возможенъ судъ присяжныхъ тамъ, гдѣ треть населенія страны не только не могла бы быть призвана къ участію въ произнесеніи приговоровъ въ силу своего несчастнаго рожденія, но и не имѣло, въ силу того же рожденія, ни права собственности, ни права свидѣтельства и иска противъ другой стороны? Изъ прежнихъ опытовъ преобразованія и улучшенія нашихъ судовъ мы знаемъ, что ни одинъ изъ нихъ не удавался именно потому, что главное, незамѣнимое ничѣмъ, основаніе правосудія—судъ публичный, открытый и съ равными правами для всѣхъ безъ различія, не могло быть внесено въ наши судебныя дѣла до возвращенія гражданскихъ правъ всѣмъ подданнымъ государства. Не говоримъ уже объ аномаліи, которая вытекала бы

прямо изъ отмѣны тѣлеснаго наказанія по суду, если-бъ это право оставалось у нѣсколькихъ частныхъ лицъ надъ двадцатью слишкомъ милліонами людей.

Точно также изъ многихъ и очень многихъ опытовъ извѣстно, что и въ области администраціи самыя даже лучшія начинанія такихъ государей, какъ Петръ I, Екатерина II, Александръ I, разбивались о какую-то невидимую преграду и превращались въ мертвую букву, оставаясь писаннымъ закономъ, который обходился или нарушался какъ частными лицами, такъ и лицами, стоявшими въ администраціи и нерѣдко какъ бы по нѣмому, какъ бы по сочувственному соглашенію между тѣми и другими. Естественно, до введенія правильнаго суда и предоставленія мѣстнаго хозяйства въ руки земства, всѣ эти попытки и благія начинанія не могли имѣть другого значенія, кромѣ измѣненія и усовершенствованія лишь однѣхъ внѣшнихъ формъ бюрократіи; господство бюрократіи оставалось въ прежней силѣ и даже развивалось съ бо́льшею силою, потому что усовершенствованіе формъ укрѣпляетъ ее, подкапывая, въ то же время, корень дѣла, которое заѣдается формою. Но развѣ возможенъ былъ этотъ огромный шагъ къ самоуправленію прежде возвращенія правъ гражданства цѣлой трети населенія? Пришлось бы отдать земское дѣло въ руки меньшинства, конечно, образованнаго... но развѣ это было бы земство? развѣ это было бы истинное самоуправленіе? Правда, теперь есть уже голоса, утверждающіе, что для управленія дѣлами земства, достаточно было бы развить дворянскія учрежденія — голоса, требующіе чтобъ меньшинству предоставлены были привиллегіи въ земствѣ, чтобъ ему даны были законныя права и гарантіи для господства въ земскихъ дѣлахъ и чтобъ, такимъ образомъ, участіе другихъ сословій, участіе бо́льшинства, было только номинальное. Но кто же не видитъ и не понимаетъ затаенной мысли этихъ голосовъ, раздающихся въ пользу такого порядка, который былъ бы только новымъ видомъ закрѣпощенія бо́льшинства? Люди эти хотятъ господства, основаннаго не на нравственномъ превосходствѣ—господства, добытаго не въ честномъ бою—словомъ и дѣяніями на пользу земства, а обезпеченнаго посильными гарантіями, при помощи внѣшняго покровительства и охраны... Смѣемъ ихъ увѣрить, что такое господство, если-бъ

они его и добились, не прочно именно потому, что оно достается дешево и охраняется извнѣ, а не въ силу фактической и исторической необходимости, которая охраняла бы его. Прочно и способно къ развитію только то, что признается всѣми какъ явленіе, вытекающее изъ силы обстоятельствъ и что подкрѣпляется разумнымъ, свободнымъ сознаніемъ большинства.

Едва ли, наконецъ, мы дождались бы и той свободы слова, которою пользуемся теперь, прежде освобожденія крестьянъ съ надѣломъ ихъ землею. Съ точки зрѣнія правительства, обязаннаго охранять интересы всѣхъ и каждаго, можетъ быть, оказалось бы невозможнымъ снятіе предварительной цензуры въ странѣ, гдѣ не разрѣшонъ еще главный вопросъ — вопросъ о матеріальной независимости одного лица отъ другого. Правительство, не безъ основанія, опасалось бы раздражительной полемики на такомъ полѣ, которое представляло всѣ данныя для перехода отъ чернильной борьбы къ кровавымъ драмамъ. И теперь есть голоса, хотя шопотомъ, но все таки проповѣдующіе, что «великая по мысли» реформа могла бы быть болѣе великою по осуществленію, если-бъ ее совершили на подобіе того, какъ она совершилась въ Прибалтійскомъ краѣ, т. е. съ обезземеленіемъ крестьянъ. Но теперь эти заявленія вызываютъ только улыбку, рѣдко даже удостоиваясь возраженія: это плачъ ребенка, у котораго отняли конфетку.

Да, день 19-го февраля 1861 года великъ именно потому, что онъ открылъ путь ко всему, что совершено вслѣдъ за нимъ и чему предстоитъ еще непремѣнно совершиться, не смотря ни на какія попытки людей, отстаивающихъ свое личное благополучіе и желающихъ возбудить реакцію. Попытки эти могутъ, конечно, убѣдить въ необходимости той или другой мѣры, но вернуться назадъ такъ, какъ бы этого хотѣлось инымъ, уже невозможно. Въ жизни государствъ бываютъ такія событія, подъ вліяніемъ которыхъ общество продолжаетъ двигаться, какъ механическое тѣло, по тому направленію, куда двинуто оно событіемъ, и чтобъ своротить его съ этого направленія, нужно другое событіе, равное по силѣ тому, которымъ дано первое направленіе. Но возможно ли такое событіе? Въ какой формѣ оно выразилось бы, чтобъ остановить движеніе русскаго общества послѣ всего того, что дано ему манифестомъ 19-го февраля

1861 года и послѣдовавшими за нимъ судебною реформою, земскими учрежденіями и т. п.? Какимъ равносильнымъ ударомъ можно своротить въ сторону или остановить движеніе русскаго общества? Можно затормозить, ослабить ходъ его—не болѣе; а стоитъ ли хлопотать изъ-за этого? Вѣдь это значило бы хлопотать только о томъ, чтобъ на нашъ вѣкъ стало, а послѣ насъ—хоть трава не рости.

Да празднуетъ же русская земля свое воскресеніе въ день 19-го февраля до тѣхъ поръ, пока слово Русь не изгладится изъ исторіи человѣчества, и да благословляетъ имя того, кто сотворилъ ей этотъ великій, истинно народный праздникъ!»

(„Голосъ“ 1867 г., февраля 19, № 50).

19 февраля 1868 г. «Послѣ обычныхъ тостовъ К. И. Домонтовичъ заявилъ, что пріятно бы выслушать нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу о настоящемъ положеніи онаго. Вслѣдствіе того П. А. Шульцъ изложилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣрахъ министерства государственныхъ имуществъ по поземельному устройству крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ и прибалтійскихъ губерній и о положеніи дѣла по выдачѣ владѣнныхъ записей бывшимъ государственнымъ крестьянамъ во внутреннихъ губерніяхъ; а Я. А. Соловьевъ сообщилъ интересныя подробности о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ. Говорили также С. М. Жуковскій, Н. Н. Колошинъ, К. И. Домонтовичъ и Е. И. Ламанскій. Бесѣда, какъ и всегда на обѣдахъ 19 февраля, шла весьма живо и разошлись послѣ 9-ти часовъ».

19 февраля 1869 г. «К. К. Гротъ предложилъ къ разрѣшенію вопросъ: какъ ему поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда заявляютъ желаніе участвовать на обѣдѣ 19 февраля лица, хотя не бывшія членами Редакціонныхъ коммисій, губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, но принимавшія также участіе въ крестьянскомъ вопросѣ и вполнѣ сочувствующія этому великому дѣлу? Послѣ довольно продолжительныхъ преній было постановлено, чтобы, въ случаѣ такихъ заявленій, постоянный распорядитель обѣдовъ, К. К. Гротъ, совѣщался съ нѣкоторыми изъ постоянныхъ участниковъ этихъ обѣдовъ, въ числѣ

не менѣе трехъ, и чтобы эти лица и разрѣшали, по своему усмотрѣнію, заявленія лицъ, изъявившихъ желаніе быть на обѣдѣ».

«Со стороны Н. Н. Колошина были сдѣланы краткія поясненія о наиболѣе важныхъ распоряженіяхъ, сдѣланныхъ въ 1868 году по крестьянскому дѣлу [1])».

19 февраля 1870 г. «Вмѣсто обычнаго предсѣдателя обѣдовъ, за болѣзнію А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, былъ избранъ князь В. А. Черкасскій. Въ концѣ обѣда графъ Н. Я. Ростовцевъ сказалъ нѣсколько словъ въ пользу крестьянской реформы».

Какъ на этомъ обѣдѣ, такъ и на предыдущихъ, въ день 19 февраля, обыкновенно совершалось доброе дѣло: шла подписка на поддержку училища Московской губерніи, въ Богородскомъ уѣздѣ, близь погоста Аристова, въ селѣ Осѣевѣ. Это училище открыто въ 1864 г. въ память графа С. С. Ланскаго и вмѣщало въ себѣ отъ 30 до 40 крестьянскихъ дѣтей обоего пола. Въ училищѣ преподавали священникъ и діаконъ и оно состояло подъ попечительствомъ сына бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, графа Степана Сергѣевича Ланскаго.

Благодаря сочувствію и вниманію русскаго общества, между прочими—участниковъ обѣдовъ 19 февраля,—къ 1870 г. Осѣевское училище имѣло капиталъ въ 5,300 руб.

19 февраля 1871 г. въ числѣ гостей мы встрѣчаемъ Ивана Сергѣевича Тургенева. «Обѣдъ былъ болѣе оживленъ, нежели въ 1870 г.»—отмѣчаетъ его распорядитель.—«Между прочимъ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ разсказывалъ, что онъ былъ недавно въ Лондонѣ на какомъ-то чтеніи, на которомъ присутствовало до 800 человѣкъ, и на немъ была также рѣчь объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. Эта рѣчь встрѣчена была на Лондонскомъ собраніи съ величайшимъ энтузіазмомъ слушателями, не взирая на ноту князя А. М. Горчакова о черноморскомъ флотѣ».

«А. П. Заблоцкій-Десятовскій читалъ выдержки изъ статьи И. Е. Забѣлина, напечатанной въ февральской книгѣ «Вѣстника Европы» 1871 г.: «Большой Боярин». Князь Д. А. Оболенскій заявилъ, что освобожденіе крестьянъ еще не кончено и что онъ,

[1]) Въ это время Н. Н. Колошинъ былъ помощникомъ управляющаго Земскимъ Отдѣломъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

вмѣстѣ съ Н. Н. Колошинымъ, занимается составленіемъ соображеній объ освобожденіи калмыковъ [1]). Кромѣ обычныхъ тостовъ былъ провозглашенъ тостъ за Ивана Сергѣевича Тургенева и Константина Дмитріевича Кавелина. Послѣдній не присутствовалъ по болѣзни».

19 февраля 1872 г. «Обѣдъ имѣлъ характеръ особенно серьезный, но не менѣе того весьма интересный».

«Послѣ обычныхъ тостовъ, предсѣдатель А. П. Заблоцкій-Десятовскій провозгласилъ, согласно принятому порядку, тостъ въ память умершихъ членовъ Редакціонныхъ коммисій и дѣятелей по крестьянскому дѣлу. Тутъ прибавилось два весьма крупныхъ имени: Н. А. Милютина († 26 января 1872 года) и Н. И. Тургенева. По этому случаю Заблоцкій прочелъ дрожащимъ отъ слезъ голосомъ приготовленную имъ небольшую статью о характерѣ и личныхъ свойствахъ Н. А. Милютина:

«По заведенному обычаю предлагаю поминальный тостъ въ память покойныхъ: перваго нашего предсѣдателя и первымъ сложившаго свою голову, и нашихъ товарищей: А. Н. Татаринова, В. В. Тарновскаго, Желтухина и Булыгина. Списокъ этотъ удлиняется, и на дняхъ онъ увеличился смертью незабвеннаго Николая Алексѣевича Милютина.

«Такіе люди рѣдки, и потому справедливость требуетъ, когда смерть отнимаетъ ихъ у насъ, воздать должное ихъ памяти, принести имъ дань хотя слабую, но которая свидѣтельствовала бы о нашей любви и уваженіи къ покойному. Собрать все, что относилось бы къ жизни покойнаго Николая Алексѣевича, къ его общественной дѣятельности, написать полную его біографію было бы конечно лучшимъ и достойнѣйшимъ его памятникомъ; но для этого не наступило еще время. Въ настоящую минуту, когда могила едва закрылась надъ нимъ, когда тѣнь его какъ бы носится еще передъ нами, постараемся вспомнить хотя главныя черты характера Н. А., вглядѣться въ нихъ, чтобы сохранить въ памяти хоть очеркъ его дорогого для насъ нравственнаго облика.

«Смерть Н. А. была скорбью не только для его семьи и не

[1]) Составленный въ 1871 г. проектъ устройства калмыковъ и освобожденія ихъ отъ личной зависимости владѣльцевъ пересматривается и передѣлывается; въ 1884 г. онъ еще не утвержденъ. П. Ш.

для однихъ только близкихъ къ нему, но и для всѣхъ знавшихъ его лично или только по его общественной дѣятельности. Немногія лица возбуждали такое всеобщее сочувствіе къ себѣ. Вспомните то впечатлѣніе, какое произвела вѣсть о тяжкой болѣзни, его поразившей; вспомните, какъ, во время пребыванія его за границей, онъ составлялъ, можно сказать, предметъ паломничества не только друзей, но почти всѣхъ русскихъ, которые могли имѣть къ нему доступъ. Наконецъ послѣднія минуты его жизни представляли, по словамъ бывшихъ при немъ друзей его, что-то необыкновенное, торжественное,— онъ умиралъ всенародно....

«Чѣмъ же объяснить такое всеобщее сочувствіе къ покойному? Высокимъ офиціальнымъ положеніемъ? Но онъ уже сошелъ съ него 5 лѣтъ тому назадъ. Богатствомъ? Но онъ не имѣлъ его. Умомъ? Но умныхъ людей умираетъ немало.

«Я вспомнилъ вотъ что: Вильямъ Питтъ путешествовалъ, кажется, въ 1783 г., по Франціи; въ Реймсѣ извѣстный своимъ умомъ аббатъ Лажаръ выразилъ ему нѣкоторое удивленіе тому огромному вліянію, какое въ то время имѣлъ соперникъ его Фоксъ на англійскую націю. «Васъ не касается волшебный жезлъ магика», сказалъ Питтъ.

«Что же такое этотъ волшебный жезлъ магика? Волшебный жезлъ, который все покоряетъ себѣ къ чему прикасается,— есть талантъ; это даръ Провидѣнія, это нравственная сила тяготѣнія, которая дѣйствуетъ помимо сознанія, обладающаго имъ.

«Н. А. обладалъ этой силой, именно политическимъ талантомъ, талантомъ усвоивать себѣ живую идею, соотвѣтствующую новымъ современнымъ потребностямъ общества; и вотъ почему все, что сочувствовало этой идеѣ, становилось подъ его знамя; вотъ почему люди съ высокими умственными дарованіями, съ твердымъ характеромъ, подчинялись ему невольно; вотъ почему люди, смотрѣвшіе на него враждебно, пока его не знали, придя въ личныя съ нимъ сношенія, не только примирялись съ нимъ, но и увлекались имъ; они не могли не признать въ немъ человѣка съ душою возвышенною и смѣлою, человѣка, если хотите, до извѣстной степени властолюбиваго, но увѣреннаго въ своей личной правотѣ и въ своемъ умственномъ превосходствѣ, человѣка недоступнаго никакимъ низкимъ страстямъ зависти и подозрѣнія.

«Этимъ объясняются другія черты его характера—откровенность, можно сказать, дѣтская. У него не было секретовъ ни о чемъ, и ни для кого; передъ всякимъ, кто къ нему приближался, онъ разсыпалъ сокровища своего ума и своей опытности; сокровища эти были драгоцѣнны уже потому, что трудно найти кого-либо, кто могъ бы сравниться съ нимъ въ пониманіи важныхъ дѣлъ и въ искусствѣ разрѣшать самые сложные вопросы.

«Я коснулся тѣхъ сторонъ характера Н. А., которыя были открыты для всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія.

«Но какъ выразить чувства, съ которыми будутъ беречь о немъ память тѣ, кто были почтены его дружбой?

«Они будутъ помнить, что дружба эта была постоянна, безкорыстна, что она выражалась не словами только, но и самымъ дѣломъ; для Н. А. не было той жертвы, какой онъ не былъ бы готовъ принести за человѣка, котораго онъ любилъ и уважалъ.

«Друзья его будутъ вспоминать плѣнительную ласку, благодушное лицо и дружескій гласъ привѣтливаго хозяина.

«Они не забудутъ никогда не прерывающуюся бесѣду, полную одушевленія, разнообразную, богатую мѣткими наблюденіями, анекдотами, остротами, юморомъ, то пускавшуюся въ глубину анализа, то возвышавшуюся до поэзіи и всегда выказывавшую доброту сердца, которая придавала еще болѣе цѣны всѣмъ его познаніямъ и талантамъ.

«Николай Алексѣевичъ Милютинъ заслужилъ всю ту любовь и уваженіе, на которыя человѣкъ можетъ имѣть право.

«Какъ ни тяжка скорбь о смерти его, но мы должны сказать однако, что Провидѣніе дало ему завидный жребій: Оно надѣлило его высокими дарами и вывело его на сцену въ то время, когда эти дары могли быть употреблены для великихъ дѣлъ; дѣла эти сдѣланы, и Провидѣніе вдругъ отозвало его какъ честнаго труженика, который совершилъ заданную ему работу прежде чѣмъ день завечерѣлъ, и идетъ получить свою высшую награду отъ Господина, Которому онъ служилъ вѣрно.

«Да будетъ же честно и славно имя Н. А.; да будетъ благословенна его память; да благословится она и послѣ того, когда тотъ изъ насъ, кому судьба пошлетъ справлять послѣдній обѣдъ 19-го февраля, благословитъ имя Н. А. въ послѣдній разъ отъ имени Редакціонныхъ Коммисій!»

(„Московскія Вѣдомости“ 1872 г.).

— Заблоцкій—замѣчаетъ М. Н. Любощинскій—одинъ изъ близкихъ друзей Милютина, во время чтенія своей рѣчи заплакалъ и не могъ продолжать чтенія. Послѣ минутнаго перерыва онъ продолжалъ чтеніе. Многіе изъ друзей и почитателей Милютина, этого замѣчательнаго государственнаго человѣка послѣдняго пятидесятилѣтія, слушая рѣчь Заблоцкаго, талантливо написанную и проникнутую глубокимъ чувствомъ, тронуты были до слезъ.

Это безспорно была лучшая изъ прекрасныхъ, всегда глубоко прочувствованныхъ поминальныхъ рѣчей А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго.

Очеркъ А. П. Заблоцкаго, преисполненный теплыхъ чувствъ къ потерянному другу, возбудилъ всеобщее сочувствіе и Заблоцкаго очень усердно благодарили, большею частію при поцѣлуѣ каждый отдѣльно.

«Послѣ того была прочтена небольшая статейка изъ «Journal des Economists» о Николаѣ Ивановичѣ Тургеневѣ. Затѣмъ К. К. Гротъ предложилъ увѣковѣчить память Н. А. Милютина какимъ нибудь добрымъ и полезнымъ дѣломъ. Послѣ довольно продолжительныхъ преній было рѣшено собрать капиталъ на образованіе сельскихъ учителей въ память Н. А. Милютина».

«Подписка на обѣдѣ дала 2,500 руб. Избрана коммисія для продолженія подписки и для ближайшей разработки и исполненія дѣла».

19 февраля 1873 г. «Обычному тосту, провозглашенному предсѣдателемъ, А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, послѣ прочихъ тостовъ—тосту за благоденствіе Россіи, предшествовало нѣсколько слѣдующихъ словъ, отъ сердца имъ сказанныхъ:

«Мм. Гг.! Нашъ кружокъ постепенно дѣлается тѣснѣе; жизненная спираль наша завертывается и когда она дойдетъ до точки, которая уже не будетъ имѣть, какъ говорятъ математики, никакого измѣренія, тогда некому уже будетъ справлять обѣдъ 19-го февраля; но самое дѣло будетъ долго, долго вспоминаться. Быть можетъ вспомнятъ нѣкогда и о насъ; вспомнятъ, что была небольшая группа людей, которыхъ нѣкогда соединяла одна мысль, которые работали по мѣрѣ своихъ силъ

великому дѣлу, были преданы ему до конца своей жизни, которые желали одного — добра тому, что было прежде ихъ и осталось послѣ ихъ, желали добра своему великому отечеству».

19 февраля 1874 г. Къ числу обычныхъ тостовъ присоединенъ былъ тостъ за дѣятелей по крестьянскому дѣлу въ Царствѣ Польскомъ, по случаю десятилѣтія со времени Высочайшаго указа 19-го февраля 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ въ этомъ краѣ.

Изъ отчета о дѣйствіяхъ комитета для образованія капиталовъ на учрежденіе при учительскихъ семинаріяхъ стипендій въ память Н. А. Милютина, прочитаннаго въ сей день, оказалось, что въ продолженіе двухъ лѣтъ собрано уже было до 20,000 руб. На % съ этого капитала учреждены были четыре стипендіи: при Московской учительской семинаріи (въ Подольскомъ уѣздѣ), при Черниговской семинаріи, при Вятскомъ земскомъ училищѣ и при Рязанскомъ Александровскомъ училищѣ для приготовленія сельскихъ учителей и учительницъ.

Послѣ 19-го февраля 1874 г. представилась возможность учредить еще стипендіи при губернскихъ земскихъ школахъ для приготовленія учительницъ въ Костромской и Самарской губерніяхъ и при Холмской учительской семинаріи.

На обѣдѣ 19-го февраля 1875 г. уваженіе къ имени и памяти Н. А. Милютина весьма наглядно выразилось тѣмъ, что съ этого времени въ числѣ гостей, приглашаемыхъ на обѣдъ, появляется сынъ покойнаго Николая Алексѣевича—Юрій Николаевичъ.

19 февраля 1876 г. было, между прочимъ, днемъ поминокъ Константина Владиміровича Чевкина, умершаго 3 ноября 1875 г., и, какъ извѣстно, бывшаго однимъ изъ самыхъ главныхъ сподвижниковъ Александра II въ его великой реформѣ по освобожденію крестьянъ.

Очеркъ заслугъ Чевкина и оцѣнка нравственныхъ качествъ этого государственнаго мужа и истиннаго русскаго патріота, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, сдѣланы были А. П. Заблоцкимъ съ необыкновеннымъ искусствомъ.

Вотъ этотъ характеристическій очеркъ:

«Милостивые государи! Помянувъ нашихъ предсѣдателей и товарищей, я прошу дозволенія посвятить нѣсколько словъ памяти человѣка, который хотя и не принадлежалъ къ составу Редакціонныхъ коммисій, но былъ самымъ дѣятельнымъ проводникомъ въ жизнь Положеній 19 февраля. Я хочу, говорить о скончавшемся въ ноябрѣ минувшаго года членѣ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія—К. В. Чевкинѣ.

«Редакціонныя коммисіи съ самаго начала своихъ дѣйствій нашли въ немъ теплое сочувствіе и нравственную поддержку не потому только, что онъ былъ друженъ съ Я. И. Ростовцевымъ, но потому что въ дѣлѣ, возложенномъ на коммисіи, онъ видѣлъ краеугольный камень тѣхъ преобразованій, безъ которыхъ государственная жизнь Россіи становилась невозможною.

«Есть еще между нами лица, которыя конечно помнятъ, что когда на Редакціонныя коммисіи посыпались разныя нареканія. К. В. говорилъ имѣвшимъ съ нимъ сношенія членамъ коммисій: —«Васъ клянуть теперь, вы мученики, но потерпите, придетъ время, вамъ отдадутъ справедливость».

«По натурѣ своей сочувствовавшій всякому страждущему, и въ то же время горячій патріотъ, К. В. былъ до конца дней своихъ защитникомъ «крестьянской правды».

«Я упомянулъ о сочувствіи Чевкина всякому страждущему. Это повидимому противорѣчитъ понятію многихъ о покойномъ, въ которомъ видѣли или хотѣли видѣть, если не злость, то сухость и жесткость характера. Но такимъ онъ могъ казаться издали и стоило къ нему приблизиться, чтобы увидѣть, какое теплое любящее сердце билось въ этомъ обезображенномъ болѣзнію тѣлѣ, какая въ душѣ его таилась готовность помочь и совѣтомъ, и дѣломъ всякому истинному страданію.

«Я сказалъ, что онъ былъ горячій патріотъ. Многіе въ его патріотизмѣ видѣли излишекъ и слѣдовательно недостатокъ. Но такъ ли это? не слишкомъ ли уже между нами много космополитовъ? Притомъ же, патріотизмъ Чевкина былъ патріотизмъ человѣка образованнаго; патріотизмъ его состоялъ не въ томъ, чтобы считать русскій народъ за идеалъ всякаго совершенства; патріотизмъ его состоялъ въ желаніи отстранять все то, что мѣшало народу русскому стремиться къ идеалу государственной

крѣпости, и онъ съ горячностію юноши и въ преклонныхъ лѣтахъ отстаивалъ всѣ мѣры, которыя къ тому клонились.

«Здѣсь я не могу не вспомнить послѣднюю вспышку патріотизма Чевкина. Въ прошломъ (1875) году въ соединенномъ присутствіи Главнаго комитета и трехъ департаментовъ Государственнаго совѣта разсматривалось дѣло объ устройствѣ судебной части въ Царствѣ Польскомъ. Присутствіе это весною прошедшаго года было подъ предсѣдательствомъ К. В. Чевкина.

«Не смотря на свою болѣзнь, уже и тогда ясно указывавшую ему путь въ могилу, онъ явился въ засѣданіе и открылъ его рѣчью; въ началѣ голосъ его былъ слабъ, но вскорѣ оживился. Онъ говорилъ въ защиту предлагаемыхъ мѣръ, убѣждалъ собраніе поддержать ихъ, въ тѣхъ видахъ, что отъ этихъ мѣръ зависитъ успѣхъ дѣла; а отъ успѣха этого дѣла зависитъ нравственное вліяніе русскаго правительства въ краѣ, о которомъ говорилось. Рѣчь эта, вся проникнутая патріотизмомъ, произвела свое дѣйствіе: ни одинъ голосъ не высказался противъ предложенія.

«Но эта рѣчь была лебединою пѣснею Чевкина. Кстати сказать: Чевкинъ обладалъ прекраснымъ даромъ слова. Безъ приготовленія онъ умѣлъ излагать свои мысли съ ясностію и положительностью, въ округленныхъ періодахъ, никогда не затрудняясь въ выборѣ словъ, никогда не повторяя одного и того же слова, никогда не прибѣгая къ пустозвоннымъ фразамъ. Его импровизированныя фразы имѣли всегда неукоризненное построеніе.

«Онъ съ равнымъ успѣхомъ говорилъ по всѣмъ вопросамъ законодательнымъ, экономическимъ или по сложнымъ дѣламъ юридическимъ.

«Его въ шутку называли энциклопедистомъ; въ этой шуткѣ была своя доля правды: онъ зналъ все, что могъ знать, т. е. все, чему могъ выучиться человѣкъ, съ ранней молодости вступившій въ дѣловую жизнь, все, что ему необходимо было знать для текущихъ дѣлъ.

«Много можно было бы сказать о блестящихъ талантахъ Чевкина, о томъ, что онъ не зарылъ ихъ въ землю, но честно пускалъ ихъ въ ходъ, о томъ, что онъ сдѣлалъ на разныхъ отрасляхъ государственной дѣятельности. Но въ настоящую минуту это было бы излишне.

«Ходъ исторіи не измѣненъ; придетъ время, когда въ Россіи образованіе разовьется до того, что и въ деревенскую избу проникнетъ сознаніе о пережитыхъ крестьянствомъ временахъ неволи, тревожныхъ ожиданій и наконецъ исхода изъ земли Египетской; тогда крестьяне, благоговѣя предъ священнымъ именемъ своего Моисея, въ числѣ именъ путеводителей, ведшихъ народъ Божій въ землю обѣтованную, вспомнятъ съ благодарностію и имя Чевкина.

«Я предлагаю, гг., въ настоящую минуту встать и тѣмъ выразить нашу благоговѣйную признательность къ памяти Чевкина».

Послѣ обычныхъ тостовъ, графъ Н. Я. Ростовцевъ сказалъ нѣсколько словъ о замѣчательномъ пожертвованіи помѣщикомъ Псковской губерніи Пантелеевымъ громаднаго капитала на выкупъ крестьянами предоставленныхъ имъ надѣловъ; сообщеніе это было принято очень сочувственно.

По поводу обѣда 19-го февраля 1876 г. замѣтимъ, какъ вообще дорожили и продолжаютъ дорожить участники сходокъ 19-го февраля правомъ участія какъ въ нихъ, такъ и въ тѣхъ привѣтахъ, съ коими обращался кружокъ «сотрудниковъ крестьянскаго дѣла» къ своимъ отсутствовавшимъ товарищамъ.

— «У меня къ вамъ убѣдительнѣйшая просьба—пишетъ Яковъ Александровичъ Соловьевъ къ Константину Карловичу Гроту—включить меня въ число лицъ, которыми будутъ подписаны телеграммы съ поздравленіемъ нашихъ сотрудниковъ по крестьянскому дѣлу».

Самое приглашеніе принять участіе въ обѣдахъ 19-го февраля принималось и принимается съ чувствомъ особеннаго уваженія къ кружку, въ этотъ день собирающемуся.

— «Получивъ ваше приглашеніе, м. г. Константинъ Карловичъ,—писалъ въ слѣдующемъ 1877-мъ году (15-го февраля) къ распорядителю обѣдовъ К. К. Гроту князь Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ,—я спѣшу выразить вамъ и прочимъ членамъ вашего кружка глубокую душевную мою признательность. Оно мотивировано столь лестнымъ для меня отзывомъ, что я считаю это одною изъ лучшихъ наградъ за мои посильные труды».

19-го февраля 1877 г. ознаменовано было въ кружкѣ участниковъ обѣда превосходнѣйшимъ словомъ А. П. Заблоцкаго, сказаннымъ въ память членовъ Редакціонныхъ коммисій Желѣзнова, Соловьева и Самарина. Особенно хороша была въ немъ характеристика Ю. Ѳ. Самарина.

Вотъ рѣчь, сказанная въ этотъ день А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ:

«Милостивые государи. Посвятимъ нѣсколько минутъ исполненію грустной и вмѣстѣ отрадной обязанности, воспоминанію о нашихъ отшедшихъ товарищахъ. Время беретъ свое, списокъ ихъ дѣлается длиннѣе.

«Умерли по 19-е февраля 1877 г.: Сергѣй Степановичъ Ланской, графъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, Николай Алексѣевичъ Милютинъ, К. В. Чевкинъ, Валеріанъ Алексѣевичъ Татариновъ, В. В. Тарновскій, Желтухинъ, Булыгинъ, Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, Яковъ Александровичъ Соловьевъ, Николай Ивановичъ Желѣзновъ, Гавриловъ.

«Въ минувшемъ 1876 году смерть зачислила въ этотъ списокъ трехъ нашихъ товарищей: Желѣзнова, Соловьева и Самарина.

«Древніе говорили, что о мертвыхъ слѣдуетъ говорить или одно хорошее, или ничего. Я думаю правильнѣе слѣдуетъ сказать: о мертвыхъ ничего, кромѣ истины.

«Н. И. Желѣзновъ былъ призванъ въ Редакціонныя Коммисіи въ качествѣ эксперта, какъ профессоръ сельскаго хозяйства.

«Дѣятельность его по крестьянскому вопросу не представляла, конечно, ничего особенно выдающагося.

«Но сочувствіе его было всегда на сторонѣ тѣхъ, которые относились къ дѣлу честно, добросовѣстно и съ любовію къ народу. И это естественно: онъ былъ скромный труженикъ науки и по природѣ своей добрый и честный человѣкъ; и всѣ знавшіе его въ этомъ смыслѣ сохранятъ о немъ добрую память.

«Я. А. Соловьевъ съ 1843 года, когда онъ со студентческой скамьи поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ, до 1871 года исключительно принадлежалъ крестьянскому дѣлу. Въ этомъ отношеніи онъ былъ единственнымъ у насъ человѣкомъ, посвятившимъ 28 лѣтъ своей жизни одному дѣлу.

Въ теченіи этого времени, занимаясь переложеніемъ пода-

тей и душъ на земли и промыслы, онъ болѣе 10 лѣтъ провелъ въ самыхъ близкихъ, непосредственныхъ сношеніяхъ съ крестьянами въ разныхъ губерніяхъ. Это было для него великою школою: онъ вынесъ изъ нея полный запасъ знаній о положеніи, нуждахъ и желаніяхъ крестьянъ, знаній, почерпнутыхъ изъ самой жизни народа.

«И эти знанія не остались у него праздными: судьба была къ нему благосклонна и дозволила ему пустить ихъ въ дѣло, въ оборотъ, когда крестьянскій вопросъ поднялся во всю свою высоту, сдѣлался вопросомъ государственнымъ. Я. А. былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей въ рѣшеніи этого великаго вопроса и не только въ смыслѣ законодательномъ, но и въ приведеніи закона въ исполненіе сначала въ Имперіи, а потомъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ настоящую минуту исчислять подробности его служебной дѣятельности было бы неудобно. Будущему историку великаго преобразованія нынѣшняго царствованія придется не разъ встрѣтиться съ именемъ Я. А. Соловьева. Онъ былъ неутомимый работникъ, преданный всею душою своему дѣлу; въ веденіи этого дѣла, какъ справедливо замѣчено въ помѣщенной въ «Русской Старинѣ» 1877 г. біографіи Я. А., выказалось одно изъ основныхъ свойствъ его характера: вѣрность однажды установленнымъ началамъ, строгое, нелицепріятное и стойкое приложеніе ихъ къ дѣлу! Свойство это особенно было необходимо при различныхъ, нерѣдко противоположныхъ, интересахъ, въ немъ замѣшанныхъ, и теченіями, въ немъ господствовавшими. По природѣ своей Я. А. имѣлъ теплое сердце, готовое всегда на всякое добро, касалось ли оно устройства цѣлаго сословія или удовлетворенія просьбы бѣдняка о насущномъ хлѣбѣ. На жизни его нѣтъ никакого темнаго пятна и помянуть Я. А. Соловьева можно только добромъ.

«Еще свѣжо, конечно, въ памяти всѣхъ то грустное чувство, съ которымъ была встрѣчена вѣсть о неожиданной кончинѣ Ю. Ѳ. Самарина. Вспоминая все, что тогда писалось и говорилось и здѣсь, и въ Москвѣ, и въ разныхъ концахъ Россіи, мнѣ представляется, что надъ могилою Ю. Ѳ. стояла съ глубокою скорбію, какъ Магдалина у креста, вся образованная Россія: она хоронила въ этой могилѣ лучшаго своего сына.

«Мы раздѣляли эту скорбь; дни печали проходятъ какъ и дни радости, теперь мы уже можемъ спокойно анализировать чувство, которымъ мы были объяты въ первые дни по смерти Самарина. Это чувство, чувство горести, мы раздѣляли совсѣмъ не потому только, что мы были свидѣтелями его плодотворной дѣятельности по крестьянскому дѣлу, въ которое онъ внесъ столько свѣта и здѣсь, и въ Царствѣ Польскомъ.

«Причина общаго къ Юрію Ѳедоровичу сочувствія была болѣе глубокая.

«Причина эта его характеръ.

Милостивые государи. Въ исторіи встрѣчаются немногіе характеры, которые выдерживаютъ самое строгое испытаніе, самыя строгія пробы, и какъ драгоцѣнный металъ, испытанный въ горнилѣ, они оказываются чистыми; взвѣшенные на вѣсахъ, они оказываются полновѣсными; общій голосъ признаетъ такіе характеры цѣльными и видимо отмѣченными рукою Провидѣнія.

«Къ такимъ характерамъ принадлежалъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Такіе характеры одарены чудесною способностію укрѣплять и исцѣлять страждущихъ духомъ, въ то время, когда въ потрясенной сомнѣніемъ душѣ Гамлетовское быть или не быть готово перейдти въ отчаяніе Манфреда.

«Такіе характеры обладаютъ могущественнымъ свойствомъ не только успокоивать, но очищать и возвышать духъ нашъ.

«Такимъ свойствомъ, такими способностями обладалъ Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ.

«Онъ былъ человѣкъ вѣрующій и вся жизнь его была исполненіемъ евангельской заповѣди: «ищите прежде всего Царствія Божія и остальное все вамъ дастся».

«Царство Божіе есть царство истины.

«Самаринъ искалъ прежде всего во всемъ всегда истины, и ему далось все то, что украшаетъ нашу жизнь: глубокій и ясный умъ, легко разрѣшавшій отвлеченные вопросы человѣческаго мышленія, какъ и вопросы практической жизни, красота устной и письменной рѣчи, обаятельная прелесть личныхъ сношеній, преданность дружбы, любовь многихъ, уваженіе всѣхъ; самая вражда людская была для него даромъ благимъ,

ибо она возбуждалась противъ него не изъ-за личныхъ интересовъ, которыхъ у него не было, а изъ-за того, что онъ искалъ истины. Вотъ почему и найдя ее, провозглашалъ о ней во всеуслышаніе.

«Вотъ почему, милостивые государи, свѣтлый образъ Ю. Ѳ. Самарина не только останется неизгладимымъ для всѣхъ тѣхъ, которые знали его лично, но онъ будетъ, какъ свѣтлое видѣніе, являться всѣмъ тѣмъ, которые и послѣ насъ будутъ изучать жизнь, дѣла и характеры лицъ, составляющихъ славу отечественной исторіи.

«Въ настоящую минуту вспомнимъ еще разъ любовь его, Самарина, къ народу, вспомнимъ ту ревность, съ которою онъ трудился для блага общаго, ту твердость, съ которою онъ смотрѣлъ на грозившія ему опасности, любовь его къ правдѣ и отвращеніе отъ всякаго политическаго ханжества, вспомнимъ, наконецъ, ту вѣру, которую онъ твердо хранилъ въ свое отечество, и благословимъ благоговѣйно память Юрія Ѳедоровича Самарина».

Одинъ изъ обычныхъ участниковъ сходокъ этого славнаго дня, Н. И. Стояновскій, увѣдомляя распорядителя о невозможности явиться, по случаю болѣзни, на обѣдъ 19-го февраля, писалъ: «Прошу передать присутствующимъ на обѣдѣ мое поздравленіе съ празднованіемъ 16-й годовщины и желаніе, чтобы они дожили до празднованія того дня, въ который послѣдній временно-обязанный крестьянинъ сдѣлается крестьяниномъ собственникомъ».

«Пишу при громѣ пушекъ въ честь Того, Кто обновилъ Россію. Да здравствуетъ Онъ на многія лѣта и да пошлетъ Ему Господь любящихъ Россію исполнителей законовъ».

Изъ Кіева обычно въ сей день откликнулся Н. Х. Бунге: —«Сердечный привѣтъ дорогимъ товарищамъ въ славный для Россіи день 19-го февраля».

19-го февраля 1878 г. «Послѣ тоста въ память умершихъ, К. И. Домонтовичъ сказалъ очень сочувственную рѣчь о заслугахъ по крестьянскому вопросу С. М. Жуковскаго. По окончаніи всѣ обратились къ нему съ выраженіемъ благодарности.

Вотъ замѣчательная рѣчь Константина Ивановича Домонтовича, ярко охарактеризовавшая С. М. Жуковскаго († 25 сентября 1877 г. въ Базелѣ, погребенъ въ своемъ имѣніи въ Невельскомъ уѣздѣ, Витебской губерніи):

«Всѣ мы знали его какъ честнаго, скромнаго и добросовѣстнаго труженика, безгранично преданнаго излюбленному имъ дѣлу, но едва ли заслуги его на пользу этого дѣла будутъ когда нибудь вполнѣ выяснены и оцѣнены.

«Когда въ 1857 г., по волѣ государя императора, приступлено было къ обсужденію вопроса объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ въ учрежденномъ съ этою цѣлью главномъ комитетѣ, Степанъ Михайловичъ началъ заниматься производствомъ дѣлъ въ этомъ комитетѣ, предался всею душою дѣлу освобожденія крестьянъ и улучшенія ихъ быта и оставался ему вѣренъ до конца своей жизни.

«Члены Редакціонныхъ Коммисій помнятъ его предсѣдателемъ юридическаго отдѣленія. По врожденной ему скромности, онъ старался не выказываться, не выступать впередъ; однако, всегда съ твердостью отстаивалъ и проводилъ свои убѣжденія. Въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ его любили и уважали, какъ за личныя его качества, такъ и за ту пользу, какую онъ приносилъ дѣлу.

«Но главная и существенная заслуга Степана Михайловича — его дѣятельность по Главному Комитету объ устройствѣ сельскихъ состояній съ 1861 по 1877 годъ. Все это время онъ управлялъ дѣлами комитета, присутствуя въ немъ съ 1869 года въ качествѣ члена.

«Положенія» 19-го февраля были для него, какъ крестьянская magna charta, святынею, которую онъ всѣми силами охранялъ отъ всякихъ нечистыхъ или неразумныхъ посягательствъ. Дѣло было нелегкое. У «Положеній» было много враговъ. Они не перевелись еще и теперь, но теперь крестьянская реформа окрѣпла и пустила глубокіе корни, въ первыя же десять, и даже болѣе лѣтъ по обнародованіи «Положеній», имъ нерѣдко грозила опасность.

«Заботливость Степана Михайловича о неприкосновенности «Положеній» была по истинѣ удивительная. Надо было видѣть его, когда поступило въ Главный Комитетъ представленіе, казав-

шееся ему почему нибудь опаснымъ. Онъ становился безпокойнымъ, тревожнымъ и только и думалъ о томъ, какъ бы собрать побольше вѣскихъ снарядовъ для разгрома непріятеля. Снаряды эти заключались въ справкахъ, разъясненіяхъ и докладахъ, которые онъ представлялъ предсѣдателю и членамъ Главнаго Комитета.

«Чтобъ лучше понять и оцѣнить заслуги Степана Михайловича, необходимо было бы подробно прослѣдить дѣятельность Главнаго Комитета. Я позволю себѣ указать только на нѣкоторыя проявленія этой дѣятельности.

«На Главный Комитетъ возложено было наблюденіе за введеніемъ въ дѣйствіе крестьянской реформы.

«Недоразумѣнія со стороны крестьянъ, возникшія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ при обнародованіи «Положеній», подали поводъ недоброжелателямъ освобожденія крестьянъ возбуждать въ обществѣ и правительственныхъ сферахъ разные страхи и опасенія, въ надеждѣ, что подъ вліяніемъ этихъ страховъ будутъ ограничены права, предоставленныя крестьянскимъ обществамъ. Въ этомъ смыслѣ представлены были разныя ходатайства. Между прочимъ, просили составить для объявленія крестьянамъ извлеченіе изъ «Положеній» только тѣхъ статей, которыя говорятъ собственно объ обязанностяхъ крестьянъ. И впослѣдствіи, по введеніи «Положеній» въ дѣйствіе, являлись попытки ограничить крестьянское самоуправленіе, извратить общинное устройство и волостные суды, ввести вотчинную полицію, подъ покровомъ территоріальныхъ волостей и другими болѣе или менѣе благовидными прикрытіями.

«Всѣ эти попытки были отклонены Главнымъ Комитетомъ, а частные случаи и законодательные вопросы разрѣшились Комитетомъ въ смыслѣ сохраненія крестьянамъ дарованныхъ имъ правъ и улучшенія ихъ быта.

«Въ западныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе противодѣйствія польской партіи и ошибокъ мѣстной администраціи, «Положенія» 19-го февраля приводились въ дѣйствіе медленно и неправильно. Крестьянскіе надѣлы по уставнымъ грамотамъ были уменьшены, а повинностью преувеличены. Это побудило правительство принять для западныхъ губерній исключительныя мѣры, и поименно произвести повѣрку уставныхъ грамотъ, чтобъ обез-

печить крестьянамъ надѣлы, соотвѣтственные угодьямъ, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ, уменьшить повинности за эти надѣлы и установить обязательный ихъ выкупъ.

«Все это сдѣлано подъ вліяніемъ постановленій Главнаго Комитета.

«Главный Комитетъ оказалъ значительное вліяніе и на устройство поселянъ, не принадлежавшихъ къ крѣпостному состоянію: удѣльныхъ, горнозаводскихъ, государственныхъ, царанъ въ Бесарабіи, башкиръ и другихъ.

«Наиболѣе важнымъ дѣломъ было устройство государственныхъ крестьянъ.

«Первоначально въ 1863 году земли государственныхъ крестьянъ были признаны, въ принципѣ, собственностью казны, а оброчная подать—поземельною рентою, и на этомъ основаніи составлены были въ министерствѣ государственныхъ имуществъ проекты объ устройствѣ этихъ крестьянъ. Но Главный Комитетъ нашолъ невозможнымъ дать ходъ этимъ проектамъ. Вопросъ о правѣ казенныхъ надѣленій на отведенныя имъ земли былъ, въ 1865 году, снова поднятъ и обсужденъ въ комитетѣ. Комитетъ призналъ необходимъ сохранить за крестьянами всѣ находившіяся въ ихъ владѣніи угодья и предоставить имъ право крестьянъ-собственниковъ. На этихъ началахъ составлено было въ самомъ комитетѣ, при ближайшемъ участіи Н. А. Милютина и С. М. Жуковскаго, положеніе о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, нынѣ дѣйствующее и обезпечившее бытъ двадцати-миліоннаго населенія.

«Устройство царанъ въ Бесарабіи вызвало много ходатайствъ, клонившихся къ уменьшенію надѣла колоній и увеличенію ихъ повинностей. Благодаря матеріяламъ, собраннымъ Степаномъ Михайловичемъ Жуковскимъ, и представленнымъ имъ разъясненіямъ, ходатайства эти остались безъ послѣдствій.

«Много труда положилъ Степанъ Михайловичъ на эти спорныя дѣла помѣщиковъ съ крестьянами о земляхъ, купленныхъ въ прежнее время бывшими крѣпостными. Въ теченіи первыхъ девяти лѣтъ, съ 1861 по 1870 годъ, рѣшеніями Главнаго Комитета утверждено за крестьянами до 50 тысячъ десятинъ земли.

«Степанъ Михайловичъ принималъ участіе и въ составленіи «Положеній» для крестьянъ Царства Польскаго и съ 1864 г.

управлялъ дѣлами комитета по дѣламъ Царства. И на этомъ поприщѣ дѣятельность его была столь же почтенна, хотя и не сопряжена была съ такими трудностями, какъ въ Главномъ Комитетѣ.

«Исторія прохожденія дѣлъ чрезъ Главный Комитетъ составила бы очень интересную главу общей исторіи крестьянскаго дѣла въ Россіи. Она показала бы, отъ какой порчи оградилъ Главный Комитетъ «Положенія» о бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ и насколько способствовалъ лучшему устройству быта крестьянъ другихъ наименованій.

«Конечно, невозможно опредѣлить, что именно сдѣлано Главнымъ Комитетомъ вслѣдствіе стараній и усилій Степана Михайловича, но несомнѣнно, что вліяніе его было значительно и плодотворно.

«Общество цѣнитъ людей не только по ихъ уму и способностямъ, но и по той пользѣ, какую они ему приносятъ.

«Большіе таланты, зарытые въ землю, разсѣянные по вѣтру, или обращонные на достиженіе личныхъ, эгоистическихъ цѣлей, пропадаютъ для общества безслѣдно; напротивъ того, упорная воля и твердый характеръ, обращонные на общее благо, даютъ и не выходящимъ далеко изъ ряда дарованіямъ большую силу и значеніе.

«Степанъ Михайловичъ всѣ свои способности и силы отдалъ всецѣло благому дѣлу освобожденія и улучшенія быта крестьянъ; онъ впродолженіи 17-ти лѣтъ охранялъ и отстаивалъ дарованныя крестьянамъ права и устройства, и подвигъ его оставилъ свои слѣды въ исторіи крестьянскаго дѣла.

«Почтимъ же его память—она наводитъ на добрыя, хорошія и честныя мысли».

Н. В. Калачевъ сказалъ нѣсколько словъ въ память члена Редакціонныхъ Коммисій—Александра Николаевича Попова:

«Считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ въ память нашего покойнаго сочлена по редакціоннымъ коммисіямъ, А. Н. Попова. Этотъ долгъ налагаютъ на меня тѣ близкія—хотя не смѣю сказать дружескія—отношенія, въ которыхъ я находился къ Александру Николаевичу по мѣсту воспитанія, по совмѣстной

съ нимъ службѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ во II-мъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи и, наконецъ, по сроднымъ намъ занятіямъ исторіей русскаго законодательства. Мы оба кончили курсъ въ московскомъ университетѣ. А. Н. Поповъ былъ годомъ старше меня и оставилъ университетъ въ 1839 г. со степенью перваго кандидата; но уже студентомъ онъ обращалъ на себя вниманіе и профессоровъ, и товарищей своимъ умомъ и талантомъ. Въ то уже время онъ поражалъ насъ и своею памятью, и даромъ слова. Дисертація его на степень магистра «Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву», которую онъ защищалъ въ 1841 году, не только упрочила уваженіе къ нему товарищей, но вмѣстѣ съ тѣмъ значеніемъ, которое онъ получилъ въ тогдашнемъ кругу славянофиловъ, дала ему опредѣленное положеніе и въ наукѣ, и въ обществѣ. Вскорѣ послѣ того онъ отправился въ Черногорію и Италію; затѣмъ, возвратился въ Москву, но уже въ 1845 г. опредѣлился на службу въ Петербургѣ, сначала въ сенатъ, а въ слѣдующемъ году причисленъ ко II-му отдѣленію собственной его величества канцеляріи. Не могу не замѣтить, что имя Попова было въ то уже время весьма извѣстно въ ученомъ мірѣ по его книгѣ о Черногоріи, по статьямъ о Шлецерѣ, о чешской живописи и другимъ, такъ что графъ Д. Н. Блудовъ, бывшій тогда главноуправляющимъ II-мъ отдѣленіемъ, могъ, по своей любознательности и просвѣщенію, вполнѣ оцѣнить рѣдкія его дарованія и еще болѣе рѣдкія качества его души. По выбытіи изъ отдѣленія И. Д. Делянова, онъ сдѣлалъ Попова своимъ личнымъ секретаремъ и вотъ въ это-то время, я самъ, состоя, въ 1857 году, по II-му отдѣленію, могъ еще болѣе узнать А. Н. Попова и какъ чиновника, и какъ человѣка. Состояніе его было крайне ограниченное; по своему положенію онъ могъ бы имѣть притязаніе и на хорошее содержаніе, и на отличія по службѣ въ сравненіи, по крайней мѣрѣ, съ своими товарищами. А между тѣмъ, какъ пользовался А. Н. Поповъ своимъ вліяніемъ у Блудова? Онъ испрашивалъ награды и пособія то тому, то другому, а самъ никогда ничего себѣ не просилъ и такимъ образомъ, по оставленіи графомъ Блудовымъ II-го отдѣленія, до самаго конца своей жизни, остался причисленнымъ къ отдѣленію, а по службѣ и почестямъ далеко позади сво-

ихъ, даже младшихъ, товарищей. А между тѣмъ, для науки онъ трудился неутомимо, и все болѣе и болѣе съ годами къ ней привязывался. Потребовалось бы слишкомъ много времени перечислить здѣсь всѣ его ученыя занятія и труды; притомъ они слишкомъ извѣстны и уже хорошо указаны въ прекрасныхъ статьяхъ о покойномъ профессора Бестужева-Рюмина и другихъ. Но считаю себя обязаннымъ сказать, что и по службѣ А. Н. Поповъ вовсе не отличался тою апатіей и лѣнью, въ которыхъ упрекали его иногда незнавшіе его близко. Какъ и другіе старшіе чиновники II-го отдѣленія, онъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи особый томъ «Свода законовъ» и его продолженій—т. IX-й, законы о состояніяхъ, и составленіе заключеній по этому отдѣлу на запросы министерствъ и главноуправленій, а когда онъ былъ секретаремъ при графѣ Блудовѣ, то редижировалъ многія бумаги, которыхъ представленная редакція не нравилась графу. Но для насъ, бывшихъ членовъ редакціонныхъ коммисій, особенно памятно то время, когда принялъ въ нихъ участіе отъ II-го отдѣленія, кромѣ меня, и А. Н. Поповъ, назначенный собственно для редакторской части трудовъ коммисій по юридическому отдѣлу. Никто изъ насъ, конечно, не откажется сказать, что А. Н. Попову дѣйствительно принадлежала значительная доля въ этомъ дѣлѣ; а между тѣмъ, онъ до такой степени былъ скроменъ и внимателенъ къ трудамъ другихъ, что еще незадолго до своей смерти, не говоря о себѣ, припоминалъ мнѣ, что каждый изъ насъ внесъ въ труды коммисій не только дѣломъ, но и словомъ. Не забуду также, что почти въ то же время А. Н. Поповъ былъ предсѣдателемъ, состоявшей при II-мъ отдѣленіи, коммисіи о наймѣ рабочихъ и что журналы этой коммисіи онъ редижировалъ почти исключительно одинъ. Правда, что оставленіе графомъ Блудовымъ II-го отдѣленія ослабило рвеніе Попова къ занятіямъ собственно служебнымъ, но зато онъ вскорѣ съ необыкновеннымъ жаромъ и усердіемъ предался труду, который снискалъ ему самое живое сочувствіе во всѣхъ читавшихъ съ увлеченіемъ его талантливыя, документально вѣрныя и правдивыя статьи о войнѣ 1812 года. Но значительная часть собранныхъ имъ матеріаловъ и даже обработанныхъ на основаніи ихъ статей еще не напечатана. Будемъ надѣяться, что изданіе ихъ въ свѣтъ не задержится и еще

болѣе прославитъ доброе и честное имя нашего незабвеннаго товарища».

Конецъ обѣда ознаменовался радостнымъ событіемъ. Послѣ тоста за благоденствіе Россіи раздались пушечные выстрѣлы, вѣстники мира, освободившаго милліоны христіанскаго населенія отъ мусульманскаго ига.

При громѣ пушечныхъ выстрѣловъ по поводу извѣстія о мирѣ, было вновь подано шампанское.

«Никто изъ присутствовавшихъ,—отмѣтилъ въ своихъ замѣткахъ распорядитель обѣда,—не могъ предчувствовать, что почти въ это же время скончался въ Санъ-Стефано бывшій нашъ товарищъ, князь В. А. Черкасскій».

Въ поминальномъ синодикѣ объ умершихъ дѣятеляхъ по крестьянской реформѣ пришлось упомянуть 19-го февраля 1878 г. уже 14 лицъ. Вотъ они: графъ Я. И. Ростовцевъ, графъ С. С. Ланской, графъ В. Н. Панинъ, К. В. Чевкинъ, Н. А. Милютинъ, А. Н. Татариновъ, В. В. Тарновскій, А. Д. Желтухинъ, В. И. Булыгинъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, Я. А. Соловьевъ, Н. И. Желѣзновъ, С. М. Жуковскій, А. Н. Поповъ.

— «Привѣтствуемъ васъ товарищи—телеграфировали Н. Х. Бунге и Г. П. Галаганъ изъ Кіева: люди умираютъ, дѣло живетъ и будетъ жить».

19-го февраля 1879 г. Послѣ третьяго тоста были сказаны рѣчи А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, П. П. Семеновымъ и К. Д. Кавелинымъ, въ память умершихъ въ теченіи года дѣятелей по крестьянскому вопросу и участниковъ обѣдовъ 19-го февраля: Ю. А. Гагемейстера, кн. В. А. Черкасскаго и Н. Н. Тютчева. Всѣ эти рѣчи были приняты очень сочувственно.

Слово П. П. Семенова о князѣ В. А. Черкасскомъ вызвало, однако, пренія и даже протестъ со стороны С. И. Зарудnаго, который выразился, что «столько было сказано хорошаго о князѣ Черкасскомъ, что затѣмъ каждому изъ присутствующихъ остается желать умереть, чтобы заслужить послѣ смерти подобныя же похвалы», а когда было выражено желаніе, чтобы всѣ три рѣчи были напечатаны, то это вновь вызвало возраженіе со

стороны С. И. Зарудnаго, который замѣтилъ, что сказанное о князѣ Черкасскомъ совершенно не соотвѣтствуетъ (?!) общественному о немъ мнѣнію. Было, однако, положено напечатать рѣчь Петра Петровича Семенова, выключивъ можетъ быть то, что касается до личнаго характера князя Владиміра Александровича Черкасскаго.

19-го февраля 1880 г. кружокъ явившихся на обѣдъ былъ невеликъ: изъ первоначальныхъ участниковъ было всего 13, приглашенныхъ трое и гостей четверо, въ числѣ ихъ К. Д. Кавелинъ и И. С. Тургеневъ. Вообще, кстати замѣтимъ, цифра участниковъ въ обѣдахъ 19-го февраля за всѣ двадцать три года (1862—1884) въ среднемъ была ежегодно отъ 14 до 24.

Послѣ обычныхъ тостовъ, П. П. Семеновъ сообщилъ собранныя имъ свѣдѣнія о крестьянскомъ землевладѣніи по нѣкоторымъ губерніямъ. По его мнѣнію, эти свѣдѣнія доказываютъ, что крестьяне, вслѣдствіе освобожденія, сдѣлались собственниками значительнаго количества земли, имѣющей большую цѣнность и приносящей большой доходъ. Эти же свѣдѣнія показываютъ, что приростъ населенія находится въ соотвѣтствіи съ величиною надѣловъ.

Въ интересныхъ преніяхъ, вызванныхъ сообщеніемъ П. П. Семенова, принялъ участіе К. И. Домонтовичъ, который замѣтилъ, что при крѣпостномъ правѣ крестьяне владѣли бо́льшимъ количествомъ земли, что при составленіи положенія о крестьянахъ были по необходимости допущены такія уступки требованіямъ помѣщиковъ и министра финансовъ, которыя невыгодно подѣйствовали на улучшеніе быта крестьянъ, а именно допущено уменьшеніе существовавшихъ надѣловъ и возложено исключительно на однихъ крестьянъ вознагражденіе помѣщиковъ по выкупу. Уменьшеніе надѣловъ ставитъ крестьянъ въ совершенную зависимость отъ владѣльцевъ тѣхъ угодій, безъ коихъ крестьяне не могутъ существовать; имъ приходится платить за нихъ непомѣрныя цѣны. Отнесеніе всѣхъ расходовъ по выкупной операціи на крестьянъ имѣло послѣдствіемъ возвышеніе выкупныхъ платежей въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ до размѣровъ, далеко превышающихъ выгоды, получаемыя крестьянами отъ ихъ надѣловъ. Вотъ главная причина обѣднѣнія крестьянъ

и накопленія недоимокъ во многихъ мѣстностяхъ. Необходимо понизить выкупные платежи и позаботиться о правильной организаціи переселеній.

Е. И. Ламанскій находилъ, что главное благодѣяніе 19 февраля заключается въ освобожденіи личности, въ созданіи свободнаго труда, который заявилъ себя въ громадныхъ отпускахъ заграницу крестьянскаго хлѣба.

И. С. Тургеневъ говорилъ о развитіи кулачества, вредномъ его вліяніи и нарушеніи прежняго средняго уровня благостоянія крестьянъ обогащеніемъ однихъ и обнищаніемъ другихъ.

19-го февраля 1881 г. К. К. Гротъ сказалъ нѣсколько сочувственныхъ словъ объ умершемъ въ 1880 г. А. К. Гирсѣ. Послѣ того прочелъ рѣчь К. Д. Кавелинъ, въ которой очертилъ ходъ крестьянскаго вопроса съ 1861 г. и заключилъ рѣчь сожалѣніемъ, что дѣло такъ мало подвинулось впередъ и что тогдашніе дѣятели по крестьянскому вопросу никакъ не могли ожидать, что оно встрѣтитъ столькихъ недоброжелателей. Между прочимъ онъ упомянулъ о заслугѣ печати въ этомъ дѣлѣ, что вызвало весьма энергическое опроверженіе со стороны С. И. Зарудnаго. Еще были высказаны нѣкоторые взгляды по тому же вопросу П. П. Семеновымъ и К. И. Домонтовичемъ.

Приводимъ рѣчь Константина Дмитріевича Кавелина:

«Милостивые государи. Сегодня мы собрались вспомнить двадцатую годовщину отмѣны въ Россіи крѣпостнаго права. Хотѣлось бы сказать «праздновать», но это слово какъ-то нейдетъ съ губъ и едва ли бы отвѣчало чувствамъ, съ которыми мы сюда пришли:

И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ,
Тогда веселыхъ, молодыхъ,

молодыхъ силами, розовыми надеждами, вѣрою въ грядущее,

И крѣпокъ ихъ могильный сонъ!

«Мало уже осталось изъ числа тѣхъ, которые, двадцать лѣтъ тому назадъ, вынесли на своихъ плечахъ дѣло упраздненія крѣпостнаго права.

«А то, что мы пережили въ эти двадцать лѣтъ, тоже мало располагаетъ къ радостнымъ чувствамъ и праздничному настроенію. Кто изъ насъ не вѣрилъ горячо, что отмѣна крѣпостнаго ига дастъ нашему крестьянству матеріальное довольство, вызоветъ экономическое процвѣтаніе, подъемъ народныхъ силъ, сознаніе личности и правъ, разовьетъ просвѣщеніе и нравственность, словомъ принесетъ съ собою всѣ блага гражданской свободы? Сближеніе и тѣсное единеніе двухъ слоевъ русскаго народа, разрозненныхъ рабствомъ, развѣ не должно было быть необходимымъ, строго-логическимъ послѣдствіемъ его прекращенія? А что вышло на самомъ дѣлѣ? Едва успѣли Положенія 19-го февраля 1861 года стать закономъ, какъ духъ ихъ отлетѣлъ, и осталась одна буква; но и самая буква ихъ, гдѣ только было возможно, объяснялась въ ущербъ, а не въ пользу милліоновъ новыхъ русскихъ гражданъ; административная практика не стѣснялась и буквой, чтобъ помѣшать имъ воспользоваться ихъ законнѣйшими правами. Учрежденія, созданныя въ 1861 году подъ давленіемъ самыхъ неблагопріятныхъ условій, зачахли и замерли; существенный ихъ смыслъ искаженъ. Постановленія и мѣропріятія, которыя хоть сколько нибудь ограждали и обезпечивали матеріальный бытъ крестьянъ, исчезли и не были замѣнены ничѣмъ соотвѣтствующимъ. Къ прежнему невѣжеству и грубости народныхъ массъ прибавилось еще разореніе, доводящее ихъ до отчаянія и ожесточенія. Юридическая ихъ зависимость и административная надъ ними опека замѣнилась столько же безсердечнымъ, но еще гораздо худшимъ, экономическимъ гнетомъ. О сближеніи интересовъ владѣльцевъ и крестьянъ, за очень рѣдкими исключеніями, нѣтъ и помину; они разъединились больше, чѣмъ когда-либо, и взаимныя ихъ отношенія замѣтно обостряются.

«Поколѣнія, которыя придутъ къ намъ на смѣну, не помянутъ насъ, за все это, добромъ. Мы должны были взять на себя часть труда и заботы; а мы, вмѣсто того, взваливаемъ на ихъ плечи удвоенную ношу, оставляемъ имъ наслѣдство запутанное и разстроенное не стеченіемъ непредвидимыхъ и несчастныхъ обстоятельствъ, а нашимъ невѣжествомъ, недобросовѣстностью или легкомысліемъ.

«Минувшій годъ обнаружилъ и доказалъ, со всею печаль-

ною очевидностью, куда ведетъ отступленіе отъ идей и духа, создавшихъ Положенія 19-го февраля. Будемъ надѣяться, что этотъ несчастный годъ будетъ для насъ геркулесовыми столбами на томъ пути, по которому мы шли въ крестьянскомъ дѣлѣ такъ беззаботно и такъ самоувѣренно, думая, что слѣдуемъ примѣру Европы. Въ Европѣ общественный строй слагается изъ многихъ элементовъ, изъ которыхъ каждый живетъ своею жизнью и вноситъ въ него свои интересы и свою долю участія. Тамъ, сверхъ крестьянства, есть многочисленный классъ горожанъ и рабочихъ, составляющій половину, а иногда и болѣе всего населенія; интересы этого класса, по ходу исторіи, заслоняютъ интересы сельчанъ и пока все еще преобладаютъ во всемъ. У насъ же, напротивъ, крестьянское населеніе составляетъ болѣе 80% общаго числа жителей, а городской элементъ еще въ зародышѣ. Оттого у насъ крестьянскій вопросъ есть важнѣйшій, выдается между всѣми другими; отъ его правильной постановки и рѣшенія, прямо или косвенно, зависитъ благосостояніе всего государства и всѣ крупные частные интересы, сельскохозяйственные, промышленные, торговые. Что можетъ у насъ процвѣтать и развиваться, когда четыре пятыхъ населенія находятся въ нищетѣ и невѣжествѣ? Если печальный результатъ протекшихъ 20 лѣтъ успѣлъ насъ въ этомъ убѣдить, то они, конечно, не прошли у насъ совсѣмъ даромъ, но все таки мы поплатились за урокъ слишкомъ дорого.

«Теперь до насъ отовсюду доходятъ слухи о крайне печальномъ положеніи крестьянъ на всемъ пространствѣ обширнаго русскаго государства, кромѣ развѣ Сибири и Западнаго края. Что же начать и какъ приняться, чтобъ улучшить и поднять сильно разстроенное крестьянское хозяйство? Судя по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя сообщаются въ печати о дѣятельности дворянскихъ и земскихъ собраній, мы, съ этой стороны, мало ждемъ существенно полезнаго. Остается всего ждать, какъ и прежде всегда у насъ бывало, отъ просвѣщеннаго, проникнутаго любовью къ родинѣ, меньшинства, поддержаннаго авторитетомъ государственной власти. Мы всѣ знаемъ и помнимъ, что основныя начала закона, даровавшаго свободу крѣпостнымъ, были впервые намѣчены тѣми лицами, чьи мнѣнія остались въ меньшинствѣ въ губернскихъ комитетахъ. Эти же лица были

потомъ призваны верховною властію для участія въ работахъ редакціонныхъ коммисій и участіе ихъ было въ высшей степени полезное.

«Просвѣщенное и патріотическое меньшинство высказывало тогда свои мысли и соображенія и въ печати, не смотря на крайне неблагопріятныя въ то время цензурныя условія. Теперь эти условія, правда, пока только въ практикѣ, значительно улучшились и вся русская пресса, за очень немногими изъятіями, съ замѣчательнымъ единодушіемъ указываетъ на причины, мѣшающія крестьянскому дѣлу развиваться, и на мѣры, которыя могли бы устранить эти помѣхи. И что же мы видимъ? Теперь, какъ и тогда, громче и громче раздаются голоса, взводящіе на нашу печать разныя небылицы. Она, видите ли, разжигаетъ вражду сословій, она поддерживаетъ въ крестьянахъ химерическія надежды на дополнительные надѣлы. Нигдѣ ничего подобнаго наша печать не выражала и не выражаетъ; меньшинство, прибѣгающее къ печатному слову, также мало думаетъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Но люди, принимающіе къ сердцу крестьянскій вопросъ, не могутъ не желать, чтобы былъ положенъ конецъ вымогательствамъ и притѣсненіямъ, которымъ здѣсь и тамъ подвергаются крестьяне со стороны владѣльцевъ по недостаточности надѣловъ; не могутъ они не желать, чтобы, помощью переселеній или долгосрочнаго мелкаго кредита, или отводомъ государственныхъ земель крестьянамъ была дана возможность имѣть довольно земли, чтобъ держать скотъ и улучшить полеводство. Этого дѣйствительно желаетъ просвѣщенное меньшинство, и когда такія скромныя и справедливыя желанія выдаются за возбужденіе вражды между сословіями и за поощреніе несбыточныхъ фантазій, то яснымъ становится, откуда идутъ такія обвиненія: ихъ распространяютъ тѣ же, кто тайно и явно противодѣйствовалъ освобожденію крѣпостныхъ, надѣленію ихъ землею, кто выдумалъ злосчастные сиротскіе надѣлы и всевозможныя отступленія отъ Положеній 19-го февраля при ихъ примѣненіи. Съ какою цѣлію распространяются обвиненія на печать—понять тоже не трудно: она своими указаніями и разоблаченіями разстраиваетъ планъ кампаніи, котораго послѣднее слово—имѣть въ разоренныхъ крестьянахъ дешевыхъ работниковъ, и такъ, надо опять осу-

дить на молчаніе всѣхъ сочувствующихъ правильному веденію крестьянскаго дѣла, выдавая ихъ за опасныхъ соціалистовъ, враговъ порядка и власти, и затѣмъ возбудивъ къ нимъ недовѣріе и устранивъ ихъ голосъ, идти подъ шумокъ прямо къ желанной цѣли, какъ это и дѣлалось до сихъ поръ. Позволительно надѣяться, что по крайней мѣрѣ теперь, когда горестные результаты веденія дѣлъ по мысли и плану недоброжелателей крестьянской реформы достаточно выказались, обвиненія русской печати будутъ оцѣнены по достоинству и не повлекутъ за собою такихъ же послѣдствій, какъ въ былое время.

«Милостивые государи! Сегодня окончилось первое двадцатилѣтіе крестьянскаго дѣла въ Россіи и начинается второе. Пожелаемъ, чтобъ въ это второе двадцатилѣтіе установилось, упрочилось и развилось экономическое благосостояніе крестьянъ во всей имперіи, чтобъ ихъ юридическій и общественный бытъ былъ правильно опредѣленъ и обезпеченъ» [1]).

19-го февраля 1882 г. Предсѣдателемъ обѣдовъ былъ единогласно избранъ распорядитель оныхъ К. К. Гротъ. Первымъ изъ провозглашенныхъ имъ тостовъ былъ слѣдующій:

«За Государя Императора, который въ короткое время своего царствованія успѣлъ уже издать два акта первостепенной важности для успѣха крестьянскаго дѣла: о пониженіи выкупныхъ платежей для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и объ обязательномъ выкупѣ крестьянами надѣловъ, еще не выкупленныхъ по нѣкоторымъ губерніямъ».

Второй тостъ былъ «въ память главнаго виновника великаго дѣла крестьянской реформы, покойнаго Государя Императора Александра Николаевича».

Послѣ дальнѣйшихъ обычныхъ тостовъ, К. Д. Кавелинъ сказалъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное слово, въ которомъ блестящимъ образомъ охарактеризовалъ государственную и общественную дѣятельность А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, скончавшагося 24-го декабря 1881-го года, и представилъ множество чертъ для характеристики этой замѣчательной личности.

---

[1]) „Порядокъ“ 1881 г., № 51.

На обѣдѣ 19-го февраля 1883 г. собралось 23 человѣка, изъ нихъ 16 лицъ были первоначальные участники этихъ обѣдовъ, таковы: И. П. Арапетовъ, В. А. Арцимовичъ, Н. Х. Бунге, Г. П. Галаганъ, А. В. Головнинъ, К. К. Гротъ, К. И. Домонтовичъ, Н. В. Калачевъ, Е. И. Ламанскій, М. Н. Любощинскій, С. А. Мордвиновъ, Н. П. Семеновъ, П. П. Семеновъ, Е. П. Старицкій, Н. И. Стояновскій, П. А. Шульцъ.

Приглашенными на обѣдъ были, какъ и въ 1882-мъ году: Ѳ. П. Корниловъ, М. И. Семевскій, П. Е. Татариновъ [1]), А. Д. Шумахеръ.

Обычными гостями этого праздника были: К. Д. Кавелинъ, А. И. Скребицкій и Ю. Н. Милютинъ.

Всего было 23 человѣка. Въ замѣткѣ г. Предсѣдателя отмѣчено, что «въ минувшій годъ, съ 19 февраля 1882 по 19 февраля 1883 г., не было ни одного смертнаго случая въ небольшомъ кружку оставшихся еще участниковъ въ составленіи Положеній 19 февраля 1861 г. Тосты на обѣдѣ были тѣ же, что и въ 1882 г. Разговоры во время обѣда были весьма оживленные, и въ концѣ обѣда М. И. Семевскій прочелъ весьма интересную историческую записку объ обѣдахъ 19 февраля, составленную изъ сообщенныхъ ему К. К. Гротомъ матеріаловъ объ этихъ обѣдахъ. Положено набрать эту записку и разослать въ корректурѣ къ нѣкоторымъ членамъ обѣдовъ, для вызова замѣчаній, и затѣмъ къ обѣду 1884 г., февраля 19-го, напечатать оную, пріобщивъ портреты наиболѣе выдающихся дѣятелей реформы 19 февраля 1861 г.» [2]).

«Послѣ чтенія этой записки, по предложенію К. К. Грота—Михаилъ Ивановичъ Семевскій былъ избранъ секретаремъ товарищескихъ собраній 19 февраля».

---

[1]) М. И. Семевскій и П. Е. Татариновъ съ 1866 года по 25-е мая 1882 г. служили въ Главномъ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, при Государственномъ Совѣтѣ (по день закрытія Главнаго Комитета).

[2]) Въ февралѣ 1884 г. корректура очерка была разослана нѣкоторымъ участникамъ кружка и признано болѣе удобнымъ помѣстить очеркъ въ „Русской Старинѣ“, въ книгѣ—мартъ, 1884 г. При оттискахъ помѣщены портреты: Императора Александра II, К. В. Чевкина, Н. А. Милютина и С. М. Жуковскаго.

На обѣдъ 19-го февраля 1884 г. приглашены были всѣ тѣ изъ обычныхъ участниковъ этихъ обѣдовъ, которые въ это время находились въ С.-Петербургѣ, а именно:

В. А. Арцимовичъ, Н. Х. Бунге, Г. П. Галаганъ, Кн. С. П. Голицынъ, А. В. Головнинъ, К. К. Гротъ, К. И. Домонтовичъ, С. И. Зарудный, К. Д. Кавелинъ, Н. В. Калачовъ, Н. Н. Колошинъ, Ѳ. П. Корниловъ, Е. И. Ламанскій, М. Н. Любощинскій, Юрій Н. Милютинъ, С. А. Мордвиновъ, М. И. Семевскій, Н. П. Семеновъ, П. П. Семеновъ, А. И. Скребицкій, Н. И. Стояновскій, П. Е. Татариновъ, П. А. Шульцъ и А. Д. Шумахеръ. Кромѣ того были приглашены: Ад. А. Арцимовичъ, М. П. Митковъ и Ив. Алекс. Новиковъ.

Изъ поименованныхъ лицъ кн. С. П. Голицынъ и А. Д. Шумахеръ, по болѣзни, не могли воспользоваться приглашеніемъ, прочіе всѣ участвовали въ сходкѣ.

Внѣ С.-Петербурга были къ тому дню И. П. Арапетовъ, Е. П. Старицкій и гр. Н. Я. Ростовцовъ, почему и не могли быть приглашены.

Приглашенія, какъ и во всѣ предъидущіе годы, разосланы были въ такой формѣ:

„Обычный обѣдъ 19-го февраля въ память крестьянской реформы имѣетъ быть въ 1884 году въ 6 час. у Донона (у Пѣвческаго моста).

„Лица, непредполагающія участвовать въ этомъ обѣдѣ, приглашаются увѣдомить объ этомъ заблаговременно К. К. Грота (Большая Конюшенная, № 1).

Примѣчаніе. Принятая одежда на этихъ обѣдахъ сюртукъ при медали по крестьянскому дѣлу.

Предсѣдатель К. К. Гротъ провозгласилъ рядъ обычныхъ на обѣдахъ 19 февраля тостовъ:

1) Здоровье Государя Императора.

2) Въ память Главнаго Виновника великаго дѣла крестьянской реформы, покойнаго Государя Императора Александра Николаевича.

3) За великое дѣло 19 февраля 1861 г.

4) За всѣхъ дѣйствующихъ и дѣйствовавшихъ въ пользу крестьянской реформы.

5) Въ память умершихъ тружениковъ по крестьянской реформѣ, и

6) За благоденствіе Россіи.

Къ этимъ тостамъ присоединены были провозглашенный Н. Х. Бунге тостъ за здоровье уважаемаго предсѣдателя дружескаго кружка 19 февраля К. К. Грота; С. И. Зарудный провозгласилъ тостъ за здоровье К. Д. Кавелина и А. И. Скребицкаго, и К. К. Гротъ провозгласилъ тостъ за здоровье члена-секретаря кружка 19 февраля—М. И. Семевскаго.

Прочтенъ былъ привѣтъ И. П. Арапетова изъ Парижа и послана ему телеграмма съ благодарностью за память отъ кружка.

Въ теченіи года съ 19-го февраля 1883 г. по 19-ое февраля 1884 г. участники сходокъ этого дня лишились одного своего сочлена; этотъ сочленъ—Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Кончина великаго писателя вызвала на обѣдѣ 19 февраля слѣдующее слово М. И. Семевскаго:

„Вся грамотная Россія оплакала потерю, понесенную ею съ кончиной одного изъ самыхъ талантливыхъ, самыхъ любимыхъ ея писателей. Эту горесть раздѣлило и наше дружеское собраніе, цѣня въ опочившемъ не только талантъ, которымъ гордится отечественная словесность, но и дѣятеля для той великой реформы освобожденія крѣпостной Россіи, которой такъ усердно послужили участники въ составленіи и въ примѣненіи къ дѣлу Положенія 19 февраля. Тургеневъ своими произведеніями поддерживалъ, укрѣплялъ въ своихъ современникахъ сочувствіе и любовь къ русскому крестьянину. Великій Государь-Освободитель лично признавалъ не малую долю благотворнаго вліянія, произведеннаго на него, въ этомъ смыслѣ, сочиненіями Тургенева. Это фактъ, закрѣпленный печатнымъ извѣстіемъ. Но этого мало. Когда Государь Александръ Николаевичъ обратился съ призывомъ приступить къ великому труду освобожденія,—труду, въ которомъ Онъ самъ былъ первымъ неустаннымъ державнымъ труженикомъ; когда на этотъ призывъ поспѣшили вы, ближайшіе его сподвижники и сотрудники въ семъ великомъ дѣлѣ и ваши опочившіе сномъ смерти товарищи,—И. С. Тургеневъ, бывшій тогда въ Римѣ, составилъ и прислалъ въ С.-Петербургъ большой планъ изданія журнала, который предполагалъ посвятить исключительно выясненію всѣхъ вопросовъ, вызываемыхъ дѣломъ улучшенія быта сельскаго сословія въ Россіи и его освобожденія отъ узъ крѣпостнаго ига,—фактъ, краснорѣчиво свидѣтельствующій, какъ близко принялъ это дѣло къ сердцу Иванъ Сергѣевичъ [1]. Участники кружка 19 февраля всегда высоко цѣнили заслуги Тургенева крестьянскому дѣлу. Каждый разъ, когда онъ бывалъ въ С.-Петербургѣ въ день 19 февраля, онъ былъ любимымъ, почетнымъ гостемъ-участникомъ сходокъ этого дня и принималъ самое живое участіе въ преніяхъ, бывавшихъ на нашихъ обѣдахъ о крестьянскомъ дѣлѣ—о его прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Смолкла навсегда рѣчь нашего дорогого писателя; прибавилась

[1]) Записка И. С. Тургенева весьма обязательно была сообщена А. В. Головинымъ ред. „Русской Старины“ и напечатана въ этомъ журналѣ, въ изд. 1883 г., сентябрь.

новая, свѣжая могила къ ряду могилъ, столь преждевременно принявшихъ въ свои объятія рядъ тружениковъ по крестьянской реформѣ, и я, конечно, выражу общее желаніе присутствующихъ, если предложу поднять бокалы и благоговѣйнымъ молчаніемъ почтить память опочившаго сочлена собранія дѣятелей 19 февраля—И. С. Тургенева".

Собраніе встало и въ глубокомъ молчаніи подняло бокалы въ память дорогого писателя, о потерѣ котораго еще долго, долго будетъ неутѣшно все, что мыслитъ, все, что читаетъ на Руси.

Затѣмъ обѣдъ прошелъ въ весьма оживленной бесѣдѣ. Н. Х. Бунге, Г. П. Галаганъ и друг. говорили о крестьянскихъ банкахъ, при чемъ Николай Христіановичъ сообщилъ, что онъ съ особымъ удовольствіемъ видитъ въ рядахъ сторонниковъ этого учрежденія тѣхъ лицъ, которые нѣкогда весьма горячо говорили противъ крестьянскихъ банковъ.

Предсѣдатель К. К. Гротъ представилъ составленный М. И. Семевскимъ и напечатанный въ «Русской Старинѣ» очеркъ ежегодныхъ собраній 19 февраля, роздалъ оттиски этого очерка съ приложенными къ нему портретами покойныхъ дѣятелей крестьянской реформы, и представилъ соединенный въ одинъ томъ вполнѣ интересный сборникъ бумагъ, послужившихъ г. Семевскому матеріалами для его очерка.

Собраніе съ признательностью и живѣйшимъ интересомъ приняло это сообщеніе; многіе тутъ же сообщили нѣкоторыя дополнительныя къ очерку замѣтки, которыми составитель и воспользовался при окончательномъ тисненіи настоящаго труда на стр. «Русской Старины».

Собраніе 19 февраля 1884 г. разошлось въ началѣ 10 часа.

Въ заключеніе нашего очерка дружескихъ собраній 19-го февраля, замѣтимъ, что это постоянное двадцати трехъ-лѣтнее доказательство сочувствія великому дѣлу 19-го февраля 1861 г. и благодарной памяти за оное Императору Александру II и его сподвижникамъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ,— заслуживаетъ большаго уваженія.

Бывшему главному распорядителю этихъ обѣдовъ, нынѣ предсѣдателю оныхъ Константину Карловичу Гроту всецѣло принадлежитъ главнѣйшая честь этого постоянства.

Ред.

19-го февраля 1884 года.
С.-Петербургъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Списокъ Членовъ Редакціонныхъ Коммиссій по составленію Положеній 19-го февраля 1861 г.

Викторъ Владиміровичъ Апраксинъ.

Иванъ Павловичъ Арапетовъ.

Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ (чл. особ. комм. о губерн. и уѣздн. учрежд.).

Петръ Алексѣевичъ Булгаковъ, †.

Василій Ивановичъ Булыгинъ, †.

Николай Христіановичъ Бунге.

Петръ Александровичъ Валуевъ (чл. особ. комм. о губ. и уѣздн. учрежд.).

Юлій Андреевичъ Гагемейстеръ, † іюнь 1878 г.

Григорій Павловичъ Галаганъ.

Константинъ Ивановичъ Гечевичъ, †.

Александръ Карловичъ Гирсъ, † 1880 г.

Кн. Борисъ Дмитріевичъ Голицынъ, † [1]).

Кн. Сергій Павловичъ Голицынъ.

Андрей Антоновичъ Грабянка.

Константинъ Карловичъ Гротъ (чл. особ. комм. о губерн. и уѣздн. учрежденіяхъ).

Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ.

Алексѣй Дмитріевичъ Желтухинъ, † 1877 г.

Николай Ивановичъ Желѣзновъ, † 1876 г.

Степанъ Михайловичъ Жуковскій, † 25 сент. 1877 г.

Андрей Парфен. Заблоцкій-Десятовскій, † 24 дек. 1881 г.

Брониславъ Францовичъ Залѣсскій, †.

Сергій Ивановичъ Зарудный (чл. особ. комм. о губерн. и уѣздн. учрежд.).

Николай Васильевичъ Калачовъ.

Николай Николаевичъ Колошинъ.

Ѳедоръ Петровичъ Корниловъ (чл. особ. комм. о губ. и уѣздн. учрежд.).

Николай Антоновичъ Кристофари, †.

---

[1]) Кн. Б. Д. Голицынъ хотя и значился въ числѣ приглашенныхъ въ Редакціонныя Коммисіи, но въ трудахъ ихъ не участвовалъ.

Евгеній Ивановичъ Ламанскій.
Ланской (чл. особ. комм. о губ. и уѣздн. учрежд.).
Маркъ Николаевичъ Любощинскій.
Николай Алексѣевичъ Милютинъ, † 26 янв. 1872 г.
Николай Николаевичъ Павловъ.
Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, † 1869 г. (предсѣд.).
Князь Ѳедоръ Ивановичъ Паскевичъ.
Михаилъ Павловичъ Позенъ, †.
Александръ Николаевичъ Поповъ, † 6 ноября 1877 г.
Михаилъ Христофоровичъ Рейтернъ.
Графъ Як. Ив. Ростовцевъ, † 6 февр. 1860 г. (предсѣд.).
К. Рѣпинскій (чл. особ. комм. о губ. и уѣздн. учрежд.).
Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (чл. особ. комм. о губ. и уѣздн. учрежд.).
Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, † 19 марта 1876 г.
Николай Петровичъ Семеновъ.
Петръ Петровичъ Семеновъ (членъ-завѣдыв. дѣлами).
Александръ Петровичъ Смирновъ, †.
Яковъ Александровичъ Соловьевъ, † 11 декабря 1876 г.
Ник. Ив. Стояновскій (особ. комм. о губ. и уѣздн. учрежд.).
Василій Васильевичъ Тарновскій, † 1871 г.
Александръ Николаевичъ Татариновъ, † 1864 г.
Кн. Владиміръ Александровичъ Черкасскій, † 19 февр. 1878 г.
Николай Петровичъ Шишковъ [1]) †.
Графъ Петръ Павловичъ Шуваловъ, †.
Павелъ Антоновичъ Шульцъ.
Октавіанъ Францовичъ Ярошинскій.

II.

Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ.

† 19 марта 1876 г.

20-го марта пронесся въ Петербургѣ слухъ, что Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ опасно заболѣлъ въ Берлинѣ, что онъ даже можетъ быть уже умеръ. На другой день этотъ слухъ, къ несчастію, подтвердился. Самаринъ скончался 19-го марта, въ Берлинѣ, въ больницѣ, послѣ операціи на правой рукѣ. Вслѣдъ за операціей развилась гангренозная рожа, которая и свела его въ могилу.

[1]) Присылалъ свои мнѣнія и вообще письменныя замѣтки по крестьянскому дѣлу, но лично не участвовалъ въ засѣданіяхъ Редакціонныхъ Коммисій.

Эта роковая вѣсть не могла не поразить глубоко каждаго, на всѣхъ концахъ Россіи, безъ различія партій, взглядовъ и мнѣній. Имя Ю. Ѳ. Самарина пользовалось у насъ огромною извѣстностью, которая досталась ему не случайно, а завоевана по праву цѣлою жизнью, богатой трудами, обильной подвигами.

Самаринъ—воспитанникъ московскаго университета, гдѣ въ 1838 г. кончилъ курсъ по историко-филологическому факультету кандидатомъ.

Въ то время уже начинали обозначаться тѣ два направленія русской мысли, которыя впослѣдствіи, расходясь все болѣе и болѣе, образовали два противоположные лагеря, подъ названіемъ славянофиловъ и западниковъ. Ю. Ѳ. Самаринъ былъ сначала ревностнымъ гегельянцемъ, но рано склонился къ славянофильскому направленію, и оставался ему вѣренъ до конца, ставъ однимъ изъ его замѣчательнѣйшихъ и талантливѣйшихъ представителей. Въ духѣ славянофильскихъ ученій написана Ю. Ѳ. Самаринымъ надѣлавшая въ свое время много шуму въ Москвѣ диссертація на степень магистра, подъ заглавіемъ: «Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій». То, что вышло въ свѣтъ подъ этимъ заглавіемъ, составляетъ лишь небольшую часть обширнаго изслѣдованія, которое не могло быть одобрено къ печати въ цѣломъ составѣ, потому что заключало въ себѣ, между прочимъ, рѣзкую критику нашихъ церковныхъ преобразованій XVIII-го вѣка. Уже въ этой первой работѣ выказались въ полномъ блескѣ тѣ качества Ю. Ѳ. Самарина, которыя потомъ поставили его такъ высоко въ общественномъ мнѣніи: обширныя знанія, сильный критическій умъ, глубокое убѣжденіе, вдобавокъ рѣдкая у насъ способность къ выдержанному умственному труду и мастерское перо.

Послѣ блестящаго диспута покойный переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ сенатъ, а затѣмъ былъ прикомандированъ къ прибалтійскому генералъ-губернатору Головину. Ознакомившись въ это время подробно съ положеніемъ дѣлъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, онъ написалъ свои извѣстныя письма объ Остзейскомъ краѣ. Впечатлѣніе, произведенное ими въ томъ тѣсномъ кругу, гдѣ они сдѣлались извѣстны, было громадное; также громадно было и значеніе ихъ въ жизни и внѣшней судьбѣ Ю. Ѳ. Самарина. Въ 1849 году онъ опредѣленъ на службу къ генералъ-губернатору юго-западныхъ губерній, Бибикову, но вскорѣ потомъ вышелъ въ отставку, и съ тѣхъ поръ, до самой кончины, оставался частнымъ человѣкомъ. Какъ глубоко запали въ душу Самарина впечатлѣнія, вынесенныя изъ Прибалтійскаго края, видно изъ того, что разъясненіе положенія дѣлъ въ этомъ краѣ и его отношеній къ Россіи занимали покойнаго всю жизнь и вызвали цѣлый рядъ изслѣдованій, напечатанныхъ имъ за границей.

Послѣ выхода въ отставку, Самаринъ поселился въ Москвѣ и до

рескриптовъ, открывшихъ, съ конца 1857 г., эру реформъ, дѣятельно работалъ въ тогдашнихъ славянофильскихъ органахъ, издаваемыхъ Кошелевымъ и Аксаковымъ. Въ этотъ довольно длинный промежутокъ времени видное положеніе Ю. Ѳ. Самарина въ мыслящихъ кружкахъ и въ славянофильскомъ лагерѣ окончательно обрисовалось и упрочилось. Въ это же время онъ успѣлъ пристальнымъ изученіемъ приготовиться и окрѣпнуть для той роли, какую ему пришлось играть въ практическомъ разрѣшеніи множества жизненныхъ русскихъ вопросовъ, порожденныхъ новымъ временемъ и новыми потребностями.

Какъ только поднятъ былъ вопросъ объ упраздненіи крѣпостного права, Ю. Ѳ. Самаринъ отдался этому дѣлу съ той энергіей, убѣжденіемъ и съ той непреклонной волей и выдержкой, которыми отмѣчено все, что онъ ни дѣлалъ. Сперва онъ работалъ въ самарскомъ губернскомъ комитетѣ, потомъ вызванъ, въ качествѣ эксперта, для участія въ занятіяхъ центральныхъ редакціонныхъ коммисій. Всѣмъ памятна почтенная роль, какую онъ игралъ въ дѣлѣ отмѣны крѣпостного права, и на мѣстѣ, въ Самарской губерніи, и въ Петербургѣ, представляя, вмѣстѣ съ княземъ В. А. Черкасскимъ и нѣкоторыми другими, славянофильскіе оттѣнки воззрѣній на народный бытъ, и отстаивая начала, выработанныя этой фракціей русскихъ мыслящихъ людей и дѣятелей.

Вскорѣ послѣ разрѣшенія крѣпостного вопроса, возстаніе въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ сдѣлало необходимымъ коренное измѣненіе тамошнихъ общественныхъ и административныхъ условій. И въ этомъ дѣлѣ понадобились познанія Ю. Ѳ. Самарина, его умъ, его преданность Россіи и славянскимъ интересамъ, и онъ былъ приглашенъ участвовать въ начертаніи программъ предположенныхъ реформъ.

Этотъ эпизодъ въ дѣятельности покойнаго продолжался, впрочемъ, не долго. Послѣ отмѣны крѣпостного права, введенія въ Москвѣ новаго городового положенія и установленія земскаго самоуправленія, Ю. Ѳ. Самаринъ отдался весь дѣятельности мѣстной, принимая горячее участіе въ занятіяхъ дворянскихъ собраній, въ дѣлахъ городскихъ и земскихъ, въ качествѣ члена сословія или гласнаго, и только одинъ разъ по назначенію отъ правительства, въ качествѣ предсѣдателя самарскаго губернскаго земскаго собранія. Этими своими трудами онъ оказалъ существенныя услуги не только той средѣ, гдѣ непосредственно дѣйствовалъ, но,—мы не боимся упрека въ преувеличеніи—цѣлой Россіи. Какъ городской, земскій, сословный дѣятель, Ю. Ѳ. Самаринъ внушалъ глубокое уваженіе и такое же глубокое довѣріе. По своему рожденію, состоянію, воспитанію и связямъ, онъ принадлежалъ къ высшимъ слоямъ русскаго общества, но былъ совершенно чуждъ сословныхъ притязаній, и каждый разъ, когда они выступали, давалъ имъ сильный отпоръ. Вездѣ, во всѣхъ собраніяхъ,

комитетахъ и коммисіяхъ онъ твердо стоялъ на почвѣ закона, не уклоняясь съ нея ни направо, ни налѣво. Не было такого мелочного, сухого, кропотливаго, скучнаго дѣла мѣстнаго управленія, которымъ бы Самаринъ не занялся съ любовью, не изучилъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ, не щадя ни труда, ни времени. Свидѣтели этой дѣятельности покойнаго говорятъ объ ней съ почтеніемъ, къ которому примѣшивается доля изумленія,—такъ мало мы привыкли къ сознанію долга и такъ рѣдко оно у насъ встрѣчается. Нужно ли было составить по Москвѣ смѣту пожарнаго обоза,—Самаринъ входилъ во всѣ мелочи, вникалъ въ каждое колесо, каждый винтъ, каждую гайку, и по каждому предмету собиралъ самыя точныя справки изъ прямыхъ источниковъ. Трудясь такимъ образомъ неустанно, по всѣмъ отраслямъ мѣстнаго и городского самоуправленія, въ продолженіи многихъ лѣтъ, и притомъ съ научной подготовкой, какую у насъ рѣдко кто имѣетъ, Ю. Ѳ. Самаринъ не могъ не выдвинуться и на этомъ поприщѣ въ первые ряды той, къ несчастью, небольшой горсти нашихъ земскихъ дѣятелей, которые дѣйствительно заслуживаютъ это названіе. Авторитетъ его въ дѣлахъ такого рода былъ громадный, во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Мы знали больше Самарина-писателя, философа, богослова, славянофила; провинція знала Самарина-земскаго дѣятеля. Это выказалось особенно ярко при обсужденіи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ земскихъ собраніяхъ вопроса о податной реформѣ. Говорятъ, въ послѣднее время Ю. Ѳ. Самаринъ снова пристально работалъ надъ этимъ вопросомъ. Далеко ли былъ подвинутъ его трудъ, мы не знаемъ. Очень желательно, чтобъ онъ не пропалъ для Россіи, какъ у насъ пропадаетъ столько полезнаго.

И несмотря на эту неустанную, упорную и утомительную практическую дѣятельность, Ю. Ѳ. Самаринъ находилъ еще время на изданіе сочиненій А. С. Хомякова, на философскіе споры, на изслѣдованія и изданія по остзейскому вопросу. Нечего удивляться, что физическій организмъ былъ сильно потрясенъ, и болѣзнь тотчасъ приняла злокачественный характеръ.

Но ни огромныя знанія, ни замѣчательный умъ, ни заслуги, ни великій писательскій талантъ не выдвинули бы такъ впередъ замѣчательную личность Самарина, еслибъ къ нимъ не присоединились два другихъ несравненныхъ и у насъ, къ сожалѣнію, очень рѣдкихъ качества: непреклонное убѣжденіе и цѣльный нравственный характеръ. недопускавшій никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, чего бы это ни стоило и чѣмъ бы это ни грозило. Что Самаринъ считалъ за справедливое и истинное, передъ тѣмъ онъ никогда не отступалъ, принося своему убѣжденію всякія жертвы. Зная его взгляды, его образъ мыслей, можно

было безъ ошибки сказать впередъ, какъ онъ поступитъ въ томъ или другомъ случаѣ, потому что дѣло у него не расходилось съ мыслью, отъ послѣдней онъ не отвиливалъ по разнымъ постороннимъ соображеніямъ. Такой характеръ не могъ не внушать полнаго довѣрія. Ю. Ѳ. Самаринъ былъ нравственная личность, въ полномъ и лучшемъ смыслѣ слова. Съ нимъ можно было не соглашаться, его взглядамъ можно было не сочувствовать, съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія ихъ можно было не любить, но не питать къ нему уваженія не было возможности, и въ этомъ его друзья и враги подавали другъ другу руку.

Смерть Самарина—тяжкая, невознаградимая утрата для всего русскаго общества, для русской мысли, для русскаго дѣла, котораго впереди еще столько. Мѣсто, которое онъ занималъ, долго останется незанятымъ, какъ до сихъ поръ не занято никѣмъ мѣсто Н. А. Милютина, съ которымъ его соединяла самая тѣсная дружба, установившаяся и закрѣпленная многолѣтнимъ, преданнымъ, безупречнымъ служеніемъ одной и той же мысли, одному и тому же задушевному интересу всей жизни. Сопоставленіе этихъ двухъ замѣчательныхъ современниковъ не есть оборотъ рѣчи, разсчитанный на эффектъ. Какъ ни различна была ихъ подготовка къ жизни, ихъ кругъ дѣятельности, строй ихъ воззрѣній, свойства ихъ талантовъ, но и тотъ, и другой были цѣльные характеры, цѣльные люди, для которыхъ убѣжденія—не пустыя слова, а самое серьезное дѣло въ жизни. Мы обыкновенно судимъ людей по ихъ образу мыслей, по той программѣ, которую они несутъ и проводятъ. Но и то, и другое—дѣло времени, обстоятельствъ, разныхъ случайностей. Великое воспитательное, культурное значеніе имѣютъ только тѣ общественные дѣятели, у которыхъ мысль и дѣло, убѣжденіе и программа слиты въ одно; только это создаетъ имъ вѣчную память въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Прочія—историческія и общественныя полезности осуждены на забвеніе, какъ только ихъ роль сыграна. Въ ходѣ исторіи—программы, знамена, партіи мѣняются, смотря по комбинаціямъ общественныхъ элементовъ, которыя, въ свою очередь, зависятъ отъ общихъ законовъ развитія. Но людей воспитываетъ нравственно не эта механика движенія, а то, какъ къ ней относились ея живые двигатели.

III.

Памяти кн. В. А. Черкасскаго.

Князь Александръ Илларіоновичъ Васильчиковъ посвятилъ памяти одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей въ новѣйшей исторіи Россіи — кн. В. А. Черкасскому слѣдующія строки:

«Князь В. А. Черкасскій скончался и надо надѣяться, что надъ его свѣжей могилой умолкнутъ, хотя бы на время, нареканія, которыя его преслѣдовали до послѣднихъ предсмертныхъ его дней.—Для него, какъ и для прочихъ дѣятелей великой эпохи реформъ, судъ потомства будетъ справедливѣе, чѣмъ пересуды современниковъ и имя его, безъ сомнѣнія, станетъ на ряду съ именами тѣхъ немногихъ государственныхъ людей, которые, по предначертаніямъ Государя, твердо, послѣдовательно проводили благія преобразованія настоящаго царствованія въ Россіи, Польшѣ и Болгаріи.

Но участь Черкасскаго отличается еще особенной чертой: на немъ, отчасти и по его собственной винѣ, обрушились, можно сказать, всѣ неудовольствія и злобы лицъ, пострадавшихъ отъ преобразованія въ имущественныхъ или личныхъ своихъ отношеніяхъ, и всѣ мелкіе интересы, затронутые и оскорбленные государственными преобразованіями, коихъ онъ былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ исполнителей.

Положеніе его было уже очень трудное во время редакціонной коммисіи, но тогда онъ раздѣлялъ отвѣтственность съ другими и хотя и преслѣдовался съ особымъ ожесточеніемъ, но раздѣлялъ эту честь со всѣми прочими защитниками поземельнаго надѣла крестьянъ.

Въ Польшѣ отношенія его сдѣлались еще болѣе натянутыми; не говоря уже о польскихъ панахъ, которые видѣли въ немъ непримиримаго врага, онъ встрѣтилъ, при этомъ второмъ эпизодѣ своей службы, прежнихъ своихъ противниковъ въ Россіи, которые предъявили свои старые счеты; на вопли и жалобы пановъ, обвинявшихъ Черкасскаго въ самовластномъ распоряженіи ихъ имуществами, отозвались русскіе люди, приписывавшіе ему (въ числѣ прочихъ) потрясеніе священныхъ правъ собственности; польскіе голоса и русскіе отзывы слились въ одинъ дружный хоръ и солидарность интересовъ соединила ихъ въ общемъ противодѣйствіи такъ называемой московской партіи.

Наконецъ, назначеніе Черкасскаго въ Болгарію возбудило вновь, послѣ 10-ти-лѣтняго промежутка, негодованіе и опасеніе польскихъ эмигрантовъ, выразившіяся въ главныхъ ихъ органахъ «Journal des Débats» и «Neue Freie Presse», и опять, по странному стеченію обстоятельствъ, эти злобныя нареканія на-

шли отголосокъ и въ русскомъ обществѣ. Такимъ образомъ, онъ служилъ во всю свою жизнь предметомъ, на которомъ вымещали свои печали и убытки люди, пострадавшіе отъ современныхъ событій или недовольные ходомъ нашей внутренней и внѣшней политики, и они избирали его цѣлью своихъ нападокъ тѣмъ охотнѣе и удобнѣе, что при этомъ не компрометировали себя передъ другими начальствами, а напротивъ, пробрѣтали славу преданныхъ и благонамѣренныхъ людей.

Но мы выше сказали и повторяемъ, что Черкасскій былъ отчасти самъ виноватъ въ этомъ раздраженіи многихъ противъ его крутаго образа дѣйствій, и что именно поэтому онъ и навлекъ на себя больше всѣхъ бурю негодованій, возбужденныхъ общими мѣропріятіями. — Князь В. А. Черкасскій отличался вообще тѣми качествами и пороками, которые свойственны людямъ дѣла, людямъ, призваннымъ судьбой измѣнять и исправлять закоренѣлый строй современныхъ имъ обществъ. Эти люди, вообще при прекрасныхъ, даже мягкихъ, свойствахъ сердца въ домашнемъ и семейномъ быту, бываютъ обыкновенно, за весьма рѣдкими исключеніями, жестки и рѣзки въ общественныхъ и служебныхъ своихъ отношеніяхъ; они внушаютъ поэтому мало привязанности и любви, возбуждаютъ противъ себя не только прямыхъ своихъ противниковъ, но и многихъ единомышленниковъ, оскорбленныхъ ихъ упорствомъ и рѣзкостью, и вообще не пользуются популярностію между своими современниками, покуда не преодолѣли всѣ препятствія и вражды. Но для такихъ трудныхъ задачъ, какія рѣшались въ наше время въ Россіи или во времена Штейновъ въ Пруссіи, нужны въ главныхъ дѣятеляхъ, кромѣ привѣтливости, обходительности, еще и другія качества: твердыя убѣжденія, сила характера, обширныя познанія, свѣтлый умъ. Этимъ всѣмъ обладалъ Черкасскій и въ такой мѣрѣ, какая рѣдко встрѣчается въ нашихъ русскихъ благодушныхъ натурахъ. Онъ глубоко вѣрилъ въ здравый смыслъ и силу русскаго народа и находилъ въ немъ задатки будущаго лучшаго общественнаго строя. Онъ сознавалъ, что европейскій либерализмъ, своимъ сложнымъ конституціоннымъ механизмомъ, не можетъ быть пересаженъ въ Россію, какъ декоративное растеніе безъ корней, и когда довѣріе Монарха призывало его на службу, онъ трудился надъ устройствомъ народнаго, обще-

ственнаго, земельнаго быта, надъ основаніями, а не вѣнцомъ зданія.

Труды подобнаго рода вообще неблагодарны, они нарушаютъ, хотя бы и временно, столько частныхъ интересовъ, требуютъ для исполненія такой непреклонности, что люди, дѣйствующіе на такомъ поприщѣ, не могутъ избѣгнуть большихъ непріятностей и столкновеній. Они очень часто исчезаютъ, не довершивъ начатаго дѣла, которое временно переходитъ въ другія руки, чуждыя всякому дѣлу и противныя всякимъ начинаніямъ, какъ это было въ Пруссіи послѣ смерти Штейна; но случается также, хотя и не всегда, что сѣмена, посѣянныя первыми сѣвцами, всходятъ много лѣтъ послѣ того, какъ сѣятели сошли въ могилу, и когда мы на панихидѣ Черкасскаго услышали молитву: «сотвори ему вѣчную память», мы подумали—да, память имъ будетъ вѣчная, историческая, тѣмъ русскимъ людямъ, которые служили дѣлу освобожденія народа въ Россіи, Польшѣ и Болгаріи.

Пройдутъ годы, умолкнутъ волненія личныхъ страстей, новыя поколѣнія не будутъ знать и именъ многихъ видныхъ людей нашего времени—а они, сотрудники освобожденія, будутъ жить въ народной памяти, какъ и то животворное дѣло, которому они положили начало.

(„Новое Время“ № 717, 25-го февраля 1878 г.).

IV.

Андрей Парфеновичъ Заблоцкій-Десятовскій.

† 24 декабря 1881 г.

27-го декабря 1881 г., въ день погребенія А. П. Заблоцкаго, въ газетѣ «Порядокъ» (№ 356) явился некрологъ покойнаго, написанный его другомъ, всѣми уважаемымъ профессоромъ К. Д. Кавелинымъ. Приводимъ его почти вполнѣ:

«Съ Заблоцкимъ сошелъ въ могилу еще одинъ изъ тѣхъ русскихъ дѣятелей, которые исподоволь подготовляли въ правительственныхъ сферахъ отмѣну крѣпостнаго права и, когда дѣло созрѣло, приложили къ нему свои руки. Вездѣ такое лицо пользовалось бы громкою извѣстностью въ цѣлой странѣ; у насъ А. П. Заблоцкаго всѣ хорошо знали только въ административной средѣ и въ литературныхъ и ученыхъ, преимущественно петербургскихъ, кружкахъ. Жизнь его про-

пла за письменнымъ столомъ у себя, въ кабинетѣ, или въ канцеляріи, за книгой, да въ командировкахъ по дѣламъ службы по Россіи и заграницу. Оттого одни посвященные въ тайны нашей бюрократіи и близко стоящіе къ образованному петербургскому обществу, могутъ знать, понимать и цѣнить заслуги этого, въ высокой степени замѣчательнаго, человѣка.

«А. П. Заблоцкій-Десятовскій происходилъ изъ небогатой дворянской семьи. Отецъ его владѣлъ хуторомъ Напрасновкой въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи. Здѣсь Андрей Парфеновичъ и родился. Воспитывался онъ сначала въ новгородъ-сѣверской гимназіи, потомъ въ московскомъ университетѣ по физико-математическому факультету; въ 1827 году окончилъ курсъ со степенью кандидата и золотой медалью, а въ 1832 году удостоенъ степени магистра физико-математическихъ наукъ. Въ томъ же году онъ поступилъ на службу въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ провелъ бо́льшую часть своей жизни и службы и Н. А. Милютинъ. Пять лѣтъ спустя, въ 1837 году, покойный переведенъ въ V отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи, а въ слѣдующемъ году—въ министерство государственныхъ имуществъ, въ которомъ и пробылъ слишкомъ двадцать лѣтъ. А. П. Заблоцкій былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ лицъ къ графу Киселеву, повѣреннымъ его задушевныхъ думъ и плановъ, и остался съ нимъ въ тѣсныхъ связяхъ по самую его смерть.

Теперь ни для кого не тайна, что учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ было какъ бы прологомъ къ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Поборники его, которые тогда густыми рядами окружали престолъ и наполняли собою ряды высшей администраціи, знали это, и потому относились крайне недоброжелательно къ графу Киселеву, его министерству и главнѣйшимъ его сотрудникамъ, между которыми особенно выдавался А. П. Заблоцкій своимъ умомъ, обширными познаніями, талантомъ, трудолюбіемъ и искреннею приверженностью идеѣ освобожденія крестьянъ. Крѣпостники не могли простить Заблоцкому, что въ 1841 году онъ былъ посланъ во внутреннія губерніи для изслѣдованія положенія крѣпостныхъ крестьянъ и возвратился изъ этой поѣздки съ запиской, представлявшей цѣлый обвинительный актъ противъ отжившихъ свой вѣкъ крѣпостныхъ отношеній. Въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ 1846 или 1847, покойный нанесъ изслѣдованіями своими о колебаніи цѣнъ на хлѣбъ, напечатанными въ «Отечественныхъ Запискахъ», новый сильный ударъ крѣпостному праву съ экономической стороны. Не трудно понять, сколько нерасположенія съ разныхъ сторонъ должно было накопиться на голову А. П. Заблоцкаго. Политическіе враги не пренебрегали ничѣмъ, чтобъ

вредить ему, хотя бы въ мелочахъ. Всѣ помнятъ, какъ покойный свѣтлѣйшій князь Меншиковъ снизошелъ до агитаціи противъ избранія Заблоцкаго въ члены англійскаго клуба, въ чемъ и успѣлъ. Позднѣе, въ 1859 году, бывшій министръ государственныхъ имуществъ, графъ М. Н. Муравьевъ, далеко не раздѣлявшій взглядовъ графа Киселева, закрылъ цѣлый департаментъ, которымъ управлялъ А. П. Заблоцкій, чтобъ оставить его не у дѣлъ; но тогда изъ этого маневра вышло совсѣмъ не то, чего ожидалъ графъ Муравьевъ. Ставшій ненужнымъ по министерству государственныхъ имуществъ, Заблоцкій оказался весьма нужнымъ въ канцеляріи государственнаго совѣта, и былъ назначенъ статсъ-секретаремъ въ департаментѣ экономіи. Здѣсь для дѣятельности покойнаго открылось широкое поле. Онъ принялъ участіе въ законодательныхъ работахъ по освобожденію крестьянъ, которому служилъ всю свою жизнь. Но самымъ выдающимся дѣломъ и заслугой его, за этотъ періодъ его дѣятельности, была отмѣна питейныхъ откуповъ и замѣна ихъ акцизнымъ сборомъ. А. П. Заблоцкій былъ душою этой законодательной реформы, одной изъ важнѣйшихъ минувшаго царствованія, провелъ ее, не смотря на сильнѣйшее противодѣйствіе съ разныхъ сторонъ, и много содѣйствовалъ тому, чтобъ приведеніе ея въ исполненіе попало въ надежныя и вѣрныя руки К. К. Грота. Это еще умножило явныхъ и тайныхъ недоброжелателей покойнаго, пополнивъ ихъ не одними откупщиками.

Упраздненіе питейныхъ откуповъ было послѣднимъ выдающимся, крупнымъ дѣломъ въ служебной дѣятельности А. П. Заблоцкаго. Наступили другія времена, выступили на сцену другіе люди, враждебные совершившимся преобразованіямъ и тѣмъ, кто ихъ проводилъ. Послѣдніе были устранены и лишены возможности дѣйствовать. Въ маѣ мѣсяцѣ 1867 года, Заблоцкій былъ сданъ въ комитетъ финансовъ, гдѣ его замѣчательные государственные способности и таланты чахли въ бездѣйствіи въ продолженіе восьми лѣтъ. За шесть лѣтъ передъ тѣмъ, точно такимъ же образомъ, былъ сданъ въ московскій сенатъ Н. А. Милютинъ, котораго извлекли оттуда лишь чрезвычайныя событія въ Польшѣ. Уже на склонѣ дней, шестидесяти-семилѣтній Заблоцкій назначенъ (1875) членомъ государственнаго совѣта. Это званіе было для него лично весьма почетнымъ оффиціальнымъ опроверженіемъ тѣхъ клеветъ, которыя на него взводились за его блестящую административную дѣятельность и за участіе въ преобразованіяхъ минувшаго царствованія; но силы, послѣ долгаго бездѣйствія, были уже не тѣ; не было, да и не могло быть, и прежней бодрости духа. Къ тому же, не происходило ничего такого, что бы ее подстрекало и поддерживало.

Мы коснулись только самыхъ выдающихся сторонъ жизни и дѣя-

тельности покойнаго. Разсказать всю его трудовую, многополезную жизнь въ нѣсколькихъ словахъ, посвященныхъ его дорогой памяти, нѣтъ возможности. За время продолжительной его службы не возникало въ нашей администраціи почти ни одного экономическаго, финансоваго или промышленнаго вопроса или проекта, къ обсужденію и разработкѣ котораго онъ не былъ бы привлеченъ и не приложилъ своихъ рукъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ, подъ его редакціей издавались журналы министерствъ: внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Вмѣстѣ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, онъ издавалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (1845—1847) «Сельское Чтеніе», выдержавшее нѣсколько изданій. Въ 1833 году, положилъ первое основаніе статистическимъ изслѣдованіямъ С.-Петербурга, въ книжкѣ, изданной подъ названіемъ: «Статистическое обозрѣніе С.-Петербурга». Подъ его руководствомъ велись многіе годы статистическія работы и изслѣдованія въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и въ географическомъ обществѣ. За всѣмъ тѣмъ, онъ еще находилъ время и для другихъ занятій. Покойный былъ, въ 1859 году, однимъ изъ основателей общества литературнаго фонда, составилъ уставъ этого общества, вмѣстѣ съ однимъ его членомъ, и нѣсколько лѣтъ былъ предсѣдателемъ общества.

Плодомъ командировки его за-границу, въ 1869 году, для изученія системы устройства сбора прямыхъ налоговъ, было превосходное сочиненіе о финансахъ Пруссіи. Въ 1869 году, А. П. Заблоцкій былъ однимъ изъ учредителей общества вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ Андреевскаго собора на Васильевскомъ островѣ, предсѣдательствовалъ въ немъ и велъ его дѣла съ самаго основанія общества до своей кончины.

А. П. Заблоцкій принадлежалъ, по своему рожденію, складу ума и характера, къ малороссійскому племени, внесшему такой богатый вкладъ несравненныхъ талантовъ во всѣ стороны русской жизни. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ, какіе намъ удавалось встрѣчать—тонкій, въ высокой степени объективный, какъ у бо́льшей части нашихъ выдающихся южанъ,—ясный и трезвый до нѣкоторой сухости. Но сердце у него совсѣмъ не было сухое. Его немногіе, близкіе друзья знаютъ это по собственному опыту. Онъ умѣлъ любить глубоко, выдержанно, всю жизнь, и былъ трогателенъ своею привязанностью. Для бѣдныхъ, страдающихъ, несчастныхъ, особливо изъ простого люда, сердце его было всегда широко раскрыто.

Когда человѣкъ умираетъ, проживъ семьдесятъ слишкомъ лѣтъ, нѣтъ мѣста сожалѣніямъ о надеждахъ, которыя онъ унесъ съ собою, о трудахъ, которые онъ могъ-бы еще совершить. Но передъ гробомъ А. П. Заблоцкаго невольно шевелится въ душѣ другая, горькая мысль:

отчего родина далеко не вполнѣ воспользовалась всѣмъ тѣмъ, что могли ей принести его высокіе таланты, обширныя знанія, опытность и неутомимое трудолюбіе? Или мы, подобно Петру Великому, такъ богаты силами, что не знаемъ—куда ихъ дѣвать? Жатва велика, а жнецовъ что-то не видно.

Пожелаемъ дорогой родинѣ побольше такихъ дѣятелей, какимъ былъ А. П. Заблоцкій, но пожелаемъ также, чтобъ для ихъ талантовъ и дѣятельности былъ болѣе широкій просторъ и сложились болѣе благопріятныя условія. Теперь уходятъ уже послѣдніе изъ плеяды государственныхъ дѣятелей, открывшихъ дверь въ будущую Россію...

По прежнему все пусто... Здравствуй племя,
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій, поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь...

К. Д. Кавелинъ.

27-го декабря 1881 г.

Примѣчаніе. Въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., книга февраль, посвящена памяти А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго большая статья (стр. 533—560); въ нее вошло, между прочимъ, описаніе того чествованія въ С.-Петербургской Городской Думѣ, которымъ удостоилась память этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля. Ред.

IV.

Замѣтки С. И. Зарудnаго по поводу очерка „19-ое февраля".

По напечатаніи уже первыхъ листовъ настоящаго очерка Сергій Ивановичъ Зарудный сообщилъ, въ письмѣ къ ред. «Русской Старины» М. И. Семевскому, отъ 22-го февраля 1884 г., нѣсколько интересныхъ бѣглыхъ замѣтокъ о тѣхъ мѣстахъ очерка, которыя касаются собственно его, г. Зарудnаго, и коммисіи, къ коей онъ принадлежалъ.

Сюда относятся:

1) Рѣчь П. П. Семенова о князѣ В. А. Черкасскомъ.

2) Рѣчь К. Д. Кавелина о ходѣ крестьянскаго вопроса, и

3) Списокъ членовъ редакціонныхъ коммисій по составленію Положенія 19-го февраля 1861 г.

Вотъ замѣтки Сергія Ивановича Зарудnаго:

1) Относительно рѣчи П. П. Семенова о кн. В. А. Черкасскомъ въ очеркѣ сказано, что «положено было напечатать эту рѣчь, выключивъ, можетъ быть, то, что касается до личнаго его характера»,

Это положеніе состоялось именно вслѣдствіе моего возраженія противъ рѣчи П. П. Семенова.

Многоуважаемый Петръ Петровичъ прочелъ намъ прекрасную рѣчь, но такъ увлекся личностью кн. Черкасскаго, что, преувеличивая, по моему мнѣнію, его заслуги, считалъ возможнымъ держать насъ за обѣдомъ цѣлый часъ и читать похвальбы подвигамъ кн. В. А. Черкасскаго, и дурнымъ, и хорошимъ; онъ, кажется, ничего не пропустилъ, коснулся личнаго характера кн. Владиміра Александровича и, между прочимъ, упомянулъ даже о дурномъ его обращеніи въ Болгаріи съ сестрами милосердія, оправдывая это личнымъ характеромъ кн. Черкасскаго и его безпримѣрнымъ патріотизмомъ. Эта часть рѣчи г. Семенова обратила особенное мое вниманіе; вотъ почему я сейчасъ же замѣтилъ, что «мы собираемся здѣсь для того, чтобъ вспоминать о томъ событіи, отъ котораго зависитъ благоденствіе Россіи, а вовсе не для того, чтобы самихъ себя восхвалять и даже по смерти кого-либо изъ насъ хвалить то, что въ насъ, безъ всякаго сомнѣнія, дурно. Поступая такимъ образомъ, мы можемъ только возстановить противъ себя общественное мнѣніе».

Мое замѣчаніе возбудило неудовольствіе нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ за обѣдомъ. Мнѣ стали говорить: что вы хотите сказать? мы васъ не понимаемъ? Тогда я всталъ и сказалъ: «дайте мнѣ яду: я хочу, чтобы завтра же всѣ мои недостатки обратились въ мои достоинства!»

Эта шутка грозила вызвать длинные разговоры,—но нашъ покойный старшина многоуважаемый Андрей Парфеновичъ Заблоцкій-Десятовскій съумѣлъ это предупредить. Онъ сказалъ: «С. И. Зарудный говорилъ о благоденствіи Россіи: мы всѣ этому сочувствуемъ; провозглашаю тостъ за благоденствіе Россіи. Всѣ недоразумѣнія окончены». Вслѣдствіе этой находчивости Андрея Парфеновича обѣдъ кончился безъ дальнѣйшихъ пререканій.

Мое замѣчаніе объ общественномъ мнѣніи отнесено въ очеркѣ «19-ое февраля» къ кн. В. А. Черкасскому, между тѣмъ какъ я его относилъ къ намъ, т. е. къ членамъ редакціонной коммисіи.

2) Рѣчь К. Д. Кавелина.

Многоуважаемый Константинъ Дмитріевичъ сказалъ намъ 19 февраля 1881 г. прекрасную, но весьма тягостную рѣчь о ходѣ крестьянскаго дѣла: онъ обвинялъ всѣхъ исполнителей крестьянской реформы въ томъ, что они ровно ничего не сдѣлали въ исполненіи задачи законодателя,—значитъ обвинялъ и всѣхъ насъ, сидѣвшихъ за обѣдомъ. Эта рѣчь выше напечатана и потому всякій можетъ понять, былъ-ли я правъ, выразивъ о ней свое посильное мнѣніе, а отнюдь не энер-

гическое опроверженіе, какъ сказано въ очеркѣ. Вотъ мои слова, на сколько я теперь ихъ припоминаю: «рѣчь Константина Дмитріевича произвела на меня самое тяжелое впечатлѣніе,—онъ говорилъ такъ много дурного объ исполнителяхъ крестьянскаго преобразованія, къ числу коихъ мы не можемъ себя не причислять, что намъ остается только пожелать скорѣе добраться до той станціи, откуда никуда уже нельзя будетъ уѣхать; онъ такъ много хорошаго говорилъ о печати, что мнѣ кажется, будто я напрасно обзывалъ нѣкоторыя газетныя статейки порнографическими».

Еще замѣчу относительно обѣда 19-го февраля 1871 г. (см. выше): мнѣ очень жаль, что сказанное на этомъ обѣдѣ слово И. С. Тургенева не прописано съ бо́льшею подробностью. Это было бы очень важно; къ сожалѣнію, въ рукописномъ сборникѣ подлинныхъ матеріаловъ къ настоящему очерку, не изложена, хотя бы въ самомъ сжатомъ видѣ, сущность этой рѣчи. Между тѣмъ это было бы драгоцѣнное пріобрѣтеніе для нашей литературы.

Наконецъ считаю необходимымъ сказать здѣсь, что мнѣ показалось, будто мое краткое слово о Тургеневѣ за послѣднимъ обѣдомъ не было всѣми понято въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно было сказано.

Я хотѣлъ сказать и, кажется, сказалъ примѣрно слѣдующее:

— «Мы не можемъ за нашимъ обычнымъ обѣдомъ въ память крестьянской реформы не почтить съ особеннымъ уваженіемъ драгоцѣнное имя Ивана Сергѣевича, который, во всякомъ случаѣ, весьма много содѣйствовалъ правильному воззрѣнію на вопросъ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи; но, не желая много говорить о мертвыхъ, я перейду къ живымъ и провозглашаю тостъ за тѣхъ изъ насъ, кто, по моему мнѣнію, сдѣлалъ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ столько же, если не болѣе, чѣмъ Тургеневъ. Я ихъ не назову; они здѣсь; вы ихъ знаете».

Ясно было, что я провозгласилъ тостъ въ честь К. Д. Кавелина и А. И. Скребицкаго и я думалъ, что этимъ я даже возвышаю память о Тургеневѣ, какъ о работникѣ по крестьянскому дѣлу. Но кажется, я не достаточно разъяснилъ свою мысль; за то, къ моей великой радости, вы, Михаилъ Ивановичъ, вслѣдъ за мною, разъяснили ее гораздо лучше.

Сергій Зарудный.

22-го февраля 1884 года
С.-Петербургъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1884 г.

ТОМЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

стр.

I. Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ, 1858—1859 гг. Глава восьмая. 241—276; 575—608

II. Виленскіе очерки. Воспоминанія очевидца. 1863—1865 гг. (Окончаніе). . . . . 15—60

III. Въ Прибалтійскомъ краѣ. Изъ записокъ русскаго чиновника. 1856—1876 гг. (Окончаніе). . . . . 1—14

IV. Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг. Записки Мих. Ив. Пущина. Сообщ. декабристъ бар. А. Е. Розенъ. . . . . 303—338

V. Морской кадетскій корпусъ. Изъ воспоминаній Николая Алексан. Энгельгардта. 1822—29 гг. . 375—380

VI. Новгородскій кадетскій корпусъ: его открытіе и первые годы. Пятидесятилѣтній юбилей Новгородскаго, что нынѣ Нижегородскій графа Аракчеева, кадетскаго корпуса. 1834—1884 гг. Очеркъ П. П. Карцова. . 519—544

VII. Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ воспоминаніяхъ одного изъ ея воспитанниковъ, 1845—1849 гг. . . . . 203—216; 441—454

стр.

VIII. Записки барона Николая Александровича Корфа. Гл. I—IV. Съ предисловіемъ О. А. . . . . 547—574

IX. Павелъ Васильевичъ Чичаговъ. Записки о событіяхъ его жизни. Сообщ. Л. М. Чичаговъ. (См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., т. XXXVIII, стр. 487—506).

Замѣтка по поводу этой статьи: „Седморацкій“. Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій 459

Изслѣдованія, историческіе и біографическіе очерки.

I. Иванъ Ѳедоровъ, Московскій первопечатникъ. Пребываніе его во Львовѣ. 1573—1583 гг. Очеркъ по архивнымъ матеріаламъ. Сообщ. изъ гор. Львова, что въ Галиціи, С. Л. Пташицкій . . . . . 461—478

II. Земскій и Затрапезные, представители именитыхъ купеческихъ фамилій въ XVIII вѣкѣ. (Письмо къ Редактору „Русской Старины“, М. И. Семевскому). Сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. . 217—218

III. Императрица Елисавета Алексѣевна, род. 13-го янв. 1779 г., † 4-го мая 1826 г. Очеркъ графа Сергѣя Семеновича Уварова . . . . . 225—236

IV. Графъ Каподистрія и графъ К. В. Несельродъ, 1820—1821 гг. Сообщ. графъ Д. К. Несельродъ . 219—223

V. Настасья Ѳедоровна Минкина, домоправительница графа Аракчеева, характеристическій очеркъ, съ ея портретомъ, снимокъ съ принадлежащаго графу А. А. Аракчееву и сообщ. В. Д. Философовымъ. 479—518 и 668

VI. Крестьянское дѣло въ Главномъ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, 1861—1882 гг. . . 277—287

VII. Къ собранію портретовъ главныхъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ, 1857—1861 гг. 288

VIII. Вредныя секты. Очерки уральскаго сектантства по официальнымъ даннымъ. Сообщ. А. Пругавинъ. 437—446

Переписка, разсказы, матеріалы, замѣтки.

Царствованіе Павла I.

стр.

I. Императоръ Павелъ Петровичъ и его время. 1798 — 1801 гг. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій . . . . . 371—374

II. Петербургская старина. Новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1799 г. . . . 363—370; 619—626

Царствованіе Александра I.

I. Разсказы князя Александра Николаевича Голицына: Александръ I и его время. Записаны Ю. Н. Бартеневымъ. Сообщ. графъ П. А. Валуевъ. . . . . 123—134

II. Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ. 1816—1821 гг. Сообщилъ баронъ А. Е. Розенъ. . . . . 61—70

III. Печатное дѣло въ Спб. въ 1802—1811 гг. Сообщ. Г. С. 458—459

Царствованіе Николая I.

I. Война съ польскими мятежниками 1831 года въ перепискѣ императора Николая I-го съ графомъ Дибичемъ. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. Гл. I—XIV. . . . 93—122; 381—400

II. Константинъ Владиміровичъ Чевкинъ о запискахъ Д. В. Давыдова, о польскомъ возстаніи 1830—1831 гг. Замѣтка К. В. Чевкина, 1875 г., для ред. «Русской Старины». 160

III. Императоръ Николай въ Геленджикѣ, 1837 г. Сообщ. А. Зиссерманъ 458

IV. Посѣщеніе императоромъ Николаемъ I исправительнаго заведенія въ 1842 г. 60

V. Императоръ Николай Павловичъ и его время. 1831 — 1849 гг.: I. Письмо прусскаго генер. Мюфлинга къ ген.-ад. Нейдгардту по поводу польскаго возстанія, 1831 г.— II. Изъ исторіи священнаго союза, 1832 г.—III. Князь М. Д. Горчаковъ въ Брюнѣ на австрійскихъ маневрахъ, 1834 г.—IV. Всеподд. записка князя Паскевича, 1844 г.—

стр.

V. Письмо князя Варшавскаго императору Николаю о возмущеніи поляковъ въ Краковѣ, 1846 г.—VI. Записка Николая I по поводу возстанія въ Краковѣ, 1846 г.—VII. Указъ императора Николая I отъ 19 марта 1848 г. по случаю мятежа въ сопредѣльныхъ Россіи польскихъ провинціяхъ, принадлежащихъ Австріи и Пруссіи. — VIII. Высочайшій указъ военному министру графу Александру Ивановичу Чернышеву, 1849 г. . . . . 135—159

Царствованія Александра II и Александра III.

I. Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ: записка его о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи и о слѣдующихъ изъ того общихъ распоряженіяхъ для обороны Россіи со стороны Царства Польскаго, съ замѣтками императора Александра II-го, 7 (19) декабря 1860 г. . . . . 407—412

II. Владиславъ Христіановичъ Граве, 1847—1850 гг.: письма къ нему Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Сообщ. А. К. Мартосъ. . . . . 161—162

III. Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ. Письмо къ А. О. Россети . 440

IV. Судебный эпизодъ изъ Остзейскаго края. Дѣло наслѣдниковъ мѣщ. Ѳедосѣева, 1849—1883 гг. Сообщ. А. Ч. 401—406

V. Храмъ Воскресенія Христова въ С.-Петербургѣ на мѣстѣ страшнаго событія 1-го марта 1881 г. . 237—238; 665—666

VI. 19-ое февраля. Чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положеній 19-го февраля 1861 г. и бывшими непосредственными его примѣнителями. 669—732

I. Екатерингофъ. Сообщ. И. П. Божеряновъ . . . 627—629

II. Генералъ Дитятинъ. Матеріалъ къ его біографіи. Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ . . . . . 667—668

III. О возобновленіи памятника на общей могилѣ кабинетъ-министра Артемія Волынскаго и его страстотерпцевъ Еропкина и Хрущова, † 27-го іюня 1740 г. . . 224, 460 и 666

Исторія русской литературы.

стр.

I. Александръ Петровичъ Сумароковъ. Современная его характеристика, май 1769 г. Сообщ. профессоръ Н. С. Тихонравовъ . . . . . 609—618

II. Дневникъ Вильгельма Карловича Кюхельбекера. 1831—1845 гг. Гл. VII: въ крѣпости Свеаборгъ. 71—82; 339—362

III. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:

1. Рукописи Александра Сергѣевича Пушкина, хранящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ. Сообщ. В. Е. Якушкинъ . . . . . 413—436; 647—662

2. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Три неизданныя его четверостишія. Сообщ. академикъ Я. К. Гротъ. 663—664

3. О портретѣ А. С. Пушкина, писанномъ акварелью съ натуры П. Ѳ. Соколовымъ въ 1836 году; снимокъ хромолитографическій Н. К. Брезе 664

IV. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ:

1. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ въ дѣйствующемъ отрядѣ генерала Галафѣева, во время экспедиціи въ Малую Чечню въ 1840 г. Сообщ. проф. Пав. А. Висковатовъ 83—92

2. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, вновь найденный и впервые изданный его портретъ 1840 г. Сообщ. профес. Пав. А. Висковатовъ . . . . . 239—240

3. Открытіе Лермонтовскаго Музея 18-го декабря 1883 г. 240

V. Николай Васильевичъ Гоголь въ неизданныхъ его письмахъ къ Аркадію Осиповичу Россети, 1843—1847 гг. Сообщ. П. И. Миллеръ. . . . . 163—172

VI. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Письма къ А. О. Россети, 1855 г. . . . . 437—440

VII. Николай Герасимовичъ Помяловскій. Род. 1835 г., † 5 окт. 1863 г.: письма къ Я. П. Полонскому, 1862 г. 199—202

VIII. Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой:

1. Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой въ письмахъ къ Якову Петровичу Полонскому, 1868 и 1871 гг. 195—198

Поправка къ этой статьѣ. 460

стр.

2. Поправки къ шуткѣ-поэмѣ гр. А. К. Толстого: «Русская исторія отъ Гостомысла» (см. «Русскую Старину» изд. 1883 г., т. XL, ноябрь, стр. 481—496). Сообщ. С. Ус. 198

IX. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ:

1. Ив. Серг. Тургеневъ въ полицейской части. 1852 г. 173—174

2. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ въ запискахъ и письмахъ къ М. А. и Н. А. Милютинымъ, 1867—1875 гг. Сообщ. М. А. Стиль-Милютина . . . . . 175—194

I. Севастопольская пѣсня. Бой на Ѳедюхиныхъ высотахъ 4-го августа 1855 г. Сообщ. одинъ изъ участниковъ въ составленіи Севастопольской пѣсни . . . . . 455—457

Исторія художествъ.

I. Иванъ Ивановичъ Ползуновъ:

1. Иванъ Ивановичъ Ползуновъ, изобрѣтатель первой въ Европѣ паровой машины въ 1764—1766 гг. Матеріалы къ его біографіи. Гл. III—XI. Сообщ. А. Н. Воейковъ. 289—300

2. Иванъ Ивановичъ Ползуновъ, † 16 мая 1766 г. Сообщ. О. Ѳ. Николаи . . . . . 301—302

II. Художникъ Ив. Ив. Теребеневъ, 1780—1815 гг. Скульпторъ и каррикат. 1812 г. Сообщ. И. Н. Божеряновъ. 630—636

III. Мих. Ив. Глинка и Вас. Андреев. Жуковскій. (Изъ альбома «Русской Старины» автографовъ русскихъ общественныхъ дѣятелей. Томъ II, стр. 46). Сообщ. Л. И. Шестакова, рожден. Глинка. 194

Портреты.

I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг. Рисунокъ составилъ проф. Ад. Іосиф. Шарлеманъ, рисовалъ К. О. Брожъ, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ. (Заглавная виньетка).

II. Портретъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, † 4-го мая 1826 г., геліографическій снимокъ, исполненный Экспедиціей загот. гос. бумагъ съ гравюры Клаубера 1798 г.

(См. стр. 1).

III Портретъ Александра Сергѣевича Пушкина, точный снимокъ съ акварельнаго портрета, писаннаго съ натуры въ 1836 г. П. Ѳ. Соколовымъ († 1848 г.). Снимокъ исполненъ въ хромолитографіи художн. Н. К. Брезе.

(См. стр. 664).

IV. Портретъ Михаила Юрьевича Лермонтова, вновь найденный и впервые изданный, рисов. съ натуры бар. Паленъ, гравир. художн. Ив. Ив. Матюшинъ.

(См. стр. 88).

V. Портретъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича,—геліогравюра, исполнена художникомъ г. Скамони въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, съ фотографіи, исполненной тамъ же, съ натуры, въ 1876 г.

(См. стр. 241).

VI. Портретъ Настасьи Ѳедоровны Минкиной, гравюра художн. И. И. Матюшина съ живописнаго портрета домоправительницы гр. Аракчеева, сообщ. В. Д. Философовъ.

(См. стр. 668).

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. 1783—1883. В. А. Жуковскій. Чествованіе его памяти въ С.-Петербургѣ 29 и 30 января 1883 г. Изд. Н. И. Стояновскаго. Спб. 1883, въ 8 д., 84 стр. (На оберткѣ 1-й кн. „Русской Старины“ 1884 г.).
2. Лермонтовскій музей Николаевскаго Кавалерійскаго училища. 1883 г. Сост. А. А. Бильдерлингъ. Въ б. 8 д., стр. 82, съ прил. 7 фототипій и 2 автографовъ. (Тамъ-же).
3. Сочиненія Павла Якушкина, съ портретомъ автора, его біографіей—очеркъ С. В. Максимова—и товарищескими о немъ воспоминаніями: П. Д. Боборыкина, П. И. Вейнберга, И. Ѳ. Горбунова, А. Ф. Иванова, Н. С. Курочкина, Н. А. Лейкина, Н. С. Лѣскова, Д. Д. Минаева, В. Н. Никитина, В. О. Португалова и С. П. Турбина. Изд. Вл. Ос. Михневича. Спб., въ 8 д., стр. 114+710. (Тамъ-же).
4. Описаніе рукописей Виленской публичной библіотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ. Составилъ Д. Добрянскій. Вильна. 1882. 533 стр. (Тамъ-же).
5. Историческіе дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ. Вып. I. Составили профес. унив. св. Владиміра В. Б. Антоновичъ и В. А. Бецъ по коллекціи В. В. Тарновскаго. К. 1883 г. (На оберткѣ 2-й кн. „Русской Старины“ 1884 г.).

6. Письма Сопикова къ К. Ѳ. Калайдовичу. Сообщилъ И. Шляпкинъ. Спб. 1883. (Тамъ-же).
7. Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу, съ поясненіями С. И. Пономарева. Спб. 1882. (Тамъ же).
8. Сборникъ свѣдѣній о Подольской губерніи. Изданіе мѣстнаго статистическаго комитета. Каменецъ-Подольскъ. 1880. Вып. I. 214 стр. съ картою губерніи. Вып. II. 1882. 152 стр. (Тамъ-же).
9. Домострой по списку импер. общ. исторіи и древностей россійскихъ. М. 1882. (Тамъ же).
10. Преображенское или Преображенскъ, московская столица достославныхъ преобразованій перваго императора Петра Великаго. Соч. Ив. Е. Забѣлина. М. 1883 г., въ 8 д, стр. 54. (Тамъ-же).
11. Витебская Старина. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ 1883, 668 стр. (На оберткѣ 3-й кн. „Русской Старины" 1884 г.).
12. Сборникъ московскаго главнаго архива мин. иностр. дѣлъ. Вып. 3 и 4. 484+CCXIX+XI. М. 1883. (Тамъ же).
13. Посошковъ и его сочиненія. Обзоръ сочиненій Посошкова (изданныхъ и не изданныхъ) со стороны ихъ религіознаго характера и историко-литературнаго значенія. Алексѣя Царевскаго. М. 1883. 274. (Тамъ же).

ова Миллера, Н. Н. Бантыша-Каменскаго, А. Ѳ. Малиновскаго, библіотека кн. Оболенскаго, Муханова, бар. Бюлера и мн. др. Библіотека владѣетъ какъ коллекціей замѣчательныхъ славянскихъ рукописей, такъ и весьма важнымъ собраніемъ документовъ. Въ концѣ этого очерка приложено нѣсколько матеріаловъ, относящихся къ исторіи книжнаго дѣла въ Россіи въ XVII вѣкѣ.

Посошковъ и его сочиненія. Обзоръ сочиненій Посошкова (изданныхъ и неизданныхъ) со стороны ихъ религіознаго характера и историко-литературнаго значенія. Алексѣя Царевскаго. М. 1883. 8°. Ц. 2 р.

Послѣ обстоятельнаго изслѣдованія проф. Брикнера о Посошковѣ и его сочиненіяхъ («Журн. мин. нар. просв.», «Рус. Вѣст.» и нѣмец. изданіе), трудъ г. Царевскаго является лишь дополненіемъ къ нему. Главнымъ образомъ онъ сосредоточивается на тѣхъ мнѣніяхъ и сочиненіяхъ «русскаго политика-самоучки», которыя посвящены религіознымъ отношеніямъ, возникавшимъ на практикѣ вслѣдствіе наплыва иностранцевъ въ Россіи; религіозной полемикѣ, вызывавшейся внутренними условіями церковной жизни (расколъ); наконецъ вопросу о положеніи духовенства; о авторъ коснулся въ связи съ ними и другихъ воззрѣній писателя: политическихъ и экономическихъ, сложившихся у него болѣе вслѣдствіе практическихъ, нежели теоретическихъ основаній и оттого постоянно перемежающихся между собою.

«Какъ въ его собственной личности, насколько она вырисовывается въ сочиненіяхъ, такъ и въ его произведеніяхъ, религіозность и практичность до послѣдняго слова все проникаютъ и обусловливаютъ» (стр. 57 — 58). Посошковъ какъ нельзя лучше представляетъ въ себѣ переходный моментъ петровской реформы, стоя на рубежѣ двухъ литературныхъ эпохъ въ исторіи русской цивилизаціи, сочетаніе старыхъ, древнерусскихъ понятій съ стремленіями новаго времени (стр. 3). Все это вполнѣ вѣрно. Автору удалось впервые воспользоваться громаднымъ полемическимъ сочиненіемъ Посошкова, только часть котораго (притомъ въ сокращенной редакціи) была извѣстна прежде, а рукописный списокъ болѣе подробной редакціи хранится въ библіотекѣ Каз. дух. академіи (стр. 102). Оно озаглавлено «Зерцало очевидное» и послужило главнымъ матеріаломъ для двухъ большихъ главъ разсматриваемаго изслѣдованія. Напрасно, впрочемъ, утверждаетъ авторъ, что «завѣщаніе отеческое» также осталось не изслѣдованнымъ въ литературѣ. Оно было разсмотрѣно, въ связи съ другими педагогическими сочиненіями (какъ это дѣлаетъ и авторъ) древней Руси въ статьяхъ г. Брикнера, помѣщенныхъ въ «Рус. Вѣст.», которыхъ, кажется, онъ не цитируетъ (ссылаясь лишь на «Журн. м. н. пр.»).

Когда полемическій задоръ закрываетъ истину, поучительно иногда взглянуть на прошлое, которое убѣждаетъ, что тотъ же человѣкъ, который такъ цѣнилъ плоды реформы, при томъ чисто-русскій по убѣжденіямъ и воспитанію, только въ лучшихъ элементахъ страны думалъ найти болѣе прочную ея опору. «Для установленія правды, говоритъ онъ, надлежитъ первѣе состроить судебную палату съ тонкостнымъ расположеніемъ на великія и малыя дѣла, какъ кои рѣшать», для чего «избрать разумныхъ, правдолюбивыхъ и смысленыхъ людей» изъ всѣхъ безъ исключенія сословій, потому что даже и въ Мордвѣ разумные люди есть. Потомъ «освидѣтельствовать тыи новосочиненные пункты всѣмъ народомъ, самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ». «Я знаю, замѣчаетъ Посошковъ, что на это возпещуютъ, якобы азъ народо-совѣтіемъ самодержавную власть снижаю, но самая истинная правда того требуетъ, безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы невозможно». И тутъ же Посошковъ даетъ объясненіе, почему его надежды не осуществимы и почему «народосовѣтіе», ставшее было на ноги, потеряло подъ собою почву. Онъ не вѣрилъ, чтобы «сильные люди» согласились установить правду «дабы не быть самимъ отъ праваго суда потиснутымъ»; онъ высказываетъ опасеніе, что «сильники» постараются даже воспрепятствовать насажденію правды, будутъ «препинати въ сочиненіи праваго изложенія». Слова Посошкова вполнѣ оправдались. (стр. 81—82).

Разсматриваемый трудъ можетъ не только пригодиться какъ матеріалъ для ученаго, но и прочтенъ всякимъ, пожелающимъ ознакомиться съ замѣчательною личностію Посошкова.

В. И.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1884 г.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **двѣнадцать книгъ, четыре** большіе тома, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей,

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостинаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы объ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и пр.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библіографическіе отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе быть русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., **двѣнадцать** книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., **двѣнадцать** книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., **двѣнадцать** книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ портр. и Зап. Порошина, 8 руб.
„Русская Старина“ 1882 г., 12 книгъ, съ 12-тью портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1883 г., 12 книгъ, съ 17 портрет. и рис., 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**

Acme
Bookbinding Co., Inc.
300 Summer Street
Boston, Mass. 02210

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
OCT 6 - 1984
d2789106